РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ седьмой. **МАЙ.** **1876 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записки Михаила Гарновскаго: дворъ императрицы Екатерины II въ 1788 гг. Сообщ. **А. И. Левшинъ** 1

II. Екатерина II и кн. Потемкинъ: подлинная переписка, 1782—1787 гг. 33

III. Домашній памятникъ **Н. Г. Левшина**: воспоминанія 1807 г. 59

IV. Ссылка Сперанскаго въ 1812 г., историческій очеркъ по вновь открытымъ матеріаламъ . . . 73

V. Воспоминанія **Татьяны Петровны Пассекъ**, главы XVIII — XX, 1831—1833 гг. 89

VI. Александръ Николаевичъ **Сѣровъ**: очерки и замѣтки его о музыкѣ. Сообщ. **В. В. Стасовъ**. 132

VII. Моя жизнь и художественно-археологическіе труды. Разсказъ акад. **Ѳ. Г. Солнцева**, глава пятая: 1836—1837 гг. . . . 147

VIII. Изъ эпохи крымской войны: бой на р. Черной, 4-го августа 1855 г. 161

IX. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1) Подметное воззваніе Левенгаупта. 1708 г. Сообщ. **Н. Н. Мурзакевичъ** (172). 2) Манштейны и гр. Головкинъ. Сообщ. кн. **А. В. Лобановъ-Ростовскій** (173). 3) Разсказы кн. П. М. Волконскаго. (176). 4) Разсказъ изъ временъ Павла I. (191). 5) Указъ императора Павла 1801 г. Сообщ. **Ѳ. Н. Кишенскій** (193). 6) Найденышъ, преданіе (194). 7) Замѣтки къ «Родословной книгѣ». Сообщ. **Н. Ѳ. Самаринъ** (200) 8) Посланіе К. Н. Батюшкова къ А. И. Тургеневу, 1816 г. Сообщ. **П. Я. Дашковъ**. (201) 9) Самоубійство Герштенцвейга-отца. 1848 г. (203). 10) М. И. Глинкѣ, акростихъ 1850 г. (204). 11) О портретѣ Екатерины II въ старости. (204). 12) Замѣтка о портретѣ князя П. А. Зубова (206).

X. Библіографическій листокъ новыхъ русск. книгъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: Къ этой книгѣ приложены: I Представители державной власти въ Россіи, заглавная виньетка профессора **Шарлеманя**, гравиров. акад. **Л. А. Сѣряковъ**. II. Портретъ кн. Платона Александр. **Зубова**, гравировалъ на мѣди акад. **И. П. Помалостинъ**, отпечатанъ въ Парижѣ.

Находится въ продажѣ и можно еще получить третье изданіе „Русской Старины“ 1870 г. Цѣна 8 руб. безъ переплета и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ, съ пересылкой.

Продолжается подписка на «Русскую Старину» 1876 г. Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49—2).

1876.

V-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го мая.

Библиотека "Руниверс"

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Исторія русской словесности древней и новой, соч. А. Галахова, вторая половина II-го тома, 1875. Спб., стр. отъ 337 до 472.

Г. Галаховъ еще въ 1863-мъ году издалъ первый, объемистый томъ этого труда, въ 596 страницъ, заключающій въ себѣ древнюю исторію русской словесности до Ломоносова и новую до Карамзина. Второй томъ появился въ прошломъ мѣсяцѣ, т. е. тринадцать лѣтъ спустя по выходѣ перваго тома. Отмѣтивъ этотъ слишкомъ уже продолжительно-кропотливый способъ составленія и изданія книги, необходимость которой настоятельна, мы должны признать, что «Исторія словесности» весьма почтенный трудъ, въ которомъ въ хронологическомъ порядкѣ изложены подробно и оцѣнены вѣрно главнѣйшія произведенія и дѣятели русской словесности, начиная съ X в. до первой четверти XIX в. Къ сожалѣнію, въ ней есть огромные пробѣлы: такъ, въ отдѣлѣ народной словесности авторъ вовсе не упоминаетъ о нашихъ былинахъ и говоритъ о нихъ только нѣсколько словъ, въ примѣчаніяхъ, по поводу сочиненія г. Буслаева. Что же касается до новой словесности, то, издавъ въ 1863 г. первый выпускъ ея, заключающій въ себѣ оцѣнку, весьма обширную, Карамзина и Жуковскаго и весьма краткую Крылова, Батюшкова и др., во второмъ выпускѣ авторъ говоритъ о второстепенныхъ драматургахъ, также о Мерзляковѣ, Воейковѣ, кн. Виземскомъ, о мистической литературѣ — очень подробно и о Грибоѣдовѣ — весьма кратко. Этимъ пока оканчивается исторія новой литературы въ книгѣ А. Д. Галахова.

Мирнуда Селянинович, представитель земли, поэма въ VII пѣсняхъ, соч. А. В. Тимоѳеева, X, 440 и 300 стр., 2 ч., 1876. Спб.

Эпическая поэма, въ двухъ частяхъ и въ двадцать тысячъ стиховъ, появляющаяся въ наше время, представляетъ, безъ сомнѣнія, исключительное явленіе, особенно когда герой поэмы — родоначальникъ и представитель нашего сельскаго міра, земледѣльческаго рода. Авторъ проводитъ, въ своемъ произведеніи, этого полу-бога славянскихъ земледѣльческихъ племенъ, съ его родомъ, черезъ главнѣйшіе этапы его переселенія изъ отчизны аріевъ въ Европу и черезъ извѣстные періоды ихъ общественнаго развитія въ до-историческія времена. Все это, конечно, въ связи съ разными гипотезами и преданіями, даетъ поводъ автору вводить и свои предположенія въ эту легендарную область, гдѣ поэтической фантазіи предоставляется полный просторъ. Надо, однако, сказать, что нѣкоторыя сближенія, кажущіяся съ перваго взгляда странными, находятъ себѣ подкрѣпленіе и оправданіе въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ г. Тимоѳеева, доказывающихъ его обширную начитанность и близкое знакомство со всѣми сочиненіями, касающимися исторіи древней литературы у восточныхъ народовъ и культуры первобытныхъ европейскихъ племенъ, въ особенности славянскихъ. Нѣкоторыя изъ гипотезъ его удачны и правдоподобны, но нельзя не сознаться, что обширность поэмы и объясняющихъ ее примѣчаній не можетъ привлечь къ ней многочисленныхъ читателей.

Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей. Спб., II и 296 стр.

Съ тѣхъ поръ, какъ пастыри душъ нашихъ перестали сами владѣть крѣпостными душами и обширными помѣстьями, доходы ихъ очевидно должны были сократиться, хотя и не настолько, чтобы черное духовенство наше могло жаловаться на скудость своего содержанія и лишенія, которыхъ оно должно было подвергнуться. Благосостояніе большей части нашихъ монастырей никогда не подвергалось сомнѣнію, и въ народѣ ходили постоянно даже преувеличенные слухи о процвѣтаніи монастырскихъ имуществъ. Благочестивые люди по прежнему продолжали жертвовать свои имущества на пудовые колокола и дорогія паникадила, гораздо чаще и охотнѣе, чѣмъ на больницы и школы. Не заботясь о тлѣнныхъ благахъ міра сего, наше черное духовенство не занималось статистическимъ изслѣдованіемъ о количествѣ своихъ оброчныхъ статей и доходовъ и, конечно, будетъ очень благодарно свѣтскому автору, одному изъ заслуженныхъ профессоровъ духовной академіи, взявшему на себя, въ названной книгѣ, трудъ изслѣдовать этотъ вопросъ, насколько онъ могъ быть доступенъ ему, какъ міранину, неимѣющему доступа къ духовнымъ архивамъ. Для собиранія своихъ любопытныхъ данныхъ и фактовъ, онъ долженъ былъ изыскивать всевозможныя средства, самъ объѣхалъ множество монастырей и 20 губернскихъ городовъ, собирая вездѣ необходимыя для него свѣдѣнія изъ епархій и консисторій. Вполнѣ научно, добросовѣстно и безпристрастно относясь къ своему дѣлу, онъ не оставлялъ безъ провѣрки ни одной цифры, ни одного заявленія. Къ сожалѣнію, полной, ясной картины положенія монастырей въ Россіи онъ все таки не могъ представить, такъ какъ обстоятельныя свѣдѣнія собраны имъ всего о 91 монастырѣ, тогда какъ ихъ всѣхъ въ Россіи 540, владѣющихъ 700,000 десятинъ земли, лѣсовъ, пахотныхъ полей и лу-

Библиотека "Руниверс"

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ТОМЪ XVI.

1876.

Состав. А. Шарлемань.

Библиотека "Руниверс"

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1876.

Библиотека "Руниверс"

Sudre sup. Paris

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ МИХАИЛА ГАРНОВСКАГО

1786 — 1790 [1]).

1787 г.[2])

(Іюль, послѣ 11-го числа). Я имѣлъ уже честь донести вамъ, что вся санктпетербургская публика ожидала 28-го дня іюня съ крайнею нетерпѣливостію. Между прочимъ, носились въ ожиданіи онаго слухи, будто бы присланы были въ сенатъ и къ его сія-ству графу Брюсу заключающіе въ себѣ объявленіе народу разныхъ милостей указы, которые не прежде распечатать велѣно, какъ 28-го іюня, по окончаніи молебствія. Не было въ городѣ того, который бы не ожидалъ каковой ни есть милости, толкуя объ оныхъ каждый по собственнымъ догадкамъ. Въ самой день 28-го іюня собралось въ Казанскую церковь, такъ же и окружило оную, великое множество народа, мнимаго объявленія милостей ожидавшаго. Но какъ нельзя было публиковать того, что тогда здѣсь еще не существовало, то всѣ разбрелись по домамъ, утѣшая другъ друга, что объявленіе таковое отсрочено до Петрова дни; а поелику и въ Петровъ день ничего публиковано не было, то начали говорить, что милостивые манифесты объ-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 9—38; 237—265; 471—499; 687—720.

[2]) Этотъ листъ Записокъ Гарновскаго ошибочно былъ отнесенъ покойнымъ Лонгиновымъ къ 1788-му году. Изъ Записокъ Храповицкаго видно, что упоминаемый здѣсь пріѣздъ Екатерины II въ Царское Село былъ 11-го іюля 1787 года. Н. Г.

Библиотека "Руниверс"

явлены будутъ по прибытіи Ея И. В-ва сюда, сентября 22-го дня. Дѣйствительное полученіе потомъ манифеста, въ печатныхъ копіяхъ съ симъ курьеромъ подносимаго, рѣшило каждаго судьбу, исключая ожидавшихъ чиновъ, кои ласкаются получить оные сентября 22-го дня. Въ числѣ сихъ состоитъ и Осипъ Степановичъ Судіенковъ, съ статскимъ совѣтникомъ Рубаномъ въ одномъ чинѣ быть не хотящій.

На бывшемъ, 29-го іюня, въ Павловскѣ маскарадѣ было великое множество разнаго званія людей. Ввесь Павловскій садъ былъ подъ вечеръ иллюминованъ, а въ 11-мъ часу по полудни сожженъ, не совсѣмъ удачно, небольшой фейерверкъ. Во время иллюминаціи видны были въ огняхъ разные, нарочно для сего праздника сооруженные предметы, изъ коихъ главнѣйшимъ почесть можно было тотъ, на которомъ стояла надпись: «Храмъ супружной любви»; но что касается до прочихъ, то оные не только не имѣли ни малѣйшаго къ первому отношенію, но и не были устроены съ такимъ вкусомъ, чтобъ можно было почесть распоряжавшаго оными г-на Сергѣя Ивановича Плещеева, за великаго въ семъ дѣлѣ знатока. И такъ, прейду я лучше историческое оныя иллюминаціи описаніе молчаніемъ. Въ сіе время содержала при дворцѣ Павловскомъ караулъ рота гранадеръ изъ баталіона морскаго. Одежда и прочій приборъ сихъ солдатъ суть точь въ точь такіе, какъ-будто бы оные нарочно сюда изъ Пруссіи выписаны были. Рядовые употребляютъ стариннаго прусскаго фасона гренадерскіе колпаки, красные галстуки, прусскаго покроя кафтаны, камзолы, штаны и черные штиблеты. Унтеръ-офицеры одѣты также; употребляютъ только во мѣсто ружей предлинные эспантоны, выкрашенные изъ-синя-бѣлесоватою краскою, съ коими, по перемѣнно, по два изъ нихъ, примѣрно гвардейскимъ уборнымъ, содержатъ караулъ во внутреннихъ комнатахъ офицеры (въ цѣломъ баталіонѣ и есть только одинъ русской); носятъ мундиръ самаго темнѣйшаго цвѣта зеленаго сукна, шляпы съ узенькимъ, въ палецъ ширины, позументомъ, черные штиблеты и также употребляютъ эспантоны. Живучи въ Пруссіи долгое время, я весьма довольно на тамошнія войски наглядѣлся, и посему смѣло могу сказать, что помянутый баталіонъ совершенная копія прусскихъ солдатъ. Выписанной изъ прусской службы офицеръ, служащій теперь въ здѣшней — капитаномъ, командуетъ не только симъ баталіономъ,

Библиотека "Руниверс"

штабъ-офицеровъ не имѣющимъ, но и ворочаетъ наслѣдниковымъ кирасирскимъ полкомъ, и занимаетъ, какъ по всему видно, первое мѣсто по военнымъ дѣламъ, когда, напротивъ сего, г-нъ Вадковской первенствуетъ по комнатнымъ. Сначала существовала въ вышеписанномъ убранствѣ одна только рота, баталіонъ же воспріялъ свое начало, какъ сказываютъ, въ бытность Ея В-ва въ Кіевѣ, и въ то самое время, когда здѣсь нѣкоторые льстили себя надеждою, что нынѣшній покрой мундировъ и нарядъ нашихъ солдатъ отмѣнится и будетъ все по старому, а сіе потому, будто бы нетерпящіе нынѣшней солдатской одежды успѣли доказать Ея И. В-ву, что старой мундиръ для солдатъ выгоднѣе и ческа волосъ имъ приличнѣе; вы изъ сего усмотрѣть изволите, что предубѣжденіе въ пользу старыхъ мундировъ дѣйствуетъ такъ сильно, что многіе о возстановленіи оныхъ не отчаяваются, а особливо любители войскъ прусскихъ.

Многіе мушкатерскіе полки опасаются лишиться гранадерскихъ ротъ, почему Нарвской пѣхотный полкъ, опасаясь таковой потери людей, распредѣлилъ рослыхъ своихъ гранадеръ по другимъ ротамъ, гранадерскія же роты составилъ изъ самыхъ мелкихъ людей.

Медико-хирургическое училище праздновало 1-го іюля двадцатипятилѣтнее царствованіе Ея И. В-ва. Русская рѣчь, которую говорилъ господинъ докторъ Амбодикъ, никому въ разсужденіи многословія своего не понравилась, почему, по окончаніи празднества, Петръ Васильевичъ Завадовской никому оныя раздавать не велѣлъ. Однако же я оную досталъ и подношу вмѣстѣ съ нѣмецкими, которыя тогда же говорены и публикѣ розданы были. Н. И. Рылѣевъ запасся нѣмецкими экземплярами болѣе прочихъ, уповательно какъ для украшенія библіотеки своей иностранными сочиненіями, такъ и для памяти, что онъ присутствовалъ нѣкогда при диспутахъ нѣмецкихъ, въ предъосужденіе тѣмъ, кои почитаютъ его чужестранныхъ языковъ нетерпящимъ человѣкомъ.

За два дня до прибытія сюда Ея И. В-ва, отправилъ Петръ Васильевичъ молодую жену свою, купно съ ея матерью и М. В. Гудовичемъ, пріѣзжавшимъ сюда на короткое время, въ Малороссію. Его превосходительство намѣренъ и самъ проситься туда на годъ въ отпускъ. Будучи стыдливъ, не хотѣлось ему вмѣстѣ съ женою предстать предъ Ея И. В-мъ. Говорятъ, что жена

Библиотека "Руниверс"

раскаявается уже, что вышла замужъ за злаго, ревниваго, подозрѣвающаго и застѣнчиваго меланколика и мизантропа.

Слухъ носится, что его свѣтлость подвелъ въ даръ Ея И. В-ву два эскадрона конницы и одинъ баталіонъ пѣхоты изъ своего польскаго войска.

Ея И. В-во соизволила прибыть благополучно въ Царское Село въ воскресенье, то есть сего іюля 11-го дня, въ 6-мъ часу по полудни. Ихъ и. в-ства великій князь и великая княгиня, господа графы Брюсъ и Мусинъ-Пушкинъ, господа оберъ-гофмаршалъ Орловъ, Соймоновъ и Турчаниновъ имѣли честь встрѣтить Ея И. В-во у самаго крыльца. Всѣ здѣшнія губерніи дворяне и находящіеся во оной чиновники намѣрены были встрѣтить Ея И. В-во въ Тоснѣ, и Александръ Александровичъ Нарышкинъ готовился при семъ случаѣ говорить Ея И. В-ву сочиненыя господиномъ Грибовскимъ двѣ краткія рѣчи: одну отъ лица дворянства, а другую — отъ лица правительствующаго сената; но таковая встрѣча прискакавшимъ изъ Валдая въ Петербургъ курьеромъ отказана была. Ея И. В-во соизволила указать: никому изъ городскихъ, пріѣздомъ сюда до середы, ея не безпокоить.

Александру Матвѣевичу (Мамонову) отведены комнаты во флигелѣ Ея В-ва, въ среднемъ этажѣ, обокъ собственныхъ комнатъ Ея И. В-ва. Сверхъ сего, занимаетъ онъ въ томъ же флигелѣ комнаты, какъ верхняго, такъ и нижняго этажа, такъ что у него всѣхъ до двадцати комнатъ будетъ. Никто не имѣлъ, да и теперь не имѣетъ толикаго числа комнатъ.

Господинъ оберъ-кригсъ-коммисаръ Козловъ расположился жить, по приказанію его превосходительства, въ нижнемъ этажѣ.

Того же числа прибыла сюда изъ деревень своихъ графиня Наталья Львовна Соллогубъ; Марину же Осиповну Нарышкину ожидаютъ въ концѣ сея недѣли.

Ихъ и. в-ства Александра Павловича и Константина Павловича ожидаютъ сюда также въ концѣ сея недѣли.

Мнѣ не удалось поздравить въ первой день пріѣзда ни графа Александра Андреевича (Безбородко), ни Александра Матвѣевича, однако же исполнилъ я сіе на другой день, по утру. Поздравивъ напередъ графа Александра Андреевича и по учиненіи нѣкоторыхъ взаимныхъ учтивостей въ рѣчахъ, доложилъ я его сіятельству, не

Библиотека "Руниверс"

угодно-ли ему, по случаю отправленія курьера сего, писать къ его свѣтлости и къ вамъ? Графъ отвѣтствовалъ мнѣ тако:

— «До полученія отъ его свѣтлости отвѣта на посланную къ нему изъ Твери съ нарочнымъ курьеромъ весьма нужную и скораго отвѣта требующую депешу, писать теперь мнѣ нечево».

Я на сіе представилъ его сіятельству, чтобы написалъ хотя двѣ строки, могущія преподать его свѣтлости свѣдѣніе о благополучномъ Ея И. В-ва сюда пріѣздѣ, на что графъ и согласился. Въ 12-мъ часу по полуночи не только вручилъ онъ мнѣ письма къ его свѣтлости и къ вамъ, но и двѣнадцать золотыхъ выбитыхъ на путешествіе Ея И. В-ва медалей, для доставленія оныхъ къ его свѣтлости. Одна изъ сихъ медалей запечатана въ канцеляріи его сіятельства, прочія же одиннадцать принялъ я счетомъ, и у себя ихъ укладывалъ. Александръ Матвѣевичъ сказалъ мнѣ касательно отвѣта на вышеписанную нужную депешу тоже, что и графъ Александръ Андреевичъ, изъ чего я заключаю, что Александръ Матвѣевичъ имѣетъ объ оной свѣдѣніе такое же, какъ и графъ Александръ Андреевичъ. И его превосходительство заманилъ я писать такимъ же образомъ, какъ и графа. Сегодня получилъ я письмо и отъ него, со вложеніемъ въ кувертѣ, отъ него къ его свѣтлости, и письма отъ Ея И. В-ва.

Теперь здѣсь только и разговоровъ о превосходствѣ ввѣренныхъ его свѣтлости мѣстъ, морскихъ и сухопутныхъ строеній и войскъ, о чрезвычайныхъ угощеніяхъ и тому подобные. Многіе все сіе до небесъ хвалами превозносятъ, а особливо графъ Александръ Андреевичъ говоритъ, что никогда бы съ тѣми мѣстами не разстался.

Іюля 12-го дня горѣла подъ вечеръ въ Софійскѣ небольшая иллюминація. Одинъ только вензель Е. и по сторонамъ онаго двѣ пирамиды освѣщены были огнями. Никто изъ бывшихъ въ Тавридѣ, привыкши смотрѣть на чрезвычайности, чувства человѣческія поражающія, смотрѣть на оную не хотѣлъ.

Того же числа смѣнилъ съ дежурства графа Ангальта графъ Валентинъ Платоновичъ (Мусинъ-Пушкинъ) и графъ Ангальтъ успѣлъ уже осмотрѣть въ Царскомъ Селѣ всѣ мѣста.

И господинъ Рейнегсъ негодуетъ на Вейкарта, что онъ пустился въ такую предъосудительную переписку. Мнѣ извѣстно, впрочемъ, вся Рейнегсова съ Вейкартомъ переписка, заключавшая

Библиотека "Руниверс"

въ себѣ одни только дѣла, до ввѣренной Рейнегсу медико-хирургической школы касающіяся и до женитьбы профессора Пиллаге относящіяся. Лучшій здѣсь пріятель г-на Вейкарта г. надворный совѣтникъ Либерихъ, при почтовомъ правленіи находящійся.

1788 г.

(Май). На другой день по прибытіи сюда курьера Андреева, подписанъ подносимый при семъ указъ, изъ чего заключать должно, что перемѣна въ Казанскомъ кирасирскомъ полку двору не непріятна была; а особливо доволенъ былъ дворъ (т. е. Екатерина) вашимъ письмомъ, коимъ вы совѣтовали попенять на его свѣтлость за крайнее о своимъ здоровьѣ нерадѣніе.

Нынѣшній отъѣздъ Ея И. В-ва въ Царское Село воспослѣдовалъ столь нечаянно, что, исключая, можетъ быть, одного Александра Матвѣевича, никто объ ономъ ни въ городѣ, ни при дворѣ ничего не зналъ. 30-го апрѣля, послѣ обѣда, Ея И. В-во, потребовавъ вдругъ дорожній свой экипажъ, изволила, не сказавъ никому—куда, предпріять туда путь. Узнали о семъ по полученіи съ Средней Рогатки дежурнымъ генераломъ-адъютантомъ графомъ Брюсомъ собственноручной отъ Ея И. В-ва записки, въ которой изображено было почти тако:

—«Я поѣхала въ Царское Село. Прикажите возвѣстить о семъ въ городѣ посредствомъ пушечной пальбы. Должностямъ придворнымъ, а особливо кухнѣ, прикажите слѣдовать немедленно за мною, учредя, впрочемъ, во дворцѣ по старому обыкновенію. Завтра быть Совѣту въ Петербургѣ, а по окончаніи онаго, можете, коли хотите, пріѣхать ко мнѣ».

Графъ Александръ Андреевичъ ѣздилъ въ Царское Село во вторникъ, то есть 2-го мая, не болѣе какъ часа на два, и пробудетъ здѣсь въ городѣ, какъ онъ мнѣ самъ сказалъ, до четверга. По симъ обстоятельствамъ принужденъ я былъ, для полученія писемъ, и туда и сюда бѣгать. Его сіятельству хочется знать, принцъ Ангальтъ и Заборовскій помѣстятся-ли въ штатное число генералъ-поручиковъ? По его мнѣнію, могутъ они оба быть сверхъ-комплета, дабы могли поступить въ сіе званіе тѣ, кои къ сему надежду имѣютъ, и кои его свѣтлостію аттестованы будутъ. Какъ мнѣ кажется, то его сіятельству хочется, чтобъ было производство,

Библиотека "Руниверс"

дабы былъ произведенъ и Осипъ Степановичъ (Рибопьеръ), а безъ воинскаго—не будетъ статскаго производства. Пріуготовляли таковое къ 22-му сентябрю, къ 24-му ноябрю и, наконецъ, къ 21-му апрѣля, но тщетно. Теперь осталось дождаться 28-е іюня.

Въ первый день мая погода нехороша была. Несмотря на сіе, великій князь и великая княгиня изволили въ Катерингофѣ быть на гуляньѣ; ея вы-ство въ парадной великолѣпной каретѣ, предъ которою шесть гусаръ ѣхали верхами, а его высочество, верхомъ же, въ провожаніи изъ свиты своей многихъ кавалеровъ и другихъ чиновъ. Ея сіятельство графиня Катерина Васильевна (Скавронская) изволила прогуливаться съ посломъ въ его каретѣ, нарядне́е и богатѣе всѣхъ прочихъ экипажовъ. Во вторникъ, къ обѣду, и ихъ и. вы-ства изволили предпріять путь въ Царское Село, куда теперь и весь дворъ мало по малу переселяться началъ.

Паула Жонесъ, храбростію въ прошедшую американскую войну прославившійся, принятъ въ нашу службу контръ-адмираломъ, и на сихъ дняхъ имѣетъ отправиться къ вамъ для употребленія въ дѣло на Черномъ морѣ. Онъ весьма государынѣ понравился, имѣетъ входъ въ эрмитажъ, и, кромѣ англичанъ, крайне его ненавидящихъ, принятъ здѣсь всѣми отмѣнно хорошо, можетъ быть—изъ угожденія единаго къ двору, а можетъ быть и изъ почтенія къ его особѣ.

Графъ Петръ Александровичъ (Румянцовъ) поздравлялъ письмомъ великаго князя съ праздникомъ Воскресенія Христова. Какъ въ письмѣ не было означено отколь оно писано, то великій князь отозвался, прочтя оное: «Voila un arlequin des marechaux qui ne marque pas l'endroit, d'ou il m'ecrit». Тутъ же отзывается о Камери (?) Вадковскомъ: «человѣкъ съ такими отмѣнными дарованіями, что нѣтъ той должности въ свѣтѣ, которую бы ему поручить нельзя было». О капитанѣ же Пруссакѣ: «Этотъ будетъ у меня таковъ, каковъ былъ Лефортъ у Петра Перваго».

Недавно ѣздилъ г. Завадовской въ Ревель подъ претекстомъ гулянья на охоту. Надобно думать, что онъ туда посыланъ былъ, ибо, по пріѣздѣ своемъ, имѣлъ онъ долгую при дворѣ аудіенцію, въ восьмомъ часу утра случившуюся.

Нѣкто бригадиръ Дьяконовъ, живущій съ графомъ Александромъ Романовичемъ (Воронцовымъ) въ крайнемъ согласіи, от-

Библиотека "Руниверс"

правился третьяго дня, будто бы собственнаго ради любопытства своего, во Псковъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Могилевъ, Черниговъ, Кіевъ, Новгородъ-Сѣверской, Украйну, Саратовъ, Астрахань, Кизляръ и чрезъ линію обратно сюда. Чуть-ли и сей не шпіономъ отправленъ.

Дворъ весьма доволенъ полученнымъ отъ графа Петра Александровича извѣстіемъ о взятіи цесарцами Яссъ. Извѣстіе сіе напечатано уже въ вѣдомостяхъ.

Флоту, отправляющемуся въ Средиземное море, потребно на его въ годъ расходы около 7-ми милліоновъ рублей, которые употребятся изъ занятыхъ въ Голландіи суммъ. Касательно же нашихъ государственныхъ доходовъ, то едва въ семъ году и половина собрана будетъ. Курсъ теперешній рублю 35 штиверовъ, а говорятъ, что и 32 будетъ. И такъ, г. Шталь, при окрытіи новыхъ банковъ, говорилъ правду.

Какъ въ городѣ разсѣялся слухъ, что фрейлина княжна Щербатова влюблена въ Александра Матвѣевича и сей взаимно будто бы ее любитъ, то о семъ говорили Александру Матвѣевичу многіе, въ томъ числѣ и графъ Яковъ Александровичъ (Брюсъ), совѣтовавшій его превосходительству поступать поосторожнѣе.

Александръ Матвѣевичъ почиталъ таковые слухи за пустыя и негодныя выдумки.

Между тѣмъ, княжна поѣхала на резиденцію въ Царское Село. Вамъ извѣстно, что въ Царское Село берутъ только тѣхъ фрейлинъ, о которыхъ бываютъ просьбы, а по сему надобно думать, что кто-нибудь о княжнѣ просилъ. Чуть-ли не просила о семъ Анна Степановна Протасова для съигранія какой-нибудь интриги. Сія особа крайне ненавидитъ Александра Матвѣевича, такъ какъ и сей ее. Его превосходительство, кромѣ другихъ, сказывалъ и мнѣ, что государыня почитаетъ Анну Степановну за шутиху. Какъ бы то ни было, Анна Степановна играетъ свои роли порядочно, и дѣлаютъ ей многіе молодые люди куръ, изъ коихъ лутше другихъ принимается Кочубей. Куръ дѣлать немолодой невѣстѣ значитъ, какъ я думаю, ничто иное, какъ имѣть ея въ потребномъ случаѣ протекцію.

Мая 16-го 1788 г. Царское Село. Одинъ португальскій купецъ подрядился поставить во флотъ, отправляющійся въ Средиземное

Библиотека "Руниверс"

море, 10 тысячъ пудъ пороху, коего на пробу привезено недавно къ Кронштадтскому порту, на португальскомъ суднѣ, имѣвшемъ, кромѣ сего, апельсины и другіе товары, до полутораста пудъ. Судно сіе, еще до прибытія къ брандвахтному фрегату, въ 10-ти верстахъ отъ Кронштадта на якорѣ лежащему, дало знать, что имѣетъ у себя порохъ, почему оно, по приказанію г. Грейга, имѣвшаго о прибытіи онаго предварительное свѣдѣніе, тотчасъ отведено было въ безопасное и отъ прочихъ, въ гаваняхъ лежащихъ, судовъ отдаленное мѣсто. Между тѣмъ, происшествіе сіе подало поводъ къ слѣдующему въ городѣ вранью:

— «Пришло къ Кронштадту, подъ англійскимъ флагомъ, подосланное отъ шведовъ, или турковъ, судно съ двумя стами пятидесятью бочками пороху, которыя, дабы ихъ нескоро примѣтить можно было, закрыты были апельсинами. Намѣреніе было, чтобъ посредствомъ онаго и съ помощію находившихся на немъ отважныхъ людей, ворваться во чтобы то ни стало въ военную гавань, потомъ зажечь и истребить весь флотъ нашъ. Спасибо командиру брандвахты, коего расторопностію уцѣлѣлъ отъ погибели флотъ. Всѣмъ судамъ, подходя къ брандвахтѣ, должно останавливаться, для дачи о количествѣ и качествѣ своихъ товаровъ предварительнаго отчета; но помянутое судно, плывучи мимо брандвахты, при тогдашнемъ способномъ вѣтрѣ, подъ всѣми парусами, давало о себѣ знать, что погружено одними апельсинами, что за имѣющеюся течью остановиться не можетъ и что желаетъ скорѣе войти въ пристанище. Брандвахтной командиръ, несмотря на сію выдумку, сталъ сперва по судну стрѣлять, потомъ, снявшись съ якоря, погнался за нимъ въ погоню, принудилъ его остановиться, мачты на ономъ срубилъ и людей перевязалъ, которые содержатся теперь подъ секретнымъ карауломъ и кои показали, между прочимъ, что таковыя же суда отправлены и къ портамъ рижскому и ревельскому».

Государыня привезенными Малиновскимъ депешами столько довольна была, что, прочтя оныя, изволила отозваться:

— «Послѣ сего не только фельдмаршалъ, но еслибъ и вся Россія вмѣстѣ съ нимъ противу князя возстали, я — съ нимъ».

Довольна чрезвычайно государыня и тѣмъ, что отъ васъ всякую недѣлю имѣетъ быть курьеръ сюда отправленъ. Письма государыни и Александра Матвѣевича къ его свѣтлости, которыя

Библиотека "Руниверс"

я читать удостоился, могутъ совершенно его свѣтлость успокоить. Но, впрочемъ, здѣсь дремать нельзя, и то напоминовенія, то объясненія нужны. Старались недавно внушить, что въ екатеринославской арміи больныхъ и умирающихъ много отъ того, что людей, во мѣсто хлѣба, будто бы за неимѣніемъ онаго, кутьею кормятъ. Неужели, слыша сіе и имѣя случай объясниться, молчать? Сія и подобныя оной грубыя лжи рождаются по большой части въ домѣ графа Воронцова, говорится кое-что и въ домѣ смирнаго графа (Завадовскаго?). Но изъ л...(?) язвительное, которое не стоитъ, чтобъ объ немъ воспоминать, но которое доказываетъ, однако же, что связь графовъ неразрывна.

Послѣ крестинъ, которыя имѣютъ быть 21-го мая, великій князь намѣренъ проситься. И такъ, сходственно прежнему донесенію моему, его и. вы-ство будетъ вскорѣ у васъ въ гостяхъ Обѣ половины двора живутъ теперь въ наилучшемъ согласіи. Великій князь отмѣнно государынѣ послушенъ, а при томъ и къ Александру Матвѣевичу толико же ласковъ.

Кто будетъ первенствовать въ (военной) коллегіи? Неужели кто-нибудь изъ двухъ старшихъ аншефовъ? Если такъ, то дѣла до такой степени разстроены будутъ, что нескоро льзя ихъ будетъ привести въ порядокъ. Гантвигъ изъ предѣловъ воли его свѣтлости не выступаетъ, или какъ его свѣтлость заблагоразсудить изволитъ. Нужно только предварить о семъ государыню до отъѣзда отсель графа Валентина Платоновича, но не прежде однако же, какъ тогда, когда объ отъѣздѣ великаго князя публично извѣстно будетъ. Комендантовъ впредь коллегія, безъ воли его свѣтлости, опредѣлять не будетъ. Графъ доведенъ былъ до сего, желанію его свѣтлости противнаго, поступка г. Наумовымъ и отчасти Русановымъ.

12-го мая, по утру, видѣлъ я у Александра Матвѣевича собственноручную записку, въ которой, между прочимъ, написано было:

— «Je pense donner le cordon d'Alexandre à m-r Zaborowski avant son depart, qu'en pensez Vous?»

Отвѣтъ былъ волѣ Ея И. В-ва соотвѣтствующій и того же дня помянутый орденъ данъ г. Заборовскому, въ Италію сухимъ путемъ отправившемуся.

Александръ Матвѣевичъ сказывалъ: «Представь себѣ, не только

Библиотека "Руниверс"

Жонеса съ его свѣтлостію, но и Заборовскаго съ Грейгомъ хотѣли поссорить. Государыня всему предоупредила».

Мая 29-го 1788 г. На другой день крещенія великія княжны Екатерины Павловны, что случилось сего мая 21-го дня, хотѣлось уже мнѣ отправить къ вамъ курьера, но въ теченіе прошедшей недѣли писемъ получить не могъ, потому что государыня изволила заниматься шведскими дѣлами, со дня на день болѣе къ войнѣ, нежели къ миру, клонящимися. Вчерась государыня изволила графу Валентину Платоновичу объявить, что арміею противъ шведовъ командовать будетъ онъ, потому что графъ Брюсъ по дѣламъ въ столицѣ Ея И. В-ву нуженъ. Какая радость для перваго, сколько онъ ни холоднокровенъ, и какой ударъ для послѣдняго! Только чувствовать, а не писать возможно. Первой могуществу его свѣтлости приноситъ благодарность свою.

Въ Финляндію командированы три пѣхотные полка: Выборгской, Великолуцкой и Невской, да 200 человѣкъ изъ полку Леонова донскихъ казаковъ, которые всѣ, состоя въ командѣ у г-на генерала-поручика Михельсона, расположены тамъ будутъ по границѣ по разсмотрѣнію его. Слава Богу, что поручено радующемуся, а не печалющемуся (т. е. гр. Румянцову?), а то бы не было конца жалобамъ, приносимымъ государынѣ на неисправность войскъ здѣшнихъ. Еще вчерась жаловался государынѣ на Михаила Сергѣевича (Потемкина) и, смѣло можно сказать, не дѣльно. Требуетъ, чтобъ полки немедленно снабжены были ружьемъ, на мѣсто того, которое съ выкомандированными въ Средиземное море отпущено. На это потребно время. Графъ Валентинъ Платоновичъ оправдалъ его превосходительство предъ трономъ, такъ какъ и предъ наслѣдникомъ онаго, которому Михаила Сергѣевича рекомендовалъ въ лицѣ неисправнаго человѣка г. Бенкендорфъ.

Господинъ Игельстромъ донесъ Ея И. В-ву, что башкирцы прежде сентября мѣсяца быть сюда не могутъ. Приказано здѣсь вербовать казаковъ, сколько оныхъ набрать можно будетъ изъ мѣщанъ, ямщиковъ и вольныхъ людей, добровольно въ сію службу вступить желающихъ. Не знаю, съ какимъ успѣхомъ это происходить будетъ, но невозможности нѣтъ. Графъ поручилъ исполненіе сего г-мъ Леонову и Паздѣеву. Дѣлаются и другія къ войнѣ пріуго-

Библиотека "Руниверс"

товленія. Онъ же, г. Игельстромъ, опасаясь безпокойствъ на границѣ, ему ввѣренной, просилъ, чтобъ корпусъ его усилить частію войскъ корпуса Сибирскаго. Кажется, Оренбургской корпусъ самъ собою столько силенъ, что не требуетъ подкрѣпленія.

Флотъ отправится въ Средиземное море іюня 15-го числа, и развѣ шведы выходу онаго воспрепятствуютъ. Думать однако же надобно, что шведы съ объявленіемъ войны дождутся выхода сего флота, хотя, впрочемъ, турки сдѣлали имъ денежное вспоможеніе на тотъ только конецъ, чтобъ выходу онаго въ Средиземное море непремѣнно воспрепятствовать.

Обѣ половины двора еще никогда не жили въ такомъ согласіи, въ какомъ онѣ теперь находятся. Великому князю дано позволеніе (vous etes le maitre de partir quand vous voulez) ѣхать въ армію, куда бы его в-ство и отправился, еслибъ наступающая со шведами война здѣсь его не удержала. Онъ охотнѣе противу шведовъ, нежели противу турковъ, воевать желаетъ. Между тѣмъ верховыя лошади великаго князя, которыя находились въ Москвѣ, отправлены въ екатеринославскую армію. Они тамъ надобны будутъ его высочеству, если войны со шведами не будетъ, что рѣшится около 20-го іюня.

Иванъ Степановичъ (Рибопьеръ) пріѣхалъ сюда 26-го мая. Онъ принятъ въ верху такъ, какъ лутше быть нельзя.

Александръ Матвѣевичъ пожалованъ римскимъ графомъ. Подношу при семъ копію съ указа, достоинство сіе употреблять ему позволяющаго, такъ какъ и списокъ въ день крещенія новопожалованнымъ. Такимъ образомъ май доставилъ почестей добрый пай Александру Матвѣевичу.

Вчерашняго дня ужинали у его сіятельства (Мамонова): государыня, камеръ-фрейлина, кавалера Нарышкина и ея супругъ, здѣсь живущіе, союзные посолъ и посланникъ, графы Брюсъ, Безбородко и графъ И. Чернышевъ, недавно изъ чужихъ краевъ возвратившійся, да г-да Салтыковъ, Рибопьеръ, Бибиковъ, Михельсонъ, Уваровъ и Козловъ. Предъ ужиномъ представлена была въ комнатахъ его же сіятельства комедія французская. Графъ (Мамоновъ) чрезвычайно доволенъ благосклоннымъ его свѣтлости (кн. Потемкина) отзывомъ, съ генералъ-адъютантскимъ чиномъ его поздравившимъ.

Письма отъ государыни и отъ графа Александра Матвѣевича

Библиотека "Руниверс"

получены третьяго дня, но, по имянному указу, не велѣно было отправлять курьера до тѣхъ поръ, пока не получу депешъ отъ Александра Андреевича, которыя только что теперь получены. Вчерашняго же дня, сходственно съ желаніемъ его свѣтлости, возложенъ крестъ на преображенскаго протопопа, на георгіевской лентѣ. Въ день освященія Софійскаго собора, то есть 20-го сего мѣсяца, происходила въ церкви, до прибытія туда государыни, въ одной каретѣ съ великимъ княземъ пріѣхавшей, словесная баталія.

Владыка митрополитъ новогородской не хотѣлъ съ отцомъ протопопомъ Самборскимъ вмѣстѣ служить, а Самборскому нельзя было не служить, потому что двумя имянными указами велѣно было непремѣнно служить. Экстрактомъ донесу происшествіе войны.

— «Зачѣмъ ты здѣсь? я съ тобою служить не стану! Знаешь-ли, что̀ изъ Кіева пишутъ? Неурожай въ хлѣбѣ отъ того, что ты бороду брѣешь, ты новую ересь заводишь! Брадобреніе подаетъ поводъ къ расколамъ и къ возмущеніямъ народнымъ. Что ты умничаешь! Отрости бороду, или предамъ и предаю тебя суду Божію. Воды освящать не дозволяю и къ причастію Святыхъ Тайнъ не нахожу тебя достойнымъ. Лицемѣръ! я не признаю тебя за протопопа!»

Отвѣты:

— «Здѣсь я—по имянному указу. Служить долженъ, ибо власти неповиноваться нельзя. Отецъ мой, священникъ, ходилъ съ бородою и въ такое время, когда, по случаю неурожая въ хлѣбѣ. былъ моръ, отъ коего спасти борода отца моего не въ состояніи была. Не умничаю, но не нахожу, чтобъ борода составляла таинство вѣры. Охотно подвергаюсь суду Божію, бывъ крѣпко увѣренъ, что лутше съ Богомъ, нежели съ человѣкомъ имѣть дѣло. Чего ради причастія недостоинъ? Не виноватъ ни предъ кѣмъ, а если виноватъ предъ тобою, прости кающагося. (При семъ случаѣ Самборской палъ къ ногамъ преосвященнаго и прослезился). Протопопомъ называюсь, поелику самодержавной власти меня тако назвать благоугодно было».

Все сіе происходило въ алтарѣ и только не доставало кулачнаго бою, который бы немедленно послѣдовалъ, еслибъ святые отцы не старались прохладить жара спорившихся. Самборской вызывалъ владыку изъ церкви на площадь, дабы имѣть диспутъ

Библиотека "Руниверс"

о вѣрѣ. Богослуженіе отправлялъ архіерей въ такомъ замѣшательствѣ, которое всѣмъ бывшимъ въ церкви примѣтно было.

Жены камердинеровъ Беіера и Чернова, тоже Ремезова и сестра ея, да Беіеръ и Гавриленковъ, переправляясь на плотикѣ чрезъ воду между садомъ и казачьимъ дворомъ, потонули-было, если бы казаки ихъ изъ воды не вытащили. Плотикъ съ находившимися на немъ тонулъ отъ тягости женщинъ, изъ которыхъ тоньшая была гораздо толщѐ покойной графини Катерины Михайловны. Гавриленковъ, при паденіи съ плотика, попался одной изъ нихъ ..... Казакамъ, спасшимъ жизнь утопшимъ, пожаловано отъ государыни сто рублей.

Іюня 6-го 1788 г. Царское Село. Храброй поступокъ покойнаго Сакена сооружилъ счастіе родственникамъ его. Отцу пожалованы въ Лифляндіи гаки, а братьямъ чины, и младшему изъ нихъ, поступившему изъ конногвардейскихъ вахмистровъ въ корнеты, въ тотъ же полкъ, 200 червонцевъ на экипажъ.

Чтобъ сдѣлать конецъ жалобамъ, принесеннымъ извѣстнымъ вамъ человѣкомъ на неисправность по части коммисаріатской здѣшнихъ полковъ, государыня изволила указать всѣ оные осмотрѣть инспекторскимъ смотромъ. Коллегія поручила исполнить сіе Михаилу Сергѣевичу (Потемкину), предписавъ осмотрѣть полки не настоящимъ инспекторскимъ смотромъ, но только на тотъ конецъ, чтобъ они, ежели надобность востребуетъ, въ походъ выступить въ состояніи были.

Полкамъ: Шлиссельбургскому велѣно быть сюда, Ингерманландскому карабинерному—въ Нарву, 4-мъ эскадронамъ Ямбургскаго—въ Москву, Великолуцкому — въ Финляндію. И такъ, теперь въ Финляндіи четыре пѣхотныхъ полка, три баталіона егерей и двѣсти казаковъ. Полевой артиллеріи, сколь скоро для оной лошади искуплены будутъ, имѣетъ быть отправлено 30 орудій. Деньги, по 30-ти рублей на лошадь, отпущены уже, такъ какъ и на заготовленіе тамъ провіанта и фуража 200,000.

Михельсонъ отправился для командованія означенными полками, а въ отсутствіи его велѣно командовать конною гвардіею г. Боборыкину.

Кромѣ людей изъ полковъ здѣшнихъ, для отправленія въ Средиземное море взятыхъ, дано на сихъ дняхъ изъ рекрутъ на Си-

Библиотека "Руниверс"

стербекскіе пороховые заводы сто, въ канониры—сто, да въ фурлейты 288 человѣкъ, а посему полки здѣшніе въ великомъ некомплетѣ.

По полученнымъ извѣстіямъ, посты на шведской границѣ усиливаются.

Нѣкоторые совѣтуютъ флотъ, назначенный въ Средиземное море, здѣсь оставить, но государыня и слышать о семъ не хочетъ. По мнѣнію Ея И. В-ва, шведы войны вести не будутъ и только для того ко оной пріуготовляются, чтобъ поквитаться съ турками въ пяти милліонахъ, первымъ отъ послѣднихъ присланныхъ. Ожидаемые изъ Швеціи рѣшительные отвѣты должны, конечно, возвѣстить продолженіе мира или открытіе войны. Если же отвѣты сіи, паче чаянія, будутъ двоякаго смысла, то вицеканцлеръ совѣтуетъ, не входя съ шведами болѣе въ переписку, учинить на нихъ со всѣми силами военными, теперь здѣсь находящимися, нападеніе; но государыня мнитъ, что не намъ надлежитъ произвесть по шведамъ первой выстрѣлъ, дабы не огорчить противъ себя королей прусскаго, англинскаго и ихъ союзниковъ. Когда донесено было Ея И. В-ву, что г. Жонесъ принятъ его свѣтлостію отмѣнно хорошо, то государыня чрезвычайно симъ довольна была.

— «Mais ce moi qui a arrangée tout cela».

Ея И. В-ву крайне хочется, чтобъ его свѣтлость (кн. Потемкинъ) содержалъ въ милости г. Жонеса.

Графъ Петръ Александровичъ (Румянцовъ) пишетъ, что онъ, для пользы государственныхъ дѣлъ, увидится съ свѣтлѣйшимъ княземъ тогда, когда его свѣтлость переправится чрезъ Бугъ.

Скоро пойдутъ въ Финляндію наслѣдниковъ кирасирской полкъ и морской егерской баталіонъ, квартирующій въ Павловскѣ.

Говорятъ, что дюкъ де Серра Кепріоли женится на княжнѣ Вяземской. Графъ Воронцовъ съ нѣкотораго времени, подъ претекстомъ болѣзни, сидитъ дома.

— «Слава Богу, есть кусокъ хлѣба, пойду въ отставку. Будучи бариномъ съ дѣдовъ и прадѣдовъ, кстати-ли быть въ повиновеніи у молодаго человѣка; одно только усердіе къ отечеству удерживаетъ меня въ службѣ».

По повелѣнію графа Александра Матвѣевича (Мамонова), препровождаю при семъ копіи съ указовъ о послѣдовавшей по

Библиотека "Руниверс"

кавалергардскому корпусу перемѣнѣ. Графу Александру Матвѣевичу не хотѣлось, чтобъ указы сіи поднесены были, не доложась объ оныхъ его свѣтлости, но государыня изволила сказать, что его свѣтлости и безъ сихъ дѣлъ хлопотъ много. Указы писаны графомъ Александромъ Андреевичемъ (Безбородко). Отъ единой искры бываютъ великіе пожары. Можетъ быть, намѣреніе есть графа Александра Матвѣевича съ его свѣтлостію поссорить. Но при теперешнихъ обстоятельствахъ не дай Богъ сего.

Иванъ Степановичъ (Рибопьеръ) въ городѣ лихорадкою боленъ. Насилу могъ онъ написать письмо къ его свѣтлости (кн. Потемкину). Вамъ онъ кланяется.

Я отправилъ бы вчерась курьера, но ожидалъ копіи съ министерскихъ писемъ, кои назначено было препроводить къ его свѣтлости. Между тѣмъ, графъ Александръ Андреевичъ уѣхалъ въ городъ и я копіи не могъ дождаться. Пришлю оныя съ первымъ курьеромъ.

(Въ 20-хъ числахъ іюня, до 26-го числа). Малиновской пріѣхалъ сюда іюня 15-го дня. Онъ привезъ кстати хорошія вѣсти, потому что государыня, размышляя о шведахъ, пріуготовляющихся къ войнѣ, почти цѣлую недѣлю невесела была.

Побѣда нашими судами надъ турецкими, 7-го іюня пріобрѣтенная, столь пріятно здѣсь принята была, что сначала дворъ предполагалъ публично оную праздновать и, яко въ нынѣшнемъ году за первую, принести Богу благодарственной молебенъ, но потомъ рѣшился ожидать обстоятельнаго объ оной извѣстія, въ ожиданіи коего находился онъ въ нѣкоторомъ безпокойствіи, которое со дня на день возрастало. Сегодня умножилось оное и болѣе полученными изъ Швеціи непріятными вѣстьми. Рѣшительнаго на вопросы наши мы ничего отъ нихъ не получили и король, хотя еще не объявилъ себя врагомъ Россіи, но, впрочемъ, негодуя будто бы лично на графа Андрея Кирилловича Разумовскаго, повелѣлъ изъ шведскихъ владѣній удалиться сему министру, которой однако же отвѣтствовалъ, что не выѣдетъ изъ Штокгольма до тѣхъ поръ, пока не получитъ о томъ повелѣнія отъ государыни. Король жалуется, будто бы графъ, нашъ министръ, старался ввести въ Швеціи аристократію по прежнему. Сегодня по поводу сего велѣно въ городѣ собраться чрез-

Библиотека "Руниверс"

вычайному Совѣту. По случаю недостатка генераловъ въ здѣшней части 3-го и 4-го классовъ, государынѣ угодно, чтобъ его свѣтлость оныхъ назначилъ. Графъ Валентинъ Платоновичъ (Мусинъ-Пушкинъ) располагаетъ, въ случаѣ нужды, употребить господъ генералъ-порутчика Гантвиха и Волкова, да генералъ-маіоровъ князя Щербатова и Давыдова. Если его свѣтлость не разсудитъ за благо удѣлить кого-либо изъ своихъ, то государыня довольна будетъ, если его свѣтлость и изъ отставныхъ надежныхъ генераловъ сюда назначить изволитъ кого-либо по своему благоразсмотрѣнію.

Графъ Ангальтъ, которой назначенъ былъ въ Ревель къ командованію полками, въ Ревелѣ и Ригѣ находящимися, отказался, да и просить его о семъ не станутъ. Графу Валентину Платоновичу далъ онъ знать, что желаетъ быть аншефомъ, чтобъ командовать войскъ отрядомъ и что, кромѣ графа Валентина Платоновича, ни у кого другаго въ командѣ быть не хочетъ; графу же Александру Матвѣевичу говорилъ онъ, что, въ разсужденіи крайней неисправности войскъ и некомплета оныхъ, командовать не хочетъ. И симъ, Россіи услугъ еще не оказавшимъ, графомъ извѣстные люди завладѣли! Однако же, слава Богу, что сіи люди мало или почти ничего теперь не значатъ.

Вчерась играли здѣсь французскую комедію; но нѣкто изъ придворныхъ утверждалъ, будто бы играны были двѣ комедіи. Какія же? Собраніе членовъ Совѣта и собраніе членовъ театральныхъ. И подлинно. Многіе теперешній Совѣтъ почитаютъ за собраніе, въ которое царь Давыдъ входить запрещаетъ. 15-го числа государыня, вошедъ въ большую залу, примѣтила, что нѣкто, отворивъ дверь съ другаго конца той же залы, тотчасъ оную, не входя въ залу, опять притворилъ, сколь скоро государыню завидѣлъ. Велѣно было дежурному камергеру узнать, кто то былъ? Это былъ графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ. Спросили его сіятельство, для чего онъ не вошелъ въ залу?

— «Я въ досадѣ иду изъ Совѣта, гдѣ врутъ и сами не знаютъ что».

Якобій пріѣхалъ. Былъ здѣсь, въ Царскомъ Селѣ, два дни, но государыню не имѣлъ чести видѣть, и графъ Александръ Матвѣевичъ его принять не восхотѣлъ. Теперь сей намѣстникъ засѣлъ въ городѣ, подъ видомъ болѣзни, на квартирѣ и никого,

Библиотека "Руниверс"

кромѣ людей, ему потребныхъ, не принимаетъ. Кто мажетъ колесы, тотъ шибче ѣдетъ, а иркутскому намѣстнику есть чѣмъ мазать.

Цесарь, не знаю почему, недоволенъ его свѣтлостію, и посолъ его, здѣсь пребывающій, желая ввести въ лутшій кредитъ при нашемъ дворѣ графа Петра Александровича (Румянцова), дружится сильнѣе прежняго съ графомъ Александромъ Андреевичемъ (Безбородко). Графъ Александръ Матвѣевичъ не хочетъ сему вѣрить, но надобно, чтобъ онъ вѣрилъ. Онъ не хотѣлъ и тому вѣрить, что прошедшей зимы графъ Брюсъ и Завадовской его для того часто на ужинъ звали, чтобъ послѣ попойки воспользоваться слабостію его; но теперь этому вѣритъ, выслушавъ неоспоримыя мои доказательства. Кто повѣритъ, что Завадовской, ничего хмѣльнаго не піющій, напивался до-пьяна? Неужели изъ преданности къ графу Александру Матвѣевичу?

Въ Выборгъ отправлены всѣ, какъ лейбъ-казаки, такъ и полку Леонова. Пришедшая изъ Черкаска на смѣну новая лейбъ-казачья команда туда же пошла.

Еще отправлены туда двѣ роты гренадерскія Софійскаго и обѣ гренадерскія роты Кексгольмскаго пѣхотныхъ полковъ и вся сихъ полковъ полковая артиллерія. Изъ означенныхъ четырехъ ротъ предписано сформировать гренадерской баталіонъ, оставя при ономъ изъ полковыхъ два орудія, а прочія шесть орудій отдать въ финляндской егерской корпусъ. Изъ полевой артиллеріи отправлено пять орудій: два полупудовыхъ единорога и три 12-ти фунтовыя пушки, потому что только для пяти орудій лошадей искупить успѣли.

О башкирцахъ подношу при семъ копію. Говорятъ, что въ Финляндіи кавалерію употреблять трудно. Не благоугодно-ли будетъ его свѣтлости повелѣть сформировать вновь два драгунскіе полка, составя оные изъ рекрутъ и двухъ эскадронныхъ командъ, которыя можно взять изъ пяти карабинерныхъ полковъ, не находящихся въ арміяхъ?

Гвардейскія команды пріуготовляются также поспѣшно къ походу.

Главнокомандующій украинскою арміею вопрошалъ на сихъ дняхъ, что онъ еще до сихъ поръ не знаетъ, что ему дѣлать? Представьте вы это себѣ! Не худо, что къ сему случаю подо-

Библиотека "Руниверс"

спѣло ваше письмо къ Ивану Степановичу (Рибопьеру). Сегодня посланъ къ нему рескриптъ, коимъ велѣно дѣйствовать со ввѣренною ему арміею между Днѣстромъ и Прутомъ, турковъ, идущихъ сухимъ путемъ къ Очакову, удержать и содѣйствовать принцу Кобургскому, если сей генералъ ко взятію Хотина приступить намѣренъ. Прочтя сей рескриптъ, спросили меня, доволенъ-ли я и что я думаю? Признаюсь, кровь во мнѣ закипѣла. Я отвѣтствовалъ:

— Доволенъ, но сумнѣваюсь въ исполненіи повелѣнія сего. Не дай Богъ, если графъ такъ содѣйствовать будетъ, какъ это случилось подъ Кистриномъ.

Графъ Александръ Андреевичъ Безбородко, полюбя жену г. Поливанова, брата того, которой былъ губернаторомъ саратовскимъ, выхлопоталъ указъ, коимъ велѣно отдѣлить жену отъ мужа, будто бы оная у мужа въ опасности была. Графъ Александръ Матвѣевичъ хочетъ докладывать въ пользу Поливанова— не знаю, что будетъ.

По дѣлу Богданова коллегія провіантскую обвинили, несмотря, что въ пользу Маврина поднятъ былъ въ коллегіи голосъ графомъ Ильею Андреевичемъ (Безбородко), и что Мавринъ старался убѣдить графа Валентина Платоновича то просьбою, то родомъ нѣкоторыхъ угрозъ. По рѣшенію дѣла г. Маврина крайне стараются и теперь подана государынѣ записка, что коллегія признаетъ провіантскую виновною, но что оную простить зависитъ отъ милости монаршей.

26-го іюня 1788 г. Реляція принца Нассау-Сигена принята здѣсь съ толикою радостію, съ коликимъ нетерпѣніемъ оныя ожидали. Резоны, побудившіе прислать оную въ переводѣ, признаны совершенно основательными. Воздаяніе отличившимся при семъ препроводить честь имѣю, исключая шпагъ золотыхъ, которыя дѣлать приказано. Сегодня пріѣхалъ графъ Апраксинъ. Какою радостію поразили всѣхъ привезенныя симъ нечаянныя вѣсти. Дворъ (т. е. Екатерина) толико важныхъ успѣховъ на водѣ не ожидавшій, нынѣ восхищеніемъ оныхъ упоенной,— внѣ себя. Будетъ молебствіе и при ономъ торжество, соотвѣтствующее славѣ побѣдоносной флотиліи херсонской. Дай только Богъ, чтобъ не помѣшали сему привозимыя съ сѣвера непріятныя вѣсти.

Библиотека "Руниверс"

Война со шведами близка. Получены извѣстія вчерась, что шведы пограничную нашу въ Выборгской губерніи таможню ограбили, а сегодня, что они же отправленной къ Нейшлоту провіантъ отняли. Шведскому посланнику велѣно отсель убраться. Въ добавокъ къ прежнимъ полкамъ командированы въ Финляндію лейбъ-гренадерской Нарвской Наслѣдниковъ и Казанской, да туда же слѣдовать предписано Тобольскому пѣхотному и карабинернымъ Ямбургскому, Псковскому и Московскому. Наслѣдниковъ полкъ, проходившій вчерашняго дня здѣсь, государыня изволила смотрѣть съ балкона и, смотря на оный, прослезиться. Да и всю прошедшую недѣлю, по день полученія нассавской реляціи, были ежедневныя слезы.

Флотъ, которой былъ назначенъ въ Средиземное море, останется на Балтійскомъ, а сухопутной отрядъ высадится у Выборга на берегъ, гдѣ и присовокупится къ собирающимся тамо войскамъ нашимъ. Однако же изъ сего пяти-тысячнаго отряда 800 человѣкъ находятся уже въ Копенгагенѣ, на 3-хъ стопушечныхъ корабляхъ, туда отправленныхъ.

Подношу копіи съ указовъ, по сей части воспослѣдовавшихъ. Вы изъ оныхъ изволите усмотрѣть, между прочимъ, что я буду имѣть дѣло съ новымъ командиромъ (Н. И. Салтыковымъ). Богъ мнѣ да поможетъ.

Графъ Валентинъ Платоновичъ отправится въ Выборгъ 30-го іюня, а великій князь 1-го іюля. Сегодня дочь графа Валентина Платоновича пожалована фрейлиной.

Государыня, какъ слышно отъ надежныхъ людей, переѣдетъ въ городъ 30-го и потомъ изволитъ расположиться лагеремъ въ Осиновой рощѣ съ резервнымъ корпусомъ, которой имѣетъ состоять изъ гвардейскихъ баталіоновъ и эскадроновъ. Во многихъ мѣстахъ въ городѣ караулы сняты и дни четыре сряду содержали въ обѣихъ крѣпостяхъ и городскихъ караулы гвардейскіе полки. Теперь велѣно ихъ отпустить и содержать гарнизонными и то, по малому числу оныхъ, только въ самыхъ нужнѣйшихъ мѣстахъ. Здѣсь можно бы сформировать волонтирскіе полки, на подобіе екатеринославскихъ. Но никто о семъ не думаетъ, а я, безъ воли его свѣтлости, пропозиціи сдѣлать не смѣю. Сначала думали, что шведы только пустые виды дѣлаютъ, а теперь трусятъ. Изъ од-

Библиотека "Руниверс"

ной крайности въ другую. Флотъ нашъ въ такомъ состояніи, каковаго лутче желать нельзя.

Сего курьера надлежало бы вчерась отправить, но не всѣ депеши были готовы, а особливо анненскія ленты, которыя теперь только что присланы.

Графъ Александръ Матвѣевичъ еще ни однимъ письмомъ его свѣтлости не былъ столько доволенъ, сколько послѣднимъ. Все дѣлается по желанію его свѣтлости. Графъ Апраксинъ капитанъ-порутчикомъ гвардіи, съ осыпанною брилліантами табакеркой и 500 червонныхъ, а курьеръ Рогозинской — прапорщикомъ и со 100 червонцами.

Іюня 29-го 1788 г. Царское Село. Завтра переселится дворъ въ городъ, гдѣ, въ присутствіи его, будетъ въ Петропавловскомъ соборѣ торжественной благодарственной молебенъ за побѣду, флотиліею надъ флотомъ одержанную. То-ли бы было, еслибъ не проклятые шведы. Если обстоятельная реляція не подоспѣетъ, то будутъ оную читать экстрактомъ, изъ писемъ, отъ васъ полученныхъ, сочиненную. Движеніе шведскихъ войскъ крайне дворъ безпокоитъ. Нашихъ войскъ въ Финляндіи мало, ибо еще не всѣ собрались изъ Риги, Ревеля и Олонецкой губерніи; для защищенія отъ нападенія пушечнаго и чугуннаго заводовъ полковъ пѣхотныхъ тронуть нельзя. Карабинерные же, Московской, Ямбургской и Ингерманландской развѣ недѣли черезъ три поспѣютъ. Изъ находящихся въ Финляндіи раздѣлено нѣсколько по крѣпостямъ; и такъ, для полеваго сраженія немного осталось. Потребна Божія помощь. У шведовъ галерной флотъ силенъ, а у насъ его о сю пору нѣтъ. Впрочемъ, парусныя суда наши въ такой исправности, въ каковой они никогда не бывали. Грейгъ уже получилъ повелѣніе сразиться, если случай допуститъ. Изъ сухопутнаго отряда, которой былъ назначенъ въ Средиземное море, высадится изъ транспортныхъ судовъ на берегъ въ Петербургѣ 3,000 человѣкъ, которые и отправятся тотчасъ въ Финляндію. Прочіе же сего отряда люди находятся въ Копенгагенѣ и на корабляхъ у г. Грейга. Баталіонъ морской, находившійся въ Павловскѣ, велѣно отдать во флотъ..... Просили, чтобъ оный употребленъ былъ въ дѣло на сухомъ пути и чтобъ позволено было представить его государынѣ въ Царскомъ Селѣ, но отказано. Ка-

Библиотека "Руниверс"

кая досада! Стараніемъ графа Александра Матвѣевича велѣно, однако же, людей сего баталіона такъ употребить, чтобъ его опять со временемъ собрать можно было. Графъ Валентинъ Платоновичъ отправится завтра къ своему посту. Государынѣ онъ вчерась откланялся и вчерась явился къ новому командиру. До сихъ поръ онъ ко мнѣ ласковъ, что будетъ впередъ — не знаю. Въ субботу отправится великій князь.

Вы не повѣрите, сколь бы у насъ во время праздниковъ было слезъ, если бы не подоспѣли ваши пріятныя вѣсти. Нѣкоторые твердятъ государынѣ, что столица ея въ опасности. Однажды въ слезахъ сказано было (Екатериной):

— «Если разобьютъ стоящія въ Финляндіи войска, то, составя изъ резервнаго корпуса каре, сама пойду».

Подношу копію съ указа о пожалованіи графа Александра Матвѣевича въ поручики кавалергардскіе. Болѣе перемѣны не было.

Еще подношу копію съ письма, которое писалъ король шведской къ Михельсону. Сегодня продержалъ я курьера.

Государыня точно намѣрена стоять съ резервнымъ корпусомъ въ лагерѣ. Не было бы сіе вредно здоровью Ея И. В-ва. Резервной корпусъ состоять имѣетъ подъ командою графа Александра Матвѣевича изъ 3-хъ гвардейскихъ баталіоновъ, 3-хъ конногвардейскихъ эскадроновъ, егерей гвардейской команды и пѣхотныхъ полковъ Кексгольмскаго и Софійскаго, отъ которыхъ гренадерскія роты и вся полковая артиллерія откомандированы въ Финляндію. Хотѣли удержать въ резервѣ полки Лейбъ-гренадерской и Нарвской, но чѣмъ же управятся въ Финляндіи? Кажется и резервъ бы нужно подвинуть, чтобы не раздробляться.

Г. Завадовской упражняется въ сочиненіи манифеста.

Иванъ Степановичъ (Рибопьеръ) на сихъ дняхъ отправится въ полкъ. Еслибъ всѣ полки, по росписанію въ финляндской арміи показанные, были комплетны и исправны, какая страшная армія! Изъ церковниковъ въ приводѣ еще нѣтъ. На сихъ дняхъ прибудетъ первая партія изъ Новагорода. Въ Наслѣдниковъ полкъ дѣлаютъ кирасы на сестербекскомъ заводѣ. Хотѣлось бы и мнѣ приняться за шпагу. Но кто противъ Бога и великаго Новагорода! Безъ воли не смѣю.

Библиотека "Руниверс"

Іюля 4-го 1788 г. С.-Петербургъ. 30-го іюня дворъ переселился сюда и тотчасъ по пріѣздѣ отправился въ Петропавловской соборъ, гдѣ, за одержанную флотиліею надъ флотомъ побѣду, принесено было, при пушечной пальбѣ, благодарственное молебствіе. Жалко, что къ сему случаю не подоспѣлъ завоеванный флагъ, толико здѣсь нужный для утѣшенія плачущихъ и безпокоющихся. Весь дворъ потомъ расположился въ Зимнемъ дворцѣ, исключая великаго князя, который ночевать изволилъ на Каменномъ островѣ, а на другой день отправиться въ Выборгъ.

2-го іюля публикованъ манифестъ, при семъ подносимый, а предисловіе сего манифеста напечатано въ русскихъ газетахъ подъ № 51-мъ.

Шведы вошли уже въ нашу границу, но не дѣйствуютъ. Я говорю не дѣйствуютъ потому, что даютъ время намъ оправляться. За распредѣленіемъ командъ по крѣпостямъ, главнѣйшія наши силы, простирающіяся теперь до 8,000 человѣкъ, кромѣ артиллеріи, расположились подъ Вильманстрандомъ, занявъ весьма выгодное мѣсто. Силы сіи, съ помощію крѣпости, въ состояніи удержать супостата отъ произведенія намѣреній его въ дѣйство. Идучи къ Выборгу, помянутаго мѣста миновать ему нельзя, а Кексгольмъ, ситуаціею своею охраняемый, постоитъ за себя при помощи небольшаго числа войскъ полевыхъ, въ немъ имѣющихся. Въ концѣ сея недѣли къ главнымъ нашимъ силамъ присовокупится изъ сухопутнаго отряда, которой былъ назначенъ въ Средиземное море, слишкомъ три тысячи человѣкъ, да Казанской кирасирской полкъ и Тобольской пѣхотной, которой везутъ сюда на почтовыхъ, такъ какъ и многія другія команды. Авось-либо поправимся. Находящимся здѣсь въ городѣ господамъ помѣщикамъ предложено давать въ солдаты, кто сколько пожелаетъ, дворовыхъ людей. Графъ Безбородко даетъ 10, г. Завадовской тоже, а г. Волховской одного. Можетъ и сихъ наберемъ человѣкъ сотъ пять, а можетъ быть и больше. Посланникъ шведской убрался, чрезъ Полоцкъ, яко для него предписанной трактъ, дабы глаза шведскіе не видѣли того, что происходитъ въ Финляндіи и Лифляндіи. Наканунѣ отъѣзда его, секретарь посольства подалъ Ея И. В-ву ноту, въ которой предложены были мирныя кондиціи: «Шведамъ отдать Финляндію, а туркамъ возвратить Крымъ». Нота сія препровождается при письмѣ государыни къ его свѣтлости.

Библиотека "Руниверс"

Вы не повѣрите, колико государыня огорчена была подачею сея ноты.

Отъ г. Грейга получили мы изъ Ревеля извѣстіе, что флотъ шведскій удалился къ своимъ берегамъ. Изъ Нейшлота пишутъ, что однимъ удачнымъ пушечнымъ выстрѣломъ потоплена лодка съ 19-ю вѣроломныхъ шведовъ.

Сегодня въ первой разъ въ жизни имѣлъ я счастіе быть у великой княгини (Маріи Ѳеодоровны). Подносилъ ей отъ великаго князя полученное изъ Выборга письмо и получилъ таковое же для доставленія въ Выборгъ. Графъ Валентинъ Платоновичъ поручилъ мнѣ исполненіе сего. Болѣе меня не спрашивали:

— «Давно-ли вы изъ Выборга? Когда туда курьеръ поѣдетъ? Приходите въ вечеру, письмо мое будетъ готово».

Когда я въ вечеру пришелъ, то сказано: «видите, какъ я исправна, письмо къ великому князю готово».

Въ губерніяхъ здѣшней, Лифляндской и Финляндской велѣно платить прогоныхъ денегъ на версту по 4 копѣйки.

Боже мой, чтобы у насъ было, если бы не послѣднія ваши пріятныя вѣсти!

Шпренгпортена хотятъ употребить къ возмущенію шведской Кореліи.

Иванъ Степановичъ (Рибопьеръ) отправился на новогородскую дорогу для принятія полку, походомъ сюда поспѣшающаго.

Гусарской эскадронъ комплетуется изъ вольныхъ людей.

Арестанты, содержавшіеся въ кригсрехтѣ, выпущены. Большая часть сихъ содержалась за побѣги.

Іюля 13-го 1788 г. Происшествія наши сѣверныя описаны въ подносимыхъ при семъ русскихъ вѣдомостяхъ, и въ ожиданіи обстоятельной отъ г. Грейга реляціи долженъ я, въ дополненіе къ его краткой, донести вамъ слѣдующее. Потерявшій въ боѣ руль, мачты и снасти, доставшійся въ руки шведамъ, корабль нашъ, на которомъ командиромъ находился бригадирскаго ранга капитанъ Бергъ, называется «Владыславъ». Двумъ командующимъ кораблями отъ команды отказано. Робостію сихъ лишились мы означеннаго корабля и случая сдѣлать надъ шведскимъ флотомъ побѣду рѣшительную. Въ Кронштадтъ привели два корабля, въ сраженіи не только рули и мачты потерявшіе, но и

Библиотека "Руниверс"

въ испещренныхъ кровію стѣнахъ поврежденные. На мѣсто сихъ отправлены къ г. Грейгу два новые. Не входя въ разбирательство флаговъ, взявъ корабль и потерявъ таковой же, помянутое сраженіе можно почитать за равное съ обѣихъ сторонъ, еслибъ предъ симъ шведы не отняли у насъ двухъ крейсировавшихъ фрегатовъ и нѣсколько галіотовъ, плывшихъ изъ Риги въ Выборгъ съ казеннымъ хлѣбомъ. Г. Грейгу послана андреевская лента, а генеральный адъютантъ его, г. Кутузовъ, за привозъ сюда извѣстій, пожалованъ въ подполковники. Полоненнаго вице-адмирала повезли прямо изъ Кронштадта, чрезъ Царское Село, въ Москву, потому что государыня видѣть его не желала. Въ числѣ убитыхъ находится, между прочими, предполагавшій воевать въ Средиземномъ морѣ, при сухопутномъ войскѣ отрядѣ, гвардіи офицеръ, князь Долгоруковъ, бывшій предъ симъ флигель-адъютантомъ у его свѣтлости. Лутшую надежду полагалъ король шведской на флотъ свой, которой экипировалъ искусными матросами, и еслибъ шведамъ нашъ флотъ разбить удалося, то они намѣрены были, пришедъ къ Кронштадту, оной сжечь и потомъ водвориться въ Петербургѣ, гдѣ, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, король предполагалъ препроводить зиму, а весною обѣщалъ любовницамъ своимъ дать фриштикъ въ Петергофѣ. Когда флотъ нашъ, здѣсь остававшійся, соединясь вмѣстѣ съ тѣмъ, которой былъ назначенъ къ отправленію въ Средиземное море, о сю пору не успѣли восторжествовать надъ шведскимъ, то что бы было тогда, когда бы лутшая часть нашего флота дѣйствительно отправилась въ Средиземное море? Уже министру нашему велѣно было изъ Штокгольма убраться, а мы не отставали отъ того, чтобъ не посылать флота нашего. Для чего?

— «Государынѣ говорить не смѣемъ».

Несмотря на сіе, я говорить осмѣлился и вотъ почему: 1) Открылось явно, что война со шведами неизбѣжна. 2) Что нѣкоторые, надѣвъ маску усердія къ его свѣтлости, твердили государынѣ безпрестанно, чтобъ флотъ, въ угодность его свѣтлости, поскорѣе отправить. Отправить для того (я достовѣрно узналъ), чтобъ имѣть случай говорить послѣ:

— «Вотъ выгоды пріобрѣтеній полуденныхъ (странъ); вотъ опасность столицы, вотъ наши услуги, безъ коихъ пропало бы все».

Вооружиться противу сихъ коварныхъ замысловъ мнѣ стоило

Библиотека "Руниверс"

много труда. Богъ этому свидѣтель. Стоило мнѣ и то труда увѣрить, что Финляндія, съ помощію войскъ, теперь въ ней имѣющихся, въ состояніи защищаться, и что столица наша внѣ всякой опасности. Пріуготовляли къ потерѣ столицы и изъ Мурина повывезли въ Москву почти всіо. Жалко, что нашъ графъ (Безбородко?) или не умѣетъ, или не... входить ни въ какія дѣла. А на такія дѣла, которыя вверху, рѣшительно сказано: «не всегда настраивать льзя чтобъ не посадить себя на ножъ безъ всякой для дѣлъ пользы; я же теперь и помощника (Рибопьера?) лишился, которой, принявъ полкъ, находится съ онымъ въ походѣ. Хотятъ требовать изъ обѣихъ армій полковъ. Можно-ли? укомплектовавъ здѣшніе, будетъ слишкомъ 50,000 человѣкъ, слѣдовательно, армія, превосходнѣе которой имѣть противъ шведовъ нельзя ни въ какое время».

Съ нѣкотораго времени примѣтилъ я, что графъ нашъ обходится съ соціететомъ ласково. Я не вѣрю и по примѣчаніямъ, и по увѣреніямъ, чтобы графъ съ ними подружился. Но добрые люди умѣютъ въ мутной водѣ ловить рыбу. И я хотя васъ не увѣряю, однако же думаю, что отъ слѣдующихъ причинъ произошла такая перемѣна.

— «Ты видишь, что князь пишетъ къ графу Александру Андреевичу дружески. Это неправда, чтобъ они князю были злодѣи. Какъ бы то ни было, и князь уважаетъ ихъ, какъ людей умныхъ, государству полезныхъ и мнѣ необходимо нужныхъ. Для чего же и тебѣ себя такъ не вести».

Внуша таковыя правила, графъ Воронцовъ владычествуетъ всѣмъ. Владычествуетъ точно, а графъ нашъ, самолюбіемъ ослѣпленный, не видитъ сего. Впрочемъ, уже графъ нашъ (Мамоновъ) и скучать началъ.

— «Скучно; нѣтъ, мнѣ долго здѣсь быть нельзя».

Если это сбудется, то ни отчего инаго, кромѣ физическихъ причинъ.

Послѣ взятія Очакова, его свѣтлости нужно побывать здѣсь. Это писать совѣтовалъ мнѣ и Рожерсонъ.

За усердіе Николая Ивановича (Салтыкова), новаго моего командира, не отвѣчаю, но, по крайней мѣрѣ, не строгихъ онъ держится правилъ, (въ) счетахъ, въ коллегіи основанныхъ, какъ вы сіе увидите изъ письма и рапорта его къ его свѣтлости.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ морскаго сраженія, король съ войскомъ своимъ и на сухомъ пути подался назадъ. Если это не для того, чтобъ повыманить насъ изъ авантажныхъ и неприступныхъ мѣстъ, гдѣ расположены наши войска, то онъ, конечно, струсилъ, и тогда я повѣрю, что слухи, якобы Англія и Пруссія ему содѣйствовать будутъ, ложны.

Сейчасъ получено извѣстіе, котораго я еще не возилъ во дворецъ. Деташаментъ, отряженной отъ Вильманстранда, разбилъ шведскій редутъ у рѣки Пардокоски, отнялъ пушку, убилъ до ста человѣкъ, нѣсколько полонилъ и теперь преслѣдуетъ шведовъ. При семъ случаѣ раздраженные наши противу шведовъ гренадеры, слѣдуя примѣру казаковъ, чтобъ схватить непріятеля, на другомъ берегу рѣки укрѣпившагося, бросились въ воду.

Завадовскій, поздравляя нашего графа (Мамонова) съ побѣдою, Грейгомъ одержанною, далъ чувствовать его сіятельству, сравнивая оную съ побѣдою, на Лиманѣ пріобрѣтенною.

— «Съ шведами не съ турками имѣть дѣло. Примѣтили вы, однако же, скромность, съ которою реляція г. Грейга написана?»

Ядъ лютѣйшаго сего изъ двуногихъ звѣрей вездѣ ощутителенъ. Поздравлялъ и Воронцовъ, но безъ примѣчанія, кромѣ что въ претензіи, для чего знаковъ побѣды сюда не присылаютъ.

Мнѣ удалось у графа Александра Матвѣевича прочесть письмо, которое государыня къ императору (Іосифу II) писать изволила. Во-первыхъ, государыня благодаритъ за поздравленіе, которое императоръ приносилъ Ея В-ву съ рожденіемъ четвертой ей внуки. Потомъ дано императору знать, что идущіе съ турецкимъ войскомъ противу цесарцевъ визири подали его величеству случай увѣнчать себя и армію его лаврами, послѣ коихъ Бѣлградъ, самъ по себѣ, будетъ въ рукахъ у его величества; наконецъ, описаны во всемъ ихъ пространствѣ донкишотства одного изъ королей сѣверныхъ, намъ враждующаго.

Третьяго дня пріѣхалъ г. Боровской, въ полковники пожалованной, а вчерась къ вечеру — г. Глазовъ.

Король шведской, если ему удачи не будетъ, намѣренъ принять вѣру римско-католическую и жить въ Римѣ партикулярнымъ человѣкомъ. Гвардейскіе баталіоны и эскадроны выступили уже въ походъ.

Библиотека "Руниверс"

Іюля 16-го 1788 г. Після послѣдней стычки со шведами подъ Пардокосками, по извѣстіямъ, начинаютъ шведы вездѣ отступать. Стоятъ теперь спокойно подъ Фридрихсгамомъ, по которому уже стрѣлять было начали. Г. Левашовъ, находящійся въ Фридрихсгамѣ съ 2,400 человѣкъ полевыхъ войскъ, представлялъ, какъ въ городѣ все строеніе деревянное и слѣдственно отъ осадной шведской артиллеріи вскорѣ истребиться можетъ, то для спасенія войскъ, ему ввѣренныхъ, не повелѣно-ли будетъ ретироваться, оставя городъ на произволъ судьбѣ?

На сіе государыня приказала отвѣтствовать, что онъ и для спасенія войскъ и для цѣлаго города долженъ во ономъ остаться.

Подполковнику Петровичу, разбитіемъ шведовъ подъ Пардокосками себя отличившему, данъ Георгіевской крестикъ 4-й степени. Будутъ награждены и рекомендованные отъ г. Грейга, коимъ уже присланъ списокъ, такъ какъ другіе, по его же представленію, наказаны. Капитанъ Коковцовъ всѣ выстрѣлы свои производилъ, не подходя къ непріятелю на пушечной выстрѣлъ. За то корабль его не раненъ ни однимъ ядромъ, ни раненыхъ не имѣетъ.

Сіятельнѣйшая графиня (Браницкая) изволила предпріять путь вчерашняго дня въ Бѣлую церковь.

Каменскаго съ флагами ждутъ нетерпѣливо. Реляція ваша напечатана уже въ русскихъ вѣдомостяхъ, теперь подносимыхъ.

19-го іюля 1788 г. 17-го іюля пріѣхалъ сюда нечаянно графъ Алексѣй Григорьевичъ (Орловъ), которой того же дня обѣдалъ во дворцѣ вмѣстѣ съ членами Совѣта, и началъ твердить по прежнему, что, занимаясь дѣлами на полднѣ, привели государство въ совершенную разстройку и что столица здѣшняя находится въ совершенной опасности. Сей разъ этотъ гость государынѣ въ тягость, 1-е потому, что многіе еще до пріѣзда его сіятельства пѣли Ея И. В-ву подобныя его пѣснямъ; 2-е, что опасность со стороны шведовъ почти миновалась.

Теперь у насъ въ Финляндіи около 25,000 человѣкъ. Армія ихъ на сухомъ пути ничего не предпринимаетъ, а на водѣ и ожидать нельзя, чтобъ они имѣли успѣхи. Слышно, впрочемъ, что въ Швеціи есть начало къ междуусобной брани, а, между тѣмъ, въ Даніи и на сухомъ пути, и на водѣ, въ пользу нашу шевелятся.

Библиотека "Руниверс"

Грейгъ не возложилъ на себя андреевской ленты и писалъ, что до тѣхъ поръ не возложитъ, пока не сдѣлается побѣдителемъ шведовъ.

Изъ нѣкоторыхъ изъ подносимыхъ при семъ копій изволите вы усмотрѣть, что исполненіе предписаннаго во оныхъ ничуть не принадлежало, по роду своему, графу Якову Александровичу (Брюсу). Но что дѣлать, съ умыслу стараются дѣла вѣдомства воинскаго департамента привести въ замѣшательство, дабы людямъ, любящимъ кричать, подать къ тому удобной случай и удержать въ соціететѣ лишняго человѣка. Надобно вамъ знать, что теперь всѣ Совѣта члены соединились воедино. Одно тѣло и одна душа съ головою графа Воронцова. Однако же злодѣи наши до сихъ поръ мало имѣли пользы отъ происковъ своихъ, и крѣпко уповаю, что останутся навсегда безъ успѣху.

Присланные отъ васъ трофеи вчерашняго дня отвезены въ Петропавловской соборъ. Флаги и вымпелы водою, а знамена — сухимъ путемъ, подъ прикрытіемъ одного эскадрона Псковскаго карабинернаго полку, идущаго въ Выборгъ. Г. Каменскій ѣхалъ предъ знаменами верхомъ.

Если г. Завадовской приносилъ его свѣтлости поздравленіе съ пріобрѣтенными на днѣпровскомъ лиманѣ побѣдами, то желательно, чтобъ не было на оные отвѣта, ибо, получа оной, будетъ хвастать, что его свѣтлости преданъ и что имѣетъ съ его свѣтлостію переписку, словомъ сказать, будучи злодѣемъ, дастъ о себѣ знать въ нѣкоторомъ мѣстѣ (т. е. у Мамонова), что онъ доброжелатель. Таковымъ онъ себя называетъ предъ трономъ. Къ размышленію сему понудило меня рекомендація о г. Глазовѣ.

— Ни къ тебѣ, ни ко мнѣ князь о Глазовѣ ничего не пишетъ, а велѣлъ меня чрезъ Безбородку просить, чтобъ пожаловать его въ подполковники.

Графъ Александръ Матвѣевичъ говорилъ мнѣ тутъ: «Какимъ образомъ спорить мнѣ теперь противъ ея, что они князю злодѣи, когда князь самъ имѣетъ съ ними дружескую переписку?»

Я мучился съ его сіятельствомъ часа три, стараясь увѣрить, что, кромѣ дѣлъ, обыкновеннымъ порядкомъ текущихъ, его свѣтлость ничего къ графу Безбородко не пишетъ. Посля сего посылано было къ графу Безбородко за письмомъ его свѣтлости, и графъ

Библиотека "Руниверс"

меня успокоилъ на томъ, что г. Глазовъ производится на ряду съ прочими.

Іюля 29-го 1788 г. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ нанялъ домъ, слѣдовательно, располагается здѣсь пожить. Весь городъ говоритъ, что онъ призванъ сюда по имянному указу, но ближайшіе и близкіе къ трону утверждаютъ, что сей графъ, безпрестанно государственное наше правленіе въ черномъ видѣ представляющій, государынѣ крайне скученъ. Злодѣи его свѣтлости, пользуясь настоящимъ положеніемъ происшествій, дворъ иногда тревожащихъ, дѣлаютъ все то, что только могутъ, къ достиженію адскихъ намѣреній своихъ. Но тщетно. И когда я писалъ къ вамъ, что желательно, чтобъ его свѣтлость вскорѣ насъ посѣтить соблаговолилъ, то это не для того, чтобъ была какая-нибудь опасность, собственно до особы его свѣтлости касающаяся, но дабы не дать вкорениться во дворѣ посѣяннымъ во ономъ мыслямъ, что мы можемъ безъ его свѣтлости обойтиться. Одни лѣнивые не повелѣваютъ. Всякой лѣзетъ съ чѣмъ хочетъ, всякой называетъ себя спасителемъ отечества и старается уменьшить цѣну дѣяніямъ людей несравненно превосходнѣе и полезнѣе себя. Одинъ усердствуетъ по прежнему, но многаго не видитъ и не всіо показывать льзя, для того, что дѣла не поправитъ, а себѣ испортитъ. Надобно знать, впрочемъ, что въ отсутствіи Ивана Степановича (Рибопьера) со мною обходятся откровеннѣе прочихъ, а между тѣмъ, другіе строго за мною присматриваютъ, не я ли настроиваю. Недавно графъ Александръ Андреевичъ (Безбородко) велѣлъ мнѣ выговоръ сдѣлать, для чего я, знавши, сколько его свѣтлость дому его усердствуетъ, не стараюсь бывать въ его домѣ, и что я отъ того много теряю.

Но какъ быть? Если мнѣ бывать у него, то мнѣ надобно или сдѣлаться подозрительнымъ графу Александру Матвѣевичу, или подружить сего съ графомъ Александромъ Андреевичемъ; что же, изъ сего, наконецъ, родиться можетъ? Конечно зло, тѣмъ паче, что графъ Александръ Андреевичъ не отстаетъ и не отстанетъ отъ графа Воронцова, и, слѣдовательно, союзу сему не другъ, но соперникъ нуженъ.

На прошедшей недѣли шведы, сдѣлавъ между Выборгомъ и Фридрихсгамомъ десантъ, приступили со всѣхъ сторонъ къ осадѣ

Библиотека "Руниверс"

послѣдняго, но потомъ вдругъ удалились на судахъ своихъ неизвѣстно куда. Нѣкоторые сію шведовъ ратираду приписываютъ ихъ трусости и утверждаютъ, что они бѣжали, опасаясь сразиться съ отрядомъ нашихъ войскъ, въ помощь къ находящимся въ Фридрихсгамѣ, по полученіи о десантѣ извѣстія, изъ Выборга отправленнымъ; но другіе приписываютъ ретираду несогласію, между шведами существующему. Говорятъ, что финскіе ихъ полки, которыхъ король хотѣлъ увѣрить, что мы начинщики войны, дали чувствовать, что свою землю защищать они готовы, но что на нашу нападать не хотятъ.

Вчерась привезъ сюда генералъ-адъютантъ Куликовской отнятой у шведовъ казаками подъ Фридрихсгамомъ штандартъ. Сей штандартъ оставили намъ шведы взамѣнъ взятыхъ ими у насъ 29-ти человѣкъ больныхъ изъ фридрихсгамскаго форштата. Тутъ приходило шведовъ только два эскадрона, и приписываютъ г. Левашову въ великую неосторожность, что онъ далъ время имъ уплестись. Оказалось на повѣрку, что то, что Павелъ Михайловичъ Глазовъ говорилъ о больныхъ, касалось до больныхъ турецкаго флота, но графу Шувалову, изъ усердія къ его свѣтлости, угодно было дать словамъ г. Глазова собственной свой смыслъ, и тако пересказать о томъ государынѣ. Г. Шуваловъ спросилъ г. Глазова, отчего турецкой флотъ ушелъ изъ-подъ Очакова? Сей отвѣтствовалъ, что людей потерялъ много и что также у него больныхъ много. Графъ же Александръ Матвѣевичъ услышалъ о больныхъ отъ г. Шувалова,

Михельсонъ, стоявшій подъ Вильманстрандомъ, подвинулся съ своимъ отрядомъ впередъ. Онъ преслѣдуетъ шведовъ, которые, по полученнымъ сегодня извѣстіямъ, вездѣ бѣгутъ.

Левашовъ передъ осадою фридрихсгамскою (писалъ) слѣдующаго содержанія письмо: «Я имѣю отъ многихъ дамъ дѣтей, коихъ число, по послѣдней ревизіи, шесть душъ; но какъ по теперешнимъ обстоятельствамъ я легко могу лишиться жизни, то прошу, чтобы, по смерти моей, означенныя дѣти, которымъ я, можетъ быть, и не отецъ, были наслѣдники мои».

Государыня приказала на сіе отвѣтствовать, что воля г. Левашова исполнена будетъ.

Monseigneur (в. к. Павелъ Петровичъ) дней пять кряду съ графомъ Валентиномъ Платоновичемъ не говорилъ. Разнообразіе

Библиотека "Руниверс"

мыслей въ разсужденіи принимаемыхъ къ пораженію шведовъ мѣръ было причиною сего несогласія.

Сію минуту получено извѣстіе, что шведской флотъ, состоящій изъ 16-ти линейныхъ кораблей, разъѣзжаетъ по Балтійскому, раздѣлясь на двѣ части, изъ коихъ одна, увидя нашъ флотъ, удалилась въ свою гавань Гельсингфорсъ, исключая одного корабля, сѣвшаго на мель, которой г. Грейгъ приказалъ сжечь, пересадивъ экипажъ на свой корабль.

Г. Томичу поручено сформировать изъ вольныхъ людей гусарской полкъ, на подобіе сформированныхъ у его свѣтлости.

Г. Сенявину пожалована табакерка съ бриллiантами и двѣсти червонцевъ. Чинъ ему дать—отдано на волю его свѣтлости. Онъ привезъ реляцію въ тотъ самой день, когда мы получили извѣстіе, что десантъ шведской удалился, и такъ, сія радость, яко изъ мѣста, отсель ближе Чернаго моря полученная, имѣла при дворѣ лутчее дѣйствіе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

ЕКАТЕРИНА и ПОТЕМКИНЪ

Подлинная ихъ переписка

1782—1791.

Въ 1875-мъ году „Русская Старина“ представила на своихъ страницахъ обширный очеркъ жизни и дѣятельности кн. Потемкина-Таврическаго; въ текущемъ году, Записки Гарновскаго воскрешаютъ на ея страницахъ бытъ двора Екатерины II, обрисовываютъ ея главнѣйшихъ и ближайшихъ сподвижниковъ и довѣренныхъ лицъ, вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ на отношенія людей, у власти стоявшихъ, къ великолѣпному князю Тавриды.

Чрезвычайно важнымъ дополненіемъ, какъ къ біографіи Потемкина, такъ и къ Запискамъ Гарновскаго, являются подлинныя письма императрицы къ Потемкину за время съ 1782-го по 1791-й годъ включительно. Приводимъ ихъ изъ сборника, собраннаго многолѣтнимъ трудомъ покойнаго П. С. Лебедева, профессора Николаевской академіи генеральнаго штаба. Этотъ сборникъ приготовленъ имъ самимъ къ помѣщенію въ „Русской Старинѣ“ и нынѣ сообщенъ намъ дѣтьми покойнаго. **Ред.**

1782-й годъ.

Іюня 3-го ч. пятница по утру.

Батинька, князь Григорій Александровичъ, не токмо желаніе мое узнать о твоемъ добромъ состояніи принуждаетъ меня послать къ тебѣ сего нарочнаго, но и самая нужда по дѣламъ: въ Крымѣ татары начали вновь не малыя безпокойства, отъ коихъ ханъ и Веселицкій уѣхали изъ Кафы водою въ Керчь; Филисовымъ приняты не ласково; теперь нужно обѣщанную защиту дать хану: свои границы и его, нашего друга, охранить; все сіе мы-бы съ тобою въ полчаса поло-

Библиотека "Руниверс"

жили на мѣры, а теперь не знаю, гдѣ тебя найти; всячески тебя прошу поспѣшить своимъ пріѣздомъ, ибо ничего такъ не опасаюсь, какъ что-нибудь проронить или оплошать. Adieu, mon cher ami, revenés au plus vite, portés vous bien [1]), а обо мнѣ будь увѣренъ, что я тебя, какъ душу, люблю.

Денегъ пошлю и суда наряжу, а о войскахъ полагаюсь на тебя, также кого пошлемъ, вѣдь ты гораздъ избрать подобнаго.

Cette affaire me paroit delicate par ce quelle peut avoir des suites qu'il seroit bon d'éviter encore quelque temps [2]).

Агличане жестоко побили на морѣ; французской адмиралъ съ четырьмя кораблями взятъ въ полонъ (у острова Доминго, близь Ямайки); при семъ прилагаю цыдулу человѣка, тебѣ крайне привязаннаго и который жестоко по тебѣ тоскуетъ.

Сентября 15-го ч.

Письмо твое, другъ мой сердечной, отъ 10-го сентября, изъ Могилева, я сегодня получила; сожалѣю о безпокойной твоей ѣздѣ; пожалуй, побереги свое здоровье, лучше день позднѣе пріѣхать и быть здоровымъ. Здѣсь нынѣ дни стоятъ изрядные. Изъ Царяграда получила я отъ Булгакова вѣсти, что весь городъ выгорѣлъ, и горѣлъ 5 часовъ; пожаръ начался 10-го августа (письма отъ 15-го числа), казармы янычарскія, всѣ судебныя мѣста, многія мечети, людей же тысячъ до четырехъ сгорѣло, а нѣсколько сотъ тысячъ порѣло (?) и ожидали отъ сумятицы бунта, и для того смѣненъ визиръ и Кіага-бей; на мѣсто перваго сдѣланъ визиремъ очаковскій паша, а на мѣсто другаго—какой-то Елимъ-паша, который слывется умнымъ и знающимъ человѣкомъ, а чернь злится на насъ, и насъ клеплетъ въ поджиганіи города, и улемы вранье подкрѣпляютъ; въ городѣ же въ хлѣбѣ оказывается скудость, мельницъ и пекарень мало что осталось; пожарище простиралось отъ сераля, которой однако цѣлъ, такъ какъ Софійская мечеть. Прощай, мой милый другъ.

Сентября 25-го ч.

Письма твои, батинька, изъ Херсона, отъ 16-го сентября, я имѣла удовольствіе получить сего утра и хотя подробностей не пишешь, но, какъ тебѣ самому кажется удивительно, сколько сіи мѣста послѣ заключенія мира перемѣнились, то изъ того заключить уже можно, что сдѣлано много. По извѣстіямъ Веселицкаго, ханъ спѣшитъ своимъ переѣздомъ, и такъ думаю, что вы съ нимъ уже видѣлись. О уходѣ

---

[1]) Прощай, мой дорогой другъ, возвращайся возможно скорѣе и будь здоровъ.

[2]) Это дѣло, мнѣ кажется, деликатное по послѣдствіямъ и его надобно избѣгать на нѣкоторое время.

Библиотека "Руниверс"

крымцевъ въ Анатолію и цареградскія вѣсти гласятъ. Удивительнѣе всего, что посреди сумятицы тамошней, послѣ пожара, спѣшили уплачивать деньги, кои намъ должны, и сіе приписываю трусости. Благодарствую за добрыя вѣсти, что провіантъ и сѣно заготовляется съ успѣхомъ и что урожай былъ добрый. Бауру есть легче. Прощай, другъ мой сердечной, будь здоровъ и веселъ.

Съ будущими имянинами тебя поздравляю, дай Богъ тебѣ всякаго добра.

Сентября 30-го ч.

Съ сегодняшними твоими имянинами поздравляю тебя отъ всего сердца; сожалѣю, что не праздную ихъ обще съ тобою; желаю тебѣ, тѣмъ не меньше, всякаго добра, наипаче же здоровья; о моей къ тебѣ дружбѣ всегдашной прошу ни мало не сомнѣваться, равномѣрно и я на твою ко мнѣ привязанность считаю болѣе, нежели на каменныя стѣны. Письмо твое, отъ 19-го сентября, изъ Херсона, до моихъ рукъ доставлено. Неблестящее описаніе состоянія Очакова, которое ты изъ Кинбурна усмотрѣлъ, совершенно соотвѣтствуетъ попеченію той имперіи объ общемъ и частномъ добрѣ, къ которой по сю пору принадлежитъ; какъ сему городишкѣ носъ поднимать противу молодаго херсонскаго колосса! Съ удовольствіемъ планы новаго укрѣпленія Кинбурна приму и выполненіе онаго готова подкрѣпить всякими способами. Петръ Первой, принуждая натуру въ Балтійскихъ своихъ заведеніяхъ и строеніяхъ, имѣлъ болѣе препятствій, нежели мы въ Херсонѣ, но буде бы онъ оныхъ не завелъ, то мы-бъ многихъ лишились способностей, кои употребили для самаго Херсона. Для тамошняго строенія флота, какъ Охтенскихъ плотниковъ, такъ и Олончанъ, я приказала пріискать и по партіямъ отправимъ; а сколько сыщутся, тебѣ сообщу. По письмамъ Веселицкаго изъ Петровской крѣпости, я почитаю, что, скоро послѣ отправленія твоего письма, ты съ ханомъ имѣлъ свиданіе. Батырь-Гирей и Арсланъ-Гирей исчезнутъ, яко воскъ отъ лица огня, такъ и они и ихъ партизаны и покровители отъ добрыхъ твоихъ распоряженій. Что татары подгоняютъ свой скотъ подъ наши крѣпости, смѣю сказать, что я первая была, которая то видѣла съ удовольствіемъ и ихъ къ тому еще до войны поощряла, всегда предписаніемъ ласковаго обхожденія и не препятствуя, какъ въ старину дѣлывали; здѣсь говорятъ, что турки до войны не допустятъ, а я говорю cela ce peut [1]), кажется по послѣднимъ извѣстіямъ, что носы осунулись у нихъ. Курьеръ сказываетъ, что по всей дорогѣ нѣтъ ни единаго города, ни единаго замка, который бы не запертъ былъ по

[1]) Это быть можетъ.

Библиотека "Руниверс"

причинѣ внутреннихъ конвульсій каждаго изъ тѣхъ городовъ и замковъ. Принцъ Виртембергской пріѣхалъ сегодня и завтра ко мнѣ будетъ. Прощай, мой другъ сердечной.

Октября 8-го ч.

Изъ писемъ твоихъ, другъ мой сердечной, отъ 25-го и 26-го числа, я усмотрѣла твое свиданіе съ ханомъ и пустой его страхъ. Пуганная ворона куста боится: татары о насъ судятъ по тѣмъ правиламъ, по которымъ приобыкли судить турецкія распоряженія, и для того намъ подножіемъ служатъ нынѣ. Что-то ханъ къ тебѣ напишетъ? войскъ весьма достаточно наряжено идти, лишь бы въ Крымѣ достатокъ былъ на зиму въ фуражѣ, а прочія заботы въ моей головѣ исчезли, видя изъ твоихъ писемъ приготовленіе пропитанія. Что мои письма тебѣ пріятны, сіе служитъ къ моему большому удовольствію. Богъ знаетъ, Веселицкой или ханъ причиною недоразумѣній о Ахтіярской гавани, я никогда на эти слова много не полагалась, надобно будетъ—займемъ и безъ нихъ, не надобно, то передъ ними.....

1783-й годъ.

Апрѣля 4-го ч.—Изъ Царскаго Села.

Письмо твое, другъ мой сердечной, изъ Полоцка, я получила, но оное безъ числа, и такъ, не знаю, когда доѣхалъ. Сожалѣю, что ты столь много трудностей нашелъ въ дорогѣ. Надѣюсь, что ты всю экспедицію получилъ. Репнинъ, отъѣзжаючи, просилъ меня, чтобъ когда ему впередъ идти прійдется, чтобъ его увѣдомить гораздо заблаговременно (пока же на его корпусъ пропитаніе имѣется не долѣе 15-го іюня), дабы пропитаніе заготовить могъ. Богъ съ тобой, будь здоровъ и пиши чаще ко мнѣ и ставь числа, и увѣдомь меня подробно обо всемъ, тѣмъ самымъ убавишь во мнѣ много безпокойства. Прощай, желаю тебѣ счастливаго пути. Саша [1]) тебѣ кланяется.

Апрѣля 9-го ч.

Письмо твое изъ Нарвы, безъ числа, я вчерашній день отъ Михаила Сергѣевича [2]) получила; жалѣю, что дороги такъ дурны. Я чаю. ты весь разбитъ, пожалуй, другъ мой любезной, будь здоровъ. Прощай, Богъ съ тобой.

Апрѣля 14-го ч. въ великую пятницу.

Mon ami. J'ai reçu hier une lettre de l'Empereur, dont je vous envoye copie; c'est la reponse a ma dernière; j'ai ordonée de vous

[1]) Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ.

[2]) Потемкина.

Библиотека "Руниверс"

envoyer un resumé de tout le bavardage de Cobenzel; je ne fais aucune reflexion sur tout cela, parceque je suis très fermement resolue de ne compter sur personne, que sur nous meme. Quand le gateau sera cuit chaqu'un prendra de l'apetit.

Мой другъ, я получила вчера императорское письмо и посылаю вамъ съ него копію; это отвѣтъ на мое послѣднее посланіе; я приказала сдѣлать вамъ суть всей болтовни Кобенцеля; я вовсе надъ этимъ не задумываюсь, потому что твердо рѣшилась ни на кого, кромѣ себя, не расчитывать. Когда пирогъ испеченъ, у каждаго явится аппетитъ.

Примѣчаніе. Письмо императора Іосифа можно назвать образцомъ политической болтовни и искусства, сказавъ много, не высказать ничего. Мы оставляемъ его безъ перевода. Л.

Императоръ Іосифъ—Екатеринѣ II.

Le 8-e Avril 1783.

Madame ma soeur, c'est encore de Vienne que j'ai l'honneur d'adresser à Votre Majesté Impériale ces lignes; nombre de petites affaires domestiques m'ont empéché jusqu'à présent et m'empécheront peut-être encore quelque temps de faire la course que je lui avois annoncé en Italie. Je vois par la lettre que V. M. I. a bien voulu m'écrire, qu'il lui reste des doutes sur l'exactitude des Turcs a remplir en plein les engagemens qu'ils viennent de contracter nouvellement pour l'accomplissement des trois points desirés par Elle du Traité de Kainardji; pour moi je suis peut-être trop confiant, mais je me flatte qu'en cette occasion, comme dans toutes les autres, le langage parfaitement uniforme et les démonstrations très positives y alogues que nous avons faites en commun, rendront la Porte plus souple et plus éxacte à remplir dorénovant ce qu'elle aura promis, au moins V. M. I. pourra compter avec une parfaite sureté, que je ne démentirai jamais ni mon Nom, ni mes titres, parmi lesquels celui d'etre l'Allié et l'ami de Catherine Seconde, ... est certenement le plus cher et le plus précieux.

Les devoirs de mon Etat, ce que je dois à la monarchie qui m'est confiée, et aux individus qui la comprosent m'ont engagé à détailler avec cette entière confiance que V. M. I. a soi (?) m'inspirer sa convenance, et ce que sa situation et les circonstances éxigent pour sa sureté. Je suis sûr que V. M. I. aura mis la vrai valeur à cette démarche de ma part, et qui ne peut que donner aux yeux cloirvoyants et justes de V. M. I. le plus grand prix à ma franche et sincère façon d'agir avec l'intêret personnel si vif que je mets à mériter toujours son amitié. Oser lui dire comme je l'ai fais voilà ce que je ne puis point, et voila ce qu'il me faut; c'est je crois donner la plus grande latitude à la sureté et solidité aussi des assurances que j'ai l'honneur de lui donner de ce que je puis, et de ce que je ferai toujours pour Elle. Dès que les ordres de V. M. I. seront parvenus ici au prince Golitzin ou à Paris à son ministre sur notre accession commune à la paix je ne manquerai pas de donner les ordres en conformité au comte de Merey. L'Angleterre qui reste tant de temps sans pouvoir convenir d'un ministère, et ce parlement qui dans le moment de la crise la plus terrible oublie tout-à-fait son patriotisme tant prôné, et qui tout

Библиотека "Руниверс"

à l'intrigue personelle ne s'occupe que de cela est un de ces spectacles vraiment inconcevables et qui fait bien voir combien un gouvernement petit dans ces objets et mesures peut affaiblir le caractère et détruire la vigueur et par conséquent la considération de toute une nation. Depuis 20 années dans vos mains la monarchie Russe que n'a-t-elle pas gagné en considération, opinion, et de force, elle n'avoit point le préjugé pour elle, et l'Angleterre qu'est elle devenue, malgré la prévention générale qu'on avoit de ses moyens, de ses ressources, et de l'excellence de sa constitution! Cela aprend à nous autres commençans à nous dire: Imitons et évitons. Que V. M. I. veuille bien être persuadée que l'intêret qu'elle me témoigne prendre au bien être de la princesse Elizabeth m'est infiniment précieux, son personel joint à tous ceux à qui elle apartient de si près, seroit déjà suffisant à ne me laisser rien négliger de ce qui peut lui être agréable. Que V. M. I. veuille bien me croire avec l'attachement et l'amitié la plus inviolable pour la vie,

Madame ma soeur, de Votre Majésté Impériale le bon frère et fidèle ami et allié Joseph.

Voudroit elle bien recevoir ici mes plus sincères complimens sur ..... rense grossesse de madame la grande duchesse, mes voeux sont inséparables de son bonheur.

Какъ мало я считаю на союзника, такъ мало я опасаюсь и уважаю французской громъ, или, лучше сказать, зарницу. Сожалѣю, что отъ самой Нарвы отъ тебя строки не видала; пожалуй, не оставь меня безъ увѣдомленія о себѣ и дѣлахъ, дабы я, знавъ о всемъ, излишняго безпокойства не имѣла. Будь здоровъ и пиши чаще. Александръ Дм. (Мамоновъ) тебѣ кланяется и ежедневно ходитъ почти освѣдомляться Татьяна Васильевна [1]) здорова-ли? Adieu, mon cher ami je vous souhaite santé et bonheur [2]); съ наступающимъ праздникомъ тебя поздравляю.

Апрѣля 18-го ч.

Приходилъ Ефимовичъ, хотѣлъ со мною проститься, я велѣла сказать ему, что съ отрѣшенными за плутни судьями я знакомства не имѣю; вездѣ, ходя, лжетъ на тебя, говоритъ, что ты ему полкъ далъ: я тому не вѣрю, понеже знаю, что для такого бездѣльника добрыхъ и честно-служащихъ подполковниковъ не будешь обижать; а его дѣла скорѣе кнута, нежели полка, въ награжденіе удостоены по суду. Я о семъ спѣшу написать къ тебѣ, дабы ты зналъ, какъ тебя облыгаетъ Ефимовичъ. Прощай, мой другъ, желаю тебѣ здоровья и лучшую дорогу, знаю, что ты 10-го числа апрѣля пріѣхалъ въ Псковъ.

Апрѣля 27-го ч.—Изъ Царскаго Села.

Другъ мой сердечный, за поздравленіе твое со днемъ моего рожденія благодарствую, также и за присланный подарокъ; хвалю тебя,

---

[1]) Племянница Потемкина—Энгельгардтъ.

[2]) Прощай, мой другъ, желаю тебѣ счастія и здоровья.

Библиотека "Руниверс"

что ты отдохнулъ нѣсколько въ Могилевѣ. Пассекъ самъ ѣдетъ ради шкловскихъ диковинокъ.[1]), и онъ, конечно, пресѣчетъ (ихъ) наискорѣе и станетъ смотрѣть за ними. Винныхъ накажетъ, а за прочимъ будетъ имѣть бдѣніе. Что людей ты нашелъ своимъ нынѣшнимъ состояніемъ довольныхъ, тому радуюсь; чего недостаетъ, постараюсь поправить со временемъ. Прикажу и Смогоржевскаго унимать. Спасибо тебѣ, что числа вписалъ и мѣсто, откуда пишешь. Пожалуй и впредь такъ дѣлай и пиши часто и подробно, а твои письма весьма мнѣ пріятны; я здорова.

Мая 4-го ч.— Изъ Царскаго Села.

По полученіи послѣдняго твоего отвѣта, отъ 22-го апрѣля, изъ Дубровны, я такъ крѣпко занемогла болью въ щекѣ и жаромъ, что принуждена была, лежа въ постелѣ, кровь пустить; но какъ круто занемогла, такъ поспѣшно паки поправилась, и вся сила болѣзни миновалась коликою въ третьи сутки, и выздоровѣла царица и безъ лекарства, похоже, какъ въ сказкѣ о Февѣѣ написано. Я уже писала къ тебѣ, что отъ цесаря ко мнѣ два письма были, кои уже опять инымъ тономъ (написаны). Я на него никакъ не надѣюсь, а вредить не станетъ; на внутреннихъ и внѣшнихъ Бурбоновъ я ни мало не смотрю, а думаю, что война неизбѣжна; время у насъ отмѣнно хорошо и тепло, и, потому судя, думаю, что и подножной кормъ у васъ поспѣваетъ. Въ Малороссіи сдѣлано теперь распоряженіе о платежѣ податей по душамъ; таковые не худо дѣлать и въ мѣстахъ Полтавскаго и Миргородскаго полковъ, кои приписаны къ Новороссійской губерніи, не касаясь новыхъ населеній, которымъ даются льготные годы. Тутолмина я велѣла отпустить къ тебѣ. Прощай, мой другъ сердечной, прошу быть столь увѣреннымъ въ моей къ тебѣ непремѣнной дружбѣ, какъ я въ твоей ко мнѣ вѣрности. Прощай, будь здоровъ и веселъ, и имѣй во всемъ успѣхъ.

Мая 5-го ч.

Голубчикъ мой князь, сейчасъ получила твое письмо изъ Кричева и изъ онаго и прочихъ депешъ усмотрѣла, что ханъ отказался отъ ханства, и о томъ жалѣть нечего, только прикажи съ нимъ обходиться ласково и съ почтеніемъ, приличнымъ владѣтелю, и отдать то, что ему назначено, ибо прочее о немъ расположеніе не перемѣняю.

Непростительно Ефимовичу оболгать тебя, повсюду онъ здѣсь вездѣ въ шарфѣ и въ полковничьемъ мундирѣ ходилъ.

Отвѣтъ твой великому князю, по причинѣ Екеля, весьма пристоенъ; на сихъ дняхъ Грейгъ ко мнѣ будетъ и я посмотрю, можно-

---

[1]) Намекъ на Зорича.

Библиотека "Руниверс"

ли будетъ въ Кронштадтѣ строить безъ него, или нуженъ-ли онъ, по крайней мѣрѣ, при началѣ работъ, ибо онъ знаетъ Бауеровы мысли.

Мая 6-го ч.— Изъ Царскаго Села.

Письмо твое, другъ мой сердечной, изъ Херсона, я получила вчера; жалѣю много о приключившемся тебѣ безпокойствіи дорогою и о томъ, что ты по адмиралтейству и по крѣпостному строенію не все нашелъ въ надлежащемъ порядкѣ. Сюда пріѣхалъ Ганнибалъ и увѣрилъ меня, что крѣпость совершенно въ безопасномъ положеніи противу нечаяннаго нападенія и что корабли отстраиваются. Я, для славы города Херсона и для гремящаго сего града съ младенчества имени, дала строителю большой крестъ Владимірской. Не сумнѣваюсь, что въ твоихъ рукахъ и твоимъ попеченіемъ все пойдетъ какъ должно. Крымскихъ извѣстій дальнихъ ожидаю нетерпѣливо, и думаю, что нынѣ уже объявлены россійскими подданными; въ Цареградѣ начали хулить суджукскаго паши предпріятіе на Тамань; изъ рапортовъ съ разныхъ мѣстъ вижу, что и съ Темрюкомъ послѣдовало тоже и нельзя (думать), чтобъ Порта о томъ не знала.

Я не знаю, почему мои письма къ тебѣ не доходятъ, кажется я писала къ тебѣ при всякомъ случаѣ. Пока ты жалуешься, что отъ меня нѣтъ извѣстій, мнѣ казалось, что отъ тебя давно нѣтъ писемъ. Теперь я здорова, а съ начала мая я здѣсь занемогла, по моему обычаю, круто; принуждены были кровь пустить, чѣмъ жаръ прервался.

Вчера получила письмо отъ короля шведскаго, которой къ 13-му іюня сбирается пріѣхать въ Финляндію и спрашиваетъ, гдѣ можетъ со мною увидѣться; я назначила Фридрихсгамъ, куда къ тому времени поѣду на три дня, а всего денъ десять отселѣ отлучусь, и первой мой ночлегъ будетъ въ Осиновой рощѣ. Король шведской, взявъ отъ французовъ денегъ для демонстрацій, дѣлаетъ изъ шести полковъ лагерь у Тавастгуса, и въ самое тоже время, какъ подтрунивываетъ свиданіемъ.

Я не знаю, кто компоновалъ графинѣ Браницкой русское письмо такое странное ко мнѣ, что расхохотаться надлежитъ, лучше бы она запросто писала сама. Adieu, mon ami, portés vous bien et ecrivés moi le plus souvent possible; avés vous vu le marechal Roumenzof ou ne l'avés vous pas vu? Qu'est ce qu'il fait; je pense rien [1]).

Мая 30-го ч.— Изъ Царскаго Села.

Письмо твое изъ Херсона, отъ 16-го мая, я получила вчера, и, по просьбѣ твоей выполняя, имѣю тебѣ объявить, что я здорова, а въ

[1]) Прощайте, мой другъ, будьте здоровы и пишите мнѣ возможно чаще. Ви-

Библиотека "Руниверс"

началѣ мая захворала такъ, что первое число, вмѣсто гулянья, пустила кровь и то лежа на постелѣ.

Вмѣстѣ съ твоимъ письмомъ получила я изъ Вѣны курьера съ письмомъ отъ Іосифа Втораго, съ котораго при семъ копію прилагаю; увидишь изъ онаго, что твое пророчество, другъ мой сердечной и умной, сбылось.

Дай Боже, чтобъ татарское или, лучше сказать, крымское дѣло скоро кончилось; я думаю, что (чѣмъ) менѣе теперь станешь мѣшкать, то лучше, дабы турки не успѣли оному наносить препятствія, какія ни на есть, буде скорѣе узнаютъ, нежели сдѣлается; а на просьбу татаръ теперь не смотрѣть, а ногайскіе и такъ уже, по письмамъ Павла Сергѣевича (Потемкина), о подданствѣ заговариваютъ.

Сожалѣю, что въ Херсонѣ строенія военныя и цивильныя не таковы, какъ желалось; надѣюсь, что усердіемъ все исправлено будетъ.

У насъ весь май мѣсяцъ такъ хорошъ, что лучше желать нельзя.

Святова я опредѣлю въ должность генералъ-кригсъ-коммисара, а что пишешь о Завадовскомъ, то трудно разбирать; не понимаю, какъ отъ сената да къ собакамъ, а отъ собакъ къ полководству дорога лежать можетъ; я на время возьму къ шталмейстерской должности или князя Николая Алексѣевича Голицына или Юсупова. Adieu, mon ami, portés vous bien [1]). Саша тебѣ кланяется и самъ писать будетъ.

По разнымъ представленіямъ получишь резолюціи.

Восьмое іюня поѣду на десять дней въ Финляндію, гдѣ въ Фридрихсгамѣ увижусь съ королемъ шведскимъ.

Іюня 5-го ч.— Изъ Царскаго Села.

Третьяго дня получила я отъ короля шведскаго извѣщеніе съ нарочнымъ, что онъ пріѣхалъ въ Або благополучно, бывъ 22 часа на морѣ, а вчера прислалъ онъ другаго, съ тѣмъ, что онъ, смотря войско при Тавастгусѣ, стоя на одномъ мѣстѣ верхомъ, лошадь его, испугавшись отъ пушечнаго выстрѣла, бросилась въ сторону и Его В-во, упавъ съ ней, лѣвую руку, межъ плечъ и локтя, переломилъ на наискось; присланный сказываетъ, что съ мѣста короля понесли на креслѣ до Тавастгуса, онъ же самъ правою рукою написалъ ко мнѣ, чтобы я согласилась отсрочить свиданіе до двадцатаго іюня, и что тогда лекарь обнадеживаетъ, что (съ) перевязанной рукой ко мнѣ быть можетъ; я писала къ нему съ сожалѣніемъ, послала камеръ-

---

дѣли или не видѣли вы фельдмаршала Румянцова? Что онъ дѣлаетъ? Я думаю — ничего.

[1]) Прощайте, мой другъ, будьте здоровы.

Библиотека "Руниверс"

юнкера для освѣдомленія о его здоровьѣ и согласилась на отсрочку. Pardi, mon ami, voila un heros bien maladroit, que de tomber comme cela dans un maneuvre devant ses troupes[1]).

Письмо твое, мой милой другъ, отъ 18-го мая, я получила; чтобъ ханское желаніе въ разсужденіи голубой ленты удовлетворить и при томъ сохранить все то, что мнѣ и ему сохранить надлежитъ, то приказала я изготовить голубую ленту чрезъ плечо съ медальономъ овальнымъ, на которомъ посреди алмазовъ слово изъ надписи ордена святаго Андрея: вѣрность, звѣзда же брилліантовая и съ той же надписью, а ему при томъ сказать надлежитъ, что креста ни онъ носить не можетъ, ни я дать не могу ему, потому что онъ не христіанинъ; а даю ему голубую ленту съ надписью ордена святаго Андрея и съ преимуществомъ того ордена—съ генералъ-поручическимъ чиномъ. Нетерпѣливо жду отъ тебя извѣстія объ окончаніи крымскаго дѣла; пожалуй, займи, прежде нежели турки успѣютъ тебѣ повергнуть сопротивленіе. Къ Павлу Сергѣевичу и къ тебѣ приказала отправить подарокъ: мѣха и вещи, которыя ты требовалъ. Путь на Ригу и вверхъ по Двинѣ, а тамъ по Днѣпру, которой ты желаешь, чтобъ единороги взяли, дабы Ахтіярской гавани доставить противъ непріятельскихъ судовъ оборону, не есть ближней; конечно, ты имѣешь тѣмъ путемъ иное намѣреніе, буде тебѣ скорѣе, куда надобно, то везти въ Смоленскъ, кратчайшей отселѣ путь. Отселѣ въ Ригу будутъ три недѣли въ пути, а тамъ вверхъ по Двинѣ проѣдутъ-ли, Богъ еще знаетъ, а тамъ переволокъ до Днѣпра. Однако-жъ отправить велѣла.

Фельдмаршалъ Румянцовъ пишетъ ко мнѣ, требуетъ генеральнаго штаба, инженеровъ и экстраординарной суммы; я приказала къ тебѣ сообщить его письма, онъ же опасается, чтобъ турки его не упредили. Какъ война не объявлена, то, кажется, все ко времени еще поспѣть можетъ. Adieu, mon ami, portés vous bien[2]), послѣ похода моего перемѣни генералъ-кригсъ-коммисара.

Зоричъ ѣхалъ было сюда, но я послала ему сказать, чтобъ онъ до рѣшенія дѣла Заковича не казался мнѣ на глаза, и такъ, просилъ, чтобъ ѣхать въ Сесвезенъ, чего я ему дозволила.

9-го іюня ч.— Изъ Царскаго Села.

Письмо твое, отъ 28-го прошедшаго, я получила сегодня изъ рукъ Александра Дм. (Мамонова); я надѣюсь, что мои письма теперь и подушка до рукъ твоихъ дошли, а когда изволишь писать: „дай Боже,

[1]) Нечего сказать, мой другъ, вотъ довольно неловкій герой, который упалъ такимъ образомъ передъ своими войсками.

[2]) Прощай, мой другъ, будь здоровъ.

Библиотека "Руниверс"

чтобъ вы меня не забыли", то сіе называется у насъ писать пустошъ: не токмо помню часто, но и жалѣю и часто тужу, что ты тамъ, а не здѣсь, ибо безъ тебя я, какъ безъ рукъ: прошу тебя всячески, не мѣшкай занятіемъ Крыма. Пугаетъ меня теперь зараза для тебя и для всѣхъ; для Бога, возьми и вели взять всевозможныя мѣры. Я очень жалѣю, что ты съ фельдмаршаломъ Румянцовымъ, гдѣ ни на есть, не съѣхались; всѣ на свѣтѣ теперь на него находятъ заботы: штаба генеральнаго, инженеровъ, деньги экстраординарныя и вѣстей отъ Булгакова проситъ, также боится быть упрежденъ турками. Чтобъ чего не проронить, видя сіе, приказала къ нему послать что можно будетъ, а возлѣ его все по пустому. Вѣрю, что тебѣ заботъ много, но знаю, что ты же заботами не скучаешь; что строеніе кораблей идетъ съ поспѣшеніемъ — сіе слуху моему весьма пріятно. Потребное число людей стараться буду прислать. Въ покупкѣ хлѣба удача была, а тажемныхъ (?) недоразумѣній легко пособить въ теперешнее время оной нужно. Король Швеціи руку переломилъ въ тавастгусскомъ лагерѣ, и для того наше свиданіе въ Фридрихсгамѣ отложено до 20-го сего мѣсяца. Adieu, mon ami, Христосъ съ тобою.

Сего утра Измайловскаго полку маіоръ Олсуфьевъ умре; напиши нѣсколько достойныхъ людей, изъ коихъ мнѣ выбрать на его мѣсто, теперь поручила полкъ Левашову.

Іюня 13-го ч.— Изъ Царскаго Села.

Письмо твое, другъ мой сердечной, отъ 1-го іюня, изъ Херсона, я третьяго дня получила. Желательно весьма, чтобъ ты скорѣе занялъ Крымъ, дабы супротивники какъ-нибудь въ чемъ излишнее препятствіе не учинили, а въ Цареградѣ, кажется, о занятіи уже глухіе слухи доходятъ, а на это смотрѣть нечего: добровольно-ли татары на то поступаютъ или предаются, или нѣтъ. Отовсюду извѣстія подтверждаются, что турки ополчаются. Я приказала къ тебѣ сто тысячъ рублей переслать на херсонскія нужды, по твоимъ требованіямъ, на первой случай, понеже ты сумму не означаешь, то я не знала, сколько переслать по тамошнимъ необходимостямъ, а избрала переслать сію сумму; я приказала людей число командировать слѣдующихъ къ адмиралтейству, и надѣюсь, что нарядомъ тѣмъ служба исправлена будетъ. Что осадной артиллеріи впятеро болѣе довезено, нежели подъ Бендерами было, сіе подаетъ надежду добрую; хорошо, что и въ перевозахъ лучшая экономія наблюдаема, за что спасибо эконому. Пожалуй, не давай кораблямъ очень огромныя имяна, afin que des noms trop tot fameu ne devienne a charge et qu'il ne soit trop difficile de

Библиотека "Руниверс"

remplir une pareil carriere[1]); впрочемъ, какъ хочешь съ имянами, ma bride en main, parce qu'il vaut mieu etre que paraitre et ne pas etre. Adieu, mon ami[2]); по прочимъ твоимъ требованіямъ ссылаюсь на данныя резолюціи.

Пожалуй, дай мнѣ знать о продолженіи, или утушеніи, или пресѣченіи язвы; сія меня стращаетъ, опасаюсь все, чтобъ не прокралась паки, отъ какой ни на есть оплошности форпостной, внутрь Россіи. Прощай, будь здоровъ; послѣ завтра назначила ѣхать въ Фридрихсгамъ; не знаю, какъ король съ изломанной рукою снесетъ дорогу. Послала провѣдать. Александръ Македонской предъ войскомъ, отъ своей оплошности, не падалъ съ коня.

Саша кланяется.

Іюня 29-го ч.— Изъ Царскаго Села.

Другъ мой сердечной, съ праздниками тебя поздравляю; въ прошедшую субботу я возвратилась изъ Фридрихсгама, гдѣ я видѣлась съ королемъ шведскимъ, которой много терпитъ отъ изломанной руки; ты его знаешь, и такъ, писать о томъ нечего, j'ai seulement trouvée qu'il etoit exessivement occupé de sa parure se tenant fort volontier devant le miroir, et ne permettant a aucun officier de se presenter autrement a la cour qu'en habit noir et ponceau et point en uniforme; ceci ma choqué parce que selon moi il ni a point d'habillement plus honorable et plus cher qu'un uniforme[3]).

Видѣла я Крейца, его новаго министра; сей прямо изъ Парижа въ Фридрихсгамъ пріѣхалъ, il ma paru que Шеферъ avoit plus d'esprit[4]); лучшій въ suite королевской показался Таубе, что зимою былъ въ Петербургѣ, а прочіе все люди весьма, весьма молодые. Вотъ тебѣ вѣсти наши; теперь отвѣтствовать буду на твое письмо изъ Херсона отъ 12-го іюня. Что ты выбился изъ силъ, о томъ весьма сожалѣю, ты знаешь, что ты мнѣ очень, очень надобенъ, и такъ, прошу тебя всячески беречь здоровье; къ оруженію морскому люди отправлены и отправляются, и надѣюсь, что выборъ людей также недуренъ—самому генералъ-адмиралу порученъ былъ; на всѣ взятыя тобою мѣры объ укрѣпленіи Кинбурна, о доставленіи повсюду провіанта и о понужде-

[1]) Для того, чтобы слишкомъ громкое не сдѣлалось тяжкимъ и чтобы не было слишкомъ трудно исполнить подобное назначеніе.

[2]) Съ моею уздою въ рукѣ, потому что лучше быть, чѣмъ казаться или вовсе не быть. Прощай, мой другъ.

[3]) Я только нашла, что онъ чрезвычайно былъ занятъ своимъ уборомъ и охотно держался передъ зеркаломъ и не позволялъ ни одному офицеру являться ко двору иначе, какъ въ черномъ и пунцовомъ платьѣ; это мнѣ бросилось въ глаза, потому что, по моему мнѣнію, нѣтъ платья почетнѣе и дороже мундира.

[4]) Мнѣ показалось, что Шеферъ былъ умнѣе.

Библиотека "Руниверс"

ніи войска, имѣю твердую надежду, что все то пойдетъ какъ желается; одна чума меня страшитъ, чтобъ не распространилась; для Бога, не упускай ни единаго извѣстнаго способа для предосторожности отъ оной, какъ для себя, такъ и для всѣхъ; опасаюсь иногда и того, чтобъ не вкралась паки въ Россію. Пѣхотные полки, по твоимъ представленіямъ, апробованы; генералъ-кригсъ-коммисаръ сдѣланъ Святой; проектъ твой на Синопъ или другія мѣста, если война будетъ объявлена, недуренъ; отовсюду слышу, что турки сильно вооружаются, но друзья ихъ удержутъ отъ войны до времени. О цесарѣ мысли мои съ твоими весьма согласны, лишь бы онъ не былъ въ томъ положеніи, какъ былъ въ прошедшей войнѣ, всякая иная намъ отъ него полезна. Михаилу Сергѣевичу Потемкину, по твоей просьбѣ, прикажу ѣхать къ тебѣ; надѣюсь, что, по сей часъ, судьба Крыма рѣшилась, ибо пишешь, что туда ѣдешь. Adieu, mon ami, portés vous bien, je vous embrasse de tout mon coeur [1]).

Саша тебѣ кланяется.

Іюля 6-го ч.— Изъ Царскаго Села.

Отпуская маіора Глазова обратно къ тебѣ, по твоему желанію, вручить велѣла и сіе письмецо, чрезъ которое увѣдомляю тебя, друга моего сердечнаго, что я съ прошедшимъ курьеромъ отвѣтствовала на твое письмо о занятіи Крыма; публика здѣшняя симъ происшествіемъ вообще обрадована: цапанье намъ никогда не противно, потерять же мы не любимъ.

Напиши ко мнѣ, отослалъ-ли ты къ Шагинъ-Гирею голубую ленту, да пришли ко мнѣ имена людей, кои въ маіоры годятся въ Измайловской полкъ, ибо Олсуфьевъ умеръ; также не забудь мнѣ отвѣтствовать о деревняхъ, кои Безбородко проситъ. Александръ Дм. (Мамоновъ) выздоравливаетъ отъ своего несчастливо съ лошади упаденія. Съ часа на часъ, мѣсяцъ цѣлый, ждемъ разрѣшенія великой княгини, но по сю пору тщетно. Adieu, mon ami, portés vous bien [2]), я здорова.

Іюля 10-го ч.— Изъ Царскаго Села.

Давнымъ давно, другъ мой сердечной, я отъ тебя писемъ не имѣю, думаю, что ты уѣхалъ въ Крымъ, опасаюсь, чтобъ болѣзни тамошнія, какъ ни на есть, не коснулись, сохрани Боже, до тебя. Изъ Цареграда получила я торговый трактатъ, совсѣмъ подписанный, и сказываетъ Булгаковъ, что они знаютъ о занятіи Крыма, только никто не пикнетъ, и сами ищутъ о томъ слухи утушать. Удивительное дѣло!

---

[1]) Прощайте, мой другъ, будьте здоровы; обнимаю васъ отъ всего сердца.

[2]) Прощайте, мой другъ, будьте здоровы.

Библиотека "Руниверс"

Съ часа на часъ ждемъ родины великой княгини. Я здорова; отправляю нынѣ къ тебѣ Святаго, а на его мѣсто взяла я паки Ребиндера. У насъ теперь папской посолъ. Вотъ вѣсти здѣшнія. Только признаюсь, что жду нетерпѣливо отъ тебя вѣстей; пуще всего береги свое здоровье.

Іюля 15-го ч.—Изъ Царскаго Села.

Ты можешь себѣ представить, въ какомъ я должна быть безпокойствѣ, не имѣя отъ тебя ни строки болѣе пяти недѣль; сверхъ того, здѣсь слухи бываютъ ложные, кои опровергнуть нечѣмъ. Я ждала занятія Крыма, по крайнемъ срокѣ, въ половинѣ мая, а теперь и половина іюля, а я о томъ не болѣе знаю, какъ и папа римскій; сіе неминуемо производитъ толки всякіе, кои мнѣ отнюдь не пріятны; я тебя прошу всячески, увѣдомляй меня почаще, afin que je reste au fil des choses; l'activité naturelle de mon esprit et de ma tête forge mille idées qui me tourmentent souvent[1]); сюда и о язвѣ приходятъ всякія сказки; частымъ увѣдомленіемъ успокоишь мой духъ.

Иного писать не имѣю; ни я и никто не знаетъ, гдѣ ты; наугадъ посылаю въ Херсонъ.

Фельдмаршалъ Румянцовъ, какъ и всегда, выискиваетъ разныя неудовольствительныя замашки.

Adieu, mon ami, portés vous bien et que votre histoire de la Crimée sera une fois terminée[2]).

Іюля 20-го ч.—Изъ Царскаго Села.

Послѣ долгаго ожиданія, наконецъ, вчерашняго числа получила я, любезный другъ, твое письмо, отъ 10-го сего мѣсяца, изъ Карасу-Базара, съ пріятными вѣстями о присягѣ Крыма и двухъ ногайскихъ ордъ; за все то благодарю тебя. Авось-либо все обойдется на сей разъ безъ дальныхъ хлопотъ; ожидаю теперь курьера съ обстоятельными вѣстями; прошу тебя увѣрить трудившихся, что оставлены не будутъ; отъ тебя ожидаю о томъ представленія. Сожалѣю только о томъ, что ты былъ боленъ и, въ слабости бывъ, много труда понесъ; стращаетъ меня чума, дай Боже, чтобъ ты успѣлъ своихъ охранить отъ оной и въ Крымѣ пресѣчь ея пребываніе. Что принцъ Виртембергской охотникъ служить, скажу сестрѣ[3]); съ часу на часъ ждемъ разрѣшенія сей.

Саша такъ больно ушибленъ отъ англійскаго коня, что почти въ

---

[1]) Для того, чтобы я могла слѣдить за ходомъ вещей; природная дѣятельность моего ума и головы выковываетъ тысячи идей, которыя меня часто мучатъ.

[2]) Прощайте, мой другъ, будьте здоровы, и чтобы ваша крымская исторія одинъ разъ навсегда была кончена.

[3]) Супругѣ Павла, великой княгинѣ Маріи.

Библиотека "Руниверс"

постелѣ лежитъ недвижимъ, однако опасности нѣтъ; сіе сдѣлалось вчерась по утру, теперь ровно сутки. Adeu, mon cher et precieux ami, portés vous bien [1]).

Проситъ у меня Безбородко 2,000 душъ ранговыхъ полковничьихъ деревень въ Украйнѣ, говоритъ, что сіе не дѣлаетъ еще шестой доли того, что законы опредѣляютъ за примыслы барыша коронѣ, а онъ мало-ли придумалъ; il me semble que ce raisonnement est assés juste, cependant je serait bien aise de savoir ce que vous en pensés? [2]).

Августа 13-го.—Изъ Царскаго Села.

Письма твои, другъ мой сердечной, изъ лагеря у Карасу-Базара, отъ 9-го іюля, я получила, и уже о прошедшемъ, по которому ты прислалъ объясненіе, упоминать не буду; слава Богу, что ты и съ тобою въ лагерѣ находящіяся войска, посреди сильной крымской язвы, здоровы; хорошо бы было, еслибъ каждую татарскую деревню, для пресѣченія язвы, можно было до того довести, чтобъ наблюдали обрядъ тотъ, который у насъ каждая деревня наблюдала въ подобномъ случаѣ: скорѣе пресѣклась бы зараза. За всѣ приложенныя тобою труды и неограниченныя попеченія по моимъ дѣламъ не могу тебѣ довольно изъяснить мое признаніе; ты самъ знаешь, колико я чувствительна къ заслугамъ, а твои отличныя, такъ какъ и моя къ тебѣ дружба и любовь. Дай Богъ тебѣ здоровья и продолженіе силъ тѣлесныхъ и душевныхъ, знаю, что не ударишь лицомъ въ грязь.

Будь увѣренъ, что не подчиню тебя никому, кромѣ себя. Что дешевле подряжаешь, и за то великое тебѣ спасибо; только, пожалуй, береги себя для меня. Я очень смѣялась тому, что пишешь о слухахъ заразы размноженія тѣми, у коихъ уборное мѣсто Спа и Парижъ, c'est un mot delicieux [3]).

Я чаю, послѣ Байрама откроется, на что турки рѣшатся, а дабы не ошибиться, кладу за вѣрное, что объявятъ войну.

О чемъ ты писалъ, о томъ рѣшеніе къ тебѣ отправлено.

Во флотъ отправленные къ тебѣ люди, чаю, уже до тебя доходятъ.

Радуюсь, что Корсаковъ тебѣ пригодился и что мои о немъ попеченія и деньги не втунѣ остались.

Росписаніе малороссійскихъ полковъ сдѣлано, какъ самъ усмотришь.

Прощай, мой другъ сердечной, Богъ съ тобою.

Саша тебѣ кланяется.

---

[1]) Прощайте, мой дорогой и драгоцѣнный другъ, будьте здоровы.

[2]) Мнѣ кажется, что это разсужденіе довольно справедливо; однако же я была бы довольна, узнавъ, что вы объ этомъ думаете.

[3]) Это чудесное слово.

Библиотека "Руниверс"

Августа 18-го ч.—Изъ Царскаго Села.

Вчерашній день я письмо твое, отъ 5-го сего мѣсяца, получила чрезъ подполковника Томара, который привезъ и грузинское дѣло, за которое снова тебѣ же спасибо.

Прямо ты—другъ мой сердечной!

На зависть Европы я весьма спокойно смотрю; пусть балагурятъ, а мы дѣло дѣлаемъ.

По представленіямъ твоимъ дѣла не будутъ залеживаться, изволь прислать; о Томарѣ и Корсаковѣ получишь съ симъ курьеромъ, радуюсь, что сей послѣдній столь искусенъ. Дай Богъ тебѣ здоровья и всякое счастіе и удовольствіе. А про меня знай, что я на вѣкъ къ тебѣ непремѣнна.

Саша выздоровѣлъ и благодаритъ тебя за поклонъ.

Августа 31-й день.—Изъ Царскаго Села.

Когда я получала отъ тебя не иныя извѣстія, какъ радостныя о твоихъ успѣхахъ и, веселясь о томъ, на сихъ дняхъ приказала отпустить на достройку петербургскаго твоего новаго дома, на Литейной улицѣ, сто тысячъ рублей изъ кабинета, ожидала-ли я, чтобы ты всекрайно опечалилъ меня извѣстіемъ о твоей опасной болѣзни, которое усмотрѣла изъ письма твоего изъ Кременчуга; просила я тебя, да и прошу, ради самого Бога и естьли меня любишь, приложи болѣе прежняго стараніе о сбереженіи драгоцѣннаго твоего для меня здоровья. Игельстрома оставь у себя, буде тебѣ года (т. е. годенъ), а хану вели самъ ѣхать куда разсудишь, лишь будь здоровъ; браниться съ тобою и за то хочу, для чего въ лихорадкѣ и въ горячкѣ скачешь повсюду; теперь крайне буду безпокойна, пока отпишешь, что каковъ. Сына Елфинстона я взяла въ службу, а съ нимъ никто не уладитъ.

Дай Богъ скорѣе услышать о твоемъ выздоровленіи. Тогда станемъ паки веселиться о твоихъ успѣхахъ. Adieu, mon cher et bien aimé ami [1]).

Сентября 11-го ч.—Изъ Царскаго Села.

Другъ мой сердечной, я о тебѣ въ крайнемъ безпокойствѣ, и для того посылаю нарочнаго курьера, чтобъ узнать, каковъ ты? Отъ постороннихъ людей слышу, что маленько будто легче тебѣ, чего отъ сердца желаю, а наипаче, чтобъ ты совершенно выздоровѣлъ. О дѣлахъ тебѣ скажу, что мое мнѣніе есть, аще турки не объявятъ намъ войны прежде 1-го числа октября, чтобъ, отъ того числа, войска расположить по винтеръ-квартерамъ; а именно гдѣ? о семъ прошу при-

[1]) Прощай, мой дорогой и любимый другъ.

Библиотека "Руниверс"

слать твое мнѣніе, буде тебѣ въ мощь, какъ надѣюсь съ помощію Божіею. Сыстренкевичъ[1]) сюда пріѣхалъ и отдалъ мнѣ твое письмо, и я его всегда находила, какъ его описываешь. Какъ кіевскій нашъ митрополитъ умеръ, переведу въ Кіевъ ростовскаго, а дабы новгородской, московской и псковской не были въ черныхъ клобукахъ, когда тотъ надѣнетъ бѣлой, то думаю всѣхъ трехъ нарядить въ бѣлые клобуки, давъ имъ титулъ митрополита, а на ростовскую и владимірскую епархіи, опорожненныя, переведу, по синодскому докладу, изъ степени въ степень. Теперь отовсюду французскія интриги и происки до насъ доходятъ; mais ils ne feront que de l'eau claire, pourvu que vous vous portiés bien. Adieu, mon cher ami[2]).

Два письма твои изъ Кременчуга, отъ 31-го августа и 8-го сентября, другъ мой сердечной, я получила одно за другимъ; дай Боже, чтобы ты скорѣе здоровьемъ оправился, всекрайно меня обезпокоиваетъ твоя болѣзнь; я вѣдаю, какъ ты не умѣешь быть больнымъ, и что во время выздоровленія никакъ не бережешься; только сдѣлай милость, вспомни въ нынѣшнемъ случаѣ, что здоровье твое въ себѣ какую важность заключаетъ, благо имперіи и мою славу добрую; поберегись, ради самого Бога, не пусти мою просьбу мимо ушей, важнѣйшее предпріятіе въ свѣтѣ безъ тебя оборотится ни во что. Не токмо, чтобы осудить, хвалю тебя, что въ Кременчугъ переѣхалъ, но сіе не должно было дѣлать въ самую опасность болѣзни; я ужаснулась, какъ услышала, что ты въ такомъ состояніи переѣхалъ триста верстъ.

Саша благодаритъ за поклонъ, не пишетъ, чтобъ излишнимъ чтеніемъ не обременить больнаго.

Вѣсти о продолженіи прилипчивыхъ болѣзней херсонскихъ не радостныя. Много-ли тамо умерло или нѣтъ? отпиши пожалуй, и нѣтъ-ли ея между посланными матросами и работниками; по причинѣ продолженія оной едва-ли походъ мой весной сбыться можетъ.

Прощай, другъ мой любезной, молю Бога, да укрѣпитъ твое здоровье.

Сентября 17-го ч.—Изъ Петербурга.

Въ коронацію мою, бѣлой клобукъ дамъ одному новгородскому архіерею, буде отъ тебя не получу письма прежде.

Сентября 26-го ч.—Изъ Петербурга.

Съ днемъ имянинъ твоихъ, любезный другъ, симъ я тебя поздравляю, и отъ всего сердца желаю слышать наискорѣе о твоемъ совер-

---

[1]) Митрополитъ католическихъ церквей западной Россіи.

[2]) Но они толкутъ воду; лишь бы вы были здоровы. Прощайте, мой дорогой другъ.

Библиотека "Руниверс"

шенномъ выздоровленіи; послѣднее, полученное отъ тебя, письмо было отъ 8-го сентября, слѣдовательно, сегодня 18 дней, какъ о тебѣ ничего не знаю, ни о состояніи крымской и херсонской язвы. Здѣсь ее описываютъ свирѣпствующею, наипаче между корпусами твоимъ и Репнина, но какъ отъ тебя и отъ Репнина ничего о томъ не имѣю, то почитаю тѣ вѣсти увеличенными, однако, о семъ грущу; увидишь изъ сообщенныхъ бумагъ твердой отвѣтъ цесарскаго двора французскому; теперь ожидаю съ часу на часъ объявленія войны по интригамъ французовъ и пруссаковъ. Adieu, mon cher ami, portés vous bien [1]).

Саша тебѣ кланяется.

Сентября 28-го ч.—Изъ Петербурга.

Сейчасъ получила я твои письма, любезной мой другъ, изъ Нѣжина, отъ 23-го числа, кои меня всѣ крайно встревожили, ибо, вмѣсто того, что думала, что тебѣ есть легче, вижу, что ты слабѣе пуще прежняго; Бога прошу, да сохранитъ дни твои и дастъ тебѣ силы душевныя и тѣлесныя. Мнѣ чрезвычайно печально твое состояніе; je serais dans des inquietudes mortelles si vous me laisserés longtems sans nouvelles [2]).

Adieu, mon cher ami, portés vous bien, quand vous vous porteré bien, tout le reste ira [3]); ничему такъ не дивлюсь, какъ въ крайной болѣзни скачешь: тѣмъ болѣзни умножаешь: больному покой нуженъ.

Октября 3-го ч.—Изъ Петербурга.

Письмо твое, отъ 27-го сентября, изъ Нѣжина, любезной мой другъ, тѣмъ наипаче мнѣ нужно было, что въ крайней печали погружена была по причинѣ опаснаго состоянія твоей болѣзни; мое безпокойство, однако, инако не пройдетъ, какъ тогда, когда узнаю о совершенномъ твоемъ выздоровленіи; дай Боже скорѣе о томъ узнать, много въ томъ самъ можешь способствовать.

Мнѣ пришло на умъ, есть-ли Шагинъ-Гирей еще шалить станетъ, то приводить ему на память, что Портою смѣненные ханы по двѣсти тысячъ пенсіи никогда не получали.

Французы посылаютъ Шуазеля Гуфіе посломъ въ Цареградъ; это тотъ, которой „Вояжъ Питорескъ-де-ла-Гресъ“ выдалъ и къ оному предисловіе, гдѣ предлагаетъ изъ Греціи составить республику; je crois que vous connoissés cela, sinon je vous prie de lire la preface dans le

---

[1]) Прощайте, мой дорогой другъ, будьте здоровы.

[2]) Я буду въ страшномъ безпокойствѣ, если долго оставите меня безъ вѣстей (о себѣ).

[3]) Прощайте, мой дорогой другъ, будьте здоровы; когда вы будете здоровы, все пойдетъ хорошо.

Библиотека "Руниверс"

livre; il est fort animé contre nous et decrit notre guerre avec les Turks avec la plus grande animosité [1]).

Прощай, любезный другъ, Бога молю, да возстановитъ твое здоровье, мнѣ столь нужное, скорѣе.

Письма твои, любезной мой другъ, отъ 6-го и 7-го сего мѣсяца, я получила, и хотя ты мнѣ увѣряешь, что тебѣ есть лучше, но мое безпокойство продолжается и продолжаться будетъ, дондеже узнаю, что ты совсѣмъ оправился, понеже знаю, каковъ ты, когда боленъ; на меня же черной годъ: на сей недѣлѣ умеръ фельдмаршалъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, и мнѣ кажется, кто Рожерсону не попадется въ руки, тотъ уже мертвой человѣкъ.

Слышу я, что Соммерio ѣдетъ съ тобою, и то мнѣ безпокоитъ; дай Боже, чтобъ ты скорѣе выздоровѣлъ и сюда возвратился; ей, ей, я безъ тебя, какъ безъ рукъ, весьма часто; паче всего, сдѣлай милость, побереги себя. О дѣлахъ не пишу, увидишь изъ сообщенiй и изъ прочихъ моихъ писемъ. Кажется, въ теченiе зимы по крымскимъ дѣламъ миръ или война рѣшится. Adieu, mon ami [2]), опасаюсь долгимъ чтенiемъ тебя обезпокоивать.

Принцъ Виртембергскiй къ тестю писалъ, что онъ одну часть Херсона отъ язвы охранилъ, а другую не могъ; но онъ съ корпусомъ своимъ, въ числѣ 28,000, въ цѣлости остался; c'est a vous apprecier la verité du fait, du moins cela peut il vous faire une idée de l'homme [3]).

Къ сестрѣ же и къ женѣ онъ о семъ не писалъ.

Октября 19-го ч.—Изъ Петербурга.

Сего утра получила я твое письмо, любезной мой другъ, отъ 13-го сего мѣсяца; Богу благодареніе за то приношу, что ты выздоравливаешь; не могу тебѣ описать, въ какомъ я была безпокойствѣ до сегодняшнаго дня, по причинѣ тяжкой твоей болѣзни. Знатно и фельдмаршалъ Румянцовъ оной испуганъ былъ, ибо пишетъ ко мнѣ, что по причинѣ настоящаго кризиса, о мирѣ или войнѣ, подлежитъ наивящѣ все имѣть въ готовности для снабженiя войскъ чрезъ зиму всѣмъ потребнымъ, и проситъ меня, чтобъ я ему наставленiе давала и сообщить приказала извѣстiе и о корпусахъ Кубанскихъ и прочихъ, кои вступить могутъ или будутъ въ его командѣ по объявленiи войны.

---

[1]) Я думаю, вы это знаете; если нѣтъ, то прошу васъ прочитать предисловiе въ этой книгѣ, направленное противъ насъ, гдѣ съ отъявленною враждебностiю описывается наша война противу турокъ.

[2]) Прощайте, мой другъ.

[3]) Вамъ оцѣнить справедливость факта; по крайней мѣрѣ, это дастъ вамъ понятiе о человѣкѣ.

Библиотека "Руниверс"

Касательно снабженія войскъ всѣмъ потребнымъ чрезъ зиму, я надѣюсь, что мѣста и люди, коимъ оное ввѣрено, не упустятъ время, приличное къ тому; надѣюсь, что ты, мой другъ, понудишь кого надлежитъ, а касательно расположенія корпусовъ, кажется, его сіятельство заботится также излишне, ибо слышу, что нужное ему и отъ тебя сообщается.

Вадковской, подполковникъ семеновской, на сихъ дняхъ умеръ и въ сенатѣ паки по департаментамъ пусто становится, ибо и больныхъ по городу много; не знаю, за кого взяться: армейскихъ требовать не смѣю, по губерніямъ или молоды, или трогать не смѣю же, заглянула въ придворныхъ, прошу смотрѣть, кому по старшинству слѣдуетъ въ тайные совѣтники, право, тутъ выбрать немного, знаю, что въ сенатѣ иногда bouche trou съ имянами быть могутъ, но признаюсь, что дѣльныхъ людей лучше бы хотѣла; буде кого знаешь, скажи мнѣ. Adieu, mon cher ami, portés vous bien [1]).

Саша кланяется.

1784-й годъ.

Марта 14-го ч.

....[2]) Извѣстія изъ Молдавіи гласятъ, что молдаване завидуютъ состоянію Тавриды и что Запорожцы бѣглые просятся паки къ намъ, такожде и вышедшіе изъ Крыма татары назадъ идутъ, а цесарь окончилъ хлопоты свои торговыя съ турками, одержалъ выгоды почти что и мы.

Саша мнѣ сказалъ, что Катя отъѣзжаетъ и такъ начертала я сію хартію тѣмъ же перомъ, которымъ подписала сего утра похвальную грамоту князю Потемкину.

Апрѣля 15-го ч.

Другъ мой сердечной, твое письмо изъ Дубровны, отъ 5-го сего мѣсяца, я получила; хотя я всѣ праздники выстояла, но, однако, я здорова, а за твои поздравленія тебя благодарю и равномѣрно съ прошедшимъ поздравляю, буде въ прошедшихъ письмахъ о томъ не упомянуто мною.

Скажи ты мнѣ, другъ мой, начисто: буде думаешь, что за язвою или другими препятствами, въ будущемъ году, въ Херсонѣ побывать мнѣ не удастся, могу-ли тогда ѣхать до Кіева? Лучше, чтобъ Балменъ тебя ждалъ на мѣстѣ, только, пожалуй, самъ не вдавайся въ опасности, ты знаешь, каковы мнѣ твои болѣзни.

У насъ погода была прекрасная и самая теплая отъ половины

---

[1]) Прощайте, мой другъ, будьте здоровы.

[2]) Начала письма нѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

марта, а теперь ненастлива, по вскрытіи рѣки. Что персидскія дѣла плавно идутъ, тому радуюсь.

Въ городѣ слухъ носится, будто въ лейбъ-гренадерскомъ полку ни копѣйки денегъ нѣтъ и будто полкъ такъ обѣднѣлъ, что одною суммою затыкаетъ другую, и перебиваются со дня ото дня.

Прощай, мой другъ, Богъ съ тобою, будь здоровъ и веселъ.

Саша кланяется.

Апрѣля 25-го ч.—Изъ Царскаго Села.

Носится слухъ по здѣшнему народу, будто язва въ Херсонѣ по прежнему свирѣпствуетъ и будто пожрала бо̀льшую часть адмиралтейскихъ работниковъ. Сдѣлай милость, другъ мой сердечной, примись сильной рукой за истребленіе херсонской язвы. Употребляй взятыя мѣры при московскомъ несчастіи. Онѣ столь дѣйствительны были, что отъ сентября по декабрь истребили смертоносную болѣзнь; прикажи Херсонь росписать на части, части на кварталы; къ каждому кварталу приставь надзирателей, кои за истребленіе язвы бы отвѣтствовали, однимъ словомъ, возьмись за дѣло то, какъ берешься за тѣ дѣла, коимъ неослабной успѣхъ дать хочешь; ты умѣешь вѣдь взяться за дѣло; установи карантины и не упусти ни единой мѣры, кои къ тому способствовать могутъ. Пиши, пожалуй, здоровъ-ли ты самъ, и для чего давно отъ тебя писемъ нѣтъ, а изъ губерніи твоей рапортовъ?

Штатъ Тавриды я конфирмовала.

Папскій посолъ получилъ обѣщаніе, что вскорѣ наименованъ будетъ кардиналомъ. Кобенцель получилъ посольскій кредитивъ.

Adieu, mon cher ami, portés vous bien [1]).

Мая 5-го ч.

За поздравленіе со днемъ рожденія моего благодарствую тебя, другъ мой сердечной; я, слава Богу, здорова и желаю тоже слышать о тебѣ, и чтобъ повсюду болѣзни умалялись, а тебѣ совѣтую не вдаваться ни въ какія опасности, ибо, для меня и для службы, твое здоровье нужно. О походѣ будущаго года буду ожидать, что скажетъ господинъ генералъ фельдмаршалъ; только знай, что жестоко прогнѣваюсь буде вдашься въ опасности тогда, когда можешь пресѣчь добрымъ однимъ порядкомъ; не бойся, дружокъ, не позабуду тебя. Нельзя-ли хана переманить на твердую землю. Adieu, mon ami [2]). Сашенька тебѣ кланяется и тебя любитъ, какъ душу, и часто весьма про тебя говоритъ.

---

[1]) Прощайте, мой другъ, будьте здоровы.

[2]) Прощайте, мой другъ.

Библиотека "Руниверс"

Мая 17-го ч.

Письмо твое, другъ мой сердечной, изъ Кременчуга, я получила; радуюсь, что мѣстами язва пресѣклась и надѣюсь, что добрыми твоими распоряженіями вовсе и въ Херсонѣ пресѣчена будетъ. Изъ Англіи и изъ Даніи столь много обстоятельныхъ извѣстій приходятъ о почти на сумасшествіе похожія предпріятія короля шведскаго на Норвегію и самый городъ Копенгагенъ, что объ этомъ уже, не оплошая, почти сумнѣваться не можно; Даніи же ему атаковать не можно, чтобъ съ нами дѣло не имѣть, и для того, дабы шалости его скорѣе унять, приказала я на десять тысячъ пѣхоты и три тысячи конницы, да сорокъ орудій полевой артиллеріи заготовить генеральному штату за Невою лагерное мѣсто, а провіантской—въ Финляндіи, на то число провіантъ и фуражъ на цѣлой годъ, а ты пришли сюда полка два или тысячъ до двухъ казаковъ донскихъ. Датчине готовятся на всякой случай; морскаго же вооруженія будетъ столько, что всю Швецію раздавить можно, а именно: пять кораблей, идущихъ изъ Ливорно, три отъ города Архангельскаго, да 7 изъ Кронштадта, а у датчинъ шесть—будутъ въ Зундѣ. Шведскому посланнику я сказать велѣла, что слухи таковые носятся и что хотя кажутся вѣроятія не стоятъ, но чтобъ они знали, что на датчинъ наступать имъ неудобно, ибо союзники суть Россіи.

Ты видѣлъ, что и рѣчи короля шведскаго съ Марковымъ на то похожи были; теперь посмотримъ, выѣхавши изъ Франціи, убавитъ-ли дурачества или нѣтъ. Чаю, отъ турокъ помочи по своему прославленнымъ союзомъ, трактатомъ, которымъ хвастается, немного ему ожидать.

У насъ стужи непрерывныя и листы на березѣ не болѣе серебряной копѣйки, а липа и дубы и не думаютъ за листы приняться. Великая княгиня опять беременна и думаетъ въ ноябрѣ родить.

Пусть строятъ въ Смоленскѣ суда, а какъ ѣхать—всегда о томъ расположить можно.

Прощай, будь здоровъ: пріятно мнѣ было слышать, что упражняешься и по земскимъ дѣламъ; несумнителенъ и успѣхъ, ибо когда прямо примешься, такъ ужъ пойдетъ, какъ по мылу.

Мая 28-го ч.

Вчерашній день я получила письмо твое, другъ мой сердечной, изъ Херсона; пожалуй, побереги ты себя и не очень ходи по зараженнымъ мѣстамъ, просимъ этимъ не чваниться. Пріятно мнѣ слышать было, что болѣзнь пресѣклась въ Кизикирменѣ; дай Боже тоже узнать скорѣе и объ Херсонѣ; осторожности, которыя ты взялъ, я надѣюсь, достаточны будутъ на сей разъ, но всѣ осторожности нужны,

Библиотека "Руниверс"

чтобъ паки не привезли или не навезли. Кажется, письма Ибрагим-хана гораздо вѣжливѣе писаны, нежели турецкія и иныя персидскія, когда до моихъ глазъ дошли.

Пожалуй, дай мнѣ знать, кто онъ таковъ? и какъ учинился ханомъ, молодъ-ли или старъ, силенъ-ли или безсиленъ, и склонны-ли персіяне къ нему? Что же до Шагинъ-Гирея надлежитъ, то, кажется, все теперь приведено въ то положеніе, въ которомъ желалось его видѣть. Что у тебя ноги пухнутъ, о томъ я жалѣю, это знакъ слабости, и противу этого лучшее лекарство—купаться, буде у васъ тамо не такъ холодно, какъ здѣсь, гдѣ только, только что листы стали казаться. Изъ Италіи пишутъ, что и тамо первое число мая, по нашему стилю, листовъ не было, а шелъ снѣгъ.

По извѣстіямъ изъ Швеціи вооруженія продолжаются; посмотримъ, дадутъ-ли французы денегъ на завоеваніе Норвегіи. Въ Шканіи и прочихъ Свенскихъ областяхъ совершенной недостатокъ въ хлѣбѣ. Adieu, mon bon et cher ami [1]), будь увѣренъ, что забыть тебя никакъ не могу, понеже вѣренъ мнѣ и любезенъ.

Александру Дм. (Мамонову) я кланялась отъ тебя и онъ тебѣ кланяется же.

.....[2]) изъ сихъ непрестанныхъ хлопотъ французской дворъ можетъ видѣть, что неудобно товаръ возить на военныхъ судахъ, таможенные законы суть сдѣланы и оныхъ отмѣнить по прихотямъ, конечно, не буду. Если гр. Сегюръ подастъ жалобы, то разсмотрѣть велю. Я думаю, что они (т. е. французы) придирки ищутъ.

1786-й годъ.

Ноября 19-го ч.

Вчерашній день мнѣ твое письмо изъ Могилева, отъ 11-го сего мѣсяца, обрадовало, ибо вижу, что ты здоровъ, мой другъ; не любо же я усмотрѣла изъ твоего репорта, что корабль „Александръ“ вовсе пропалъ; слава Богу, что люди спасены; болѣе мѣсяца уже итальянскіе министры таскались съ той вѣстію, а я ее поставляла за ложь. За антикъ благодарствую, гдѣ ты ихъ берешь? Репнинъ сюда пріѣхалъ и сталъ хуже старой бабы, вздумалъ въ егорьевской думѣ зарождать сомнѣніе; первой корпусъ арміи—гвардія, которой я полковникъ, а онъ, дуракъ, за честь почитать долженъ, что подполковникъ, почитать-ли тотъ корпусъ и инженерной за военной, съ тѣмъ пришелъ словесно мнѣ доложилъ; je le rembouré come vous pouvés croire [3]), но

[1]) Прощайте, мой добрый и дорогой другъ.

[2]) Безъ начала и числа.

[3]) Я его отдѣлала, какъ вы можете мнѣ вѣрить.

Библиотека "Руниверс"

какъ я думала, что ушамъ своимъ едва могу-ли вѣрить и не ослышалась-ли я, то требовала, чтобъ о томъ подалъ записку, и онъ оную подалъ. Что же мудренѣе всего, что въ той же думѣ сидѣли вицепрезидентъ военной коллегіи и три маіора гвардіи, аки сущіе болваны, и не единый вопреки не растворилъ уста; то-то люди, ниже мухи съ носа не сгонятъ! J'ai été faché come un Demon de cette absurdité [1]), тотъ коститъ, а они нюхаютъ.

Вольно тебѣ скакать, такъ что подъ тобою все ломается; изволь на всякіе сто верстъ чинить, послѣ того, терпѣливо изломанное.

Лишь будь здоровъ, все прочее Богомъ исправлено будетъ. Александръ Матвѣевичъ тебя благодаритъ за ласковое приписаніе, онъ самъ тебя любитъ чистосердечно и съ благодарнымъ сердцемъ; я здорова и упражняюсь, какъ всегда, а болѣе всего занимаетъ насъ наша ѣзда. Прощай, мой другъ, будь здоровъ.

Декабря 18-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ, твои два письма ко мнѣ дошли сегодня, одно чрезъ графа Безбородку, а другое чрезъ Александра Матвѣевича. Восхитительное предложеніе князя Репнина принудило меня, въ день святаго Георгія, надѣть гвардейскій мундиръ и гордиться имъ, аки пава.

Боюсь, чтобъ Днѣпръ и съ нами не пошутилъ, какъ и съ тобою; не у васъ у однихъ балы, и у насъ, да сверхъ того, еще хлопоты безконечныя. Les etrilleries du prince de Wurtemberg ont enfin obligé sa femme de ce retirer chés moi parce que reellement elle etoit en danger de sa vie; j'ai saisi cette trés favorable occasion pour les renvoyer tous les deux d'ici, et sous peu de jours nous en serons quite.. J'ai fait ce que j'ai du faire et j'ai fait bien, la femme ira chés les parens et le mari ou il voudra [2]).

Странно, какъ тебѣ князь Нассау понравился тогда, когда повсюду имѣетъ репутацію d'un cerveau brulé [3]), а притомъ извѣстно, что онъ храбръ; твои съ нимъ разговоры поправляютъ его въ моихъ мысляхъ.

---

[1]) Я была разсержена, какъ демонъ, этой нелѣпостью.

[2]) Дурное обращеніе принца Виртембергскаго принудило, наконецъ, его жену удалиться ко мнѣ, потому что дѣйствительно ея жизни угрожала опасность; я схватилась за этотъ удобный случай, чтобъ отослать отсюда ихъ обоихъ, и черезъ немного дней мы будемъ квиты. Я сдѣлала, что должна была сдѣлать и сдѣлала хорошо; жена поѣдетъ къ роднымъ, а мужъ—куда хочетъ.

Объ этомъ событіи см. въ Запискахъ Гарновскаго въ «Русской Старинѣ» изд. 1876 г. томъ XV, стр. 19, и въ Историческихъ матеріалахъ библіотеки дворца г. Павловска.

[3]) Сумасброда.

Библиотека "Руниверс"

Сожалѣю очень, что тебя не увижу ранѣе, какъ въ Кіевѣ. Сегодня черезъ двѣ недѣли, то есть 2-го января, непремѣнно выѣду отселѣ. Письмо императора къ тебѣ я читала съ удовольствіемъ; оно самое ласковое, онъ же пишетъ правду; о пути его не сомнѣваюсь, что возьметъ надлежащія мѣры. За перстеньки съ антиками благодарствую. Мы всѣ ничего такъ не желаемъ, какъ чтобъ Богъ насъ отселѣ скорѣе вынесъ. Письмо твое къ Александру Матвѣевичу я съ крайнимъ удовольствіемъ читала, и ты не ошибся: онъ тебя душою и сердцемъ любитъ. Прощай, мой другъ, будь здоровъ; ужъ быть такъ, есть-ли скорѣе нельзя видѣться, такъ увидимся въ Кіевѣ... весь свѣтъ отселѣ скачетъ, такъ что лишь завидно.

1787.

Смоленскъ, 17-го генваря.

Письмо твое, другъ мой сердечной, я сегодня получила здѣсь въ Смоленскѣ, гдѣ я остановилась дня четыре долѣе, нежели я думала, по причинѣ той, что Александръ Матвѣевичъ былъ боленъ; да всѣ устали, а многіе и глазами жаловались; у васъ начинаетъ показываться зелень, а у насъ весьма холодно, здѣсь снѣга велики; я не сомнѣваюсь, что Таврида мнѣ и всѣмъ понравится; завтра по утру ѣду отселѣ; дай Боже увидѣться съ тобою скорѣе, и чтобъ ты былъ здоровъ; сегодня у меня здѣсь былъ превеликой балъ; я здорова. Прощай, мой другъ, до свиданія.

Безъ числа.

Батинька, письмо твое, изъ Могилева, я сейчасъ пріѣхавши въ Сенномъ получила, то есть въ 10 часовъ за полдень; весьма ласкательныя рѣчи графа Фалькенштейна, приписываю я болѣе желанію его сдѣлаться пріятнымъ, нежели иной причинѣ. Россія велика сама по себѣ, я что ни дѣлаю, подобно каплѣ, падающей въ море; что же его рѣчи обо мнѣ тебя веселятъ, о томъ не сомнѣваюсь, зная колико меня любитъ любезной и признательной мой питомецъ. О свиданіи съ графомъ Фалькенштейномъ отдаю на собственной его выборъ, какъ день, такъ и часъ въ днѣ, когда съ нимъ познакомиться безъ людей.

Si je n'avois suivie que les mouvements de mon impatience et ma vivacité naturelle dès que votre lettre m'est parvenu, s'est a dire a dix heures du soir, je me serois remis en carosse et auroit courru sans m'arretter nulle part tout droit a Mogilef ou jai beaucoup de regret de savoir que m-r le C-te de Falkenstein m'aye devancé, mais comme cela auroit fait un breche à son incognito, la reflexion a retenu mon

Библиотека "Руниверс"

premier mouvement, et je m'envais suivre ma route comme vous savez qu'elle a éte reglé. Je coucherai demain à Шкловъ et Dimanche je viendrai pour la Messe à Mogilef[1]), только тутъ не знаю, какъ выгоднѣе будетъ условиться о свиданіи безъ людей, ибо какъ пріѣду изъ обѣда, тутъ люди ко мнѣ повалятъ; опять отложить до послѣ обѣда—неучтиво будетъ, развѣ пока всѣ люди со мною у обѣдни будутъ, не пожалуетъ-ли ко мнѣ, дабы вошедъ я во внутреннія свои покои, то есть предъ спальнею, уже бы тутъ его нашла; но только буде лучше найдешь способъ, то увѣдомь меня, а кажется и такъ ловко быть можетъ. Какъ графъ Румянцевъ ко мнѣ пишетъ, что гость нигдѣ не хочетъ обѣдать, то заключаю, что со мною обѣдать не станетъ за большимъ столомъ, о чемъ буду ждать увѣдомленія; письмо его влагаю, дабы вы знали, что и какъ пишетъ.

Rien de plus flatteur ni de plus agreable que cette lettre que vous m'avés envoyé, je vous prie de reiterer a m-r le C-te de Falkenstein les assurances que mon premier desire est de me conformer en toute façon a tout ce qui pourra lui rendre le sejour de Mogilev suportable[2]).

Прощай, другъ мой, мы очень тоскуемъ безъ тебя, я весьма желаю скорѣе увидѣться съ тобою.

Безъ числа.

Предложеніе о завтрашнемъ обѣдѣ сдѣлано безъ расчета возможностей: сегодня его величество возвратиться долженъ водою въ Каневъ 7 верстъ, завтра къ обѣду послать 7 верстъ, пріѣдетъ 7; отобѣдавши паки отвезти 7 верстъ; шлюбкамъ возвратиться 7 верстъ къ намъ; тамо ѣхать въ путь. Въ которомъ же это часу будетъ? Отъѣхавши три версты ради усталыхъ шлюбокъ, кои двадцать восемь верстъ уже сдѣлали, придется лечь паки на якорь. Когда я что опредѣляю, тогда обыкновенно бываетъ то не на вѣтеръ, какъ въ Польшѣ часто случалось. И такъ, ѣду завтра, какъ назначала, а ему желаю всякаго благополучія и расчеты сдѣлать по возможности.

Право, батинька, скучно.

---

[1]) Если бы я слушалась движенія моего сердца и природной живости, то, по полученіи вашего письма, то есть въ десять часовъ вечера, я снова сѣла бы въ карету и скакала-бы, нигдѣ не останавливаясь, до самаго Могилева, гдѣ, къ крайнему моему прискорбію, меня предупредилъ графъ Фалькенштейнъ. Но какъ это нарушаетъ его инкогнито, то размышленіе удержало мой первый порывъ, и я слѣдую по моему пути, какъ это было опредѣлено и вамъ извѣстно. Я ночую завтра въ Шкловѣ и въ воскресенье пріѣду къ обѣднѣ въ Могилевъ.

[2]) Ничего не можетъ быть лестнѣе и пріятнѣе письма, вами мнѣ присланнаго; прошу выразить графу Фалькенштейну увѣреніе, что мое первое желаніе—употребить всѣ старанія, чтобы сдѣлать сноснымъ для него пребываніе въ Могилевѣ.

Библиотека "Руниверс"

ДОМАШНІЙ ПАМЯТНИКЪ Н. Г. ЛЕВШИНА.

1807 г.

Со времени напечатанія въ «Русской Старинѣ» (изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 823—852) перваго отрывка «Домашняго Памятника» Николая Гавриловича Левшина протекло болѣе двухъ лѣтъ и читатели «Русской Старины», при послѣдовавшемъ перерывѣ въ его дальнѣйшемъ печатаніи, могли утратить свѣжесть впечатлѣнія о его авторѣ. Чтобы хотя нѣсколько восполнить и возстановить въ ихъ памяти образъ Н. Г. Левшина, повторимъ, въ краткихъ словахъ, при этомъ второмъ отрывкѣ его Записокъ то, что было уже высказано по тому же предмету въ предисловіи, предпосланномъ къ первому, уже напечатанному, отрывку «Домашняго Памятника».

Н. Г. Левшинъ (род. въ 1788 г., умеръ въ 1845 г.) началъ службу въ лейбъ-гвардіи Егерскомъ полку и участвовалъ въ кампаніяхъ 1805 и 1807 гг. При селеніи Ломиттенъ, въ 1807 году, онъ былъ раненъ пулей въ грудь и въ 1810 г. уволенъ отъ службы съ мундиромъ. Считая для себя обязательнымъ стать въ ряды защитниковъ роднаго края въ 1812 году, онъ вновь поступилъ ратникомъ въ Пензенское ополченіе и, въ теченіе кампаній 1812, 1813 и 1814 годовъ, состоялъ на дѣйствительной службѣ. 5-го октября 1813 г., подъ Дрезденомъ, онъ вторично былъ раненъ въ правую ногу и отвезенъ на излеченіе въ Аузигъ; но для бо́льшаго удобства и въ виду болѣе успѣшнаго врачеванія своей раны, онъ переѣхалъ въ Дрезденъ, гдѣ, окончательно излечившись, вступилъ въ бракъ съ дѣвицей Изидорой Августовной Людвигъ, дочерью саксонскаго сенатора. Выйдя въ отставку, онъ навсегда поселился въ своемъ родовомъ, наслѣдственномъ имѣніи Орловской губерніи, Болховскаго уѣзда, селѣ Введенскомъ и мирно скончался въ 1845 году, оставивъ единственнаго сына, Петра Николаевича, обязательно передавшаго намъ Записки своего покойнаго родителя, подъ названіемъ «Домашняго Памятника», дозволивъ при этомъ ихъ напечатать.

Авторъ «Памятника» пользовался между знавшими его лицами общимъ уваженіемъ, а таковыхъ еще и до настоящей поры достаточно. По общимъ о немъ отзывамъ, это былъ — въ полномъ значеніи слова — честный и хорошій человѣкъ. Кромѣ того, онъ обладалъ всестороннимъ образованіемъ,—качествомъ далеко не общимъ въ то время въ средѣ русскихъ дворянъ,—зналъ основательно французскій и нѣмецкій языки, сочувствовалъ всему современному и имѣлъ

Библиотека "Руниверс"

понятіе и даже познанія въ живописи и ваяніи, въ чемъ могла съ успѣхомъ вліять на него его супруга, женщина весьма образованная и развитая. Имя ея занимаетъ видное мѣсто въ средѣ акварельныхъ живописцевъ.

Записки Н. Г. Левшина или «Домашній Памятникъ», какъ озаглавилъ ихъ авторъ, писаны въ Введенскомъ, въ 1840 году, что значится на его оберткѣ, слѣдовательно, по воспоминаніямъ. Если бы авторъ своевременно и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ записывалъ то, что видалъ и чему былъ свидѣтелемъ, разумѣется, интересъ Записокъ былъ бы значительнѣе и живѣе; тѣмъ не менѣе онѣ и въ настоящей своей формѣ изложенія весьма любопытны, что достаточно подтвердилось при прочтеніи перваго ихъ отрывка, напечатаннаго въ «Русской Старинѣ». Понятно, что мы не почли себя въ правѣ исправлять и тѣмъ нарушать своеобразность выраженій автора, и той же системы будемъ держаться при дальнѣйшемъ его печатаніи. Нельзя не пожалѣть, что «Домашній Памятникъ» не представляетъ собой цѣльнаго, непрерывнаго разсказа и что въ немъ мѣстами встрѣчаются перерывы въ годахъ. Они явились отъ того, что нѣкоторыя тетради «Памятника», которыя не были между собою своевременно сшиты, затерялись. Несомнѣнно, однако же, что авторъ велъ его послѣдовательно, годъ за годомъ и безъ перерывовъ, начавъ съ своего дѣтства и воспитанія дома при своихъ родителяхъ. Издавая «Памятникъ» въ томъ порядкѣ, какъ онъ переданъ въ наши руки и слѣдуя, насколько возможно, хронологическому его изложенію, мы, разумѣется, при всемъ нашемъ желаніи, не можемъ избѣжать тѣхъ перерывовъ въ происшествіяхъ, о которыхъ упомянули, явившихся послѣдствіемъ утраты нѣсколькихъ его тетрадей. Настоящій, второй отрывокъ «Домашняго Памятника» составляетъ 1807 годъ; онъ совмѣщаетъ въ себѣ, какъ и первый отрывокъ, свою долю интереса вслѣдствіе тѣхъ любопытныхъ и безъискусственныхъ сообщеній, которыя дѣлаются авторомъ по поводу выдающихся историческихъ дѣятелей описываемой имъ эпохи. Эти подробности, при правдивости и добросовѣстности автора «Памятника», безспорно не лишены значенія и вполнѣ цѣлесообразны, какъ раздвигающія собой горизонтъ уясненія характеровъ дѣйствующихъ личностей и восполняющія свѣдѣнія о самой эпохѣ.

Н. П. Барышниковъ.

1807-й годъ.

Недолго, по возвращеніи изъ аустерлицкаго похода, продолжалась гарнизонная служба гвардіи. Побѣды Наполеоновы въ Германіи надъ пруссаками, при Іенѣ и проч., тревожили всю Европу, и Россія, хотя далеко на сѣверѣ, но все составляетъ значительное звѣно могущественнаго и просвѣщеннѣйшаго материка. Императоръ Александръ I, кабинетъ его и опытные дипломаты заняты были рѣшеніемъ задачъ, предлагаемыхъ Наполеономъ всей европейской политикѣ вообще и каждому государству особенно, а къ довершенію и подкрѣпленію требованій французы били нѣмцевъ на голову, да и русскимъ досталось на первой попыткѣ порядочно.

У русскихъ сборы не долги: ранецъ за плеча, тесакъ на бедро и

Библиотека "Руниверс"

ружье въ руки,—вотъ и готовъ. 24-го февраля 1807 г. вся гвардія выступила въ походъ къ г. Ригѣ.

Во время похода уже порядкомъ узнали, что разрывъ съ французами произошелъ формально, что Наполеонъ громитъ Пруссію, съ тѣмъ, чтобы ее совершенно уничтожить и что императоръ Александръ I объявилъ себя защитникомъ короля Вильгельма III и лично съ своей арміей и гвардіей идетъ встрѣтить коварнаго врага.

Вся Германія и весь свѣтъ рукоплескали рыцарской рѣшительности государя русскаго и ожидали съ великимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ рѣшится борьба столь могущественныхъ націй.

Походъ былъ довольно непріятный по затруднительности весенняго времени и по всему видно было, что поспѣшали; марши были по 30 верстъ и слишкомъ, дневки рѣдкія. Разлившіяся рѣки не останавливали; вездѣ были приготовлены переправы, самыя исправныя: ни одного несчастнаго случая не произошло на походѣ.

Въ г. Ригу гвардія вступила съ большимъ парадомъ, 15-го числа марта. Здѣсь узнали о побѣдахъ Наполеона и о разореніяхъ, претерпѣваемыхъ прусскимъ королевствомъ. Въ г. Ригѣ только дневали и пришли въ г. Митаву также на дневку.

Полковникъ нашъ, графъ Сентъ-При [1]), приказалъ явиться къ нему, въ полной формѣ, нѣсколькимъ офицерамъ, а именно: графу Растиньяку, шевалье де-ла-Гарду, князю Хилкову и мнѣ; тутъ поѣхалъ онъ съ нами въ близь города находившійся зàмокъ и объявилъ намъ, что мы ѣдемъ на свиданіе съ французскимъ королемъ. Старинный, совершенно обветшалый зàмокъ представился глазамъ нашимъ. По нечистой лѣстницѣ вошли мы въ комнаты, которыя отъ древности и непризору также удивили насъ. Мебели самыя старыя, обтертыя и оборванныя показывали, сколь въ бѣдномъ положеніи находятся обитатели его. Стѣны хотя и обтянуты были штофными обоями, но изодранными, и лоскутки ихъ висѣли со стѣнъ, а золоченыя рамки полинялыя и золоченіе кое-гдѣ блестѣло. Въ пріемной залѣ встрѣтили насъ человѣкъ пять придворнаго штату королевскаго, въ числѣ коихъ былъ и герцогъ Ангулемскій [2]). Они всѣ одѣты были въ парти-

---

[1]) Гр. Эммануилъ Францовичъ Сентъ-При или Сентъ-Пріестъ (Saint-Priest) родился въ Константинополѣ, во время бытности его отца посломъ въ Турціи отъ французскаго двора, эмигрировалъ вмѣстѣ съ отцомъ въ Россію во времена императрицы Екатерины II и достигъ званія генералъ-лейтенанта и генералъ-адъютанта. Онъ былъ кавалеромъ Георгія 2-й степени и извѣстенъ какъ опытный и храбрый генералъ отечественной войны. Скончался 17-го марта 1814 г. отъ раны въ плечо, полученной въ сраженіи при Реймсѣ. **Н. В.**

[2]) Герцогъ Ангулемскій—сынъ Карла X; онъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, 2-го августа 1830 г., отрекся отъ правъ на французскую корону въ пользу герцога

Библиотека "Руниверс"

кулярныхъ платьяхъ, весьма много уже изношенныхъ фракахъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій ввели насъ въ кабинетъ къ королю. Кабинетъ не былъ украшенъ и меблированъ лучше всѣхъ прочихъ апартаментовъ, которые мы проходили. Король Лудовикъ XVIII, хотя и не въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ, толстякъ, съ большимъ брюхомъ, но въ подагрѣ, сидѣлъ въ вольтеровскихъ креслахъ недвижимо, съ пріятной улыбкою поклонился намъ. Графа Сентъ-При посадилъ близь себя и съ большимъ удовольствіемъ разговаривалъ съ нимъ. Всѣ мы были ему по очереди представлены и стояли поодаль. Въ это время могъ я увѣриться, что вижу точно потомка изъ рода Бурбоновъ; носы особенной формы, принадлежащіе сей династіи, не измѣняютъ имъ. Съ нами занимались разговорами свита королевская и герцогъ. Герцогиня Ангулемская (дочь несчастнаго короля Лудовика XVI) сидѣла рядомъ съ королемъ, съ самымъ жалостнымъ лицомъ. Женщина росту довольно изряднаго и худая, какъ скелетъ. Костюмъ короля былъ ватошный синій сюртукъ и звѣзда ордена св. Духа. Свиданіе продолжалось не болѣе часу и, при прощаніи, король намъ сказалъ слѣдующее:

— Messieurs, battez bien les français, mais epargnez les après, car ce sont mes enfants [1]).

На другой день свита королевская отплатила намъ визитъ въ Митавѣ и полковникъ съ своего полка офицерами дали славный обѣдъ гг. маркизамъ въ трактирѣ, чѣмъ они всѣ были чрезвычайно довольны. Гг. эмигранты очень насъ полюбили, даже открыли свои тайны, показывая намъ залогъ своей вѣрности—это орденъ св. Лудовика, зашитый между сукна и подкладки, который они никогда не снимали, съ той минуты, когда были принуждены бѣжать изъ своего отечества. Чувствовалъ-ли король, что, чрезъ самое короткое время, онъ лишится и сего пристанища? Послѣ несчастнаго фридландскаго сраженія, бѣдствующій король поспѣшно уѣхалъ въ Англію со всей своей свитой. Чувствовалъ-ли онъ и то, что чрезъ 6 лѣтъ будетъ на престолѣ прародителей своихъ? Все въ руцѣ Божіей! Дивенъ Господь въ чудесахъ своихъ и судьбы Божіи неисповѣдимы!

Вотъ забавное происшествіе: въ трактирахъ что̀ дѣлается? пьютъ, ѣдятъ и играютъ въ билліардъ. Я никогда не любилъ играть; но шутя

Бордосскаго и умеръ въ Гарицѣ, въ Германіи, 3-го іюня 1844 г.; въ супружествѣ имѣлъ герцогиню Ангулемскую, дочь Лудовика XVI и Маріи-Антуанеты. Бракъ этотъ совершенъ былъ въ 1799 г., въ Митавѣ, во время пребыванія тамъ Людовика XVIII, дяди и герцога и герцогини. **Н. В.**

[1]) «Господа! побейте хорошенько французовъ; но, послѣ того, имѣйте къ нимъ снисхожденіе, потому что они мои дѣти».

Библиотека "Руниверс"

перекатывалъ шары. Вотъ подходитъ ко мнѣ какой-то нѣмецкій франтъ и весьма учтиво предлагаетъ мнѣ съиграть съ нимъ партію. Не отговариваясь нисколько, я началъ съ нимъ играть на стаканъ воды и выигралъ партію. Противникъ мой стаканъ воды выпилъ. Послѣ сего предлагаетъ опять играть; тутъ я ему предложилъ играть на деньги. Нѣмецъ тотчасъ же согласился, сказавъ: „Не угодно-ли на 5 талеровъ", на что я ему отвѣчалъ: „никакъ не согласенъ, а на 5 червонныхъ, то готовъ", вынимая изъ кармана деньги. Въ самое это время входятъ наши офицеры и двое изъ нихъ, слыша наше условіе съ нѣмцемъ, отзываютъ меня въ сторону и со смѣхомъ говорятъ мнѣ тихо:

— „Помилуй, что ты дѣлаешь, съ кѣмъ ты хочешь играть, это самъ маркеръ и билліардъ есть его собственность; онъ вчера насъ объигралъ, ты не играешь, а шары катаешь".

— „Такъ и быть, попробую счастья", отвѣчалъ я и въ ту-жъ минуту деньги 5 червонныхъ бросилъ въ блузу; нѣмецъ сдѣлалъ тоже и мы принялись сражаться. Товарищи мои ушли въ другую комнату, шумѣли тамъ и смѣялись. Битва наша съ нѣмцемъ кончилась тѣмъ, что я партію выигралъ, всыпавъ деньги въ карманъ, пошелъ къ насмѣшникамъ съ объявленіемъ о побѣдѣ. Тутъ смѣхъ и шумъ поднялся у насъ общій.

— „Какъ же вамъ вообразилось, чтобы я не выигралъ первой партіи у маркера или записнаго отъявленнаго игрока; они на первую и даже на вторую партію всегда поддаются новичку, увидя полный кошелекъ золота. Теперь вопросъ: буду-ли я продолжать играть съ нимъ?" Не теряя времени, я приказалъ подать обѣдъ съ виномъ на 5 персонъ и угощалъ на выигрышныя деньги любезныхъ пріятелей своихъ. Обѣдъ нашъ былъ самый забавный, не столько ѣли, сколько хохотали. По окончаніи шумнаго обѣда, взявъ шпагу и шляпу, пошелъ я чрезъ билліардную, чтобы идти на службу и дѣйствительно спѣшилъ не опоздать за приказомъ и къ наряду, ибо я былъ баталіоннымъ адъютантомъ. Тутъ атаковалъ меня проигравшійся нѣмецъ, предлагая мнѣ еще играть; но я извинился тѣмъ, что иду поспѣшно на службу, „къ тому же, вы сказали сами, что желаете со мной съиграть партію, а я съигралъ съ вами двѣ". Кто ни находился при сей сценѣ, всѣ стали смѣяться и уходить изъ билліардной, закуся губы, а г. нѣмецъ остался съ предлиннымъ рюбарбативнымъ лицомъ, тяжело вздыхая, видя меня удаляющагося. На другой день почти весь городъ узналъ о проигранныхъ двухъ билліардныхъ партіяхъ.

Походомъ поспѣшали, несмотря на распутицу, и 1-го апрѣля весь корпусъ уже былъ въ г. Юрбургѣ, на переправѣ рѣки Нѣмана, чрезъ которую переправлялись на плашкотахъ (паромахъ пловучихъ). На

Библиотека "Руниверс"

границѣ сей встрѣчены были самимъ королемъ прусскимъ Фридрихомъ Гильомомъ III и семействомъ его.

Король съ принцами и многочисленной свитою верхомъ встрѣчалъ на берегу. Видъ его показывалъ смущеніе и нѣкоторую радость, усматривая надежду въ избавленіи себя и царства своего отъ опаснѣйшаго врага, гонителя его—Наполеона.

При въѣздѣ въ городъ владѣнія прусскаго, королева Луиза выѣхала въ каретѣ. Экипажъ ея нисколько не былъ отличенъ отъ весьма посредственныхъ прочихъ, составлявшихъ ея кортежъ. Всѣхъ экипажей было при ней только четыре.

Императоръ и король подскакали къ каретѣ королевы и тутъ стояли во все время, пока проходили войска скорымъ шагомъ. Королеву не мудрено было замѣтить, ибо она была красоты и пріятности необыкновенной. Печаль, написанная на лицѣ ея, сообщала всякому, видѣвшему ее въ сіи минуты, какое-то чувство состраданія и воспламеняла готовность на защиту царственнаго семейства, терпящаго явное бѣдствіе и требующаго самоскорѣйшей помощи.

При вступленіи въ Пруссію, король принялъ на себя выдавать войскамъ провіантъ и фуражъ подъ квитанціи и войска не имѣли недостатка ни въ чемъ.

Не могу умолчать о послѣдствіяхъ, кои произошли отъ сего квитанціоннаго продовольствія. Стыда надѣлали довольно. Многіе квартирьеры и прочіе чины, приставленные къ принятію провіанта и фуража, давали старшинамъ и рихтерамъ въ деревняхъ преглупо выдуманныя квитанціи, напримѣръ: „нѣкто былъ, нѣкто бралъ, нѣкто квитку далъ“ и множество сему подобныхъ. Чѣмъ же вся эта галлиматія кончилась? По возвращеніи въ С.-Петербургъ, прусскій король самъ лично таковыя квитанціи, при бывшемъ свиданіи, въ С.-Петербургѣ, вручилъ Александру I и государь повелѣлъ нарядить коммисію для счета и разбора квитанцій, а какъ сего ни изслѣдовать, ни счесть было невозможно, то и заплатили пруссакамъ втрое больше, чѣмъ слѣдовало.

Квартиры были также весьма удобныя. Чрезъ двѣ недѣли гвардія подошла уже къ дѣйствующей арміи и расположилась не вдалекѣ отъ Эйлау.

Не доходя до назначенныхъ намъ квартиръ, надо было переправляться чрезъ рѣку Прегель; полкъ лейбъ-гвардіи Егерскій былъ въ авангардѣ, слѣдственно первому переходить пришлось. По причинѣ весны и необычайной быстроты рѣки, невозможно было и подумать пускаться на паромахъ и равно никакъ, а какъ непремѣнно должно было о семъ донесть главнокомандующему, то корпусный командиръ

Библиотека "Руниверс"

нашъ, г. Кологривовъ, и отправилъ меня съ строгимъ приказомъ непремѣнно доставить донесеніе цесаревичу Константину Павловичу, который давно уже (находился) на противномъ берегу, въ разстояніи отъ переправы миляхъ въ 15-ти или болѣе.

Военная служба не терпитъ ни представленій, ни невозможностей, ни медленности. Въ ту-жъ минуту я усиленно завладѣлъ рыбачьей лодкой и, съ двумя гребцами прусскими и однимъ унтеръ-офицеромъ, пустился по рѣкѣ. Коль скоро достигли мы средины, гдѣ стремленіе воды было столь сильно, что насъ уже не несло, но завертѣло, тогда закружилась у меня голова и я упалъ въ лодкѣ безъ памяти. Гребцы болѣе уже не правили, а молились Богу и прощались съ жизнію. Очнулся я и вижу, что мы у берега; долго не понималъ гдѣ я? Товарищи мои также терпѣли морскую болѣзнь, но опомнились прежде меня и не знали, что со мною дѣлать; лили мнѣ на лицо воду и собирались тащить меня на землю, считая погибшимъ. Тутъ отдохнувъ съ часъ, не болѣе, пошли мы вдоль берега и, находясь на противуположной сторонѣ противъ стоящаго у рѣки нашего корпуса, дали знать, что благополучно переѣхали, надѣвъ на предлинный шестъ шинель мою и киверъ. Никто вѣрить не хотѣлъ, что мы живы остались!

На третій день моего путешествія въ главную квартиру, встрѣтилъ я адъютанта цесаревича Шульгина [1]), ѣхавшаго встрѣчать корпусъ нашъ къ рѣкѣ; ему я сдалъ бумаги и, взявъ отъ него приказы словесные и повелѣнія въ пакетахъ, возвратился къ полку, который нашелъ уже на сей сторонѣ переправившимся на большихъ баркахъ, доставленныхъ прусскимъ правительствомъ изъ г. Кенигсберга.

По окончаніи довольно опасной переправы, отъ всего гвардейскаго корпуса отправленъ былъ я съ донесеніемъ къ великому князю цесаревичу Константину Павловичу съ тѣмъ, чтобы получить повелѣніе, куда идти, по квартирамъ или въ лагерѣ стоять, ибо весь корпусъ, отойдя отъ рѣки миль 5, сошелся вмѣстѣ и, занявъ небольшое селеніе, не зналъ, кому куда слѣдовать.

Строго приказано было мнѣ поспѣшить съ отвѣтомъ. На перемѣнныхъ верховыхъ лошадяхъ, въ полъ-сутки, добрался я до штабъ-квартиры цесаревича. На бѣду, пришлось ѣхать ночью; по утру, на зарѣ, оба мы съ проводникомъ-почтаремъ задремали. Хотя я имѣлъ осторожность лошадь мою дать на арканъ почтарю, но арканъ отвя-

[1]) Шульгиныхъ было два брата и едва-ли оба ни были адъютантами в. к. Константина Павловича. Одинъ изъ нихъ въ послѣдствіи получилъ общую извѣстность въ должности оберъ-полиціймейстера въ Москвѣ. Н. В.

Библиотека "Руниверс"

зался и я вдругъ очутился путешествующимъ по водѣ, до самыхъ колѣнъ. Вздрогнувъ отъ внезапнаго ощущенія холода, взглянулъ и вижу передъ собой открытое море, а товарища моего и слѣдъ простылъ. Что же это было? лошадь моя отвязалась отъ аркана, проводникъ дремлющій ѣхалъ вдоль по дорогѣ; моя же лошадь, чувствуя себя на свободѣ, повернула съ дороги къ озеру и стала пить. Насилу я выбился изъ воды, весь измокъ до пояса и, догнавши вожатаго, разбранилъ почтаря по-русски и по-нѣмецки.

Къ 9-ти часамъ утра пріѣхалъ или, лучше сказать, притащился по ужаснѣйшей грязи къ какому-то великолѣпному замку. Тутъ, въѣзжая на широкій дворъ, увидѣлъ я, что великій князь сидитъ на креслахъ, при лѣстницѣ, подъ колоннами, при самомъ входѣ въ домъ. Въ ту же минуту я сошелъ съ лошади и подошелъ къ свитѣ великаго князя; съ меня текло, какъ съ гущи, и лица не было видно изъ грязи. Всѣ смѣялись и сожалѣли, а цесаревичъ приказалъ мнѣ подойти къ себѣ, распрашивалъ о корпусѣ, все-ли благополучно; послѣ смѣялся и шутилъ надо мною, говоря:

— „Вотъ, какъ ты замаскированъ, что и мундиръ узнать нельзя".

Потомъ приказалъ подать себѣ почтовую трубу, висѣвшую на шеѣ проводника моего, и началъ надуваться, наигрывая въ трубу какую-то кавалерійскую зорю. Тутъ, оборотясь къ адъютанту своему Олсуфьеву[1]), сказалъ ему:

— „Накорми ты мнѣ этого Левшина и поскорѣе отпусти".

Мнѣ же: „Ну, братъ, ступай".

---

[1]) Николай Дмитріевичъ Олсуфьевъ (умеръ 25-го іюня 1817 г.)—адъютантъ и неразлучный спутникъ великаго князя Константина Павловича. Доброта, веселость, остроуміе и привязанность къ вел. князю были причиной сыпавшихся на него милостей. Мой отецъ, нынѣ отставной ветеранъ отечественной войны, знавшій лично Николая Дмитріевича, разсказывалъ мнѣ о добротѣ его слѣдующее: когда мой отецъ былъ еще въ корпусѣ кадетомъ (т. е. въ 1811 г.), а цесаревичъ главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, то однажды, когда послѣдній производилъ смотръ фронтовому ученію кадетъ, его верховая лошадь испугалась знаменъ, что вызвало гнѣвъ князя въ той страшной мѣрѣ, которой онъ часто предавался. Великій князь выхватилъ палашъ, рубилъ имъ пугливую лошадь, кричалъ, сердился, посадилъ, наконецъ, на эту лошадь берейтора и приказалъ принесть бичей, чтобы наказывать испуганное животное. Понятно, что такое дурное расположеніе отзывалось на всѣхъ, стоявшихъ во фронтѣ. Какъ кадеты, такъ и всѣ начальники трепетали, а цесаревичъ все болѣе и болѣе гнѣвался... Чтобы положить конецъ гнѣву великаго князя, требовалось сгладить дурное его расположеніе, причиненное пугливой лошадью. Николай Дмитріевичъ Олсуфьевъ, зная характеръ цесаревича, нашелъ удобную минуту, чтобы выдти изъ-за фронта, прямо на глаза великому князю; но, идя, какъ-будто нечаянно поскользнулся, упалъ въ находившуюся на его

Библиотека "Руниверс"

Въ полчаса бумаги были готовы; ѣсть мнѣ ничего не дали (да и кстати, ибо это была великая суббота), отдыхать было некогда и я тутъ же пустился въ обратный путь, поспѣшая сколь возможно. На половинѣ пути встрѣтился я съ старымъ знакомымъ, котораго зналъ съ ребячества, Старооскольскаго мушкетерскаго полка поручикомъ Николаемъ Ѳедосѣевичемъ Быковымъ, который также былъ адъютантомъ и ѣхалъ по должности за приказами. Не видались мы болѣе 12-ти лѣтъ, но въ туже минуту другъ друга узнали и, поговоривъ минутъ 10, разстались; съ тѣхъ поръ во всю кампанію нигдѣ не встрѣтились. На самый праздникъ Свѣтлаго Воскресенья явился я къ своему полку и едва дали людямъ разговѣться, какъ въ ту же минуту ударили генералъ-маршъ и весь корпусъ двинулся въ походъ.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля расположился нашъ полкъ не въ дальнемъ разстояніи отъ г. Фридланда, по деревнямъ. Штабъ-квартира графа Сентъ-При была въ Клостеръ-Шпрингборнъ, бывшій прежде католическій монастырь. Нигдѣ я не видалъ такого множества различныхъ прекрасныхъ цвѣтовъ, какъ тутъ, въ особенности нарцизовъ; весь дворъ монастырскій покрытъ былъ ими,—точно молокомъ облитъ. При приближеніи вспомогательныхъ войскъ россійскихъ, начались было переговоры перемирія. Наполеонъ испыталъ сильный ударъ россійскаго оружія. Генералъ баронъ Бенигсенъ выигралъ тутъ генеральное сраженіе; командовалъ самъ Наполеонъ, но былъ принужденъ отступить и размышлялъ о перемиріи. Переговоры продолжались тайно и болѣе 5-ти недѣль; но кончились, по обыкновенному, новой войною. Наполеонъ, какъ страстный охотникъ до ссоры и драки, не соглашался на миролюбивыя предложенія.

9-го числа мая, на самый день св. Николая, извѣстно уже было всѣмъ, что скоро встрѣтимся съ французами. Этотъ день я имянинникъ; ко мнѣ собрались много однополчанъ (покойный Николай Павловичъ Левшинъ также былъ имянинникъ) и затѣяли пирушку не на шутку. Обѣдали, перепились, но тогдашняго вѣка люди и сумазбродничали, какъ безумные, ибо большая часть офицеровъ была молодежь.

Въ самомъ разгарѣ пированія замѣтили, что хозяинъ исчезъ; я, видя дѣло плохо, скрылся на чердакѣ дома; меня отыскали, притащили на дворъ и на плащѣ начали качать и кричать: „ура!“ но видя, что я не только, чтобы опомнился, но еще хуже обезумѣлъ, вздумали нести меня купать въ прудѣ. Съ громомъ полковой музыки, на плащѣ,

---

пути лужу и измарался грязью. Видя это паденіе, великій князь расхохотался, громко закричавъ: «хорошъ, хорошъ!» и — гнѣвъ измѣнился на милость, все найдено прекраснымъ и всѣ начальники получили благодарность.

Н. В.

Библиотека "Руниверс"

понесли меня едва дышущаго къ водѣ. На мое счастье, всю эту церемонію встрѣтилъ полковникъ Потемкинъ, бывшій мой баталіонный командиръ; онъ воротилъ и разогналъ всѣхъ, не то имянинника навѣрное бы утопили.

Чрезъ нѣсколько дней получено было секретное повелѣніе готовиться къ походу, ибо военныя дѣйствія снова начнутся. Отпраздновавъ Троицынъ день въ Клостеръ-Шпрингборнѣ, вся гвардія тронулась по большому тракту къ городу Гутштадту.

Очень памятно мнѣ было, что наканунѣ Троицына дня былъ я въ штабъ-квартирѣ графа Сентъ-При и видѣлъ въ монастырѣ весь дворъ его и прочіе палисадники, покрытые нарцизами и тюльпанами, много любовался ими; на самый же праздникъ все исчезло, не было ни одного, а всѣ отнесены въ церковь, для украшенія внутренности храма букетами и гирляндами весьма искусно.

На третій день нашего выступленія, расположился весь гвардейскій корпусъ лагеремъ не въ дальнемъ разстояніи отъ городовъ Липштадта и Гутштадта. Война открыта наступательная. Укрѣпленные города, мѣстечки и деревни на рѣкѣ Пассаргѣ были вдругъ въ одно время атакованы 24-го мая и со всѣхъ пунктовъ французовъ сбили.

Л.-гв. Егерскій полкъ, состоящій только изъ двухъ баталіоновъ, сего-жъ числа былъ командированъ къ дивизіи генерала Дохтурова, на правый флангъ арміи, за 3 мили отъ г. Гутштадта. Въ 2 часа по полудни прибылъ нашъ полкъ къ селенію Ломиттену; тутъ сдѣлали привалъ,—нѣсколько поотдохнули.

На семъ привалѣ графъ Сентъ-При послалъ меня отыскать ту деревню, гдѣ перевязываютъ раненыхъ. Версты за полторы отъ линіи нашей вправо и ближе къ непріятельскимъ аванпостамъ пришлось мнѣ ѣхать по ржи. Рожь хотя и очень была высокая, но все въ меня французы стрѣляли безпрестанно, ибо я по поясъ былъ видѣнъ и золотое шитье и киверъ блестѣли издалека. Благодаря Бога, я добрался до деревни благополучно. Тутъ увидѣлъ я весь ужасъ адскихъ терзаній. Здѣсь пилили ноги, тамъ рѣзали руки, подальше къ полю или въ садахъ хоронили; стонъ и вопль неумолкаемый выгналъ меня. Спросивъ объ имени деревни, тѣмъ же путемъ возвратился къ полковнику своему и донесъ о исполненіи приказанія его; между тѣмъ показалъ ему и то мѣсто, откуда въ меня французы стрѣляли.

По возвращеніи моемъ, въ тотъ часъ же скомандовали во фронтъ и полкъ нашъ, хотя и долженъ былъ, по жребію, съ л.-гв. Семеновскимъ баталіономъ полковника Криднера составить одинъ баталіонъ, но полковникъ Криднеръ нашелъ какую-то отговорку и отъ жребія укло-

Библиотека "Руниверс"

нился. Черезъ полчаса, не болѣе, уже нашихъ раненыхъ понесли или перевязывать, или (тѣхъ, которые изъ нихъ умерли) хоронить.

Передъ укрѣпленною деревнею Ломиттенъ былъ сосновый высокій лѣсъ, въ коемъ глубокій оврагъ. Въ этомъ оврагѣ, на противуположной сторонѣ, французскіе волтижеры или стрѣлки, подкопавъ коренья толстыхъ сосенъ, своротили вверхъ кореньями подъ гору, такъ что вершины и сучья дѣлали приступъ почти невозможнымъ, а коренья, какъ щиты, охраняли отъ выстрѣловъ. Наши егеря долго размышлять не стали. Графъ Сентъ-При съ своимъ 1-мъ баталіономъ пошелъ въ обходъ оврага, влѣво, подъ самые сильные картечные выстрѣлы, гдѣ былъ тотъ часъ же тяжело раненъ картечью въ ногу [1]); принявшій команду капитанъ Вульфъ былъ убитъ; но, несмотря на таковую невзгоду, баталіонъ достигъ рѣки Пассарги, прогнавъ непріятельскую колонну за мостъ и батареи.

2-й баталіонъ, подъ командою полковника Потемкина, взялъ приступомъ оврагъ; егеря лѣзли по вѣтвямъ съ неимовѣрною храбростью. Уронъ съ нашей стороны былъ значителенъ: много было побито пулями вертикально въ голову (въ маковку). Вытѣснивъ французовъ изъ лѣсу, соединились съ 1-мъ баталіономъ, перешли чрезъ рѣку Пассаргу и подлетѣли къ укрѣпленіямъ, мигомъ полѣзли на батареи. Егеря втыкали ружья и штыки въ земляныя укрѣпленія и такъ лѣзли по ружьямъ, какъ по лѣстницамъ. Непріятель успѣлъ увезти пушки съ батарей, но оставилъ укрѣпленную свою позицію и деревню Ломиттенъ.

Занятіе деревни такъ было поспѣшно, что, когда наши вошли въ барскій домъ, нашли столъ [2]), уставленный кушаньями и бутылками, изъ котораго сидѣвшіе генералы и прочіе собесѣдники едва успѣли выскочить, бросивъ весь свой багажъ. Кто только зналъ бонапартовскихъ воиновъ, то повѣритъ, что это было точно такъ. Они говаривали: „ma foi il est impossible, pour que le gredins de russes parvienent jusqu'à nous“ [3]), но нерѣдко ошибались.

Многихъ нашихъ офицеровъ переранили [4]), Энгельгардту ногу отпилили на мѣстѣ, а Огонь-Дагановскаго убили.

---

[1]) Братъ родной гр. Сентъ-При, гр. Луи, также раненъ былъ въ грудь. **Авт.**

Графъ Лудовикъ Францовичъ Сентъ-При служилъ Россіи и достигъ чина полковника, а по возстановленіи на престолъ дома Бурбоновъ, возвратился во Францію. За оказанное имъ отличіе въ походѣ въ Испанію, по поводу возстановленія престола Фердинанда VII, состоя при герцогѣ Ангулемскомъ въ званіи генералъ-адъютанта, пожалованъ императоромъ Александромъ, въ 1824 г., орденомъ Георгія 3-го класса. **Н. В.**

[2]) Накрытый слишкомъ на 20 приборовъ. **Авт.**

[3]) «Эти бездѣльники русскіе не дойдутъ до насъ,—это невозможно». **Н. В.**

[4]) Тутъ ранили и меня. Покойнаго брата Александра ранили въ руку. **Авт.**

Библиотека "Руниверс"

На батарею первый взбѣжалъ прапорщикъ Александръ Павловичъ Левшинъ. Генералъ Дохтуровъ, наблюдая съ возвышенія дѣйствія гвардейскихъ егерей, какъ главнокомандующій на этомъ пунктѣ, прислалъ адъютанта узнать фамилію того офицера, который первый взбѣжалъ на батарею и махалъ шпагою, призывая своихъ егерей. За сіе дѣло прапорщикъ А. Левшинъ получилъ золотую шпагу „за храбрость".

Послѣ взятія деревни Ломиттенъ, приказано было идти л.-гв. Егерскому полку къ г. Липштадту, для присоединенія къ арміи, стоявшей между сего города и г. Гутштадта. Всѣ единогласно кричали о храбрости гвардейскихъ егерей. Когда полкъ вступалъ въ линію главной арміи, то всѣ полки кричали: „славно, славно! молодцы гвардейскіе егеря!" и каждый солдатъ удѣлялъ егерямъ что имѣлъ провіанта своего, ибо полкъ нашъ дня три почти ничего не ѣлъ: по взятіи деревни Ломиттена едва дали отдохнуть часа 3 или 4.

Я получилъ сильный ударъ въ грудь вскользь обломкомъ отъ гранаты; меня отвезли (въ) г. Вормдитъ (?), а оттуда въ Гейльсбергъ, гдѣ получилъ нѣкоторыя медицинскія пособія.

Чрезъ нѣсколько часовъ по пріѣздѣ въ Гейльсбергъ, узнали мы, что вся армія отступаетъ и ужъ авангардъ въ гейльсбергскомъ укрѣпленіи. Вскорѣ послѣ услышали канонаду, а потомъ и перестрѣлку. Казаки начали очищать городъ отъ обозовъ.

Гвардія подошла было къ самому городу и мнѣ хотѣлось было повидаться съ братьями; но это было дѣло невозможное, ибо завязалось сраженіе. Когда увидѣлъ я новыхъ раненыхъ, въ числѣ коихъ и генерала Вердеревскаго, то надобно было повиноваться казакамъ и я поѣхалъ въ г. Гумбиненъ. Въ Гумбиненѣ полученъ приказъ отъ генерала Гаевскаго поспѣшно всѣмъ обозамъ и раненымъ ѣхать въ пограничный городъ Юрбургъ. Въ г. Юрбургъ обозы и кто только въ силахъ былъ выносить скорую ѣзду, то поспѣшали, ибо на дорогѣ узнали о проигранномъ сраженіи при Фридландѣ.

По дорогѣ къ Юрбургу, обогналъ насъ Изюмскій гусарскій полкъ, который спѣшилъ на рысяхъ поспѣть во-время для прикрытія обозовъ и городъ Юрбурга. Въ нашихъ глазахъ полкъ искалъ броду на рѣкѣ Нѣманѣ и храбрый ихъ командиръ, генералъ Юрковскій, первый бросился въ рѣку; за нимъ весь полкъ, по два, переправился съ великой опасностью. Обозы переправлялись на плашкотахъ противъ самаго города и мы видѣли ясно, какъ нѣкоторые гусары падали съ лошадей, а иные опрокидывались съ лошадьми на стремнинѣ рѣки и тонули безъ малѣйшей помощи; ихъ уносило быстротою воды.

Послѣ моего пріѣзда въ городъ сдѣлалась ужасная суматоха. Гу-

Библиотека "Руниверс"

сары начали выгонять обозы и тяжести по Рижской дорогѣ, а раненымъ офицерамъ приказано было получить подорожныя отъ генералъ-маіора Маркловскаго, кто куда желаетъ. Мнѣ выдали паспортъ въ г. Орелъ. (№ моего паспорта былъ 238-й). Тутъ случайно на улицѣ встрѣтился я съ братомъ Николаемъ Павловичемъ Левшинымъ; онъ былъ раненъ въ правое колѣно, пулею, при Фридландѣ. Онъ мучился ужасно; но отпилить ногу не соглашался. Вмѣстѣ мы поѣхали въ Ригу.

Въ продолженіе всей дороги отъ Юрбурга до Риги было совершенное адское мученье слушать стоны раненыхъ и умирающихъ. Покойный братъ кричалъ день и ночь. Кое-какъ добрались мы до Риги. Тутъ отвели намъ удобную квартиру въ домѣ баронессы Гротгузъ. Лучшій докторъ, г. Зоменеръ, пользовалъ насъ; мнѣ скоро помогъ и я въ двѣ недѣли всталъ на ноги, а брата Николая Павловича обрекъ на смерть: сему несчастному надо было отнимать ногу выше колѣна; покойный Николай Павловичъ не согласился и пострадалъ, болѣе 1½ мѣсяца мучился и скончался 10-го числа іюля, въ самый тотъ день, когда л.-гв. Егерскій полкъ, возвращаясь въ С.-Петербургъ, вступилъ въ Ригу. Отрядъ изъ этой роты, въ которой служилъ Николай Павловичъ, провожалъ печальную процессію до могилы, отдавъ послѣдній долгъ положившему животъ свой за отечество троекратными выстрѣлами у храма на с.-петербургскомъ кладбищѣ. Командиръ гвардейскаго корпуса, генералъ-лейтенантъ Кологривовъ, почти всѣ офицеры двухъ л.-гв. Егерскихъ баталіоновъ и много офицеровъ другихъ гвардейскихъ полковъ присутствовали при погребеніи.

Покойный братъ Александръ Павловичъ [1]), бывши легко раненъ въ руку, находился при полку и послѣ погребенія пробылъ въ Ригѣ 9 дней; поѣхалъ догонять полкъ, а потомъ, получивъ отпускъ, отправился съ печальнымъ извѣстіемъ въ Москву. Скорбь сія едва не причинила смерть матушки его. Екатерина Николаевна нѣсколько мѣсяцевъ сходила съ ума, въ изступленіи плевала и бросала святыя иконы и вытерпѣла жестокую горячку.

Оставшись въ Ригѣ одинъ, съ скорбію душевной о потерѣ брата Николая Павловича, съ которымъ я всегда былъ друженъ, единственное мое занятіе были книги и по вечерамъ, до заката солнца, прогулка въ садахъ и изрѣдка по улицамъ.

Одинъ разъ шелъ по площади, на которой выстроенъ былъ изъ тесу балаганъ для кукольной комедіи. Въ семъ театрѣ, какъ (значилось) на афишкѣ и гравюрахъ лубочнаго изданія, лучшая пьеса была гигантскаго роста кукла,—женщина, танцующая вальсъ,—а изъ-подъ нея вы-

---

[1]) Убитый въ 1812 году, при селѣ Бородинѣ, 26-го августа. Авт.

Библиотека "Руниверс"

прыгивающіе ребятишки, попарно, тоже танцующіе; вдругъ выстрѣлитъ пистолетъ и изъ робы женской составится балонъ, а изъ ногъ лодочка; въ эту лодочку попрыгаютъ всѣ выскочившіе изъ-подъ куклы,—мирмидоновъ, человѣкъ до 100,—и балонъ, качаясь тихо въ воздухѣ, нагруженный симъ народомъ, улетаетъ. Каково было мое удивленіе, въ самое то время, когда я читаю афишу, сдѣлался ужаснѣйшій трескъ и крикъ. Задняя стѣна въ балаганѣ проломилась, а оттуда посыпались всѣхъ націй люди обоего пола; многіе переломали себѣ руки и ноги и больно перебились. Всеобщій шумъ заглушалъ стонъ ушибленныхъ и плачъ комедіантовъ, ибо ихъ въ тотъ часъ же потащили въ полицію къ отвѣту за худое устройство балагана.

Еще 15-го іюня всѣ раненые офицеры оставлены были въ Ригѣ, вѣроятно, для того, чтобы сохранить въ тайнѣ фридландское несчастное сраженіе. По полученіи офиціальнаго извѣстія о свиданіи императоровъ Александра I и Наполеона въ г. Тильзитѣ, на островѣ рѣки Нѣмана, и о заключеніи мира съ французами, 27-го числа іюня, всѣ, кто могъ ѣхать, отправились въ Россію по волѣ, кто куда желаетъ.

Выѣхавъ изъ Риги,—на первой же станціи происшествіе. Въ то время, какъ тройка моя скакала по гладкой дорогѣ, окруженная облаками пыли, колъ, лежавшій вдоль по дорогѣ, попалъ подъ ноги коренной лошади; противный конецъ, поднявшись, уперся въ конецъ телѣги, проткнулъ весь передъ въ одну секунду. Какъ громомъ пораженная, лежала телѣга опрокинутая и всѣ пассажиры, разбросанные на нѣсколько саженъ, а лошади, съ передними колесами, ускакали въ ближнюю деревню. Всѣмъ намъ порядочно до сталось, бока долго болѣли, особенно у нѣмца Готгарда, ѣхавшаго со мной, изъ милости, до Москвы. Страннѣе всего: везъ я въ коробѣ, стоящемъ въ передкѣ, посуду изъ композиціи, подъ мраморъ,—колъ попалъ прямо въ коробъ, проткнулъ коробъ насквозь, а разбился только одинъ стаканъ.

Сообщ. Н. П. Барышниковъ.

Библиотека "Руниверс"

ССЫЛКА М. М. СПЕРАНСКАГО

въ 1812 г.[1])

Бывшій профессоръ русскаго права въ Казанскомъ университетѣ, Нейманъ, служилъ при Сперанскомъ еще въ первую, блестящую, половину жизни этого знаменитаго человѣка. Уваженіе, которое оставилъ Сперанскій въ памяти Неймана, неограниченно. „Вы повѣрите,—говорилъ 70-ти-лѣтній Нейманъ,—что я въ жизни моей съ многими встрѣчался и сталкивался; но я не видывалъ человѣка умнѣй Сперанскаго". И мы должны вѣрить старику, всегда осторожному въ сужденіяхъ и который не имѣлъ никакихъ причинъ черезчуръ превозносить прежняго своего начальника, потому что мы слышали сужденія Неймана тогда, какъ Сперанскій уже померъ.

Душой Сперанскій и до несчастія былъ тотъ же, что́ послѣ несчастія: всегда тихій, вѣжливый, всегда готовый на добро. Можетъ быть, въ иныхъ случаяхъ мягкость и уклончивость его доходила до хитрости. Быть можетъ, она была необходима сыну священника, чтобы возвыситься и держаться на той высотѣ, на которой стоялъ онъ. Самая наружность и манера его показывали что-то хитрое: но это была хитрость ума, нисколько не портившая его добраго и высокаго сердца.

---

[1]) Предлагаемая статья составлена однимъ, нынѣ покойнымъ, старикомъ-чиновникомъ по подлиннымъ документамъ. Не задолго до кончины графъ М. А. Корфъ, авторъ біографіи Сперанскаго, прослушалъ эту статью въ нашемъ чтеніи и нашелъ, что она восполняетъ нѣкоторые пробѣлы въ его трудѣ, такъ какъ здѣсь приведено нѣсколько документовъ, бывшихъ ему неизвѣстными, какъ напр., нѣкоторые изъ перехваченныхъ писемъ Сперанскаго и проч. «Во всякомъ случаѣ—замѣтилъ гр. М. А.—статья эта интересна и желательно, чтобы «Русская Старина» дала ей мѣсто на своихъ страницахъ». **Ред.**

Библиотека "Руниверс"

Онъ былъ чрезвычайно трудолюбивъ: работалъ почти все самъ, работалъ скоро, объемисто, по замысламъ обширнымъ, наравнѣ съ ходомъ современнаго просвѣщенія и устройства европейскихъ государствъ. Онъ всѣмъ пользовался: и книгами, и совѣтами извѣстныхъ по уму и знанію людей, и трудами своихъ подчиненныхъ. Сопутствуя государю Александру Павловичу въ заграничныхъ путешествіяхъ, онъ не даромъ видался съ Меттернихомъ, Талейраномъ, съ правителями и учеными людьми. Онъ у всѣхъ, у кого только можно было, вывѣдывалъ сущность законовъ чужихъ странъ и совѣты на счетъ русскаго законодательства. Отовсюду собиралъ онъ административныя и законодательныя сочиненія, лекціи профессоровъ и замѣчательные манускрипты.

Но Сперанскій, сверхъ собираемыхъ имъ свѣдѣній, столько имѣлъ своихъ, и собираемое такъ перетворялось въ его трудѣ, что все, выходившее отъ него, было уже собственное его одного. Между подчиненными его были замѣчательные люди: Магницкій, Журавлевъ, Цейлеръ, Бекъ, Балугьянскій и другіе, но онъ надъ всѣми ими такъ высокъ былъ умомъ и трудами, что всѣ они казались при немъ больше лишними, чѣмъ необходимыми ему. „И я,—говоритъ Нейманъ,—представилъ Сперанскому свое сочиненіе объ уголовномъ правѣ, и другіе мои товарищи подавали ему труды свои; онъ ничего не оставлялъ безъ вниманія и все соображалъ; но едва-ли кто изъ насъ могъ похвалиться, что помогъ Сперанскому“.

Учрежденіе новыхъ университетовъ, гимназій и училищъ, и преобразованіе прежнихъ, министерства и государственный совѣтъ, улучшеніе всѣхъ частей управленія и законы, выходившіе съ начала царствованія императора Александра I до 1812 года, были бо́льшею частію плодомъ его работы. По администраціи и законамъ Россію повелъ въ рядъ съ другими европейскими государствами—Сперанскій.

Нѣкоторые обвиняютъ его въ томъ, что онъ порядокъ и правила управленія заимствовалъ преимущественно у Наполеона. Но, съ одной стороны, это несправедливо, потому что Сперанскій заимствовалъ изъ законодательствъ всѣхъ европейскихъ державъ и изъ всѣхъ вѣковъ, соображая все это съ потребностями русской земли; а съ другой стороны, нельзя не признаться, что въ то время французскіе законы и управленіе были чуть-ли въ самомъ дѣлѣ не лучшіе для современности (?).

Несчастная и самая громкая катастрофа его жизни случилась въ началѣ 1812 года. Его сослали сначала въ Нижній Новгородъ, потомъ въ Пермь, и тамъ оставался онъ до 1816 г., когда назначили его въ Пензу—гражданскимъ губернаторомъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ то время, Богъ знаетъ какіе слухи носились объ этомъ происшествіи и на Сперанскаго смотрѣли, какъ на государственнаго преступника. Но тѣ, которые близко знали это дѣло, всѣ говорятъ, что со стороны его не было никакого подлаго или безчестнаго поступка.

Александръ Павловичъ, и удаливъ Сперанскаго, имѣлъ о немъ самое высокое понятіе. А. С. Шишковъ сказывалъ, что въ 1813 году, находясь при государѣ за границею, онъ получилъ изъ государственнаго совѣта, для доклада императору, 3-ю часть проекта новаго уложенія. Книга эта была составлена еще Сперанскимъ, но, по его удаленіи, залежалась въ совѣтѣ до 1813 года. Шишковъ, прежде доклада государю, прочелъ ее со вниманіемъ, и, замѣтивъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ несообразности съ духомъ русскаго народа, въ другихъ — выраженія, которыя не понравились его пуританскому вкусу, объяснилъ свои замѣчанія государю. Александръ Павловичъ съ неудовольствіемъ слушалъ его и потомъ спросилъ:

— Развѣ ты не знаешь, что это писалъ Сперанскій.

Когда же Шишковъ прибавилъ, что кто бы ни писалъ уложеніе, онъ обязанностію счелъ доложить о своемъ мнѣніи, государь съ возрастающимъ неудовольствіемъ сказалъ:

— Оставимъ это до другаго времени [1]).

Послѣ этого томъ новаго уложенія опять залегъ подъ красное сукно, и пролежалъ до 1814 г., когда государь, воротившись изъ Парижа въ Петербургъ, самъ вспомнилъ о немъ и приказалъ вновь разсмотрѣть въ государственномъ совѣтѣ.

И во вторую половину жизни, можетъ быть, еще болѣе славную, чѣмъ первая, но славную безъ шума и грома, въ мнѣніи русскаго общества высоко стоялъ Сперанскій. Въ концѣ 1833 г. онъ былъ жестоко боленъ и приближался къ смерти. Тогда же было торжественное обрученіе великой княжны Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ. Всѣмъ странно казалось, что обрученіе не было объявлено манифестомъ. Говорили, будто манифеста потому нѣтъ, что некому написать безъ Сперанскаго. Это, разумѣется, сказка, но она показываетъ какъ уважали Сперанскаго.

Императоръ Александръ какъ бы чувствовалъ необходимость быть подъ вліяніемъ другаго, и когда одинъ любимецъ падалъ, сейчасъ являлся другой. Главные любимцы у него были: въ первую половину царствованія—Сперанскій, во вторую—Аракчеевъ. Эти люди столько

---

[1]) Въ запискахъ своихъ Шишковъ разсказалъ объ этомъ нѣсколько иначе. См. книгу графа Корфа: Жизнь гр. Сперанскаго, т. I, стр. 167 и 168.

Библиотека "Руниверс"

владѣли имъ, что каждый, въ свою очередь, могъ назваться правителемъ государства. Разница между ними была великая. Аракчеевъ, при всѣхъ своихъ заслугахъ, бросалъ мрачную тѣнь на своего государя: Александръ и Аракчеевъ — это были ангелъ и сатана (!). Сперанскій, сколько ни возродилъ противъ себя ропота и сказокъ въ народѣ, видится какимъ-то свѣтлымъ геніемъ. Къ нему привлекли государя его образованный умъ, его гуманныя понятія, его сердце, полное идеалами совершенства — и они оба, царь и любимецъ, горячо соединились, чтобъ ввести въ опытъ жизни тѣ идеалы, которыми восхищались ихъ умы и сердца. Они хотѣли высоко поставить Россію, и если ошибались, то какъ люди, которыхъ мысли и мечты прекрасны, но которые еще молоды для того, чтобъ не ошибаться. Гражданская мудрость не можетъ быть безъ лѣтъ и безъ разочарованія.

Протоіерей кафедральнаго собора въ Казани, Борисъ Поликарповъ, учившійся вмѣстѣ съ Сперанскимъ въ Петербургской духовной академіи, сказывалъ, что Михаилъ Михайловичъ въ то время надѣвалъ овчинный тулупъ свой только въ одинъ рукавъ. Иногда товарищи спрашивали его:

— Михайло, зачѣмъ ты это дѣлаешь?

Онъ всегда отвѣчалъ: „Учусь носить соболью шубу".

Въ мартѣ 1812 г. для тайнаго совѣтника Сперанскаго назначенъ былъ мѣстопребываніемъ Нижній Новгородъ [1]).

Онъ былъ отправленъ туда въ ночь съ 17-го на 18-е марта, съ чиновникомъ с.-петербургской полиціи, надворнымъ совѣтникомъ Шипулинскимъ. Дорогой съ ними случилось непріятное происшествіе: 19-го марта, за Тихвиномъ, на 2-й станціи, помощникъ тихвинскаго почтмейстера, коллежскій регистраторъ Тумашевскій, обогнавъ экипажъ Сперанскаго, ѣхалъ впереди шагомъ и препятствовалъ скорой ѣздѣ изгнанника. Шипулинскій приказывалъ-было ямщику своему обогнать Тумашевскаго, но послѣдній запрещалъ ямщику повиноваться этому приказу. По прибытіи на станцію Горки, Тумашевскій кричалъ на Сперанскаго и Шипулинскаго, для чего они ѣдутъ скоро, и наказывалъ новому ямщику ихъ, чтобы онъ, если путники будутъ принуждать его къ скорой ѣздѣ, оставилъ лошадей и ушелъ. О поступкѣ Тума-

---

[1]) Одинъ слѣдившій за событіями (Корниловичъ) оставилъ въ запискахъ своихъ отмѣтку, что «Сперанскій былъ сосланъ по наущеніямъ шведа Армфельда и министра полиціи Балашова, за представленные императору проекты объ отдѣленіи судной власти отъ правительственной и о постепенномъ введеніи представительнаго правленія. Онъ предлагалъ судные сенаты: въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Казани, и одинъ правительствующій, лишенный судной власти и составленный изъ депутатовъ всѣхъ свободныхъ сословій».

Библиотека "Руниверс"

шевскаго, по высочайшему повелѣнію, министръ полиціи Балашовъ тогда же сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ.

Сперанскій былъ совершенно доволенъ Шипулинскимъ. Въ Нижній Новгородъ онъ прибылъ 23-го марта и тогда же писалъ къ Балашову:

„Примите, милостивый государь Александръ Дмитріевичъ, истинную благодарность мою за добраго товарища и спутника, коего вы мнѣ дали. Ежели бы къ тому понятію, которое вы о немъ имѣете, могъ я что-нибудь присовокупить, то осмѣлился бы рекомендовать его вамъ, какъ чиновника отлично умнаго и усерднаго.

„Повергните меня къ стопамъ государя императора и примите на себя трудъ вручить письмо, при семъ прилагаемое.

„Предполагая, что бумаги мои уже разобраны, приношу вамъ всепокорнѣйшую мою просьбу: дѣла мои домашнія приказать вручить г. статскому совѣтнику Мосальскому, который, по дружбѣ ко мнѣ, помогалъ мнѣ въ нихъ по моимъ недосугамъ".

Изгнаніе Сперанскаго сопровождалось разными толками. Въ Астрахани пронесся слухъ, что въ Петербургѣ министръ полиціи, по высочайшему повелѣнію, ночью арестовалъ государственнаго секретаря Сперанскаго, также статсъ-секретаря Магницкаго и еще двухъ неизвѣстныхъ чиновниковъ. которые будто бы участвовали въ измѣнѣ Сперанскаго государю и отечеству: что всѣ они въ ту же ночь были тайно отправлены по тракту къ Нижнему Новгороду, но вскорѣ назначеніе это перемѣнено и ихъ отвезли въ неизвѣстное мѣсто. Этотъ слухъ распространился въ Астрахани вмѣстѣ съ пріѣздомъ туда изъ С.-Петербурга курьера Рамазанова, съ которымъ присланъ былъ манифестъ о наборѣ рекрутъ. Архангельскій губернаторъ Андреевскій внушилъ курьеру обязанность быть скромнымъ.

Напротивъ того, въ Петербургѣ обратилъ на себя вниманіе докторъ Гарбауръ, который много говорилъ о невинности Сперанскаго. За Гарбауромъ высочайше повелѣно было наблюдать, но оказалось, что онъ только сначала, въ двухъ или трехъ мѣстахъ, защищалъ Сперанскаго, и больше ни въ чемъ не замѣченъ. Гарбауръ тогда же, по просьбѣ его, былъ уволенъ за границу.

При самой высылкѣ Сперанскаго изъ Петербурга, нижегородскому губернатору сообщено было, что „государю императору благоугодно, дабы тайному совѣтнику Сперанскому, во время пребыванія его въ Нижнемъ Новгородѣ, оказываема была всякая пристойность по его чину". Но тогда же предписаны были и строгія мѣры наблюденія за нимъ. Губернаторъ обязанъ былъ доносить министру полиціи обо всемъ замѣчательномъ на счетъ Сперанскаго и о всѣхъ лицахъ, съ которыми онъ будетъ имѣть знакомство или частыя свиданія; письма его.

Библиотека "Руниверс"

равно и къ нему присылаемыя, представлять въ подлинникѣ къ тому же министру, для доклада государю, даже тогда, когда его величество будетъ находиться въ отлучкѣ изъ Петербурга".

Въ послѣдствіи надзоръ распространенъ былъ на переписку служителей Сперанскаго, родственниковъ его, короткихъ знакомыхъ и тѣхъ, которые могли быть употреблены имъ въ посредники для передачи ему и пересылки его писемъ подъ чужими адресами.

Въ Нижнемъ Новгородѣ Сперанскій жилъ тихо и скромно; все развлеченіе его состояло въ прогулкѣ по городу. Хотя на другой же день пріѣзда въ Нижній онъ посѣтилъ преосвященнаго нижегородскаго, епископа Моисея, равно и къ нему пріѣзжали свѣтскія и духовныя особы, въ томъ числѣ бывшій соученикъ его, протопопъ кафедральнаго собора Матвѣй, но изгнанникъ ни съ кѣмъ не заводилъ короткаго знакомства.

Въ апрѣлѣ и маѣ 1812 г. былъ въ Нижнемъ по своимъ дѣламъ отставной оберъ-прокуроръ, въ послѣдствіи сенаторъ, Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ, который въ оба пріѣзда оставался тамъ недѣли по три и былъ неразлученъ съ Сперанскимъ. Они проводили время всегда вмѣстѣ и каждый день прохаживались по городу. Ихъ видѣли вмѣстѣ и на гуляньѣ, которое бываетъ въ Нижнемъ въ Вознесенье и слѣдующіе затѣмъ два дня, на Печерскомъ полѣ.

При этомъ случаѣ мѣстное начальство сдѣлало странное замѣчаніе, что Сперанскій и Столыпинъ на гуляньѣ болѣе ходили между чернымъ народомъ, и будто Сперанскій скрытнымъ образомъ бывалъ въ трактирахъ и питейныхъ домахъ. Министръ полиціи, получивъ объ этомъ донесеніе, въ іюлѣ, объявилъ высочайшую волю, чтобы прослѣдовали всѣ поступки и движенія Сперанскаго и чтобы употреблено было стараніе проникнуть цѣль и причины обращенія его между простымъ народомъ.

Разумѣется, по всѣмъ наблюденіямъ за Сперанскимъ нечему было и открыться. Переписывался онъ, кромѣ родственниковъ, съ жительствовавшимъ въ Вольскѣ именитымъ гражданиномъ Злобинымъ, съ статскимъ совѣтникомъ Мосальскимъ и немногими другими. Коммисіонеръ Злобина въ Нижнемъ, Самочерновъ, и купецъ Костроминъ подозрѣвались за такихъ людей, черезъ которыхъ Сперанскій могъ посылать секретно письма, и первый изъ нихъ дѣйствительно нѣсколько разъ приходилъ къ Сперанскому, но въ перепискѣ этого коммисіонера не было ничего подозрительнаго, а Костроминъ находился внѣ всякихъ сношеній изгнанника. Еще пріѣзжалъ къ нему изъ Вольска, отъ Злобина же, управляющій Кабановъ, который недолго пробылъ въ Нижнемъ, и мѣстное начальство только предполагало, что съ нимъ

Библиотека "Руниверс"

могли быть отправлены письма Сперанскаго. Былъ одинъ только случай въ Нижнемъ, что Сперанскій намѣренъ былъ послать письмо тайно: на почту былъ поданъ человѣкомъ его конвертъ, въ которомъ оказался другой, запечатанный и надписанный рукою самого Сперанскаго, на имя Злобина. Въ содержаніи этого письма, впрочемъ, не заключалось ничего запрещеннаго.

Сперанскій думалъ-было водвориться навсегда въ Нижнемъ, завестись экипажемъ и купить не вдали отъ города деревню. Весной къ нему пріѣхало и семейство его изъ Петербурга, дочь Елисавета и теща, вдова полковника англійской службы Елисавета Стевенсъ. Но ему не дали долго оставаться въ Нижнемъ: онъ пробылъ тамъ только полгода.

Въ сентябрѣ 1812 г. прислано было въ Нижній высочайшее повелѣніе отправить Сперанскаго въ Пермь [1]). Исполненіе этого возложено было на командовавшаго ополченіемъ въ внутреннихъ губерніяхъ генералъ-лейтенанта (въ послѣдствіи генералъ отъ инфантеріи и членъ государственнаго совѣта) графа Петра Александровича Толстаго. Сперанскій былъ отправленъ въ Пермь 15-го сентября, въ сопровожденіи частнаго пристава нижегородской полиціи, коллежскаго ассесора Козлова, и одного унтеръ-офицера изъ губернскаго баталіона. При этомъ сообщены были пермскому губернатору всѣ высочайшія повелѣнія о надзорѣ за самимъ Сперанскимъ и за его перепискою въ Перми, точно также какъ было въ Нижнемъ Новгородѣ.

Дочь и теща Сперанскаго отправились изъ Нижняго вслѣдъ за нимъ 20-го сентября.

Въ Пермь Сперанскій прибылъ 23-го сентября. Черезъ нѣсколько дней къ нему пріѣхалъ изъ Казани, отъ брата его, коллежскаго совѣтника Кузьмы Михайловича Сперанскаго, нарочный, Василій Варламовъ, который привезъ ему серебро и разныя домашнія потребности, да письмо съ вѣстію о болѣзни его дочери. Вотъ что М. М. Сперанскій писалъ 5-го октября пермскому губернатору Гермесу:

„При отъѣздѣ моемъ изъ Нижняго, оставилъ я дочь мою больною. Не взирая на сіе, она пустилась вслѣдъ за мною. Въ Казани болѣзнь ея усилилась. Вчера ввечеру я получилъ сію вѣсть отъ моего брата, съ нарочнымъ. Какъ отецъ семейства, вы легко можете представить мое положеніе. Горесть сія довершаетъ всѣ прочія. Какую помощь отсюда могу я подать сему несчастному ребенку, коего по необходимости долженъ я вездѣ влачить за собою.

---

[1]) Перемѣщеніе Сперанскаго изъ Нижняго въ Пермь не имѣло-ли связи со вступленіемъ французовъ въ Москву? Тогда всѣ мирные жители удалялись отъ непріятеля даже къ предѣламъ Сибири. Примѣч. Авт.

Библиотека "Руниверс"

„Разстроенъ и духомъ и тѣломъ, я не могу лично видѣть ваше превосходительство; но счелъ нужнымъ симъ объяснить вамъ пріѣздъ сюда нарочнаго отъ моего брата. Завтра отправляется онъ обратно".

Въ тоже время, съ возвращающимся нарочнымъ, М. М. Сперанскій писалъ къ брату своему, 7-го октября:

„Весьма благодаренъ, любезный другъ мой Кузьма Михайловичъ, за присылку ко мнѣ Василія. Онъ много меня успокоилъ и, сверхъ того, узналъ и проложилъ дорогу нашимъ путешественникамъ. Не буду благодарить тебя, мой другъ, за мою Лизу и за все, о чемъ она ко мнѣ пишетъ. Вы созданы любить другъ друга, а любовь не знаетъ благодарности.

„Теплое время, которое здѣсь, кажется, установилось, весьма меня соблазняетъ желать, чтобъ семья наша отправилась прежде зимы. Тутъ есть множество выгодъ, и главная та, что они не будутъ терпѣть отъ стужи, а грязь не мѣшаетъ. Почтовыя лошади по сей дорогѣ прекрасныя; проѣзжающихъ никого нѣтъ, и потому везутъ вездѣ охотно и даже на перерывъ. Если время не перемѣнится, когда получите сіе письмо, то прошу болѣе ихъ не держать и отпустить съ миромъ. Провожать ихъ тебѣ самому я не вижу надобности, и, мнѣ кажется, они до Вятской губерніи доберутся спокойно. Вездѣ есть у почтовыхъ смотрителей пристанища довольно удобныя. По Вятской губерніи вотяками трудно, но въ два дни они ихъ проѣдутъ, а въ Пермской и дороги и люди изрядные.

„Обозъ мой я полагаю раздѣлить надвое, не считая личнаго ихъ отправленія. Въ первомъ пойдутъ вина. Я полагаю, что лодка изъ Нижняго уже пришла. Сдѣлайте такъ, чтобъ сія часть отправлена была тотчасъ на колесахъ, съ вѣрными извощиками, подрядя ихъ, если можно, на срокъ, хотя и съ передачею цѣны. Деньги имъ будутъ здѣсь заплачены. Только не надобно имъ сказывать, что они везутъ, чтобъ не выпили дорогою моего вина. Симъ перевозомъ нужно ускорить потому, что зимою все перемерзнетъ, а осенью хотя и разобьется что-нибудь, но не такъ много. Вторая часть состоять будетъ изъ книгъ, посуды и прочаго, что Елисавета Андреевна признаетъ возможнымъ оставить. Сію часть прошу также отправить съ вѣрными извощиками, на подрядъ, по первому зимнему пути. При обоихъ сихъ отправленіяхъ не ожидаю другихъ писемъ отъ васъ, кромѣ обыкновенныхъ накладныхъ, на коихъ ящики означены будутъ литерами или нумерами, не говоря о ихъ содержаніи.

„Къ симъ просьбамъ прилагаю еще одну слѣдующую: размѣнять для меня тысячу рублей серебромъ, которые вручитъ вамъ Елисавета Андреевна, и доставить ей за оные четыре тысячи рублей ассигна-

Библиотека "Руниверс"

ціями. Операція сія требуетъ снаровки и искусства, чтобъ не подать поводу къ кривымъ толкамъ. Но деньги сіи необходимо намъ нужны на прожитокъ, а здѣсь достать никакъ невозможно. Не можно-ли сдѣлать сего черезъ купца Резанова; онъ, кажется, мужикъ скромный, а всего бы лучше не мѣшать никого, что было бы и не трудно, если бы у васъ были мѣнялы. Въ послѣднемъ случаѣ можно послать къ нимъ людей моихъ Василья и повара, наказавъ имъ, чтобъ не сказывали чьи деньги и чьи люди. Во всемъ полагаюсь на лучшее твое благоразуміе. Но это необходимо.

„Прощай, мой любезный, душевно тебя обнимаю и Божіему благословенію поручаю. Съ Лизою пиши ко мнѣ обо всемъ сколь можно подробнѣе. И худые и добрые, и вѣрные и невѣрные слухи здѣсь такъ рѣдки, что всѣ извѣстія ваши будутъ для меня весьма интересны; а вѣрныхъ оказій предвижу, что будетъ мало...“

Еще въ Нижнемъ замѣчено было, что Сперанскій вымѣнивалъ золотую и серебряную монету въ большомъ количествѣ, чрезъ людей своихъ, изъ рукъ торговцевъ. Письмо же къ брату о промѣнѣ серебра [1]) сдѣлалось источникомъ непріятностей для Сперанскаго, тѣмъ больше, что оно зашито было въ шапкѣ возвращавшагося изъ Перми въ Казань нарочнаго, Василья Варламова.

Должно замѣтить, что и въ Казани губернаторъ обратилъ вниманіе на отправленіе Кузьмой Мих. Сперанскимъ нарочнаго въ Пермь; но тамъ губернаторъ еще не имѣлъ предписанія о надзорѣ за сношеніями братьевъ Сперанскихъ и ограничился только увѣреніемъ Кузьмы Михайловича, что въ письмѣ его не заключается ничего, кромѣ извѣщенія о посылаемыхъ вещахъ, да осмотромъ этихъ вещей за шлагбаумомъ. Пермскій же губернаторъ Гермесъ поступилъ безъ всякой осторожности. Давъ выѣхать Варламову изъ Перми, онъ въ тоже время послалъ въ первый по тракту къ Казани городъ, Оханскъ, двухъ полицейскихъ чиновниковъ, поручивъ имъ остановить Варламова въ Оханскѣ и представить къ городничему, для строжайшаго обыска. При этомъ обыскѣ найдено у Варламова, зашитое въ шапкѣ его, письмо М. М. Сперанскаго къ брату, которое мы выше прописали и которое губернаторъ тотчасъ представилъ къ министру полиціи, а нарочному съ посылками дозволено было ѣхать въ Казань.

---

[1]) Не для того-ли Сперанскій пріобрѣталъ сначало серебро, а потомъ мѣнялъ его, что въ 1812 году вдругъ упали ассигнаціи и цѣнность серебра возвысилась вчетверо. Какъ знатокъ государственныхъ дѣлъ, онъ, вѣроятно, предвидѣлъ это заранѣе и старался промѣномъ учетверить свои деньги. Въ то время многіе успѣли этимъ средствомъ увеличить свои капиталы. Прим. Авт.

Библиотека "Руниверс"

Сперанскій оскорбился этимъ до глубины сердца и жаловался на губернатора. Послушаемъ, какъ самъ онъ объяснялъ это дѣло.

Къ государю 10-го октября 1812 г. писалъ Сперанскій:

„Среди всѣхъ горестей моихъ я не могъ себѣ представить, чтобъ вашему величеству угодно было попустить подчиненнымъ начальствамъ, подъ надзоромъ коихъ я состою, притѣснять меня по ихъ произволу.

„Уважая драгоцѣнность вашего времени, я не дерзалъ жаловаться на сіи притѣсненія изъ Нижняго. Прибывъ въ Пермь, я силился по возможности привыкать къ ужасамъ сего пребыванія. Между тѣмъ, здѣшнее начальство признало за благо окружить меня не непримѣтнымъ надзоромъ, коего, вѣроятно, отъ него требовали, но самымъ явнымъ полицейскимъ досмотромъ, мало различнымъ отъ содержанія подъ карауломъ. Приставы и квартальные каждый почти часъ посѣщаютъ домъ, гдѣ я живу, и желали бы, я думаю, слышать мое дыханіе, не зная болѣе, что доносить. Еслибъ я былъ одинъ, я перенесъ бы и сіи грубые досмотры; но среди семейства быть почти подъ карауломъ—невыносимо.

„Тому дня три, какъ получилъ я отъ роднаго брата (казанскаго прокурора) съ нарочнымъ извѣстіе, что дочь моя больная пріѣхала въ Казань, и что однако же она оправляется и по зимнему пути ко мнѣ будетъ. Нарочный сей присланъ былъ безъ всякой тайны, съ открытою подорожною. Я тогда же далъ знать губернатору и предлагалъ ему прочитать всѣ полученныя мною письма, увѣдомивъ его при томъ, что отправлю его обратно съ письмами, кои также предлагалъ я ему прочитать.

„Два дня спустя, здѣшній городъ наполнился слухомъ, что нарочный и письма мои перехвачены и что содержатъ они въ себѣ дѣла самой великой важности.

„Письма сіи будутъ представлены вашему величеству. Между тѣмъ, слухъ сей, присоединясь къ впечатлѣніямъ прежнимъ, сдѣлалъ изъ меня здѣсь самаго явнаго измѣнника.

„Умилосердитесь надо мною, всемилостивѣйшій государь, не предайте меня на поруганіе всякаго, кто захочетъ изъ положенія моего сдѣлать себѣ выслугу, пятная и уродуя меня по своему произволу.

„Я не смѣлъ бы и теперь жаловаться, еслибъ менѣе былъ увѣренъ, что уничиженія сіи не могутъ быть ни въ видахъ, ни въ желаніяхъ вашихъ, что́ не можетъ быть сродно извѣстной мнѣ благости вашей, чтобъ исполнители ожесточали сульбу мою выше той мѣры, которую сами вы постановили.

„Никогда, среди самыхъ жестокихъ напастей, не колебался я вѣрить, что состою еще въ точной и великодушной вашей защитѣ“.

Библиотека "Руниверс"

Въ тоже время Сперанскій писалъ къ Балашову:

„Нѣсколько разъ собирался я писать къ вашему превосходительству, но зная, сколь безмѣрно вы заняты и сколь безвременно было бы теперь занимать мнѣ кого-либо собою, я отлагалъ сіе желаніе.

„Еще въ Нижнемъ губернское начальство дозволяло себѣ много разъ переступать предѣлы благопристойнаго за мною надзора и тѣмъ часто подавало поводъ къ слухамъ, которые и безъ сего возбужденія довольно для меня горестны.

„Пріѣхавъ въ Пермь, я имѣлъ причину думать, что буду, по мѣрѣ отдаленія, по крайней мѣрѣ съ сей стороны покойнѣе. Но не такъ судилъ здѣшній губернаторъ. Онъ окружилъ меня не неприметнымъ надзоромъ, но самымъ явнымъ дозоромъ, и тѣмъ произвелъ въ здѣшнемъ маленькомъ городкѣ такой ко мнѣ ужасъ, какъ бы я былъ дѣйствительный, осужденный и самаго высшаго рода преступникъ.

„Какъ отецъ семейства, вообразите себѣ мое положеніе въ моей семьѣ, въ послѣднемъ пристанищѣ, гдѣ еще находилъ я доселѣ нѣкоторое утѣшеніе.

„Я не ропщу на губернатора и увѣренъ, что онъ поступаетъ симъ образомъ не по злобѣ и не изъ выслуги, но единственно по неправильному понятію о свойствѣ моего сюда удаленія. Отъ васъ, милостивый государь, зависитъ опредѣлить сіе точнѣе. Но сіе становится необходимѣе со времени, какъ дана столь явная огласка перехваченнымъ моимъ письмамъ, коихъ содержаніе никому неизвѣстно, а образъ ихъ поимки столько поразителенъ. Сіе простирается до того, что вѣсть сію я узналъ, стоя въ церкви у обѣдни, отъ людей, кои разговаривали между собою. Божусь вамъ, что это правда.

„Не мое дѣло судить, долженъ-ли былъ губернаторъ письма сіи перехватывать, когда я писалъ ихъ съ точнаго его вѣдома, безъ всякой тайны, отправилъ почти при его глазахъ, и когда предлагалъ ему прочитать и то, что́ получилъ, и то, что́ писалъ. Какъ могъ онъ послѣ сего думать, что я буду такъ простъ, что стану тутъ писать тайны, если бы онѣ у меня и были?

„Я не скрылъ отъ губернатора, что буду на сіе жаловаться, если онъ самъ сему не поможетъ. Я исполняю мое намѣреніе, прося защиты письмомъ, при семъ прилагаемымъ [1]).

„Все дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ означить точнѣе въ предписаніяхъ правительства мѣстному начальству, что есть способъ имѣть надзоръ, не давая сему вредной огласки, и не возбуждая и не поощряя тѣмъ нелѣпыхъ слуховъ, что противъ сихъ слуховъ губернское начальство обязано, мнѣ кажется, меня защищать, и что защита сія весьма

[1]) Всеподданнѣйшее письмо это то самое, которое выше прописано.

Библиотека "Руниверс"

проста и будетъ дѣйствительна, если оно будетъ собою подавать примѣръ умѣренности и приличія.

„Я боюсь, что безмѣрно обременяю васъ симъ письмомъ; но примите съ благосклонностію еще прежнюю мою просьбу.

„По пріѣздѣ сюда, я принялъ смѣлость, просительнымъ письмомъ, доставленнымъ черезъ графа П. А. Толстова, который сюда меня отправилъ, утруждать всемилостивѣйшаго государя, чтобъ сдѣлано было мнѣ здѣсь какое-либо денежное назначеніе, или, по крайней мѣрѣ, ассигновано было то, что причитается мнѣ по прежней моей службѣ, за прошедшее, до удаленія моего, время. Хотя я совершенно полагаюсь на великодушіе государя, но, по множеству и важности настоящихъ дѣлъ, просьба сія можетъ быть, безъ ходатайства, забыта. Будьте, милостивый государь, мнѣ симъ ходатаемъ, и обрадуйте меня знакомъ вашего вниманія. Изъ письма моего къ брату и къ тещѣ вы усмотрите, что мы принуждены уже расточать на ежедневный прожитокъ малое количество серебра, которое было собрано и столько времени бережено для моей дочери. Да и самый промѣнъ сего серебра на ассигнаціи не безъ трудности: ибо бывъ окруженъ и вездѣ преслѣдуемъ подозрѣніями, я долженъ дѣлать самыя простыя и обыкновенныя вещи съ крайними предосторожностями, чтобъ не подать случая къ кривымъ толкамъ.

„Еще одна просьба. Въ письмѣ моемъ къ тещѣ упоминается о ея сынѣ. Сынъ сей есть неизлечимо больной молодой человѣкъ, глухой и почти нѣмой, оставленный матерью въ Петербургѣ у адмиралтейскаго штабъ-лекаря Берздорфа. Его называютъ Францисъ (François). Г-жа Стевенсъ посылала за нимъ два раза, чтобъ перевезти его въ Нижній, но ни о посланныхъ, ни о немъ съ іюня или іюля нѣтъ никакихъ извѣстій. Если онъ еще въ Петербургѣ и если когда-нибудь о свободномъ его пропускѣ дойдетъ до васъ просьба, то не оставьте благосклонною вашею помощію. Это есть совершенно дѣло человѣколюбія.

„Простите неизвинительную длину сего письма и дозвольте мнѣ хоть изрѣдка безпокоить васъ моими просьбами“.

Хотя министръ Балашовъ, по высочайшему повелѣнію, отвѣчалъ на это Сперанскому, что осмотръ Варламова произведенъ былъ по причинѣ скрытности, съ которою былъ отправленъ этотъ нарочный, что письмо, зашитое въ шапкѣ, и таинственность промѣна серебряныхъ денегъ не соотвѣтствуютъ установленному порядку дѣлъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ было замѣчено и пермскому губернатору, чтобы высочайшая воля была исполняема не далѣе предѣловъ, ею назначенныхъ, чтобы всѣмъ лицамъ, принадлежащимъ къ семейству Сперанскаго, отнюдь не было дѣлаемо никакого ни въ чемъ стѣсненія, и

Библиотека "Руниверс"

чтобы вообще надзоръ за ихъ поступками былъ самый непримѣтный и осторожный.

Тогда же обращено было вниманіе и на содержаніе Сперанскаго. Выведена была справка, что онъ получалъ жалованья и другихъ окладовъ: по должности государственнаго секретаря 12 тыс. руб., по должности директора коммисіи законовъ 6 тыс. руб., по должности статсъ-секретаря финляндскихъ дѣлъ 4 тыс., по должности товарища министра юстиціи 6 тыс. руб. и пенсіи, по особому высочайшему указу, 2 тыс. руб., всего 30,000 руб. Государь повелѣлъ производить Сперанскому по 6 тыс. руб. въ годъ, считая въ томъ числѣ и прежнюю пенсію. Деньги эти были выданы ему со дня высылки его изъ Петербурга.

Вотъ какъ Сперанскій благодарилъ за это Балашова, отъ 2-го января 1813 года:

„Примите истинную благодарность за благосклонное вниманіе вашего превосходительства къ моей просьбѣ. Оставленъ всѣми, заточенъ въ самомъ несносномъ жилищѣ, я имѣлъ величайшую нужду въ семъ утѣшеніи. Богъ воздастъ вамъ за него, а я не въ силахъ.

„Довершите ваше одолженіе, повергнувъ въ удобное время всеподданнѣйшую благодарность мою государю императору. Всякій знакъ вниманія къ судьбѣ моей для меня всегда будетъ драгоцѣненъ".

Еще въ половинѣ октября 1812 г. къ Сперанскому пріѣхали въ Пермь: изъ Нижняго дочь и теща его, а черезъ мѣсяцъ изъ Казани братъ его К. М. Сперанскій съ сыномъ вдовы Стевенсъ, тѣмъ самымъ Францомъ, больнымъ молодымъ человѣкомъ, котораго М. М. Сперанскій ожидалъ изъ Петербурга.

Это оживило Сперанскаго. Онъ жилъ въ Перми уединенно и почти каждый день прогуливался съ дочерью своею по городу. Но семья не долго утѣшала его. Въ началѣ февраля 1813 г. дочь, братъ, уже уволенный отъ должности прокурора и причисленный къ герольдіи, теща и сынъ послѣдней, Францъ Стевенсъ, отправились жить въ деревню въ Новгородскую губернію.

По этому случаю Сперанскій писалъ къ Балашову:

„Здѣшній климатъ и разныя нестерпимыя неудобства жизни принудили меня рѣшиться отпустить дочь мою въ небольшую деревню, въ Новгородской губерніи, ей принадлежащую. На сихъ дняхъ она отправляется туда со всѣмъ моимъ семействомъ. Я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, письма ихъ ко мнѣ, на ваше имя доставляемыя, приказать отправлять ко мнѣ сколь можно безъ замедленія.

„Горькими опытами я знаю, что губернское начальство весьма часто считаетъ себя не только въ правѣ, но даже въ нѣкоторой обя-

Библиотека "Руниверс"

занности притѣснять все то, что принадлежитъ къ лицамъ, въ моемъ положеніи находящимся. Весьма вѣроятно, что дочь моя и въ деревнѣ не избѣжитъ сей участи. Смѣю-ли поручить ее въ ваше особенное покровительство и просить дозволенія, чтобъ въ случаяхъ сего рода теща моя (г-жа Стевенсъ) къ вамъ единственно прибѣгала?"

Съ тѣхъ поръ къ Сперанскому никто не пріѣзжалъ въ Пермь. Братъ его, Кузьма Михайловичъ, въ ноябрѣ 1813 года, хотѣлъ отправиться къ нему и новгородскій губернаторъ представлялъ объ этомъ главнокомандующему въ Петербургѣ, генералу Вязмитинову, но представленіе это было оставлено безъ отвѣта.

Здѣсь кстати упомянуть о благородномъ порывѣ коллежскаго совѣтника Цейера. Онъ служилъ въ канцеляріи Сперанскаго, по званію его статсъ-секретаря. Съ начала 1812 г. канцелярія эта считалась несуществующею и всѣ чиновники, составлявшіе ее, Цейеръ, Журавлевъ и другіе, остались безъ всякаго содержанія. Еще въ апрѣлѣ и потомъ въ ноябрѣ 1812 г. Цейеръ просилъ о совершенномъ увольненіи его отъ службы и дозволеніи ему отправиться въ мѣстопребываніе Сперанскаго. „Единственное желаніе мое,—писалъ онъ министру полиціи,—есть сблизиться съ благодѣтелемъ и другомъ; я знаю, что и для него не малое будетъ утѣшеніе видѣть меня при себѣ въ теперешнемъ его положеніи.... Я имѣлъ честь изъяснить вашему высокопревосходительству родъ связей моихъ личныхъ и, такъ сказать, домашнихъ съ г. тайнымъ совѣтникомъ Сперанскимъ; онѣ не имѣютъ никакого отношенія къ дѣламъ и основаны единственно на непрерывныхъ благодѣяніяхъ, въ продолженіе 17-ти лѣтъ въ домѣ его мнѣ оказанныхъ. Молю васъ, милостивый государь, принять во мнѣ нѣкоторое участіе и удовлетворить желанію, которое, безъ сомнѣнія, никому не можетъ быть предосудительно. Таковое благодѣяніе останется на вѣки въ душѣ моей запечатлѣннымъ". Дѣлались справки, но просьба Цейера осталась безъ исполненія.

Послѣ отправленія семейства своего въ Новгородскую губернію, Сперанскій еще слишкомъ полтора года жилъ въ Перми, въ совершенномъ уединеніи. Переписка его попрежнему представлялась въ Петербургъ, а оттуда къ государю, который находился тогда за границею. Наблюденіе за этою перепискою, повидимому, считалось немаловажнымъ дѣломъ: государь не бременился читать ее даже среди безпокойствъ войны 1812—1814 гг. Въ письмахъ Сперанскаго и на его имя получавшихся, разумѣется, не было ничего сомнительнаго, и они возвращались, при собственноручныхъ запискахъ императора: „отправить по надписи". Отъ этого письма шли къ Сперанскому чрезвычайно долго. Его огорчало особенно то, что онъ медленно получалъ

Библиотека "Руниверс"

извѣстія о своей дочери. „Письма отъ моей дочери,—выражался онъ въ жалобѣ Вязмитинову,—едва доходятъ ко мнѣ черезъ три мѣсяца. Не можно-ли, испросивъ на сіе высочайшее соизволеніе, дозволить мнѣ переписываться съ нею черезъ васъ. Письма наши будутъ не запечатаны. Симъ, вмѣсто трехъ мѣсяцевъ, получали бы мы ихъ черезъ двѣ недѣли". На этой жалобѣ, которая отправлена была къ государю, его величество написалъ собственноручно: „просьбу сію удовлетворить. Шомонь. Января 19-го 1814 года".

31-го августа 1814 г., въ тотъ самый день, въ который послѣдовалъ, по окончаніи войны, высочайшій манифестъ, излившій многія милости на всѣ сословія народа, не исключая важнѣйшихъ преступниковъ, въ этотъ день объявлено высочайшее повелѣніе о дозволеніи Сперанскому переѣхать на житье въ деревню его, сельцо Великое-Поле, находящееся въ 6-ти верстахъ отъ Новгорода.

При этомъ случаѣ Сперанскому сообщено было, что государь разрѣшилъ ему переѣздъ въ деревню въ полной увѣренности, что его скромное житье тамъ не подастъ повода къ отмѣнѣ этой милости. Пермскому губернатору предписано было отправить Сперанскаго, въ сопровожденіи полицейскаго чиновника, съ тѣмъ, чтобы послѣдній нигдѣ не останавливался и не осмѣливался слѣдовать далѣе назначеннаго мѣста, а новгородскому губернатору—тоже самое, что было предписываемо нижегородскому и пермскому губернаторамъ, т. е., чтобы Сперанскому оказываема была всякая пристойность по его чину, чтобы наблюдали за его поступками, но безъ всякой огласки, и чтобы переписка его представлялась къ главнокомандующему въ С.-Петербургѣ, для всеподданнѣйшаго доклада.

Сперанскій, въ сопровожденіи частнаго пристава пермской полиціи Матвѣева, прибылъ въ деревню свою въ началѣ октября 1814 г. Среди семьи своей, состоявшей изъ дочери, брата и тещи, онъ жилъ тихо и уединенно, посѣщая только, для слушанія божественной службы, сосѣдственный монастырь св. Саввы Вышерскаго. Исправника Зиновьева, который заѣзжалъ къ нему, онъ принималъ со всею вѣжливостію, и привѣтливо говорилъ ему, что желалъ бы пріобрѣсти къ себѣ расположеніе и другихъ дворянъ. Потомъ былъ у него управлявшій Новгородскою губерніею вице-губернаторъ (въ послѣдствіи тайный совѣтникъ и статсъ-секретарь) Николай Назарьевичъ Муравьевъ, который доносилъ, что видѣлъ Сперанскаго совершенно спокойнымъ.

Еще по прежней службѣ Сперанскому пожалована была аренда на 12 лѣтъ, мыза Аагофъ, въ Венденскомъ уѣздѣ, Лифляндской губерніи. Но во время изгнанія его, деньги въ продолженіе трехъ лѣтъ не были высылаемы къ нему, а вносились въ лифляндское губернское

Библиотека "Руниверс"

правленіе. Сперанскій началъ просить объ этомъ только изъ деревни своей, и въ февралѣ 1815 года высочайше разрѣшено было продолжать ему выдачу денегъ съ аренды. Въ исполненіе этого, Сперанскому выданы были всѣ накопившія за прежнее время деньги, 18,997 руб.

Въ деревнѣ своей жилъ Сперанскій годъ и 8 мѣсяцевъ. Наконецъ, всего черезъ 4 года и 5 мѣсяцевъ изнанія, наступило время освобожденія его. Въ 30-й день августа 1816 года состоялся имянной высочайшій указъ правительствующему сенату такого содержанія:

„Предъ начатіемъ войны въ 1812 году, при самомъ отправленіи моемъ къ арміи, доведены были до свѣдѣнія моего обстоятельства, важность коихъ принудила меня удалить отъ службы тайнаго совѣтника Сперанскаго и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго, къ чему во всякое другое время не приступилъ бы я безъ точнаго изслѣдованія, которое въ тогдашнихъ обстоятельствахъ дѣлалось невозможнымъ. По возвращеніи моемъ, приступилъ я къ внимательному и строгому разсмотрѣнію поступковъ ихъ, и не нашелъ убѣдительныхъ причинъ къ подозрѣніямъ. Потому, желая преподать имъ способъ усердною службою очистить себя въ полной мѣрѣ, всемилостивѣйше повелѣваю: тайному совѣтнику Сперанскому быть Пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а дѣйствительному статскому совѣтнику Магницкому Воронежскимъ вице-губернаторомъ“.

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ Т. П. ПАССЕКЪ.

ГЛАВА XVIII[1].

Нагорное. — Демьяново.

1830 г.

Новая жизнь, открывшаяся передъ Сашей, до того втягивала его, что дома онъ чувствовалъ себя точно въ клѣткѣ и рвался изъ нея вонъ. Онъ страстно подалъ руку и сердце товарищамъ, страстно слушалъ лекціи и съ такимъ же увлеченіемъ съ лекцій завертывалъ въ кандитерскую Пера, хотя бы ему вовсе не хотѣлось ни пить, ни ѣсть, ни читать газеты. Въ промежуткахъ между лекціями онъ ораторствовалъ съ товарищами о философіи, о политикѣ, о литературѣ. Шеллингъ стоялъ на первомъ планѣ. Вскорѣ Саша занялъ среди товарищей первое мѣсто по краснорѣчію, блеску идей и остроумію.

Иногда съ лекцій, или съ трудомъ отпросясь у отца, вечеркомъ, онъ заѣзжалъ къ Нику.

Никъ въ это время жилъ одинъ въ домѣ своего отца на Никитской. Онъ занималъ тамъ одну комнату въ нижнемъ этажѣ, свѣтлую, просторную, съ широкими диванами и мраморнымъ каминомъ, обитую пунцовыми обоями съ золотыми полосками.

Никъ привлекалъ къ себѣ своей мягкой поэтической натурой; товарищи приходили къ нему отдыхать отъ домашнихъ непріятностей, бесѣдовали душа на распашку, иногда шумно, на пролетъ ночи. Это брало у него много времени; онъ страдалъ отъ

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г. томъ XV, стр. 805—852.

Библиотека "Руниверс"

безпрерывныхъ посѣщеній, но встрѣчалъ каждаго своей кроткой улыбкой. Сашѣ еще не допускалось проводить ночи внѣ дома, что сильно возмущало и даже бѣсило его.

Кромѣ комнаты Ника, кругъ ихъ собирался еще въ скромной квартирѣ другаго товарища, Вадима Пассека.

Саша не разъ восторженно говорилъ намъ о Вадимѣ; разсказывалъ, что онъ принадлежитъ къ мночисленному семейству, недавно возвращенному изъ Сибири....

Иванъ Алексѣевичъ, слыша это, сказалъ намъ, что зналъ Петра Богдановича Пассека, а еще короче его побочнаго сына, Петра Петровича, которому онъ далъ фамилію Пассека и оставилъ все свое состояніе....

Разсказы Саши о Вадимѣ и его семействѣ нѣсколько времени очень занимали насъ, потомъ новыя впечатлѣнія почти изгладили ихъ изъ памяти.

Саша былъ точно въ чаду, въ угарѣ отъ университета, товарищей и производимаго имъ вліянія. Когда онъ оставался дома, или бралъ книгу, чтобы, какъ бывало, почитать вмѣстѣ со мною, то видно было, что душа его не тутъ, а гдѣ-то тамъ... у Ника... въ университетѣ... въ кандитерской у Пера... у Яра...

Мало по малу я стала привыкать къ одиночеству. Занималась, читала одна. Брала уроки на фортепьяно у А—ны Н—ны Каризны. Иногда оставалась на цѣлый день у княгини, учила Наташу, которая все больше и больше ко мнѣ привязывалась. Въ это время сдѣлалъ мнѣ предложеніе одинъ инженеръ черезъ своего дядю, инженернаго генерала. Иванъ Алексѣевичъ всѣхъ насъ разбранилъ, зачѣмъ въ его домѣ заводятъ сватовство, и что я за невѣста, и не затѣмъ я у него въ домѣ, чтобы замужъ выходить, а чтобы учиться. Я молодаго человѣка знала очень мало, онъ бывалъ въ домѣ рѣдко и потому отнеслась ко всему равнодушно. Дѣло это такъ и угасло въ самомъ началѣ.

Незадолго до Рождества пріѣхалъ въ Москву мой отецъ, просилъ Ивана Алексѣевича отпустить меня съ нимъ домой, говорилъ, что я совсѣмъ отвыкла отъ своихъ и что родные желаютъ меня видѣть. Иванъ Алексѣевичъ согласился, съ условіемъ, чтобы къ веснѣ меня привезли обратно.

Праздникъ Рождества я встрѣтила въ Корчевѣ и въ продолженіе святокъ участвовала во всѣхъ увеселеніяхъ, которыя да-

Библиотека "Руниверс"

вались въ нашемъ городкѣ и у сосѣднихъ помѣщиковъ. Обѣды, вечера съ танцами и фантами, съ домашними спектаклями, поѣздки, наряды, суета, казалось мнѣ, болѣе утомляли меня, нежели занимали, несмотря на то, что все было радушно, по домашнему, между помѣщиками, съ давнихъ лѣтъ между собою знакомыми. Разговоры въ гостинныхъ казались мнѣ ни начто ненадобными. Молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ знала съ дѣтства, я чуждалась, въ иныхъ видѣлась мнѣ натянутая застѣнчивость, въ другихъ—излишняя развязность. Онѣ повѣряли мнѣ свои сердечныя тайны, толковали о молодыхъ людяхъ нашего круга; въ числѣ ихъ было много егерскихъ офицеровъ, полкъ которыхъ стоялъ въ окрестностяхъ нашего городка. Когда же я обращала разговоръ на привычные мнѣ интересы, онѣ равнодушно говорили: «охота тебѣ, Танечка», или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Я не замѣчала, что въ моемъ настроеніи была своего рода крайность, мѣшавшая мнѣ относиться ко всему просто и находить наслажденіе въ удовольствіяхъ, свойственныхъ моему возрасту; мнѣ казалось, что дома я отдыхала отъ съѣздовъ. Въ моей комнатѣ меня всегда ждала моя любимица Маша, дочь К—го протопопа, и затопленная печка. Мы садились съ Машей къ огоньку, я разсказывала ей, какъ, что было, или посвящала ее въ высшіе интересы жизни. По привязанности ко мнѣ, она старалась уяснить себѣ мои мнѣ самой не ясныя фразы. Потомъ, вѣруя въ меня безусловно, своими сужденіями приводила въ недоумѣніе и страхъ свою мать, которой высшіе интересы составляло хозяйство и искусство печь булки и круглые пироги съ яйцами и курицей, которыми мы у нея объѣдались.

Маша проводила у меня цѣлые дни, а иногда и ночи, несмотря на то, что домъ ихъ былъ заборъ-о-заборъ съ нашимъ домомъ, а огороды раздѣлялъ только легкій плетень.

Саша писалъ мнѣ часто, по прежнему, но тонъ и содержаніе его писемъ были иные. Всѣ письма его были наполнены разсказами объ университетѣ, товарищахъ, ихъ сходкахъ, его вліяніи; о чувствахъ же дружбы, о тоскѣ по мнѣ — ни слова.

Въ домѣ у насъ было тяжело. Чувствовалась близость грозы, несмотря на увеселенія. Дѣла отца моего шли нехорошо. Привыкнувши къ роскоши и независимой жизни, онъ тяготился семейными обязанностями и необходимостію себя сдерживать. Это

Библиотека "Руниверс"

его раздражало до того, что, несмотря на его врожденную доброту и снисходительность, дѣлало нетерпѣливымъ и взыскательнымъ. Съ женой своей, женщиной умной и образованной, у него выходили безпрестанныя непріятности.

Весной такое нравственное состояніе разрѣшилось тѣмъ, что они разошлись окончательно. Отецъ мой переѣхалъ въ Тверь, нанялъ тамъ домъ и купилъ подъ Тверью землю съ барской усадьбой, перевезъ къ себѣ лучшую мебель, серебро, посуду, большую часть прислуги, которой у насъ было во дворѣ и комнатахъ до сорока человѣкъ, и перевелъ туда весь конскій заводъ.

Жена моего отца собиралась ѣхать, съ своей маленькой дочерью, въ деревню къ своей матери, укладывала и убирала свои вещи. Всѣ были въ такомъ раздраженномъ состояніи, такъ заняты собою, что обо мнѣ какъ-будто позабыли, какъ-будто я сама должна была позаботиться о себѣ при всеобщемъ разгромѣ. Всего бы проще было отправить меня въ Москву, гдѣ меня ждали, но должно быть было не до меня. Остаться у тетушки я не могла: отецъ былъ въ непріятныхъ отношеніяхъ съ дядей. Вѣроятно, онъ располагалъ, устроившись въ Твери, перевезти меня къ себѣ, а до того времени попросить мою бабушку побыть со мною въ нашемъ К — мъ домѣ; но ничего такого не говорили. Меня не только не тревожило мое положеніе, но мнѣ даже и въ голову не приходило подумать или позаботиться о себѣ. Судьба сама обо мнѣ позаботилась. Какъ бы нарочно, въ это время понадобилось пріѣхать въ К — ву княжнѣ Варварѣ Александровнѣ Волхонской, изъ своего клинскаго имѣнія — сельца Нагорнаго, чтобы посовѣтоваться на счетъ своего здоровья съ моимъ дядею. Княжна много лѣтъ была въ дружескихъ отношеніяхъ съ моею тетушкой. Узнавши отъ нея, что дѣлается въ нашемъ домѣ, она предложила взять меня къ себѣ въ деревню, съ тѣмъ, чтобы лѣтомъ отвезти самой въ Москву, куда ей надобно было ѣхать по дѣламъ.

Черезъ три дня послѣ предложенія, сдѣланнаго княжною, я уже ѣхала съ нею въ коляскѣ въ Нагорное. На разсвѣтѣ коляска остановилась у довольно большаго барскаго дома. Я спала, когда отстегнули кожаный фартукъ коляски. Холодный утренній воздухъ пахнулъ мнѣ въ лицо и разбудилъ меня. При блѣдно-фіолетовомъ освѣщеніи занимавшагося утра мы вошли въ домъ;

Библиотека "Руниверс"

княжна заботливо помогла мнѣ раскутаться и рядомъ просторныхъ комнатъ провела въ чайную. Въ домѣ было все просто и все смотрѣло такъ же добродушно, какъ добродушно смотрѣла сама княжна. Княжна была тогда въ среднемъ возрастѣ, съ чертами лица, выражавшими безконечную снисходительность. Всѣмъ у нея жилось легко и свободно, такъ чувствовала себя у нея и я, и теперь, послѣ многихъ лѣтъ, съ благодарностію вспоминаю о времени, которое провела подъ ея покровительствомъ.

Въ чайной насъ встрѣтила невысокаго роста, уже не первой молодости, дѣвушка, съ умнымъ выраженіемъ лица и сдержанными манерами порядочнаго круга общества. Она была воспитанницею одного изъ родственниковъ княжны и гостила у нея это лѣто.

— «Вотъ, Катенька,—сказала княжна, обращаясь къ ней,— рекомендую тебѣ: племянница нашего друга Карла Карловича: полюби ее и займись, пожалуйста, ея устройствомъ».

Катенька не только что полюбила меня, но все время, что я провела у княжны, обо мнѣ заботилась и баловала меня.

Когда мы вошли въ назначенную мнѣ комнату. Катенька сказала:

— «Раздѣвайтесь и ложитесь въ постель, я сяду подлѣ васъ и мы поговоримъ, пока вы напьетесь чаю, согрѣетесь и уснете. Еще очень рано; сонъ на зарѣ самый пріятный».

Я легла въ постель, Катенька взяла кресло и помѣстилась подлѣ меня у маленькаго столика, на который подали намъ горячій чай.

Я сейчасъ поняла, какую нравственную власть могу имѣть надъ Катенькой и не замедлила воспользоваться ею, удержавши ее подлѣ себя до тѣхъ поръ, пока уснула.

Въ это утро я узнала отъ Катеньки, что у княжны въ оранжереѣ бываетъ много персиковъ: недалеко отъ дома есть лѣсъ, гдѣ течетъ рѣчка, въ которой хорошо купаться, а на рѣчкѣ стоитъ мельница; въ дѣвичьей до пятнадцати дѣвушекъ-кружевницъ плетутъ кружева; кружева покупаютъ всѣ сосѣди, сверхъ того, княжна много и раздариваетъ; узнала, что княжна составляетъ центръ своего семейства, состоящаго изъ нѣсколькихъ братьевъ и одной сестры, которые у нея собираются каждое лѣто.

— Есть-ли у княжны сосѣди? — спросила я.

— «Сосѣдство здѣсь большое, много помѣщиковъ богатыхъ

Библиотека "Руниверс"

и образованныхъ. На первомъ планѣ семейство Варвары Марковны Мертваго и Сергѣя Павловича Фонъ-Визина. Княжна очень дружна съ Мертваго и часто бываетъ у нихъ за-просто, кромѣ опредѣленныхъ пріемныхъ дней».

— А много-ли сбирается посѣтителей въ пріемные дни у Мертваго?

— «Какъ случится. Въ иные дни съѣзжаются почти всѣ сосѣди и многіе изъ Клина, да инженеры. Инженеры ведутъ работы канала около Подсолнечной, подъ начальствомъ полковника Загоскина; Загоскинъ, съ нѣкоторыми изъ инженеровъ, часто бываетъ у Варвары Марковны и иногда проводитъ у нихъ по нѣскольку дней сряду. Онъ имъ сродни».

Придется бывать и мнѣ у Мертваго, подумала я, хотѣлось бы знать, что это за люди, и стала еще распрашивать Катеньку.

— А какъ называется имѣніе Мертваго?

— «Демьяново».

— Велико-ли это семейство?

— «У Варвары Марковны три сына и четыре дочери. Одна замужемъ, а три живутъ съ нею, еще молодыя дѣвушки. Это очень образованное семейство; оно принадлежитъ къ высшему кругу общества. Варвара Марковна замѣчательно умная, добрая и дѣятельная старушка. Сама завѣдываетъ всѣмъ хозяйствомъ и обширной фабрикой, на которой работаютъ миткаль, кисеи и холстинки.

Слушая Катеньку, я заснула.

Солнце было уже высоко, когда я вошла въ гостиную, гдѣ нашла княжну и Катеньку за пяльцами. Онѣ вышивали яркими берлинскими шерстями коверъ. Это была любимая работа княжны.

Мнѣ у княжны было хорошо, я была изъ юныхъ, одна, меня любили, не стѣсняли, мной утѣшались, я дѣлала что хотѣла: читала, гуляла, купалась; сумерками бѣгала съ горничными по широкому двору въ горѣлки и качалась на качеляхъ. Княжна, сидя у растворенного окна, радовалась, глядя, какъ я стремглавъ неслась въ горѣлкахъ, или едва не перекидывали меня черезъ перекладину качелей, а Катенька въ страхѣ часто кричала въ окно:

— «Уймись, ради Бога, истерзалась, глядя на тебя»; страхъ ея забавлялъ меня, я бѣжала быстрѣй, и просила качать меня выше.

Библиотека "Руниверс"

Недѣли черезъ двѣ княжна собралась ѣхать въ Демьяново и меня брала съ собою.

День былъ праздничный и пріемный.

Сердце у меня замерло, когда мы подъѣхали къ крыльцу большаго каменнаго дома, стоявшаго во дворѣ; за домомъ виднѣлся паркъ, а вдали фабрика.

Изъ залы мы вошли въ широкій корридоръ, въ концѣ его тремя широкими ступенями спустились въ лѣтнюю гостиную. Въ раскрытыя окна этой комнаты виднѣлись деревья парка, а въ растворенныя стеклянныя двери, въ уровень съ паркетомъ, пестрѣлъ цвѣтникъ, затопленный цвѣтами, наполнявшими своимъ ароматнымъ запахомъ всю комнату.

Въ гостиной было много посѣтителей. На двухъ ломберныхъ столахъ играли въ карты и слышались разговоры, большею частію на французскомъ языкѣ.

Когда мы вошли въ гостиную, изъ-за одного зеленаго стола приподнялась съ дивана небольшаго роста полная старушка, въ распашномъ капотѣ изъ англійской холстинки, безъ чепчика, съ коротко остриженными волосами, уже посѣдѣвшими.

Это была Варвара Марковна Мертваго.

Веселый, проницательный взоръ ея показывалъ доброту, просвѣтленную умомъ, выходящимъ изъ ряда умовъ обыкновенныхъ, и самостоятельный характеръ.

Положивши на столъ карты, которыя держала въ рукахъ, она пошла намъ на встрѣчу такъ просто, такъ пріятельски, что съ перваго взгляда на нее я почувствовала къ ней уваженіе и душевную близость.

Княжна представила ей меня, шутя называя своей дочерью. Варвара Марковна, ласково улыбаясь мнѣ, отвѣчала княжнѣ: «право? какъ же это такъ, княжна?» Потомъ, показывая мнѣ рукою на сидѣвшую подлѣ нея на диванѣ высокую, стройную дѣвушку, брюнетку, съ нѣсколько рѣзкими, выразительными чертами лица, одѣтую въ бѣлое платье, сказала:

— «Дочь моя, Катерина Дмитріевна».

Молодая дѣвушка, вставши съ дивана, привѣтливо, но какъ бы покровительственно, подала мнѣ руку, и, обратясь къ княжнѣ, смѣясь говорила:

— «Откуда это вы, ваше сіятельство, пріобрѣли себѣ дочку?»

Библиотека "Руниверс"

Княжна ей отвѣчала какой-то шуткой. Поговоривши съ княжной, Катерина Дмитріевна предложила мнѣ идти въ садъ, гдѣ находилось молодое общество.

Никогда не робѣла я такъ, какъ проходя цвѣтниками, аллеями, пробираясь между деревьями, къ этому молодому обществу. Вскорѣ до слуха моего донесся говоръ нѣсколькихъ голосовъ, смѣхъ, и замелькали изъ-за густыхъ липъ бѣлыя и цвѣтныя платья, мундиры инженеровъ, блеснули серебряные эполеты и открылась, среди тѣнистыхъ деревьевъ, лужайка, на которой молодыя дѣвушки и молодые люди—одни сидѣли на скамейкахъ, другіе стояли; дѣти бѣгали, играли въ серсо, воланъ. Два очень молодые инженера пробовали прыгать на веревочной сѣткѣ, натянутой на четырехъ-угольный деревянный срубъ, четверти на двѣ вышиною отъ земли. Не удерживая равновѣсія, они часто падали, что возбуждало всеобщее удовольствіе.

Катерина Дмитріевна представила мнѣ двухъ меньшихъ сестеръ своихъ, переименовала всѣхъ присутствующихъ, потомъ, указывая на меня, добавила:

— «А ее зовутъ Танюшей, теперь знакомьтесь».

Сказавши это, она опустила мою руку и стала весело говорить то съ тѣмъ, то съ другимъ, съ какимъ-то авторитетомъ. Пріемы ея были благородны и до того самобытны, что рельефно выдвигали ее изъ числа всѣхъ.

Мнѣ оставалось вмѣшаться въ веселую толпу, взоры которой на мгновеніе сосредоточились на мнѣ.

Я была смущена, чувствовала себя въ средѣ мнѣ чуждой, новой, и, не зная, какъ въ ней найтиться, сочла за лучшее отнестись ко всѣмъ холодно.

На всѣ вопросы я отвѣчала такъ коротко и сухо, что вскорѣ меня оставили въ покоѣ, и только изрѣдка, какъ бы вспомнивши о моемъ присутствіи, кто-нибудь изъ вѣжливости принужденно обращался ко мнѣ съ ничтожной фразой.

Чтобы понять характеръ и главные интересы этого общества, я, на досугѣ, стала прислушиваться къ разговорамъ и, къ удивленію, не могла уловить ихъ содержанія, только чувствовала игривость, легкость, грацію,—ароматъ свѣтской образованности,—недоступныя мнѣ. Я смутно понимала, что сблизиться съ этимъ кругомъ мнѣ будетъ трудно; понимала, что все то, къ чему я

Библиотека "Руниверс"

привыкла, что приводитъ меня въ восторгъ, отъ чего навертываются слезы и захватываетъ духъ, будетъ тутъ неумѣстно, странно, даже смѣшно, и что интересы, передъ которыми я благоговѣю, плохія нитки, чтобы вышивать ими въ границахъ свѣтскихъ пялецъ.

Когда насъ позвали обѣдать, многіе, проходя цвѣтниками, рвали цвѣты и прикалывали ихъ себѣ къ поясу, къ волосамъ. Я очень любила цвѣты, но не рѣшалась сорвать ни одного цвѣтка; на что онъ мнѣ, подумала я печально. Кто-то подалъ мнѣ вѣточку; войдя въ комнаты, я ее бросила на окно.

Въ залѣ былъ накрытъ длинный столъ, съ блестящимъ серебромъ, хрусталемъ, цвѣтами и фруктами. Обѣдъ былъ роскошенъ и шелъ долго; я скучала, томилась и рада была, когда встали изъ-за стола. Всѣ шумной толпой пошли въ гостиную, выходившую въ корридоръ, дверь изъ двери противъ залы.

Спустя полчаса, въ залѣ раздались звуки органа; мальчикъ, одѣтый казачкомъ, наигрывалъ французскую кадриль. Инженеры бросились приглашать дамъ. Я замѣтила, что одного кавалера посылали пригласить меня, а онъ отговаривался, наконецъ, нехотя подошелъ ко мнѣ; танцуя, сказалъ мнѣ нѣсколько словъ и завелъ рѣчь съ близь стоявшей дамой.

Наступалъ вечеръ.

Комнаты освѣтились лампами и восковыми свѣчами. Офиціанты, въ бѣлыхъ перчаткахъ, подавали дессертъ и чай. Въ освѣщенномъ корридорѣ встрѣчались горничныя, въ шелковыхъ и раскрахмаленныхъ кисейныхъ платьяхъ, съ подобранными подъ сѣтку волосами.

Старшіе расположились въ гостиной: одни сѣли за карты, другіе, раздѣлившись на группы, вели разговоры. Самый оживленный разговоръ шелъ около Варвары Марковны.

Между тѣмъ, въ раскрытыя окна вступила тихая, ясная ночь.

Молодой кружокъ собрался въ лѣтней гостиной.

— «Ахъ, какая славная ночь!—сказала Катерина Дмитріевна, стоя въ дверяхъ, растворенныхъ въ цвѣтникъ.—Дѣти! пойдемте въ садъ!»

Живая, игривая толпа высыпала въ цвѣтникъ и притихла, охваченная ароматомъ цвѣтовъ и блескомъ мѣсяца.

Библиотека "Руниверс"

Спустя нѣсколько минутъ, всѣ, разговаривая, шеренгой ходили вдоль длинной, широкой аллеи изъ липъ.

Катерина Дмитріевна ходила поодаль, подъ руку съ бѣлокурымъ инженеромъ, въ штабъ-офицерскихъ эполетахъ. Онъ былъ средняго роста, плотенъ, съ пріятнымъ, веселымъ лицомъ, выражавшимъ открытую добрую душу. Они разговаривали съ жаромъ, въ полголоса.

— Кто это? спросила я шедшую рядомъ со мною молоденькую дѣвушку, указывая на этого инженера.

— «Николай Николаевичъ Загоскинъ,—отвѣчала она,—начальникъ инженерныхъ работъ въ Подсолнечной».

— Родственникъ Варвары Марковны?

— «Да,—и братъ писателя Загоскина; вамъ его называли».

— Право, я всѣхъ перемѣшала,—я слушала безъ вниманія.

Загоскинъ и Катерина Дмитріевна долго ходили отдѣльно, вдругъ, какъ бы опомнившись, что не одни, прервали жаркій разговоръ и вполголоса стали напѣвать:

«Прекрасный день, счастливый день,
«И солнце и любовь,
«Съ ночныхъ полей сбѣжала тѣнь,
«Свѣтлѣетъ сердце вновь».

Вслѣдъ за этимъ романсомъ, смѣясь, какъ бы приглашая всѣхъ къ участію, громко запѣли:

«Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,
«Совсѣмъ сталъ не такой,
«Какъ бывало холостой:
«Рѣчи не веселы, грубъ,
«Что ни скажетъ—и проч.

Мгновенно, нѣсколько свѣжихъ, молодыхъ голосовъ подхватили живую пѣсню и все слилось въ куда-то уносящій душу хоръ. Подъ эти игривые звуки чувство одиночества до того тяжело овладѣло мною, что я только и думала, какъ бы поскорѣе уѣхать въ Нагорное, гдѣ мнѣ легко жилось.

Мы уѣхали послѣ ужина.

Мнѣ показалось, что я очнулась отъ роскошнаго, но гнетущаго сна, и отдохнула въ коляскѣ среди тишины полей и перелѣсковъ, облитыхъ голубоватымъ свѣтомъ мѣсяца.

Библиотека "Руниверс"

Въ Нагорномъ, отъ радости, я такъ сильно стиснула въ объятіяхъ Катеньку, что та отъ боли и изумленія вскрикнула:

— «Помилуй, мать моя, что съ тобой? задушила, пусти душу на покаяніе».

Я смѣялась и снова принималась душить Катеньку.

— «Ну, что, Танечка, — спросила меня на другой день княжна,— «какъ тебѣ показались Мертваго?»

— Никакъ,—отвѣчала я,—что же я могу сказать—мы едва знакомы.

— «Ничего, познакомитесь ближе—сойдетесь. Вчера народу было много,—сказала княжна,—ты не дичись ихъ—семейство достойное. Варвара Марковна умнѣйшая женщина и истинная христіанка, много добра дѣлаетъ такъ, что лѣвая рука не знаетъ, что творитъ правая. Молодыхъ-то я зову: вѣтеръ въ полѣ, молодо, зелено, а милы, и добродушны; отецъ ихъ былъ также добрѣйшій и честнѣйшій человѣкъ. Онъ занималъ мѣсто сенатора, все родство у нихъ знатное: Полторацкіе, Оленины. Варвара Марковна сама урожденная Полторацкая; повѣрь, узнаешь ихъ короче—полюбишь».

— Врядъ-ли, — подумала я,—во мнѣ недостаетъ чего-то для этого сближенія. Я сознавала, что чуждыя мнѣ формы свѣтской жизни женскаго общества для меня недоступны и что онѣ, несмотря на то, что кажутся легки, даже какъ-будто ихъ вовсе и нѣтъ, но непривычныхъ къ нимъ вяжутъ: и не тяжело, да какъ-то несвободно.

Мы стали бывать у Мертваго довольно часто. Иногда молодыя дѣвушки пріѣзжали къ княжнѣ. Катерина Дмитріевна всегда верхомъ на своей любимой лошади, въ сопровожденіи Николая Николаевича. Она ѣздила смѣло, ловко, и въ своей длинной синей амазонкѣ, съ черной шляпой на головѣ, подъ зеленымъ вуалемъ, была прекрасна. Катерина Дмитріевна первая приблизилась ко мнѣ тепло, но какъ-то покровительственно; потомъ дружески сошлись со мной и ея сестры, особенно меньшая, только что вышедшая изъ Смольнаго монастыря. Варвара Марковна показывала ко мнѣ большое расположеніе и участіе. Сблизившись со всѣми, я стала иногда высказываться и до того забиралась въ либерализмъ и высшіе взгляды, что не могла и концовъ свести.

Библиотека "Руниверс"

Варвара Марковна, слушая меня, добродушно смѣялась и говаривала княжнѣ:

— «Что это, княжна, Танечка-то у тебя какія страсти разсказываетъ,—настоящій студентъ-карбонари».

Я краснѣла, потупляла глаза и останавливалась.

— «Зачѣмъ это вы, маменька, сконфузили ее,—замѣчала иногда Катерина Дмитріевна,—продолжай, Танюша, не смущайся, выберешься какъ-нибудь».

Но я не продолжала, а становилась осмотрительнѣе и проще. Мало по малу самыя манеры мои и тонъ сдѣлались женственнѣе и болѣе подходящими къ тону ихъ дома.

Въ августѣ княжнѣ понадобилось куда-то ѣхать по дѣламъ; Мертваго предложили ей оставить меня у нихъ до ея возвращенія.

Сосѣди, видя ко мнѣ дружбу дома Мертваго, сдѣлались внимательнѣе, тѣмъ болѣе, что я никому не заступала дороги. Они стали приглашать меня къ себѣ.

Шестаго сентября я была приглашена вмѣстѣ съ Мертваго на имянины къ женѣ помѣщика А—ва; мужъ и жена были молоды, красивы и съ хорошимъ состояніемъ.

Мы пріѣхали къ обѣду. Изъ толпы гостей рѣзко выдавался худощавый молодой человѣкъ, съ пристальнымъ взглядомъ красивыхъ карихъ глазъ, съ тихими, крайне сдержанными манерами. Это былъ Ваксель, извѣстный охотникъ-стрѣлокъ, знатокъ иностранныхъ языковъ и мастеръ рисовать каррикатуры. Онъ былъ еще тѣмъ замѣчателенъ, что писалъ и рисовалъ лѣвой рукой; кистью правой руки не владѣлъ съ дѣтства.

Ваксель былъ пріятель съ А—мъ, также охотникомъ, и пріѣхалъ къ нему на осень охотиться въ его болотахъ по дупелямъ и вальдшнепамъ. Говорили, что Ваксели были когда-то богаты, но отецъ разстроилъ состояніе до того, что сынъ существовалъ только охотою.

А—въ представилъ Вакселя Варварѣ Марковнѣ, она радушно пригласила его къ себѣ.

Послѣ продолжительнаго обѣда съ жареными дупелями, фруктами и цвѣтами, при свѣтѣ люстръ и канделабръ, въ залѣ раздался оркестръ музыки и открылся балъ. На этомъ балѣ всего замѣчательнѣе была одна дама среднихъ лѣтъ, одѣтая не по воз-

Библиотека "Руниверс"

расту молодо, съ небольшимъ чепчикомъ на головѣ, убранномъ длинными лентами. Она пустилась въ танцы съ такимъ азартомъ, что всѣхъ озадачила. Толпа окружала мазурку, въ которой она носилась по залѣ, закинувъ назадъ голову, сбивая съ ногъ всѣхъ, кто попадался на встрѣчу, увлекая за собой кавалера своего.

Ваксель не танцовалъ. Стоя у двери гостиной, онъ внимательно смотрѣлъ на танцующихъ и, отъ времени до времени, выходилъ вмѣстѣ съ А—мъ въ другую комнату; возвратясь, становился на прежнее мѣсто. Распространился слухъ, что на всѣхъ присутствующихъ рисуется каррикатура. То тутъ, то тамъ стали шептаться, волновались, недовѣрчиво взглядывали на Вакселя. Слухъ о каррикатурѣ возмущалъ всеобщее веселье, но не помѣшалъ танцовать до утра.

Мы возвратились домой на разсвѣтѣ.

Въ первый пріемный день у Мертваго, спозаранку, явился А—въ съ Вакселемъ и каррикатурой. Она была нарисована на склеенномъ продолговатомъ листѣ бумаги, водяными красками; изображена была комедія собачекъ. Лица собачекъ были поразительно схожи съ подлинниками. Помѣщикъ, имѣвшій авторитетъ въ уѣздѣ, представлялъ хозяина собачекъ; стоя на возвышеньи, онъ держалъ въ рукѣ обручъ, сквозь который проносилась, въ растяжку, азартно танцовавшая дама, въ видѣ легкой борзой собаки. У подножія виднѣлся поѣздъ собачекъ различныхъ породъ: однѣ везутъ повозочки, другія ими правятъ, третьи сидятъ въ экипажахъ, иныя стоятъ на запяткахъ, нѣкоторыя, въ мундирѣ, каскѣ, съ ружьемъ—ихъ конвоируютъ. Самъ А—въ, въ костюмѣ Пьерро, въ противоположномъ углу, играетъ на шарманкѣ и показываетъ кукольную пляску и обезьяну.

Каррикатура была очень хороша, ею любовались; Катерина Дмитріевна взяла ее себѣ и спрятала.

Всѣ слышали, что каррикатура есть, но никто ея не видалъ, кромѣ насъ... На Вакселя стали смотрѣть непріязненно, стѣснялись его присутствіемъ, отстранялись его. Когда возвратилась княжна, ей показали каррикатуру. Она отъ души смѣялась, узнавши въ бѣломъ пуделѣ, стоявшемъ на запяткахъ повозочки, своего любимаго брата; въ левреткѣ, сидящей въ этой повозочкѣ, сестру, а въ марширующемъ воинѣ—пріятельницу.

Дѣла удерживали княжну въ деревнѣ. Варвара Марковна

Библиотека "Руниверс"

сбиралась въ Москву и предлагала отвезти меня туда, какъ заболѣла ея меньшая дочь, такъ сильно, что задержала всѣхъ въ деревнѣ почти всю осень. Только незадолго до Рождества мы оставили Демьяново.

Рождество и новый годъ я встрѣтила уже съ Сашей и прочими моими друзьями.

Саша относился къ университету поспокойнѣе, но къ товарищамъ горячѣе прежняго, такъ что, несмотря на радость свиданія со мною, большую часть времени проводилъ съ ними. Они собирались то у Ника, то у Вадима, а иногда и у Саши, къ великой досадѣ его отца, и это было постояннымъ поводомъ къ неудовольствію между ними.

Я бывала довольно часто у Мертваго и у княгини. Варвара Марковна иногда сама отвозила меня обратно, такъ какъ это было ей по дорогѣ къ Михаилу Николаевичу Загоскину. Онъ жилъ тогда въ старой Конюшенной, въ приходѣ Власа, съ женой и дѣтьми, въ антресоляхъ небольшаго дома, принадлежавшаго, кажется, Новосильцеву, по сосѣдству съ Иваномъ Алексѣевичемъ.

Однажды Варвара Марковна, вмѣстѣ со мною, заѣхала къ Михаилу Николаевичу; мы вошли въ гостиную. Это была довольно широкая комната, съ низкимъ потолкомъ; въ ней находился диванъ и нѣсколько креселъ, обитыхъ потертой, зеленой кожею, передъ диваномъ стоялъ краснаго дерева столъ.

Въ гостиной никого не было. Спустя нѣсколько минутъ, въ нее вошелъ Михаилъ Николаевичъ. Онъ напоминалъ своего брата, Николая Николаевича, ростомъ, наклонностію къ полнотѣ и открытымъ, добродушнымъ выраженіемъ лица. Цѣлый лѣсъ каштановыхъ волосъ осѣнялъ его свѣжее, румянное лицо; прекрасные, темные глаза смотрѣли живо и весело. На красивомъ ртѣ играла пріятная улыбка. Пріемы его были просты, разговоръ быстръ, въ голосѣ слышалась задушевная струя. Онъ съ увлеченіемъ разсказалъ намъ о своемъ дѣтствѣ и воспитаніи, о томъ, какъ, желая выучиться французскому языку, онъ вытвердилъ наизусть французскій лексиконъ отъ доски до доски. Съ восторгомъ говорилъ о Россіи и обо всемъ отечественномъ; бранилъ нѣмцевъ и французовъ, и обозвалъ нѣкоторыхъ изъ иностранныхъ писателей свиньями.

Въ это время онъ писалъ своего Юрія Милославскаго, не

Библиотека "Руниверс"

ожидая такого блестящаго успѣха, какой имѣлъ этотъ романъ. Съ перваго знакомства со мною, Михаилъ Николаевичъ расположился ко мнѣ тепло, съ большимъ участіемъ и до конца жизни своей сохранилъ эти чувства.

Въ началѣ весны заболѣла сильнымъ ревматизмомъ средняя дочь Варвары Марковны. Медики совѣтовали везти ее въ деревню и дѣлать ей сухія ванны изъ молодыхъ березовыхъ листочковъ.

Варвара Марковна не могла съ нею ѣхать: меньшая дочь ея еще лечилась въ Москвѣ. Оставалось отправить заболѣвшую съ старшей сестрою; Варвара Марковна попросила меня ѣхать съ ними вмѣстѣ. Послѣ вниманія и участія, оказаннаго мнѣ этимъ семействомъ, отказаться я не могла, съ чѣмъ согласенъ былъ и Иванъ Алексѣевичъ, несмотря на то, что мой нежданный отъѣздъ огорчалъ все его семейство и разрушалъ надежду вмѣстѣ провести лѣто въ Васильевскомъ.

Въ концѣ апрѣля мы были уже въ Демьяновѣ. Больной стали дѣлать березовыя ванны, которыя ей быстро помогали. При ней постоянно находилась сестра ея и жившая у нихъ съ дѣтьми своими дама, такъ что во мнѣ и надобности не было, поэтому я почти все время оставалась одна. Съ утра я уходила въ садъ съ моими книгами. Тамъ у меня было избранное мѣсто, у пруда, въ бесѣдкѣ изъ каприфоліи. Въ это время я сильно чувствовала свое сиротливое, зависимое положеніе и мнѣ становилось такъ грустно, такъ одиноко, что я оставляла книгу и горько плакала. Душевная пустота томила меня, дружба Саши, отчасти охладѣвшая, уже не пополняла ее, не смотря на то, что мы, по прежнему, продолжали переписываться и первое письмо его, полученное мною по пріѣздѣ въ Демьяново, начиналось стихами графини Растопчиной:

Прости же мнѣ, прости, о другъ мой милый,
Холодный мой пріемъ, нескладъ моихъ рѣчей;
Повѣрь, что чувствую я съ той же силой,
Что дружба прежняя живетъ въ душѣ моей,
Но выражаться я, какъ прежде, не умѣю!

Стихи графини Растопчиной, еще не печатанные, въ рукописи приносилъ намъ ея родственникъ, Никъ.

Далѣе въ письмахъ шли объясненія, потомъ Никъ, студенческія сходки, его ораторскія рѣчи, Шеллингъ, и проч.

Библиотека "Руниверс"

Дружба моя къ Сашѣ не измѣнилась, но уже не удовлетворяла меня какъ когда-то; мнѣ было этого недостаточно; какой-то образъ, созданный моимъ воображеніемъ, носился въ туманной дали и манилъ меня къ себѣ.

ГЛАВА XIX.

Холерный годъ.

1831—1832.

...тѣни милыя передо мной
Въ причудливомъ несутся сновидѣньи.
Гр. Растопчина. (Фантазія).

Вскорѣ по пріѣздѣ Варвары Марковны въ Демьяново, было объявлено, что Катерина Дмитріевна выходитъ замужъ за Николая Николаевича Загоскина.

Въ одно воскресное утро, Катерина Дмитріевна, одѣтая въ простое бѣлое платье, вмѣстѣ съ женихомъ своимъ, пошла въ ихъ сельскую церковь, гдѣ ихъ ждали мать, сестры, два или три инженера—шаферы, и послѣ обѣдни обвѣнчалась.

Ни свиты провожатыхъ, ни парада, ни празднества—ничего этого не было. Весь день прошелъ обычнымъ порядкомъ; только на лицахъ новобрачныхъ выражалось безконечное счастіе.

Отношенія мои къ дому Мертваго становились все ближе и ближе. Варвара Марковна стала принимать во мнѣ такое живое участіе, что, узнавши о хорошихъ отношеніяхъ Катерины Валерьяновны съ Петромъ Хрисанфовичемъ Обольяниновымъ, съ которымъ и сама была пріятельски знакома, задумала черезъ Обольянинова уговорить Катерину Валерьяновну удѣлить мнѣ что-нибудь изъ имѣній, полученныхъ ею послѣ своего мужа. Она рѣшила начать это дѣло осенью, по пріѣздѣ въ Москву, гдѣ располагала провести зиму [1]).

По случаю распространившагося слуха, что въ Москвѣ холера, отъѣздъ былъ отсроченъ.

Вскорѣ я получила письмо отъ Саши, только что пріѣхавшаго

---

[1]) Характеристику П. Х. Обольянинова см. въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г. томъ VIII, стр. 845—847.

Библиотека "Руниверс"

въ Москву изъ Васильевскаго; оно было все исколото и подтвердило этотъ слухъ.

Слухи о холерѣ стали распространяться и доходить до насъ все больше и больше. Съ ужасомъ читали въ газетахъ, какія опустошенія производила эта болѣзнь самый характеръ ея ледянилъ душу. Пока не были учреждены карантины, многіе изъ жителей Москвы поспѣшили удалиться въ свои имѣнія или переселились въ города, въ которыхъ еще не обнаружилось эпидеміи.

Нѣкоторые изъ клинскихъ помѣщиковъ, переѣхавшіе въ Москву на зиму, возвратились въ свои деревни. Они разсказывали, что, по слухамъ, холера занесена въ Москву бурлаками изъ Нижняго и обнаружилась въ университетѣ. Одинъ студентъ упалъ въ университетскомъ корридорѣ, въ корчахъ, и вскорѣ умеръ. Университетское начальство объявило, что университетъ закрывается и всѣ студенты распускаются по домамъ; казеннокоштные же отдѣляются карантинными мѣрами. Приказъ читалъ профессоръ Денисовъ. Онъ былъ блѣденъ, унылъ, встревоженъ, — и къ вечеру умеръ.

Какъ только было объявлено офиціально, что въ Москвѣ холера, то стали издаваться бюллетени о ходѣ болѣзни, о числѣ заболѣвавшихъ и умершихъ. Сообщались и предохранительныя мѣры; иныя изъ этихъ мѣръ стоили самой болѣзни. Вообще же совѣтовали дышать воздухомъ, напитаннымъ запахомъ хлористой извести, пить красное вино, дегтярную воду, курить уксусомъ въ комнатахъ, наблюдать умѣренность въ пищѣ, не ѣсть сырыхъ овощей. Но, несмотря ни на что, болѣзнь со дня на день усиливалась, распространяя всеобщій страхъ и смятеніе. Даже и внѣ Москвы только и слышалось: умеръ, заболѣлъ, заразительна, незаразительна, корчи, хлоръ, уксусъ четырехъ разбойниковъ. Въ передней гостямъ подавали уксусъ обтереться, въ гостиной не подавали руки, родные со страхомъ и опасеніемъ навѣщали заболѣвавшихъ родныхъ, знакомые, пріятели, сторонились другъ отъ друга. Наконецъ, мы узнали, что Москва оцѣплена, по снѣжному валу разставлены пикеты изъ солдатъ и черезъ цѣпь никто не пропускается. Возы съ съѣстными припасами пріѣзжаютъ съ одной стороны цѣпи, покупатели подъѣзжаютъ съ другой стороны. Составился комитетъ. Москву раздѣлили на части. Московскій военный генералъ-губернаторъ, князь Дмитрій Владиміро-

Библиотека "Руниверс"

вичъ Голицынъ, всѣми любимый и уважаемый, увлекъ общество къ великодушнымъ пожертвованіямъ. На суммы, пожертвованныя большею частію московскимъ купечествомъ, немедленно было открыто двадцать больницъ съ роскошью и избыткомъ удобствъ. Другимъ порывомъ великодушія почти весь медицинскій факультетъ и, сверхъ того, много молодыхъ людей другихъ факультетовъ предложили себя въ распоряженіе холернаго комитета, и, отъ начала эпидеміи до ея окончанія, съ полнымъ самоотверженіемъ исполняли въ больницахъ должности ординаторовъ, фельдшеровъ, письмоводителей, сидѣлокъ; дни и ночи не отходили отъ постелей больныхъ и умирающихъ, не расчитывая на вознагражденіе, и все это въ то время, когда болѣзнь считалась заразительною. Между тѣмъ болѣзнь достигала ужасающихъ размѣровъ и обнаружилась во многихъ мѣстахъ Россіи. Въ Демьяновѣ получались газеты и письма исколотыя и изрѣзанныя. Родственники и знакомые Мертваго сообщали, что жители Москвы почти не оставляютъ домовъ своихъ; по улицамъ рѣдко видны экипажи, только по перекресткамъ сбираются толпы простаго народа, толкуютъ о холерѣ и съ ужасомъ сторонятся, какъ покажутся на улицѣ тихо двигающіяся кареты съ больными, отвозимыми въ больницы, или черныя фуры, отправляющіяся съ трупами на кладбище, сопровождаемыя полицейскими.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ преосвященный митрополитъ Филаретъ учредилъ крестный ходъ и молебствіе «да мимо идетъ скорбная чаша». Въ назначенный день для молебствія погода стояла мрачная, туманная; изъ сѣрыхъ облаковъ, заволакивавшихъ небо, сѣялся мелкій дождь, но, несмотря на это, помосты всѣхъ церквей были покрыты народомъ. Въ церквахъ раздавался унылый звонъ колоколовъ, призывавшій всѣхъ на молитву міромъ. Въ каждомъ приходѣ священники съ причтомъ, съ крестомъ, образами и хоругвями, молились, преклонивши колѣна; народъ, рыдая, падалъ ницъ на землю. Кончивши молебствіе у церкви, священники обходили свой приходъ, кропя святой водою, а за ними шли толпы народа; остальные жители выходили изъ домовъ, мимо которыхъ шелъ крестный ходъ, и, въ слезахъ, падая на землю, молили о защитѣ Небо. Блаженъ и благословенъ народъ, умѣющій вѣровать! Священники одного прихода, сходясь съ другими, шли вмѣстѣ; толпы народа сливались, хоругви развѣвались въ воздухѣ, — и

Библиотека "Руниверс"

они шли далѣе. Часть процессіи и народа вступала въ Кремль, гдѣ митрополитъ, съ чернымъ духовенствомъ, подъ открытымъ небомъ, преклонивши колѣна, молили Бога объ отвращеніи карающей десницы. Говорили объ опасности многолюдныхъ сборищъ— и справедливо, но чумный годъ показалъ, какъ опасно предписывать мѣру религіозному чувству.

Это была трогательная минута въ жизни русскаго народа.

Къ новому году холера въ Москвѣ стала уменьшаться, и въ февралѣ совсѣмъ прекратилась; тогда Варвара Марковна наняла въ Москвѣ домъ и мы всѣ переѣхали туда. Въ Москвѣ Варвара Марковна горячо принялась за исполненіе своего плана относительно меня. Она переговорила съ Обольяниновымъ. Петръ Хрисанфовичъ вызвалъ Катерину Валерьяновну изъ ея Шумнова, полученнаго ею по духовному завѣщанію послѣ ея мужа, гдѣ она постоянно проживала, и согласилъ ее отдать мнѣ изъ доставшейся ей во всѣхъ имѣніяхъ мужа седьмой части седьмую часть въ Васильевскомъ; она состояла, сколько помнится, изъ 120 десятинъ земли, 25-ти десятинъ строеваго лѣса и 30-ти душъ крестьянъ. Все это, какъ говорили, будучи меньшей частію, должно было быть мнѣ выдѣлено въ лучшихъ частяхъ въ селѣ Васильевскомъ и прилежащихъ къ нему деревняхъ: Марьинѣ, Агаѳоновѣ и Полушкинѣ.

Иванъ Алексѣевичъ всегда жаловался, что эта седьмая часть. точно пятно, портитъ все имѣніе и выдѣломъ ея затруднялся. По окончаніи процесса между Катериной Валерьяновной и братьями ея мужа, тянувшагося нѣсколько лѣтъ и который она выиграла, Иванъ Алексѣевичъ торговалъ у нея эту часть въ Васильевскомъ, но она, не желая сдѣлать ему пріятное, просила страшно дорого, а Иванъ Алексѣевичъ, въ досаду ей, давалъ слишкомъ дешево. Такъ дѣло и не ладилось.

Эта седьмая часть въ значительномъ имѣніи, дѣйствительно, не только что портила его цѣльность и выдѣлъ былъ затруднителенъ, но и препятствовала его продажѣ, а продать его было необходимо и откладывать опасно. Здоровье Ивана Алексѣевича видимо слабѣло: въ случаѣ же его кончины, всѣ его имѣнія должны были поступить къ законнымъ наслѣдникамъ: брату его—сенатору и сыну другаго его брата, Алексѣю Александровичу Яковлеву, между тѣмъ Иванъ Алексѣевичъ желалъ продажею имѣнія, обезпечить двухъ незаконныхъ сыновей своихъ.

Библиотека "Руниверс"

Какъ скоро рѣшена была передача мнѣ седьмой части, Николай Николаевичъ Загоскинъ, по расположенію своему ко мнѣ, взялся немедленно за совершеніе дарственной записи, и это маленькое имѣніе какъ бы съ неба упало мнѣ изъ дружескихъ рукъ этого почтеннаго семейства, которое отрадно, съ признательностію воскрешаю въ моей памяти.

Дружба Саши ожила ко мнѣ съ оттѣнкомъ дѣтскаго, прежняго времени до того, что разъ вечеромъ, когда онъ читалъ мнѣ вслухъ только что вышедшую драму Виктора Гюго «Hernany», то оба мы плакали надъ нею такъ, какъ плакали надъ драмами Коцебу — давно когда-то — и какъ плакать чуть не позабыли.

Если я оставалась ночевать у княгини или у Мертваго, Саша посылалъ мнѣ записки. Однажды онъ писалъ мнѣ: «утѣшайте, утѣшайте другихъ, а другъ вашъ пропадаетъ съ тоски; одна отрада—Ѳома Кемпійскій». Въ это время мы сильно увлекались чтеніемъ «подражаніе Іисусу Христу» Ѳомы Кемпійскаго.

Въ одинъ изъ февральскихъ вечеровъ Саша сказалъ матери:

— «Хотите видить Вадима Пассека, онъ сегодня вечеромъ будетъ у меня?»

— «Конечно,— отвѣчала она,— ты такъ много говорилъ намъ о немъ».

— «Вы все пишите о Вадимѣ Новогородскомъ,— сказалъ Саша, обращаясь ко мнѣ,— вотъ вамъ Вадимъ живой и очень интересный. Не влюбитесь въ него!»

— Отъ чего не влюбиться? — отвѣчала я,— что онъ у тебя зачарованъ?

— «Быть можетъ».

— Нѣтъ, не увлекусь; у меня съ молодыми людьми есть что-то однозвучащее — это хорошо для дружбы, для любви души должны гармонировать.

— «Какъ у васъ съ Николаемъ Алексѣевичемъ?»

— Что за вздоръ ты говоришь,— возразила я,— ты понимаешь, что тамъ не было ни дружбы, ни любви въ ихъ истинномъ значеніи. Былъ ребенокъ, у котораго воображеніе настроено романами, и свѣтскій молодой человѣкъ, не знавшій чѣмъ наполнить праздный досугъ, а что это нѣсколько интересовало его — по-

Библиотека "Руниверс"

нятно, кому не пріятно, если имъ увлекаются, да еще чистымъ дѣтскимъ сердцемъ.

— «Успокойтесь, вѣрю, что вы не можете влюбиться. Въ домѣ Мертваго вы видали много молодыхъ людей и никѣмъ не увлеклись».

— Можетъ потому, что ни одинъ изъ нихъ не только что не пробовалъ увлечь меня, но даже никто не обратилъ на меня вниманія.

Въ залу принесли двѣ свѣчи и поставили на круглый столъ передъ диваномъ. У стола помѣстился Саша, мать его, Егоръ Ивановичъ и я. Спустя полчаса, за ширмами, отдѣлявшими входъ изъ передней, тихо скрипнула дверь и въ залу вошелъ стройный молодой человѣкъ средняго роста—это былъ Вадимъ Пассекъ. Онъ поклонился застѣнчиво, по приглашенію взялъ стулъ и сѣлъ къ столу. Вначалѣ разговоръ шелъ несвязно, какъ ни старался Саша оживить его, говоря за четверыхъ, а Егоръ Ивановичъ, заводя рѣчь о концертахъ и о музыкѣ. Вадимъ нѣсколько робѣлъ и стѣснялся. Я всматривалась въ него, заинтересованная предисловіемъ Саши. Въ темно-карихъ, умныхъ глазахъ Вадима, полузакрытыхъ густыми рѣсницами, была какая-то магнитность и на всемъ на немъ лежала печать благородства и той породистости, которая выше всякой красоты. Когда разговоръ мало по малу оживился и перешелъ въ интимный, Вадимъ весь отдался задушевности; голосъ его былъ чрезвычайно пріятенъ и тихъ; рѣчь ясна, проста, спокойна. съ полнымъ обладаніемъ предмета, о которомъ говорилось.

При живости и подвижности Саши, спокойствіе Вадима особенно ярко бросалось въ глаза. Когда разговоръ перешелъ къ современной литературѣ, Саша продекламировалъ нѣсколько стихотвореній и двѣ или три сцены изъ «Горя отъ ума». По поводу «Горя отъ ума» сказали Вадиму, что черезъ недѣлю мы ѣдемъ въ Большой театръ смотрѣть новый балетъ. Къ концу вечера всѣ обращались съ Вадимомъ свободно и пріятельски. Между имъ и нами оказалось много общаго.

Когда Вадимъ ушелъ, Саша спросилъ меня, какъ я нахожу его.

— Симпатичнымъ,— отвѣчала я,—имъ можно увлечься.

— «Не совѣтую,— съ живостію возразилъ Саша,— Вадиму

Библиотека "Руниверс"

жениться нельзя и не должно. Семейная жизнь мѣшаетъ, сосредоточиваетъ на себѣ, на мелочахъ, отвлекаетъ отъ общаго».

— Напротивъ,—сказала я,—мнѣ кажется, семейная жизнь не только не отвлекаетъ отъ общаго, то есть отъ общечеловѣческихъ интересовъ, но вноситъ въ нихъ теплоту, а грандіозность общечеловѣческой дѣятельности облагораживаетъ семейство. Такимъ-то людямъ, какъ Вадимъ, и слѣдуетъ жениться; я не говорю—на мнѣ, а вообще.

— «Ну, больше не покажу васъ другъ другу,—шутя замѣтилъ Саша,— вы его у насъ отнимите».

— Почему ты такъ думаешь?

— «Онъ тоже говорилъ что-то въ родѣ этого».

— «Вадимъ еще въ университетѣ?»—спросила Сашу мать.

— «Нѣтъ, онъ уже кончилъ курсъ кандидатомъ, съ серебряной медалью. Ему слѣдовала золотая, но вмѣсто золотой медали за науку, Вадимъ получилъ чинъ титулярнаго совѣтника за холеру».

— «А что, онъ медикъ?» —спросилъ Егоръ Ивановичъ.

— «Вотъ это-то и замѣтьте, что не медикъ,— отвѣчалъ Саша,— онъ юристъ; но, несмотря на то, что юристъ, одинъ изъ первыхъ предложилъ себя въ распоряженіе холернаго комитета и съ рѣдкимъ самоотверженіемъ дѣйствовалъ во все время эпидеміи. Онъ завѣдывалъ въ больницѣ канцеляріей, хозяйственной частію, ухаживалъ за больными; мало того, съ нѣкоторыми изъ медиковъ на себѣ дѣлалъ опыты прилипчивости холеры. Опытъ показалъ, что она не прилипчива. Послѣ этого стали смѣлѣе относиться къ болѣзни и явилось больше желающихъ помогать въ общественномъ бѣдствіи».

— Такъ вотъ каковъ твой Вадимъ,— замѣтила я,— и не упомянулъ даже о холерѣ.

— «А будь ты на его мѣстѣ,— сказалъ Егоръ Ивановичъ Сашѣ,— не утерпѣлъ бы, не только разсказалъ бы всю подноготную, передразнилъ бы и медиковъ, и ординаторовъ, и хожалокъ, не спустилъ бы и больнымъ».

Мы съ Сашей покатились со смѣха.

Егоръ Ивановичъ улыбнулся и добавилъ:

— «Ну, конечно такъ».

Отъ Саши мы узнали, что Вадимъ четвертый изъ братьевъ

Библиотека "Руниверс"

Пассекъ, живетъ въ Москвѣ съ матерью, сестрами и меньшими братьями, а трое старшихъ братьевъ въ Петербургѣ; что Вадимъ даетъ уроки и вмѣстѣ съ старшими братьями трудами своими поддерживаетъ семейство.

Незадолго передъ этимъ Саша познакомился съ семействомъ Вадима и съ увлеченіемъ разсказывалъ намъ о ихъ взаимной любви, силѣ духа, съ которымъ они переносили страданія въ Сибири и жестокую крайность по возвращеніи въ Москву; разсказывалъ, какъ молодые люди, несмотря на затрудненія съ приготовленіемъ, поступили въ университетъ и кончили курсъ кандидатами.

— «Теперь имѣете понятіе о семействѣ Пассековъ?»—спросилъ Саша, кончивши разсказъ.

— Да,— отвѣчала я,— имѣю, и задумалась.

— «Есть о чемъ подумать»,— замѣтилъ Саша.

Въ театръ, какъ предполагали, мы не поѣхали.

Спустя нѣсколько дней, я увидѣла у Мертваго Михаила Николаевича Загоскина. Онъ, по обыкновенію, дружески подошелъ ко мнѣ и вдругъ, среди разговора, нежданно, спросилъ меня:

— «Отчего вы не были на представленіи новаго балета, какъ предполагали?»

— Почему вы знаете, что мы хотѣли тамъ быть?— спросила я съ удивленіемъ.

— «Я встрѣтилъ въ театрѣ,— отвѣчалъ Загоскинъ,— одного знакомаго мнѣ молодаго человѣка, который сообщилъ, что вы будете въ театрѣ, и такъ тревожно осматривалъ ложи и бенуары, съ такимъ жаромъ говорилъ о васъ, что чуть не загорѣлся театръ».

— Вотъ какъ!—сказала я, смѣясь и чувствуя, что мѣняюсь въ лицѣ.— Кто же это?

— «Вадимъ Пассекъ,— съ притворной небрежностью отвѣтилъ Загоскинъ;— вы его коротко знаете?»

— Напротивъ, очень мало.

— «Какъ же это онъ такъ много говорилъ мнѣ объ васъ?»

— Не знаю. Онъ товарищъ моего родственника, съ которымъ я почти вмѣстѣ росла. Вѣроятно, слышалъ что-нибудь отъ него,— отвѣчала я, стараясь придать своему голосу сколько можно больше равнодушія.

Библиотека "Руниверс"

Загоскинъ взялъ мою руку и, крѣпко сжимая ее, говорилъ съ своей ласковой улыбкой:

— «Полноте отрекаться отъ Вадима — это прекрасный юноша, я держу его руку, будьте къ нему благосклонны, онъ вами увлеченъ».

— Какъ можно такъ шутить,— сказала я, живо обратясь къ Загоскину.

— «Кто это Вадимъ,— подойдя къ намъ, спросила меньшая дочь Мертваго,— n'est ce pas l'homme de predilection?»

— «Это мой хорошій пріятель»,— спокойно отвѣтилъ Загоскинъ.

Слова Саши «не влюбитесь въ Вадима» заставили меня внимательнѣе всмотрѣться въ него, а его тихая, глубокая натура была мнѣ такъ симпатична, что въ первое свиданіе сдѣлала на меня нѣкоторое впечатлѣніе. Шутки Михаила Николаевича поддерживали и усиливали его. Мало по малу впечатлѣніе это стало ослабѣвать и, вѣроятно, незамѣтно совсѣмъ бы изгладилось, если бы судьба не рѣшила иначе и не сблизила меня съ семействомъ Вадима.

Однажды, на страстной недѣлѣ, Саша таинственно сказалъ мнѣ:

— «Не можешь-ли дать мнѣ твою нитку гранатъ и бриллiантовыя сережки на нѣсколько дней. Вадимъ просилъ достать денегъ для семейства. Я обѣщалъ. Закладываю свои часы, но этого недостаточно; цѣпочку надобно оставить: видя ее, не догадаются, что часовъ нѣтъ. Вещи твои я прибавлю въ залогъ къ часамъ».

Я принесла мои вещи и, отдавая ихъ Сашѣ, сказала:

— Развѣ у нихъ крайность?

— «Къ празднику ничего нѣтъ. Послѣ святой недѣли Вадимъ получитъ за уроки, да Діомидъ Пассекъ вышлетъ изъ Петербурга, и намъ отдадутъ. Если бы ты знала, что это за семейство и какъ хорошо себя чувствуешь въ ихъ небольшихъ комнатахъ. Тамъ я первый разъ узналъ, что такое семейная любовь и понялъ, что не проза, не скука царствуетъ около дивана, на которомъ сидитъ мать, окруженная дѣтьми, а милая поэзія домашняго очага. Они знаютъ о тебѣ и очень хотятъ тебя видѣть. Я обѣщалъ на святой привезти къ нимъ тебя и маменьку».

Въ четвергъ на святой недѣлѣ Саша, вмѣстѣ съ матерью

Библиотека "Руниверс"

своей и со мною, отправляясь подъ Новинское, уговорилъ насъ напередъ заѣхать къ Пассекамъ.

Какъ бьется сердце мое, приступая къ этой половинѣ моей жизни! Какъ горячо вызываетъ умолкнувшее въ вѣчности!

Сдвинувшіеся десятки лѣтъ разступаются...

И вотъ вы, милые, опять со мною, никто не отошелъ отъ этого міра... ничто не измѣнилось... всѣ живы... всѣ юны... всѣ полны будущности и вѣры въ себя... и мы живемъ, какъ бывало... и мнѣ такъ хорошо съ вами. Прижмитесь же съ прежней любовью къ груди моей... Я оболью васъ слезами и мы снова переживемъ вмѣстѣ и счастіе прежнее и прежнія печали...

Передо мною небольшой деревянный домъ съ мезониномъ. Что за свѣтлыя картины, что за чистые образы тѣснятся мнѣ въ душу при видѣ этого дома!

Карета наша въѣзжаетъ на довольно просторный дворъ, мѣстами поросшій мелкой травкой... вотъ и низенькое крылечко... и я опять легко всхожу на него, одѣтая въ сѣренькое платье съ закрытымъ воротомъ, въ пастушеской соломенной шляпкѣ съ бѣлыми лентами. Отворяется дверь, предо мною небольшая зала съ свѣтло-палевыми обоями, нѣсколько плетеныхъ стульевъ, два ломберные стола и фортепьяно. Въ дверяхъ гостиной встрѣчаетъ насъ матушка [1]). Какъ станъ ея преждевременно согнутъ заботами и вынесенными страданіями! На блѣдномъ, истощенномъ лицѣ ея прорѣзались легкія морщины, а въ спокойныхъ, умныхъ глазахъ свѣтится юность души, сила воли и столько пролитыхъ слезъ! Какъ трогательна она въ своемъ простомъ черномъ капотѣ и бѣломъ чепчикѣ! Я съ благоговѣніемъ останавливаю на ней взоръ свой.

Въ гостиной, съ итальянскимъ окномъ и небогатой меблировкой, подошли ко мнѣ двѣ молодыя дѣвушки, сестры Вадима. Въ грустномъ, ласковомъ взорѣ старшей видна безропотная покорность судьбѣ. Въ карихъ глазахъ и улыбкѣ второй играетъ жизнь. Вскорѣ вошелъ Вадимъ, а за нимъ миловидная блондинка съ пепельными кудрями до плечъ.

— «Это моя третья дочь,—сказала матушка, рекомендуя намъ блондинку,— у меня есть еще дочь въ институтѣ, да малютка,

[1]) Катерина Ивановна Пассекъ, мать Вадима Васильевича Пассекъ, а по немъ, въ послѣдствіи, и моя мать. П.

Библиотека "Руниверс"

привезенная изъ Сибири съ кормилицей. Она взята на воспитаніе Катериной Александровной Офросимовой» [1]).

Говоря это, матушка вздохнула, въ глазахъ ея мелькнула печаль и навернулись слезы.

Прощаясь, насъ пригласили на слѣдующій день вечеромъ.

На другой день, послѣ обѣда, мы отправились къ Пассекамъ. Насъ приняли уже по-пріятельски, запросто, въ диванной, гдѣ всѣ домашніе проводили бо́льшую часть времени. Тамъ обыкновенно пили чай, туда вносили раздвижной столъ, на которомъ обѣдали. Ночью, на турецкомъ диванѣ, занимавшемъ всю внутренную стѣну, спали двѣ меньшія дочери: старшая спала у матушки въ небольшой спальнѣ, съ однимъ окномъ, выходившимъ во дворъ.

Вадимъ занималъ комнату въ мезонинѣ съ полукруглымъ окномъ. Кроватью ему служилъ диванъ, полуразрушенный натискомъ товарищей. Два-три соломенные стула, сомнительной крѣпости, рѣдко были въ употребленіи. Товарищи предпочитали помѣщаться на столѣ, на окнѣ, валяться безъ сюртуковъ по дивану или на полу, на сброшенныхъ съ дивана подушкахъ, между книгъ, бумагъ, золы изъ трубокъ. Противоположную комнату занималъ товарищъ Вадима, студентъ Миллеръ.

Въ диванной, кромѣ матушки, Вадима, его сестеръ и двухъ меньшихъ братьевъ-гимназистовъ, мы нашли: Миллера, студента медицинскаго факультета Эка (сына И. И. Эка, бывшаго учителя музыки Егора Ивановича Герцена) и высокаго молодаго человѣка, брюнета, въ очкахъ, кончившаго курсъ въ медико-хирургической академіи. Онъ былъ у Пассековъ какъ-то по домашнему: широко шагалъ по комнатѣ, говорилъ громко и обращался со всѣми своеобразно хорошо. Вслѣдъ за нами, какъ бы крадучись, вошелъ Никъ съ шестнадцатилѣтнимъ студентомъ Сатинымъ, напоминавшимъ своей идеальной красотой Байрона: онъ и прихрамывалъ какъ Байронъ и краснѣлъ какъ дѣвушка.

Матушка, разговаривая съ матерью Саши по-нѣмецки и порусски, сообща съ нею хлопотала за чайнымъ столомъ и уго-

---

[1]) Въ послѣдствіи, овдовѣвши, она вышла замужъ за Александра Александровича Алябьева. П.

Библиотека "Руниверс"

щала молодой кружокъ, среди котораго шелъ оживленный разговоръ.

Разговоръ былъ прерванъ приходомъ молодаго человѣка, бѣлокураго, нѣсколько блѣднаго, съ кроткимъ взоромъ, какъ бы сосредоточеннымъ внутри самого себя.

— «Что это, Алексѣй Николаевичъ, васъ совсѣмъ не видно, гдѣ вы пропадаете?» — сказала матушка.

— «Все на своей квартирѣ, Катерина Ивановна, съ математикой»,—отвѣчалъ онъ, едва улыбаясь, тихимъ голосомъ, съ малороссійскимъ акцентомъ.

Матушка представила его намъ, говоря:

— «Алексѣй Николаевичъ Савичъ».

Алексѣй Николаевичъ Савичъ былъ любимый товарищъ Вадима. Въ настоящее время это извѣстный нашъ астрономъ, занимающій почетное имя въ мірѣ наукъ.

Со дня нашего знакомства съ Алексѣемъ Николаевичемъ, мы, въ продолженіе года, бывали очень часто вмѣстѣ. Въ этотъ годъ онъ кончилъ курсъ въ университетѣ, защитилъ диссертацію на магистра, потомъ поступилъ на службу въ Петербургскій университетъ профессоромъ астрономіи. Ко мнѣ Алексѣй Николаевичъ такъ дружески расположился, что когда мы опять увидались съ нимъ черезъ тридцать пять лѣтъ, измѣненные годами, испытанные несчастіями, то сквозь длинный рядъ годовъ узнали другъ въ другѣ знакомыя черты, знакомую душу, и радостно обнялись послѣ долгой разлуки.

— «Здравствуй, Вадимъ! — сказалъ Алексѣй Николаевичъ, подавая ему руку, и, кланяясь всѣмъ, прибавилъ: что это вы всѣ въ сборѣ сегодня?»

— «А вотъ, рѣши задачу, — обратясь къ нему, началъ Саша,— можно-ли жить вмѣстѣ съ такой женщиной, которая ниже васъ стоитъ по умственному развитію?»

— «Это, братецъ, смотря.... Впрочемъ, нѣтъ, неравенство, то есть неравенство въ развитіи, дѣйствительно должно быть нехорошо».

— «Конечно, вѣдь это все равно, что люди изъ разныхъ историческихъ эпохъ»,— замѣтилъ Саша.

— «Руссо прожилъ всю жизнь съ Терезой и не жаловался», — сказалъ кто-то.

Библиотека "Руниверс"

— «Хорошую же и жизнь она создала великому человѣку»,— замѣтилъ тихо Никъ.

— «Я нахожу это тѣмъ нехорошо, что низшая натура, въ безпрерывномъ соприкосновеніи съ высшей, подавляетъ высшую,— сказалъ Вадимъ, — низшая не такъ чувствительна къ диссонансу».

— «Зачѣмъ брать свысока, — подымая вверхъ брови, говорилъ брюнетъ,— возьмемъ Германію...»

— «Тамъ въ бракѣ раздѣленіе труда,— возразилъ Алексѣй Николаевичъ,— если при этомъ развито сердце...»

— «Что сердце! — прервалъ его Саша,— кромѣ хозяйства, дѣлъ и нѣжностей, много остается празднаго времени,—чѣмъ его наполнить?»

Разговоръ переходилъ отъ предмета къ предмету; когда коснулся университета, Саша представилъ въ лицахъ профессоровъ, читалъ лекціи съ ихъ пріемами, подражая ихъ голосамъ.

Остроты, серьезныя идеи, шутки, сужденія о новыхъ произведеніяхъ литературы сыпались со всѣхъ сторонъ; юная жизнь кипѣла. Молодыя дѣвушки держали себя съ такимъ тактомъ, что всѣ, не стѣсняясь, оставались въ строгихъ границахъ приличія. Это придавало всему эстетическую прелесть.

Когда стали пить чай, въ диванную вбѣжалъ мальчикъ лѣтъ восьми — младшій изъ Пассековъ. Онъ привлекъ мое вниманіе своею странностію. Красивые, темно-каріе глаза его нѣсколько косили и какъ-то растерянно смотрѣли изъ-подъ густыхъ темныхъ волосъ, въ безпорядкѣ падавшихъ ему на глаза. Одѣтъ онъ былъ въ поношенный сюртучекъ не по росту, остальныя части его туалета соотвѣтствовали сюртучку. Нисколько не смущаясь, мальчикъ молча остановился посреди комнаты; откинувъ назадъ голову, разиня ротъ, нѣсколько минутъ безмолвно осматривалъ все общество — и скрылся. Никто не обратилъ на него вниманія; видно было, что появленіе его въ этомъ видѣ дѣло обыкновенное. Только когда онъ вбѣжалъ, одна изъ сестеръ совершенно спокойно сказала ему:

— «Ты бы хоть умылся; явился такимъ страшилищемъ».

На это замѣчаніе мальчикъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія и докончилъ свой обзоръ.

Меня этотъ ребенокъ привлекъ къ себѣ своей оригинальной

Библиотека "Руниверс"

дикостью и простодушнымъ выраженіемъ всѣхъ чертъ лица. Когда онъ опять показался, я его приласкала.

Замѣчательно, что присутствіе маленькаго, плохо одѣтаго дикаря никого изъ семейства не затрудняло и не смущало,—такъ они высоко стояли надъ всѣми мелочами чувствомъ своего собственнаго достоинства и съ гордостію носили свою бѣдную одежду.

ГЛАВА XX.

Семейство Пассекъ.

1832 г.

Святые дни воспоминанья
Въ своей душѣ читаю я.

Рѣдкій день проходилъ, чтобы мы не побывали у Пассековъ. Иногда тамъ удерживали меня до вечера.

Взаимная дружба этого семейства, ихъ любовь къ матери, сама мать, испытанная страшными страданіями и горестями,—все это придавало имъ что-то благородное, трогательно патріархальное и влекло къ себѣ. Несчастіе не ожесточило ихъ, а раскрыло для любви къ ближнему: такъ оно вліяетъ на натуры возвышенныя; это всего больше отражалось на матери.

Какъ я любила слушать ее, когда она говорила о дѣтяхъ своихъ, о жизни ихъ въ Сибири, или читала мнѣ письма сыновей своихъ голосомъ, въ которомъ дрожали слезы; любила смотрѣть на нихъ, когда они были всѣ вмѣстѣ, юные, полные силъ и вѣры въ себя; когда шумно, весело садились за свой простой обѣдъ или сбирались около чайнаго стола, около котораго находился и тотъ, къ кому уже влеклась душа моя. Развитію этого влеченія помогало сходство характеровъ, понятій, отсутствіе стѣснительныхъ формъ жизни, исключительное положеніе, молодость: сверхъ всего, матушка была за любовь нашу, какъ я узнала въ послѣдствіи.

Чувство къ Вадиму, заронившись мнѣ въ душу, какъ бы исчезло въ ней, оставя едва замѣтную память. Среди большаго семейства, подъ множествомъ впечатлѣній, я не могла сосредоточиться на одномъ Вадимѣ; съ увлеченіемъ юности я отдавалась всѣмъ.

Сверхъ того, Вадимъ держалъ себя осторожно; только разъ вечеромъ, играя со мной въ четыре руки на фортепьянахъ, нѣ-

Библиотека "Руниверс"

сколько измѣнилъ себѣ, да узнавши, что у меня есть альбомъ, въ которомъ пишетъ одинъ Саша, попросилъ позволенія написать въ немъ, и высказалъ тамъ свои чувства. Я этого не знала: Вадимъ передалъ альбомъ Александру, а тотъ, не показавши мнѣ, спряталъ его у себя.

Въ маѣ пріѣхалъ изъ Петербурга старшій братъ Вадима—Евгеній. Онъ замѣнялъ въ семействѣ отца.

Евгеній [1]) былъ человѣкъ развитой, религіозный, страстный патріотъ, но въ предѣлахъ отчетливой разумности, съ стремленіями къ истиннымъ пользамъ своей родины. Любимымъ предметомъ его занятій была отечественная исторія, постоянною мечтою—величіе и благосостояніе отечества. При его энергической дѣятельности было бы произведено многое и даже многое было уже въ зрѣло обдуманныхъ проектахъ и программахъ, но принятая имъ на себя и благотворно выполненная забота о многочисленныхъ братьяхъ и сестрахъ съ престарѣлой матерью, безъ всякихъ средствъ, отнимала у него много времени и спокойствія духа, и, наконецъ, скоропостижно прервала жизнь разрывомъ сердца, среди тяготящихъ, убивающихъ обстоятельствъ.

Чтобы приготовить къ университету младшихъ братьевъ [2]), онъ, безо всякихъ средствъ, самъ образовалъ себя предварительно, вслѣдствіе чего вступилъ въ университетъ годомъ позднѣе ихъ.

Меньшихъ братьевъ своихъ Евгеній провелъ черезъ гимназію и университетъ. Также заботился и объ образованіи сестеръ своихъ.

Болѣе тридцати лѣтъ прошло послѣ его кончины, но и теперь сердце бьется признательностію, при воспоминаніи о немъ, у каждаго изъ членовъ этого семейства.

Отрадно вспомнить, какъ не только Евгеній, но и каждый изъ братьевъ и сестеръ его, соотвѣтственно своему возрасту и характеру, стремился выразить взаимную привязанность другъ къ другу и любовь къ матери, оставившей намъ, ея дѣтямъ, самую свѣтлую и вмѣстѣ съ тѣмъ самую грустную память.

---

[1]) Евгеній Васильевичъ Пассекъ родился въ 1802 году, скончался 1842 г. 15-го января; кончилъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ кандидатомъ юридическаго факультета и поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Въ послѣдствіи моряка Леонида и убитаго на Кавказѣ Діомида.

Библиотека "Руниверс"

Евгеній пріѣзжалъ въ Москву съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ Вадимомъ отправиться въ Харьковское имѣніе, село Спасское, оставленное за четверыми старшими братьями, рожденными до ссылки въ Сибирь ихъ родителя. Они хотѣли сдѣлать раздѣлъ этого имѣнія, съ тѣмъ, чтобы обезпечить существованіе всего остальнаго семейства. Старшіе братья считали права свои нравственно равными правамъ меньшихъ братьевъ и сестеръ своихъ, несмотря на то, что тѣ были лишены ихъ юридически.

Вадимъ сказалъ Евгенію о своей привязанности ко мнѣ и намѣреніи на мнѣ жениться. Это озадачило Евгенія. Онъ сильно возсталъ противъ женитьбы Вадима, представляя ему его молодость, неопредѣленность положенія и проч.; когда же онъ узналъ, что и матушка желаетъ этого брака, тогда совѣтовалъ только не спѣшить и хорошенько обдумать.

Со мной Евгеній старался дружески сблизиться и былъ ко мнѣ такъ внимателенъ, что спустя нѣсколько дней, матушка сказала ему шутя:

— «Ты что-то очень ухаживаешь за Таней, должно быть, она самому тебѣ нравится».

— «Я хотѣлъ испытать ея чувство къ Вадиму,—отвѣчалъ Евгеній,—она къ нему расположена, но время терпитъ, подождутъ. Пускай Вадимъ съѣздитъ прежде въ Харьковъ, да устроитъ семейныя дѣла».

Предъ отъѣздомъ въ Харьковъ, Евгеній просилъ у меня позволенія, себѣ и Вадиму, писать ко мнѣ и, хотя изрѣдка, отвѣчать имъ. Какъ бы въ оправданіе этой переписки, онъ говорилъ, что согласіе мое они будутъ считать большимъ одолженіемъ, потому что черезъ меня могутъ вѣрнѣе знать о здоровьѣ матери, о положеніи всего семейства.

— «Съ вами,—прибавилъ онъ таинственно,—матушка будетъ откровеннѣе; отъ дѣтей она скрывается, боясь ихъ огорчить».

Въ половинѣ мая 1832 г., въ тихій, теплый вечеръ, Евгеній и Вадимъ простились съ родными, сопровождаемые слезами и благословеніями, сѣли въ почтовую телѣжку и покатили въ Харьковъ.

Уѣзжая, они обѣщали матушкѣ и сестрамъ купить въ Тулѣ подарки. Узнавши, что я потеряла свою запонку, предложили мнѣ взамѣнъ ея прислать изъ Тулы стальную. Первое письмо

Библиотека "Руниверс"

отъ нихъ было получено изъ Харькова вмѣстѣ съ тульскими вещицами.

— «Вотъ это вамъ»,—сказала матушка, подавая мнѣ листочекъ почтовой бумаги, стальное перо и чугунное кольцо въ золотой оправѣ.

Я взяла письмо, а отъ вещей отказалась, говоря, что вѣроятно тутъ ошибка.

— «Нѣтъ не ошибка, точно вамъ,—продолжала матушка, и видя, что я затрудняюсь, прибавила,—что за вздоръ, берите, надѣвайте кольцо, оно отъ Вадима, а перо посылаетъ вамъ Евгеній, чтобы вы писали къ нимъ».

Я молча взяла вещи, надѣла кольцо на руку и много лѣтъ не снимала его.

Вадимъ писалъ мнѣ:

Харьковъ, 1832 года мая. . . .

«Немногое было для меня болѣе пріятнаго въ жизни, какъ позволеніе писать вамъ...

«Въ шесть дней перенеслись мы изъ родной Москвы въ благословенную Украину. Здѣсь вся природа нова для сибиряка, который видалъ только дикость и колоссальность снѣговыхъ пустынь, непроходимыхъ лѣсовъ и громадныхъ скалъ Урала. Холмистыя обработанныя поля, дубовые лѣса, фруктовыя деревья, глубокая синева неба, пѣсни соловьевъ—приводятъ меня то въ восторгъ, то въ грусть, пробуждая воспоминанія о быломъ и мысль о будущемъ. Въ прошедшемъ немного радостей, страданія родной семьи, стремленіе къ знанію, къ раздѣлу мыслей, чувствъ; въ будущемъ—все неопредѣленно....

«Мнѣ всегда было страшно замкнуться въ самомъ себѣ. Я искалъ людей, которымъ могъ бы ввѣриться, и часто ошибался. Немного чистыхъ людей, доставшихся на мою долю, моя отрада, но это не удовлетворяетъ меня. душа стремится перелиться въ другую душу, это ея жизнь, ея двойное наслажденіе. Вы понимаете меня, вы знаете и цѣли, которыя обняли все бытіе мое; я не отрекусь отъ нихъ до моего послѣдняго часа. Вадимъ».

«P. S. Мы съ Евгеніемъ обѣщали вамъ прислать запонку—запонокъ нѣтъ. Взамѣнъ ея Евгеній посылаетъ вамъ перо, а я—колечко; увѣренъ, что вы будете его носить такъ, какъ думали носить запонку».

На это письмо Вадима я не отвѣчала, только попросила матушку поблагодарить отъ меня за вещи.

Кромѣ того, что я не находила предмета о чемъ писать, Саша съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на эту переписку.

По отъѣздѣ Евгенія и Вадима, мы продолжали бывать у Пассековъ еще чаще, еще больше сблизились съ ними и многое узнали изъ жизни этого семейства.

Изъ разсказаннаго намъ стало извѣстно, что покойный отецъ

Библиотека "Руниверс"

этого семейства, Василій Васильевичъ Пассекъ, былъ сынъ слободско-украинскаго подполковника Василія Богдановича Пассека и двоюродной сестры его, Обруцкой, которую онъ увезъ тайно и тайно обвѣнчался на ней въ своемъ селѣ Спасскомъ, что было извѣстно только брату его, Петру Богдановичу Пассеку. Василій Богдановичъ умеръ, когда сыну его было только пять лѣтъ. Умирая, онъ оставилъ духовное завѣщаніе и назначилъ опекунами надъ малолѣтнимъ сыномъ своимъ сосѣда своего, графа Гендрикова, и роднаго брата своего генералъ-адъютанта. генерала-аншефа, бѣлорусскаго генералъ-губернатора Петра Богдановича Пассека. Графъ Гендриковъ скончался вскорѣ послѣ Василія Богдановича и Петръ Богдановичъ остался единственнымъ опекуномъ своего пятилѣтнаго сироты-племянника. Пользуясь малолѣтствомъ Василія Васильевича, онъ скрылъ завѣщаніе, присвоилъ себѣ его имѣнія и ребенкомъ записалъ его въ Преображенскій полкъ подъ чужимъ именемъ—дворянина Паскова.

Войдя въ возрастъ, Василій Васильевичъ началъ требовать свои права и свои имѣнія отъ могущественнаго дяди. Съ этого времени начались его несчастія. Въ 1796 году онъ былъ заключенъ въ Динаминдскую крѣпость, гдѣ пробылъ до 1801 года, вытерпѣлъ жестокія страданія, при выпускѣ былъ объявленъ невинно пострадавшимъ и за претерпѣнныя страданія переименованъ изъ маіоровъ въ надворные совѣтники.

Еще содержась въ крѣпости, Василій Васильевичъ успѣлъ доказать права свои на имѣнія, оставшіяся послѣ его отца, и въ царствованіе императора Павла Петровича, по разсмотрѣніи дѣла, въ 1799 году, послѣдовало высочайшее повелѣніе, которымъ Василій Васильевичъ былъ признанъ сыномъ своего отца, а завѣщаніе—завѣщаніемъ (Петръ Богдановичъ называлъ завѣщаніе письмомъ), несмотря на выходки Петра Богдановича противъ этого акта, который онъ скрывалъ слишкомъ 20 лѣтъ. Такимъ образомъ Петръ Богдановичъ долженъ былъ возвратить своему племяннику всѣ принадлежащія ему имѣнія; но онъ употребилъ противъ этого слѣдующее средство: при восшествіи на престолъ императора Александра Павловича, онъ подалъ прошеніе, 1801 г. 20-го апрѣля, которымъ просилъ дать Василію Васильевичу, какъ воспитаннику его брата, фамилію и гербъ Пассековъ (чѣмъ Василій Васильевичъ и такъ всегда пользовался) и утвердить за

Библиотека "Руниверс"

нимъ частичку изъ его же имѣній—село Спасское, Харьковской губерніи, Волчанскаго уѣзда; согласно этому прошенію, послѣдовало высочайшее повелѣніе 20-го мая 1801 года; тогда Василій Васильевичъ рѣшился доказать передъ государемъ, что прошеніе Петра Богдановича противно истинѣ, совѣсти, законамъ и изложенному высочайшему повелѣнію 1799 года.

Петръ Богдановичъ, хорошо понимая, что такой протестъ приметъ силу свою и для него будутъ непріятныя послѣдствія, сталъ немедленно искать случая погубить племянника. Поводъ къ этому скоро представился. Двоюродный братъ Василія Васильевича, князь Дмитрій Константиновичъ Кантеміръ, обвѣнчался въ концѣ сырной недѣли, поэтому бракъ его былъ разрушенъ и дѣти признаны незаконно-рожденными; самъ же князь Дмитрій Константиновичъ, за сумасбродство просидѣвъ семнадцать лѣтъ въ Ревельской крѣпости, помѣшался на томъ, что онъ владѣтель Молдавіи и Валахіи, такъ какъ онъ происходилъ родомъ отъ придунайскихъ господарей. Изъ этого заключенія Кантеміръ былъ освобожденъ стараніемъ и просьбами Василія Васильевича въ 1801 г. Эстляндскій гражданскій губернаторъ Лангеръ, желая сдѣлать угодное двоюродной сестрѣ князя Кантеміра и Василія Васильевича Пассека, генералъ-фельдмаршальшѣ графинѣ Аннѣ Родіоновнѣ Чернышевой, сталъ настаивать у Кантеміра, чтобы онъ просилъ императора узаконить его дѣтей. Василій Васильевичъ совѣтовалъ съ помѣшаннымъ не спѣшить и не настаивать; и дѣйствительно, настойчивость Лангера такъ ожесточила князя, что онъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ дѣлѣ. Чтобы достичь желаемой цѣли, Василій Васильевичъ видѣлъ одно средство: съ вѣдома Лангера и прочаго начальства Эстляндіи, онъ написалъ къ помѣшанному Кантеміру полушуточное письмо, въ которомъ сказалъ, что государь императоръ возвратитъ ему его достояніе, если бы изволилъ увѣриться въ его добродушіи, а для убѣжденія въ этомъ его величества, лучшее средство просить объ узаконеніи его дѣтей, и подписалъ: П. Волконскій, не измѣняя своего почерка. Единственнымъ слѣдствіемъ этого письма было то, что Кантеміръ черезъ генералъ-прокурора подалъ прошеніе объ узаконеніи своихъ сыновей.

Василій Васильевичъ, въ увѣренности, что этимъ письмомъ дѣлается только доброе дѣло безъ малѣйшаго вреда кому-либо,

Библиотека "Руниверс"

не придавалъ ему другаго значенія до того, что въ продолженіе шести недѣль оно валялось на столѣ, стоявшемъ между кроватей князя Кантеміра и Василія Васильевича. Своякъ Петра Богдановича, сенаторъ Обрѣсковъ, воспользовался этой небрежностію и незнаніемъ Василія Васильевича возможныхъ послѣдствій, такъ какъ онъ всю молодость провелъ въ военной службѣ, а потомъ былъ заключенъ въ темницу.

Обрѣсковъ письмо Василія Васильевича взялъ и донесъ на него. Началось слѣдствіе.

Василій Васильевичъ не отрекался отъ письма. Сенатъ въ докладѣ выразилъ, что письмо видимо писано шутливо, явно для помѣшаннаго. Почеркъ свой Пассекъ не измѣнялъ, поддѣлки подписи не было, видно, что писавшій имѣлъ въ предметѣ сдѣлать добро, но, несмотря на все это, такъ какъ онъ поступилъ противозаконно, то осуждается на удаленіе въ Сибирь, съ лишеніемъ чиновъ, дворянства, знаковъ отличія.

Василій Васильевичъ Пассекъ былъ лучшій изъ людей, какъ я слышала объ немъ не только отъ его семейства, благоговѣйно чтущаго память этого страдальца, но и отъ многихъ людей достойныхъ уваженія, коротко знавшихъ его, какъ-то: графа Александра Никитича Панина, князя Е. А. Баратова, Александры Васильевны Кирѣевой, князя Юрія Владиміровича Долгорукова и другихъ.... Всѣ вспоминали съ любовію объ его умѣ, благородствѣ, любезности и добросердечіи.

Я уже не застала въ живыхъ Василія Васильевича, но еще застала живыя воспоминанія о немъ всѣхъ, которые его знали, и горячія слезы его семейства.

Осужденный несчастливецъ, съ женой и двумя малолѣтными сыновьями: Евгеніемъ и Леонидомъ, отправился въ Сибирь, гдѣ и прострадалъ слишкомъ двадцать лѣтъ.

Когда Евгеній и Леонидъ достигли юношескаго возраста, тогда тайно отъ родителей написали прошеніе императору, въ которомъ просили его освободить ихъ родителей и рожденныхъ отъ нихъ въ Сибири дѣтей, предлагая самимъ остаться за нихъ на всю жизнь въ Сибири. Узнавши, что государя ожидаютъ въ Екатеринбургѣ, они отправились туда частію пѣшкомъ, несмотря на пятьсотъ верстъ разстоянія, достигли до Екатеринбурга и лично подали государю прошеніе, въ домѣ Расторгуева, гдѣ государь

Библиотека "Руниверс"

останавливался. Прошеніе ихъ принялъ флигель-адъютантъ А., докладъ сдѣлалъ Соломка.

Вслѣдствіе ходатайства и личнаго доклада генералъ-губернатора западной Сибири Капцевича, въ 1824 году, всемилостивѣйшимъ повелѣніемъ Василій Васильевичъ Пассекъ, со всѣмъ своимъ семействомъ, былъ возвращенъ изъ Сибири по прошенію его дѣтей.

О томъ, что мнѣ сколько-нибудь извѣстно о жизни этого дорогаго мнѣ семейства въ Сибири, я буду говорить въ слѣдующихъ главахъ моихъ воспоминаній, а пока возвращаюсь къ 1832 г. Въ началѣ іюня я получила второе письмо отъ Вадима:

Харьковъ, 1832 года мая. . . .

«Еще не получивши отъ васъ отвѣта, рѣшаюсь опять писать вамъ; неужели это покажется вамъ страннымъ? Das Herz ist voll, das Mund ist über, а здѣсь намъ не съ кѣмъ подѣлиться ни мыслію, ни чувствомъ. Каждый шагъ надобно размѣрять, каждое слово взвѣшивать. Привѣтъ, улыбка—все должно быть расчитано, все соображено съ цѣлію, съ обстоятельствами..

«Большая часть людей, съ которыми мы должны соприкасаться, лишены образа человѣческаго. Иногда весь городъ представляется мнѣ коралловымъ островомъ, на которомъ кой-гдѣ мелькаютъ люди. Каждый домъ мнѣ кажется клѣточкой, изъ которой животное безъ разбора хватаетъ все, что проплываетъ мимо: о такіе-то острова разбиваются самыя высокія созданія мысли, самыя жаркія стремленія.

«Деньги, чины—вотъ магическіе талисманы расположенія, почета, родства. Это я испытываю. Всѣ достоинства измѣряются значительностію чиновъ и количествомъ душъ, которыя можно продать и заложить...

«Гдѣ же мой міръ людей? неужели это мечта? не можетъ быть! Какая судьба, какая власть можетъ остановить то движеніе, которое даютъ міру люди, рожденные для дѣятельнаго проявленія своихъ идей. Увижу-ли я хотя часть его? Я, жаждущій съ дѣтства дѣлиться душой съ цѣлымъ міромъ.

«Быть можетъ, эта жажда душевнаго раздѣла родилась во мнѣ вслѣдствіе того, что я съ колыбели былъ отлученъ отъ роднаго крова.

Я, какъ безродный, взросъ въ семьѣ чужой,
Я сладкаго не зналъ любви привѣта.

«Я родился въ то время, когда безпощадно тѣснили и терзали родную семью, поэтому былъ надолго отдаленъ отъ нея, росъ среди чужихъ, сталъ рано думать и чувствовать и долженъ былъ сосредоточиваться, замыкаться самъ въ себѣ. Вадимъ».

Подъ этимъ письмомъ приписалъ Евгеній:

«Строчки, только написанныя вашей рукой, уже доставляютъ намъ удовольствіе. Ваше дружеское расположеніе къ нашему семейству дѣлаетъ васъ навсегда незабвенной мнѣ. Я знаю, вы считаете визиты ни вочто, можетъ-ли

Библиотека "Руниверс"

это быть распространено и на переписку? пишите, пожалуйста, хотя къ Вадиму, или, по крайней мѣрѣ, дозвольте намъ писать къ вамъ. Не лишите насъ. среди хлопотъ, отнимающихъ почти все наше время, удовольствія, утѣшенія, отрады—видѣть ваши строчки, ваши мысли, васъ видѣть въ нихъ. Евгеній».

Никъ и Саша писали Вадиму, но отъ него получали короткіе отвѣты—это ихъ раздражало и огорчало, а мнѣ было непріятно.

На второе письмо Вадима я отвѣтила ему нѣсколькими строчками, и, между прочимъ, сказала:

«Вы говорите, что вамъ хочется дѣлиться душой съ цѣлымъ міромъ, и не можете раздѣлиться на столько, чтобы, писавши къ роднымъ и ко мнѣ, написать теплый отвѣтъ тѣмъ, которыхъ называете друзьями».

Вадимъ отвѣчалъ:

«....неужели вы думаете, что я мало пишу Нику и Сашѣ отъ того, что у меня не достало на раздѣлъ души? странное понятіе о душѣ! развѣ душа черезъ раздѣлъ уменьшается? напротивъ, она становится колоссальнѣе. Храните-ли вы въ себѣ мысли и чувства, передаете-ли другимъ,—въ томъ и другомъ случаѣ,—они ваша неистощимая собственность. Въ первомъ—они остаются безраздѣльно и почти всегда ослабляются временемъ; во второмъ — раздѣлъ даетъ наслажденіе, пополнитъ васъ, область души вашей будетъ обширнѣе. Счастливъ, кто можетъ всегда облекать мысли и чувства свои въ слова, а еще счастливѣе тотъ, кто можетъ слова свои превращать въ дѣло. Вадимъ.

«P. S. Я передѣлалъ извѣстную пѣсню «Тройку» и прилагаю ее. Тамъ путникъ видитъ во снѣ родину и пробуждается на чужбинѣ; у меня наоборотъ.

«Когда увидите Михаила Николаевича Загоскина, покажите ему мою «Тройку», не назначитъ-ли онъ ее пѣть вмѣсто прежней».

Тройка.

Луна привѣтно такъ сіяла,
И вѣтеръ листьями игралъ,
Мечта мнѣ что-то навѣвала,
И сонъ меня очаровалъ.

Вотъ вижу я—страна чужая,
Вдали отъ родины святой,
Дорога также столбовая,
Но мой ямщикъ ужъ не лихой.

Меня не мчитъ онъ, припѣвая
Про очи дѣвицы души,
И не летитъ, бичомъ махая,
Въ часы полуночной тиши.

Простите вы, мѣста родныя,
Я здѣсь одинъ съ моей тоской;
Какъ сладко вспомнить дни былые,
Какъ жить мнѣ грустно сиротой.

Библиотека "Руниверс"

Мнѣ чуждо все: чужія лица,
Чужой народъ, и всѣмъ чуждъ я—
Какъ далеко краса-дѣвица,
И далеко мои друзья.

Ахъ, сердцу грустно, сердцу больно
Въ краю далекомъ жить безъ васъ!
Вотъ грудь стѣснилася невольно,
И слезы канули изъ глазъ.

Но слышу голосъ, мнѣ знакомый,
И сердцу сладкія слова:
«Проснися, баринъ, мы ужъ дома,
«Вотъ наша матушка Москва».

Москва! такъ это сонъ, лелѣя,
Тоску на душу мнѣ навелъ,
Лети-жъ, ямщикъ, лети скорѣе,
Несись живѣй, пошелъ, пошелъ...

Вотъ, вотъ она, Москва родная,
Вотъ онъ, души отрадный край,
Здѣсь вы, друзья, здѣсь дѣва рая,
И весь онъ, весь мой свѣтлый рай.

• Вадимъ.

«Тройку» Вадима я передала Михаилу Николаевичу Загоскину, онъ ее распространилъ и ее пѣли во многихъ домахъ.

По обыкновенію, я проводила каждое воскресенье у княгини. Наташѣ было уже пятнадцать лѣтъ, она больше понимала меня и больше сближалась со мною. Княгиня старилась, слабѣла, выѣзжала только въ церковь, гдѣ всю обѣдню сидѣла, а потомъ цѣлый день отдыхала. Отъ времени до времени она прокатывалась въ каретѣ, для воздуха, иногда заѣзжала къ братьямъ, большею частію, не выходя изъ кареты, посылала человѣка узнать о здоровьѣ того и другаго братца. Когда подъѣзжала къ дому сенатора и человѣкъ бѣжалъ спросить о его здоровьѣ, то почти всегда приносилъ отвѣтъ: «братецъ-де не изволятъ быть дома, выѣхали; славу Богу, въ добромъ здоровьѣ». Когда же карета останавливалась у дома Ивана Алексѣевича, то отвѣтъ былъ: «братецъ изволятъ благодарить, а они-де все по прежнему изволятъ кашлять и чувствовать разные недуги». Дверцы кареты захлопывались, два высокіе лакея, равнаго роста, въ ливреѣ съ галунами и трехъугольныхъ шляпахъ, становились на запятки, и экипажъ, запряженный четверней, съ форрейтеромъ-малюткой,

Библиотека "Руниверс"

трогался и чинно ѣхалъ далѣе. Посѣщать многочисленныхъ знакомыхъ княгиня была уже не въ силахъ. Она отправляла вмѣсто себя Наташу съ Марьей Степановной. Жизнь Наташи въ домѣ княгини и туалетъ ея значительно улучшились. Княгиня къ ней видимо была привязана и положеніе Наташи все больше и больше становилось положеніемъ дочери, а не воспитанницы.

Каждое послѣ обѣда княгиня часа два отдыхала; Наташа въ это время садилась у окна, въ диванной, съ книгой или работой. Когда я бывала у нихъ, то мы у окна вмѣстѣ читали или я давала Наташѣ изъ чего-нибудь урокъ. Съ нѣкотораго времени порядокъ этотъ былъ прерванъ посѣщеніями одного молодаго человѣка, моего родственника по отцѣ, Рагозина. Онъ сталъ бывать у княгини каждое воскресенье въ то время, какъ она отдыхала, и иногда уѣзжалъ, не дождавшись ея, поговоривши со мной около часа въ гостиной. Мы знали другъ друга съ моего дѣтства, но видались рѣдко. Онъ кончилъ курсъ въ университетѣ и занималъ порядочное мѣсто.

Въ одно воскресенье разговоръ у насъ томился, какъ ни старалась я оживлять его. Рагозинъ отвѣчалъ разсѣянно, былъ смущенъ и вдругъ спросилъ меня, согласна-ли я выдти за него замужъ. Неготовая къ этому, я была поражена и нѣсколько минутъ молчала. Рагозинъ повторилъ вопросъ.

— Можно-ли рѣшить такъ скоро,— отвѣчала я взволнованнымъ голосомъ,— я не ожидала...

— «Можетъ, вамъ нравится другой?»

— Почему вы сдѣлали мнѣ этотъ вопросъ?

— «Ваша нерѣшительность.... вы такъ встревожены».

— Вы знаете.... я почти нигдѣ не бываю.... кого же я могла видать.

— «А домъ Мертваго? Пассеки.... Вадимъ?...»

— Что за идея! — прервала я его съ неудовольствіемъ.

— «Успокойтесь, пожалуйста,— остановилъ онъ меня, дружески взявши за руки,— не давайте сейчасъ отвѣта; подумайте, я готовъ ждать сколько хотите. Повѣрьте, жизнь моя будетъ посвящена вашему счастію».

Его вниманье, его кротость трогали и стѣсняли меня.

— Насъ не будутъ вѣнчать,— сказала я, чтобы сказать что-нибудь,— мы въ слишкомъ близкомъ родствѣ.

Библиотека "Руниверс"

— «Обвѣнчаютъ. Я справлялся у архіерея. Скажите мнѣ искренно: вы никого не любите, никому не давали слова?»

— Никому не давала.

— «Такъ что же? я ждать буду, если вы этого хотите; но неужели намъ надобно еще узнавать другъ друга?»

Поговоривши и помолчавши около часа, мы дружески простились, ничего не рѣшивши.

Рагозинъ отъ княгини поѣхалъ къ Яковлевымъ.

Я вошла въ диванную разстроенная.

Наташа все слышала и была страшно взволнована. Щеки ея горѣли.

— «Что же вы, душенька,— спросила она меня неровнымъ голосомъ,— пойдете за него?»

— Ничего не знаю... не понимаю...— отвѣчала я, и залилась слезами.

Глядя на меня, расплакалась и Наташа.

Княгиня, узнавши о сдѣланномъ мнѣ предложеніи, совѣтовала принять его, также и у Яковлевыхъ; говорили съ большой похвалой о Рагозинѣ, представляли мнѣ мое затруднительное положеніе вслѣдствіе разъединенія моего отца съ его женою и совѣтовали не поступать очертя голову, а серьезно обдумать.

Наконецъ и Саша спросилъ меня, отъ чего я не рѣшаюсь и такъ грустна.

— Надобно время, обдумать, сообразить,— отвѣчала я.— Я понимаю справедливость всего, что мнѣ говорятъ, но не могу рѣшиться, не могу дать себѣ отчета въ самой себѣ; только чувствую, что надобно любить иначе, нежели я люблю Рагозина, для того, чтобы выйдти замужъ.

— «Это все романы. Ты Рагозина знаешь съ дѣтства, дружески расположена къ нему, человѣкъ отличный, красавецъ—чего же еще?»

— Любви.

— «Какой любви?.. или ты любишь кого-нибудь другаго?»

— Не знаю. Быть можетъ.

— «Кого же? Вадима,— недовольнымъ тономъ замѣтилъ Саша,— изъ этого не можетъ выдти ничего. Вадиму жениться нельзя и не должно. Кромѣ того, что онъ еще слишкомъ молодъ. онъ не имѣетъ ни состоянія, ни общественнаго положенія. Семейная

Библиотека "Руниверс"

жизнь запутаетъ его въ заботахъ, мелочахъ и отвлечетъ отъ предназначенія. Ты знаешь, что ему нравишься, но этого недостаточно, чтобы жениться. Сверхъ того, нравиться еще не значитъ любить».

— Это правда, Саша,— отвѣчала я печально.

— «Подумай осебѣ, Таня, съ Рагозинымъ ты будешь счастливѣе, чѣмъ съ Вадимомъ, это человѣкъ, рожденный для семейной жизни; Вадимъ не то: ему предстоитъ дорога шире, семейная жизнь не удовлетворитъ его, а только собьетъ съ пути. Навѣрно онъ и самъ это чувствуетъ».

Дни проходили за днями; Рагозинъ разатрибылъ у насъ, писалъ мнѣ. Я совсѣмъ растерялась, была точно въ туманѣ, мучилась. Чтобы окончить такое тяжелое положеніе, Саша вздумалъ призвать на помощь Катерину Ивановну, зная мое высокое понятіе о ней, и отправился къ Пассекамъ, у которыхъ мы не были уже нѣсколько дней.

Увидавши матушку, Саша сказалъ:

— «Катерина Ивановна, къ Танѣ сватается прекрасный женихъ. Если вы любите ее и желаете ей добра, уговорите ее идти за него: она не рѣшается. Виной — романы. Я проклинаю Жанлисъ, Котень и всю ихъ компанію».

— «Можно-ли вмѣшиваться въ такого рода дѣла,— отвѣчала матушка съ неудовольствіемъ. — Если она не рѣшается, стало быть не любитъ».

Александръ удивился тону, которымъ это было сказано, и робко произнесъ:

— «А я было надѣялся, Катерина Ивановна, что вы ее образумите».

— «Напрасно, я и своихъ дѣтей въ такомъ дѣлѣ уговаривать не стану; какъ знаютъ сами, пусть такъ и дѣлаютъ».

Сказавши это, матушка вышла изъ комнаты.

Саша, недовольный неудачами, какъ только пришелъ домой, то и отдалъ мнѣ мой альбомъ. Оставшись одна, я тотчасъ раскрыла его, прочитала написанное Вадимомъ. Судьба моя была рѣшена. Будь что Богу угодно,— сказала я сама себѣ,— онъ любитъ меня— этого довольно. Въ душѣ моей распространилось спокойствіе и возникла какая-то новая сила.

Когда мы увидались съ Пассеками, матушка тревожно спросила меня:

Библиотека "Руниверс"

— «Поздравить васъ?»

— Съ чѣмъ, Катерина Ивановна?

— «Невѣстой».

— Я не выхожу замужъ,— отвѣчала я.

Спустя нѣсколько дней, Александръ получилъ отъ Вадима письмо, слѣдующаго содержанія:

Харьковъ, 1832 года іюня...

«Другъ Александръ! Рагозинъ человѣкъ съ умомъ, красивъ собой, занимаетъ хорошее мѣсто—много достоинствъ для жениха, но стоитъ-ли онъ твоей сестры? на этотъ вопросъ отвѣчать не мнѣ. Должна-ли она ввѣрить ему свою судьбу? это можетъ рѣшить только она. Велико желаніе дѣлать людей счастливыми насильно; но правильно-ли оно? къ чему принуждаютъ, того не хочетъ принуждаемый; чего онъ не хочетъ, а ему даютъ, на то онъ будетъ смотрѣть безъ наслажденія, еще болѣе—какъ на притѣсненіе. Все это я говорю на счетъ брака твоей сестры. Я ее люблю,—и вотъ мое право на подобный разговоръ съ тобою. Я пишу ей, и дѣлаю такое же предложеніе. Предоставь выборъ на ея волю, а самъ прочти письмо, которое я приготовилъ тебѣ уже больше недѣли тому назадъ, но еще не рѣшался его къ тебѣ отправить».

Въ приложенномъ, прежде писанномъ, письмѣ Вадимъ говорилъ Сашѣ, что любитъ меня и хочетъ на мнѣ жениться; но не увѣренъ въ моихъ чувствахъ къ нему, а если я и отвѣчаю ему, то рѣшусь ли выдти за человѣка, лишеннаго правъ дворянства, состоянія, безъ опредѣленнаго положенія, и что семейство ихъ, хотя и будетъ теперь обезпечено, но его собственность состоитъ только въ книгахъ и планахъ души. Далѣе онъ дѣлаетъ очеркъ своего характера, плановъ жизни, дѣятельности и проситъ Александра быть не посредникомъ, а только передать мнѣ все, все это, и спросить меня.

«Вотъ что я писалъ тебѣ, Александръ (продолжалъ Вадимъ), вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Харьковъ; теперь же пишу прямо къ ней. Твои поступки мнѣ странны, Александръ, ты съ первыхъ дней моего знакомства съ твоей сестрой говорилъ со мной о ней и не могъ не замѣтить моего къ ней расположенія. Ты читалъ мои стихи, которые я написалъ въ ея альбомѣ, и ты ни слова не написалъ мнѣ о послѣднихъ обстоятельствахъ. На это могли быть двѣ причины: или ты не хотѣлъ этого видѣть, или не отсталъ въ этомъ случаѣ отъ обыкновенныхъ формъ до того, что не могъ говорить даже со мною о твоей сестрѣ, о моей любви къ ней. Вадимъ».

Одновременно съ письмомъ Вадима къ Сашѣ получила письмо и матушка, въ которое вложено было письмо и ко мнѣ. Вадимъ просилъ мать свою передать его мнѣ и дать ему свое благословеніе.

Библиотека "Руниверс"

Я находилась въ это время у Пассековъ.

— «Теперь ты наша, Таня,— сказала матушка растроганнымъ голосомъ, со слезами на глазахъ, отдавая мнѣ письмо Вадима. Помолимся вмѣстѣ Богу, чтобы онъ благословилъ васъ».

Матушка не спрашивала меня, согласна-ли я, она знала мой отвѣтъ.

Тоненькій листочекъ голубой почтовой бумаги трепеталъ въ рукѣ моей; слова мелькали, путались, горѣли. Я все поняла, залилась безотчетными слезами, обняла матушку и прижалась къ ея груди. Сердце мое уже давно назвало ее матерью.

Въ той же комнатѣ, въ которой я стала невѣстой Вадима, мы передъ образомъ помолились Богу; матушка призывала Его благословеніе на судьбу нашу и, вѣроятно, молитва ея была услышана—десять лѣтъ безграничнаго счастія были удѣломъ нашимъ.

Какъ хорошъ, какъ тихъ былъ наступавшій вечеръ этого дня; сколько счастія, сколько любви было въ небольшомъ домикѣ, по низенькому крыльцу котораго я вошла первый разъ на Святой недѣлѣ.

Солнце закатывалось ясно, лучи его какъ-то празднично освѣщали всѣ предметы,—или это было отраженіемъ состоянія души моей.

Все и всѣ казались мнѣ прекрасными, счастливыми.

— «Пиши скорѣе отвѣтъ Вадиму, моя Таня,—говорила матушка;—я знаю, онъ теперь мучится неизвѣстностію».

На другой день, утромъ, коротенькій отвѣтъ полетѣлъ въ село Спасское.

Библиотека "Руниверс"

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СѢРОВЪ.

Матеріалы для его біографіи.

1842[1]).

Письма А. Н. Сѣрова къ В. В. Стасову.

11-го апрѣля 1842 г.

Нѣчто объ исполненіи музыки вообще и драматической въ особенности.

Музыка раздѣляетъ съ поэзіей (proprement dite)[2]) удѣлъ ограниченности во времени, хотя эта ограниченность нисколько не отнимаетъ отъ нихъ прелести. Поэзія стихотворная, произнесенная „какъ слѣдуетъ", живымъ голосомъ, т. е. исполненная со всѣми требованіями искусства, несравненно сильнѣе дѣйствуетъ, нежели когда она говоритъ однимъ глазамъ нашимъ, посредствомъ мертвыхъ буквъ (отъ этого Гёте совѣтуетъ изучать Шекспира, лучше всего, слушая хорошее чтеніе его пьесъ à vive voix, etc.). Впрочемъ, поэзія, какъ языкъ мыслей, не теряетъ своего значенія и при одномъ наглядномъ чтеніи. Музыка же, какъ языкъ чувствъ, аффектовъ души, исключительно, какъ языкъ, въ которомъ идеи могутъ быть выражены только тѣ, которыя доступны воспріемлемости чувства созерцающаго, и только тогда, когда онѣ дѣйствительно воспринимаются этимъ общимъ чувствомъ (мышленія это искусство не допускаетъ), не можетъ дѣйствовать иначе, какъ настоящимъ проявленіемъ своимъ звуками, и, слѣдовательно, непремѣнно должна быть исполняема. Значитъ, то, что

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 129—143; 348—363; 853—870.

[2]) Въ собственномъ смыслѣ.

Библиотека "Руниверс"

для поэзіи стихотворной есть только украшеніе или дополнительная красота, для музыки становится необходимостью, безъ которой она существовать не можетъ. Теперь возьмемъ, какъ все бываетъ на самомъ дѣлѣ; поэзію стихотворную исполняютъ живымъ голосомъ не слишкомъ часто; ею обыкновеннѣе наслаждаются при чтеніи про себя. И отъ этого самаго хорошее изустное исполненіе стиховъ до крайности рѣдко: за то уже тогда почти всѣ слушатели въ состояніи уловить малѣйшіе оттѣнки и отдать должную справедливость таланту читающаго или актера, всякій тогда восклицаетъ: „вотъ что значитъ хорошо читать, самая извѣстная вещь получаетъ новое значеніе, самое обыкновенное слово выражаетъ глубокій смыслъ!“ Музыку исполняютъ всегда и вездѣ, умѣющіе и не умѣющіе, артисты и любители, взрослые и ребята, люди съ талантомъ и деревянныя куклы, оркестры и шарманки; одни исполняютъ для того, чтобъ наслаждаться искусствомъ, другіе для того, чтобъ собрать сколько-нибудь денегъ (отъ гроша до нѣсколькихъ тысячъ), одни для того, чтобъ на крыльяхъ своего восторга унести полъ рода человѣческаго, другіе, чтобъ занять гостей,— одни по непреодолимому влеченію, другіе потому что „папенька приказалъ“, и т. д. [1]). Естественно, что при такой безднѣ различныхъ исполненій, истинное значеніе звуковъ затемнилось и люди стали требовать отъ божественнаго искусства каждый чего-то другаго, по своей прихоти, между тѣмъ, какъ настоящій смыслъ каждой музыки долженъ быть простъ и ощутителенъ для всѣхъ. Отъ затемнѣнія чистыхъ и ясныхъ понятій родились чудовищныя слова и фразы (разумѣется, ужъ не идеи): „чувство“, „экспрессія“, „хорошо играть, но безъ чувства“, и т. п. Согласно съ этими нелѣпостями, стали и музыкальныя сочиненія нелѣпы; одинъ пишетъ для своей скрипки, на которой старается побольше обморочить почтенную публику „разными штучками“, другой—для того, чтобъ показать свои глубокія свѣдѣнія въ недоступныхъ для профановъ мудростяхъ двойнаго контрапункта, третій— для того, что какъ же нынче быть или слыть музыкантомъ и не писать..... и т. д. За то таковы и сочиненія—поношеніе рода человѣческаго! Что̀ еще самыя плохія произведенія самой плохой литературы передъ этими нелѣпыми созданіями! Да и натурально: написать словами нельзя такихъ нелѣпостей; слова понятны каждому, сами по себѣ, а музыку должно исполнять, и сквозь исполнителя часто трудно

[1]) «Папенька» очень часто приказывалъ А. Н. Сѣрову играть при гостяхъ, для собственнаго хвастовства даровитымъ сыномъ, даже и тогда, когда этому послѣднему вовсе не было охоты, особенно во время игры «папеньки» съ гостями въ карты. Сѣровъ напоминаетъ мнѣ здѣсь въ письмѣ то, чему я нерѣдко бывалъ свидѣтелемъ. В. С.

Библиотека "Руниверс"

добраться до исполняемаго. Однимъ словомъ, столпотвореніе Вавилонское—всѣ говорятъ и ни одинъ другаго не понимаетъ! Всѣ кричатъ и никто не слушаетъ! Еще одно только изъ самыхъ величественныхъ проявленій музыки осталось неприкосновеннымъ—въ органной музыкѣ католическаго и лютеранскаго богослуженія; другое могучее употребленіе музыки—музыка театральная, опера, отъ всеобщаго затемнѣнія утратила также много своихъ красотъ. И „amen dico tibi“ [1]), мы бы болѣе и болѣе погрязали въ своихъ невольныхъ заблужденіяхъ (т. е. я говорю не о насъ собственно, а о массѣ), если бы въ наше время не просіяло величественное свѣтило, дѣйствователь всемощный, которому суждено указать намъ истинное значеніе музыки въ ея исполненіи, сбросить кору съ умственныхъ очей нашихъ и заставить насъ предаться божественному искусству со всею теплотою возобновленной, воскресшей для изящнаго души!

Это свѣтило, этотъ геній, покровитель искусства, разумѣется. Листъ, великій наставникъ всѣхъ насъ, отъ скрипачей до пѣвцовъ, отъ музыкантовъ до немузыкантовъ, которыхъ онъ научитъ, „чего требовать“ отъ наслажденія музыкою.

Эпизодъ. Сцена изъ общественной жизни (съ натуры отъ слова до слова). Обѣдъ въ Дворянскомъ собраніи; время между супомъ и 2-мъ блюдомъ.

X. (Путейскій маіоръ). Скажите, NN, вы слышали Листа?—*NN.* Да, слышалъ въ среду.—*X.* Скажите же, на чемъ онъ играетъ, на фортепьяно?—*NN.* Да, на фортепьяно.—*X.* И хорошо?—*NN.* О, превосходно!—*X.* Т. е. ужъ всѣ трудности ему ни почемъ?—*NN.* Рѣшительно; онъ изъ фортепьяно дѣлаетъ все, что хочетъ.—*X.* Но, вѣдь, признаться, я вовсе не люблю фортепьяно; что это за инструментъ, какая-то бренчалка, гусли!...—*NN.* Я почти вашего мнѣнія, и всегда предпочту пѣвучій инструментъ, какъ скрипка, віолончель.—*X.* И Листъ игралъ одинъ, безъ музыки?—*NN.* Да, совершенно одинъ, безъ всякаго оркестра.—*X.* Ну, вотъ, это ужъ напрасно; вѣдь музыка въ оркестрѣ очень много придаетъ!—*NN.* Конечно, но онъ играетъ такъ, что ему почти не нуженъ никакой оркестръ.—*X.* Однако, платить по 15 р., чтобъ слышать одни фортепьяны! А все журналы проклятые; ужъ такъ умѣютъ расписать, что Боже упаси, такъ въ огонь и полѣзешь, а выйдетъ какой-нибудь шарлатанишка!—*NN.* Нѣтъ, Листъ не шарлатанъ, но, кажется, большой деньголюбъ.—*X.* А что, много въ концертѣ собралъ?—*NN.* Тысячъ до 50, да притомъ, не забудьте, давалъ концертъ днемъ, чтобъ не платить за освѣщеніе, и залу ему Дворянское

[1]) Аминь, говорю тебѣ.

Библиотека "Руниверс"

Собраніе подарило.—*X*. Ну, это напрасно; стянуть бы съ него нѣсколько тысячъ, хотя бы на новую мебель въ нашихъ залахъ.—*NN*. И мнѣ кажется, что онъ могъ бы заплатить за залу, на пользу бѣдныхъ дворянъ. Но объ этомъ теперь и не поминайте! Публика наша до крайности глупа; гдѣ мода, тамъ уже никакія убѣжденія не дѣйствуютъ. При томъ теперь такъ много развелось сумасбродныхъ головъ, которыя живутъ въ вѣчномъ чаду поэтическихъ восторговъ и сквозь чадъ не видятъ, или не хотятъ видѣть, реальности. Повѣрите-ли, что я самъ отъ многихъ слышалъ похвалы даже наружности Листа, тогда какъ онъ какое-то кунсткамерное пугало, съ длинными спичками вмѣсто ногъ, съ растрепанной гривой — вмѣсто волосъ, съ муміеобразною личиною—вмѣсто физіономіи человѣческой!—*X*. Долженъ быть хорошъ.— *NN*. Очень милъ, да и манеры какія каррикатурныя; при томъ иногда онъ и приличія забываетъ. Вообразите, напримѣръ, онъ не принялъ на себя труда до концерта осмотрѣть залу и возвышеніе, на которомъ ему надо играть. Къ этому возвышенію съ одной стороны, противоположной царской ложѣ, приставлены были ступеньки, по которымъ ему слѣдовало войти на эстраду, все лицомъ къ царской фамиліи; ничуть не бывало, когда ударило два часа, онъ локтями растолкалъ толпу, пробрался до площадки, низко поклонился, потомъ взглянулъ на эстраду, встряхнулъ своей гривой и, какъ бы вы думали, благодаря своимъ длиннымъ ногамъ, разомъ вскочилъ на помостъ, вышиною въ два аршина.—*X*. Ха, ха, ха!... Вотъ мило, очень учтиво! Да какъ у него штаны не лопнули? *Z*. *(Гвардейскій поручикъ)*. Да, всѣ говорятъ, что у него манеры смѣшны; онъ даже похожъ на какого-то дикаря, впрочемъ, все это извиняется его игрой. Вотъ ужъ играетъ — чудо! *NN*.— Никто противъ этого и не говоритъ. Онъ удивительный искусникъ.—*Z*. Но знаете что, при всемъ томъ, что я рѣшительно восхищенъ его искусствомъ, надо признаться, что онъ очень мало дѣйствуетъ на душу; онъ какъ-то холоденъ, не довольно съ чувствомъ играетъ.—*NN*. Чего-жъ вы захотѣли отъ фортепьянъ?—*Z*. Да, конечно, но все-таки кажется, что въ немъ больше механическаго искусства, чѣмъ музыкальной души! и т. д.

Вотъ тебѣ образчикъ вседневныхъ разговоровъ между грубымъ невѣжествомъ, холоднымъ разсудкомъ и тѣми ничтожными созданіями, которыя говорятъ потому, что считаютъ за нужное сказать что-нибудь, хотя не имѣютъ ни взгляда, ни мыслей, ни души человѣческой. Несмотря на все это, вліяніе Листа и на массу сильно и очевидно. Совершенства его такъ поразительны, такъ новы для всѣхъ, что я даже думаю, что послѣ него всѣ пьянисты ex professo будутъ безъ

Библиотека "Руниверс"

хлѣба насущнаго, а любители перемрутъ съ отчаянія. И въ самомъ дѣлѣ, кто осмѣлится подчивать насъ своей лжей послѣ этихъ сверхъестественныхъ звуковъ, у кого будетъ эта львиная сила, эта быстрота молніи, эта женская нѣжность! У кого и тотъ ужасающій драматизмъ, эта всеобъемлющая вѣрность природѣ, это ангельское, святое спокойствіе и неистовый дьявольскій пламень? Ни у кого, потому что такого чуднаго явленія свѣтъ донынѣ еще не видалъ и, вѣроятно, опять много пройдетъ вѣковъ, пока явится что-нибудь подобное (не говорю точно такое, потому что Листъ слишкомъ исключителенъ).

12-го апрѣля 1842 г.

Вотъ уже третій разъ пишу я тебѣ о Листѣ и все не могу еще собраться съ силами, чтобы поговорить отчетливо о его первомъ концертѣ. Такъ много новыхъ взглядовъ, небывалыхъ доселѣ понятій о музыкальномъ исполненіи вообще, что мысли мои не могутъ остепениться и принять обычный ходъ! Подумаешь опять и скажешь только: „Счастливы, истинно счастливы мы, что живемъ въ 1842 г.!“ Много было истинныхъ фортепьянистовъ и до насъ, и въ наше время живетъ ихъ болѣе, нежели когда-нибудь, но Листъ одинъ. И мнѣ часто приходитъ въ голову: отчего не угодно было Провидѣнію, чтобы, напримѣръ, Моцартъ былъ нашимъ современникомъ! (Я даже и въ фантазіи не хочу reculer l'existence de notre Liszt, parceque c'est purement impossible [1]) по слишкомъ извѣстной причинѣ). Добрый Моцартъ растаялъ бы отъ восторга, еслибъ при немъ Листъ съигралъ „Донъ-Жуана“. Моцартъ, безъ всякаго сомнѣнія, не могъ вообразить себѣ такого исполненія даже голосами человѣческими, а не только какимъ-нибудь инструментомъ. А Бетховенъ, пѣлъ-ли при немъ кто-нибудь „Аделаиду“ такъ? Между тѣмъ, какъ Листово исполненіе, само по себѣ, въ высшей степени просто, т. е. ни больше, ни меньше, какъ сама натура. Въ немъ все, и онъ во всемъ! Листъ такъ великъ, что отъ одного имени его вѣяло какою-то торжественностью прежде нежели онъ появился у насъ въ Петербургѣ. И замѣть, не тою торжественностію, которая сопутствуетъ или предупреждаетъ всѣ знаменитости въ искусствахъ, нѣтъ, торжественностію тихою, но міровою, т. е. такъ, что мнѣ никогда даже въ мысль не приходило, что онъ фортепьянистъ, и что я жажду слышать фортепьяно. Нѣтъ, я ждалъ его, какъ какого-то великаго дѣятеля, которому суждено произвести въ нашу эпоху переворотъ въ исполненіи

[1]) Отодвигать существованіе нашего Листа, потому что это чисто невозможно.

Библиотека "Руниверс"

музыки, и съ такимъ же чувствомъ побѣжалъ въ его концертъ. Оттого, когда я съ тобой, до начатія концерта, встрѣтился, идея о причащеніи великихъ таинствъ музыки ни на минуту не оставляла меня и я ее, вѣроятно, нѣсколько разъ тебѣ высказывалъ. Однако, не говоря уже о безсмысленной толпѣ, были непремѣнно люди и между артистами, и между любителями музыки, которые собрались въ тотъ концертъ, чтобы послушать лучшаго, въ наше время, фортепьяниста, и сравнить его съ Тальбергомъ, пожалуй, съ Гензельтомъ, а старики — съ Фильдомъ, съ Гуммелемъ. Жалкіе! И вотъ эти-то люди послѣ говорили, что Листъ отлично хорошъ, но все-таки не стоитъ такихъ огромныхъ тріумфовъ, что въ классической игрѣ онъ гораздо ниже Гензельта, а въ нѣжности весьма далекъ отъ Фильда, и пр. и пр. Такъ и должно было быть, Листъ говоритъ на языкѣ, недоступномъ для этихъ несчастныхъ цѣнителей. И знаешь-ли, Карелли въ моемъ понятіи сталъ самъ теперь гораздо выше, нежели прежде, оттого именно, что на другой день послѣ того, какъ Листъ игралъ у принца, онъ мнѣ просто и ясно сказалъ, что ставитъ Листа über alle Clavierspieler[1]). И этого чрезвычайно много для старика, который слушалъ Фильда, и выросъ въ плѣсени ложнаго классицизма! Но къ дѣлу! Говоря о концертахъ Листа, я буду тебѣ въ возможной подробности отдавать отчетъ собственныхъ моихъ впечатлѣній, только безъ внѣшней оцѣнки исполненія. Прочее все считай эпизодомъ. Такой отчетъ, вѣроятно, не покажется тебѣ скучнымъ, между тѣмъ, какъ всякій другой разборъ былъ бы приторенъ и до крайности надоѣлъ бы тебѣ. Пожалуйста только, принимай всякое мое слово за сколько возможно близкое выраженіе моихъ чувствъ, а не за фразы.

Вотъ онъ раздвинулъ толпу, вотъ взлетѣлъ на эстраду, поклонился, сѣлъ, дотронулся до клавишей и священный трепетъ пробѣжалъ по всему моему существу. Завѣса упала, я увидѣлъ природу лицомъ къ лицу. Чувство страшное, но восхитительное: зная увертюру „Вильгельма Телля", какъ пять пальцевъ, я слѣдилъ за каждой нотой и терялся въ совершенно новыхъ впечатлѣніяхъ. Я такихъ звуковъ еще никогда въ жизни не слышалъ, такой свободы и не подозрѣвалъ. Только изъ этой мистической средины можно такъ деспотически властвовать надъ природою въ ея художественномъ проявленіи. Увертюра „Вильгельма Телля" не музыка, а живопись великаго ландшафтиста. И какъ этотъ ландшафтъ былъ выполненъ! Какой оркестръ въ мірѣ можетъ произвести такое единое и полное впечатлѣ-

[1]) Выше всѣхъ фортепьянистовъ.

Библиотека "Руниверс"

ніе. Если бы даже устранить всѣ несовершенства оркестровъ, то для такого исполненія надобно, чтобъ капельмейстеромъ былъ Листъ, и только онъ одинъ! Говоря о Листѣ, невольно надобно безпрестанно повторять одно и тоже, потому что, когда я его слушалъ, у меня была одна идея, полная до такой степени, что она поглотила самосознаніе. Эта идея была—натура. Но вотъ онъ кончилъ, зала огласилась громомъ рукоплесканій, я хлопалъ также машинально отъ всеобщаго увлеченія, но самъ я не былъ тутъ и думалъ только, чтобы блаженство мое какъ можно дольше продлилось! Потомъ, черезъ нѣсколько минутъ, когда Листъ подошелъ къ другому роялю, чтобы играть Andante изъ „Лучіи", я вспомнилъ, что еще не все слышалъ, что Листъ показалъ мнѣ только природу внѣшнюю,—человѣка я почти не видалъ; онъ слишкомъ незамѣтенъ при такихъ широкихъ ландшафтахъ. Листъ началъ и на меня повѣяло величественною граціозностью итальянскою. Я не зналъ этой фантазіи и потому во мнѣ осталось именно только это одно впечатлѣніе: торжественно-нѣжная грусть. Вотъ еще новая сторона всеобъемлющаго исполненія и сторона прелестная, какъ ваяніе древнихъ грековъ, какъ воздухъ Италіи. Теперь настало время великое; признаюсь, я съ бо̀льшимъ противъ всего прочаго нетерпѣніемъ ждалъ „Донъ-Жуана", почему—ты знаешь. Кромѣ общаго интереса, я жаждалъ узнать, какъ именно въ головѣ Листа живетъ Моцартовъ Донъ-Жуанъ, т. е. какія будутъ эти „Reminiscences?" Онъ опять началъ и я (буквально) чуть съ ума не сошелъ отъ самыхъ первыхъ звуковъ. Я никогда не воображалъ, чтобы магія звуковъ была до такой степени всесильна. Здѣсь, въ нѣсколько мгновеній, я пережилъ цѣлые годы какою-то квинтъ-эссенціею бытія, въ которомъ мнѣ человѣчество стало ясно и понятенъ Шекспиръ. Тутъ я узналъ, что̀ такое драма музыкальная и что̀ она въ состояніи произвести въ слушателяхъ. Тутъ я преклонилъ колѣна предъ Моцартомъ въ лицѣ вдохновеннаго его исполнителя!

(Ты не повѣришь, carissime, можетъ быть, какихъ усилій мнѣ стоитъ давать тебѣ такой отчетъ въ моихъ впечатлѣніяхъ, которыя всѣ живутъ въ головѣ моей вмѣстѣ, и часто на всѣ мои старанія я не могу ореализировать словами неуловимыхъ идей, я просто какъ-то поглупѣлъ, но ты меня поймешь!...)

Разгулъ, прелестныя женщины и страшный голосъ совѣсти—вотъ темы! Въ нихъ весь „Донъ-Жуанъ".

Листъ началъ съ ужасающаго голоса совѣсти въ безсмертныхъ аккордахъ, простыхъ и сильныхъ до невѣроятія! Наконецъ, эти страшныя завыванія умолкаютъ, замолкли. Донъ-Жуанъ поетъ: „La ci darem la mano" и всѣ вздохнули свободно, всѣхъ грудь была стѣснена

Библиотека "Руниверс"

тѣми роковыми звуками, а теперь, что за нѣжность, что за сладость, что за нѣга! Церлина отвѣчаетъ, и тѣже звуки говорятъ другимъ голосомъ, другою душою. Вотъ начинается что-то похожее на варіацію, которую, однако, никто не осмѣлится такъ назвать, потому что драматизмъ и въ ней заставляетъ забывать исполненіе, и она также необходима, какъ и Моцартова тема. Опять голосъ командора—опять грозная труба гнѣва небеснаго.... Донъ-Жуанъ старается заглушить этотъ невыносимый зовъ разгульною вакхическою пѣсней.... Это не концертъ, вовсе не концертъ, это опера, и еще какая!

18-го апрѣля 1842 г.

Ты находишь выраженіе мое: „что главные элементы народной поэзіи, вообще,—грусть и удальство" не совсѣмъ точнымъ, на томъ основаніи, что такіе два элемента не исчерпываютъ цѣлой жизни всѣхъ народовъ, но соглашаешься на счетъ преобладанія этихъ двухъ элементовъ въ жизни русскаго народа. Въ подкрѣпленіе моей мысли, я бы могъ короче всего собрать тебѣ нѣсколько фактовъ, какъ доказательствъ a posteriori; но мнѣ хочется, чтобъ „a priori" ты не считалъ моихъ теорій за парадоксы. Ты говоришь, что жизнь каждаго народа находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ тѣхъ различныхъ привтеченій, которыя „s'incorporent" [1]), впослѣдствіи, съ самыми существенными характеристическими элементами народа, и дѣлаются съ нимъ неразлучны такъ, что нельзя уже сказать, что̀ первообразное и что̀ прививное. Это такъ, „привтеченія эти различны, ergo: и жизнь одного народа не можетъ быть похожа на жизнь другаго". И это такъ, но все это нейдетъ къ нашему дѣлу, а почему—ты сейчасъ увидишь.

Не забывай, что все, что я говорилъ о поэзіи народной, должно относиться къ проявленію ея въ народной музыкѣ, и, слѣдовательно, только съ самой общей стороны поэзія подвергалась моему разсмотрѣнію, ибо музыка общѣе поэзіи. Ты и самъ нашелъ, что въ самомъ общемъ смыслѣ должны же быть элементы общіе всѣмъ народамъ и эти элементы, по твоему, радость и печаль. Я обозначилъ двѣ стороны этого естественнаго дуализма нѣсколько частнѣе, словами: „удальство и грусть" потому, что къ идеѣ „радости и печали", по естественнымъ же законамъ, должны присоединиться стороны другаго дуализма: „Männlichkeit и Weiblichkeit" [2]), а какъ только присоединятся, то слова „удальство и грусть" ближе къ дѣлу. Замѣть, впрочемъ, что я никогда не хотѣлъ этими двумя словами исчерпать всѣхъ элемен-

[1]) Образуютъ одно тѣло.

[2]) Мужественность и женственность.

Библиотека "Руниверс"

товъ поэзіи народной, а говорилъ только о главномъ двойственномъ характерѣ, который натурально безчисленно измѣняется подъ вліяніемъ безчисленныхъ привтеченій. Но такъ какъ музыка общѣе поэзіи, т. е., какъ прямой языкъ души, независимѣе, безусловнѣе, то и привтеченія эти со своими вліяніями менѣе чувствительны въ музыкѣ, нежели въ поэзіи „proprement dite", и я опять прихожу къ прежнему результату: въ народной музыкѣ разныхъ націй несравненно болѣе общихъ чертъ, нежели въ поэзіи тѣхъ же націй, хотя и тамъ много общаго. Одно изъ самыхъ главныхъ измѣняющихъ, модифицирующихъ привтеченій въ поэзіи всегда чувство религіи, видоизмѣняемое народною вѣрою, но это чувство въ чисто народной музыкѣ мало замѣтно. Тутъ пускай прежде найдутъ доказательство a posteriori. Возьми испанскія, французскія, нѣмецкія и наши, русскія, истинно народныя пѣсни—гдѣ религіозность? Напротивъ того, всѣ эти пѣсни, въ подкрѣпленіе моей теоріи, выражаютъ удальство или грусть. Религіозность является не иначе, какъ вспомогательнымъ элементомъ, и только просвѣчиваетъ сквозь главную ткань (напримѣръ, сквозь рыцарство среднихъ вѣковъ въ балладахъ западной Европы). Все дѣло вотъ въ чемъ: „distinguendum est" [1]), мы не сошлись въ теоріяхъ отъ того, что пошли не по одной дорогѣ. Не надобно смѣшивать поэзію или музыку такого-то народа съ его народною поэзіею или музыкою. Ты скажешь: „опять парадоксъ", но я прошу тебя вникнуть и ты, вѣроятно, согласишься со мною.

Поэзія народа есть, — какъ говорятъ нѣмцы, — Inbegriff [2]) всѣхъ поэтическихъ произведеній данной націи, какъ бы они разнохарактерны ни были. Напримѣръ, въ поэзію англичанъ войдутъ и драмы Шекспира, а ужъ я ни за что не соглашусь назвать его исключительно англійскимъ народнымъ поэтомъ, хотя онъ, какъ міровой, общечеловѣческій геній, вмѣщалъ въ себѣ и англійскую народность и т. д. Другихъ примѣровъ для тебя не нужно, ты уже понялъ меня. Да и что бы было съ такою исключительною народностію? Геній долженъ быть космополитомъ, и только заплатить нѣкоторую дань своему народу, какъ выраженіе высокопоэтическаго чувства любви къ отчизнѣ! Передъ нами геній Листъ: онъ венгерецъ, но мы бы объ этомъ и забыли, еслибъ онъ не подарилъ намъ своего отечественнаго марша. Теперь онъ расквитался съ своею родиною, такъ какъ расквитался съ англичанами Шекспиръ своими „Генрихами", своимъ „Фальстафомъ", „Матросами" и пр.

---

[1]) Надо различать.

[2]) Совокупное понятіе.

Библиотека "Руниверс"

Чего должно требовать отъ драматической народной музыки, отъ народной оперы? Во 1-хъ: a) касательно сюжета музыки, чтобы онъ былъ самъ по себѣ почерпнутъ прямо изъ жизни народа: изъ преданій, сказокъ, пожалуй, изъ исторіи (послѣднее менѣе, а почему—увидишь далѣе); b) чтобы этотъ избранный сюжетъ соотвѣтствовалъ требованіямъ оперы вообще, т. е. представлялъ бы какъ можно болѣе сильныхъ аффектовъ, истинно драматическихъ положеній, но совершенно ясныхъ, удобопонятныхъ, а не запутанныхъ (я все говорю, разумѣется, объ одной серьезной оперѣ, opera seria, а не buffa,—тамъ совершенно другія требованія); чтобы эти аффекты и положенія были сколь возможно болѣе разсѣяны, распредѣлены между нѣсколькими лицами, иначе произойдетъ холодность дѣйствія и безцвѣтность характеровъ, и т. д.; c) чтобы сюжетъ оперы былъ неразлученъ съ характерическою мѣстностію, и природа должна играть въ немъ не маловажную роль; d) чтобы сюжетъ не представлялъ событій и лицъ слишкомъ присущихъ памяти народа, иначе необходимое для оперы идеализированіе персонъ и ихъ дѣйствій не возбудитъ участія въ массѣ, а скорѣе покажется неумѣстнымъ, потому что всѣ станутъ требовать отъ оперы не того, чѣмъ она быть должна. Вотъ почему, по моему мнѣнію, народной оперѣ несвойственна бо́льшая часть историческихъ сюжетовъ (не совѣтовалъ бы я никому выставить въ оперѣ, напримѣръ, Петра Великаго. Другія лица историческія, болѣе отдаленныя, не будутъ возбуждать сильнаго интереса и только стѣснятъ сочинителя историческими данностями). Въ драмѣ—дѣло другое. Вообще сюжетъ и всѣ его требованія, конечно, дѣло автора либретто, но дѣло компониста никогда для народной оперы не избирать сюжета невыгоднаго въ какомъ-нибудь отношеніи изъ вышепрописанныхъ. Во 2-хъ, касательно исполненія въ обширномъ смыслѣ, или сочиненія самой музыки. Здѣсь главное, чтобы вся музыка оперы въ мелодіяхъ дышала духомъ народной музыки, т. е. духомъ пѣсень и всѣхъ истинно національныхъ мелодій, и вотъ въ этомъ-то и камень преткновенія для компониста. Онъ отнюдь не долженъ брать для своихъ цѣлей готовыя мелодіи,—изъ пѣсень, напримѣръ, но долженъ такъ сообразовать свое творчество съ духомъ народа, чтобы его собственные мотивы выливались въ формы, наиболѣе любимыя народомъ, какъ наиболѣе соотвѣтствующія его вкусу. Для того, чтобъ уловить всю тонкость этихъ нюансовъ и быть вполнѣ натуральнымъ, надобно, чтобы компонистъ непремѣнно самъ принадлежалъ къ той націи, для которой онъ творитъ народную музыку—conditio sine qua non. Веберъ, творецъ „Фрейшюца“, никогда бы не написалъ русской народной оперы, онъ могъ создать только нѣмецкую народную музыку, или, выйдя со-

Библиотека "Руниверс"

вершенно изъ круга народности, писать для всего свѣта (что́ ему, однако, въ сравненіи съ Моцартомъ, менѣе удавалось). Теперь, по моей теоріи (которую, можетъ быть, ты не примешь) нѣкоторыми путеводителями на трудной стезѣ народнаго компониста могутъ служить наблюденія надъ тѣми двумя чувствами: надъ грустью и удальствомъ. Уловивъ настоящее ихъ выраженіе въ народѣ, компонистъ уже много сдѣлалъ, ему остается наблюдать второстепенныя народныя качества, тогда онъ безошибочно передастъ въ своихъ звукахъ весь характеръ народа, какъ бы онъ ни былъ уклончивъ въ своихъ проявленіяхъ. Разумѣется, что народность музыки должна проявляться не въ одной мелодіи, но и въ гармоніи, и въ инструментовкѣ. Правилъ здѣсь нѣтъ, и быть не можетъ; надобно изученіе, изученіе, и только поэтому и говорить болѣе о томъ, „въ чемъ именно народность музыки", надобности не предстоитъ, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ намековъ, какъ, напримѣръ, на речитативъ и подходящія подъ него morceaux de chant [1]); болѣе всего имѣетъ вліянія паденіе рѣчи, носящее въ каждомъ языкѣ свою особенность (у насъ, напримѣръ, дактиль (— ⏑⏑); на оркестровку тѣ инструменты, которые наиболѣе сроднились съ мѣстностію (у альпійцевъ—cor des Alpes, у испанцевъ—гитара, у насъ—русскій рожокъ и близкіе къ нему звуки); на ходъ музыки вообще—главныя и второстепенныя качества народа (у нѣмцевъ, напримѣръ, сантиментальность въ элементѣ грусти и танцеобразность въ элементѣ удальства; у насъ: заунывность въ первомъ элементѣ и мѣрная простота во второмъ) и т. д.

Обратимся теперь къ условіямъ русской народной оперы. Ты весьма справедливо замѣтилъ, что нельзя говорить о характерѣ нашей народности со временъ Петра, и, слѣдовательно, въ русскую народную оперу должны войти элементы Руси только до-Петровой (Russia antipetriana!...), а сюжеты ея должны быть взяты отнюдь не изъ исторіи, потому что исторія до-Петровой Руси не представляетъ ничего поэтическаго и наполнена азіятскимъ варварствомъ, которое во многомъ помѣшаетъ эстетикѣ, а изъ преданій, изъ повѣрій, изъ народной миѳологіи, и тутъ поле широкое для оперы, потому что миѳологія самымъ тѣснымъ образомъ связана съ мѣстностію и природою, а наша природа такъ богата (я разумѣю среднюю и южную полосу Россіи). При томъ, самое свойство нашей миѳологіи весьма прилично оперѣ. Въ нашей миѳологіи главные элементы: пантеизмъ, близкій греческому (Перунъ—Zeus, Зимцерла—Aurora, Русалки—Nymphae, Лѣшіе—Satyri, и т. д.), и восточная любовь къ волшебному, въ родѣ арабскихъ сказокъ.

---

[1]) Пьесы для пѣнія.

Библиотека "Руниверс"

И здѣсь опять надо удивляться Пушкину, вспомнивъ его „Русланъ и Людмила“, его „Русалку“, его „Бѣсы“, и пр. Какъ онъ понялъ русскій духъ! Опять повторяю, исторія наша не заключаетъ въ себѣ ничего оперно-сценическаго, и потому вся ошибка Глинки была въ томъ: зачѣмъ онъ вздумалъ для сюжета первой своей оперы брать „Ивана Сусанина“, или, лучше, зачѣмъ онъ согласился писать музыку на этотъ безплодный сюжетъ (aride, comme un désert de l'Arabie pétrée [1]). И оттого всѣ недостатки „Жизни за Царя“ должно отнести къ сюжету. У Верстовскаго былъ сюжетъ гораздо счастливѣе, но онъ не умѣлъ имъ воспользоваться.

26-го апрѣля 1842.

Прошлую среду, послѣ концерта Листа, обстоятельства не позволили мнѣ тотчасъ описать тебѣ мои впечатлѣнія. Я прежде жалѣлъ объ этомъ, но теперь не жалѣю нисколько, я прочелъ твое письмо отъ 24-го и со мною случилось точно тоже, что съ тобою, когда ты узналъ мой взглядъ на Листова „Донъ-Жуана“. „Sonata quasi fantasia“ возбудила во мнѣ въ концертѣ какія-то невѣдомыя ощущенія, но и неопредѣленныя въ высшей степени, я чувствовалъ, что предо мною что-то творилось, что-то совершалось, но что именно—не могъ дать себѣ отчета; общее главное впечатлѣніе была тоска, тяжкая какъ предсмертныя страданія и такъ же мучительно непонятная. Но ты своей высоко-художественной драмой разъяснилъ мнѣ все [2]). И знаешь-ли, твой взглядъ на эту фантазію Бетховена даетъ намъ матеріалу писемъ на двадцать или болѣе. Просто неисчерпаемый источникъ, т. е. уже не именно эта соната, но всѣ сонаты Бетховена, онъ весь, и вообще представительность, высокая субъективно-объективность музыки, но съ новой точки противъ всѣхъ бывшихъ въ нашей перепискѣ донынѣ. Ты, можетъ быть, и не подозрѣваешь, что́ это будетъ? это будетъ истинное начало нашихъ приготовленій. Но пока—patientia! Я не могу начать этого предмета ранѣе, пока не проштудирую ви-

---

[1]) Сухой, какъ степь Каменистой Аравіи.

[2]) Эти, конечно, очень преувеличенныя похвалы относятся къ моему письму гдѣ, описывая концертъ Листа, я старался разсказать впечатлѣніе совершенно неизвѣстной намъ до тѣхъ поръ «Sonata quasi fantasia» Бетховена. Мнѣ казалось, что эта пьеса содержитъ очень опредѣленную драматическую программу, а именно, въ первой части выражена мечтательная, кроткая любовь и состояніе духа, по временамъ наполненное мрачными предчувствіями; далѣе я находилъ, что во второй части (Scherzo) изображено состояніе духа болѣе покойное, даже игривое—надежда возрождается; наконецъ, что въ третьей части—бушуетъ отчаяніе, ревность и все кончается ударомъ кинжала и смертью

В. С.

Библиотека "Руниверс"

димымъ, нагляднымъ образомъ знаменитой сонаты en question. По своей натурѣ (о которой въ непродолжительномъ времени „en détail"). я могу истинно изучать музыку не иначе, какъ съ пособіемъ наглядности...

6-го мая 1842 г.

Оркестры наши петербургскіе, въ русской и въ нѣмецкой оперѣ, вовсе не изъ посредственныхъ и, можетъ быть, лучше весьма многихъ иностранныхъ; ты знаешь довольно членовъ этихъ оркестровъ персонально, я знаю еще болѣе таковыхъ, знаю столько, что могу оцѣнить ихъ capacité, между ними дѣйствительно много музыкантовъ весьма хорошихъ, много людей, которые, если не обладаютъ рѣшительнымъ талантомъ, то посредствомъ постоянныхъ занятій теоріею и практикою пріобрѣли основательное знаніе музыки (Шубертъ, Мауреръ, Альбрехтъ, Сусманъ, Гильу, Гросъ и пр.), и что же? посаженные на одну эстраду съ Листомъ, съ настоящимъ исполнителемъ, такіе люди испортили все дѣло, едва держались отъ неувѣренности въ своей игрѣ, сбивались въ темпѣ, какъ школьники, и вообще были слишкомъ ничтожны и диспаратны. Между тѣмъ, не забудь, что отъ нихъ въ настоящемъ случаѣ вовсе не многаго требовалось; еслибъ они были въ состояніи уловить духъ Листа, то они весьма просто должны были повиноваться его мановеніямъ и единодушіе не замедлило бы появиться. Имъ не нужно было обдумывать самимъ, за нихъ думалъ нѣкто получше. Но, кромѣ того, что они, дѣйствительно, по многому не въ состояніи понять души Листа, они, въ жалкомъ ослѣпленіи всѣхъ посредственностей, дерзали критиковать въ своихъ мысляхъ его неподражаемое исполненіе, дерзали открыто не слушаться его, какъ бы поправляя (все это всегда ощутительно въ темпѣ, въ общемъ движеніи пьесы, особенно такой, какъ „Септуоръ"—Гуммеля). Первая мысль, которая всякому должна придти въ голову при такомъ несообразномъ исполненіи: „Вѣрно они мало съигрывались съ Листомъ?" и это правда, но я думаю, что сколько бы они ни съигрывались, диспаратъ не былъ бы совершенно уничтоженъ, слѣды ихъ нелѣпости кое-гдѣ бы проглянули, ибо (вотъ въ этомъ-то неотвратимость, о которой выше) тамъ, гдѣ требуется высшее эстетическое чувство, разница между одушевленіемъ и заученіемъ всегда слишкомъ замѣтна. а тамъ, гдѣ не требуется такое чувство изящнаго (т. е. безъ проявленія мелодіи въ массѣ звуковъ), тамъ нелѣпое чувство спѣси не позволитъ нѣсколькимъ индивидуумамъ уничтожить свою личность въ личности главы. Замѣть, между прочимъ, этотъ новый дуализмъ: проявленіе мелодіи и массы звуковъ безъ опредѣленнаго мелодическаго направленія. Это résumé состава всѣхъ музыкальныхъ пьесъ. То и

Библиотека "Руниверс"

другое необходимо, и разница между композиторами именно въ томъ, что одни (рѣдкіе), при ясныхъ и прелестныхъ мелодіяхъ, массамъ звуковъ придаютъ органическую значительность; самая неопредѣлительность, неясность этихъ массъ заключаетъ глубокій смыслъ и обращаетъ цѣлость пьесы въ изящное созданіе, полное жизни и самобытности; другіе (а такихъ нѣсть числа) заботятся о мелодіи, а на массы звуковъ смотрятъ, какъ на необходимый цементъ, и также грубо обращаются съ нимъ, какъ съ известкой. Въ первомъ случаѣ концепція, во второмъ — фактура. На этомъ дуализмѣ состава музыкальныхъ сочиненій я основываю весьма многое, нужное для нѣкоихъ цѣлей. И такъ, „Септуоръ" Гуммеля былъ испорченъ гг. Мауреромъ, Шубертомъ, Бродомъ, Гильу и пр.; но сколько можно было отличить звуки Листа отъ ихъ несчастныхъ звуковъ, Листъ сдѣлалъ должное. Теперь новое отступленіе. Признаться тебѣ должно, что мнѣ, при всемъ превосходномъ исполненіи Листа, досадно было, зачѣмъ онъ игралъ этотъ „Септуоръ". Эта пьеса не для него, какъ и все Гуммелево. Il est trop au dessus, par son dramatisme [1]). А вѣдь то, что не драматически писано, никогда не сдѣлается драматическимъ.

Можетъ быть, этотъ приговоръ „Септуора" покажется тебѣ слишкомъ рѣзкимъ, но я съ нѣкотораго времени нѣсколько перемѣнился и становлюсь рѣшительнѣе въ сужденіяхъ. Я никогда не ставлю своего вкуса закономъ, но говорю только, что мнѣ кажется, въ формахъ категорическихъ, потому что переписка наша околичностей не допускаетъ. Я никогда не приходилъ въ восторгъ отъ Гуммелевскихъ сочиненій, теперь менѣе нежели когда-нибудь. Драматическая фортепьянная школа слишкомъ избаловала меня, другой музыки я не хочу знать на фортепьяно. Симфонія — дѣло иное, но и тамъ нуженъ драматизмъ, какъ объясню тебѣ со временемъ. А вѣдь „Септуоръ" даже и не симфонія, особенно не люблю я этой устарѣлой формы: „Andante con variazioni". Даже въ Бетховенскихъ твореніяхъ она — самая слабая часть, такъ и быть должно. О, форма много значитъ въ музыкѣ, какъ и вездѣ!

Финальную фугу господа музыканты обезобразили до того, что я не могъ ее раскусить. Самыя лучшія мѣста „Септуора" были тамъ, гдѣ Листъ позволялъ себѣ играть, какъ ему хочется, украшать Гуммеля; ты знаешь, какъ Листъ украшаетъ. Въ этомъ же 4-мъ концертѣ, послѣ длиннаго „Септуора", Листъ игралъ Гензельта „Wiegenlied" и два романса графа Віельгорскаго. „Wiegenlied" онъ игралъ, разумѣется, только изъ угожденія Гензельту, а то бы не стоило. Ро-

[1]) Онъ стоитъ слишкомъ высоко надъ нимъ — своимъ драматизмомъ.

Библиотека "Руниверс"

мансы были исполнены прелестно, въ высокомъ значеніи слова прелесть — grazia. Еще игралъ онъ мазурку, на которую потомъ импровизировалъ, но эти вещицы также не довольно замѣтны передъ колоссомъ. Однимъ словомъ, я настоящаго Листа услышалъ только въ его „Réminiscences de Norma" — вотъ это музыка! Беллиніевская опера сдѣлалась мнѣ присуща всѣмъ составомъ и поразила меня своимъ величіемъ. Ты знаешь, какъ Листъ умѣетъ сжимать оперы въ своихъ фантазіяхъ, но въ этой онъ достигъ высшаго совершенства въ концепціи. Я не знаю даже, уступитъ-ли эта фантазія въ чемъ-нибудь фантазіи на „Донъ-Жуана". Нѣтъ, онѣ, безъ всякаго сомнѣнія, равно высоки. Въ „Нормѣ", кромѣ того, еще гораздо болѣе механическаго достоинства, обдѣлка самая блестящая (можетъ быть, Листъ, при сочиненіи этой фантазіи, думалъ о соперничествѣ съ Тальбергомъ и писалъ на славу): обдѣлка и совершенство механическое, какъ болѣе доступныя толпѣ, произвели въ концертѣ высшее изумленіе. Всѣ вскочили съ мѣстъ и съ восторженными, съ разстроенными взглядами преслѣдовали вихрь Листовыхъ перстовъ и онъ разливался ураганомъ въ пѣснѣ галловъ и плакалъ въ предсмертномъ пѣніи Нормы! Я болѣе и болѣе восхищаюсь жизнію, когда подумаю, какія намъ предстоятъ наслажденія, если билль исполнится [1]).

До свиданія! A. S.

---

[1]) «Билль» состоялъ въ нашемъ предположеніи: добиться однажды возможности завѣдывать устройствомъ концертовъ, гдѣ бы въ превосходномъ исполненіи даваемы были все только лучшія музыкальныя созданія. Такихъ концертовъ въ то время у насъ еще не существовало; намъ же двоимъ удалось устроить подобный концертъ, въ пользу Глазной лечебницы, въ апрѣлѣ 1851 г., т. е. черезъ 9 лѣтъ послѣ первыхъ нашихъ предположеній. В. С.

Библиотека "Руниверс"

МОЯ ЖИЗНЬ и ХУДОЖЕСТВЕННО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ ТРУДЫ,

разсказъ академика Ѳ. Г. Солнцева.

V [1]).

Поѣздка въ Новгородъ для археологическихъ изысканій.—Архимандритъ Фотій. 1833 г.

Зимой въ 1831—1832 гг. я приводилъ въ порядокъ сдѣланные рисунки во время моего путешествія по Россіи. На лѣто А. Н. Оленинъ переѣзжалъ обыкновенно на дачу, въ Пріютино, за пороховыми заводами. Въ это время я рисовалъ у него барельефы, военныя арматуры для Александровской колонны. Потомъ рисовалъ образъ «Исаакія Далматскаго», съ котораго набиралъ мозаику Веклеръ. Однажды, попросилъ меня Алексѣй Николаевичъ нарисовать кавалерійскую лошадь на бѣгу. Такъ какъ въ академіи насъ вовсе тому не обучали, то я откровенно признался Алексѣю Николаевичу, что не могу выполнить его требованіе.

— А ты какой живописецъ?

— Историческій,—отвѣчалъ я.

— Если заставятъ тебя блоху нарисовать,—ты долженъ сдѣлать это,—серьезно замѣтилъ мнѣ Оленинъ. Ступай въ академію и нарисуй мнѣ кавалерійскую лошадь на бѣгу.

Дѣлать было нечего. Я пошелъ въ академію, какъ умѣлъ исполнилъ требованіе Алексѣя Николаевича и показалъ ему рисунокъ. Оленинъ замѣтилъ:

— Нарисовано недурно, но надобно лучше. Главный твой

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 109—128; 311—323; 617—644.

Библиотека "Руниверс"

недостатокъ заключается въ томъ, что ты не знаешь бѣга лошади. Вотъ сегодня я, для тебя, заставлю бѣгать быка; онъ бѣгаетъ потише лошади; ты стой и наблюдай.

Произвели опытъ въ присутствіи Алексѣя Николаевича: погнали быка, я пристально слѣдилъ за передвиженіемъ его ногъ и послѣ этого бѣгъ лошади сталъ рисовать удовлетворительно.

Въ концѣ лѣта 1832 года, я отправился, по приказанію А. Н. Оленина, въ городище Старую Рязань: тамъ были отрыты подлѣ кирпичнаго фундамента три гроба изъ бѣлаго камня [1]). По пріѣздѣ въ Рязань, я обратился къ губернатору, чтобы онъ откомандировалъ ко мнѣ человѣка для предстоящихъ работъ. Это было исполнено. Первый гробъ, который мы окопали, былъ уже вскрытъ. Вѣроятно, это сдѣлалъ народъ, думая отыскать тутъ кладъ или какое-нибудь сокровище. Когда окопали фундаментъ, то оказалось что здѣсь была нѣкогда церковь, которая, вѣроятно, сгорѣла, такъ какъ во время раскопокъ обнаружился въ большомъ количествѣ уголь. Въ одномъ изъ гробовъ я нашелъ скелетъ, который былъ въ фелони (священническое облаченіе), съ позументами на вороту, и въ монашескихъ башмакахъ; поверхъ фелони лежалъ холщевый крестъ. Желая опредѣлить санъ погребеннаго монаха, я собралъ прахъ и просѣялъ его, но не нашелъ никакихъ металлическихъ знаковъ: стало быть, это былъ простой монахъ. Вскорѣ пошелъ дождь и я приказалъ зарыть гробы. Помочь раскапывать гробы крестьяне не хотѣли, опасаясь заразы, но когда я приказалъ зарыть гробы, то крестьяне стали просить меня, чтобы я отдалъ имъ гробы.

— Зачѣмъ вамъ ихъ?—спросилъ я мужиковъ.

— Лошадей изъ нихъ поить,—отвѣчали они.

Я срисовалъ гробы, планъ мѣстности или городища, а также и виды съ четырехъ сторонъ. Куски матеріи, найденные мною при этомъ, я принесъ домой, но они, побывъ на воздухѣ, потеряли свой цвѣтъ и разсыпались въ прахъ. Сколько времени гробы находились въ землѣ, опредѣлить было невозможно. Рисунки я отослалъ, по обыкновенію, къ А. Н. Оленину.

Лѣтомъ 1833 г. я долженъ былъ отправиться, по предложенію Оленина, въ Новгородъ. Передъ отъѣздомъ Алексѣй Николаевичъ сказалъ мнѣ:

---

[1]) Замѣчательно, что я объѣздилъ всю Рязанскую губернію, но нигдѣ не нашелъ такого бѣлаго камня, какъ тотъ, изъ котораго были эти гробы. Ѳ. С.

Библиотека "Руниверс"

— Я писалъ митрополиту Серафиму, просилъ оказать тебѣ содѣйствіе; сходи къ нему. Хоть тешкой и пахнетъ отъ него, а все-таки мужикъ онъ умный и тебѣ пригодится.

Явился я къ митрополиту; принялъ меня старикъ ласково и обѣщалъ написать обо мнѣ своему викарію, епископу Тимофею.

По пріѣздѣ въ Новгородъ, отправился къ викарію, который сказалъ мнѣ, что онъ не получилъ еще никакихъ обо мнѣ извѣстій отъ митрополита. Нечего дѣлать, приходилось дожидаться.

Я нанялъ небольшую комнатку и поселился въ ней; а чтобы не терять времени, сталъ срисовывать наружный видъ Софійскаго собора.

Рядомъ со мною жилъ А. С. Сивяковъ, секретарь дворянскаго собранія, человѣкъ добрый. Я познакомился съ нимъ, а онъ познакомилъ меня чуть-ли ни съ цѣлымъ городомъ. Изъ всѣхъ этихъ знакомствъ для меня особенно памятно знакомство съ семействомъ новгородскаго вице-губернатора Зотова. Самъ онъ былъ человѣкъ очень хорошій, а жена его, Марѳа Ивановна, считалась душою всего городскаго общества. Въ праздники, или по какимъ-нибудь особеннымъ случаямъ, она обыкновенно собирала къ себѣ множество знакомыхъ. Пришлетъ, бывало, записку: «дѣла улажены, пассажиры усажены, нанятъ пароходъ, музыка — пожалуйте», и никто не отказывался отъ веселой прогулки, затѣянной Марѳой Ивановной. Ее такъ и звали Марѳой Посадницей.

Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда моего въ Новгородъ, въ то время, какъ я рисовалъ снаружи Софійскій соборъ, ко мнѣ подошелъ какой-то монахъ и освѣдомился—кто я и чѣмъ занимаюсь? Отвѣтивши на это, я разсказалъ, что пріѣхалъ въ Новгородъ срисовывать древности, но что до сихъ поръ не получено здѣсь предписаніе митрополита объ оказаніи мнѣ содѣйствія.

— Удивительно, — замѣтилъ мой собесѣдникъ; — и мнѣ объ этомъ ничего не извѣстно. Я—архимандритъ Деревеницкаго монастыря Ефремъ. Сдѣлайте милость, приходите ко мнѣ и занимайтесь въ монастырѣ; все, что есть замѣчательнаго, я покажу вамъ.

Я не преминулъ воспользоваться приглашеніемъ; сталъ частенько навѣщать о. архимандрита, нерѣдко обѣдалъ и даже ночевалъ у него.

Недѣли черезъ двѣ я получилъ формальное разрѣшеніе при-

Библиотека "Руниверс"

ступить къ работамъ. Вскорѣ я извѣстилъ Оленина о своихъ занятіяхъ, о томъ, что намѣревался сдѣлать, испрашивалъ его указаній и содѣйствія. Въ концѣ іюля 1833 г. Оленинъ прислалъ мнѣ предписаніе, въ которомъ, высказавъ признательность къ моей дѣятельности, писалъ:

«Я весьма согласенъ со всѣми вашими предположеніями; прошу только не выпускать изъ виду самомалѣйшихъ предметовъ, которые могутъ служить къ поясненію старинныхъ нашихъ обычаевъ и костюма, или относящихся къ отечественной нашей исторіи. На сей конецъ поспѣшаю васъ, при семъ, снабдить письмомъ къ его высокопреподобію о. архимандриту Фотію, благосклонностію коего я нѣкогда пользовался».

Еще передъ отъѣздомъ моимъ въ Новгородъ, Алексѣй Николаевичъ совѣтовалъ мнѣ повидаться съ Фотіемъ, который, какъ извѣстно, былъ настоятелемъ Новгородскаго Юрьева монастыря, и при этомъ сказалъ:

— Ты не смотри на его выходки; онъ довольно грубъ, но ты не обращай на это вниманія. Отъ него ты можешь попользоваться многимъ.

Теперь, получивши письмо Оленина къ Фотію, я отправился въ Юрьевъ монастырь; отстоялъ здѣсь обѣдню и пошелъ отыскивать келью настоятеля. Я обратился къ первому встрѣтившемуся мнѣ монаху и сказалъ ему, что желалъ бы видѣть о. архимандрита.

— Да вы не можете его видѣть,—сказалъ мнѣ монахъ.

— Отчего же?

— Отъ того, что теперь постъ Успенскій. По постамъ о. архимандритъ никого не принимаетъ. Вотъ его келья; вы видите огромный камень приваленъ къ дверямъ [1]).

Дѣлать было нечего; изъ любопытства я пошелъ осматривать монастырь. Проходя мимо одной кельи, окно которой было растворено, я замѣтилъ лежащаго на диванѣ человѣка и, всмотрѣвшись въ него пристальнѣе, узналъ прежняго моего однокашника— Васильева [2]).

---

[1]) Въ послѣдствіи я узналъ, что въ продолженіе каждаго поста дверь въ келью Фотія была завалена камнемъ. Случалось, напримѣръ, что намѣстнику монастыря необходимо нужно было видѣть Фотія; стучались въ дверь, и когда не слѣдовало никакого отвѣта, то догадывались, что Фотій потихоньку уѣхалъ въ Петербургъ. Ѳ. С.

[2]) Этого моего товарища Фотій пригласилъ къ себѣ для писанія иконъ. Вѣроятно, онъ узналъ, что императоръ Николай Павловичъ любилъ старину и изъ

Библиотека "Руниверс"

Какъ прежніе товарищи по академіи, мы разговорились; между прочимъ, я сказалъ Васильеву, что мнѣ крайне нужно видѣть о. архимандрита.

— Едва-ли вамъ удастся его видѣть; въ посту онъ никого не принимаетъ.

— Но вы пользуетесь расположеніемъ о. Фотія,—убѣждалъ я Васильева; — если вы захотите, то мнѣ навѣрное можно будетъ видѣться съ нимъ. Увѣряю васъ, что мнѣ это необходимо.

— Посидите здѣсь, — сказалъ Васильевъ; на ваше счастье, пойду попробую.

Черезъ нѣсколько минутъ Васильевъ возвратился и позвалъ меня съ собою. Мы пошли, спустились внизъ, прошли небольшой корридоръ, потомъ опять поднялись наверхъ. Тутъ провожатый меня оставилъ. Я вошелъ въ залу, въ которой не было ни стула, ни дивана, вообще никакой мебели; только у одной стѣны стояло большое распятіе. Въ этой залѣ я остановился. Минутъ черезъ пять, обѣ половинки двери разомъ распахнулись и вошелъ человѣкъ исхудалый, согбенный, съ висящими на лобъ волосами; смотрѣлъ онъ изподлобья, одѣтъ былъ въ бѣломъ хитонѣ, подпоясанномъ розовой лентой. Это былъ отецъ архимандритъ Фотій. Я подошелъ подъ благословеніе. Фотій осѣнилъ меня огромнымъ крестомъ и спросилъ:

— Ты кто такой?

— Я—такой-то художникъ, пріѣхалъ изъ Петербурга и имѣю къ вашему высокопреподобію письмо отъ А. Н. Оленина.

— Подай письмо; я этого человѣка уважаю, — сказалъ Фотій.

Взявши письмо, настоятель пригласилъ меня въ другую комнату.

— Онъ любитъ много писать, разскажи въ чемъ дѣло, — обратился ко мнѣ Фотій.

Я сказалъ, что пріѣхалъ отыскивать древности, чтобы потомъ составить полный живописный курсъ археологіи и этнографіи для художниковъ.

— Это хорошо, — замѣтилъ Фотій, — я самъ этимъ занимался.

угожденія ему пригласилъ къ себѣ живописца. Фотій хотѣлъ даже завести при монастырѣ школу иконописанія, но предположеніе это не исполнилось. Васильевъ пользовался расположеніемъ Фотія. Ѳ. С.

Библиотека "Руниверс"

Затѣмъ изъ другой комнаты онъ принесъ красную книгу: это былъ рукописный подлинникъ, который содержалъ въ себѣ наставленія, какъ слѣдовало изображать святыхъ.

— Мнѣ знакома эта книга,—сказалъ я.

— Ты знаешь другой сборникъ,—замѣтилъ Фотій;—этотъ я самъ составлялъ.

Я посмотрѣлъ подлинникъ, будто бы составленный Фотіемъ, и замѣтилъ:

— Все-таки для художника этого не достаточно. Художникъ долженъ быть и портнымъ; ему нужно знать — какое облаченіе въ какомъ вѣкѣ носили; а здѣсь нѣтъ никакихъ описаній костюмовъ и церковныхъ облаченій.

— Это справедливо,—согласился Фотій.

Пробесѣдовали мы часовъ до 5-ти вечера. Наконецъ, о. архимандритъ спросилъ меня.

— Ты обѣдалъ?

— Нѣтъ еще, — отвѣчалъ я.

— Что же ты не сказалъ мнѣ объ этомъ прежде, — замѣтилъ Фотій.

— Я не затѣмъ пріѣхалъ къ вамъ, чтобы обѣдать, — сказалъ я.—Въ случаѣ надобности по моему дѣлу, позвольте обратиться къ вашему высокопреподобію съ просьбой.

— Все, что будетъ нужно, сдѣлаю, — произнесъ о. настоятель.

Затѣмъ онъ призвалъ Васильева и приказалъ ему отвезти меня къ графинѣ А. А. Орловой-Чесменской обѣдать. Мы поѣхали; графини не застали дома. Управляющій распорядился угостить обѣдомъ и мы великолѣпно покушали.

Хотя послѣ мнѣ часто приходилось рисовать въ Юрьевомъ монастырѣ, но самого Фотія я болѣе не видалъ; за то многое довелось мнѣ слышать о немъ. Вотъ что сохранилось изъ этого въ моихъ воспоминаніяхъ.

Фотій былъ человѣкъ мало образованный, самонадѣянный и грубый въ обращеніи съ другими, мнительный и безалаберный: сегодня сдѣлаетъ такъ, а завтра передѣлаетъ; чудакъ онъ былъ большой; говорилъ много, особенно при дамахъ, но если въ числѣ его слушателей находился человѣкъ свѣдущій и смышленый, то Фотій помалчивалъ.

Библиотека "Руниверс"

Вскорѣ послѣ назначенія его настоятелемъ, онъ посадилъ во дворѣ фруктовыя деревья; говорятъ, это былъ прекрасный садъ. Потомъ, чрезъ нѣсколько времени, Фотій приказалъ вырубить всѣ эти деревья и на мѣсто ихъ посадить елки. Много онъ также заботился о постройкѣ новой колокольни въ своемъ монастырѣ,— два раза перестраивалась эта колокольня; на третій разъ ее выстроили. Фотій сталъ хлопотать о церкви къ ней. Но хлопоты эти кончились ничѣмъ. Точно также задумалъ онъ возобновить Софійскій соборъ и предположилъ сдѣлать пристройку, будто бы съ цѣлію поддержанія этого собора. Однако же и это дѣло не вышло. Кто-то донесъ митрополиту Серафиму, что въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ дѣлаютъ пристройки и что при этомъ оказалась трещина въ куполѣ собора. Митрополитъ послалъ въ Новгородъ архитектора Стасова и архимандрита Палладія для изслѣдованія. Конецъ этого изслѣдованія былъ тотъ, что всю пристройку, затѣянную Фотіемъ, сломали.

Надобно, впрочемъ, сказать, что Юрьевъ монастырь казался при Фотіѣ весьма благоустроеннымъ. Ризница въ немъ была богатѣйшая; пѣвчіе пѣли хорошо по старинному, такъ называемому столповому напѣву (т. е. какъ поютъ и теперь въ большей части нашихъ монастырей). Монаховъ въ монастырѣ было немного, трудовъ особенныхъ не несли, жилось имъ хорошо. Монастырь былъ чрезвычайно богатъ. Тѣмъ не менѣе никакой особой благотворительности монастырь не совершалъ. При немъ находились двѣ гостинницы (мужская и женская) для богомольцевъ, которымъ отпускалась пища изъ монастыря. Въ праздникъ Воздвиженія Животворящаго Креста, 14-го сентября, Фотій раздавалъ всѣмъ приходящимъ мѣдные крестики. Вотъ, кажется, и все.

Фотій запрещалъ монахамъ пить чай, но вообще держалъ ихъ не особенно строго. Все-таки большаго уваженія къ настоятелю въ монастырѣ не было. Въ числѣ монаховъ находились люди довольно образованные, одинъ даже кончилъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ. Скажу нѣсколько словъ объ этомъ монахѣ.

Сынъ дьячка, молодой человѣкъ достигъ университета и окончилъ въ немъ курсъ. Овдовѣвшая мать требовала, чтобы сынъ занялъ мѣсто своего отца, грозя, въ противномъ случаѣ, отдать его въ солдаты. Фотій какъ-то провѣдалъ объ этомъ, призвалъ

Библиотека "Руниверс"

къ себѣ молодаго человѣка и сказалъ ему: «чѣмъ идти тебѣ въ солдаты, или довести мать свою до того, чтобы она отвела тебя въ рекрутское присутствіе,—ступай лучше ко мнѣ въ монастырь: я тебя скоро сдѣлаю настоятелемъ какого-нибудь монастыря». Молодой человѣкъ послушался этого совѣта и поступилъ въ Юрьевскій монастырь, подъ именемъ Кифы. Въ то время, когда я бывалъ у Васильева, о. Кифа нерѣдко заходилъ къ намъ и разсказывалъ, что положеніе его тяжело, что онъ не можетъ быть монахомъ и т. п. Фотія считалъ онъ за фанатика, полусумасшедшаго и говорилъ: «если Фотій будетъ въ раю, то я еще скорѣе; но, кажется, намъ обоимъ быть въ аду». Фотій не сдержалъ своего слова по отношенію къ Кифѣ, который въ послѣдствіи отъ тоски и бездѣлья монашескаго житья спился.

Слышалъ я также извѣстный разсказъ, что однажды государь Николай Павловичъ неожиданно пріѣхалъ въ Новгородъ и послалъ увѣдомить архимандрита Фотія, что будетъ въ Юрьевскій монастырь. Архимандритъ, въ шелковой рясѣ, съ панагіею, встрѣтилъ государя только въ церкви. Государь подошелъ къ Фотію подъ благословеніе и поцѣловалъ у него руку; Фотій же не поцѣловалъ руки у государя. Затѣмъ, архимандриту слѣдовало служить малый молебенъ, но онъ удалился въ алтарь и вмѣсто его вышелъ служить намѣстникъ. По окончаніи богослуженія, графъ Бенкендорфъ сказалъ государю:

— Вы замѣтили, ваше величество, что архимандритъ принялъ васъ холодно.

— Да,—сказалъ государь;—я ему показалъ, что знаю свою обязанность, а онъ своей не знаетъ.

Затѣмъ государь собственноручною запискою къ оберъ-прокурору св. синода выразилъ неудовольствіе на поведеніе архимандрита. Фотія вытребовали въ Александро-Невскую лавру поучить, какъ слѣдуетъ принимать высокихъ особъ. По прибытіи Фотія въ лавру, учителемъ его назначенъ былъ намѣстникъ ея, архимандритъ Палладій, о которомъ я упомянулъ выше. Палладія Фотій терпѣть не могъ и называлъ его «пушкаремъ».

Надобно замѣтить, что Палладій прежде былъ артиллерійскимъ офицеромъ, товарищемъ А. Н. Оленина; затѣмъ поступилъ онъ простымъ монахомъ въ Курскій монастырь. Какъ-то разъ пріѣхалъ въ Курскъ государь Александръ Павловичъ и въ го-

Библиотека "Руниверс"

родѣ не нашлось человѣка, кромѣ Палладія, который бы могъ показать государю достопримѣчательности Курска; Палладій сопровождалъ государя и все объяснялъ толково. Государь, между прочимъ, спросилъ его:

— Не былъ-ли ты въ военной службѣ?

— Точно такъ, ваше в-во, я былъ капитаномъ артиллеріи.

— То-то у тебя до сихъ поръ осталось что-то военное,—замѣтилъ государь.

Государь остался очень доволенъ Палладіемъ и потомъ приказалъ перевести его въ Невскую лавру, гдѣ онъ скоро сдѣлался намѣстникомъ.

Вотъ этотъ-то «пушкарь» и долженъ былъ обучать Фотія, какъ слѣдовало принимать царя.

Однажды Фотій сидѣлъ у окна отведенной ему кельи и замѣтилъ, что Палладій идетъ къ митрополиту Серафиму; онъ поспѣшно выбѣжалъ, всталъ передъ Палладіемъ на колѣни и сказалъ: «братъ! научи, какъ принимать царей!» Въ чемъ состояла эта наука—не знаю; извѣстно только то, что продолжалась она недѣли три или четыре, и что когда, на слѣдующій годъ, пріѣхалъ въ Новгородъ одинъ изъ великихъ князей, то Фотій встрѣтилъ посѣтителя съ колокольнымъ звономъ, цѣловалъ руку, самъ служилъ молебенъ и разсыпался въ учтивостяхъ. Отецъ Палладій видно и впрямь его вышколилъ.

А удалъ былъ Фотій на всякаго рода дикія выходки. Одно время какъ-то дамы носили большіе рогатые чепчики. Фотію не полюбились эти чепцы и онъ срывалъ ихъ съ посѣтительницъ монастыря, топталъ ногами и потомъ кричалъ Орловой:

— «Анна, поди принеси этой дамѣ вмѣсто чепца платокъ».

Графиня приносила обыкновенно дорогую шаль, или дарила сыну или свойственнику обиженной дамы хорошую лошадь. Поэтому многія барыни ѣздили нарочно къ Фотію въ чепцахъ, чтобы тотъ ихъ сорвалъ.

Разсказывали также, что когда графъ Аракчеевъ, послѣ убіенія Настасьи, пріѣхалъ въ Юрьевъ монастырь, то Фотій встрѣтилъ его словами: «услышитъ тя Господь въ день печали» и распростерся на землѣ, графъ сдѣлалъ тоже самое; такъ лежали они одинъ передъ другимъ нѣсколько времени, поглядывая искоса, кто первый встанетъ.

Библиотека "Руниверс"

Проѣзжалъ какъ-то черезъ Новгородъ митрополитъ московскій Филаретъ. Фотій пригласилъ его въ свой монастырь; митрополитъ прибылъ, отстоялъ богослуженіе, осмотрѣлъ монастырь и уѣхалъ въ Новгородъ. На другой день Фотій явился благодарить Филарета за его посѣщеніе и привезъ съ собою богатый образъ.

— Я подношу вашему высокопреосвященству образъ, чтобы поблагодарить за посѣщеніе моего монастыря.

— А мнѣ тебя не за что благодарить,—замѣтилъ Филаретъ. Я у тебя часа три пробылъ, а ты и стакана воды не предложилъ мнѣ.

— Такъ слѣдуетъ по уставу монастыря, — оправдывался Фотій.

— Уставъ для подъуставныхъ, — сказалъ митрополитъ; — а я не принадлежу къ твоему уставу.

Такъ Филаретъ и не принялъ иконы отъ Фотія.

Въ послѣдствіи, въ бытность мою во Владимірѣ, я слышалъ отъ владимірскаго епископа Парфенія, что преемникъ преосвященнаго Тимофея, Ѳеодотій, хотѣлъ какъ-нибудь придраться къ Фотію, особенно по поводу носившейся молвы, будто Фотій изгналъ семь бѣсовъ изъ какой-то танцовщицы, и будто бы онъ далъ ей митру и запасные дары. Съ цѣлію разузнать что-нибудь относительно этого, Ѳеодотій однажды отправился потихоньку въ Юрьевскій монастырь. Въ монастырѣ, однако, какъ-то провѣдали о пріѣздѣ Ѳеодотія, и когда тотъ прибылъ, то зазвонили во всѣ колокола. Звонъ не прекращался и тогда, когда ему давно слѣдовало умолкнуть. По этому поводу Ѳеодотій сказалъ Фотію:

— Скажите, чтобы перестали звонить; вѣдь я пріѣхалъ не въ панагіи.

— Уставъ монастыря требуетъ встрѣчать такъ владыку,— отвѣчалъ Фотій.

Ѳеодотій разсердился и уѣхалъ изъ Юрьева монастыря, а потомъ извѣщалъ преосвященнаго Парфенія, что во Владимірѣ проживаетъ нѣкая Фотина, что нужно освѣдомиться, кто она такая и нѣтъ-ли у ней митры и запасныхъ даровъ, якобы подаренныхъ ей Фотіемъ?

По приказанію Парфенія, Фотину, проживавшую въ Рожде-

Библиотека "Руниверс"

ственскомъ монастырѣ, задержали, и увѣряютъ, будто дѣйствительно нашли у ней митру и запасные дары...

Я сказалъ, что Фотій имѣлъ привычку говорить длинныя рѣчи, особенно барынямъ; отъ Оленина мнѣ пришлось слышать, что когда юрьевскій настоятель бывалъ въ Петербургѣ, то они довольно часто встрѣчались у графини Орловой и въ другихъ домахъ. При появленіи Алексѣя Николаевича, Фотій тотчасъ же прекращалъ свои поученія. Оленинъ имѣлъ обыкновеніе при разговорѣ смотрѣть въ глаза; Фотій терпѣть не могъ этого и всегда говорилъ Алексѣю Николаевичу:

— Я твоего взгляда выдержать не могу.

Отецъ Фотій вообще не пользовался хорошимъ здоровьемъ; незадолго до смерти онъ заболѣлъ еще молочницей. Лечилъ Фотія докторъ Соколовъ. Больной началъ уже поправляться и докторъ однажды вечеромъ сказалъ ему:

— Вы теперь внѣ опасности; но только прошу васъ, не употребляйте грубой пищи.

— Ну, ужъ это не твое дѣло, — отвѣчалъ Фотій.

— Въ такомъ случаѣ вамъ будетъ очень тяжело.

— Оставь меня, — сказалъ Фотій; — вотъ возьми ключи, въ другомъ покоѣ приготовлены тебѣ деньги.

Соколовъ, какъ увѣряли, получилъ 10,000 руб. ассигнаціями и уѣхалъ. На другой день утромъ, докторъ нашелъ, что больному гораздо хуже; онъ сталъ доискиваться причины этому и узналъ, что наканунѣ, послѣ его отъѣзда, Фотій наѣлся гречневой каши. Къ вечеру того же дня настоятель Юрьевскаго монастыря скончался, въ 1838 г. Хоронили его съ большимъ почетомъ. По распоряженію графини Орловой, прахъ Фотія положенъ былъ въ великолѣпную, серебромъ украшенную гробницу.

Въ послѣдствіи, когда я былъ въ Кіевѣ, я видѣлъ тамъ Орлову. Это была женщина высокаго роста, съ непріятными чертами лица, съ большимъ рубцомъ на щекѣ (ее ударили въ молодости лошади); ходила она въ простомъ коричневомъ капотѣ и въ чепчикѣ. На видъ графиня имѣла лѣтъ 55. Бесѣды, по преимуществу, вела съ митрополитомъ (Филаретомъ) и съ монахами, наиболѣе важными въ монастырѣ. Сколько мнѣ извѣстно, на Лавр-

Библиотека "Руниверс"

скій Успенскій соборъ Орлова пожертвовала около 3,000,000 руб. ассигнаціями: милліонъ дала на иконостасъ, милліонъ на печи въ соборѣ, а остальную сумму на свѣчи, масло и вино. Митрополитъ рѣшился построить въ соборѣ бронзовый иконостасъ и печи. Но такъ какъ митрополитъ своею властію, безъ согласія старцевъ, ничего не могъ дѣлать, то онъ и собралъ этотъ совѣтъ старцевъ. На совѣтѣ митрополитъ заявилъ, что вотъ-де намъ пожертвована сумма на устройство иконостаса, а также и печей, такъ какъ соборъ холодный, и что онъ думалъ бы сдѣлать это на средства, пожертвованныя графиней Орловой.

— Какимъ же образомъ сдѣлать? спросили старцы.

— Новыя печи должны быть подпольныя, — объяснилъ митрополитъ,—поэтому для нихъ нужно будетъ рыть ямы подъ соборомъ.

— Преосвященный владыко!—говорилъ совѣтъ старцевъ,— мы желаемъ вамъ жить Мафусаиловы лѣта; но вѣдь и вы скончаетесь. У насъ подъ соборомъ нѣтъ квадратной четверти, чтобъ не былъ кто-нибудь похороненъ. Намъ завѣщано не тревожить покойниковъ; да и вы будете погребены тутъ же. Если станемъ рыть ямы для фундамента подъ бронзовый иконостасъ и подъ печи, то мы потревожимъ покой погребенныхъ. Лучше оставить все такъ, какъ было.

— Но вѣдь нашъ иконостасъ деревянный; онъ можетъ сгорѣть, — говорилъ митрополитъ.

— А если придетъ непріятель, онъ можетъ перелить нашъ бронзовый иконостасъ на пушки,—возражали старцы.—Не слѣдуетъ забывать, что для настоящаго иконостаса рисунокъ сдѣланъ во время Петра Великаго. Намъ пожертвовано два милліона; мы можемъ положить эти деньги въ банкъ и получать проценты, на которые легко будетъ золотить и обдѣлывать нашъ иконостасъ, сколько угодно.

Такъ соборъ старцевъ и не согласился сдѣлать новаго иконостаса и поставить въ соборѣ печи.

Это было въ 1845 или 1846 году.

По желанію графини А. А. Орловой, я сдѣлалъ рисунки для серебряной раки и сѣни надъ ракою въ Кіевскомъ Михайловскомъ Златоверхнемъ монастырѣ, въ церкви Варвары Великомученницы;

Библиотека "Руниверс"

по этимъ рисункамъ работу исполнялъ Даниловъ. Незадолго до смерти, въ 1848 г., Орлова намѣревалась пріѣхать въ Кіевъ для освященія раки; но это желаніе ея не исполнилось: она умерла въ Новгородскомъ Юрьевскомъ монастырѣ, и какъ ея кончина, такъ и вся жизнь отца ея духовнаго, архимандрита Фотія, весьма обстоятельно разсказаны на страницахъ «Русской Старины» [1]).

Обращаюсь къ воспоминаніямъ моимъ о пребываніи въ Новгородѣ.

Въ Новгородѣ я пробылъ до декабря мѣсяца 1833 г., срисовывая въ тамошнихъ церквахъ и монастыряхъ болѣе или менѣе достопримѣчательныя древности. По обыкновенію, о своихъ работахъ и изысканіяхъ я доносилъ Оленину. Такъ, однажды, я, между прочимъ, донесъ ему, что нашелъ въ сараяхъ Софійскаго собора, подъ кучами извести, разломанныя рѣзныя изъ дерева ворота, сдѣланныя по повелѣнію царя Ивана Васильевича Грознаго. Алексѣй Николаевичъ поручилъ мнѣ попросить отъ его имени преосвященнаго Тимофея: «не можетъ-ли онъ употребить своего содѣйствія въ порученіи кому-либо исправить сіи ворота починкою и беречь оныя, ибо они, по рѣдкости своей, заслуживаютъ вниманія». Я исполнилъ это порученіе Алексѣя Николаевича, но что сталось съ воротами Грознаго — мнѣ неизвѣстно.

Въ первыхъ числахъ декабря А. Н. Оленинъ далъ мнѣ знать, что онъ предполагаетъ меня отправить прямо изъ Новгорода въ Москву «для продолженія тамъ данныхъ мнѣ порученій». Но такъ какъ, по нѣкоторымъ домашнимъ обстоятельствамъ, а главное по случаю нездоровья, мнѣ необходимо было побывать въ Петербургѣ для совѣта съ здѣшними докторами, то я просилъ Алексѣя Николаевича разрѣшить мнѣ это. Разрѣшеніе послѣдовало, и я немедленно прибылъ въ Петербургъ.

Привезъ я съ собою изъ Новгорода болѣе ста рисунковъ, которые и представилъ Оленину. Алексѣй Николаевичъ поднесъ ихъ государю императору. Государь остался моими рисунками доволенъ и приказалъ спросить меня, что я желаю получить въ награду? Оленинъ передалъ мнѣ это, но я ему ничего не сказалъ. Послѣ этого, Алексѣй Николаевичъ приказалъ мнѣ схо-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 301—459; томъ XIV стр. 210—212.

Библиотека "Руниверс"

дить къ министру двора, кн. Волконскому, и переговорить съ нимъ о высочайшемъ повелѣніи. Когда я явился къ князю, то онъ спросилъ меня:

— Не хочешь-ли взять жалованье? Если я стану платить тебѣ за рисунки и ты вдругъ заболѣешь, что̀ тогда будетъ?

На это я отвѣчалъ:

— Если, ваша свѣтлость, будете такъ добры, то назначьте мнѣ мое пансіонерское жалованье; я буду совершенно доволенъ.

Желаніе мое было исполнено и, кромѣ того, прислана еще награда.

Рисунки мои съ новгородскихъ древностей хранятся теперь въ Московской Оружейной палатѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

СРАЖЕНІЕ ПРИ ЧЕРНОЙ

4-го августа 1855 года[1]).

Князь Варшавскій въ извѣстномъ своемъ письмѣ, нѣкогда напечатанномъ въ „Русской Старинѣ", отозвался, что дѣло подъ Черной будетъ вѣчнымъ позоромъ нашей военной исторіи и что оно было предпринято безъ цѣли, безъ расчета и безъ надобности[2]). Несмотря на всю рѣзкость подобнаго отзыва, нельзя придти къ другому заключенію при ближайшемъ ознакомленіи съ ходомъ дѣла 4-го (16) августа 1855 г.

Пользуясь имѣющимися у насъ матеріалами, сообщаемъ краткія замѣтки, разъясняющія нѣсколько этотъ печальный эпизодъ крымской кампаніи. Нѣкоторые лишь изъ этихъ матеріаловъ были напечатаны въ „Описаніи обороны гор. Севастополя", составленномъ подъ руководствомъ генералъ-адъютанта Тотлебена[3]).

Со времени принятія княземъ Горчаковымъ главнаго начальства надъ крымской арміею, онъ не переставалъ повторять въ своихъ донесеніяхъ о необходимости воздержаться отъ наступательныхъ дѣйствій и продолжать пассивную защиту Севастополя; при этомъ князь

---

[1]) Въ XIII-мъ томѣ «Русской Старины» изд. 1875 г. напечатанъ переводъ статьи Берлинскаго военнаго журнала: «Фельдмаршалъ Паскевичъ въ крымскую войну (стр. 603—635); въ этой статьѣ упоминается вскользь о битвѣ на р. Черной (стр. 634). Предлагаемая статья, составленная по имѣющимся въ редакціи «Русской Старины» матеріаламъ, ставитъ читателя лицомъ къ лицу съ главнокомандующимъ русской арміей,—кн. М. Д. Горчаковымъ—наканунѣ, во время боя и тотчасъ послѣ злополучнаго побоища, представляя его подъ живыми впечатлѣніями этого событія.

[2]) «Русская Старина» изд. 1872 г., т. VI, стр. 427—435 и 604.

[3]) См. главу XXXIX «Сраженія при р. Черной» (часть 2-я, отдѣлъ 2-й) и относящіяся къ ней приложенія. Ред.

Библиотека "Руниверс"

Михаилъ Дмитріевичъ горячо защищалъ принятую имъ „систему темпоризаціи“ [1]).

Весьма рѣзко князь Горчаковъ выразилъ мнѣніе свое въ письмѣ отъ 18—20-го іюня [2]). „Было бы просто сумашествіемъ начать наступленіе противъ превосходнаго въ числѣ непріятеля, главныя силы котораго занимаютъ, кромѣ того, недоступныя позиціи. Первый день я бы двинулся впередъ; второй—я бы отбросилъ непріятельскій авангардъ и написалъ бы великолѣпную реляцію; третій день я былъ бы разбитъ, съ потерею отъ 10 до 15-ти тысячъ человѣкъ, и четвертый день Севастополь и значительная часть арміи были бы потеряны. Если бы я дѣйствовалъ иначе, Севастополь уже болѣе мѣсяца принадлежалъ бы непріятелю, и вашъ покорнѣйшій слуга былъ бы между Днѣпромъ и Перекопомъ“.

Не менѣе справедливо князь Горчаковъ выразился въ письмѣ отъ 5-го (17) іюля: „Я бы желалъ, любезный князь, чтобы вы убѣдились въ одной истинѣ, которую я считаю непреложною, а именно, что принятая мною система осторожности (Système de prudence) есть, конечно, наилучшая, которой можно было послѣдовать, и что полученные чрезъ нее результаты доставили неисчислимую выгоду для Россіи. Съ тѣхъ поръ, какъ я нахожусь во главѣ крымской арміи, непріятель постоянно превосходилъ меня числомъ [3])! Если бы я пы-

---

[1]) Передъ отъѣздомъ въ Севастополь, князь Горчаковъ писалъ военному министру изъ Кишинева, 23-го февраля 1855 года: «Je vous prie, cher prince, ne vous attendez pas à des miracles de ma part. C'est Dieu seul qui peut en faire et le prince Menchikoff me laisse les choses dans un tel état de décadence que ce n'est qu'avec une assistance particulière du ciel que je pourrai parvenir à me tirer d'affaire»... «Encore une fois ne me demandez pas des miracles... ne me demandez pas de coups de tête; nous n'en avons fait que trop qui ont tourné à notre détriment».

9-го марта 1855 года, изъ Севастополя тому же: «Pour les opérations, en grâce, cher prince, prenez patience et ne me pressez pas surtout à recommencer Menchikoff. La Russie paye déjà assez cher ses coups de tête et son imprudence». ...«C'est un bien détestable héritage qu'il m'a laissé en quittant la presqu'île à cette heure».

[2]) Всѣ послѣдующія письма кн. Горчакова переведены съ французскаго. Князь Михаилъ Дмитріевичъ постоянно переписывался съ военнымъ министромъ на французскомъ языкѣ. Только всеподданнѣйшія письма писались имъ по-русски.

[3]) Заграничные писатели ошибаются, говоря, что русская армія, защищавшая Севастополь, была ко времени сраженія при Черной на 40,000 человѣкъ сильнѣе осаждающаго. Напротивъ того, обратное обстоятельство имѣло постоянно мѣсто и большій или меньшій перевѣсъ въ силахъ находился на сторонѣ союзниковъ во все время севастопольской осады.

Приведемъ расчетъ силъ въ Крыму, сдѣланный княземъ Горчаковымъ во всеподданнѣйшей запискѣ отъ 14-го іюля 1855 года:

Библиотека "Руниверс"

тался атаковать его, я испыталъ бы неизбѣжное пораженіе и ближайшимъ слѣдствіемъ неудачи оказалась бы потеря Севастополя. Между тѣмъ, настоящимъ разоруженіемъ Австріи Россія обязана удержанію за нами этого пункта".

Но, къ сожалѣнію, князь Горчаковъ, по нерѣшительности своего характера, нерѣдко соглашался съ тѣмъ, кто послѣдній давалъ совѣты; это и случилось и здѣсь. Осторожный образъ дѣйствій князя Горчакова признавался, однако, не всѣми равно необходимымъ; многіе были того мнѣнія, что теперь наступило время отказаться отъ пассивной защиты Севастополя и предпринять противъ союзниковъ рѣшительныя дѣйствія. Въ числѣ сторонниковъ наступательнаго образа дѣйствій самымъ вліятельнымъ лицомъ былъ генералъ-адъютантъ баронъ Вревскій, командированный изъ Петербурга въ Крымъ еще въ іюнѣ мѣсяцѣ, чтобы собрать на мѣстѣ свѣдѣнія, въ которыхъ нуждалось военное министерство, и войти въ личное соглашеніе съ главнокомандующимъ по поводу различныхъ вопросовъ, касающихся продовольствія и подкрѣпленія ввѣренной князю Горчакову арміи. Распространеніе въ главной квартирѣ мнѣнія, идущаго совершенно въ разрѣзъ съ предположеніями князя Горчакова, не замедлило отразиться также на воззрѣніяхъ главнокомандующаго, поколебавъ постепенно первоначальное воззрѣніе его на дѣло. Поэтому неудивительно, что послѣ воен-

---

.....«При Инкерманѣ, Мекензи, Юхары-Каралесѣ-и Ташбасты, на нагорныхъ позиціяхъ восточнѣе Севастополя, прикрывающихъ непосредственно сѣверную часть этого города, находятся теперь, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Реада и генералъ-лейтенанта Липранди: 58 баталіоновъ (въ томъ числѣ 2 стрѣлковыхъ), всего 31,000 штыковъ, 20 эскадроновъ 2-й драгунской дивизіи, 6 эскадроновъ гусарскаго Его И. В-ва великаго князя Николая Николаевича полка, казаковъ 21 сотня и 216 орудій.

«Въ Севастополѣ и на сѣверной сторонѣ находится 84¼ баталіона, въ томъ числѣ 3 саперныхъ и 1 стрѣлковый, всего 50,000 штыковъ.

«Союзники имѣютъ теперь подъ Севастополемъ пѣхоты по меньшей мѣрѣ: французы 65 тысячъ чел., англичане 20 тыс. чел., сардинцы 10 тыс. чел., турки 10 тыс. чел., итого: 105,000 челов., слѣдовательно, болѣе чѣмъ мы 24,000 чел.; но это превосходство въ нѣкоторой степени уменьшается тѣмъ, что мы имѣемъ въ Севастополѣ для прислуги при артиллеріи до 6,000 пѣхотныхъ людей и до 7,000 моряковъ, тогда какъ у непріятеля артиллеристовъ гораздо меньше. Всего моряковъ теперь въ Севастополѣ до 14,000, изъ коихъ до 7,000 при орудіяхъ, 4,400 на судахъ и корабляхъ и 2,600 при адмиралтействѣ и разныхъ отдѣльныхъ работахъ.

«4-я и 5-я пѣхотныя дивизіи, примѣрно 22,000 штыковъ, придутъ къ Севастополю между 23-мъ и 27-мъ іюня».

Кромѣ того, только въ половинѣ августа поджидали къ Севастополю 17 дружинъ Курскаго ополченія, примѣрно до 13,000 штыковъ. Но одновременно съ этимъ къ союзникамъ также должны были прибыть подкрѣпленія.

Библиотека "Руниверс"

наго совѣта, собиравшагося 28-го іюля (9-го августа), князь Горчаковъ рѣшился послѣдовать мнѣнію большинства засѣдавшихъ въ немъ членовъ и атаковать союзниковъ со стороны р. Черной.

Но замѣчательно при этомъ, что въ сущности князь Горчаковъ оставался вѣренъ своему первоначальному мнѣнію и готовился къ предстоявшему бою съ мрачнымъ предчувствіемъ ожидавшаго насъ неуспѣха. Сомнѣнія, тревожившія князя Горчакова, видны всего лучше изъ письма его военному министру отъ 3-го (15) августа, отправленнаго изъ Инкермана наканунѣ сраженія при Черной: „Я выступаю противъ непріятеля, потому что, если бы я и не сдѣлалъ этого, Севастополь былъ бы все-таки потерянъ въ весьма короткое время. Непріятель дѣйствуетъ медленно и осмотрительно; онъ собралъ баснословное количество снарядовъ въ своихъ батареяхъ; это видно простымъ глазомъ. Подступы его стѣсняютъ насъ все болѣе и болѣе, и нѣтъ уже почти мѣста въ Севастополѣ, которое не было подвержено выстрѣламъ. Пули свистятъ на Николаевской площади. Нечего себя обманывать—я атакую непріятеля при скверныхъ условіяхъ (j'aborde l'ennemi dans des conditions détestables). Занимаемая имъ позиція очень сильна: на его правомъ флангѣ находится почти отвѣсная и сильно укрѣпленная Гасфорта гора; на лѣвомъ флангѣ — Федюхины горы, передъ которыми течетъ глубокій каналъ съ каменными одеждами, наполненный водою, и черезъ которую переправа возможна не иначе какъ по мостикамъ, накидываемымъ подъ огнемъ непріятеля, дѣйствующаго въ упоръ [1]). У меня 43,000 человѣкъ пѣхоты; если у непріятеля есть здравый смыслъ, онъ выставитъ противъ меня 60,000 [2]). (Si l'ennemi a du bon sens il m'en opposera 60,000)".

---

[1]) «Для довершенія удовольствія, у меня нѣтъ воды, чтобы остановиться противъ непріятеля на 24 часа времени». (Замѣтка князя Горчакова).

[2]) Для непосредственной защиты позиціи на Черной, французы располагали 17,858 чел. при 48 орудіяхъ; сардинцы, у Чоргуна—9,100 чел. при 36 орудіяхъ, и турки — около 10,000 чел. при 36 орудіяхъ. И такъ, въ случаѣ позиціи на Черной, союзники могли двинуть въ первой моментъ боя болѣе 36,000 чел. съ 120 орудіями, не считая англійской кавалеріи генерала Скарлетта въ числѣ до 3,000 челов. и прочихъ французскихъ войскъ, занимавшихъ ближайшую къ Федюхинымъ высотамъ часть Сапунъ-горы, которыя какъ бы служили резервомъ для союзной обсерваціонной арміи. Съ присоединеніемъ ихъ, численность союзныхъ войскъ, занимавшихъ позицію на Черной, достигала до 60,000 человѣкъ.

Для атаки непріятельскаго расположенія на Черной, видно, что князь Горчаковъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, независимо отъ отдѣльныхъ оберегательныхъ отрядовъ (10,163 чел. при 32 орудіяхъ), около 58,000 чел. при 272 орудіяхъ: но собственно для атаки позиціи союзниковъ на Федюхиныхъ, Гасфорта и Телеграфной горахъ было назначено только до 47,000 штыковъ

Библиотека "Руниверс"

„Если счастіе будетъ мнѣ благопріятствовать, на что я мало надѣюсь, я постараюсь воспользоваться моимъ успѣхомъ. Въ противномъ случаѣ надо будетъ покориться волѣ Божіей. Я отойду на Мекензію и увижу, какъ очистить Севастополь съ возможно меньшими потерями. Я надѣюсь, что мостъ чрезъ бухту будетъ готовъ во́-время и что это мнѣ облегчитъ дѣло".

„Прошу васъ припомнить данное мнѣ обѣщаніе—оправдать меня въ свое время и на своемъ мѣстѣ. Если дѣла получатъ дурной оборотъ, меня нельзя будетъ въ этомъ винить. Я сдѣлалъ, что было возможно, но со времени моего прибытія въ Крымъ задача была слишкомъ трудна".

Читая эти строки, нельзя не удивляться, какимъ образомъ главнокомандующій при такомъ ясномъ сознаніи ожидавшихъ его невзгодъ

вслѣдствіе чрезмѣрнаго увеличенія такъ называемыхъ «оберегательныхъ отрядовъ», имѣвшихъ чисто оборонительную цѣль.

Въ выше приведенномъ письмѣ военному министру, отъ 3-го (15) августа 1855 г., князь Горчаковъ насчитываетъ штыковъ, съ которыми ему предстояло вступить въ бой, 43,000. Въ дѣйствительности же, если не считать 4-й пѣхотной дивизіи, не принимавшей участія въ атакѣ 4-го (16) августа, то въ это сраженіе было введено нами не болѣе 40.000 штыковъ.

Что же касается главнаго кавалерійскаго резерва (50 эскадроновъ, 9 сотень казаковъ и 28 орудій), то онъ могъ быть употребленъ въ дѣло только по овладѣніи лѣвымъ берегомъ Черной.

Сравнивая численность нашихъ войскъ, назначенныхъ для наступательныхъ дѣйствій, съ численностью союзниковъ, оборонявшихъ линію Черной, не трудно убѣдиться, что наши силы немногимъ превышали войска, которыми располагалъ непріятель для непосредственной защиты р. Черной. Но съ другой стороны, независимо отъ мѣстныхъ свойствъ позиціи, которыя давали союзникамъ надъ нами рѣшительное преимущество, мы не могли ввести въ бой болѣе 47,000 штыковъ, тогда какъ непріятель имѣлъ полную возможность подкрѣплять свои войска, по мѣрѣ надобности, частями осаднаго корпуса и быстро сосредоточить на атакованной нами позиціи до 60,000 штыковъ.

Французы вообще сильно преувеличиваютъ наши силы, участвовавшія въ дѣлѣ на Черной, до невѣроятности уменьшая численность своихъ войскъ; притомъ, самыя цифры сильно разнятся между собою въ различныхъ французскихъ сочиненіяхъ. Такъ, напр., въ сочиненіи Ожѐ: «Историческій обзоръ службы артиллеріи» (Auger: «Historique du service de l'artillerie 1854—1856») сказано, что мы спустились съ Мекензіевой горы въ числѣ 70,000 пѣхоты; въ тоже время численность сражавшихся французскихъ войскъ принимается въ 12,000 челов. (!!!). Цифры, приведенныя въ «Atlas historique et topographique de la guerre d'Orient» уже гораздо ближе къ истинѣ, въ особенности относительно русской арміи; численность французскихъ войскъ, введенныхъ 4-го (16) августа въ бой, показана въ 16,000 челов. (??) и 72 орудія, а силы атаковавшихъ ихъ русскихъ войскъ опредѣлены въ 39,000 и 154 орудія.

Библиотека "Руниверс"

и самой безпощадной критики подготовляемаго предпріятія, все же рѣшился атаковать союзниковъ на Черной [1]).

Дѣло 4-го (16) августа князь Горчаковъ слѣдующимъ образомъ описываетъ въ письмѣ къ военному министру, отправленномъ на другой день послѣ несчастнаго сраженія.

5-го (17) августа 1855 г.

(Переводъ съ французскаго): Любезный князь! Рокъ, тяготѣющій надъ нами, не перестаетъ преслѣдовать насъ [2]). Какъ вы уже знаете изъ моего послѣдняго письма, я имѣлъ мало надежды, въ виду численнаго превосходства непріятеля, одержать значительный успѣхъ, атакуя со стороны Черной. Я твердо рѣшился сначала обозрѣть его расположеніе и предпринять атаку только тогда, когда увижу хоть нѣкоторую возможность успѣха. Сообразно этому, всѣ диспозиціи были написаны и объяснены всѣмъ начальникамъ. Генералу Реаду было именно приказано стать съ двумя дивизіями противъ Федюхиныхъ, завязать тамъ артиллерійскій бой, но не переходить рѣки и не атаковать горъ безъ особеннаго на это отъ меня приказанія. Генералу Липранди, который командовалъ лѣвымъ флангомъ, было приказано овладѣть, съ двумя дивизіями, на правомъ берегу высотами близь Чоргуна, слабо занятыми непріятелемъ. 4-я и 5-я пѣхотныя дивизіи и кавалерія должны были составить резервъ. Первоначальное намѣреніе мое заключалось въ томъ, чтобы, по овладѣніи высотами впереди Чоргуна, основательно обозрѣть позицію сардинцевъ близь Черной, атаковать затѣмъ Гасфорта высоты и двинуть пѣхоту Реада, какъ первое подкрѣпленіе войскамъ Липранди, оставивъ артиллерію Реада противъ Федюхиныхъ, подъ прикрытіемъ части моей кавалеріи. Все это было объяснено генералу Реаду, но я ему предписалъ также быть готовымъ атаковать Федюхины, когда я ему это прикажу, въ томъ случаѣ, если Гасфорта высоты будутъ мною найдены слишкомъ сильно занятыми. Въ этомъ

---

[1]) Это мрачное настроеніе кн. Горчакова, предчувствовавшаго неизбѣжную неудачу 4-го (16) августа, прекрасно выразилось въ разговорѣ съ генералъ-адъютантомъ Вревскимъ наканунѣ сраженія. Прощаясь съ нимъ, князь Горчаковъ сказалъ:

— «Ну-съ, пора и отдохнуть».

На это баронъ Вревскій отвѣчалъ: «Я завидую вашему сіятельству: нѣсколько часовъ отдѣляютъ васъ отъ дня вашей славы».

— «Что вы говорите!—сурово замѣтилъ князь. Я знаю, что меня ожидаетъ завтра; прощайте!» («Р. А.» 1874 г., тетрадь 7-я. Изъ воспоминаній о войнѣ 1853—1856 годовъ. И. И. Красовскаго).

[2]) «La fatalité qui pèse sur nous ne cesse de nous poursuivre».

Библиотека "Руниверс"

случаѣ пришлось бы поддерживать Реада войсками Липранди съ главнымъ резервомъ.

Въ 4 часа утра войска Липранди и Реада и часть резерва спустились съ Мекензіи. Я послалъ тогда моихъ адъютантовъ сказать генераламъ Липранди и Реаду начинать дѣло. Первый понялъ приказаніе, занялъ, сообразно диспозиціи, высоты Чоргуна и остановился въ ожиданіи моихъ приказаній. Но въ тотъ моментъ, когда я прибылъ на высоты, которыя онъ только что занялъ, я услышалъ сильный ружейный огонь противъ Федюхиныхъ. Это былъ Реадъ, двинувшій впередъ обѣ свои дивизіи. Съ этого момента я увидѣлъ, что дѣло было испорчено, и, смотря на дивизіи Реада, которыя взбирались на гору, я былъ поставленъ въ необходимость направить имъ въ подкрѣпленіе ближайшія войска, а именно: 5-ю дивизію, находившуюся въ резервѣ, и три полка отъ войскъ Липранди. Между тѣмъ непріятель притягивалъ значительныя подкрѣпленія къ Федюхинымъ и окрестностямъ ихъ. Онъ развернулъ на различныхъ пунктахъ болѣе 50,000 челов., а наши войска введены были въ бой частями, и атака не могла болѣе имѣть никакого успѣха, потому что обѣ разбитыя дивизіи Реада были уже отброшены отъ горъ съ огромною потерею. Надо было прекратить бой. Я отступилъ на разстояніе малаго пушечнаго выстрѣла отъ Черной и оставался въ этой позиціи около четырехъ или пяти часовъ, въ надеждѣ, что непріятель, ободренный успѣхомъ, рѣшится, можетъ быть, атаковать меня; но, къ сожалѣнію, онъ этого не сдѣлалъ и ограничился тѣмъ, что выслалъ стрѣлковъ къ самой рѣкѣ. И такъ, мы испытали пораженіе, понеся при этомъ значительную потерю отъ 7-ми до 8-ми тыс. чел. [1]). Къ довершенію несчастія, большинство раненыхъ на горѣ осталось въ рукахъ непріятеля; даже тѣло генерала Реада, убитаго въ моментъ, когда началось отступленіе, не было унесено. Между тѣмъ, вотъ что случилось съ Реадомъ. Въ то время, когда мой адъютантъ передалъ ему приказаніе, о которомъ упомянуто было выше, онъ спросилъ его: „хочу-ли я, чтобы онъ атаковалъ"? Адъютантъ сказалъ ему: „главнокомандующій приказалъ только начать сраженіе". На это онъ отвѣчалъ: „хорошо, я буду обстрѣливать не-

---

[1]) Русскія войска лишились въ день 4-го (16) августа всего убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими: офицеровъ 260 (въ этомъ числѣ находились 11 генераловъ: убитыхъ 3, раненыхъ 4, контуженныхъ 4) и нижн. чиновъ 8,010.

Потери союзныхъ войскъ были весьма незначительны и заключались въ 196 чел. убитыхъ и 1,551 раненыхъ.

По донесенію генерала Пелисье отъ 6-го (18) августа 1855 г., одни французы похоронили 2,199 русскихъ тѣлъ.

Библиотека "Руниверс"

пріятеля" [1]). Что могло побудить Реада начать атаку, не получивъ на это новаго приказанія послѣ атаки, продолжавшейся менѣе получаса, и прежде чѣмъ успѣли подойти къ нему резервы — объ этомъ одинъ Богъ вѣдаетъ, потому что онъ и его начальникъ штаба убиты... [2]).

„Я не говорю о заботахъ, которыя меня обременяютъ, ни о томъ, какъ постоянно надрывается мое сердце. Какъ вы уже знаете, у меня было мало надежды одержать дѣйствительный успѣхъ, но жестокія потери, которыя мы испытали, не должны были имѣть мѣста. Я стараюсь утѣшить себя мыслью, что если я не достигъ даже временнаго успѣха и если мы понесли такую большую потерю, то причиною этому одно изъ тѣхъ роковыхъ обстоятельствъ, которыя людская мудрость не можетъ ни предвидѣть, ни предотвратить. Грустное утѣшеніе. Надо признаться, что рокъ жестоко тяготѣетъ надъ нами.« Бѣдный Вревскій былъ убитъ около меня въ то время, когда я принималъ на себя командованіе корпусомъ Реада, вслѣдствіе смерти сего послѣдняго. Такъ какъ огонь былъ довольно силенъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ я находился, то начальникъ штаба приказалъ моей свитѣ удалиться. Вревскій, который остался съ нами, вскорѣ былъ убитъ ядромъ въ голову. Четверть часа передъ этимъ была убита его лошадь и онъ получилъ контузію, но онъ пересѣлъ на другую лошадь, чтобы далѣе сопровождать меня.

„Войско выказало удивительную храбрость, что̀ заставляетъ еще болѣе болѣть мое сердце. Оно перешло рѣку и каналъ и взобралось

---

[1]) .....«Au moment où mon aide de camp lui transmit l'ordre mentionné plus haut, il lui demanda: «Si je voulai qu'il attaquât?» L'aide de camp lui dit: «Le général en chef a donné l'ordre seulement de commencer le combat». Là dessus il répondit: «C'est bien, je canonnerai l'ennemi».

[2]) Эпизодъ этотъ въ сраженіи при Черной, вызвавшій собою кровавое недоразумѣніе 4-го (16) августа, не подвергся до сихъ поръ всестороннему и вполнѣ удовлетворительному разъясненію; въ немъ осталось не мало еще темныхъ сторонъ. Въ этомъ дѣлѣ особенное вниманіе заслуживаетъ то обстоятельство, что содержаніе офиціальныхъ документовъ идетъ совершенно въ разрѣзъ съ показаніями частныхъ лицъ и воспоминаніями очевидцевъ. На основаніи свидѣтельства многихъ участниковъ боя 4-го (16) августа, въ томъ числѣ и бывшаго начальника 7-й пѣхотной дивизіи генерала отъ инфантеріи Ушакова, войска корпуса праваго фланга уже открыли по Федюхинымъ высотамъ огонь, когда къ генералу Реаду подъѣхалъ адъютантъ главнокомандующаго И. И. Красовскій, и потому слова «начинать дѣло» нельзя было отнести болѣе къ дѣйствію артиллеріи; на этомъ основаніи, генералъ Реадъ полагалъ, что приказано атаковать, потому что начинать не было ничего другаго. Подлинная записка генерала Ушакова напечатана въ приложеніяхъ къ «Описанію обороны г. Севастополя» вмѣстѣ съ разными другими матеріалами, относящимися до этого происшествія. **Ред.**

Библиотека "Руниверс"

на гору, подъ адскимъ ружейнымъ огнемъ, съ неподражаемою смѣлостью. Всѣ непріятельскіе баталіоны были вдвое сильнѣе нашихъ. Въ моей оцѣнкѣ его силъ я ошибся, считая ихъ даже слабѣе, чѣмъ это оказалось. Онъ показалъ намъ также многочисленную кавалерію.

„Въ моемъ донесеніи есть смѣшная сторона, заключающаяся въ томъ, что оно кажется списаннымъ съ донесенія Пелисье послѣ штурма 6-го (18) іюня. Онъ тоже приписываетъ испытанную имъ неудачу тому обстоятельству, что одна изъ его дивизій предприняла несвоевременную атаку, и хвастается тѣмъ, что мы не смѣли его преслѣдовать. Дѣло въ томъ, что подобные случаи могутъ имѣть мѣсто во всѣхъ сраженіяхъ, но они проходятъ незамѣченными, когда сраженіе дается при благопріятныхъ обстоятельствахъ, тогда какъ въ противномъ случаѣ они неизбѣжно сопровождаются плачевными результатами. 6-го (18) іюня всѣ обстоятельства были противъ Пелисье, такъ какъ наша артиллерія не была демонтирована. Вчера всѣ обстоятельства были противъ меня, потому что непріятель превосходилъ насъ числомъ войскъ и занималъ весьма сильную позицію.

„Если бы у меня было тысячъ двадцать человѣкъ болѣе, я бы не былъ остановленъ неудачею, испытанною вначалѣ, и кончилъ бы тѣмъ, что завладѣлъ Федюхиными. Все это—ретроспективная стратегія, очень вѣрная, но которая, къ сожалѣнію, мнѣ ни къ чему не послужитъ. Дѣло теперь въ томъ, чтобы переформировать войско, укомплектовать его дружинами Курской губерніи, которыя прибываютъ ко мнѣ, отослать кадры резервныхъ баталіоновъ, и т. д. Это громадный трудъ, не говоря о Севастополѣ. Только чрезъ нѣсколько дней я буду въ состояніи рѣшить, нужно-ли будетъ вытребовать сюда 8,000 человѣкъ отъ Лидерса или будетъ это безполезно.

„Примите и пр. Михаилъ Горчаковъ“.

..... „Со вчерашняго вечера непріятель много стрѣлялъ противъ города. Временная-ли это канонада или начало окончательнаго бомбардированія — мы не можемъ рѣшить это ранѣе завтрашняго дня“.

Изъ приведеннаго нами здѣсь письма видно, что причину неудачнаго для насъ исхода сраженія 4-го (16) августа князь Горчаковъ сваливаетъ на рокъ (la fatalité), который яко бы не перестаетъ тяготѣть надъ нимъ и его распоряженіями [1]); при этомъ искупительной

[1]) Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ своихъ военному министру (20-го августа) князь Горчаковъ снова возвращается къ причинѣ неудачи сраженія 4-го (16) августа и по прежнему снова приписываетъ его одному изъ тѣхъ роковыхъ обстоятельствъ, которыя людская мудрость не можетъ ни предвидѣть, ни предотвратить (.....«C'est ainsi que je vous l'ai dit, une de ces circonstances fatales qu'il n'est donné à la sagesse humaine, ni de prévoir, ni de détourner.

Библиотека "Руниверс"

жертвой является несчастный генералъ-адъютантъ Реадъ, предпринявшій по недоразумѣнію преждевременную атаку помимо воли главнокомандующаго, имѣвшаго только намѣреніе: „обозрѣть расположеніе непріятельскихъ войскъ, прикрывающихъ осаду Севастополя, и, буде окажется возможность, оттѣснить ихъ отъ р. Черной къ Сапунъ-горѣ“ [1]).

Даже въ официіальной реляціи генералъ Реадъ, павшій жертвою при исполненіи невозможнаго предпріятія, выставленъ главнымъ виновникомъ неудачи 4-го августа и неисполнителемъ предначертаній главнокомандующаго. А именно въ ней сказано: „Порывъ, оказанный въ ономъ всѣми частями войскъ нашихъ, имѣлъ бы, безъ сомнѣнія, счастливый исходъ, если бы генералъ Реадъ не сдѣлалъ преждевременной частной атаки, вмѣсто той, которую я предполагалъ сдѣлать совокупно войсками его и генералъ-лейтенанта Липранди, непосредственно поддержанными главнымъ резервомъ“.

Не отрицая нисколько вліянія, оказаннаго на исходъ сраженія этимъ обстоятельствомъ, нельзя не замѣтить, что и безъ возникшаго тогда недоразумѣнія трудно было ожидать 4-го (16) августа успѣха, уже въ виду однихъ распоряженій главнокомандующаго предъ сраженіемъ при Черной. Слѣдовало бы, во всякомъ случаѣ, положительно опредѣлить, еще до начала сраженія, главный пунктъ атаки, а не отыскивать его на не вполнѣ знакомой намъ мѣстности во время боя, такъ какъ не подлежало сомнѣнію, что ключомъ непріятельской позиціи были Федюхины горы, а не Гасфорта высоты. Князь Горчаковъ самъ сознавалъ это, судя по диспозиціи его, данной генералъ-адъютанту Реаду, въ которой встрѣчаются подробныя указанія для занятія Федюхиныхъ горъ, между тѣмъ какъ въ диспозиціи

Qui diable pouvait prévoir que Réad verrait la lune à gauche etc., etc? Je vous prie beaucoup de ne pas etruiter cette triste circonstance par égard pour sa mémoire, car il a vécu et s'est fait tuer en brave et loyal soldat»).

Обстоятельство, о которомъ упоминаетъ князь Горчаковъ, что генералъ Реадъ видѣлъ луну съ лѣвой стороны, Бергъ въ своихъ запискахъ объ осадѣ Севастополя (2 части. Москва, 1858 г.) разсказываетъ слѣдующимъ образомъ: отрядъ генерала Реада, дойдя, ночью наканунѣ сраженія, до мѣста, называемаго «новымъ редутомъ», на отлогости Мекензіевой горы, остановился. «Въ это время свѣтилъ еще мѣсяцъ; генералъ Реадъ, лежа на травѣ, спросилъ у адъютанта начальника штаба, ротмистра Столыпина:

— «Съ какой стороны вы увидѣли мѣсяцъ?»

— Съ правой, ваше высокопр-ство!

— «А я такъ съ лѣвой,—сказалъ Реадъ;—говорятъ, это не хорошо!»

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе князя Горчакова о сраженіи при р. Черной, отъ 6-го (18) августа 1855 г.

Библиотека "Руниверс"

для корпуса лѣваго фланга только слегка упомянуто, что, по занятіи Телеграфной горы, войска генералъ-лейтенанта Липранди готовятся къ переправѣ черезъ р. Черную, для атаки Гасфорта высотъ. Избравъ заблаговременно главнымъ пунктомъ атаки Федюхины горы, необходимо было, пользуясь утреннимъ туманомъ, выставить противъ до 100 орудій на правомъ берегу р. Черной и, послѣ непродолжительнаго обстрѣливанія этихъ высотъ, стремительно атаковать ихъ тремя дивизіями, поддерживаемыми главнымъ пѣхотнымъ резервомъ. Только при подобномъ образѣ дѣйствій можно было надѣяться стать твердою ногою на Федюхиныхъ высотахъ до прибытія сильныхъ резервовъ союзниковъ, находившихся по близости, на Сапунъ-горѣ.

Библиотека "Руниверс"

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Подметное воззваніе Левенгаупта

1708 г.

Представляемое здѣсь подметное объявленіе или воззваніе шведскаго главнокомандующаго графа Карла-Эмиля Левенгаупта было обращено къ малороссіянамъ во время вторженія шведовъ въ южную Россію, въ 1708 году; это документъ, доселѣ историкамъ неизвѣстный, выясняетъ какимъ образомъ озлобленный противъ Россіи Карлъ XII, кромѣ распространенія въ Малороссіи поджоговъ домовъ и селеній, старался возмутить страну подметными листами противъ московскаго владычества, представляя Малороссіи на видъ слѣдующее: „Чужестранную Міністерію для собственной умыслѣ, по долгомъ времяни Россіискихъ подданныхъ досадїла и утѣсняла, отъ чего де многіе своему Государству доброжелателные Россіиские подданные не токмо лишилисъ своего имѣния, но и жестокимъ да россыскимъ образомъ въ конечное разорение и къ тому доведены, чтобъ и животъ имъ не мїлъ былъ". Вотъ какимъ удобопонятнымъ языкомъ говорилъ Малороссіи шведскій полководецъ!

Актъ этотъ выгровированъ на листѣ красиво, заглавными и не прописными буквами, въ двѣ колонны, и передается слово въ слово, строка въ строку, которыхъ считается съ подписью графа Левенгаупта шестьдесятъ пять. По чистотѣ рѣзныхъ буквъ можно предполагать, что актъ этотъ выгравированъ въ Петербургѣ, при какомъ-либо правительственномъ учрежденіи, иностранцемъ, гдѣ въ это время ихъ множество пребывало, а паче выходцевъ-авантюристовъ, вслѣдствіе приглашенія иностранцевъ на русскую службу, и отъ которыхъ потомъ Петръ Великій всячески долженъ былъ избавляться.

Сообщ. **Н. Н. Мурзакевичъ.**

Библиотека "Руниверс"

Его королевского велїчества шведского
моего всемилостивеишаго короля и государя
Главной Командиръ и Генералъ Аншефъ надъ воиски шведскими

Я

Карлъ Эмилъ Левенгауптъ,

Графъ,

Объявляю съ симъ всѣмъ и каждѣмъ
отъ Хвалного Всероссїиского народа:
что Королевское Шведское Войско токмо въ томъ намѣренїи въ Россїи прибылъ, дабы съ помощию божиею какъ удоволствование о многократныхъ неправедливостяхъ, отъ чужестранного въ прошедшихъ годахъ царствующаго въ Россїи Министерство Швецию приключенныхъ, такъ и надлежащая безопасностъ въ предъ нашему Государству учиненна быть имѣла, да всероссїискои народъ свобожденъ отъ несносного ига и ярости, съ кемъ вышепомянутая чюжестранная Мїнистерїя для собственной своей умыслѣ, по долгомъ уже времяни Россїискихъ подданныхъ досадїла и утѣсняла, отъ чего де многїе своему Государству доброжелательные Россїиские подданные не токмо лишилисъ своего имѣния, но и жестокимъ да россыскимъ образомъ въ конечное разорение и къ тому доведены, чтобъ и животъ имъ не мїлъ былъ, а некоторая частъ въ немилостїю и въ ссылку послана. Такимъ способомъ и подобнымъ образомъ королевское Шведское Войско тщитца будетъ, дабы Хвалныи всероссїиской народъ для собственнои своеи благополучия и безопасности къ освобождению отъ иностранныхъ тягостнаго утѣсненїи и безчеловѣчного мучительство имѣлъ свободное и волное избрание законнога и праведливога государя, подъ которово державу всероссїиской народъ къ жизну да имѣнию охраненъ быть можетъ, и съ кемъ Швецїя въ благословеннымъ
...озомъ и въ надежномъ сосѣдствѣ
...желюбно житъ могъ, чрезъ тогоде
...жба между обоїми государствами
.. ползѣ обоїхъ сторонъ непременно
. одержана быть имѣетъ, что такъ не
..удается, пока мѣстъ чюжестраннымъ
позволяется по ихъ охотою да себѣ радѣющыи для собственныхъ ихъ умыслъ надъ Россїиской имперїи верныхъ подданныхъ такъ волно и яростно государствовати, да еще къ тому дружеи
..ихъ ихъ сосѣдовъ потрудити и доса-
..ти. Въ томъ Его Королевского
..лїчества правомъ и законномъ
намѣренїи всѣ тѣ Россїиского народа которые съ Королевскимъ Величествомъ
согласно поступаютъ и равное имѣютъ
мнѣние, яко други почитаны, и не токмо къ жизну да всю ихъ имѣнїю въ Ево
высокомъ Королевскомъ защищенїи
и протекцїи содержаны и охранены будутъ, но имъ нан паче обѣщаетца особливое крепкое споможение, понеже Его
Королевское величество намѣренъ, тогожъ часа оружие свое положитъ и удержатъ, какъ то, что выше
обявлено, до самои конецъ изполняется.

Карлъ Эмилъ Левенгауптъ.

(печать гербовая)

Манштейны.

Отца Манштейна, знаменитаго составителя Записокъ, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1875-го года, звали Эрнестъ-Севастїанъ; въ спискѣ генералъ-поручиковъ его нѣтъ. Голиковъ (2-е изда-

Библиотека "Руниверс"

ніе, томъ XIII, 415 и 642) называетъ его бригадиромъ, а въ другомъ мѣстѣ, (томъ XV, 97)—полковникомъ. Мать Манштейна, Доротея, рожд. Дитмаръ, была сестра шведскаго посланника въ С.-Петербургѣ.

Въ словарѣ: Neues Preussisches Adels-Lexicon... bearbeitet... unter dem Vorstande des Freiherrn L. v. Zedlitz-Neukirch. Leipzig, 1837. III. 351, жена Манштейна (автора Записокъ) названа не Финкъ, а Функъ (Juliane, Tochter des chemaligen russischen Stallmeisters v. Funk).

Тамъ же сказано, что отъ этого брака родились два сына и четыре дочери. Изъ нихъ упоминается объ Эрнстѣ-Іоганнѣ Манштейнѣ, родившемся въ Пруссіи въ 1742 и умершемъ въ 1808 г. въ чинѣ генералъ-лейтенанта въ отставкѣ. Странно это имя, Эрнстъ-Іоганнъ, напоминающее самый трагическій эпизодъ изъ жизни Манштейна: имя имъ арестованнаго Бирона.

Кромѣ законныхъ дѣтей, у Манштейна былъ и незаконный сынъ, рожденный отъ турчанки, которому онъ далъ фамилію Штейнманъ, составленную чрезъ перестановку слоговъ: Ман-штейнъ — Штейн-манъ. Будучи уже въ чинѣ маіора, этотъ Штейнманъ возведенъ былъ 3-го ноября 1776 г. въ прусское дворянское достоинство и былъ въ послѣдствіи полковникомъ въ отставкѣ; отъ брака съ Луизою Рёмплеръ (Louise Römpler) остались нѣсколько сыновей и дочерей. (См. тамъ же, IV, 234, т. е. въ „Лексиконѣ Цедлица").

Сообщ. кн. А. В. Лобановъ-Ростовскій.

Графъ Александръ Головкинъ.

Нижепомѣщаемые документы относятся къ сыну государственнаго канцлера гр. Гавріила Головкина († 1734) и старшему брату злополучнаго вице-канцлера и андреевскаго кавалера гр. Михаила Головкина, сосланнаго въ Сибирь въ 1741 г. и умершаго тамъ въ 1755 г.—Гр. Александръ Головкинъ, д. т. совѣтн. и кавалеръ св. Андрея, посланникъ въ Берлинѣ, потомъ въ Парижѣ, наконецъ, въ Голландіи, † 1760 г. Оба раскрипта къ нему императрицы Елисаветы Петровны опредѣляютъ положеніе быта опальнаго и дружескія къ нему отношенія всесильнаго тогда государ. канцлера гр. А. П. Бестужева-Рюмина.

Ред.

I.

(По титулѣ). Высокоблагоурожденный намъ любезновѣрный. Мы рекомендуемъ вамъ стараніе в'вашемъ мѣстѣ приложить: нѣсколько птицъ малинькихъ параклетовъ, которые наилучше къ разговорамъ человѣческимъ привыкаютъ и говорятъ, и нѣсколько же бѣлыхъ кинарѣекъ, кои минуэты и другіе малинькіе аріи свистать могутъ, пріискать и

Библиотека "Руниверс"

купить. И сколько возможно будетъ ихъ сыскать, то оныхъ съ пристойными клѣтками сюда, ко двору нашему, на отходящихъ оттуда корабляхъ, сколь скоро возможно отправить; а сколько вы на то денегъ издержите, о томъ въ нашу коллегію иностранныхъ дѣлъ доносить имѣете, которые потому вамъ немедленно заплачены и переведены будутъ. Впрочемъ, пребываемъ и пр. Елисаветъ.

Данъ въ С.-Петербургѣ, апрѣля 22-го дня 1746 года.

Подписалъ: „гр. Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ".

Д. т. сов. чрезвыч. и полномоч. послу гр. А. Г. Головкину.

II.

Божіею милостію мы Елисаветъ Первая, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему дѣйствительному тайному совѣтнику, чрезвычайному и полномочному послу графу Александру Головкину.

Мы къ удовольствію и спохвалою слышимъ о тѣхъ качествахъ и поведеніи, вкоторыхъ ваши сыновья находятся, но не безудивленія токмо сіе усматриваемъ, что хотя они, особливо старшіе, довольно уже возрастны суть, однакожъ вы ихъ всѣхъ еще при себѣ безвсякой отъ нихъ могущей быть пользы содержите, а сюда, для поступленія по достоинству ихъ внашу службу ни однаго не пришлете; ежлибъ иногда къ вамъ тому нѣкоторое сумнительство или опасеніе, случившіеся съ братомъ вашимъ, ниже для васъ, ниже для дѣтей вашихъ ни малѣйшимъ примѣромъ быть не можетъ; яко онъ самъ себя несчастливымъ учинилъ, самъ на себя и отвѣтствуетъ; а впрочемъ мы довольно памятуемъ, колико наши, въ бозѣ почивающіе Государи Родители, какъ покойнаго вашего отца, такъ и васъ всѣхъ, дѣтей его, для оказываемой къ Ихъ Величествамъ отъ времени до времени вѣрности и добрыхъ услугъ въ своей Высочайшей милости всегда содержали, въ семъ обыкновенно и мы Высокоупомянутымъ Нашимъ Родителямъ въ разсужденіи васъ для оказуемой и Намъ прямой вѣрности и службы вашей не инако, но совершенно послѣдовать хощемъ, да и братъ вашъ равномѣрно тѣмже всегда пользоваться могъ бы, ежлибъ онъ съ прочими въ толь тяжкія преступленія себя не уклонилъ, и яко вы по сему довольно видѣть можете, что, не будучи отъ васъ никакое участіе въ дѣлахъ и преступленіяхъ брата вашего, Наша Высочайшая Милость квамъ не только ни малѣйшее не отъемлиться, но оную и дѣти ваши продолжительно возимѣютъ; тако и Наше-жъ Всемилостивѣйшее намѣреніе и соизволеніе есть, дабы вы своихъ старшихъ сыновей сюда къ намъ отправили, которыхъ мы въ службу при Нашемъ Дворѣ весьма охотно увидимъ и, какъ по собственному ихъ до-

Библиотека "Руниверс"

стоинству, такъ и для знатности ихъ фамиліи, размѣряемыми чинами Всемилостивѣйше не оставимъ, а впредь, по усмотрѣнію, и въ Министерствѣ Нашемъ, гдѣ либо при чужестранныхъ дворахъ употребить ихъ толь наипаче склонны будемъ, понеже мы слышимъ, что они по своимъ наукамъ и не безполезны быть могутъ[1]). И пребываемъ вамъ впрочемъ и пр.

Данъ въ Санктъ-Петеръ-Бургѣ, октября 27-го дня 1746 г. (на подлинномъ): „Елисаветъ".

Сообщ. кн. А. В. Лобановъ-Ростовскій.

Разсказы князя П. М. Волконскаго,

записанные съ его словъ А. В. Висковатовымъ, въ январѣ 1845 г.

I.

Я родился 26-го апрѣля 1776 г.; воспитывался въ домѣ родителей, которые всячески старались отыскивать лучшихъ, по тогдашнему времени, учителей, и, по возможности своего состоянія, ничего на сіе не щадили.

Въ царствованіе Екатерины II всѣ дворяне, какъ извѣстно, поступали на службу еще малолѣтными, особенно имѣвшіе нѣкоторые для сего случаи записывались даже со дня ихъ рожденія; такимъ образомъ и я, по просьбѣ дяди моего, кн. Дмитрія Петровича Волконскаго (въ послѣд. ген.-лейт., † 1853 г.), служившаго офицеромъ въ л.-гв. Преображенскомъ полку, записанъ былъ въ день крещенія моего въ л.-гв. Преображенскій полкъ сержантомъ и получилъ увольнительный паспортъ до окончанія наукъ.

Отецъ мой, кн. Мих. Петровичъ Волконской († 1796 г.), имѣвшій въ супружествѣ кн. Елисавету Петровну, рожденную Макулову, служилъ тогда офицеромъ въ л.-гв. Конномъ полку, но, бывъ весьма слабаго здоровья, принужденъ былъ оставить службу изъ ротмистровъ съ чиномъ бригадира.

Командовавшій въ то время л.-гв. Коннымъ полкомъ преміеръ-маіоръ генералъ-поручикъ Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, по дружбѣ своей съ отцомъ моимъ, уговорилъ его перевести меня въ л.-гв. Конный полкъ, въ который и былъ я перечисленъ, но съ чиномъ унтеръ-офицера и чрезъ нѣсколько дней произведенъ былъ въ вицъ-вахмейстеры, потомъ въ вахмейстеры, съ увольненіемъ въ отпускъ до окончанія наукъ.

---

[1]) Гр. Иванъ Александр. впослѣд. д. ст. сов. и гр. Петръ Александр. ст. сов.

Библиотека "Руниверс"

Въ концѣ 1791 г. отецъ мой, желая познакомить меня съ настоящею службою, просилъ ротмистра Ладыженскаго[1]), съ коимъ онъ былъ въ дружбѣ, позволить мнѣ, въ свободное время отъ науки, начать дѣйствительную службу, которая, по молодости лѣтъ моихъ, меня утѣшала и занимала.

Въ началѣ 1792 г. дядя мой, кн. Дм. Пет. Волконской, бывъ арміи полковникомъ и командиромъ Московскаго гренадерскаго полка, имѣлъ случай, по родству своему съ командующимъ л.-гв. Семеновскимъ полкомъ, подполковникомъ генералъ-аншефомъ гр. Николаемъ Ивановичемъ Салтыковымъ и по дружбѣ его съ секундъ-маіоромъ бригадиромъ Александромъ Михайловичемъ Римскимъ-Корсаковымъ, перевести меня сержантомъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ, гдѣ также продолжалъ я отправлять дѣйствительную службу въ свободное отъ наукъ время.

1793 января 1-го дня произведенъ въ прапорщики; 1794 января 1-го дня—въ подпоручики.

Въ томъ же году дядя мой, ген.-маіоръ кн. Николай Сергѣевичъ Волконской (въ послѣд. ген. отъ инфант., род. 1753 г. † 1821 г.), посланъ былъ въ Берлинъ съ поздравленіемъ къ королю прусскому по случаю женитьбы двухъ сыновей его, наслѣдника престола Фридриха Вильгельма и принца Людвига, на двухъ сестрахъ принцессахъ Мекленбургъ-Стрѣлицкихъ; я назначенъ былъ въ должность адъютанта при кн. Николаѣ Сергѣевичѣ и съ нимъ отправился, 10-го марта, чрезъ Ригу, Мемель, Кенигсбергъ, Маріенвердеръ, Кульмъ и Кюстринъ въ Берлинъ, куда прибыли, по случаю дурной дороги, 30-го марта 1794 г.

Въ то время находился въ Берлинѣ россійскимъ посланникомъ д. т. совѣтникъ гр. Нессельроде и при немъ два брата Алопеусы.

По прибытіи нашемъ, были мы представлены ко двору для исполненія возложеннаго порученія, потомъ осматривали все достойное примѣчанія въ Берлинѣ, Шарлотенбургѣ, Потсдамѣ и въ окрестностяхъ; часто бывали на смотрахъ и ученіяхъ разныхъ прусскихъ войскъ. Въ концѣ мая мѣсяца отправились изъ Берлина обратно въ Россію чрезъ Ораніенбургъ, Штетинъ, Данцигъ, Кенигсбергъ и Мемель. Въ Ораніенбургѣ останавливались нѣсколько дней по случаю пребыванія тамъ прусскаго принца Гейнриха, брата короля Фридриха Великаго.

По невозможности возвратиться въ Россію сухимъ путемъ по случаю бывшей революціи въ Польшѣ, принуждены были изъ Мемеля отправиться водою на россійской военной яхтѣ, называемой „Снокопъ“,

---

[1]) Сей самый Ладыженскій въ коронованіе императора Павла I получилъ фамилію кн. Ромадановскаго-Ладыженскаго.

Библиотека "Руниверс"

подъ командою капитанъ-лейтенанта Акимова[1]). Бунтующіе поляки не только что убивали всѣхъ проѣзжающихъ чрезъ Полангенъ, но даже забирали почту, отправляемую на мелкихъ судахъ изъ Мемеля въ Либаву, что побудило россійское правительство посылать прямо въ Мемель изъ Риги находившіяся тамъ военныя небольшія суда, какъ для перевоза почты, курьеровъ, такъ и для разныхъ россійскихъ пассажировъ.

Вмѣстѣ съ нами на яхтѣ отправились изъ Мемеля прибывшіе туда послѣ варшавской революціи ген.-маіоръ Степанъ Степановичъ Апраксинъ, съ супругою Катериною Владиміровною, и посланные въ С.-Петербургъ изъ арміи нашей, находившейся въ Польшѣ, курьерами подполковникъ Михаилъ Алек. Обрѣсковъ и арміи капитанъ баронъ Будбергъ.

Плаваніе наше изъ Мемеля до Риги продолжалось семь дней по случаю штилей въ первые два дни, потомъ противныхъ вѣтровъ и шторма въ послѣднія сутки.

7-го іюня прибыли мы въ Ригу, гдѣ, пробывъ нѣсколько дней у генер.-губернатора генералъ-аншефа кн. Ник. Вас. Репнина, возвратились въ С.-Петербургъ; я явился на службу въ полкъ, гдѣ вскорѣ назначенъ былъ въ должность полковаго адъютанта и исправлялъ оную, по заведенному тогда порядку, понедѣльно очередуясь съ Христофоромъ Андреевичемъ Ливеномъ, кн. Алек. Григ. Щербатовымъ и, наконецъ, съ Сергѣемъ Яковлевичемъ Репнинскимъ.

Отправляя такимъ образомъ службу, имѣлъ я возможность въ лѣтнее время отлучаться всегда въ деревню къ родителямъ моимъ, въ 80-ти верстахъ отъ С.-Петербурга, и пріѣзжая только въ С.-Петербургъ на недѣлю своего дежурства.

Во время пребыванія императрицы Екатерины II въ лѣтнее время въ Царскомъ Селѣ, каждое воскресеніе гвардіи маіоры обязаны были пріѣзжать въ Царское Село съ рапортомъ отъ полка; когда же маіоръ, по болѣзни или по другому какому случаю, самъ не могъ ѣхать, то посылалъ рапортъ съ полковымъ адъютантомъ, который отдавалъ рапортъ дежурному генер.-адъютанту и имѣлъ счастіе быть приглашенъ къ большому столу ея величества, каковое счастіе и я имѣлъ въ 1795 г.

5-го ноября 1796 г., по утру, узналъ я отъ пріѣхавшаго ко мнѣ. изъ дворца л.-гв. Измайловскаго полка сержанта Д. Ник. Болговскаго, бывшаго на ординарцахъ при кабинетѣ у императрицы Екатерины II, что ея величество поражена апоплексическимъ ударомъ.

---

[1]) Капитанъ-лейтенантъ Акимовъ въ царствованіе императора Павла I пропалъ безъ вѣсти въ С.-Петербургѣ. **кн. П. В.**

Библиотека "Руниверс"

II.

Съ 6-го на 7-е ноября 1796 г. послѣ полуночи, собраны были всѣ гвардейскіе полки на своихъ полковыхъ дворахъ, для присяги вступившему на престолъ императору Павлу I, гдѣ получили приказъ императора, что наслѣдникъ престола Александръ Павловичъ назначенъ шефомъ л.-гв. Семеновскаго полка. Извѣстіе сіе чрезвычайно обрадовало весь полкъ.

Хотя въ сіе время дежурнымъ по полку адъютантомъ былъ Сергѣй Яковлевичъ Репнинской, но бывшій у приведенія полка къ присягѣ премієръ-маіоръ генералъ-поручикъ В. И. Левашовъ приказалъ мнѣ быть при относѣ знаменъ изъ полка въ Зимній дворецъ, куда мы съ нимъ отправились напередъ.

По прибытіи въ Зимній дворецъ на половину наслѣдника, В. И Левашевъ пошелъ къ его высочеству и, по выходѣ отъ него, приказалъ мнѣ идти внизъ дожидаться знаменъ, о прибытіи коихъ доложить наслѣднику.

Сошедъ съ подъѣзда, называемаго тогда Салтыковскимъ, я пошелъ на Дворцовую площадь, на встрѣчу ротѣ; но, увидѣвъ ходящихъ близь среднихъ воротъ Зимняго дворца нѣсколькихъ офицеровъ, въ мундирахъ новаго покроя, пошелъ къ нимъ изъ любопытства; каково же было мое удивленіе, видѣвъ самого наслѣдника, въ 2 часа ночи, въ мундирѣ л.-гв. Семеновскаго полка новаго покроя, въ андреевской лентѣ и шарфѣ по кафтану и съ нимъ вновь назначеннаго с.-петербургскимъ комендантомъ генералъ-маіора Аракчеева, плацъ-маіора Капцевича и плацъ-адъютанта Апрѣлева, разставляющихъ новыя пестрыя будки и часовыхъ. Наслѣдникъ, увидѣвъ меня, подошелъ тотчасъ ко мнѣ, спросилъ мое имя и котораго я полка; на мой отвѣтъ сказалъ, оборотясь къ Аракчееву:

— „Это нашего полка".

Потомъ спросилъ меня, кто капитанъ идетъ со знаменами и въ правой ли рукѣ несутъ ружья? О капитанѣ я доложилъ, что идетъ съ 10-ю ротою капитанъ Елагинъ, о томъ же, какъ несутъ ружья,—не имѣя на то приказанія,—не могъ удовлетворительно отвѣчать и пошелъ на встрѣчу ротѣ о томъ объявить, потому что прежде сего носили ружья, во всякомъ случаѣ, на лѣвомъ плечѣ; наслѣдникъ, дождавшись прибытія роты, самъ изволилъ повести меня со знаменами вверхъ въ комнату, назначенную для знаменъ, возлѣ танцовальной залы, на половинѣ императора Павла I, потомъ отпустилъ насъ домой.

На другой же день начались вахтъ-парады въ присутствіи государя императора Павла I и ихъ императорскихъ высочествъ, но какъ,

Библиотека "Руниверс"

по очереди карауловъ, слѣдовало вступить л.-гв. Измайловскому полку, то и не почелъ я за нужное быть въ сей день у развода; получивъ потомъ приказъ, чтобы всѣ офицеры всегда приходили на вахтъ-парадъ, началъ и я туда являться каждый день.

Въ царствованіе императрицы Екатерины II, одинъ только караулъ Зимняго дворца приходилъ на Дворцовую площадь, гдѣ на особомъ для сего мѣстѣ строился во фронтъ для принятія знамени, которое приносилъ всегда гренадерскій взводъ, и, по отданіи чести знамени, караулъ вступалъ на дворъ дворца для смѣны стараго караула.

По принятіи же престола императоромъ Павломъ I, тотчасъ заведены были вахтъ-парады по примѣру прусскихъ и какъ были въ Гатчинѣ.

Какъ никто изъ гвардейскихъ офицеровъ не имѣлъ понятія объ оныхъ, то въ первые дни ихъ императорскія высочества, также комендантъ, плацъ-маіоръ и плацъ-адъютанты водили офицеровъ за руки для показанія каждому своего мѣста. Вообще вся служба измѣнилась, а 10-го ноября, по утру, вступили въ С.-Петербургъ изъ Павловскаго и Гатчины всѣ войска, тамъ находившіяся при бывшемъ наслѣдникомъ императорѣ Павлѣ, состоящія изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи,— всего не болѣе 2 или 3 т. человѣкъ. Адъютанту, прибывшему отъ заставы съ извѣстіемъ, что войска прибыли къ заставѣ, г. поручику Ратькову, пожалованъ орденъ св. Анны 2-й степени. Орденъ св. Анны раздѣленъ на 3 класса: 1-го—лента со звѣздою, 2-го—крестъ на шею, а 3-го — крестъ на эфесѣ шпаги. Первый изъ гвардейскихъ офицеровъ получилъ орденъ 2-й степени—стоявшій въ караулѣ въ Зимнемъ дворцѣ въ день восшествія на престолъ, л.-гв. Измайловскаго полка капитанъ Петръ Александровичъ Талызинъ.

Войска сіи встрѣчены были самимъ императоромъ Павломъ I; наслѣдникъ и великій князь Константинъ Павловичъ находились при тѣхъ баталіонахъ, коими командовалъ ихъ императорское высочество еще въ Гатчинѣ.

По прибытіи на площадь Зимняго дворца, всѣ сіи войска прошли церемоніальнымъ маршемъ, тихимъ шагомъ, мимо императора, потомъ зашли во фронтъ въ одну линію, гдѣ императоръ Павелъ I самъ изволилъ объявить имъ изустно, что они поступаютъ въ гвардію, назначивъ каждый баталіонъ въ который полкъ. Оберъ-офицеры поступали тѣми же чинами, а штабъ-офицеры полковниками въ гвардію.

Сіе послѣднее назначеніе въ полковники всѣхъ удивило, ибо въ гвардіи полковниками именовались одни государи, а подполковники и маіоры были генеральскихъ чиновъ; но отданный о семъ приказъ пояснилъ таковое назначеніе переименованіемъ вообще всѣхъ чиновъ.

Библиотека "Руниверс"

Полки гвардіи всѣ были переформированы. Л.-гв. Преображенскій изъ 4-хъ баталіоновъ 4-хъ ротныхъ—въ 3 баталіона пяти-ротные; л.-гв. Семеновскій полкъ и Измайловскій изъ 3-хъ баталіоновъ 4-хъ ротныхъ—въ двухъ баталіонные пяти-ротные; гренадерскія двѣ роты Преображенскаго полка составили особый гренадерскій баталіонъ; двѣ же роты гренадерскія, одна Семеновскаго и одна Измайловскаго полковъ, составили сводный гренадерскій баталіонъ.

Егерскій баталіонъ Преображенскаго полка и двѣ егерскія роты, одна семеновская и одна измайловская, составили особый гвардейскій егерскій пятиротный баталіонъ. Бомбардирская рота Преображенскаго полка съ пушкарскими командами Семеновскаго и Измайловскаго полковъ составили артиллерійскій гвардейскій баталіонъ. Въ Конной гвардіи прежнія роты получили наименованіе эскадроновъ, коихъ было десять.

Лейбъ-гусаровъ была только команда, но съ поступившими изъ Гатчины составился эскадронъ. Прежніе мундиры свѣтло-зеленые всей гвардіи уничтожены; приказано имѣть темно-зеленые, какъ и во всей арміи.

При семъ расформированіи по новому положенію слѣдовало быть одному только полковому адъютанту, почему и отбирали желаніе у бывшихъ адъютантовъ: кто желаетъ поступить въ сію должность? Всѣ, кромѣ меня, пожелали поступить во фронтъ, а я просилъ оставить меня адъютантомъ и всячески старался привести скорѣе отправленіе моей должности по вновь заведенному порядку, въ чемъ и имѣлъ успѣхъ, ибо 11-го числа ноября за отличіе произведенъ въ поручики, оставаясь полковымъ адъютантомъ. При производствѣ меня въ поручики, я тутъ же благодарилъ государя императора Павла I, ставъ, по тогдашнему обычаю, на правое колѣно, цѣловалъ руку, а его величество изволилъ цѣловать въ щеку; приподнявъ меня, изволилъ сказать:

— „Продолжай такъ служить, служба твоя за мною не пропадетъ".

Хотя въ сіе время морозы были пресильные, но вахтъ-парады производились съ большою церемоніею и продолжались довольно долго. По окончаніи парада, пароль и приказъ отдавался въ первые дни на дворѣ Зимняго дворца, потомъ, по случаю большихъ морозовъ, приказъ отдавался всѣмъ адъютантамъ въ верху, въ комнатѣ возлѣ конно-гвардейскаго караула, на половинѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ присутствіи государя императора; приказъ диктовалъ всегда наслѣдникъ по званію своему с.-петербургскаго военнаго губернатора. Въ одинъ изъ сихъ дней случилось быть дежурнымъ при его величествѣ флигель-адъютанту кн. Андрею Ивановичу Горчакову, племян-

Библиотека "Руниверс"

нику фельдмаршала гр. Суворова, который никакъ не могъ успѣвать слѣдовать диктаціи наслѣдника и ничего не написалъ; по заведенному же тогда обычаю, долженъ былъ флигель-адъютантъ, писавшій приказъ, прочитывать оный вслухъ государю императору; князь Горчаковъ, подойдя къ императору, сказалъ его величеству на ухо пароль, но, начавъ читать приказъ, остановился, потому что ничего не писалъ. Государь императоръ закричалъ на него:

— „Читайте, сударь!"

Князь Горчаковъ, оробѣвъ, совсѣмъ ничего не могъ читать; тогда государь, оборотясь ко мнѣ, сказалъ:

— „Пожалуйте, сударь, прочитайте мнѣ приказъ".

По счастію моему, я писалъ всегда сокращенно и вѣрно; прочитавъ приказъ, государь изволилъ поклониться мнѣ въ поясъ, и сказалъ:

— „Благодарю васъ, сударь, что замѣнили моего адъютанта, который такъ плохъ, что и читать не умѣетъ".

Обратясь же къ кн. Горчакову, сказалъ:

— „Что ты о себѣ вздумалъ, что ты племянникъ Суворова, обвѣшенъ крестами[1]); знай, что у меня крестовъ много въ гардеробѣ виситъ на гвоздикахъ; учись, сударь, читать и дѣлать свое дѣло".

Сказавъ сіе, откланялся всѣмъ и вошелъ въ комнаты къ императрицѣ.

Въ сіе время имѣлъ я несчастіе потерять родительницу свою, по какому случаю и имѣлъ позволеніе отъ наслѣдника остаться на 9 дней дома у отца своего.

По прошествіи срока, явился я опять къ своей должности и, дабы отправлять оную съ бо́льшою точностію, принужденъ былъ оставить родительскій домъ и переѣхать въ полкъ къ пріятелю и товарищу своему, поручику Семеновскаго полка гр. Павлу Ивановичу Тизенгаузену.

III.

При вступленіи императора Павла I на престолъ, его величество, слѣдуя во многомъ примѣрамъ прусскаго правленія во время короля Фридриха Великаго, назначилъ вторымъ военнымъ губернаторомъ въ С.-Петербургѣ генерала отъ инфантеріи Николая Петровича Архарова, а оберъ-полиціймейстеромъ былъ ген.-маіоръ Чулковъ, которые, по приказанію его величества, доносили ежедневно не только о

---

[1]) У кн. Андрея Ивановича Горчакова былъ тогда прусскій орденъ Pour le mérite, данный ему послѣ прагскаго штурма. **Кн. П. В.**

Библиотека "Руниверс"

малѣйшихъ происшествіяхъ въ городѣ, но даже о частныхъ разговорахъ, которые доходили до нихъ чрезъ полицейскихъ шпіоновъ, собиравшихъ таковыя свѣдѣнія чрезъ домашнихъ у господъ служителей, въ трактирахъ и кабакахъ отъ солдатъ и отъ всякаго званія людей; почему весьма нерѣдко свѣдѣнія сіи о разговорахъ были преувеличены, особенно по неудовольствію нѣкоторыхъ крѣпостныхъ людей на своихъ господъ, чему могутъ служить примѣромъ слѣдующіе анекдоты:

Однажды вечеромъ потребованъ я былъ прямо къ государю; прибывъ, нашелъ въ передней товарищей своихъ, адъютантовъ полковъ л.-гв. Преображенскаго Толбухина, Измайловскаго—Комаровскаго и Конной гвардіи—Николая Николаевича Леонтьева, которые тоже были требованы къ его величеству; всѣхъ насъ позвали вмѣстѣ къ его величеству; государь, подошедъ къ намъ, сказалъ:

— „Господа, до меня доходитъ, что господа офицеры гвардіи ропщутъ и жалуются, что я ихъ морожу на вахтъ-парадахъ; вы сами видите, въ какомъ жалкомъ положеніи служба въ гвардіи: никто ничего не знаетъ, каждому надобно не только толковать, показывать, но даже водить за руки, чтобъ дѣлали свое дѣло; кто не хочетъ служить — поди прочь, никого не удерживаютъ, я хочу, чтобъ каждый зналъ свою должность; ежели кто изъ васъ услышитъ вновь отъ кого ропотъ, то приказываю вамъ таковому отрѣзать ухо и ко мнѣ принести; подите и объявите о семъ вашимъ начальникамъ и товарищамъ, господамъ офицерамъ, каждый по своему полку“.

При семъ случаѣ находились въ кабинетѣ адмиралъ Григорій Григорьевичъ Кушелевъ и ген.-адъютантъ Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ.

Вышедъ изъ кабинета, каждый изъ насъ поѣхалъ къ своимъ начальникамъ: я напередъ пошелъ къ наслѣднику и донесъ о семъ его высочеству, а потомъ генералъ отъ инфантеріи Левашову и объявилъ всѣмъ баталіоннымъ командирамъ и гг. штабъ- и оберъ-офицерамъ полка. Нѣсколько дней спустя послѣ сего, по отданіи приказа въ конно-гвардейской комнатѣ, государь приказалъ всѣмъ адъютантамъ подождать и, оборотясь къ генералу Николаю Петровичу Архарову, сказалъ:

— „Извольте привести“.

Архаровъ вышелъ въ переднюю и потомъ тотчасъ возвратился съ оберъ-полиціймейстеромъ Чулковымъ, за которымъ слѣдовали вышедшій незадолго предъ тѣмъ въ отставку изъ Семеновскаго полка капитанъ Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ и служащій въ томъ же полку штабсъ-капитанъ Василій Ивановичъ Лихачевъ. Появленіе сихъ офицеровъ удивило всѣхъ и наслѣдника. Государь, приказавъ имъ стать

Библиотека "Руниверс"

вокругъ ихъ, велѣлъ Архарову читать письмо, которое имѣлъ онъ въ рукахъ при входѣ изъ передней.

Письмо сіе было отъ неизвѣстнаго, который доносилъ, что гвардіи офицеры жалуются на государя и на новую службу, что собираются у капитана Дмитріева съ Лихачевымъ, дѣлаютъ заговоръ и посягаютъ на жизнь государя. Письмо сіе всѣхъ поразило и всѣ смотрѣли на Дмитріева и Лихачева, какъ на злодѣевъ.

Знавшіе же Дмитріева за человѣка весьма умнаго, ученаго и при томъ извѣстнаго автора и отличныхъ правилъ честности, а Лихачева за добраго, хотя простаго ума человѣка, удивлялись ему тѣмъ болѣе, что Дмитріевъ никогда съ Лихачевымъ не былъ не только въ связи, но едва были они знакомы между собою, потому что Лихачевъ большею частію находился въ отпуску и весьма мало служилъ.

По прочтеніи письма, государь сказалъ:

— „Вотъ, господа, слышите повтореніе того, что я объявлялъ чрезъ адъютантовъ вашихъ; я не могу оставить дѣла сего безъ строжайшаго изслѣдованія для собственной своей безопасности и въ безчестіи для гг. офицеровъ гвардіи“.

Потомъ приказалъ Архарову взять Дмитріева и Лихачева къ себѣ къ допросу, коихъ Архаровъ и Чулковъ и повели за собою опять въ переднюю; а наслѣдникъ великій князь Константинъ Павловичъ и бывшіе всѣ въ командѣ адъютанты бросились цѣловать руку государя, объявляя, что никто не выдастъ и всѣ будутъ защищать его величество. Потомъ государь изволилъ войти въ комнаты императрицы Маріи Ѳеодоровны, а адъютанты всѣ разошлись.

Изслѣдованіе сего дѣла продолжалось нѣсколько дней и весьма безпокоило императрицу, государя, наслѣдника и Архарова, который никакъ не могъ добраться, кто писалъ письмо, каковое открытіе сдѣлалъ, наконецъ, братъ Лихачева, Яковъ Ивановичъ, Семеновскаго полка поручикъ, бывшій въ первый день происшествія сего въ караулѣ, но, по смѣнѣ, явившись къ Архарову, просилъ показать ему письмо, узналъ руку крѣпостнаго человѣка старшаго своего брата, В. И. Лихачева, почему сей человѣкъ былъ взятъ и по допросу признался, что написалъ письмо сіе изъ злости на своего господина, наказывающаго его часто за пьянство, и слышавъ, что въ полиціи даютъ деньги за разные доносы, написалъ сіе письмо и отдалъ будочнику для доставленія въ полицію.

По обнаруженіи сего изслѣдованія, на другой день, послѣ отданія приказа, вновь Архаровъ, по приказанію государя, ввелъ въ конногвардейскую комнату Дмитріева и Лихачева. Государь, обратясь къ нимъ, сказалъ:

Библиотека "Руниверс"

— „Господа, я прошу васъ забыть бывшее съ вами приключеніе, которое меня весьма безпокоило, и радъ, что изслѣдованіе открыло вашу невинность, но вы признаетесь сами, что мнѣ нельзя было поступить иначе“.

Поцѣловавъ ихъ обоихъ, отпустилъ; тутъ опять всѣ бывшіе въ комнатѣ начали цѣловать руки у государя, увѣряя его величество въ преданности къ его особѣ и ко всему дому его.

Нѣсколько дней спустя, потребованъ былъ изъ л.-гв. Семеновскаго полка унтеръ-офицеръ Александръ Павловичъ Зассъ къ Николаю Петровичу Архарову къ допросу по сдѣланному тамъ доносу, но, оказавшись невиннымъ, возвращенъ въ полкъ и на другой же день произведенъ былъ въ прапорщики съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ къ его императорскому величеству, а другой унтеръ-офицеръ Зассъ взятъ изъ полка и пропалъ безъ вѣсти.

IV.

По недостатку въ городѣ, ни въ коммисаріатѣ темно-зеленаго сукна, приказано: до полученія таковаго въ полки изъ коммисаріата, перешить носимые свѣтло-зеленаго сукна мундиры по образцу гатчинскихъ; но какъ покрой старыхъ мундировъ былъ распашной и не позволялъ застегиваться на всѣ пуговицы до низа, то и приказано было передѣлать ихъ по образцу гатчинскихъ, застегивающихся только на двѣ среднія пуговицы, и шляпы перевязать также на гатчинскій манеръ, обшивъ края бѣлою тесьмою, и вмѣсто сапоговъ сдѣлать суконные черные штиблеты, что все было исполнено ко дню перенесенія тѣла покойнаго императора Петра III изъ Невскаго монастыря въ Зимній дворецъ. Л.-гв. Семеновскій полкъ, въ день сей церемоніи, стоялъ на Невскомъ проспектѣ, спиною къ гостинному двору.

Тѣло императора Петра III поставлено было въ Зимнемъ дворцѣ, въ Бѣлой залѣ, на катафалкѣ, по правую сторону тѣла императрицы Екатерины II. Вскорѣ перевезены были оба гроба въ Петропавловскую церковь съ большою церемоніею, гдѣ и погребены по церемоніалу.

V.

Для изученія новаго порядка службы приказано было собираться ежедневно въ Зимній дворецъ, въ Знаменную комнату, возлѣ большой церкви, всѣмъ гвардіи генераламъ, штабъ-офицерамъ и адъютантамъ; въ присутствіи государя императора и ихъ императорскихъ высочествъ наслѣдника Александра Павловича и великаго князя Константина Павловича читалъ первоначально артиллеріи генералъ-маіоръ Кана-

Библиотека "Руниверс"

бихъ новый военный уставъ, переведенный съ нѣмецкаго прусской арміи устава, употреблявшійся уже въ Гатчинѣ. Въ сей комнатѣ поставленъ былъ длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, на концѣ котораго сидѣлъ ген.-маіоръ Канабихъ, а кругомъ генералы и штабъ-офицеры, а позади ихъ адъютанты; государь съ наслѣдникомъ и великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ сидѣли возлѣ ген.-маіора Канабиха [1]).

Чтеніе сіе продолжалось нѣсколько дней, до окончанія всего устава, и въ чтеніи перемѣнялись генералы и штабъ-офицеры; какъ большаго успѣха отъ таковаго чтенія быть не могло, то каждый старался пріобрѣсть книгу устава и обучался самъ по книгѣ и по указаніямъ поступившихъ изъ гатчинскихъ войскъ штабъ- и оберъ-офицеровъ, коимъ государь изволилъ пожаловать: всѣмъ штабъ-офицерамъ, имѣвшимъ въ Гатчинѣ шпаги съ крестами св. Анны, тотъ же орденъ 2-й степени, по двѣ тысячи душъ, каждому на выборъ; прочимъ по тысячѣ душъ; капитанамъ и штабсъ-капитанамъ по 500 душъ, а оберъ-офицерамъ по сту душъ.

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, послѣ вахтъ-парадовъ, всѣ военные вообще должны были находиться, при выходахъ въ церковь ихъ величествъ, въ башмакахъ, застегивая мундиры на три крючка противу среднихъ пуговицъ.

На вахтъ-парадахъ же носили, съ 1-го ноября по 1-е марта, мундиры, застегнутые на всѣ пуговицы; въ большіе морозы оберъ-роки, то есть такіе же мундиры одинъ на другомъ. Тѣ полки, у коихъ были лацканы, застегивали ихъ также на всѣ пуговицы, шпаги носили въ лѣвой фалдѣ, а шарфы по мундиру, въ перчаткахъ съ крагенами и тростями. Съ 1-го марта по 1-е іюня мундиры застегивали на среднія двѣ пуговицы, шарфы носили по камзолу и шпаги на боку; съ 1-го іюня по 1-е сентября мундиры застегивали на крючки противу среднихъ пуговицъ, шарфы также по камзолу и шпаги на боку. Баталіонные командиры и всѣ оберъ-офицеры и солдаты носили тогда лѣтніе штаны, а генералы и младшіе штабъ-офицеры и адъютанты носили всегда лосинные штаны и ботфорты; съ 1-го сентября по 1-е ноября носили мундиры застегнутыми на двѣ пуговицы, какъ въ мартѣ мѣсяцѣ.

Полки, имѣвшіе лацканы, съ 1-го марта по 1-е іюня раскрывали лацканы и застегивали мундиры на крючки до низа и также на двѣ нижнія пуговицы, шпаги въ фалдѣ и шарфы по мундиру. Съ 1-го іюня

---

[1]) Разсказы о Канабихѣ см. въ «Русской Старинѣ» 1870 г., изд. третье, томъ I, стр. 445; 419; 586 и друг.

Библиотека "Руниверс"

по 1-е сентября застегивали мундиры на три средніе крючка, шарфы носили по камзолу, а шпаги на боку съ лѣтними штанами. Съ 1-го сентября по 1-е ноября — какъ въ мартѣ мѣсяцѣ.

Въ табельные дни и большіе праздники, лѣтомъ, носили бѣлые штиблеты.

VI.

Въ началѣ 1797 г. всѣ полки гвардіи выступили изъ С.-Петербурга въ Москву и шли побаталіонно, по старшинству полковъ; я находился при лейбъ-баталіонѣ Семеновскаго полка, съ коимъ шелъ генералъ отъ инфантеріи Василій Ивановичъ Левашовъ.

15-го числа марта, на переходѣ изъ Черной грязи въ Москву, объѣхалъ насъ государь императоръ Павелъ Петровичъ со всею свитою, близь Всесвяцкаго; былъ очень доволенъ устройствомъ баталіоновъ и благодарилъ генерала Левашова. Полкъ въ Москвѣ расположился въ тотъ же день на квартиры подъ Новинскимъ, а императоръ съ императрицею остановились въ Петровскомъ дворцѣ, гдѣ всякій день были вахтъ-парады, сначала отъ армейскихъ полковъ, въ Москвѣ находившихся. Всѣ гвардіи офицеры ежедневно должны были находиться тамъ на вахтъ-парадахъ.

По прибытіи л.-гв. Семеновскаго полка въ Москву, явился я съ рапортомъ къ прибывшему изъ Персіи ген.-маіору Александру Михайловичу Римскому-Корсакову, который назначенъ былъ командиромъ 2-го баталіона л.-гв. Семеновскаго полка, а какъ генералъ Левашовъ мало занимался полкомъ, то наслѣдникъ предоставилъ генералу Корсакову входить во всѣ подробности командованія полкомъ. Генералъ-маіоръ Корсаковъ въ короткое время ввелъ щегольство и равенство въ одеждѣ полка, а также въ ученіи полкъ отличался отъ прочихъ.

Государь императоръ, бывъ весьма недоволенъ армейскими полками въ Москвѣ, приказалъ гвардіи штабъ- и оберъ-офицерамъ, преимущественно поступившимъ изъ гатчинскихъ войскъ, обучать армейскіе полки, а гвардіи ходить вмѣсто ихъ въ караулъ въ Петровскій дворецъ, гдѣ ежедневно были вахтъ-парады.

16-го числа марта прибылъ въ Петровскій дворецъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Павловичъ съ великою княгинею Елисаветою Алексѣевною.

17-го марта, въ вечеру, въ Петровскомъ дворцѣ, въ круглой залѣ, прибивали новыя знамена л.-гв. Семеновскаго полка, а на другой день, по утру, было освященіе сихъ знаменъ Петровскаго дворца передъ Семеновскимъ полкомъ, коимъ командовалъ наслѣдникъ великій князь

Библиотека "Руниверс"

Александръ Павловичъ. Въ день вшествія, 28-го марта, ихъ величествъ въ Москву, армейскіе полки пошли отъ заставы до Кремляи, оттуда до Слободскаго дворца, были расположены по обѣ стороны улицъ шпалерами. Государь императоръ съ наслѣдникомъ Александромъ Павловичемъ и великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, съ большою свитою, ѣхали верхомъ въ предшествованіи гвардейской кавалеріи; за свитою его величества ѣхали, верхами, въ шитыхъ кафтанахъ, всѣ придворные кавалеры, потомъ государыня императрица съ великими княгинями и великими княжнами, въ парадныхъ каретахъ, съ статсъ-дамами, камеръ-фрейлинами и фрейлинами.

За симъ слѣдовали всѣ полки гвардейской пѣхоты, съ артиллеріею повзводно, тихимъ шагомъ. Шествіе началось отъ Петровскаго дворца, по полудни въ первомъ часу.

Войска гвардіи были собраны въ семь часовъ и стояли отъ Петровскаго дворца правымъ флангомъ по лѣвую сторону большой дороги, въ линіяхъ.

По прибытіи къ Воскресенскимъ воротамъ, ихъ величества прикладывались къ образу Иверской Богородицы, потомъ въѣхали въ Кремль чрезъ Никольскія ворота, остановились у Успенскаго собора, изволили быть въ соборахъ и прикладывались къ мощамъ; войска стояли повзводно, какъ шли; потомъ шествіе продолжалось чрезъ Спасскія ворота по Покровкѣ, Басманной, чрезъ Красныя ворота, Нѣмецкую слободу, въ Слободскій дворецъ, куда прибыли въ 9-мъ часу по полудни, откуда войска распустили по новымъ квартирамъ. Л.-гв. Семеновскій полкъ расположился по двумъ Басманнымъ улицамъ. На другой день входа въ Нѣмецкую слободу вахтъ-парады были ежедневно отъ гвардіи на площади, противу Слободскаго дворца, до переѣзда ихъ величествъ въ Кремлевскій дворецъ, 1-го апрѣля, для коронаціи; тогда вахтъ-парады были въ Кремлѣ.

Въ день коронаціи, 5-го апрѣля, всѣ войска гвардіи и арміи, въ Москвѣ находящіяся, были въ строю расположены въ Кремлѣ, около соборовъ и по площадямъ Кремля; всѣми войсками командовалъ генералъ-фельдмаршалъ кн. Николай Васильевичъ Репнинъ.

Вновь сформированный изъ выбранныхъ людей изъ конной гвардіи, одинъ эскадронъ кавалергардовъ одѣтъ былъ въ серебряныя латы, сдѣланныя изъ бывшихъ столовыхъ серебряныхъ сервизовъ для намѣстниковъ. Кавалергарды сіи были расположены шпалерами во дворцѣ, отъ трона, по Красному крыльцу, до Успенскаго собора. Командовалъ ими шефъ ихъ генералъ-фельдмаршалъ гр. Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ, также въ серебряныхъ латахъ. Коронованіе происходило по высочайше утвержденному церемоніалу.

Библиотека "Руниверс"

По окончаніи церемоніи, войска были распущены по квартирамъ.

По прошествіи назначенныхъ дней для празднества коронаціи, высочайшій дворъ переѣхалъ въ Слободскій дворецъ 15-го апрѣля.

При семъ случаѣ было весьма много разныхъ милостей, для награжденія таковыхъ и гвардіи офицеровъ; полки были вновь переформированы: Преображенскій въ 4 баталіона, а Семеновскій и Измайловскій въ три баталіона, отчего послѣдовало прибавленіе числа генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ. Я произведенъ въ штабсъ-капитаны съ оставленіемъ полковымъ адъютантомъ.

23-го апрѣля ихъ величества ѣздили съ ихъ высочествами въ Троицкую лавру и возвратились въ вечеру на другой день въ Слободскій дворецъ; 26-го апрѣля весь дворъ переѣхалъ въ Кремлевскій дворецъ; 29-го апрѣля, по случаю Преполовенія, для крестнаго хода въ Кремлѣ, всѣ войска были въ строю; іордань была устроена на Москвѣ-рѣкѣ, противу Тайницкихъ воротъ. Къ вечеру дворъ возвратился въ Слободскій дворецъ.

VII.

3-го мая государь императоръ съ наслѣдникомъ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ и великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ и со свитою поѣхали чрезъ Смоленскъ въ Минскую, Гродненскую, Виленскую, Курляндскую и Лифляндскую губерніи въ Павловское, а императрица съ великими княгинями и великими княжнами чрезъ Тверь и Новгородъ въ Павловское, куда прибыли 7-го мая; въ тоже время выступили всѣ полки гвардіи изъ Москвы въ С.-Петербургъ; шли тѣмъ же порядкомъ.

Я оставался въ Москвѣ, по случаю болѣзни, и настигъ полкъ въ Твери, съ которымъ и продолжалъ маршъ.

20-го іюня 1797 г. прибылъ въ Павловское 1-й баталіонъ л.-гв. Семеновскаго полка, гдѣ былъ встрѣченъ его императорскими величествами и ихъ высочествами.

Во время пребыванія въ Павловскѣ, всякій день былъ вахтъ-парадъ съ ученіемъ на дворѣ дворца, а баталіонныя ученія на полѣ, предъ дворцомъ. Гг. штабъ- и оберъ-офицеры баталіоновъ гвардіи, въ Павловскѣ находящихся, имѣли счастіе быть приглашаемы ежедневно къ обѣду и ужину, по 5-ти и 6-ти человѣкъ съ каждаго баталіона, поочереди, и должны были быть въ башмакахъ.

Баталіоны гвардіи смѣнялись между собою чрезъ каждую недѣлю съ находящимися въ Петербургѣ, а 30-го іюня всѣ баталіоны изъ Павловска возвратились въ С.-Петербургъ.

Государь наслѣдникъ, заказавъ портному для себя новый мундиръ,

Библиотека "Руниверс"

приказалъ прислать къ себѣ въ Павловское золотошвея, для вышитія петлицъ на воротникѣ и обшлагахъ, по случаю перемѣны формы мундировъ въ гвардіи. Золотошвей прибылъ рано по утру въ маленькой форменной, на четырехъ колесахъ, колясочкѣ, потому что дрожки были запрещены. По полученіи заказа работы отъ наслѣдника, золотошвей послалъ колясочку съ мальчикомъ-форрейторомъ мимо дворца и балкона, гдѣ его величество изволилъ всегда по утрамъ заниматься дѣлами съ секретарями, приказавъ мальчику идти пѣшкомъ и вести лошадь подъ уздцы. Я въ то время былъ посланъ отъ наслѣдника съ рапортомъ петербургскаго военнаго губернатора къ генералъ-адъютанту Ливену, управлявшему дѣлами по военной части, для поднесенія сего рапорта его величеству. Идя по бульвару, увидѣлъ, что лошадь золотошвея, испугавшись барабаннаго боя идущаго взвода Павловскаго гренадерскаго полка изъ крѣпости со знаменемъ во дворецъ, вырвалась изъ рукъ мальчика, бросилась въ сторону на бульваръ, но колесами задѣла за перилы бульвара, стала бить задомъ. Государь императоръ, увидѣвъ сіе съ балкона, пришелъ на мѣсто, гдѣ стояла колясочка, приказалъ находившимся тутъ всегда двумъ инвалиднымъ унтеръ-офицерамъ выпречь лошадь и бить ее палками; лошадь стала еще болѣе брыкать; наконецъ, приказалъ лошадь отдать на съѣзжую и возвратился на балконъ. По отданіи рапорта, я, возвратясь къ наслѣднику, донесъ о семъ происшествіи его императорскому высочеству и объявилъ золотошвею, котораго нашелъ еще въ комнатахъ наслѣдника. Бѣдный золотошвей не зналъ какъ воротиться въ городъ. Въ вечеру наслѣдникъ выпросилъ у государя о возвращеніи лошади.

1-го числа іюля 1797 г. дворъ переѣхалъ въ Петергофъ, гдѣ караулъ содержалъ кирасирскій полкъ ея императорскаго величества, коимъ командовалъ ген.-маіоръ Михаилъ Алексѣевичъ Обрѣсковъ.

6-го іюля ихъ величества съ ихъ высочествами великими князьями Александромъ Павловичемъ и Константиномъ Павловичемъ отправились на катерахъ изъ Петергофа въ Кронштадтъ, гдѣ сѣли на фрегатъ „Эммануилъ", нарочно построенный, и со флотомъ пошли къ Красной горкѣ для маневрированія флота, но за наступившею бурею возвратились, 12-го іюля, въ Петергофъ....

Примѣчаніе. Здѣсь прерываются разсказы свѣтлѣйшаго кн. П. М. Волконскаго, поскольку они были записаны покойнымъ отцомъ моимъ А. Висковатовымъ.

Сообщ. К. А. Висковатовъ.

Библиотека "Руниверс"

Рышковъ.

Разсказъ изъ временъ Павла I.

Разсказъ этотъ переданъ Иваномъ Прохоровичемъ Ежевскимъ, который въ Курской губерніи былъ знакомъ съ Рышковымъ и слышалъ отъ него, какъ отъ участника, о переданномъ въ разсказѣ.

Въ Курской губерніи, на границѣ Тимскаго и Щигровскаго уѣздовъ, есть село Рышково, состоявшее, въ царствованіе Павла I, преимущественно изъ однодворцевъ.

Покойный Рышковъ родился въ этой деревнѣ, въ однодворческой семьѣ, и, по достиженіи возраста, поступилъ въ военную службу, въ гатчинскія войска, находившіяся тогда подъ непосредственнымъ вѣденіемъ великаго князя и наслѣдника престола Павла Петровича.

Рышковъ, человѣкъ не глупый отъ природы и всегда усердный по службѣ, сдѣлался лично извѣстнымъ Павлу Петровичу и изъ нижнихъ чиновъ дослужился до офицерскаго чина. Чувствуя свою необразованность въ новомъ званіи, онъ сталъ усердно заниматься въ часы досуга не только чтеніемъ русскихъ книгъ и письмомъ, но изученіемъ французскаго языка, считавшагося тогда необходимымъ для офицера, состоящаго на службѣ у великаго князя. По вступленіи на престолъ Павла I, Рышковъ переведенъ былъ въ гвардію капитаномъ. Находясь одинъ разъ дежурнымъ во дворцѣ, въ залѣ, у дверей кабинета государя, гдѣ собралось нѣсколько человѣкъ генераловъ съ докладомъ къ государю, и въ томъ числѣ генералъ-губернаторъ Паленъ, Рышковъ невольно прислушивался къ разговору собравшихся лицъ, которые объяснялись между собою въ полголоса, на французскомъ языкѣ, вѣроятно, не подозрѣвая, что дежурный офицеръ пойметъ ихъ разговоръ.

Рѣчь зашла о Павлѣ и одинъ изъ генераловъ, въ порывѣ негодованія повыся голосъ, сталъ осуждать распоряженія государя. Рышковъ, какъ человѣкъ преданный Павлу, не перенесъ этого и далъ пощечину оскорбителю, произнеся, что въ присутствіи своемъ никому не дозволитъ такъ говорить о государѣ. Въ этотъ моментъ, вслѣдствіе происшедшаго шума, дверь кабинета отворилась и императоръ Павелъ вошелъ въ зало, сдѣлавшись почти очевидцемъ происшедшей сцены. Въ порывѣ гнѣва, императоръ подошелъ къ Рышкову, потрясъ его за плечо и закричалъ:

— „Какъ ты смѣлъ въ моемъ дворцѣ драться?“

Испуганный Рышковъ отвѣчалъ:

— „Виноватъ, ваше величество, но я, какъ вѣрноподданный, не могъ перенесть, когда въ моемъ присутствіи осуждаютъ государя“.

Библиотека "Руниверс"

Подъ вліяніемъ продолжавшагося гнѣва, Павелъ закричалъ:

— „Арестовать его (Рышкова) и разжаловать въ солдаты".

Рышковъ отведенъ былъ на гауптвахту, гдѣ представлялись ему печальныя картины будущаго. Но, къ великому его удивленію, онъ въ тотъ же вечеръ былъ выпущенъ, а на другой день ему объявили резолюцію государя: за преданность къ его особѣ наградить Рышкова 200-ми душъ крестьянъ и предоставить право выбрать, гдѣ онъ пожелаетъ. Но, за нарушеніе воинской дисциплины, оставить на службѣ нельзя, а уволить въ отставку съ чиномъ полковника.

Рышковъ, по предоставленному ему праву на выборъ имѣнія, пожелалъ получить въ надѣлъ 200 душъ крестьянъ изъ того же села Рышкова, гдѣ онъ родился. Желаніе его исполнилось; но онъ въ послѣдствіи сожалѣлъ объ опрометчивости своего выбора.

По вводѣ во владѣніе новаго помѣщика, когда мѣстныя полицейскія власти объявили однодворцамъ, что изъ нихъ 200 душъ, съ отписанною землею, переходятъ во владѣніе помѣщика Рышкова, то крестьяне взбунтовались. Во-первыхъ, для нихъ немыслимо было изъ свободныхъ однодворцевъ сдѣлаться крѣпостными; а вовторыхъ,—подчиниться помѣщику, выскочившему изъ своихъ же крестьянъ, между которыми не мало находилось еще въ живыхъ помнившихъ Рышкова деревенскимъ мальчишкой, съ которымъ они играли въ бабки.

Несмотря на всѣ мѣры полицейской власти, крестьяне рѣшительно отказались повиноваться своему новому помѣщику. Нужно было употребить военную силу и несчастныхъ ослушниковъ наказывали розгами, а нѣкоторыхъ сажали въ острогъ.

Покойный Рышковъ весьма долго, потомъ, возился съ своими крестьянами, пока они привыкли повиноваться его волѣ.

Впрочемъ, надобно отдать справедливость Рышкову, который не былъ для своихъ крестьянъ, какъ помѣщикъ, тяжелымъ бременемъ. Будучи по натурѣ вполнѣ честнымъ, онъ оставилъ по себѣ хорошую память, какъ между крестьянами, такъ и между дворянами, занимая по выборамъ должность засѣдателя въ уѣздномъ судѣ, на которой онъ всегда отличался безкорыстіемъ.

Весьма замѣчательно, что когда, въ сороковыхъ годахъ, въ Курскую губернію была назначена сенаторская ревизія, въ то время Рышковъ, уже весьма пожилой человѣкъ и не занимавшій никакой должности, былъ представленъ, мѣстнымъ предводителемъ дворянства, старшему чиновнику, посланному сенаторомъ на ревизію въ Щигровскій и Тимскій уѣзды, какъ честный и благонамѣренный человѣкъ. Лицо, довѣренное отъ сенатора, найдя безпорядки и запущенія въ уѣздномъ судѣ, обратилось съ вопросомъ къ предводителю дворянства

Библиотека "Руниверс"

о составѣ служащихъ суда, желая узнать его мнѣніе; тогда предводитель дворянства, аттестовавъ всѣхъ служащихъ съ хорошей стороны, прибавилъ, что, вѣроятно, и господинъ Рышковъ подтвердитъ тоже самое и что безпорядки въ судѣ нельзя ни къ чему другому отнести, какъ только къ обилію дѣлъ и недостаточности состава служащихъ въ судѣ. Рышковъ, однако, по простотѣ своей честной натуры, не поддержалъ предводителя, и, не стѣсняясь, прямо высказалъ, что, по его убѣжденію, всѣ служащіе въ судѣ—взяточники и мошенники. Слова эти, какъ громомъ, поразили предстоявшихъ и послужили, конечно, еще бо́льшимъ убѣжденіемъ ко взысканію съ виновныхъ.

Сообщ. **А. О. Шлейснеръ.**

Одинъ изъ указовъ императора Павла

1801 г.

Нижеприведенные указы: Павла I, отъ 14-го февраля, и Александра, отъ 13-го марта 1801 года, послѣдовали на имя моего дѣда, Ник. Ѳед. Кишенскаго, въ то время, когда онъ командовалъ полкомъ, вѣроятно, гусарскимъ Годлевскаго, впослѣдствіи переименованнымъ въ Александрійскій гусарскій полкъ, который былъ расположенъ въ г. Харьковѣ. Унтеръ-офицеръ Мишковъ или Мишинъ, по поводу котораго состоялись эти указы, быть можетъ тотъ самый солдатъ, о которомъ въ Харьковѣ сохранилось преданіе слѣдующаго рода: на дверяхъ Воскресенской церкви найдена была каррикатура на императора Павла I съ оскорбительной для него надписью; въ совершеніи этого преступленія заподозрѣнъ былъ солдатъ, который (по преданію), по повелѣнію Павла, приговоренъ былъ къ жестокому наказанію (еще болѣе жестокому, чѣмъ то, о которомъ говорится въ указѣ, отъ 14-го февраля). Приговоръ этотъ, по преданію, не былъ приведенъ въ исполненіе, благодаря Н. Ѳ. Кишенскому; Николай Ѳедоровичъ замедлилъ его исполненіе, и затѣмъ указъ вовсе отмѣненъ послѣ смерти Павла. О существованіи этого преданія я слышалъ отъ заслуженнаго профессора Харьковскаго университета Борисяка, а тотъ, въ свою очередь, слышалъ разсказъ отъ своего отца.

Командуя Пензенскимъ ополченіемъ, Н. Ѳ. Кишенскій распоряжался усмиреніемъ возмущенія ратниковъ въ Инсарѣ въ 1812 году, о чемъ и сообщено въ интересномъ разсказѣ одного изъ очевидцевъ, помѣщенномъ въ книгѣ: „Бунтъ военныхъ поселянъ въ Россіи“, изд. ред. „Русской Старины“ въ 1870 г.

Н. Ѳ. Кишенскій былъ губернскимъ предводителемъ дворянства въ то время, когда Сперанскій губернаторствовалъ въ Пензѣ. Н. Ѳ.

Библиотека "Руниверс"

очень любилъ и уважалъ Сперанскаго и, когда Сперанскій былъ переведенъ изъ Пензы, то продолжалъ во дни имянинъ и рожденія Сперанскаго давать обѣды, при чемъ на хозяйскомъ мѣстѣ, за столомъ, ставился большой портретъ Сперанскаго; къ нему и обращались всѣ присутствующіе, съ бокалами въ рукахъ, при провозглашеніи тоста за здоровье Сперанскаго.

Портретъ этотъ сохранился.

„Господинъ генералъ-маіоръ Кишенскій! получилъ я донесеніе ваше отъ 28-го генваря о дезерціи полка вамъ въ вереннаго ундеръ-офицера Мишкова, то повелѣваю вамъ употребить все возможное стараніе для отысканія его и когда пойманъ будетъ, не производя надъ нимъ никакого слѣдствія, наказавъ кнутомъ и вырезавъ ноздри, сошлите въ Нерчинскъ на каторгу. Пребываю вамъ благосклоннымъ Павелъ [1])".

Февраля 14-го дня 1801 года,
въ Михайловскомъ замкѣ.

„Господину генералъ-маіору Кишенскому предписывается оставить безъ исполненія данное ему повелѣніе отъ 14-го Февраля 1801 года, касательно наказанія ундеръ-офицера Мишина. Александръ".

Марта 13-го дня 1801 года.
С.-Петербургъ.

Примѣчаніе. Очевидно въ обоихъ указахъ дѣло идетъ объ одномъ и томъ же лицѣ и, вѣроятно, въ указѣ императора Александра вкралась ошибка: вмѣсто Мишковъ, написано: Мишинъ; ошибка эта тѣмъ болѣе вѣроятна, что указъ писанъ на другой день по восшествіи на престолъ императора Александра I. Остается неизвѣстнымъ, поспѣлъ-ли во время второй указъ? По преданію—да.

Сообщ. Ѳ. Н. Кишенскій.

Найденышъ

Преданіе изъ семейной хроники Е. Е. фонъ-Смиттенъ.

Въ 1762 году, по восшествіи на престолъ, Екатерина II отозвала русскія войска изъ Пруссіи; при возвращеніи войскъ, позднею осенью, дѣдъ мой, по матери, тогда молодой офицеръ милиціи, Евстафій Евстафіевичъ фонъ-Смиттенъ, идя походомъ съ кавалерійской командой, увидалъ въ одной изъ придорожныхъ канавъ лежащаго полуживаго отъ холода и голода мальчика, около двухлѣтняго возраста. Поднявъ несчастнаго, закутавъ и обогрѣвъ по возможности, онъ посадилъ его передъ собою на сѣдло. На ночлегѣ отъ мальчика, никакъ не могли узнать, откуда онъ и кто его родители,—поэтому дѣдъ

[1]) Слова напечатанныя разрядкою написаны императоромъ Павломъ.

Библиотека "Руниверс"

мой рѣшился привезти своего найденыша въ С.-Петербургъ. По прибытіи въ столицу, какъ человѣкъ холостой, дѣдъ, не зная куда пристроить ему ребенка, обратился съ прошеніемъ къ императрицѣ Екатеринѣ II, умоляя помѣстить сироту-мальчика въ какое-нибудь казенное заведеніе. Просьба его была уважена.

Успокоившись на счетъ будущности своего найденыша, дѣдъ мой продолжалъ военную службу, бывши переведенъ изъ милиціи въ какой то строевой кавалерійскій полкъ. Въ концѣ 1791 года, онъ женился на баронессѣ Елисаветѣ Ивановнѣ фонъ-Тизенгаузенъ, изъ Вейсенберга, въ Эстляндіи. Дѣдъ былъ очень большаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія и чрезвычайно вспыльчиваго нрава. Разъ какъ-то на ученьи полковой командиръ дерзко обошелся съ дѣдомъ, и онъ такъ этимъ обидѣлся, что вызвалъ его на дуэль, отъ которой командиръ отказался, а подчиненный былъ посаженъ подъ арестъ въ гор. Гатчинѣ, на гауптвахту у заставы. Происшествіе это было въ 1798 году. Арестованный стоялъ у открытаго окна караульной комнаты; шлагбаумъ на заставѣ былъ поднятъ. Взглянувъ случайно на большую дорогу, дѣдъ увидѣлъ несущійся экипажъ, запряженный четверкою лошадей, которыхъ кучеръ тщетно силился удержать; опасность для ѣхавшихъ была, очевидно, неминуема. Дѣдъ, долго не думая, и, какъ послѣ того выразился, желая лучше быть убитымъ, совершая доброе дѣло, чѣмъ быть сосланнымъ въ Сибирь за вызовъ на дуэль, выскочилъ изъ окна, крикнулъ часовому: „спусти шлагбаумъ", а самъ бросился на встрѣчу несущихся лошадей, ухватился на лету за узды коренныхъ, потомъ за дышло, повисъ на немъ, и въ этомъ опасномъ положеніи, бывъ проволоченъ порядочное разстояніе, весь окровавленный, остановилъ коляску, изъ которой выскочили двое военныхъ. Это были императоръ Павелъ Петровичъ и одинъ изъ его адъютантовъ.

— Кто ты такой и кому мы обязаны спасеніемъ? Проси себѣ какую-нибудь милость,—сказалъ императоръ.

— Поручикъ фонъ-Смиттенъ, арестованный за вызовъ полковаго командира на дуэль,—простите меня, ваше императорское величество, отвѣчалъ дѣдъ.

— Какъ тебѣ не стыдно было дѣйствовать такимъ образомъ противъ военной дисциплины?

— Ваше величество, полковой командиръ меня сильно обидѣлъ, а для меня честь всего дороже на свѣтѣ.

Еще долго государь выговаривалъ дѣду за его незаконный поступокъ противъ службы, наконецъ подозвалъ караульнаго офицера и приказалъ ему освободить арестованнаго, котораго, однако, уѣзжая, поблагодарилъ за самоотверженіе.

Библиотека "Руниверс"

Императоръ Павелъ Петровичъ ѣхалъ въ гор. Гатчино, когда лошади, чего-то испугавшись на большой дорогѣ, понесли.

Двоюродная сестра дѣда, Елена, дочь его роднаго дяди, эстляндскаго дворянина фонъ-Смиттенъ, вышла въ 1793 году замужъ за преміеръ-маіора Михаила Богдановича Барклая-де-Толли. Семейство же дѣда состояло изъ двухъ дочерей, Анны и Елисаветы (мать моя, крестница императрицы Елисаветы Алексѣевны), и сына Густава, служившаго въ Кавалергардскомъ полку, а въ послѣдствіи адъютантомъ при военномъ министрѣ, генералѣ отъ инфантеріи Барклаѣ-де-Толли, при которомъ онъ находился и въ 1812 году.

26-го августа, на третій день Бородинскаго сраженія, дядя Густавъ былъ раненъ пулею въ лѣвое колѣно, и хотя свалился со своей боевой буланой лошади, но имѣлъ еще столько присутствія духа и силы, что, уже лежа на землѣ, обвязалъ раненное колѣно носовымъ платкомъ, а потомъ лишился чувствъ. Доморощенный походный конь его, освобожденный отъ сѣдока, помчался, какъ-будто за помощію, и дѣйствительно отыскалъ деньщика дяди, чухонца Егора, который, предчувствуя недоброе, сѣлъ на коня и былъ привезенъ разумнымъ животнымъ къ той самой кучѣ мертвыхъ тѣлъ, между которыми лежалъ въ безпамятствѣ и его хозяинъ. Изъ кучи этой уже было начали кидать мертвыя тѣла въ общую могилу; не будь вѣрнаго коня—и другъ его былъ бы въ ней. На буланаго опять взвалили раненнаго дядю и повезли на перевязочный пунктъ.

Изъ-подъ Бородина раненные, въ томъ числѣ и дядя Густавъ, были отправлены въ Рязань, гдѣ ему дѣлали 15 операцій, чтобы извлечь пулю изъ кости,—но напрасно.

Во время пребыванія арміи нашей въ лагерѣ подъ Тарутинымъ, Барклай-де-Толли, по болѣзни, долженъ былъ оставить театръ войны, и былъ уволенъ княземъ Кутузовымъ, 16-го сентября 1812 года, въ отпускъ для излеченія ранъ. Въ С.-Петербургѣ Барклай поселился въ домѣ на Исакіевской площади и принялся за леченіе своихъ мучительныхъ ранъ. Около этого времени, дѣдъ мой, узнавъ, что раненный сынъ его отправленъ въ Рязань, поѣхалъ туда и привезъ его въ Петербургъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1812 года, въ одно изъ воскресеній, когда семья и родные собирались у Барклая-де-Толли къ обѣду, пріѣхалъ съ семействомъ, но безъ сына, и дѣдъ мой, только что возвратившійся съ нимъ изъ Рязани.

Когда дѣдъ разсказывалъ Барклаю всѣ подробности о его адъютантѣ, о затрудненіяхъ во время перевозки трудно-раненнаго въ длинныхъ саняхъ, почти шагомъ, о 15-ти неудачныхъ операціяхъ, сидѣвшій возлѣ незнакомый ему докторъ, но, какъ было замѣтно, весьма почитае-

Библиотека "Руниверс"

мый прочими участниками обѣда, слушалъ разсказъ съ большимъ вниманіемъ. По окончаніи обѣда, докторъ этотъ, подойдя къ дѣду, спросилъ его, не дозволитъ-ли онъ ему взглянуть на рану сына? и, получивъ согласіе, сказалъ, что черезъ полчаса будетъ у больнаго. Дѣйствительно, въ назначенное время докторъ, съ ящикомъ инструментовъ, былъ уже у дѣда. Послѣ непродолжительнаго разговора съ больнымъ дядей Густавомъ, докторъ, осмотрѣвъ рану, спросилъ будетъ-ли онъ имѣть достаточно довѣрія къ нему, чтобы согласиться на предлагаемую имъ операцію? на что́ дядя сказалъ, что онъ уже столько перетерпѣлъ ужасныхъ и невыносимыхъ мученій, что радъ всякой, хотя малѣйшей помощи. Раненному дали принять дозу опіума, положили на невысокій столъ и тогда докторъ ввернулъ въ пулю, сидѣвшую выше чашки колѣна, инструментъ въ родѣ штопора или крейцера и вытащилъ зубами пулю изъ раны, вмѣстѣ съ краснымъ сукномъ отъ лампаса. Нестерпимая боль заставила, однако, больнаго проснуться во время операціи и, несмотря на это, она была выполнена совершенно благополучно. Можно себѣ представить общую радость всей семьи, — дѣдъ не зналъ, какъ и чѣмъ благодарить искуснаго оператора. Когда мой дѣдъ обратился къ доктору съ вопросомъ объ этомъ, то докторъ сказалъ, что онъ человѣкъ совершенно одинокій, безъ родни, ни въ чемъ не нуждается, благодаря воспитанію, данному ему щедротою покойной императрицы Екатерины II, и занимаетъ высокій постъ между русскими медиками. При этомъ, разговорившись, онъ добавилъ, что не знаетъ, гдѣ родился, кто были его родители; что онъ просто найденышъ какого-то добраго человѣка, который спасъ его отъ погибели и передалъ на попеченіе императрицы, которая, узнавши о его способности и охотѣ, уже съ молодыхъ лѣтъ, къ медицинѣ, отправила на дальнѣйшее образованіе въ Шотландію, гдѣ и дали ему фамилію Вилліе. Когда онъ окончилъ свой разсказъ, дѣдъ спросилъ его, не желаетъ-ли онъ знать, кто былъ тотъ человѣкъ, который, найдя его, передалъ на попеченіе императрицы, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сказалъ: „Это былъ я“, и они крѣпко обнялись.

— Мы поквитались; вы спасли мнѣ единственнаго сына,—приговорилъ дѣдъ сквозь слезы.

— А вы мнѣ жизнь,— сказалъ Вилліе. Какъ я радъ, продолжалъ онъ, что нашелъ человѣка, который спасъ мнѣ жизнь.

И такъ, изъ безвѣстнаго найденыша вышелъ президентъ С.-Петербургской медико-хирург. академіи (съ 1808 г.), лейбъ-медикъ двухъ

Библиотека "Руниверс"

императоровъ: Александра I и Николая I, дѣйствительный тайный совѣтникъ баронетъ Яковъ Васильевичъ Вилліе.

Въ началѣ 1813 года, Барклай-де-Толли, оправившись отъ ранъ, благодаря искусству доктора Вилліе, отправился въ армію, будучи назначенъ главнокомандующимъ 3-ю западною арміей. Рана же дяди все еще не дозволяла ему свободно двигаться; послѣ отъѣзда Барклая, онъ переѣхалъ весною того же 1813 года въ Ревель, къ отцу, и оттуда, еще не оправившись совершенно отъ раны, въ концѣ сентября, бросивъ костыли, уѣхалъ украдкою даже отъ своихъ домашнихъ въ армію, бывшую тогда въ Германіи, оставивъ письмо, въ которомъ объяснилъ, что считаетъ постыднымъ быть въ бездѣйствіи, когда свои сражаются за отечество. Явившись къ Барклаю-де-Толли 1-го октября 1813 года, дядя находился при немъ въ Лейпцигскомъ сраженіи и оставался адъютантомъ до самой смерти фельдмаршала князя Михаила Богдановича Барклая-де-Толли, присутствуя при кончинѣ его, послѣдовавшей въ маѣ 1818 года. Дядя сопровождалъ тѣло покойнаго изъ Инстербурга, въ Пруссіи, до Экгофа, имѣнія князя въ Лифляндіи, гдѣ онъ и похороненъ. За Лейпцигское сраженіе дядя получилъ орденъ Pour le mérite, и вскорѣ послѣ смерти Барклая-де-Толли былъ произведенъ въ полковники еще при жизни своего отца; дѣдъ же мой, подполковникъ Евстафій Евстафьевичъ фонъ-Смиттенъ, скончался въ Ревелѣ 28-го октября 1818 года.

Всѣ подробности настоящаго разсказа передала мнѣ, въ ноябрѣ 1875 года, мать моя Елисавета Евстафьевна фонъ-Розенбергъ, рожденная фонъ-Смиттенъ, которая была на вышеописанномъ обѣдѣ у Барклая-де-Толли; ей было тогда 11 лѣтъ отъ роду; она присутствовала и при трогательной сценѣ объясненій отца своего съ докторомъ Вилліе, послѣ операціи ея брата. Операція эта была такъ счастливо-удачна, что дядя мой Густавъ прожилъ послѣ нея еще 52 года и дѣлалъ турецкую кампанію 1828 и польскую 1831 гг.

Калужской губ., Медынскаго уѣзда, с. Елешня.

Оскаръ фонъ-Розенбергъ.

Примѣчанія: I. Разсказъ полковника фонъ-Розенберга, весьма интересный какъ устное преданіе, а потому и заслуживающій печати, заключаетъ однако въ себѣ свѣдѣнія о происхожденіи покойнаго лейбъ-медика и президента медико-хирургической академіи, баронета Якова Васильевича Вилліе, совершенно несогласныя съ офиціальными свѣдѣніями о жизни и службѣ безсмертнаго создателя русскаго военно-медицинскаго сословія. Въ замѣткѣ говорится, будто Вилліе „самъ не зналъ, гдѣ онъ родился, кто были его родители“ и считалъ себя

Библиотека "Руниверс"

„просто найденышемъ какого-то добраго человѣка“, между тѣмъ какъ по этимъ даннымъ извѣстно, что отецъ его былъ сельскимъ пасторомъ, близь маленькаго шотландскаго городка Кинердина, и что у этого пастора было три сына: Джемсъ, Вилліамъ и Робертъ (первый, въ послѣдствіи лейбъ-медикъ и баронетъ, второй пасторъ, а третій морякъ коммерческаго англійскаго флота). Это по бумагамъ и документамъ; а вотъ доказательство и болѣе дѣйствительное. Покойный Я. В. Вилліе положилъ большую сумму денегъ въ англійскій банкъ, сберегая ее для русскихъ медицинскихъ учрежденій, которыя предполагалъ онъ устроить. Въ этомъ смыслѣ составлено было и завѣщаніе его. Но когда онъ умеръ, то англійскій банкъ не выдалъ этой суммы на томъ основаніи, что деньги англійскаго подданнаго, умершаго за границею или въ чужихъ краяхъ, не могутъ быть выданы наслѣдникамъ въ чужой сторонѣ, а безпрекословно должны быть выданы хоть и болѣе далекимъ наслѣдникамъ по родству, но живущимъ въ англійскихъ владѣніяхъ, что и было исполнено. Душеприкащики (русскіе) затѣяли-было процессъ съ англійскимъ банкомъ, но въ двухъ судебныхъ инстанціяхъ проиграли его и отказались отъ дальнѣйшей тяжбы. Спрашивается: какимъ образомъ безвѣстный найденышъ, не знавшій ни отца, ни матери, могъ имѣть въ Англіи родственниковъ, которые наслѣдовали ему, и какимъ образомъ, призрѣнный императрицею Екатериною II съ ранняго дѣтства, этотъ найденышъ могъ сдѣлаться англійскимъ подданнымъ и потомъ англійскимъ баронетомъ?

Вообще жизнь покойнаго баронета Я. В. Вилліе такъ извѣстна, что сообщенныя о ней преданія должны быть признаны результатомъ какого-то страннаго и, во всякомъ случаѣ, весьма интереснаго недоразумѣнія. Матеріалы для біографіи его собраны и напечатаны въ „Протоколахъ засѣданій общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ“ за 1859—1860 г., а также въ прекрасной запискѣ В. С. Сахарова, изданной отдѣльною книгою по поводу открытія Михайловской клинической больницы баронета Вилліе въ 1873 г.

Я. А. Чистовичъ.

II. Примѣчаніе профессора Я. А. Чистовича я прочелъ моей 75-ти лѣтней матери, но она, не отрицая существованія офиціальныхъ, повидимому, вполнѣ точныхъ данныхъ о происхожденіи знаменитаго Вилліе, тѣмъ не менѣе подтвердила, что все переданное ею и сохранившееся въ ея памяти отнюдь не есть вымыселъ, но дѣйствительный эпизодъ изъ ея семейной хроники. Съ своей стороны, замѣчу, отчего не предположить возможности, что Вилліе, посланный императрицею Екатериною II на воспитаніе въ Шотландію, не зная тогда

Библиотека "Руниверс"

своего происхожденія, очень легко могъ быть принятъ въ семейство шотландскаго пастора Вилліе и, не бывъ его роднымъ сыномъ, принялъ его фамилію и подданство Англіи? Такъ какъ Вилліе провелъ первые годы жизни въ Россіи, гдѣ имѣлъ такую высокую покровительницу, то весьма естественно, что онъ возвратился сюда, какъ на родину, и 19-го сентября 1790 г. держалъ въ медицинской коллегіи экзаменъ на право самостоятельной практики въ Россіи. Если это предположеніе вѣрно, то и понятно, почему англійскій банкъ не выдалъ деньги въ Россію, согласно духовнаго завѣщанія покойнаго Я. В. Вилліе. Что же касается до офиціальной генеалогіи, то мы зачастую видимъ изъ исторіи, что многія случайныя знаменитости производятъ свой родъ ad libitum, не встрѣчая препятствій въ признаніи себя желаемыми родственниками. Наконецъ, весьма странно и то, что покойный баронетъ Вилліе въ своемъ завѣщаніи обошелъ своихъ яко-бы кровныхъ родственниковъ въ Англіи.

Оскаръ фонъ-Розенбергъ.

Замѣтки къ „Родословной книгѣ",

томъ I, изд. ред. «Русской Старины».

Имѣя возможность, по свѣдѣніямъ семейнаго архива своего: 1) по бумагамъ, сохранившимся отъ бабки моей Марьи Васильевны Самариной, рожд., княжны Мещерской (дочери князя Василія Ивановича Мещерскаго отъ брака его съ гр. Натальею Андреевною Матвѣевою) и 2) по бумагамъ Нелединскихъ-Мелецкихъ—исправить нѣкоторыя неточности, вкравшіяся въ „Русскую Родословную книгу" изд. 1873 г. томъ I, считаю необходимымъ воспользоваться приглашеніемъ редакціи „Русской Старины" и сообщить:

По родословной гр. Матвѣевыхъ, что всѣ дѣти гр. Андрея Артамоновича Матвѣева: сынъ Ѳеодоръ, дочери Марья, Наталья и Екатерина (а не Прасковья) родились отъ 1-го брака его съ А. Ст. Аничковою; отъ втораго же брака его съ Настасьею Ермиловною, вдовою Михаила Аргамакова (а кто она была по себѣ—не знаю), дѣтей не было. Все это подтверждается съ одной стороны челобитною отъ 15-го января 1729 г., въ которой вдова гр. Настасья Ермиловна Матвѣева называетъ гр. Ѳеодора Андреевича Матвѣева пасынкомъ своимъ, а дѣвицу гр. Екатерину Андреевну Матвѣеву—своею падчерицею; а, съ другой стороны, княгиня Наталья Андреевна Мещерская, въ челобитной своей отъ 10-го марта 1741 года, называетъ гр. Настасью Ермиловну Матвѣеву мачихою своею, покойнаго гр. Ѳеодора

Библиотека "Руниверс"

Андреевича Матвѣева своимъ роднымъ братомъ, а графинь Марью и Екатерину Андреевну своими родными сестрами.

По родословной Нелединскихъ-Мелецкихъ, Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій отъ брака съ кн. Хованскою имѣлъ сына Сергѣя (а не Александра), † бездѣтнымъ въ 1871 г.; отъ брака его съ Марьею Сергѣевною Тиличеевою — двухъ дочерей: Аграфену за княземъ А. П. Оболенскимъ, и Софью (мою мать), за Ѳеодоромъ Васильевичемъ (а не Петровичемъ) Самаринымъ.

Сообщ. **Н. Ѳ. Самаринъ.**

Посланіе К. Н. Батюшкова къ А. И. Тургеневу

1816 г.

[Ей, ей, Improptu!]

О ты, который средь обѣдовъ,
Среди веселій и забавъ,
Сберегъ для дружбы кроткій нравъ,
Для дѣлъ — характеръ честный дѣдовъ,
О ты, который при дворѣ,
Въ чаду успѣховъ или счастья,
Найти умѣлъ въ одномъ добрѣ
Души прямое сладострастье;
О ты, который съ похоронъ
На свадьбы часто поспѣваешь,
Но бѣднаго услыша стонъ,
Ушей не затыкаешь,—
Услышь, мой вѣрный доброхотъ,
Поэта смирнаго моленье:
Доставь крупицу отъ щедротъ
Сироткамъ двумъ на прокормленье.
Замолви слова два за нихъ
Краснорѣчивыми устами:
Лишь дайте имъ! промолви — вмигъ
Онѣ очутятся съ рублями.
Но кто онѣ? Скажу точь въ точь
Всю повѣсть ихъ передъ тобою:
Онѣ: вдова и дочь,
Чета, забытая судьбою!

Жилъ нѣкто въ мірѣ семъ Поповъ,
Царя усердный воинъ.
Былъ бѣденъ. Умеръ. Отъ долговъ
Онъ слѣдственно спокоенъ.
Но въ мірѣ онъ забылъ жену
Съ груднымъ ребенкомъ. И одну
Суму оставилъ имъ въ наслѣдство...
Но здѣсь не все для бѣдныхъ бѣдство!...

Библиотека "Руниверс"

Имъ добры люди помогли,
Согрѣли, накормили
И, словомъ, какъ могли,
Сиротокъ пріютили.
Прекрасно! славно! спору нѣтъ!
Но... здѣшній свѣтъ
Не рай, мнѣ сказывалъ мой дѣдъ.
Враги нахлынули рѣкою...
Съ землей сравнялася Москва...
И бѣдная вдова
Опять пошла съ клюкою.
А между тѣмъ все дочь растетъ
И нужды съ нею подростаютъ.
День за день все идетъ-идетъ,
Недѣли, мѣсяцы мелькаютъ,
Старушка клонится, а дочь
Пышнѣе розы разцвѣтаетъ,
И стала... Грація, точь точь:
Прелестный взоръ, глаза большіе,
Румянецъ Флоры на щекахъ,
И кудри льняно-золотыя
На алебастровыхъ плечахъ...
Что слово молвитъ — то пріятство!
Что ни надѣнетъ — все къ лицу!
Краса (увы!) ея богатство
И все приданое къ вѣнцу!
А крохи нѣтъ насущной хлѣба!!!
Тургеневъ! другъ нашъ! ради неба,
Приди на помощь красотѣ,
Несчастію и нищетѣ.
Онѣ предъ образомъ, конечно,
Затеплятъ чистую свѣчу,
За чье здоровье... умолчу: —
Ты угадаешь, другъ сердечной!

Вдова Попова, урожденная Молчанова, подала прошеніе въ сословіе Призрѣнія разоренныхъ непріятелемъ (чрезъ кн. С. Н. Голицына, 27 апрѣля 1816). Сдѣлайте что нибудь для нее, — вы который...

Да не забудьте моего Медема, и, если можно, попросите Трощинскаго.

Не могу болѣе писать прозою, одышка беретъ. К. Батюшковъ.

Москва.
14 Октября 1816 г.

При семъ прилагаю о Поповой записку ко мнѣ Анны Львовны Пушкиной, чтобъ болѣе васъ разстрогать. В. Л. живъ, враги его распустили было слухъ о преждевременной его кончинѣ, и музы готовились оплакать своего старосту. Но онъ явился, подобно солнцу, разсѣвающему черныя тучи, и поѣхалъ обѣдать въ клубъ, на дрожкахъ,—всѣ ахнули. Мнимый мертвецъ кушалъ по старому и заплатилъ за обѣдъ 3—70 копѣекъ, съ обыкновенною щедростію.

(Изъ собранія автографовъ П. Я. Дашкова).

Библиотека "Руниверс"

Самоубійство Герштенцвейга-отца

1848 г.

Въ XI-мъ томѣ „Русской Старины", изд. 1874 года стр. 720, въ подстрочной выноскѣ указано, что нашелся въ кабинетѣ квартиры сына Герштенцвейга, въ Варшавѣ, послѣ его самоубійства, въ особомъ ковчегѣ, прострѣленный мундиръ старика отца и проч.

Это подаетъ поводъ предполагать, будто Данило Александровичъ Герштенцвейгъ застрѣлился будучи въ мундирной формѣ, тогда какъ эта катастрофа послѣдовала совершенно иначе.

14-го августа 1848 г. въ Бессарабской области, въ мѣстечкѣ Леово, при карантинномъ отдѣленіи, находившійся для разсылокъ отъ моей команды дежурный рядовой, въ 5½ часовъ утра, прибѣжалъ ко мнѣ и далъ знать, что состоявшій въ карантинной обсерваціи генералъ Герштенцвейгъ, не болѣе какъ минутъ за 10, застрѣлился въ карантинѣ, въ своемъ помѣщеніи; я тотчасъ-же пошелъ туда, гдѣ, съ соблюденіемъ должныхъ карантинныхъ правилъ, былъ допущенъ въ квартиру Данилы Александровича, видѣлъ его лежащимъ на полу, на правомъ боку, нѣсколько согнувшись; правая рука протянута впередъ, невдалекѣ лежалъ тутъ же, на полу, маленькій карманный многоствольный пистолетъ; лѣвая рука протянута на верху по корпусу; посрединѣ лба, какъ бы отпечатокъ стволовъ пистолета въ видѣ розетки, вдавленные знаки; противу одного изъ нихъ—небольшая рана, изъ которой на полъ натекла кровь, запекшаяся въ кучку; на трупѣ, кромѣ тонкой бѣлой сорочки и гарусомъ шитыхъ, на босую ногу надѣтыхъ, спальныхъ туфель, ничего не было. Въ этомъ положеніи его видѣли множество гг. генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ состоявшихъ при двухъ штабахъ, въ то время въ Леовѣ собравшихся, штаба генерала Герштенцвейга и на смѣну къ нему прибывшаго генерала Лидерса; кромѣ того самоубійцу видѣли въ описанномъ мною положеніи многіе офицеры войскъ, въ Леовѣ сосредоточенныхъ, а ихъ было не мало; такимъ образомъ въ настоящее время найдется много въ живыхъ, кои могутъ подтвердить мои слова, какъ очевидца, бывшаго въ то время при главномъ штабѣ, для устройства переправы на Прутѣ.

Относительно прострѣленнаго мундира, то это, вѣроятно, предметъ какого либо другаго воспоминанія, почему и былъ онъ сберегаемъ въ семействѣ, но никакъ не въ видѣ воспоминанія столь несчастной катастрофы.

г. Николаевъ. Сообщ. П. Трофимовскій.

Библиотека "Руниверс"

М. И. Глинкѣ.

Гимнъ роднаго соловья,
Лепетъ листьевъ, шумъ ручья.
Изъ груди гармоньей льются.
Не мечты-ли вкругъ насъ вьются?
Кто же милый нашъ Орфей?
Ахъ заглавные скорѣй
Прочитайте
И узнайте.

Варшава. 18 іюля 1850 г. N. N.
Александровская цитадель.

Сообщ. **Л. И. Шестакова.**

О портретѣ Екатерины II въ старости.

Въ числѣ извѣстныхъ портретовъ императрицы Екатерины II, изданныхъ въ свѣтъ [1]), есть не мало замѣчательныхъ, но большею частію en face [2]). Если мы хотимъ взглянуть на ея профиль, то или обратимся къ медалямъ, или отыщемъ одну изъ копій немногихъ достовѣрныхъ профилей ея хорошихъ портретистовъ. Изъ раннихъ портретовъ мы имѣемъ нѣсколько копій съ Ротари, писавшаго ее до восшествія на престолъ и de Veilly („Дювилліи", какъ онъ названъ на гравюрѣ), съ рисунка котораго исполнена въ 1766 большая гравюра Боне. Изъ позднѣйшихъ портретовъ можно назвать слѣдующіе: 1) гравюру Скородумова (1792) съ Мейса, бельгійскаго живописца, бывшаго въ Петербургѣ, существующую также въ другихъ копіяхъ, между прочимъ въ разныхъ изданіяхъ сочиненія Кастеры,—но въ искаженномъ видѣ; 2) гравюру Валькера съ изящнаго камея, работы государыни Маріи Ѳеодоровны (1789); 3) великолѣпную и чрезвычайно рѣдкую большую акватинту Юнга (Young), изданную въ 1792, съ рисунка (1790) Шубина. Г. Васильчиковъ, въ недавно вышедшемъ обширномъ трудѣ своемъ о гравированныхъ русскихъ портретахъ XVIII столѣтія (Liste alphabetique de portraits russes, 2 v. Pet. 1875), говоритъ (стр. 182), что оригиналъ этого портрета находится въ Эрмитажѣ.

Это ошибка, впрочемъ понятная, такъ какъ въ Эрмитажѣ есть подобный портретъ тоже работы Шубина, но только рисованный двумя

---

[1]) Одинъ изъ нихъ и притомъ весьма замѣчательный, а именно гравированный въ 1762 г. знаменитымъ Чемезовымъ, воспроизведенъ вполнѣ точно при XV-мъ томѣ «Русской Старины» изд. 1875 г., стр. 337.

[2]) Гравюра Чемезова, въ профиль.

Библиотека "Руниверс"

годами позднѣе, въ 1794, какъ видно изъ надписи на немъ самого художника. Онъ выставленъ въ одной изъ витринъ нижней галлереи, гдѣ хранятся рисунки. За сходство этого портрета ручается имя Шубина и то обстоятельство, что онъ помѣщенъ въ Эрмитажѣ. Кромѣ того, этотъ профиль совершенно сходенъ съ изображеннымъ на извѣстномъ камеѣ, исполненнымъ императрицею Маріею Ѳеодоровною въ 1789 г., съ котораго тоже есть гравированная копія Валькера, очень рѣдкая [1]). Поэтому предпочитаемъ его тому, который былъ гравированъ Юнгомъ и различествуетъ съ указаннымъ камеемъ и въ которомъ, напримѣръ, подбородокъ лица государыни очевидно удлиненъ и очертаніе носа неправильно. Если бы извѣстно было, гдѣ находится оригиналъ—рисунокъ Шубина 1790 года—то можно было бы его сравнить съ гравюрою и могло бы оказаться, что граверъ измѣнилъ нѣсколько контуры оригинала.

Съ эрмитажнаго рисунка Шубина 1794 г. была сдѣлана тщательная копія, въ размѣрѣ оригинала, княжною Ольгою Дмитріевною Урусовой и недавно отпечатана, на большомъ листѣ, въ одной изъ лучшихъ литографій Берлина. Императрица изображена въ ея историческомъ отороченномъ мѣхомъ долманѣ или „молдаванѣ", какъ тогда его называли, въ мѣховой шапкѣ съ висящимъ колпакомъ. Художникъ постарался выразить улыбку, которую, по свидѣтельству современниковъ, императрица сохранила и въ старости. Ниспадающіе локоны и кружевной воротникъ изящно обрамляютъ лицо [2]).

Сообщ. **Г. Н. Геннади.**

---

[1]) Она указана Васильчиковымъ на стр. 181 перваго тома.

[2]) Экземпляры этого портрета продаются въ Петербургѣ, въ магазинѣ Фельтена. **Ред.**

Библиотека "Руниверс"

Портретъ князя П. А. Зубова.

Прилагаемый при этой книгѣ „Русской Старины“ портретъ князя Платона Александровича Зубова (1767, † 1822)—точный снимокъ съ рѣдкой гравюры Джемса Валькера, исполненный съ портрета, писаннаго талантливымъ Лампи. Копируя гравюру Валькера, Акад. И. П. Пожалостинъ сохранилъ ее въ точности т. е. лицо и бюстъ.

О гравюрѣ Валькера во второмъ томѣ изданія Liste alphabétique de portraits russes, par A. Wassiltschikoff. St.-Petersbourg 1875. p. p. 497—498, находится слѣдующая замѣтка:

1) Портретъ, въ большой листъ, гравированъ en manière noire. Князь изображенъ выше колѣнъ, съ поворотомъ лица на ³/₄ вправо, въ креслахъ. На немъ бархатный, подбитый мѣхомъ халатъ и кружевное жабо. Лѣвою рукою онъ опирается на спинку креселъ, въ правой, лежащей на колѣняхъ, держитъ бумагу. Въ глубинѣ столъ, на немъ книга, развернутая карта, чернильница, глобусъ и проч. Внизу гравюры подпись:

Среди цвѣтущихъ лѣтъ сей нравами Катонъ,
Въ замѣну всѣхъ забавъ избравъ труды едины,
Ходатаемъ за всѣхъ его зритъ Россій Тронъ,
Въ дни счастья Россіянъ, во дни Екатерины.

Ниже гербъ Зубова, а по бокамъ стиховъ и герба:

«Его сіятельство графъ Зубовъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ, главноуправляющій инженерною частью; генералъ-адъютантъ е. и. в. императрицы всероссійской; шефъ кавалергардскаго корпуса, главнокомандующій легкою Екатеринославскою кавалеріей и Вознесенскими казацкими войсками; генералъ-губернаторъ Екатеринослава, Вознесенска и Тавриды; кавалеръ россійскихъ орденовъ св. Андрея, св. Александра Невскаго и св. Владиміра большаго креста перваго класса; прусскихъ: Орла Чернаго и Краснаго; польскихъ: Бѣлаго Орла и св. Станислава и великаго герцогства Гольштинскаго—св. Анны.»

Еще ниже, съ одной стороны:

„Писалъ Лампи, профессоръ академій: императорской и королевской и почетный членъ с.-петербургской“.

Съ другой стороны:

«Посвящено его всепокорнѣйшимъ слугою Джемсомъ Валькеромъ (James Walker), граверомъ ея и. в-ва и членомъ С.-Петербургской академіи (художествъ).»

Гравюра рѣдкая. Подлинный портретъ въ натуральную величину находится у графа Николая Зубова въ С.-Петербургѣ, № 455 выставки. Это безспорно образцовое произведеніе Лампи.

Приложеніе портрета кн. Зубова къ „Р. Ст.“ вызвано, во первыхъ, предстоящимъ разсказомъ Гарновскаго о быстромъ возвышеніи послѣдняго баловня счастья вѣка Екатерины; во вторыхъ, въ виду предстоящаго печатанія въ „Русской Старинѣ“ — біографіи кн. П. А. Зубова.

Библиотека "Руниверс"

говъ, кромѣ множества другихъ угодій: мельницъ, домовъ, промысловыхъ заведеній и огромныхъ капиталовъ. Общую сумму доходовъ нашихъ монастырей авторъ считаетъ по крайней мѣрѣ въ девять милліоновъ. Поэтому 400,000 р., отпускаемые монастырямъ по государственному бюджету, составляютъ всего 4½ % ихъ доходовъ. Изъ девяти милліоновъ на три лавры: Александроневскую, Троицкосергіевскую и Кіевопечерскую приходится 2 милліона (Александроневская отъ одной поземельной собственности получаетъ до 200.000 ежегодно). Есть монастыри, получающіе по 800,000 р. дохода, но онъ распредѣляется самымъ неравномѣрнымъ образомъ между настоятелемъ и монахами. На что же идутъ эти огромные доходы монастырей, только въ послѣднее время принявшихъ довольно значительное участіе въ содержаніи духовно-учебныхъ заведеній? На дѣла благотворительности тратятъ они немного: пятьсотъ сорокъ монастырей содержатъ только 65 больницъ на 892 и 37 богадѣленъ на 707 человѣкъ, да и то 23 больницы при монастыряхъ содержатся на полномъ иждивеніи частныхъ лицъ, а всѣ остальные расходы по содержанію принимаются, отчасти, казною. Кромѣ того, въ монастыряхъ хранятся громадные мертвые капиталы и авторъ предлагаетъ употреблять хоть часть этихъ средствъ на народныя школы и низшія духовныя училища, крайне нуждающіяся въ пособіи и поддержкѣ. Онъ предлагаетъ также назначить въ каждый монастырь представителя отъ земства или правительства для наблюденія за правильностью доходовъ и расходовъ и равномѣрнымъ ихъ распредѣленіемъ. Всѣ монастыри слѣдуетъ обратить въ общежительные и не создавать для архимандритовъ и игуменовъ исключительнаго, привиллегированнаго положенія. Со всѣми этими мнѣніями почтеннаго автора нельзя не согласиться.

Половодье, картины провинціальной жизни В. А. Инсарскаго. Спб. 1876, XI и 493 стр.

Анализировать каждое современное событіе, поступки каждаго лица, выдающагося изъ среды современниковъ, разгадывать тайныя причины и смыслъ происшествій, аккуратно внося ихъ въ дневникъ со всѣми подробностями, въ которыхъ часто заключается весь смыслъ случившагося,—все это не въ натурѣ русскаго человѣка. Мы слишкомъ заняты сами «злобою дня», слишкомъ впечатлительны по народному темпераменту, слишкомъ молоды въ наукѣ общественной жизни, чтобы сбирать и сохранять для потомства черты нашего вѣка, для многихъ изъ насъ остающіяся всю жизнь загадкою, которую мы и не считаемъ нужнымъ разгадывать, не приписывая ей никакого значенія. Такіе люди, какъ напр., Болотовъ изданный «Русскою Стариною»—рѣдкость и исключеніе въ нашемъ бытѣ. Вотъ почему критика наша обращаетъ большое вниманіе на мемуары, относящіяся къ нашему прошлому и отзывается объ нихъ съ бо́льшею снисходительностью, чѣмъ о другихъ произведеніяхъ. Мемуары наши имѣютъ вообще одинъ недостатокъ, присущій, впрочемъ, почти всѣмъ сочиненіямъ въ этомъ родѣ: они обыкновенно многословны и заключаютъ въ себѣ подробности, интересныя для самого автора, но не для его читателей. Этого недостатка не избѣгнулъ и Болотовъ, и тѣмъ же недостаткомъ страдаютъ записки почтеннаго В. А. Инсарскаго, занимавшаго еще недавно довольно видное мѣсто въ управленіи Кавказомъ, а затѣмъ Московскою почтою. Принадлежа къ типу чиновниковъ, пробившихся своимъ трудомъ и усердіемъ на служебномъ поприщѣ до извѣстной степени чиновной іерархіи и благосостоянія, авторъ «Половодія» въ тоже время никогда не считалъ литературу занятіемъ, мѣшающимъ службѣ, и не только не смотрѣлъ на нее враждебно, какъ многіе изъ нашихъ администраторовъ, но даже самъ занимался ею, хотя только,—какъ принято выражаться у насъ,—въ часы, свободные отъ служебныхъ занятій. Въ нашемъ изданіи были помѣщены довольно любопытныя подробности о жизни на Кавказѣ во время управленія князя Барятинскаго, принадлежащія В. А. Инсарскому; въ «Русскомъ Архивѣ» онъ напечаталъ не менѣе интересныя свѣдѣнія о графѣ Киселевѣ и образованіи министерства государственныхъ имуществъ. Въ нынѣ изданныхъ имъ запискахъ, относящихся къ началу второй четверти нынѣшняго столѣтія, также не мало любопытнаго о жизни и нравахъ нашихъ провинцій пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, о праздникахъ губернаторовъ того времени, взяточничествѣ, почти повальномъ пьянствѣ даже зажиточныхъ и чиновныхъ лицъ; къ этому примѣшаны воспоминанія о Московской жизни автора, не скрывающаго ни своихъ слабостей, ни недостатковъ; встрѣчаются черты, рисующія многихъ извѣстныхъ лицъ, какъ Глинку, Кукольника, Тургенева и др. Но все это расплывается въ массѣ излишняго многословія и селябы авторъ изъ пятисотъ страницъ своей книги оставилъ только половину — книга отъ этого, несомнѣнно, выиграла бы. Въ предисловіи онъ говоритъ, что у него есть еще шесть томовъ его записокъ, положенныхъ имъ въ публичную библіотеку. Нашъ совѣтъ — при изданіи ихъ дать пересмотрѣть эти записки компетентному лицу и выпустить изъ нихъ все, что не имѣетъ значенія. Это несомнѣнно сдѣлаетъ записки вдвое интереснѣе, такъ какъ авторъ ихъ человѣкъ даровитый и наблюдательный.

Библиотека "Руниверс"

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1876 г.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, гравированными на мѣди и на деревѣ, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Главная контора «Русской Старины» въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42.

Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ, при книжномъ магазинѣ **И. Г. Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣева.

☛ **Редакція отвѣчаетъ** вполнѣ за точную и своевременную доставку **журнала городскимъ** подписчикамъ главной конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму **по почтѣ** въ Редакцію «Русской Старины» въ Спб., Надеждинская, д. № 42, съ сообщеніемъ вполнѣ точнаго адреса.

Статьи, которыя помѣщаются въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“, относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII и XIX-го вѣковъ. — III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—VI. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты; эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и XIX-го вв.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старины“.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII-го и XVIII-го вв.—Стихи и пѣсни духовные и раскольничьи.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—VIII. Библіографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческихъ книгъ.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить третье изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 года,
цѣна **ВОСЕМЬ** рублей безъ переплета и **11** руб. въ хорош. переплетѣ, съ пересылкой.

Библиотека "Руниверс"

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ седьмой. ІЮНЬ. 1876 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ

I. Записки Михаила Гарновскаго: дворъ императрицы Екатерины II въ 1788 — 1789 гг. Сообщ. А. И. Левшинъ 207
II. Екатерина II и кн. Потемкинъ: подлинная переписка, 1787 г. 239
III. Моя жизнь и художественно-археологическіе труды. Разсказъ профессора Ѳ. Г. Солнцева, главы VI и VII. (Окончаніе) 1834—1876 гг. 263
IV. Поднесеніе Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ Обществомъ профессору Ѳ. Г. Солнцеву золотой медали, 20-го мая 1876 г. 299
V. Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ, главы XXI — XXIII, 1834—1836 гг. 303
VI. Очеркъ военныхъ дѣйствій и событій на Кавказѣ, 1839 — 1850 гг. (Окончаніе). . . . 346
VII. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1) Великая княгиня Соломонія. † 1542 г. (383). Сообщ. К. Н. Тихонравовъ. 2) Массонъ, авторъ записокъ о Россіи. Сообщ. Д. Д. Рябининъ (384). 3) Бенигсенъ и его записки (387). 4) Распоряженіе о присылкѣ раковъ съ Бѣлаго моря, 1766 г. съ рисунками (390). 5) Замѣтки и поправки (397).
VIII. Библіографическій листокъ новыхъ русск. книгъ (на оберткѣ).

Находится въ продажѣ и можно еще получить третье изданіе перваго года „Русской Старины“, 1870 г. Цѣна за 12 книгъ, въ трехъ томахъ, 8 руб. безъ переплета и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ, съ пересылкой.

(Осталось немного экземпляровъ).

Продолжается подписка на «Русскую Старину» 1876 г. Цѣна за 12 книгъ съ портретами 8 руб. съ пересылкой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49—2).
1876.

Библиотека "Руниверс"

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Т. XVI. Спб. 1875. XXX+XXI+584. Ц. 3 р.

Настоящій томъ Сборника изданъ подъ ред. Н. И. Костомарова и представляетъ выборъ матеріала изъ собранія бумагъ фамильнаго архива князей Репниныхъ, находящагося въ Яготинѣ, Полтавской губерніи. Напечатанный матеріалъ обнимаетъ время 1794—96 гг., когда фельдмаршалъ кн. Н. В. Репнинъ состоялъ начальникомъ войскъ и генералъ-губернаторомъ Литвы. Обширная переписка его съ Екатериною II и другими дѣятелями ея царствованія (гр. А. К. Разумовскимъ, бывшимъ посломъ въ Вѣнѣ, Т. И. Тутолминымъ, гр. А. А. Безбородко, гр. П. А. Зубовымъ, гр. П. А. Румянцевымъ, гр. Н. П. Панинымъ, Д. П. Трощинскимъ, Н. С. Ланскимъ, В. П. Кочубеемъ, кн. А. Б. Куракинымъ и др.), а также съ нѣкоторыми лицами покореннаго края (особенно съ семействомъ кн. Чарторижскихъ и т. п.), вноситъ много интересныхъ подробностей въ исторію отношеній Россіи къ Польшѣ за это время, а также данныхъ для біографіи самого кн. Репнина.

Главный матеріалъ этого тома сосредоточивается на раздѣлѣ Польши и судьбѣ присоединеннаго къ Россіи края. «Опыты прошедшаго времени доказали, писалъ кн. Безбородко Репнину въ интимномъ письмѣ отъ 25 ноября 1794 г., что помышлять сдѣлать для себя друзьями поляковъ и особливо послѣ раздѣла 1793 г. есть вещь невозможная. При всякомъ случаѣ, когда у насъ война съ турками, скорѣе очутятся они на сторонѣ пруссаковъ и станутъ вредить намъ... Малая обширность земли сей не могла уже быть достаточнымъ барьеромъ между нами и сосѣдями нашими... Тутъ представляется и та невыгода, что образъ мыслей въ полякахъ наипаче въ молодыхъ, содѣлался такого рода, что зараза легко и далѣе распространиться можетъ; что вольность крестьянъ и тому подобное удобны раздразнить нашихъ поселянъ, одинъ почти языкъ и нравы въ сосѣдствѣ имѣющихъ; что, напротивъ того, безпосредственное сосѣдство съ австрійцами для насъ ни мало не опасно... Сіи разсужденія рѣшили на уничтоженіе Польши и на раздѣлъ ея земель, и вслѣдствіе того удалена уже была всякая мысль о составленіи конфедераціи или собственной нашей партіи въ Польшѣ, которая означала бы тѣмъ самымъ законную участь, хотя г. Тугутъ, весьма хитро отвлекая насъ отъ раздѣла, то совѣтовалъ. Сочтено у насъ, что поставя сію землю вверхъ дномъ, испровергнувъ ея правленіе и отнявъ всю почти оружіемъ, заставимъ и поневолѣ другихъ съ нами соображаться... Намѣреніе у насъ взято—начать порознь конференціи, и кто податливѣе окажется, съ тѣмъ прежде заключить и конвенцію. Вѣроятнѣе, что прусскій дворъ скорѣе на наши виды согласится. Конча съ нимъ, вѣнскій дворъ увидитъ неизбѣжную нужду и тому же послѣдуетъ». Въ томъ же письмѣ сообщается неудовольствіе противъ гр. Суворова, который «не нашелся въ обстоятельствахъ» и позволилъ мѣшаться въ дѣла королю, хотя гр. П. А. Румянцевъ и далъ знать ему, «что завоеванная столица есть принадлежность завоевательницы и потому правленіе должно быть производимо чрезъ губернатора и коменданта» (57—61). Взглядъ представителей русскаго правительства на отношенія къ покоренному краю, выразился въ письмѣ того же кн. Безбородка: «Люди къ старому очень привязаны, писалъ онъ Репнину; всякая подать менѣе для нихъ тягостна, чѣмъ потеря того, что они за привилегіи свои почитали. Власть самодержавная будетъ въ полной силѣ съ литовскимъ статутомъ столько же, сколько же и съ уложеніемъ, ни нравамъ, ни времени не сообразнымъ. Искать педантически единообразія была бы такая же химера, какъ предполагать и равенство между людьми». Онъ указываетъ на примѣръ Малороссіи, которую пріучили «къ соединенію» тѣмъ, что въ верховное правленіе и мѣстный трибуналъ посадили не однихъ «русапетовъ и тому подобныхъ». «Отъ сего выходило взаимное уваженіе, а въ Литвѣ, правду сказать, есть много людей гораздо починовнѣе, чѣмъ тогда въ Малой Россіи были» (60).

Изъ донесеній Репнина видно, что въ виду возстанія, многіе литовскіе дворяне разбѣжались за границу, другіе запрятались въ свои помѣстья. Притомъ почти на всѣхъ ихъ лежали неоплатные долги (62). Разсматриваемый нами матеріалъ наглядно рисуетъ картину общаго положенія дѣлъ въ началѣ умиротворенія края. Репнинъ неблагопріятно смотрѣлъ на назначеніе мѣстомъ жительства для плѣннаго короля польскаго.—Гродна, опасаясь, что вокругъ него «станутъ толпиться легкомысленные тамошніе обыватели, вслѣдствіе чего возникнутъ несмысленныя басни и сплетни». Онъ предлагалъ отправить его въ Ригу. Вскорѣ затѣмъ отъ короля потребовали отреченія, но при томъ такъ, чтобы въ выраженіяхъ акта не было видно «принужденія», за что ему обѣщано было 200,000 червонныхъ ежегоднаго содержанія. Но тогда же возникли хлопоты о долгахъ короля, которые были громадны (105, 140, 248—49). Во время управленія кн. Репнина возстановлены были, съ нѣкоторыми измѣненіями, административныя и судебныя учрежденія Литвы: пытки и смерт-

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ МИХАИЛА ГАРНОВСКАГО

1786 — 1790 [1]).

1788 г.

Августа 1-го 1788 года. Шведы вездѣ отъ насъ бѣгутъ и почти уже всѣ перебрались за рѣку Кюмень, въ свою границу.

30-го іюля приступалъ графъ Чесменскій къ государынѣ съ новыми доказательствами о безпорядкахъ, въ государствѣ нашемъ существующихъ, а особливо сей разъ критиковалъ болѣе прочихъ часть воинскую, и доносилъ, между прочимъ, что солдаты наши ни ходить, ни стрѣлять не умѣютъ, ружья имѣютъ негодныя и вообще войски наши въ одеждѣ и во всемъ никогда такъ дурны не были какъ теперь.

Весь сей доносъ расположенъ былъ тако, чтобъ внушить государынѣ, что всему сему причиною его свѣтлость (кн. Потемкинъ).

Случившіеся тутъ графъ Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) и Михаилъ Сергѣевичъ (Потемкинъ) принялись горячо оспаривать таковой несправедливой доносъ и умѣли дать оному такой толкъ, что государыня, почтя себя доносомъ Чесменскаго лично оскорбленною, дала съ негодованіемъ чувствовать, что, царствуя 25 лѣтъ, никогда она по своей должности упущенія не сдѣлала и что съ сожалѣніемъ взираетъ на заблужденія, въ которыхъ графъ Чесменскій находится. Это было графу Чесменскому очень непріятно.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 9—38; 237—265; 471—499; 687—720; томъ XVI, стр. 1—32

Библиотека "Руниверс"

31-го іюля графъ Чесменскій предпріялъ путешествіе въ Ораніенбаумской уѣздъ, неизвѣстно куда именно и зачѣмъ.

Вчерась подъ вечеръ привезли сюда отдавшагося добровольно въ плѣнъ шведскаго маіора Егергорна, отправленнаго отъ финскаго общества съ довѣренностію письменною просить о заключеніи съ ними мира. Графу Александру Матвѣевичу поручено было имѣть съ нимъ первую конференцію, что случилось въ 11-мъ часу пополудни. При семъ свиданіи, отправлялъ я, сидя за перегородкою, такъ что меня невидно было, секретарскую должность, и записывалъ то, что изъ разговоровъ г-на маіора болѣе примѣчанія достойно было. Это состояло въ слѣдующемъ:

— «Сколько король шведской, наружными видами обольщенной, къ войнѣ ни склоненъ, но финны и шведы никогда не помышляли объ оной, тѣмъ менѣе вести брань съ такимъ сильнымъ народомъ, какова есть Россія, и тѣмъ паче, что война, съ какими бы успѣхами для короны шведской ведена ни была, не только никогда не можетъ быть для Шведской Финляндіи, яко театра войны, полезною, но оставитъ по себѣ въ той части земли на многія лѣта весьма пагубные слѣды. Король, зная таковыя подданныхъ своихъ мысли, иначе не могъ склонить народъ свой, а особливо финновъ, къ поднятію противъ Россіи оружія, какъ сильными убѣжденіями, что не онъ, но Россія начинаетъ съ ними войну. Въ такомъ случаѣ и шведскіе и финскіе полки собрались къ защищенію границъ своихъ. Когда же примѣтили, что всѣ королевскія распоряженія клонились отнюдь не къ защитѣ собственныхъ земель своихъ, но къ нападенію на чужія, какъ то сіе сдѣлалось явнымъ при нападеніи на Фридрихсгамъ, то не оставалось ни малѣйшаго сумнѣнія въ томъ, что не Россія, но ихъ король виновникъ настоящей войнѣ и вслѣдствіе сего всѣ финскіе полки объявили королю, что земли свои защищать готовы, но на чужія нападать не станутъ. Финны, возвратясь послѣ сего въ свои границы, опредѣлили отправить меня съ слѣдующимъ къ Ея И. В-ву прошеніемъ:

«1-е—о возстановленіи съ короною шведскою, а особливо съ финнами, мира.

«2-е—о приведеніи шведскаго правленія въ такое положеніе, въ каковомъ оно находилось до произведенной въ государствѣ нынѣшнимъ королемъ, по вступленіи имъ на престолъ, революціи,

Библиотека "Руниверс"

то есть, чтобы народу имѣть право собирать сеймы, распоряжать доходами, раздавать какъ воинскіе, такъ и гражданскіе чины и мѣста посредствомъ выбираемыхъ отъ народа сенаторовъ и другихъ государственныхъ чиновъ, отъ коихъ бы и королевская власть зависѣла.

«3-е—чтобъ современемъ финновъ, отдѣливъ отъ шведскаго правленія, сдѣлать независимымъ народомъ, собственное свое правленіе имѣющимъ, чего теперь на первой случай сдѣлать нельзя, дабы шведы, поступающіе при теперешнихъ обстоятельствахъ съ финнами за едино, не возревновали къ финнамъ.

«4-е—чтобъ при переговорахъ употребить г. Шпренгпортена.

«5-е—чтобъ уступить финнамъ нѣкоторыя изъ завоеванныхъ нами крѣпости и мѣста, которыми финны владѣли по Нейштадтскому трактату и о коихъ они, прося еще прежде быть независимыми, всегда здѣшній дворъ просили, дабы, сколько они теперь, пользуясь милостями Екатерины, отъ нападенія ни безопасны, были таковыми и въ будущія, въ разсужденіи наслѣдниковъ русскаго престола, и въ неизвѣстныя времена.

«6-е—что на сіе шведское войско, стоящее по ту сторону рѣки Кюмени, ожидало отвѣта».

Къ сему присовокупилъ г. маіоръ еще примѣчаніе, что король ихъ имѣлъ бы, можетъ быть, до сихъ поръ успѣхи, еслибъ финны политически ему въ томъ не препятствовали. Конференція кончилась тѣмъ, что маіоръ обѣщалъ требованія финновъ подать письменно.

Когда гр. Александръ Матвѣевичъ докладывалъ о семъ государынѣ, то письмо ея къ его свѣтлости написано уже было, и приключившаяся Ея И. В-ву вѣтренная колика воспрепятствовала приписать вѣсть сію, въ письмѣ гр. Александра Матвѣевича въ кратцѣ описанную. Можетъ быть, его свѣтлости странно покажется, что письмо отъ великаго князя препровождается при письмѣ Николая Ивановича (Салтыкова). Это оттого, что великій князь съ гр. Валентиномъ Платоновичемъ (Мусинымъ-Пушкинымъ) не говоритъ и письма свои къ великой княгинѣ посылаетъ съ нарочнымъ курьеромъ, вмѣстѣ съ которымъ прислано было и письмо къ его свѣтлости, доставленное къ Николаю Ивановичу.

Библиотека "Руниверс"

Алексѣй Васильевичъ Нарышкинъ подалъ по сенату въ пользу г. Якобія голосъ.

О побѣдѣ, на Черномъ морѣ пріобрѣтенной, дворъ судитъ теперь весьма авантажно. Отдохнувъ послѣ осады Фридрихсгамской, вникнули въ обстоятельство, что два корабля сражалися со многими.

Рекрутъ, кажется, опять потребно собрать со ста душъ по одному человѣку, а для препровожденія ихъ нарядить солдатъ изъ полковъ Тенгинскаго, Ширванскаго и корпуса Оренбургскаго или какъ повелѣно будетъ.

Книги Гибнерова сочиненія, требуемыя вами [1]), здѣсь нѣтъ, я приказалъ оную выписать.

16-го августа 1788 года. Графъ Чесменскій ѣздилъ въ Ораніенбаумской уѣздъ для свиданія съ прежнею любовницею своею, супругою Петра Григорьевича Демидова (Екатерина Алексѣевна, рожденная Жеребцова). Возвратясь сюда, дѣлалъ онъ новыя покушенія переиначить дворъ въ расположеніяхъ онаго къ его свѣтлости и настроить оный такъ, какъ хотѣлось соціетету, когда его сіятельство выписанъ былъ сюда нарочно къ такому времени, когда овладѣвшія дворомъ безпокойствія обѣщали имъ въ проискахъ ихъ наиболѣе успѣховъ. Къ соціетету принадлежитъ также камеръ-фрейлина (Анна Никитична Протасова), безстыдно иногда горланющая, и цесарской посолъ Кобенцель, происки свои, по злобѣ императора на его свѣтлость, продолжающій. Въ это время нѣкоторые предметы и стеченіе обстоятельствъ представлялись вотъ въ какомъ видѣ:

Стали судить, что гр. Чесменскій говоритъ хотя просто, но правду, и говоритъ то, чего другіе сказать не смѣютъ. И что сей графъ человѣкъ доброй, безкорыстной, не мстительной, усердной отечеству слуга и неправду ненавидящій. Стали повсемѣстно твердить, что гр. Безбородко сдѣлался по комнатѣ по прежнему силенъ. Во время ежедневныхъ собраній, бываемыхъ при дворѣ предъ обѣдомъ и послѣ онаго, государыня изволила наиболѣе разговаривать съ гр. Воронцовымъ, отводя онаго на сторону. Сей графъ

---

[1]) То есть Василіемъ Степановичемъ Поповымъ.

Библиотека "Руниверс"

навязывался безпрестанно къ гр. Мамонову съ прошеніемъ позволенія посѣщать библіотеку его и пользоваться оною.

Многіе запримѣтили, что во время спуска корабля съ здѣшней верфи, что происходило 26-го іюля, съ нѣкоимъ отставнымъ секундъ-маіоромъ Казариновымъ, который служилъ предъ симъ въ Преображенской гвардіи и находился тогда на ординарцахъ у его свѣтлости, разговаривали долго, сначала гр. Безбородко, потомъ Завадовской. Казаринова превозглашали, но, кажется, что означенные господа дѣлаютъ ему куръ попустому.

Во время послѣобѣднихъ или вечернихъ собраній, Александра Матвѣевича посылали часто гулять по набережной,—стали примѣчать, что у Александра Матвѣевича происходитъ небольшое съ кж. Щербатовою маханіе.

Все сіе и стеченіе многихъ побочныхъ обстоятельствъ заслуживало вниманія и сему вѣрить хотя нельзя было всему, но и не вѣрить еще того хуже. Представя картину сего Александру Матвѣевичу, пунктъ о Казариновѣ весьма его обезпокоилъ. Онъ находился въ такомъ смущеніи, что мнѣ надлежало употребить многіе способы къ отвращенію его отъ произведенія по сей части слѣдствія путемъ верховнымъ. Поласкавъ самолюбію, сдѣлался онъ повеселѣе.

— «Судя объ этихъ дѣлахъ по прежнему, вѣдь и лѣта уже не тѣ, да и никто не былъ на такой ногѣ какъ я. Что обо мнѣ говорятъ въ городѣ?»

Я отвѣтствовалъ:

— «Многіе васъ похваляютъ за то, что вы изъ благодарности къ его свѣтлости преданы; касательно же васъ и соціетета, то та часть изъ двухъ имѣетъ перевѣсъ, которая сильнѣе; напримѣръ, стали говорить, что государыня часто бесѣдуетъ съ гр. Воронцовымъ, тогда въ публикѣ соціететъ сильнѣе васъ казался; когда же вы доносъ Чесменскаго опрокинули въ глазахъ всего соціетета, тогда публика почла васъ сильнѣе соціетета».

Послѣ сего спросилъ онъ меня:

— «А ты что обо мнѣ думаешь, скажи правду безъ лести?»

Я отвѣчалъ:

— «Доколѣ вы къ его свѣтлости пребудете преданнымъ, сами захотите и не подадите повода увѣрить, что вы въ кого-нибудь

Библиотека "Руниверс"

влюбились (чтобъ онъ пересталъ съ княжною Щербатовою махаться), вы будете таковы всегда».

Это его сіятельству такъ полюбилось, что онъ пожаловалъ мнѣ тарелку съ фруктами, присланную къ ему отъ государыни, и которая, если не ошибаюсь, назначена была княжнѣ.

Между тѣмъ я радъ былъ, что вырвался изъ лоскутнаго ряда безъ отрепьевъ, и что послѣ сего разговора дѣла воспріяли совсѣмъ другой образъ.

Гр. Чесменскій началъ собираться во-свояси, куда и дѣйствительно уѣхалъ. Графу Безбородко были двѣ сильныя и на шутку не похожія погонки, и гр. Александръ Матвѣевичъ началъ удаляться отъ сообщенія съ соціететомъ, съ которымъ онъ, какъ казалось, начиналъ-было дружиться, что и Иванъ Степановичъ (Рибопьеръ), въ бытность свою здѣсь, примѣтилъ, и что и ему и мнѣ весьма непріятно было. Доколѣ былъ Иванъ Степановичъ здѣсь, его подозрѣвали, а теперь я сдѣлался въ глазахъ многихъ подозрительнымъ.

Въ концѣ прошедшей недѣли найденъ на берегу Невы рѣки, противъ дворца, образъ св. Димитрія Ростовскаго и при ономъ письмо съ надписью, чтобъ кромѣ государыни никто онаго не распечаталъ. Не знаю содержанія онаго, потому что, страдая гемороидомъ, пятой день какъ со двора выходить не въ силахъ.

Недавно графъ Брюсъ, будучи во дворцѣ въ биліардной комнатѣ, завелъ разговоръ, что онъ, претерпѣвая убытки отъ поставки вина, продаетъ Вяземскую свою деревню, состоящую въ 300 душахъ, богатому купцу Баташову, по 110 руб. душу. Гр. Александръ Матвѣевичъ упросилъ Брюса, чтобъ сей продалъ оную деревню ему. Это случилось въ присутствіи государыни. Послѣ сего Александръ Матвѣевичъ позвалъ меня къ себѣ и мнѣ все пересказалъ, съ примѣчаніемъ, что онъ въ покупкѣ не ошибся, потому что торговалъ заводчикъ и, слѣдовательно, человѣкъ въ покупкѣ деревень толкъ знающій. Спустя дня два, освѣдомясь о сей деревнѣ, послалъ я къ графу вотъ какую записку. «Деревню торговалъ у графа Брюса не Баташовъ, но конногвардейской секретарь Артемьевъ и сторговалъ по 110 руб. душу. Сказано же было на Баташова для того, чтобъ не дать государынѣ знать, что дѣло шло съ Артемьевымъ, о которомъ она извѣстна, что онъ нажилъ имѣніе сборомъ оброковъ съ недорослей. И такъ, не освидѣтель-

Библиотека "Руниверс"

ствовавъ, деревни покупать, кажется, нельзя». Гр. Александръ Матвѣевичъ, показавъ государынѣ записку, отъ покупки той деревни отказался. Теперь торгуетъ онъ у Михаила Сергѣевича (Потемкина) Ярославскихъ двѣ тысячи душъ, доставшихся его превосходительству отъ князей Долгоруковыхъ.

Отъ финнъ опасаться теперь нечего. Они отступили и отъ Нейшлота. Король труситъ и къ сторонѣ Фридрихсгама окопался крѣпко. Флотъ шведской изъ Швеборга не выходитъ и претерпѣваетъ въ съѣстномъ крайній недостатокъ. Недавно взялъ г. Грейгъ два корабля подъ прусскимъ флагомъ, плывшіе съ солониною, которую они везли во флотъ шведской.

Послѣднія изъ-подъ Очакова извѣстія были двору непріятны. Нетерпѣливо хочется, чтобъ Очаковъ былъ взятъ прежде Хотина. Нетерпѣливости двора нельзя удивляться, когда многіе, не входя въ обстоятельства, со взятіемъ городовъ сопряженныя, все почитаютъ за бездѣлицу и стараются тоже внушить двору.

Гр. Петръ Александровичъ прислалъ вмѣстѣ съ реляціями ко двору копіи со всѣхъ ордеровъ, данныхъ отъ него подчиненнымъ генераламъ, и съ рапортовъ отъ сихъ къ его сіятельству дошедшихъ. Хотятъ, чтобъ дворъ занимался чтеніемъ по воинской части бумагъ такихъ, которыхъ и секретари въ коллегіи никогда почти не читаютъ. И тутъ безъ происковъ ни на минуту.

Г. Наумовъ въ коллегіи человѣкъ опасной. Бранные къ Михайлѣ Сергѣевичу (Потемкину) указы—его, рукописи и распредѣленіе комендантовъ его же дѣло. Г. Гантвигъ съ нимъ за это побранился. Г. Гантвигъ утверждалъ, что и прилично и должно къ его свѣтлости о семъ относиться, но Наумовъ кричалъ, что его свѣтлость въ коллегіи только два голоса имѣетъ, а не повелѣваетъ оною; основываясь на словѣ: «два голоса», велѣлъ онъ мнѣ сказать, когда я впредь записки въ коллегію посылать буду, то онъ велитъ меня посадить на гауптвахту, подъ караулъ, а надобно, чтобъ впредь президентъ или заступающій его мѣсто, вомѣсто записокъ, входили въ коллегію съ предложеніемъ. Однако же досталось г. Наумову за это отъ Николая Ивановича (Салтыкова). Г. Наумовъ ошибся. Онъ считалъ, что Николай Ивановичъ перестроитъ коллегію по его мнѣнію, но сей публично далъ ему знать, что коллегія да будетъ такъ какъ его свѣтлости угодно.

Библиотека "Руниверс"

2-го сентября 1788 г. Шведскій король удалился, какъ слышно, въ Вазу. Негодуя на слѣдствія начатой имъ войны, онъ намѣренъ отъ правленія отказаться, перемѣнить вѣру и жить внѣ земель шведскихъ. Нетерпимому подданными своими толико сколько сейгосударь, кажется и нельзя отъ правленія не отказаться. Командовавшій шведскимъ флотомъ герцогъ Сюдерманландскій командуетъ теперь, на мѣсто короля, укрѣпившимся въ Гогфорсѣ, шведскимъ войскомъ. Сей принцъ присылалъ къ графу Валентину Платоновичу маіора Егергорна, того самаго, которой присыланъ былъ сюда отъ финскаго общества депутатомъ, просить о свиданіи съ великимъ княземъ—но отказано. Принцу желается быть королемъ. Дѣла съ финнами еще не приведены къ концу; финны ожидаютъ согласія шведовъ. Графъ Валентинъ Платоновичъ и великой князь переѣхали изъ Выборга въ Фридрихсгамъ, куда перешла и гвардія, кромѣ конныхъ эскадроновъ. Между тѣмъ, производя подъ рукою мирные переговоры, пріуготовленія къ продолженію войны текутъ безъостановочно. На сихъ дняхъ отправлено будетъ къ Фридрихсгаму нѣсколько галеръ и построенныхъ въ Новгородской губерніи, подъ смотрѣніемъ г. Архарова, по образцу лиманскихъ, бомбардирскихъ и канонирскихъ судовъ, для пресѣченія въ лагерь шведской привоза съѣстныхъ припасовъ. На прошедшей недѣлѣ великой князь, купно съ графомъ Валентиномъ Платоновичемъ, рекогносцировалъ станъ шведской, при которомъ случаѣ шведы по нашимъ стрѣляли и убили двухъ казачьихъ лошадей. По окончаніи дѣйствія сего, великой князь проговорилъ съ отмѣннымъ удовольствіемъ слѣдующія слова:

— «Теперь я окрещенъ».

На графа Валентина Платоновича (в. к. Павелъ Петровичъ) негодуетъ по прежнему, а сей съ Михельсономъ пребываетъ въ крайнемъ несогласіи, когда, напротивъ того, нашъ Иванъ Степановичъ (Рибопьеръ) у всѣхъ трехъ на хорошей ногѣ. Полки кирасирскіе Наслѣдниковъ и Казанской и эскадроны гвардейскіе, по ненадобности въ кавалеріи, скоро отпущены будутъ на зимнія квартиры, да и война шведская при послѣднемъ издыханіи, если не дадутъ ей жизни Англія и ея союзники. Увѣряютъ знающіе связь политическихъ дѣлъ, что отъ Англіи отдѣлаться можно возобновленіемъ коммерческаго трактата, которой однакоже, по мнѣнію ихъ, до тѣхъ поръ бытія своего воспріять не можетъ,

Библиотека "Руниверс"

пока пребудетъ при дворѣ англійскомъ посланникомъ нашимъ ненавистной оному графъ Воронцовъ. Есть и другое, а можетъ быть, и неопреодолимое препятствіе сему трактату: персональное государыни на короля англійскаго негодованіе. Это запримѣчено и изъ словъ, на приватной отпускной аудіенціи сказанныхъ графу Нессельроту, третьяго дня чрезъ Варшаву въ Берлинъ на смѣну графу Румянцову отправившемуся.

Флотъ шведской не смѣетъ изъ Швебургской гавани показать носа и, уповательно, ожидаетъ спасенія своего отъ жестокости случающихся послѣ равноденствія вѣтровъ, могущихъ принудить флотъ нашъ, угрожаемый въ открытомъ морѣ множествомъ подводныхъ и наружныхъ камней, удалиться въ гавань. Датчане объявили шведамъ войну. Теперь откроется поведеніе англинскаго двора.

Гвардіи сержантъ Ланской, за привозъ извѣстія о войнѣ, датчанами объявленной, пожалованъ гвардіи офицеромъ. Графъ Александръ Матвѣевичъ купилъ у Михаила Сергѣевича (Потемкина) въ Ярославской губерніи 2,432 души за 230,000 рублей. Въ Александровъ день, кромѣ пожалованныхъ имянинникуъ 10,000 р. и съ бриллiантами трости, никому ничего не пожаловано. Наканунѣ Александрова дня, въ самой тотъ день и въ послѣдующій, гр. Александръ Матвѣевичъ былъ боленъ лихорадочнымъ припадкомъ. Теперь здоровъ по прежнему. Вчерась присланъ къ нему отъ императора дипломъ на графское достоинство. Графу Александру Андреевичу (Безбородко), которой для загородной ѣзды пользовался всегда придворною каретою, запрещено употреблять оную. Публично приказано г. Ребиндеру, чтобъ онъ безъ вѣдома и дозволенія не осмѣлился никого снабжать придворнымъ экипажемъ. Дѣло, за которое графу Александру Андреевичу была погонка, состояло вотъ въ чемъ. Нѣкто Пермской прокуроръ Сафоновъ подалъ прожектъ новымъ способомъ вино курить, съ ежегодною отъ сего для казны прибылью полтора милліона рублей. Сенатъ сіе разсматривалъ, испитывалъ, утвердилъ и поднесъ государынѣ докладъ, которой пролежалъ у графа два года безъ докладу. Сафоновъ жаловался на сіе государынѣ письмомъ, поданнымъ имъ чрезъ бывшаго тогда на дежурствѣ генералъ-адъютанта графа Александра Матвѣевича, за что и была помянутая погонка. Кромѣ коренныхъ злодѣевъ его свѣтлости, весь городъ

Библиотека "Руниверс"

чувствуетъ, что его свѣтлости здѣсь быть необходимо нужно, и всѣ, не исключая и графа Александра Андреевича (Безбородко), нетерпѣливо ожидаютъ прибытія его, ибо нѣтъ способу съ дворомъ сладить и дѣло похоже на кашу. Кто можетъ, тотъ не умѣетъ, а кто умѣетъ, тотъ не можетъ, а между тѣмъ всѣ со всякою всячиною лѣзутъ. Пусть такъ будетъ до пріѣзда его свѣтлости, дабы и злодѣи его возчувствовали предъ нимъ свое ничтожество. Но послѣ взятія Очакова, въ чемъ Богъ да поможетъ, здѣсь его свѣтлости конечно быть необходимо нужно, и для себя и для дѣлъ государевыхъ и государственныхъ.

Данъ сенату указъ о наборѣ рекрутъ съ ста душъ по одному. Наборъ начнется октября съ 1-го числа, слѣдственно, мѣсяцемъ ранѣе обыкновеннаго.

По полученіи депеши отъ графа Петра Александровича (Румянцова), пронесся въ городѣ слухъ, что сей фельдмаршалъ положилъ твердое намѣреніе идти въ отставку; спрашивалъ я о семъ графа Александра Матвѣевича, которой меня увѣрилъ, что это неправда. Между тѣмъ, на другой день Александрова дня, г. Завадовскій приходилъ къ Александру Матвѣевичу два раза, но допущенъ не былъ. Не писано-ли чего нибудь объ отставкѣ къ г. Завадовскому, впредь узнаемъ, иначе я не понимаю, откуда бы слухъ объ отставкѣ пронесся. Впрочемъ, г. Завадовской, кромѣ дѣлъ, касающихся до графа Петра Александровича, не имѣетъ никакого отношенія къ графу Александру Матвѣевичу.

Сентября 21-го дня 1788 г. Болѣзнь, графу Александру Матвѣевичу приключившаяся, принудила съ отправленіемъ сего позамѣшкаться. Наканунѣ Александрова дня, онъ съ государынею немножко поразмолвился и отъ сего три дни пролежалъ, подъ видомъ лихорадки, въ постелѣ, съ которой на четвертой день подняли его явленныя ему милости словесныя и существенныя. Тутъ увидѣлъ я у него александровской орденъ, которой хотѣли возложить на него въ день кавалерскаго праздника, еслибъ лихорадка не отстрочила исполненіе сего до дня Рождества Пресвятыя Богородицы, то есть сентября до 8-го числа. Утѣшаясь знаками ордена сего, хотя онъ и сдѣлался повеселѣе, однакоже не переставалъ быть въ задумчивости, которую, не зная настоящей причины, приписывалъ я 60,000 р., кои онъ занялъ у Сутерланда въ чи-

Библиотека "Руниверс"

сло суммы, уплаченной Михайлу Сергѣевичу за купленныя у сего деревни. Можно бы было обойтись и безъ займа, ибо мы изъ нашего имущества сбыли съ рукъ однѣ ассигнаціи, а съ золотомъ ни подъ какимъ видомъ разстаться не хотѣлось. Не хотѣлось ему впрочемъ ни должникомъ быть, ниже о заплатѣ долгу кого слѣдуетъ просить. Сія то, по догадкамъ моимъ, причина погружала его въ задумчивость. Знающему странной его нравъ сіе не покажется удивительнымъ, ибо его и бездѣлица въ состояніи мучить и тревожить. Къ сему подоспѣла новая непріятная для него встрѣча. Наканунѣ 8-го сентября вотъ что произошло вверху.

Брюсъ.—«Я свою деревню продамъ, коли вы покупать не хотите?»

Мам.—«Продавайте! а кто покупаетъ?»

Бр.—«Казариновъ!»

Мам. (Поблѣднѣвши, весь въ лицѣ перемѣнившись и почти умирающимъ голосомъ)—«Казариновъ человѣкъ бѣдной, откуда онъ возьметъ столько денегъ?»

Государыня.—«Вишь не одинъ Казариновъ въ свѣтѣ. Покупаетъ, можетъ быть, не тотъ, о которомъ ты думаешь».

Брюсъ.—«Сынъ покойнаго оберъ-секретаря сенатскаго»

NB. Не одинъ Казариновъ! стало быть, Казариновъ извѣстенъ, но впрочемъ покупающій деревню не тотъ, о которомъ говорятъ въ городѣ.

Нельзя себѣ представить въ какомъ безпорядкѣ графъ тогда находился. Неизвѣстность, горечь, досада и отчаяніе такъ сильно имъ овладѣли, что онъ принужденъ былъ, сказавшись больнымъ, сойти въ низъ. Это было въ исходѣ 10-го часа пополудни, при концѣ комнатныхъ собраній, ежедневно при дворѣ бываемыхъ. Пришедъ домой, началъ онъ жаловаться на спазмы въ груди, которыя дѣйствительно начали его тогда же мучить и наконецъ до того усилились, что, въ 1-мъ часу пополуночи, надлежало ему пустить кровь, потому что жизнь его была въ крайней опасности. 8-го числа государыня, услышавъ о семъ происшествіи, залилась слезами. Между тѣмъ графу сдѣлалось легче, такъ что онъ ходилъ вверхъ и возвратился оттуда съ александровскимъ орденомъ. Послѣ обѣда опять мучили его спазмы, хотя не такъ сильно, какъ наканунѣ. Рожерсонъ и Мессингъ были почти

Библиотека "Руниверс"

денно и нощно у него не безъ дѣла, но, несмотря на усердныя ихъ старанія и дѣйствія цѣлительныхъ составовъ, изобильно больнымъ принятыхъ, спазмы то переставали, то возобновлялись почти двѣ недѣли къ ряду и при томъ не одни спазмы составляли терпимую имъ болѣзнь, но присовокупилась къ онымъ и жестокая гипохондрія, которая не отставала отъ него ни на одну минуту; во время болѣзни онъ почти никого не принималъ и даже посѣщенія государыни были ему въ совершенную тягость. Предо мною старался онъ всегда описывать непостоянство жизни человѣческой, опасность своея болѣзни и напоминать объ отличныхъ милостяхъ къ нему монаршихъ, дабы не подать повода къ подозрѣніямъ, что у него, кромѣ болѣзни, есть на сердцѣ печаль, которую онъ, однакоже, сколько языкомъ ни таилъ, но на лицѣ скрыть не умѣлъ. Увѣривъ меня крѣпко, что никого такъ не любили, какъ его, онъ стыдился открыть мнѣ, что мечтающійся въ умѣ его соперникъ мѣшаетъ ему наслаждаться покоемъ. Я взиралъ съ сожалѣніемъ на сіи преждевременные вздохи и Казариновъ ни мало меня не тревожилъ. Меня безпокоила одна только графская гипохондрія и холодной его, несмотря на продолженіе къ нему милостей, пріемъ извѣстной особы, чѣмъ онъ легко могъ наскучить. Что же касается до Казаринова, то я увѣренъ былъ, что съ симъ никакой перемѣны не послѣдовало, ибо съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ въ городѣ начали говорить объ немъ, то я весьма надежному человѣку поручилъ присматривать за нимъ; впрочемъ, какъ выше упомянуто, Казариновъ знакомъ; знакомъ однакоже только потому, что онъ вездѣ, гдѣ случай позволяетъ, выставляетъ себя.

Пріѣздъ сюда Ивана Степановича (Рибопьера) возстановилъ всѣ дѣла по прежнему. Гипохондрикъ цѣловалъ съ радости пріѣзжему руки, а дворъ, любящій больнаго по прежнему, радъ до безконечности, что больной сдѣлался здоровъ и веселъ.

18-го (сентября 1788 г.) пожаловали ему бриллiантовую новаго ордена звѣзду въ 17,000 р. Во все сіе время придворные, одни, проходя ту комнату, гдѣ виситъ графской портретъ въ эремитажѣ, говорили, что пора на мѣсто сего другой портретъ повѣсить. Другіе кричали, что русской табакъ не въ модѣ, а Анна Степановна (Протасова) старалась всѣхъ увѣрить, что государыня

Библиотека "Руниверс"

смѣется его болѣзни. Все это оказалось ложно и графа любятъ сильно по прежнему.

Великой князь возвратился сюда сего мѣсяца 18-го числа. Ожидали, что его высочеству дадутъ за сдѣланную кампанію георгіевскій орденъ, но если онаго завтра не дадутъ, то и неуповательно, чтобы въ нынѣшнемъ году данъ былъ.

Шведы выступили изъ границъ нашихъ. Мѣсто, на которомъ они лагеремъ стояли, заняли наши войски.

Въ Швеціи собранъ быть имѣетъ сеймъ, которому король желая воспрепятствовать, старался взбунтовать далекарлцовъ и пріохотить сихъ къ поднятію оружія противъ собственныхъ соотчиновъ своихъ. Но тщетно: далекарлцы отказались. Теперь король адресовался ко многимъ европейскимъ дворамъ съ прошеніемъ, чтобы насъ съ ними помирили. Дворъ думаетъ, что сей поступокъ можетъ произвесть въ Европѣ войну гораздо опаснѣе шведской: можетъ быть, захотятъ насъ мирить съ нимъ на кондиціяхъ для насъ несходныхъ. Государыня недовольна и тѣмъ, что король съ прошеніемъ мира не прямо къ ней адресовался.

— «Il frappe à toutes les portes pour demander la paix, mais c'est à moi qu'il devait s'adresser».

Касательно сихъ дѣлъ отъ англинскаго двора много будетъ зависѣть; если сей намъ не помѣшаетъ, то и прусской злодѣйствовать не будетъ. Увѣряютъ, что съ Англіею не трудно возстановить доброе согласіе возобновленіемъ, на первой случай, коммерческаго трактата. Но доколѣ пребудетъ при англинскомъ дворѣ нашимъ министромъ графъ Воронцовъ, до тѣхъ поръ о возобновленіи коммерческаго трактата и помышлять нельзя. Сверхъ сего, главное затрудненіе настоитъ въ томъ, что государыня англичанъ, а особливо короля ихъ, не можетъ терпѣть. О цесарѣ продолжаются хорошія мысли.

— «C'est moi qu'il aime, c'est à moi qu'il est attaché».

Здѣшніе цесарскіе наемники стараются утверждать мнѣніе сіе. Пусть бы это и такъ было, но жалко, что притомъ съ прусскимъ посланникомъ обходятся крайне презрительно. Крайне презрительно, можетъ быть, и противъ воли монаршей, ибо съ нѣкотораго времени государыня лично обходится съ министромъ сея державы ласковѣе прежняго. Здѣсь цесарцы извиняютъ повсемѣстныя неудачи свои тѣмъ, что они ведутъ вспомогательную войну.

Библиотека "Руниверс"

На сей счетъ посолъ ихъ кричитъ вездѣ: mon Dieu, mon Dieu, Oczakow!! Сему подражаютъ и наши наемники ихъ; что же касается до государыни, то она ни мало Очаковымъ не безпокоится, и все, что его свѣтлость предпринимать изволитъ, превозноситъ хвальбою. Досадуетъ на одно только то, что его свѣтлость подвергаетъ себя опасности. Какую пользу принесетъ Очаковъ, если виновникъ пріобрѣтенія его постраждетъ.

Преданность гр. Александра Матвѣевича къ его свѣтлости можно смѣло назвать примѣрною въ свѣтѣ.

(Начало октября). Графъ Александръ Матвѣевичъ, скучая напоминовеніями моими о пріѣзжихъ отъ васъ курьерахъ, отправленія здѣсь ожидающихъ, приказывалъ мнѣ 28-го сентября, одного изъ нихъ къ вамъ отправить съ письмомъ своимъ, съ шубкою отъ государыни и байками, о коихъ его свѣтлость изволилъ къ нему писать, чтобы оныя скорѣе присланы были; но имѣя тогда въ виду тезоименитство свѣтлѣйшаго князя и донесеніе о дѣлахъ, къ свѣдѣнію его свѣтлости нужныхъ, безъ письма государыни и таковыхъ же отъ графа Безбородко, чтобы значило отправленіе баекъ, и при оныхъ извѣстнаго мнѣ неважнаго содержанія его сіятельства письма? Въ ономъ значитъ, между прочимъ, что государынѣ, по причинѣ обѣда, писать (письмо) недосугъ было. Нѣтъ: — не обѣдъ былъ тому причиною, и это мнѣ примѣтнѣе стало 30-го сентября, когда я съ знаменитымъ имянинникомъ приносилъ его сіятельству (Мамонову) поздравленіе.

Сей разъ трудно было получить царское письмо и графъ, вручая оное мнѣ, запримѣтилъ: государыня недовольна: 1) что не присылается сюда журналъ объ осадѣ Очаковской, 2) что отъ его свѣтлости, въ теченіи нынѣшняго года, не было принесено поздравленія Ея И. В-ву ни съ однимъ ея праздникомъ, и наконецъ, 3) что отъ его свѣтлости не воспослѣдовало ни малѣйшаго отзыва о шпагѣ и золотомъ блюдѣ, къ нему посланныхъ.

Все сіе извинялъ я предъ графомъ, а онъ предъ государынею, столько сколько лучше можно было, а особливо послѣднее оправдывалъ еще тогда, когда, поднеся депеши, привезенныя сюда послѣднимъ курьеромъ, государыня присылала къ графу письмо его свѣтлости съ примѣчаніемъ, чрезъ Захара объявленнымъ: «наша посылка какъ въ воду впала». Кромѣ сихъ причинъ, надобно быть еще другимъ, гнѣвъ таковой водворившимъ. Чрезъ

Библиотека "Руниверс"

все лѣто государыня была хорошаго расположенія, и претензіи ея появились недавно. Я думаю, что во время графской болѣзни, злодѣи его свѣтлости успѣли что нибудь внушить. Въ числѣ злодѣевъ занимаетъ непослѣднее мѣсто цесарской посолъ, безпрестанно и неусыпно въ проискахъ коварныхъ обращающійся. Въ сіе время, носился въ городѣ повсемѣстно слухъ, родившійся, по догадкамъ моимъ, въ Муринѣ, будтобы армія Екатеринославская, бывъ жестоко поражена очаковскими и капитанъ-пашинскими войсками, подвинулась семнадцать верстъ назадъ. Много было и теперь есть вранья, сему подобнаго, которымъ, яко нималѣйшаго вниманія нестоющимъ, я вамъ не скучаю. Сію жевѣсть докладываю для того, что меня, справедлива ли она? спрашивали Совѣта члены многіе и другіе чиновники. Можетъ быть, и государыня не знала вѣрить ли сему или нѣтъ. Къ сочиненію сія вѣсти несправедливыя подалъ случай, какъ я думаю, отрядъ г. Уварова съ полками. Государыня сверхъ сего занята была многими хлопотами и заботами, причиненными ей пропозиціями о примиреніи насъ со шведами, отъ королей прусскаго и англійскаго послѣдовавшими. 25-го сентября въ Совѣтѣ опредѣлено было: 1) учинить обоимъ симъ королямъ наглый отказъ, а между тѣмъ, 2) въ подкрѣпленіе оному отказу, Украинскую армію, усиливъ ее полками изъ арміи Екатеринославской и корпуса Кавказскаго, отправить въ Польшу. 3) Собрать для таковаго же предмета въ Бѣлоруссіи корпусъ, тысячахъ въ тридцать человѣкахъ. 4) Въ полуденныхъ мѣстахъ, поступать противъ непріятелей, въ случаѣ прусской войны, образомъ оборонительнымъ. Словомъ сказать, въ собраніи сей разъ Совѣта, ежели голосъ одного Воронцова за Совѣтъ почесть можно, положено было по мѣрѣ родить прусскую войну; всесильно заниматься пріуготовленіями къ оной; возвысить сколько можно больше графа Петра Александровича (Румянцова); положить твердое основаніе къ приведенію въ разстройку всѣхъ предположеній его свѣтлости, и посредствомъ сего довести дѣло до такого замѣшательства, чтобъ въ мутной водѣ удобнѣе было рыбу ловить. Прочіе члены Совѣта почитали мнѣніе сіе изреченіемъ вдохновенія Божія. Да какъ и не радоваться таковому предложенію? Одни льстили себѣ, что удастся имъ командовать отдѣльными корпусами, другіе ожидали, въ вознагражденіе себѣ, отъ императора сокровищъ; что же касается до государыни, то и

Библиотека "Руниверс"

ей мнѣніе сіе не неправилось, потому что старались ей внушить, что тако требуютъ сего честь ея короны, слава ея правленія и польза общая и частная государственная.

Одинъ графъ Андрей Петровичъ (Шуваловъ) отважился утверждать противное сему. Съ начала онъ объяснялся съ государынею словесно, потомъ отозвался въ Совѣтъ съ письменнымъ голосомъ, съ котораго тогда же препроводилъ при запискѣ къ графу Александру Матвѣевичу копію для поднесенія государынѣ и просилъ, чтобы графъ Александръ Матвѣевичъ, если патріотъ, любящій отечество свое, покрѣпилъ мнѣніе его. Голосъ сей, поданной сентября 28-го дня, возбудилъ въ Совѣтѣ великое на себя вниманіе. Поднялся шумъ и звонъ, а Воронцовъ отъ злости не зналъ, что дѣлать. Чтобъ обуздать сего хотя нѣсколько, и знавши, что его свѣтлость писалъ предъ симъ къ графу Александру Андреевичу, что королю прусскому напрасно отказано было неучтиво на сдѣланную имъ пропозицію помирить насъ съ турками, просилъ я Ивана Степановича внушить графу Александру Матвѣевичу, чтобъ онъ Шуваловской голосъ подкрѣпилъ. Сіе то дѣлъ положеніе заставляло государыню скорбѣть, сердиться и прибывать въ суетѣ, нерѣшимости и задумчивости. Мнѣніе Воронцова казалось лестнымъ и голосомъ Шувалова пренебречь нельзя было. Между тѣмъ, сегодня рѣшилась государыня вести съ королемъ прускимъ переписку учтивѣе прежней. Склонялъ я впрочемъ, чтобы со всѣми сими и многими другими важными дѣлами отнеслись отсель къ совѣту его свѣтлости, но, съ одной стороны, препятствуетъ сему крайнее графское о дѣлахъ нерадѣніе, съ другой же— неутомимые цесарскихъ наемниковъ происки, ибо сіи, желая всѣ дѣла рѣшить такъ, какъ имъ хочется, стараются дворъ содержать въ расположеніяхъ, намѣреніямъ ихъ соотвѣтствующихъ. Дай Богъ, чтобъ не сдѣлали привычки рѣшать всіо сами собою.

Подношу копію съ письма, которое писалъ здѣшній прусскій министръ къ графу Нессельроту, новому нашему посланнику, отправившемуся въ Берлинъ. Государыня изволила читать подлинное письмо и съ тѣхъ поръ обходилась съ прусскимъ министромъ ласковѣе прежняго.

Бенкендорфша родила мертваго сына. Великой князь и великая княгиня пожаловали ей при семъ случаѣ въ подарокъ вексель въ десять тысячъ р., кои въ три мѣсяца заплатить обѣщались. Под-

Библиотека "Руниверс"

ношу также копію съ письма, собственно до меня касающагося, и при томъ всенижайше прошу о поправленіи состоянія моего, дабы я, въ ожиданіи наслѣдства, не пропалъ съ голоду и холоду.

На шубкѣ, подносимой его свѣтлости, нашитъ ярлыкъ съ собственноручною Ея И. В-ва надписью.

Спустя послѣ сего нѣсколько часовъ, Малиновской отправился съ сельдями, сыромъ, сливками и прочими вещами.

14-го октября 1788 г. Король прусскій требуетъ, чтобъ датчане отъ союза съ нами отстали, а паче, чтобы покорять шведовъ они намъ не помогали, въ противномъ же случаѣ грозитъ онъ отнять у нихъ Голштинію. Отзывы государя сего, сдѣланные республикѣ польской, такъ же, для насъ неавантажны. Сколько примѣтить можно, то государынѣ крѣпко хочется посбить пруссакамъ спѣси, хотя же, въ письмѣ къ его свѣтлости, явнаго къ тому намѣренія и не открыто, но это, я думаю, для того, чтобъ его свѣтлость не отсовѣтовалъ. Что, конечно, хочется—я не утверждаю, потому что безпосредственнаго сношенія не имѣю, догадка же моя основана на извѣстіяхъ, дошедшихъ ко мнѣ изъ вторыхъ устъ, и не изъ однихъ, которымъ, кажется, можно вѣрить. Послѣ завтра будетъ Совѣтъ, въ которомъ, въ присутствіи главы онаго, о сихъ дѣлахъ трактовать будутъ. Полки пѣхотные украинской арміи хотятъ умножить числомъ людей, по новому штату, то есть въ полку восемь мушкатерскихъ ротъ, каждая въ 212 человѣкъ, да и вообще сдѣлать диспозицію арміямъ, куда какую часть, съ кѣмъ и противу кого обратить. Сіе то многихъ непріятныхъ обстоятельствъ стеченіе заставляетъ желать его свѣтлость здѣсь скорѣе видѣть. Псковской драгунской полкъ формируется съ прибавленіемъ въ оной рекрутъ, а не съ присовокупленіемъ къ нему Ямбургскаго полка. Вы спросите—почему? 1) что здѣсь много полковъ надобно, натвердили и твердятъ государынѣ; 2) хотѣлось дядѣ поберечь племянника, хотя впрочемъ дядя въ крайне нехорошемъ положеніи при дворѣ, и 3) что графъ Валентинъ Платоновичъ (Мусинъ-Пушкинъ) Ямбургскій полкъ хвалитъ, потому что Михельсонъ его хулитъ. Я не знаю, что будетъ изъ Псковскаго полку: потребна куча лошадей и 980 рекрутъ, которыхъ невозможно, кажется, пріуготовить къ веснѣ конными солдатами! Святое дѣло когда бы поступили по плану его свѣтлости, и я продолжаю хлопотать о

Библиотека "Руниверс"

семъ. У графа Валентина Платоновича съ Михельсономъ неладно. Ихъ поссорили тѣ люди, которые при началѣ шведской войны, описывая слѣдствія оныя, старалися двору внушить, что, кромѣ графа Петра Александровича, шведовъ и наслѣдниковъ ихъ никто усмирить не можетъ, и тотъ, которой тогда самъ себя ласкалъ надеждою быть главнокомандующимъ финляндской арміей. Реноме Михельсона печалило ихъ, что графу достался въ команду хорошій генералъ, а имъ хотѣлось, чтобы графъ предводительствовалъ безъ успѣха. Жалко, что графъ подается въ подобные обманы и графа Брюса почитаетъ своимъ другомъ.

Графъ Валентинъ Платоновичъ пріѣхалъ сюда октября 7-го дня. Донесеніе его, что зимою никакихъ военныхъ дѣйствій въ Финляндіи производить нельзя, не полюбилось. Между тѣмъ, для девяти тысячъ человѣкъ дѣлаютъ изъ овчинъ куртки, валенцы и прочіе зимніе снаряды.

Храповицкій въ модѣ, и съ симъ графъ Воронцовъ всѣми силами старается свести дружбу.

Подполковникъ Глѣбовъ взятъ, по имянному указу, за долги подъ стражу, въ надворной судъ. Онъ долженъ слишкомъ двѣсти тысячъ рублей. Думаютъ, что изъ сего дѣла произойдутъ худыя слѣдствія, ибо много взято денегъ съ тѣмъ, чтобъ по дѣламъ стряпать. Глѣбовъ посаженъ происками Цыгорова и по докладу здѣшняго главнокомандующаго въ губерніи.

Подносимая басня сочинена, не знаю кѣмъ, на покойнаго Ивана Максимовича.

Четвертаго дня, племянникъ г. Завадовскаго шутилъ публично въ банковомъ правленіи: «подъ Очаковомъ три мѣсяца уже (окружили) но гоноровъ о сю пору нѣтъ».

22-го октября 1788 г. Войны съ Пруссіею и Англіею, кажется, избѣжать уже нельзя, потому что, съ одной стороны, короли прусской и англійской, принявъ на себя видъ повелителей вселенныя, явнымъ образомъ мѣшаютъ намъ во многихъ дѣлахъ, съ другой-же, что государыня и Совѣта члены, признавая поступки сихъ королей непростительнаго наказанія достойными, не полагаютъ мщенію соразмѣрныхъ обстоятельствамъ предѣловъ, и нѣтъ между раздраженными частями посредника. Еслибъ предъ симъ перепискою хотя немного менажировали короля прусскаго,

Библиотека "Руниверс"

и бывшій въ Берлинѣ смѣненной Нессельротомъ министръ не поступалъ бы тамъ презрительно, то, можетъ быть, не дошло бы до такой крайности. Письмо собственноручное къ графу Нессельроту, съ котораго при письмѣ къ его свѣтлости приложена копія, стоило двудневныхъ слезъ, чтобъ согласиться вымѣстить изъ него грозное и черное, что въ немъ прежде написано было. Трактуя о сей матеріи, г. Завадовскій всесильно старался графа Александра Матвѣевича склонить на свою сторону, то есть, внушить сему склонность къ мщенію, подобную своей и графа Воронцова. Господа сіи сильно желаютъ новой войны и всячески къ оной настраиваютъ и потакаютъ. Сохрани Богъ еслибъ все дѣлалось по ихъ внушеніямъ. Непремѣнно нужно его свѣтлости побывать здѣсь, хотя на короткое время посля, если дастъ Богъ, взятія Очакова. Встревоженная со всѣхъ сторонъ, царица наша подвержена теперь вѣкъ преждевременно съѣдающимъ безпрестаннымъ печалямъ, сколько ея ни стараются веселить то комедіями, то другими забавами, и кажется, что свиданіе съ его свѣтлостію полезнѣе бы было въ семъ случаѣ всѣхъ пріобрѣтеній на свѣтѣ. Графъ Александръ Андреевичъ опять немножко поправился, для того что дѣлъ исправлять некому, а Храповицкій хотя и моденъ, но съ Бахусомъ не пресѣкаетъ своего знакомства, да и способностей къ дѣламъ такихъ, какія графъ имѣетъ, не имѣетъ. Иванъ Степановичъ отлучился въ Старую Русу, гдѣ его полкъ стоитъ, на короткое время. Никогда любовникъ къ любовницѣ не можетъ столько привязанъ быть, сколько графъ Александръ Матвѣевичъ къ Ивану Степановичу. Гвардейскія роты велѣно укомплектовать 212-ю рядовыми и полкъ графа Петра Александровича (Румянцова) такимъ же образомъ.

Г. адмиралъ Грейгъ, къ крайнему сожалѣнію, скончался. Графъ Иванъ Григорьевичъ (Чернышевъ) съ пріѣзда своего изъ Италіи почти все время сидѣлъ дома подъ видомъ болѣзни, явился же ко двору на другой день, получа о смерти графа извѣстіе; видно, хочется, чтобъ, безъ согласія его, не былъ кто назначенъ къ командованію флотомъ.

7-го ноября 1788 г. Графъ Шуваловъ, до подачи голоса своего въ Совѣтъ, объяснялъ государынѣ содержаніе онаго словесно, но какъ неусыпными стараніями извѣстныхъ господъ предъубѣжденія

Библиотека "Руниверс"

уже дѣйствовали, то голосъ сей государынѣ столько же не понравился, сколько несносенъ былъ Совѣту, которой, съ своей стороны, именовалъ оной сумазбродствомъ, ни малѣйшаго вниманія не заслуживающимъ, и мнѣніямъ, волѣ и достоинству Ея И. В-ва противнымъ. Огорченной симъ происшествіемъ, графъ засѣлъ послѣ сего дома и занимался размышленіями въ ожиданіи мщеній, графомъ Воронцовымъ съ товарищи ему пріуготовляемыхъ, хотя впрочемъ гр. Мамоновъ, убѣжденъ будучи мною и Иваномъ Степановичемъ, и защищалъ голосъ его. Тутъ не было однакоже болѣе успѣха, какъ только что рѣшились съ берлинскимъ дворомъ вести переписку умѣреннѣе той, каковую предполагалъ Совѣтъ, привыкшій словами язвить все то, что идетъ не по его мыслямъ. Да и сіе снисхожденіе стоило довольно слезъ. Посѣтя графа въ таковой его задумчивости, и объявивъ ему, что его свѣтлость со мнѣніемъ его согласенъ, какой это былъ для него подарокъ? По его мнѣнію, нельзя было избрать къ употребленію въ государственныя дѣла вреднѣйшихъ людей, какъ графа Воронцова, Завадовскаго и графа Безбородко.

— «Воронцовъ главная всему пружина, человѣкъ тотъ, которой во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ и предпріятіяхъ не имѣетъ другой цѣли, кромѣ причиненія вреда его свѣтлости, хотя бы сіе и съ самою государства пагубою сопряжено было; человѣкъ, который далъ императору обѣтъ содержать здѣшній дворъ въ такомъ расположеніи, чтобъ мы всегда готовы были споспѣшествовать ему во всѣхъ его намѣреніяхъ, хотя бы оныя пользѣ нашихъ дѣлъ не всегда соотвѣтствовали; интересантъ, совѣтникъ многихъ для Россіи безполезныхъ коммерческихъ трактатовъ, отъ которыхъ только онъ и товарищи его получили свои корысти и, словомъ сказать, коварствомъ преисполненной государственной злодѣй; Завадовскій первой ему другъ и товарищъ, потатчикъ, Махіавелъ и исполнитель на бумагѣ умоначертаній Воронцовыхъ, а Безбородко верховая лошадь Воронцова, человѣкъ, впрочемъ, добрый и полнаго понятія, но по связѣ своей опасной. Нѣтъ тайны въ дѣлахъ нашихъ, которыя бы ни знали посолъ и вся канцелярія его; мудрено-ли послѣ сего, что дѣла наши въ отношеніи къ протчимъ державамъ европейскимъ пришли до такого замѣшательства. Я васъ увѣряю, что грозящая намъ прусская война и сопряженныя со оною многія непріятности суть дѣла, отъ вымы-

Библиотека "Руниверс"

словъ ихъ родившіяся, дабы имъ тѣмъ удобнѣе удалось въ мутной водѣ рыбу ловить. Я многое предоставляю словесно пересказать его свѣтлости, уповая, что онъ скоро будетъ сюда, если любитъ отечество свое. Какая нужда была прожектировать въ теперешнее время съ Польшею трактатъ? Для полученія 12,000 червонцевъ! И какая нужда была рекламировать такъ скоро датской сиккурсъ? Я предсказывалъ Совѣту, что король прусской вмѣшается по поводу сего въ шведскія дѣла, и тѣмъ паче не надлежало намъ датскаго сиккурсу требовать въ нынѣшнемъ году, что для нынѣшней кампаніи онъ былъ для насъ совершенно безполезенъ, а для будущей—успѣли бы мы потребовать его въ будущемъ январѣ мѣсяцѣ. Спѣшили для того требовать сиккурсъ, чтобъ скорѣе подать поводъ къ прусской войнѣ. Это невѣроятно, что они противу князя (Потемкина) предпринимали».

Я всячески буду стараться удержать графа въ такомъ расположеніи къ его свѣтлости. Отъ сего есть очевидная польза. Князь Вяземскій одного съ графомъ Шуваловымъ мнѣнія; о графѣ Пушкинѣ сумнѣваться нельзя, потому что сей никогда съ Совѣтомъ не былъ согласенъ, а Салтыковъ также, думаю, ополчиться не посмѣетъ,—и такъ въ Совѣтѣ сдѣлались двѣ партіи, когда, напротивъ сего, прежде никто въ Совѣтѣ не посмѣлъ противорѣчить Воронцову и союзникамъ его, почитая изреченія ихъ почерпнутыми изъ монаршихъ устъ. Вчерась трактовали въ Совѣтѣ: вводить-ли въ Польшу новыя войски? Графъ Шуваловъ отозвался письменно, что объ этомъ Совѣту трактовать не слѣдуетъ, но надлежитъ оное предать благоразсмотрѣнію его свѣтлости, яко фельдмаршалу и первому военному министру, которому ближе должно извѣстно быть, настоитъ-ли надобность во введеніи въ Польшу новыхъ войскъ, сколько именно, куда и какихъ?

Иванъ Степановичъ еще изъ Старой Русы не возвратился, а письмо ваше отправилъ я къ нему съ нарочнымъ курьеромъ.

Завадовскій разсуждалъ: «если бы князь не обнажилъ здѣшнюю часть войсками, то бы шведы никогда въ войну съ нами вступить не посмѣли, и еслибъ подъ Очаковымъ не . . . . ., то бы король прусскій никогда не посмѣлъ поступать съ нами такъ дерзко. Вѣрно цесарцы для того Банатъ оставили, что графъ Румянцовъ ближе къ Дунаю подвинулся: одно имя Задунайскаго приводитъ уже турковъ въ робость».

Библиотека "Руниверс"

Графъ Румянцовъ пишетъ сюда, между прочимъ, что и въ тамошнихъ мѣстахъ теперь уже холодно, и что куртки солдатъ не грѣютъ.

Сердечно и я желаю, чтобъ его свѣтлость послѣ взятія Очакова соблаговолилъ поспѣшить пріѣздомъ сюда, тѣмъ болѣе, что теперь и государыня желаетъ его видѣть здѣсь скорѣе. Нехудо бы застать разстроенное положеніе помянутыхъ трехъ господъ, которые весьма не въ модѣ. Кажется, государыня узнала ихъ и полезныя ихъ дѣла. Воронцовъ, подъ видомъ болѣзни, сидитъ уже двѣ недѣли дома. Князю Вяземскому поручено сдѣлать объясненіе, почему нашъ рубль ходитъ не дороже 32 штиверовъ. Кажется, что сей не пощадитъ Воронцова. Дай Богъ, чтобъ его свѣтлость поспѣшилъ, а то нужда въ дѣловыхъ людяхъ, не имѣя на примѣтѣ другихъ, можетъ быть и опять принудитъ приняться за нихъ, хотя они доведены теперь до весьма покорнаго положенія. Нуженъ пріѣздъ его свѣтлости болѣе всего для того, чтобъ огорченія... съ ногъ не свалили. Прибѣжище къ сочиненіямъ комедіи не унимаетъ слезъ. Сколько впрочемъ ни крѣпятся, а, кажется, тревожатся и тѣмъ, что сдѣлана ошибка въ довѣренности къ людямъ, крайне дѣла наши разстроившимъ, и что не внимали тому, что отъ его свѣтлости предсказано было.

Подношу при семъ голосъ графа Шувалова и протоколъ Совѣта, голосъ Шуваловской на свѣтъ родившій.

Подношу также вѣдомость сколько экстраординарной суммы принято и сколько еще принять слѣдуетъ. Безъ отзыва его свѣтлости ничего не дадутъ, потому что его свѣтлость обѣщать изволилъ князя Александра Алексѣевича (Вяземскаго) увѣдомить сколько ему денегъ потребно. Вся принятая сумма отправлена къ вамъ, какъ вы изъ вѣдомости, при письмѣ графа Валентина Платоновича отправленной, усмотрѣть изволите. Теперь остались здѣсь одни плотничьи деньги, помѣсячно принимаемыя, которыя бо̀льшей частію на лицо, кромѣ 10,000, въ расходъ уже поступившихъ, разумѣя сего года мая съ 1-го числа мѣсячныя деньги, а за цѣлой годъ прошлой, то есть сего года мая по 1-е число, и плотничья сумма къ вамъ отправлена. Строевой же херсонской суммы въ пріемѣ не было. Здѣсь безъ денегъ быть нельзя, почему и удержана мѣсячная сумма; то, что за расходомъ останется, конечно, представить въ цѣлости не премину.

Библиотека "Руниверс"

Слухъ носится, что шведы сбираются предать зимою корабли наши въ Ревелѣ огню.

Сличите вы прежнія два письма, къ его свѣтлости отправленныя, съ протоколомъ Совѣта, вы увидите, что много изъ протокола почерпнуто; въ голосѣ витійствомъ и восторгомъ упрекается сочинитель протокола, г-нъ Завадовскій, а Воронцову за слова: коммерція наша выиграла бы болѣе, нежели всевозможные съ Франціей договоры, грозилъ быть вѣчнымъ злодѣемъ. Въ прежнихъ письмахъ писано къ его свѣтлости, чтобъ послѣ взятія Очакова приступить къ переговорамъ съ турками о мирѣ. Мнѣ весьма показалось это и смѣшно и досадно; смѣшно потому: «турки, несмотря, что нѣкоторыя европейскія державы предполагаютъ подать имъ свои пособія, можетъ быть, согласятся къ заключенію мира»; досадно же потому, что мнѣ казалось не хотятъ-ли чрезъ сіе удержать въ тѣхъ мѣстахъ его свѣтлость. Сказавъ мысли мои напрямикъ, что безъ его свѣтлости не будетъ ни здѣсь, ни тамъ никакого успѣху, сей разъ пишутъ они, приглашая его сюда.

Вѣрите-ли, что уже и этотъ проектъ былъ, чтобъ, взявъ Очаковъ, отдать имъ опять, дабы только помириться съ турками, и дабы имѣть свободныя руки воевать съ пруссаками.

29-го ноября 1788 г. Привезенныя г-мъ Драшковскимъ депеши касательно поведенія нашего противу прусскаго двора крайне не полюбились, такъ что государыня принималася неоднократно писать выговоры. Удерживая отъ таковыхъ, продержали отправленіе сего до прибытія сюда г-на Душинкевича, съ которымъ присланная депеша относительно перемѣны политической системы, подобно первымъ, не полюбилась же. Дворъ остается непоколебимо при прежнемъ своемъ намѣреніи, да въ отсутствіи его свѣтлости и не мудрено содержать его въ таковомъ расположеніи, неусыпнымъ стараніемъ тѣхъ людей, которые имѣютъ отъ сего выгоды свои, ліющіися на нихъ отъ безпрестаннаго повторенія хитросплетенныхъ, въ честь двадцати семи лѣтняго царствованія, пѣсней, и которые довольно искусны, чтобъ коварнымъ замысламъ своимъ дать видъ пользы, будтобы нераздѣльно сопряженной со славою помянутаго царствованія и властію его самодержавною законодательною, по мнѣнію ихъ, на весь свѣтъ простираться должен-

Библиотека "Руниверс"

ствующею. Сею системою, цѣлію пріобрѣтеніе власти надъ монаршимъ сердцемъ и скопище сокровищъ имѣющею, предводительствуетъ графъ Воронцовъ, способствуясь графомъ Безбородко и г. Завадовскимъ, яко людьми къ достиженію желаемаго имъ наиспособнѣйшими. Низвергая тутъ все то, что бы могло быть имъ препоною, не престаютъ они злодѣйствовать и его свѣтлости, подкрѣпляя себя, въ семъ случаѣ, императоромъ, его здѣшнимъ причетомъ и французскимъ дворомъ, коихъ на сей конецъ на свою сторону они преклонили. Слышно, что они внушили теперь императору, чтобъ по окончаніи нынѣшней кампаніи онъ посѣтилъ здѣшнюю столицу; но неизвѣстно еще мнѣ, событіе воспослѣдуетъ ли предположенію сему. Въ усердіи графа Александра Матвѣевича сумнѣваться нельзя, да и силы его противу прежняго не умалилися, но сей не имѣетъ въ дѣлахъ столько практики и чуждъ иногда той расторопности, чтобъ умѣть дать на всѣ встрѣчающіеся вопросы надлежащій отвѣтъ. Для сего то постскриптумъ присовокупили въ письмѣ его къ его свѣтлости. Приписка, впрочемъ, не настоитъ для его свѣтлости ни малѣйшей личной опасности, однакоже быть здѣсь непремѣнно нужно. Сего требуетъ странное дѣлъ теченіе и состояніе государыни, смущенной въ духѣ, подверженной безпрестаннымъ тревогамъ и колеблющейся безъ подпоры. Есть надежда, что, по прибытіи сюда его свѣтлости, пойдутъ дѣла по желанію его. Хотя государыня и не сообщаетъ собственноручныхъ его свѣтлости писемъ, однакоже льстить умѣющіе находятъ нерѣдко средство узнавать содержаніе оныхъ изъ устъ ея образомъ для нея непримѣтнымъ. Тутъ чинены были между прочимъ упреки, для чего его свѣтлость не держится тогоже мнѣнія, что говорилъ за два года предъ симъ? Сіе оправдалъ графъ Александръ Матвѣевичъ сколько умѣлъ, и я, услыша оное отъ него, запримѣтилъ ему, что, вопервыхъ, можетъ быть, изреченіямъ его свѣтлости данъ не тотъ толкъ, которой бы они имѣть должны; во вторыхъ, что нерѣдко бываетъ нужда соображать систему политическую съ теченіемъ дѣлъ, а не настоять въ невозможности, чтобъ теченіе дѣлъ соотвѣтствовало системамъ, въ воображеніяхъ нашихъ родившимся, да сверхъ сего сказалъ: «я боюсь, чтобъ выговоры, если оные случатся, не удалили отъ дѣлъ государственныхъ такого человѣка, котораго государыня ничѣмъ въ свѣтѣ замѣ-

Библиотека "Руниверс"

нить не въ состояніи будетъ, и отчего непослѣдовало бы паденіе государства».

Графъ Шуваловъ подалъ новой голосъ, препровождаемой въ письмѣ его къ его свѣтлости; да сверхъ сего, послѣ онаго подачи, когда въ Совѣтѣ трактовано было, какимъ образомъ расположить будущія наши военныя дѣйствія, онъ отъ сужденія о семъ отказался, давъ знать, что о сихъ дѣлахъ приличнѣе судить президенту коллегіи. Вѣсть о взятіи Березани извлекла изъ него слезы. Одинъ разъ въ разговорѣ сказалъ онъ мнѣ:

— «Нѣтъ вреднѣе государству человѣка какъ Воронцовъ; когда мнѣ случилося говорить съ нимъ о дѣлахъ государственныхъ, способомъ, его образу мыслей несоотвѣтствующимъ, то онъ мнѣ всегда отвѣтствовалъ:—«Que voulez vous de cette f..... pair et de cette f..... nation». Онъ нерѣдко внутренно самъ смѣется предположеніямъ государыни, но не только никогда не отвлекаетъ ея отъ дѣлъ, коихъ худыя слѣдствія онъ предвидитъ, но еще поощряетъ ее на то, дабы только идти всегда вопреки его свѣтлости и не лишить себя доходовъ. На семъ основаніи заключены всѣ коммерческіе трактаты, ни малѣйшей пользы намъ не приносящіе, и, для полученія 12-ти тысячъ червонцевъ, прожектированъ былъ трактатъ и съ Польшею. Сей человѣкъ, обогащенной императоромъ и французскимъ дворомъ, не жилецъ здѣшняго государства: при первомъ удобномъ случаѣ переселится онъ въ чужіе краи».

Слухъ носится, что Франція дала намъ знать, что, прежде прошествія осьми мѣсяцевъ, она намъ ни въ какой войнѣ содѣйствовать не можетъ, и что по поводу сего Воронцовъ просится туда чрезвычайнымъ посломъ, чтобъ союзъ съ Франціей привести въ скорѣйшую дѣятельность и порядокъ. Если его туда пошлютъ, то надобно думать, что онъ никогда въ Россію не возвратится. Въ порученіи ему сего поста я однакоже сумнѣваюсь, ибо онъ, будучи теперь при дворѣ въ дурномъ положеніи, сидитъ подъ претекстомъ болѣзни дома, да для чего и не сидѣть спокойно, когда помощники его здоровы.

Извѣстно, что члены Совѣта не великіе географы, однакоже нельзя статься, чтобы они не имѣли никакого понятія о Березани. Получа о семъ извѣстіе, нѣкоторые спрашивали однакоже, гдѣ лежитъ Березань и что значитъ взятіе сего острова и крѣпости,

Библиотека "Руниверс"

лежащей на ономъ? Я отвѣтствовалъ, что туркамъ, а особливо очаковцамъ, значитъ оно тоже, чтобы намъ значила потеря Кронштадта.

Отъ взятія Очакова обѣщаютъ себѣ золотыя горы. Уши болятъ отъ противныхъ о семъ здравому разсудку слуховъ, и боль сія тѣмъ чувствительнѣе, что занимаются таковымъ размышленіемъ люди, надъ людскимъ жребіемъ непосредственные и посредственные властелины, одни чтобъ умалить цѣну вещи, покупаемой дорогими трудами, а другіе, сирѣчъ настроенные, Богъ знаетъ почему утѣшаютъ себя, что пріобрѣтеніе Очакова перемѣнитъ всѣ дѣла въ Европѣ въ пользу нашу, поселитъ страхъ во всѣхъ обывателяхъ вселенныя и содѣлаетъ ихъ нашими обожателями. По крайней мѣрѣ тутъ досадно то, что потеряно всяческое мѣроположеніе. Ожидали сея вѣсти нетерпѣливо къ 24-му числу и по наступленіи онаго не стыдились нѣкоторые совѣтники говорить громко, что нѣкоторые васъ видѣли съ сею вѣстію пріѣхавшаго и говорили съ вами. Ко мнѣ приставали многіе, гдѣ вы расположились квартирою.

Случай къ миру со шведами, о которомъ упоминается въ письмѣ графа Александра Матвѣевича къ его свѣтлости, не значитъ, какъ я думалъ, ничего и чутьли даже не обманываютъ насъ наряду съ протчими. Такимъ же образомъ утѣшали себя и тогда, когда получили извѣстіе, что Штакельберхъ подалъ сейму польскому грозную ноту. Отъ подачи оныя обѣщали себѣ великую перемѣну въ дѣлахъ польскихъ, и еслибы онымъ преждевременно не занимались, то воспослѣдовавшій на оную ноту непріятный отвѣтъ съ его слѣдствіями, въ польскихъ газетахъ напечатанный, нестолько бы насъ опечалилъ, сколько сіе дѣйствительно теперь послѣдовало. Не удивляйтесь сему. Симъ то способомъ достигаютъ до намѣренія своего тѣ, которые желаніе къ мщенію желаютъ умножить, дабы ускорить чрезъ то въ дѣлахъ разстройку.

Слышно, что шведы пріуготовляются къ зимней кампаніи, касательно же нашихъ пріуготовленій въ таковымъ же зимой дѣйствіямъ, то объ оныхъ въ городѣ и послѣдніе люди знаютъ.

Препровождаю при семъ копію съ указа, о пріуготовленіи войскъ на будущія здѣшнія воинскія дѣйствія даннаго. Къ командованію надъ войсками галерными хотятъ опредѣлить генерала-

Библиотека "Руниверс"

аншефа, но неизвѣстно еще именно кого. Между тѣмъ войска, на галеры назначенныя, поручаются графу Брюсу.

Здѣшнимъ флотомъ командовать будетъ Чичаговъ, впрочемъ, слышно, что хотятъ выписать г-на Сюфрена.

Рубль нашъ ходитъ въ 30 штиверовъ, о семъ подана была записка отъ генералъ-прокурора, чтобъ сіе изслѣдовать. Тутъ бы много открылось неполезнаго для графа Воронцова, однакоже государыню и здѣсь успѣли предубѣдить. «Время курсъ унизило, время и возвыситъ».

Цареградскія извѣстія обѣщаютъ въ министерствѣ перемѣну визирю и капитану-пашѣ. Оттудаже пишутъ, что Порта намѣрена праздновать при пушечной пальбѣ цѣлую недѣлю, если Очаковъ отстоится.

Полоненной съ ломбардомъ офицеръ Рачинской, помощію пребывающаго при Портѣ французскаго министра, прибылъ сюда. Онъ былъ представленъ государынѣ, и теперь за болѣзнію здѣсь пребываніе свое имѣетъ; вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали сюда, бывшіе въ полону же, Курскаго полку старшій сержантъ и одинъ рядовой; сержанта съ симъ препровождаю.

Душинкевичу пожаловано сто червонцевъ и, можетъ быть, дадутъ капитанскій чинъ, если утихнетъ гнѣвъ, происшедшій отъ несогласія его свѣтлости на продолженіе теперешней системы.

На сихъ дняхъ пріѣхалъ сюда англійской чрезвычайной министръ Витфордъ (?).

Графъ Брюсъ подарилъ своему правителю канцеляріи, г-ну Гоблицу, 10,000 руб.

Въ Екатерининъ день государыня была невесела; при выходѣ въ публику пятиклассныхъ особъ, въ уборной комнатѣ ее ожидавшихъ, застала она графа Мамонова въ разговорахъ съ великою княгинею. Ревность и досада имѣла сильныя свои дѣйствія, но прошло, слава Богу, все благополучно.

Г-нъ Русановъ военнымъ совѣтникомъ и секретаремъ военной коллегіи, попрежнему, съ производствомъ жалованья по сту рублей на мѣсяцъ, въ добавокъ къ секретарскому, доколѣ онъ при графѣ по случаю командованія арміей пребудетъ. Я не завидую счастію другихъ, но больно быть въ пренебреженіи, а притомъ въ неоплатномъ долгу, и не имѣть и нужнаго пропитанія; въ сравненіи сего, если не въ пятеро болѣе, то покрайней мѣрѣ столько

Библиотека "Руниверс"

же трудился, что дѣлать! Кажется, пора удалиться отъ всѣхъ чиновъ и дѣлъ и за соху приняться. Неужели на степѣ (т. е. въ степи?) земли кусокъ откажутъ.

1789 г.

3-го января. Еще до пріѣзда сюда г-на Боувера (Боуръ) государыня была уже нездорова; во время же принесенія Богу за взятіе Очакова благодарственнаго молебна, сдѣлалось ей отъ простуды хуже, такъ что послѣ того пролежала она болѣе десяти дней въ постелѣ. Есть теперь легче, но выходу изъ внутренныхъ покоевъ не было до сихъ поръ и, во все сіе время, не изволила пера брать въ руки, отчего и отправленіе сего замѣшкалось.

Перемѣна въ здоровьѣ государыни весьма примѣтна, особливо же примѣчанія достойно собственное ея въ томъ признаніе предъ гр. Мамоновымъ. Говоря иногда о слабости здоровья, признаетъ присутствіе его свѣтлости здѣсь необходимо нужнымъ и располагаетъ, когда его свѣтлость сюда прибудетъ, отсель уже никуда не выпускать. Иногда же, помышляя о пріѣздѣ его свѣтлости, тревожится. Сильно хочется удержать теперешнюю политическую систему, говоря, что и его свѣтлость опрокинуть оную не возможетъ; но все сіе, какъ мнѣ кажется, не изъявляетъ твердости, чтобъ системы перемѣнить нельзя было, а посему и пріѣздъ его свѣтлости тревожитъ.

Да и вообще что до пріѣзда его свѣтлости сюда касается, то у насъ теперь такое время, каковому, по писаніямъ, надлежитъ быть при второмъ пришествіи. Стоящіе о шую трепещутъ, одесную же—радуются, судимы будучи безъ суда каждый плодами дѣлъ своихъ. Вѣнской—ходитъ прижавши хвостъ, который приподнять обѣщаетъ ему французской—надѣясь на прежній свой кредитъ у его свѣтлости. Чтоже касается до прусскаго и аглинскаго—то сіи ожидаютъ его свѣтлость нетерпѣливо. Фразеръ, напившись до пьяна на балѣ у Льва Александровича (Нарышкина), при питіи здоровья его свѣтлости, прокричалъ, что болѣе всего дѣлаетъ чести побѣдителю Очаковскому, это то, что разогналъ изъ арміи принцевъ де Линьевъ, принцевъ Нассавскихъ и Павловъ Жонесовъ, и взялъ городъ безъ ихъ совѣтовъ.

Библиотека "Руниверс"

Наканунѣ новаго года сынъ г. Рибопьера пожалованъ въ конную гвардію въ корнеты, въ награжденіе скуки, которую отецъ долженъ претерпѣвать просиживая у графа.

Г-ну Рахманову пожалованы 2-й степени владимірскій крестъ и съ бриллiантами шпага, чѣмъ однакоже г. Рахмановъ недоволенъ.

И сегодня ни писемъ государыни, ни гр. Мамонова—получить нельзя было. Государыня съ часу на часъ ожидаетъ его свѣтлость.

21-го генваря 1789г. Послѣ отъѣзда послѣдняго отсель курьера, гр. Александръ Матвѣевичъ занемогъ и былъ почти двѣ недѣли опасно боленъ отъ сдѣлавшагося въ горлѣ чирья. Теперь опять здоровъ. Ожидая его свѣтлость съ минуты на минуту, писать ни подъ какимъ видомъ не хотѣли; да и меня отъ отправленія сего удерживали. Новостей никакихъ нѣтъ, кромѣ что ненависть къ прусскому двору усиливается. Дай Богъ, чтобъ отзывы, чинимые на счетъ сего, хотя они и приватно произносятся, не имѣли преждевременныхъ слѣдствій.

— «Que ce que ce petit homme, je lui apprendrai bien son metier».

Какъ не радоваться извѣстнымъ людямъ, что до сихъ поръ сія статья идетъ по ихъ желанію? Да и мудрено ли содержать ее въ такомъ положеніи, когда безпрестанно представляютъ картину, изображающую короля законодательницѣ непокорнаго, его надменность, слабость войскъ прусскихъ и сему подобные, къ достиженію ихъ видовъ клонящіеся, предметы. Принцъ Нассавскій, сколько съ пріѣзду ни тученъ былъ, опираясь на славу дѣлъ своихъ, но вскорѣ потомъ узналъ, что, безъ покорности къ его свѣтлости, нѣтъ ему у здѣшняго двора хорошаго пріему. Надобно впрочемъ отдать теперь сему принцу справедливость, что онъ ведетъ себя къ его свѣтлости весьма покорнымъ. Г. Драшковскій вчерась сюда пріѣхалъ, его увѣрили въ Москвѣ всѣ г-да, что его свѣтлость уже здѣсь. Привезенныя имъ письма при семъ подношу, въ томъ числѣ и возвращаемое къ покойному князю Волконскому.

Сейчасъ пріѣхалъ г. Боуверъ. Я думаю, что съ нимъ будутъ отвѣтствовать.

Библиотека "Руниверс"

Февраля 3-го 1789 г. Весь городъ ожиданіемъ его свѣтлости встревоженъ. Теперь, кромѣ касающихся до сего разговоровъ, другихъ нигдѣ не слышно. Государыня въ ожиданіи сильно скучаетъ.

— «Боже мой, какъ мнѣ князь теперь нуженъ».

Третьяго дня, вотъ какой былъ, между прочимъ, разговоръ съ Захаромъ.

Государыня.—«Скажи, пожалуй, любятъ-ли въ городѣ князя?»

Захаръ.—«Одинъ только Богъ, да вы».

Получа сей отвѣтъ, призадумавшись промолчала, потомъ сказавъ Захару «прощай», размышляя прогуливалась по Еремитажу.

Цесарское посольство хотя и продолжаетъ къ его свѣтлости свою ненависть, но однакоже прибытія его страшится, опасаясь въ политической системѣ перемѣны, хотя, впрочемъ, и не теряетъ надежды устоять въ своей, опираясь на извѣстныя здѣсь подпоры. Совѣтникъ при семъ посольствѣ г. Ратъ проговорилъ одному человѣку:

— «Неужели Рибопьеръ императора на князя промѣняетъ?»

Французскій министръ употребляетъ всѣ способы замысловатымъ краснорѣчіемъ своимъ подкрѣплять пользы императора и двора своего. Г. Завадовской, услыша о надписяхъ, сочиненныхъ государынею на вратахъ, сооруженныхъ въ Софіѣ въ честь грядущему съ полудня на сѣверъ побѣдителю, пожавши плечами, покиваша по словенски и главою.

Графиня Соллогубъ, выдержавъ нѣсколько недѣль карантинъ въ домѣ, вчерась первой разъ въ публику явилась; одни говорятъ, что бывшая въ домѣ оспа принудила ее дома сидѣть, а другіе говорятъ иное, и будто бы она потонѣла. Я достовѣрнаго о семъ ничего не знаю.

Въ Царскомъ Селѣ сооружены тріумфальныя ворота съ надписями, сочиненными Ея И. В-вомъ. Слышно также, что отъ великаго князя дано повелѣніе морскому баталіону и наслѣдникову кирасирскому полку встрѣтить вашу свѣтлость съ почестями, принадлежащими фельдмаршалу.

(Апрѣль). Его свѣтлость, по прибытіи вчерась сюда, изволилъ остановиться у пристани противъ Еремитажа, гдѣ стояла ожидав-

Библиотека "Руниверс"

шая прибытія его шлюбка. Отправляясь въ Гофспиталь, въ препровожденіи Петра Лукича и, подоспѣвшаго скорымъ пришествіемъ, Михаила Сергѣевича (Потемкина) изволилъ приказать, чтобы перемѣна лошадей чрезъ часъ готова была и ожидала бы возвращенія его у пристани противъ дома Михаила Сергѣевича. По возвращеніи изъ Гофспиталя изволилъ, съ помянутыми особами, къ коей присовокупиться приказано было и Федору Ивановичу, отправиться на дачу къ Льву Александровичу (Нарышкину). Я не имѣлъ случая доложить объ омофорѣ (?), которой, ежели вѣрить словамъ Моллера, въ субботу къ вечеру поспѣетъ.

Вамъ извѣстно уже происшествіе до вчерашняго числа о явившейся на чулочной фабрикѣ французской водкѣ. Вчерась же фабричные, возъимѣвъ подозрѣніе на Петра Степановича, по приказанію его не согласились отдать водку хозяину оныя, и сколько я слышалъ, то и средства, судіею въ разбирательствѣ сего дѣла употребленные, не соотвѣтствовали на сей разъ обстоятельству дѣла. Петръ Степановичъ, огорчась наконецъ непокорностію фабрикантовъ, доложилъ объ ихъ упорствѣ его свѣтлости, къ коему ѣздилъ на дачу. Его же свѣтлость изволилъ приказать взять Волкова и купца того, коему водка принадлежитъ, подъ караулъ. Сидящихъ подъ стражею навѣстилъ я на съѣзжемъ дворѣ.

Волковъ утверждаетъ, что принялъ въ сохраненіе не французскую водку, а напитки. Купецъ же отпирается отъ своей водки и говоритъ, что не знаетъ чія она.

13-го іюня 1789 г. Паша Очаковской отправился уже со своею свитою чрезъ Москву въ Харьковъ, а вслѣдъ за нимъ и г. Лашкаревъ 10-го сего мѣсяца. Прочіе турки посланы въ Новгородскую губернію, исключая мореходцевъ и музыкантовъ, изъ которыхъ, первые отправлены на галерахъ, послѣдніе же, согласно съ повелѣніемъ его свѣтлости, въ Островки.

По взятіи Крестины, г. Михельсонъ произвелъ другую, неудачную, атаку, стоившую намъ весьма много людей. Всѣ отдаютъ честь г. Денисову, что онъ тутъ явилъ много храбрости и благоразумія, ибо спасъ весь нашъ бывшій въ разстройствѣ корпусъ отъ гибельнаго преслѣдованія шведовъ, а особливо нашихъ многочисленныхъ раненыхъ, которые бы безъ помощи его всеконечно въ руки непріятелямъ достались.

Государыня еще до полученія сея вѣсти была уже не очень

Библиотека "Руниверс"

здорова, получа же оную, не было расположенія къ отправленію къ его свѣтлости курьера, въ ожиданіи пріятнѣйшаго изъ Финляндіи извѣстія. Слава Богу, крѣпость св. Михаила взята, и съ симъ-то и курьеръ къ вамъ отправленъ. Гребной нашъ флотъ еще въ Кронштадтѣ, гдѣ находится и г. Турчаниновъ, которому поручено наблюдать, чтобы все, къ отправленію сего флота потребное, шло поспѣшными шагами. Меня увѣрялъ графъ Александръ Андреевичъ (Безбородко), что касательно принца Нассавъ-Зигена держаться будутъ внушенныхъ его свѣтлостію правилъ, то-есть, воля принца всегда только четвертая часть исполняема будетъ. Супруга его принята здѣсь хорошо, но не такъ, однако же, сколько ей хочется, а особливо желаетъ она жить въ Царскомъ Селѣ.

Дворъ паче всего занимается шведскими дѣлами, и занимается оными сильно. Средства къ наказанію сѣвернаго врага пріуготовленныя намъ кажутся недостаточными. На сей конецъ приказано Эстляндскаго егерскаго корпуса двумъ баталіонамъ изъ Бѣлороссіи быть сюда и одному изъ Риги въ Ревель, да изъ Бѣлороссіи сюда же двумъ пѣхотнымъ полкамъ, которые къ столицѣ ближе, съ тѣмъ чтобъ сіи, изъ двухъ другихъ, тамо находящихся, укомплектовались потребными имъ по штату людями.

Извѣстно достовѣрно, что король шведскій въ Финляндію уже прибылъ, и говорятъ, что онъ съ главною арміею къ Фридрихсгаму путь предпріять имѣетъ.

Г. Билеръ со дня на день ожидаетъ отправленія своего и, ожидая онаго, очень скучаетъ. Отъ г. Чичагова нѣтъ никакихъ извѣстій.

Русскія пѣсни при дворѣ въ модѣ. Всякой день пѣвчіе поютъ, при чемъ и музыка играетъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

ПЕРЕПИСКА ЕКАТЕРИНЫ II СЪ КН. ПОТЕМКИНЫМЪ.

(Изъ сборника профессора Николаевской Акад. Ген. Штаба П. С. Лебедева).

1787 г. [1])

(25 апрѣля 1787 г.).

Я на тебя сержусь, ты сегодня ужасно какъ неловокъ [2]).

---

[1]) Въ первой серіи писемъ Екатерины II къ Потемкину («Русская Старина». изд. 1876 г. томъ XVI, стр. 36, 38, 42. 45 и 55) вкралась погрѣшность, которую просимъ исправить: вмѣсто Мамоновъ, въ скобкахъ изд., надо написать Ланской. Генер.-адъют. Александръ Дмитріевичъ Ланской †25 іюня 1784 г. Какъ сильно огорчила императрицу смерть Ланскаго видно изъ письма Безбородко къ Потемкину (См. «Русскую Старину», изд. 1873 г. томъ VIII, стр. 733).

[2]) Гнѣвъ императрицы объясняется невозможностью сдѣлать какое либо малѣйшее измѣненіе въ ея путешествіи, которое было предпринято ею въ Новороссійскій край; чтобы судить о трудности путешествія и громадности средствъ для его исполненія, приводимъ списокъ Днѣпровской флотиліи, на которой Екатерина совершила переѣздъ по Днѣпру. — Этотъ документъ написанъ рукою Безбородко:

Галеры: Днѣпръ — для Ея Императорскаго Величества.

Бугъ — для князя Григорія Александровича, куда помѣстятся графини Браницкая и Скавронская.

Сновъ — для графа Ангальта, графа Безбородко, генералъ-маіора Левашова и шталмейстера Ребиндера, или кому приказано будетъ; тутъ же помѣстятся самые нужнѣйшіе люди, для генералъ-адъютанта и для канцеляріи графа Безбородко. Сеймъ — Послу, Министрамъ и принцу де Линь, а въ небытности помѣстятся и нѣсколько иностранныхъ или другихъ, кому приказано будетъ.

Ипутъ — Оберъ-шталмейстеру, оберъ-камергеру графу Шувалову и сыну его; тайнымъ совѣтникамъ Черткову и Нелединскому.

Сожъ — Гофмаршалу тайному совѣтнику Стрекалову; лейбъ-медику Рожерсону; дѣйствительному статскому совѣтнику Храповицкому; совѣтнику придворной конторы и чинамъ должности гофмаршальской и кабинету.

Десна — столовая.

Трешкотъ Орелъ — графу Чернышеву съ дочерью.

Водовики: Остеръ — камергерамъ Валуеву, Салтыкову; камеръ-юнкерамъ: Бибикову, Кочубею и двумъ или тремъ гвардіи капитанамъ.

Трубежъ — Коху, Кольхену, Вейкарту, Мессингу, Гревсу и двумъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ чинамъ. Лыбедь — камеръ-пажамъ и прочимъ кого помѣстить можно.

П. Л.

Библиотека "Руниверс"

Сказывалъ мнѣ Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) желаніе гостя [1]), чтобъ я осталась здѣсь (въ Каневѣ) еще на одинъ или два дни, но ты самъ знаешь, что по причинѣ свиданія съ императоромъ, (Іосифомъ II), сіе сдѣлать нельзя, и такъ пожалуй дай ему учтивымъ образомъ чувствовать, что перемѣну дѣлать въ моемъ путешествіи возможности нѣтъ. Да сверхъ того, всякая перемѣна намѣренія, ты самъ знаешь, что мнѣ непріятна.

Село Коломенское.—Іюня 25-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ, я здорова, сюда доѣхала и обѣдъ имѣла въ Дубровицѣ, которое село таково, какъ вы сказывали, и естьли вы намѣрены продавать, то покупщикъ я вѣрный, а имя въ купчую внесемъ Александра Матвѣевича, вашего маіора; праздники возьмемъ здѣсь, а тамъ поѣдемъ далѣе; писемъ отъ васъ не имѣю, будьте здоровы, а мы здѣсь чванимся ѣздою и Тавридою, и тамошними генералъ-губернаторскими распоряженіями, кои добры безъ конца и во всѣхъ частяхъ. Прощай, Богъ съ тобою.

Изъ Подѣзднаго дворца. — Іюля 1-го ч.

Папа, по написаніи моего письма послѣдняго, я получила твое письмо; слава Богу, что ты здоровъ, пожалуй поберегись. Я изъ Москвы уже выѣхала; мнѣ, кажется, весьма ради были. Прощай, Богъ съ тобою.

Папа, я здорова; котенокъ твой доѣхалъ со мною здоровъ же.

Іюля 6-го ч.—Тверь.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Когда изъ Москвы къ тебѣ я сбиралась писать, тогда твои письмы отъ 22-го іюня изъ Кременчуга такъ были засунуты, что я ихъ, спѣша, найти никакъ не могла, наконецъ здѣсь, въ Твери, куда я пріѣхала вчера, я уже ихъ отрыла; извини меня, мой другъ, въ такой неисправности, теперь на оныя имѣю отвѣтствовать: во первыхъ, расположеніе умовъ и духа въ Кременчугѣ, по отъѣздѣ моемъ, мнѣ весьма пріятно, а твои собственныя чувства и мысли тѣмъ наипаче милы мнѣ, что я тебя и службу твою, исходящія изъ чистаго усердія, весьма, весьма люблю, и самъ ты безцѣнной; сіе я говорю и думаю ежедневно.

Мы до Москвы и до здѣшняго мѣста доѣхали здоровы, и дожди за нами слѣдовали, такъ, что ни отъ пыли, ни отъ жаровъ мы не имѣли никакого безпокойствія; тебѣ казалось въ Кременчугѣ безъ насъ пусто, а мы безъ тебя во всю дорогу, а наипаче на Москвѣ, какъ безъ рукъ. Въ Петровъ день на Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ Платона

[1]) Король польскій Станиславъ Августъ.

Библиотека "Руниверс"

провозгласили мы митрополитомъ, и нашили ему на бѣлой клобукъ крестъ бриллiантовой въ полъ аршина въ длину и поперегъ...

При великихъ жарахъ, кои у васъ на полудни, прошу тебя всепокорно, сотвори милость, побереги свое здоровье, ради Бога и ради насъ, и будь столь доволенъ мною, какъ я тобою; прощай, другъ мой, Богъ съ тобою, послѣ обѣда ѣду ночевать въ Торжокъ.

За четыре эскадрона регулярныхъ казаковъ благодарствую, ей Богу, ты молодецъ рѣдкой, всѣмъ проповѣдую.

Iюля 13-го ч.—Царское Село.

Другъ мой сердечной, князь Григорiй Александровичъ, третьяго дня окончили мы свое шеститысячиверстное путешествiе, прiѣхавъ на сiю станцiю въ совершенномъ здоровьѣ, и съ того часа упражняемся въ разсказахъ о прелестномъ положенiи мѣстъ вамъ ввѣренныхъ губернiи и областей, о трудахъ, успѣхахъ, радѣнiи и усердiи, и попеченiи и порядкѣ, вами устроенномъ повсюду, и такъ, другъ мой, разговоры наши почти непрестанные замыкаютъ въ себѣ либо прямо, либо съ боку, твое имя, либо твою работу.

Пожалуй, пожалуй, пожалуй будь здоровъ и прiѣзжай къ намъ безвреденъ, а я, какъ всегда, къ тебѣ и дружна и доброжелательна.

Императоръ Iосифъ прiѣхалъ въ Вѣну.

Фландрiя и Брабандiя бунтовать не перестаютъ; онъ туда наряжаетъ 30,000 войскъ.

Голландцы двое сутокъ держали принцессу Оранскую, сестру короля прусскаго, подъ арестомъ; посмотримъ, какъ братецъ сiе приметъ; Людвигъ XIV за сiе заставилъ бы ихъ кричать курицею.

Англичане наряжаютъ 12 кораблей и уже факцiи Оранской помогаютъ деньгами.

Вотъ тебѣ вѣсти, каковы есть въ здѣшнемъ мѣстѣ.

Тепло и фрукты, мы наѣхали лишь на сѣверѣ, а у васъ ни жаровъ, ни фруктовъ нѣтъ; симъ васъ теперь дразнить станемъ.

Изъ Царскаго Села. — Iюля 27-го ч.

Другъ мой, князь Григорiй Александровичъ.

Письмо твое отъ 17-го iюля я получила на сихъ дняхъ, и изъ онаго увидѣла сколько тебя обрадовало мое письмо изъ Твери. Между тобою и мною, мой другъ, дѣло въ краткихъ словахъ: ты мнѣ служишь, а я признательна, вотъ и все тутъ; врагамъ своимъ ты ударилъ по пальцамъ усердiемъ ко мнѣ и ревностiю къ дѣламъ имперiи. Радуюсь, что ты здоровъ, отъ фруктовъ прошу имѣть воздержанiе. Слава Богу, что нѣтъ болѣзни и больныхъ. Дѣла въ Европѣ позапутываются.

Библиотека "Руниверс"

Цесарь посылаетъ войска въ Нидерланды; король прусской противу голландцевъ вооружается; Франція, не имѣя денегъ, дѣлаетъ лагери; Англія высылаетъ флотъ и даетъ принцу Оранскому деньги, прочія державы бдятъ, а я гуляю по саду, который весьма разросся и прекрасенъ. Прощай, Богъ съ тобою.

Письма кн. Потемкина.

Августъ 1787.

Къ Булгакову написать теперь, чтобы онъ не отставалъ требовать о предписаніяхъ пашѣ Ахалцихскому; онъ можетъ на себя взять исходатайствовать, что дворъ нашъ останется доволенъ таковымъ запрещеніемъ и безъ наказанія лично паши, приказать ему интересовать посла французскаго, объявя ему отзывъ Верженовъ по сему дѣлу.

Весьма нужно протянуть два года, а то война прерветъ построеніе флота; когда бы угодно было Ея Величеству поманить французовъ чѣмъ ни есть въ коммерческомъ трактатѣ, чтобы въ самомъ дѣлѣ большого не значило, но ихъ бы обязало намъ служить, оставляя нанести имъ важной вредъ, которой они заслуживаютъ, при удобномъ случаѣ. Теперь же лутче имѣть ихъ орудіемъ для пользы.

Государыня должна быть увѣрена, что я ея интересовъ не промѣняю на французскіе, но изъ усердія къ отечеству, а паче еще къ ея славѣ, представляю вышерѣченной способъ крайне нужнымъ. Россія не потеряетъ ничего изъ таковаго снисхожденія; напротивъ, мы купимъ сей дешевою цѣною великія пользы. А въ свое время вымѣстимъ втрое.

Я увѣренъ въ моихъ заключеніяхъ, что приближеніе къ концу короля прусскаго наноситъ страхъ Франціи, что мы съ императоромъ поведемъ въ дѣйство извѣстной имъ планъ; боятся, чтобъ мы не пособили ему и въ промѣнѣ баварскомъ, и для того предупреждаютъ насъ занять турками. Но увидя насъ благорасположенными къ себѣ, а мы еще къ тому ослѣпимъ ихъ увѣреніями, что съ Портой войны не желаемъ, то, по ихъ пылкости, на первыхъ порахъ они намъ много пособятъ.

Графъ Безбородко получаетъ всегда отъ Булгакова, что по секретнѣе бываетъ изъ вѣдомостей. Мнѣ всегда онъ даетъ читать ихъ, и какъ теперь нужно знать больше нежели когда, то я и прочелъ, которыя и подношу.

Вы, матушка, изволите увидѣть какая кабала тамъ дѣйствуетъ, я знаю точно, что французы манятъ Порту помочь имъ недопущеніемъ

Библиотека "Руниверс"

флота нашего въ Архипелагъ и ссудою офицерами. Я почти догадываюсь, что и Кюстина они прочатъ куда нибудь противу насъ, и то несомнительно, что пруссаки дѣлаютъ увѣреніе, но сіе только словами. О Шах-Мансурѣ много фабалъ[1]), а я думаю развѣ не другой-ли это или не тотъ-ли, что турки къ нему подсылали?

По прочтеніи пожалуйте мнѣ сіи бумаги обратно, дабы списать описаніе фигуры Мансуровой и распросить тѣхъ, кои его видѣли.

Сколько мнѣ кажется, то кашу сію Франція завариваетъ, чтобы насъ озаботить. Боясь приближенія смерти прусскаго короля, при которой они полагаютъ конечно императору затѣи на Баварію. Сіе тѣмъ вѣроятнѣе, что во Франціи приказано конницу всю укомплектовать лошадьми, чего у нихъ безъ намѣренія о войнѣ никогда не бываетъ. Пусть, хотя и увѣрили французы, что не пустятъ насъ въ Архипелагъ, однакоже флотъ потребно имѣть въ состояніи. Прикажите себѣ подать вѣдомость о корабляхъ и фрегатахъ, съ описаніемъ годности каждаго. Расположеніе духа въ Швеціи кажется въ нашу пользу; но назначенный туда министръ годится-ли, по нынѣшнему времени, гдѣ устремлять все, что можно, противъ французовъ слѣдуетъ? Мнѣ сіи послѣднія Булгакова извѣстія, по многимъ обстоятельствамъ, вѣроятны.

Однакоже я надеженъ, что французскій посолъ, снесясь съ Булгаковымъ, поворотитъ сіи дѣла, чтобъ получить у васъ меритъ[2]). Къ г. Сегюру привезенъ большой пакетъ изъ Константинополя. Завтра онъ у мена будетъ обѣдать, я самъ не зачну говорить, а ежели онъ зачнетъ, то изъ сего можно будетъ заключеніе сдѣлать. Главное то, чтобы выиграть нѣсколько времени.

Императрица — Потемкину.

Сентября 23-го ч.

Другъ мой любезной, князь Григорій Александровичъ, услыша, что сегодня изъ канцеляріи вашей отправляютъ къ вамъ курьера, то поспѣшаю тебѣ сказать, что послѣ трехнедѣльнаго несказаннаго о твоемъ здоровьѣ безпокойства, въ которомъ ни откудова я не получала ни строки, наконецъ сегодня привезли ко мнѣ твои письма отъ 13, 15 и 16-го сентября и то предъ самою оперою, такъ что и порядочно оныхъ прочесть не успѣла, не то чтобы успѣть еще сего вечера на нихъ отвѣтствовать; ради Бога, ради меня, береги свое драгоцѣнное для меня здоровье; я все это время была ни жива, ни мертва, отъ

[1]) Басень.
[2]) Заслугу.

Библиотека "Руниверс"

того, что не имѣла извѣстій. Молю Бога, чтобъ вамъ удалось спасти Кинбурнъ, пока его турки осаждаютъ; не знаю почему мнѣ кажется, что Александръ Васильевичъ Суворовъ въ обманъ возьметъ у нихъ Очаковъ. Съ первымъ и нарочнымъ курьеромъ предоставляю себѣ отвѣтствовать на ваши письма. Прощайте, будьте здоровы, и когда вамъ самимъ нельзя, то прикажите кому писать вмѣсто васъ, дабы я имѣла отъ вамъ извѣстія еженедѣльно.

Съ вашими имянинами васъ отъ всего сердца поздравляю.

Сентября 24-го ч.

Любезной другъ мой, князь Григорій Александровичъ, по семнадцати денномъ ожиданіи отъ васъ писемъ, вчерашній день я получила вдругъ отправленія ваши отъ 13, 15 и 16-го сентября, по которымъ вы получите немедленно мои резолюціи, перечень же оныхъ и здѣсь припишу, кой часъ кончу мой отвѣтъ на собственноручное ваше письмо, который я теперь начну тѣмъ, что я съ немалымъ удовольствіемъ вижу, что ты моимъ письмамъ даешь настоящую ихъ цѣну: они есть и будутъ искренно дружескія, а не иныя. Безпокоитъ меня весьма твое здоровье; я знаю какъ ты заботливъ, какъ ты ревностенъ, рвешься изо всей силы; для самого Бога, для меня, имѣй о себѣ болѣе прежняго попеченіе; ничто меня не страшитъ опричь твоя болѣзнь. Dans ce moment ci mon cher Ami Vous n'êtes pas un petit particulier qui vit et qui fait ce que lui plait, Vous êtes à l'etat, Vous êtes a moi, Vous devés, et je Vous ordonne de prendre garde a Votre santé; je le dois, parceque le bien, la defense, et la gloire de l'Empire sont confiés a Vos soins, et qu'il faut se porter bien de corps et d'ame pour faire la besogne que Vous avés sur les bras; après cette exortation maternelle que je Vous prie de recevoir avec docilité et obéissance je m'en vais continuer [1]):

Что Кинбурнъ осажденъ непріятелемъ и уже тогда четыре сутки выдержалъ канонаду и бомбардираду, я усмотрѣла изъ твоего собственноручнаго письма; дай Боже его не потерять, ибо всякая потеря непріятна, но положимъ такъ, то для того не унывать, а стараться какъ ни на есть отмстить и брать реваншъ; имперія останется имперіею и безъ Кинбурна, толи мы брали и потеряли; всего лутче, что

[1]) Въ эти минуты, мой дорогой другъ, вы отнюдь не маленькое частное лицо, которое живетъ и дѣлаетъ, что хочетъ; вы принадлежите государству, вы принадлежите мнѣ; вы должны, и я вамъ приказываю, беречь ваше здоровье. Я должна это сдѣлать, потому что благо, защита и слава имперіи ввѣрены вашимъ попеченіямъ, и что необходимо быть здоровымъ тѣломъ и душою, чтобы исполнить то, что вы имѣете на рукахъ. Послѣ этого материнскаго увѣщанія (которое прошу принять съ покорностію и послушаніемъ) я продолжаю....

Библиотека "Руниверс"

Богъ вливаетъ бодрость въ нашихъ солдатъ тамо, да и здѣсь не уныли; а публика лжетъ въ свою пользу, и города беретъ, и морскіе бои, и баталіи складываетъ, и Царь-Градъ бомбардируетъ Воиновичемъ; я слышу все сіе съ молчаніемъ и у себя на умѣ думаю: былъ бы мой князь здоровъ, то все будетъ благополучно и поправлено, еслибъ гдѣ и вырвалось что непріятное. Что ты велѣлъ дать вино и мясо осажденнымъ, это очень хорошо, помоги Богъ генералъ-маіору Реку да и коменданту Тунцельману. Усердіе Александра Васильевича Суворова, которое ты такъ живо описываешь, меня весьма обрадовало; ты знаешь, что ни чѣмъ такъ на меня неможно угодить, какъ отдавая справедливость трудамъ, рвенію и способности[1]. Хорошо бы для Крыма и Херсона еслибъ спасти можно было Кинбурнъ; отъ флота теперь ждать извѣстіе.

Нѣсколько датскихъ офицеровъ морскихъ, услыша о войнѣ, хотятъ къ намъ въ службу идти. Писалъ ко мнѣ князь Репнинъ, представляя свою готовность служить подъ кѣмъ и гдѣ мнѣ угодно; я отвѣчала, что съ удовольствіемъ вижу его расположеніе и что не премину тутъ его употребить, гдѣ случай предстанетъ. Отпиши ко мнѣ, надобенъ-ли онъ тебѣ или нѣтъ, а онъ пишетъ ко мнѣ изъ Сарепты, гдѣ онъ съ Вяземскимъ пили царицынскія воды, но послѣдняго я послала еще при первомъ извѣстіи, а между тѣмъ они отъ Горичевъ, кои поѣхали въ Астрахань, свѣдали о войнѣ, и Репнинъ ко мнѣ писалъ, какъ выше сего. Я не знаю, что графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ мѣшкаетъ; я однако велю писать, чтобъ ѣхалъ скорѣя. Одинъ рекрутской наборъ уже дѣлаютъ, а теперь сдѣлаю другой и почитаю, что не 60, но 80 тысячъ взято будетъ въ оба; надѣюсь, что сіе достаточно.

Императоръ, какъ ты увидишь изъ бумагъ предъ симъ къ тебѣ присланныхъ, готовитъ 120 тысячъ, съ коими дѣйствовать намѣренъ, и множество генераловъ пожаловалъ, въ числѣ которыхъ и Линь.

Ласкать англичанъ и пруссаковъ—ты пишешь. Кой часъ Питтъ узналъ о объявленіи войны, онъ писалъ къ С. Воронцову, чтобъ онъ пріѣхалъ къ нему, и по пріѣздѣ ему сказалъ, что война объявлена и что говорятъ въ Цареградѣ и въ Вѣнѣ, что на то подущалъ турокъ ихъ посолъ, и клялся, что посолъ ихъ не имѣетъ на то приказаній отъ Великобританскаго министерства; сему я вѣрю, но иностранныя дѣла Великобританіи неуправляемы нынѣ англійскимъ министерствомъ, но самимъ ехиднымъ королемъ, по правиламъ Ганноверскихъ министровъ; его величество уже добрымъ своимъ правленіемъ потерялъ пятнадцать

---

[1]) См. въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г. томъ XIII, стр. 34—40, въ біографіи кн. Потемкина.

Библиотека "Руниверс"

провинцій, такъ мудрено-ли ему дать послу своему въ Цареградѣ приказанія въ противность интересовъ Англіи; онъ управляется мелкими личными страстями, а не государственнымъ и національнымъ интересомъ.

Касательно пруссаковъ, то имъ и понынѣ, кромѣ ласки (ничего болѣе) не оказано, но они платятъ не ласкою, и то можетъ быть не король, но Герцбергъ; ихъ войска дѣйствительно вступили въ Голландію. Что французы теперь скажутъ, посмотримъ, они, кажется, вступятся, либо впадутъ въ презрѣніе, чего чаятельно не захотятъ. Король французскій отдался въ опеку, сдѣлалъ принципалъ министра, отъ чего военной и морской министръ пошли въ отставку.

На тотъ годъ флотъ большой велю вооружить, какъ для Архипелага, такъ и для Балтики, а французы скажутъ, что хотятъ; я не привыкла учреждать свои дѣла и поступки инако, какъ сходственно интереса моей имперіи и дѣлъ моихъ, а потому, и державы другъ и недругъ, какъ угодно имъ будетъ.

Молю Бога, чтобъ тебѣ далъ силы и здоровье и унялъ ипохондрію. Какъ ты все самъ дѣлаешь, то и тебѣ покоя нѣтъ; для чего не берешь къ себѣ генерала, которой бы имѣлъ мелкой детайль; скажи кто тебѣ надобенъ, я пришлю, на то даются фельдмаршалу генералы полные, чтобъ одинъ изъ нихъ занялся мелочью, а главнокомандующій тѣмъ незамученъ былъ. Что не проронишь, того я увѣрена, но во всякомъ случаѣ не унывай и береги свои силы; Богъ тебѣ поможетъ и не оставитъ, а царь тебѣ другъ и подкрѣпитель; и вѣдомо, какъ ты пишешь и по твоимъ словамъ, проклятое оборонительное состояніе, и я его не люблю, старайся его скорѣе оборотить въ наступательное; тогда тебѣ, да и всѣмъ, легче будетъ, и больныхъ тогда будетъ меньше, не все на одномъ мѣстѣ будетъ. Написавъ ко мнѣ семь страницъ да и много иного, дивишься, что ослабѣлъ! Когда увидишь, что отъѣхать тебѣ можно будетъ, то пріѣзжай, я очень рада буду тебя видѣть всегда.

По изданіи манифеста о объявленіи войны, великій князь и великая княгиня писали ко мнѣ, просясь, онъ—въ армію волонтеромъ (по примѣру 1783 г.), а она— чтобъ съ нимъ ѣхать; я имъ отвѣтствовала отклонительно: къ ней, ссылаясь на письмо къ нему, а къ нему—описывая затруднительное и оборонительное настоящее состояніе, позднюю осень и заботы, въ коихъ оба фельдмаршала находятся, и коихъ умножаютъ еще болѣзни и дороговизна и неурожай пропитанія, хваля впрочемъ его намѣреніе; на сіе письмо, я получила еще письмо отъ него съ вторительной просьбою, на которое я отвѣчала, что превосходныя причины, описанныя въ первомъ моемъ письмѣ, принуждаютъ меня

Библиотека "Руниверс"

ему отсовѣтовать нынѣшной годъ отъѣхать волонтеромъ въ армію. Послѣ сего письма оба были весьма довольны остаться, разславляя только, что ѣхать хотѣли. Съ недѣлю назадъ получила я отъ принца Виртембергскаго также письмо съ просьбою его опредѣлить въ армію; сему я отвѣтствовала пречистымъ, но учтивымъ отказомъ, чѣмъ и сестра и зять довольны же. Прощай, мой другъ, наборъ рекрутской приказанъ; Мекнобъ прощенъ будетъ; ты пишешь, чтобъ Грейга послать съ флотомъ—я его пошлю, но не громчѣе-ли было (бы) имя Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго? однако сіе между нами, и ни онъ не отзывается, ни я, а отъ изобилія мыслей написала, что на умъ пришло. Деньги присланы будутъ. Такъ же артиллерія въ обѣихъ арміяхъ прибавлена.

Выпускъ унтеръ-офицеровъ и кадетъ предписанъ и по прочимъ твоимъ письмамъ и докладамъ, что отъ меня зависитъ, во всемъ полное рѣшеніе послѣдовало; молю Бога да возвратитъ тебѣ здоровье.

Саша уменъ и любезенъ, какъ нельзя больше.

Сентября 25-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ. Съ часъ тому назадъ я получила твое письмо отъ 19-го сего мѣсяца и реляцію твою отъ того же числа, изъ которыхъ вижу, что турки продолжаютъ канонировать Кинбурнъ и что дважды предпріяли учинить десантъ, которые однако были отражаемы; дай Боже, чтобъ предпріятія ваши на турецкія бомбардирскія суда были удачны и чтобъ вамъ удалось спасти Кинбурнъ; судить естьли издали по оборонѣ фрегата и по предерзкому поступку галеры Десны, то непріятель будетъ отпотчиванъ самымъ храбрымъ образомъ. Тѣснитъ грудь мою ваше собственное состояніе и ваши спазмы; чувствительность и горячность, которыя производитъ усердіе, понимаю весьма, что́ возбуждаетъ въ васъ нетерпѣливость я сама весьма часто въ такомъ же положеніи, паче же тогда, когда дѣла таковой важности, какъ нынѣ; но ничего хуже не можешь дѣлать, какъ лишить меня и имперію низложеніемъ твоихъ достоинствъ человѣка самонужнаго, способнаго, вѣрнаго, да при томъ и лутчаго друга; оставь унылую таковую мысль, ободри свой духъ, roidissés votre esprit et Votre ame contre tous les evenements, et soyés assuré que Vous les vaincrés tous avec un peu de patience, mais c'est une vraye faiblesse [1]), чтобъ, какъ пишешь ко мнѣ, низложить свои достоинства и скрыться, отъ чего? я не вѣдаю; не запрещаю тебѣ пріѣхать сюда,

[1]) Укрѣпите вашъ умъ и вашу душу противъ всѣхъ случайностей и будьте увѣрены, что, съ небольшимъ терпѣніемъ, вы ихъ всѣхъ побѣдите; но вѣдь это настоящая слабость.

Библиотека "Руниверс"

естьли ты увидишь, что твой пріѣздъ не растроитъ тобою начатое, либо производимое, либо судишь, что побываніе твое здѣсь нужнѣе, нежели тутъ, гдѣ ты теперь; приказаніе къ фельдмаршалу Румянцову для принятія команды, когда ты ему сдашь, посылаю къ тебѣ: вручишь ему оное, какъ возможно позже, естьли послѣдуешь моему мнѣнію и совѣту; съ моей же стороны, пребываю хотя съ печальнымъ духомъ, но со всегдашнимъ моимъ дружескимъ доброжелательствомъ.

Какъ отъѣдешь отъ своего нынѣшняго поста, кому поручишь Кавказской корпусъ? о семъ фельдмаршалѣ Румянцовѣ и о тамошнихъ дѣлахъ свѣдѣній не имѣетъ и едва можетъ-ли оными управлять, и что изъ того выйдетъ—не вѣдаю; ты самъ знаешь, какъ трудна мнѣ показывается всякая мысль, къ которой я никакъ не пріуготовлена; на одинъ такой для меня трудной шагъ я рѣшилась, понеже говоришь, что здоровье твое того требуетъ; здоровье твое мнѣ нужно, я тебѣ его желаю, равномѣрно и продолженія дѣлъ славныхъ для тебя и имперіи.

Дай Боже. чтобы ты раздумалъ сдать команду фельдмаршалу Румянцову, не понимаю, какъ одному командовать ужасной таковой громадою, развѣ въ такое время, когда за вѣрно будетъ безопасно отъ непріятельскихъ нападеній или предпріятій.

Сентября 30-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Поздравляю тебя со днемъ твоего рожденія и имянинъ и посылаю тебѣ гостинецъ: дай Боже тебѣ здоровья и всякаго благополучія, нетерпѣливо ожидаю отъ тебя вѣстей, что́ чаще пришлешь, то болѣе на меня угодишь.

Прощай, Богъ съ тобою.

Октября 2-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ, сего утра пріѣхалъ сперва курьеръ, отправленной 26-го числа отъ васъ съ извѣстіемъ, что флотъ, по вытерпѣніи бури, собирается въ Севастополѣ, а нѣсколько часовъ спустя, я получила письма ваши отъ 24-го числа сентября; ни тѣ, ни другія, конечно, нерадостныя, но однако ничто не пропало; сколько буря была вредна намъ, авось-либо столько же была вредна и непріятелю, неужели, что вѣтръ дулъ лишь на насъ? Какъ ни ты, ни я сему не причиною, то о семъ уже болѣе и говорить не стану, а надѣюсь отъ добрыхъ твоихъ распоряженій, что стараться будутъ исправить корабли и ободрить людей, буде они унылы, чего однако я не примѣчаю; я сожалѣю всекрайно, что ты въ такомъ крайномъ состояніи, какъ ты пишешь, что хочешь сдать команду, сіе мнѣ всего болѣе печально.

Библиотека "Руниверс"

Въ письмѣ твоемъ отъ 24-го, ты упоминаешь о томъ, чтобъ вывести войска изъ полуострова; естьли сіе исполнить, то родится вопросъ, что же будетъ и куда дѣвать флотъ Севастопольской? у Глубокой, чаю, что пристань и прежде признана за неудобную. Я надѣюсь, что сіе отъ тебя писано было въ первомъ движеніи, когда ты мыслилъ, что весь флотъ пропалъ, и что мысль таковую не исполнишь безъ необходимой крайности. Я думаю, что всего бы лучше было естьлибъ можно было сдѣлать предпріятіе на Очаковъ, либо на Бендеры, чтобъ оборону, тобою самимъ признанную за вредную, оборотить въ наступленіе; начать же войну евакуаціей (очищеніемъ отъ войскъ) такой провинціи, которая доднесь не въ опасности, кажется спѣшить не для чего; равномѣрно сдать команду, сложить достоинства, чины и не вѣдомо чего, надѣюсь, что удержишься, ибо не вижу къ тому ни резона, ни нужды, а приписываю сіе чрезмѣрной твоей чувствительности и горячему усердію, которыя имѣли не такой успѣхъ, какъ ожидали; но въ такихъ случаяхъ всегда прошу ободриться и подумать; что доброй духъ и неудачу поправить можетъ. Все сіе пишу къ тебѣ, какъ къ лучшему другу, воспитаннику моему и ученику, который иногда и болѣе еще имѣетъ расположенія, нежели я сама, но на сей случай я бодрѣе тебя, понеже ты боленъ, а я здорова.

По извѣстіямъ изъ Царяграда, въ послѣднихъ числахъ августа еще кораблей въ морѣ Черномъ не было.

По твоему желанію и тѣша тебя, я послала къ тебѣ желаемой рескриптъ о сдачѣ команды; но признаюсь, что сіе распоряженіе мнѣ отнюдь не мило и не славно. Никто на свѣтѣ тебѣ не желаетъ болѣе добра, какъ я, и для того тебѣ такъ говорю, какъ думаю. Естьли же уже сдалъ команду, то прошу пріѣхать сюда скорѣе, чтобъ я могла тебя имѣть возлѣ себя, и чтобъ ты могъ самъ узнать, какъ я думаю и о семъ сужу; здѣсь найдешь, что, какъ всегда, къ тебѣ съ дружескимъ и искреннимъ доброжелательствомъ. Прощай, Богъ съ тобою.

А вотъ какъ я о семъ сужу: Que vous êtes impatient comme un enfant de cinq ans, tandis que les affaires dont vous êtes chargé en ce moment demandent une patience imperturbable. Adieu mon ami[1]).

Ни время, ни отдаленность и никто на свѣтѣ не перемѣнятъ мой образъ мыслей къ тебѣ и о тебѣ.

P. S. Пришло мнѣ на умъ еще, по случаю того, что пишешь о выводѣ войскъ изъ полуострова, что черезъ то туркамъ и татарамъ от-

---

[1]) Что вы нетерпѣливы, какъ пятилѣтнее дитя, тогда какъ дѣла, вамъ порученныя въ эту минуту, требуютъ невозмутимаго терпѣнія. Прощайте, мой другъ.

Библиотека "Руниверс"

крылась паки дорога, такъ-то сказать, въ сердце имперіи, ибо на степи едва ли удобно концентрировать оборону, а теперь Крымъ въ нашихъ рукахъ; какъ флотъ вычинится, то надѣюсь, что сія идея совсѣмъ исчезнетъ, и что она представлялась лишь только тогда, когда ты думалъ, что флота нѣтъ, но если хочешь, я тебѣ дюженку фрегатовъ велю построить на Дону; вѣдь и Севастопольскій флотъ ими же пользуется и нынѣ.

Октября 6-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ, нетерпѣливо ожидаю я узнать о вашемъ здоровьѣ и порученныхъ вамъ дѣлахъ, впрочемъ я здорова и непремѣнно къ вамъ доброжелательна.

Октября 9-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ, письма твои отъ 2-го октября я получила; твои безчисленныя заботы я понимаю, и весьма жалѣю, что ты ночи не спишь и въ крайной слабости; потеря флота Севастопольскаго не тебѣ одному нанесла ударъ, я сіе несчастіе съ тобою дѣлю. Что ты ничего не упускалъ о семъ ни я, и никто не сомнѣвается и всѣ твои распоряженія совершенно соотвѣтствуютъ возложенной отъ меня на тебя полной довѣренности; слава Богу, что успѣлъ наполнить магазины.

О твоихъ спазмахъ...—я знаю какъ они мучительны, наипаче чувствительнымъ и нетерпѣливымъ людямъ, какъ мы съ тобою. Радуюсь, что ты теперь покойнѣе, и надѣюсь, что ты стараться будешь о своемъ здоровьѣ, какъ о дѣлахъ моихъ, всякой разъ, когда вспомнишь, что ты мнѣ нуженъ и надобенъ. Къ князю Репнину я писала, чтобъ ѣхалъ къ тебѣ.

Пиши ко мнѣ, что́ съ Кинбурномъ происходитъ; уже съ двумя курьерами о Кинбурнѣ ни слова не упоминаешь. Дай Боже, чтобъ вы предуспѣли въ защищеніи, но естьлибъ Очаковъ былъ въ нашихъ рукахъ, тобы и Кинбурнъ былъ приведенъ въ безопасность. Я невозможнаго не требую, но лишь пишу что думаю.

Прошу прочесть терпѣливо; отъ моего письма ничто не портится, не ломается, лишь перо тупится и то не бѣда. Будь здоровъ и не болѣнъ, вотъ что я желаю; будешь здоровъ и сюда пріѣдешь, тогда переговоримъ о чемъ нужно будетъ. Я свое безпокойство мало считаю и въ счетъ не ставлю, авось-либо Богъ силу дастъ снести; одинъ способъ есть уменьшить мое безпокойство: чаще пиши и увѣдомь меня о состояніи дѣлъ; съ нетерпѣніемъ ожидаю обѣщанныя детали; не забудь и о Кинбурнѣ ко мнѣ писать. Съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ (Орловымъ) и о его поѣздкѣ освѣдомлюсь, а Грейгу, конечно, ѣхать

Библиотека "Руниверс"

съ нимъ или и безъ него. Конечно, лучше было, естьли бы equinoxe (равноденствіе) пропустили, но что дѣлать; что сдѣлано, то сдѣлано, развѣ буря лишь была для насъ, развѣ туркамъ она вреда не нанесла, Очаковской эскадрѣ развѣ отъ бури ничего не сдѣлалось? Adieu mon ami, полно писать, тебѣ недосугъ читать, я чаю; Богъ съ тобою.

Донесеніе Потемкина о Кинбурнскомъ сраженіи.

Елизаветградъ. 8-го октября 1787 г.

Всемилостивѣйшая государыня! Турки, въ пяти тысячахъ трехъ стахъ человѣкъ отборнаго войска, въ первый день сего мѣсяца, произвели въ дѣйство отчаянное свое предпріятіе на Кинбурнъ, но дерзость ихъ послужила къ пріобрѣтенію новыхъ лавровъ побѣдоносному вашего императорскаго величества оружію.

30-го сентября, непріятель, сблизивъ суда свои къ Кинбурну, производилъ сильную по оному пальбу до глубокой ночи. 1-го числа октября на разсвѣтѣ возобновилъ онъ сіе съ бо̀льшею жестокостью; жило̀, внутри крѣпости, земляной валъ и палатки въ лагерѣ претерпѣли нѣкоторой вредъ и ранено нѣсколько солдатъ. Въ 9 часовъ утра показались въ 12-ти верстахъ отъ Кинбурна по Лиману пять судовъ, наполненныхъ вооруженными запорожцами, которые старались выйти на берегъ, но отбиты съ урономъ.

Тогдажъ по утру усмотрѣно не малое число турковъ на мысу Кинбурнской косы, безпрестанно умножающееся перевозимыми съ кораблей. Они, съ великою поспѣшностію, работали въ землѣ, приближаясь къ крѣпости. Въ одной верстѣ разстоянія отъ оной, генералъ-аншефъ Суворовъ рѣшился турковъ атаковать, составя первую линію изъ пѣхотныхъ полковъ Орловскаго и Шлиссельбургскаго, а вторую изъ Козловскаго съ двумя легкоконными эскадронами. Тремъ донскимъ полкамъ приказалъ онъ быть на флангахъ. Генералъ-маіоръ Рекъ повелъ первую линію и мужественно атаковалъ непріятеля, который съ неменьшею храбростію и упорствомъ защищался въ своихъ укрѣпленіяхъ. Скоро приспѣла вторая линія и вступила въ дѣло. Генералъ-маіоръ Рекъ выбилъ турковъ изъ десяти ложементовъ, но какъ въ самое то время получилъ онъ опасную рану въ ногу, начальствовавшіе же подъ нимъ секундъ-маіоры: Булгаковъ убитъ, Мунцель и Мамкинъ ранены, а флотъ непріятельской, придвинувшись къ берегу, дѣлалъ великой вредъ своими бомбами, ядрами и картечами, то войска вашего императорскаго величества принуждены были уступить умножающемуся непрестанно числу непріятелей и потеряли нѣсколько пушекъ.

Примѣръ господина генералъ-аншефа Суворова, въ переднихъ рядахъ присутствовавшаго, остановилъ отступающихъ. Они, исправя

Библиотека "Руниверс"

фронтъ, возобновили сраженіе и паки прогнали непріятеля изъ нѣсколькихъ ложементовъ.

Въ то время галера Десна, на лѣвомъ крылѣ флота непріятельскаго, сбила съ мѣста нѣкоторыя суда; крѣпостная артиллерія Кинбурнская потопила два канонирскія судна, изъ полевой же артиллеріи истреблены двѣ большія шебеки, приблизившіяся къ самому берегу. Одна потоплена, другая же сожжена при самомъ началѣ огня ихъ.

Еще разъ непріятель, подкрѣпленный свѣжими силами, принудилъ къ отступленію войска вашего императорскаго величества, жестоко поражаемыя чрезвычайною пальбою съ флота. Генералъ-аншефъ Суворовъ раненъ въ лѣвой бокъ картечью легко.

Пѣхотные полки ретировалась въ крѣпость, а между тѣмъ прибыли къ мѣсту сраженія вновь отряженные: баталіонъ Муромскаго полка, двѣ роты Шлиссельбургскаго и одна Орловскаго, съ бригадою легкой конницы.

Генералъ-аншефъ Суворовъ въ третій разъ началъ битву. Пѣхотныя войска, подкрѣпляемыя легкоконными и казачьими полками, наступали на непріятеля съ отличнымъ мужествомъ; турки не могли болѣе держаться въ пятнадцати окопахъ. Выбитые изъ всѣхъ сихъ укрѣпленій, претерпѣли они величайшій уронъ и остатки сброшены въ воду за сдѣланный ими эстакадъ, гдѣ они бѣдствовали до самаго утра. Такимъ образомъ, одержана совершенная надъ непріятелемъ побѣда, и какъ коса, такъ и окружающія оную воды, остались покрыты ихъ трупами. Генералъ-аншефъ Суворовъ, предъ концомъ сраженія, еще раненъ въ лѣвую руку пулею навылетъ.

Потеря непріятельская состоитъ во всемъ высаженномъ на берегъ войскѣ, кромѣ малаго числа спасшихся въ водѣ за эстакадомъ, коихъ едва до пятисотъ человѣкъ считать можно.

Съ нашей стороны побиты: секундъ-маіоръ Булгаковъ, подпорутчикъ Юревицкой, нижнихъ чиновъ, съ умершими отъ тяжелыхъ ранъ, сто тридцать шесть, ранены: кромѣ господина генералъ-аншефа Суворова и генералъ-маіора Река, преміеръ-маіоръ Вилимсонъ, секундъ-маіоры Мамкинъ и Мунцель, оберъ-офицеровъ четырнадцать, нижнихъ чиновъ двѣсти восемьдесятъ три.

Генералъ-аншефъ Суворовъ, отдавая справедливость мужеству и храбрости войскъ вашего императорскаго величества, приписуетъ отличную похвалу генералъ-маіору Реку, неустрашимо предводившему первою линіею, и до полученія раны непобѣдимому. По немъ заслужили также одобреніе своими подвигами: подполковникъ Федоръ Марковъ, секундъ-маіоры Мунцель и Мамкинъ, оба раненые, ротмистръ Шуховъ, который съ легкоконными эскадронами въ третьемъ сраженіи,

Библиотека "Руниверс"

ведя атаки противъ непріятеля, по кучамъ ихъ труповъ, отбилъ у нихъ всѣ орудія артиллеріи; капитанъ Колонтаевъ, израненный при храбромъ наступленіи съ баталіономъ Муромскаго полку, ротмистръ Нелюбовъ и капитанъ Пахомовъ, также раненые; порутчики Цыдульской, Арсеньевъ и Якобинской, прапорщики: Клюшниковъ и Ѳедоровъ, отбившій знамя у непріятеля, корнеты: Радивановъ, Андрей и Григорій Спѣсивцовы. Господинъ генералъ-аншефъ Суворовъ замѣтилъ самолично отмѣнную храбрость нѣкоторыхъ нижнихъ чиновъ, коимъ именной списокъ пріемлю смѣлость поднести вашему императорскому величеству, вмѣстѣ съ отнявшими у непріятеля знамена.

Войско донское сильное произвело пораженіе въ непріятелѣ, при чемъ отличились войсковые старшины: полковникъ Орловъ, подполковникъ Исаевъ и преміеръ-маіоръ Сычовъ; есаулы Кутейниковъ, Красной, Исаевъ и Крюковъ; сотники Затвепилинъ и Черкесовъ; хорунжіе Ожогинъ, Ерыжешковъ, Рубцовъ и Пристанковъ.

Комендантъ Кинбурнской полковникъ Тунцельманъ дѣлалъ великой вредъ непріятелю пальбою изъ крѣпости, при чемъ артиллеріи капитанъ Крупениковъ потопилъ два судна канонирскія.

Наконецъ, генералъ-аншефъ Суворовъ отлично похваляетъ за храбрость и исправленіе разныхъ порученій своего генеральсъ-адъютанта Хастатова и посыланнаго во время бою съ приказами оберъ-аудитора Минѣева, который и раненъ пулею въ шею.

Самъ онъ, несмотря на полученныя раны, не отлучался отъ мѣста сраженія и ободрялъ всѣхъ своихъ примѣромъ. Какъ его, такъ и войско, имъ предводимое, а вмѣстѣ съ оными и себя, пріемлю я смѣлость повергнуть чрезъ сіе къ освященнымъ вашего императорскаго величества стопамъ.

Списокъ отнявшимъ у непріятеля знамена, въ сраженіи 1-го октября на косѣ Кинбурнской.

Маріупольскаго полку порутчикъ Пугановъ, Козловскаго пѣхотнаго прапорщикъ Левъ Федоровъ, того-жъ полку сержантъ Боготиховъ.

Рядовые: Шлиссельбургскаго Родіонъ Даниловъ; Муромскаго Петръ Щедринъ, Степанъ Новиковъ.

Полковъ войска донскаго, хорунжіе: Яковъ Ожогинъ, Архипъ Рубцовъ, Климъ Пристанской.

Казаки: Ефимъ Турченковъ, Несторъ Рекуновъ.

Оба сіи казака оказали превосходную храбрость, заколовъ четырехъ турокъ, которые везли нашу пушку. Анкудинъ Харламовъ.

Нижніе чины, отличившіеся въ томъ же сраженіи своею храбростію.

Сержанты: 2-го фузелернаго полку Рихтеръ; Орловскаго—Лисицынъ; Шлиссельбургскаго — Ямигинъ, Голубцовъ.

Артиллеріи капралъ Борщовъ, который, при прогнаніи съ косы турковъ,

Библиотека "Руниверс"

великое ихъ множество истребилъ картечами; Муромскаго полку капралы-жъ: Ивановъ, Родіоновъ.

Шлиссельбургскаго полку гренадеръ Степанъ Новиковъ, при первомъ отступленіи нашихъ войскъ, турками преслѣдуемыхъ, одного изъ сихъ закололъ, другаго застрѣлилъ, третьяго погналъ и способствовалъ обращенію въ бѣгъ непріятеля.

Императрица — Потемкину.

Октября 16-го ч. 1787 г.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ, вчерашній день къ вечеру привезъ ко мнѣ подполковникъ Бауръ твои письма отъ 8-го октября изъ Елисаветграда, изъ коихъ я усмотрѣла жаркое и отличное дѣло, отъ турковъ предпринятое на Кинбурнъ. Слава Богу, что оно обратилось такъ для насъ благополучно, усердіемъ и храбростію Александра Васильевича Суворова и ему подчиненныхъ войскъ. Сожалѣю весьма, что онъ и храбрый генералъ-маіоръ Рекъ ранены,—я сему еще бы болѣе радовалась, но признаюсь, что меня несказанно обезпокоиваетъ твоя продолжительная болѣзнь и частые и сильные пароксизмы. Завтра, однако, назначила быть благодарственному молебствію за одержаніе первой побѣды. Важность сего дѣла въ нынѣшнее время довольно понимательна, но думаю, что ту сторону (а сіе думаю про себя) не можно почитать за обезпеченную, дондеже Очаковъ не будетъ въ нашихъ рукахъ; гарнизонъ сей крѣпости теперь, кажется, противу прежняго уменьшился; хорошо бы было, естьлибъ остаточной разбѣжался, какъ Хотинской и иные турецкіе въ прошедшую войну, чего я отъ сердца желаю. Я удивляюсь тебѣ, какъ ты въ болѣзнь переѣхалъ и еще намѣренъ предпринимать путь въ Херсонъ и Кинбурнъ. Для Бога, береги свое здоровье, ты самъ знаешь, сколько оно мнѣ нужно. Дай Боже, чтобъ вооруженіе на Лиманѣ имѣло бы полной успѣхъ, и чтобъ всѣ корабельные и эскадренные командиры столько отличились, какъ командиръ галеры „Десна". Что ты мало хлѣба сыскалъ въ Польшѣ, о томъ сожалительно; сказываютъ, будто въ Молдавіи много хлѣба, не придется-ли войско туда вести ради пропитанія?

Буде французы, кои вели атаку подъ Кинбурномъ съ турками, были на берегу, то вѣроятно, что убиты; буде изъ французовъ попадетъ кто въ полонъ, то прошу прямо отправить къ Кашкину въ Сибирь сѣверную, дабы у нихъ отбить охоту ѣздить учить и наставлять турковъ. Я разсудила написать къ генералу Суворову письмо, которое здѣсь прилагаю, и естьли находишь, что сіе письмо его и войска тамошнія обрадуетъ и неизлишно, то прошу оное переслать по надписи. Также приказала я послать къ тебѣ для генерала Река крестъ егорьевской третьей степени; еще посылаю къ тебѣ шесть

Библиотека "Руниверс"

егорьевскихъ крестовъ, дабы розданы были достойнѣйшимъ; всему войску, въ дѣлѣ бывшему, жалую по рублю на нижнихъ чиновъ и по два на унтер-офицеровъ. Еще получишь нѣсколько медалей, на егорьевской лентѣ, для рядовыхъ, хваленыхъ Суворовымъ. Ему же самому думаю дать либо деньги тысячъ десятокъ, либо вещь, буде ты чего лучше не придумаешь или съ первымъ курьеромъ ко мнѣ свое мнѣніе не напишешь. Чего прошу, однако, чтобъ ты учинилъ всякой разъ, когда увидишь, что польза дѣлъ того требуетъ. Сказываютъ, князь Нассау къ тебѣ поскакалъ, а Линь все еще здѣсь и отъ своего двора—ни о своемъ произвожденіи и ни о чемъ неизвѣстенъ.

Прощай, мой другъ; которой день я отъ тебя имѣю курьера, тотъ день я поспокойнѣе, а въ прочіе дни въ умѣ и помышленіи все одно нетерпѣніе знать, что̀ у васъ дѣлается и каковъ ты.

Прощай, Богъ съ тобою.

Пришло мнѣ было на умъ, не послать-ли Суворову ленту андреевскую, но тутъ паки консидерація та, что старше его: князь Юрья Долгоруковъ, Каменскій, Миллеръ и другіе не имѣютъ; Егорья большаго, еще болѣе консидераціи меня удерживаютъ послать, и такъ никакъ не могу ни на что рѣшиться, а пишу къ тебѣ и прошу твоего дружескаго совѣта, понеже ты еси во истину совѣтодатель мой доброхотной.

Октября 18-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ, вчерашній день мы молебствовали за побѣду вашу подъ Кинбурномъ, вы изъ другаго моего письма и изъ рескрипта усмотрите касательно до того; Богъ видитъ, я день и ночь и во всякой часъ мысленно съ вами, и мнѣ ваше здоровье пуще всего безпокоитъ. Сего утра Линь получилъ отъ цесаря повелѣніе ѣхать къ вамъ; онъ думалъ имѣть команду, взять Бѣлградъ, а вмѣсто того его шпіономъ опредѣляютъ; естьли онъ вамъ будетъ въ тягость, то, чаю, его отправить можно въ Вѣну, съ условіемъ о будущей или нынѣшней кампаніи, чтобъ истолковалъ возможность, либо невозможность того, что вы разсудите, что намъ дѣлать или не дѣлать; кажется, по письму императора къ нему, что насъ отъ Валахіи и Молдавіи отдалить хотятъ; да и изъ Галиціи пропитанія не обѣщаютъ, а оставляютъ все себѣ; тутъ есть что убавить, какъ обыкновенно во всѣхъ сношеніяхъ со всѣми дворами, mais il faut les ramener a la raison et les faire agir en conformité de ce qu'il nous convient autant que de ce qui leurs convient [1]).

[1]) Но надобно научить ихъ уму-разуму и заставить дѣйствовать согласно тому, какъ имъ и намъ приличествуетъ.

Библиотека "Руниверс"

Онъ отправляется завтра къ вамъ, и самъ весьма недоволенъ. Извѣстія гласятъ, что 60-ти пушечной корабль севастопольской, а именно „Марія Магдалина", попала на турецкое адмиралтейство и что англійской капитанъ Дистелъ хотѣлъ подорвать корабль, но экипажъ не допустилъ. Что дѣлать, быть такъ, прошу тебя только сіе отнюдь не брать съ излишней чувствительностію; я къ тебѣ уже писала, естьли надобно, то скажи слово, велю построить на Дону какіе назначишь и какой величины надобны фрегаты, въ запасъ, впередъ пригодятся.

Adieu mon Ami. Съ нетерпѣніемъ жду обѣщанныхъ курьеровъ, дай Боже, чтобъ привезли о твоемъ здоровьѣ лучшія извѣстія.

Что императоръ пишетъ о сторонѣ Кавказа, откуда понимаетъ, что тѣмъ самымъ турецкая сила принуждена дѣлиться, и естьлибъ у насъ тамъ не было войска, то бы татары и горскіе народы (къ) намъ бы пожаловали по прежнему.

Октября 26-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ. Письмо твое отъ 13-го сего октября я получила, изъ котораго вижу, что ты предпринялъ путь въ Херсонъ, Кинбурнъ и на флотъ; дай Богъ, чтобъ отъ сего похода ты бы не претерпѣлъ въ своемъ здоровьѣ; что раненые выздоравливаютъ, сіе мнѣ пріятно весьма слышать, желаю тоже услышать о Александрѣ Васильевичѣ Суворовѣ и о Рекѣ; весьма ты сдѣлалъ хорошо, поѣхалъ потише: тише ѣдешь, далѣ будешь, и пословица говоритъ. Здѣсь по городу носится слухъ о какой-то знатной побѣдѣ на Кавказѣ; жду о семъ отъ васъ подтвержденія, и вѣстей всегда съ нетерпѣніемъ. Дай Богъ тебѣ совершеннаго здоровья и милостей Божескихъ тьму; я здорова; прощай, Богъ съ тобою.

Обрати листъ.

Отпиши ко мнѣ: пловучую батарею отыскали-ли вы или она попалась туркамъ? Неужели что вѣтръ и ее придулъ къ Царьграду, къ „Маріи Магдалинѣ"? желательно, конечно, чтобъ наши корабли военные узнали сей путь, но не такимъ образомъ. Съ тѣхъ поръ, что тебѣ полегче и мнѣ стало получше на сердцѣ.

При семъ посылаю тебѣ ленту для солдатскихъ медалей.

Ноября 2-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ, твой курьеръ, отправленный по твоемъ возвращеніи въ Елисаветъ, въ 23-й день октября, вчерашній день привезъ ко мнѣ твои письма. Что ты, объѣхавъ семьсотъ верстъ, ослабѣлъ, о семъ весьма жалѣю; желаю скорѣе слышать о совершенномъ твоемъ выздоровленіи. О важности побѣды подъ Кинбурномъ и

Библиотека "Руниверс"

заочно понимательно мнѣ было, и для того отправлено молебствіе; знаменитую же заслугу Александра Васильевича въ семъ случаѣ я предоставила себѣ наградить тогда, какъ отъ тебя получу отвѣтъ на мое письмо, о семъ къ тебѣ писанное. Изъ числа раненыхъ и убитыхъ заключить можно каковъ бой упоренъ былъ. Я думаю, что огромной турецкой флотъ ушелъ къ своимъ портамъ на зимованіе. Понеже Кинбурнская сторона важна, а въ оной покой быть не можетъ дондеже Очаковъ существуетъ въ рукахъ непріятельскихъ, то по неволѣ подумать нужно о осадѣ сего, буде инако захватить не можно, по вашему сужденію. Хорошо бы было, естьли бы то могло сдѣлаться съ меньшей потерею всего, паче же людей и времени. Обѣщанные о семъ отъ васъ планы Миллера и Корсакова ожидать буду.

Жаль, что для помѣщенія войскъ, особливо конныхъ, въ подкрѣпленіе Кинбурна, жилья нѣтъ на той сторонѣ: я того и смотрю, что ты изъ тростника построишь дома и конюшни, видя, что изъ того дѣлаютъ въ Херсонѣ и сіе для меня уже не было бы диво. Весьма мнѣ нравится твое намѣреніе: прежде нежели вступить въ зимнія квартиры, наведя мосты на Бугѣ и переправя часть войска генерала Каменскаго до Бендеръ, отъ себя послать до Очакова, дабы очистить отъ турецкихъ деташементовъ, и въ это время бомбардировать Очаковъ. Дай Боже тебѣ успѣха и чтобъ гарнизонъ выбѣжалъ, какъ Хотинской и иные подунайскіе. Пріятно мнѣ слышать, что больные въ Херсонѣ выздоравливаютъ; одинакія ли болѣзни въ Херсонѣ и въ Тавридѣ или разныя? Одному изъ нашихъ консуловъ съ острововъ Венеціянскихъ случилось говорить съ турецкимъ какимъ то начальникомъ, которой его принялъ за Венеціянца, и ему сказывалъ, что въ бытность мою въ Тавридѣ мечетямъ и школамъ и всѣмъ ихъ вѣры людямъ столько показано добра, щедрости и снисхожденія, что и самые мусульмане того бы не сдѣлали; вотъ какъ вѣсти кругомъ ходятъ.

Надобно, чтобъ буря, которая щелкала Севастопольской флотъ, велика была, что сдѣлала оный совсѣмъ неупотребительнымъ. О некомплектѣ въ мушкатерскихъ полкахъ, и по той причинѣ о доставленіи къ нимъ рекрутъ, по мѣрѣ какъ соберутъ, уже отъ меня приказано. Нассау еще не пріѣхалъ, я посмотрю, какъ его съ лучшей пользою для васъ употребить.

Прощай, Богъ съ тобою.

Дѣйствія на Кубани и за Кубанью я насилу на картѣ отыскала, и найдя вижу, что они, для безопасности Кавказской линіи и самой Тавриды, немаловажны, и надѣяться надлежитъ, что послѣ экспедиціи Текеллія уже чрезъ Тамань наѣздовъ не будетъ.

Библиотека "Руниверс"

Ноября 6-го ч. 1787 г.

Дай Боже тебѣ терпѣнія сіе трилистное письмо прочесть.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ, письма твои отъ 26-го октября, сего 4-го ноября, до моихъ рукъ дошли, и съ симъ же курьеромъ получишь требуемые отвѣты; спасибо тебѣ за то, что ко мнѣ пишешь откровенно свои мысли; я не сдѣлаю употребленіе иное, нежели то, которое сходно будетъ съ моею къ тебѣ дружбою и съ общею пользою, а французской министръ о семъ останется не извѣстенъ. Князь Нассау еще не пріѣхалъ, а какъ пріѣдетъ, то приму его сходственно усердію, которое онъ повсюду выставляетъ; а Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) постарается изъ него вывесть le fond du sac. Но потому, что французское министерство употребляетъ подобные способы, ввѣряя половину довѣренности Нассау, а другую половину Сегюру, оно не токмо само вредитъ своимъ дѣламъ, но еще показываетъ при томъ не малую слабость, а болѣе охоту къ интригамъ и каверзамъ, нежели (то) пристойно, прилично и прибыльно знаменитой державѣ; l'on voit que les moyens de Mieur l'Archeveque de Toulouse a la tete des affaires sont tous aussi bas et petits que ceux qui l'ont porté au poste de Principal Ministre, ils ont beau proner leur situation presente, ils n'ont ni argent, ni troupes dans ce moment [1]), и щелчокъ, полученной ими въ Голландіи нынѣ, во мнѣніи всей Европы ихъ поставилъ нарочито низко.

Что князь Репнинъ пріѣхалъ къ тебѣ и показываетъ желаніе и охотно служить, сему я рада.

Отъ твоей поѣздки на Бугъ и въ Херсонъ и Тавриду ожидаю не малое добро, дай Боже только, чтобъ здоровье твое снова не почувствовало какой (ни) на есть вредъ отъ сей поѣздки.

Послѣ Кинбурнской побѣды, когда Сегюръ услышалъ, что тутъ предводительствовали французы (что ему Линь сказалъ по моему внушенію), тогда уже на другой или третій день онъ послалъ курьера во Францію съ представленіемъ, чтобъ отозвали французовъ, кои у турокъ, естьли хотятъ, чтобъ здѣшнія мысли о нихъ были, что они намъ не злодѣи. Вообще Сегюръ весьма унылъ, и самъ отзывается, что его дворъ ему менѣе вѣритъ прежняго и что епископъ Тулузской и Монморенъ враги отцу его.

Французскія каверзы, по двадцатипятилѣтнимъ опытамъ, мнѣ довольно извѣстны. Но нынѣ спознали мы и англійскіе, ибо не мы одни, но и вся Европа увѣрена, что посолъ англійскій и посланникъ

[1]) Видно, что средства архіепископа Тулузскаго, находящагося во главѣ дѣлъ, также низки и ничтожны, какъ и тѣхъ, которые выдвинули его на степень перваго министра; они могутъ, какъ хотятъ, гордиться своимъ настоящимъ положеніемъ—у нихъ нѣтъ, въ настоящую минуту, ни денегъ, ни войскъ.

Библиотека "Руниверс"

прусскій Порту склонили на объявленіе войны. Теперь оба сіи двора отъ сего поступка отпираются. Пиль и Кормартенъ клялись, что не давали о семъ приказаній, и сами почти признали, что подозрѣваютъ не самого короля и ганноверское министерство.

Въ „Алтонской" газетѣ нашла я странный артикулъ, который я, въ иное время, поставила бы за ложь, но нынѣ оной привлекъ мое вниманіе: тутъ написано изъ Ливурна, что къ англійскимъ консуламъ въ Средиземное море писалъ посолъ Эйнсли, чтобы всѣ англійскія вооруженныя и военныя суда, кои покажутся въ портахъ, гдѣ англійскіе консулы, присылали къ нему. Я сей артикулъ послала къ графу Воронцову, дабы его доставилъ до свѣдѣнія англійскаго министерства, дабы узнать отъ нихъ, какъ судить о такомъ поступкѣ ихъ посла, и естьли осталась въ нихъ хотя крошка добраго намѣренія, то не возмутъ ли намѣренія отозвать такого человѣка, на котораго вся Европа говоритъ, что онъ огонь раскладывалъ, и они сами говорятъ, что онъ то дѣлалъ безъ ихъ вѣдома [слѣдовательно, имъ ослушникъ]. Левантская же компанія англійская, сказываютъ, что весьма жалуется на Эйнслія и его мздоимство и корыстолюбіе; естьли англійскіе министры желаніе имѣютъ съ нами въ дружбѣ и довѣренности (быть), то, по крайней мѣрѣ, не могутъ себя ласкать, что мы дали довѣренность тѣмъ (или тому), кои намъ такъ явно враждуютъ, они же никогда и ни въ какое время ни (на) какой союзъ съ нами согласиться не хотѣли въ теченіи 25-ти лѣтъ. Франція конечно и безспорно находится въ слабомъ состояніи и ищетъ нашего союза, но колико можно долѣе себя менажировать; съ Франціею и съ Англіею безъ союза намъ будетъ полезнѣе иногда, нежели самый союзъ, тотъ или другой, понеже союзъ повлечетъ единаго злодѣя болѣе; но въ случаѣ, естьли бы пришло рѣшиться на союзъ съ той или другой державою, то таковой союзъ долженъ быть распоряженъ съ постановленіями сходными съ нашими интересами, а не по дудкѣ и прихотямъ той или иной націи, — еще менѣе по ихъ предписаніямъ.

Я сама того мнѣнія, что войну сію укротить должно колико возможно; я почитаю, что укрощеніе ея много зависитъ отъ вашихъ, дай Боже, успѣховъ; вы столь благоразумно вели двухмѣсячную оборону, что врагъ имяни христіанскаго и нарушитель мира, приготовясь коварно и лукаво долгое время къ войнѣ и объявя ее внезапно, хотя началъ тотчасъ дѣйствовать наступательно, не выигралъ однако нигдѣ ни пяди. Буде вамъ Богъ поможетъ, какъ я надѣюсь, въ нынѣшнихъ вашихъ предпріятіяхъ, то тѣмъ самымъ откроется дорога къ мирному трактованію и миру, но къ сему не одна наша, но и непріятельская склонность нужна; теперь они еще горды и надуты

Библиотека "Руниверс"

своею спѣсью и чужими наущеніями; а визирь, спасая свою голову, будетъ сутенировать, колико ему можно, имъ начатое; но по смѣнѣ его, скорѣе достигнемъ, я же отъ мира никогда не прочь, но вы сами знаете, что возвращеніе Тавриды и уничтоженіе всѣхъ трактатовъ и заключеніе новыхъ — турецкой былъ предметъ, котораго не токмо на конференціяхъ предлагали, но и въ своемъ объявленіи войны не постыдились внести; французскому двору сказано, что мы отъ мира не прочь и всегда готовы, когда только сходственно достоинства Имперіи, слушать мирныя предложенія. Шуазель пишетъ къ Сегюру, что онъ старается привлечь паки довѣренность турокъ.

За величайшее несчастіе почитать бы можно, естьлибъ хлѣба не было у насъ; сіе несчастіе велико во время мира, а еще болѣе, конечно, въ военное время, и тогда облегчило бы таковое внутреннее состояніе и то, чтобъ армію ввести въ непріятельскую землю [и тамо достать оной]; дабы же дороговизну для солдатъ облегчить и имъ доставить мясо, совѣтую вамъ, на мой собственный счетъ, закупить въ Украйнѣ, или гдѣ за удобнѣе найдете, тысячъ на сто рублей или болѣе, барановъ и быковъ и оными производить порціи солдатамъ, по стольку разъ въ недѣлю, какъ за благо разсудите.

Буде никакой надежды къ миру чрезъ зиму не будетъ, то, какъ рано возможно, весной, отправимъ отселѣ флотъ; нужно, чтобъ оному отъ Англіи не было препятствія, конечно; но когда мои двадцать кораблей пройдутъ Гибралтарской проливъ, тогда, признаюсь, чтобы и лестно и полезно быть могло, чтобъ въ авангардѣ ихъ была эскадра французская, и аріергардъ оной же націи, а наши бы корабли составляли коръ-дарме, и такъ бы дѣйствовали и шли кончить войну, проходя проливы. За сію услугу и заслужа грѣхи, французамъ бы дать можно участіе въ Египтѣ; а англичане намъ въ семъ не помогутъ, а захотятъ насъ вмѣшать въ свои глупыя и безтолковыя германскія дѣла, гдѣ не вижу ни чести, ни барыша, а пришло бы бороться за чужіе интересы; нынѣ же боремся, по крайней мѣрѣ, за свои собственные, и тутъ кто мнѣ поможетъ, тотъ и товарищъ [касательно же нашего торга съ Англіею тутъ себѣ руки связывать не должно].

Прощай, мой другъ, вотъ тебѣ мои мысли.

Король шведской поѣхалъ въ Копенгагенъ и въ Берлинъ; знатно онъ у французовъ ушелъ, а поѣхалъ достать, на мѣсто французскихъ субсидій прусскихъ или англійскихъ; странно будетъ естьли Англія ему дастъ деньги противъ Датчанъ. Il faut avouer que l'Europe est un salmigondi bien singulier dans ce moment [1]).

---

[1]) Надобно признаться, что Европа оригинальная мѣшанина въ эту минуту.

Библиотека "Руниверс"

Они какъ хотятъ, лишь бы Богъ далъ намъ съ честію выпутаться изъ хлопотъ.

Ноября 9-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ. Я получила сегодня твои письма отъ 1-го ноября, въ самое то время, когда я сбиралася говорить съ Нассау, и теперь, переговоря съ нимъ, такъ много имѣю къ тебѣ писать, что во истину не знаю съ чего начать. Сегюръ здѣсь предлагалъ также готовность его двора войти съ нами въ союзъ, какъ ты уже могъ усмотрѣть изъ посланныхъ къ тебѣ сообщеній, и отвѣтъ, ему сдѣланной; Нассау, говоря со мною, сказалъ мнѣ теперешнее расположеніе французскаго двора и перемѣну въ ихъ образѣ мыслей. Я приняла все сіе съ пріятнымъ видомъ и сказала, что съ удовольствіемъ вижу, что инако думаютъ, нежели думали и благодарила его за оказанное его усердіе и добрыя старательства и показывала опасеніе, чтобъ тотъ дворъ паки не перемѣнилъ свое расположеніе; на что онъ самъ отозвался, что естьли, по полученіи перваго курьера, онъ примѣтитъ малѣйшее колебаніе въ мысляхъ французскаго министерства, то онъ паки поскачетъ во Францію, чтобъ употребить всѣ свои силы къ подкрѣпленію того двора въ добрыхъ къ намъ расположеніяхъ. Когда онъ говорилъ о сближеніи союзомъ, я сказала, что я отъ него не скрою, что мы въ весьма деликатныхъ обстоятельствахъ въ разсужденіи нашего торга съ Англіею и относительно великаго морскаго нашего отселѣ вооруженія, и что для сего мы привыкли находить прибѣжище въ англійскихъ портахъ; на сіе онъ предлагалъ французскіе, а я сказала, что локальное положеніе первыхъ удобнѣе, что все сіе однако говорится для того болѣе, чтобъ изыскать съ нимъ удобности и неудобности въ томъ или другомъ положеніи, и что я признаю, и уже видѣла разныя выгоды отъ дружбы Лудовика XVI. И мы разстались весьма ладно и все говорено, что можно было. Они вооружаются и войну имѣть будутъ, ибо сами чувствуютъ, что отъ голландскаго дѣла, естьли его оставить такъ, потеряютъ всю свою консидерацію.

Нассау мнѣ сказалъ, что французы считаютъ имѣть короля шведскаго въ своемъ карманѣ, а я ему говорила, чтобъ они лишне на сего человѣка не надѣялись, что доказываетъ ѣзда его въ Копенгагенъ, и даже, говорятъ, въ Берлинъ, и что король шведскій будетъ въ карманѣ того, кто ему даетъ денегъ, чѣмъ иногда и непріятели Франціи могутъ воспользоваться; вотъ тебѣ, другъ мой любезной, чистая исповѣдь происходящаго между мною и Нассау.

Возвращаюсь къ твоимъ письмамъ. Во первыхъ, спасибо тебѣ за оныя, и что ты такъ откровенно и прямо-дружески ко мнѣ пишешь,

Библиотека "Руниверс"

и, при всѣхъ хлопотахъ по мѣсту и должности, однако не оставляешь меня подробно увѣдомлять; я сіе принимаю съ отличнымъ и сердечнымъ чувствомъ и тобою чрезвычайно довольна, и ты развернулъ свѣту, въ нынѣшнее время, такое обширное и искусное знаніе и поведеніе, которое моему выбору и тебѣ дѣлаетъ честь, и я тебя люблю вдвое болѣе еще. Вижу, что Очаковъ тебѣ дѣлаетъ заботу, я тутъ уже, отдавая тебѣ полную волю, лишь Бога прошу, чтобъ благословилъ твои добрыя предпріятія.

Я, видя изъ твоихъ писемъ подробно службу Александра Васильевича Суворова, рѣшилась къ нему послать за вѣру и вѣрность св. Андрея, которой сей курьеръ къ тебѣ и повезетъ.

Помоги тебѣ Богъ очистить степь за Очаковомъ и къ Бендерамъ, и побить и отогнать новаго хана отъ нашихъ жилищъ.

Сегюръ имѣетъ отъ Шуазеля письма, будто визирь уже въ колебленномъ состояніи, и будто на него ропщутъ за объявленіе войны, и что донынѣ остается въ недѣйствіи.

Что хлопоты тебя не допустятъ побывать здѣсь, хотя на короткое время, о семъ весьма жалѣю; я къ тебѣ бы поскакала, естьли сіе можно было сдѣлать безъ прибавленія хлопотъ.

Что твое здоровье поправляется, сіе служитъ мнѣ къ великому утѣшенію, понеже люблю тебя весьма и тобою очень, очень довольна.

Фрегаты построить велю съ большой артиллеріею и по твоему чертежу.

О потерѣ корабля „Марія Магдалина“ болѣе говорить не буду, что сдѣлано, то сдѣлано, также и о другихъ потерянныхъ судахъ; о „Ломбардѣ“ же приказала—стараться его какъ нибудь достать.

Касательно принца Гессенъ Филипстальскаго, которой въ конной гвардіи служитъ, и желаетъ быть волонтеромъ, я тебѣ скажу, что я уже многимъ и вообще всѣмъ отказала, кто ни просился волонтеромъ, и для того и ему дозволить не могу; развѣ естьли хочетъ, то выпущу его въ армію, и тогда подарю на экипажъ; а волонтерамъ я отказала, имѣя на то разныя причины, и въ послѣднія кампаніи послѣдней войны положено было: волонтеровъ не принимать ни откуда.

Прощай, мой другъ, Богъ съ тобою, и никогда чтобъ тебѣ на умъ не приходило, чтобъ ты мною могъ быть позабытъ.

Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) тебя какъ душу любитъ.

Отпиши пожалуй каковы раненые и больные, и посылалъ ли ты мое первое письмо къ Суворову?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

МОЯ ЖИЗНЬ и ХУДОЖЕСТВЕННО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ ТРУДЫ,

разсказъ академика Ѳ. Г. Солнцева.

VI[1]).

Вторая поѣздка въ Москву. — Работа на званіе академика. — Возстановленіе царскихъ теремовъ въ Кремлѣ.—Работы при постройкѣ новаго Большаго дворца.—Пріѣзды императора Николая Павловича въ Москву.—Митрополитъ московскій Филаретъ.

1834 — 1842.

Нѣсколько времени спустя послѣ возвращенія моего изъ Новгорода въ Петербургъ, Оленинъ сталъ торопить меня поѣздкою въ Москву, «для продолженія художническихъ занятій по части русскихъ древностей». Передъ отъѣздомъ моимъ, Алексѣй Николаевичъ говорилъ мнѣ: «ты долженъ предварительно пробыть нѣсколько дней въ Новгородѣ, для провѣрки нѣкоторыхъ предметовъ, и заѣхать въ г. Торжокъ».

Весною я отправился въ дорогу. Будучи въ Новгородѣ, гдѣ мнѣ пришлось позамѣшкаться, я получилъ отъ Алексѣя Николаевича предписаніе, въ которомъ онъ, между прочимъ, напоминалъ мнѣ:

«Въ Торжкѣ вы также остановитесь для срисованія въ старинномъ семъ городѣ оставшихся достопримѣчательностей, съ тѣмъ разумѣніемъ, точностію и отчетомъ, которыми отличаются ваши художническія произведенія. На сей конецъ я снабжаю васъ надлежащими отношеніями и рекомендательными письмами, какъ въ Новгородъ, такъ въ Торжокъ и Москву. Я не буду вамъ вновь предписывать правилъ для лучшаго исполненія предписаннаго вамъ дѣла, припоминая старинную русскую поговорку: «ученаго учить, только портить».

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 109—128; 311—323; 617—644; томъ XVI, стр. 147—160.

Библиотека "Руниверс"

Въ Новгородѣ и Торжкѣ [1]) пришлось пробыть мнѣ съ мѣсяцъ, такъ что только въ августу 1834 г. прибылъ я въ Москву.

По пріѣздѣ, я сталъ заниматься въ Оружейной палатѣ, въ соборахъ Успенскомъ, Архангельскомъ и др. Во время моихъ занятій въ храмахъ, иногда пріѣзжалъ митрополитъ Филаретъ; онъ интересовался моими работами, распрашивалъ меня и вообще былъ ко мнѣ внимателенъ.

Скоро мнѣ понадобилось побывать въ Троицко-Сергіевой лаврѣ—срисовать окладъ евангелія князя Василія Дмитріевича и вообще заняться тамъ. Я отправился къ Филарету за благословеніемъ. Онъ обошелся со мной привѣтливо, написалъ письмо намѣстнику лавры и пожелалъ успѣховъ въ моихъ занятіяхъ.

Когда я пріѣхалъ въ лавру и явился къ намѣстнику, то онъ, прочитавъ письмо митрополита, сказалъ мнѣ:

— Владыко пишетъ, чтобъ вамъ отвести квартиру. Не родняли вы ему?

— Почему же вы такъ думаете? спросилъ я.

— Владыко пишетъ, чтобъ я узналъ, какое вино пьете вы, то и приготовить вамъ.

Чрезвычайно внимателенъ былъ ко мнѣ также и военный генералъ-губернаторъ, князь Д. В. Голицынъ. Ему были извѣстны мои рисунки, и онъ очень интересовался ими. Какъ-то разъ я показалъ Дмитрію Владиміровичу рисунокъ бронзовой «сѣни», находящейся въ Успенскомъ соборѣ [2]).

— Это вещь превосходная. Странно, какъ это я бываю чуть-ли ни каждую недѣлю въ соборѣ и ее не замѣтилъ. Вы, вѣроятно, разукрасили?

— Нѣтъ, ваше с-во; я не украшаю своихъ рисунковъ. Если вы не замѣтили украшеній, то потому, что «сѣнь» въ соборѣ стоитъ въ тѣни, у западной стѣны. И потомъ: когда вы нахо-

---

[1]) Въ этомъ городѣ я срисовалъ нѣсколько старинныхъ нарядовъ женщинъ, принадлежавшихъ къ купеческому сословію.

[2]) «Сѣнь» эта устроена была по случаю полученія хитона Христа Спасителя отъ персидскаго шаха при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ; небольшой кусокъ этого хитона отрѣзанъ былъ Петромъ Великимъ: въ настоящее время часть его находится въ церкви Зимняго дворца, въ Петербургѣ. Теперь подъ «сѣнію» хранится чрезвычайно маленькій кусочекъ хитона, въ величину нашей мелкой серебряной монеты. Мой рисунокъ «сѣни» издалъ хромолитографически Семенъ, московскій книгопродавецъ. Ѳ. С.

Библиотека "Руниверс"

дитесь въ соборѣ, то передъ вами стоитъ шпалера изъ свиты и народа. Когда вы пріѣдете въ соборъ, посмотрите ее.

Князь побывалъ въ соборѣ, внимательно разсмотрѣлъ «сѣнь» и убѣдился, что я ничего не прибавилъ въ своемъ рисункѣ и что эта вещь сама по себѣ замѣчательная.

Скоро сдѣлалъ я еще 24 рисунка и принесъ ихъ показать Дмитрію Владиміровичу. Онъ разсматривалъ рисунки и сказалъ: «я пошлю гравировать ихъ въ Парижъ».

Нѣсколько времени спустя, я получилъ отъ князя записку съ приглашеніемъ придти къ нему. Пришелъ. Дмитрій Владиміровичъ сказалъ мнѣ:

— Въ Парижѣ расхвалили рисунки, но, чтобы награвировать ихъ, надобно уменьшить, а на это они не рѣшаются, такъ какъ уменьшить рисунокъ можетъ только самъ художникъ.

Въ послѣдствіи это дѣло состоялось. Рисунки съ текстомъ изданы были въ Москвѣ Семеномъ, на средства Московскаго университета, по ходатайству кн. Д. В. Голицына.

Между тѣмъ, едва-ли ни каждую недѣлю доносилъ я А. Н. Оленину о своихъ занятіяхъ. Въ одномъ изъ такихъ донесеній я, между прочимъ, извѣщалъ его, что въ Оружейной палатѣ находится скипетръ будто бы Владиміра Мономаха. Вслѣдствіе этого донесенія, Алексѣй Николаевичъ, отъ 30-го октября 1834 г., писалъ мнѣ:

«Я съ большимъ удовольствіемъ читалъ донесеніе ваше, и васъ искренно благодарю за то, что вы, воспользовавшись моими наставленіями, вполнѣ оправдали предъ лицомъ вѣнценоснаго и мощнаго покровителя наукъ и художествъ мое объ васъ ходатайство. Теперь новый поводъ продолжать ваши труды съ свойственнымъ вамъ искусствомъ и прилежаніемъ...

«Заключеніе вашего донесенія съ извѣстіемъ о скипетрѣ, называемомъ Мономаховымъ, на которомъ означенъ 1638 годъ, побуждаетъ меня поручить вамъ строгое и подробнѣйшее разсмотрѣніе прочей царской утвари, къ сему скипетру принадлежащей, какъ-то: корона, бармы и держава, такъ называемой мономаховой, — столь невѣрно и столь небрежно нарисовано и выгравировано въ Историческомъ описаніи Мастерской Оружейной палаты, изданномъ въ 1807 г. Можетъ быть, что новое прилежное изслѣдованіе откроетъ вамъ въ сей утвари настоящее время ея сооруженія».

Я занялся выполненіемъ этого порученія. Рисуя скипетръ, мнѣ предстояло разсмотрѣть въ подробности все, надо было нарисовать изображеніе 12 годовыхъ праздниковъ, отдѣльно, которые находились поверхъ скипетра. Одинъ изъ праздниковъ закрытъ

Библиотека "Руниверс"

былъ украшеніями; я сдвинулъ эти украшенія и увидѣлъ 1638 г. Вотъ эту-то надпись Алексѣй Николаевичъ и предписывалъ мнѣ провѣрить.

Я обратился въ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, начальникомъ котораго состоялъ тогда Малиновскій, и здѣсь изъ одного дѣла узналъ, что когда довелось короноваться царю Михаилу Ѳеодоровичу, то не оказалось ни скипетра, ни державы. Поэтому посланъ былъ въ Грецію противень [1]) или рисунокъ, съ котораго и сдѣлали скипетръ и державу. Равнымъ образомъ, бармы Мономаха сдѣланы были по противню тоже въ Греціи, во время Михаила Ѳеодоровича. Такимъ образомъ, оказалось, что не только по открытому на скипетрѣ году, но по архивному описанію, по работѣ и грани камней — скипетръ, держава и бармы, такъ называемые мономаховые, вовсе не принадлежали Мономаху.

Въ началѣ ноября 1834 г. я просилъ Алексѣя Николаевича, чтобы онъ позволилъ мнѣ побывать зимою въ Петербургѣ. Кромѣ моихъ домашнихъ обстоятельствъ, мнѣ казалось необходимымъ это и потому, что я могъ привести въ порядокъ свои работы, докончить начатые рисунки, провѣрить ихъ и т. п. При этомъ надобно замѣтить еще вотъ что:

Прежде я неоднократно говорилъ Алексѣю Николаевичу: «что вы все меня одного посылаете въ разные города срисовывать древности? Я не такъ еще опытенъ: могу и ошибиться, дайте мнѣ кого-нибудь, съ кѣмъ бы мнѣ можно было иногда посовѣтываться».

— До сихъ поръ не ошибался же?—говорилъ Алексѣй Николаевичъ.—Ну, и работай одинъ; вѣдь ты знаешь, что этимъ никто не занимается: надо положить начало.

— Назначьте хоть товарищей,—приставалъ я.—У насъ явилось бы соревнованіе въ трудѣ и дѣло бы выиграло; а то вѣдь мнѣ одному надоѣдаетъ: я иногда стараюсь кончать вещи скорѣе.

— Все это хорошо,—соглашался Алексѣй Николаевичъ, — а пока дѣлай, какъ знаешь. Со временемъ я доведу до того, что будетъ цѣлая коммисія. Впрочемъ, можешь взять себѣ учениковъ.

— Да ученики совсѣмъ не то,— возражалъ я.

---

[1]) Противень—рисунокъ, по которому дѣлаются вещи. Ѳ. С.

Библиотека "Руниверс"

Однако же, Алексѣй Николаевичъ сдѣлалъ по своему. Въ 1834 г., т. е. въ то время, какъ я находился въ Москвѣ, онъ назначилъ мнѣ, по моему выбору, учениками двухъ воспитанниковъ академіи.

Отъ 28-го ноября 1834 г. Оленинъ писалъ мнѣ:

«Если вамъ нужно быть въ Петербургѣ на зимнее время, такъ какъ я съ вами согласно полагаю, какъ для повѣрки вашихъ новыхъ работъ съ прежде вами сдѣланными и хранящимися у меня, такъ и для сохраненія въ нихъ надлежащей системы и, сверхъ того, для наставленія избранныхъ вами здѣсь учениковъ, образующихся подъ непосредственнымъ моимъ смотрѣніемъ, а равно для домашнихъ вашихъ дѣлъ, и по той еще причинѣ, что въ Москвѣ, въ зимнее время, вамъ нечего дѣлать какъ вырисовывать то, что вы очертили,— то, съ прописаніемъ всѣхъ сихъ обстоятельствъ, пришлите мнѣ немедленно рапортъ для доклада государю императору».

Я послалъ требуемый рапортъ и скоро получилъ разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ.

Изъ Москвы я привезъ съ собою болѣе 70-ти рисунковъ, изъ которыхъ около половины были не окончены. Мнѣ предстояло заняться этими рисунками, а также и новоназначенными учениками [1]).

Въ это именно время случилось происшествіе, которое могло кончиться для меня непріятностью. Однажды Анна Алексѣевна Оленина, которой я давалъ уроки по рисованію, вмѣстѣ съ подругами своими, графиней Блудовой и Уваровой, попросили меня нарисовать картину «Погребеніе кота мышами». Милыя, умныя и любезныя просительницы разсказывали, какъ слѣдовало сдѣлать мышей, въ какомъ мундирѣ нарисовать кота и проч. Все это исполнялъ я въ точности, ничего не подозрѣвая.

Когда картина была готова и я уже забылъ о ней, какъ-то

---

[1]) Кстати, скажу здѣсь нѣсколько словъ объ этихъ первоначальныхъ ученикахъ моихъ: это были Вольскій и Щуруповъ. Оба они были акварелисты. Вольскій почти ничего не сдѣлалъ по моей части, — написалъ рисунка три-четыре—и только. Онъ уже умеръ. Щуруповъ сдѣлалъ около 30-ти археологическихъ рисунковъ; ѣздилъ въ Кіевъ и вообще былъ способнѣе Вольскаго. Но онъ скоро оставилъ мои занятія и сдѣлался архитекторомъ. По его плану построена новая церковь на Калашниковской пристани въ Петербургѣ.

Въ Москвѣ у меня еще было четыре ученика: Померанцевъ, Горскій и двое другихъ, фамилію ихъ забылъ. И эти ничего не сдѣлали по моей части достойнаго вниманія; въ послѣдствіи, я потерялъ ихъ изъ виду. Ѳ. С.

Библиотека "Руниверс"

разъ пришелъ я къ Алексѣю Николаевичу; онъ открылъ бюро, вынулъ мой рисунокъ и спросилъ:

— «Это ты рисовалъ?»

— Точно такъ.

— «Ты можешь больно поплатиться за эти шалости. Мы съ тобой должны ѣхать къ графу Бенкендорфу».

— Помилуйте, Алексѣй Николаевичъ,— сказалъ я, — вѣдь я ни въ чемъ не виноватъ: рисовалъ въ вашемъ домѣ и подъ диктовку Анны Алексѣевны.

— «Все равно, надо ѣхать къ шефу жандармовъ. Я получилъ предложеніе—тебя доставить къ нему».

Мы поѣхали.

— «Это вы рисовали?»—спросилъ меня Бенкендорфъ, показывая мой рисунокъ.

— Я.

— «Знаете, что это каррикатура надъ извѣстными въ столицѣ лицами,—сказалъ мнѣ графъ.— Рисунокъ вашъ получилъ я отъ императрицы».

Все это было для меня крайне неожиданно.

Потомъ графъ Бенкендорфъ началъ о чемъ-то говорить съ Алексѣемъ Николаевичемъ, а я, между тѣмъ, сталъ разсматривать лежащую на столѣ книгу съ рисунками, изображающими костюмы казаковъ прежнихъ временъ.

— Эта книга очень интересна для меня по рисункамъ,— сказалъ я графу Бенкендорфу. Графъ передалъ мнѣ, что заинтересовавшая меня книга назначена къ уничтоженію, но что если рисунки такъ понравились мнѣ, то я могу ихъ вырвать. Тутъ Алексѣй Николаевичъ сказалъ графу:

— Отдайте рисунки и съ текстомъ. Солнцеву книга нужна для занятій; я за это ручаюсь.

Я получилъ книгу: это было сказаніе о бытѣ казаковъ.

Тѣмъ и кончилось дѣло о моемъ рисункѣ «Какъ мыши кота погребаютъ».

Отдохнувши среди родныхъ въ Петербургѣ, исправивъ недоконченные рисунки, я, при началѣ лѣта, опять отправился въ Москву. Надобно замѣтить, что съ этого времени, въ теченіи восьми лѣтъ, я хотя и посѣтилъ нѣкоторые города, какъ Рязань,

Библиотека "Руниверс"

Юрьевъ-Польскій, Смоленскъ и др., но главное мое пребываніе было въ Москвѣ.

По пріѣздѣ въ Москву, я изготовилъ образъ св. Бориса, найденный мною въ синодальной ризницѣ, портреты царя Ѳедора Ивановича, Скопина и нѣкоторые др. рисунки. Въ октябрѣ 1835 г. всѣ эти рисунки я послалъ Оленину, поздравивъ его кстати съ наступающимъ днемъ рожденія. Вслѣдствіе этого я получилъ отъ Алексѣя Николаевича слѣдующее письмо:

«Искренно благодарю любезнаго и досужаго [1]) моего Ѳедора Григорьевича за воспоминаніе о преклонныхъ моихъ лѣтахъ; скажу ему, что я, въ самый день моего рожденія, получилъ прекрасное продолженіе его отличныхъ трудовъ, между коихъ образъ св. Бориса весьма любопытенъ. Жаль, что въ томъ рукописномъ прологѣ не означенъ годъ, когда онъ былъ писанъ; я это такъ полагаю потому, что объ этомъ Ѳедоръ Григорьевичъ ничего не упоминаетъ. Повторяя мою благодарность и за (царя) Ѳедора Ивановича, и за Скопина, и за окладъ евангелія, я оканчиваю мое письмо».

Въ тотъ же самый мѣсяцъ, въ который посланы были мною послѣдніе рисунки Алексѣю Николаевичу, т. е. въ октябрѣ мѣсяцѣ, я получилъ отъ него утвержденную совѣтомъ академіи программу, заданную мнѣ для полученія степени академика. Программу эту составилъ самъ Алексѣй Николаевичъ и предложилъ ее совѣту академіи въ видѣ слѣдующаго предложенія [2]):

«Г-нъ художникъ XIV-го класса Солнцевъ, достойный и отличный питомецъ сей академіи, желая получить лестное для него званіе академика, проситъ о назначеніи ему программы по тому отдѣленію живописнаго искусства, которое принадлежитъ къ общему роду живописи, называемому французами peinture de genre, и именно по части археологіи и этнографіи.

«Гг. дѣйствительнымъ членамъ сей академіи извѣстно, что отличные успѣхи г. Солнцева по сей части были особенно уважены государемъ императоромъ..... Знаки монаршаго благоволенія, справедливое и благосклонное вниманіе многихъ гг. членовъ сей академіи къ его трудамъ даютъ ему смѣлость просить, на основаніи устава сей академіи, о назначеніи ему программы на живописное произведеніе акварелью, по части археологіи и этнографіи. Гг. члены правленія Императорской академіи художествъ полагаютъ предоставить мнѣ назначеніе сей программы, по тому поводу, что г. Солнцевъ былъ мною, такъ сказать, образованъ по сей части живописнаго искусства. Принимая сіе порученіе весьма охотно, я полагаю задать ему программу слѣдующаго содержанія:

«Представить на самомъ большомъ листѣ или на двухъ листахъ бристоль-

---

[1]) Т. е. всегда готоваго сдѣлать что ему поручено.

[2]) Въ «Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Императорской С.-Петербургской академіи художествъ», Спб. 1865 г., т. II, стр. 328,—приведено нѣсколько словъ изъ этого предложенія. Ѳ. С.

Библиотека "Руниверс"

ской бумаги акварелью собраніе разныхъ произведеній искусства древнихъ, найденныхъ въ Россіи, — и особенно русскихъ старинныхъ издѣлій, оружія, утвари и одежды церковной и царской, и нѣкоторыхъ нынѣшнихъ русскихъ старобытныхъ костюмовъ, уцѣлѣвшихъ между простолюдинами. Все сіе расположить и сгруппировать пріятнымъ образомъ (въ одной рамкѣ), но при томъ такъ явственно и не сбивчиво, чтобъ любопытнѣйшія части каждаго предмета были видны, и чтобъ въ каждомъ изъ нихъ строжайше былъ сохраненъ отличительный его характеръ. Между тѣмъ, надобно будетъ г. Солнцеву стараться украсить свою композицію живописнымъ дѣйствіемъ свѣта и тѣней. Такимъ образомъ, онъ въ сей картинѣ можетъ изобразить высокое искусство древнихъ грековъ посредствомъ вѣрнаго и мастерскаго рисунка съ бронзовой превосходной статуйки Венеры побѣдительницы (Venus victrix), изъ числа собранія древностей статсъ-дамы княгини Бѣлосельской-Бѣлозерской, и подобной же работы бронзовой фигурки, изображающей пляшущаго Фауна, найденной въ землѣ, въ степныхъ мѣстахъ Воронежской губерніи, и нынѣ принадлежащей Императорской публичной библіотекѣ. Къ сему долженъ онъ присовокупить отличнѣйшія вещи, найденныя въ греческихъ и греко-скиѳскихъ гробницахъ, въ окрестностяхъ Фанагоріи и Керчи, древней Пантикапеи,—какъ-то: золотые вѣнцы и того же металла ожерелье, сосуды, наряды мужскіе и женскіе, оружія; а для показанія упадка древняго искусства—надгробный камень римскаго трубача, временъ императора Клавдія, найденный на Таврическомъ полуостровѣ. Наконецъ, въ первыхъ планахъ онъ представитъ разные предметы отечественной нашей старины, какъ-то: часть надписи тмутараканской, нашу старинную княжескую одежду XI в. и военную русскую сбрую XIII, XVI и XVII ст.; также царскія короны, скипетры и державы. — Я здѣсь не буду распространяться въ исчисленіи всѣхъ предметовъ, которыми г. Солнцевъ можетъ показать свое искусство. Желаніе его получить лестное званіе академика Императорской академіи художествъ воспламенитъ его и укажетъ ему на тѣ предметы, которые могутъ возбудить вниманіе и одобреніе строгихъ, какъ то слѣдуетъ, но справедливыхъ его судей».

Скажу нѣсколько словъ по поводу этой программы. Упомянутыя здѣсь статуи—«Венеры побѣдительницы» и «Пляшущаго фауна»—дѣйствительно замѣчательны. Первая изъ нихъ, прекрасно сохранившаяся, чрезвычайно хорошей греческой работы. По моему мнѣнію, извѣстныя статуи Венеры таврической и Венеры медиційской, по достоинству, ниже «Венеры побѣдительницы». Статуя «Фауна» найдена была, если не ошибаюсь, въ 1823 или въ 1824 г. Сдѣлана она изъ мѣди, только глаза вставлены серебряные. Животъ ея прорубленъ; быть можетъ, въ то время, когда ее нашли, то желали убѣдиться, изъ какого металла она сдѣлана, и произвели въ животѣ изъянъ. Найденная статуя Фауна служила, вѣроятно, идоломъ язычникамъ; въ слѣдахъ его находился шарниръ, на которомъ его вертѣли въ разныя стороны. Въ мое время, у кореловъ, Тверской губ., были идолы, хотя они

Библиотека "Руниверс"

и считались христіанами. На праздники, корелы уходили, обыкновенно, въ лѣса и повертывали тамъ привѣпленныхъ къ пнямъ своихъ божковъ; повернуть ихъ значило тоже самое, что прочитать нѣсколько молитвъ. Въ той же губерніи мнѣ приводилось бывать у крестьянъ въ среду или пятницу; при этомъ я замѣчалъ, что иконы были повернуты ликами къ стѣнѣ. Спросишь, бывало:

— Для чего вы это сдѣлали?

— Да сегодня, батюшка, пятница, а мы молоко хлебали,—такъ чтобы они не видали.

Для выполненія заданной программы, мнѣ предстояло нарисовать русскія древности, особенно старинные наши костюмы. Поэтому, для соединенія въ одномъ изображеніи древне-греческаго искусства съ нашимъ древне-русскимъ, я, между прочимъ, задумалъ написать живописное произведеніе акварелью, изображающее «свиданіе князя Святослава Игоревича съ греческимъ императоромъ Цимисхіемъ».

Вообще, относительно программы скажу, что выполненіе ея было для меня не легко. Правда, я уже искусился въ подобнаго рода работахъ; правда, А. Н. Оленинъ принялъ самое живое участіе въ предлежащемъ трудѣ: онъ помогалъ мнѣ совѣтами, указаніями, содѣйствовалъ всѣмъ, чѣмъ только могъ [1]); но все-

[1]) До чего простиралась внимательность Алексѣя Николаевича къ Ѳ. Г. Солнцеву, это видно изъ черновыхъ набросковъ Оленина, обязательно сообщенныхъ намъ Н. И. Стояновскимъ. Приводимъ здѣсь одинъ изъ таковыхъ набросковъ:

«Греческій императоръ Левъ Премудрый или VI, вступившій на престолъ византійскій въ 886 г., въ «Тактикѣ» своей, описывая конное вооруженіе своего времени, говоритъ (нижеслѣдующія свѣдѣнія нужны будутъ Ѳед. Гр. Солнцеву для его программы):

«Каждый конный воинъ долженъ быть вооруженъ слѣдующимъ образомъ, а именно: полными бронями до щиколдокъ, надѣтыми посредствомъ ремней и колецъ и имѣющими свои влагалища; также шлемами желѣзными и блестящими; сверхъ вымелъ оныхъ имѣются небольшіе хохлы. Луки ихъ присвоены каждому по силѣ. Они имѣютъ широкія влагалища, чтобъ, при случаѣ, было въ нихъ свободное мѣсто для луковъ; тетивы къ нимъ имѣются во множествѣ въ ихъ кисахъ, при томъ колчанъ съ стрѣлами и ихъ чехломъ, достаточный для помѣщенія отъ 30 до 40 стрѣлъ... сверхъ того, они имѣютъ короткія конныя копья съ значками, а по срединѣ (ратовища) ремни (какъ у казаковъ). Тесаки висятъ у нихъ съ плеча, по обычаю римскому, и другими они опоясаны прибедренниками и кинжалами.

Библиотека "Руниверс"

таки, повторяю, работа предстояла не легкая. Къ тому же, вслѣдъ за полученіемъ программы, Алексѣй Николаевичъ предписалъ мнѣ немедленно отправиться въ Рязань, для дальнѣйшихъ изысканій по части древностей.

Черезъ годъ программа была мною исполнена. Я такъ заинтересованъ былъ исходомъ этой работы, что самъ привезъ ее въ Петербургъ, къ Алексѣю Николаевичу. Это случилось за день до сентябрьской выставки въ академіи, въ 1836 г. Алексѣй Николаевичъ остался недоволенъ моимъ пріѣздомъ, такъ какъ, по его мнѣнію, можно было бы прислать программу. Онъ не посмотрѣлъ даже на мою работу, а приказалъ представить ее прямо въ академію. Такъ я и сдѣлалъ. Недовольство моимъ пріѣздомъ Алексѣя Николаевича, неизвѣстность исхода программы, все это сильно меня озабочивало. Прошло нѣсколько дней. Когда, однажды, я пришелъ къ Алексѣю Николаевичу, то онъ сказалъ мнѣ:

— Поздравляю тебя, твоя программа удалась: ты получишь званіе академика. Поди къ Елисаветѣ Марковнѣ.

Елисавета Марковна встрѣтила меня, какъ роднаго сына.

Спустя недѣлю, я былъ уже въ Москвѣ.

Почти одновременно съ приготовленіемъ программы на званіе академика, я занимался возстановленіемъ древнихъ теремовъ въ Кремлѣ. Эти терема, состоящіе изъ девяти комнатъ, были чрезвычайно запущены; довольно сказать, что въ нихъ жили какіе-то

«Неумѣющіе стрѣлять изъ лука вооружены копьями съ исправными щитами; не излишне имъ имѣть рукавицы желѣзныя... Они имѣютъ также хохолки на лошадиномъ скатѣ (задъ у лошади) и значки (или маленькія знамена) сверхъ броней на плечахъ.

«Если будетъ по силѣ, то не худо имъ имѣть брони, называемыя клованіи (или цѣльныя латы), блестящія и свѣтлыя, а также ногавицы или поножи и бодцы (шпоры),—сверхъ того, они надѣваютъ надброніе, или платье, покрывающее броню...

«Кони главныхъ начальниковъ, мужей изъ прочихъ избранныхъ, имѣютъ налобники и нагрудники желѣзные или изъ валянаго издѣлія (войлокъ, бурка), также изъ жилъ, для прикрытія груди и шеи (конской) и, буде можно, ихъ животъ висящими небольшими, такъ называемыми, седла. Седла имѣютъ попоны мохнатыя и большія, — удила конскія искусны и крѣпки, также седла имѣютъ два стремени желѣзныя, и...» На этомъ выписка изъ «Тактики» кончается; внизу нарисованъ карандашомъ греческій всадникъ на конѣ.

Ред.

Библиотека "Руниверс"

плотники. Императору Николаю Павловичу, любителю и цѣнителю отечественной старины и историческихъ достопамятностей, угодно было возстановить царскіе терема — драгоцѣнный памятникъ XVII вѣка.

Вице-президентъ московской дворцовой конторы, баронъ Боде, призвалъ меня и предложилъ мнѣ сдѣлать рисунки для возобновленія теремовъ, такъ какъ, хотя и было приготовлено 14 проектовъ, но ни одинъ изъ нихъ не удостоился высочайшаго одобренія.

Сначала я не соглашался на это: боялся, что новыя занятія отвлекутъ меня отъ работъ, порученныхъ мнѣ Оленинымъ; но Боде меня уговорилъ. Я осмотрѣлъ терема, сдѣлалъ рисунки и представилъ ихъ Боде. Скоро рисунки отправлены были прямо къ государю.

Нѣсколько времени спустя, совершенно неожиданно, я получилъ отъ Алексѣя Николаевича письмо, въ которомъ тотъ, между прочимъ, писалъ, что онъ видѣлъ мои рисунки для возобновленія теремовъ, что государь остался ими чрезвычайно доволенъ. Это было, сколько помню, въ 1835 г.

Затѣмъ, все дѣло о возстановленіи теремовъ какъ-то затянулось. Только къ веснѣ слѣдующаго 1836 года я получилъ отъ Боде предложеніе приступить къ работамъ по составленнымъ мною рисункамъ.

Возстановленіе теремовъ началъ я съ дверныхъ наличниковъ, которые были лѣпные и закрашены бѣлой клеевой краской. Чего нельзя было разобрать, то дополнялъ по общему характеру сохранившихся украшеній. Тоже самое сдѣлалъ и съ обстановкой теремовъ. На чердакахъ и въ подвалахъ загородныхъ дворцовъ (Измайловскомъ, Коломенскомъ и др.) были найдены мною нѣкоторыя древнія вещи, напримѣръ, стулъ, кресло; по нимъ уже не трудно было сдѣлать столько экземпляровъ, сколько требовалось для всѣхъ девяти комнатъ;—отыскался карнизъ кровати, для которой сдѣланы были подходящія по рисунку колонны; нашлись наволочки, подушки, коверъ, вышитый царевной Софьей Алексѣевной, столъ царя Алексѣя Михайловича; въ селѣ Коломенскомъ отыскали кафельную печку; такъ какъ нѣкоторые кафели оказались испорченными, то пришлось сдѣлать новые; отыскались нѣкоторыя и другія старинныя вещи. Собравши весь этотъ скарбъ, дополнивъ недостающія вещи новыми, сдѣланными по рисункамъ,

Библиотека "Руниверс"

тщательно составленнымъ мною съ разныхъ древнихъ украшеній и предметовъ, возобновили терема.

Къ концу 1836 г. работы были окончены [1]). Въ это время государь прибылъ въ Москву и, разумѣется, не преминулъ обозрѣть терема. Вставши у дверей, я съ большой тревогою и безпокойствомъ ожидалъ прибытія государя. Его величество пріѣхалъ и, сказавши мнѣ: «Здравствуй, Солнцевъ», сталъ обходить всѣ терема, не говоря почти ни слова. Князь В. В. Долгорукій, замѣтивъ мое безпокойство, сталъ утѣшать меня, что все сдѣлано отлично, что государь останется доволенъ и т. п. Вдругъ слышу голосъ Его Величества: «Солнцевъ, сюда!»

Я подошелъ.

Государь сказалъ:

— «Польза, честь и слава, нынѣ и присно, вовѣки вѣковъ, аминь». Пойдемъ, я представлю тебя императрицѣ. Не заживайся здѣсь; отдохни отъ трудовъ. Тебѣ здѣсь холодно; пріѣзжай въ Петербургъ, я тебя погрѣю.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, явился я къ Оленину. Онъ меня встрѣтилъ словами:

— Сходи къ князю П. М. Волконскому, тебѣ давно пожалованъ Владимірскій крестъ.

Тутъ только я понялъ, что значили слова государя: «польза, честь и слава»,—девизъ владимірскаго ордена.

Алексѣй Николаевичъ былъ очень доволенъ, что я получилъ орденъ, особенно тѣмъ, что помимо всякаго ходатайства. Онъ самъ повелъ меня на половину Елисаветы Марковны и сообщилъ ей о полученной мною наградѣ. Елисавета Марковна подарила ленту новому кавалеру и сама приколола орденъ. У Алексѣя Николаевича заведенъ былъ ужъ такой обычай, что всякій изъ знакомыхъ, получившій орденъ, обязанъ былъ отправляться на половину Елисаветы Марковны, и та раздавала ленты. Обыкновенныя же награды или подарки Алексѣй Николаевичъ отдавалъ самъ, но отдавалъ особеннымъ образомъ. Надобно замѣтить, что онъ вообще не любилъ заранѣе говорить о наградахъ, особенно о тѣхъ, которыя исходили отъ него лично, или по его ходатай-

---

[1]) Помощниками моими были: ученикъ московскаго архитектурнаго училища Герасимовъ и вольнопрактикующійся живописецъ Киселевъ. Ѳ. С.

Библиотека "Руниверс"

ству. Всѣмъ занимающимся у Оленина онъ обыкновенно дѣлалъ на праздники подарки. Бывало, придешь къ нему для обычныхъ занятій и сядешь на свое мѣсто; потомъ, вдругъ замѣтишь, что на столѣ положено предписаніе, а на предписаніе деньги.

Такъ награжденъ я былъ за возстановленіе древнихъ царскихъ теремовъ. Впрочемъ, не въ одномъ только этомъ случаѣ, а и во многихъ другихъ, довелось мнѣ удостоиться вниманія покойнаго государя.

Изъ множества случаевъ разскажу здѣсь объ одномъ событіи, которое никогда не изгладится изъ моей памяти.

Во время одной изъ первыхъ моихъ поѣздокъ въ Москву, государь неожиданно пріѣхалъ осмотрѣть Оружейную палату, въ которой я тогда занимался. Это было въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцѣ. По случаю холода, приходилось работать въ шинели. Какъ только сказали мнѣ о пріѣздѣ государя, я тотчасъ же снялъ съ себя шинель и скоро ужасно прозябъ. Увидавъ меня, государь сказалъ: «здравствуй, Солнцевъ», и пошелъ обозрѣвать Оружейную палату. Я послѣдовалъ за сопровожавшими государя лицами, въ числѣ которыхъ находились директоръ Оружейной палаты Ушаковъ, экзекуторъ и нѣкоторые другіе. Надъ дверями висѣли обыкновенные турецкіе флаги; государь обратилъ на нихъ вниманіе и спросилъ:

— Это что такое?

— Турецкія знамена,—отвѣчалъ экзекуторъ.

Замѣтивъ, что онъ не знаетъ, я тихонько сказалъ: «флаги». Слышалъ-ли это государь, или нѣтъ, только обратился къ экзекутору и замѣтилъ:

— Что ты путаешь,—это флаги.

Пошли дальше. Въ витринахъ лежали цѣпи, серебряныя вызолоченныя. Государь заинтересовался ими.

— Это цѣпи рындовъ [1]),—объяснилъ экзекуторъ.

Но государь, почему-то, не удовольствовался этимъ объясненіемъ,—подозвалъ меня и спросилъ о цѣпяхъ.

— Это, В. В-во., выводныя цѣпи для лошадей, назначенныхъ подъ сѣдло царя.

---

[1]) Въ старину, «рындами» назывались царскіе тѣлохранители. Ѳ. С.

Библиотека "Руниверс"

Государь обратился къ сопровождавшимъ его лицамъ и сказалъ:

— Не стыдно-ли вамъ. Столько лѣтъ служите здѣсь и ничего толкомъ объяснить не умѣете. Онъ лучше васъ знаетъ,—указывая на меня, сказалъ государь.

Послѣ этого государь взялъ меня подъ руку и приказалъ мнѣ объяснять все, достойное вниманія.

Такъ какъ я очень прозябъ и дрожалъ отъ холода, то государь, замѣтивъ это, спросилъ:

— Не озябъ-ли ты?

— Точно такъ, В. В-во.

— Подайте ему шинель!

Потомъ государь спросилъ меня:

— Давно-ли ты здѣсь занимаешься?

— Очень недавно, в. в-во,—отвѣчалъ я.

Потомъ я сталъ показывать государю разные предметы наиболѣе любопытные. Между прочимъ, я обратилъ вниманіе императора на бюсты знаменитыхъ людей Польши, изъ которой они и были привезены. Государь сказалъ:

— Поставить ихъ всѣхъ на лѣстницу.

Затѣмъ, государь осмотрѣлъ одинъ черный, запечатанный ящикъ, находящійся на столѣ и надъ нимъ польскія знамена; узнавши, что это была польская конституція, государь сказалъ:

— Положить эти знамена и конституцію подъ ноги императору [1]).

Наконецъ упомяну еще о томъ, что государь заинтересовался стрѣлецкими чугунными, снятыми съ стрѣлецкихъ могилъ, плитами съ надписями вязью. Когда государь узналъ, что, кромѣ меня, никто не могъ прочитать эти надписи, то изволилъ замѣтить:

— Вотъ, по 20 лѣтъ тутъ служатъ, и ничего не знаютъ.

На другой день государь пріѣхалъ въ Благовѣщенскій соборъ; потребовали меня сопровождать его величество. Въ соборѣ находилось много рѣдкихъ, замѣчательныхъ старинныхъ вещей.

Государь остался очень доволенъ обозрѣніемъ собора. Собор-

---

[1]) Т. е. Александру Павловичу, портретъ котораго висѣлъ, по близости, на стѣнѣ.

Ѳ. С.

Библиотека "Руниверс"

ный священникъ, видя, что его величество въ духѣ, обратился съ такимъ предложеніемъ:

— Не угодно-ли, в. в-во, подняться наверхъ; тамъ есть еще болѣе знаменитыя вещи.

Государь согласился. Стали взбираться вверхъ по лѣстницѣ, и священникъ вывелъ государя на крышу. Тутъ государь сказалъ:

— Не знаю, что покажешь интереснаго, а интересно пока лишь то, что вывелъ меня на крышу!

Простодушный священникъ обратилъ вниманіе государя на старинную, но весьма обыкновенную деревянную скамейку, расписанную разными красками, и на образъ въ новомъ окладѣ, хорошо, впрочемъ, сдѣланномъ. Государь сказалъ священнику:

— Ну, это не рѣдкость; а рѣдкость то, что назадъ поведешь меня опять по крышѣ.

Дѣйствительно, только и было интересно шествіе государя съ большою свитою по крышѣ собора, въ виду многочисленной толпы народа.

Многія изъ вещей, находящихся въ Оружейной палатѣ и въ Благовѣщенскомъ соборѣ, государь повелѣлъ мнѣ срисовать. Такъ, напримѣръ, образъ Донской Божіей Матери, царское мѣсто, всѣ головныя украшенія, такъ называемую корону Мономаха, короны — Астраханскую, Сибирскую, Казанскую и разныя другія вещи.

Кстати, скажу нѣсколько словъ объ Астраханской и Сибирской коронахъ.

Короны эти сдѣланы изъ кружевъ становыхъ царскихъ кафтановъ [1]). Когда, въ послѣдствіи, я послалъ рисунки съ этихъ коронъ Оленину, то, при этомъ, сообщалъ ему, что корона Астраханская сдѣлана при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, а Сибирская для Алексѣя Михайловича, по случаю его похоронъ. На Сибирской коронѣ водруженъ былъ крестъ; но такъ какъ во время покоренія

---

[1]) Становой кафтанъ было одѣяніе, въ которомъ наши великіе князья и цари вѣнчались на царство, принимали знатныхъ пословъ, пріобщались Св. Таинъ и еще надѣвали въ нѣкоторые (великіе) праздники. Одѣяніе это состояло: «изъ верхняго долгаго платья, съ широкими рукавами, обложенное по поламъ, рукавамъ и по подолу складными золотыми съ каменьями запонами, или кружевами...» Ѳ. С.

Библиотека "Руниверс"

Сибири христіанства тамъ не существовало, то креста на коронѣ не должно быть. Алексѣй Николаевичъ благодарилъ меня за эти свѣдѣнія, а Малиновскій, хотя и снялъ, по моему совѣту, съ короны крестъ, но запретилъ пускать меня въ архивъ.

Съ 1837 г. хотя я, время отъ времени, ѣздилъ въ нѣкоторые города для занятій древностями, но всетаки главное пребываніе мое было въ Москвѣ. Здѣсь предстояло мнѣ много работы и по непосредственнымъ высочайшимъ повелѣніямъ, и по предписаніямъ А. Н. Оленина.

Вскорѣ послѣ возобновленія древнихъ теремовъ государь повелѣлъ мнѣ возобновить находящіяся въ нихъ Рождественскую и Крестовоздвиженскую церкви. Затѣмъ, когда въ Петербургѣ найдены были походные иконостасы, по преданію, Петра Великаго, Грознаго и Елисаветы Петровны, то государь также приказалъ возобновить ихъ. По высочайшему же повелѣнію принималъ я участіе въ устройствѣ новаго Большаго дворца, построеннаго на мѣстѣ прежняго, послѣ 1812 г., на половину деревяннаго.

Покойный государь принималъ большое участіе во всемъ, что касалось художествъ и особенно древностей; но на возобновленіе Большаго дворца Его Величеству угодно было обратить особенное вниманіе.

Постройкою дворца завѣдывалъ К. А. Тонъ.

При этомъ напомню случай, который выдвинулъ Тона изъ неизвѣстности. Когда проектировалась постройка храма Екатерины Великомученицы въ Коломнѣ (въ Петербургѣ), то государю представлено было до восьми проектовъ. Но всѣ они не удостоились высочайшаго одобренія. Государь говорилъ:

— Что это все хотятъ строить въ римскомъ стилѣ; у насъ, въ Москвѣ, есть много прекрасныхъ зданій, совершенно въ русскомъ вкусѣ.

Тонъ пріѣхалъ по этому поводу къ А. Н. Оленину, который, указавши на мои и Ефимова рисунки, посовѣтывалъ ему сдѣлать что-нибудь въ этомъ родѣ. Тонъ составилъ проектъ русскаго храма XVII вѣка. Государю этотъ проектъ очень понравился. Тонъ пріобрѣлъ извѣстность и съ тѣхъ поръ начались въ Россіи постройки храмовъ и зданій въ русскомъ стилѣ.

При копаніи рвовъ для фундамента Большаго дворца въ Москвѣ, проломали стѣну изъ бѣлаго камня; внизу открылась

Библиотека "Руниверс"

церковь, наполненная пустыми дегтярными бочками. Это была церковь во имя Воскресенія Лазаря. Я возобновилъ ее.

Когда государь пріѣхалъ осматривать новый дворецъ, то долго любовался огромными его залами, и, затѣмъ, приказалъ приступить къ внутренней отдѣлкѣ дворца.

Тутъ мнѣ предстояло сдѣлать, прежде всего, рисунки для паркетныхъ половъ дворца. Впрочемъ, эта работа была для меня довольно легкою и я скоро ее исполнилъ.

Затѣмъ, довелось мнѣ составить рисунки ковровъ для комнатъ. Съ этого рода работами я былъ мало знакомъ; поэтому затруднялся удовлетворительно выполнить порученное мнѣ дѣло, тѣмъ болѣе, что каждый рисунокъ по отдѣлкѣ дворца представлялся на разсмотрѣніе государя.

Въ такомъ затрудненіи я обратился къ Боде за совѣтомъ.

— У меня дочери вышиваютъ ковры,—сказалъ онъ мнѣ; подите посмотрѣть.

Я отправился и увидѣлъ самые обыкновенные рисунки. Надо было заняться самому. Чрезъ нѣсколько времени я сдѣлалъ одинъ экземпляръ и представилъ его Боде, которому онъ очень понравился.

— А я еще посылалъ васъ учиться къ своимъ дочерямъ,— сказалъ онъ.

Послѣ этого, я началъ приготовлять рисунки для ковровъ. Всѣ они были одобрены государемъ; только относительно рисунка, назначеннаго мною для кабинета, Боде увѣдомилъ меня, что хотя рисунокъ этотъ «высочайше утвержденъ, но съ тѣмъ, чтобы по оному сдѣланъ былъ коверъ въ опочивальную, для кабинета же—попроще».

Затѣмъ, я составилъ рисунки деревянныхъ дверей для залъ дворца (георгіевской, александровской, андреевской и екатерининской) и для парадныхъ комнатъ. Рисунки дверей бронзированныхъ для георгіевской залы были утверждены государемъ. Относительно же рисунковъ для остальныхъ трехъ залъ и парадныхъ комнатъ, баронъ Боде, въ концѣ 1839 г., писалъ мнѣ:

«Для александровской залы Его В-во высочайше повелѣть соизволилъ сдѣлать двери позолоченныя на серебряномъ фонѣ, а для андреевской залы всѣ золотыя; фонъ матовый, а орнаменты полированные; на всѣхъ сихъ дверяхъ изобразить орденскіе знаки и ленты изъ финифти; въ екатерининской залѣ

Библиотека "Руниверс"

обить двери краснымъ бархатомъ съ серебрянымъ украшеніемъ и орденскими знаками изъ кованаго серебра. Всѣ же прочія двери для парадныхъ аппартаментовъ ихъ в-въ сдѣлать обложенныя цвѣтнымъ деревомъ съ вызолоченными орнаментами».

Я такъ и сдѣлалъ.

Кромѣ работъ моихъ по внутренному украшенію Большаго новаго дворца, я занимался, въ тоже время, археологическими изысканіями, по порученіямъ А. Н. Оленина, не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ; ѣздилъ въ Александровъ, Суздаль, Владиміръ и др. Алексѣй Николаевичъ всегда былъ доволенъ моими изысканіями. Особенно онъ благодарилъ меня за найденное мною въ Александровѣ «новое археологическое сокровище»—то были бронзовыя двери храма временъ Василія, архіепископа новгородскаго. На этихъ дверяхъ насѣчено золотой проволокой 12 годовыхъ праздниковъ и многихъ святыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ 30-го сентября 1838 г., Оленинъ писалъ мнѣ:

«Г. академикъ Имп. академіи наукъ Бросе проситъ васъ убѣдительнѣйше, черезъ меня, срисовать наивѣрнѣйшимъ образомъ ковчегъ, находящійся въ ризничей Успенскаго собора въ Москвѣ, въ которомъ хранился или и теперь хранится гвоздь, коимъ Іисусъ Христосъ былъ пригвожденъ къ кресту. Сей ковчегъ, по словамъ Бросе, имѣетъ слѣдующій видъ [1]) и на нижней части онаго находится грузинская надпись, которую прошу васъ срисовать или прорисовать вѣрнѣйшимъ образомъ».

Я срисовалъ этотъ ковчегъ и представилъ его Алексѣю Николаевичу

Въ томъ же 1838 году, по мысли Алексѣя Николаевича, произведены были опыты литографированія моихъ рисунковъ для предполагавшагося изданія «древностей Россійскаго государства», для котораго уже давно собиралъ я рисунки. По этому поводу, Оленинъ писалъ мнѣ:

«Благодаря васъ за исполненіе въ точности данныхъ вамъ порученій и за успѣхи ваши въ отысканіи рѣдкой нашей старины, для пополненія начатаго вами драгоцѣннаго собранія рисунковъ для предполагаемаго изданія древностей Россійскаго государства,—я желалъ бы, при томъ, знать, когда вы можете явиться въ нынѣшнемъ году въ нашу сѣверную столицу (вмѣстѣ съ вашею новою работою), гдѣ я васъ, съ моей стороны, встрѣчу первымъ и удачнымъ опытомъ предполагаемаго изданія древностей русскихъ и другихъ въ Россіи находящихся. Объ успѣхѣ первыхъ нашихъ испытаній, посредствомъ литографіи, скажу только вамъ, что Карлъ Брюловъ отъ нихъ въ восхищеніи».

---

[1]) Представленный Бросе рисунокъ былъ невѣренъ; къ тому же это была только крышка, а не самый ковчегъ, похищенный французами въ 1812 г. Ѳ. С.

Библиотека "Руниверс"

Всѣ эти начинанія Алексѣя Николаевича по изданію русскихъ «древностей» какъ-то затянулись. Только въ 1846 г. состоялось это изданіе, благодаря щедротамъ покойнаго государя, пожертвовавшаго изъ собственныхъ денегъ 100,000 руб. (асс.). Притомъ же, государь приказалъ самое изданіе «возложить на особый комитетъ, составивъ оный въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ попечителя Московскаго учебнаго округа, генералъ-адъютанта гр. С. Г. Строганова, изъ директора Оружейной палаты Загоскина, помощника его Вельтмана, члена археографической коммисіи П. М. Строева, профессоровъ Московскаго университета Погодина и Шевырева», и меня, во время нахожденія моего въ Москвѣ. «Древности» изданы были въ ограниченномъ количествѣ, всего 600, экземпляровъ. Теперь это изданіе т. е. полные его экземпляры, составляетъ большую рѣдкость.

Почти два года, 1839—1840, я занятъ былъ по изготовленію рисунковъ для новаго Большаго кремлевскаго дворца. Въ теченіе этого времени Алексѣй Николаевичъ не однажды просилъ меня доставить ему точныя копіи съ рисунковъ, принадлежащихъ г. Черткову, изображающихъ в. к. Святослава Игоревича.

«Сверхъ того, — писалъ мнѣ Оленинъ, — прошу васъ увѣдомить меня: гдѣ вы спрятали рисунокъ древняго греческаго корабля, рисованнаго очерками покойнымъ Мамоновымъ, и который вы, предъ отъѣздомъ вашимъ въ Москву, мнѣ еще показывали и спрятали куда-то для сохранности, но вотъ уже нѣсколько времени, какъ я его ищу, и не могу нигдѣ найти».

Разумѣется, я не преминулъ исполнить это требованіе Алексѣя Николаевича, и, сверхъ того, послалъ ему рисунокъ «Послы московскіе во Флоренціи, въ XVII столѣтіи».

Затѣмъ, въ сентябрѣ 1841 г., Алексѣй Николаевичъ просилъ меня «убѣдительнѣйше сдѣлать справку съ документами: можно-ли считать шишакъ татарскій того рода, который называется въ Оружейной палатѣ ерихонецъ, принадлежавшимъ в. к. Александру Невскому».

«Прошу васъ объ этомъ сдѣлать обстоятельное изслѣдованіе и доставить безъ замедленія, ибо это дѣло въ родѣ жезла 1638 г.,—вамъ столь извѣстнаго, если я въ числахъ не ошибаюсь».

На это я отвѣчалъ, что шишакъ дѣйствительно принадлежалъ Невскому; но что въ послѣдующее время онъ разукрашенъ былъ разными камнями и насѣчками изъ золота, съ татарскими надписями.

Библиотека "Руниверс"

Здѣсь упомяну еще, что, въ одно изъ путешествій моихъ по древне-русскимъ городамъ, я рисовалъ костюмы крестьянокъ Тульской, Тверской, Новгородской и др. губерній. Затѣмъ, рисунки эти были сдѣланы акварелью и, въ 1842 г. представлены покойному государю.

Теперь разскажу кое-что изъ того, что сохранилось въ моей памяти за время пребыванія моего въ тѣ годы въ Москвѣ.

Съ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ лично мнѣ мало приводилось бесѣдовать, и то единственно по случаю моихъ работъ.

Необходимо мнѣ было срисовать образъ грузинской Божіей Матери, находящійся въ Успенскомъ соборѣ. Я пришелъ къ митрополиту за разрѣшеніемъ.

— «Потрудись, — сказалъ мнѣ митрополитъ, — передать отъ меня ключарю, чтобы онъ распорядился снять образъ».

Я передалъ это приказаніе ключарю, который, однако же, не хотѣлъ тотчасъ же исполнить его.

— «Придите завтра,—сказалъ мнѣ ключарь. Вѣдь нельзя же вдругъ снять образъ, въ немъ пудовъ 50, а то, пожалуй, и больше».

Когда я передалъ такой отвѣтъ митрополиту, то онъ тутъ же призвалъ къ себѣ ключаря и сказалъ ему:

— «Такъ, по твоему, икона вѣситъ 50 пудовъ? Полно лгать! Ты самъ не хочешь дѣлать, да еще и другимъ не даешь! Чтобы сейчасъ же снята была икона — слышишь?»

Икона внезапно сдѣлалась легка и ее сняли.

Архимандритъ Симонова монастыря Мельхиседекъ, по случаю храмоваго праздника, пригласилъ митрополита отслужить обѣдню. По окончаніи обѣдни, митрополиту предложена была трапеза, на что онъ согласился. За обѣдомъ, одинъ протоіерей сказалъ митрополиту:

— «Ваше преосвященство! Какъ вы похудѣли! Какія у васъ худыя руки! Вы это постомъ и молитвою такъ себя угнетаете».

Филаретъ сказалъ:

— «Этого скота (указавъ на тѣло) надо угнетать».

Библиотека "Руниверс"

— Но сказано, — замѣтилъ кто-то изъ присутствовавшихъ: «блаженъ, иже и скоты милуетъ, паче же свою плоть».

Это понравилось Филарету.

Одинъ молодой человѣкъ, только что окончившій курсъ въ духовной академіи, пользовался за свои успѣхи въ наукахъ отличнымъ расположеніемъ Филарета и всѣ были увѣрены, что митрополитъ дастъ ему въ Москвѣ видное мѣсто. Молодой человѣкъ часто бывалъ у митрополита и тотъ всегда ласково принималъ его. Однажды онъ зашелъ въ 12 часовъ дня. Митрополиту подали маленькую рюмочку водки. Святитель предложилъ молодому человѣку выпить.

— Не рано-ли, ваше высокопреосвященство, — простодушно произнесъ молодой человѣкъ, разумѣя себя, что онъ еще не идетъ обѣдать.

Митрополитъ промолчалъ, благословилъ его и отпустилъ съ миромъ.

Дня черезъ два, молодой человѣкъ, бывшій уже священникомъ, вдругъ получаетъ приказаніе явиться въ консисторію; здѣсь онъ узнаетъ, что митрополитъ назначилъ его въ такой-то приходъ, одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ и отдаленныхъ сельскихъ приходовъ. Подивился такому назначенію священникъ, погоревалъ; но дѣлать было нечего: отправился къ мѣсту своего служенія.

Прошли мѣсяцы, годы... священникъ хлопочетъ о переводѣ въ другой, лучшій приходъ, подаетъ прошенія; Филаретъ надписываетъ: «не рано-ли?»; на новомъ прошеніи опять та же резолюція.

Тутъ только понялъ священникъ, что при свиданіи съ митрополитомъ онъ сказалъ слово необдуманное и, павъ къ стопамъ іерарха, восплакался о прощеніи и бысть ему помилованіе, но послѣ испытанія нѣсколькихъ лѣтъ.

Вотъ еще разсказъ, уцѣлѣвшій въ моей памяти:

Окончившій курсъ, сколько помню, въ инженерномъ корпусѣ, Брянчаниновъ поступилъ въ монахи. Чрезъ нѣсколько времени его назначили архимандритомъ. Послѣ посвященія, Брянчаниновъ представился покойному государю. Государь шутливо сказалъ ему:

— «Не будь такъ уменъ, какъ Филаретъ, и набоженъ, какъ Фотій».

Библиотека "Руниверс"

VII.

Смерть А. Н. Оленина.—Мои поѣздки въ Кіевъ и др. города.—Возстановленіе древней живописи въ кіевскомъ Успенскомъ соборѣ.—Открытія въ кіевскомъ Софійскомъ соборѣ.—Кіевскія пещеры и мощи.—Пріѣзды императора Николая въ Кіевъ.—А. Н. Демидовъ.—Преподаваніе живописи и иконописанія въ С.-Петербургской духовной семинаріи.—Труды послѣдняго времени.

1843—1876.

Грустныя, тяжелыя чувства наполняютъ мою душу при воспоминаніи о 1843 годѣ. Въ апрѣлѣ этого года скончался незабвенный для меня А. Н. Оленинъ...

Уже нѣсколько лѣтъ Алексѣй Николаевичъ жаловался на разные болѣзненные припадки, вообще на нездоровье, которое происходило частію отъ преклонныхъ лѣтъ, но, кажется, болѣе отъ непрестанныхъ его занятій. Особенно постарѣлъ, опустился Алексѣй Николаевичъ послѣ смерти жены своей, Елисаветы Марковны, умершей лѣтомъ 1838 г. Припоминаю, что когда хоронили Елисавету Марковну, то Алексѣй Николаевичъ былъ очень убитъ горемъ и, при спускѣ гроба въ могилу, сказалъ:

— Скоро будетъ и моя кончина; я половину себя потерялъ.

Въ 1842 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, Оленинъ рѣшился подать прошеніе объ отставкѣ. Однажды, я пришелъ, по обыкновенію, къ Алексѣю Николаевичу; онъ попросилъ меня переписать составленное имъ прошеніе объ отставкѣ и отвезти его къ кн. Волконскому. Когда я исполнилъ это, Алексѣй Николаевичъ сказалъ мнѣ:

— Ты не оставляй меня, Ѳедоръ Григорьевичъ. Мнѣ остается жить только нѣсколько дней.

Дѣйствительно, Алексѣй Николаевичъ былъ очень слабъ. Около 11 часовъ вечера, я проводилъ его до постели и простился. На другой день, рано утромъ, пріѣхалъ ко мнѣ курьеръ съ приглашеніемъ немедленно явиться къ Оленину. Я перепугался, думая, что за-ночь Алексѣю Николаевичу сдѣлалось хуже. Но опасеніе мое оказалось, на этотъ разъ, напраснымъ. Когда я пришелъ къ Алексѣю Николаевичу, то засталъ его одѣвающимся передъ зеркаломъ въ полную парадную форму.

— Посмотри,—сказалъ онъ; государь прислалъ мнѣ записку,

Библиотека "Руниверс"

въ которой говоритъ, что не выпуститъ меня въ отставку и проситъ меня служить до конца дней моихъ. Если же при моемъ слабомъ здоровьѣ и недосмотрѣ встрѣтятся какія-нибудь упущенія или ошибки, то въ отвѣтѣ за нихъ будутъ мои помощники. Надо ѣхать къ государю. Ты проводи меня.

Мы отправились во дворецъ, вошли въ Бѣлую залу и стали ожидать государя. Чрезъ нѣсколько минутъ въ залѣ появилась императрица, въ колясочкѣ, которую везли двое великихъ князей, кажется, Николай и Михаилъ Николаевичи. Увидѣвъ Оленина, государыня встала, ласково спросила его о здоровьѣ и, обращаясь къ ихъ вычочествамъ, сказала:

— Дѣти! отвезите Алексѣя Николаевича къ государю.

Я остался дожидаться въ Бѣлой залѣ. Отъ государя Оленинъ вышелъ бодрый и веселый. Повидимому ласковый пріемъ государя и внимательность императрицы пробудили угасавшую жизнь Алексѣя Николаевича, но увы! пробудили не надолго.

Изъ дворца мы поѣхали въ академію художествъ; войдя въ столовую, Оленинъ попросилъ себѣ кусокъ чернаго хлѣба и стаканъ квасу. Изъ академіи мы заѣхали къ Смурову, у котораго Алексѣй Николаевичъ съѣлъ нѣсколько устрицъ, а по пріѣздѣ домой, приказалъ подать осетрины съ квасомъ. Такъ позавтракалъ человѣкъ, еще наканунѣ бывшій почти уже въ объятіяхъ смерти.

За нѣсколько дней до смерти Оленина, мнѣ надо было представить свои рисунки Его Величеству, но при этомъ требовалось приложить записку Алексѣя Николаевича. Такъ какъ въ это время онъ уже почти не могъ писать, то я написалъ записку самъ; слѣдовательно, оставалось только подписать ее. Не рѣшаясь безпокоить больнаго, я обратился къ Аннѣ Алексѣевнѣ, чтобы она попросила отца подписать мою бумагу. Съ великимъ трудомъ Алексѣй Николаевичъ подписалъ ее, и для меня—въ послѣдній разъ. Больной скончался тихо и спокойно въ субботу на Пасхѣ...

Похоронили Алексѣя Николаевича въ Александро-Невскомъ монастырѣ, рядомъ съ могилою Елисаветы Марковны. Излишне, я думаю, прибавлять, что похороны были великолѣпныя, съ большимъ почетомъ, и что не только я, но многіе, весьма многіе искренно сожалѣли объ утратѣ столь рѣдкаго человѣка... И. А. Крыловъ былъ въ отчаяніи.

Библиотека "Руниверс"

Вскорѣ послѣ смерти Алексѣя Николаевича, я долженъ былъ отправиться въ Кіевъ для обычныхъ моихъ изысканій по части русскихъ древностей. Въ концѣ 1842 г. кто-то, какъ я слышалъ донесъ государю, что, при поправкахъ и передѣлкахъ кіевскаго Успенскаго собора, производимыхъ по распоряженію митрополита кіевскаго Филарета, начали портить будто бы единственную живопись XVII в. Для провѣрки этого обстоятельства со стороны академіи назначенъ былъ профессоръ А. Т. Марковъ, о чемъ и представлено особымъ докладомъ государю. Государь зачеркнулъ фамилію Маркова и написалъ мою. Съ этого именно времени, покойный государь Николай Павловичъ принялъ меня подъ свое августѣйшее покровительство, такъ что всѣ послѣдующія мои командировки въ разные древне-русскіе города, до самой кончины императора, назначались по высочайшему повелѣнію.

По пріѣздѣ въ Кіевъ, я представился тамошнему военному губернатору Д. Г. Бибикову, который принялъ меня ласково и привѣтливо, потомъ оказывалъ мнѣ постоянное вниманіе, такъ что въ послѣдствіи мы находились въ очень хорошихъ отношеніяхъ. Затѣмъ, я отправился къ митрополиту Филарету и сказалъ ему, что пріѣхалъ по высочайшему повелѣнію осмотрѣть Успенскій соборъ. Митрополитъ велѣлъ показать мнѣ все, что только было интереснаго и замѣчательнаго.

Немедля приступилъ я къ разсмотрѣнію живописи собора, которая была, будто бы, попорчена живописцами. Митрополитъ очень интересовался узнать отъ меня, правильно ли воспроизводится живопись, не сдѣлано ли въ чемъ какой нибудь ошибки? Я отвѣчалъ митрополиту, что какой-либо особенной ошибки въ живописи не замѣтилъ, но что возобновляется она нѣсколько ярко. Затѣмъ, я показалъ живописцамъ, какъ слѣдовало возобновлять старинную живопись и донесъ кн. Волконскому, что порчи ея мною не найдено.

Недѣли черезъ три послѣ этого, именно въ іюнѣ 1843 г., я получилъ отъ кн. Волконскаго слѣдующее предписаніе:

«На основаніи высочайшаго повелѣнія, предписываю вамъ, по окончаніи въ Кіевѣ возложеннаго на васъ порученія, осмотрѣть монастыри, соборныя и приходскія церкви, какъ въ Кіевѣ, такъ въ Витебскѣ, Могилевѣ и Черниговѣ, на возвратномъ пути, и снять рисунки съ имѣющихся тамъ древностей».

Библиотека "Руниверс"

Исполнивъ это порученіе, я возвратился въ Петербургъ и представилъ мои рисунки кн. Волконскому.

Не прошло, кажется, и нѣсколькихъ дней послѣ этого, какъ мнѣ вновь предписано было немедленно ѣхать въ Кіевъ и ожидать тамъ государя. Надобно замѣтить, что всякій разъ, когда государю угодно было посѣтить Кіевъ, мнѣ вмѣнялось въ обязанность находиться тамъ же; такъ случилось и теперь.

Еще въ первую, недавнюю предъ тѣмъ мою поѣздку въ Кіевъ, я обратилъ вниманіе на извѣстный Кіево-Софійскій соборъ. Митрополитъ поручилъ мнѣ составить смѣту для починки этого собора, такъ какъ этотъ храмъ былъ въ страшномъ запустѣніи. Обозрѣвая соборъ, я замѣтилъ въ куполахъ подъ крышею живопись, которая показалась мнѣ очень древнею, и немедленно сообщилъ объ этомъ митрополиту, прибавивъ, что живопись эта можетъ оказаться весьма замѣчательною, а потому надлежало бы донести о ней государю, чтобы вѣрнѣе ее изслѣдовать. Въ ожиданіи прибытія государя, я сталъ заниматься въ соборѣ и сдѣлалъ въ немъ чрезвычайно любопытныя археологическія открытія.

Сколько помню, въ сентябрѣ 1843 г. пріѣхалъ государь и остановился въ домѣ военнаго губернатора Бибикова, изъ оконъ котораго видна лаврская колокольня. На другой день государь слушалъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, и здѣсь сказалъ мнѣ: «приходи въ 5 часовъ». Я пришелъ. Государь немедленно потребовалъ меня къ себѣ.

— Ну, что ты подѣлываешь? Тебя не любятъ тамъ?—спросилъ государь и указалъ на монастырь.

Я сталъ докладывать о своихъ занятіяхъ, между тѣмъ государь внимательно разсматривалъ представленные мною рисунки, и когда дошелъ до разрѣзовъ и чертежей Кіево-Софійскаго собора, то спросилъ:

— Это что?

— На рисункѣ представлено, В. В., семь куполовъ; но на чердакахъ собора я нашелъ, что всѣхъ куполовъ 13. Кромѣ того, въ соборѣ, по моему мнѣнію, есть очень древняя живопись, которая можетъ разрушиться только вмѣстѣ съ стѣнами.

— Да чѣмъ ты это докажешь?

— Тѣмъ, В. В, что здѣсь въ древней штукатуркѣ нѣтъ песку,—а только растительный клей. Мнѣ удалось въ нѣкото-

Библиотека "Руниверс"

рыхъ мѣстахъ отбить наносную новую штукатурку, и я замѣтилъ нѣчто похожее на изображенія, поэтому и полагаю, что на стѣнахъ есть старинная живопись.

— Открой мнѣ это,—сказалъ государь и милостиво простился со мною.

На другой день, рано утромъ, я отправился къ ключарю Софійскаго собора и, отъ имени государя, просилъ тотчасъ же проводить меня въ соборъ. Ключарь не замедлилъ. Въ одномъ мѣстѣ мы отбили немного наносной штукатурки и совершенно явственно обозначились двѣ фигуры, съ которыхъ я тутъ же и нарисовалъ кроки. Сомнѣнія въ существованіи древней живописи на внутреннихъ стѣнахъ собора не оставалось никакого. Такъ, благодаря благосклонному вниманію и покровительству покойнаго государя Николая Павловича, довелось мнѣ срисовать фрески и открыть нынѣ столь извѣстныя въ археологіи мозаики Кіево-Софійскаго собора, одного изъ замѣчательнѣйшихъ въ нашемъ отечествѣ памятниковъ — XI-го вѣка [1]).

Лѣтомъ слѣдующаго (1844) года я пріѣхалъ въ Кіевъ для откры-

---

[1]) Кіевскій соборъ св. Софіи построенъ въ XI в., при великомъ кн. Ярославѣ, и, затѣмъ, въ теченіе многихъ вѣковъ подвергался столь большимъ разореніямъ, перемѣнамъ и переворотамъ, что становится удивительнымъ, какъ могло отъ него что-либо уцѣлѣть и сохраниться. Кіевс-Софійскій храмъ грабили не только внѣшніе непріятели, но и нѣкоторые русскіе князья, во время смутъ и усобицъ. Въ XIII стол. (1240 г.) отъ нашествія татаръ послѣдовало чуть-ли ни совершенное опустошеніе Кіево-Софійской церкви, такъ какъ самый Кіевъ находился въ развалинахъ и потомъ долгое время сохранялъ видъ какой-то деревни. Съ половины XIII в. митрополиты кіевскіе не жили въ Кіевѣ, но во Владимірѣ-на-Клязьмѣ или въ Москвѣ (съ 1325 г.), и управляли своей заднѣпровской паствой чрезъ намѣстниковъ; къ тому же, въ это именно время (1320 г.), кіевскою областью овладѣлъ язычникъ, литовскій князь Гедиминъ. Вѣроятно, что при этихъ злополучныхъ обстоятельствахъ Софійскій храмъ лишился кровли, въ сводѣ алтаря получилъ длинную трещину, а въ среднемъ продольномъ сводѣ западная его часть совершенно обрушилась, да и вся западная стѣна церкви обратилась въ развалины. Слѣдующія послѣ св. Петра митрополиты московскіе (по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ) старались сдѣлать существенныя исправленія поврежденій Кіево-Софійскаго храма; но когда этотъ храмъ поступилъ во владѣніе уніатовъ (въ концѣ XVI в.), то послѣдними онъ доведенъ былъ до страшнаго запустѣнія; по свидѣтельству современниковъ, церковь св. Софіи «была почти до основанія опустошена, оборвана и запущена».

Вскорѣ послѣ того, какъ Софійскій храмъ отобранъ былъ отъ уніатовъ и митрополитомъ кіевскимъ поставленъ Петръ Могила (1632 г.), началось

Библиотека "Руниверс"

тія и, затѣмъ, возобновленія древней живописи Софійскаго собора. Когда отъ меня узналъ объ этомъ митрополитъ Филаретъ, то сталъ говорить, что такая затѣя не поведетъ къ добру и что онъ будетъ жаловаться государю.

Дѣйствительно, митрополитъ сдержалъ свое слово. Помнится, осенью государь пріѣхалъ въ Кіевъ и посѣтилъ Софійскій соборъ. Филаретъ не преминулъ воспользоваться этимъ случаемъ и сказалъ его величеству:

— В. В., открытіе и возобновленіе древней живописи здѣшняго собора повлечетъ старовѣровъ къ поощренію въ ихъ лжемудріяхъ.

исправленіе и возстановленіе Ярославова храма. Работы эти производились частію на средства самого Петра Могилы, частію на счетъ доброхотныхъ пожертвованій православныхъ людей, особенно же на счетъ милостыни, получаемой отъ царей Московскихъ и всея Руси. «При возобновленіи Софійскаго храма, для предохраненія древнихъ стѣнъ отъ разрушенія, выведенъ съ южной и сѣверной стороны, надъ нижними галлереями, верхній этажъ, вровень съ первобытною церковію, а западная разрушенная галлерея осталась открытою въ родѣ крыльца. Увлекаясь этою необходимостію, зодчіе надстраивали вновь многіе куполы и фронтоны, расширяли нѣкоторыя окна, а къ боковымъ придѣламъ подвели до верху контрфорсы, и тѣмъ самымъ совершенно измѣнили древній фасадъ Ярославовой церкви». («Описаніе Кіева» Н. Закревскаго, Москва, 1868 г. т. II, стр. 783).

Почти съ половины XVII в., особенно же къ концу его, кіевская митрополія находилась въ великомъ разстройствѣ отъ уніатовъ; поэтому митрополиты кіевскіе до Гедеона (1685 г.) вовсе не жили въ Кіевѣ. Въ это время Софійскій храмъ опять пришелъ въ ветхость, лишился многихъ своихъ угодій, вещей и актовъ. Гедеонъ всѣми силами старался объ исправленіи и украшеніи св. Софіи,—испросилъ у царей Іоанна и Петра Алексѣевичей разные церковные сосуды, утварь и облаченія, большой колоколъ и пр.; а передъ смертію завѣщалъ этому храму большую часть собственныхъ денегъ и драгоцѣнностей,

Затѣмъ, въ теченіе XVIII в. сдѣланы были болѣе или менѣе капитальныя починки, поправки и украшенія Софійскаго собора. Такъ, въ 1721 г. «каѳедральная церковь внутрь и извнѣ на преддверіи иконописствомъ украшена», въ 1741 г. — «врата сребро-позлащенные къ новому иконостасу имѣли дѣлатися». При митрополитѣ Арсеніи Могилянскомъ (1757 — 1770 гг.), на его деньги, куполы собора покрыты бѣлымъ желѣзомъ, маковицы вызолочены, ризница обогащена, мѣстныя иконы украшены дорогими окладами, расписаны столбы и стѣны на хорахъ и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что въ археологическомъ отношеніи всѣ подобныя поправки и передѣлки не могутъ быть оправданы; каждый памятникъ старины долженъ носить на себѣ отпечатокъ современнаго ему творчества, быть живымъ, нагляднымъ изображеніемъ той древней эпохи, къ которой относится по своему происхожденію. Конечно, это трудно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже невозможно, но знаніе и искусство много помогаютъ дѣлу. Вотъ почему возобновленіе Кіево-Софійскаго собора и было поручено Ѳедору Григорьевичу Солнцеву. Ред.

Библиотека "Руниверс"

— Я, владыко, не смотрю, какъ молятся, лишь бы молились,— замѣтилъ государь. Ты любишь старину и я люблю. Теперь въ Европѣ дорожатъ малѣйшею старинною вещью. А мы, возобновляя древнюю живопись, можемъ ли думать, что оказываемъ предпочтеніе старовѣрамъ. Вздоръ. Не противорѣчь.

Митрополитъ ничего не сказалъ на это и молча сопровождалъ государя. — Бибиковъ шелъ со мною сзади и чуть слышно сказалъ мнѣ: «наша беретъ». Замѣчу кстати, что въ послѣдствіи митрополитъ, вникнувъ и разсмотрѣвъ мои работы по возобновленію живописи, въ которыхъ принималъ участіе старецъ инокъ Иринархъ, не находилъ уже въ этомъ никакого предпочтенія старовѣрамъ [1]).

Кромѣ занятій моихъ по возстановленію древней живописи Софійскаго собора, я занимался и другими работами; дѣлалъ рисунки нѣкоторыхъ храмовъ, внутренности собора Кіево-Печерской лавры и проч. Были у меня занятія и другаго рода. Напримѣръ, когда, по высочайшему повелѣнію, учреждена была въ 1844 г., подъ предсѣдательствомъ Бибикова, «Временная коммисія для разбора древнихъ актовъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній», то меня избрали почетнымъ членомъ этой коммисіи и въ бытность въ Кіевѣ я принималъ участіе въ ея трудахъ.

Во время моихъ частыхъ поѣздокъ въ Кіевъ, я, между прочимъ, весьма интересовался кіевскими пещерами и мощами, столь извѣстными въ нашемъ православномъ отечествѣ. Неумѣстно распространяться въ моихъ личныхъ воспоминаніяхъ объ этихъ предметахъ, и потому скажу объ нихъ лишь нѣсколько словъ.

Извѣстно, что кіевскія пещеры идутъ подъ землею, въ иныхъ мѣстахъ, въ три яруса и продолжаются отъ Кіево-Печерской лавры, въ одну сторону, къ Межигорскому монастырю, верстъ на 30,

---

[1]) О трудахъ нашихъ на одной изъ арокъ собора сдѣлана вязью слѣдующая надпись: «Во славу ипостасной Премудрости Божіей, повелѣніемъ Благочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго Великаго Государя Императора Николая Павловича, благословеніемъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода и преосвященнаго Филарета, митрополита Кіевскаго и Галицкаго, при Кіевскомъ военномъ губернаторѣ, генералъ-адъютантѣ Бибиковѣ, обновися сей храмъ по открытымъ древнимъ фрескамъ и новою живописью, внутреннею и внѣшнею позолотою, подъ руководствомъ академика Солнцева, трудами соборнаго старца Кіево-Печерскія лавры Иринарха, лѣта отъ Рождества Христова 1851». Ѳ. С.

Библиотека "Руниверс"

а въ противоположную сторону верстъ на 18. Эти пещеры устроены изъ древнихъ, такъ называемыхъ, варяжскихъ пещеръ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ столь узки и низки, что съ трудомъ можно въ нихъ проползать.

Однажды, я рѣшился заглянуть собственно въ древнія варяжскія пещеры, надѣясь что нибудь найти тамъ по части древностей; пригласилъ съ собой нѣсколько человѣкъ монаховъ, взялъ конецъ англійской нитки, зажегъ свѣчу, и мы двинулись. Я былъ впереди, когда слѣдовало двигаться одному за другимъ. Такъ прошло нѣсколько времени, и я проползъ ужъ сажень съ 50. Страшно дѣлалось: казалось, что вотъ-вотъ обрушится сверху земля. Вдругъ свѣча моя погасла; я принужденъ былъ вернуться. Товарищи-монахи, вызвавшіеся сопровождать меня, признались, что они не проползли и десяти сажень, какъ оставили меня одного въ пещерахъ.

Во время этого обозрѣнія пещеръ, я нашелъ лишь нѣсколько старинныхъ стеклянныхъ блюдъ и колпаковъ, въ которыхъ нѣкогда хранились мѵроточивыя главы.

Кстати—о послѣднихъ.

Въ той части пещеръ, которая доступна для всѣхъ богомольцевъ, мѵроточивыя главы лежатъ на блюдахъ, прикрытыя особаго устройства колпаками; изъ главъ сочится на эти блюда по каплямъ мѵро, что-то къ родѣ безцвѣтнаго и безвкуснаго масла, на видъ жиже обыкновеннаго деревяннаго, нѣжно-пріятнаго запаха.—Однажды, при мнѣ былъ такой случай: — мой знакомый докторъ Савенко не вѣрилъ, чтобы изъ главъ могло истекать мѵро, и при томъ безпрерывно; онъ думалъ, что это продѣлка монаховъ. Поэтому, какъ только случилось ему быть въ Кіевѣ, онъ не преминулъ сдѣлать относительно этого опытъ, разумѣется, съ разрѣшенія монастырскихъ властей. Опытъ состоялъ въ томъ, что Савенко взялъ одну изъ мѵроточивыхъ главъ, вытеръ ее насухо сукномъ внутри и снаружи, — точно также вытеръ и сосудъ, обвязалъ все это протечной бумагой и запечаталъ. Дверь комнаты, гдѣ оставлена была глава, тоже запечатали. На другой день Савенко пришелъ, самъ распечаталъ главу и въ сосудѣ оказалось мѵро.

Мощи зашиты обыкновенно въ шелковую матерію; открытой остается только какая нибудь часть мощей. Это сдѣлано вслѣд-

Библиотека "Руниверс"

ствіе того отчасти, что раскольники нерѣдко откусывали члены и уносили съ собой. Мощи кажутся темнымъ, высохшимъ, сморщеннымъ тѣломъ, на которомъ явственно обозначаются мускулы. Достойно замѣчанія, что подъ Кіевскими соборами есть нетлѣнныя тѣла лицъ, и не признаваемыхъ святыми. Такъ въ кіевскомъ Успенскомъ соборѣ хранится Павелъ-нетлѣнный, бывшій сибирскимъ епископомъ. Онъ не признанъ святымъ. Въ гробу его есть трещина, чрезъ которую видно, что ни тѣло почившаго епископа, ни платье его нисколько не испортились, между тѣмъ, онъ лежитъ тутъ около ста лѣтъ; но тутъ-же, вблизи гроба Павла-нетлѣннаго, стоитъ другой гробъ, въ которомъ покоится тѣло, кажется, митрополита Рафаила, которое значительно разложилось.—На своемъ вѣку я много осмотрѣлъ мощей, покоющихся при различныхъ физическихъ условіяхъ почвы и воздуха, и пришелъ къ искренному убѣжденію, что въ сохраненіи ихъ нетлѣнными видна всемогущая сила Божія.

Мощи знаменитаго лѣтописца Нестора находятся въ довольно жалкомъ положеніи: для нихъ сдѣланъ, на деньги, пожертвованныя гр. Орловой-Чесменской, кипарисовый гробъ, у котораго прибита бронзовая доска отъ московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ. Впрочемъ, въ концѣ 1840-хъ годовъ, Анатолій Николаевичъ Демидовъ задумалъ украсить нишу и гробъ Нестора. Онъ задалъ по этому случаю великолѣпный обѣдъ и сказалъ, что жертвуетъ 27,000 руб. Мнѣ поручено было составить проектъ; ниша предполагалась бронзовая, а монументъ изъ малахита и краснаго камня. Я составилъ проектъ, но онъ остался неисполненнымъ, а о пожертвованіи своемъ Демидовъ забылъ.

Вообще, Демидовъ былъ странный человѣкъ и большой чудакъ. Я познакомился съ нимъ въ 1847 или 1848 году. Демидовъ имѣлъ огромное состояніе; съ своихъ имѣній онъ получалъ чистаго доходу до 24,000 руб. въ сутки. Жилъ большею частію за границею, и только время отъ времени пріѣзжалъ не надолго въ Петербургъ. Онъ снималъ обыкновенно множество комнатъ въ отелѣ Наполеонъ, въ Большой Морской улицѣ; въ верхнемъ этажѣ жили секретари Демидова, а средній этажъ онъ занималъ самъ. Демидовъ безпрестанно требовалъ къ себѣ секретарей, такъ что главная обязанность ихъ, повидимому, состояла въ бѣганьи сверху внизъ. Анатолій Николаевичъ писалъ столь неразборчиво,

Библиотека "Руниверс"

что послѣ и самъ не разбиралъ: ну, сейчасъ и за секретарей. У подъѣзда отеля всегда стояло нѣсколько каретъ; кучера не смѣли слѣзать съ козелъ, а Демидовъ сидитъ у окна и посматриваетъ на нихъ.

Въ первый разъ, съ котораго собственно началось мое знакомство съ Демидовымъ, я сдѣлалъ ему нѣсколько рисунковъ, въ русскомъ вкусѣ, для столоваго сервиза, для вазъ съ цвѣтами и еще что-то. За работу онъ заплатилъ мнѣ очень хорошо. Потомъ я бывалъ у Демидова довольно часто, раза два-три въ недѣлю. Такъ какъ онъ очень плохо объяснялся по-русски, то просилъ меня давать ему уроки русскаго языка; разговаривали большею частью о художествахъ; ѣздили въ Эрмитажъ, въ галлерею графа Строганова, въ магазины для покупки разныхъ изящныхъ вещей, и вообще Анатолій Николаевичъ приглашалъ меня сопровождать его чуть-ли ни повсюду. Напримѣръ, однажды мы отправились въ общину сестеръ милосердія, что на Пескахъ. Дѣти встрѣтили Демидова пѣніемъ; это очень его тронуло, вслѣдствіе чего обѣщался прислать въ общину большое денежное пожертвованіе и прислалъ 1,000 руб. Вообще Анатолій Николаевичъ дѣлалъ много добра, если только можно было чрезъ это прославиться. За то, по капризу, не всегда исправно платилъ за работы.

Демидовъ просилъ меня сдѣлать для него нѣсколько рисунковъ древнихъ костюмовъ царей, бояръ и крестьянъ; потомъ просилъ нарисовать его гербъ, при чемъ обратить особенное вниманіе на девизъ его: «Словами и дѣлами». Я исполнилъ этотъ заказъ и, кромѣ того, сдѣлалъ еще нѣсколько московскихъ, кіевскихъ и псковскихъ видовъ. Такъ какъ на всю эту работу мною употреблено было довольно много времени, то я счелъ нужнымъ подать Демидову записку, что съ него слѣдуетъ получить 500 руб. Когда я пришелъ къ Анатолію Николаевичу за полученіемъ денегъ, то онъ не принялъ меня и сказалъ черезъ своего камердинера, чтобы я обратился въ контору на Васильевскомъ островѣ. Здѣсь мнѣ выдали деньги, но только 200 руб. На вопросъ же мой: «почему такъ мало?» отвѣчали: «больше-де не приказано». Вскорѣ послѣ этого Демидовъ уѣхалъ за границу.

Вздумалось Анатолію Николаевичу написать свою біографію; поручилъ онъ это дѣло одному лицу и обѣщалъ заплатить за

Библиотека "Руниверс"

трудъ 600 руб. Черезъ полгода біографія была составлена и прочитана Демидову.

— За біографію я могу дать только 300 руб., сказалъ Анатолій Николаевичъ.

— Вы, вѣдь, вотъ платите же въ Лондонѣ, сказалъ біографъ, за какой-нибудь столъ по 100,000 руб.; а тутъ не хотите отдать 600 руб., вами же обѣщанныхъ!

Не знаю, заплатилъ-ли Демидовъ эти 300 руб.

Во время пребыванія въ Петербургѣ, Анатолій Николаевичъ пріѣзжалъ иногда ко двору, но очень рѣдко. Причина этого заключалась, вѣроятно, въ томъ, что государь недоволенъ былъ его женитьбою на принцессѣ Матильдѣ Бонапарте, и особенно сердился на Демидова за то, что онъ оказалъ, будто бы, большую денежную помощь Наполеону во время его президентства. Наконецъ, не нравилось государю и то, что Демидовъ проживалъ свои богатства за границей.

Разсказывали, напримѣръ, что онъ пріобрѣлъ въ Италіи княжество Санъ-Донато, гдѣ завелъ свою гвардію въ 3,000 человѣкъ; гвардія одѣвалась въ особую форму. Между Флоренціей и Санъ-Донато ѣздили дилижансы, назначеніе которыхъ заключалось въ томъ, чтобы привозить въ Санъ-Донато желающихъ посмотрѣть на русскаго владѣльца итальянскаго княжества. Мнѣ доводилось также слышать, что, пріобрѣвши княжество, Демидовъ вообразилъ себя дѣйствительнымъ княземъ, каковой титулъ и значился на его визитныхъ карточкахъ. Однажды, Демидовъ пріѣхалъ къ нашему посланнику и, не заставъ его дома, оставилъ свою карточку. Посланникъ написалъ ему письмо, въ которомъ просилъ его представить доказательства своего княжескаго достоинства. Демидовъ отвѣчалъ на это довольно грубо. Вся эта исторія доведена была до свѣдѣнія государя. Государь сказалъ только: «пусть онъ тамъ только и остается княземъ».

Демидову очень хотѣлось снискать чѣмъ-нибудь расположеніе къ себѣ покойнаго государя. Съ этою цѣлью онъ заказалъ въ Парижѣ богатое царское мѣсто для Исаакіевскаго собора. Колонны были сдѣланы изъ малахита, подножье изъ яшмы, базы и капители бронзовыя. Демидовъ заплатилъ за это чуть-ли ни полмилліона; матеріалъ былъ дѣйствительно богатый, но рисунокъ

Библиотека "Руниверс"

очень некрасивъ и вся затѣя довольно нелѣпа. Когда привезли это мѣсто въ Петербургъ, то государь, взглянувъ на него, сказалъ:

— Съ чего онъ взялъ, чтобы я когда нибудь сталъ въ эту клѣтку.

По повелѣнію государя, мѣсто отправлено было въ Таврическій дворецъ, гдѣ оно долго находилось между разнымъ ненужнымъ хламомъ.

Въ концѣ 1850-хъ годовъ, исправляли внутренность собора въ Александро-Невской лаврѣ; я приглашенъ былъ для производства работъ по живописнымъ украшеніямъ его. Мнѣ пришла мысль посовѣтовать митрополиту, чтобы онъ попросилъ царское мѣсто, присланное Демидовымъ, такъ какъ для собора это будетъ все-таки украшеніе. Митрополитъ обратился съ просьбою къ министру двора, просьба была уважена, и теперь это мѣсто находится въ Невской лаврѣ.

Въ Кіевѣ я бывалъ каждое лѣто съ 1843 по 1853 гг. и привозилъ съ собою въ Петербургъ каждый разъ отъ 80 до 100 рисунковъ, сдавалъ ихъ, при рапортѣ, кн. Волконскому, а онъ представлялъ на благоусмотрѣніе государя. Всѣ эти рисунки хранились прежде въ Императорской публичной библіотекѣ, а потомъ, по Высочайшему повелѣнію, отправлены въ московскую Оружейную палату, гдѣ находятся и по сіе время.

Къ пріѣзду государя Николая Павловича въ Кіевъ, я всегда находился тамъ. Государь нерѣдко спрашивалъ меня:

— Каковы глаза? Не испортилъ-ли ихъ?

Вообще, государь былъ очень привѣтливъ со мною, внимателенъ и часто называлъ меня: «мой старый слуга». Являлся я къ государю, по его особому повелѣнію, всегда въ сюртукѣ; впрочемъ, это допускалось имъ почти для всѣхъ художниковъ.

Послѣдній разъ въ Кіевѣ я представлялся покойному государю въ сентябрѣ 1852 г., когда я занятъ былъ работами по живописи въ куполѣ Софійскаго собора. Государь остался моими работами очень доволенъ и, между прочимъ, сказалъ мнѣ:

— Когда кончишь работу здѣсь, я постараюсь отправить тебя въ Палестину и на Аѳонскую гору. Ты съ удовольствіемъ поработаешь тамъ, а потомъ, черезъ Римъ, возвратишься въ Россію.

Библиотека "Руниверс"

Но не привелось осуществиться этому намѣренію моего августѣйшаго покровителя.

Все, что я получалъ послѣ смерти А. Н. Оленина, и поддержку въ моихъ трудахъ, и щедрое вознагражденіе, — все это исключительно исходило отъ покойнаго государя; еще и до сихъ поръ я получаю 1,400 руб. въ годъ изъ собственныхъ суммъ покойнаго императора.

Князь Волконскій также принималъ во мнѣ участіе, интересовался моими работами; когда нужно, оказывалъ мнѣ свою помощь и содѣйствіе.

Съ графомъ В. Ѳ. Адлербергомъ, вступившимъ на мѣсто кн. Волконскаго, я не имѣлъ уже почти никакихъ сношеній, такъ какъ офиціальныя командировки мои кончились въ 1853 году.

Я ѣздилъ до 1853 г. отыскивать и срисовывать русскія древности въ Псковъ, Новгородъ, Рязань—новую и старую, Москву, Троицкую лавру, Новый Іерусалимъ, Александровскую слободу, Владиміръ-на-Клязьмѣ, Суздаль, Тверь, Изборскъ, Печору, Кіевъ, Орелъ, Юрьевъ-Польскій, Витебскъ, Могилевъ,—словомъ сказать, кажется нѣтъ такого древне-русскаго города, историческаго мѣста, монастыря или храма, въ которомъ я не побывалъ бы. Приходилось много работать, много розыскивать и тщательно, по документамъ, изслѣдовать исторію отысканныхъ предметовъ; иная вещь покажется бывало, очень интересной въ археологическомъ отношеніи, а разсмотришь ее попристальнѣе, заглянешь въ опись, и окажется, что вещь-то вовсе не старинная, а сдѣлана, сравнительно, недавно.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда у меня не было рекомендательныхъ писемъ или офиціальныхъ предписаній, я выдавалъ себя за какого-нибудь странствующаго богомольца, знакомился съ настоятелемъ церкви или монастыря, и потомъ уже имѣлъ возможность посмотрѣть описи храмовъ. Въ видахъ устраненія препятствій при моихъ розысканіяхъ, я находился вынужденнымъ даромъ рисовать портреты настоятелей церквей, священниковъ монаховъ. Святые отцы дарили мнѣ иногда старинныя вещи и отъ этихъ подарковъ я не отказывался, такъ какъ все-таки былъ убѣжденъ, что эти предметы, важные для изслѣдователя старины, будутъ у меня сохраннѣе, нежели у лицъ, готовыхъ ихъ отдать первому встрѣчному. Такимъ образомъ, у меня составилась мало-по-малу очень интересная коллекція. Но въ 1848 г. бо́льшая часть этихъ

Библиотека "Руниверс"

вещей были у меня изъ квартиры въ Петербургѣ украдены. Думать надобно, что укралъ кто-нибудь изъ любителей древностей для себя или для того, чтобъ продать любителю-же, потому что, напримѣръ, всѣ старинныя монеты взяты, а новыя деньги, которыя лежали тутъ же, оставлены; древніе костюмы, и притомъ болѣе интересные, взяты, а мое платье оставлено не тронутымъ. Насколько помню, украдены были: двѣ пищали, двѣ берендѣйки, бердыши, метательныя копья, нѣсколько старинныхъ стрѣлъ, кушаки, два кафтана, два шишака, нѣсколько женскихъ украшеній, бѣлую женскую рубашку, — рукава рубашки были въ 9 арш. длины, — шитую по подолу и вороту золотомъ, и многіе другіе предметы, интересные въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніи.

Я много сдѣлалъ рисунковъ; въ одной только московской Оружейной палатѣ, ихъ около 3,000. Почти всѣ они писаны акварелью и имѣютъ одинъ форматъ, кромѣ костюмовъ, которые писаны въ меньшемъ видѣ; также не одинаковаго формата были прориси и выдавленные на тонкой бумагѣ предметы. Я рисовалъ предметы всѣхъ эпохъ, со времени Святослава Игоревича и дошелъ до Петра Великаго. Притомъ же, я не ограничивался напр. тѣмъ, что рисовалъ костюмы, а снималъ съ нихъ выкройки, такъ что любой портной могъ бы сшить, напримѣръ, старинный кафтанъ по моимъ рисункамъ и проч.

Покойный государь самъ любилъ рисовать, по преимуществу военные сюжеты. Мнѣ часто приводилось рисовать, по приказанію государя, разные пейзажи, среди которыхъ его величество писалъ солдатъ, лагери, пушки и проч. По моему мнѣнію, этою любовью государя къ рисованію нельзя-ли объяснить, хотя отчасти, то покровительство художествамъ, которымъ отличалось прошедшее царствованіе. Кромѣ того, хотя государь былъ довольно остороженъ въ сужденіяхъ по художественной части, но дѣло понималъ очень хорошо.

Напримѣръ, когда выставлена была картина для Исаакіевскаго собора «Іосифъ встрѣчаетъ отца своего Іакова», то государь пришелъ посмотрѣть и спросилъ сопровождавшихъ его членовъ академіи:

— Кажется, фигуры коротки?

Профессоръ Марковъ, котораго была работа, отвѣчалъ:

Библиотека "Руниверс"

— Это кажется потому, в. в-во, что наклоненіе велико.

Государь наклонился, посмотрѣлъ и снова спросилъ:

— Я васъ прошу сказать, коротки фигуры или нѣтъ?

Кто-то изъ присутствовавшихъ извѣстныхъ нашихъ художниковъ отвѣтилъ, что дѣйствительно фигуры коротки.

— Вотъ видишь, я не ошибся, — замѣтилъ государь.

Я слышалъ за вѣрное, что Николай Павловичъ не любилъ статуи Вольтера, работы извѣстнаго художника Гудона, которая находится теперь въ Императорской публичной библіотекѣ. Прежде эта статуя стояла въ Эрмитажѣ; государь приказалъ перенести ее въ Мраморный дворецъ и помѣстить въ подвалъ. Затѣмъ, когда дворецъ передѣлали для великаго кн. Константина Николаевича, то государь пріѣхалъ осмотрѣть передѣлки. Обозрѣвая дворецъ, государь былъ видимо доволенъ устройствомъ; оставалось посмотрѣть только нижнія помѣщенія. Государь пошелъ и здѣсь замѣтилъ одну дверь, ведущую въ какой-то чуланъ, полюбопытствовалъ, что тутъ такое, и увидалъ статую Вольтера. Государь разсердился.

— Убрать его отсюда!

Статую перевезли въ Таврическій дворецъ и помѣстили гдѣ-то на чердакѣ. Незадолго до кончины государя, данъ былъ въ этомъ дворцѣ какой-то благотворительный праздникъ. Государь ходилъ по всѣмъ заламъ и комнатамъ дворца, поднялся на верхъ, отворилъ дверь и—предъ нимъ очутилась статуя Вольтера. Государь вновь выразилъ неудовольствіе на эту находку.

Съ 1843 г., какъ уже сказано выше, я ѣздилъ лѣтомъ въ Кіевъ и другіе южно-русскіе древніе города, а по зимамъ, до 1867 г., занимался, по высочайшему повелѣнію, преподаваніемъ иконописанія и живописи въ С.-Петербургской духовной семинаріи.

Обученіе состояло въ томъ, что воспитанники начинали, прежде всего, чертить карандашомъ, а потомъ, когда кто-нибудь изъ нихъ оказывалъ въ этомъ удовлетворительные успѣхи, то начиналъ писать акварельными красками. Далѣе, ученики должны были рисовать съ фигуръ; предварительно я чертилъ мѣломъ на доскѣ какъ самую фигуру, такъ и пропорціи частей человѣческаго тѣла.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ этого ученики писали съ гипсовыхъ фигуръ, и, наконецъ, я показывалъ имъ отчасти перспективу, а также обучалъ рисованію церковныхъ облаченій и утвари.

При началѣ курса ко мнѣ поступало человѣкъ 70 и даже больше, а къ выпуску оставалось не болѣе 15—такъ какъ многимъ я совѣтовалъ не заниматься живописью, по ихъ неспособности къ тому. Нѣкоторые занимались очень прилежно; когда уважено было мое ходатайство о дозволеніи посѣщать имъ академію художествъ, то ученики ходили туда изъ семинаріи охотно. Одни изъ нихъ, полюбивъ художество, вышли изъ духовнаго званія и въ послѣдствіи сдѣлались свободными художниками, или даже академиками; другіе же, поступивъ въ священники, продолжаютъ и до сихъ поръ заниматься живописью.

Митрополитъ Серафимъ мало обращалъ вниманія на занятія духовныхъ воспитанниковъ живописью.

Серафимъ вообще былъ человѣкъ довольно своеобразный. Насколько я помню, онъ одѣвался обыкновенно въ три зипуна или полукафтанья, одинъ короче другаго. Въ комнатахъ его свободно летали канарейки, пѣніе которыхъ митрополитъ очень любилъ. Серафимъ былъ человѣкъ простой, но себѣ на умѣ; онъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ А. Н. Оленинымъ, хотя послѣдній и отзывался о митрополитѣ, что «отъ него пахнетъ тешкой».

Разсказывали, что однажды, по какому-то торжественному случаю, покойный государь пригласилъ Серафима во дворецъ къ столу; день былъ постный. Когда митрополитъ пріѣхалъ, то государь, между прочимъ, сказалъ ему:

— Сегодня у меня будетъ играть во время стола вокальная и инструментальная музыка, такъ ты, владыко, не найдешь-ли это почему-либо неудобнымъ?

— Я, государь, старъ, глухъ и слѣпъ; ничего не вижу и ничего не слышу,—отвѣчалъ Серафимъ.

Особенное покровительство живописи и иконописанію въ семинаріи оказывалъ преемникъ Серафима, Антоній, бывшій варшавскимъ епископомъ, изъ уніатовъ. Онъ говорилъ, что на священникѣ, какъ на хозяинѣ церкви, лежитъ прямая обязанность починять ее, а слѣдовательно, и понимать иконописаніе; вслѣдствіе этого и заставлялъ воспитанниковъ заниматься живописью.

Отношенія мои къ св. синоду начались съ 1842 г. Надобно

Библиотека "Руниверс"

было исправить древнюю стѣнную живопись въ новгородскомъ Знаменскомъ соборѣ; св. синодъ обратился въ академію художествъ, чтобы она рекомендовала свѣдущаго въ этомъ дѣлѣ художника. Академія указала на меня, какъ «извѣстнаго отличными и многочисленными работами въ старинномъ русскомъ вкусѣ». Я обозрѣлъ соборъ и нашелъ, что живопись слѣдовало исправить, донесъ объ этомъ св. синоду, рекомендовавъ для производства работъ извѣстнаго мнѣ художника Васильева, который брался все сдѣлать за 5,000 рублей. Синоду показалось это дорого и черезъ нѣсколько времени онъ прислалъ мнѣ запросъ: можно-ли поручить исправленіе иконописи собора такому-то маляру, который просилъ только 3,000 рублей? Я отвѣчалъ, что поручить можно кому угодно, но какъ будетъ сдѣлано — не ручаюсь. Такъ живопись собора и исправлялъ какой-то маляръ.

Затѣмъ, въ 1843 г., по порученію св. синода, я написалъ антиминсъ, печатные снимки съ котораго до сихъ поръ разсылаются по всѣмъ православнымъ церквамъ Россіи.

Съ 1844 г. и въ послѣдующее время мнѣ пришлось много работать для св. синода. Такъ, писалъ я разныхъ святыхъ, гравировалъ ихъ сначала Бернардскій, а потомъ нашъ даровитый гравёръ академикъ Л. А. Сѣряковъ. Сдѣлалъ рисунки къ молитвеннику, который посланъ былъ въ подарокъ Наполеону III; молитвенникъ этотъ былъ небольшаго формата, текстъ напечатанъ щегольски, рисунки хромолитографированы на веленевой бумагѣ. Затѣмъ приготовлялъ я рисунки для евангелія большаго формата, въ аршинъ величины, — писалъ вѣнчики, украшенія къ разнымъ грамотамъ и проч. и проч.; но едвали не самою крупною моею работою для св. синода надобно почесть святцы, которые я писалъ полтора года. Святцы состояли изъ 12-ти листовъ, по 48-ми недѣль въ каждомъ, а въ каждой недѣлѣ по 100 фигуръ святыхъ. Разумѣется, рисовались только избранные святые. Подъ руками у меня находилось 9 рукописныхъ подлинниковъ, между которыми были и раскольническіе, относящіеся бо́льшею частію къ XIV и XV вѣку.

Въ іюлѣ 1858 г. я былъ приглашенъ отъ министерства государственныхъ имуществъ завѣдывать работами по изготовленію иконостасовъ, приготовлявшихся для церквей западныхъ губерній. Во время моей восьмилѣтней службы при этомъ министерствѣ

Библиотека "Руниверс"

было изготовлено и отослано, по принадлежности, болѣе 200 иконостасовъ. Эскизы для изображеній святыхъ, крестовъ, хоругвей и проч. составлялъ я самъ, а писали ихъ, подъ моимъ наблюденіемъ, художники—Майковъ, Васильевъ и Титовъ. Кажется въ 1866 г. завѣдываніе постройками иконостасовъ въ западныхъ губерніяхъ предоставлено мѣстнымъ губернаторамъ, поэтому я и оставилъ службу при министерствѣ.

Съ того же года, съ котораго я началъ производить работы по изготовленію иконостасовъ для церквей западныхъ губерній, т. е. съ 1858 г., мнѣ порученъ надзоръ за учениками академіи художествъ изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. М. Н. Муравьевъ первый обратилъ вниманіе на то, чтобъ способнымъ къ художествамъ крестьянскимъ мальчикамъ давать возможность, на казенный счетъ, обучаться въ академіи художествъ. Однимъ изъ первыхъ—и по времени опредѣленія и по значительнымъ дарованіямъ—ученикомъ изъ крестьянъ, опредѣленныхъ въ академію по волѣ М. Н. Муравьева, былъ И. П. Пожалостинъ, весьма прилежный и талантливый. Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, замѣтивъ дарованіе юноши по одному изъ его рисунковъ, предложилъ ему поступить въ академію художествъ и, когда тотъ съ величайшею радостью принялъ это предложеніе, далъ ему средства пріѣхать въ Петербургъ, сдѣлалъ его стипендіатомъ въ академіи и поручилъ непосредственному моему наблюденію. Я всегда оставался доволенъ успѣхами моего перваго ученика изъ государственныхъ крестьянъ [1]).

Затѣмъ, мало по малу, у меня ученики стали прибывать; такъ, въ иной разъ, за цѣлый курсъ ученія, число ихъ достигало до 30-ти. Въ настоящее время подъ моимъ вѣденіемъ находится не болѣе семи учениковъ.

Отношенія мои ко всѣмъ этимъ ученикамъ были и есть таковы: я наблюдаю за ихъ занятіями, объясняю и показываю, что нужно, то у себя на дому, то въ академіи. Впрочемъ, въ акаде-

[1]) Это тотъ самый, нынѣ академикъ, И. П. Пожалостинъ, который въ настоящее время пользуется столь заслуженной извѣстностію своими работами по гравированію на мѣди. Превосходно исполненные имъ на мѣди портреты: кн. Потемкина, Михельсона, Лжедмитрія и кн. Зубова приложены при «Русской Старинѣ» изд. 1875 и 1876 г. См. о немъ въ «Р. С.» 1875 г. т. XIII, стр. 175.
Ѳ. С.

Библиотека "Руниверс"

мію я пріѣзжаю только въ качествѣ попечителя крестьянскихъ учениковъ, но не какъ ихъ учитель.

Послѣ назначенія Муравьева виленскимъ генералъ-губернаторомъ, учениковъ моихъ причисляли къ разнымъ вѣдомствамъ и наконецъ они остались при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Я представляю ежемѣсячные отчеты объ успѣхахъ учениковъ въ департаментъ общихъ дѣлъ, директоръ котораго, Н. П. Мансуровъ, принимаетъ самое доброе и сердечное участіе въ положеніи и успѣхахъ ввѣренныхъ моему попеченію учениковъ; ни одна просьба моя объ этихъ бѣдныхъ труженикахъ не оставляется Н. П. Мансуровымъ неисполненною. Крестьяне-стипендіаты министерства получаютъ ежемѣсячно по 25 руб. и, кромѣ того, когда я, для поощренія занятій стипендіатовъ или за усиленныя работы кого-либо изъ нихъ, обращался съ представленіемъ о выдачѣ единовременнаго денежнаго пособія,—то такія мои представленія всегда были уважаемы: выдавалось ученикамъ, обыкновенно передъ праздниками Рождества Христова и Пасхи, отъ 80 до 100 руб. каждому, — а въ случаѣ болѣзни ученика отъ усиленныхъ занятій назначалось и болѣе 100 руб. Пользуюсь случаемъ, чтобы выразить уважаемому Николаю Павловичу Мансурову мою душевную признательность.

Закончу мой, вполнѣ искренній и чистосердечный, разсказъ о моей труженической жизни просьбой къ читателямъ: извинить меня за неполноту и отрывочность моего разсказа и исправить тѣ хронологическія и другія погрѣшности, которыя, быть можетъ, вкрались въ него: ровесникъ текущему столѣтію, я чувствую, что память иногда измѣняетъ мнѣ, но глубоко, неизгладимо начертано въ ней имя Алексѣя Николаевича Оленина; желаніе посильно обрисовать нравственный образъ этого превосходнѣйшаго человѣка и дѣятельнаго подвижника наукъ, художествъ и искусствъ въ нашемъ отечествѣ составляло главнѣйшее побужденіе къ тому, что я рѣшился разсказать читателямъ «Русской Старины» мою жизнь.

Дай Богъ молодымъ начинающимъ русскимъ художникамъ встрѣтить на пути ихъ жизни такого просвѣщеннаго руководителя, такого заботливаго друга, какого я, да и не одинъ я, а весьма многіе наши художники, имѣлъ въ незабвенномъ А. Н. Оленинѣ.

20-го мая 1876 г. Акад. Ѳ. Г. Солнцевъ.

Библиотека "Руниверс"

БОЛЬШАЯ ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

ПОДНЕСЕННАЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

Профессору Ѳ. Г. Солнцеву

20-го мая 1876 г.

20-го мая 1876 г., въ общемъ собраніи Императорскаго Русскаго Археологическаго общества, помощн.-предсѣдателя, кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, въ воздаяніе свыше полувѣковой археологическо-художественной дѣятельности профессора Ѳедора Григорьевича Солнцева, согласно постановленію общества, поднесъ ему большую золотую медаль съ портретомъ Ѳ. Г. Солнцева на одной сторонѣ и съ слѣдующею надписью на другой сторонѣ медали:

«Въ память 50-ти-лѣтней археологической его дѣятельности отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго общества, 1824—1874 гг.».

Послѣ привѣтствія юбиляру со стороны кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, дѣйствительный членъ Императорскаго Русскаго Археологическаго общества М. И. Семевскій, въ рѣчи имъ сказанной, представилъ обзоръ художественно-археологическихъ трудовъ Ѳедора Григорьевича и указалъ на ихъ многостороннее значеніе для науки и искусствъ.

Сынъ народа, воспитанникъ отечественной академіи художествъ [1]), Ѳ. Г. Солнцевъ, въ теченіе болѣе полувѣковой неутомимой дѣятельности, неоднократно посѣтилъ для археологическихъ изысканій древнѣйшіе города и монастыри нашего отечества и повсемѣстно находилъ, критически изслѣдовалъ и сохранилъ въ своихъ превосходныхъ рисункахъ самые разнообразные памятники религіознаго, государственнаго и домашняго быта нашихъ предковъ, восходя до XII, даже до XI вѣка. Семь громадныхъ томовъ монументальнаго изданія: Древности Россійскаго Государства, вышедшаго въ 1846—1853 гг. и, къ сожалѣнію, не продолжаемаго, украшены рисунками, числомъ свыше пятисотъ—

[1]) По постановленію Совѣта И-й Академіи Художествъ, 27-го февраля 1876 года, «въ уваженіе отличныхъ познаній въ искусствѣ» академикъ Солнцевъ возведенъ въ званіе профессора, о чемъ ему объявлено 18-го мая 1876 г.

Библиотека "Руниверс"

исполненными единственно Солнцевымъ. Эти рисунки составляютъ лишь десятую долю всего количества произведеній маститаго художника, исполненныхъ имъ со свойственными его кисти—точностью, изяществомъ и живостью красокъ. Какое богатство выбора предметовъ для археолога, какое поразительное разнообразіе! Кисть Солнцева вызвала изъ мрака забвенія останки старины, воскресила въ живыхъ образахъ быта всѣ стороны до-Петровской Руси. Въ рисункахъ Солнцева, любитель древности найдетъ наиболѣе чтимыя народомъ русскимъ иконы; тутъ же кресты запрестольные и наперсные, утварь церковная, облаченія сана духовнаго; предметы древняго обихода царскаго: вѣнцы, скипетры, державы, бармы и т. п.; доспѣхи воинскіе, сбруи конскія, всякаго рода оружія; древнѣйшія-великокняжескія, царскія, боярскія и мѣстныя народныя одѣянія, и не только въ изображеніяхъ одеждъ—но въ портретахъ—таковы, напримѣръ: князья Репнины, Скопинъ-Шуйскій, думный дьякъ Власьевъ, цари: Михаилъ Ѳеодоровичъ, Алексѣй Михайловичъ, Ѳеодоръ, Іоаннъ, Петръ Алексѣевичи; патріархи: Филаретъ, Никонъ; наши царицы и царевны XVII вѣка и мног. друг.. Далѣе, въ рисункахъ Солнцева воспроизведена древняя столовая и домашняя утварь: кресла, скамьи, столы, поставцы и проч., наконецъ, памятники древняго русскаго зодчества во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ; здѣсь фасады храмовъ и частныхъ зданій, разрѣзы, планы, отдѣльныя части: окна, двери, рѣшетки, своды, куполы—съ приложеніемъ масштабовъ. Изъ каждаго древняго города, Солнцевъ — неутомимый собиратель художественныхъ произведеній земли Русской—выбралъ типичныхъ представителей и слилъ ихъ, въ изданіи „Древностей", въ одно стройное цѣлое. Почти каждый великокняжескій или княжій „стольный" городъ послужилъ Солнцеву источникомъ для выбора образцовыхъ произведеній зодчества, ваянія, живописи или вообще какого-либо мастерства нашихъ предковъ. Вся обстановка быта, весь, такъ сказать, домашній обиходъ древней Руси воспроизведенъ въ рисункахъ Солнцева.

Важность изданія „Древностей" въ отношеніи научномъ давно и по достоинству оцѣнена знатоками и любителями отечественной старины. „Но — по замѣчанію М. И. Семевскаго — нельзя обойти молчаніемъ тѣхъ благотворныхъ послѣдствій, которыя оказали и продолжаютъ оказывать произведенія Солнцева на изящныя художества и на развитіе у насъ въ Россіи нѣкоторыхъ ремеслъ. Безъ справокъ съ изданіемъ „Древностей" не можетъ обойтись ни художникъ-иконописецъ, ни живописецъ историческій; не минуетъ рисунковъ Солнцева своимъ вниманіемъ зодчій, желающій строить въ чисто-русскомъ стилѣ, который возстановленъ у насъ, по волѣ императора Николая I-го, восхищеннаго

Библиотека "Руниверс"

видами зданій нашихъ древнихъ храмовъ въ рисункахъ Солнцева. Для писателя историческаго романа „Древности" Солнцева—живописная энциклопедія предметовъ внѣшней, бытовой обстановки удѣльно-вѣчевой и московско-царской до-Петровской Руси во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Для отечественнаго театра—донынѣ изданное собраніе рисунковъ Солнцева — надежнѣйшее руководство при постановкѣ пьесъ, заимствованныхъ изъ отечественной исторіи... Отъ изящныхъ художествъ переходя къ мастерствамъ: столярному, токарному, гончарному, финифтяному, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ—видимъ, что и они, благодаря трудамъ того же Солнцева, возросли до высоты народныхъ художествъ, именно потому, что наши русскіе мастера, отрѣшась отъ слѣпаго подражанія иноземнымъ образцамъ, обратились къ своимъ, отечественнымъ, и поняли, наконецъ, что своеобразный русскій стиль, завѣщанный намъ стариною, можетъ за-частую спорить съ стилями заимствованными у иноземцевъ. Сазиковъ и, съ недавняго времени, снискавшіе извѣстность ихъ серебряными издѣліями: Овчинниковъ, Хлѣбниковъ, Грачевъ и нѣкоторые другіе, тому же русскому стилю обязаны своею извѣстностью. Короче сказать, рисунки Солнцева, въ научномъ и въ художественномъ отношеніяхъ — живописная лѣтопись древней Руси, источникъ возрожденія отечественнаго стиля, который съ каждымъ годомъ ярче и ярче проявляется у насъ въ произведеніяхъ зодчества, ваянія и орнаментальныхъ ремеслахъ. И если Карамзинъ въ лѣтописяхъ и другихъ археографическихъ памятникахъ нашего отечества обрѣлъ живыя краски для слога своей исторіи; если Пушкинъ въ народныхъ нашихъ сказкахъ нашелъ живую, свѣжую струю, которою обновилъ языкъ отечественной поэзіи—то—скромный дѣятель на своемъ поприщѣ—художникъ Солнцевъ, путемъ своихъ археологическо-художественныхъ изысканій, напалъ на неистощимый родникъ русскаго искусства, а произведеніями своими пробудилъ въ русскихъ художникахъ чувство народнаго самосознанія и уваженія къ образцамъ, завѣщаннымъ намъ предками".

Рисуя съ натуры отечественныя древности, Солнцевъ никогда не былъ единственно старательнымъ копировальщикомъ, или, такъ сказать, живымъ фотографическимъ аппаратомъ, нѣтъ! Будучи одновременно талантливымъ художникомъ и добросовѣстнымъ археологомъ, онъ подвергалъ копируемые предметы критической оцѣнкѣ, провѣрялъ время сооруженія храмовъ, выдѣлки утвари, ковки и чеканки оружія, доспѣховъ и издѣлія облаченій—перечитывая лѣтописи, множество монастырскихъ хартій, грамотъ, актовъ, описей и т. п. Эти чисто ученые труды вознаграждались многими важными хронологическими открытіями. Ученымъ любителямъ извѣстно, что миѳъ о древности скипетра,

Библиотека "Руниверс"

державѣ и бармахъ Владиміра Мономаха разоблаченъ Солнцевымъ, доказавшимъ, что предметы эти относятся къ издѣліямъ XVII-го, (1638 г.), а не XI-го вѣка, какъ утверждали отечественные антикваріи. Тотъ-же Солнцевъ доказалъ, что такъ называемыя короны царствъ Сибирскаго и Астраханскаго никогда не вѣнчали ни сибирскихъ царей, ни астраханскихъ хановъ, а дѣланы были въ Москвѣ, одна для царя Михаила Ѳедоровича, другая по случаю погребенія царя Алексѣя Михайловича. Рѣзной изъ слоновой кости тронъ приписываемый редакторами „Древностей"—Іоанну III, по изслѣдованію Солнцева, есть издѣліе не XV-го, а XVII-го вѣка. Не менѣе замѣчательны археологическія открытія Солнцева, подтвердившія подлинность нѣкоторыхъ памятниковъ старины, древность которыхъ не была до него доказана; Солнцевымъ съ точностью опредѣлена принадлежность найденнаго шишака в. к. Александру Невскому, шлема Ярослава Всеволодовича, дверей временъ Грознаго, разныхъ знаменъ, доспѣховъ, предметовъ царскаго обихода и т. д. Тѣмъ-же трудолюбивымъ художникомъ возстановлены въ ненарушимой цѣлости царскіе терема XVII-го вѣка; его стараніями и искусствомъ спасены и возстановлены нѣкоторыя святыни древняго Кіева. Знатокъ отечественныхъ древностей, нерѣдко до мелочей взыскательный, А. Н. Оленинъ при отъѣздахъ Солнцева на археологическія изысканія не затруднялъ его инструкціями, говоря: „ученаго учить—только портить". И какими инструкціями было снабжать добросовѣстнаго изыскателя, объѣздившаго неоднократно почти всѣ старинные города и монастыри сѣверной, средней и частью южной Россіи [1]), въ которыхъ отъ его зоркаго, пытливаго взгляда не укрывалось ни пуговки, ни черепка ни инаго малѣйшаго обломка древности. Изъ массы предметовъ художникъ выбиралъ преимущественно одинъ, совмѣщавшій въ себѣ типичныя черты въ мастерствѣ эпохи и изображалъ его во всѣхъ подробностяхъ. По масштабамъ, приложеннымъ Солнцевымъ къ рисункамъ, и чертежамъ церквей и теремовъ можно отстроить эти зданія; по выкройкамъ древнихъ одѣяній—ихъ можно сшить съ безукоризненною вѣрностью желаемой эпохѣ; по рисункамъ предметовъ столовой утвари можно заказать золотыхъ или серебрянныхъ дѣлъ мастеру воспроизвесть братину, кубокъ, сулею и т. п. въ чистомъ старинно-русскомъ вкусѣ".

---

[1]) Вотъ, далеко не полный, перечень городовъ, посѣщенныхъ Ѳ. Г. Солнцевымъ: Александровъ (бывшая Александровская свобода), Бѣлозерскъ, Владиміръ на Клязьмѣ, Витебскъ, Изборскъ, Кіевъ, Коломна, Ладога, Москва, Могилевъ, Новгородъ, Орелъ, Осташковъ, Псковъ, Ревель, Рязань—Старая и Новая, Суздаль, Тула, Тверь, Тихвинъ, Торжокъ, Черниговъ, Юрьевъ Польскій и т. д.

Библиотека "Руниверс"

„Художественно-археологическіе труды Ѳ. Г. Солнцева тѣмъ болѣе достойны уваженія, что въ нихъ онъ не имѣлъ предшественниковъ, какъ, увы, почти не имѣетъ и преемниковъ. Онъ шелъ не по проторенной дорогѣ, но прокладывалъ ее самъ и, не ослабѣвая въ борьбѣ со множествомъ препятствій, неуклонно шелъ къ своей цѣли. Для подобнаго подвига, помимо таланта и силы воли, надобно быть истинно русскимъ, надобно страстно любить и родину и науку. Древности, обрѣтенныя и рисованныя Солнцевымъ, зачастую были имъ находимы по чердакамъ монастырей, дворцовъ и частныхъ зданій; они тлѣли въ церковныхъ подвалахъ подъ грудами щебня и известки, въ мучныхъ закромахъ, въ сараяхъ, въ погребахъ. Срисовывать эти памятники весьма часто приходилось художнику при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: въ осеннее ненастье, въ сырости, въ холоду. Помимо этихъ физическихъ неудобствъ, не мало терпѣлъ нашъ почтенный труженикъ отъ явнаго равнодушія и отъ тайнаго недоброжелательства, недовѣрія и подозрительности ближайшихъ хранителей археологическихъ сокровищъ, которымъ они и сами не знали цѣны. При посѣщеніи Солнцевымъ какой-либо древней обители, тамошніе келари и ризничіе нерѣдко уничтожали описи древнихъ вещей, утаивали инвентари ризницъ изъ боязни, что пріѣзжій художникъ не иное что, какъ ревизоръ, могущій уличить ихъ въ небрежности и нерадѣніи. Лица изъ представителей ученаго сословія — каковы Вельтманъ, Снегиревъ и нѣкоторые другіе, иногда недоброжелательно относились къ критическимъ замѣткамъ Солнцева о находимыхъ имъ древностяхъ: ему противодѣйствовали, отрицали приводимыя имъ улики въ противорѣчіяхъ хронологіи нѣкоторыхъ произвольныхъ, но укоренившихся преданій, которымъ офиціальные археологи того времени вѣрили на слово, безъ всякой критической, научной провѣрки. Они утверждали, что преданія, освященныя давностью, не должны подлежать критической оцѣнкѣ, которая, будто бы, колеблетъ народное уваженіе къ старинѣ“.

Затѣмъ, въ рѣчи своей о заслугахъ Ѳедора Григорьевича — М. И. Семевскій упомянулъ о томъ плодотворномъ вліяніи, которое имѣли на дѣятельность Солнцева — А. Н. Оленинъ, а въ послѣдствіи, по ходатайству Оленина — императоръ Николай Павловичъ. Государь самъ направлялъ археологическія поѣздки Солнцева, всегда съ живѣйшимъ сочувствіемъ относился къ его открытіямъ и художественнымъ произведеніямъ. Изданіе „Древностей Россійскаго государства“ исполнено по волѣ и на сумму пожалованную императоромъ Николаемъ I и — въ отношеніи художественномъ — т. е. во всемъ, что исполнено въ немъ Солнцевымъ, можетъ назваться совершенствомъ, отъ котораго очень далекъ текстъ описанія, обработка котораго была

Библиотека "Руниверс"

довѣрена Вельтману и Снегиреву. Для описанія древностей, которое было бы вполнѣ достойно рисунковъ Солнцева, потребно перо не просто любителя отечественной исторіи, но знатока вовсеоружіи науки. Недоброжелательство къ Солнцеву редакторовъ изданія „Древности" достигло, наконенъ, до того, что на первыхъ оттискахъ рисунковъ Солнцева они не допустили подписи его имени... На это обстоятельство обратилъ вниманіе императоръ Николай Павловичъ: приказавъ сдѣлать выговоръ коммисіи изданія за это небреженіе къ трудамъ художника, государь повелѣлъ, чтобы имя Солнцева выставлено было на каждомъ листѣ рисунковъ.

Рѣчь свою о заслугахъ и о художественныхъ произведеніяхъ Ѳ. Г. Солнцева — М. И. Семевскій заключилъ искреннимъ пожеланіемъ видѣть рано или поздно, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, продолженіе изданія „Древностей Россійскаго государства".

„Три тысячи совершенно готовыхъ рисунковъ Ѳ. Г. Солнцева хранятся въ Московской Оружейной палатѣ. въ ожиданіи появленіи своего въ свѣтъ; кромѣ того, въ портфеляхъ художника сберегается множество набросковъ, прорисей, снимковъ, чертежей, полуоконченныхъ и совершенно отдѣланныхъ рисунковъ. Вышедшіе семь томовъ „Древностей"— рѣдкость библіографическая и, грустно было бы за отечественную археологію, подумать, что рисункамъ, еще неизданнымъ, суждено, въ свою очередь, превратиться въ древность художественную! Рисунки Солнцева спасли отъ утраты многіе памятники старины, въ дѣйствительности нынѣ уже исчезнувшіе. Таковы: парчевой кафтанъ Бориса Годунова, который невѣдомо какъ — затерялся; древняя кольчуга русской работы, на каждомъ звѣнѣ которой читаемъ кличъ христіанскаго воинства: „съ нами Богъ, никто же на ны"—растрачена посѣтителями Оруж. Палаты, отрывавшими по колечку; совершенно цѣльная въ 1831 г., эта кольчуга нынѣ превратилась въ ничтожный лоскутокъ... Если подобная же растрата угрожаетъ и рисункамъ Солнцева, доселѣ еще неизданнымъ, тогда внуки наши и иноземцы въ правѣ будутъ упрекнуть насъ въ полномъ равнодушіи къ родной старинѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ къ отечественной исторіи. Мы справедливо дорожимъ списками нашихъ лѣтописей Нестора и его многочисленныхъ послѣдователей; не того-ли же самаго вниманія достойны труды нашего почтеннаго Нестора-основателя археологической живописи у насъ въ Россіи—Ѳедора Григорьевича Солнцева! Труды его—достояніе науки, драгоцѣнное наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ людей русскихъ, сокровище исторіи и художества".

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ Т. П. ПАССЕКЪ.

ГЛАВА XXI [1]).

Діомидъ Васильевичъ Пассекъ.

Я была объявлена невѣстой Вадима Пассека. Всѣ родные отнеслись къ этому сочувственно, кромѣ Александра. Въ немъ видѣнъ былъ оттѣнокъ того недовольства и грусти, съ которыми я смотрѣла на его дружбу съ Никомъ и на его страстное увлеченіе университетомъ. Былъ-ли это страхъ утратить въ Вадимѣ полезнаго общественнаго дѣятеля, опасеніе-ли потерять во мнѣ друга, къ нераздѣльной привязанности котораго онъ привыкъ съ дѣтства,—не знаю; знаю только, что онъ нѣсколько времени былъ печаленъ, холоденъ въ письмахъ къ Вадиму, и со мною. Мнѣ жаль было Сашу и самой тяжело. Я старалась вразумить его, что не могу отвлекать Вадима отъ полезной дѣятельности, и что дружбѣ моей къ нему нѣтъ возможности измѣниться, какъ нѣтъ возможности человѣку оторваться отъ своего прошедшаго; но что чувство другаго рода увлекаетъ меня еще сильнѣе, нежели его увлекаютъ Никъ и университетъ.

Оставаться долго въ холодныхъ отношеніяхъ мы не могли, и мало по малу, теплая дружба вступила въ свои права. Точно камень упалъ съ души моей, мѣшавшій мнѣ жить вполнѣ. Кромѣ того, что отчужденіе Александра огорчало и тяготило меня, чувство счастія было такъ велико, что не вмѣщалось въ груди—мнѣ не-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 805—852; томъ XVI, стр. 89—131.

Библиотека "Руниверс"

обходимо было дѣлиться имъ, и именно съ Александромъ. Никто не могъ такъ понимать меня, такъ мнѣ сочувствовать, какъ онъ. Съ нимъ я говорила о Вадимѣ, ему читала его письма.

Все, что было сдержаннаго въ душѣ до объясненія, горячимъ потокомъ выливалось въ этихъ письмахъ.

Письмо—это что-то среднее между живымъ словомъ и мертвой книгой, отъ любимаго человѣка—жизнь. Бумага въ рукахъ изчезаетъ, изчезаютъ слова; мысли, чувства становятся невещественной рѣчью, аккордами раздаются въ душѣ. Рѣчь, — порой безъ связи, огнемъ пробѣгаетъ по душѣ, молитвой уносится въ небо. Читаешь не одно то, что написано, но и то, чего ни земнымъ языкомъ, ни земной музыкой и выразить невозможно. Видишь между строкъ взглядъ любви и останавливаешь на немъ душу свою.

Изъ переписки моей съ Вадимомъ, я стала его понимать настоящимъ образомъ. Въ послѣдствіи всю жизнь стремилась подняться до его нравственной высоты, и никогда не могла до нея достигнуть.

Дѣла по раздѣлу имѣнія удержали Вадима въ деревнѣ до половины октября.

Въ іюлѣ ожидали въ Москву Діомида. Я знала, что Вадимъ дружнѣе всѣхъ братьевъ съ Діомидомъ, понимала, что впечатлѣніе, которое произведу на него, отзовется на Вадимѣ, и прибытія его боялась, не смотря на то, что уже имѣла о немъ понятіе—какъ изъ разсказовъ родныхъ, такъ и изъ его писемъ, и то, что узнала о немъ, должно бы было меня успокоить. Въ письмахъ Діомида, еще юноши, уже сквозитъ его характеръ, поэтому я нашла небезъинтереснымъ помѣстить въ моихъ воспоминаніяхъ небольшіе отрывки изъ нихъ [1]).

4-го ноября 1830 года онъ писалъ роднымъ:

Здравствуйте, родители, братья и сестры.

. . . . . .

«Какъ различна ступень, на которой стою, отъ той, на которой стоялъ! давно-ли за три тысячи верстъ, и горе, и рубище, и мракъ невѣдѣнія были моей долей!...

Когда прощался съ вами, слезы градомъ невольно покатились. Оставшись одинъ, не могъ ни плакать, ни думать, смотрѣлъ и не видѣлъ ничего..... Москва

[1]) Сообщено родной сестрой Діомида Васильевича, Людмилой Васильевной Пассекъ.

Библиотека "Руниверс"

скрылась. Закатился и день, встрѣтившій меня въ домѣ родномъ. Ночь налегла на окрестности. Промчали Клинъ,— боль души усиливалась и — я лишился чувствъ [1]), думая: умру — и ни одно родное слово не утѣшитъ въ послѣднюю минуту, ни одна слеза.... Мнѣ помогли. Слезы облегчили душу. Снова помчались.

Дальніе пѣтухи прокричали полночь. Перемѣнили лошадей. Была еще ночь.... На разсвѣтѣ миновали Тверь, къ обѣду Торжокъ, и снова холодная ночь.

Недвижна блѣдная луна,
На поле легъ туманъ,
Душа моя грустна....

Новгородская природа рѣзкой чертой отдѣлилась отъ смежныхъ губерній. Отъ границы идутъ грядами однѣ надъ другими возвышенности. Холмы усѣяны кустами и деревьями. Каждый холмъ можетъ служить крѣпостью и служилъ нѣкогда оградою вольности Новогородской. За Валдаемъ начинается плоскость— скатомъ къ морю; на ней Новгородъ. Неужели эти слабыя стѣны могли противостоять ливонцамъ, литовцамъ, полчищамъ московскимъ? Конечно нѣтъ! сильный духъ гражданъ хранилъ ихъ, а не эти слабыя ограды. Онѣ древни, но не дряхлы. Груды разрушенныхъ зубцовъ напоминаютъ послѣдній роковой ударъ. Обширныя ворота стоятъ, какъ эмблема гостепріимства и свободы Новгорода. Боже мой! стѣны эти видѣли славу древняго города, и не могутъ передать ее, а наводятъ уныніе, какъ памятникъ на гробѣ великаго; но это перерождается въ чувство возвышенное.

Огромныя слободы прилегаютъ къ городу. Образованіе ихъ не есть-ли остатокъ прежняго духа? Древніе монастыри стоятъ одиноко по пажитямъ. За Новгородомъ вездѣ виднѣется сосновый лѣсъ. Съ границы Петербурга сосновый лѣсъ начинаетъ оспаривать береза, ольха и, переспариваетъ.

За семь верстъ отъ Новгорода начинаются военныя поселенія».

(Отрывокъ изъ описанія поѣздки въ дилижансѣ).

«Одинъ изъ товарищей моей поѣздки, съ самаго выѣзда, не переставалъ напѣвать итальянскія и нѣмецкія фантазіи и пѣсни; раскланивался съ народомъ, веселился на его счетъ, и, смѣясь, выпивалъ водку у ѣхавшаго съ нами купца. Разъ ему вздумалось посидѣть со мною и пѣть разгульныя пѣсни. Ну, я испортилъ его здоровый желудокъ, и послѣ этихъ пѣсенъ мы оба успокоились.

Гостинница Померанія. 90 верстъ отъ Петербурга. Я заснулъ. Проснулся — ѣдемъ. Снова заснулъ. Проснулся. Вотъ огромные дома, каменные мосты,—Петербургъ. Я проспалъ 90 верстъ. На улицахъ—никого. По тротуарамъ зажужжали желѣзныя лопатки и—мы въ конторѣ.

Въ Петербургѣ каждый домъ вытянутъ въ линію и стѣсненъ другими зданіями, такъ что красоты его видѣть нельзя. По видимому, заботятся не столько о красотѣ, сколько о выгодахъ.

Созданіе выгодъ и расчета—непріятное созданіе.

Конечно, въ Петербургѣ есть зданія, какихъ не сыщешь въ Москвѣ, но отдѣльныя части не условія красоты цѣлаго.

---

[1]) Діомидъ Васильевичъ былъ очень впечатлителенъ: при сильномъ душевномъ движеніи падалъ въ обморокъ; также и при сильныхъ умственныхъ занятіяхъ. Т. П.

Библиотека "Руниверс"

«Въ Москвѣ каждое зданіе обрисовывается само по себѣ, и, вмѣстѣ съ окрестными зданіями, представляетъ прелестную картину.

Что можетъ быть прекраснѣе Кремлевской горы, съ ея древними башнями, зубцами, золотыми куполами! А видъ съ Царской площади на обширное Замоскворѣчье, съ садами, смѣющимися рощами, скатами Воробьевыхъ горъ! Этому виду уступитъ очаровательная Невская набережная, съ крѣпостью, дворцами, кораблями и дальнимъ синимъ взморьемъ. Кто забудетъ Москву съ ея безъискусственною прелестью, радушіемъ, открытой душой.

Красавецъ Петербургъ суетливъ, холоденъ, всѣмъ недосугъ, у всѣхъ свои виды, всѣмъ до себя.

Въ Петербургѣ — служить.

Въ Москвѣ — жить».

8-го ноября.

«Бьетъ девять часовъ. Уже двѣ недѣли я безъ васъ! двѣ недѣли взоръ мой не встрѣчаетъ взора роднаго! не слышу роднаго голоса! порой мнѣ кажется, я слышу васъ, обнимаю, плачу. Сердце ноетъ, а душа не приноситъ утѣшительной вѣсти съ родины».

10-го ноября.—Воскресенье.

«Ровно пять мѣсяцевъ, какъ я держалъ экзаменъ въ университетѣ. Порадуйтесь, друзья мои! Порадуйтесь! Я самъ радуюсь за себя. 50 человѣкъ офицеровъ окружало и слушало меня, и я былъ одобренъ экзаменаторами. Благословите меня, родители, друзья—и благословеніе Бога будетъ надо мною».

11-го ноября.

«Сей часъ получилъ отъ васъ письмо, и читалъ какъ кто проводитъ время.

Милые, милые! объ чемъ, родимые, ваши слезы? Плачьте, но пусть слезы ваши будутъ слезами радости. Въ бездѣйствіи я бы изнылъ, не отъ одного недостатка дѣятельности,—нѣтъ, малѣйшее противъ.... я рвался бы; а теперь что ни будетъ, есть опора, надежда на счастливую службу. Теперь служба моя счастлива, или, лучше сказать, счастье въ ней зависитъ отъ меня; а я не потеряю его, не буду безумно растрачивать время, какъ растрачивалъ нѣкогда. Нѣтъ! лучше не плачьте, не смущайте души моей, и путь мой будетъ твердъ.

Я плакалъ уѣзжая изъ Москвы, а теперь радуюсь, что здѣсь. Я думалъ, что утратилъ счастіе жизни, теперь думаю, что нашелъ его; но да не смущаетъ васъ мысль, что, оставя васъ, я радуюсь, какъ будто я люблю васъ меньше, какъ будто забылъ васъ. Нѣтъ, я люблю васъ болѣе, нежели когда нибудь; удалившись—цѣню болѣе нежели прежде. Узнавши опытомъ, безпристрастно смотрю на то, къ чему бы стремился невидавши.

Насъ называютъ несчастливцами.... Мы насчастливцы! Имѣя такихъ родителей, братьевъ, сестеръ, друзей! Вашъ Діомидъ».

Въ 1831-мъ году, Діомидъ Васильевичъ писалъ Вадиму:

Петербургъ [1]).—26-го сентября 1831 г.

Другъ и братъ Вадимъ!

«...Въ Петровскомъ паркѣ я сказалъ тебѣ послѣднее прости, и тройка понеслась по Московской дорогѣ. Былъ прекрасный полдень. Москва рисовалась

[1]) Подлинное письмо находится у Т. П. Пассекъ.

Библиотека "Руниверс"

во всемъ величіи. Какъ лампады, горѣли надъ ней златыя главы церквей и монастырей. Еще... еще... видна... изчезла.

Прости Москва, пріютъ родимый!
Прости!...

Мы скакали, мѣняли лошадей; въ мысляхъ, въ чувствахъ былъ хаосъ. Наконецъ изъ хаоса создался стройный міръ. Забытая радость проснулась въ руди, какъ будто я восторжествовалъ надъ всѣмъ, какъ будто перенесся въ новую жизнь».

«Тверь. Кто, смотря здѣсь на Волгу, скажетъ, что это тотъ исполинъ, который орошаетъ многолюдныя губерніи—прекрасную часть Россіи. Тысячи рѣкъ впадаютъ въ нее какъ средство явиться ей въ томъ величіи. Не такъ-ли геній, обладающій средствами для своего развитія, объемлетъ все, соображая, выводитъ новыя средства, способствующія достигнуть цѣли. Если же желѣзная рука обстоятельствъ стѣснитъ его—онъ погибнетъ въ толпѣ. Пусть кипятъ благородныя страсти, пусть творческій умъ слѣдитъ окружающее, погружается въ соображенія, страстность замретъ подъ угнетающей бѣдностью, силы упадутъ, вырываясь изъ тяготящихъ рукъ ея; умъ, лишенный средствъ развиться образованіемъ, погрязнетъ въ предразсудкахъ; стремясь къ новому, будетъ дѣлать ложные выводы, или найдетъ то, что давно уже было извѣстно. Такъ, смотря на Волгу, мысль моя невольно перенеслась къ генію. Да, геній, имѣющій средства развиться, подобенъ Волгѣ, вмѣщающей въ берегахъ своихъ обширную массу втекающихъ въ нее водъ.

Цѣль генія не слава, а удовлетвореніе внутренняго чувства и блага человѣчества.

Мѣдное. Ходилъ на кладбище. Это родъ мостовой: на каждой могилѣ два, три сѣрыхъ камня—признакъ, гдѣ прахъ утраченнаго.

Съ какой тоской, съ какимъ влеченіемъ идешь къ могилѣ любимаго существа, гдѣ хранится прахъ тебѣ священный....

Такъ бродилъ я съ тоской у могилы моего отца. Горячія слезы лились на дернъ, подъ которымъ хранятся его останки. Онѣ и теперь льются при воспоминаніи о немъ.

Со мной ѣхалъ испанецъ Онъ горячился на дождь: «если бы можно было, я бы закололъ его кинжаломъ»,—говорилъ онъ. Бѣсился на дорогу, на экипажъ, на то, что ѣхали, на день, на ночь, на то и на то, ну, словомъ,—на все. Наконецъ ему пришла идея посердиться на меня. Я однимъ взглядомъ оледенилъ его испанскую кровь, и онъ цѣлую станцію молчалъ, и ни на кого не сердился.

Тверскія равнины очаровательны! мѣстами, какъ острова, темнѣютъ рощи, виднѣются берега Тверцы. Далѣе лѣса увеличиваются, равнина превращается въ цѣпь холмовъ; центръ ихъ и главная возвышенность подъ Ижорской станціей. Тутъ видно какъ бы послѣднее усиліе природы восторжествовать надъ низменностію, холмы исчезаютъ, однообразныя болота тянутся на сотни верстъ. Утомительно тяжело! и вдругъ Петербургъ, рожденный геніемъ Петра.

За Валдаемъ гряда холмовъ образуетъ пространную ложбину, по которой, извиваясь, струится источникъ.

Я помню другія рѣки. Рѣка съ шумомъ несется подъ ногами, и дробясь сыплется въ бездну. Надъ ней гулъ тысячи молотковъ сливается съ шумомъ воды. Вдали подернутыя мохомъ скалы упираются въ скалы, образуя цѣпи горъ. Эти горныя цѣпи высятся надъ облаками, оковываютъ сводъ неба и сли-

Библиотека "Руниверс"

ваются съ дальней, синей мглою. Душа скоро утомляется такимъ величіемъ — хочется отдыха и болѣе кроткихъ видовъ.

. . . . . .

Я люблю осень. Шелестъ падающихъ листьевъ, пожелтѣвшія поля, шумъ осенняго вѣтра—отрадны мнѣ. Можетъ, уныніе природы и вой вѣтра родственны моей душѣ; вѣрно на ней остался отпечатокъ моей печальной юности...»

По желанію матушки, иногда я оставалась у нее ночевать. Спала я въ ея комнатѣ, на одной постелѣ съ старшей сестрой Вадима—Олинькой, которую очень любила.

29-го іюля, только что всѣ легли спать, какъ послышалось въ домѣ движеніе, затѣмъ шумъ и радостный крикъ: «Доша, Доша!» (такъ называли въ семействѣ Діомида). Матушка торопливо встала съ постели, накинула на себя капотъ, и поспѣшно пошла встрѣчать Діомида; за ней, набросивши на себя платье, побѣжала Олинька, сказавши мнѣ: «одѣвайся скорѣе, Таня»; оставшись одна въ темнотѣ, я встала съ постели, надѣла на босую ногу башмаки, а на себя свою холстинковую блузу, и, стоя у кровати, раздумывала, идти ли ко всѣмъ или оставаться тутъ, какъ услышала за дверью юный, твердый голосъ Діомида: «гдѣ же Таня?», говорилъ онъ, «представьте меня ей». Съ этими словами дверь въ спальную растворилась и, при свѣтѣ свѣчи, горѣвшей въ другой комнатѣ, я увидала высокаго, стройнаго молодаго человѣка, въ голубомъ мериносовомъ бешметѣ, съ серебряными снурками.

Я стояла у кровати, чуть дыша отъ душевнаго безпокойства «Это невѣста Вадима», сказалъ Діомидъ, быстро подходя ко мнѣ и ласково протяжнымъ голосомъ добавилъ «какая крошка!» (такъ названье крошки онъ и оставилъ за мной).

Его тихій, кроткій голосъ успокоилъ меня нѣсколько.

— «Что же это мы остаемся въ полутьмѣ,—говорилъ Діомидъ,—пойдемте на свѣтъ, дайте намъ познакомиться», и взявши меня за руку, привелъ въ диванную, гдѣ сестры уже встали, были одѣты, все семейство сошлось, и во всѣхъ комнатахъ горѣли свѣчи.

Не опуская моей руки, Діомидъ пристально посмотрѣлъ на меня, и, улыбнувшись, сказалъ:

— «Мнѣ кажется, я увидалъ васъ послѣ долгой разлуки, а вамъ?»

Взглянувши въ глаза Діомиду, устремленные на меня съ той

Библиотека "Руниверс"

нѣжностію, съ которой смотрятъ на симпатичнаго намъ ребенка, отвѣтила тихонько:

— Также.

— «Что же это,—весело продолжалъ Діомидъ, крѣпко пожавши мнѣ руки,—мы точно чужіе говоримъ другъ другу вы, вѣдь мы съ тобой свои, друзья, милая крошка, Таня, не такъ ли? да?»

— Да, отвѣчала я, и придумывая какое бы названіе прибавить къ имени Діомида, взамѣнъ даннаго имъ мнѣ прозванья «крошка», всматриваясь въ него, какъ-то безотчетно, не подумавши, добавила: «прелесть Доша».

И дѣйствительно, Діомидъ былъ очень хорошъ собою. Взоръ его темно-карихъ глазъ былъ полонъ огня и задушевности. Довольно большой ротъ выражалъ сильную волю, энергію и мужество, между тѣмъ какъ въ улыбкѣ, и въ немъ во всемъ, разлита была та ясность и та дѣтская грація, которая вызываетъ довѣріе. Когда онъ говорилъ, одушевленный какой-нибудь идеей, въ голосѣ его и во взорѣ было столько искренности и обаянія, что многіе покорялись ихъ вліянію. При свѣтломъ умѣ, онъ до глубины души былъ религіозенъ. Изъ этого основанія истекалъ весь образъ его жизни. Онъ нѣжно любилъ мать и все семейство. Съ чувствомъ вспоминалъ о своемъ дѣтствѣ, о лишеніяхъ, на которыя обрекала себя мать его ради дѣтей своихъ, о жертвахъ, приносимыхъ братьями и сестрами, и всегда говорилъ, что семейству своему онъ обязанъ лучшей частію самого себя. Въ семейныхъ отношеніяхъ онъ видѣлъ основу гражданскаго общества и смотрѣлъ на нихъ съ большимъ уваженіемъ.

Къ недостаткамъ Діомида можно отнести чрезмѣрную вспыльчивость. Вспыливши, онъ забывалъ все. Глаза его, сверкнувши, потухали, становились грозны и темны, огонь сосредоточивался въ груди. Въ спорахъ иногда онъ до того разгорячался, что разрывалъ на части носовой платокъ.

Поприщемъ своей дѣятельности Діомидъ избралъ военную службу, и неуклонно шелъ къ своей цѣли.

Силу воли, мужество и военныя способности онъ доказалъ на дѣлѣ. Тридцати пяти лѣтъ отъ роду, безъ всякой протекціи, достигъ славы кавказскаго героя, вѣроятно, достигъ бы еще большаго, если бы безвременная кончина не отняла его отъ Россіи

Библиотека "Руниверс"

и отъ матери: онъ былъ убитъ въ сраженіи съ черкесами, подъ Дарго, въ извѣстную «сухарную» экспедицію [1]).

Вадимъ очень желалъ, чтобы Діомидъ сблизился со мною. Въ первыхъ числахъ августа я писала Вадиму, между прочимъ:

«Ты хотѣлъ, чтобы мы съ Діомидомъ полюбили другъ друга, мы и подружились, но не потому только, что тебѣ хотѣлось этого, а по взаимному влеченью.

«Сегодня утромъ, пока маменька хлопотала по хозяйству, Доша долго ходилъ со мной по двору,—разсказывалъ мнѣ о своемъ дѣтствѣ, о страданіяхъ, вынесенныхъ семействомъ въ Сибири, о минутѣ вашего освобожденія, поѣздкѣ изъ Тобольска въ Москву,— и довѣрилъ свои планы въ настоящемъ».

Небольшую часть разговора со мною Діомидъ помѣстилъ въ двухъ статьяхъ въ Очеркахъ Россіи. Одна—письмомъ къ редактору подъ названіемъ «Воспоминанія о Сибири и Казани» [2]), другая просто «Воспоминанія о Сибири».

«Письмо изъ Казани, писалъ онъ, пробудило въ душѣ моей, братъ и товарищъ дѣтства моего, воспоминанія первыхъ лѣтъ нашей юности. Вспомнилось мнѣ, какъ мы приближались къ Казани.

Былъ теплый лѣтній вечеръ, солнце закатывалось, дорога шла молодымъ дубовымъ лѣсомъ. Какъ ждали мы, когда откроется передъ нами городъ. Съ ка-

---

[1]) «Діомидъ Васильевичъ Пассекъ, сказано въ изданіи «Кавказцы», кончилъ жизнь 37 лѣтъ; русская армія понесла въ немъ утрату. Онъ, по своему высокому образованію, замѣчательнымъ способностямъ и быстротѣ соображенія, подавалъ самыя блестящія надежды.

«Не будучи честолюбивымъ, онъ цѣнилъ славу какъ достояніе родины и изъ за нея многое прощалъ товарищамъ и подчиненнымъ, послѣднимъ иногда до слабости. Былъ скоръ и рѣшителенъ, щедръ и гостепріименъ, любилъ жить открыто и весело въ кругу товарищей и друзей; очаровывалъ женщинъ остротою ума и любезностію.

«Онъ любилъ отечественную литературу и ею занимался. Изъ его сочиненій замѣчательно «Сравненіе Карла XII съ Петромъ Великимъ какъ полководцемъ». Первая часть этого сочиненія напечатана въ «Очеркахъ Россіи», издаваемыхъ его братомъ Вадимомъ Васильевичемъ Пассекомъ въ 1840 году (часть IV)».

Діомидъ Васильевичъ принималъ горячее участіе въ изданіи «Очерки Россіи». Онъ, также какъ и Вадимъ, намѣренъ былъ помѣщать въ этомъ изданіи статьи о жизни ихъ семейства въ Сибири и, по ихъ освобожденіи, въ Москвѣ, и статьи о военныхъ событіяхъ, но исполнить этого не успѣлъ. По неожиданнымъ, глубоко огорчившимъ его обстоятельствамъ, онъ пожелалъ быть переведеннымъ на Кавказъ.

[2]) «Очерки Россіи» 1840 года, часть III, смѣсь, стр. 21, письмо къ издателю, по поводу письма изъ Казани.

Библиотека "Руниверс"

кимъ вниманіемъ всматривались въ полосу зданій, когда направо открылся передъ нами городъ, какъ хотѣлось добраться до него до ночи, и съ дѣтскимъ любопытствомъ смотрѣли на громаду зданій. До этихъ поръ мы не видали ни одного города, такого обширнаго, такого великолѣпнаго. Казань удовлетворяла нашимъ мечтамъ о городахъ».

Далѣе, Діомидъ дѣлаетъ историческій очеркъ Казани, бросаетъ взглядъ на ея значеніе и, сказавши нѣсколько словъ о ея промышленности, опять обращается къ личнымъ воспоминаніямъ.

«Помнишь-ли, другъ мой, какъ мы, бродя по обширнымъ лугамъ Волги и Казанки, измѣряли взоромъ крутизну высоты, на которой стоитъ древній городъ и его низкія стѣны, какъ тонули мыслью въ вѣкахъ минувшихъ. Передъ нами воскресалъ станъ Грознаго, битвы подъ стѣнами и ужасъ паденія столицы царства Казанскаго. И вотъ, я какъ будто стою у памятника, на могильномъ курганѣ русскихъ, приближаюсь къ огромной, усѣченной пирамидѣ—памятнику, молюсь въ устроенной внутри его часовнѣ, всматриваюсь со страхомъ въ черты грознаго царя, и проникнутый тяжелымъ, трепетнымъ чувствомъ, спускаюсь по темной, тѣсной лѣстницѣ въ могильный склепъ. Свѣтъ неугасаемой лампады горитъ передъ святой иконой, озаряя полуистлѣвшія кости падшихъ уже почти три вѣка.

«Прекрасно пасть за отчизну на полѣ славы! Діомидъ Пассекъ».

«17-го іюня 1820 года,—говоритъ Діомидъ Васильевичъ, въ статьѣ «Воспоминанія о Сибири»,—на широкомъ дворѣ нашего тобольскаго дома, или, лучше, замка, окруженнаго со всѣхъ сторонъ садами и огородами, стояла бойкая тройка, запряженная въ телѣжку, и мы, трое братьевъ, легко одѣтые и вооруженные отъ недобрыхъ людей, рано по утру, простившись съ отцомъ и матерью, окруженные толпой меньшихъ братьевъ и сестеръ, отправлялись къ Искеру. Кони мчали насъ легко по гладкой лѣсистой сибирской дорогѣ. Переѣхали оврагъ Ивановскаго монастыря—умѣрили горячность.

Утро было роскошно. Все дышало миромъ. Душа была радостна—жизни, жизни жаждала.

Только что мы выѣхали изъ лѣса, какъ тройка понесла насъ вдоль деревни къ обрыву въ 33 сажени, прямо надъ Иртышомъ. Еще мгновенье и мы полетѣли бы въ бездну. Средній братъ, правившій лошадьми, не по лѣтамъ владѣвшій присутствіемъ духа, заставилъ ихъ сдѣлать крутой поворотъ и укротилъ ихъ бѣшенство.

Въ сопровожденіи деревенскихъ мальчишекъ, мы отправились къ Кучумову городищу. Подъ этимъ названіемъ извѣстны жителямъ бѣдные остатки царства Сибирскаго.

Когда мы вступили въ него, намъ открылось пространство саженей въ 50 длины и ширины. Его ограничиваютъ съ трехъ сторонъ прямолинейные срѣзы, съ четвертой, въ видѣ съуженнаго осьмиугольника, оно обращено къ Иртышу, при его впаденіи въ рѣку Сибирку—и образуетъ мысъ.

При спускѣ къ руслу рѣки, сохранилось нѣсколько колодцевъ, засоренныхъ и заваленныхъ искателями кладовъ.

Ближе къ восточной сторонѣ есть признаки жилья: ямы, кирпичи — поросшія кустами крапивы, признакомъ запустѣнія. Три глубокія ямы, по преданію татаръ, служили темницами. За оврагомъ видны признаки бывшихъ кладбищъ.

Библиотека "Руниверс"

Отъ Искера отвалилось въ Иртышъ около 40 саженей.

Судя по стремительности Иртыша, вѣроятно, онъ подмоетъ мысъ Чувашскій, затопитъ Подчувашскій лугъ, и покроетъ весь подолъ Тобольска. Не смотря на то, что я со смѣлостью горца привыкъ взбираться на крутизны и спускаться съ обрывовъ, съ чувствомъ опасенія смотрѣлъ, какъ воды Иртыша съ глухимъ шумомъ дробились о нависнувшій обрывъ.

Горный берегъ, желтой, громадной стѣной, увѣнчанной зеленью, полукругомъ опоясываетъ Иртышъ, съ юга на сѣверъ, до синей дали. На немъ бѣлѣютъ стѣны Абалотской обители съ золотыми крестами; виднѣется село Преображенское, дома котораго показываютъ довольство сельскаго быта Сибири. Вдали синѣется прорѣзъ оврага и монастырская роща Ивановской обители. На противоположномъ берегу Иртыша серебрится на необозримое пространство песчаная полоса съ бѣдными татарскими юртами, съ стадами воронъ и грачей, съ крикомъ гнѣздящихся въ татарскихъ рощахъ.

Далеко за полдень мы возвратились въ деревню, отдохнули, и быстро перенеслись въ родной домъ».

Въ четвертомъ номерѣ «Очерковъ Россіи» помѣщена большая статья Діомида Васильевича: Карлъ XII.

Во-второмъ номерѣ находится его статья подъ названіемъ: Шведская могила подъ Полтавою. Оканчивая ее, Діомидъ Васильевичъ говоритъ:

«Эта могила можетъ служить памятникомъ славы величайшаго изъ царей памятникомъ генія Петра Великаго».

Сдѣлавши очеркъ битвы подъ Полтавою и предшествующихъ ей событій, онъ описываетъ печальное торжество 28-го іюня, въ присутствіи Петра Великаго.

«Во время панихиды Петръ Великій присоединялъ свой голосъ къ голосу клира; пѣніе его прерывалось слезами; видя это, плакали и окружающіе. И кто бы не тронулся этими слезами? плакалъ не слабый мужъ надъ этой могилой но мужъ желѣзной воли, геній преобразователь Россіи.

По окончаніи панихиды, царь обратился съ прощальнымъ словомъ къ убитымъ, и первый началъ засыпать ихъ землею.

Когда насыпали курганъ, царственными руками водрузилъ на немъ крестъ съ надписью:

«Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709 іюня 27-го дня» и тогда же издалъ указъ «о поминовеніи убитыхъ во вѣки».

Теперь на курганѣ стоитъ другой крестъ, и другая, слѣдующая надпись: «а о Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему не дорога, была бы жива Россія, вѣра и благоденствіе ваше».

Сравнивая Петра I съ современными ему полководцами,—заключаетъ свою статью Діомидъ Васильевичъ,—съ Карломъ XII, Мальборугомъ, принцемъ Евгеніемъ, которыми такъ гордится Европа, открывается вся высота и превосходство въ военномъ отношеніи преобразователя Россіи надъ своими современниками. Въ этомъ убѣждаетъ строгое изученіе военныхъ событій.

Выводы свои я постараюсь передать въ слѣдующихъ книгахъ «Очерковъ Россіи», гдѣ представлю со всей отчетливостью дѣла Петра Великаго».

Библиотека "Руниверс"

Исполнить этого желанія Діомидъ Васильевичъ не могъ, по разнымъ обстоятельствамъ.

Передъ Петромъ Великимъ онъ преклонялся какъ передъ величайшимъ и могущественнѣйшимъ изъ геніевъ.

Однимъ утромъ, въ первыхъ числахъ августа, я писала Вадиму:

«Сегодня вечеромъ, Доша ѣдетъ къ М—вымъ, у которыхъ, помнишь, бывши студентомъ, давалъ уроки. Онъ сказалъ мнѣ о своей любви къ Катѣ М—ой... Я бы хотѣла, чтобъ Доша былъ счастливъ такъ, какъ мы съ тобой счастливы. Любовь—путь къ небу. Мнѣ бы хотѣлось указать на него всему свѣту».

«Вообрази, Вадимъ,—подъ этимъ приписалъ Діомидъ—я сижу подлѣ твоей невѣсты и пишу тебѣ, чтобы сказать, что ты будешь счастливъ съ твоей прекрасной Таней, такъ счастливъ, какъ только можетъ быть счастливъ человѣкъ съ душой, какая у тебя. Твой Діомидъ».

Въ письмахъ Діомида и Вадима ко мнѣ, не разъ встрѣчаются ласкательныя названія, вызываемыя ихъ ко мнѣ чувствами и духомъ времени, идеально восторженное настроеніе котораго проникало все. Я ничего не измѣняю въ ихъ письмахъ и запискахъ, писанныхъ не для печати, а для родныхъ и друзей,—они вѣрнѣе всего очертятъ этихъ дорогихъ мнѣ людей, быстро, но не безслѣдно прошедшихъ по землѣ.

«Діомидъ Васильевичъ Пассекъ, — сказано въ изданіи: Кавказцы, жизнь и подвиги замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ на Кавказѣ, — занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ между лицами, пользующимися громкою извѣстностью по отличіямъ въ кавказской войнѣ въ царствованіе императора Николая Павловича». Діомидъ Васильевичъ родился въ Тобольскѣ 1807 года, учился вмѣстѣ съ братьями своими въ Тобольскомъ уѣздномъ училищѣ, потомъ перешелъ въ Тобольскую гимназію и кончилъ тамъ курсъ. По возвращеніи изъ Сибири поступилъ въ Московскій университетъ, на математическій факультетъ, и кончилъ кандидатомъ.

Съ малолѣтства Діомидъ Васильевичъ отличался тупостью и видимой неспособностью излагать свои мысли. Весь организмъ его былъ какъ бы сосредоточенъ на одномъ физическомъ развитіи. Онъ все время проводилъ въ бѣганьи, лазиньи по деревьямъ, заборамъ, крышамъ, былъ очень силенъ и ловокъ [1]). Съ четырнад-

[1]) Сообщено братомъ Діомида Васильевича, Богданомъ Васильевичемъ Пассекъ.

Библиотека "Руниверс"

цатилѣтняго возраста, способности его стали ярко проявляться, такъ что въ гимназіи и университетѣ онъ былъ изъ лучшихъ воспитанниковъ. Не имѣя ни книгъ, ни записокъ, не занимаясь повидимому, онъ отлично помнилъ все прочитаное на лекціи. Товарищи часто просили его прочитать имъ то, что читалось наканунѣ, или еще прежде, и онъ повторялъ лекцію почти отъ слова до слова. Несмотря на то, что былъ математикъ, онъ ходилъ на лекціи другихъ профессоровъ, и быстро все усвоивалъ. Свободное время занимался литературой. Въ 1830 году, онъ вышелъ изъ университета и уѣхалъ въ Петербургъ, держалъ экзаменъ въ институтѣ корпуса путей сообщенія и выдержалъ со славою на прапорщика, съ оставленіемъ при институтѣ въ должности репетитора и назначеніемъ въ резервъ того же корпуса; изъ резервовъ былъ переведенъ въ 1-й округъ путей сообщенія. Въ 1836 г. слушалъ курсъ въ военной академіи и произведенъ въ капитаны еще по корпусу инженеровъ путей сообщенія.

По окончаніи курса онъ писалъ своему брату Вадиму:

«Другъ мой Вадимъ! Я тебѣ не отвѣчалъ на два письма, и не мудрено—я былъ чертовски занятъ, приготовлялся на страшный экзаменъ и держалъ его ровно 30 дней. Теперь все кончилъ. Теперь я свободенъ, теперь я въ усахъ и въ аксельбантѣ. Еще 8 мѣсяцевъ пробуду въ академіи (военной) и прикомандируюсь къ генеральному штабу. Мнѣ досталось въ капитаны и тѣмъ же чиномъ перейду въ штабъ, если же буду изъ отличныхъ, то въ гвардейскій штабъ. Теперь все зависитъ отъ меня, а что зависитъ отъ меня, то, можно надѣяться, будетъ мое.

Ты писалъ мнѣ о какомъ-то проектѣ; если онъ пойдетъ по начальству и исполненіе будетъ зависѣть отъ твоихъ средствъ, я берусь, что его утвердятъ. Какъ твои ученые труды? Я, по окончаніи академическаго курса, надѣюсь издать очень важное и серьезное о военныхъ наукахъ и новаго рода географически-статистическія карты. Впрочемъ, если откроется дѣло въ полѣ, я ни строчки не напишу; я думаю, что пишутъ тогда, или тѣ, когда нельзя или неспособны дѣйствовать. Адресуй мнѣ въ Императорскую военную академію. Кстати объ академіи — не говоря о средствахъ и пособіяхъ, которыя доставляютъ въ этомъ заведеніи, оно, по обширности и многосложности предметовъ и по развитію ихъ, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду высшихъ военныхъ заведеній Европы; а по вниманію, какое на него обращаетъ высшее начальство и самъ императоръ, я увѣренъ, скоро будетъ первымъ заведеніемъ въ Европѣ. Я говорю не пристрастно, нѣтъ, я чуждъ пристрастія, и ничто не вынуждаетъ меня воздавать похвалы, — послѣдствія оправдаютъ мое мнѣніе. Я горжусь именемъ академика и когда чѣмъ бы я ни былъ, на всѣхъ ученыхъ трудахъ моихъ буду подписываться воспитанникомъ Императорской военной академіи. Твой навсегда Діомидъ».

Библиотека "Руниверс"

Кончивши курсъ въ военной академіи, Діомидъ Васильевичъ въ чинѣ капитана былъ причисленъ къ генеральному штабу, съ прикомандированіемъ для узнанія фронтовой службы къ Образцовому кавалерійскому полку, а въ 1838 году переведенъ въ генеральный штабъ; въ 1839 г. былъ назначенъ въ 6-й пѣхотный корпусъ, въ августѣ участвовалъ въ празднованіи Бородинской годовщины. Пылкій, горящій потребностью дѣятельности, послѣ бородинскихъ маневровъ онъ просился въ экспедицію съ Перовскимъ, но это не удалось. Въ 1840 г., по прошенію его, былъ переведенъ на Кавказъ. Здѣсь онъ находился во многихъ экспедиціяхъ и своей храбростью въ скоромъ времени сдѣлался извѣстнымъ. Числясь при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ, въ 1841 г. участвовалъ въ пораженіи Шамиля въ Гимринскомъ ущеліи, во взятіи штурмомъ заваловъ, укрѣпленій, пещеръ и занятіи съ боя селенія Гимры. Въ первомъ военномъ совѣтѣ, Діомидъ Васильевичъ возбудилъ противъ себя гнѣвъ начальника кавказскаго корпуса Головина, за рѣзко высказанное мнѣніе. Вслѣдствіе этого былъ посланъ, какъ бы въ наказаніе, въ отрядъ къ генералу Шварцу. По инструкціи Головина, Шварцъ далъ Пассеку весьма трудное порученіе въ Закаталы, изъ котораго онъ вышелъ съ отличіемъ. Вскорѣ Головинъ былъ смѣненъ Нейдгардтомъ. Нейдгардтъ обратилъ особенное вниманіе на Діомида Васильевича [1]).

---

[1]) «Въ продолженіи трехъ лѣтъ Пассекъ побывалъ на главнѣйшихъ театрахъ нашихъ военныхъ предпріятій. Среди постоянныхъ военныхъ тревогъ и различныхъ порученій, возлагаемыхъ на него начальствомъ,—читаемъ мы о немъ въ изданіи «Кавказцы»,—онъ находилъ время ознакомиться съ нравами и обычаями горскихъ племенъ и съ духомъ ихъ общественныхъ учрежденій. Занятія эти были для него наслажденіемъ. Онъ называлъ «политикою горъ»—стремленія Шамиля къ преобладанію и средства, употребляемыя имъ къ расширенію и упрочиванію своей власти въ горахъ. Подробно изучалъ личныя качества, характеръ, взаимныя отношенія главнѣйшихъ помощниковъ Шамиля, говоря, что «всего важнѣе знать тѣхъ, съ кѣмъ имѣешь дѣло». Такое же вниманіе онъ обращалъ на мѣстность, играющую важную роль въ горной войнѣ. Память у него была до того хороша, что онъ помнилъ малѣйшіе оттѣнки однажды пройденнаго имъ пути, сколько-нибудь замѣчательнаго. Замѣтки, дѣланныя имъ на скорую руку, въ часы досуга, могли бы служить богатымъ матеріаломъ для топографіи Кавказа. Къ сожалѣнію, всѣ бумаги пропали послѣ его кончины.

«Занятіемъ Аваріи и геройской обороной Зирянскаго укрѣпленія, этой одной изъ блистательныхъ страницъ въ исторіи кавказской войны, извѣстной только по слухамъ, такъ какъ о ней не было печатано, Діомидъ Васильевичъ показалъ блестящія способности, быстроту соображенія, осмотрительность, храбрость,

Библиотека "Руниверс"

4-го марта 1844 года, Діомидъ Васильевичъ писалъ къ роднымъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры:

«Милые, безцѣнные родные! Принимаю полкъ, учу, учусь, занимаюсь и заставляю заниматься, хлопочу и хлопочатъ всѣ. Хозяйничаю и хозяйство пребольшое: швальни, кузницы, столярни, слесарни, славный домъ, кладовыя, огромный погребъ въ 600 возовъ льда, огородъ, садъ и даже 70 ульевъ пчелъ. Знаете-ли, дорогая маменька, чего не достаетъ? хорошенькой хозяйки. Пріѣду къ вамъ, и если не у васъ въ Москвѣ, то подъ Москвою, женюсь, когда благословитъ Богъ.

Теперь исполняю обѣтъ мой: изъ первыхъ денегъ отправляю 200 руб. и прошу васъ, мои друзья, сдѣлать на нихъ образъ Матери Божіей съ Младенцемъ и на него ризу серебряную, позолоченную и поставьте его въ нашу церковь; когда приму полкъ, вышлю на хоругви и на необходимыя поправки въ церкви. Остальные сто рублей я посылаю, по давнишнему обѣщанію моему заботиться о вашемъ туалетѣ, маменька, вамъ, и каждый мѣсяцъ буду высылать вамъ мой долгъ.

Теперь буду просить васъ взять гувернера Богдану (Пассеку), заплатите гувернеру 1½—2 тысячи, это не будетъ значить ничего для меня,—безъ знанія же иностранныхъ языковъ, куда какъ тяжело. Тебя же, Богданъ, прошу не терять времени. Ради Бога, не упусти моей просьбы и возможности вамъ, меньшимъ, получить образованіе, необходимое въ свѣтѣ. Напишите мнѣ, что̀ будетъ сдѣлано.

Съ нетерпѣніемъ жду свиданія съ вами. Господь благословляетъ меня не по дѣламъ моимъ, а по неизреченному милосердію, благословитъ и свиданіемъ съ вами, и да хранитъ васъ на радость мою и другъ друга — весь вашъ Діомидъ.

Прилагаю приказъ, отданный мною по полку при вступленіи моемъ въ командированіе».

Посвящая все свободное время чтенію, описанію Кавказа и хозяйству, Діомидъ Васильевичъ не отказывался и отъ общества.

энергію и твердость характера, сказано въ «Кавказцахъ» и съ этого времени занялась заря его славы, съ которой онъ уже и не разставался до смерти».

Въ 1843 году, находясь въ отрядѣ полковника Ясинскаго, противъ возмутившихся аварцевъ, Пассекъ принялъ этотъ отрядъ подъ свою команду, когда полковникъ Ясинскій, въ самую критическую минуту, отказался имъ командовать.

Болѣе мѣсяца Діомидъ Васильевичъ держался въ Зирянахъ, безъ всякихъ запасовъ и надежды на выручку. Окруженный со всѣхъ сторонъ горцами, отбиваясь ежедневно, онъ успѣлъ поддержать и духъ отряда, и навести ужасъ на окружавшія его скопища. Такимъ образомъ, своей неустрашимой храбростью и распорядительностью, успѣлъ удержать Аварію отъ перехода къ Шамилю. По приближеніи къ нему отряда подъ командою генерала Клюки фонъ-Клугенау, вывелъ свой отрядъ изъ дѣла со славою. Дѣло это обратило на него вниманіе государя императора Николая Павловича, и въ теченіе мѣсяца—Діомидъ Васильевичъ за отличіе по службѣ произведенъ былъ въ полковники, съ назначеніемъ командиромъ Апшеронскаго полка, а за защиту Зирянъ награжденъ орденомъ Георгія 4-й степени и вслѣдъ затѣмъ получилъ чинъ генералъ-маіора.

Библиотека "Руниверс"

Каждый день къ нему на обѣдъ собиралось очень много посѣтителей. Онъ былъ привѣтливъ, владѣлъ рѣчью, говорилъ съ жаромъ, съ увлеченіемъ, лицемѣрить, льстить не умѣлъ, даже съ высшимъ начальствомъ говорилъ прямо, открыто, смѣло, какъ понималъ каждаго. Это многихъ вооружало противъ него.

Въ 1844 г., въ Салатавскую экспедицію, Діомидъ Васильевичъ, подъ Качи-Шурой, съ отрядомъ своимъ былъ окруженъ нѣсколькими тысячъ горцевъ. Уже значки непріятеля двигались къ нашимъ все ближе и ближе, уже блестѣли шашки и кинжалы, и порывы одушевленія горцевъ едва сдерживались стойкостію нашихъ солдатъ. Всѣ понимали, что неизбѣжно умереть, но Діомидъ Васильевичъ не терялъ надежды. Онъ весело объѣзжалъ фронтъ, и, приблизившись къ казакамъ, спросилъ ихъ, могутъ ли они сдѣлать еще атаку?

— «Почему нѣтъ, ваше превосходительство»,—отвѣчали казаки. Когда все было готово по распоряженію Діомида Васильевича, онъ пустилъ картечью по значкамъ горцевъ и, не давши имъ опомниться, крикнулъ «ребята, татарва бѣжитъ, кто апшеронецъ—за мной!» Солдаты увѣренные, что непріятель бѣжитъ, ударили въ штыки, казаки въ дротики, еще разъ пустили картечью. Передніе ряды горцевъ поколебались, задніе ряды напирали на передніе – и образовалась одна волнующаяся масса. Казаки, пѣхота, горцы, пики, шашки, штыки, кинжалы, — все перемѣшалось. Горцы стали отступать медленно, потомъ обратились въ бѣгство. Преслѣдованіе превратилось въ травлю. Горцевъ гнали, топтали конями и втоптали въ Качи-Шуру. Діомидъ Васильевичъ велѣлъ ударить отбой. Конь подъ нимъ, израненный, хромалъ, сабля была облита кровью, лицо сіяло радостью побѣды и славы.

Жители ближайшихъ селеній, наблюдавшіе съ высотъ, поспѣшили поздравить нашихъ съ побѣдой, и извинялись, что не пошли на помощь. «Не нуждались въ вашей помощи, сухо отвѣчалъ Діомидъ Васильевичъ, но могу поздравить васъ съ тѣмъ, что не присоединились къ непріятелю».

Слѣдствіемъ этой побѣды было успокоеніе михтулинскихъ и шамхальскихъ владѣній.

Въ дѣлѣ при Гилли, по свидѣтельству очевидца, былъ самъ Шамиль съ 27,000 человѣкъ горцевъ; противъ нихъ 1,400 человѣкъ нашихъ,—но ими командовалъ Пассекъ.

Библиотека "Руниверс"

Генералъ Лидерсъ писалъ главнокомандующему: «Столь знаменитую побѣду, одержанную надъ непріятелемъ, по всей справедливости должно приписать отличнымъ дарованіямъ, присутствію духа и распорядительности генералъ-маіора Пассека, который, личнымъ примѣромъ, геройской храбростію одушевилъ войско и велъ его въ атаку. Не принимая на себя назначеніе награды ген.-маіору Пассеку, прошу ваше высокопревосходительство заслугу его повергнуть всемилостивѣйшему благоизволенію государя императора».

29-го сентября того же года Пассеку, въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ этомъ дѣлѣ, данъ орденъ св. Владиміра—на шею.

За исполненіе порученія по Салатавскому обществу, данному Діомиду Васильевичу ген.-адъютантомъ Нейгардтомъ, Діомидъ Васильевичъ былъ сдѣланъ командиромъ 2-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи. Онъ сдалъ ввѣренный ему Апшеронскій полкъ преемнику своему, полковнику Ковалевскому, и, простясь съ любимыми имъ апшеронцами, съ которыми пріобрѣлъ столько славы, отправился къ своей бригадѣ. Всѣ жители Темиръ-Ханъ-Шуры прощались съ нимъ съ сожалѣніемъ. Дамы поднесли ему бѣлый значекъ, на которомъ былъ вышитъ золотомъ крестъ.

Занятіе Анчимирской горы, въ 1845 году, открыло намъ доступъ изъ Салатавіи въ Гумбетъ, а изъ Гумбета въ Андію; изъ Андіи выступили въ Дарго, пробираясь черезъ высокій перевалъ Речель, по обрывамъ глубокихъ овраговъ, дремучимъ лѣсомъ Искеринскимъ, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчали завалы, и къ ночи прибыли въ Дарго—главное убѣжище Шамиля. Діомидъ Васильевичъ участвовалъ въ этой кампаніи командуя частями своей бригады, которой принадлежитъ бо́льшая часть этой побѣды и былъ награжденъ орденомъ Станислава 1-й степени.

Во время пребыванія войскъ въ Дарго отдѣлена была колонна изъ 6-ти баталіоновъ, 4-хъ горныхъ орудій и части конницы, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Клюки-фонъ-Клугенау на встрѣчу транспорта, отправленнаго изъ Андіи съ продовольствіемъ.

Авангардомъ этой колонны командовалъ Діомидъ Васильевичъ Пассекъ. Переходя лѣсъ, они встрѣтили сильное сопротивленіе. Горцы ближайшихъ мѣстъ, привлеченные надеждою добычи, сте-

Библиотека "Руниверс"

клись во множествѣ въ лѣсъ, поправили разрушенные завалы и устроили новые. Діомидъ Васильевичъ, пролагая дорогу штыками, выбрался съ авангардомъ на гору, гдѣ былъ расположенъ транспортъ, слѣдовавшій изъ Андіи. Къ вечеру пришла туда колонна Клюки фонъ-Клугенау.

Въ ночь сильный дождь испортилъ дороги и сдѣлалъ ихъ непроходимыми. Горцы усердно поправляли въ лѣсу разрушенные завалы и строили новые, чтобы затруднить обратное слѣдованіе колонны, срубали огромныя деревья и разбрасывали ихъ поперегъ дороги.

11-го іюля 1845 г. утромъ, принявши транспортъ съ провизіей и сдавши больныхъ и раненыхъ, колонна стала спускаться съ горы въ обратный путь, выдерживая кровопролитный бой съ толпами горцевъ, засѣвшими за завалами, и по огромнымъ деревьямъ, откуда производили убійственный огонь.

Наступалъ вечеръ, колонна еще не могла достигнуть Дарго; но уже слышны были выстрѣлы небольшаго отряда, высланнаго княземъ Воронцовымъ навстрѣчу колоннѣ. Діомидъ Васильевичъ отправился къ авангарду, прибывъ къ ротѣ, занятой разбрасываніемъ огромнаго завала, мѣшавшаго идти артиллеріи, подъ жесточайшимъ ружейнымъ огнемъ, обнажилъ шашку, крикнулъ «ура! за мной!», первый перескочилъ черезъ завалъ и палъ пронзенный нѣсколькими пулями.

Въ августѣ 1845 года, Богданъ Васильевичъ Пассекъ получилъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, отъ К. Годлевскаго, одного изъ сослуживцевъ Діомида Васильевича, роковое извѣстіе.

«М. Г. Богданъ Васильевичъ. До васъ, вѣроятно, уже дошла печальная роковая вѣсть о смерти вашего достойнаго незабвеннаго брата Діомида Васильевича. Да! онъ палъ 11-го іюля, на полѣ битвы, какъ герой.

Потеря вашего брата здѣсь невознаградима. Кавказъ долго, долго не забудетъ дѣлъ его блестящихъ. Память о немъ перейдетъ въ отдаленное время и имя его будетъ повторяться съ героями прежнихъ лѣтъ Кавказа. Я зналъ его почти 8 лѣтъ. Съ первыхъ дней моей съ нимъ встрѣчи, въ Чеченской экспедиціи 1841 года, я полюбилъ его душевно, за прекрасныя, возвышенныя чувства, за любовь къ нашей родной Россіи, за энергію и силу души, и за тѣ военныя достоинства, которыми не многіе въ такой степени обладали. Онъ былъ весь помыслъ чести, славы и пользы русскаго народа. Онъ былъ блестящая, первой величины звѣзда между героями Кавказа,—и этого человѣка не стало!»

Императоръ Николай Павловичъ изъявилъ свое сочувствіе къ горю осиротѣлой матери и осыпалъ ее милостями.

Библиотека "Руниверс"

Сынъ ея Діомидъ палъ осѣненный лаврами. «Лавры не лечатъ сердца матери», сказалъ одинъ изъ нашихъ талантливыхъ писателей, тепло вспоминая Діомида Васильевича въ своихъ запискахъ.

ГЛАВА XXII.

Бракъ.

1832.

«Для многихъ бракъ—святое отношеніе, для другихъ полюбовное насиліе жить вмѣстѣ, когда хочется жить врозь, и совершеннѣйшая роскошь, когда хочется и можно жить вмѣстѣ».

Московскій университетъ, въ началѣ тысяча восемьсотъ тридцатыхъ годовъ еще далеко отстоялъ отъ послѣдующаго развитія своего, когда благодѣтельная мѣра, принятая въ 1828-мъ году [1]), стала приносить первые свои плоды.

Впрочемъ, не мѣшаетъ замѣтить, что университетъ во всемъ своемъ составѣ, и особенно въ студенческой части, какъ будто предчувствовалъ эпоху обновленія, совершившуюся между 1833—1835 годами, по мысли гр. С. С. Уварова и С. Г. Строганова. Съ 1831 года оказываются въ учащихся признаки пробужденія высшихъ интересовъ и новой жизни. Въ это время находились и нѣкоторые профессора, поддерживавшіе съ честью достоинство своихъ кафедръ. Таковы были: М. Т. Каченовскій, М. П. Погодинъ, С. П. Шевыревъ, М. Г. Павловъ, Н. И. Надеждинъ».

Кромѣ упомянутыхъ профессоровъ, на лекціи которыхъ стекались слушатели всѣхъ отдѣленій, были и другіе достойные преподаватели.

Въ этотъ періодъ времени, правительство смотрѣло на высшія учебныя заведенія, не военныя, вообще не совсѣмъ благо-

---

[1]) Посылка молодыхъ русскихъ ученыхъ заграницу, для образованія себя къ профессорскому званію.

Библиотека "Руниверс"

пріятно; относительно же Московскаго университа, считавшагося почему-то, по своему направленію, опаснымъ, не смотря на то, что студенты были исполнены научныхъ интересовъ, приняты были предохранительныя мѣры. Подъ вліяніемъ научнаго направленія, многіе изъ пылкихъ юношей, возмущаясь явнымъ противорѣчіемъ между своими лучшими стремленіями и господствовавшимъ порядкомъ вещей, многое изъ того, что въ другихъ сферахъ признавалось хорошимъ — порицали. Сверхъ того, литература того времени, ученіе Сенъ-Симона, Анфантена, Фурье, іюльское революціонное движеніе 1830-го года, производившее большое впечатлѣніе даже на высшіе слои общества, на молодыхъ людей съ освободительными идеями имѣли сильнѣйшее вліяніе. Они лихорадочно слѣдили за каждымъ словомъ любимыхъ дѣятелей той эпохи и видимыми знаками выражали свое сочувствіе. Иные же изъ нихъ, по пылкости, тѣшили себя вольнолюбивыми фразами, хотя и безъ всякаго приложенія къ дѣлу, но такъ явно, что обращали на себя вниманіе полиціи.

Между тѣмъ, множество живыхъ вопросовъ пробуждали вес болѣе и болѣе мысль въ молодомъ поколѣніи. Мысль, требуя исхода, заставляла молодыхъ людей собираться группами. Группы, по сродству стремленій, распадались на кружки около своихъ центровъ. Такимъ образомъ составился кружокъ, по преимуществу съ нравообразовательными цѣлями, къ которому принадлежали: Вадимъ, Александръ, Никъ, Сатинъ, Носковъ, Сазоновъ, Лахтинъ (молодой человѣкъ изъ купечества, женатый), Кетчеръ, Савичь и другіе. Они встрѣтили въ университетѣ уже готовымъ кружокъ Сунгуровскій, съ направленіемъ не столько научнымъ, сколько политическимъ. Рядомъ съ первымъ составился кружокъ около Станкевича, юноши, выразившаго собой все, что содержалось идеально-прекраснаго въ той эпохѣ. Тамъ изучались философскія системы. Кружки эти были юны, страстны, и потому—исключительны. Они холодно уважали другъ друга, но сближаться не могли.

Въ послѣдствіи нѣкоторыя изъ личностей этихъ двухъ кружковъ заняли блестящія мѣста въ наукѣ и литературѣ того времени. Въ ихъ произведеніяхъ слышалась свѣжая освободительная струя, возбужденіе къ критикѣ, вражда къ застою и общественной несправедливости, что дѣлало ихъ прекраснымъ воспита-

Библиотека "Руниверс"

тельнымъ средствомъ для умовъ, въ которыхъ была потребность живаго знанія [1]).

Направленіе, начавшее развиваться въ 1830-хъ годахъ, называли тогда западнымъ; въ настоящее время его называютъ «направленіемъ сороковыхъ годовъ», такъ какъ въ сороковыхъ годахъ оно достигло своей зрѣлости.

Противоположности воззрѣнія школъ славянофильской и западной въ 1832 году еще не было. Господствующимъ чувствомъ было общее враждебное отношеніе къ міру лжи и лицемѣрія. Хотѣли порѣшить съ нимъ, но чѣмъ, какъ? этотъ вопросъ считали второстепеннымъ. Каждый могъ отвѣтить на него, по своему личному вкусу. Главная задача была составить оппозицію. Но не смотря на преобразовательныя стремленія, на Фурье и Сенъ-Симона, на карцеры и педелей, вмѣстѣ съ учеными и дружескими спорами шли шумные, веселые пиры. Пировали не долго. Вскорѣ ясная жизнь молодыхъ людей, свыкшихся съ идеальнымъ міромъ своихъ идей, была неожиданно встревожена.

Уже не разъ случалось, что изъ числа занимавшихся студентовъ, съ свободнымъ образомъ мыслей, иные внезапно исключались изъ университета. Объ этомъ нѣсколько времени шли толки въ тихомолку, и замолкали. Вдругъ однажды было удалено нѣсколько студентовъ кружка Сунгурова. Въ числѣ удаленныхъ находились: Кольрейфъ, сынъ нѣмецкаго пастора, замѣчательный музыкантъ, Антоновичъ, Костенецкій, Оболенскій и Сунгуровъ, молодой семейный помѣщикъ.

Я помню, что Вадимъ, Александръ и ихъ товарищи были поражены такимъ событіемъ, но, несмотря на это, не перестали сходиться, по обыкновенію; напротивъ, тѣснѣе сблизились другъ съ другомъ,—пополняли чтеніемъ то, что слышалось съ каѳедръ; высказывали свои воззрѣнія на науку и жизнь; результаты, къ которымъ приходили; новые открываемые горизонты, которыхъ считали необходимымъ достигнуть, и изъ всего этого выводили нравственныя обязанности, исполненіе которыхъ должно было, по

---

[1]) Этотъ взглядъ высказанъ А. Н. Пыпинымъ, въ характеристикѣ литературныхъ мнѣній, объ одномъ изъ лицъ упомянутыхъ кружковъ, но его можно отнести къ нѣсколькимъ лицамъ, вышедшимъ изъ нихъ.

Т. П.

Библиотека "Руниверс"

ихъ мнѣнію, привести общество къ жизни дѣйствительно человѣческой.

Теперь, когда это время отстоитъ отъ меня далеко, оно особенно ярко представляется мнѣ; но тогда, когда оно проходило подлѣ меня, цѣплялось за меня, я относилась ко всему этому безотчетно, какъ бы къ невыходившему изъ обыкновеннаго порядка жизни, тѣмъ болѣе въ 1832 году. Въ это время я была помолвленная невѣста и до того отдана своимъ чувствамъ и новости положенія, что внутреннимъ состояніемъ своимъ была почти внѣ наружной обстановки.

Лучшая часть души моей была обращена къ небу иному.

Слыша, что того-то удалили, того арестовали, я на мгновенье содрогалась отъ испуга, въ родѣ того какъ человѣкъ, находящійся подъ чистымъ небомъ, услышавъ ударъ грома, вдругъ содрогается, да и перестаетъ думать о немъ, видя надъ собой ясную лазурь.

Надо мной свѣтило тогда ясное небо любви.

Очарованная его красотою, я не замѣчала занимавшейся на горизонтѣ черной точки, которой предназначено было развернуться грозной тучею; повидимому, не замѣчали ея и окружавшіе меня. Они безпечно отдавались настоящему.

Продолжительная отлучка Вадима изъ Москвы передъ женитьбой, частыя, продолжительныя поѣздки наши послѣ женитьбы, новые интересы внѣ товарищескаго кружка,—спасли моего мужа отъ ударовъ, которыми разразилась развернувшаяся черная точка; но, не смотря ни на что, рикошетомъ они попали и въ насъ.

Дѣла семейства задержали Вадима въ Харьковѣ и въ селѣ Спасскомъ около полугода. Онъ изрѣдка писалъ товарищамъ. Для частой же переписки съ ними не имѣлъ достаточно свободнаго времени, занятый множествомъ дѣлъ по раздѣлу имѣнія и по хозяйству. Кромѣ того, графъ Александръ Никитичъ Панинъ [1]) предложилъ ему занять въ Харьковскомъ университетѣ кафедру исторіи, и онъ, готовясь къ ней, все свободное время употреблялъ на чтеніе историческихъ и философскихъ книгъ, да на переписку съ родными и со мной. Черезъ переписку мы больше узнали другъ друга, и больше сблизились.

---

[1]) Бывшій въ то время попечителемъ Харьковскаго университета.

Библиотека "Руниверс"

Въ началѣ августа Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ собрался ѣхать въ деревню. Матушка просила Луизу Ивановну оставить меня, на время ихъ поѣздки въ Васильевское, у нее. Александръ упрашивалъ ѣхать съ ними, представлялъ какъ полезно мнѣ будетъ провести нѣсколько времени на чистомъ воздухѣ. Я склонялась на желаніе Саши, но матушка сказала рѣшительно, что меня не отпуститъ, и я осталась у нихъ.

Александръ страшно скучалъ въ деревнѣ, и писалъ мнѣ: «я считаю дни до отъѣзда въ Москву: такой скуки въ Васильевскомъ я еще никогда не чувствовалъ».

Они возвратились въ Москву въ двадцатыхъ числахъ сентября, и послѣ этого раза Иванъ Алексѣевичъ въ Васильевское больше не ѣздилъ.

Кромѣ пріѣхавшаго въ Москву брата моего Алексѣя, добродушнаго, веселаго, беззаботнаго гусара, чуждаго интересовъ, которые уже вѣяли въ воздухѣ, насъ часто посѣщали въ это время тѣ изъ товарищей Вадима, которые оставались на лѣто въ Москвѣ. Всѣ они сблизились съ Діомидомъ Пассекомъ; но ближе всѣхъ онъ сошелся со мною и съ Александромъ, день ото дня становился съ нами откровеннѣе и разговоры наши дѣлались серьезнѣе.

Время это было свѣтло и полно теплыхъ, юныхъ вѣрованій и упованій. Но, не смотря ни на какія стремленія и разсужденія, всѣ мы были еще до того молоды душой, что если, во время самаго жаркаго разговора—случалось разнощику ягодъ прокричать подъ окномъ «владимірская вишня!» или «крыжовникъ хорошій!»—мы бросались къ окну, всѣ ягоды съ лотка переходили къ намъ на столъ, и предметы разговора становились веселѣе.

Часто утрами, а иногда и передъ вечеромъ, я ходила съ сестрами и Діомидомъ на Прѣсненскіе пруды. Въ одну изъ этихъ прогуловъ мнѣ привелось быть свидѣтельницей вспыльчивости Діомида Пассека. Только что мы отошли нѣсколько отъ дома, какъ за нами оказался молодой человѣкъ, прилично одѣтый. Онъ то ровнялся съ нами, то опережалъ и обертывался на насъ. Діомидъ мѣнялся въ лицѣ. Вдругъ молодой человѣкъ, поровнявшись съ нами, наклонился и заглянулъ намъ подъ шляпки. Мгновенно раздалась пощечина, и Діомидъ, внѣ себя, держа за воротъ молодаго человѣка, втолкнулъ его въ будку, противъ которой это произошло, захлопнулъ за нимъ дверь и приказалъ будочнику

Библиотека "Руниверс"

стеречь его. Пораженный видомъ Діомида, будочникъ заперъ дверь, и вытянулся передъ ней съ алебардой. Прекрасные глаза Діомида были темны и грозны. Мы поспѣшили увести его домой.

«....Я радъ, моя Таня, что ты сблизилась съ Діомидомъ, — писалъ ко мнѣ Вадимъ изъ Харькова:—Діомидъ любитъ тебя, и я счастливъ этимъ. Твоя душа должна быть въ дружбѣ со всѣмъ прекраснымъ. Люби его, мой ангелъ.

Мнѣ предлагаютъ быть корреспондентомъ Харьковской библіотеки, и получилъ письмо отъ графа Александра Никитича Панина; онъ пишетъ, что представилъ меня къ занятію кафедры исторіи въ здѣшнемъ университетѣ, и уже писалъ министру.

Альфіери простъ, но труденъ въ простотѣ своей. Я хотѣлъ перевести его, чтобы показать какъ онъ представляетъ ужасы властительства римскихъ децемвировъ. Перевелъ дѣйствіе, но получилъ твое письмо, подумалъ, и сжегъ.... Вадимъ».

Въ августѣ едва не разстроился мой бракъ съ Вадимомъ. Однажды вечеромъ, Діомидъ позвалъ меня къ себѣ въ комнату на верхъ. Тамъ, послѣ небольшаго предисловія, сказалъ, что онъ былъ сильно противъ женитьбы на мнѣ Вадима, и, чтобы отвлечь его, напоминалъ о дѣвушкѣ, которая ему нравилась прежде, нежели онъ узналъ меня. Эта дѣвушка была дочь помѣщика Р—ля, у котораго Вадимъ, будучи студентомъ, жилъ одно лѣто на кондиціи.

— «Когда же я узналъ тебя»,—говорилъ Діомидъ,—«но ты сама видишь.... объяснять нечего.... въ доказательство какъ я не раздѣляю тебя въ моемъ сердцѣ отъ Вадима, покажу тебѣ его письмо, которымъ онъ отвѣчалъ на мое предостереженіе».

Сказавши это, Діомидъ подалъ мнѣ письмо и не спускалъ съ меня глазъ, пока я читала. Вадимъ писалъ:

«Другъ мой Діомидъ! ты желаешь мнѣ счастья, вѣрю и знаю. Ты хочешь видѣть ее—перевершившую мои желанія, намѣренія, мечты; хочешь самъ провѣрить могу-ли я быть съ нею счастливъ, могу-ли дѣйствительно любить ее, истинное-ли чувство рѣшило мой выборъ? Взгляни на нее, поговори съ нею,— и ты поймешь мою любовь. Ты напоминаешь мнѣ объ Анастасіи,—зачѣмъ? Она владѣла больше моимъ воображеніемъ, нежели сердцемъ, и дѣйствовала по интересности событія, играла роль по любопытству піесы; но гдѣ же влеченіе сердца?—иначе она не осталась бы недѣятельною. Чѣмъ не пожертвуетъ человѣкъ, когда любитъ? А по ней даже не замѣтили нашей привязанности. Любилъ я одинъ. Одинъ я видѣлъ только ее. Сверхъ всего, мы лишены важнаго преимущества: у насъ права личныя, они всѣ это знали.

Таня не дѣлитъ предразсудокъ толпы, посмотри на нее, мой Діомидъ, узнай ее, и скажи буду-ли я съ нею счастливъ. Если ты скажешь нѣтъ—значитъ я не рожденъ для счастья. Нѣтъ, Діомидъ, не повторяй мнѣ безпрестанно имени Анастасіи: зачѣмъ мнѣ вспоминать о ней, когда люблю другую? Иногда

Библиотека "Руниверс"

мнѣ кажется, что чувства мои дѣлятся между ними, а я и изъ воображенія моего долженъ удалить ее, ты же напоминаешь. Въ Танѣ моей моя любовь и мое счастіе....»

Далѣе Вадимъ пишетъ о дѣлахъ и проситъ Діомида немедленно уничтожить это письмо.

Кончивши читать, я заплакала и взволнованнымъ голосомъ сказала:

— Ну, чтожъ—любитъ другую, пускай любитъ, онъ свободенъ. Завтра же напишу ему, что счастью его мѣшать не стану.

Діомидъ изумился—и сталъ объяснять, что я не такъ поняла письмо Вадима.

— Нѣтъ, Доша,—возразила я, рыдая,—не трудись объяснять напрасно. Когда любятъ одну, о другой не вспоминаютъ; и зачѣмъ забывать, я не хочу и не стану никому заступать въ жизнь, вытѣсняя. Между Вадимомъ и мной все кончено.

Діомидъ встревожился, клялся, что Вадимъ кромѣ меня никого не любитъ. Видя, что все напрасно, вышелъ изъ терпѣнія, сталъ упрекать самого себя, и въ отчаяніи сказалъ:

— «Что я надѣлалъ! Неужели буду виною несчастія Вадима! Онъ просилъ уничтожить письмо, а я, увѣренный въ твоемъ благоразуміи, въ твоей привязанности къ Вадиму, показалъ его тебѣ, для того, чтобы между имъ, тобой и мною не лежало ничего тайнаго. А ты! что ты со мной дѣлаешь!»

У него навернулись на глазахъ слезы. Огорченіе, тревога Діомида сколько тронули, столько же и перепугали меня. Я образумилась, выслушала объясненіе, и все пришло въ прежній порядокъ, только письма мои къ Вадиму нѣсколько времени были холоднѣе. Они вызвали съ его стороны жаркія увѣренія.

Въ переписку нашу съ Вадимомъ входили не только выраженія чувствъ, но и очерки того, что производило особое впечатлѣніе или возбуждало какую-нибудь мысль. Такъ, въ концѣ августа, Вадимъ описалъ мнѣ впечатлѣніе, сдѣланное на него Чугуевомъ.

Село Спасское.—Августа 24-го ч.

«.....Изъ Харькова я отправился въ Чугуевъ, потомъ въ Волчанскъ, и только нынче возвратился въ деревню. О Харьковѣ и Волчанскѣ я уже говорилъ тебѣ, теперь о Чугуевѣ. Городъ этотъ лежитъ версты на полторы вдоль и почти столько же поперегъ. Онъ расположенъ на трехъ холмахъ, раздѣленныхъ тремя глубокими рвами. Это не городъ, а солдатъ. Дома построены по

Библиотека "Руниверс"

одной формѣ, покрыты одной краской и у всѣхъ одно расположеніе и одинаковое количество оконъ и дверей. Между улицами Солдатской и Офицерской почти та же разница, какая между обоими этими чинами. Вотъ и все разнообразіе. Одинъ корпусъ отличается отъ другихъ зданій своей огромностію. Во всемъ городѣ никого не встрѣтилъ, кромѣ мундирныхъ людей. Человѣкъ не военный здѣсь рѣдкость. Разсказываютъ, что прежде весь городъ былъ въ садахъ. Теперь нѣтъ ни одного. Прежніе казаки переформированы въ улановъ, которые, занимаясь службой, въ тоже время помогаютъ такъ называемымъ хозяевамъ, родственникамъ или чужимъ, у которыхъ живутъ и которые также подлежатъ вѣдомству военному. Хозяева не обязаны фронтовой службой, за то должны, несмотря на урожай и неурожай хлѣба, доставлять извѣстное количество для поселеннаго войска: таково устройство Чугуева и всѣхъ здѣшнихъ поселенныхъ деревень. Въ одной Харьковской губерніи, кажется, 24,000 поселеннаго войска. Силы грозныя. Не стану говорить тебѣ объ ужасахъ, съ какими было вводимо и принято это преобразованіе. Теперь все тихо, и видя, при настоящемъ устройствѣ, обиліе произведеній—молчатъ. Кажется, довольны.

По пути изъ Волчанска, я видѣлъ новую для меня картину: ужасный вѣтеръ взволновалъ песчаныя степи, и тучами песка заносилъ поля и пажити. Ѣхать было нельзя, человѣкъ не могъ управлять лошадью, а лошадь, ничего не видя, не могла идти.

Здѣсь вокругъ меня степь всесторонняя. Много людей, но я одинъ, Таня; можетъ быть, въ этой толпѣ найдется человѣка два, три... Вадимъ».

Въ послѣднихъ числахъ сентября пріѣхалъ въ Москву Евгеній Пассекъ и, пробывши нѣсколько дней, вмѣстѣ съ Діомидомъ уѣхалъ въ Петербургъ, откуда Діомидъ тотчасъ писалъ къ роднымъ и, ко мнѣ. Изъ писемъ его можно видѣть, съ какимъ пыломъ онъ отдавался даже дружескимъ чувствамъ своимъ.

29-го сентября 1832 г.

«Другъ мой, милая моя Таня! ты передо мною, я тебя вижу. Твой взоръ устремленъ на меня. Въ этомъ взорѣ—небо... По тебѣ я улучшилъ мой идеалъ. Я думаю о твоей будущности,—ты будешь счастлива съ Вадимомъ. Онъ высокій, благородный, стоитъ тебя. Объ этомъ въ будущій разъ я буду писать тебѣ пространнѣе.

Жду, милая Таня, письма отъ тебя.

Скажи Александру, что въ немъ я нашелъ человѣка цѣльнаго, съ быстрымъ, проницательнымъ взглядомъ, и умомъ, торжествующимъ надъ всѣмъ, въ себѣ и въ окружающемъ его. Что, наконецъ, я нашелъ внѣ нашего семейства могучаго человѣка, и этотъ человѣкъ—Александръ. Твой по гробъ Діомидъ».

Какъ въ Діомидѣ, такъ и въ Вадимѣ, была сильная потребность привязанности и раздѣла чувствъ. Вдали отъ людей близкихъ имъ тяжело жилось.

Вадимъ, несмотря на множество дѣлъ въ Харьковѣ и въ имѣніи, не находя вокругъ себя людей, ему симпатичныхъ, страшно тосковалъ, и высказывалъ это въ своихъ письмахъ.

Библиотека "Руниверс"

24-го сентября 1832 года онъ писалъ изъ села Спасскаго:

«Уже пятый мѣсяцъ я въ разлукѣ съ тобой, душа моя! продолжительные, ужасные мѣсяцы! какъ мало въ нихъ свѣтлыхъ минутъ!...

Но да не омрачитъ тебя и тѣнью печали начало моего письма. И въ грусти жизнь; когда душа человѣка полна ею, онъ выше самодовольнаго состоянія, которое толпа называетъ — счастіемъ. Я люблю мою грусть, она — по тебѣ, моя Таня, по тебѣ, мое счастіе... Почести гражданскія не мой путь. Я стремлюсь къ жизни чисто человѣческой, къ благу ближнихъ, къ дружбѣ, къ любви, къ осуществленію идеи о человѣкѣ. Это моя жизнь. Гражданская жизнь стремится къ ней, какъ идеалу, и всегда скована настоящимъ — въ человѣкѣ и въ мѣстѣ, гдѣ онъ находится. Отъ того-то, въ каждомъ вѣкѣ она имѣетъ свою характеристику. А жизнь человѣческая — эта жизнь неизмѣняема какъ истина. Она не противорѣчитъ ничему гражданскому, но вмѣщаетъ его въ себѣ, и въ тоже время выше ея. Идеи этой жизни я разовью въ которомъ нибудь изъ моихъ сочиненій; покажу, что къ ней все стремится, къ ней бѣгутъ папе-рерывъ всѣ народы, одни — какъ младенцы, другіе — какъ юноши, иные едва влекутся, окованные мѣстностью и обстоятельствами. Покажу, какъ главными ступенями для этой жизни были: 1) жизнь патріархальная, 2) собственно городская, 3) гражданская, 4) политическая. Этимъ обрисую: древную Азію, Грецію и отчасти Италію, Европу въ средніе вѣка и Европу новую.

Гражданская жизнь, стремленіе къ ней, возникла для всей Европы въ среднія вѣка; она возстала противу варварства, возродила разныя партіи и произвела борьбу—тяжелую въ настоящемъ, благотворную въ будущемъ. Оградившись себя необходимымъ на пути этой жизни, сдѣлала шагъ къ жизни политической, т. е. явилась потребность быть нераздѣльною, живою, дѣятельною частью цѣлаго, и участвовать во всѣхъ переворотахъ. И вотъ начали являться хартіи, ограждающія политическое бытіе. Остается еще шагъ важный — жизнь собственно человѣческая. Трудно народамъ достигнуть этой жизни, она требуетъ просвѣщенія и правильнаго развитія чувствованій, такъ какъ состоитъ въ дѣйствіяхъ души, не стѣсненныхъ обстоятельствами, которыя могутъ характеризовать народы и тѣмъ дѣлятъ людей отъ людей — это идеалъ! Еслибы было можно, я составилъ бы изъ нее религію народовъ. Она не лишитъ ихъ того, что называется національностію, и арабъ, и грекъ, и остякъ, одинаково чувствуя какъ люди, могутъ идти къ идеалу различными путями какъ граждане, какъ различныя племена.

Можетъ быть, я уже наскучилъ тебѣ, душа моя, прости твоему Вадиму. Я долго носилъ въ своей еще юной душѣ эту незрѣлую думу или чувствованіе,— не знаю даже какъ и назвать, — и незрѣлую передаю тебѣ. Поживу, подумаю и, можетъ, составлю изъ этого что-нибудь доброе.

Теперь новость: здѣсь былъ царь. Большая часть военныхъ награждены. Университетъ былъ высочайше одобренъ. Я радъ за университетъ... Вадимъ».

Дѣла по имѣнію нѣсколько устроились, вмѣстѣ съ этимъ поправилось и положеніе семейства. Въ сентябрѣ семейство Пассекъ стали искать квартиру попросторнѣе, и въ октябрѣ наняли довольно большой домъ на Молчановкѣ, принадлежавшій Рахманинову; тамъ двѣ комнаты были отдѣлены для меня съ Вадимомъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ октябрѣ мы всѣ были встревожены продолжительнымъ молчаніемъ Вадима до того, что, писали въ Петербургъ Діомиду о своемъ безпокойствѣ и спрашивали его, не знаетъ-ли чего о немъ. Діомидъ отвѣчалъ:

«Ужъ и въ меня запало безпокойство о Вадимѣ. Что съ нимъ? что дорого намъ, за то страшимся всего. Мы, несчастливцы,—стали счастливѣе, и знаемъ цѣну своего настоящаго: оно такъ хорошо, такъ хорошо, тяжело бы утратить его. Малость,—рождающая безпокойство,—велика, Таня. Жду—буду ждать дальше, не паду передъ несчастіемъ, но это не возвращаетъ утраты... Но что же это! я заразился вашимъ опасеніемъ, хотя и вижу его несостоятельность; это потому, что вы близки мнѣ, и я дѣлю ваши чувства.

Порой меня волнуетъ, омрачаетъ мысль, что всѣ земныя связи, наслажденія—минуютъ. Девяносто, сто лѣтъ, и—гдѣ кругъ нашъ? Земное невѣчно; невѣчное наводитъ уныніе на душу. А тамъ, что за гробомъ? неизвѣстно. Неизвѣстность мучительна! Ничто! — ничто не удѣлъ человѣка. Всеобъемлющій духъ въ земныхъ узахъ. Нѣтъ—мы не изчезнемъ, мы соединимся съ началомъ нашего бытія—будемъ свободны, будемъ совершенны...»

Однажды, въ двадцатыхъ числахъ октября, мы засидѣлись у Пассековъ до поздняго вечера. Ночь была темная. Снѣгъ валилъ такой, что свѣта Божьяго было не видать. Вдругъ у подъѣзда скрипнуло по снѣгу, въ передней послышалось движеніе, отворилась дверь въ залу, гдѣ мы находились, и вошелъ человѣкъ въ шубѣ, закутанный голубымъ шарфомъ, съ головы до ногъ обсыпанный снѣгомъ. За нимъ выступилъ другой, небольшаго роста, въ военной шинели, также въ шарфѣ и въ снѣгу. Вслѣдъ за тѣмъ показался еще человѣкъ, высокій, въ дубленкѣ и въ смушковой шапкѣ, съ мѣшками и подушками въ рукахъ. Въ первую минуту всѣ съ недоумѣніемъ смотрѣли на это явленіе, когда же изъ-за шарфовъ узнали Вадима, раздались крики радости, объятія, поцѣлуи. Вадимъ представилъ привезеннаго съ собой уланскаго офицера Бахтурина — блондина, чрезвычайно подвижнаго, и поэта. Высокій человѣкъ былъ молодой малороссъ изъ крестьянъ, взятый Вадимомъ для прислуги.

Мы съ Вадимомъ разстались наружно чужими, привыкнули другъ къ другу переписываясь, увидались слишкомъ близкими,— и не знали какъ найтиться въ этомъ положеніи.

Радостный, одушевленный разговоръ шелъ между всѣми; я не принимала въ немъ участія и почти не смотрѣла на Вадима, но чувствовала тайную связь между нами, радость и страхъ.

Мало по малу я овладѣла собой, и, когда Вадимъ, отдѣлив-

Библиотека "Руниверс"

шись отъ всѣхъ, сталъ говорить со мной, я отвѣчала ему довольно спокойно, но мы оба чувствовали, что говоримъ не то, что надобно, что сказать намъ необходимо многое, но что это многое еще не ясно опредѣляется въ головѣ.

Вадимъ видѣлъ, что я затрудняюсь, оставаясь съ нимъ одна, и нѣсколько времени не смѣлъ отнестись ко мнѣ какъ къ своей невѣстѣ. Только исподоволь онъ привлекъ меня къ себѣ и мы стали другъ для друга тѣмъ, чѣмъ были внутренно и въ письмахъ....

День вѣнчанія назначенъ былъ 11-го ноября 1832 г. Начались хлопоты, толки о приданомъ. Изъ Корчевы, отъ тетушки Елисаветы Петровны, явились сундуки съ прекраснымъ бѣльемъ, перевязаннымъ розовыми ленточками. Въ комнатахъ Луизы Ивановны лежали гроденапли, дымка, ленты и разныя мелочи. Швея Ольга Петровна снимала съ меня мѣрку; справлялись съ моимъ мнѣніемъ о фасонахъ платьевъ, о цвѣтѣ матерій, о мебели, о серебрѣ. Боже мой, на что всего столько, думала и говорила я. Хотя въ сущности приданое мое было небольшое, но мнѣ, имѣвшей всегда менѣе чѣмъ ограниченный туалетъ, казалось—громаднымъ.

Дни летѣли какъ сны.

Поздравленія, суета; у Вадима съ утра товарищи, шумные, оживленные разговоры, чтеніе стиховъ Бахтуринымъ, его непосѣдливость—наполняли все время до вечера и захватывали Вадима. Это, разъединяя насъ наружно, внутренно влекло сильнѣе другъ къ другу, заставляло нетерпѣливо ждать вечера. Вечера были наши. Вечеромъ мы уходили въ отдѣленныя намъ комнаты и оставались тамъ до моего отъѣзда.

Иванъ Алексѣевичъ въ это время былъ нездоровъ и капризенъ больше чѣмъ когда-нибудь. Чтобы не тревожить его частыми посѣщеніями моего жениха, Луиза Ивановна, со мной, Александромъ и Егоромъ Ивановичемъ Гер-номъ, почти каждый день бывали у Пассековъ, гдѣ иногда мы оставались до поздней ночи. Поэтому же рѣшили отпустить меня къ вѣнцу отъ Варвары Марковны Мертваго, квартира которой находилась прямо противъ дома Ивана Алексѣевича. Варвара Марковна была приглашена ко мнѣ въ посаженныя матери, а Николай Павловичъ Голохвастовъ въ посаженные отцы.

Библиотека "Руниверс"

Я была счастлива до того, что мнѣ стало казаться, будто всѣ до того сочувствуютъ моему счастію, что и сами стали счастливѣе, и чрезвычайно любятъ меня. Даже прислуга, казалось мнѣ—внимательнѣе и радуется, что мнѣ такъ хорошо.

— «Вотъ, барышня, — однажды говорила мнѣ Марина, вечеромъ раздѣвая меня; — не вѣрили гаданію, мостикъ-то вамъ на святкахъ мы подмостили».

— Да вѣдь задумали о Н—я, какъ же это выходитъ совсѣмъ не такъ?

— «Это все равно—вышелъ женихъ».

— Не отъ мостика же женихъ, – говорила я, припоминая видѣнный мною сонъ;—я не видала во снѣ ни мостика, никого кто бы переводилъ меня черезъ него. Я видѣла церковь, много народа и какого-то молодаго человѣка, одѣтаго въ черное платье, который встрѣтилъ меня, взялъ за руку и повелъ внутрь церкви, гдѣ, вмѣсто службы, нѣсколько паръ вальсировало. Онъ провальсировалъ со мной и посадилъ рядомъ съ собой на кресло противъ какого-то занавѣса, за которымъ раздался тихій концертъ — пѣли «святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный...»

— «Вотъ это-то они и были».

— Кто они?

— «Вашъ женихъ».

Я задумалась и старалась яснѣе припомнить свой сонъ, потомъ сказала Маринѣ:

— Какъ бы хорошо было, если бы теперь и ты выходила замужъ, Марина.

— «Да, у вашего дѣдушки выйдешь замужъ!—отвѣчала она съ досадою,—нѣтъ, ужъ видно намъ издыхать у него въ дѣвичей».

Я вздохнула, мнѣ стало грустно, что Маринѣ придется издыхать въ дѣвичей, вмѣсто того, чтобы любить, выходить замужъ и быть счастливой, какъ я.

Въ продолженіе двухъ недѣль я такъ привыкла къ Вадиму, что когда привезли къ нему мое приданое, то мы вмѣстѣ его принимали, помогали уставлять мебель, перебрали и пересмотрѣли всѣ комоды и ларчики, смѣялись, шутили и не могли нарадоваться, видя и чувствуя себя у себя.

Приближался послѣдній день моей дѣвичьей жизни. Во мнѣ стало рождаться тревожное чувство, мысль о предстоящихъ обя-

Библиотека "Руниверс"

занностяхъ, которыя принимала на себя, объ отвѣтственности за счастіе человѣка, ввѣрявшаго мнѣ свою жизнь.

Въ день вѣнчанія, я съ утра была у Варвары Марковны, куда заранѣе принесли мой подвѣнечный нарядъ: бѣлое дымковое платье, на бѣломъ атласномъ чехлѣ, кружевной вуаль и другія принадлежности туалета. Все это было разложено на диванѣ въ уборной.

Во всемъ домѣ царствовала тишина, какъ бы въ ожиданіи чего-то выходящаго изъ ряда обыкновенной жизни; въ самомъ воздухѣ вѣяло что-то таинственное.

Я находилась въ состояніи полусознанія. Безсвязныя мысли рождались въ головѣ, и, непроясненныя, исчезали, не оставляя слѣда.

Въ шесть часовъ вечера весь домъ былъ освѣщенъ. Въ восемь меня позвали одѣваться. Сердце у меня замерло. Въ уборной, передъ большимъ трюмо, меня ждали двѣ меньшія дочери Варвары Марковны и горничная дѣвушка. Въ залу вошли два шафера: Александръ и Сатинъ, во фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ. Сатинъ привезъ корзинку съ вѣнкомъ изъ померанцевыхъ цвѣтовъ и букетъ изъ живыхъ померанцевъ и мирта.

Когда я была одѣта на половину, въ уборную позвали Александра. Въ качествѣ брата, онъ долженъ былъ надѣть мнѣ на ногу башмакъ. Александръ боялся всякаго mis en scène и блѣднѣлъ отъ робости. Я сидѣла на креслѣ. Онъ опустился передо мной на одно колѣно и взялъ мою полуобутую ногу. Руки его дрожали, на глазахъ у насъ навертывались слезы. Мы взглянули другъ на друга, этимъ взоромъ повторилось наше дѣтство, наша ранняя юность, и мы съ благодарностью простились съ ними...

— «Что же вы, Александръ Ивановичъ? Обувайте скорѣе сестрицу», сказалъ кто-то изъ присутствовавшихъ.

Александръ поспѣшно взялъ башмакъ, наклонился, и я почувствовала какъ горячая слеза канула мнѣ на ногу и легкій поцѣлуй обжегъ ее.

Александръ вышелъ. Явился парикмахеръ; ему было немного дѣла съ уборкой головы моей. Послѣ бывшей у меня болѣзни осенью, длинныя косы мои были обрѣзаны больше половины, и ихъ завивали: оставалось только распустить локоны, надѣть вѣнокъ и прикрѣпить къ нему длинный вуаль.

Библиотека "Руниверс"

Туалетъ мой завершился золотымъ крестикомъ, повѣшеннымъ на шею на розовой ленточкѣ, и бриллiантовыми сережками, которыя должна была вдѣть въ уши невѣстѣ счастливая въ замужествѣ женщина. Серьги мнѣ вдѣла Катерина Дмитрiевна Загоскина.

Я едва узнавала себя въ подвѣнечномъ нарядѣ, мнѣ казалось, что это *я* не *я*, и снова меня обняло безотчетное чувство, похожее на оцѣпенѣнiе.

Подъ влiянiемъ такого нравственнаго гнета, я вошла въ гостиную. Тамъ уже находились всѣ. На диванѣ сидѣла Варвара Марковна рядомъ съ Николаемъ Павловичемъ, за столомъ, накрытымъ бѣлой скатертью, на которомъ блестѣли два образа. Шаферы объявили, что женихъ въ церкви, кареты готовы. Всѣ поднялись съ мѣстъ. Въ комнатѣ было жарко, а я дрожала отъ нервной лихорадки. Меня стали благословлять.

Перекрестившись и поклонясь въ землю, я залилась слезами. Въ залѣ на меня надѣли шаль и шубу. Я сѣла въ карету съ Варварой Марковной, противъ насъ Александръ съ образомъ.

Въ томъ же полусознательномъ состоянiи я поднялась по церковному крыльцу. Въ дверяхъ церкви стоялъ Бахтуринъ въ полной уланской формѣ, оберегая ихъ отъ напора лишнихъ зрителей. Онъ торжественно растворилъ намъ двери настежъ. Церковь пылала свѣчами. Въ глубинѣ храма слышался трогательный гимнъ, привѣтствующiй невѣсту. Вадимъ, серьезный, весь въ черномъ, встрѣтилъ меня, взялъ за руку и повелъ обручаться.

Передо мной осуществилась часть видѣннаго на святкахъ сна. Многочисленные взоры съ любопытствомъ устремились на меня. Я слышала какъ въ толпѣ говорили: «что это, невѣста-то—ребенокъ, ей лѣтъ четырнадцать—пятнадцать».

Невысокая ростомъ, тоненькая, съ дѣтской прической, несмотря на длинный вуаль, покрывавшiй мои обнаженныя плечи и руки, я дѣйствительно казалась моложе моихъ лѣтъ, и походила больше на дѣвочку, чѣмъ на дѣвушку.

Когда, обручившись, я стала съ Вадимомъ передъ алтаремъ, на меня повѣяло святостью религiи, и я пришла въ себя. Точно туманъ упалъ съ души моей и съ моихъ взоровъ,—я увидала сестеръ, братьевъ, товарищей Вадима, Луизу Ивановну, Егора Ивановича Г—на, всѣ они стояли около насъ полукругомъ. Помню, что я улыбнулась имъ, — мнѣ отвѣтили ласковой, обо-

Библиотека "Руниверс"

дряющей улыбкой. Между молодыми людьми, я замѣтила нѣсколько незнакомыхъ мнѣ лицъ, послѣ узнала, что это были Антоновичъ[1]) съ товарищами, тайно отпущенные изъ подъ ареста—присутствовать при нашемъ вѣнчаніи.

Вадимъ и я хотѣли обвѣнчаться тихо и просто. Товарищи его, мимо насъ, на свой счетъ, освѣтили церковь, взяли лучшихъ пѣвчихъ и сами явились en grande tenue.

Вѣнецъ держали надо мной попеременно: Александръ, Сатинъ и А. Н. Савичъ; послѣдній—рукой въ теплой мохнатой перчаткѣ; когда послѣ шутя замѣтили ему это, онъ наивно отвѣчалъ: «что же—это ничего, къ богатству, а мы долго терпѣли бѣдность». Надъ Вадимомъ—Н. Х. Кетчеръ, Никъ и Бахтуринъ.

Мы поклялись передъ Богомъ и людьми въ любви, вѣрности и—сдержали клятву.

Обрядъ бракосочетанія кончился.

«Что такое бракъ?—говоритъ докторъ Круповъ, и отвѣчаетъ: не знаю, но догадываюсь: для многихъ бракъ святое отношеніе, для другихъ полюбовное насиліе жить вмѣстѣ, когда хочется жить врозь, и совершеннѣйшая роскошь, когда хочется и можно жить вмѣстѣ».

На нашу долю выпало послѣднее.

Отслуживши молебенъ Богоматери, мы съ Вадимомъ сѣли вдвоемъ въ карету и поѣхали домой. Мнѣ казалось—какое-то величественное сновидѣніе пронеслось надо мною, коснулось дѣйствительности, и что-то измѣнило въ ней, несмотря на то, что все оставалось по прежнему.

Дома насъ встрѣтила матушка Вадима съ образомъ, обняла обоихъ вмѣстѣ, и я вступила въ домъ уже не чужою, но любимою дочерью и любимою женой.

Вслѣдъ за нами пріѣхала къ намъ Луиза Ивановна, Александръ, Егоръ Ивановичъ, и, посидѣвши немного, уѣхали. Послѣ ужина матушка насъ благословила.

И вотъ мы одни, въ нашей комнатѣ. Передъ диваномъ, на небольшомъ столикѣ, горятъ двѣ восковыя свѣчи, лежитъ книга, карандашъ, почтовая бумага, оставленныя Вадимомъ передъ отъ-

---

[1]) Нынѣ, попечитель Кіевскаго учебнаго округа. Примѣч. 1876 г.
Т. П.

Библиотека "Руниверс"

ѣздомъ его въ церковь. Передъ образами тихо теплится лампадка и лежатъ двѣ вѣнчальныя свѣчи, обвитыя розовыми лентами.

На душѣ у насъ—хорошо и ясно.

Помѣстившись рядомъ на диванѣ, мы долго разговаривали. Было далеко за полночь. Вадимъ облокотился рукой на столикъ, взялъ карандашъ, и на листочкѣ почтовой бумаги сталъ писать. Склонившись надъ столикомъ, я слѣдила за карандашомъ и читала:

Какъ долго бѣднымъ сиротою
Я въ мірѣ жилъ,
И сердце, полное тоскою,
Въ груди носилъ.
Въ борьбѣ страстей, въ борьбѣ желаній,
Я изнывалъ,
И безъ любви очарованій
Ужъ увядалъ.
Но лучъ надеждъ еще свѣтился
Въ туманной мглѣ,
И новый рай найти стремился
Я на землѣ.
Искалъ, нашелъ—сбылись желанья
Сбылись мечты,
И на душевныя призванья
Явилась *ты*

ГЛАВА XXIII.

Товарищескій кругъ.

1832—1833.

Всѣхъ тамъ влечетъ незримое вліянье
Отъ смѣха рѣзваго къ возвышеннымъ мечтамъ.

Дня черезъ три послѣ нашего вѣнчанья, Вадимъ сообща съ товарищами устроилъ вечеръ. Кромѣ молодыхъ людей нашего круга, были на этомъ вечерѣ: Луиза Ивановна съ Егоромъ Ивановичемъ и его сослуживцемъ О. Т. Водо, жена Лахтина, двѣ коротко знакомыя матушкѣ дамы съ дочерьми и, тайно отпущенные изъ подъ ареста, Антоновичъ съ Оболенскимъ.

Бахтуринъ распоряжался освѣщеніемъ, музыкой и танцами. Никъ явился съ ящикомъ шампанскаго и корзиною бокаловъ; Сатинъ и Александръ съ конфектами. Вечеръ вышелъ блестящъ

Библиотека "Руниверс"

и оригиналенъ. На всемъ лежала печать свѣжести, одушевленія, свободы. Всѣ были какъ бы сами у себя.

Когда вечеръ окончился, молодые люди отправились въ отдаленную комнату допраздновать. Спустя полчаса, Вадимъ вызвалъ меня изъ гостиной, и, взявши за руку, ввелъ въ кругъ своихъ товарищей. Меня встрѣтили громомъ поздравленій, съ бокалами шампанскаго въ рукахъ. Мгновенно пустые бокалы разсыпались у моихъ ногъ—въ дребезги.

Вадимъ наполнилъ бокалъ шампанскимъ и подалъ мнѣ.

— За дружбу, сказала я въ какомъ то восторженномъ настроеніи, выпила вино до дна и также бросила рюмку на полъ.

Взрывъ восторга и ура покрыли легкій звонъ разсыпавшагося хрусталя.

И пошли тосты.

Сабля Бахтурина сверкала, сѣкая головки бутылокъ, шампанское, шипя и пѣнясь, лилось въ бокалы. Взоры разгорались, рѣчи становились живѣе и живѣе. Вадимъ увелъ меня въ наши комнаты, а самъ вернулся къ товарищамъ. Къ утру иныхъ развезли по домамъ, Антоновича съ Оболенскимъ подъ арестъ. Человѣка три ночевали у насъ, кто на диванѣ, кто на столѣ; Бахтуринъ, помнится, подъ столомъ, позабывши, что у него есть отдѣльная комната.

Въ февралѣ Вадимъ опять уѣхалъ въ Харьковъ для окончательнаго раздѣла имѣнія.

Москва.—26-го февраля 1833 г.—Ночь.

«Неужели ты точно уѣхалъ? или я видѣла это во снѣ. Прошедшее, настоящее—все перепуталось въ моей головѣ....

Вечеромъ приходилъ ко мнѣ въ комнату Александръ, говорилъ, что ты поручилъ ему пересмотрѣть и исправить всѣ статьи для вашего Альманаха. Я ихъ передала ему, и все плакала. Саша бранилъ меня, а прощаясь обнялъ и тронутымъ голосомъ сказалъ: «ну, полно, не плачь — Вадимъ скоро пріѣдетъ.... Таня.»

Съ дороги.—28-го февраля 1833 г.

«.....Дороги ужасныя! все ухабы. Василій три раза падалъ изъ саней. Пользуясь аристократическими правами, я оттѣснилъ его на край. Видъ полей похожъ на сибирскій. Они раскинуты въ безмѣрную площадь, бѣлѣютъ снѣгомъ, и радужно переливаютъ росинками льда. Кой-гдѣ видны опаловыя рамки отдаленнаго лѣса... Вадимъ».

Москва.—2-го марта 1833 г.

«....Сегодня въ 10 часовъ утра пріѣхалъ къ намъ Алексѣй Николаевичъ Савичъ — мы ему обрадовались безконечно. Онъ говоритъ, что Петербургъ заморозилъ его, что онъ хочетъ въ Москвѣ отогрѣться, и если въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ найдетъ здѣсь мѣсто по ученой части, то и совсѣмъ останется.

Вчера весь день, вмѣстѣ съ Сашей и Сатинымъ, была занята Альманахомъ.

Библиотека "Руниверс"

Статья Саши «Гофманъ» и статья Погодина отыскались. Стихи Тепловой и повѣсть Н. Ф. Павлова даны. Алексѣй Николаевичъ пишетъ, пишутъ еще и другіе. Всѣ готовыя статьи переписаны, кромѣ Сашиной и Погодина. Въ понедѣльникъ рукописъ отдается въ цензуру.... Таня».

Волчанскъ.—15-го марта 1833 г.

«Пишу тебѣ изъ Волчанска, третій день какъ началъ дѣло....»

16-го марта.

«11 часовъ вечера. Сейчасъ пріѣхалъ отъ секретаря. Молодой мѣсяцъ свѣтитъ, лазурь заткана звѣздами. Я искалъ сѣвера. Вотъ онъ: * * * * * * это созвѣздіе Большой Медвѣдицы; * — вотъ и полярная звѣзда. Вотъ онъ, мой родной сѣверъ, вотъ въ этой сторонѣ Москва.

Какъ роскошна здѣсь природа, и какъ хороша весна. А тамъ—вокругъ тебя, быть можетъ, снѣгъ, холодъ и птички не поютъ про весну. Но тамъ ты—вѣчная весна души моей, тамъ моя родина, и весь я влекусь въ эти снѣга, въ эти непогоды... Вадимъ».

Москва.—25-го марта 1833 г.

«....жизнь безъ любви не жизнь, говорилъ Алексѣй Николаевичъ, читая твое письмо отъ 16-го марта, когда же дошелъ до Большой Медвѣдицы и полярной звѣзды, тутъ и остановился, о любви ни слова, а сталъ рисовать окружающія ихъ звѣзды, созвѣздія, — объяснять млечный путь и забрались мы въ небеса. Онъ спрашиваетъ, что твои записки о Малороссіи.

Получила письмо отъ Діомида, онъ возмущенъ—пишетъ: «для людей нѣтъ святаго, для нихъ Богъ, вѣра, любовь, благость, дружба, права—вымыселъ, предразсудокъ. Порой подавленная душа просыпается, какъ огонь, вспыхнувшій въ удушливой мглѣ полярныхъ льдовъ, и освѣтитъ картину безжизненности. Знатенъ, случаенъ—принимаютъ изъ видовъ, бѣденъ, ничтоженъ — для мебели. Тоже и относительно молодежи: богатъ, силенъ—изъ расчета; безъ голоса—можно развлечься. Нѣтъ взаимнаго уваженія, нѣтъ и не можетъ быть взаимной любви. Женщины кокетки до разврата, сладострастны до азіятства, до болѣзненности. У толпы молодыхъ людей душа спитъ, но низкія страсти не дремлютъ. Онѣ увлекаютъ и доставляютъ средства усовершенствоваться уже потеряннымъ.

Стремленіе къ дружбѣ безотвѣтно. Семья не связана любовью. Рѣдко встрѣтишь достойныхъ. Убійственная пустота, безмолвіе. Избѣжать полуживыхъ невозможно. Встрѣча съ ними сродняетъ душу съ пренебреженіемъ къ людямъ, и рождаетъ эгоизмъ....».

Вотъ отрывокъ изъ письма Доши,—грустно читать; въ концѣ онъ смягчается, тронутъ. Я отвѣчала. Пиши ему и ты, укажи на многихъ достойныхъ уваженія, а въ смыслѣ любви—укажи, mio caro, хоть на насъ съ тобой... Таня».

1833 года марта 17-го.—9 часовъ вечера.

«Ахъ усталъ! спать, спать! мой ангелъ! три дня почти не спалъ, за то кончилъ раздѣлъ. Теперь Евгеній и Леонидъ владѣльцы всего Харьковскаго имѣнія.

Со вчерашняго дня привезъ почти весь земскій судъ. Цѣлую ночь пили, пили, пили. Сейчасъ только разъѣхались и ложусь спать. Но смотри, не брани меня, что я тоже пилъ; ей Богу, только стаканъ шампанскаго, да чашку глинтвейна своего рукодѣлья, во всѣ три дня и три ночи, выпилъ. Ложусь, авось увижу тебя во снѣ, а недѣли черезъ двѣ и наяву. Улыбнись мнѣ.... Вадимъ».

Москва.—1833 г. 2-го апрѣля—понедѣльникъ.

«....Сатинъ больше всѣхъ хлопочетъ объ Альманахѣ. Вчера весь день провелъ у насъ. Сабуровъ помѣщаетъ статью изъ своего путешествія по Голландіи, подъ названіемъ «Антверпенъ»—отрывокъ живописный. Стиховъ Ника и Сатина много, прелестные. Подавали рукопись въ цензуру—не приняли; велѣли переписать, говорятъ: слишкомъ дурно переписано. Алексѣй Николаевичъ и Максимовичъ совѣтуютъ ничего не дѣлать до твоего возвращенія. Твоя статья—

Библиотека "Руниверс"

«Періоды жизни»—хуже всѣхъ статей переписана, съ ошибками, и до того неразборчиво, что въ иныхъ мѣстахъ мы не могли добиться смысла. Пріѣдешь—просмотришь—самъ перепиши.

.....Читаю романъ «Послѣдній Новикъ» Лажечникова, что за прелесть. Это талантъ.... Таня».

Вадимъ кончилъ раздѣлъ, и въ двадцатыхъ числахъ апрѣля возвратился въ Москву.

Альманахъ былъ составленъ хорошо, хорошо переписанъ,—но цензура такъ много измѣнила, что онъ остался неизданнымъ.

Въ маѣ пріѣхали въ Москву Евгеній и Діомидъ Пассеки. Въ семействѣ стали часто говорить о предполагаемомъ процессѣ по кантеміровскому имѣнью, оставшемуся послѣ Софьи Богдановны Кантеміръ, законными наслѣдниками которой были Пассеки. Права свои они основывали на слѣдующей родословной:

«У Богдана Пассека было четыре сына: Петръ, Федоръ, Николай, Василій, и четыре дочери: Софья, Марья, Настасья, Анна.

Послѣ сыновей остались дѣти только у Василья Богдановича, дочери да сынъ Василій, бывшій въ послѣдствіи на поселеніи въ Сибири.

Дочь Марья Богдановна вышла замужъ за Полтьева, имѣла одного сына, кончившаго жизнь въ монастырѣ.

Анна Богдановна бывшая за Ташинымъ—имѣла только дочь Варвару.

Настасья Богдановна была въ замужствѣ за барономъ фонъ-Веделемъ. У нихъ родилось двѣ дочери: Анна и Марья. Анна вышла за графа Чернышева и умерла бездѣтно; Марья—за графа Петра Ивановича Панина, имѣла сына и дочь, вышедшую за Тутолмина.

Софья Богдановна, бывшая замужемъ за княземъ Константиномъ Антіоховичемъ Кантеміромъ, оставила только одного сына Дмитрія».

По смерти князя Дмитрія Кантеміра оказалось духовное завѣщаніе, которымъ онъ оставлялъ все свое недвижимое имѣніе, полученное имъ по наслѣдству отъ отца и матери и имъ самимъ пріобрѣтенное, своей троюродной племянницѣ графинѣ Булгари.

На имѣнье, оставшееся отъ матери князя Дмитрія Кантеміра — Софьи, урожденной Пассекъ, заявили свои права князья Шаховскіе, доказывая производившимися въ судебныхъ мѣстахъ дѣлами, что мать ихъ, княгиня Настасья Шаховская, была родная дочь Федора Богдановича Пассека—и у нихъ возникъ процессъ съ графинею Булгари.

Между тѣмъ, прежде нежели это дѣло было разсмотрѣно государственнымъ совѣтомъ, графъ Булгари, по довѣренности жены своей, при просьбѣ представилъ въ слободско-украинскую палату письмо графини Анны Родіоновны Чернышевой, рожденной отъ родной сестры Федора Богдановича Пассека и Софьи Богдановны Кантеміръ, писанное къ бывшему оберъ-прокурору 7-го департамента сената Пещурову. Въ этомъ письмѣ графиня Чернышева заявила,

Библиотека "Руниверс"

что князья Шаховскіе не имѣютъ права на имѣнія изъ фамиліи Пассекъ, такъ какъ мать ихъ—Настасья Федоровна—родилась до брака, и когда Федоръ Богдановичъ женился на ея матери, Настасьѣ Федоровнѣ было уже семь лѣтъ.

Процессъ князей Шаховскихъ съ графинею Булгари продолжался около двадцати лѣтъ, и былъ ими выигранъ. Въ это самое время заявили свои права на кантеміровское имѣнье Пассеки. На имѣніе наложено было запрещеніе и возникъ новый процессъ—между Пассеками и Шаховскими. Процессъ этотъ продолжался около десяти лѣтъ, а такъ какъ права князей Шаховскихъ разъ были утверждены сенатомъ и государственнымъ совѣтомъ, то онъ кончился тѣмъ, что права обѣихъ сторонъ были признаны и кантеміровское имѣнье раздѣлено между обѣими сторонами пополамъ.

Со времени моего замужства, Александръ сталъ бывать у насъ почти каждый день, и такъ сблизился со всѣми, что матушка смотрѣла на него какъ на сына, а братья и сестры какъ на брата. Холодное вы—замѣнилось задушевнымъ ты.

Между тѣмъ, несмотря на дружескія отношенія, на ученыя и учебныя занятія, несмотря на юношескія мечты, товарищество, вакханаліи и оргіи, у Александра оставалась еще неопредѣленная масса силъ и чувствъ, незанятая, искавшая опредѣлиться, выступить наружу,—такъ великъ избытокъ силъ въ юности. Эта неопредѣленная масса могла сплавиться только въ чистый кристалъ. Развилась потребность любви, пламенно ждала дѣву — Теклу, Беатриссу Шиллера, и приготовляла ей въ даръ мечты юности, пламень двадцатилѣтняго сердца. Онъ ужъ любилъ ее невѣдомую. Трудно ли было послѣ того въ самомъ дѣлѣ влюбиться.

Правда, мало Ундинъ и Сильфидъ залетали въ затворничество ихъ дома, мало Александръ и выѣзжалъ—сначала по приказанію отца, потомъ по собственному желанію. Увлеченный наукой и мечтами въ замкнутый кругъ университетскаго товарищества, онъ, послѣ моего замужства, сдѣлался совсѣмъ чужой въ женскомъ обществѣ. Ежели онъ не приносилъ въ него грязныхъ сапогъ, латинскихъ слово, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ тамъ былъ дома. Дома онъ былъ въ студенческомъ кругу, предсѣдателемъ литературно-фантастическо-политическихъ преній, за полуизломан-

Библиотека "Руниверс"

ными столами, заваленными книгами, фуражками, табачной золой. Тутъ кровь кипѣла, фантазія искрилась, бросала огонь на всѣ стороны; поэзія, дружба, вино—все пѣнилось, все лилось черезъ край. «Въ женскомъ обществѣ, говорилъ Александръ, я чувствую себя не на мѣстѣ, точно морской офицеръ на лошади. Мой юморъ и мои восторги—испугали бы своимъ карбонаризмомъ». Сверхъ всего, голова у Александра была набита чистой математикой, и математикой прикладной, зоологіей и геогнозіею, да вереница студенческихъ анекдотовъ летала и протѣснялась между всѣмъ этимъ. Въ свѣтскомъ же обществѣ Александръ видѣлъ всегда оскорбляющую его аристократію, и стѣснительныя формы той жизни заставляли его бѣситься, какъ бѣшеную молодую лошадь, которая чувствуетъ на спинѣ своей сѣдло безъ сѣдока. Была и еще причина, по которой онъ терпѣть не могъ свѣтскаго общества: это были гоненія Ивана Алексѣевича за малѣйшее неисполненіе какихъ нибудь принятыхъ обычаевъ. Ясно, что избранная его, вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій, должна была явиться на другомъ театрѣ,—путь къ его сердцу лежалъ черезъ либеральныя идеи и черезъ аудиторію. Такъ и случилось.

Около половины университетскаго курса онъ познакомился съ семействомъ одного изъ своихъ товарищей. Большая рѣдкость: весь этотъ кругъ съ семействами друзей своихъ никогда не знакомился. Они приходили куда нибудь на антресоли, валялись безъ сюртуковъ по диванамъ, между книгъ, тетрадей и пыли. Но въ этомъ семействѣ было все то, что могло тогда привлечь его.

Семейство это охраняло несчастіе...

Въ этой семьѣ онъ встрѣтилъ ту, которой принесъ юную любовь свою, облеченную въ студенческія мечты... тутъ не было ни аристократическихъ формъ жизни, ни богатства, а была восторженность, вѣра въ себя, — тутъ была дѣвушка бѣлокурая, прелестная какъ весенній ландышъ — сговоренная невѣста. Женихъ былъ въ отсутствіи—она грустила. Александръ находилъ ея грусть безпредѣльно милою, поэтической, но такой грустью, которая можетъ утѣшиться слезою и стихомъ, исчезнуть отъ искренняго привѣта, и его то она нашла въ немъ. Она долго удерживала слабое чувство къ жениху изъ сердечнаго point d'honneur,—онъ это видѣлъ и тихо, тихо вынималъ знамя изъ ея рукъ, а когда она перестала его удерживать, онъ былъ влю-

Библиотека "Руниверс"

бленъ. Чтобы развлечь ее, онъ приносилъ ей новыя книги, новые стихи, читалъ съ ней вмѣстѣ повѣсти. Страшное дѣло—читать повѣсти молоденькой, бѣлокурой дѣвушкѣ и быть студентомъ, быть полувлюбленнымъ. Какъ это опасно, всего лучше знаетъ Дантъ. Francesko de Rimini разсказывала ему на томъ свѣтѣ, какъ отъ книги перешли къ поцѣлую, а отъ поцѣлуя къ кинжальному удару. До втораго Александръ не доходилъ, но въ послѣдствіи говорилъ намъ, какъ ему хотѣлось оставить книгу, сказать слово любви и продолжать повѣсть въ дѣйствіи; но что страхъ, ужасный страхъ держалъ въ уздѣ. Наконецъ, читая романъ Сантина «Изувѣченный» и кончивъ его, увлеченный, онъ спросилъ ее: «хочешь быть моею Гаэтаной?».—«Не Гаэтаной—а Маріею», отвѣчала она. Онъ былъ въ восторгѣ.—«Мнѣ смертельно хотѣлось, сказывалъ Саша, чтобы у меня вырвали языкъ, отрубили руки,чтобы, подобно изувѣченному, спрятаться въ лѣса, мучиться поэмами, и знаками передавать ихъ Маріи.

Я сжалъ ей руку съ словами:

«Quel giorno piu nonvi legemmo avante».

Они вѣрили въ свою любовь.

Прежде нежели Александръ дошелъ до объясненія съ Маріей, онъ, разъ войдя въ нашу комнату, гдѣ я была одна, долго въ раздумьи ходилъ по ней взадъ и впередъ.

Я спросила его, что съ нимъ?

Онъ отвѣчалъ, что, съ нѣкотораго времени, на него нападаетъ тоска.

— Я это давно вижу—и, кажется, понимаю отъ чего.

— «Отъ чего же?» спросилъ живо Александръ.

— Тебѣ нравится Марія, а она сговоренная невѣста.

— «Ну такъ что же, чему это мѣшаетъ».

— Ты можешь помѣшать. Жениха Маріи здѣсь нѣтъ, а ты за ней ухаживаешь. Чувство несправедливаго поступка тебя тревожитъ.

— «Не понимаю, что тебѣ вздумалось придавать столько значенія тому, что я хорошенькую нахожу хорошенькой, и, comme de raison, она нравится».

— Нравиться ce n'est pas le mot, ты ею увлекаешься и стараешься ее увлечь. Есть отношенія, которыя порядочнаго человѣка обязываютъ. Пополнитъ-ли она твои душевныя требованія

Библиотека "Руниверс"

на столько, чтобы ты не разлюбилъ ея?—я думаю нѣтъ. Зачѣмъ портить чужое счастіе.

— «Вопросъ, дѣйствительно-ли счастіе готовится ей, я—сомнѣваюсь. Она любитъ жениха своего не настолько, насколько способна любить».

— Быть можетъ. Тѣмъ опаснѣе. Марія натура глубокая, если она полюбитъ такъ, какъ способна любить—то на всю жизнь. За тебя не поручусь.

— «И не зачѣмъ. Я ничего не ищу, никому не мѣшаю, а думаю, что съ нимъ она счастлива не будетъ».

— Почему же?

— «Да потому, что не то ей надобно».

— Тебя недостаетъ. Пока есть время, лучше оставь ихъ въ покоѣ. Подумай.

— «О чемъ мнѣ думать,—отвѣчалъ Александръ мѣняясь въ лицѣ,—ничего нѣтъ. Ты все преувеличиваешь».

— Тебя, Саша, мучитъ потребность любви больше самой любви.

— «Все это тебѣ привидѣлось», возразилъ Александръ съ неудовольствіемъ.

— Ты недоволенъ собой и раздражаешься. Если она полюбитъ тебя, а твоя любовь окажется кратковременнымъ увлеченіемъ—ея молодая жизнь будетъ разбита навсегда. Въ семейство же, гдѣ тебя любятъ, гдѣ тебѣ вѣрятъ—внесешь горе и раскаяніе, зачѣмъ тебя любили, зачѣмъ вѣрили. Я не говорю уже о женихѣ.

Александръ нетерпѣливо толкнулъ рукою стулъ, говоря:

— «Ахъ, Таня, прошу тебя, перестанемъ объ этомъ толковать».

— Перестанемъ. Я вижу, ты рѣшилъ пустить это дѣло въ ходъ, какъ лодку по теченію воды, дай Богъ, чтобы ее прибило къ свѣтлой пристани.

Разговоръ этотъ и мои опасенія я передала Вадиму. Положимъ, добавила я, Александръ скоро кончитъ курсъ въ университетѣ, тогда могъ бы жениться, да Иванъ Алексѣевичъ не допуститъ, врядъ-ли онъ и самъ рѣшится связать себя семейною жизнью, въ двадцать два года, особенно когда утихнетъ первый порывъ страсти. Онъ и теперь чувствуетъ, что между имъ и ею недостаетъ того, что сливаетъ двѣ жизни въ одинъ аккордъ.

Библиотека "Руниверс"

— «Это правда,—отвѣчалъ Вадимъ.—Характеръ Александра нѣженъ, но слабъ и отчасти эгоистиченъ. Она тверда, благородна до самоотверженія, но бываетъ рѣзка, когда взволнована; рѣзкость эта иногда переходитъ въ жесткость. Несмотря на ея умъ, она не можетъ вполнѣ дѣлить его умственные интересы, по недостаточности образованія. Онъ станетъ искать пополненія и раздѣла имъ въ средѣ товарищей. Ее это будетъ огорчать, начнется ревность, упреки,—его они будутъ вязать и охлаждать. Вотъ что я предвижу. Но тутъ никто ничего не подѣлаетъ и вмѣшиваться опасно. Можно нажить только непріятности безъ пользы. Ты сдѣлала все, что дружба и совѣсть обязывали сдѣлать. Если Александръ будетъ откровененъ со мной, попробую предупредить то, что предвижу».

Александръ долго скрывалъ отъ меня и отъ Вадима свои чувства и отношенія къ Маріи.

Пока любовь Александра не приняла еще широкихъ размѣровъ, то и не мѣшала ему съ обычнымъ жаромъ отдаваться наукѣ и товариществу. Нѣкоторыя строгости въ университетѣ (относительно кружка Сунгурова съ товарищами) не были сторожевымъ крикомъ; напротивъ, какъ бы подзадорили ихъ. Они еще чаще стали сбираться то у того изъ нихъ, то у другаго, и чертили планы своей дѣятельности, а такъ какъ, при сходствѣ понятій, не могло не быть различія въ способностяхъ и наклонностяхъ, то, соотвѣтственно призванію, избирались поприща, на которыхъ трудясь могли бы достигать такого общественнаго положенія, занимая которое имѣли бы возможность благотворно вліять на нравственное и умственное положеніе Россіи.

Науку они соединяли съ жизненными интересами, но не какъ средство для выгодъ и блеска жизни,—все, что читалось, слышалось, говорилось, возбуждало въ нихъ чувство нравственнаго достоинства. Изъ экзальтаціи этихъ чувствъ рождались ихъ убѣжденія и поступки, конечно, слишкомъ юные, пылкіе и неопытные, но которые становились исходной точкой будущности каждаго.

Одинъ изъ друзей моего мужа, поэтъ по призванію, писалъ Александру изъ деревни:

17-го іюня 1833 г.

«Я рѣшительно такъ полонъ, можно сказать, задавленъ ощущеніями и мы-

Библиотека "Руниверс"

слями, что мнѣ кажется, мало того—кажется, мнѣ врѣзалось въ мысль, что мое призваніе быть поэтомъ, стихотворцемъ, музыкантомъ».

Онъ сталъ пробовать свою лиру, и вотъ какъ, въ 1841 году вспоминаетъ о минутѣ, въ которую пробудилось въ немъ вдохновеніе.

Каминъ погасъ, въ окно луна
Мнѣ смотритъ блѣдно. Въ отдаленьи
Собака лаетъ—тишина,
Потомъ забытыя видѣнья
Встаютъ въ душѣ—она полна
Давно угасшаго стремленья,
И тихо возникаютъ въ ней
Всѣ ощущенья прежнихъ дней.
Въ такую-жъ ночь я при лунѣ
Впервые жизнь узналъ душою,
И пробудилась жизнь во мнѣ,
Проснулось чувство молодое,
И робкій стихъ я въ тишинѣ
Чертилъ тревожною рукою.
О Боже! въ этотъ чудный мигъ
Что̀ есть святаго—я постигъ.

Вадимъ избралъ литературу и кафедру. Онъ сталъ изучать исторію вообще, отечественную по преимуществу, писалъ диссертацію на кафедру исторіи и «Путевыя записки». Въ Путевыхъ запискахъ» уже просвѣчивалъ будущій издатель «Очерковъ Россіи».

Въ «Литературномъ вечерѣ», изданномъ по кончинѣ Вадима литераторами въ пользу его осиротѣлаго семейства, сказано: «Путевыя Записки» В. Пассека есть плодъ юноши писателя, которымъ онъ хотѣлъ высказать всего себя, свое направленіе, свои чувства, свои мысли, знанія, мечты».

Въ послѣдствіи часть молодыхъ людей этого кружка и присоединившихся къ нимъ изъ кружка Станкевича примкнули къ Бѣлинскому. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли большое вліяніе на развитіе и дѣятельность самого Бѣлинскаго. Такимъ образомъ выдвинулся цѣлый рядъ дѣятелей. Вліяніе ихъ проявлялось во всѣхъ слояхъ общества, образовало въ немъ какъ бы одну семью, члены которой дѣлили между собой, какъ они выражались: «дѣло обновленія отживающихъ формъ жизни». Новый духъ сталъ воплощаться вездѣ: въ литературѣ, въ наукѣ, въ семейной жизни, въ служебной дѣятельности и на все клалъ печать свою.

Библиотека "Руниверс"

ОЧЕРКЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ и СОБЫТІЙ НА КАВКАЗѢ.

Ф. К. Клюки-фонъ-Клугенау.

1818—1850.

(Окончаніе).

XV [1]).

Клугенау въ Ахалцыхской провинціи.—Походъ къ Чиркею въ 1839 г.—Возстаніе Чечни.—Дѣйствія Шамиля въ сѣверномъ Дагестанѣ лѣтомъ 1840 г.—Бельгардъ.—Бой подъ Ишкартами.—Пораженіе Шамиля подъ Гимрами 14-го сентября 1840 г.—Построеніе Евгеніевскаго укрѣпленія.—Дѣйствія въ Аваріи, 1841 г.—Обзоръ положенія Дагестана, составленный Клугенау.—Экспедиція Граббе въ 1842 г.—Дѣло подъ Игали.—Возведеніе укрѣпленій и проложеніе дорогъ въ Дагестанѣ.—Вторженіе и успѣхи Шамиля въ Койсубу и Аваріи.—Героизмъ русскихъ отрядовъ при оборонѣ укрѣпленій.—Блокада Шуры.—Діомидъ Пассекъ.—Осада Гергебиля.—Шагановъ.—Бабановъ.—Фрейтагъ.—Утрата русскими Аваріи и Койсубу.

1839—1843.

Печатавшіяся въ „Русской Старинѣ“ записки о генералѣ Клюки-фонъ-Клугенау и его дѣятельности на Кавказѣ, по богатству своего содержанія, представляютъ, несомнѣнно, одинъ изъ интереснѣйшихъ историческихъ матріаловъ; но такъ какъ онѣ касаются, исключительно, исторіи распространенія нашего владычества на Кавказѣ и развиваютъ эту тему въ объемахъ крайне широкихъ (болѣе двухъ тысячъ писанныхъ страницъ), то, при печатаніи ихъ цѣликомъ, пришлось бы далеко выйти изъ рамокъ издаваемаго нами журнала.

По программѣ „Русской Старины“. въ ней должно помѣщаться все,

---

[1]) См. «Русскую Старину», томъ XI, стр. 131—152; 497—515; томъ XII, стр. 544—554; томъ XV, стр. 141—162; 377—387; 645—658.

Библиотека "Руниверс"

что представляется важнаго или характеристичнаго въ исторіи минувшей жизни нашего народа и государства. При богатствѣ подобнаго матеріала, накопившагося въ редакціи, нѣтъ возможности отводить преимущественное мѣсто, на страницахъ нашего изданія, матеріалу хотя и интересному, но касающемуся спеціально одной только изъ окраинъ русскихъ, — въ ущербъ другимъ, не менѣе важнымъ или занимательнымъ свѣдѣніямъ.

Руководясь подобными соображеніями и полагая, вмѣстѣ съ тѣмъ, что напечатанная уже часть записокъ о Клугенау достаточно ознакомила читателей, какъ съ самою личностію этого извѣстнаго генерала, такъ и съ характеромъ его военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, мы рѣшились остальную (послѣднюю) часть записокъ представить здѣсь въ сжатомъ очеркѣ, заключающемъ въ себѣ только наиболѣе выдающіяся мѣста изъ дѣятельности Клугенау въ Дагестанѣ, съ 1838 по 1845 годъ.

Отказывая себѣ въ печатаніи „Записокъ" въ прежнемъ объемѣ, мы надѣемся, впрочемъ, что отдѣлы ихъ, у насъ непомѣщенные, не пропадутъ для читающей публики. Сколько намъ извѣстно, на Кавказѣ предпринимается изданіе историческаго сборника, посвященнаго всецѣло мѣстной хроникѣ: тамъ, записки о столь доблестномъ кавказскомъ дѣятелѣ, каковъ былъ Клюки-фонъ-Клугенау, безъ сомнѣнія, займутъ почетное мѣсто.

Въ 1838 году, Клюки-фонъ-Клугенау пришлось, на нѣкоторое время, разстаться съ боевою жизнію. Поставленный въ непріятныя отношенія къ генералъ-лейтенанту Фезе, онъ счелъ за лучшее уклониться отъ совмѣстной съ нимъ дѣятельности и воспользоваться давно испрашиваемымъ отпускомъ, для отдохновенія отъ трудовъ и для излеченія раны, часто его безпокоившей. — Высочайшимъ разрѣшеніемъ отправиться заграницу онъ, однако, не воспользовался, вслѣдствіе сдѣланнаго ему, въ тоже время, корпуснымъ командиромъ предложенія— принять на себя управленіе Ахалцыхскою провинціею. Мѣсто это вполнѣ соотвѣтствовало его видамъ: не удаляя его отъ театра войны, съ которою онъ сроднился, оно доставляло ему, въ тоже время, возможность пользоваться ахалцыхскими минеральными водами.

Желаемыхъ спокойствія и отдохновенія Клугенау не нашелъ и на новомъ мѣстѣ. Одновременно съ его назначеніемъ, въ Ахалцыхской провинціи открылась чума, занесенная туда изъ Турціи, и противодѣйствіе этой страшной заразѣ потребовало съ его стороны новыхъ трудовъ и заботъ. Благодаря принятымъ имъ благоразумнымъ и энер-

Библиотека "Руниверс"

гическимъ мѣрамъ, чума была прекращена черезъ 8 мѣсяцевъ послѣ ея появленія.

Продолжительное пребываніе въ Ахалцыхѣ не могло удовлетворять стараго воина, привыкшаго къ тревогамъ боевой жизни. Судьба какъ бы вняла его тайнымъ желаніямъ. Въ началѣ 1839 г. рѣшено было предпринять экспедицію противъ Ахульго, и генералъ-адъютантъ Граббе, которому поручена была эта экспедиція, просилъ о назначеніи Клугенау подъ его начальство. Вслѣдствіе сего, Клугенау былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи и начальникомъ лѣваго фланга Кавказской линіи, на мѣсто генералъ-маіора Гржегоржевскаго, наименованнаго, на мѣсто его, управляющимъ Ахалцыхскою провинціею; но, пока происходило ихъ взаимное перемѣщеніе, экспедиція въ сѣверномъ Дагестанѣ была окончена и знаменитый аулъ Ахульго, 22-го августа 1839 г., взятъ штурмомъ [1]).

По прибытіи къ мѣсту новаго назначенія, Клугенау немедленно долженъ былъ идти въ экспедицію противъ Чиркея, жители котораго возбуждали подозрѣнія генерала Граббе своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ и завѣдомыми сношеніями съ Шамилемъ. Отрядъ, отправленный къ Чиркею, выступилъ изъ Шуры 9-го сентября; Клугенау, командуя авангардомъ, опередилъ главныя силы на нѣсколько верстъ и, такъ какъ жители аула выслали депутатовъ съ изъявленіемъ совершенной покорности, то при входѣ въ оный не было соблюдено всѣхъ военныхъ предосторожностей. За эту излишнюю довѣрчивость Клугенау едва не поплатился жизнію: авангардъ нашъ, втянувшійся въ сады, прилежащіе селенію, былъ внезапно атакованъ со всѣхъ сторонъ и, въ тоже время, находившійся въ его тылу мостъ черезъ р. Сулакъ былъ подожженъ. Передовыя войска наши едва успѣли отступить обратно за рѣку, потерявъ убитыми и ранеными до 150 человѣкъ и оставивъ значительное число плѣнныхъ и одно орудіе въ рукахъ горцевъ. Намѣреніе генерала Граббе наказать чиркеевцевъ за ихъ вѣроломство не удалось, такъ какъ наступившее ненастье и распутица воспрепятствовали приблизиться къ аулу путемъ болѣе удободоступнымъ, черезъ сел. Хубары. Чиркеевцы поплатились только нѣсколькими десятками тысячъ барановъ, имъ принадлежавшихъ, которыхъ войска наши отбили около сел. Алмакъ, на возвратномъ пути къ кр. Внезапной.

Движеніе къ Чиркею и захватъ стадъ, принадлежавшихъ жителямъ этого аула, были послѣдними событіями экспедиціи 1839 г. въ

[1]) Объ экспедиціи подъ Ахульго существуетъ очень хорошая монографія Димитрія Алексѣевича Милютина.

Библиотека "Руниверс"

сѣв. Дагестанъ.—Результаты ея, вообще, были хороши: послѣ взятія Ахульго, Шамиль, покинутый всѣми, упалъ духомъ и до слѣдующаго года жилъ въ уединеніи, сначала въ Беноѣ, а потомъ въ Аргунскомъ ущеліи. Подъ Ахульго лишился онъ своихъ лучшихъ мюридовъ и ревностнѣйшихъ приверженцевъ, и взятіе этого аула, считавшагося неприступнымъ, навело на всѣхъ горцевъ страхъ и пробудило въ нихъ мысль о невозможности держаться противъ нашихъ войскъ. Андія и Гумбетъ изъявили покорность, а остальныя общества, прежде признававшія власть Шамиля, тоже смирились. Дѣйствія въ южномъ Дагестанѣ были не менѣе удачны и мы имѣли полное право, послѣ 1839 года, расчитывать на продолжительный миръ. Расчеты эти, однако, оказались несостоятельными, такъ какъ въ слѣдующемъ же году возникли новыя и важныя затрудненія на другомъ театрѣ войны — въ Чечнѣ; ими совершенно были уничтожены плоды предшествовавшей экспедиціи въ Дагестанѣ и положено начало новому и болѣе прочному возвышенію Шамиля.

Чеченцы, еще въ 1838 г., вслѣдствіе притѣсненій полковника Пулло, стали выказывать сильное неудовольствіе; но покореніе Ахульго заставило ихъ, какъ и прочихъ горцевъ, на время смириться. Между тѣмъ, Пулло, произведенный въ генералы, все болѣе и болѣе увеличивалъ свои притѣсненія и, наконецъ, довелъ чеченцевъ до того, что они рѣшились обратиться за помощью къ Шамилю. Въ январѣ 1840 г. послана была къ нему депутація съ просьбою о принятіи Чечни подъ свое покровительство и съ обѣщаніемъ безусловнаго ему повиновенія и строгаго исполненія всѣхъ правилъ шаріата; въ залогъ покорности выданы были Шамилю аманаты.

Въ мартѣ 1840 г., вся Малая Чечня была въ полномъ возмущеніи, а въ апрѣлѣ Шамиль уже имѣлъ возможность собрать отъ 5-ти до 6-ти т. челов., понуждая приставать къ себѣ и другія общества.

Вслѣдствіе возстанія Чечни, главное вниманіе кавказскаго начальства обратилось на эту страну; еще въ мартѣ стали усиленно приготовляться къ покоренію отложившихся и къ возстановленію спокойствія на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи. Экспедицію предполагалось начать въ первыхъ числахъ мая; но успѣхи Шамиля ускорили и сборъ войскъ и время открытія военныхъ дѣйствій.

Отрядъ, назначенный въ экспедицію и порученный начальству генералъ-лейтенанта Голофѣева, состоялъ изъ 10 баталіоновъ, 16 орудій и двухъ казачьихъ полковъ, не считая милиціи и линейныхъ казаковъ. Для защиты же сѣвернаго Дагестана оставлено было всего 4 баталіона, подъ начальствомъ Клугенау.

Шамиль, узнавъ о сборѣ отряда Голофѣева, поручилъ защиту

Библиотека "Руниверс"

Чечни сообщникамъ своимъ: Ташовъ-Хаджи, Ахверды-Магомѣ и Шуанбъ-муллѣ, а самъ устремилъ все свое вниманіе на Нагорный Дагестанъ, гдѣ много у него еще было приверженцевъ и гдѣ силы русскихъ, сравнительно, были ничтожны. Еще въ началѣ лѣта началъ онъ употреблять всевозможныя старанія для возстановленія власти своей въ Андіи, Гумбетѣ и Салатавскихъ селеніяхъ и къ склоненію на свою сторону чиркеевцевъ и зубутцевъ. Старанія его увѣнчались успѣхомъ: 5-го іюля 1840 г., какъ тѣ такъ, и другіе, приняли шаріатъ и впустили къ себѣ Шамиля, который только и ожидалъ ихъ покорности, для того, чтобы обладать ближайшими и свободными выходами на плоскость, представлявшую богатую добычу и оставшуюся почти безъ защиты. Въ послѣдствіи, въ продолженіе всего 1840 г., онъ проживалъ въ Чиркеѣ, откуда и предпринималъ свои наступательныя дѣйствія. Измѣна чиркеевцевъ была для насъ весьма чувствительна: чрезъ это, плоскость подвергалась постояннымъ тревогамъ и опасностямъ, и для обезпеченія сообщеній Шуры съ Кази-Юртомъ приходилось принимать особыя мѣры.

Враждебныя дѣйствія Шамиля, весною 1840 г. (въ началѣ мая), открылись попыткою разграбить Кумыкскія владѣнія; но такъ какъ пути слѣдованія, по которымъ должна была идти партія, предназначенная имъ для этого набѣга, оказались занятыми нашими войсками, стягивавшимися для дѣйствій противъ Чечни, то Шамиль принужденъ былъ отказаться отъ этого предпріятія и вернуть свое скопище въ горы.

Послѣ этой первой неудачной попытки непріятеля, край былъ на время успокоенъ. Только въ концѣ іюня Шамиль рѣшился воспользоваться беззащитностію Дагестана, чтобы произвести тамъ всеобщее возстаніе. Онъ надѣялся уничтожить плоды долголѣтнихъ трудовъ и побѣдъ нашихъ и самымъ малымъ результатомъ своего предпріятія считалъ разграбленіе занятыхъ нами пунктовъ и отвлеченіе отряда генер. Голофѣева изъ Чечни. Средства его соотвѣтствовали обширности задуманнаго плана: вся Салатавія приняла шаріатъ и вооружилась поголовно; всѣ племена, обитавшія по Андійскому Койсу, стекались подъ знамена имама, въ Чиркей. Джевадъ-ханъ, Ташовъ-Хаджи, Фен-мулла съ чеченцами присоединились къ общему скопищу.

Первоначальнымъ намѣреніемъ Шамиля было овладѣть селеніями: Ишкарты, Коронай и Эрпели, прикрывающими прямой путь изъ Чиркея въ шамхальскія владѣнія и въ Койсубу, для того, чтобы потомъ, не опасаясь слабыхъ отрядовъ нашихъ, двинуться уже къ Дербенту. Собравъ до 10 т. человѣкъ, онъ готовился выступить изъ Чиркея въ началѣ іюля 1840 г.

Библиотека "Руниверс"

Силы, которыми располагалъ въ это время Клугенау въ сѣверномъ Дагестанѣ, состояли—какъ выше сказано — всего изъ четырехъ баталіоновъ. Надо при этомъ замѣтить, что значительнѣйшая часть ихъ составляла гарнизоны въ укрѣпленіяхъ, такъ что, для дѣйствій въ полѣ, Клугенау, при всѣхъ усиліяхъ, могъ на первый разъ вывести только около 700 человѣкъ пѣхоты, два полевыхъ орудія или два горныхъ единорога, 50 казаковъ и нѣсколько сотъ человѣкъ милиціонеровъ, на которыхъ нельзя было полагаться.

Не смотря на столь явную несоразмѣрность въ силахъ, Клугенау рѣшился предупредить Шамиля на высотахъ Коронайскихъ, расчитывая, что бездѣйствіе съ нашей стороны можетъ только возвысить духъ противника и еще болѣе усилить его скопища.

7-го іюля онъ вышелъ изъ Шуры съ отрядомъ, состоявшимъ изъ трехъ ротъ Апшеронскаго полка (450 чел.), подъ начальствомъ маіора Бельгарда [1]), одного орудія, 50-ти казаковъ и 300 милиціонеровъ. По занятіи Ишкартовъ и по полученіи извѣстія о приближеніи къ этому же аулу всего скопища Шамиля, Клугенау немедленно вызвалъ туда же остававшіяся еще въ Шурѣ три слабыя роты, въ которыхъ на лицо было всего 200 человѣкъ.

10-го іюля 1840 г., непріятель, подъ личнымъ начальствомъ Шамиля, атаковалъ нашъ малочисленный отрядъ, который, будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ и ослабленъ измѣною ишкартинскихъ жителей, очутился въ положеніи весьма критическомъ, не смотря на героизмъ войскъ, одушевляемыхъ личнымъ примѣромъ своихъ начальниковъ, въ числѣ которыхъ, какъ на наиболѣе выдающіяся личности, слѣдуетъ указать на извѣстнаго своею отвагою маіора Бельгарда и на сподвижниковъ его, поручиковъ: Силанова и Вильгрена. Всѣ они за свое самоотверженіе поплатились болѣе или менѣе тяжкими ранами, но блистательнымъ образомъ поддержали честь русскаго оружія. Положеніе становилось, однако, на столько опаснымъ, что Клугенау послалъ въ Шуру за своимъ послѣднимъ резервомъ— тремя ротами Апшеронскаго полка. Ихъ прибытіе выручило нашъ отрядъ. Клугенау, воспользовавшись отступленіемъ горцевъ въ лѣсистыя балки, окружавшія Шуринскую дорогу, вышелъ на встрѣчу своимъ подкрѣпленіямъ и, не тревожимый непріятелемъ, вечеромъ 11-го іюля возвратился въ Шуру.

Расчетъ Клугенау на предпочтительность наступательныхъ дѣйствій оказался вѣрнымъ. Неудачное нападеніе на насъ подъ Ишкартами сильно подѣйствовало на духъ горцевъ; вскорѣ послѣ этого,

---

[1]) Нынѣ генералъ-лейтенантъ и членъ Комитета о раненыхъ.

Библиотека "Руниверс"

они начали расходиться по домамъ и задуманное Шамилемъ всеобщее возстаніе Дагестана на этотъ разъ не удалось.

Отказавшись, на время, отъ покушеній на шамхальскія владѣнія, Шамиль обратилъ свое вниманіе на Аварію и собравъ, въ августѣ мѣсяцѣ 1840 г., новыя скопища, завладѣлъ тамъ нѣсколькими селеніями. Клугенау, извѣстясь объ успѣхахъ своего врага, собралъ отрядъ въ два баталіона, при 4 орудіяхъ. и двинулся на Аракъ-Тау, съ тѣмъ, чтобы оттуда дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ. Достигнувъ Моксоха, онъ получилъ извѣстіе, что Шамиль 10-го августа снова прибылъ въ Чиркей. Это движеніе непріятеля заставило Клугенау вернуться въ Шуру.

26-го августа, Шамиль, съ 3-хъ тысячнымъ скопищемъ, выступилъ изъ Чиркея и занялъ Чиръ-Юртъ и Султанъ-Янгіюртъ; но, вслѣдствіе приближенія Клугенау, долженъ былъ немедленно удалиться въ горы послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ нашими войсками.

Спустя нѣсколько дней послѣ удаленія Шамиля отъ границы кумыкскихъ владѣній, получены были извѣстія о новыхъ съ его стороны обширныхъ военныхъ приготовленіяхъ. Вскорѣ послѣ того онъ завладѣлъ ауломъ Гимры и обнаружилъ намѣреніе овладѣть Унцукулемъ и всѣмъ округомъ Койсубу. Клугенау рѣшился воспрепятствовать этому и, съ отрядомъ въ 1,540 человѣкъ пѣхоты, при 4-хъ горныхъ орудіяхъ и сотнѣ казаковъ, 10-го сентября 1840 г., выступилъ изъ Шуры двумя колоннами; одна, подъ его начальствомъ, черезъ Коронай къ Гимрамъ; другая, подъ начальствомъ полковника Симборскаго—къ Бурундукъ-Кале. 14-го числа онъ нанесъ скопищу Шамиля подъ Гимрами рѣшительное пораженіе, главнымъ результатомъ котораго было спасеніе Аваріи и Койсубу. 18-го сентября отрядъ возвратился въ Шуру, а Шамиль, въ концѣ того же мѣсяца, отправился въ Чечню, по настояніямъ Ахверды-Магомы, опасавшагося настойчивости генер.-адъютанта Граббе, который принялъ начальство надъ чеченскимъ отрядомъ.

Генералъ Граббе, вполнѣ цѣня услуги, оказанныя Клугенау, писалъ ему, отъ 14-го октября, изъ станицы Червленной:

«Принимая непосредственное начальство надъ войсками лѣваго фланга и отъѣзжая завтра же въ Грозную, мнѣ весьма пріятно изъявить вамъ искреннее мое уваженіе за блистательный гимринскій подвигъ. Счастливыя его послѣдствія позволяютъ мнѣ съ свободною головою заняться Чечней».

Послѣ Гимринскаго дѣла опасность, угрожавшая Аваріи, хотя и устранилась, но спокойствіе ханства было неожиданнымъ образомъ нарушено, вслѣдствіе измѣны числившагося въ нашихъ войскахъ прапорщикомъ аварскаго уроженца Хаджи-Мурада. Оклеветанный пе-

Библиотека "Руниверс"

редъ Клугенау аварскимъ правителемъ Ахмедъ-ханомъ, онъ отправленъ былъ, подъ конвоемъ, въ Шуру, но съ дороги бѣжалъ и, затѣмъ, возмутивъ противъ насъ нѣсколько горскихъ обществъ, передался на сторону Шамиля.

Въ концѣ января 1841 г. вліяніе его среди аварскаго населенія на столько усилилось, что Ахмедъ-ханъ обратился къ намъ съ просьбою о помощи, не ручаясь, въ противномъ случаѣ, за спокойствіе страны. Вслѣдствіе этой просьбы Клугенау послалъ въ Хунзахъ одинъ баталіонъ, при 2-хъ орудіяхъ; отрядъ этотъ долженъ былъ, затѣмъ, двинуться на село Цельмесъ и схватить проживавшаго тамъ Хаджи-Мурада; но мятежникъ, надѣлавшій намъ въ послѣдствіи столь много вреда, успѣлъ скрыться.

Распространеніе вліянія его въ Аваріи совпало со временемъ назначенія Клугенау начальникомъ войскъ въ сѣверномъ и Нагорномъ Дагестанѣ. Вообще, послѣднему пришлось въ это время бороться со многими серьезными затрудненіями. Введенный въ 1840 г. порядокъ управленія краемъ часто ставилъ русскаго начальника въ весьма неопредѣленныя отношенія къ мѣстнымъ владѣльцамъ, руководствовавшимися собственными понятіями о законности и съ озлобленіемъ взиравшими на всякіе предѣлы, полагаемые ихъ деспотизму. Всѣ представленія Клугенау о необходимости преобразованіи въ управленіи Дагестаномъ,—представленія, отличавшіяся своею практичностію и основанныя на глубокомъ знаніи характера горцевъ, оставлены были безъ послѣдствій.

Между тѣмъ, возобновившаяся въ горахъ власть Шамиля расширялась все болѣе и болѣе и принимала столь опасные размѣры, что генералъ Головинъ рѣшился, весною 1841 г., предпринять сильную экспедицію противъ Чиркея, считавшагося ключомъ къ выходу изъ горъ на плоскость. Экспедиція эта была предпринята двумя отрядами: чеченскимъ и дагестанскимъ; соединившись у с. Міатлы, оба отряда, 15-го мая 1841 г., двинулись противъ Хубарскихъ высотъ, занятыхъ скопищами Шамиля. При атакѣ означенныхъ высотъ, начальникъ дагестанскаго отряда, Клугенау, командовалъ лѣвою колонною. Шамиль оспаривалъ Хубарскую позицію не слишкомъ упорно и скоро ушелъ въ Аухъ, куда, вслѣдъ за нимъ, двинулся самъ Головинъ, съ чеченскимъ отрядомъ. Чиркеевцы отдѣлались изъявленіемъ покорности и, вопреки настояніямъ Клугенау, не были подвергнуты наказанію за прежнія преступленія.

Занятіе Хубарскихъ высотъ осталось для насъ безплоднымъ. Головинъ занялся построеніемъ, около Чиркея, укрѣпленія Евгеніевскаго и мало обращалъ вниманія на Нагорный Дагестанъ, гдѣ вліяніе Ша-

Библиотека "Руниверс"

миля, не встрѣчая серьезныхъ препятствій, продолжало возрастать. Напрасно Клугенау предупреждалъ о грозящей опасности и просилъ объ усиленіи своего отряда: Головинъ держался мнѣнія, что Шамиль будетъ отвлеченъ отъ Дагестана дѣйствіями ген.-ад. Граббе въ Ичкеріи и потому былъ очень недоволенъ, когда послѣдній, лучше оцѣнивъ положеніе дѣлъ, отдѣлилъ отъ своего отряда 3 баталіона съ 4 орудіями и послалъ ихъ къ Клугенау. Одновременно съ прибытіемъ этихъ войскъ, скопища имама вторгнулись въ Аварію съ трехъ сторонъ, и, безъ подкрѣпленій Клугенау, положеніе дагестанскаго отряда могло сдѣлаться весьма труднымъ, такъ какъ въ это время, въ ноябрѣ, Шамиль имѣлъ со стороны Карадагскаго моста партію въ 5 т. чел.; 2 т. заняли Унцукуль и Гимры; селенія: Гергебиль, Могохъ и весь Андалаль готовы были отложиться. Только прибытіе подкрѣпленій, посланныхъ ген.-ад. Граббе, и двухъ баталіоновъ Тифлисскаго полка, двинутыхъ изъ кумыкскаго владѣнія, дали Клугенау возможность предпринять наступательное движеніе въ Аварію и тѣмъ пріостановить, недѣли на двѣ, всѣ дальнѣйшія покушенія непріятеля. По позднему времени года, это было большимъ выигрышемъ времени. Подвижная колонна наша успѣла снабдить Цатаныхъ провіантомъ на 5 мѣсяцевъ и доставить по одному комплекту снарядовъ, на пять легкихъ орудій, въ Хунзахскую цитадель.

Во второй половинѣ ноября 1841 г. положеніе подвластныхъ намъ обществъ было весьма неблагопріятно. Аварія, подпавшая вліянію Хаджи-Мурада, готова была возстать при первой возможности и только страхъ, внушаемый русскими штыками, поддерживалъ спокойствіе страны. Тѣмъ не менѣе, послѣ похода нашей подвижной колонны, Клугенау, соображаясь съ временемъ года и общимъ положеніемъ дѣлъ, отложилъ наступательныя дѣйствія и ограничился мѣрами оборонительными и приготовленіями къ весенней экспедиціи.

Среди этихъ приготовленій застало его извѣстіе объ измѣнѣ койсубулинцевъ и намѣреніи Кибитъ-Магомы вторгнуться въ Аварію. Пришлось снова обратиться къ наступательнымъ дѣйствіямъ. 22-го ноября 1841 г., Клугенау, собравъ отрядъ въ $3^1/_2$ баталіона, двинулся въ возмущенный край и хотя уже не могъ вполнѣ усмирить его, но, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время пріостановилъ успѣхи возмутителей.

Между тѣмъ, Головинъ, по возращеніи Клугенау изъ Аваріи, предписалъ ему взять Тилитль, раззорить общества: Хидатлинское, Андалальское, Карахское и др., соединившіяся подъ управленіемъ важнѣйшаго изъ приверженцевъ Шамиля, Кибитъ-Магомы. Въ отвѣтъ на это Клугенау послалъ Головину донесеніе о невозможности дѣйствовать согласно его плану, при ничтожности, въ Дагестанѣ, силъ нашихъ,

Библиотека "Руниверс"

и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представивъ обзоръ бѣдственнаго положенія края, просилъ объ увольненіи отъ занимаемой должности—такъ какъ всѣ представленія его о необходимыхъ улучшеніяхъ оставляемы были безъ вниманія.

Обзоръ положенія Дагестана въ началѣ 1840-хъ годовъ весьма интересенъ по содержанію, но, къ сожалѣнію, слишкомъ обширенъ для напечатанія здѣсь цѣликомъ. Онъ начинается съ очерка послѣднихъ дѣйствій въ этой странѣ; при чемъ настроеніе всѣхъ жителей выставляется крайне для насъ неблагопріятнымъ, и указывается на явное стремленіе Шамиля отнять у насъ Аварію и Койсубу.

Обрисовавъ опасное положеніе дѣлъ, Клугенау указываетъ: 1) на недостаточность казенныхъ средствъ, отпускаемыхъ на содержаніе войскъ и укрѣпленій въ Дагестанѣ, и на обремененіе, вслѣдствіе этого, покорныхъ намъ жителей тяжкими налогами и повинностями, которые ожесточаютъ ихъ противъ нашей власти; 2) на недостатокъ въ прочныхъ военныхъ учрежденіяхъ: въ цѣломъ краѣ не было запасныхъ магазиновъ, артиллерійскихъ складовъ и военныхъ госпиталей; сообщеніе Шуры съ Хунзахомъ не было обезпечено даже порядочнымъ паромомъ черезъ р. Койсу; главные три пункта: Шура, Низовое, Хунзахъ—ни укрѣплены, какъ слѣдуетъ, ни снабжены всѣмъ необходимымъ; 3) на недостатки въ самой организаціи управленія краемъ. Поставленный во главѣ 100-тысячнаго разноплеменнаго и воинственнаго населенія, Клугенау не былъ облеченъ правами, необходимыми при управленіи полудикимъ народомъ; кромѣ того, называясь начальникомъ, онъ не имѣлъ ни штаба, ни правителя канцеляріи, ни адъютантовъ, ни инженерной команды, ни офицера путей сообщенія, ни дистанціоннаго провіантскаго чиновника. Во всѣ мелочи приходилось входить ему самому, лично.

Головинъ остался—какъ и ожидать слѣдовало—недоволенъ отзывомъ Клугенау и назначилъ на его мѣсто генерала Фезе; но одновременно съ донесеніемъ его объ этомъ военному министру, ген.-адъютантъ Граббе представилъ государю копію съ вышеупомянутаго обзора положеніи дѣлъ въ Дагестанѣ. Государь, отдавая полную справедливость дѣйствіямъ Клугенау, повелѣлъ возвратить его на прежній постъ.

Вслѣдствіе сего, въ апрѣлѣ 1842 г., Клугенау опять пріѣхалъ въ Дагестанъ. Положеніе дѣлъ тамъ не улучшилось: не смотря на нѣсколько удачныхъ стычекъ нашихъ войскъ съ горцами, возстаніе нисколько не утихало, и Шамиль пріобрѣталъ себѣ все новыхъ приверженцевъ.

Между тѣмъ, въ теченіи апрѣля и мая 1842 г., подготовлялась

Библиотека "Руниверс"

новая экспедиція, долженствовавшая нанести Шамилю рѣшительный ударъ. Планъ ея, въ общихъ чертахъ, составленъ былъ, во время пребыванія въ Петербургѣ, ген.-адъютантомъ Граббе, и ему же поручено привести ее въ исполненіе. Распоряженія для этой экспедиціи дѣлались весьма скрытно, такъ что только 29-го мая 1842 г., когда войска собрались въ Герзель-аулъ, обнаружилось намѣреніе Граббе идти съ отрядомъ въ Ичкерію, на с. Шуани, по дорогѣ чрезвычайно лѣсистой, пересѣченной множествомъ овраговъ—имѣя, при 12-ти баталіонахъ, 16 полевыхъ и 8 горныхъ орудій и огромный транспортъ съ продовольствіемъ и боевыми снарядами. Въ половинѣ мая Граббе потребовалъ изъ Дагестана 2 баталіона Куринскаго полка на усиленіе своихъ войскъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пригласилъ Клугенау на совѣщаніе относительно совокупныхъ дѣйствій. Съѣхавшись съ Граббе въ Міатлинскомъ укрѣпленіи, Клугенау всячески старался отклонить его отъ намѣренія вдаваться въ Ичкеринскіе лѣса, указывая, напротивъ, на выгоды движенія въ Андію со стороны Чиркея. Убѣжденій его, къ несчастію, не послушались.

Результаты этой экспедиціи были плачевны. Войска наши, остановленныя горцами за нѣсколько верстъ до с. Шуани, принуждены были отступить, потерпѣвъ огромный уронъ въ людяхъ, потерявъ одно орудіе и весь транспортъ.

Дагестанскій отрядъ, подъ начальствомъ Клугенау, выступилъ изъ Шуры 13-го іюня 1842 г. и расположился на Бетлетской горѣ, для прикрытія Койсубу. Чрезъ нѣсколько дней прибылъ туда же Граббе, съ 6 баталіонами и 4 орудіями. По соединеніи обоихъ отрядовъ, рѣшено было двинуться къ с. Игали и, овладѣвъ имъ, устроить тамъ укрѣпленіе, назначавшееся для защиты Аваріи и Койсубу со стороны Гумбета и Андіи.

25-го іюня, 2 баталіона Куринскаго полка, 2 сотни уральскихъ казаковъ, 2 горныхъ десяти-фунт. единорога и милиція еще на разсвѣтѣ спустились съ Бетлетской горы къ Цатаныху. Всѣ войска отряда были раздѣлены на двѣ части, и на Клугенау, который командовалъ передовою, возложено было порученіе—идти какъ можно быстрѣе на Игали, препятствуя горцамъ занимать удобныя для обороны позиціи; въ тоже время саперы и другія войска должны были разрабатывать дорогу для артиллеріи.

Дорога отъ Цатаныха, пролегая сначала по ущелью, поднимается, затѣмъ, на перевалъ, съ котораго открывается с. Игали, лежащее въ глубокой и каменистой пропасти.

Кавалерія передоваго эшелона быстро взобралась на перевалъ, откуда непріятельскіе караулы бѣжали внизъ; затѣмъ приступлено

Библиотека "Руниверс"

было къ разработкѣ дороги, которая, впрочемъ, только къ вечеру сдѣлалась удобопроходимою для артиллеріи.

Въ этотъ же день, поутру, нѣсколько тысячъ горцевъ заняли Игали и близь лежащія окрестности, по обоимъ берегамъ р. Андійскаго Койсу. Все имущество жителей было заранѣе вывезено и самый аулъ подожженъ; мюриды расположились въ садахъ и за обширными завалами.

Игалинское ущелье — одно изъ самыхъ неприступныхъ во всемъ Дагестанѣ. Имѣя протяженія около 14-ти верстъ, оно пролегаетъ между двумя высокими хребтами, представляя войскамъ возможность двигаться только по одной узкой дорогѣ. 26-го числа Клугенау, обозрѣвъ мѣстность, убѣдился, что только посредствомъ обходнаго движенія можно будетъ овладѣть ауломъ; вслѣдствіе этого онъ направилъ шедшіе впереди 2 баталіона Апшеронскаго полка по покатостямъ горъ съ правой стороны ущелья, а вся милиція, подъ начальствомъ маіора Евдокимова, бросилась въ сады и завязала сильную перестрѣлку съ мюридами; въ подкрѣпленіе къ ней посланы 4-й баталіонъ Куринскаго полка и сводный гренадерскій баталіонъ. Мюриды сначала держались упорно, но обходное движеніе апшеронцевъ заставило ихъ толпами броситься на высоты, лежащія съ лѣвой стороны ущелья. Аулъ былъ занятъ милиціею и подкрѣплявшими ее двумя баталіонами; въ тоже время, апшеронцы, обойдя селеніе, бросились къ мосту черезъ р. Андійскій Койсу, намѣреваясь захватить его—но онъ оказался уже подожженнымъ, а изъ-за заваловъ, устроенныхъ на лѣвомъ берегу, градъ пуль посыпался на наши передовыя войска.

Предпринятая затѣмъ рекогносцировка обнаружила, что горцы, ожидая, вѣроятно, движеніе нашего отряда на с. Тлохъ и къ Сагритлахскому мосту, заняли гребни горъ по обѣимъ сторонамъ ущелья. Для удержаніи за нами аула Игали и обезпеченія лагернаго мѣста отряда, Клугенау приказалъ полковнику Ясинскому, съ двумя баталіонами Апшеронскаго полка, двинуться внизъ по правому берегу Андійскаго Койсу и очистить отъ непріятельскихъ партій ближайшія высоты. Порученіе это Ясинскій исполнилъ вполнѣ успѣшно.

Для занятія дороги, ведущей въ Тлохъ, назначены были: 4-й Куринскій и сводный гренадерскій баталіоны, подъ командою полковника Форстена; а для овладѣнія высотами, съ лѣвой стороны господствующими надъ Игали, — 1-й и 2-й баталіоны Куринскаго полка, подъ начальствомъ подполковника Бельгарда.—Форстенъ, не смотря на сильный огонь непріятеля, овладѣлъ однимъ заваломъ, устроеннымъ при входѣ въ Тлохское дефиле; въ тоже время, Бельгардъ вы-

Библиотека "Руниверс"

тѣснилъ горцевъ изъ заваловъ, расположенныхъ на ближайшихъ къ аулу высотахъ.

Между тѣмъ 2-й эшелонъ, подъ начальствомъ самого Граббе, достигнувъ перевала передъ спускомъ въ Игали, расположился на немъ въ видѣ резерва; для обезпеченія же тыла отряда, унцукульская милиція заняла д. Ахкендъ и выставила караулы, наблюдавшіе за движеніемъ непріятельскихъ партій.

27-го іюня, на разсвѣтѣ, перестрѣлка возобновилась; горцы нѣсколько разъ покушались спуститься съ лѣваго гребня, но каждый разъ были опрокидываемы баталіонами Куринскаго полка. — Партіи непріятеля, занимавшія горы, усилились, въ продолженіе ночи, новыми подкрѣпленіями и передъ вечеромъ толпы мюридовъ стали спускаться съ праваго гребня, намѣреваясь отрѣзать передній эшелонъ отъ резерва. Замѣтивъ это, Граббе направилъ противъ нихъ 2 роты Навагинскаго полка, подъ начальствомъ храбраго полковника Шульца; горцы, не ожидавшіе нападенія съ этой стороны, обратились въ бѣгство; а на слѣдующій день, послѣ многихъ новыхъ покушеній на нашъ лагерь и сообщенія, они совершенно прекратили перестрѣлку.

Подробный осмотръ мѣстности показалъ, однако, что, при всей важности постояннаго занятія Игали, постройка тамъ надежнаго укрѣпленія связана была съ непреодолимыми затрудненіями. — Главная цѣль экспедиціи, слѣдовательно, не была достигнута; послѣ этого, дальнѣйшій походъ въ горы и исканіе новаго боя не принесли бы пользы, а скорѣе вредъ, такъ какъ ни числительность отряда, ни матеріальное его обезпеченіе не соотвѣтствовали предпріятіямъ такого рода, а войска 19-й и 20-й пѣх. дивизій, въ случаѣ новыхъ потерь, пришли бы въ совершенное разстройство. Вслѣдствіе этихъ соображеній, Граббе рѣшился не углубляться далѣе въ горы, а обратить главное вниманіе на устройство тѣхъ укрѣпленій, которыя должны были обезпечивать обладаніе Казикумыхомъ.

29-го іюня, на разсвѣтѣ, отрядъ нашъ началъ отступленіе отъ Игали; раненые, больные и тяжести отправлены были назадъ заблаговременно. Войска резерва заняли позицію на перевалѣ, для поддержанія отступающихъ передовыхъ частей.

Отступленіе, какъ извѣстно, составляло всегда самый трудный актъ во всѣхъ нашихъ кавказскихъ экспедиціяхъ. Тоже оказалось и подъ Игали. Приходилось изъ расположенія, по необходимости растянутаго, переходить въ походный порядокъ и потомъ тянуться по узкой дорогѣ, на каждомъ шагу отражая отчаянныя нападенія горцевъ. Благодаря искуснымъ распоряженіямъ Клугенау, передовой эшелонъ нашихъ войскъ исполнилъ это трудное дѣло вполнѣ удачно,

Библиотека "Руниверс"

не смотря на то, что непріятель, замѣтивъ наше отступленіе, сталъ насѣдать на насъ со всѣхъ сторонъ. Здѣсь опять отличился храбрый подполковникъ Бельгардъ, шедшій съ своими двумя баталіонами въ хвостѣ колонны.—Наконецъ, всѣ войска Клугенау, который лично присутствовалъ вездѣ, гдѣ являлась опасность, соединились съ ожидавшимъ ихъ на перевалѣ резервомъ. Вслѣдъ за тѣмъ, весь отрядъ двинулся обратно въ Цатаныхъ и, затѣмъ, въ Шуру.

По окончаніи военныхъ дѣйствій, войска дагестанскаго отряда занялись проложеніемъ дорогъ и приведеніемъ въ оборонительное состояніе разныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ, преимущественно въ Аваріи и Койсубулинскомъ округѣ. По этому предмету, а также по управленію ввѣреннымъ ему краемъ, Клугенау, независимо обзора Дагестана, сообщеннаго Головину, представилъ военному министру, Чернышеву, въ бытность послѣдняго въ Шурѣ, памятную записку. Бо́льшая часть его предположеній, хотя и долгое время спустя, приведена была въ исполненіе.

Между тѣмъ, повторявшіяся въ теченіи трехъ лѣтъ сряду покушенія Шамиля на Дагестанъ убѣдили Клугенау въ томъ, что сторона эта сдѣлалось предметомъ упорныхъ усилій главы мюридизма.— Съ другой стороны, экспедиціи 1841 и 1842 гг. не принесли намъ никакихъ выгодныхъ результатовъ: напротивъ того, предпріятія Шамиля сдѣлались еще отважнѣе прежнихъ и двукратное вторженіе въ Казикумыхское ханство давало поводъ заключать объ обширности замысловъ имама. — Вслѣдствіе всего этого, Клугенау, сознавая ограниченность средствъ, предоставленныхъ въ его распоряженіе, и видя, что неоднократныя представленія объ этомъ начальству оставлялись безъ вниманія, рѣшился просить объ увольненіи его отъ должности командующаго войсками въ сѣверномъ и Нагорномъ Дагестанѣ. Къ тому же и разстроенное отъ ранъ здоровье заставляло его подумать объ успокоеніи, хотя на нѣкоторое время. Поэтому, когда на мѣсто Головина, въ январѣ 1843 г., прибылъ на Кавказъ генералъ Нейдгардтъ, Клугенау отправился въ Тифлисъ и, представивъ новому начальнику свое положеніе, просилъ объ увольненіи изъ Дагестана. Нейдгардту, однако, удалось уговорить его остаться на занимаемомъ посту, гдѣ польза, имъ приносимая, была въ тоже время засвидѣтельствована особымъ Высочайшимъ благоволеніемъ „за примѣрную дѣятельность и распорядительность, оказанныя при производствѣ значительныхъ работъ по возведенію укрѣпленій и проложенію военныхъ дорогъ въ ввѣренномъ ему краѣ“.—Государь остался весьма доволенъ этими работами и, на докладѣ о нихъ военнаго министра, написалъ:

Библиотека "Руниверс"

„полезная и усердная служба этого генерала мнѣ давно извѣстна; я этого не забуду".

Въ началѣ 1843 г., Клугенау былъ сильно озабоченъ скоропостижною смертію Ахмедъ-хана Мехтулинскаго, на которомъ лежало также и управленіе Аварскимъ ханствомъ. Для предупрежденія могущихъ возникнуть, вслѣдствіе безначалія, вредныхъ для насъ неустройствъ, управленіе Мехтулинскимъ ханствомъ возложено было, за малолѣтствомъ дѣтей покойнаго, на его вдову Паху-Бикэ,— женщину слабую, но преданную нашему правительству. Управленіе же Аваріею поручено было маіору князю Орбеліани.

Отъ прочнаго обладанія этою послѣднею страною, глубоко вдающеюся въ горы, зависѣло спокойствіе всего края; между тѣмъ, предшествовавшія событія и измѣна бо́льшей части аварскихъ селеній, особенно послѣ бѣгства Хаджи-Мурада, заставляли опасаться за будущность ханства. Поэтому, отправляя князя Орбеліани въ Хунзахъ, Клугенау далъ ему словесное наставленіе: войти въ сношенія съ Хаджи-Мурадомъ и убѣдить его перейти опять на нашу сторону. Ясно, что успѣшный исходъ этихъ переговоровъ могъ бы принести намъ весьма большую пользу.

Хаджи-Мурадъ, котораго Клугенау обнадеживалъ полнымъ прощеніемъ, почти готовъ былъ согласиться на предложенія наши, но измѣнилъ свои мысли, вслѣдствіе медленности генерала Нейдгардта, который, стѣсняясь формалистикой и не понимая духа азіятцевъ, долго не давалъ никакихъ положительныхъ отзывовъ на запросы Клугенау. Такимъ образомъ, благопріятный случай избавиться отъ одного изъ опаснѣйшихъ враговъ былъ нами упущенъ.

Около этого же времени, Шамиль самъ затѣялъ съ нами переговоры, требуя возвращенія ему младшаго сына [1]). Требованія свои онъ основывалъ на опасеніи, что ребенокъ, воспитываясь въ Россіи, сдѣлается „невѣрнымъ гяуромъ".—Когда Клугенау отвѣчалъ ему, что подобное требованіе ни въ какомъ случаѣ не будетъ уважено, то Шамиль, чрезъ правителя Аваріи, обратился прямо къ Нейдгардту. На запросъ по этому предмету, посланный въ Петербургъ, было отвѣчено, что Государь принялъ мальчика подъ свое личное покровительство и разрѣшаетъ Шамилю прислать отъ себя въ столицу довѣренное лицо, которое могло бы ему потомъ засвидѣтельствовать, что сынъ его воспитывается въ правилахъ своей вѣры.

---

[1]) Сынъ Шамиля, взятый аманатомъ подъ Ахульго, въ 1839 г., воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и, возвращенный отцу, въ 1855 году умеръ въ Карату.

Библиотека "Руниверс"

Переговорами о сынѣ Шамиль только „отводилъ намъ глаза“ и, подъ личиною семейныхъ интересовъ, скрывалъ свои обширные политическіе замыслы. Хитрому горцу хотѣлось и удалось усыпить бдительность генерала Нейдгардта, твердо увѣреннаго, что можно будетъ склонить Шамиля къ добровольной покорности. Нейдгардтъ даже писалъ объ этомъ бывшему учителю имама, Джемалъ-Эддину, пользовавшемуся уваженіемъ своего ученика и огромнымъ вліяніемъ въ горахъ, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ его отвѣта; но скоро долженъ былъ разочароваться въ своихъ миролюбивыхъ предположеніяхъ.

Шамиль, убѣдившись, что войска наши, лѣтомъ 1843 года, не предпримутъ никакихъ наступательныхъ противъ него дѣйствій, рѣшился осуществить давно задуманный имъ планъ всеобщаго возстанія въ Дагестанѣ. Время для этого было избрано самое удобное: войска наши, по распоряженію Нейдгардта, были разбросаны на огромномъ пространствѣ, мелкими отрядами, и часть ихъ была занята производствомъ различныхъ работъ. Намѣреніе свое вторгнуться въ Койсубу и Аварію Шамиль держалъ въ непроницаемой тайнѣ до той минуты, когда, собравъ скопище въ 12 тыс. человѣкъ, бросился съ нимъ на наши разобщенные отряды.

Вторженіе Шамиля послѣдовало въ концѣ августа 1843 года и надѣлало намъ множество бѣдъ и хлопотъ. Прежде всего онъ устремился на Унцукуль. Полковникъ Веселитскій, завѣдывавшій войсками въ Койсубу, двинулся, не имѣя на то приказанія, на выручку Унцукуля, но былъ окруженъ горцами и погибъ со всѣмъ своимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 4-хъ ротъ и 2-хъ горныхъ орудій. Войска, выступившія изъ Шуры, подъ начальствомъ Клугенау, не успѣли предупредить этой грустной катастрофы; тѣмъ не менѣе, не смотря на незначительность силъ, которыя удалось собрать у Цатаныха (около 1500 человѣкъ, при 4 орудіяхъ), Клугенау рѣшился идти на спасеніе державшагося еще Унцукульскаго укрѣпленія. Всѣ распоряженія для этого были сдѣланы, какъ, 1-го сентября, поутру, пришло извѣстіе, что гарнизонъ помянутаго укрѣпленія, отчаянно оборонявшійся въ теченіи 4-хъ дней, разстрѣлявъ всѣ патроны, потерявъ двѣ трети людей и лишенный доступа къ водѣ, принужденъ былъ сдаться. Отдавая справедливость храбрости начальника гарнизона [1]), Шамиль оставилъ при немъ шашку.

Во время осады Унцукуля, маіоръ Коссовичъ, занимавшій, съ 2-мя ротами и милиціею, с. Харачи, самовольно отступилъ оттуда въ Белаканы. Чтобы снова отнять это селеніе у занявшихъ его горцевъ,

---

[1]) Мингрельскаго полка поручикъ Аносовъ.

Библиотека "Руниверс"

Клугенау направилъ туда 5 ротъ подъ начальствомъ маіора Зайцева; но нападеніе ихъ было отбито съ огромнымъ урономъ и отрядъ нашъ, вслѣдствіе сего, очутился въ весьма затруднительномъ положеніи, такъ какъ занятіе горцами Харачи угрожало сообщеніямъ его съ Шурою. Намъ предстояло или немедленно стать всѣми силами въ Белаканскомъ ущельѣ и тѣмъ сохранить сообщенія съ Шурою, предоставивъ Аварію на произволъ судьбы, или же сосредоточиться на аварской долинѣ, чтобы удержать за собою центръ горъ, предоставляя непріятелю наши сообщенія. Клугенау избралъ послѣднее; но, рѣшаясь упорно защищать Аварію, онъ хотѣлъ еще попытаться сохранить сообщенія съ Шурою и потому приказалъ подполковнику Діомиду Пассеку занять Харачинскій хребетъ и стараться держаться на немъ, препятствуя непріятелю проникнуть въ Белаканы; но Пассекъ, прибывъ къ отряду, узналъ, что Белаканское ущелье уже занято и потому, по приближеніи всѣхъ скопищъ Шамиля, отступилъ къ Моксоху. Клугенау, со всѣхъ сторонъ окруженному и сильно тѣснимому непріятелемъ, осталось только запереться въ Хунзахѣ.

Получивъ извѣстіе объ этихъ событіяхъ, Нейдгардтъ чрезвычайно встревожился и немедленно предписалъ начальникамъ самурскаго отряда и лѣваго фланга Кавказской линіи послать въ Дагестанъ какъ можно болѣе войскъ. Но уже было поздно! Шамиль, заперевъ Клугенау въ Хунзахѣ, бросился на наши мелкія укрѣпленія: 2-го сентября 1843 года онъ овладѣлъ Белаканскимъ фортомъ, 6-го—Моксохскою башнею и Ахальчинскимъ укрѣпленіемъ, 7-го—Цатаныхомъ [1]), 10-го—Гоцатлемъ.

Положеніе главнаго отряда, запертаго въ Хунзахѣ, было тоже затруднительно, не смотря на всѣ мѣры, принятыя Клугенау для упорной и продолжительной обороны. Вскорѣ однако онъ былъ выученъ. Князь Аргутинскій-Долгорукій съ самурскимъ отрядомъ овладѣлъ Гоцатлинскою горою, защищаемою партіею Хаджи-Мурада, и въ полдень, 14-го сентября 1843 года, достигъ аварской долины, откуда оба отряда немедленно двинулись къ с. Танусу, занятому скопищами Шамиля, у которыхъ было 5 орудій. Всѣ силы горцевъ простирались до 10 тысячъ человѣкъ; въ томъ числѣ около 3-хъ тысячъ конницы.

По несогласію обоихъ нашихъ начальниковъ, противъ Шамиля тутъ ничего не было предпринято: Аргутинскій считалъ покушеніе на сильную его позицію слишкомъ опаснымъ, а Клугенау, съ од-

---

[1]) Цатаныхское укр. взято было послѣ отчаяннаго сопротивленія; изъ гарнизона только 10 человѣкъ раненыхъ достались Шамилю, вмѣстѣ съ паркомъ и орудіями, тамъ находившимся.

Библиотека "Руниверс"

нимъ своимъ отрядомъ, также не могъ предпринять наступленіе. Видя бездѣйствіе наше, горцы сами атаковали занятую нами позицію, но были отбиты съ большимъ урономъ. Послѣ этого, Клугенау перевелъ свой отрядъ на другую позицію, занимая которую онъ прикрывалъ Хунзахъ и сообщеніе съ Гергебилемъ. Наступательныя дѣйствія приходилось отложить до прибытія ожидаемаго изъ Шуры транспорта съ боевыми припасами и до полученія извѣстій о дѣйствіяхъ войскъ на другихъ пунктахъ.

Въ концѣ сентября 1843 г., изъ всѣхъ укрѣпленій нашихъ въ Нагорномъ Дагестанѣ мы обладали только Зирянами, Гергебилемъ и Хунзахомъ. Страна по лѣвому берегу Андійскаго Койсу совершенно опустѣла; жители переведены Шамилемъ въ горы, селенія преданы были огню. Не сознавая возможности держаться въ захваченномъ краѣ, Шамиль надѣялся, что, опустошивъ его, онъ сдѣлаетъ для насъ пребываніе тамъ крайне затруднительнымъ. Дѣйствительно: не имѣя передъ собою мирныхъ селеній, мы лишились, такъ сказать, аванпостовъ и даже затруднялись въ добываніи лазутчиковъ; но за то и избавились отъ необходимости оборонять каждое полупреданное намъ селеніе. Запасы хлѣба, брошенные жителями при ихъ переселеніи, тоже достались въ наши руки.

18-го сентября прибылъ въ Шуру командовавшій войсками на Кавказской линіи, генералъ-лейтенантъ Гурко, съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 2-хъ баталіоновъ, при 4-хъ орудіяхъ. Получивъ извѣстіе о послѣднихъ событіяхъ и опасаясь за шамхальскія и мехтулинскія владѣнія, которыя тоже начали волноваться, Гурко призналъ невозможнымъ дальнѣйшее занятіе Аваріи и, вопреки представленіямъ Клугенау, считалъ болѣе необходимымъ отступить на правый берегъ Койсу и защищать плоскость отъ вторженій Шамиля.

Рѣшивъ оставить опустошенную Аварію, Гурко написалъ объ этомъ Нейдгардту. Нейдгардтъ вполнѣ съ нимъ согласился и немедленно послалъ военному министру донесеніе, въ которомъ, на основаніи различныхъ соображеній, доказывалъ необходимость отказаться на время отъ Аваріи, но съ тѣмъ, чтобы будущею весною снова вступить въ нее съ значительными силами и утвердиться въ странѣ самымъ прочнымъ образомъ, возведя въ одинъ годъ Хунзахское укрѣпленіе, а изъ прочихъ только тѣ, безъ которыхъ не можетъ существовать обезпеченнаго сообщенія съ Шурою.

Но, сдѣлавъ это донесеніе, онъ самъ остановился передъ своею рѣшимостію—оставить врагамъ Аварію, стоившую намъ столько крови и жертвъ; поэтому, сообразивъ средства, которыми можно еще было располагать, онъ вдругъ рѣшился дать Клугенау тѣ войска, кото-

Библиотека "Руниверс"

рыя послѣдній считалъ необходимыми для удержанія Аваріи, но вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалъ отъ него объясненій: какія ручательства имѣются въ томъ, что происшествія, подобныя послѣднимъ, не возобновятся и что войска наши, оставаясь въ Аваріи, не будутъ подвержены прежнимъ опасностямъ. При этомъ, Нейдгардтъ поставлялъ на видъ, что за присылкою помянутыхъ войскъ, не останется уже, ни на линіи, ни за Кавказомъ, свободныхъ резервовъ, которыми бы, въ случаѣ новой опасности, можно было подкрѣпить дагестанскій отрядъ.

Подкрѣпленія, назначаемыя въ сѣверный Дагестанъ, состояли изъ 8 баталіоновъ, 2 донскихъ и 3 линейныхъ казачьихъ сотенъ, 2 полевыхъ и 8 горныхъ орудій. Въ пѣхотѣ считалось 3,873 штыка, и, сверхъ того, ожидалось прибытіе въ Дагестанъ 3,600 рекрутовъ изъ резервной дивизіи Кавказскаго корпуса.

Клугенау, получивъ черезъ генерала Гурко предложеніе Нейдгардта, отвѣчалъ, что, если усилятъ русскія войска въ Аваріи, то онъ надѣется тамъ удержаться и наказать Шамиля, не смотря на ободреніе горцевъ предшествовавшими успѣхами.

Дождавшись новыхъ войскъ, Клугенау сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

Начальникомъ аварскаго отряда назначилъ извѣстнаго своею храбростію и распорядительностію, генеральнаго штаба полковника Діомида Пассека [1]).

15-го октября направилъ изъ Шуры въ Моксохъ 3 баталіона съ транспортомъ въ 600 лошадей; въ Белаканахъ къ нимъ присоединился еще одинъ баталіонъ. Изъ Моксоха, командующій отрядомъ полковникъ Пассекъ двинулся, 18-го октября, съ тремя баталіонами въ Хунзахъ, а одинъ баталіонъ возвратилъ въ Белаканы, для производства работъ и постройки укрѣпленія. Занимавшія Хунзахъ войска были отправлены обратно въ Шуру; а между тѣмъ въ Хунзахъ безостановочно слѣдовали арбяные транспорты съ необходимымъ количествомъ продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ. Всѣ распоряженія эти — если не брать во вниманіе какихъ нибудь неожиданностей — вполнѣ, по мнѣнію Клугенау, соотвѣтствовали тогдашнимъ обстоятельствамъ края. Имѣя сильный отрядъ въ Хунзахѣ и занявъ достаточными силами важнѣйшіе пункты на сообщеніяхъ Зиряны и Белаканы, Клугенау располагалъ въ Шурѣ резервомъ изъ 3-хъ баталіоновъ и

---

[1]) Біографическій очеркъ или, лучше сказать, характеристику этого кавказскаго героя см. въ этой книгѣ «Русской Старины» въ «Воспоминаніяхъ Т. П. Пассекъ».

Библиотека "Руниверс"

всегда могъ поспѣть на помощь Пассеку и не допускать скопища Шамиля держаться въ Аваріи.

Усиленіе войскъ въ Дагестанѣ, при всемъ томъ, оказалось уже запоздалымъ. Успѣхи Шамиля взволновали все магометанское населеніе въ покорныхъ намъ доселѣ шамхальскихъ и мехтулинскихъ владѣніяхъ; а низовья р. Сулака, за исключеніемъ незначительныхъ гарнизоновъ Евгеніевскаго и Міатлинскаго укрѣпленій, оставались совсѣмъ безъ войскъ. Нельзя было, конечно, въ это время предвидѣть явной измѣны акушинцевъ и цудахарцевъ; а между тѣмъ, возстаніе этихъ обществъ, вѣроятно заранѣе условленное, вдругъ измѣнило видъ всего Дагестана и сдѣлало положеніе наше тамъ гораздо худшимъ того, какое было въ 1831 г., при Кази-муллѣ.

Дѣйствительно, едва успѣли войска наши занять назначенныя имъ мѣста въ Аваріи, какъ Шамиль, имѣя свободный проходъ черезъ Гоцатль и Чалды, перешелъ, съ 12-ти тысячнымъ скопищемъ, черезъ Аварскій Койсу и, 28-го октября, обложилъ укр. Гергебиль, занятое двумя ротами Тифлисскаго егерскаго полка (310 чел.), при трехъ орудіяхъ, подъ начальствомъ маіора Шаганова.

Осада эта, которою начинается второй періодъ успѣховъ Шамиля, продолжалась съ 29-го октября по 8-го ноября 1843 г. и ознаменована была чудесами храбрости и самоотверженія ничтожной горсти русскихъ, окруженной фанатическимъ и отважнымъ непріятелемъ. Между особенно отличившимися слѣдуетъ назвать: маіора Шаганова, капитана Горина и поручика Щодро; затѣмъ, унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ: Чаевскаго и Невѣрова, поджегшихъ мину подъ верхнимъ фортомъ, въ минуту вторженія въ оный мюридовъ, и унтеръ-офицера Знобищева съ 6-ю рядовыми, которые маскировали отступленіе своей роты изъ верхняго укрѣпленія въ нижнее.

Гергебиль былъ взятъ только тогда, когда изъ горнизона осталось всего 50 человѣкъ, а нижнее укрѣпленіе обратилось въ груду камней, на которую по трупамъ ея защитниковъ ворвались горцы.

Наканунѣ паденія укрѣпленія, генералъ Гурко, узнавъ о бѣдственномъ его положеніи, собралъ въ Шурѣ сколько могъ войскъ, двинулся къ нему на выручку и 7-го ноября былъ уже на высотахъ гергебильскихъ; но въ это время дошло до Гурко извѣстіе о возстаніи у него въ тылу акушинцевъ и цудахарцевъ и объ опасности, угрожающей Шурѣ. Пришлось вернуться туда и предоставить Гергебиль его страшной участи.

Паденіе Гергебиля имѣло важныя послѣдствія. Шамиль, получивъ возможность безпрепятственно вторгнуться въ шамхальскія и мехтулинскія владѣнія, жители коихъ передались на его сторону, привелъ

Библиотека "Руниверс"

скопища свои въ с. Казанищи, между тѣмъ какъ акушинскій кадій обложилъ укрѣпленіе Низовое, въ которомъ находился главный складъ провіанта, доставляемаго изъ Астрахани для всего Дагестана. Шайки горцевъ, разсѣявшись по всѣмъ направленіямъ, сдѣлали сообщенія наши съ Кизляромъ, Дербентомъ и лѣвымъ флангомъ кавказской линіи до крайности затруднительными. Наконецъ, генералы Гурко и Клугенау, угрожаемые всеобщимъ возстаніемъ, вынуждены были заключиться въ Шурѣ и выдержать блокаду, продолжавшуюся съ 8-го ноября по 14-е декабря 1843 г. Гарнизоны Хунзаха, Зирянъ и Белоканъ были совершенно отъ нихъ отрѣзаны и предоставлены собственной защитѣ. Шамиль дѣятельно занимался приготовленіемъ туровъ и фашинъ, намѣреваясь осаждать и штурмовать Шуру.

Низовое укрѣпленіе, въ самый день паденія Гергебиля окруженное 6-ти тысячнымъ скопищемъ акушинцевъ и цудахарцевъ, у которыхъ было 2 орудія, находилось также въ положеніи самомъ незавидномъ. Гарнизонъ, усиленный разными, случайно собравшимися командами, простирался всего до 400 чел.; но, къ счастію, начальствующій имъ штабсъ-капитанъ Бабановъ выказалъ такую храбрость и распорядительность, что, вопреки всѣмъ усиліямъ горцевъ, укрѣпленіе удержалось до прибытія къ нему (19-го ноября), на выручку, начальника лѣваго фланга кавказской линіи, генералъ-маіора Фрейтага, который, по дорогѣ, разбилъ сильную непріятельскую партію, пытавшуюся задержать его движеніе.

Выручивъ Низовое, Фрейтагъ убѣдился, однако, что укрѣпленіе, въ случаѣ новаго на него нападенія, не въ состояніи будетъ удержаться. Ослабленный гарнизонъ являлся неспособнымъ къ дальнѣйшей оборонѣ; замѣнить же его другимъ, болѣе сильнымъ, тоже было нельзя, такъ какъ всѣ наши свободныя силы для удержанія сѣвернаго Дагестана въ покорности заключались въ отрядѣ самого Фрейтага (около 1,200 штыковъ и 6 орудій), да еще въ отрядѣ Козловскаго, находившемся на низовьѣ Сулака. По этимъ причинамъ, Фрейтагъ, присоединивъ гарнизонъ Низоваго къ своимъ войскамъ, приказалъ укрѣпленія срыть, а находившіеся тамъ запасы провіанта (до 10 т. четвертей) истребить.

Та же участь постигла и Міатлинское укрѣпленіе. Осажденное скопищемъ салатавскаго наиба, оно было выручено отрядами Козловскаго, Евдокимова и Волоцкаго [1]), но за тѣмъ оставлено и уничтожено. Послѣ этого Фрейтагъ отправился на линію, для ускоренія движенія резервныхъ войскъ, съ прибытіемъ которыхъ онъ намѣре-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., томъ VII, стр. 815—842.

Библиотека "Руниверс"

вался начать наступательныя дѣйствія по направленію къ Шурѣ, для избавленія ея отъ блокады и для спасенія аварскаго отряда.

Отрядъ, въ это время, находился въ положеніи самомъ затруднительномъ. По предписанію Клугенау, отданному въ самый день паденія Гергебиля, Пассекъ намѣревался оставить Хунзахъ, взорвавъ на воздухъ цитадель, и затѣмъ идти въ Шуру, присоединивъ къ себѣ, по дорогѣ, белаканскій гарнизонъ. Однако, узнавъ о всеобщемъ возстаніи страны и считая почти невозможнымъ по затруднительной мѣстности пройти въ Белаканы, тѣмъ болѣе, что скопища Хаджи-Мурада появились уже подъ Танусомъ, — онъ рѣшился остаться въ Хунзахѣ и обороняться до послѣдней крайности.

Но, въ теченіи нѣсколькихъ дней, обстоятельства совершенно измѣнились; Шамиль, какъ мы знаемъ, вторгнулся въ шамхальскія владѣнія и потому оставлять войска въ Аваріи отрѣзанными отъ всякихъ сообщеній было бы крайне опаснымъ; поэтому Клугенау, 14-го ноября 1843 г., вновь послалъ Пассеку предписаніе: немедленно идти къ Шурѣ. Предписаніе это получено было Пассекомъ 16-го числа на разсвѣтѣ, а въ 5 часовъ пополудни Хунзахъ былъ нами оставленъ. Къ счастію, Хаджи-Мурадъ еще наканунѣ ушелъ въ Казанищи, къ Шамилю, оставивъ Белаканское ущелье незанятымъ, такъ что Пассекъ почти безпрепятственно дошелъ, 17-го числа, до Белаканъ, откуда, присоединивъ къ себѣ гарнизонъ укрѣпленія, двинулся въ Зиряны. За симъ, всякія правильныя сношенія Клугенау съ Пассекомъ были прерваны на цѣлый мѣсяцъ. Тотъ и другой находились въ блокадѣ; только изрѣдка удавалось имъ пересылать письма, посредствомъ удальцовъ, которые умѣли проскользать черезъ непріятельскія скопища и изъ которыхъ многіе поплатились за это жизнію.

Между тѣмъ Шамиль, держа въ блокадѣ Шуру, не предпринималъ, однако, ничего рѣшительнаго. Онъ звалъ къ себѣ на помощь акушинцевъ и цудахарцевъ; но они, послѣ нанесеннаго имъ Фрейтагомъ пораженія, упали духомъ и уже не хотѣли присоединяться къ полчищамъ имама [1]). За всѣмъ тѣмъ, возстаніе шамхальцевъ и мехтулинцевъ было въ полномъ разгарѣ и гарнизонъ Шуры содержался въ постоянной тревогѣ отъ появлявшихся со всѣхъ сторонъ непріятельскихъ партій. При этомъ надо замѣтить, что укрѣпленія Шуры были несоразмѣрно обширны для находившагося тамъ, въ то время, гарнизона, въ которомъ было не болѣе 3-хъ т. человѣкъ подъ ружьемъ. Это значительно увеличивало трудность обороны.

---

[1]) О дѣйствіяхъ Фрейтага въ 1843 г. см. «Воспоминанія А. А. Волоцкаго» въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., томъ VII, стр. 815—842.

Библиотека "Руниверс"

Не взирая, однако, на бездѣйствіе Шамиля подъ Шурою, горцы были вполнѣ убѣждены въ прекращеніи нашего владычества въ Дагестанѣ, такъ что почти всѣ племена, даже самыя отдаленныя, простодушно вѣрили, что достаточно будетъ простаго съ ихъ стороны предложенія нашему начальству — и весь край будетъ очищенъ русскими войсками. Въ такомъ смыслѣ они и писали нѣсколько посланій къ Гурко и Клугенау.

Такая увѣренность горцевъ имѣла свое основаніе въ продолжительномъ бездѣйствіи нашемъ и въ отсутствіи всякихъ попытокъ освободить Шуру, которую они уже болѣе мѣсяца содержали въ блокадѣ. Это объяснялось ими тѣмъ, что у насъ нѣтъ достаточныхъ силъ для возстановленія прежняго порядка. Такое мнѣніе укоренилось даже въ племенахъ издавна покорныхъ и намъ стоило большаго труда удержать даже кумыковъ отъ возстанія.

Изъ того труднаго положенія надо было искать скорѣйшаго исхода. Къ счастію, помощь была уже близка. Фрейтагъ, по прибытіи маршевыхъ баталіоновъ изъ резервной дивизіи и рекрутовъ, сформировалъ новый отрядъ, съ которымъ и выступилъ (17-го декабря), изъ Амиръ-аджи-юрта, на освобожденіе Шуры.

По соединеніи этихъ войскъ съ гарнизономъ, немедленно были предприняты наступательныя дѣйствія противъ скопищъ Шамиля; разбитыя подъ Мусселимъ-ауломъ и Казанищами, они обратились въ бѣгство и въ большомъ безпорядкѣ переправились на лѣвый берегъ Аварскаго Койсу. Затѣмъ, 16-го декабря, войска наши, перейдя Койсубулинскій хребетъ, двинулись къ Бурундукъ-Кале и на слѣдующій день, въ Ирганайскомъ ущельѣ, соединились съ отрядомъ Пассека, коего геройская защита Зирянскаго укрѣпленія, въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, при всевозможныхъ трудахъ и лишеніяхъ, представляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ кавказскихъ подвиговъ. Послѣ этого, всѣ три отряда возвратились въ Шуру, а въ тоже время и Шамиль распустилъ свои скопища. Съ нашей стороны, экспедицію въ горы предпринимать было уже нельзя, какъ по позднему времени года, такъ и по необходимости прежде всего возстановить порядокъ въ шамхальскихъ и мехтулинскихъ владѣніяхъ, которыхъ жители принуждены были переселиться въ горы, но, послѣ бѣгства Шамиля, стали возвращаться толпами, прося пощады.

Результатомъ всѣхъ этихъ происшествій была утрата нами Аваріи и Койсубу. Послѣ этого нельзя уже было ручаться за спокойствіе, не только сѣвернаго, но и южнаго Дагестана, который Шамиль поставилъ цѣлью своихъ главныхъ усилій и гдѣ возстановленіе нашей власти стоило намъ новыхъ, огромныхъ пожертвованій.

Библиотека "Руниверс"

Потерю эту Клугенау предвидѣлъ, что́ доказывается тѣмъ обзоромъ положенія Дагестана, который онъ представлялъ въ 1841 г. Головину. Къ сожалѣнію, ни тогда, ни потомъ не было предпринимаемо рѣшительныхъ мѣръ къ отвращенію столь бѣдственныхъ послѣдствій. Несмотря на то, что съ 1836 г. главнѣйшія усилія Шамиля были постоянно обращаемы на Дагестанъ, страна эта всегда считалась театромъ второстепенныхъ дѣйствій. Такъ, баронъ Розенъ не хотѣлъ вѣрить возрастающему вліянію Шамиля въ горахъ и самое покореніе его считалъ дѣломъ весьма легкимъ. Головинъ, по видимому, раздѣлялъ это мнѣніе, по крайней мѣрѣ первое время по прибытіи своемъ на Кавказъ.

Вслѣдствіе подобнаго отношенія высшихъ начальниковъ къ столь близкому его сердцу дѣлу, Клугенау, въ теченіи предшествовавшихъ четырехъ лѣтъ, перенесъ рядъ самыхъ мучительныхъ испытаній. Справедливо опасаясь за судьбу края, однажды уже спасеннаго геройскими подвигами подъ Ишкартами и Гимрами, онъ сознавалъ, что они не могутъ поправить дѣлъ, и что рано или поздно́, при ограниченныхъ средствахъ, ему предоставленныхъ, плоды многолѣтнихъ трудовъ будутъ утрачены.

Онъ рѣшился поэтому снова просить объ увольненіи его отъ управленія Дагестаномъ, изъявляя при томъ готовность, до сбора отрядовъ, остаться въ краѣ и исполнять всѣ прежнія обязанности. Нейдгардтъ съ трудомъ согласился на просьбу его; но имѣя въ виду, слѣдующею весною, предпринять рѣшительныя военныя дѣйствія въ сѣв. Дагестанѣ, просилъ Клугенау возвратиться туда ко времени ихъ открытія.

XVI.

Экспедиція 1844 г.—Походъ 1845 г.—Діомидъ Пассекъ.—Положеніе русскихъ войскъ въ Андіи.—Голодъ.—Вторженіе Воронцова въ Ичкерію.—Аулъ Дарго.—Сухарная экспедиція 10-го и 11-го іюля 1845 г.—Героизмъ Клугенау и Пассека.—Отступленіе изъ Дарго.— Послѣдніе годы службы и кончина Клугенау.

1844—1851.

По общему плану военныхъ дѣйствій 1844 г. со стороны Дагестана и лѣваго фланга кавказской линіи, главнѣйшею цѣлью поставлено было: усмиреніе общаго возстанія горскихъ племенъ, уничтоженіе власти Шамиля и прочное утвержденіе наше въ томъ краѣ, гдѣ онъ основалъ свое владычество.

Для приведенія сего плана въ исполненіе, собраны были весьма значительныя силы, а именно: 51 баталіонъ пѣхоты при 92-хъ орудіяхъ, 6 ротъ саперъ, 28½ сотень казаковъ и 11 сотень милиціи.

Войска эти раздѣлялись на три отряда: 1) самурскій отрядъ, подъ

Библиотека "Руниверс"

начальствомъ кн. Аргутинскаго-Долгорукова; 2) дагестанскій — подъ начальствомъ командира 5-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-отъ-инфантеріи Лидерса; 3) чеченскій—подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Гурко. Главное направленіе военныхъ дѣйствій, по высочайшей волѣ, было предоставлено командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса, которому разрѣшалось и дѣлать въ нихъ измѣненія, если бы обстоятельства того потребовали.

Экспедиція 1844 г., предпринятая въ столь обширныхъ размѣрахъ, не принесла намъ никакихъ существенныхъ выгодъ. Клугенау, хотя съ самаго начала неодобрительно относившійся къ общему плану дѣйствій, принималъ въ нихъ, тѣмъ не менѣе, самое дѣятельное участіе. Генералъ Нейдгардтъ, отдавая ему полную справедливость, написалъ въ реляціи своей о дѣйствіяхъ въ Салатавіи и Среднемъ Дагестанѣ слѣдующій о немъ отзывъ:

„Начальствуя пѣхотою дагестанскаго отряда, генералъ-маіоръ Клугенау, въ дѣлѣ при переправѣ черезъ Сулакъ, у дер. Ахатля, 11-го іюня, оказалъ неустрашимую храбрость, опытность и распорядительность, постоянно его знаменующія. Зная отлично мѣстность края, которымъ онъ управлялъ нѣсколько лѣтъ, онъ указалъ удобный пунктъ къ переправѣ; избравъ позицію подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, размѣстилъ на ней войска и остался среди ихъ, ободряя своимъ примѣромъ и находясь постоянно тамъ, гдѣ необходимость требовала его присутствія. Во все продолженіе дѣла, генералъ Клугенау исполнялъ обязанности храбраго солдата и отличнаго генерала и принятому имъ въ этомъ дѣлѣ участію переправа войскъ у Ахатля обязана бо́льшею частію успѣха. Послѣ соединенія съ чеченскимъ отрядомъ, генералъ Клугенау посланъ былъ въ обходъ занятой Шамилевыми скопищами крѣпкой позиціи при Буртунаѣ. Движеніе это совершено имъ съ блестящимъ успѣхомъ, и непріятель, видя себя обойденнымъ, съ поспѣшностію оставилъ свою позицію“.

Въ награду оказанныхъ имъ отличій, Клугенау, приказомъ 6-го декабря 1844 г., произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты, а 17-го января 1845 г. назначенъ начальникомъ 21-й пѣхотной дивизіи. Во время этого производства и назначенія, Клугенау находился въ отпуску въ С.-Петербургѣ, откуда, ободренный вниманіемъ государя, поспѣшилъ возвратиться на Кавказъ. Назначенный на мѣсто Нейдгардта главнокомандующимъ кавказскимъ корпусомъ, графъ Воронцовъ предложилъ ему участвовать въ экспедиціи подъ личнымъ своимъ начальствомъ — экспедиціи, предпринятой для покоренія Андіи и Дарго.

Неудовлетворительные результаты дѣйствій 1844 года и постоян-

Библиотека "Руниверс"

ное уклоненіе Шамиля отъ встрѣчи съ нашими войсками вынудили, наконецъ, къ принятію противъ него мѣръ рѣшительныхъ. Положено было, во чтобы то ни стало, проникнуть въ глубину горъ, преслѣдовать возмутителя въ самыхъ неприступныхъ убѣжищахъ и нанести ему окончательное пораженіе. Въ составъ дѣйствующаго отряда поступила бо̀льшая часть войскъ 5-го пѣхотнаго корпуса, 19-й и 20-й дивизій, съ ихъ артиллеріею и множествомъ туземной милиціи и казаковъ; огромные запасы продовольствія и боевыхъ снарядовъ свезены были въ Евгеніевское укрѣпленіе, избранное главнымъ складочнымъ пунктомъ; болѣе 2-хъ тысячъ вьючныхъ лошадей съ наемными вожатыми слѣдовало за отрядомъ, для подвоза, по мѣрѣ удаленія отъ складочнаго пункта, провіанта, госпитальныхъ вещей и другихъ припасовъ.

Экспедиція 1845 года началась довольно рано; главныя силы, собравшись въ половинѣ мая у кр. Грозной, 27-го числа того же мѣсяца прибыли къ кр. Внезапной, гдѣ присоединились къ нимъ войска изъ кумыкскихъ владѣній, а 3-го іюня заняли сел. Гертме; здѣсь примкнулъ къ нимъ дагестанскій отрядъ и, на другой день, весь дѣйствующій корпусъ расположился лагеремъ близь сел. Буртуная. Непріятель нигдѣ не показывался и оставилъ намъ безъ боя Хубарскія высоты и извѣстную своею крѣпостію буртунайскую позицію. Предпринимая походъ въ страну еще неизвѣстную, необходимо было на нѣкоторое время остановиться и осмотрѣться, собрать свѣдѣнія о дорогахъ, озаботиться обезпеченіемъ войскъ всѣмъ нужнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, избрать удобный промежуточный пунктъ, для перенесенія туда запасовъ изъ Евгеніевскаго укрѣпленія; но неожиданное обстоятельство не дозволило привести этого въ исполненіе. 5-го іюня, при рекогносцировкѣ дорогъ къ переваламъ Киркъ и Мичи-Кале, генералъ-маіоръ Діомидъ Пассекъ, увлекшись преслѣдованіемъ партіи горцевъ, наблюдавшей за движеніемъ нашихъ войскъ, слишкомъ далеко завелъ свой передовой отрядъ, неимѣвшій при себѣ продовольствія (такъ какъ онъ въ тотъ же день долженъ былъ вернуться въ главный лагерь) и, внезапно захваченный холодомъ и снѣжными заносами, попалъ въ крайне затруднительное положеніе: въ одну ночь у него пала значительная часть артиллерійскихъ лошадей и заболѣло болѣе 400 чел. нижнихъ чиновъ.

Чтобы выручить отрядъ Пассека, необходимо было двинуть главныя силы на Мичи-Кале, гдѣ собралось большое скопище непріятеля. Наступленіе это, предпринятое прежде обезпеченія доставки войскамъ продовольствія, имѣло важное вліяніе на послѣдующія дѣйствія. 11-го іюня, главныя наши силы достигли хребта Буцуръ-Кале, отдѣ-

Библиотека "Руниверс"

ляющаго Гумбетъ отъ Андіи, и вступили въ этотъ округъ безъ большаго сопротивленія. Шамиль, отступая, предавалъ огню богатыя андійскія деревни и 14-го числа остановился на горѣ, господствующей надъ главнымъ ауломъ Анди. Клугенау, слѣдуя впереди съ пѣхотою, овладѣлъ этимъ селеніемъ съ боя и заставилъ Шамиля съ поспѣшностію отступить.

Въ Андіи, гдѣ русскіе до этого времени никогда еще не бывали, сосредоточились всѣ войска дѣйствующаго корпуса, исключая небольшаго отряда, занимавшаго Мичи-Кале, которое представляло единственный промежуточный пунктъ между главными силами и Евгеніевскимъ укрѣпленіемъ; разстояніе его отъ Андіи около 60-ти верстъ.

На этомъ пространствѣ, необезпеченномъ отъ нападеній непріятеля, должны были двигаться транспорты съ продовольственными и боевыми запасами, подъ прикрытіемъ значительныхъ отрядовъ. Тутъ вполнѣ обнаружился недостатокъ промежуточнаго пункта, который предполагалось прежде устроить, ибо провіантъ доставлялся войскамъ чрезвычайно медленно; а когда, черезъ нѣсколько дней по занятіи Андіи, пошли проливные дожди и дороги совершенно испортились, то не было никакой возможности удовлетворять войска продовольствіемъ, даже въ половинной пропорціи. Въ цѣломъ корпусѣ ощущался во всемъ крайній недостатокъ.

Войска, не получая провіанта, оставались въ бездѣйствіи; рекогносцировка въ общество Технуцалъ не принесла никакой пользы; да и невозможно было надѣяться пріобрѣсти тамъ какіе-либо запасы продовольствія, потому что жители, съ приближеніемъ нашихъ войскъ, удалялись, унося съ собою все имущество. Такъ продолжалось до 1-го іюля.

Съ наступленіемъ хорошей погоды дороги хотя и улучшились, но въ перевязочныхъ средствахъ оказался большой недостатокъ, такъ какъ бо́льшая часть наемныхъ возчиковъ разбѣжалась; замѣна наемныхъ лошадей казенными оказалась тоже мѣрою недостаточною.

Лишь только небольшой транспортъ съ сухарями прибылъ въ Андію, графъ Воронцовъ предпринялъ наступательныя дѣйствія въ Ичкерію, съ цѣлью овладѣть селеніемъ Дарго, убѣжищемъ Шамиля. Еще прежде произведенныя рекогносцировки доказали, что вторженіе въ Ичкерію, по чрезвычайно трудной мѣстности, не обойдется безъ большихъ потерь; при томъ же нельзя было надѣяться, что непріятель, имѣя на своей сторонѣ всѣ выгоды оборонительныя, уступитъ намъ Дарго безъ отчаяннаго сопротивленія. Поэтому, для облегченія предпріятія и вѣрнѣйшаго успѣха, необходимо было употребить достаточныя силы; но такъ какъ это зависѣло единственно отъ количества

Библиотека "Руниверс"

доставленнаго въ Андію продовольствія, то, собственно для овладѣнія ауломъ Дарго, назначено было 12 баталіоновъ; да и при нихъ не имѣлось полнаго десяти-дневнаго запаса провіанта.

Поднявшись на хребетъ Речель 5-го іюля, войска должны были на слѣдующій день спускаться по узкому, лѣсистому гребню, пересѣченному глубокими оврагами. Послѣднія 10 верстъ дороги къ Дарго были преграждены заблаговременно устроенными завалами изъ огромнѣйшихъ деревъ, за которыми скрывались большія скопища непріятеля. Въ авангардѣ нашего отряда слѣдовалъ генералъ-маіоръ Бѣлявскій; за нимъ велъ среднюю колонну Клугенау. Войска наступали весьма быстро, овладѣвая завалами; но какъ мѣстность препятствовала намъ имѣть боковыя цѣпи, то непріятель, занявъ съ обоихъ фланговъ лѣсистыя высоты, производилъ по колоннамъ нашимъ убійственный огонь. Къ вечеру войска спустились къ долинѣ р. Аксая и заняли Дарго. Потеря наша была значительная.

Овладѣніе ауломъ Дарго, стоившее столь дорого, не только не принесло намъ никакой пользы, но еще поставило отрядъ нашъ въ положеніе чрезвычайно затруднительное. Провіанта оставалось только на 2 дня; а между тѣмъ скопище непріятеля, простиравшееся 6-го іюля до 6 тыс., съ каждымъ днемъ усиливалось приходившими изъ сосѣднихъ обществъ жителями. Только небольшая часть горцевъ находилась впереди нашего отряда, близь с. Центери; главная же масса ихъ расположилась на нашихъ сообщеніяхъ съ Андіею, въ томъ самомъ лѣсу и въ тѣхъ же завалахъ, овладѣніе которыми стоило намъ столькихъ жертвъ.

По сдѣланному гр. Воронцовымъ распоряженію, провіантъ, привозимый въ Андію, долженъ былъ немедленно доставляться въ Дарго, для находившихся тамъ войскъ; но, какъ единственное сообщеніе съ Андіею было занято сильнымъ непріятелемъ, то намъ оставалось только идти самимъ на встрѣчу продовольствію. Дѣйствительно, 10-го іюля, транспортъ съ запасомъ сухарей, подъ прикрытіемъ части андійскаго отряда, прибылъ на высоту передъ входомъ въ лѣсъ и далъ объ этомъ знать нѣсколькими пушечными выстрѣлами. Для принятія и доставленія этого транспорта сформирована была изъ войскъ въ Дарго особая колонна, въ составъ которой — по приказанію гр. Воронцова—вошло по половинѣ отъ каждаго баталіона. Сборный этотъ отрядъ долженъ былъ пройти черезъ занятый непріятелемъ лѣсъ, забрать на людяхъ весь привезенный провіантъ и возвратиться въ Дарго. Начальство надъ означенною колонною ввѣрено было Клугенау.

Предпріятіе это, сколько можно было судить по дѣлу 6-го іюля, было крайне трудно. Если тогда, наступая съ 12-ю баталіонами, сверху

Библиотека "Руниверс"

внизъ, мы понесли огромную потерю, то теперь, поднимаясь на гору по узкой дорогѣ, прегражденной завалами и разнаго рода препятствіями, едвали можно было ожидать какого либо успѣха. Самый уже составъ колонны изъ небольшихъ сборныхъ частей, безъ настоящихъ своихъ начальниковъ, не предвѣщалъ ничего хорошаго; сверхъ того, при колоннѣ находился большой транспортъ больныхъ и раненыхъ, на вьючныхъ лошадяхъ отправляемый въ Андію. Транспортъ этотъ чрезвычайно стѣснялъ движенія и дѣйствія колонны.

10-го іюля, около полудня, Клугенау выступилъ изъ Дарго. Предвидя большія затрудненія въ слѣдованіи колонны и транспорта, онъ приказалъ командовавшему авангардомъ генералъ-маіору Пассеку выбить непріятеля изъ заваловъ и не прежде подвигаться впередъ, какъ разбросавъ ихъ, дабы очистить путь колоннѣ. Работа эта, подъ убійственнымъ огнемъ горцевъ, засѣвшихъ на большихъ деревьяхъ и возвышеніяхъ, отдѣленныхъ отъ дороги глубокими оврагами, не могла производиться успѣшно; большая потеря людей заставила пылкаго Пассека броситься впередъ въ штыки, оставивъ за собою непріятельскіе завалы не разбросанными. Горцы весьма слабо сопротивлялись этому стремительному нападенію и тотчасъ разбѣгались по сторонамъ дороги, въ лѣсъ и овраги; но лишь только авангардъ прошелъ, они снова заняли оставленные завалы и упорно въ нихъ держались, старались всѣми силами препятствовать движенію колонны и со всѣхъ сторонъ осыпая ее градомъ пуль. Авангардъ давно уже выбрался на открытое мѣсто и присоединился къ пришедшему изъ Андіи отряду, между тѣмъ какъ Клугенау, преодолѣвая неимовѣрныя препятствія, боролся еще въ лѣсу съ многочисленнымъ скопищемъ горцевъ. Въ непродолжительное время всѣ лошади подъ ранеными были убиты; потеря въ людяхъ была тоже значительная и движеніе колонны, безъ того уже медленное, затруднялось, на каждомъ шагу, завалами, изъ которыхъ надо было выбивать непріятеля штыками. Наконецъ, едва къ вечеру успѣла она соединиться съ авангардомъ.

Въ продолженіе всей ночи производился пріемъ провіанта, съ которымъ колонна должна была на другой день возвратиться въ Дарго: ослабленная значительною потерею людей, она не могла уже забрать съ собою всего запаса провіанта для остававшихся тамъ войскъ, да и изъ принятаго количества едва ли можно было надѣяться доставить хотя половину, такъ какъ горцы, усилившись въ продолженіе ночи новыми подкрѣпленіями, дѣятельно готовились преградить обратный путь колоннѣ; они всю ночь устраивали въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ дороги новые, огромные завалы изъ человѣческихъ и конскихъ труповъ, срубали деревья въ нѣсколько обхватовъ толщины и

Библиотека "Руниверс"

сваливали ихъ поперегъ пути. Завалы эти въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, примыкая обоими концами къ глубокимъ и крутымъ оврагамъ, представляли неопредолимое препятствіе, по невозможности обхода, и войска должны были ихъ разбирать, подвергаясь все время смертоносному огню.

Поутру 11-го іюля, Клугенау, подавъ сигналъ двумя пушечными выстрѣлами, началъ спускаться въ лѣсъ; по сигналу этому должна была выступить къ нему на встрѣчу часть войскъ изъ Дарго, чтобы облегчить движеніе его колонны; но въ самое это время Шамиль началъ атаку противъ Дарго со стороны с. Цонтери и потому выступленіе войскъ, назначенныхъ на подкрѣпленіе отряда Клугенау, было пріостановлено. Такимъ образомъ, предоставленный собственнымъ своимъ средствамъ, съ войсками, упавшими духомъ, онъ долженъ былъ пробиваться сквозь лѣсъ, занятый огромными скопищами противниковъ. Первая половина дороги пройдена была довольно скоро, но, при дальнѣйшемъ слѣдованіи, движеніе чрезвычайно замедлялось вышепомянутыми громадными завалами. Послѣ полудня, проливной дождь еще болѣе увеличилъ затрудненія, совершенно испортивъ дорогу, и колонна наша, поражаемая жесточайшимъ перекрестнымъ огнемъ, въ совершенномъ разстройствѣ, едва къ вечеру могла возвратиться въ Дарго, потерявъ въ два дня болѣе 1700 чел. убитыми и ранеными. Въ числѣ убитыхъ были генералы: Пассекъ и Викторовъ.

По окончаніи этой несчастной экспедиціи, которую солдаты наши прозвали „сухарною", положеніе нашего отряда было отчаянное. Идти назадъ въ Андію—значило бы пожертвовать безъ пользы остальными войсками, а между тѣмъ надежда на доставку оттуда провіанта изчезла. Гр. Воронцовъ рѣшился двинуться внизъ по Аксаю, надѣясь, съ содѣйствіемъ войскъ ген.-маіора Фрейтага, которому предписано было спѣшить на помощь къ главному отряду, выбраться скорѣе на передовую чеченскую линію. 13-го іюля отрядъ выступилъ изъ Дарго, преслѣдуемый съ тыла и фланговъ большими толпами горцевъ, старавшихся, посредствомъ устройства во многихъ мѣстахъ огромныхъ заваловъ, затруднить движеніе наше; одновременно съ этимъ, значительная партія непріятеля слѣдовала по правому берегу Аксая, безнаказанно производя черезъ рѣку ружейный огонь по войскамъ нашимъ. какъ во время марша, такъ и на ночлегахъ. Съ 13-го по 18-е іюля войска были въ безпрерывномъ бою и, не имѣя провіанта, едва могли пройдти въ 6 дней 40 верстъ. Наконецъ, появленіе генерала Фрейтага на урочищѣ Мискитъ и наступленіе его въ тылъ непріятельскимъ скопищамъ, выручило отрядъ нашъ изъ критическаго положенія и дало ему возможность достигнуть укр. Герзель-аула.

Библиотека "Руниверс"

Въ походѣ 1845 г. Клугенау неоднократно оказалъ подвиги примѣрной неустрашимости и распорядительности. Въ несчастномъ дѣлѣ 10-го и 11-го іюля подъ нимъ убито нѣсколько лошадей и платье на немъ во многихъ мѣстахъ было прострѣлено; онъ лишился здѣсь всѣхъ своихъ адъютантовъ и въ самыя опасныя минуты боя распоряжался лично, ободряя всѣхъ своимъ примѣромъ.

Походъ этотъ былъ послѣднимъ въ его долговременной боевой службѣ. Сдѣлавъ 20 кампаній и участвовавъ болѣе чѣмъ въ ста дѣлахъ и сраженіяхъ, онъ послѣднія пять лѣтъ своей жизни провелъ въ мирныхъ занятіяхъ. Мѣстопребываніе штаба ввѣренной ему 19-й пѣх. дивизіи (нынѣ 21-й) было въ Царскихъ Колодцахъ, славившихся прекраснымъ и здоровымъ климатомъ, гдѣ, по преданію, имѣли лѣтнее пребываніе грузинскіе цари. Здѣсь онъ посвятилъ всю свою дѣятельность и заботы на устройство полковыхъ хозяйствъ.

Занятія по управленію дивизіею и безпрерывные разъѣзды по всему Кавказу, для осмотра войскъ, не могли однако удовлетворить Клугенау, привыкшаго къ другой дѣятельности и боевымъ трудамъ. Онъ желалъ снова участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ. Слѣдя внимательно за политическими событіями въ Венгріи и предугадывая, что безъ вмѣшательства Россіи дѣло не обойдется, онъ просилъ Воронцова исходатайствовать ему назначеніе въ дѣйствующую армію. Предстательство главнокомандующаго было уважено и Государь изъявилъ готовность на прикомандированіе Клугенау, если онъ пожелаетъ, впредь до открытія вакансій, къ гвардейскому корпусу, съ полнымъ содержаніемъ начальника дивизіи; но это назначеніе, сколь оно ни было лестно, не согласовалось ни съ его задушевнымъ желаніемъ, ни съ обстоятельствами семейными; онъ хотѣлъ оставить Кавказъ единственно въ надеждѣ получить дивизію въ арміи и участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ; въ противномъ случаѣ, переводъ его не имѣлъ бы никакой цѣли. Тѣмъ не менѣе, переводъ этотъ состоялся. 3-го августа 1849 г. послѣдовалъ высочайшій приказъ о назначеніи Клугенау состоять при войскахъ, оставшихся отъ похода, въ С.-Петербургѣ и окрестностяхъ, съ сохраненіемъ содержанія, получаемаго начальникомъ дивизіи. Въ это же время пожалованъ ему орденъ Бѣлаго Орла.

Простившись навсегда съ своими кавказскими сослуживцами, Клугенау прибылъ въ С.-Петербургъ въ ноябрѣ и былъ прикомандированъ къ гвардейскому пѣх. корпусу; но вслѣдъ за тѣмъ назначенъ начальникомъ 9-й пѣх. дивизіи, квартировавшей въ Царствѣ Польскомъ.

Съ самаго прибытія его къ новому мѣсту служенія, онъ началъ

Библиотека "Руниверс"

чувствовать гибельное вліяніе тамошняго климата и, 7-го апрѣля 1851 г., скончался, на 60-мъ году отъ рожденія.

Въ заключеніе обзора событій на Кавказѣ съ 1826 по 1845 годъ, скажемъ нѣсколько словъ о личныхъ качествахъ Клугенау. Какъ человѣкъ военный, онъ обладалъ превосходными качествами: мужество, хладнокровіе и присутствіе духа были его отличительными чертами. Чѣмъ затруднительнѣе были обстоятельства, чѣмъ болѣе возрастала опасность, тѣмъ быстрѣе и свѣтлѣе были его соображенія. Отвага и неустрашимость были неразлучными спутниками всѣхъ его военныхъ предпріятій. Храбрость его извѣстна всему Кавказу. Не только солдаты, но и враждебные намъ горцы вѣрили простодушно, что онъ заколдованъ и никакая пуля его не коснется. Въ теченіе многолѣтней боевой службы своей Францъ Карловичъ былъ всегда въ первыхъ рядахъ предводимыхъ имъ войскъ и съ геройскимъ самоотверженіемъ подвергалъ жизнь свою опасности, увлекаясь въ самый пылъ боя.

Клугенау былъ неизмѣнно веселаго нрава, ласковъ и привѣтливъ въ обращеніи; любилъ бесѣдовать съ офицерами о военныхъ предметахъ и хотя при неудовлетворительныхъ отвѣтахъ выказывалъ нетерпѣніе, но былъ постоянно вѣжливъ и обходителенъ. Добрый сердцемъ, хотя и вспыльчивый, онъ былъ справедливъ и строго поддерживалъ дисциплину, которую считалъ душою службы. Солдаты особенно любили его за истинно отцовскую о нихъ попечительность.

Строгимъ правосудіемъ, рѣшительностію и твердостію во всѣхъ дѣйствіяхъ по управленію Дагестаномъ, онъ заслужилъ всеобщее уваженіе горцевъ; сдержать данное слово было для него священною обязанностію, а ничто такъ не дѣйствовало на противниковъ нашихъ, какъ точное исполненіе обѣщанія.

Честность и безкорыстіе его были извѣстны всѣмъ. Въ продолженіи 30-ти лѣтней службы на Кавказѣ, командованъ двумя полками и 12 лѣтъ управляя Дагестаномъ, онъ не пріобрѣлъ никакого состоянія и ничего, кромѣ добраго имени, не оставилъ своимъ дѣтямъ.

Въ заключеніе этого очерка скажемъ, что Клугенау былъ одаренъ отъ природы свѣтлымъ и проницательнымъ умомъ и счастливою памятью. Не получивъ блестящаго образованія, онъ самъ дополнилъ его въ послѣдствіи, просиживая долгіе зимніе вечера за книгами; такъ же и самъ писалъ много и собралъ много подробныхъ и занимательныхъ свѣдѣній о современныхъ ему событіяхъ на Кавказѣ, которыя и послужили матеріалами для этого очерка.

Библиотека "Руниверс"

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ СОЛОМОНІЯ.

(† 1542).

Въ сентябрѣ 1505 г., великій князь Василій Ивановичъ сочетался первымъ бракомъ съ боярышнею Соломоніею Юрьевною Сабуровою. Послѣ болѣе двадцатилѣтняго брачнаго сожительства, Василій Ивановичъ рѣшился развестись съ супругою, оправдывая это рѣшеніе ея неплодіемъ, въ сущности-же имѣя намѣреніе жениться на бѣглой литвянкѣ—Еленѣ Глинской. Царица была насильно пострижена въ Рождественскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ; при обрядѣ, бояринъ Иванъ Шигона, за оказываемое ею сопротивленіе, осыпалъ княгиню грубою бранью и ударилъ плетью. 2-го ноября 1526 года новопостриженная инокиня Софія была отправлена въ Суздальскій Покровскій Дѣвичій монастырь, супругъ-же ея, великій князь Василій Ивановичъ, женился на Еленѣ Глинской. Инокиня Софія умерла въ стѣнахъ обители 16-го декабря 1542 года и погребена въ соборномъ храмѣ. Память о невинной страдалицѣ, сохраняясь въ преданіяхъ народныхъ, съ теченіемъ времени снискала святость праведницѣ. Слагались легенды о чудотвореніяхъ несчастной инокини, явленныхъ ею послѣ кончины. Въ рукописныхъ сборникахъ, существующихъ и донынѣ, упоминается о тринадцати важнѣйшихъ чудесахъ Софіи и сказаніе объ одномъ изъ нихъ начертано даже на ея надгробной плитѣ, а именно: въ 1609 году панъ Лисовскій, раззоряя Московское государство, приходилъ въ Суздаль и приступилъ къ стѣнамъ Покровскаго монастыря. Тогда предъ Лисовскимъ предстала бывшая великая княгиня Соломонія «въ образѣ своемъ иноческомъ съ горящею свѣщою и нача его жещи и палити, и въ томъ часѣ онъ, панъ, впаде въ недугъ велій и рука правая отъяся у него и отъ того видѣнія онъ ужасеся, и отъиде отъ монастыря, сказывая товарищамъ о чудесахъ и клятву наложи на себя — города Суздаля съ обителями не разворять и отъиде во своя».

Легенда эта, какъ замѣтили мы еще въ 1860 г. описывая этотъ монастырь, тѣмъ болѣе интересна, что во своиси, куда удалился Лисовскій, было подъ самымъ Покровскимъ монастыремъ, на рѣчкѣ Каменкѣ, въ твердыняхъ Спасо-Ефимьевской обители; здѣсь именно,—такъ говорятъ лѣтописцы,—панъ Лисовскій въ теченіе года держалъ притонъ своей шайки и въ то время, когда цѣлые города были обращаемы поляками въ кучу пепла и развалинъ, Покровскій монастырь, по словамъ легенды, защищаемъ былъ единою тѣнью покойной супруги великаго князя Василія Ивановича.

Библиотека "Руниверс"

Признательные поклонники сохранили ликъ Соломоніи, какъ святой чудотворицы, на церковныхъ образахъ; одинъ изъ нихъ можно видѣть въ алтарѣ Покровской церкви. Надъ гробницей великой княгини служили панихиды и пѣли молебны. Въ послѣдствіи они прекратились; но образа Соломоніи писались еще въ 1674 году.

Прилагаемый документъ, писанный въ 1650 году, любопытенъ какъ рѣшеніе вопроса о признаніи инокини Софіи — святою.

Ред.

Списокъ зъ государевы патреарховы грамоты слово въ слово.

Благословеніе великого господина святѣйшаго Иосифа патріарха московского и всеа Русіи о святѣмъ дусѣ сыну и сослужебнику нашего смиренія Серапіону архиепископу Суждальскому и Торусскому. Писалъ ты, сыну, къ намъ, патріарху, что въ нынѣшнемъ во 1650-мъ году по нашему указу и по грамотѣ ты, сыну, въ Суздалѣ, въ Покровскомъ дѣвичѣ монастырѣ, мощи великія княгини Соѳіи свидѣтельствовалъ. И благовѣрная великая княгиня Соѳія погребена подъ соборною церковію Покрова Пресвятыя Богородицы и лежитъ подъ спудомъ. И мы слушавъ твоей отписки, указали къ тебѣ, сыну, о томъ послать нашу грамоту. И какъ къ тебѣ, сыну, ся наша грамота придетъ и ты-бъ надъ гробницею велѣлъ положить покровъ и пѣть понахиды и молебны, какъ ведется по чину, а гробницы разбирать и до мощей земли разрывати не велѣлъ. А милость Божія и пречистыя Богородицы и великихъ святителей Петра и Алексѣя и Ионы московскихъ и всеа Русіи чудотворцовъ молитвы и нашего смиренія благословеніе да есть и будетъ с твоимъ святительствомъ нынѣ и во вѣки.

Подлинный списокъ съ грамоты писанъ на столбцѣ, хранится въ Суздальскомъ соборѣ.

Сообщ. **К. Н. Тихонравовъ.**

Массонъ, авторъ „Секретныхъ записокъ о Россіи“ 1800—1802.

Въ дополненіе къ статьѣ о Массонѣ и высылкѣ его изъ Россіи въ 1796 г., напечатанной въ «Русской Старинѣ» (томъ XV, стр. 548—586), сообщаемъ слѣдующія замѣтки объ авторѣ «Секретныхъ записокъ о Россіи».

Не однимъ только спеціалистамъ-историкамъ, но и почти всякому любознательному русскому читателю знакомо сочиненіе Массона о послѣднемъ времени Екатерининскаго и началѣ Павловскаго царствованій: «Mémoires secrets sur la Russie» (2-ое изд. 3 т., 1802). Книгѣ этой, по всей вѣроятности, суждено нескоро еще появиться въ полномъ русскомъ переводѣ, по причинамъ, понятнымъ, прежде всего, изъ самаго ея заглавія. И дѣйствительно, оно соотвѣтствуетъ содержанію ея, полному подробностей, для которыхъ у насъ не наступила еще возможность огласки въ русской печати, а слѣдовательно, и свободно-

Библиотека "Руниверс"

критическаго къ нимъ отношенія. Кромѣ того, вся книга щедро приправлена накипью желчи, дыша въ каждомъ почти словѣ чувствомъ личнаго оскорбленія, понесеннаго авторомъ (въ чемъ и самъ онъ невольно сознается); — поэтому, для пользованія ею, какъ матеріаломъ, необходима большая осмотрительность. Событія и личности, выведенныя въ мемуарахъ Массона, если не искажены въ самомъ существѣ фактовъ и характеровъ, то выставлены въ одностороннемъ освѣщеніи или очерчены слишкомъ рѣзкими штрихами; взгляды и сужденія, большею частію, впадаютъ въ отъявленныя крайности, а тонъ и языкъ отдаютъ горечью и страстью. Однимъ словомъ, личныя отношенія автора къ предмету его сказаній такъ и сквозятъ изъ-за каждой строки. Тѣмъ не менѣе, едва-ли кто, читавшій эти записки, станетъ отвергать ихъ единственное и неотъемлемое достоинство—интереснаго современнаго матеріала, въ которомъ собрано много данныхъ для будущей дѣльной разработки. Отъ времени до времени и теперь уже попадаются въ русской печати,—въ статьяхъ, посвященныхъ изученію минувшаго вѣка, — бѣглыя указанія и ссылки на Массона; но для большинства читателей остаются еще неизвѣстными свѣдѣнія о личности цитуемаго автора, которыми, до возможной мѣры, выяснились-бы какъ самые мотивы происхожденія его «Записокъ», такъ и права этой книги на ея значеніе историческаго матеріала. По какимъ именно обстоятельствамъ и откуда авторъ мемуаровъ могъ вынести необходимыя для того данныя и даже свидѣтельствовать за нихъ въ качествѣ очевидца, близко стоявшаго къ тогдашнимъ дѣятелямъ высшей среды, а также почему записки эти пропитаны враждебнымъ духомъ, — на эти вопросы могутъ отвѣчать помѣщенныя въ «Русской Старинѣ» (томъ XV, стр. 548—586) и извлеченныя изъ автобіографическихъ дополненій къ запискамъ Массона [1]) нѣкоторыя свѣдѣнія о его пребываніи въ Россіи, служебномъ тамъ положеніи и изгнаніи за границу.

Факты, представляемые ими, достаточно выказываютъ, что составитель «Записокъ» явился ихъ творцомъ только случайно, но не по принципу, не во имя убѣжденій извѣстнаго закала. Прежде всего, въ немъ видѣнъ не публицистъ по призванію, не политическій хроникеръ, а просто человѣкъ, глубоко задѣтый въ своихъ личныхъ интересахъ и пожелавшій отмстить за несправедливость нескромными разглашеніями извѣстныхъ ему слабыхъ сторонъ русскаго правительства — на-показъ всему европейскому міру. Одинъ изъ полчища выходцевъ, проторившихъ гладкую дорогу въ Россію «для ловли счастья и чиновъ», онъ былъ привлеченъ туда именно позывомъ на эти лакомыя житейскія блага, что̀ давались такъ легко многимъ, ему подобнымъ; и покуда ему жилось у насъ тепло да уютно, его ничуть не коробило ни отъ какихъ безобразій современной ему русской жизни: онъ весьма удобно уживался со всѣми ея порядками (какъ это проглядываетъ изъ собственнаго его разсказа) и, конечно, никогда не подумалъ-бы протестовать противъ нихъ, или входить въ роль обличителя, если-бъ ему не пришлось, по-неволѣ, разстаться съ насиженнымъ гнѣздомъ и очутиться безпріютнымъ скитальцемъ за предѣлами варварски-гостепріимной страны.

Въ указанной выше статьѣ въ «Русской Старинѣ» мы прослѣдили, шагъ за шагомъ, исторію пребыванія Массона въ Россіи, преимущественно по собствен-

---

[1]) Lettres d'un français à un allemand, servant de réponse à M. de Kotzebue, et de supplément aux Mémoires secrets sur la Russie, suivies d'un précis historique de la déportation et de l'éxil de l'auteur, etc. (Coblence. 1802).

Библиотека "Руниверс"

нымъ его воспоминаніямъ, и разсказали о скитаніяхъ его за предѣлами Россіи по его изгнаніи. Къ сказанному добавимъ, что среди этихъ невольныхъ странствованій, почти напоминающихъ легендарныя скитанія вѣчнаго жида, поспѣлъ задуманный въ началѣ заграничной жизни трудъ, извѣстные мемуары о Россіи. Первое изданіе ихъ появилось въ 1800 г., еще при жизни императора Павла (которому русскій посланникъ въ Берлинѣ препроводилъ оттуда одинъ экземпляръ), а второе, дополненное, — въ 1802 [1]).

Авторъ этой книги намекаетъ [2]), что будто-бы прежде ея отпечатанія, ему дѣлались предложенія, чрезъ посредство агентовъ, о покупкѣ у него рукописи, съ цѣлію остановить вовсе выпускъ ея въ свѣтъ... Этотъ намекъ, высказанный какъ-то глухо и вскользь, крайне-подозрителенъ и не внушаетъ никакого довѣрія. Будь въ самомъ дѣлѣ что-нибудь подобное, авторъ, вѣроятно, совсѣмъ иначе отнесся-бы къ такому факту, способному придать, въ глазахъ многихъ, болѣе вѣса его книгѣ; онъ, — мы думаемъ, — не преминулъ-бы оттѣнить его ярче и высказаться самоувѣреннѣе, не только для вящшаго удовлетворенія чувству мести, но и ради похвальбы, ради щегольства неподкупностью: и на то, и на другое онъ падокъ въ своемъ произведеніи. Но, главное, принимая въ соображеніе личный характеръ монарха, царствовавшаго тогда въ Россіи, и постановку ея правительства, трудно допустить дѣйствительность, или даже вѣроятность, какихъ-нибудь, хотя-бы и негласныхъ, сношеній о сдѣлкахъ съ изгнаннымъ выходцемъ, тѣмъ болѣе, что онѣ ничуть не обезпечивали-бы достиженія своей цѣли, какъ показалъ прежде опытъ на извѣстной книгѣ Рюльера [3]).

Совсѣмъ иное дѣло — сказаніе Массона о мѣрахъ противодѣйствія со стороны русскаго правительства безпрепятственному распространенію въ Германіи напечатанныхъ уже его мемуаровъ. Подобныя мѣры повсюду принимаются, при извѣстныхъ случаяхъ, и въ наши дни, слѣдовательно, не представляютъ въ себѣ ничего исключительнаго и неправдоподобнаго. Естественно, что книга подвергалась гораздо большимъ еще преслѣдованіямъ, нежели личность ея автора. Къ тому-же, онъ здѣсь открыто называетъ по именамъ дѣйствовавшихъ въ этомъ случаѣ особъ,—какъ, напримѣръ, Муравьева (Апостола), русскаго полномочнаго министра въ Гамбургѣ [4]), относившагося по этому поводу къ тамошнему сенату съ своими требованіями офиціальнымъ порядкомъ.

Но, благодаря своему предмету и современнымъ обстоятельствамъ, книга Массона расходилась за границею на-расхватъ, хотя была встрѣчена во всѣхъ

---

[1]) Сочиненіе Массона появилось тогда же, въ нѣсколькихъ переводахъ, на языкахъ нѣмецкомъ и англійскомъ. — Новѣйшее французское изданіе вышло въ 1859 г. (въ Парижѣ) съ предисловіемъ и примѣчаніями Ф. Баррьера (F. Barrière).

[2]) См. предисловіе къ 2-му изд., т. I, стр. XXII—XXIII, прим. § 3.

[3]) Claude-Charlemagne de Rulhière, бывшій секретарь французскаго посольства при дворѣ Петра Третьяго, авторъ соч. «Histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie en 1762». Pog. 1735, † 1791.

[4]) Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ, тайн. совѣтн., извѣстн. какъ дипломатъ и литераторъ, р. 1769, † 1851. О его личныхъ достоинствахъ, дарованіяхъ и образованности, также Михаила Никитича Муравьева (р. 1757, † 1807) и о полезной дѣятельности ихъ по воспитанію великихъ князей Александра и Константина Павловичей, Массонъ отзывается безпристрастно, съ особеннымъ уваженіемъ.

Библиотека "Руниверс"

высшихъ сферахъ общими порицаніями и даже въ республиканской Франціи принята крайне-неодобрительно. Массонъ самъ жалуется, что тамъ отозвались о его книгѣ, какъ о неблагопристойной и скандалезной[1]).

Понятно, что изданіемъ ея Массонъ окончательно и навсегда заградилъ себѣ возвратный путь въ Россію и всякій доступъ къ возстановленію тамъ себя въ прежнихъ правахъ. А не будь онъ авторомъ этой книги, — то и другое могло бы случиться. Если постигшая его кара понесена имъ безвинно и была только прискорбнымъ послѣдствіемъ недоразумѣнія, то для насъ есть основаніе думать, что при первомъ случаѣ, удобномъ къ раскрытію истины, императоръ Павелъ, стремительный, по своей натурѣ, во всѣхъ душевныхъ порывахъ, но сродный истинно-великодушнымъ побужденіямъ, вознаградилъ-бы его вполнѣ за незаслуженную бѣду, какъ сдѣлалъ это по отношенію къ Сибургу, Дю-Пюже и Коцебу[2]). — О послѣднемъ изъ нихъ кстати здѣсь напомнить, что онъ затѣялъ потомъ жаркую полемику съ Массономъ по поводу его «Секретныхъ записокъ» и вызвалъ своими на нихъ замѣчаніями отвѣтную брошюру, въ весьма рѣзкомъ тонѣ, съ прибавкою особаго дополненія къ мемуарамъ, послужившаго матеріаломъ для нашей статьи въ «Русской Старинѣ, томъ XV, стр. 548—588.

Вслѣдствіе изданія своей книги, Массонъ, разумѣется, не могъ расчитывать на перемѣну къ нему отношеній русскаго правительства и при преемникѣ Павла, Александрѣ I; но братъ писателя Массонъ младшій, успѣлъ, наконецъ, пристроиться во Франціи, вступивъ въ ея службу офицеромъ войскъ, расположенныхъ въ Гельветической республикѣ.—Что послѣдовало далѣе съ нимъ и съ старшимъ его братомъ,—свѣдѣній объ этомъ мы въ виду не имѣемъ. Извѣстно только, что Массонъ младшій умеръ въ 1807 году, 45-ти лѣтъ отъ роду.

Сообщ. Д. Д. Рабинович.

БЕННИГСЕНЪ И ЕГО ЗАПИСКИ.

Леонтій Леонтьевичъ графъ Бенигсенъ (von Benningsen), генералъ-отъ-кавалеріи, род. въ Бантельнѣ, близъ Ганновера, въ 1745 г.; въ 1773 г. будучи владѣльцемъ помѣстья Бантельнъ и имѣя чинъ подполковника ганноверской службы, — Бенигсенъ перешелъ въ русскую службу преміеръ-маіоромъ. Почти полувѣковая боевая дѣятельность его въ рядахъ и затѣмъ во главѣ русской арміи, а равно отличія на поляхъ битвъ хорошо извѣстны; въ 1814 г. грудь его украшена орденомъ Георгія 1-го класса. Въ 1818 г. онъ испросилъ себѣ увольненіе отъ должности главнокомандующаго второю арміею и съ окладомъ

---

[1]) См. «Mém. secr.», t. I, avertissement, pp. XV—XVI.

[2]) Августъ фонъ Коцебу—извѣстный нѣмецкій писатель, р. 1761, † 1819;— Сибургъ (de Sibourg) и Дю-Пюже (Du-Pujet), — оба швейцарцы, состоявшіе при дворѣ: первый — преподавателемъ великихъ княженъ, а второй — библіотекаремъ императрицы Маріи Ѳедоровны. Всѣ трое испытали (разновременно) ссылку въ Сибирь, но были возвращены Павломъ оттуда и щедро награждены царскими милостями, особенно Коцебу, написавшій исторію своей ссылки (1800 г.), подъ заглавіемъ: «Das merkwürdigste Jahr meines Lebens». Berlin, 1801.

Библиотека "Руниверс"

полнаго содержанія удалился на покой въ Ганноверъ, въ Бантельнъ, гдѣ и умеръ 2-го октября 1826 г. на 82 году отъ рожденія.

Предлагаемая статья есть переводъ, съ небольшими сокращеніями, разсказа г-жи Ida von Steumburg-Barfelde: «Wer war der Dieb», напечатаннаго въ распространенномъ изданіи: Ueber Land und Meer 1875 г., № 23.

Этотъ разсказъ интересенъ лишь какъ преданіе на мѣстѣ родины знаменитаго Бенигсена и какъ доказательство того, какъ еще до сихъ поръ иноземцы легко вѣрятъ всякаго рода измышленіямъ относительно всего, что касается до нашего отечества и, въ особенности, до его недавняго прошлаго.

Собственноручныя записки Бенигсена, собственно предположенія, замѣтки и разсужденія о планахъ кампаній,—трудъ весьма интересный, написанный на французскомъ языкѣ, какъ свидѣтельствуетъ А. Н. Поповъ, хранятся въ архивѣ Главнаго Штаба; что же касается до записокъ Бенигсена о событіяхъ въ Россіи его времени не военныхъ, то они находяться въ одномъ изъ дворцовыхъ архивовъ въ С.-Петербургѣ; какъ тѣ, такъ и другія рукописи пріобрѣтены въ 1826—1827 г., по порученію правительства, министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, покупкою, за большую сумму денегъ отъ вдовы графа Бенигсена Первыми изъ этихъ записокъ пользовался М. И. Богдановичъ при составленіи «Исторіи царствованія Александра I», также А. Н. Поповъ и другія лица, писавшіе о той же эпохѣ. Вполнѣ добровольно продавъ рукописи своего мужа— въ чемъ насъ увѣряли люди близко знающіе это дѣло, — вдова гр. Бенигсена всю свою жизнь получала отъ русскаго правительства большую по тому времени пенсію (не менѣе 3 т. руб. въ годъ). Въ виду всего этого особенно интересно прочесть повѣствованіе г-жи Иды фонъ-Штеймбургъ, повѣствованіе, прочтенное еще въ прошломъ году Германіей. Во всякомъ случаѣ желательно, чтобы оно вызвало совершенно положительныя разъясненія лицъ, чрезъ посредство которыхъ были куплены рукописи гр. Бенигсена. **Ред.**

Я намѣреваюсь разсказать чисто историческое (!) событіе,—фактъ, совершенный въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и тѣнь котораго отражается нѣкоторымъ образомъ на моей юности, такъ какъ одинъ изъ моихъ родственниковъ находился въ близкихъ отношеніяхъ и дружбѣ съ однимъ изъ участниковъ этой драмы.

Это было еще во дни моей юности — я сидѣла однажды въ маленькой, хорошенькой деревенской церкви Бантельна (Banteln) и, вмѣсто того, чтобы внимать медленной рѣчи беззубаго пастора, была погружена въ разсматриваніе портрета, изображавшаго во весь ростъ, въ русскомъ генеральскомъ мундирѣ, скончавшагося предъ тѣмъ недавно (въ 1826 г.) графа Бенигсена, нѣкогда покровителя этой церкви, при постройкѣ которой, очевидно, было обращено особое вниманіе на его портретъ, такъ какъ онъ какъ разъ приходился въ углубленіе, образуемое стѣною между двумя чрезвычайно высокими окнами, а свѣтъ былъ искусно направленъ такимъ образомъ, что красивая, мощная и еще молодая фигура графа освѣщалась самымъ выгоднымъ образомъ.

Библиотека "Руниверс"

Я старалась примирить энергическія черты лица, дышавшія силою, гордостью, молодостью и бодростью, съ образомъ стараго, дряхлаго слѣпца, какимъ дядя мой зналъ графа нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда тотъ медленными и неувѣренными шагами прохаживался обыкновенно по прекрасной, залитой солнцемъ террасѣ, тянувшейся передъ господскимъ домомъ въ Бантельнѣ.

Странная, почти таинственная судьба постигла записки Бенигсена, которыя, по своей исторической вѣрности и по подробности изложенія, могутъ считаться весьма важнымъ и даже неоцѣненнымъ документомъ. О существованіи этихъ записокъ узнали въ Петербургѣ, и, вполнѣ оцѣнивъ ихъ значеніе и тотъ интересъ, который онѣ имѣютъ, просили вдову графа Бенигсена дозволить просмотрѣть ихъ; когда же она въ этомъ отказала, то ей были сдѣланы весьма щедрыя предложенія для пріобрѣтенія отъ нея этой драгоцѣнной рукописи. Однако то и другое—просмотръ и выдача ея въ Россію—были самымъ рѣшительнымъ образомъ воспрещены одною изъ статей духовнаго завѣщанія Бенигсена; по завѣщательнымъ распоряженіямъ его, рукопись должна была оставаться въ архивѣ графскаго семейства; покойный графъ, повидимому, вполнѣ взвѣсилъ то обстоятельство, что документъ этотъ сдѣлается со временемъ весьма важной страницей въ семейной хроникѣ дома Бенигсеновъ.

Несмотря на полученный отказъ, изъ Россіи, время отъ времени. возобновлялась просьба о выдачѣ рукописи и предлагаемая за нее сумма была даже удвоена; но, наконецъ, правительству, повидимому, это наскучило и въ виду болѣе важныхъ и нетерпѣвшихъ отлагательства событій, оно было принуждено забыть исторію записокъ и отказаться отъ плана пріобрѣсти ихъ покупкою.

Между тѣмъ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, въ Ганноверѣ появилось двое простыхъ и чрезвычайно скромныхъ въ обращеніи молодыхъ русскихъ: одинъ изъ нихъ—Грузинскій-Соловьевъ (Grusinski-Solowieff)—съ цѣлью изучить нѣмецкій языкъ, другой, Кайдановъ, для того, чтобы подъ руководствомъ Маршнера, усовершенствоваться въ контрапунктѣ и представить ему для просмотра, а отчасти и для поправки, различныя мессы и кантаты, которыхъ онъ, несмотря на свою молодость-написалъ уже довольно много.

Оба молодые человѣка своимъ усидчивымъ прилежаніемъ и рѣдкимъ упорствомъ въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, а равно и весьма спокойнымъ, самоувѣреннымъ обращеніемъ и нѣкоторою, хотя ограниченною до извѣстной степени, роскошью, вскорѣ обратили на себя вниманіе незначительнаго еще въ то время городка. Разумѣется, не было недостатка во всевозможныхъ странныхъ, таинственныхъ слухахъ,

Библиотека "Руниверс"

касавшихся ихъ личности; говорили, будто мѣщанскія фамиліи были приняты ими для того, чтобы избѣгнуть преслѣдованія со стороны русской полиціи, у которой они были въ подозрѣніи за нѣкоторые свободные взгляды, но что въ сущности они принадлежали двумъ самымъ знатнымъ семействамъ Россіи. Съ другой стороны, разсказывали, будто они живутъ за границей не по собственному желанію, но высланы туда пожизненно и занимаются такъ усердно для того, чтобы въ послѣдствіи добывать себѣ средства къ жизни уроками языковъ и музыки; словомъ, трудно перечислить всѣ вымыслы, порожденные разгоряченной народной фантазіей, всѣ предположенія и слухи, все тѣснѣе и тѣснѣе группировавшіеся вокругъ этихъ двухъ молодыхъ людей, до того, что они сдѣлались, наконецъ, въ глазахъ ганноверцевъ двумя ходячими русскими сказками.

Одинъ только изъ этихъ многочисленныхъ слуховъ былъ справедливъ: они занимались своимъ дѣломъ столь исключительно и усидчиво, что считалось весьма труднымъ возбудить ихъ интересъ къ какому бы то ни было, хотя бы самому необыкновенному, происшествію въ обществѣ или въ области художествъ и наукъ, и одному только преданному другу, нѣкоему г. фонъ-Ц., познакомившемуся съ Кайдановымъ у Маршнера, удалось ввести его, а въ послѣдствіи и его земляка въ домъ своихъ родителей и къ нѣкоторымъ близкимъ знакомымъ.

Особенно труднымъ считалось сблизить ихъ съ домомъ графовъ Бенигсенъ, такъ какъ они, повидимому, боялись еще болѣе усилить падавшее на нихъ подозрѣніе, посѣщая домъ, владѣтельница котораго была полька[1]) и гдѣ бывали многіе ея соотечественники, люди, болѣе или менѣе возбуждавшіе къ себѣ нѣкоторое недовѣріе; поэтому исключительно вліянію прелестной дѣвицы фонъ-Р., пріѣхавшей въ Ганноверъ къ концу лѣта и встрѣтившейся съ Кайдановымъ въ первый разъ въ театрѣ, слѣдовало приписать то обстоятельство, что, забывъ всякую предосторожность, онъ посѣтилъ однажды вдову-графиню, у которой гостила молодая дѣвушка.

Разумѣется, дѣло не ограничилось однимъ этимъ посѣщеніемъ, и какъ ледъ разъ уже былъ сломанъ, то весьма оживленный домъ Бенигсеновъ, со своимъ разнообразіемъ нарѣчій (тамъ говорили не только на германскихъ, но и на романскихъ и славянскихъ языкахъ) и крайне разнородными элементами, составлявшими его домашній кружокъ, сдѣлался вскорѣ для Кайданова центромъ его обществен-

---

[1]) Графиня Екатерина Ѳаддѣевна Бенигсенъ дочь дворянина Гродненской губерніи, Ѳаддея Романовича Анджейковича.

Библиотека "Руниверс"

ной жизни и видно было, какой борьбы ему стоило отказаться отъ предложенія графини сопровождать весною ея семейство въ Бантельнъ.

Долгъ и сердечное влеченіе, необходимость и чувство привязанности подняли въ его сердцѣ сильную борьбу и, какъ исключеніе изъ общаго правила, долгъ долженъ былъ, повидимому, одержать этотъ разъ побѣду, такъ какъ Кайданевъ считалъ невозможнымъ прервать свои занятія у Маршнера и остался въ городѣ съ полуразбитымъ сердцемъ.

Однако, нѣсколько недѣль спустя, онъ, очевидно, захотѣлъ вознаградить себя за такое воздержаніе и испросилъ не только для себя но и для своего земляка позволеніе погостить нѣсколько дней въ Бантельнѣ.

Лѣто 183* года представило во всей его прелести главное украшеніе имѣнія Бенигсеновъ — великолѣпный обширный паркъ, украсивъ его листвою и цвѣтами, и оба русскіе, повидимому, вполнѣ наслаждались свѣжестію и прохладою тѣнистыхъ аллей, столь противуположныхъ раскаленнымъ улицамъ Ганновера.

Читатель порадуется, узнавъ, что въ Бантельнѣ не было стариннаго замка, но что графиня живетъ въ совершенно новомъ домѣ, безъ башенъ, витыхъ лѣстницъ, безъ банкетной залы и галлереи, наполненной фамильными портретами; однако я не могу вполнѣ удержаться отъ описанія мѣстности, тѣмъ болѣе, что намъ предстоитъ слѣдить за дѣйствіями русскихъ, изъ коихъ, по крайней мѣрѣ, одинъ, именно Грузинскій-Соловьевъ, не могъ достаточно наглядѣться на прелестный видъ, открывавшійся съ террасы, гдѣ онъ, стоя за тѣнью зданія, болѣе напоминающаго собою виллу, нежели замокъ, всматривался въ окружающую мѣстность и, повидимому, не могъ налюбоваться горделивымъ очертаніемъ „Семи братьевъ", горной цѣпи, ближайшій отрогъ которой возвышается въ помѣстьѣ древняго рода фонъ-Реденъ (von Rheden), между тѣмъ какъ самый маленькій или, такъ сказать, „младшій братъ" этой семьи горныхъ великановъ составляетъ задній планъ двуглавой церковной башни Альфульда. Затѣмъ, взоръ иностранца долго останавливался на высоко стоящей маленькой часовнѣ, родовомъ склепѣ семейства Бенигсеновъ, представляющемъ собою, какъ полагаютъ, то мѣсто, гдѣ Уландъ создалъ свое безсмертное стихотвореніе; наконецъ, вниманіе его привлекалъ также длинный рядъ сверкающихъ при солнечномъ закатѣ оконъ красиваго судебнаго зданія въ Гронау.

А между тѣмъ, какъ Грузинскій былъ погруженъ въ наблюденіе обширнаго ландшафта, другъ его прогуливался съ красивой дѣвицей фонъ-Р. по самымъ тѣнистымъ и уединеннымъ аллеямъ Бантельнскаго парка, стараясь испросить у нея прощеніе за мысль, внушенную ему,

Библиотека "Руниверс"

какъ онъ говорилъ, отчаяніемъ и заключавшуюся въ томъ, чтобы съ помощью разлуки изгнать ея образъ изъ своего сердца; однако, стремленіе это не только оказалось тщетнымъ, но еще вдобавокъ сдѣлало его несчастнымъ. И неудивительно, что сладкія рѣчи русскаго нашли доступъ въ сердцѣ молодой дѣвушки, такъ какъ едва-ли какое-либо другое мѣсто въ мірѣ такъ располагаетъ къ обмѣну любовныхъ объясненій, взглядовъ и рѣчей, какъ Бантельнскій паркъ съ его извилистыми дорожками и тѣнистыми мѣстечками, попадающимися какъ по берегу медленно протекающихъ ручейковъ, такъ и въ таинственныхъ, безмолвныхъ гротахъ искусственной группы скалъ,—тутъ подъ нависшими вѣтвями исполинскаго дуба, тамъ подъ прикрытіемъ густой бесѣдки, обросшей ракитникомъ и сильно пахучимъ цвѣтомъ жасмина. Въ то время, какъ Кайдановъ нашептывалъ, сожалѣлъ и клялся, соловей, очевидно, не справлявшійся ни съ числами, ни съ календаремъ или возставшій противъ законовъ природы по какой-нибудь невѣдомой причинѣ, аккомпанировалъ слова русскаго своимъ мягкимъ и нѣжнымъ пѣніемъ, будто подражающимъ предсмертной пѣсни лебедя, переходя въ нѣжную жалобу, точно онъ зналъ, что эти звуки должны быть его послѣднею пѣснью во все длинное лѣто.

Къ сожалѣнію, за первыми солнечными днями послѣдовало нѣсколько дождливыхъ и общество, загнанное въ комнаты, было вынуждено убить какъ-нибудь время за чтеніемъ, музыкой и разговорами. Оба русскіе выказали во всѣхъ этихъ отношеніяхъ самыя разнообразныя свѣдѣнія и съумѣли въ особенности понравиться хозяйкѣ своимъ умѣніемъ поддерживать бесѣду. Походы покойнаго графа были, весьма естественно, чаще всего темою разговора и оба молодые человѣка выказали такой живой интересъ къ дѣятельности даровитаго полководца и къ обнаруженной имъ вездѣ проницательности, что рѣчь коснулась всѣхъ его походовъ въ Турцію, Польшу, къ Эйлау и Лейпцигу и, наконецъ, въ Бессарабію, гдѣ несчастный, упавъ съ лошади, лишился зрѣнія (?).

Несмотря на трогательное по истинѣ вниманіе, съ которымъ оба молодыхъ человѣка слѣдили за исторіей этого генерала, бывшей въ сущности въ тоже время и исторіей ихъ отечества (?), однажды, вечеромъ, возникло между ними разногласіе по поводу одного мѣстечка, которое генералъ вынудилъ къ сдачѣ своимъ быстрымъ и неожиданнымъ нападеніемъ; была-ли то Олита въ Польшѣ, или персидская крѣпость Дербентъ? Чтобы рѣшить удовлетворительно этотъ споръ, графиня принесла записки своего мужа и друзья накинулись на нихъ съ такимъ жаромъ, обнаружили столько искренней, глубокой радости при видѣ простаго, понятнаго изложенія генерала и до того углубились

Библиотека "Руниверс"

въ описаніе походовъ, нравовъ и образа жизни турокъ, черкесовъ и полудикихъ азіятскихъ ордъ, что добродушная хозяйка предложила гостямъ взять рукопись въ свою комнату и тамъ, на свободѣ, прочесть ее; она забыла даже присовокупить постоянное условіе—не дѣлать изъ нея выписокъ.

Когда на слѣдующее утро молодые люди не явились къ завтраку (они помѣщались въ такъ называемомъ „старомъ домѣ", возвышающемся напротивъ зданія, занимаемаго графинею), то къ нимъ былъ посланъ человѣкъ освѣдомиться о причинѣ ихъ долгаго отсутствія. Слуга скоро возвратился и донесъ, что онъ нашелъ дверь запертою и что никто не отвѣчалъ на его неоднократный стукъ.

— „Они, вѣроятно, засидѣлись вчера вечеромъ за чтеніемъ записокъ,—сказала графиня,—и хотятъ вознаградить теперь то, что не доспали ночью".

Однако, когда русскіе не явились и на обычный призывъ къ обѣду, то это возбудило общее подозрѣніе и нѣкоторые изъ присутствовавшихъ мужчинъ отправились въ „старый домъ", чтобы навѣстить захворавшихъ, быть можетъ, друзей, разбудить ихъ и, если окажется возможнымъ, привести съ собою.

Такъ какъ на стукъ ихъ никто не откликнулся и въ комнатѣ ничто не шевельнулось, когда они смотрѣли въ замочную скважину, и до слуха ихъ не донеслось ни малѣйшаго звука, то они рѣшили, не медля долѣе, выломать замки у обѣихъ дверей.

Комнаты оказались пусты, постели были не помяты и оба русскіе исчезли со всѣмъ своимъ добромъ. Но что же сталось съ записками графа? И онѣ исчезли, были, какъ говорится на языкѣ студентовъ, „вывезены", и съ тѣхъ поръ никто изъ семейства Бенигсеновъ уже не видалъ ихъ.

Само собою разумѣется, были приняты всевозможныя мѣры для того, чтобы захватить похитителей драгоцѣнной рукописи, но всѣ старанія оказались безуспѣшными. Даже ничего не удалось разузнать относительно того пути, по которому исчезли русскіе. Какимъ образомъ удалось имъ пробраться съ ихъ тяжелыми сундуками и дорожными мѣшками черезъ высокую рѣшетку и широкую стѣну сада? Кто снабдилъ ихъ экипажемъ и гдѣ они сѣли въ него? Разслѣдованіе полиціи также не привело ни къ какому результату, и ни одно дѣло не было такъ ловко обставлено и приведено въ исполненіе, какъ по-

Библиотека "Руниверс"

хищеніе этихъ записокъ. Были-ли эти записки взяты молодыми людьми собственно „для себя“ или для (чьего-нибудь) архива? Этого никто не могъ узнать, но значительная пенсія, назначенная графинѣ и ея дочерямъ, вскорѣ послѣ таинственнаго исчезновенія бумагъ и помимо всякой съ ихъ стороны просьбы, какъ должное вознагражденіе за заслуги генерала для русскаго государства, почти обратили въ увѣренность возникшее тогда подозрѣніе, что эти русскіе были агентами петербургской тайной полиціи.

Теперь-то всѣ люди, принимавшіе хотя косвенное участіе въ этомъ дѣлѣ, и въ особенности бѣдная дѣвица фонъ-Р., поняли, что скромное появленіе Кайданова и Грузинскаго въ Ганноверѣ, ихъ отдаленіе отъ общества, ихъ неохотное сближеніе съ общественными кружками столицы, боязнь по отношенію къ дому Бенигсеновъ, любовь, выказанная Кайдановымъ къ обманутой дѣвушкѣ и, наконецъ, интересъ, возбужденный въ нихъ будто-бы походами и боевою жизнію покойнаго графа—все это было одно только лицемѣріе, притворство и глубокій расчетъ, оправдавшійся блестящимъ образомъ удачнымъ похищеніемъ рукописи.

ПОИСКИ МОРСКИХЪ РАКОВЪ

1766 г.

Генералъ-прокуроръ кн. А. А. Вяземскій къ губернатору Архангелогородской губерніи, г.-м. Головцыну.

М. г. мой Егоръ Андреевичъ. Ея И. В., посылая при семъ два рода раковъ, называемыхъ гуммеръ и ташенкрепсъ, высочайше указать соизволила в. п—ству приложить стараніе, что не попадутся-ли и у города Архангельскаго таковые-жъ раки во время либо сельдянаго или же другаго рыбнаго промысла, и если найдутся, то-бъ нѣсколько заливъ въ маслѣ, нѣсколько-жъ такъ какъ есть, съ нарочнымъ прислать сюда къ Ея И. В. О чемъ объявя в. п—ству, пребываю и проч. князь Александръ Вяземскій.

Ноября 11-го дня 1766 года.
Санктпетербургъ.

Головцынъ — кн. Вяземскому.

Сіятельнѣйшій князь, правящій генералъ-прокурорскую должность

Библиотека "Руниверс"

превосходительный господинъ генералъ-квартирмейстеръ и орденовъ Бѣлаго орла и святыя Анны кавалеръ, милостивый государь мой.

Вашего сіятельства сообщеніе, отъ 11-го ноября отправленное, съ объявленіемъ имяннаго Ея И. В., объ отысканіи морскихъ раковъ и присылкѣ въ Санктпетербургъ къ ея императорскому величеству, высочайшаго указу, тогожъ ноября 25-го числа я получить честь имѣлъ.

И по справкѣ съ разными промышленниками и по довольному моему развѣдыванію, оказалось, что оныхъ раковъ, именуемыхъ гуммеръ и ташенкрепсъ, по приморскимъ берегамъ, близь города Архангельскаго лежащимъ, не при какихъ промыслахъ въ уловѣ не бывало, а о такихъ крепсахъ рыбные промышленники и бывшіе въ кольскихъ ротахъ солдаты объявили, что таковые по океану-морю, около становища Кильдина, въ разстояніи отъ Колы во стѣ верстахъ и болѣе, во время лѣтняго промысла ими рыбы трески и палтусины въ уловѣ бывали; токмо ихъ въ пищу они не употребляли, и есть-ли какое въ нихъ тѣло, того не знаютъ и не примѣтили; а по уловѣ, вывозя обще съ рыбою на берегъ, сушили и, по пріѣздѣ въ городъ Архангельскъ, продавали любопытнымъ людямъ только для ихъ виду. Другаго же званія гуммеръ, при такомъ рыбномъ промыслѣ, они никогда не видали. Однакожъ, въ силу онаго вашего сіятельства сообщенія и объявленнаго въ ономъ высочайшаго ея императорскаго величества повелѣнія, посланъ отъ меня въ Кольскую воеводскую канцелярію съ указомъ нарочный, и велѣно тамошнимъ промышленникамъ тотчасъ въ лежащихъ близь Кильдина и въ другихъ мѣстахъ оныхъ, при уловѣ рыбы, пока время еще дозволитъ, присматривать и ловить, и по уловѣ, одни заливъ въ маслѣ, а другіе, какъ есть, прислать ко мнѣ съ тѣмъ же нарочнымъ въ самой скорости; равно же и во всѣ приморскія мѣста и къ сельдянаго промыслу коронным повѣреннымъ Маркову и Прибыткову о присматриваніи таковыхъ при промыслахъ и о уловѣ какъ тѣхъ, какъ и другихъ, посланы отъ меня указы, и что по тому воспослѣдуетъ, вашему сіятельству доложить не премину.

Каковые-жъ въ Колѣ въ уловѣ, на подобіе ташенкрепсъ, раки бываютъ, таковой одинъ засушенный къ вашему сіятельству у сего отправить честь имѣю. При томъ же и выписавъ о родахъ тѣхъ раковъ и тому подобныхъ изъ лексикона и книги изданія норвежскаго доктора и епископа бергенскаго экстрактъ, купно изъ той же книги скопированною съ купферштика обоихъ раковъ картиною у сего-жъ подношу; по коей картинѣ перваго ташенкрепса изображеніе сходственно съ нашими крепсами, о коемъ родѣ вышеозначенный бергенскій епископъ описываетъ, что оные въ пищу неупотребительны. И оное

Библиотека "Руниверс"

все вашему сіятельству донеся, съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч. Егоръ Головцынъ.

Городъ Архангельскій.

Декабря 5-го дня 1766 г.

Примѣчаніе. Изъ переписки съ Кольскою воеводскою канцеляріею видно, что гуммеровъ въ Сѣверномъ океанѣ и въ послѣдствіи не отыскано.

Рисунки къ перепискѣ 1766 г.

Библиотека "Руниверс"

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Асенковы.

Въ разсказѣ о своей жизни, уважаемый художникъ-профессоръ Ѳ. Г. Солнцевъ («Русская Старина» 1876 г., томъ XV, стр. 323), упоминая объ актрисѣ Асенковой, ошибочно приписалъ дочери то, что, быть можетъ, и то лишь отчасти, относится до ея матери.

«Асенкова, припоминаетъ г. Солнцевъ, имѣла страсть къ лошадямъ, ей дарили рысаковъ, на которыхъ ѣздила безумно и кончила тѣмъ, что лошади ее разбили. Умерла она, какъ извѣстно, очень молодою».

Хотя г. Солнцевъ и увѣряетъ, что онъ былъ лично знакомъ съ покойною Асенковою, но, судя по этимъ словамъ, надо думать, что онъ былъ знакомъ лишь съ старшею Асенковою, т. е. съ матерью знаменитой и незабвенной артистки В. Н. Асенковой.

Очевидно, что въ памяти почтеннаго старца факты по отношенію къ Асенковымъ спутались, что впрочемъ и не мудрено, такъ какъ къ театру онъ почти не имѣлъ отношеній. На петербургской русской драматической сценѣ были двѣ актрисы Асенковы: первая, Александра Егоровна, занимала въ 1820-хъ годахъ амплуа субретокъ, въ которомъ она пользовалась большимъ успѣхомъ, и сошла со сцены около 1834 года; вторая—дочь ея Варвара Николаевна, знаменитая артистка, была, въ свое время, украшеніемъ русскаго театра. Изъ нихъ мать умерла въ 1850-хъ годахъ, старухою; что же касается до дочери, то она скончалась 24-хъ лѣтъ отъ роду, 19-го апрѣля 1841 года, и поэтому можно было бы заключить, что дѣло идетъ объ ней, но въ означенной главѣ г. Солнцевъ вспоминаетъ свою жизнь въ періодъ времени съ 1818 по 1828 г., т. е. такое время, когда Варвара Николаевна, поступившая на сцену лишь въ 1835 г., имѣла только одиннадцать лѣтъ и, стало быть, не могла безумно ѣздить на рысакахъ.

Наконецъ—и это самое главное—Варвара Николаевна никогда не имѣла ни собственныхъ лошадей, ни своего экипажа, а постоянно ѣздила въ театральной каретѣ, рысаковъ ни отъ кого въ подарокъ не получала и, будучи вполнѣ честною дѣвушкою, подобнаго подарка ни отъ кого не приняла-бы; скончалась же она отъ скоротечной чахотки, а вовсе не отъ того, что была разбита лошадьми, чего съ нею никогда не было [1]).

---

[1]) Съ своей стороны я замѣчу, что въ своихъ припоминаніяхъ я разумѣлъ Асенкову—мать, и ошибка моя состоитъ только въ опредѣленіи времени ея смерти: она дѣйствительно умерла не молодою, но и не старою, а пожилою женщиною.

Ѳ. С.

Библиотека "Руниверс"

Пароходъ „Владиміръ“ при штурмѣ Севастополя

27-го августа 1855 г.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г. томъ XIV, стр. 568—586, помѣщенъ историческій очеркъ покойнаго О. И. Константинова, подъ заглавіемъ: «Штурмъ Малахова кургана, 27-го и 28-го августа 1855 г.».

Имѣя основанія считать дѣло парохода «Владиміра» въ день этого штурма самымъ серьезнымъ изъ всѣхъ, которые выпадали на этотъ пароходъ, я считаю необходимымъ исправить нѣкоторыя неточности, вкравшіяся въ краткое описаніе дѣйствій пароходовъ нашихъ 27-го августа, сопоставивъ часть текста статьи г. Константинова, съ исправленнымъ мною, на основаніи оффиціальныхъ документовъ, текстомъ этимъ, въ слѣдующемъ видѣ:

Константиновъ пишетъ: «Пароходъ «Херсонесъ», подойдя къ непріятельской батареѣ вплоть къ берегу по ту сторону устья Киленъ-балки, выйдя изъ-подъ ея выстрѣловъ, поражалъ какъ ее, такъ и вдоль всей Киленъ-балки, но у него бомба разбила машину и самъ онъ сталъ на мель, откуда отбуксировалъ его пароходъ «Одесса», спустя полчаса».

Слѣдуетъ читать: Пароходъ «Владиміръ», подойдя къ непріятельской батареѣ по ту сторону устья Киленбалки, такъ близко къ берегу, что она не могла больше стрѣлять въ его корпусъ, а дѣйствовала только штуцернымъ огнемъ, поражалъ какъ ее (картечью изъ 12-ти фунт. коронады) такъ и вдоль всей Киленбалки. У парохода «Херсонесъ» бомба разбила машину и онъ сталъ на якорь, откуда отбуксировалъ его пароходъ «Крымъ», спустя два часа

Бывшій командиръ парохода «Владиміръ».

Кстати по поводу статьи: «Штурмъ Малахова кургана»: въ свѣдѣніи, доставленномъ дѣтьми покойнаго Константинова о его жизни и безъ измѣненія вошедшемъ въ примѣчаніе, томъ XIV стр. 568, сказано: «Отецъ его былъ убитъ при взятіи Праги Суворовымъ». Слѣдуетъ читать: «Отецъ его былъ убитъ при взятіи Праги Паскевичемъ».

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1876 г. томъ XVI, на стр. 75-й, стр. 13-я снизу опечатка, напечатано: «Въ концѣ 1833 года...» слѣдуетъ читать: «Въ концѣ 1839 года...»

Библиотека "Руниверс"

ная казнь отмѣнены, согласно съ общими учрежденіями; воспрещено было самоуправно добиваться возвращенія захваченнаго имущества. Къ этому же времени относится введеніе въ Литвѣ русскихъ ассигнацій; но бумажный рубль стоялъ тогда очень низко (66 к. на звонкую монету), а въ Москвѣ за промѣнъ платили 40—45% (144, 145, 149). Чтобы слѣдить за настроеніемъ умовъ, а въ особенности за корреспонденціею короля, Репнинъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ перелюстрацію писемъ (425—27). Интересны льстивыя обращенія нѣкоторыхъ пановъ за покровительствомъ къ Репнину, котораго они желали даже видѣть вице-королемъ Польши (209—213). Но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь сообщаются свѣдѣнія о движеніи умовъ въ Польшѣ и готовившемся заговорѣ (146, 174, 374, 432—440, 448, 455—458, 460, 474). Репнинъ усердно хлопоталъ о молодомъ Ад. Чарторижскомъ, а по поводу конфискацій въ краѣ высказалъ рѣзкое осужденіе этой мѣрѣ не только въ политическомъ отношеніи, но и съ точки зрѣнія справедливости (197).

Между союзниками по раздѣлу Польши не было солидарности и искренности. Екатерина II называетъ берлинскій дворъ вѣроломнымъ и коварнымъ; а Репнинъ выражается вообще, «что духъ недовѣренности, коварности и непочтенія къ прежнимъ обязательствамъ захватили всѣ головы и правительства...». «Вѣкъ нашъ изъ рѣдкихъ, говоритъ онъ, и представляетъ гамія событія, каковыхъ мало въ исторіи находится. Должно и людямъ рѣдкимъ быть, чтобы выходить съ успѣхомъ изъ подобныхъ замѣшательствъ» (249). Въ собраніи матеріаловъ помѣщена интересная записка о настроеніи умовъ и состояніи арміи въ Пруссіи, поданная Репнину (129—133) и показывающая какъ зорко слѣдили тогда за политикою послѣдней. Екатерина II, съ своей стороны, предостерегала Репнина «не впускать черезъ границу молодыхъ людей, приверженныхъ къ нынѣшнимъ развратнымъ правиламъ французскимъ» (481). Не менѣе заслуживаетъ въ этомъ отношеніи вниманія и записка о коалиціи «мѣщанскихъ сословій Курляндіи, состоявшейся въ 1790 г.», въ которой стремленія ихъ къ пріобрѣтенію гражданскихъ правъ и представительства названы «гибельными принципами, взятыми изъ Франціи», а протесты со стороны курляндскаго рыцарства расхвалены какъ дѣло патріотизма. (91—102). Вообще въ новомъ собраніи документовъ, изданныхъ обществомъ, разсѣяно множество интимныхъ замѣчаній и мѣткихъ сужденій въ томъ или другомъ смыслѣ, прекрасно характеризующихъ время и людей не только въ ихъ планахъ и теоріяхъ, но и въ дѣйствительной жизни, въ которой они нерѣдко сами противорѣчили себѣ.

Независимо отъ главнаго матеріала, въ Сборникѣ помѣщено много другихъ документовъ (напр., распоряженіе о перевозкѣ архивовъ изъ Варшавы въ Петербургъ, 73; письмо Репнина объ А. А. Чесменскомъ, 181 и т. п.), въ числѣ которыхъ находятся и свѣдѣнія о похищеніи денегъ въ заемномъ банкѣ, обнаруженномъ въ 1795 г. (401—406), о которомъ подробно разсказываетъ Державинъ въ своихъ запискахъ.

Изданіемъ XVI тома Сборника историческое общество оказало существенную услугу отечественной исторіи, а напечатанныя недавно свѣдѣнія о послѣднемъ отчетѣ общества даютъ право надѣяться, что въ самомъ непродолжительномъ времени она пріобрѣтетъ еще нѣсколько цѣнныхъ вкладовъ, не менѣе важныхъ для ея обработки. Профес. В. И.

Исторія Тверскаго княжества. В. С. Борзаковскаго, Спб. 1876 г., 269 стр. и 152 примѣчанія.

Трудъ г. Борзаковскаго, весьма почтенный, объемлетъ всю исторію Тверскаго княжества отъ первоначальнаго заселенія страны славянскимъ племенемъ Весь и, отчасти, Финнами или Чудью до присоединенія княжества къ Московскому государству при Иванѣ III. Въ девяти главахъ этого сочиненія собраны всѣ свѣдѣнія, разсѣянныя о княжествѣ въ многочисленныхъ источникахъ, русскихъ лѣтописяхъ и иностранныхъ извѣстіяхъ. Авторъ разбираетъ подробно княженіе Ярослава и Святослава Ярославичей, Дмитрія и Василія Михайловичей, Михаила Александровича, Ивана Михайловича, Бориса Александровича и послѣдняго удѣльнаго тверскаго князя Михаила Борисовича. Послѣдняя глава содержитъ въ себѣ замѣтки о внутреннемъ состояніи княжества, его іерархіи, органахъ управленія, служилыхъ сословіяхъ, черныхъ людяхъ, о монетѣ и проч. Въ приложеніи помѣщены любопытныя свѣдѣнія о игуменѣ Геронтіѣ, о Переяславскомъ соборѣ, о бѣгствѣ Александра Михайловича во Псковъ, о поѣздкѣ князей въ орду и др. Весьма добросовѣстно разобраны авторомъ спорные и темные вопросы, относящіеся къ этой эпохѣ, что, конечно, представляется особенно важнымъ, когда мы вспомнимъ о запутанности извѣстій, приводимыхъ Тверскою лѣтописью. До какой степени въ этой лѣтописи перепутаны не только событія, но даже самыя имена, доказываютъ приложенныя къ сочиненію три родословныя таблицы тверскихъ князей. Изъ этихъ таблицъ вторая составлена по Воскресенскому списку, а третья по тремъ спискамъ Временника. Въ примѣчаніяхъ, число которыхъ 1263, авторъ высказываетъ большую начитанность и близкое знакомство со всѣмъ, что относится къ предмету его усидчиваго труда.

Библиотека "Руниверс"

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1876 г.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, гравированными на мѣди и на деревѣ, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Главная контора «Русской Старины» въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42.

Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ, при книжномъ магазинѣ **И. Г. Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣева.

☛ **Редакція отвѣчаетъ** вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала **городскимъ** подписчикамъ главной конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму **по почтѣ** въ Редакцію «Русской Старины» въ Спб., Надеждинская, д. № 42, съ сообщеніемъ вполнѣ точнаго адреса.

Статьи, которыя помѣщаются въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“, относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII и XIX-го вѣковъ. — III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—VI. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты; эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и XIX-го вв.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старины“.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII-го и XVIII-го вв.—Стихи и пѣсни духовные и раскольничьи.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—VIII. Библіографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческихъ книгъ.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить третье изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 года,
цѣна **ВОСЕМЬ** рублей безъ переплета и **11** руб. въ хорош. переплетѣ, съ пересылкой.

Библиотека "Руниверс"

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ седьмой. **ІЮЛЬ.** **1876 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записки **Михаила Гарновскаго**: дворъ императрицы Екатерины II въ 1789—1790 гг. (Окончаніе). Сообщ. **А. И. Левшинъ** . . 399
II. Екатерина II и кн. Потемкинъ: подлинная переписка, 1788 г. 436
III. Главные пособники Емельяна Пугачева. Очерки и разсказы по подлинному о нихъ дѣлу. 1773—1774 гг. 479
IV. Замѣтка о портретѣ Пугачева. 509
V. Воспоминанія **Татьяны Петровны Пассекъ**, главы XXIV — XXV, 1834—1835 гг. 511
VI. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: Очерки и разсказы: 1) герцогъ Уеллингтонъ въ Петербургѣ, въ 1826 г. (546). 2) Гальбергъ (549). 3) Живописецъ Орловскій (553). 4) Художникъ и массонъ Олешкевичъ (559). Сообщ. **О. А. Пржецлавскій**. 5) Русскій помѣщикъ въ XVIII в. Сообщ. **Е. П. Карновичъ** (566).
VII. Библіографическій листокъ новыхъ русск. историч. книгъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Къ этой книгѣ приложенъ портретъ **Емельяна Пугачева**, исполненный съ живописнаго, писаннаго въ 1775 г. съ натуры, портрета, хранящагося въ Ревельскомъ историческомъ музеѣ. Гравировалъ Академикъ **Л. А. Сѣряковъ**.

Продолжается подписка на «Русскую Старину» 1876 г.
Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

Находится въ продажѣ и можно еще получить **третье изданіе** „Русской Старины“ **1870** г. Цѣна **8** руб. съ пересылкой.

(Осталось немного экземпляровъ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49—2).
1876.

Библиотека "Руниверс"

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Сводная лѣтопись, составленная по всѣмъ изданнымъ спискамъ лѣтописи Л. И. Лейбовичемъ. Выпускъ I. Повѣсть временныхъ лѣтъ. Спб. 1876.

Прошло не много болѣе ста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ началось у насъ изданіе лѣтописей; въ эти сто лѣтъ къ изданію ихъ примѣнялись разные способы: или печатали одинъ списокъ (Радзивиловскій, Никоновскій, Новгородскій, Синодальный и т. д.), или печатали лѣтопись извѣстной редакціи по нѣсколькимъ спискамъ; такъ принято въ «Полн. собр. русск. лѣт.», при чемъ однако для «Повѣсти временныхъ лѣтъ» допущены были произвольныя редакціи: текстъ древній, средній и новый; сознаніе произвольности этого распорядка побудило археографическую коммисію при переизданіи первыхъ двухъ томовъ Полнаго собранія: списковъ Лаврентьевскаго и Ипатскаго (скорѣе Ипатьевскаго) помѣстить въ обоихъ «повѣсть», которая по прежнему плану помѣщена была только при Лаврентьевскомъ. Была попытка и третьяго способа: Шлецеръ въ своемъ «Несторѣ» напечаталъ извѣстія «Повѣсти временныхъ лѣтъ» о Руси языческой по всѣмъ доступнымъ ему спискамъ. «Сводная лѣтопись» Л. И. Лейбовича относится къ этому же разряду изданій. Каждый изъ трехъ указанныхъ способовъ изданія имѣетъ и свои достоинства и свои недостатки. Изданіе одной рукописи неизбѣжно, когда издаваемая редакція представляетъ особое сочиненіе, сохранившееся только въ одной рукописи (Тверская); бываетъ полезно воспроизвести древнѣйшую рукопись посредствомъ фотографіи, что служитъ для изученія филологическаго. Такъ археографическая коммисія поступила съ списками Лаврентьевскимъ, Ипатьевскимъ и Синодальнымъ-Новгородскимъ; но печатать отдѣльно каждый списокъ болѣе чѣмъ безполезно: это значитъ заставлять каждаго ученаго дѣлать одну и ту же работу. Печатаніе по редакціямъ и разрядамъ, наиболѣе употребительное, имѣетъ большія выгоды: при такомъ способѣ изданія виднѣе наслоенія, приносимыя каждымъ вѣкомъ и въ значительной степени каждой мѣстностью. Для работъ историко-литературныхъ и критики источниковъ такое изданіе едва ли не предпочтительнѣе; но и въ такомъ способѣ можно указать свои неудобства: для справокъ, для обозрѣнія заразъ всѣхъ свѣдѣній, сохранившихся въ лѣтописяхъ, о данномъ времени такой способъ изданія очень неудобенъ: занимающемуся приходится имѣть передъ собою заразъ нѣсколько книгъ и не рѣдко въ каждой изъ нихъ читать тоже самое съ буквальными только отличіями. При чемъ вниманіе иногда тупѣетъ и исчезаютъ изъ виду существенныя черты, попадающіяся въ томъ или другомъ варіантѣ. Вотъ почему при существованіи изданій двухъ первыхъ родовъ важны и изданія третьяго рода, которыя служатъ часто пособіемъ для занимающагося, а часто даже и замѣною. Сводное изданіе особенно неоцѣненно для начинающихъ, которымъ даетъ возможность осмотрѣться во всемъ объемѣ лѣтописнаго матеріала; важно оно и въ экономическомъ отношеніи: соединяя весь матеріалъ въ одномъ томѣ, оно даетъ возможность пріобрѣсти его по дешевой цѣнѣ.

Вотъ тѣ соображенія, на основаніи которыхъ мы особенно довольны появленіемъ изданія г. Лейбовича, которое можетъ въ значительной степени способствовать ознакомленію по источникамъ съ исторіею русскою. Настоящій первый выпускъ обнимаетъ собою такъ называемую «Повѣсть временныхъ лѣтъ» (до 1110 г.). Принявъ за основу текстъ Лаврентьевскаго списка, авторъ внесъ въ самый текстъ (отличивъ различными типографскими знаками: скобками, другимъ шрифтомъ, отступленіемъ и т. п.) существенныя дополненія другихъ списковъ и даже другихъ лѣтописныхъ сборниковъ; при чемъ дополненія Татищева отнесъ къ примѣчаніямъ, такъ какъ они возбуждаютъ до сихъ поръ споръ (Іоакима онъ основательно оставилъ въ сторонѣ); дополненія «Степенной книги» онъ обозначилъ въ предисловіи на основаніи того, что 1) они не имѣютъ полной достовѣрности; 2) помѣщены въ большихъ статьяхъ, отъ которыхъ ихъ трудно оторвать; 3) ихъ трудно пріурочить къ разсказу лѣтописи. По недоразумѣніямъ Густынская лѣтопись не попала въ текстъ; но замѣтивъ этотъ пробѣлъ, составитель указалъ, тоже въ предисловіи, ея важнѣйшія отмѣны. Варіанты буквенные (конечно, имѣющіе значеніе) авторъ помѣстилъ въ выноскахъ. Событія, не касающіяся Россіи, авторъ выпустилъ, обозначая только подъ извѣстнымъ годомъ, что здѣсь говорится о томъ-то въ такой-то лѣтописи. Длинныя, неидущія къ дѣлу разсужденія выпустилъ; вставныя статьи (поучеіе Мономаха, сказанія о Печерскомъ монастырѣ, уставы Владиміра и Ярослава и т. п.) помѣстилъ въ особомъ приложеніи; впрочемъ, «Русскую правду», въ виду распространенности изданія Н. В. Калачова, онъ тоже опустилъ. Таковъ составъ и планъ изданія. Пользованіе имъ облегчено въ значительной степени тѣмъ, что на верху каждой страницы обозначены годы отъ сотворенія міра и сборники, откуда взяты извѣстія; а съ боку годы отъ Р. Х.; передъ каждымъ извѣстіемъ, составляющимъ особый абзацъ, находится обозначеніе года отъ сотворенія міра и указаніе сборниковъ.

Библиотека "Руниверс"

ПРИГЛАШЕНІЯ КЪ ПОЖЕРТВОВАНІЯМЪ ВЪ ПОЛЬЗУ СЛАВЯНЪ.

I.

Отъ «Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ».

«Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій со стороны Сербіи и Черногоріи противъ турокъ, самый театръ войны долженъ значительно расшириться и число раненыхъ, нуждающихся въ помощи, можетъ возрасти до громадныхъ размѣровъ. Въ виду предстоящей необходимости усилить и развить нашу дѣятельность соразмѣрно съ ощущаемою въ ней потребностью, главное управленіе «Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ», руководимое теплымъ и горячимъ участіемъ къ судьбѣ страждущихъ, являемымъ Августѣйшею Своею Покровительницею Государынею Императрицею, обращается ко всѣмъ своимъ учрежденіямъ съ настоятельною просьбою усилить насколько возможно денежные и матеріальные сборы въ пользу несчастныхъ жертвъ Герцоговины, Босніи и Болгаріи, и увѣрено при этомъ, что сердце каждаго русскаго сочувственно отзовется къ столькимъ страданіямъ. Предсѣдатель главнаго управленія «общества», генералъ-адъютантъ Баумгартенъ».

II.

Отъ Московскаго Славянскаго Комитета.

Приведя воззваніе предсѣдателя высоко чтимаго всею Россіею «Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ», долгомъ считаемъ помѣстить здѣсь напечатанное 29-го Іюня въ газетахъ приглашеніе Московскаго Славянскаго Комитета о помощи братьямъ нашимъ Славянамъ, страдающимъ отъ неистовствъ турокъ.

«Неистовства, звѣрства, бѣшенный разгулъ самыхъ дикихъ страстей, сожиганіе заживо дѣвицъ, напередъ поруганныхъ и обезчещенныхъ, истребленіе мирныхъ жителей десятками тысячъ, опустошеніе цѣлаго края огнемъ и мечемъ, — всѣ роды мукъ и бѣдъ обрушены нынѣ на безоружное болгарское населеніе разсвирѣпѣвшимъ изувѣрствомъ азіатской орды, сидящей на развалинахъ древняго великаго православнаго царства и другихъ православныхъ славянскихъ державъ. Нѣкогда обузданная русскими Государями, но за тѣмъ, изъ зависти къ Россіи и ненависти къ славянству, вновь возвеличенная совокупными усиліями всей Западной Европы, введенная ею въ семью христіанскихъ государствъ, размалеванная ею румянами и бѣлилами европейской цивилизаціи, эта орда, эта Турція, это чудовищное зло и чудовищная ложь замышляетъ теперь на глазахъ всей Европы растоптать Болгарское племя и сломить въ своихъ предѣлахъ послѣдній оплотъ славянской народности — Сербію и Черногорію. Но чаша

Библиотека "Руниверс"

долготерпѣнія, даже и славянскаго, переполнилась. Искра, зажженная Герцеговинскимъ отчаяніемъ, разгорѣлась въ широкое пламя. Встаетъ Болгарія, Сербская и Черногорская рать ринулась въ бой: начинается страшная, кровавая, послѣдняя борьба славянства съ исламомъ. Для славянъ это борьба на жизнь и смерть; они рѣшились добиться независимости или погибнуть. Нѣтъ у нихъ ни оружія въ достаткѣ, ни денегъ, некогда воздѣлывать поля, ни призирать женъ и дѣтей, остающихся безъ крова и пищи. Въ то время какъ англійское министерство одушевляетъ Турцію нравственною и матеріальною поддержкой, а Австро-Венгрія какъ бы желѣзной стѣной по всей своей обширной границѣ ограждаетъ Турцію отъ провоза къ воюющимъ славянамъ оружія и хлѣба, остальныя западно-европейскія державы присутствуютъ безучастно при неравномъ, убійственномъ спорѣ, готовыя вырвать плоды побѣды у христіанъ, если Богъ благословитъ ихъ побѣдой.

За что же такъ долго, такъ упорно удерживаетъ Европа эти несчастныя племена въ оковахъ позорнаго рабства? За что страждутъ такъ ужасно и такъ давно Болгары и Сербы? За то единственно, что они православные и славяне, что они единовѣрны и единоплеменны съ Россіей. Вотъ за какой грѣхъ они казнятся, и нѣтъ у нихъ защитниковъ во всемъ мірѣ, кромѣ одной Россіи... Но развѣ этого мало?

Предоставляя разрѣшеніе этого вопроса въ отношеніи политическомъ высшимъ соображеніямъ, Московскій Славянскій Комитетъ взываетъ къ русской общественной совѣсти и молитъ о помощи жертвамъ возстанія, казнящимся за грѣхъ православія, за грѣхъ единовѣрія и единоплеменности съ нами! Пособить мы, общество, и народъ можемъ и право имѣемъ только деньгами. Съ самаго начала герцеговинской борьбы русское духовенство на всемъ пространствѣ Россіи, отъ архипастырей до сельскихъ священниковъ, явилось вѣрнымъ и ревностнымъ ходатаемъ предъ Русскою землей о нуждахъ нашихъ славянскихъ братій и краснорѣчиво доказало, что вмѣстѣ съ чувствомъ христіанскаго милосердія, оно хранитъ въ себѣ неизмѣнно живое народное чувство и вѣрное разумѣніе русскаго историческаго призванія и долга. Да окажетъ же наше высокочтимое духовенство свое содѣйствіе Комитету и въ настоящемъ случаѣ и съ молитвой о ниспосланіи нашимъ братьямъ побѣды и одолѣнія на враговъ, да приступитъ къ новому сбору пожертвованій.

Пожертвованія могутъ быть присылаемы въ С.-Петербургъ, въ «Петербургское Отдѣленіе Славянскаго Благотворительнаго Комитета», въ помѣщеніе Русскаго Географическаго Общества, у Чернышева моста, куда будутъ отсылаться также тѣ пожертвованія, которыя поступятъ въ редакцію «Русской Старины».

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ МИХАИЛА ГАРНОВСКАГО

1786 — 1790 [1]).

1789 г.

21-го іюня 1789 г. Accidit in puncto quod non speratur in Anno. Мое пророчество сбылось. На сихъ дняхъ послѣдовала съ графомъ Александромъ Матвѣевичемъ (Мамоновымъ) странная и ни подъ какимъ видомъ неожидаемая перемѣна, о которой донесу вамъ собственными его словами.

— «Вамъ извѣстно, что, по причинѣ разстроеннаго моего здоровья, я еще зимою просился въ Москву. Меня уговорили здѣсь остаться и послѣ всего того, что мнѣ тогда изъ разныхъ устъ сказано было, я почиталъ себя отъ прежней моей должности увольненнымъ. Отвращеніе мое къ придворной жизни, которое происходило отъ болѣзненныхъ припадковъ и грустію стѣсненнаго духа, усиливаясь во мнѣ со дня на день, видно, наконецъ, наскучило. Я получилъ вотъ какое письмо».

Оное французское письмо далъ онъ мнѣ прочесть и, сколько я помню, было слѣдующаго содержанія:

— «Желая всегда тебѣ и фамиліи твоей благодѣтельствовать и видя, сколько ты теперь состояніемъ своимъ скучаешь, я намѣрена иначе счастіе тебѣ устроить. Дочь графа Брюса составляетъ въ Россіи первѣйшую, богатѣйшую и знатнѣйшую партію. Женись на ней. На будущей недѣли графъ Брюсъ будетъ де-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 9 — 38; 237 — 265; 471—499; 687—720; томъ XVI, стр. 1—32; 207—238.

Библиотека "Руниверс"

журнымъ. Я велю, чтобы и дочь его съ нимъ была. Анна Никитична (Нарышкина) употребитъ всѣ силы свои привести дѣло сіе къ желаемому концу. Я буду помогать, а притомъ ты и въ службѣ остаться можешь».

Какъ я прочиталъ сіе письмо, то графъ возобновилъ рѣчь свою тако:

— «Я съ графомъ Брюсомъ и его фамиліею не хотѣлъ имѣть дѣла. Открывшись во всёмъ государынѣ, я просилъ Ея И. В-во, чтобъ мнѣ позволено было жениться на княжнѣ Щербатовой, въ которую полтора года я влюбленъ смертельно. Спросили ее, и она меня любитъ, чего я до тѣхъ поръ не зналъ. Для государыни всѣ сіи происшествія непріятны, но что дѣлать. Совѣтовала мнѣ жениться..... да и князю (Потемкину) я болѣе ненадобенъ, сколько я могъ примѣтить изъ ея рѣчей; что же мнѣ оставалось? Въ противномъ случаѣ, можетъ быть, я бы и никогда не открылъ своей страсти или, по крайней мѣрѣ, долго бы оною мучился. Дай Богъ, чтобы это не потревожило князя. Просите его свѣтлость (тутъ онъ заплакалъ), чтобы онъ былъ навсегда моимъ отцомъ. Мнѣ нужны его милость и покровительство, ибо со временемъ мнѣ, конечно, будутъ мстить. Напишите о семъ и къ Василію Степановичу (Попову), я не въ состояніи писать, и попросите его, чтобы и онъ князя обо мнѣ просилъ».

Симъ кончилась графская рѣчь, которую всю едва онъ успѣлъ пересказать въ сутки, потому что безостановочному продолженію ея мѣшали приходы частые Захара съ записками, хожденіе графа къ государынѣ, откуда онъ выходилъ либо притворно веселъ, либо задумчивъ, и посѣщенія государыни.

Теперь донесу я, что касательно сей исторіи самъ знаю.

По отъѣздѣ его свѣтлости, все то здѣсь употреблено было, что только могло служить къ увеселенію графа, и силы его были несравненно превосходнѣе первыхъ. По симъ обстоятельствамъ не только я, но и никто не могъ примѣтить, что дѣло съ нимъ такъ къ концу близко, и я уже думалъ, что я солгалъ передъ его свѣтлостію, когда пророчествовалъ, что графу долго тутъ быть нельзя. Государыня, по претерпѣніи многихъ по сей части безпокойствъ, нутренно ее терзавшихъ, рѣшилась написать вышеписанное письмо, поутру 16-го числа сего (іюня) мѣсяца. Послѣ

Библиотека "Руниверс"

обѣда, двери у графа заперты были для всѣхъ. Государыня была у него болѣе 4-хъ часовъ. Слезы текли тутъ и потомъ въ своихъ комнатахъ потоками. Послѣ сего была у графа Анна Никитична (Нарышкина). Но ничто не могло его склонить, ни здѣсь остаться, ни на женитьбу съ графинею Брюсовою.

17-е число (іюня) препровождено въ безпокойствіяхъ, и хотя отправленіе къ его свѣтлости и было готово, но мнѣ оное отдано 18-го числа, въ 10-мъ часу въ вечеру. Можетъ быть, графъ поджидалъ обстоятельнѣйшаго письма, нежели то, которое, не заключая въ себѣ ничего до сей исторіи касающагося, препровождается теперь въ письмѣ его къ его свѣтлости, и графъ отнюдь того не знаетъ, что секретно отдано Николаю Ивановичу (сей дежурнымъ, а графъ Безбородко въ городѣ) другое—для доставленія къ его свѣтлости, которое и препровождается въ письмѣ его высокопревосходительствомъ къ его свѣтлости. Николай Ивановичъ (Салтыковъ) мнѣ ничего объ ономъ не сказывалъ, а я узналъ о томъ отъ Захара. Не могу понять, отчего вдругъ съ свадьбою заторопились, ибо сего же числа, въ осьмомъ часу по вечеру, былъ сговоръ въ комнатахъ графскихъ. При ономъ были государыня, Анна Никитична и Николай Ивановичъ. Для всѣхъ прочихъ двери были заперты. Государыня при семъ случаѣ желала добра новой парѣ, таковыми изреченіями, коихъ нельзя было слышать безъ слезъ. Надобно, впрочемъ, знать, что молодые, несмотря на милостивое къ нимъ снисхожденіе, были въ превеличайшей трусости, ибо обоимъ приключился обморокъ. Говорятъ, что свадьба будетъ въ Петровъ день или послѣ онаго вскорѣ.

Со вчерашняго дня Государыня сдѣлалась повеселѣе. Съ Зубовымъ, конногвардейскимъ офицеромъ, при гвардейскихъ караулахъ здѣсь находящимся, обошлись весьма ласково. И хотя сей совсѣмъ не видной человѣкъ, но думаютъ, что онъ ко двору взятъ будетъ, что говоритъ и Захаръ, по однимъ только догадкамъ, но прямо никто ничего не знаетъ будетъ-ли что изъ г-на Зубова.

Государыня досадуетъ для чего графъ не говорилъ ей прежде ничего о своей любви къ княжнѣ Щербатовой, и зачѣмъ ее цѣлой годъ мучилъ.

По имянному указу Ивану Степановичу (Рибопьеру) велѣно быть сюда, и съ симъ нарочной къ нему посланъ. Кажется, какъ

Библиотека "Руниверс"

будто бы всѣхъ подозрѣвать будутъ, кто только былъ вхожъ къ Александру Матвѣевичу. Богъ знаетъ, что̀ будетъ. Я не сумнѣваюсь нимало въ усердіи и преданности графа Александра Андреевича (Безбородко), но иногда и нерѣдко нужны намъ у двора и такіе люди, которые бы не только потакать, но, имѣя бодрой духъ, и противурѣчить къ пользѣ дѣлъ умѣли. Отъ внушенія много зависитъ, въ чемъ уповательно не будетъ теперь недостатка. Дай Богъ, чтобы былъ кто-нибудь, которой бы могъ противное внушать, если надобность сего требовать будетъ, а къ сему не одно усердіе, но и рѣшительность потребна.

Графъ Брюсъ взбѣсится, если узнаетъ, что здѣсь касательно его дочери произошло, какъ выше упомянуто. Писанное государынею будутъ, конечно, таить, но едва ли утаить можно.

Графъ Валентинъ Платоновичъ (Мусинъ-Пушкинъ) въ кредитѣ, который присвоили ему финляндскія побѣды и громкія его о томъ реляціи. Честность г. Русанова многіе въ Совѣтѣ похваляютъ.

У графа съ Михельсономъ неладно, потому что послѣдній перваго, по дошедшимъ отъ сего жалобамъ, не слушаетъ.

Подношу при семъ реляціи графа Валентина Платоновича, которыя къ его свѣтлости препроводить мнѣ поручилъ графъ Александръ Андреевичъ (Безбородко).

Третьяго дня г. Боборыкинъ посланъ въ Москву, чтобы предварить родителей графа Александра Матвѣевича (Мамонова) о приключеніяхъ, здѣсь съ нимъ послѣдовавшихъ.

4-го іюля 1789 г. 1-го числа сего іюля свершилась графская свадьба здѣсь въ придворной церквѣ, куда, по желанію его, во время бракосочетанія, кромѣ на свадьбу и потомъ къ ужину малаго числа приглашенныхъ особъ, никого не пускали. Теперь смѣло можно сказать, что никогда подобное сему происшествіе не воспріяло счастливѣе сего конца, и великодушіе, при семъ случаѣ графу (Мамонову) оказанное, превзошло всѣхъ и всякое чаяніе.

Онъ имѣлъ до самаго отъѣзда своего обыкновенной и свободной къ государынѣ входъ, а Захаръ ходилъ къ нему съ записками по прежнему, такъ какъ г. Храповицкой, съ государственными дѣлами. Всѣ отправленія были въ его рукахъ, даже и тѣ, кото-

Библиотека "Руниверс"

рыя въ прошломъ году собственно отъ графа Александра Андреевича (Безбородко) зависѣли. Тѣмъ изъ придворныхъ, которые, примѣтя предстоявшую ему перемѣну, ходить къ нему перестали, сказано было:

— «Теперь я васъ знаю, для чего вы не бываете у графа? Знаете-ли, что я навсегда буду къ нему расположена такъ, какъ и была».

Препровождаю при семъ копію съ имяннаго указа, которымъ пожаловано графу до 3,000 душъ съ собранными съ нихъ доходами (въ указѣ написана третья ревизія, а теперь надобно считать число душъ по четвертой ревизіи). Сверхъ сего пожаловано ему изъ кабинета сто тысячъ рублей, которые, несмотря на крайній въ деньгахъ по кабинету недостатокъ, всѣ ему выплачены сполна.

3-го числа сего (іюля) мѣсяца отправился графъ съ молодою супругою своею въ Дубровицу, съ тѣмъ чтобъ пробраться туда прямо, не заѣзжая въ Москву. Онъ вручилъ мнѣ, предъ отъѣздомъ своимъ, отправленіе, при семъ къ его свѣтлости препровождаемое, которое бы за два дни предъ тѣмъ отправить надлежало, еслибъ по случаю смущенныхъ мыслей его, частію отъ внезапной перемѣны состоянія родившихся, частію же происшедшихъ отъ свойственной ему скупости, несмотря на которую онъ принужденъ былъ заплатить за жену долгу до 30,000 руб.,—онъ не позамѣшкался со своимъ письмомъ, которое, сколь оно ни мало, стоило ему сей разъ много труда, бумаги и времени, а особливо поджидалъ онъ и паки отъ государыни обстоятельнѣйшаго о жребіи своемъ къ его свѣтлости письма, которое однако же и теперь, подобно прежнему, мимо его вѣдома написано и отдано г. Храповицкому, а отъ сего уже къ его свѣтлости препровождается. Посылку сего письма таили предъ всѣми и даже графъ Александръ Андреевичъ (Безбородко) ничего про оное не зналъ; но я сего увѣдомилъ объ ономъ для того, чтобы не подать ему повода подозрѣвать, будто бы я съ Храповицкимъ состою въ связѣ, во-вторыхъ, чтобъ, по графской ко мнѣ благосклонности и по его къ его свѣтлости преданности, не лишиться взаимной его откровенности, которая, при теперешнихъ обстоятельствахъ, тѣмъ нужнѣе, чѣмъ неизвѣстнѣе обороты, отъ новой перемѣны произойти могущіе.

Зубовъ пожалованъ сегодня полковникомъ и царскимъ фли-

Библиотека "Руниверс"

гель-адъютантомъ, водворенъ же онъ здѣсь въ одномъ нижнемъ этажѣ того флигеля, который весь занималъ графъ Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ).

Николай Ивановичъ (Салтыковъ) былъ и есть Зубовымъ протекторъ, слѣдовательно, и полковнику Зубову наставникъ. Зубовъ-отецъ, другъ князя Александра Алексѣевича (Вяземскаго), а Анна Никитична (Нарышкина) предводительствуетъ теперь Зубовымъ и посему играетъ тутъ первую и знатную ролю. Вотъ новая перемѣна со своею лигою, которые однако же всѣ до сихъ поръ при воспоминовеніи имяни его свѣтлости невѣдомо чего трусятъ и безпрестанно внушаютъ Зубову имѣть къ его свѣтлости достодолжное почтеніе, что и г. Зубову твердили.

Богъ знаетъ, что будетъ впереди. Зубовъ.... не замѣнитъ того, что былъ графъ Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ), это доказываютъ слезы, пролитыя въ день свадьбы.

Графъ Александръ Матвѣевичъ свелъ знакомство съ нынѣшнею женою письменно и питалъ оное до женитьбы письменно же, при чемъ употреблялись камеръ-лакеи; были, какъ открылось, у молодыхъ и свиданія.....

Руководствовала, впрочемъ, по симъ дѣламъ Марья Васильевна Шкурина, которую, однако же, государыня, изъ уваженія къ заслугамъ отца ея, простила....[1])

Съ Иваномъ Степановичемъ (Рибопьеромъ) обошлись весьма ласково, ибо сей въ интригахъ графскихъ (т. е. Мамонова), до любви касавшихся, не участвовалъ.

Въ Финляндіи дѣла не хорошо идутъ. Къ Михельсону, котораго графъ Валентинъ Платоновичъ (Мусинъ-Пушкинъ) отпустилъ въ Выборгъ для излеченія болѣзней, посланъ вчерась указъ, чтобы былъ сюда. Сіи оба не ладили между собою и Михельсонъ съ Денисовымъ; ропщутъ также на графа Валентина Платоновича г-нъ Ренъ и принцъ Нассавскій, чему, какъ говорятъ, способствуютъ большею частію интриги Кнорингов и нѣсколько секретарство г. Русанова. Псковской драгунской полкъ спѣшенъ, а гусарскіе его эскадроны употреблены для стражи

---

[1]) Многія подробности о придворныхъ событіяхъ въ Спб. въ іюнѣ и іюлѣ 1789 г. заключаются также въ «Дневникѣ Храповицкаго», изд. 1874 г. по рукописи, принадлежащей кн. П. А. Вяземскому, см. стр. 291 и друг. Л.

Библиотека "Руниверс"

лошадей драгунскихъ. Галерной флотъ, по причинѣ противныхъ вѣтровъ, на-силу доплылъ до Фридрихсгама, откуда здѣсь ожидаются теперь нетерпѣливо важныхъ извѣстій и если на водѣ удача будетъ, то думаютъ, что и на сухомъ пути, къ той сторонѣ, дѣла наши пойдутъ лутче. Принцъ Нассавъ жаловался, до прибытія своего въ Фридрихсгамъ, на графа Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина), что сей отнятіемъ у него половиннаго числа войскъ, на галерахъ бывшихъ, коихъ приказано было высадить на берегъ 6,000 человѣкъ, привелъ флотъ галерный въ несостояніе производить въ дѣйство ему предписанное и вообще дѣйствовать противу непріятеля образомъ наступательнымъ; а графъ Пушкинъ отвѣчалъ, что къ таковому поступку принудила его медлительность галернаго похода и что онъ снималъ людей съ судовъ на одно только то время, пока суда подойдутъ къ Фридрихсгаму, дабы между тѣмъ, при праздности галеръ, разумѣя чрезъ сіе походъ оныхъ, высаженныя войски могли быть употреблены въ дѣло на сухомъ пути. Теперь сіи войски опять посажены на галеры.

Сегодня и Гессенской принцъ выпущенъ въ полковники; его хотятъ отправить къ его свѣтлости (кн. Потемкину) въ армію.

Сегодня же откланялся здѣсь г. Заборовской, къ прежнимъ своимъ губерніямъ отправленный.

7-го числа отправится къ вамъ г. Билеръ и съ нимъ вмѣстѣ— родной его братъ, человѣкъ молодой и весьма хорошо воспитанный, котораго старшій г. Билеръ желаетъ препоручить вашему покровительству. Двѣ недѣли, какъ я не былъ въ городѣ и теперь скачу туда, чтобъ достать то, что къ его свѣтлости прислать предписано.

15-го іюля 1789 г. По устроенію дѣлъ, касающихся до Зубова, Анна Никитична (Нарышкина) отправилась на принадлежащую супругу ея дачу, гдѣ живетъ уже другую недѣлю въ ожиданіи государыни къ себѣ. Таковое обѣщанное посѣщеніе послѣдуетъ тогда, когда государыня, по случаю настоящихъ здѣсь жаровъ, соизволитъ предпріять, по намѣренію своему, путешествіе въ Петергофъ; но, повидимому, походъ сей изъ любви къ Царскому Селу будетъ отмѣненъ.

Я слышалъ отъ одного надежнаго человѣка, что въ разговорѣ

Библиотека "Руниверс"

съ Николаемъ Ивановичемъ (Салтыковымъ) о послѣдней перемѣнѣ сказано было:

— «Я дѣлаю и государству не малую пользу, воспитывая молодыхъ людей».

Изъ сего видно, что Зубова хотятъ втравить въ государственныя дѣла, подобно Мамонову, коего почитаютъ за немалаго въ оныхъ знатока, собственными трудами десницы ему благодѣющей къ сему пріуготовленнаго. Сегодня, такъ какъ вчерась и третьяго дня, Зубовъ, по слабости въ грудѣ и по причинѣ насморку, лежитъ въ постелѣ, и понеже сіи болѣзненные припадки приписаны сыростѣ нижняго этажа покоевъ, то для поправленія здоровья перевели его въ средній этажъ, гдѣ жилъ графъ Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ); но я сумнѣваюсь, чтобъ новая квартира въ состояніи была поправить испорченное здоровье человѣка, по примѣчанію докторскому, наклонности къ чахоткѣ имѣющаго. Между тѣмъ Зубовъ успѣваетъ. Привязанность къ нему усиливается, къ удивленію всѣхъ, почитающихъ его за второй томъ Ермолова [1]), и если ему здоровье сколько-нибудь послужитъ, то довѣренность, которою послѣ Мамонова еще никто не пользуется, уповательно присвоена будетъ ему и купно съ нимъ наставнику его (Н. И. Салтыкову), коему, въ знакъ отличнаго благоволенія, объявлено и содержаніе послѣдняго къ государынѣ его свѣтлости до новой перемѣны касающагося письма. Откровеніе таковое не иначе теперь почитать должно, какъ за благосклонность, пріобрѣтенную наставникомъ, посредствомъ новой перемѣны; но въ послѣдствіи, если помянутая привязанность, чего по теперешнимъ лѣтамъ неминуемо ожидать должно, господствующей надъ страстями части повиноваться престанетъ, то тутъ родится, безъ сумнѣнія, и довѣренность, которая при графѣ Александрѣ Матвѣевичѣ заставляла часто пересказывать ему, требовавшія сокровенности, сообщенныя отъ усердія его свѣтлостію Ей единой слова, нимало къ свѣдѣнію графа не принадлежавшія. Это было для того только, чтобы приласкать графа и удержать его здѣсь. До сихъ поръ съ довѣренностію скупятся, потому что боятся его свѣтлости въ подобныхъ случаяхъ предсказаній, и, пребывая въ семъ положеніи,

---

[1]) Александръ Петровичъ Ермоловъ, флигель-адъютантъ; значеніе его при дворѣ было кратковременно и относится къ началу 1783 г. когда Потемкинъ представилъ его Екатеринѣ II. М. Л.

Библиотека "Руниверс"

нетерпѣливо ожидаютъ на второе о перемѣнѣ къ его свѣтлости письмо его отзыва. Невѣроятно всѣ боятся и представляютъ себя къ услугамъ готовыми. Это примѣтно ощутительнымъ образомъ вверху и изъ словъ и поведенія Николая Ивановича.

Графъ Александръ Андреевичъ (Безбородко) противъ того, что былъ при графѣ Александрѣ Матвѣевичѣ (Мамоновѣ), гораздо сильнѣе, но еще отнюдь не въ первомъ кредитѣ. Храповицкій употребляется также много. Курьеры финляндскіе, которые предъ симъ, всѣ безъ изъятія, какъ отъ графа Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина), такъ и отъ принца Нассавскаго, адресовались къ графу Александру Матвѣевичу, а отъ сего туда обратно отправлялись, поручены теперь дежурнымъ генералъ-адъютантамъ, что не мало способствуетъ къ умноженію безпорядка финляндскихъ дѣлъ, и кромѣ сего, весьма неавантажно идущихъ. Графъ Брюсъ болѣе всѣхъ защищаетъ графа Пушкина въ Совѣтѣ и самое короля шведскаго вступленіе въ наши границы, по примѣчанію многихъ, къ безславію нашему служащее, приписываетъ графъ Брюсъ малолюдству въ Финляндіи нашихъ войскъ и благоразумнымъ графа Пушкина предосторожностямъ, будто бы потребнымъ для пользы послѣдственныхъ дѣлъ. Каковъ сей голосъ ни есть, онъ имѣетъ однакоже свое мѣсто, потому что насъ теперь не столько дѣла, сколько перемѣна занимаетъ. Лучшую надежду полагаютъ на галерный флотъ и на командующаго онымъ, и на сей конецъ флотъ галерный и еще подкрѣпленъ будетъ нѣсколькими судами, на кои посажены будутъ идущіе сюда изъ Бѣлоруссіи пѣхотные два полка и три егерскіе, Эстляндскаго корпуса, баталіоны.

Михельсонъ просится въ армію къ его свѣтлости, а на его мѣсто командированъ въ Финляндію А. А. Волковъ. Михельсонъ принятъ былъ здѣсь изрядно.

— «Не входя въ разбирательство дѣлъ, происшедшихъ въ Финляндіи, я прежнюю вашу службу никогда не забуду».

Впрочемъ, о положеніи въ Финляндіи войскъ государыня у него не изволила любопытствовать. По сказкѣ Михельсона, то неудачное подъ Санктъ-Михелемъ происшествіе стоило намъ только около 130 человѣкъ, да и это оттого, что не имѣющихъ никакой дисциплины лейбъ-гренадеровъ, положившихся при семъ случаѣ на землю, нельзя было ни подъ какимъ видомъ принудить

Библиотека "Руниверс"

къ исполненію въ сраженіи должности; по увѣренію же одного раненаго въ семъ дѣлѣ капитана, потеря наша должна быть втрое болѣе показанія Михельсонова и произошла, будто бы, отъ слѣдующей стратажемы: наши войски попались промежъ двухъ шведскихъ батарей, которыя, бывъ маскированы, представлялись въ наружномъ видѣ магазейнами, съ коихъ первоначальный огонь открылся уже тогда, когда наши войски, почитая сначала оныя батареи за дѣйствительные магазейны, покусились завладѣть оными безъ всякой предосторожности.

У меня до сихъ поръ съ Зубовымъ только одно шапочное знакомство; однако же Зубовъ просилъ Захара, чтобы сей меня съ нимъ познакомилъ, обѣщавъ назначить къ тому время. Зубовъ собирается къ его свѣтлости писать и о семъ намѣренъ со мною посовѣтоваться.

Князя Александра Алексѣевича (Вяземскаго) поразилъ параличъ, но его сіятельство опять послѣ сего припадка оправился. Государыню много озабочивало приключеніе сіе, въ разсужденіи многихъ должностей, которыми князь занятъ и которыя городъ раздавалъ уже многимъ.

Предпослѣднее его свѣтлости къ графу Александру Матвѣевичу (Мамонову) письмо, равномѣрно и ваше (т. е. В. С. Попова), государыня, прочитавъ и запечатавъ сама, тотчасъ велѣла отправить къ графу съ нарочнымъ курьеромъ; при полученіи же послѣдняго отъ его свѣтлости письма, которое, такъ какъ и первыя, поднесено было графомъ Безбородко, сказано:

— «Здѣсь уже нѣтъ ко мнѣ письма, не для чего любопытствовать. Александръ Васильевичъ (Храповицкій), отправь это къ графу Александру Матвѣевичу съ нарочною эстафетою».

Ихъ и. в-ва великій князь и великая княгиня въ Гатчинѣ. Ея в. чрезвычайно его свѣтлостію довольна; примѣчаются слѣды, что послѣдняя со временемъ возъимѣетъ, при своемъ многотерпѣливомъ нравѣ, поверхность надъ первымъ (т. е. надъ в. к. Павломъ Петровичемъ).

Между нелѣпыми и глупыми городскими новостями носится, будто бы, по поводу Зубова, доброхотствующаго графу Румянцову, сему фельдмаршалу поручено командовать соединенною арміею: его же свѣтлости (т. е. кн. Потемкину), будто бы, повелѣно быть сюда.

Библиотека "Руниверс"

Государыня отмѣнно спокойна и весела.

По увѣренію Михельсона, шведская армія состоитъ не болѣе какъ изъ 14,000 чел.; если это правда, то непонятно, какимъ образомъ допустили мы короля посѣтить наши границы, имѣя войскъ число покрайней мѣрѣ вдвое противъ шведскихъ. Сегодня получили опять извѣстіе, что шведы нашего генерала Шульца жестоко поколотили.

Рибопьеръ провожалъ графа Александра Матвѣевича (Мамонова) до третьей станціи, потомъ возвратясь, былъ у государыни на отпускной аудіенціи и теперь находиться съ полкомъ въ лагерѣ подъ Нарвою.

5-го августа 1789 г. Раутенфельдъ еще не присылалъ требуемаго отвѣта, между тѣмъ оправдаютъ уже его нѣкоторые, говоря, что учиненная имъ ретирада совершенно соотвѣтствовала ордеру главнокомандующаго, въ которомъ не только будто бы ничего не сказано было, чтобы Раутенфельдъ имѣлъ сношеніе съ постами, бывшими подъ командою г. Шульца, непростительно корпусъ свой на разныя части разсѣявшаго, но и именно предписано было, чтобы Раутенфельдъ, въ случаѣ приближенія непріятеля къ посту его въ силахъ превосходнѣйшихъ, ретировался туда, куда Раутенфельдъ дѣйствительно учинилъ сіе.

Послѣднія изъ Финляндіи извѣстія гласятъ, что подъ Мемелемъ, неподалеку отъ Фридрихсгама, шведскіе посты нашими сбиты, при которомъ случаѣ три шведскія пушки достались намъ въ руки. Шведы лагери свои вездѣ укрѣпляютъ окопами, чему послѣдуютъ и наши. Выбивать шведовъ изъ ихъ укрѣпленій дорого намъ стоить будетъ, а особливо изъ Генфорса, если наступающая осень не принудитъ ихъ къ выходу въ свои границы, или же если не вытѣснитъ ихъ оттоль принцъ Нассау, къ сраженію на водахъ пріуготовляющійся. Шведскіе посты, и на морѣ защищавшіе нѣкоторые острова, нашими сбиты, и нашъ галерный флотъ, почитавшій до сихъ поръ сіи безъ всякаго укрѣпленія острова сильно укрѣпленными, подвинулся теперь пять верстъ впередъ.

Шкиперскія извѣстія, подтвержденныя потомъ партикулярнымъ письмомъ къ графу Ивану Григорьевичу Чернышеву, сегодня поутру полученнымъ, возвѣстили здѣсь, что флота нашего авангардіи,

Библиотека "Руниверс"

подъ начальствомъ г. Спиридова, сразилися съ шведскою арріергардіею. Сраженіе продолжалось нѣсколько часовъ и три наши корабля выбиты были изъ линіи. Муловскій убитъ въ сраженіи ядромъ, но, впрочемъ, нашихъ не столько погибло отъ непріятеля, сколько отъ разорвавшихся пушекъ. По причинѣ штиля, нельзя было сей нашего флота части никакого пособія сдѣлать, въ противномъ же случаѣ флотъ съ флотомъ сразился бы. Послѣ сего присоединилась къ флоту нашему бывшая въ Даніи съ г-мъ Козляиновымъ эскадра, шведскій же флотъ скрылся въ Карльскрону.

Зубова болѣзни оставили, но здоровьемъ не поправился. Однако же онъ уже примѣтно чувствуетъ перемѣну состоянія своего: подкрѣпляемъ будучи въ семъ положеніи возрастающими къ нему милостями, заставляютъ всѣхъ его надлежащимъ образомъ признавать и почитать. Но, по слабости его здоровья, для многихъ это еще загадка,—изъ благосклонности-ли сіе дѣлается къ нему, или въ отомщеніе его предмѣстнику. Недавно пожалованъ пажъ Кутузовъ въ камеръ-пажи за то, что уроненный Зубовымъ платокъ умѣлъ поднять кстатѣ. Со мною Зубовъ ласковъ и къ его свѣтлости отмѣнно почтителенъ, такъ какъ и Николай Ивановичъ (Салтыковъ).

Милорадовичъ, молодой гвардіи офицеръ, что прежде льстилъ себя надеждою, выписанъ опять сюда и живетъ у графа Александра Андреевича (Безбородко)..... Великій князь и великая княгиня въ Гатчинѣ; а государыня вскорѣ въ городъ изволитъ отбыть. Анна Никитична (Нарышкина) увѣрила и увѣряетъ, что Зубовъ до смерти влюбленъ, и сіе весьма много способствуетъ его благополучію. Сейчасъ пріѣхалъ курьеръ отъ Чичагова съ извѣстіемъ, о которомъ я вышеупомянулъ. Собственноручное къ его свѣтлости (кн. Потемкину) письмо въ рескриптѣ запечатано.

13-го августа 1789 г. Шестаго числа сего мѣсяца получено извѣстіе о разбитіи турокъ подъ Фокшанами. Государыня отъ радости плакала; къ его свѣтлости обращена была первая благодарность въ присутствіи многихъ придворныхъ особъ, вечернія при дворѣ собранія составляющихъ.

Библиотека "Руниверс"

Потомъ позванъ былъ вахмистръ Берингъ, которому триста червонцевъ и вахмистрской чинъ пожаловано.

9-го числа по утру дворъ переселился сюда, и тогоже дня было въ Казанской церквѣ за помянутую побѣду благодарственное молебствіе, въ присутствіи государыни и ихъ императорскихъ высочествъ, нарочно для сего пріѣзжавшихъ изъ Гатчины, куда они къ вечеру опять возвратиться изволили.

10-го числа, послѣ обѣда, оба Зубовы посѣтили ближайшія къ корпусу дворца комнаты его свѣтлости, куда, нѣсколько времени спустя, пожаловала также государыня и, ходя по комнатамъ, изволили Зубовымъ сказать, что у его свѣтлости имѣются отмѣнно рѣдкія картины; потомъ Ея В-во, спрося у камеръ-лакея, кто надъ оными имѣетъ смотрѣніе, приказала ихъ на другой день къ осмотру приготовить.

11-го числа и паки было посѣщеніе комнатамъ, но не далѣе Шепелевской залы; тутъ благоугодно было Ея В-ву обратить вниманіе свое на ветхость сего дома обоевъ, которые приказано перемѣнить, и сколько Зубовъ ни просилъ Ея В-во, чтобъ сей разъ и библіотеку его свѣтлости, гдѣ картины порядочно разставлены были, посѣтить удостоила, но государынѣ разсудилось отложить осмотръ оныхъ до другаго времени.

12-го числа сдѣланная Лабрестомъ печать, врученная мною, по повелѣнію его свѣтлости, Платону Александровичу (Зубову), поднесена была имъ Ея В-ву къ отмѣнному ея удовольствію, и сею новою печатью запечатано теперь препровождаемое ея, включенное въ письмо Зубова, къ его свѣтлости письмо. Государыня чрезвычайно довольна благосклонностію его свѣтлости къ Платону Александровичу, а сей признаетъ оную за отличную къ нему милость.

Весьма недовольна была государыня тѣмъ, что и при семъ случаѣ нечего было сообщить его свѣтлости достопамятнаго изъ Финляндіи, гдѣ всѣ дѣла въ прежнемъ положеніи.

Отъ Раутенфельда еще нѣтъ отвѣта; а Шульцу, сходно съ совѣтомъ его свѣтлости, не велѣно ввѣрять никакихъ особыхъ отрядовъ.

Никогда дворъ и столица не имѣли толикаго къ его свѣтлости почтенія какъ теперь; кто преданъ, тотъ говоритъ громко, а чье сердце наполнено ядомъ, тотъ молчитъ.

Библиотека "Руниверс"

Услышавъ, что въ Совѣтѣ трактуютъ о запрещеніи ввозить въ Россію нѣкоторые чужестранные товары, я просилъ графа Александра Андреевича, чтобъ и стекло включить въ число оныхъ. Графъ обѣщалъ, и отъ сего заводу его свѣтлости будетъ не малая польза, ибо на подобіе англинскаго, кромѣ помянутаго завода, нигдѣ въ Россіи еще не дѣлаютъ стекла, а особливо люстры наши, которыя были смѣшаны съ англинскими, въ сравненіи съ тѣмъ, по чему они продаются въ англинскомъ магазейнѣ, покупаются у насъ за безцѣнокъ. Правда, что теперь шлифованіе стекла происходитъ на нашемъ заводѣ весьма медлительно, ибо всякую потребную вещь шлифуютъ изъ цѣлаго куска; но впредь я прикажу дѣлать вещи посредствомъ формъ въ огнѣ, такъ какъ онѣ потребны; тогда останется только каждую выполировать подобно шлифованной посудѣ, и такъ тò, что теперь дѣлается въ сутки, должно поспѣвать въ часъ.

Михельсонъ за-утро отправится къ его свѣтлости.

Въ Ревелѣ приказано приготовить легкую эскадру.

Подношу всѣ вещи, требуемыя для его с-ва князя Давыдова.

17-го августа 1789 г. Сегодня по утру присылалъ ко мнѣ г. Храповицкій записку слѣдующаго содержанія:

«Ея И. В-во высочайше указать соизволила спросить васъ, нѣтъ-ли сегодня отправляющагося къ его свѣтлости курьера или къ отправленію готоваго?»

Я отвѣтствовалъ, что есть готовые.

Потомъ позванъ я былъ къ г-ну Зубову, отъ котораго получилъ препровождаемую при семъ депешу отъ Ея И. В-ва къ его свѣтлости, содержащую въ себѣ дополнительныя отъ принца Нассау о побѣдахъ его извѣстія, вчерась ввечеру полученныя. Государыня рада до безконечности симъ происшествіямъ, уповая, что и его свѣтлость порадуется онымъ, столько же, сколько и Ея В-во.

— «Слава Богу, что удалось помститься, теперь и миръ не такъ затруднителенъ будетъ».

Принцъ Нассау въ великомъ и, кажется, ничѣмъ непоколебимомъ кредитѣ, тѣмъ паче, что удалось ему произвести въ дѣйство то, чтò напередъ обѣщалъ, и послѣ обѣщанія жаловался на

Библиотека "Руниверс"

Круза, что сей, подъ предлогомъ разныхъ неудобствъ, лишаетъ его способа доставить Ея В-ву славную побѣду.

Крузъ былъ по поводу сего смѣненъ Баллеемъ, которому, по словамъ графа Александра Андреевича (Безбородко), большую часть побѣды приписать должно.

Графомъ Валентиномъ Платоновичемъ (Мусинымъ-Пушкинымъ) крайне недовольны, и болѣе теперь потому, что не послушалъ принца, который совѣтовалъ, чтобы графъ сразился съ непріятелемъ на сухомъ пути въ то самое время, когда сражались флоты. Графъ отвѣтствовалъ, что не можетъ вступить въ дѣло съ такимъ непріятелемъ, который сильнѣе его, а притомъ далъ графъ принцу чувствовать, что не до него принадлежитъ главнокомандующему давать совѣты.

Графъ Штакельбергъ изъ подпорутчиковъ гвардіи пожалованъ арміи въ подполковники и получилъ тысячу червонцевъ и табакерку въ 1800 руб. Впрочемъ, кромѣ посланнаго принцу андреевскаго ордена, другихъ награжденій еще не было, потому что еще не получено обстоятельной реляціи.

Государыня хотѣла сегодня, послѣ полудня въ 7-мъ часу, посѣтить конногвардейской его свѣтлости домъ (т. е. Таврическій дворецъ), но приключившаяся слабость въ здоровьѣ заставила намѣреніе сіе отсрочить до другаго времени.

Графъ Александръ Андреевичъ (Безбородко) прислалъ свои депеши подъ вечеръ, часу въ девятомъ. Сколько я могъ примѣтить, то сей недоволенъ, что г-на Зубова употребляютъ къ отправленію къ его свѣтлости писемъ и что его вообще пріучаютъ къ дѣламъ, по которымъ и Храповицкой употребляется.

Но понеже я обхожусь съ его сіятельствомъ, сколько позволяетъ осторожность и обстоятельства, довольно откровенно, то сія обида не столько ему чувствительна, сколько она была при Мамоновѣ. Смѣло могу сказать, что графъ его свѣтлости преданъ, и увѣренъ, что свѣтлѣйшій князь его любитъ.

Господинъ Зубовъ отмѣнно ко мнѣ ласковъ и почтителенъ, но неоткровененъ, да и желать лучше, если не перемѣнятся обстоятельства, нѣтъ никакой надобности. Дай Богъ, чтобъ его свѣтлость былъ навсегда въ такомъ искреннемъ почтеніи у двора и у публики, какъ теперь.

Въ русскихъ, теперь посылаемыхъ, вѣдомостяхъ переведено

Библиотека "Руниверс"

происшествіе парижской революціи, съ такими отъ переводчика добавленіями, которыя довольно доказываютъ, что и нашему правительству не нравится тамошняя перемѣна. Сегюръ, по обыкновенію французовъ, не только не унываетъ, но и все къ лучшему толкуетъ.

Въ числѣ убитыхъ на галерахъ находится графъ Апраксинъ, тотъ, который былъ у васъ, Растопчинъ и Терской, всѣ три гвардіи офицеры; Бальи и Винтеръ ранены.

Послѣднее ваше письмо, полученное мною вчерась, чрезъ курьера, къ князю Александру Алексѣевичу (Вяземскому) возвратившагося, я показывалъ графу Александру Андреевичу (Безбородко), дабы внушить посредствомъ онаго двору, что отлучка его свѣтлости причиною тому, что обстоятельная реляція о дѣлѣ подъ Фокшанами еще не прислана.

25-го августа 1789 г. Препровождаю при семъ копію съ составленной мнѣ г-номъ Этономъ записки, содержащей въ себѣ экстрактъ доноса, который Жонесъ намѣренъ былъ поднести государынѣ руками г-на Храповицкаго, посредствомъ коего доставлена Ея В-ву потребованная ею отъ Жонеса копія съ описанія его послѣдней американской войны, которое онъ поднесъ государынѣ съ пріѣзда своего изъ чужихъ краевъ сюда, и которое онъ теперь, возвращаясь туда, просилъ обратно. Жонесу вообразилося потомъ, что никто здѣсь на подачу его доноса не согласится, почему и рѣшился онъ доставить оный въ собственныя руки чрезъ почту изъ Варшавы, куда онъ на сихъ дняхъ отправился, съ тѣмъ, чтобъ оттуда поскорѣе пробраться во Францію и воспользоваться, если удастся, корыстью отъ тамошней повсемѣстной разстройки.

Я не сдѣлалъ здѣсь изъ сего лживаго доноса никакого употребленія, почитая оное отчасти ненужнымъ, отчасти же предостерегая себя отъ объясненій съ людьми, до коихъ бы сіе коснуться могло, придворными, то есть такими, которые, примѣняясь обстоятельствамъ, нерѣдко даютъ объясненіямъ несоотвѣтствующіе существу ихъ толки. Однакоже, понеже часто случается, что и ложныя внушенія плоды свои рождаютъ, то, кажется, не худо бы было, еслибъ его свѣтлость предварилъ государыню о доносѣ,

Библиотека "Руниверс"

увѣдомя притомъ ее, что онъ извѣстіе объ ономъ получилъ изъ Польши [1]).

Никогда государыня не была лучше расположена къ его свѣтлости (кн. Потемкину), какъ теперь; въ день воспоминаетъ его разъ по нѣскольку и весьма его здѣсь видѣть желаетъ.

.....Случай Зубова продлится, безъ всякаго сомнѣнія, по крайней мѣрѣ до возвращенія его свѣтлости.

Касательно финляндскихъ дѣлъ не могу я ничего болѣе донести въ добавокъ къ тому, что описано въ депешахъ и приложеніяхъ къ онымъ, отъ графа Александра Андреевича (Безбородко) препровождаемыхъ; впрочемъ, переведенная съ французскаго реляція напечатана и въ русскихъ газетахъ, нынѣ посылаемыхъ, такъ какъ и награжденія, отличившимся розданныя.

Петру Ивановичу (Турчанинову) весьма присталъ анненскій орденъ. Онъ пробылъ здѣсь не болѣе сутокъ, потомъ опять къ принцу отправленъ. Государыня хотѣла вчерась курьера сего къ вамъ отправить, но получа вдругъ краткое извѣстіе, что шведы изъ Генфорса ушли, соизволила приказать остановить отправленіе сіе до сегодня, въ ожиданіи о Генфорсѣ обстоятельнѣйшаго извѣстія. Онаго не было и сегодня по утру, когда государыня нынѣшнимъ числомъ помѣченное письмо (кромѣ того, что находится въ кувертѣ г. Зубова, которое вчерась написано) писать изволила. Уже въ вечеру привезли ожидаемое извѣстіе, которое и препровождается въ письмѣ графа Александра Андреевича.

Принцъ Нассау, высадя войски свои на берегъ, пошелъ пресѣкать путь королю къ Аборфорсу, но съ сухопутной нашей финляндской арміи, по причинѣ истребленныхъ королемъ чрезъ Кюмень мостовъ, никто еще не пошелъ подкрѣплять принца.

Дворъ весьма негодуетъ на недѣятельность главнокомандую-

---

[1]) Джонсъ (Paul Jones), о которомъ нѣсколько разъ упоминаетъ Гарновскій, а также Екатерина II въ ея письмахъ (см. ниже), по происхожденію шотландецъ, род. въ 1747 г.; это извѣстный мореходъ и борецъ за независимость американской республики. Онъ отличился нѣсколькими подвигами въ войнѣ на морѣ, предводительствуя то американскими, то французскими кораблями.— Павелъ Джонсъ въ апрѣлѣ 1788 г. прибылъ въ Россію, гдѣ принятъ на службу контръ-адмираломъ, получилъ анненскую ленту, но, какъ видно изъ Записокъ Гарновскаго, не поладилъ съ кн. Потемкинымъ, а потому оставилъ Россію. Онъ умеръ въ Парижѣ въ 1792 г. Ред.

Библиотека "Руниверс"

щаго финляндскою арміею; принцу же (Нассау) честь, слава и довѣренность.

Превратъ дѣлъ во Франціи перемѣнилъ много образъ мыслей въ Павловскѣ. Парадное тамъ мѣсто велѣно Самборскому вспахать и засѣять [1]).

Подношу два атласа ландкартамъ, лучше оныхъ нѣтъ во всемъ городѣ, хотя въ Европѣ и есть гораздо новѣйшіе. Анчоусы и сыры, завтра получа изъ Кронштадта, отправлю къ его свѣтлости, а сельдей нѣтъ еще.

Въ реляціи написано, что Балльи ретировался; говорятъ, будто наконецъ струсилъ.

Шведскихъ плѣнныхъ отошлютъ къ его свѣтлости. Государыня была дней пять нездорова, но, благодарность Богу, болѣзнь миновалась. Графъ Александръ Андреевичъ назвалъ реляцію принца безтолковою.

7-го сентября 1789 г. Сколько мы ни ожидали слѣдствій послѣ побѣды, одержанной надъ шведскимъ галернымъ флотомъ, но теперь потеряна уже къ тому и надежда. Повидимому, дѣла, до Швеціи касающіяся, останутся въ нынѣшнемъ году на водахъ и на сухомъ пути безъ вреда и пользы той и другой сторонѣ. По мнѣнію государыни и по словамъ графа Александра Андреевича (Безбородко), недѣятельность графа Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина) всему причиною, ибо его сіятельство, отговариваясь и теперь малолюдствомъ войскъ, подъ командою его состоящихъ, не только почитаетъ за невозможность имѣющимися при немъ силами наказать шведовъ, но и предпріятіямъ принца Нассау не восхотѣлъ сдѣлать никакихъ пособій.

Принцъ Нассау будетъ на сихъ дняхъ сюда; сей принцъ, при полученіи пакета съ андреевскимъ орденомъ, долго оной не распечатывалъ, находясь въ размышленіи не александровская-ли была прислана къ нему лента! Увидя, по распечатаніи, андреевской знакъ, онъ былъ радъ безъ памяти.

---

[1]) «Парадное мѣсто», т. е. большой плацъ, находилось въ нынѣшнемъ Павловскомъ паркѣ—между тройной липовой аллеей и тѣмъ мѣстомъ, гдѣ съ 1798 г. стоитъ Константиновскій дворецъ. Самборскій—извѣстный агрономъ и священникъ, въ послѣдствіи духовникъ великой княжны Александры Павловны, супруги палатина Венгерскаго. **Ред.**

Библиотека "Руниверс"

Принцу Нассау посланы два теплые халата и дабы сей подарокъ имѣлъ свою цѣну, то ему дано знать, что и къ его свѣтлости (кн. Потемкину) таковые въ прошломъ году посланы.

Петръ Лукичъ (Вельяминовъ?) теперь только что отправился въ финляндскую армію, взявъ туда съ собою отставнаго секундъ-маіора Казаринова. Его прев-ство далъ знать о себѣ, что онъ будетъ командовать тамо передовыми корпусами, съ коими еще въ нынѣшнемъ году уповаетъ отличиться, обнадеживъ Казаринова при первой оказіи съ реляціею, посредствомъ графа Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина), отправить къ государынѣ, дабы Казариновъ имѣлъ случай повергнуть себя къ стопамъ Ея В-ва. Казариновъ хотѣлъ сначала ѣхать къ его свѣтлости и просится въ армію, состоящую подъ начальствомъ его свѣтлости, но Петръ Лукичъ, назвавъ себя его свѣтлости фаворитомъ, увѣрилъ Казаринова, что протекція его свѣтлости простирается и на Казаринова, съ тѣхъ поръ какъ сей свелъ съ Петромъ Лукичемъ знакомство. Впрочемъ, Петръ Лукичъ безъ денегъ, а Казариновъ, получа послѣ дяди немалое наслѣдство, съ деньгами въ Финляндію отправился.

Турки, бывшіе на галерахъ, сюда возвратились. Изъ Кронштадта провожала ихъ команда, на что они, привыкши быть на галерахъ нашими сотоварищами, а не нашими плѣнниками, весьма было вознегодовали; но потомъ довольны были, когда имъ внушили, что команда находилась при нихъ не для присмотру за ними, но для сбереженія ихъ отъ здѣшней черни, дабы оная съ ними, яко съ людьми въ турецкой одеждѣ, не поступила такъ, какъ башкирцы съ бывшимъ при принцѣ Нассау кавалеромъ Вараденѣ (?), который убитъ за то, что не имѣлъ русскаго мундира и не умѣлъ по русски. Сихъ турокъ государыня изволила указать хорошо поить и кормить, и съ ними ласково обходиться. Прежде производилось имъ въ сутки по 15-ти коп., а теперь велѣно производить по 30-ти копѣекъ.

Шубину приказано вырѣзать изъ мрамора бюстъ его свѣтлости (кн. Потемкина).

Въ Шепелевскомъ домѣ и томъ отдѣленіи, которое къ оному примыкается, велѣно, убравъ оные, развѣсить картины его свѣтлости; въ томъ же отдѣленіи, которое примыкается къ самому дворцу, спальню и передспальню одѣть, для лучшаго свѣта, бѣ-

Библиотека "Руниверс"

лымъ штофомъ, каковымъ одѣты нѣкоторыя комнаты у государыни и у Зубова. Не проходитъ того дня, чтобъ государыня не занималась его свѣтлостью и весьма его свѣтлость видѣть желаетъ.

Великій князь и великая княгиня въ Гатчинѣ, гдѣ имѣетъ быть привита оспа младшей великой княжнѣ. Князь Александръ Алексѣевичъ (Вяземскій) трактовалъ въ Совѣтѣ, потомъ докладывалъ государынѣ, что онъ ни подъ какимъ видомъ не въ состояніи довольствовать въ будущемъ году армію чрезвычайными суммами, ни изъ доходовъ государственныхъ, ни внѣшними займами.

С. Ф. Стрекаловъ проситъ его свѣтлость, чтобы пенсіонная сумма въ кабинетѣ не залеживалась. Все, что его свѣтлость и вы требовать отъ сего изволили, отправлено уже, а когда, что именно и съ кѣмъ—подношу регистры.

18-го сентября 1789 г. Раутенфельда многіе оправдаютъ, основываясь на подносимомъ при семъ въ копіи его отвѣтѣ. Между тѣмъ, имяннымъ указомъ предписано дѣло сіе изслѣдовать, къ чему предварительно назначаются генералъ-порутчикъ Гантвихъ, генералъ-маіоръ князь Щербатовъ и артиллеріи генералъ-маіоръ Бригманъ.

Въ Финляндіи ничего не дѣлается и уже помышляютъ о зимнихъ квартирахъ; нетерпѣливо ожидаемъ мы извѣстія объ успѣхахъ корпуса нашего, въ Саволаксу противъ Стединга отряженнаго; но какъ сегодня десятый день, что отъ графа Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина) нѣтъ курьера, то сегодня же г-нъ Турчаниновъ отправленъ къ графу развѣдать о причинѣ толико долгаго молчанія и вообще о положеніи тамошнихъ дѣлъ нашихъ. Турчаниновъ снабженъ притомъ къ его сіятельству (Мусину-Пушкину) письмомъ отъ государыни, нѣсколько негодованія въ себѣ содержащимъ. Кромѣ графовъ Брюса и Остермана, нѣтъ въ Совѣтѣ другой графу Валентину Платоновичу подпоры; впрочемъ, кажется, что и въ государынѣ остатокъ въ пользу сего графа, графомъ Мамоновымъ посѣяннаго, исчезаетъ.

Принцу Нассау много вѣрятъ и уже начинаютъ дѣлать для будущей, на водахъ здѣшнихъ, подъ его начальствомъ, кампаніи сильныя пріуготовленія. 24 осадныя орудія, которыя, какъ вамъ извѣстно, приказано было содержать здѣсь въ готовности, велѣно

Библиотека "Руниверс"

теперь отдать на галеры, дабы оными замѣнить чугунныя пушки; отъ нихъ (т. е. отъ чугунныхъ пушекъ) не только шведовъ, враговъ нашихъ, но и русскихъ много въ нынѣшнемъ году роковыхъ (т. е. несчастныхъ) людей погибло. Приказано также поврежденныя суда немедленно исправить, и нѣкоторыя вновь построить; въ семъ числѣ шесть шебекъ на партикулярной верфѣ, подъ смотрѣніемъ здѣшняго господина губернатора, яко исправнымъ строителемъ судовъ принцемъ государынѣ рекомендованнаго. И дѣйствительно, утверждаютъ всѣ, что суда, на партикулярной верфѣ построенныя, несравненно лучше тѣхъ, кои строились въ адмиралтействѣ.

На мѣсто орудій осадныхъ, къ отдачѣ на галеры назначенныхъ, велѣно вылить и содержать въ готовности толикое же число на случай надобности на сухомъ пути. Надменность короля шведскаго, повсемѣстно имъ изъявляемая, а особливо въ его повѣтствіяхъ о подвигахъ военныхъ, до крайности насъ оскорбляетъ и пресѣкаетъ почти всѣ способы къ помышленію о мирѣ; вся надежда на его свѣтлость.

Государыня скучна; кромѣ дѣлъ финляндскихъ, не по желанію идущихъ, слабое здоровье г-на Зубова должно быть не менѣе непріятно. Нерѣдко и ночи препровождаются въ безсонницѣ и въ безпокойствіяхъ.

Отъ капитана 1-го ранга г-на Тревенена, разъѣзжающаго съ легкою эскадрою, получено извѣстіе, что онъ наказалъ нѣсколько шведскихъ судовъ, одно изъ нихъ истребилъ огнемъ, а прочія загналъ въ Бурзундъ, гдѣ и содержитъ ихъ въ блокадѣ. При семъ случаѣ одинъ нашъ линейный корабль сѣлъ на камень, и неизвѣстно удастся-ли оный снять.

Князь Александръ Алексѣевичъ (Вяземскій) поднесъ государынѣ, посредствомъ графа Александра Андреевича (Безбородко), записку, содержащую въ себѣ то, о чемъ я предъ симъ имѣлъ честь васъ увѣдомить, то есть, что онъ будущаго января съ 1-го дня не знаетъ откуда брать деньги, для экстраординарнаго продовольствія арміи потребныя. Сей князь почти совсѣмъ ослабѣлъ морально и физически.

Меньшой Зубовъ пожалованъ въ подполковники и опредѣленъ къ командованію конвойными командами.

Государыня приказала спѣшить съ убранствомъ покоевъ его свѣтлости.

Библиотека "Руниверс"

Г. Тырской усильно и всенижайше проситъ о явленіи милости къ сыну его, къ его свѣтлости отправленному. Его превосходительство посвящаетъ себя навсегда къ услугамъ его свѣтлости и вашимъ (т. е. Попова).

3-го ноября 1789 г. Государыня страдала нѣсколько дней болью въ поясницѣ. Сіе продержало отправленіе подносителя сего до вчерашняго дня; шпаги же, при семъ подносимыя, которыя теперь только что поспѣли,—до сегодня. Я уже доносилъ вамъ, что не проходитъ ни одного дня, въ которомъ бы не занимались царскія уста произнесеніемъ похвалы отличнымъ подвигамъ свѣтлѣйшаго князя; сіе продолжается и теперь, съ прежнимъ жаромъ. Недавно изволила государыня проговорить за столомъ:

— «Въ прошедшую турецкую войну были и генералы и предводители хороши; но въ настоящую и генералы и предводители гораздо виднѣе первыхъ: почти менѣе нежели въ два года сдѣлано болѣе, нежели въ прежнія семь лѣтъ».

Графъ Мамоновъ не выходитъ изъ памяти; недавно поручено было Соймонову отправить къ графу продолженіе еремитажныхъ сочиненій и нѣсколько вновь вышедшихъ эстамповъ. Графъ благодарилъ государыню за сей подарокъ письмомъ, присланнымъ для поднесенія Ея И. В-ву при особомъ письмѣ, къ Соймонову. Сей, разсуждая, что государыня графское письмо дурно принять изволитъ, отрапортовался больнымъ въ тотъ день, въ которой оное поднести надлежало, и, для сего, поднесеніе, какъ онаго, такъ и того, которое собственно ему принадлежало, поручилъ Храповицкому. Сверхъ чаянія, оба письма приняты были весьма милостиво и то, которое принадлежало Соймонову, показано было Зубову съ слѣдующимъ примѣчаніемъ:

— «Слогъ письма оправдаетъ сочинителя онаго, что онъ еще не сошелъ съума».

Таковое примѣчаніе произошло отъ того, что въ городѣ и при дворѣ безпрестанно твердили, будто графъ съума сошелъ; слухъ же сей почитаютъ родившимся въ домѣ Зубовыхъ, партіею коихъ разнесенъ оной по городу. Того письма, которое было писано къ государынѣ, никто не видалъ, но говорятъ, что государыня была онымъ чрезвычайно довольна. Зубовъ сильно къ графу ревнуетъ, потому что привязанность къ графу не исчезла, и не

Библиотека "Руниверс"

только одна сія ревнивость Зубова озабочиваетъ, но ни Зубовъ, ни Николай Ивановичъ (Салтыковъ) не могутъ терпѣть, чтобъ молодые видные люди ко двору являлись.

Петръ Лукичъ (Вельяминовъ?) далѣе Выборга не былъ нигдѣ. Тамъ онъ рапортовался больнымъ и по причинѣ болѣзни возвратился сюда. На прошедшей недѣлѣ Николай Ивановичъ объявилъ ему имянное повелѣніе, чтобъ онъ, не находясь ни въ какой арміи, числилъ себя въ отпуску до выздоровленія. Думаютъ, что сему причиною прожекство Петра Лукича, касательно Казаринова, и сіе легко быть можетъ, потому что Петръ Лукичъ скромности не любитъ и, для подкрѣпленія въ публикѣ кредиту своего, нерѣдко много лишняго болтаетъ. Казариновъ, опасаясь послѣ сего слѣдствій, согналъ послѣ сего Петра Лукича изъ своего дома, гдѣ было Петръ Лукичъ поселился. Сверхъ сего, Казариновъ, боясь Николая Ивановича, потерялъ охоту и ко двору являться.

Государыня на помянутое графское письмо отвѣтствовала, на которое графъ и паки писалъ къ государынѣ.

Когда Шкурина предъ отъѣздомъ своимъ въ Москву, гдѣ она живетъ въ домѣ Мамонова, просила увольненія отъ службы, то ей велѣно было сказать чрезъ Соймонова:

— «Услуги ея давно мнѣ ненадобны, и чѣмъ скорѣе оставитъ она дворецъ, тѣмъ пріятнѣе для меня будетъ. Je vous prie, Петръ Александровичъ, отъ слова до слова перескажи, какъ я приказывала».

Когда камеръ-юнкеръ Бибиковъ возвратился изъ похода сюда, то всячески приказано было развѣдать, не участвовалъ-ли и сей въ дѣлахъ, касающихся до любви Мамонова.

На генералъ-маіора князя Лобанова, бывшаго дежурнымъ при графѣ Валентинѣ Платоновичѣ (Мусинѣ-Пушкинѣ), всѣ ропщутъ. Нѣкоторыя на него жалобы дошли до свѣдѣнія государыни, почему послѣдовалъ имянной указъ, въ копіи при семъ препровождаемый; тутъ хотя Лобановъ лично и не упоминается, но весь почти указъ на его счетъ. Между тѣмъ, вчерась Лобановъ, по прошенію его и по взнесенному о томъ отъ коллегіи докладу, отъ службы уволненъ. Фрейлина Азанчевская вышла замужъ за сержанта гвардіи Спичинскаго, къ свадьбѣ гвардіи прапорщикомъ пожалованнаго. Князь Александръ Алексѣевичъ (Вяземскій) немного оправился. Послѣ умершаго въ Москвѣ богатаго Апрак-

Библиотека "Руниверс"

сина, все его имѣніе опредѣлено духовною Степану Степановичу Апраксину. Алексѣй Алексѣевичъ и Левъ Алексѣевичъ Нарышкины подали Ея И. В-ву прошеніе, которымъ, опорочивая духовную, означенное наслѣдство почитаютъ себѣ принадлежащимъ. Государыня отвѣтствовала на сіе прошеніе:

— «Дѣла сего рода не принадлежатъ до моего разбирательства».

Между тѣмъ оное прошеніе отослано въ Москву къ Петру Дмитріевичу (Еропкину), при имянномъ указѣ, съ тѣмъ, чтобы въ наслѣдствѣ имѣнія поступлено было по законамъ.

Зубовъ-прокуроръ купилъ себѣ домъ, куда перевозитъ изъ Москвы всю свою фамилію. Съ тѣхъ поръ, какъ сей Зубовъ занялся стараться о пріобрѣтеніи, со временемъ, генералъ-прокурорскаго мѣста, графъ Воронцовъ потерялъ всю къ тому надежду, которую онъ полагалъ на молодаго Зубова, съ коимъ его сіятельство предполагалъ подружиться, посредствомъ Завадовскаго, живущаго въ добромъ согласіи съ княземъ Юсуповымъ, съ которымъ молодой Зубовъ подружился. Зубовъ сильно старается вывести многочисленную фамилію свою въ люди, о чемъ безпрестанно просьбами государынѣ скучаетъ. При случаѣ торжества о взятіи Бѣлграда турецкаго, сказалъ онъ государынѣ:

— «Всѣ празднуютъ сегодня двѣ радости, а я три».

Государыня спросила, какая третья?

Зубовъ отвѣчалъ:

— «Моя сестра благополучно отъ бремени разрѣшилась».

Государыня ничего на сіе не сказала, изъ чего заключаютъ, что отвѣтъ Зубова Ея В-ву не полюбился.

Зубовъ спрашивалъ у меня, что его свѣтлость ко мнѣ въ послѣднемъ письмѣ писать изволитъ? Я показалъ ему письмо. Онъ, видно, сказывалъ объ ономъ государынѣ, и я не знаю государыня-ли или Зубовъ посылаетъ его свѣтлости означенныя въ приложенномъ регистрѣ книги, къ коимъ присовокупилъ я и всѣ, сколько въ нынѣшнемъ году было только новыхъ въ привозѣ. Подношу теперь краски и бумагу лучшую, которую его свѣтлость требовать изволилъ, и вновь вышедшую оду, которую, какъ говорятъ, сочинилъ г-нъ сенаторъ Ржевской.

24-го ноября 1789 г. Государыня письмо свое 21-го изволила заготовить, графъ Александръ (Безбородко) свои 22-го, но курьера

Библиотека "Руниверс"

сего прежде сегодня отправить нельзя было, по причинѣ пріуготовленія и исправленія шляпы, вамъ извѣстной, съ ея прикрасами, отъ Ея И. В-ва теперь къ его свѣтлости препровождаемой. Кокарду и петлицу дѣлалъ Дюкъ, повергающій себя къ стопамъ его свѣтлости для испрошенія милости, которою его свѣтлость прежде его, Дюка, жаловать изволилъ, вѣнокъ же—Гезель; вещи сіи стоятъ двѣсти тысячъ рублей. Что Зубовъ немного въ подобныхъ сему дѣлахъ участвуетъ, доказываетъ то, что онъ, говоря со мною о сихъ вещахъ, цѣнилъ ихъ въ 40,000. Захаръ весьма къ его свѣтлости усерденъ.

Подношу при семъ хранившіеся у меня 8 брилліантовъ, ограненныхъ въ Петергофѣ, и, по приложенному регистру, разныя каменья, жемчугъ и золотыя вещи, взятыя изъ гардероба отъ Лаврентія, у коего золота въ слиткахъ не имѣется, да полотна для его свѣтлости 12 штукъ на рубашки, 12—на простыни и четыре куска батисту, купленные мною по выбору Матвѣя Федоровича. Іоница послѣ вашего отъѣзда занемогъ, теперь онъ выздоровѣлъ; сегодня отправилъ я его, брата его и плясуна Павлу Семеновскаго, да съ ними же отправлена шитая ливрея, въ приложенномъ регистрѣ означенная. Погода здѣсь самая дурная и снѣгу нѣтъ ни капли; бѣда мнѣ въ разсужденіи сего. Отправленные и отправляющіеся транспорты должны вездѣ терпѣть остановку, что не мало голову мою кружитъ. Тулякова чрезъ два дня отправлю, ибо тогда только поспѣетъ пряжка.

Для совершенія купчей на купленное у князя Василія Васильевича (Долгорукаго?) село Васильевское, ожидаю потребныхъ изъ Москвы бумагъ.

Новостей нѣтъ. Имя его свѣтлости прославляется повсемѣстно. Предвозвѣщаютъ и ожидаютъ мира.

1790 г.

12-го января. Фаворитъ лежитъ уже цѣлую недѣлю въ постелѣ. Сначала обстоятельства болѣзни его, отъ простуды происшедшія, казались быть очень опасны, но теперь есть къ выздоровленію надежда. Болѣзнь сего не составляла и сотой доли тѣхъ заботъ, которыя занимали насъ во время (болѣзни) Мамонова, въ припадкахъ менѣе теперешняго опасности подверженныхъ.

Библиотека "Руниверс"

Къ Валеріану Зубову не то благоволеніе, которымъ судьба обѣщала его надѣлить до пріѣзда его изъ Бендеръ. Нескромные его на княжну Голицыну взгляды сильно не понравилися, и слѣдующія, съ презрѣніемъ выговоренныя слова: «Ce n'est pas ça, que j'avais lui destiné» утверждаютъ примѣчаніе сіе. Между тѣмъ, старшій Зубовъ пользуется временемъ. Онъ принялся плотно стряпать по дѣламъ всѣхъ въ государствѣ богачей и сіи весьма выгодные обороты приносятъ ему несравненно болѣе пользы, нежели непосредственная царская милость. Одни его вамъ извѣстныя дѣла идутъ не по желанію. Венера, которую онъ вмѣстѣ съ графомъ Брюсомъ обожаетъ, ни мало не расположена отвѣчать ни тому, ни другому. Отзывомъ его свѣтлости къ принцу Виртембергскому, съ коего принцъ прислалъ сюда копію, и великій князь и великая княгиня довольны.

Для выговора, со стороны ихъ высочествъ принцу назначеннаго, пошлется бригадиръ Бенкендорфъ, о которомъ ихъ в-ва думаютъ, что сей преподастъ принцу лучшіе совѣты, нежели опредѣленный къ принцу Будбергъ, на котораго всю вину относительно принцева поведенія возлагаютъ.

Цесарской посолъ убѣгаетъ разговоровъ о дѣлахъ нидерландскихъ, льстя себя надеждою, что Нидерланды по прежнему присовокупятся къ императорскимъ владѣніямъ, сколь скоро императоръ приведетъ къ окончанію дѣла, касающіяся до настоящей войны турецкой и до будущей съ Польшею и лигою Германскою, за неизбѣжную почитаемой. Императоръ требуетъ, чтобъ мы имѣли въ Бѣлоруссіи войско, и супруга принца Нассау вслухъ твердитъ вездѣ, что поляки въ будущемъ мартѣ мѣсяцѣ непремѣнно намъ войну объявятъ.

Принцъ Нассау въ сильномъ кредитѣ при дворѣ и многіе господа дѣлаютъ ему отличную аттенцію. Въ сей мясоѣдъ много дано было въ честь ему баловъ.

Прибывшіе сюда графъ Салтыковъ и Игельштромъ принимаются весьма ласково.

Графъ Пушкинъ теперь здѣсь. Будучи боленъ ногами, не являлся онъ ко двору.

Русановъ просится въ отставку съ награжденіемъ чина и пенсіи, къ чему удостоивается онъ подносимыми при семъ бума-

Библиотека "Руниверс"

гами, свидѣтельствующими подвиги его, на штурмахъ и сраженіяхъ оказанные.

Маврина не терпятъ. Богъ знаетъ, что, наконецъ, будетъ съ Карадыкинымъ, который съ Маврининымъ хотя и одного помету, но въ кредитѣ.

2-го марта 1790 г. Сего числа отправлены краски, въ подносимыхъ регистрахъ означенныя, такъ какъ и сто дюжинъ картъ.

Отправлены также въ Решетиловку (имѣніе В. С. Попова) коллекція 64-хъ эстамповъ въ вызолоченныхъ рамкахъ и вещи, въ подносимомъ при семъ особомъ регистрѣ означенныя.

Ни одна англинская кухарка ѣхать въ Яссы не соглашается. Сѣмена англинскія отправлю я въ Решетиловку, какъ скоро оныя получу отъ Гульда, съ минуту на минуту привоза оныхъ ожидающаго. Гульдъ обѣщалъ пріискать также хорошаго русскаго садовника, а коли нѣмецъ попадется за дешевую цѣну, то и такого можно въ Решетиловку отправить.

На подмосковную Васильевское, купленное у князя Василія Васильевича, купчая совершена и деньги заплачены. Я писалъ къ г. Пузину, чтобъ онъ принялъ оное въ свое вѣдомство.

Подношу при семъ регистръ деньгамъ экстраординарной суммы, съ кѣмъ и когда отправленной. Теперь принимаются деньги, слѣдующія на послѣдніе два мѣсяца январьской сего года трети.

Смерть императора (Іосифа II) навлекла намъ не малыя печали, которыя, присовокупясь къ заботамъ, отягощающимъ насъ по дѣламъ шведскимъ, умножили сильно припадки колики, коими весьма часто подвержена несравненная императрица наша.

Въ домѣ же цесарскаго посла похоже было совершенно на преставленіе свѣта.

Мы дѣлаемъ страшныя пріуготовленія къ третьей кампаніи противу шведовъ, не выпуская при томъ изъ виду дѣлъ прусскихъ и польскихъ. Возка легкихъ судовъ по льду отсель до Выборга, безпрестанное отправленіе съѣстныхъ и воинскихъ припасовъ въ Финляндію и Лифляндію производятся въ такомъ сильномъ движеніи, что здѣсь съ трудомъ можно найти наемныхъ лошадей, для ѣзды въ городѣ потребныхъ.

При перемѣнѣ въ Москвѣ генералъ-губернатора предлежала

Библиотека "Руниверс"

сія участь, стараніемъ старика Зубова, тамошнему губернатору, оберъ-полиціймейстеру и многимъ другимъ.

Беклешова хотѣли въ Москву, а Толя—въ Ригу.

Не толкуютъ здѣсь ни мало ни о войнѣ, ни (о) мирѣ, предоставляя и то и другое прозорливѣйшему благоразсмотрѣнію его свѣтлости.

Подношу при семъ сочиненные въ Англіи квартеты въ честь побѣдителя Бендеръ и Очакова. Въ книгѣ, на которой надпись Flauto, на оборотѣ заглавія адресъ его свѣтлости написанъ сочинителева рукою.

Подношу также регистръ флактусу, въ Херсонъ отправленному, остальное же онаго количество, въ Херсонъ потребное, съ первыми кораблями сюда привезено будетъ.

21-го марта 1790 г. О пожалованіи его свѣтлости гетманомъ великимъ никто здѣсь, кромѣ графа Александра Андреевича (Безбородко) не зналъ до тѣхъ поръ, пока съ симъ извѣстіемъ не пріѣхалъ отъ васъ курьеръ. Какое было удивленіе въ Совѣтѣ при чтеніи бумаги, которою его свѣтлость принесъ Ея И. В-ву за полученіе новаго достоинства сего благодарность. Вся наша министерія занимается теперь разсужденіемъ, не будутъ ли соединены со званіемъ гетманскимъ какія нибудь преимущества. Я думаю, что графъ Александръ Андреевичъ не былъ бы въ состояніи скрывать такъ долго ввѣренную ему тайну, еслибъ говорить объ ней, подъ опасеніемъ потерянія милости, не было ему строжайше запрещено.

Балтійской портъ былъ нѣсколько часовъ въ шведскихъ рукахъ. Подношу вступившіе о семъ происшествіи въ копіяхъ рапорты. Государыня таковымъ шведскимъ разбойническимъ поступкомъ до крайности была огорчена. Надъ комендантомъ Робертіемъ приказано произвесть слѣдствіе, а на мѣсто его отправленъ отсель Софійскаго пѣхотнаго полку подполковникъ Колюбакинъ.

На сихъ дняхъ взятъ подъ стражу нѣкто подполковникъ Ливенъ, изъ Конной гвардіи выпущенной. Сей велъ со шведами вредную для насъ переписку, но какъ дѣла сіи принадлежатъ до тайной экспедиціи, то и нельзя знать въ чемъ точно состоитъ его преступленіе.

Библиотека "Руниверс"

За поднесенное ея высочеству левантское кофе и великій князь, купно съ великою княгинею, приказали его свѣтлость благодарить, бывъ онымъ столько довольны, такъ какъ и государыня относительно части, ей поднесенной, что безъ вѣдома ихъ невелѣли ни зерна употреблять.

Г. Бенкендорфъ сильно скучаетъ; надѣясь на ваше къ нему благопріятство, онъ, желая быть при арміи, предводительству его свѣтлости ввѣренной, съ нетерпѣливостію ожидаетъ повелѣнія ѣхать туда.

Подношу два шитые мундира, изъ коихъ одинъ вамъ, а другой, по вашему повелѣнію, Василію Васильевичу принадлежитъ. Простые мундиры, такъ какъ и плащъ, постараюсь прислать съ первымъ курьеромъ.

Подношу регистръ сѣменамъ, съ симъ курьеромъ отправленнымъ, для пересылки оныхъ въ Решетиловку; я велѣлъ ихъ отдать въ Кременчугѣ въ надежныя руки.

Подношу остатокъ моего лекарства; употреблять оное надобно по утрамъ на тощій желудокъ въ бѣломъ винѣ по 6-ти капель.

Подношу регистръ вещамъ, съ стекляннаго завода къ его свѣтлости отправленнымъ.

Въ число слѣдующихъ за пекинскія зеркала 26,000 руб., я получилъ только 7,000 р., да и сіи въ теченіи года въ три раза. Теперь худо съ казною имѣть дѣло; съ тѣхъ поръ какъ напечаталъ я въ нынѣшнемъ году подносимой при семъ зеркальнымъ стекламъ тарифъ, открываются способы къ выгоднымъ съ партикулярными людьми оборотамъ. Въ Москву потребовали для спекуляціи на 10,000 р., да на прошедшей недѣлѣ нѣкто гвардіи офицеръ Пашковъ заказалъ оныхъ слишкомъ на 7,000, давъ въ задатокъ 1,500 руб. Таковыхъ въ партикулярныя руки заказовъ прежде не было.

Садовника еще пріискать не удалось.

31-го марта 1790 г. Въ письмѣ къ его свѣтлости препроводилъ я рисунокъ чернильницамъ, которыя въ свѣтлый Христовъ праздникъ поднесены мною государынѣ, великому князю и великой княгинѣ. Много изъявлено за оныя благодарности и государыня изволила поставить свою въ еремитажную комнату, гдѣ собираются,

Библиотека "Руниверс"

подъ собственнымъ ея смотрѣніемъ, разныя рѣдкости. Заведеніе оныхъ послѣдовало послѣ отъѣзда отсель его свѣтлости.

Въ тотъ же день поднесъ Кенихъ государынѣ его свѣтлости портретъ, изъ бѣлаго мрамора вырѣзанной, точно такой, каковъ имъ за два года предъ симъ поднесенъ уже былъ. Послѣдній сдѣланъ. по имянному указу, съ лавровымъ вѣнкомъ.

На помѣщеніе Река въ Оренбургскіе коменданты государыня еще не изволила согласиться, потому что сей генералъ назначенъ на галеры въ команду къ принцу Нассау, которой играетъ знатную ролю.

Получены здѣсь извѣстія, что шведы пріуготовили въ шкерахъ брандеры для сожженія нашего въ Ревелѣ флота. Сіи вѣсти нанесли много хлопотъ и отсель строго предписано не только отъ сего зла всемѣрно остерегаться, но и стараться брандеры заблаговременно истребить, если возможность допуститъ.

Баронъ Паленъ назначенъ къ Крузу, въ секретную экспедицію съ судами изъ Ревеля наряжаемому. У Палена будутъ въ командѣ одинъ пѣхотной полкъ, два морскіе и одинъ егерскій корпусъ финляндскаго баталіона. Медлительностію въ дѣлахъ Леопольда дворъ нашъ недоволенъ. NB. Относительно здѣшнихъ переписокъ.

Подношу передѣланную Дювалемъ архіерейскую шапку.

Съ нѣкотораго времени в. князь сдѣлалъ сильную привычку къ задумчивости.

9-го апрѣля 1790 г. Мавринъ подалъ письмо, которымъ проситъ другаго мѣста; говорятъ, что ему хочется въ сенаторы. У него въ провіантѣ явился недостатокъ, а чтобъ оный дополнить, то онъ собралъ въ здѣшнихъ лабазахъ столько хлѣба, сколько въ магазейнѣ недоставало. Перевозка онаго производилася ночью; полиція, соблюдая законъ, который изъ лабазъ въ магазейны хлѣбъ покупать запрещаетъ, помянутый транспортъ арестовала, однакоже, стараніемъ пріятелей г-на Маврина, арестованной полиціею хлѣбъ достался ему въ руки и исторія не дошла до ушей царскихъ.

Старому Зубову (отцу) убавили по сенату ходу. Онъ грозилъ подкрѣплять предложенія свои имянными указами, но не устоялъ въ своемъ словѣ.

Библиотека "Руниверс"

. . . . . .

Весна наша въ зиму,—Богъ знаетъ на долго-ли; между тѣмъ, сія перемѣна причиною, что кампанія финляндская не такъ рано откроется, какъ предполагали, хотя и вся гвардія, туда назначенная, уже въ походѣ.

Подношу копіи и регистръ вещамъ, съ г-мъ Душинкевичемъ отправленнымъ; бумаги и остальное количество Кельнской воды завтра отправятся. Для его свѣтлости туфли шьются, а платки обрубливаются, оные будутъ отправлены съ первымъ курьеромъ.

Завтра отправятся остальныя, на январьскую сего года треть, деньги, и именно 250,000 ефимковъ, 200,000 серебромъ и 24,000 червонцевъ.

Шаберъ находится въ инженерномъ корпусѣ и будетъ переведенъ въ греческую гимназію, по приказанію вашему.

Подношу копію касательно гравера, котораго Иванъ Ивановичъ Бецкой прислалъ ко мнѣ для отправленія къ его свѣтлости. Сколь скоро оный запасется всѣми, по художеству его потребностями, я его отправить на премину.

21-го апрѣля 1790 г. Шведы заняли Пардакоски. Судя по донесеніямъ, отъ г-на Игельштрома вступившимъ, то важной сей постъ потеряли мы отъ оплошности г-на подполковника Петровича, съ егерями стражу во ономъ содержавшаго. Приключеніе сіе обратило вдругъ всіо наше вниманіе на Пардакоски тогда, когда мы ничѣмъ такъ сильно на сухомъ пути не занимались, какъ Нейшлотомъ, гдѣ собраны были главныя наши силы. Часть сихъ поворочена поспѣшно къ Пардакоски, откуда съ нетерпѣливостію ожидали мы поминутно наипріятнѣйшихъ вѣстей. Сейчасъ прибѣжалъ курьеръ; депешъ, привезенныхъ онымъ, я не читалъ, но, будучи на половинѣ великаго князя, слышалъ отъ Бенкендорфа, что покушеніе достать Пардакоски обратно въ наши руки, произведенное подъ предводительствомъ г-на Игельштрома, было весьма неудачно. Потерявъ съ 200 человѣкъ, мы отступили назадъ. Байковъ раненъ и принцъ Ангальтъ и весьма опасно. Келленъ посланъ лечить сего принца.

Библиотека "Руниверс"

Сегодня не было чинамъ перемѣны, но, послѣ пріѣзда помянутаго курьера, бригадиръ Васильчиковъ пожалованъ въ Преображенской полкъ секундъ-маіоромъ; сему велѣно какъ можно спѣшить сюда пріѣздомъ, уповательно для принятія команды на мѣсто раненаго Байкова.

Сегодня вскрылась Нева и сегодня же отправляется къ вамъ г-нъ Бенкендорфъ.

Я подносилъ на прошедшей недѣлѣ записку, которою просилъ, чтобъ привозъ въ Россію стекла запретить. Вчерась сказывалъ мнѣ графъ Александръ Андреевичъ (Безбородко), что государыня согласна, но только желаетъ напередъ знать, не будетъ-ли въ такомъ случаѣ въ стеклѣ недостатка. Я отвѣчалъ, что не будетъ, да и смѣло беруся за то, что не будетъ. Если сей желаемой указъ будетъ состояться, то, отъ онаго будетъ его свѣтлости болѣе доходу, нежели отъ 50,000 крестьянъ, въ лучшихъ мѣстахъ находящихся.

9-го іюня 1790 г. Послѣ неудачнаго на ревельскую эскадру покушенія, шведской флотъ, исправясь починкою у острова Вульфа, обратился къ Гохланду, отъ коего не въ дальнемъ разстояніи находился, подъ предводительствомъ самого короля, и весь шведской гребной флотъ, сильной числомъ судовъ, а притомъ снабженный избыточно людьми и всякаго рода припасами. Что мы на мѣрѣ ни полагаемъ, шведы заблаговременно всю знаютъ, почему и не мудрено имъ противуполагать и предупреждать всѣ наши намѣренія, сколь бы оныя секретны ни были. Весь Совѣтъ знаетъ ихъ, а что знаютъ два, не есть уже тайна. Извѣстясь шведы о выходѣ кронштадтской эскадры, гордый ихъ флотъ пустился оной на встрѣчу. Гордымъ его назвать можно было и потому, что герцогъ Сюдерманландскій, стоя у Гохланда, останавливалъ всѣ суда, плывшія къ Санктпетербургскому порту, и, между прочимъ, сказалъ одному англинскому капитану, вопросившему его высочество, какимъ успѣхомъ увѣнчалось нападеніе на ревельскую эскадру:

— «Дорого старой Чичаговъ заплатитъ мнѣ за два корабля, мною тамо потерянные».

23-го мая по сю сторону Сескаря началося сраженіе, описаніе котораго ваша свѣтлость изволите усмотрѣть изъ реляціи,

Библиотека "Руниверс"

напечатанной въ газетѣ. Между тѣмъ, я долженъ вашей свѣтлости донести, что во время сраженія здѣсь происходило. Какъ сраженіе было ближе сорока верстъ отъ Кронштадта, то пальба, хотя и томно, слышна была и здѣсь; городъ, около лежащія мѣста и дворъ, бывъ преисполненны страха, находились въ жалкомъ положеніи. Дворъ, знавъ превосходство морскаго ополченія шведскаго, былъ не безъ причины озабоченъ участью нашей эскадры; а городъ считалъ оную совсѣмъ уже пропащею, судя по происшествіямъ и движеніямъ, которыя въ то время въ городѣ случились. Скоропостижное отправленіе въ финляндскую армію и въ Кронштадтъ на галеры, остававшагося за разными уже неоднократными выборами въ столицѣ, въ Новѣгородѣ и въ уѣздныхъ здѣшней и Новгородской губерній городахъ, воинства, составленнаго изъ солдатъ гвардейскихъ, сенатскихъ, полицейскихъ, губернскихъ, гарнизонныхъ и водяной коммуникаціи, въ томъ числѣ многихъ весьма престарѣлыхъ людей, и устроеніе новыхъ баталіоновъ (о коихъ въ письмѣ Николая Ивановича Салтыкова къ вашей свѣтлости препровождаются копіи съ имянныхъ указовъ), въ которые берутъ не только бродягъ, но и многихъ подъ разными претекстами съ чистыми паспортами, что заставило большую часть народа, для работъ сюда пришедшаго, удалиться отсель и теперя еще толпами удаляться,—все сіе тревожило публику до крайности. Къ умноженію безпокойства въ городѣ присовѣтовали было спустить всѣ караулы отъ полковъ гвардіи, за уменьшеніемъ противъ прежняго не въ большомъ числѣ теперь содержимые, и уже послано было повелѣніе занять оные кадетами изъ корпусовъ сухопутнаго и артиллерійскаго, но потомъ приказаніе сіе отмѣнено. Къ сему присовокупились и еще два весьма непріятныя обстоятельства: 1-е, въ лабораторіи артиллерійской, что была на Выборгской сторонѣ позади партикулярной верфи, взорвало отъ неосторожности, происшедшей въ сушилѣ, 500 начиненныхъ бомбъ. Громъ, оными произведенный, публика, почитая за приходъ въ столицу шведовъ, находилась въ чрезвычайномъ смятеніи. Вреда было только, что сгорѣла лабораторія, бывшіе тамо припасы погибли и бомбою одинъ солдатъ убитъ, да пропали во многихъ домахъ оконичныя стекла, въ томъ числѣ и въ домахъ вашей свѣтлости разбито оныхъ до двухъ сотъ; къ счастію, уцѣлѣлъ съ порохомъ погребъ, неподалеку бывшія лабораторіи нахо-

Библиотека "Руниверс"

дящійся. 2-ое, во время сраженія шведовъ съ Крузомъ, на кораблѣ, которымъ командовалъ капитанъ Одинцовъ, сбита была на гротмачтѣ верхняя оныя часть. Одинцовъ, считая сіе поврежденіе весьма важнымъ, вышелъ за линію, не получа на то отъ начальствующаго флотомъ позволенія. Сей, не въ свое время сдѣланной, за линію выходъ доставилъ-было шведскому флоту случай имѣть надъ нашимъ полную поверхность, еслибъ Крузъ не сдѣлалъ такого маневра, посредствомъ котораго наша линія, спустясь назадъ, построила съ вышедшимъ за линію кораблемъ Одинцова новую линію. Принцъ Нассау, находившійся тогда, какъ и теперь, въ Кронштадтѣ, занимаясь устроеніемъ гребнаго флота, посылалъ безпрестанно, въ теченіи сраженія, легкія суда для примѣчанія, что̀ со флотами происходитъ и преподавалъ о томъ сюда частыя извѣстія. Въ то время, какъ Крузъ спускался назадъ для составленія линіи съ кораблемъ Одинцова, находился для примѣчанія на легкомъ суднѣ полковникъ Феншъ, который почелъ помянутое Крузово движеніе за побѣгъ нашего флота и съ симъ извѣстіемъ поспѣшилъ къ принцу, а отъ онаго былъ присланъ сюда. Дворъ, получа оное, былъ крайне опечаленъ, и возстановлено при дворѣ спокойствіе, и то несовершенное, уже тогда, когда было получено извѣстіе, что Чичаговъ пришелъ съ ревельскою эскадрою къ Сескарю. Тутъ шведы, опасаясь быть между двухъ огней, расположились со своимъ флотомъ въ Выборгской бухтѣ, въ тѣснотѣ островов, гдѣ они и содержатся въ блокадѣ. Кажется, что они не уйдутъ отъ предстоящей имъ погибели. Теперь нужно содѣйствіе до сихъ поръ неподвижнаго нашего гребнаго флота, къ выходу въ море на сей недѣлѣ назначеннаго. На мѣсто потерянныхъ подъ Фридрихсгамомъ судовъ, поспѣютъ на сихъ дняхъ изъ здѣсь построенныхъ числомъ до 70-ти. Экспедиція, что̀ была поручена Палену, отмѣнена, и для употребленія на галерахъ велѣно сюда быть изъ Ревеля Курскому полку, изъ коего одному баталіону предписано слѣдовать на почтовыхъ. Палену также велѣно быть сюда.

О происшествіяхъ на сухомъ пути реляціи напечатаны въ газетахъ, а что послѣ того происходило, реляціи препровождаются отъ графа Александра Андреевича (Безбородко) къ вашей свѣтлости, а я подношу рапорты Слизова и мнѣніе генералъ-губернатора рижскаго, касательно защищенія Риги.

Библиотека "Руниверс"

По полученіи извѣстія о соединеніи нашихъ флотовъ, государыня въ препровожденіи Протасовой, Зубова и графовъ Ангальта и Безбородки изволила быть въ Петергофѣ и Кронштадтѣ, гдѣ, осмотрѣвъ всѣ пріуготовленія, угодно было начальству тамошнему изъявить высочайшее благоволеніе свое.

Таковое положеніе дѣлъ нашихъ не давало до сихъ поръ двору времени объ отправленіи курьера къ вашей свѣтлости помыслить.

Одинцовъ, по окончаніи сраженія, отпущенъ былъ съ своимъ кораблемъ въ Кронштадтъ. Тутъ явилося, что сей корабль могъ исправиться на мѣстѣ, не бывъ въ Кронштадтѣ, почему корабль, исправясь, отправленъ былъ на другой день ко флоту съ другимъ капитаномъ, а Одинцова велѣно судить.

Г. Булгаковъ пріѣхалъ сюда на прошедшей недѣлѣ; онъ былъ два раза у государыни, будучи впрочемъ боленъ ногами, къ сидѣнію его дома принуждающими.

Надъ принцемъ Виртембергскимъ производилъ операцію Блокъ, въ присутствіи Бека, Крюза и Массота, который почелъ себѣ за обиду, что не ему операція досталась. Однако же Массотъ пріемомъ великой княгини очень доволенъ, такъ какъ и перстнемъ, тысячи въ двѣ, въ подарокъ ему пожалованнымъ. Принцъ теперь внѣ всякой опасности и ихъ высочества, разсуждая, что, по случаю начинающейся кампаніи, вашей свѣтлости Массотъ потребенъ будетъ, завтра отправляютъ его въ Яссы, истребовавъ отъ меня всіо къ отправленію его потребное. Недостатокъ въ Павловскѣ въ деньгахъ и надежда на вашу къ нимъ преданность понудили великую княгиню съ симъ ко мнѣ отозваться, да и получа желаемое,—то-есть, я далъ Массоту 1,000 руб. на дорогу,—было столько отъ великой княгини благодарности, сколько болѣе быть нельзя. Подношу при семъ регистръ фарфоровой посудѣ и отправляемымъ сегодня къ вашей свѣтлости вещамъ, да вѣдомость деньгамъ.

Чтобъ не тревожить дворъ, то запрещено стрѣлять по дачамъ изъ пушекъ, пускать ракеты и дѣлать фейерверки.

Блоковаго мастера, о которомъ подношу при семъ полученное отъ графа Ивана Григорьевича (Чернышева) письмо, я отправилъ въ Херсонъ.

Лошадей я отправлю въ Кременчугъ съ тѣмъ самымъ англи-

Библиотека "Руниверс"

чаниномъ, которой ихъ сюда привезъ и которой до сихъ поръ при нихъ находился, ибо нельзя лучше присмотра за лошадьми желать. Въ помощь ему даны будутъ одинъ унтеръ-офицеръ и двое гусаръ, истребованныхъ отъ маіора Томича, исправнѣйшихъ людей.

Коль скоро дворъ хотя мало успокоится, чего хотя скоро, но не прежде однако же ожидать должно, какъ тогда, когда участь шведовъ, на водѣ стѣсненныхъ, рѣшена будетъ, то графъ Александръ Андреевичъ (Безбородко) обѣщалъ непремѣнно исходатайствовать указъ, привозъ чужестраннаго въ Россію стекла запрещающій, а, между тѣмъ, я по заводу пріуготовился къ производству больше работъ.

Купцы почти никогда у насъ зеркальнаго стекла не покупали, а на прошедшей недѣли, услышавъ о будущемъ запрещеніи, купилъ одинъ небольшихъ мѣръ зеркалъ на двѣ тысячи рублей. Въ тарифѣ на всѣ стекла положены великія цѣны, а чтобы оныя у насъ на заводѣ даромъ не лежали, то я опредѣлилъ дѣлать уступки по десяти процентовъ кто вдругъ оныхъ купитъ не менѣе, какъ на пять тысячъ рублей; симъ, однако же, правомъ не пользуются тѣ, которые дѣлаютъ зеркала на заказъ. Касательно же нашихъ на продажу готовыхъ стеколъ, то оныя не что иное, какъ изъ заказныхъ треснувшія въ точкѣ или полировкѣ, слѣдовательно,—обломки. Впрочемъ, въ тарифѣ съ умыслу положены большія цѣны для того, что русскіе купцы любятъ торговаться, что я выше и назвалъ уступкою весьма для завода выгодною.

Тарифъ посудѣ и прочимъ вещамъ, коль скоро поспѣетъ, будетъ также напечатанъ.

Дрова, яко артикулъ къ составленію стекла болѣе прочихъ нужной, несмотря на повсемѣстную дороговизну, стоятъ мнѣ сажень каждая полтиною дешевле того, что они стоили во все время владѣнія вашею свѣтлостью заводомъ. Причиною сему заведеніе собственныхъ водовиковъ, весьма для экономіи выгодное.

Распилено на мельницѣ въ продажѣ готовыхъ досокъ слишкомъ 30,000; сего также прежде не бывало, ибо я засталъ въ дѣйствіи одинъ анбаръ, да и тотъ пилилъ чужія бревны, другіе же два анбара я, кромѣ стѣнъ, вновь построилъ. Сверхъ вышеписанныхъ, и еще пилятся доски, ибо зимою я заготовилъ до

Библиотека "Руниверс"

8,000 бревенъ. Кирпича сдѣлаютъ и выжгутъ на Овцыной дачѣ полтора милліона. Поташъ дорогъ, потому что въ чужіе краи много выпускаютъ; я хочу при стеклянномъ заводѣ завести поташную фабрику, въ городѣ золы пропасть. Опредѣля извѣстную цѣну за приносъ на заводъ извѣстнаго количества чистой золы, никогда въ оной недостатка не будетъ и поташъ, по вѣрнѣйшему исчисленію, втрое будетъ дешевле теперешняго. Я принялъ на заводъ четырехъ человѣкъ нѣмцовъ, родныхъ братьевъ, дѣлающихъ, на французскій манеръ, прекрасное самое чистое стекло оконичное и зеркальное нелитое. Сего рода стеколъ берутъ много въ городѣ, а особливо ко двору; у насъ на заводѣ прежде не дѣлали, да и дѣлать не умѣютъ. Скорости и проворству сихъ нѣмцовъ должно завидовать и я буду стараться, чтобъ наши, опредѣленные къ нимъ въ помощь, были таковы же.

40,000 рублей, по векселю отъ Лазарева къ полученію слѣдующіе, я для того въ вѣдомости не показалъ, что часть оныхъ мнѣ потребна по заводу. Еслибъ я получилъ изъ кабинета всѣ, которыя при вашей свѣтлости за стекло ассигнованы были, то бы въ сихъ деньгахъ не было надобности. Однако же я за оныя, не смѣшивая ихъ съ заводскими суммами, дамъ особый отчетъ, то-есть, чистыми деньгами сорокъ тысячъ рублей.

Помѣта полученія: «20-го іюня 1790 г.».

1-го іюля 1790 г. Заперши шведскіе флоты въ Выборгской бухтѣ, мы всѣ увѣрены были, что ни одно шведское судно не уйдетъ изъ рукъ нашихъ. Сею лестною надеждою питалися мы три недѣли, производя во все сіе время потребныя къ пораженію непріятеля пріуготовленія. Сухопутныя наши войски заняли на берегу всѣ мѣста, гдѣ могли быть десанты, а флотъ нашъ подвигался къ шведскому со дня на день ближе, обращая безпрестанное вниманіе на всѣ три выхода изъ бухты, на подносимой при семъ картѣ краснымъ карандашомъ означенные. Въ семъ положеніи ожидали принца Нассау съ галернымъ флотомъ, который прибылъ къ назначенному ему посту 24-го іюня. Сія медлительность произошла не столько отъ противныхъ вѣтровъ, которымъ гребной флотъ, по выходѣ изъ Кронштадта въ пути подверженъ былъ, сколько отъ ожиданія новопостроенныхъ судовъ, кои къ составленію его силъ потребны были; чтоже касается до

Библиотека "Руниверс"

флотиліи въ Выборгѣ, подъ командою Козляинова состоявшей, то оная, бывъ блокирована вышеписанною позиціею шведскихъ флотовъ, держалася ближе къ Выборгу безъ пушекъ, которыя Козляиновымъ употреблены были на батареяхъ, на берегу и на островахъ для защиты входа въ Выборгъ построенныхъ.

Всѣ сіи распоряженія обѣщали много; между тѣмъ не преставали помышлять о средствахъ, какія бы лучше были къ истребленію шведскихъ флотовъ, и поелику оные находились не въ тѣсномъ мѣстѣ, то употребленіе брандеровъ признавалося безполезнымъ. Чичагова мысль была, чтобъ атаковать ихъ съ того самаго выхода, гдѣ онъ самъ стоялъ со своими кораблями, составлявшими наши кордебатальи и правой флангъ, съ тѣмъ однакоже, чтобъ сему предпріятію содѣйствовалъ и гребной нашъ флотъ со стороны входа, между островомъ Біорко и матерою землею лежащимъ. Тревсненъ, напротивъ сего, предлагалъ входъ, который стереженъ былъ лѣвымъ нашимъ флангомъ, загрузить, употребя къ сему ветхія суда, коихъ въ Кронштадтѣ находится множество. Загрузить оной входъ почиталъ онъ необходимо нужнымъ для того, чтобъ сократить дистанцію, на которую мы, не раздробляя силъ нашихъ, вниманіе имѣть обязаны были. По мнѣнію его, мѣсто сіе было то самое, гдѣ стоялъ Чичаговъ. Атаку, прожектированную Чичаговымъ, почиталъ онъ за весьма опасное для насъ дѣло. Множество мелей, теперь въ Выборгской бухтѣ запримѣченныхъ, о которыхъ мореходцы наши не были прежде извѣстны, доказываютъ, что атака наша, еслибъ она существовала, не только стоила бы намъ дорого, но и была бы неудачна. Еслибъ поступлено было по мнѣнію Тревснена, то непріятелю не оставалося другаго средства, какъ пробиваться чрезъ выходъ, гдѣ стоялъ Чичаговъ, и тогда бы не спаслося ни одно шведское судно; да и съ лѣваго фланга, еслибъ были у насъ на островахъ батареи, то и тамъ не было бы имъ къ выходу удачи; вотъ каково теперь дворъ разсуждаетъ.

Принцъ Нассау отворилъ себѣ силою путь къ Біоркѣ, которое мѣсто защищалъ король галерами. Потерявъ сей постъ, король возратился во флотъ, гдѣ держанъ былъ совѣтъ, въ которомъ всѣ единогласно утверждали, чтобъ шведскому флоту оставаться въ бухтѣ и ожидать нападенія отъ насъ. Всѣ обѣщали сражаться до послѣдней капли крови. Однакоже, король, послѣдуя совѣту на-

Библиотека "Руниверс"

ходящагося при немъ англинскаго мореходца Шмита, требовалъ, чтобъ пробиваться къ выходу, хотя бы то стоило потери всего шведскаго корабельнаго флота, лишь бы галерной его флотъ спасенъ былъ. Морскіе весьма недовольны были таковымъ презрѣніемъ, отъ короля имъ оказаннымъ, и герцогъ Сюдерманландской не преминулъ публично сказать королю, что всѣ флоту ихъ приключившіяся несчастія должно приписывать самому королю, потому что всегда поступали по его наставленіямъ. Несмотря на сіи укоризны, король произвелъ въ дѣйство предпріятіе свое такъ, какъ оное описано въ реляціи Чичагова, въ депешахъ графа Александра Андреевича (Безбородко) препровождаемой.

Поставляется въ вину Чичагову, что онъ не подкрѣпилъ эскадру Повалишина. Между тѣмъ, хотя и ожидали больше, дворъ и теперешнимъ выигрышемъ доволенъ. Нельзя не удивляться, что до сихъ поръ неизвѣстно, куда дѣвался король; при выходѣ изъ бухты онъ находился на шлюбкѣ, шлюбку сію взяли наши потомъ, четверть часа спустя послѣ того, какъ король пересѣлъ на другое легкое судно, которое также попалося къ намъ въ полонъ. Король и съ онаго успѣлъ за четверть часа пересѣсть на третье; съ тѣхъ поръ неизвѣстно гдѣ онъ.

Сегодня былъ здѣсь Турчаниновъ, который тотчасъ назадъ отправленъ. Вѣсти, которыя онъ съ собою привезъ, непріятны и еще никому неизвѣстны. Мнѣ сказывалъ Платонъ Александровичъ (Зубовъ), что мы потеряли нѣсколько судовъ, но онъ не знаетъ какимъ образомъ, ибо Турчанинова, который былъ здѣсь не болѣе одного часа, онъ не видалъ; письмо же принца (Нассау) написано такъ конфузно, что его нельзя понять, а у государыни не хотѣлъ онъ спрашивать, дабы не навести ей скуки. Пріѣздъ Турчанинова причиною, что вѣсти, Драшковскимъ привезенныя, не были приняты съ тою радостію, которую онѣ заслуживаютъ.

Николаю Ивановичу (Салтыкову) хочется, чтобъ галерами командовалъ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ; но сколько Николай Ивановичъ теперь ни близокъ, я не думаю, однакоже, чтобъ онъ въ состояніи былъ подорвать принцу (Нассау) кредитъ.

Каменской пріѣхалъ еще проситься на галеры, не предвидя однакоже, чтобъ желаніе его исполнено было; сегодня онъ, подошедши къ государынѣ, просилъ позволенія съѣздить въ Выборгъ.

Библиотека "Руниверс"

Государыня сему удивилась и спросила—зачѣмъ? Онъ отвѣтствовалъ, что изъ единаго любопытства.

Послѣднее ваше письмо показалъ я и Платону Александровичу (Зубову), и графу Александру Андреевичу (Безбородко). Не хотя посылать къ вамъ пустыхъ вѣстей, для того и отправленіе курьеровъ медлительно было. Не рѣдко и ко двору доставляются фальшивыя и ни мало на правду не похожія вѣсти. Береговые начальники видѣли множество на воздухъ полетѣвшихъ въ бухтѣ Выборгской шведскихъ судовъ и о семъ поминутно двору доносили, которой тому нѣсколько и вѣрилъ; но полученныя нѣсколько дней спустя отъ морскихъ начальниковъ извѣстія совершенно противурѣчили первымъ. Однакоже я буду отправлять непремѣнно всякую недѣлю курьера, хотя бы отъ двора и не было писемъ. Платонъ Александровичъ велѣлъ напоминать себѣ при каждомъ отправленіи.

Тотчасъ ѣду въ городъ, откуда отправлю Гульда и припасы, требуемые его свѣтлостію.

Помѣта полученія: «9-го іюля 1790 г.».

9-го октября 1790 г. Государыня еще слаба здоровьемъ, такъ какъ и великій князь, коего здоровье разстроилъ не одинъ физической припадокъ, происшедшій отъ простуды, но къ оному присовокупился и нравственной, угроженіемъ прусской войны навлеченной.

Благоволеніемъ великой княгини я не могу довольно нахвалиться, долженъ однакоже донести, что участь принца, брата ея, весьма ея высочество интересуетъ.

Игельштромъ, питавшійся надеждою быть войскъ начальникомъ, весьма не доволенъ начальникомъ, въ лицѣ графа Ивана Петровича (Салтыкова) назначеннымъ. Мысль свою о семъ сообщилъ Игельштромъ графу Безбородку, для внушенія оныя государынѣ. Неизвѣстно каково сіе принято будетъ, а между тѣмъ Игельштромъ гордится столько же заслугами своими, сколько и благоволеніемъ отличнымъ, отъ двора ему являемымъ, такъ какъ графъ Иванъ Петровичъ (Салтыковъ), уповая на помощь графа Николая Ивановича (Салтыкова) и Зубова, не теряетъ надежды остаться при ввѣренномъ ему начальствѣ, его свѣтлостію ему доставленномъ.

Токаря, способнаго точить всякія вещи, въ томъ числѣ и же-

Библиотека "Руниверс"

лѣзныя, я пріискалъ; снабдя его всѣми потребностями, поспѣшу отправить. Составъ предписаннаго стекла отъ его свѣтлости производится съ поспѣшностію; коль скоро оное будетъ готово, не премину его тотчасъ вмѣстѣ съ гранильщикомъ отправить.

Цвѣтные каменья, присланные отъ его свѣтлости, отданы петергофскому мастеру Муромцову; чрезъ двѣ недѣли оные поспѣютъ.

На стеклянномъ заводѣ сдѣлана знатная перемѣна; съ тѣхъ поръ, какъ сей заводъ существуетъ, не было никогда въ отливкѣ безъ пороку зеркальныхъ стеколъ, теперь льются оныя безъ пороковъ слишкомъ въ четыре аршина. Сошлюсь на самого Карамышева, что не одно его искусство къ сему способствовало. Кромѣ того, что дрова ставятся на заводъ дешевле прежняго, печи перестроены такимъ образомъ, что онѣ съ меньшимъ количествомъ дровъ производятъ противъ прежняго лучшее дѣйствіе и ровное рождающее и лучшій составъ матерій.

Бемское стекло дѣлается у насъ самое лучшее; при сей части находятся нѣмцы, которые съ русскими несогласны, а сіе производитъ то, что и тѣ и другіе стараются въ запуски отдѣлывать работу свою, сколь можно чище и лучше.

Предъ симъ его свѣтлость изволилъ требовать жемчугъ изъ гардероба; я теперь узналъ, что весь жемчугъ его свѣтлости хранится у Захара.

Подношу при семъ вещи, его свѣтлостію требуемыя, и именно англинскихъ красокъ два ящика и сухихъ красокъ, по выбору г-на Козлова, два ящика. Гребней: для готлисовой работы—1, для бесселисовыхъ—1, для сивонерическихъ—1.

(1790 г., мѣсяцъ не извѣстенъ).

Подношу при семъ пряжку, которую при помощи Кениха дѣлали туляки, по московскому тракту къ вамъ 29-го прошедшаго декабря отправленные. Они снабжены достаточно всѣми потребными къ ремеслу ихъ инструментами. Не сыскавъ въ городѣ ни полъ аршина синяго бархату, я принужденъ былъ просить онаго потребное на кавалергардской мундиръ количество, посредствомъ Захара, изъ казенной. Государыня изволила при семъ случаѣ сказать, что не только на кавалергардской мундиръ, но и все, что есть въ казенной, къ услугамъ его свѣтлости. Тридцать рукъ упражняются въ вышивкѣ...

Библиотека "Руниверс"

Ананасовъ нѣтъ. Старовъ отправленъ 10-го сего мѣсяца, а Ризетти съ мальчиками и дѣвочками — уже тому почти три недѣли.

Греческія книги, что были у Волховскаго, еще при немъ отправлены, не помню—въ Кременчугъ или Дубровку.

Подношу черное перо, которое и было въ гардеробѣ только одно, прочія, по словамъ Лаврентія, раздарены его свѣтлостью.

Дѣвочку и мальчика, что у Пика, завтра отправлю.

Изъ числа купленныхъ у княгини Мещерской крестьянъ, десять человѣкъ съ мая мѣсяца упражняются, подъ моимъ присмотромъ, въ дѣланіи фальшиваго мрамора. На весну число сихъ учениковъ умножу, чего въ прошедшемъ году сдѣлать нельзя было, потому что, по контракту, купленные крестьяне обязались производить работу въ Павловскѣ, прежде нежели они куплены.

Лизинька ни на какія обѣщанія графу не поддается.

Послѣднее его свѣтлости ко мнѣ письмо, милостивое его ко мнѣ расположеніе изъявляющее довольно, дало мнѣ чувствовать, до какой степени простираются ко мнѣ милости высокія; клянусь напротивъ сего честію, что никто въ свѣтѣ болѣе меня благодаренъ быть не можетъ.

Примѣчаніе. На этомъ оканчиваются переданныя намъ А. И. Левшинымъ сто четыре тетради, въ листъ, Записокъ Михаила Гарновскаго. Кромѣ того, имѣется, съ ними же сообщенныя, нѣсколько копій съ указовъ, реляцій, списковъ произведенныхъ въ чины или награжденныхъ; — нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ писаны рукою Гарновскаго и были сообщены имъ В. С. Попову для представленія князю Потемкину; но такъ какъ эти офиціальные документы были въ свое время напечатаны, то здѣсь и не приводяться.

Послѣдующая судьба Гарновскаго довольно печальна: въ царствованіе Павла онъ, какъ ближайшій приспѣшникъ кн. Потемкина, навлекъ на себя съ самаго начала неблаговоленіе новаго государя, и вскорѣ за злоупотребленія казеннымъ интересомъ подвергся преслѣдованію. Громадный домъ Гарновскаго, — нынѣ казармы л.-г. Измайловскаго полка—взятъ въ казну, а самъ онъ, составитель напечатанныхъ нами Записокъ, заключенъ въ казематъ Петропавловской крѣпости, откуда потомъ выпущенъ, но оставался подъ надзоромъ полиціи, отъ коего освобожденъ лишь по восшествіи на престолъ императора Александра I-го. Годъ смерти Гарновскаго намъ точно не извѣстенъ, полагаютъ, что онъ умеръ до 1810 года. **Ред.**

Библиотека "Руниверс"

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II и КН. ПОТЕМКИНЪ

Подлинная переписка.

(Изъ сборника профессора Николаевской Акад. Ген. Штаба П. С. Лебедева).

1787 г. [1]).

Ноября 11-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ. Напиши ко мнѣ, правда-ли, что ногайскіе татары учинили нападеніе на Таманъ? здѣсь пруссаки таскаются съ ложнымъ слухомъ, будто татары ногайскіе не токмо учинили нападеніе, но и завладѣли Таманомъ et qu'ils ont prit pied [2]); но я полагаю, что сія вѣсть выдумана вотъ какимъ образомъ: когда получено извѣстіе, что Павелъ Потемкинъ ходилъ за Кубань, то приняли или конфондировали съ Таманомъ, а зломыслящіе или желающіе сложили прочее, ибо имѣя отъ тебя столь подробное описаніе состоянія дѣлъ, нельзя, кажется, статься, чтобъ ты не упоминалъ о чемъ подобномъ. Прощай, мой другъ, Богъ съ тобою, будь здоровъ, бодръ, веселъ и благонадеженъ на лучшаго твоего друга, то есть я (меня), и напиши ко мнѣ, что признаешь меня такимъ.

Ноября 23-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ. По двѣнадцати-дневномъ ожиданіи отъ васъ писемъ, наконецъ курьеръ пріѣхалъ съ вашими письмами отъ 12-го ч. сего мѣсяца. Отъ добрыхъ вашихъ распоряженій осталось теперь ожидать, что татары въ зимнія свои операціи не болѣе преуспѣютъ, какъ турки въ осеннія и въ прошедшую войну: при впаденіи татаръ, гдѣ они нашли хотя малой отпоръ, тутъ вскорѣ обратились вспять. Что цесарь донынѣ не объявилъ

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 33—58; 239—262.

[2]) И тамъ утвердились.

Библиотека "Руниверс"

еще туркамъ войну, сіе приписываю я интригамъ прусскимъ и англійскимъ; сіи дворы разсѣваютъ, что они нашли способъ насъ къ себѣ переманить, несмотря на то, что они турокъ противу насъ возбудили на объявленіе войны, и что мы долженствуемъ плясать по ихъ дудкѣ.

Данцигомъ прусскую политику манить нельзя, ибо и въ лучшее время дружбы, за казусъ федерисъ положено и признано было, буде до Данцига коснется. Сему городу даны предками моими и мною подписанныя гарантіи о ихъ вольности и пребываніи какъ нынѣ существуетъ, и въ раздѣльной конвенціи о Польшѣ сіе еще подтверждено.

Касательно цесаря еще скажу то, онъ не болѣе ожидалъ войны, какъ и мы, также не готовъ, а теперь до марта и ждать отъ него нечего, понеже въ трактатѣ написано, что декабрь, январь и февраль исключаются для движенія войскъ; а что приготовленія у нихъ великія идутъ, о семъ вездѣ извѣстно. Я здѣсь послу напоминать велю почаще, а вы говорите Линьѣ (принцу де-Линь). Правда и то, что мы въ прошедшей войнѣ воевали одни противу турокъ и воевали счастливо, но имѣя трактатъ и надежды къ полученію помощи, на оныя въ нынѣшнее время и положиться прилично, и по крайней мѣрѣ надежнѣе, нежели на услуги и добрыя намѣренія или расположеніе тѣхъ дворовъ, отъ которыхъ за опытъ имѣемъ злодѣйственный поступокъ ихъ въ объявленіи войны. Система съ вѣнскимъ дворомъ есть ваша работа, она и издревле, по полуденнымъ дѣламъ и границѣ, предпочитаема была, ибо существуетъ по локальному положенію тѣхъ странъ и общему интересу. Самъ Панинъ, когда онъ еще не былъ ослѣпленъ прусскими ласкательствами, на иныя связи смотрѣлъ, какъ на pis allé [1]), которыя не награждали въ разсужденіи общаго врага, то-есть турокъ, австрійскаго союза. Изъ многихъ вашихъ писемъ мнѣ бы казаться могло, что вы колеблетеся въ выполненіи вами же начертаннаго и уже начатаго плана, въ разсужденіи турокъ, и относительно до того, но я сіи мысли себѣ никакъ не дозволяю и выбиваю ихъ изъ головы, понеже не могу себѣ вообразить, чтобъ въ мысляхъ вашихъ находилась подобная колебленность, ибо нѣтъ ни славы, ни чести, ни барыша, предпріявъ какое дѣло и горячо оное поведя, потомъ, не додѣлавъ, самовольно исковеркать, паки начать оное. Оборону границъ вы вели съ совершеннымъ успѣхомъ, дастъ Богъ здоровья, мой другъ поведетъ съ успѣхомъ и наступательныя дѣйствія.

Морское здѣшнее вооруженіе приготовляется, къ графамъ Орловымъ я писала и получила ихъ отвѣтъ, которой, кажется, отклоняетъ ихъ ѣзду, и я-бъ его почитала отказомъ отъ принятія команды,

---

[1]) Ловушку.

Библиотека "Руниверс"

буде бы тутъ же (не) написали, что ѣдутъ сюда. Сія поѣздка теперь остановилась на нѣсколько времени смертію старшаго сына гр. Владиміра Григорьевича (Орлова), чаю, что для сего остались на нѣсколько въ Москвѣ. Теперь для сего морскаго здѣшняго вооруженія адмиралъ Грейгъ полагаетъ до пяти тысячъ регулярнаго войска; въ прошедшую войну послано было всѣхъ: какъ изъ гвардіи, такъ шлиссельбургской полкъ, артиллерія, кирасиръ, всѣхъ чиновъ 2,370 человѣкъ; теперь требую отъ тебя совѣта, что́ послать? Мнѣ кажется, Грейгъ требуетъ много, и кирасиры суть излишни; изъ которыхъ полковъ послать? послать-ли полками или изъ разныхъ полковъ батальонами?

Еще при семъ нарядѣ войскъ требуется генералъ сухопутный на флотъ; сей можетъ ѣхать прямо въ Италію, и желалось бы, чтобъ онъ былъ таковъ, чтобъ отъ него можно было надѣяться пользы; дай совѣтъ, кого послать?

Съ симъ курьеромъ получишь рескриптъ о посылкѣ князя Юрія Владиміровича Долгорукова къ цесарской арміи.

Фельдмаршалъ Румянцовъ пишетъ: 1) о рогаткахъ и о подвижныхъ мостахъ, и о семъ полагается на здѣшнее усмотрѣніе; естьли то и другое нужно, то совѣтую вамъ снестись между собою и исправить на счетъ экстраординарной суммы. 2) О казакахъ, что не бывали къ нему,—но я надѣюсь, что пока онъ писалъ сюда, оные уже отъ тебя отправлены или пришли къ нему. 3) Объ артиллеріи для гренадерскихъ полковъ,—нужно, чтобъ вы оба, снесясь, назначили какимъ числомъ и какого калибра орудіями снабдить сіи полки и откуда людей для оныхъ взять, и потомъ, приказавъ кому слѣдуетъ, о доставленіи того сюда донести обстоятельно. 4) О старыхъ и увѣчныхъ, тоже и о малолѣтнихъ,—и тутъ прошу согласиться, кому и гдѣ оставить.

Касательно построенія фрегатовъ на Дону, я генералъ-прокурору и Пущину приказала, чтобъ они, снесясь съ тобою, сколько тебѣ надобно, старались тебя оными снабдить. Отпиши ко мнѣ, правда-ли (что турки и прочіе недоброжелательные разславляютъ), будто корабль „Сл. (слава) Екатерины“ у нихъ въ рукахъ, и они будто его взяли у дунайскаго устья, и будто Войновичъ на шлюбкѣ съ онаго съѣхалъ?

Пожалуй, переименуй сей корабль, буде онъ у насъ; не равенъ случай, не хочу, чтобъ злодѣи хвастались, что слава Екатерины въ ихъ рукахъ. Прощай, мой другъ, Богъ съ тобою, будь здоровъ и благополученъ, а мои мысли непрестанно съ тобою.

Декабря 16-го ч.

Симъ свидѣтельствую, что я сама видѣла (и естьлибъ не видала, не повѣрила), что Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ самъ

Библиотека "Руниверс"

рѣзалъ присылаемую съ симъ аттестатомъ сердоликовую печать, и что Лебрехтъ къ оному дѣлу ни которую руку не приложилъ, а работалъ вышеписанный генералъ-маіоръ мѣсяцъ цѣлой ежедневно одинъ, весьма прилежно. Екатерина.

Декабря 16-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ, не имѣя отъ васъ увѣдомленія мѣсяцъ цѣлой, наконецъ получила письма ваши отъ 30-го ноября съ увѣдомленіемъ о успѣхѣ генерала Текелія; сіи вѣсти были полнѣе тѣхъ, съ коими давно носились по городу, но лжи опровергнуть было нечѣмъ, понеже я находилась между опасеніемъ и надеждою, и въ томъ непріятномъ положеніи, въ которомъ нахожусь, когда такъ долго отъ васъ писемъ нѣтъ. Къ Текелію посылаю Владиміра 1-го класса.

Изъ Смоленска и Бѣлоруссіи хлѣбъ собранъ весь.

Съ 12-го числа я не очень здорова,—простудная лихорадка; сегодня я первой день, какъ на ногахъ, но голова слаба и писать не могу; прощай, Богъ съ тобою.

Декабря 30-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ. Тебѣ извѣстно, съ чѣмъ Нассау сюда пріѣхалъ, и пріѣхавши я его выслушала; вскорѣ потомъ Сегюръ послалъ курьера во Францію, котораго онъ и Нассау нетерпѣливо ждали; сей курьеръ на сихъ дняхъ дѣйствительно возвратился, и Сегюръ, послѣ того, имѣлъ конференцію съ вице-канцлеромъ, въ которой искалъ своему разговору дать видъ такой, будто я ищу съ Франціей установить союзъ и чтобъ для того отселѣ посланы были полномочія во Францію, чтобъ о томъ дѣлѣ тамъ трактовать, а не здѣсь. Нассау же просилъ, чтобъ я его къ себѣ допустила, и, пришедъ, мнѣ сказалъ, что онъ въ крайней откровенности и съ глубокимъ огорченіемъ долженствуетъ мнѣ сказать, что французскій дворъ его, во всемъ здѣсь сказанномъ, совершенно desavoui'ровуетъ, и что оной дворъ съ лондонскимъ въ негоціаціи находится, чего онъ отъ меня не скроетъ. Сколько во всѣхъ сихъ или предыдущихъ разговорахъ правды, или коварства, оставляю тебѣ самому разбирать, но о томъ ни мало не сомнѣваюсь, что то и другое болѣе со стороны двора, нежели Нассау и Сегюра. Первой теперь ѣдетъ къ тебѣ, ибо болѣе здѣсь остаться не хочетъ, и естьли поступитъ сходственно желанію его двора, то будетъ искать тебя отвратить отъ всякаго предпріятія противу турокъ, къ которымъ, кажется, наклонность, какъ французскаго, такъ и англинскаго министерства и двора равносильна въ нынѣшнее время; гордое и надменное письмо лорда Кормортена къ здѣшнему политичному щенку Фразеру къ тебѣ послано; отчетъ

Библиотека "Руниверс"

подобной никакой дворъ у другаго требовать не властенъ, они же намъ въ замѣнъ ничего не предлагаютъ, да и посла своего бѣшенаго, намъ въ сатисфикацію, не отзываютъ, однимъ словомъ, и тотъ, и другой дворъ поступаютъ равно коварно и огорчительно, тогда, когда они отъ насъ не видали огорченія или каверзы противу себя и мы ихъ во всякомъ случаѣ менажировали.

О неудачномъ предпріятіи на Бѣлградъ со стороны цесарской, вамъ, чаю, уже извѣстно; лучшее въ семъ случаѣ есть то, что сей поступокъ обнаружилъ намѣреніе цесаря предъ свѣтомъ, и что за симъ уже неизбѣжно война воспослѣдуетъ у него съ турками.

Я тобою, мой другъ, во всемъ была бы чрезвычайно довольна, естьлибъ ты могъ себя принудить чаще ко мнѣ писать и непремѣнно отправлять еженедѣльно курьера; сей бы успокоилъ не токмо мой духъ, сберегъ бы мое здоровье отъ излишнихъ безпокойствъ и отвратилъ бы тысячу не одну неудобствъ. Въ сей часъ ровно мѣсяцъ, какъ отъ васъ не имѣю ни строки; изъ каждой губерніи, окромѣ имени моего носящей, получаю извѣстія дважды въ мѣсяцъ, а отъ васъ и изъ арміи ни строки, хотя сей пунктъ есть тотъ, на которомъ вся мысль и хотѣніе устремлено, c'est me faire mourir de mille morts, mais pas d'une [1]); вы ничѣмъ живѣе не можете мнѣ оказать привязанность и благодарность, какъ писать ко мнѣ чаще, а писать изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, какъ нынѣ, сіе есть самой суровой поступокъ, отъ котораго я страдаю ежечасно, и который можетъ имѣть самыя злыя и неожидаемыя и нежелаемыя отъ васъ слѣдствія. Прощайте, Богъ съ вами.

Съ новымъ годомъ васъ поздравляю.

1788 г.

Января 11-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ. Письма твои отъ 25-го декабря и отъ 3-го января до моихъ рукъ доставлены; изъ перваго съ удовольствіемъ усматриваю, что ты съ оскорбленіемъ принялъ мысли, будто бы въ твоихъ мысляхъ колебленность мѣсто имѣть могла, чего и я не полагала; прусскій дворъ менажируемъ, пока его вражеское поведеніе при разрывѣ въ Цареградѣ смотря: немного добраго отъ него ожидать тамъ; при семъ посылаю тебѣ примѣчанія о польскомъ планѣ. Что ты былъ боленъ, возвратясь изъ Херсона—о томъ весьма жалѣю, и я нѣсколько похворала, но теперь оправилась. Здѣсь, въ одинъ день и оттепель и отъ двадцати до двадцати-пяти градусовъ мороза.

---

[1]) Это заставляетъ меня умирать не одною, а тысячью смертей.

Библиотека "Руниверс"

Что твои заботы велики, о томъ ни мало не сомнѣваюсь, но тебя, мой свѣтъ, станетъ на всѣ большія и малыя заботы. Я духъ и душевныя силы моего ученика знаю, и вѣдаю, что его на все достанетъ: однако будь увѣренъ, что я тебя весьма благодарю за твои многочисленные труды и попеченія; я знаю, что они истекаютъ изъ горячей твоей любви и усердія ко мнѣ и къ общему дѣлу; пожалуй отпиши ко мнѣ, что̀ у тебя пропало судовъ въ прошедшую осень, чтобъ я могла отличить все мѣстное вранье отъ истины, и въ какомъ состояніи теперь эскадра Севастопольская и Днѣпровская; дай Богъ тебѣ здоровья въ такихъ трудныхъ заботахъ; будь увѣренъ, что хотя заочно, но мысленно всегда съ тобою и вхожу во всѣ твои безпокойства по чистосердечной моей къ тебѣ дружбѣ, и то весьма понимаю, что будущіе успѣхи много зависятъ отъ нынѣшнихъ приготовленій и попеченій. Помоги тебѣ Всевышній во всемъ и вездѣ.

Естьли тебѣ удастся переманить запорожцевъ, то сдѣлаешь еще дѣло доброе, естьли ихъ поселишь въ Таманѣ, je crois que c'est vraiment leur place [1]). Пугаютъ меня больные и болѣзни; я во флотъ Михельсона не пошлю, а думаю уговаривать Заборовскаго, онъ сюда будетъ; Михельсонъ въ подагрѣ, да онъ же и здѣсь нуженъ, буде шведы зашалили.

Что предпріятіе цесарское неудачно было на Бѣлградъ, то хотя для нихъ не очень хорошо, но для насъ добро, понеже заведется дѣло далѣе и сіе сомнѣніе рѣшилось. Авось-либо рѣшатся, какъ ты предлагалъ. О Польшѣ и о казакахъ приказанія заготовлять буду. О покупкѣ же деревень по Бугу (вычеркнуто: „не вѣдаю еще, откуда денегъ взять, а какъ сыщу, то ассигную", и вмѣсто того написано): спора нѣтъ, понеже самъ отыскалъ деньги.

Кингсбергъ, чаю, уже ангажированъ; давно курьеръ въ Голландію поѣхалъ съ симъ приказаніемъ, а что будетъ, то къ вамъ отправлю. Что пишешь о окончаніи укрѣпленія Кинбурна, оборонительномъ состояніи Херсона и о заготовленіи осады Очаковской,—все сіе служитъ къ моему успокоенію и удовольствію. Предпріятія татарскія авось-либо, противу прежнихъ, нынѣшній разъ послабѣе будутъ; а естьли гдѣ и чего напакостятъ, то и сіе вѣроятно, что будетъ немногозначущее и имъ дорого станетъ; двухъ обѣщанныхъ приложеній я не нашла въ моемъ пакетѣ, развѣ находятся въ другихъ, а именно— какія ты отмѣтки сдѣлалъ въ требованіи графа Петра Александровича (Румянцева), а другое о Бѣлградѣ, развѣ подъ симъ ты разумѣешь французскій переводъ. Зоричъ подъ чужимъ именемъ уѣхалъ

[1]) Я думаю, это ихъ настоящее мѣсто.

Библиотека "Руниверс"

изъ имперіи, былъ въ Вѣнѣ, и оттудова уѣхалъ же, сказавъ, что вскорѣ возвратится изъ Венгріи, но не бывалъ. Прикажи спросить у Неранчича, куда братъ его поѣхалъ? Прощай, мой другъ сердечный, будь здоровъ; я молю Бога, чтобъ укрѣпилъ твои силы душевныя и тѣлесныя.

Великій князь сбирается теперь ѣхать въ армію, а какъ надежда есть, что она беременна, то особливо сіе его остановитъ, только завѣрно ничего еще сказать нельзя. Adieu mon Ami...

Января 13-го ч.

Графы Орловы отказались ѣхать во флотъ, а послѣ сего письменнаго отрицанія по причинѣ болѣзни, графъ Алексѣй Григорьевичъ сюда пріѣзжалъ и весьма заботился о семъ отправленіи флота и его снабженіи; но какъ они отказались отъ той службы, то я не разсудила за нужное входить уже во многія подробности, но со всякой учтивостью отходила отъ всякихъ объясненій, почитая за ненужное толковать о томъ съ неслужащими людьми. Потомъ просилъ паспортъ ѣхать за-границу къ водамъ, но, не взявъ оной, уѣхалъ къ Москвѣ.

Съ чужестранными консулами въ Херсонѣ можешь поступить безъ церемоніи; вели имъ сказать учтиво, что, до заключенія мира, Херсонъ не торговой городъ, но крѣпость военная, въ которой пребываніе ихъ болѣе не можетъ имѣть мѣста по военнымъ обстоятельствамъ, и чтобъ ѣхали во свояси, а здѣсь дворамъ о семъ не дастся знать.

У тебя, мой другъ, кригсрехтъ надъ сержантомъ Преображенскаго полка, о которомъ я требовала мнѣніе; пришли оное, родня его мучитъ о рѣшеніи, а онъ укралъ во дворцѣ [1]).

Еще тебѣ скажу, что поручикъ Іевлевъ такъ промотался, что чужія вещи закладываетъ и уже должники ко мнѣ начали жалобы приносить; ему въ гвардіи едвали прилично остаться по дурному поведенію [2]). Прощай, мой другъ, продолжи Богъ милость свою надъ тобою и на твои предпріятія, и будь увѣренъ, что я тебя люблю и полную справедливость отдаю твоей службѣ и горячему усердію ко мнѣ; спасибо тебѣ и за то, что любишь Сашу, и что ты ему отдаешь справедливость, онъ тебя любитъ всѣмъ сердцемъ. Adieu mon cher Ami, portés Vous bien,—estampe къ тебѣ посылаю кіевскаго портрета.

Января 26-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ, твои письма отъ

---

[1]) См. въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г. томъ XIII, стр. 148—149; докладъ кн. Потемкина о сержантѣ Золотухинѣ.

[2]) Объ этомъ Іевлевѣ см. въ Запискахъ Гарновскаго, «Русская Старина» изд. 1876 г. томъ XV, стр. 489—491.

Библиотека "Руниверс"

15-го января до меня дошли; дай Боже, чтобъ сіе отправленіе застало тебя въ совершенномъ здоровьѣ; здѣсь всѣ люди больны насморкомъ и кашлемъ, я думаю, что треть города, покрайней мѣрѣ, симъ обезпокоена и простудными лихорадками.

Великая княгиня брюхата и въ маѣ родитъ, и онъ до ея родинъ не поѣдетъ уже. Пишешь ты ко мнѣ, чтобъ прислать къ осадѣ очаковской Преображенскую бомбардирскую роту. Въ какомъ она числѣ и комплектѣ, при семъ посылаю Татищева поданной списокъ; буде ее комплектовать изъ прочихъ ротъ, кои и безъ того весьма слабы, то едва останется довольно людей ходить на караулъ; естьли комплектъ набрать изъ напольныхъ, то нынѣшній рекрутскій наборъ оной не наградитъ, паче же тогда, когда на флотъ теперь изъ нихъ наряжаютъ пять тысячъ человѣкъ; и такъ отложила сей нарядъ до тѣхъ поръ, что отъ тебя получу отвѣтъ; прошу тебя дать совѣтъ, какъ разсудишь за лучшее.

Что у тебя больныхъ много, сіе весьма печально слышать; дай Боже, чтобъ болѣзни скорѣе пресѣклись.

Мѣдныя деньги къ вамъ отправлены; дороговизна во всемъ ужасная, дай Боже силу снести всѣ видимыя и невидимыя хлопоты; донынѣ я здорова.

Пришло мнѣ на умъ, что ты мои шубенки любишь, а которыя есть, я чаю, уже стары, и для того вздумала снабдить тебя новою: носи ее на здоровье, прощай, мой другъ, будь увѣренъ, что я тебѣ чистосердечный другъ и люблю, какъ всегда.

Саша безъ ума отъ твоихъ писемъ, и онъ тебя любитъ, какъ душу, и крайне благодаренъ.

Правда-ли, что ты Кременчугской домъ перевезъ въ Елисаветъ (градъ).

Кн. Потемкинъ—Екатеринѣ II.

Елисаветградъ.—Февраля 5-го ч.

Прибѣгаю съ моею подданническою просьбою вторично о присылкѣ сюда, ежели принятъ въ службу, адмирала Кингсбергена. Мнѣ крайне онъ здѣсь нуженъ, понеже въ трехъ мѣстахъ надобно будетъ флотомъ брать... Къ тому же ему извѣстенъ берегъ, онъ же, будучи старѣе другихъ, можетъ тверже повелѣвать. Предъ симъ просилъ я объ опредѣленіи въ флигель-адъютанты къ генералу Суворову его роднаго племянника, князя Горчакова, сержанта преображенскаго. О семъ повторяю мою подданническую просьбу.

Библиотека "Руниверс"

Императрица — Потемкину.

Февраля 10-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Письмо твое отъ 23-го января, въ которомъ пишешь, что ты опять занемогъ, не мало меня тревожитъ. Божусь тебѣ, что я почти дрожу всякой разъ, что̀ имѣю о твоемъ здравіи извѣстія не такія, какъ мнѣ желается; дай Боже, чтобъ ты скорѣе выздоровѣлъ.

Вчера полученъ изъ Вѣны курьеръ съ вѣдомостью, что цесарь объявилъ туркамъ войну. Заборовскій пріѣхалъ, и естьли возьмется, то пошлю его для командованія войскомъ во флотъ, буде нѣтъ, то думаю удержать князя Василія Долгорукова, которой сюда пріѣхалъ съ женою. Поудерживаетъ меня маленько то, что не очень знаю, колико онъ тебѣ надобенъ; однако русской кто именитый во флотъ необходимъ, и такъ надѣюсь, что въ случаѣ нужды его уступишь на сію посылку. Слушай, Рара, я тебя очень люблю и хочу, чтобъ ты былъ всячески здоровъ и благополученъ; я здорова, Богъ съ тобою.

Февраля 13-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ. Въ американской войнѣ именитой англійской подданной Павелъ Жонесъ (который, служа Американскимъ колоніямъ, съ весьма малыми силами сдѣлался самимъ англичанамъ страшнымъ) нынѣ желаетъ войти въ мою службу; я, ни минуты не мѣшкавъ, приказала его принять, и велю ему ѣхать прямо къ вамъ, не теряя времени; сей человѣкъ весьма способенъ въ непріятелѣ умножить страхъ и трепетъ; его имя, чаю, вамъ извѣстно. Когда онъ къ вамъ пріѣдетъ, то вы сами лучше разберете, таковъ-ли онъ, какъ объ немъ слухъ повсюду. Спѣшу тебѣ о семъ сказать, понеже знаю, что тебѣ небезпріятно будетъ имѣть одну мордашку болѣе на Черномъ морѣ; дай Боже тебѣ здоровья, а мнѣ скорѣе получить извѣстіе о твоемъ выздоровленіи: послѣднее твое письмо меня тревожитъ, понеже ты разнемогался; обѣщанный курьеръ черезъ день донынѣ—не бывалъ. Прощай, мой другъ.

Февраля 22-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ. Къ тебѣ князь Василій Долгорукій везетъ мое письмо, чрезъ которое тебя увѣдомляю, что именитой Пауль Жонесъ хочетъ къ намъ войти въ службу; а какъ я вижу, что пріѣздъ Кингсбергена весьма въ даль тянется, и буде пріѣдетъ, то пріѣдетъ поздно, а быть можетъ, что и вовсе не пріѣдетъ, то я приказала Пауль Жонеса принять въ службу и прямо поѣхать къ вамъ; онъ у самихъ англичанъ считается вторымъ морскимъ чело-

Библиотека "Руниверс"

вѣкомъ: адмиралъ Гокъ первой, а сей—второй; онъ четырежды побилъ, бывъ у американцевъ, англичанъ; Кингсбергена же постараюсь достать, но по причинѣ того, во-первыхъ, что онъ отъ генеральныхъ штатовъ имѣетъ лишь годовой отпускъ, по конецъ котораго онъ долженъ въ маѣ явиться въ Голландію, гдѣ имѣетъ дѣло расчетное въ Средиземномъ морѣ по своей экспедиціи, и потомъ взять увольненіе, которое еще неизвѣстно получитъ-ли, также тестя своего фанъ-Гофта, котораго хочетъ вывезти или на покоѣ заставить жить, ибо боится, чтобъ его за патріотизмъ не повѣсили на восьмидесятомъ году, изъ чего вы сами увидите, что Кингсбергенъ къ весеннимъ дѣйствіямъ никакъ не поспѣетъ, а другой авось-либо доѣдетъ ранѣе перваго.

Что ты, мой другъ, при отпускѣ послѣдняго своего письма, былъ слабъ и что у тебя больныхъ много—о томъ весьма жалѣю; о сихъ пришли ко мнѣ хотя ежемѣсячно рапортъ, также о убыли. Что ты о больныхъ печешься, о семъ я весьма увѣрена. Подкрѣпи Богъ твои силы.

Татарскія предпріимчивости, повидимому, противъ прежнихъ лѣтъ и вѣковъ поубавились. По заграничнымъ извѣстіямъ, вездѣ христіане единовѣрныхъ своихъ ожидаютъ, какъ израи(ль)тяне Мессію.

Что вѣрные запорожцы вѣрно служатъ, сіе похвально, но имя запорожцевъ современемъ старайся замѣнить инымъ, ибо Сѣча, уничтоженная манифестомъ, не оставила по себѣ ушамъ пріятное прозваніе; въ людяхъ же незнающихъ—чтобъ не возбудилась мечта, будто за нужное нашли возстановить Сѣчу, либо названіе.

Достохвальныя твои распоряженія держали во всю зиму непріятеля въ великомъ респектѣ. Зима здѣсь очень сурова и вижу, что и у васъ на оную жалуются. Мнѣ кажется, что цесарцы подъ Хотинымъ сдѣлали петаду[1]), немного разнствующую отъ бѣлградской; манифестъ ихъ объ объявленіи войны повсюду опубликованъ.

Поляковъ рѣшить теперь приказано будетъ. Гр. Браницкаго бригада примкнетъ къ войскамъ, подъ твоимъ руководствомъ и командою находящимся, да и прочихъ поляковъ ждать подъ команду тебѣ не трудно уже будетъ тогда.

Касательно волонтеровъ я тебѣ скажу, что я донынѣ не давала дозволенія ни нашимъ, ни чужестраннымъ ѣхать въ армію, по той причинѣ, что въ прошедшую войну, въ послѣднія кампаніи, уже положено было волонтеровъ никакихъ не принимать. Знатнѣйшіе были командирамъ въ тягость. Нынѣ же, когда повсюду недостатокъ и дороговизна въ хлѣбѣ (а подымалось волонтеровъ сотнями), то я ду-

---

[1]) Pétaud—бозпорядица.

Библиотека "Руниверс"

мала, что много ѣдуновъ излишнихъ въ арміи умножатъ дороговизну и недостатокъ; вы же жаловались на писателей ложныхъ вѣстей; изъ Херсона и консуловъ я велѣла выслать, а тутъ бы нашлось число ихъ еще умножено; представить себѣ не можете, сколько ихъ наподымалось: дѣйствительно сотнями; тутъ же разбора дѣлать нельзя, и сказать—доброй поѣзжай, худой останься. Датчанъ ѣхало 30, пруссаковъ 50, наши цѣлыми полками записались; французовъ, итальянцевъ, испанцевъ, нѣмцовъ, шведовъ, голландцевъ,—дождь волонтеровъ шелъ; симъ я отдѣлалась, что никого не приняла. Когда Богъ дастъ пропитаніе достаточно и не скудно, тогда можно будетъ повсюду сообщенной уже отказъ разрѣшить, mais à toute armée les bouches inutiles l'on tache de les éloigner ou diminuer[1]). Графъ Дамасъ пускай съ вами останется. Буде иные французы явятся, то съ разборомъ впредь посмотримъ, кому дать дозволеніе, о своихъ же, когда у васъ кормленіе облегчится, тогда о нихъ разрѣшить не долго, но самъ пишешь, что дороговизна и оскудѣніе въ хлѣбѣ тебя озабочиваютъ. Молитву къ Богу я возсылаю и стараюсь, колико возможно моимъ силамъ, не оплошать.

Касательно требованій фельдмаршала гр. Румянцова я усматриваю, что все сдѣлано и не остается о чемъ, кажется, грустить.

Севастопольской гавани неудобство то, что не имѣетъ рѣки, по которой довести бы можно, но сіе не въ нашей возможности поправить и вы дѣлаете, подвозя сухимъ путемъ таковыя тягости, конечно, сверхъ возможности. Совѣтую въ экиноксію[2]) не высылать никакую эскадру въ Черное море, но пережди бури.

О Кременчугскомъ домѣ по городу носился слухъ. Что ты не гордишься, сіе мнѣ мило: кто не гордится, тотъ никогда не унываетъ.

Только, Бога ради, будь здоровъ, меня сіе болѣе всего стращаетъ, что ты часто жалуешься головою и донынѣ прямо не оправился, и сіе приписываю ужаснымъ трудамъ твоимъ и заботамъ.

Штаты польскимъ войскамъ, также о кавказскихъ народахъ, о кабардинцахъ и о Фатали-ханѣ, буде что до меня доставишь, то будь увѣренъ, что не оставлю безъ надлежащаго уваженія. Что Поповъ боленъ, о томъ жалѣю.

Во всѣхъ газетахъ огромность нашего флота написана.

Прощай, мой другъ, радуюсь, что шубка моя тебѣ понравилась; китайскіе два шлафрока посылаю; я не сомнѣваюсь, что вездѣ увижу твою ко мнѣ любовь, вѣрность и усердіе; я сама, ваша свѣтлость, васъ очень, очень и очень люблю.

---

[1]) Но во всей арміи стараются удалить или уменьшить безполезные рты.

[2]) Equinoxe—равноденствіе.

Библиотека "Руниверс"

Прости, Богъ съ тобою.

Преображенскихъ бомбардировъ къ тебѣ отправлю на почтовыхъ.

Саша тебя любитъ и почитаетъ, какъ отца роднаго, и ко мнѣ и къ тебѣ чрезвычайно привязанъ, что ясно видно изъ всѣхъ его словъ и поступковъ.

Кингсбергенъ, бывъ въ Вѣнѣ и узнавъ, что я его хочу взять въ службу, сказалъ, что онъ охотно бы пошелъ, но жена не пускаетъ, понеже у ней отецъ, имя его Гофтъ, которой изъ главныхъ противниковъ штатгальтера; что онъ его постарается вывезти изъ Амстердама, куда назадъ ѣдетъ, а тамъ, взявъ у Штатовъ отставку, буде отпустятъ, къ намъ пріѣдетъ. Voila bien des bétises [1]), а все сіе пишетъ Чернышевъ, увидѣвъ и говоря съ нимъ въ Вѣнѣ, куда нарочно для свиданія изъ Италіи поскакалъ; дай Боже, чтобъ Чернышевъ своимъ разговоромъ дѣло не запуталъ только.

Февраля 26-го ч.

Другъ мой любезной, князь Григорій Александровичъ. Усматривая изъ твоего письма послѣдняго, что у тебя Поповъ и вся канцелярія такъ больны, что ты самъ принужденъ писать текущія дѣла, и опасаясь, чтобъ сіе не умножило твою слабость, на которую жалуешься, пришло мнѣ на умъ послать къ тебѣ Турчанинова; оставь его у себя, дондеже тебѣ въ немъ будетъ нужда, а тамъ возврати его; буде же онъ излишенъ вовсе, то отправь его хотя на другой день, ибо онъ только съ тѣмъ и посланъ, чтобъ его употребить, буде годиться можетъ, наипаче же, чтобъ тебѣ доставить привычнаго человѣка, а Попову дать время оправиться, буде Богъ изволитъ, чтобъ живъ остался. Прощай, мой другъ, Богъ съ тобою, не сердись за присылку, ибо отъ самаго добраго намѣренія.

Того-же числа.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ. Изъ письма твоего отъ 15-го февраля вижу я, что, при несовершенномъ здоровьѣ твоемъ, ты принужденъ, по причинѣ болѣзни твоей канцеляріи, все самъ писать; а какъ и Поповъ очень боленъ, то пришло мнѣ на умъ прислать къ тебѣ, на время, твоего стараго правителя канцеляріи Турчанинова, естьли инова; по крайней мѣрѣ, онъ проворенъ, какъ самъ знаешь; употреби его, либо возврати его обратно, какъ тебѣ угодно.

Пока у васъ рѣки вскрываются и грязи, у насъ еще зима глубокая, ледъ толстой и снѣгъ ежедневно умножается. Добрымъ твоимъ распоряженіемъ, сія война съ турками есть первая еще, въ которой

---

[1]) Вотъ довольно глупостей.

Библиотека "Руниверс"

татары въ Россію не ворвались никуда. Происшествія хотинскія суть третья петада [1]), по моему счету, которую цесарцы сдѣлали. Послу, со всякою благопристойностію, сказано, что мы имя цесаря безъ его дозволенія или согласія не употребляемъ никогда, и для того на сіи польскія вѣсти мало полагаемся, ибо оттудова часто приходятъ ложныя и непристойныя.

Касательно польскихъ дѣлъ, въ скоромъ времени пошлются приказанія, кои изготовляются для начатія соглашенія; выгоды имъ обѣщаны будутъ; естьли симъ привяжемъ поляковъ и они намъ будутъ вѣрны, то сіе будетъ первой примѣръ въ исторіи постоянства ихъ. Естьли кто изъ нихъ (исключая пьянаго Радзивила и гетмана Огинскаго, котораго неблагодарность я уже испытала) войдти хочетъ въ мою службу, то не отрекусь его принять, наипаче же гетмана гр. Браницкаго, жену котораго я отъ сердца люблю, и знаю, что она меня любитъ и памятуетъ, что она русская, храбростью же своею извѣстна; также воеводу русскаго Потоцкаго охотно приму, понеже онъ честной человѣкъ и въ нынѣшнее время поступаетъ сходственно совершенно съ нашимъ желаніемъ. Впрочемъ, поляковъ принять въ армію и сдѣлать ихъ шефами подлежитъ разсмотрѣнію личному, ибо вѣтренность, индисциплинность или разстройство и духъ мятежа у нихъ царствуютъ; оные же вводить къ намъ, наипаче же въ армію и корпуса, ни ты, ни я, и никто, имѣя разсудокъ, желать не можетъ, но всячески стараемся оныя отдалить отъ службы, колико можно. Впрочемъ, стараться буду, чтобъ соглашеніе о союзѣ не замедлилось, дабы нація занята была.

Что рекруты собраны поздно, сему причиною отдаленность мѣстъ, и образъ, и время, когда объявлена война; я о семъ свѣдала въ концѣ августа, а въ первыхъ числахъ сентября первый наборъ приказанъ былъ, котораго, я думала, по первымъ извѣстіямъ, достаточно; вскорѣ же потомъ и второй послѣдовалъ. Дай Боже, чтобъ болѣзни прекратились. Естьли роты сдѣлать сильнѣе, то и денегъ, и людей болѣе надобно; вы знаете, что послѣдній наборъ былъ со ста душъ; деньгами же стараемся быть исправны, налоговъ же наложить теперь не время, ибо хлѣба недорода, и такъ недоимокъ не малое число.

Отгонъ скота въ семи верстахъ отъ Очакова донцами и вѣрными запорожцами и прогонъ турецкой партіи я усмотрѣла съ тѣмъ удовольствіемъ, которое чувствую при малѣйшемъ успѣхѣ нашихъ войскъ.

Что князь Нассау мною доволенъ и оказываетъ ревность къ службѣ, мнѣ весьма пріятно.

---

[1]) Безурядица.

Библиотека "Руниверс"

Изъ письма моего, посланнаго чрезъ генералъ-порутчика князя Долгорукова, ты увидишь, что съ Пауль Жонесомъ я уже вступила въ переговоры, и что онъ прямо къ тебѣ поѣдетъ.

Оригинальное письмо Ломбарда я къ тебѣ послать велѣла; изъ онаго увидишь все его происшествіе и сколько онъ пострадалъ и въ полонъ попался отъ своихъ. Признаться должно, что мореходство наше еще слабо и люди непривычны и къ оному мало склонны; авось-либо въ нынѣшнюю войну лучше притравлены будутъ. Морскіе командиры нужны паче иныхъ. На Кингсбергена не считаю, понеже разныя связи его вяжутъ донынѣ. Дѣла въ Голландіи не кончены: принцъ Оранской старается сдѣлаться владѣтелемъ, жена его собираетъ подъ рукою себѣ партію, а патріоты паки усиливаются. Надо ждать весны, что́ тамо покажетъ.

Прощай, мой другъ, будь здоровъ, Богъ съ тобою; я здорова.

Марта 8-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ. Въ ожиданіи отъ васъ курьера, я здорова. Въ проектѣ польскаго трактата, буде встрѣтятся, какъ чаятельно, многія затрудненія, то думаю, чтобъ вы взяли отъ графа Браницкаго и воеводы русскаго кондиціи, на какихъ бы отдавали бригады свои на наше содержаніе и диспозицію, и тогда, что скорѣе и удобнѣе покажется, на то и согласиться съ нашей стороны скорѣе можно будетъ; я безъ тебя, какъ безъ рукъ, и сама затрудненія нахожу тутъ, гдѣ съ тобою не нахаживала; все опасаюсь, чтобъ чего не проронили; прощай, Богъ съ тобою, каковъ Поповъ? и доѣхалъ-ли Турчаниновъ?

Марта 24-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ. Слухъ носится въ Швеціи, будто бы король шведскій въ намѣреніи имѣетъ насъ задирать; графъ Разумовской, о семъ слухѣ говоря съ старымъ графомъ Ферзеномъ, сей ему сказалъ, что безъ сумашествія сему вѣрить нельзя, mais d'un cerveau un peu derangé ont peut tout attendre [1]); что заподлинно въ семъ дѣлѣ есть,—то, что въ Карлскрону послано приказаніе вооружить двѣнадцать военныхъ кораблей и нѣсколько фрегатовъ, деньги въ Голландіи негосируетъ и въ Финляндіи Шведской дѣлаются приготовленія къ лагерямъ; также три полковника изъ Финляндіи призваны къ королю въ Стокгольмъ, и паки отправлены въ Финляндію; генералъ Пось объѣзжаетъ границу и дѣлаетъ магазинъ—14,000 бочекъ всякаго хлѣба, самъ же король поѣхалъ въ Упсалъ на нѣсколько времени. Все сіе видя и слыша, благоразуміе требуетъ, не тревожась,

[1]) Но отъ помѣшаннаго всего можно ожидать.

Библиотека "Руниверс"

взять приличныя случаю осторожности, дабы пакости какой неприличной не учинилъ, и для того, кромѣ вооруженія флота, которой пойдетъ въ Архипелагъ, вооружить здѣшнія пять, да отъ города Архангельскаго столько же кораблей и фрегатовъ, держать наготовѣ галеры и гребныя суда, и онымъ предписать разъѣздъ для сбереженія нашихъ береговъ отъ нечаянной высадки и тому подобное; здѣшніе полки и остзейскіе гарнизоны приводить въ комплектное состояніе, такожде артиллерію и тому принадлежащее; на все сіе, касательно людей, требуется до восемнадцати тысячъ рекрутъ; отъ архіереевъ подано еще прежде сего, что излишнихъ церковниковъ есть до двадцати четырехъ тысячъ,—изъ оныхъ годны въ военной службѣ быть могутъ; иные сами требуютъ записаться въ оную.

Петербургская губернія еще никогда не давала рекрутъ, съ нея брать и набрать можно до семи сотъ. Я перечитала на сіе время всѣ прежніе планы, и почитаю, что нынѣ остаться должно при демонстраціи на демонстрацію, буде же заподлинно вздумаетъ насъ задирать, то оборону обратить въ наступленіе; есть подозрѣніе, будто цѣлитъ на Лифляндію; онъ туда посылалъ полковника Алмфельда, нивѣсть чтобъ его сбыть, либо заподлинно узнать тамошнія мѣста, но потомъ отмѣнилъ. Еще бы былъ способъ къ комплектованію, но къ сему также приступить еще опасаюсь по причинѣ родить могущихся неудобностей, то есть: въ столицахъ обѣихъ находящихся бѣглыхъ, къ оружію способныхъ, отдать въ полки, чтобъ служили дондеже сданевые (?) отыщутъ, либо съ зачетомъ; изъ сего родиться будетъ ропотъ, сіе не известь, но и умножить можетъ побѣги, а люди надобны; буде бы крайность была, я чаю, и подпискою самихъ помѣщиковъ въ городѣ здѣсь соберется великое число, но во всемъ недѣли двѣ розницы не сдѣлаетъ большую розницу: разсудила писать къ тебѣ, дай совѣтъ, какъ комплектовать; магазины мы соберемъ и всѣ приготовленія прочія сдѣлаемъ безъ огласки. Пока флотъ еще въ Балтикѣ, опасаться нечего; естьли пакости быть, то по выходѣ онаго; шевелится его величество, нельзя чтобъ и датчане съ нами общаго дѣла не дѣлали, и такъ, чаю, поодумывается, но хорошо, на всякой случай, приводить здѣшній край въ почтительное состояніе; башкиръ и калмыковъ приведемъ сюда хотя тысячи двѣ.

Письма твои отъ 4-го марта я получила и на оныя не отвѣтствовала донынѣ, чтобъ привесть въ нѣкоторую ясность вышеписанное. Видно, что грекъ, которой взялъ въ Аджибѣѣ [1]) судно, а тобою произведенъ мичманомъ, встревожилъ весь тотъ берегъ и до самаго Очакова,

---

[1]) Нынѣшняя Одесса.

Библиотека "Руниверс"

что пальбу ихъ вездѣ слышно было. Добрымъ твоимъ распоряженіемъ надѣюсь, что все ко времени поспѣетъ, жалѣю лишь о томъ, что ты изъ силъ выбился.

Морскихъ офицеровъ надѣюсь до тебя доставить добрыхъ; Павелъ Жонесъ пріѣхалъ уже въ Копенгагенъ и думаю, что скоро получу извѣстіе, что принятъ и къ тебѣ поѣдетъ; принцъ Оранской къ Кингсбергену послалъ увольненіе, я думаю, что тотъ ему въ тягость, понеже не переставалъ ему твердить о умноженіи флота, а сей ту часть терпѣть не можетъ, а старается о сухопутной, чтобъ имѣть чѣмъ обуздать голландцевъ.

Французскихъ артиллеристовъ, наипаче же инженеровъ, я приказала принять и самъ господинъ Дево (De Vaulx) ѣдетъ. Я чаю, Нассау его знаетъ. Которыхъ ты выписалъ, за то тебя хвалю.

Прощай, мой другъ, будь здоровъ, Богъ съ тобою. Я достала отъ Кениха твой портретъ марморной; чрезвычайно хорошъ и съ него сдѣлано empreinte en pate [1]) и положено въ моей коллекціи. C'est charmant [2]).

Апрѣля 14-го ч.

Любезный другъ мой, князь Григорій Александровичъ.

Письмо твое отъ 27-го марта я получила; замѣчанія твои на польской трактатъ тѣмъ же курьеромъ привезены и теперь на станкѣ; буде тебѣ ружья нужны для поляковъ, то напиши къ Кречетникову, ему отъ меня писано, чтобъ отпустилъ по твоему требованію.

Третьягодня, съ великимъ (?) курьеромъ, получено извѣстіе чрезъ Венецію, будто турки, Булгакова освобождая, отправляютъ возвратно, но куда—не вѣдаю; не знаю еще вѣрить-ли сему, понеже глухо Кауницъ пишетъ къ Кобенцелю; увидимъ, что́ почта привезетъ, она, по причинѣ разлитія водъ, не бывала еще. Съ первымъ курьеромъ о сихъ двухъ артикулахъ, то есть, польскомъ дѣлѣ и освобожденіи Булгакова, яснѣе писать можно будетъ. У насъ рѣка прошла и время сырое и холодное, я чаю, у васъ потеплѣе. Съ наступающимъ праздникомъ тебя поздравляю. Здѣсь больныхъ много; дай Боже, чтобъ у васъ здорово было, и считаю, что ты, на сихъ дняхъ, уже войска приведешь въ движеніе, считая по прошлогодней погодѣ въ тамошнихъ мѣстахъ, понеже чрезъ недѣлю годъ будетъ, что я изъ Кіева выѣхала. Посмотримъ сборы турокъ куда наклониться удобности найдутъ, желаю, чтобъ нигдѣ прощелины не нашли. Канонерскихъ судовъ знатное, кажется, у тебя число. Ни о Паудь Жонесѣ, ни о Кингсбергенѣ

---

[1]) Оттискъ изъ массы.

[2]) Это прекрасно.

Библиотека "Руниверс"

не имѣю снова извѣстій, развѣ почта привезетъ прежде запечатанія сего письма, тогда припишу.

Трудности въ починкѣ кораблей весьма понимательны, понеже мѣста безлѣсныя около Черноморскихъ нашихъ гаваней; прикажи, для будущихъ вѣковъ, горстьми раскидать около гаваней дубовыхъ желудей. Естьлибъ до насъ живущихъ сіе дѣлали, то бы мы нашли лучше удобности; не пренебреги, при своихъ безчисленныхъ хлопотахъ, и сей совѣтъ.

Апрѣля 20-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ. Письма и рапорты твои отъ 6-го апрѣля я получила въ самой день праздника, съ которымъ тебя поздравляю и желаю тебѣ счастія и здоровья, и силы душевной и тѣлесной въ высшей мѣрѣ.

Спасибо тебѣ, что немѣшкатно ты отвѣтствовалъ на мои письма о шведскомъ вооруженіи; они въ самомъ дѣлѣ существуютъ, но будутъ ли употреблены въ дѣйствіе противу насъ—сіе время докажетъ; между тѣмъ здравой разсудокъ требуетъ, чтобъ съ той стороны были всячески обезобочены мы, наипаче во всѣхъ тѣхъ способахъ, кои отъ насъ самихъ зависятъ, и для того на морѣ изготовляются, какъ тебѣ уже извѣстно, 10 кораблей и прочее, а вчерашній день я подписала наборъ изъ церковниковъ, и такъ наша постура [1]) теперь весьма почтительна; датчанамъ также сказано, чтобъ свой долгъ не упустили. въ чемъ не откажутъ, я увѣрена. Лишней же тревоги никакой, конечно, не окажемъ. Нолькенъ самъ собою изъяснился, по городовымъ слухамъ, о войнѣ съ шведами, съ вице-канцлеромъ, и между прочими рѣчами сказалъ, что король его безъ сумашествія подобной шагъ предпринять не можетъ, но что отъ молодежи, его окружающей, всякую нелѣпость ожидать немудрено, и естьли сіе сдѣлается, то онъ, Нолькенъ, поѣдетъ жить въ Лифляндію. Сказываютъ, что шведская нація на сіе не будетъ взирать съ пріятностію; а очень статься можетъ, что король, выманя деньги у другихъ державъ, подъ видомъ вооруженія, потомъ оныя покинетъ.

Отселѣ писано къ Разумовскому, и надѣюсь, что все на рѣчахъ кончится. Перлюстрованное письмо Линьева сына не великое уваженіе прибавляетъ къ распорядку нашего союзника, но лучше его имѣть для, нежели противу насъ, какъ въ прошедшей войнѣ.

Пришли ко мнѣ чертежъ двойныхъ шлюпокъ, какъ у тебя строятся и какія совѣтуешь употребить. Касательно мѣщанъ и ямщиковъ пришли планъ и штатъ, какъ ихъ формировать на казацкой обра-

[1]) Положеніе.

Библиотека "Руниверс"

зецъ. Я надѣюсь теперь получить вскорѣ извѣстіе о выступленіи войскъ, понеже и у насъ уже трава показалась и погода весенняя и красная.—Прощай, мой другъ, будь здоровъ и веселъ; по полученнымъ изъ Цареграда извѣстіямъ, то капитанъ-паша выжидаетъ только первую неудачу турковъ, чтобъ сильно домогаться о мирѣ, и повсюду разнесся (слухъ), что подъ осень заключенъ будетъ. Дай Боже, я сіе отъ сердца желаю, и чтобъ ты сюда возвратился и я-бъ не была бы безъ рукъ, какъ нынѣ.

Какъ возьмешь, съ Божіею помощію, Очаковъ, тѣмъ и кончится; а Булгакова я считаю теперь уже въ Ливурнѣ, понеже хотѣли его отпустить къ половинѣ марта моремъ [1]).

Царское Село.—Мая 1-го ч.

Другъ мой любезный, князь Григорій Александровичъ. Сожалѣю, что ты простудился и отъ того почти оглохъ; прошу вспомнить, что твое здоровье мнѣ нужно, и мои увѣщанія, чтобъ имѣть о себѣ всякое попеченіе. Я вчерашній день изъ города сюда переселилась, понеже день былъ теплой, а къ вечеру у насъ слышенъ былъ издали громъ. Сегодня годъ, какъ я была въ Кременчугѣ.

Пауль Жонесъ пріѣхалъ сюда и дня черезъ два или три поѣдетъ къ вамъ; онъ ищетъ переводчика, котораго дать ему приказала; онъ охотою къ нашей службѣ пылаетъ; онъ мнѣ говорилъ, что для нашего флота полезно бы было имѣть Синопъ, либо гавань на той сторонѣ, ради случиться могущихъ бурь; я на сіе ничего не отвѣчала, чтобъ тебѣ ничѣмъ руки не связать, а ты расположишь къ лучшему. Теперь ожидать буду отъ тебя писемъ и извѣстій о предпріемлемыхъ дѣйствіяхъ и въ чемъ вы съ фельдмаршаломъ Румянцовымъ условитесь. Александра Матвѣевича (Мамонова) я сдѣлала шефомъ Казанскаго кирасирскаго полка и полковникамъ размѣниться приказано. О Браницкомъ къ тебѣ рескриптъ подписанъ. Прощай, мой другъ, будь здоровъ.

(Безъ числа, но полагать должно—мая 2-го ч.).—Изъ Царскаго Села.

Въ отвѣтъ, мой другъ, на твое письмецо тебѣ скажу, что пріѣзду твоему обрадуюсь; но хотя и знаю, что отъѣздъ твой необходимо нуженъ, однако объ ономъ и думать инако не могу, какъ съ прискорбіемъ. Я вчерась сюда пріѣхала и съ большимъ удовольствіемъ глотала загородный воздухъ.

---

[1]) Яковъ Ивановичъ Булгаковъ—чрезвычайный посланникъ въ Константинополѣ съ 1781 г.; заключенъ въ Семибашенный замокъ, по повелѣнію султана предъ началомъ войны съ Россіею, гдѣ и просидѣлъ 27 мѣсяцевъ.

Л.

Библиотека "Руниверс"

Царское Село.—Мая 7-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ. Вручителю сего письма контръ-адмиралу и кавалеру Пауль Жонесу я долженствую отдать справедливость, что онъ показываетъ великую охоту оказать свое усердіе, служа подъ вашимъ предводительствомъ или руководствомъ, гдѣ за благо найдете его употребить. Письма ваши, отъ 28-го апрѣля, я получила и на нихъ вскорѣ отвѣтствовать буду; пребываю къ вамъ доброжелательна и прошу быть здоровымъ. Екатерина.

Прочтя сіе письмо, мнѣ оно показалось очень чинно написано и для того заблагоразсудила сказать, что я тебя, мой другъ, очень люблю запросто.

Кн. Потемкинъ—Екатеринѣ II.

Елисаветградъ.—Мая 10-го ч.

Матушка, всемилостивѣйшая государыня, полки частію подходятъ къ Бугу, а и прочіе въ движеніи. Я скоро туда отправлюсь, и что̀ придетъ передовыхъ войскъ, то переправлю отъ Крымскихъ степей къ Очакову и Бендерамъ. Изъ приложенныхъ писемъ Витта и показаній взятыхъ турокъ изволите усмотрѣть въ какой крайности Хотинъ: цесарской полковникъ Фабри взялъ и съ деньгами транспортъ, идущій въ Хотинъ. Пора нашимъ въ той части, гдѣ жилье и продовольствіе, и по самой границѣ разомъ оказаться, да и переходить. Не должно оставлять цесарцовъ, которые уже не шутя повели дѣйствія въ Молдавіи.—Матушка государыня, въ той части еще нашъ ни пистолетъ не выстрѣлилъ.

Мой мичманъ Глези уже въ третій разъ себя показалъ. Пожалуйте ему володимірской крестъ, для поощренія другихъ. Также и Платову, арміи полковнику и старшинѣ Донскому. Какое прекрасное войско изъ однодворцевъ,—далеко перещеголяли донскихъ.

Лодокъ канонерскихъ, рѣчныхъ и мореходныхъ, построенныхъ въ Кременчугѣ, числомъ сто; половина пришла въ Херсонъ, часть въ пути, а послѣднія съ катерами на сихъ дняхъ отправятся.—Мало у меня только пороху, также бомбъ и ядеръ для флотиліи. Транспорты, подвижные магазейны всѣ въ Елисаветъ (градъ) пришли, опричъ трехъ сотъ фуръ изъ Харькова; мосты на своихъ мѣстахъ; лошадей не получилъ еще для полевой артиллеріи, на которыхъ годъ уже, какъ деньги отпущены, но они покупались въ Петербургѣ и въ Москвѣ; однакожъ я здѣсь велѣлъ другихъ скупить. Кавказскому и Кубанскому корпусамъ приказалъ идти; въ Крыму предписалъ защищаться, стараясь впустить непріятеля въ землю и отрѣзать отъ судовъ. — Дай Боже

Библиотека "Руниверс"

помощь; но при томъ помяну мою прежнюю мысль, что, не имѣя тамо крѣпостей надежныхъ, ни флоту еще сильнаго, гораздо-бы лучше было его оставить, и, давъ войти непріятелю, его выгнать.—Войска же его тамошнія, находясь за Перекопомъ, могли, по обстоятельствамъ, дѣйствовать и умножить наше пититное [1]) число, а теперь они, кромѣ обороны, по которой привязаны къ Севастополю, въ Тавридѣ, какъ въ кошелѣ, лежать должны.

Матушка, всемилостивѣйшая государыня.—Я и пойду и буду дѣйствовать со всею ревностію, не смотря на новость моей пѣхоты, которая почти вся изъ рекрутъ; я вездѣ собою показывать стану примѣръ, съ охотою принесу на жертву жизнь мою, вамъ, моей матери, государству, и, можно сказать, христіанству, надѣясь несомнѣнно, что Богъ мнѣ поможетъ. Я вездѣ сдѣлалъ всевозможныя распоряженія противу непріятельскихъ покушеній, но какъ успѣхи военные перемѣнѣ подвержены, то если бы, за всѣми моими стараніями, гдѣ либо непріятель получилъ выигрышъ, не причтите, всемилостивѣйшая государыня, мнѣ въ вину. Богъ видитъ, сколько я распаленъ желаніемъ принести вамъ славу.

Въ Польшѣ въ большой фермантаціи, а особливо молодежь, а не меньше всѣхъ ихъ г. Браницкій; матушка, прикажи поспѣшить, ибо ихъ другой наклонить можетъ. Пользуйтесь ихъ расположеніемъ къ намъ. Ко мнѣ пріѣхалъ Пулавской, храбрый человѣкъ, извѣстный на Волыни; онъ противу Пугачова дрался, спрашиваетъ только, чтобы мундиръ надѣть и сюда явиться, а люди у него готовы; онъ хочетъ быть вездѣ съ Браницкимъ...

(Конца письма въ Сборникѣ нѣтъ).

Императрица—кн. Потемкину.

Царское Село.—Мая 11-го ч.

Любезный другъ, князь Григорій Александровичъ. Вчерашній день великая княгиня родила дочь, которой дано мое имя, слѣдовательно, она—Екатерина; мать и дочь здоровы теперь, а вчерась материна жизнь была два часа съ половиною на весьма тонкой ниткѣ; видя крайность, я рѣшилась приказать Ассофеиру [2]) спасти ей жизнь, за что теперь мнѣ и мужъ, и жена много благодарятъ.

Твои письма отъ 28-го апрѣля я получила; изъ коротенькаго вижу, что ты леталъ повсюду, на сухомъ пути и на водѣ, и распорядилъ

---

[1]) Малое.

[2]) Акушеру.

Библиотека "Руниверс"

все нужное; курьера, обѣщаннаго изъ Елисавета,—буду ждать нетерпѣливо. Брюсъ не хочетъ ѣхать, говоритъ, что ты въ 1783 году, когда онъ просился въ армію, ему отъ меня сказалъ, что онъ здѣсь оставляется ради командованія противъ шведовъ; а что онъ говорилъ о томъ съ Безбородкою, которому я приказала съ нимъ о сей поѣздкѣ говорить, то пускай самъ къ тебѣ напишетъ.

Прощай, мой другъ любезной, я здорова. Пауль Жонесъ къ тебѣ поскакалъ. Будь здоровъ и дай Боже тебѣ всякое счастіе и благополучіе.

У насъ такъ холодно, что я нишучи почти замерзла.

Князь Потемкинъ—Екатеринѣ II.

Елисаветъ.—Мая 19-го ч.

Матушка, всемилостивѣйшая государыня! Я получилъ (извѣстіе) о разрѣшеніи ея императорскаго высочества и на другой день праздновалъ. Въ тотъ же день было освященіе знаменъ казацкаго прекраснаго войска, что́ вы позволили составить изъ однодворцевъ Екатеринославскихъ.

Греки крейсирующіе весьма храбро и охотно поступаютъ; хорошо, коли бы наши морскіе подобились имъ, но ихъ погубила наука, которую они больше употребляютъ на отговорки, нежели на дѣйствія. Я произвелъ мичманами тѣхъ, кои сражались въ близости флота непріятельскаго. Повидимому, турки смотрятъ, куда мы обратимъ свои силы, дабы туда же и имъ собраться. Войска почти всѣ къ Бугу пришли, выключая казаковъ, которыхъ Днѣпръ удерживаетъ. Подлежащее къ осадѣ приходитъ въ готовность; я былъ бы уже на Бугѣ, но присутствіе мое здѣсь нужно, для побужденія заднихъ, дабы скорѣе шли. Переходъ за Бугъ будетъ въ двухъ мѣстахъ: 1) мостъ понтонной ниже Ольвіополя въ двухъ верстахъ, гдѣ, съ частью пѣхоты, переправятся почти всѣ легкія войска и передовая конница, которую я составилъ изъ полковъ легкоконныхъ Ольвіопольскаго и Воронежскаго. Сіи состоятъ изъ чужестранцевъ, которые хотѣли всѣ взять абшиды, но я ихъ уговорилъ служить, согласясь на ихъ просьбу—быть по-гусарски одѣтымъ, что и легко было сдѣлать, перемѣня токмо одни камзолы, коихъ минулъ срокъ, на дулеманы. И тутъ была мнѣ пакость: разсказали имъ, что изъ малороссійскихъ полковъ брали карабинеръ въ гренадеры, то и съ ними будто тоже будетъ, а они всѣ почти изъ служившихъ въ другихъ арміяхъ гусаровъ, то и не желали отъ страха остаться, развѣ бы сдѣлать ихъ гусарами. Сіи два полка и

Библиотека "Руниверс"

полкъ волонтеровъ гусарской, да корпусъ казаковъ Екатеринославскихъ регулярной, назвалъ я передовою конницею и впредь поднесу докладъ, какъ сему корпусу быть въ военное и мирное время. Какъ первая часть, перейдя Бугъ, достигнетъ тою стороною до мѣста, противу Александровки лежащаго, тогда наведется тутъ другой мостъ и перейдетъ все остальное. Соединя тутъ войски, пойду впередъ до Аджичіола, гдѣ присоединятся ко мнѣ, переправяся судами изъ Херсона, 6 баталіоновъ пѣхоты и осадная артиллерія — переправляться будутъ у Русской косы на устьѣ Буга. Въ тоже время всѣ суда подступятъ къ Очакову и Александръ Васильевичъ (Суворовъ) своими войсками наступать будетъ съ моря, а я съ сухаго пути, да благословитъ Богъ.

Матушка государыня, я слышу, будто императоръ вамъ и, чрезъ посла, вице-канцлеру жаловался на несодѣйствіе армій. Съ какой стати меня они тутъ припутываютъ. Войски, мнѣ ввѣренныя, бо́льшею частію хранить должны границы, наступательное же у меня на одинъ пунктъ, то-есть на Очаковъ, которое не можетъ имъ служить диверсіею и для чего я долженъ путемъ собраться и взять всѣ мѣры, чтобы не плакаться такъ, какъ они съ Дубицею, мѣстомъ почти безъ укрѣпленія. По нечаянной войнѣ, мнѣ было нужно сдѣлать въ 4 мѣсяца то, чтобы должно было въ два года произвести. Пускай другой могъ бы возымѣть куражъ чинить совсѣмъ разбитой погодою флотъ, настроить гребныхъ судовъ, могущихъ ходить въ морѣ такое множество и сформировать совсѣмъ вновь шестнадцать баталіоновъ пѣхоты, до десяти тысячъ совсѣмъ новой конницы, составить большой магазинъ подвижной, снабдить артиллерію ужаснымъ числомъ воловъ, изворачиваться въ провиантаніи — и все это въ 4 мѣсяца, охраняя границы ваши, на которыхъ, благодаря Бога, все сохранено, на степяхъ, безъ достаточныхъ квартиръ, а паче на Кинбурнской сторонѣ, гдѣ слишкомъ на десять тысячъ людей въ три недѣли было должно построить жилища.

Имъ въ содѣйствіе по своему положенію слѣдуетъ единственно отъ арміи украинской, которая всюду могла обращаться, имѣя вездѣ выгодныя селенія. Я весьма доволенъ Неранчичемъ: онъ, въ короткое время, вывелъ уже тысячу гусаръ на службу [1]). Скоро и другая довербуется, и очень хорошо вооружены. Я признаюсь, что въ немъ много способностей, матушка всемилостивѣйшая государыня, вы увидите, съ какою я охотою пойду.

---

[1]) Давидъ Гавриловичъ Неранчичь, сводный братъ Зорича, въ 1789 г. генералъ-маіоръ, фл.-адъютантъ. Л.

Библиотека "Руниверс"

P. S. У насъ Александра Васильевна[1]) отошла было на тотъ свѣтъ, но вдругъ и неожиданно Богъ помогъ.

Императрица—кн. Потемкину.

Мая 27-го ч.

Другъ мой любезный, князь Григорій Александровичъ. Вчерашній день, когда я сбиралась отвѣтствовать обстоятельно на твое письмо отъ 10-го сего мѣсяца, тогда пріѣхалъ Рибопьеръ съ его отправленіемъ отъ 19-го мая. Исправное и подробное твое описанія состоянія дѣлъ и дѣйствій, также отправленіе ко мнѣ курьеровъ чаще прежняго, служитъ къ моему удовольствію и спокойствію душевному. Я вижу изъ твоихъ писемъ вообще разумныя твои распоряженія, что все уже въ движеніи, и что̀ во всѣхъ случаяхъ и вездѣ соотвѣтствуетъ, въ полной мѣрѣ, моей къ тебѣ довѣренности и моему выбору; продолжай, мой другъ, какъ началъ; я надѣюсь, что Богъ благословитъ твою ревность и усердіе ко мнѣ и къ общему дѣлу, и увѣнчаетъ твои предпріятія успѣхами, а во мнѣ, будь увѣренъ, имѣешь вѣрнаго друга. Отъ фельдмаршала Румянцова давнымъ давно я писемъ не имѣю и не вѣдаю, что̀ онъ дѣлаетъ, а только о семъ знаю чрезъ письма его, которыя ты ко мнѣ присылаешь; ужо скажетъ, я чаю, что смерть матери его погрузила въ такую печаль, что писать не могъ[2]).

Мичману Глезіе и полковнику Платову владимірскіе кресты даны въ крестины великой княжны Екатерины. Мнѣ Рибопьеръ сказалъ, что ты Пауль Жонеса весьма ласково принялъ, чему я тѣмъ паче радуюсь, что онъ нѣсколько опасался, что онъ тебѣ не понравится, но я его увѣряла, что съ усердіемъ и ревностью тебѣ весьма легко угодить можно и что ты его пріѣздъ ожидаешь нетерпѣливо, съ чѣмъ и поѣхалъ. Вслѣдъ за нимъ, для подкрѣпленія его въ добрыхъ расположеніяхъ, я къ нему послала оригинальное письмо Симолина[3]) тогда полученное, въ которомъ прописано было, какъ ты домогался Пауль Жонеса достать, что̀ служить могло ему доказательствомъ, какъ ты къ нему расположенъ и о немъ думаешь.

На оставленіе Крыма, воля твоя, согласиться не могу: объ немъ идетъ война, и естьли сіе гнѣздо оставить, тогда и Севастополь, и всѣ труды и заведенія пропадутъ, и паки возстановятся набѣги та-

---

[1]) Графиня Браницкая, рожд. Энгельгардтъ, племянница кн. Потемкина.

[2]) Графиня Марья Андреевна Румянцева, рожденная гр. Матвѣева, скончалась 4-го мая 1788 г., на 96-мъ году отъ рожденія.

[3]) Иванъ Матвѣевичъ Симолинъ, полномочн. министръ въ Парижѣ.

Ж.

Библиотека "Руниверс"

тарскіе на внутреннія провинціи, и кавказскій корпусъ отъ тебя отрѣзанъ будетъ, и мы въ завоеваніи Тавриды паки упражняемы будемъ, и не будемъ знать куда дѣвать военныя суда, кои ни въ Днѣпрѣ, ни въ Азовскомъ морѣ не будутъ имѣть убѣжища. Ради Бога, не пущайся на сіи мысли, коихъ мнѣ понять трудно и мнѣ кажутся неудобны, понеже лишаютъ насъ многихъ пріобрѣтенныхъ миромъ и войною выгодъ и пользъ. Когда кто сидитъ на конѣ, тогда сойдетъ-ли съ онаго, чтобъ держаться за хвостъ. Впрочемъ, будь благонадеженъ, что мысли и дѣйствія твои, основанныя на усердіи, ревности и любви ко мнѣ и къ государству, каковъ (бы) успѣхъ ни былъ, тебѣ всеконечно въ вину не причту.

Въ Польшу давно курьеръ посланъ и съ проектомъ трактата, и думаю, что сіе дѣло уже въ полномъ дѣйствіи; универсалъ о созывѣ сейма уже въ полученіи здѣсь. Графъ Чернышевъ сюда возвратился.

Изъ письма твоего отъ 19-го мая вижу, что ты получилъ мое извѣщеніе о рожденіи моей внуки Екатерины; при семъ случаѣ родители ея оказались, противу прежняго, ко мнѣ гораздо ласковѣе, также почитаютъ, нѣкоторымъ образомъ, что я матери спасла животъ, ибо жизнь ея была два часа съ половиной въ немалой опасности отъ единаго ласкательства и трусости окружающихъ ее врачей, и, видя сіе, ко времени и кстати удалось мнѣ дать доброй совѣтъ, чѣмъ дѣло благополучно кончилось и теперь она здорова, а онъ сбирается къ вамъ въ армію, на что я согласилась, и думаетъ отселѣ выѣхать двадцатаго іюня, то-есть, послѣ шести недѣль чрезъ день, буде шведскія дѣла его не задержатъ; буде полуумной король шведской начнетъ войну съ нами, то великій князь останется здѣсь, и я графа Пушкина назначу командиромъ арміи противъ шведовъ, а Брюсъ бѣсись, какъ хочетъ: какъ мнѣ дураку, который неудачу имѣлъ гдѣ былъ, ввѣрить такую важную въ теперешнее время часть[1]).

Шведскія дѣла теперь въ самомъ кризисѣ; что́ по онымъ дѣлается и дѣлалось—усмотришь изъ сообщаемыхъ тебѣ съ симъ курьеромъ бумагъ. Вооруженія наши для Средиземнаго моря, о которыхъ всѣмъ дворамъ сообщено, и слѣдовательно, и шведскому, король шведской притворяется будто принимаетъ, что то все противу него, и въ Карлскронѣ дѣлаетъ заподлинно великое вооруженіе; команду сего флота далъ своему брату, поѣхалъ теперь въ Карлскрону выводить корабли на рейдъ, а предъ тѣмъ собралъ сенатъ и оному объявилъ, что какъ

---

[1]) Мусинъ-Пушкинъ, гр. Валентинъ Платоновичъ, ген.-аншефъ, ген.-адъют., вице-президентъ военной коллегіи.—Брюсъ, гр. Яковъ Александровичъ, ген.-адъют., сенаторъ. Л.

Библиотека "Руниверс"

Россія противу него вооружается и его всячески къ войнѣ провокируетъ[1]) (къ сему прибавилъ лжей и клеветъ на насъ и на своего министра Нолькена), то онъ долженъ готовиться къ войнѣ же—всѣ сенаторы хвалили его бдѣніе. Выѣхавши изъ сената, приказалъ галеры вооружить, и его гвардіи и еще шести полкамъ готовиться къ переправѣ въ Финляндію, куда, возвратясь изъ Карлскроны, самъ отправиться намѣреніе имѣетъ; подозрѣваютъ, что Порта ему дала денегъ на сіе вооруженіе. Пока король сіи распоряженія дѣлалъ, его министръ призвалъ датскаго министра и ему говорилъ, что, видя россійское вооруженіе, онъ долженъ вооружиться и что надѣется на ихъ дружбу, что ему сіе не почтутъ въ недружбу. Съ сими вѣстьми курьеръ пріѣхалъ отъ Разумовскаго[2]). Къ сему разговору Оксенстіерны съ датскимъ министромъ, и отъ сего послѣдняго сюда сообщеннаго, теперь возьмемъ поводъ къ объясненію: вице-канцлеръ скажетъ Нолькену, а Разумовскій въ Стокгольмѣ Оксенстіернѣ, какъ ты увидишь изъ бумагъ, и можетъ быть, что дѣло кончится тѣмъ, что король, пріѣхавши въ Финляндію, со мною обошлется, какъ обыкновенно, комплиментомъ и своею демонстраціею будетъ доволенъ; но буде вздумаетъ воевать, то стараться будемъ обороняться, а что съ кого-нибудь получилъ деньги—о томъ сомнѣнія нѣтъ. Средиземную эскадру теперь выводятъ на рейдъ, такожде войска отчасти уже посажены на суда. Датскіе и англинскіе транспортные къ намъ явились съ тѣмъ только, чтобъ имѣли нашъ флагъ — сей имъ я дозволила и о томъ и спора нѣтъ. Посмотримъ, будутъ-ли шведы сему флоту препятствовать выйти изъ Балтики или нѣтъ, и получили-ли на то денегъ; все сіе въ скоромъ времени откроется.

Что греки у тебя весьма храбро поступаютъ—сему радуюсь, а что нашихъ наука погубила, быть легко можетъ. Турки кажутся въ немаломъ замѣшательствѣ; странно, что чужестранные у тебя захотѣли лучше гусарской нарядъ нежели иной, а съ симъ нарядомъ пошли въ передовую конницу. Александръ Васильевичъ Суворовъ сдѣлаетъ, какъ я вижу, контръ-визитъ Очакову. Богъ да поможетъ вамъ. Кто, мой другъ, тебѣ сказывалъ, будто императоръ мнѣ и, черезъ своего посла, вице-канцлеру жаловался на несодѣйствіе твоей арміи, тотъ совершенно солгалъ: о семъ ни единаго слова ни я, ни вице-канцлеръ ни въ какое время не слыхали ни прямо, ни стороною. Впрочемъ, кому извѣстно столько, какъ мнѣ самой, съ открытія войны сколько ты трудовъ имѣлъ: флотъ чинилъ и строилъ, формировалъ

[1]) Вызываетъ.

[2]) Гр. Андрей Кирилловичъ Разумовскій, полномочный министръ въ 1786—1788 гг. въ Стокгольмѣ. Л.

Библиотека "Руниверс"

вновь пѣхоту и конницу, собралъ въ голодное время магазины, снабдилъ артиллерію волами и лошадьми, охранялъ границу, такъ что во всю зиму ни кота не пропускалъ (NB. Сему еще примѣру не было и сему же я много кратъ подивилась) и Кинбурнъ предохранилъ. Естьли для Неранчича желаешь имѣть крестъ владимірской, котораго класса, то дай мнѣ о семъ знать. О болѣзни Александры Васильевны[1]) много сожалѣю; присланныя отъ нея ко мнѣ деревья принялись, но выдержатъ-ли зиму—не вѣдаю, садовники говорятъ, будто нѣтъ.

Усердіе къ Россіи при тебѣ находящихся поляковъ мнѣ весьма пріятно. Другъ мой, я бы рада была тебѣ дозволить набрать войско, но не знаю, станетъ-ли у меня на прибавку войскъ денегъ. Копію съ письма гр. Петра Александровича[2]) я у себя оставила; что́ за письма Зертисъ-Еффендія, кои пропали? Извѣстія же гр. Салтыкова о намѣреніи поляковъ, почитаю за ложь. Прощай, мой другъ, Богъ съ тобою, желаю тебѣ здравія, счастія и благополучія.

Александру Матвѣевичу (Мамонову) отъ цесаря прислано графское достоинство. . . . . .

. . . . . .

ты его любишь какъ сына и такъ не сомнѣваюсь, что ты въ семъ возьмешь пріятное участіе.

Пришли ко мнѣ скорѣе свой планъ о формированіи казацкихъ войскъ изъ ямщиковъ и мѣщанъ, такожде старшины казацкаго.

Богъ видитъ, я не сомнѣвалась, что будешь поступать какъ честь и добрая вѣра приписываетъ, а теперь еще больше надѣюсь на твое доброе и безпорочное расположеніе.

Князь Потемкинъ—Екатеринѣ II.

Елисаветъ.—Мая 27-го ч.

Капитанъ-паша съ огромнымъ флотомъ прибылъ къ Очакову; отправилъ я Пауль Жонеса на лиманъ и въ Кинбурнъ для осмотра, но еще не могу дождаться отвѣта: по причинѣ большой бури на лиманѣ не могъ онъ переѣхать. Я бы, матушка всемилостивѣйшая государыня, былъ уже самъ за Бугомъ, гдѣ войски теперь находятся, но нужно дождаться изъ Херсона отъ Пауль Жонеса увѣдомленій. Флотъ непріятельскій многочисленъ и силенъ людьми. Какъ они пришли, то стоящая на брантъ-вахтѣ наша дупель-шлюпка отъ Кинбурна лишь отва-

---

[1]) Браницкой, племянницы Потемкина.

[2]) Петръ Александровичъ Румянцевъ.

Библиотека "Руниверс"

лила, то за ней болѣе тридцати разныхъ судовъ кинулись. Командиръ оной, капитанъ-лейтенантъ Сакенъ, не могши болѣе уходить, полетѣлъ съ судномъ на воздухъ. Столь мужественная рѣшительность заслуживаетъ воздаяніе его оставшимъ. Здѣсь дѣло, матушка, идетъ не на шутку, нужно, чтобы армія (украинская) дѣйствовала, а то все на одинъ пунктъ обратится. Моя наступательная сила состоитъ въ 22-хъ баталіонахъ пѣхоты; конницы достаточно, прочіе всѣ на караулѣ; я долженъ и флотъ беречь и Кинбургскую, такъ называемую, крѣпость. Простите, матушка, всемилостивѣйшая государыня, я во всю жизнь, и проч.

Императрица—кн. Потемкину.

Іюня 4-го ч.

Другъ мой любезный, князь Григорій Александровичъ. Вчерашній день до моихъ рукъ дошло твое письмо отъ 2-го (27-го?) мая, съ извѣстіемъ о пріѣздѣ турецкаго флота въ Очаковъ. Мужественной поступокъ капитанъ-лейтенанта Сакена заставляетъ о немъ много жалѣть; я отцу его намѣрена дать мызу безъ платежа аренды, а братьевъ его приказала отыскать, чтобъ узнать какія имъ можно будетъ оказать милости [1]). Ко мнѣ пишетъ фельдмаршалъ Румянцовъ, что онъ къ тебѣ поѣдетъ за Бугъ для свиданія, чтобъ съ тобою согласиться о дѣйствіяхъ согласныхъ. Пока сила турецкая на васъ обращена, король шведскій, получа отъ турокъ деньги, вооружилъ военныхъ кораблей до двѣнадцати и перевозитъ войска въ Финляндію; всѣ сіи демонстраціи идутъ, я думаю, на тотъ конецъ, чтобъ флотъ, снаряжаемой въ Средиземное море, тѣмъ остановить; но сей, не смотря на то, пойдетъ въ свой путь, и буде ему сдѣлаютъ на дорогѣ препятствіе, то будетъ искать истребленія препятствія. У насъ же мысли раздѣлены, вице-канцлеръ говоритъ: „не выходя отселѣ, бить шведской флотъ, хотя и задеретъ“; другіе говорятъ: „какъ нашъ флотъ уйдетъ, тогда шведы задерутъ“, а мнѣ кажется, они не задерутъ, а останутся при демонстраціяхъ. Осталось рѣшить лишь единой вопросъ, терпѣть ли демонстраціи? Естьлибъ ты былъ здѣсь, я-бъ рѣшилась въ пять минутъ что̀ дѣлать, переговоря съ тобою. Естьлибъ слѣдовать моей склонности, я-бъ флоту Грейга да эскадрѣ Чичагова приказала разбить въ прахъ демонстрацію; въ сорокъ лѣтъ шведы паки не построили бы кораблей; но сдѣлавъ такое дѣло, будемъ имѣть двѣ войны, а не одну, а, можетъ быть, потянетъ за собою и слѣдствія непредвидѣнныя; и для отдаленія сего, какъ шведской министръ въ Стокгольмѣ гово-

[1]) См. Записки Гарновскаго, «Рус. Ст.» 1876 г. томъ XVI, стр. 14.

Библиотека "Руниверс"

рилъ датскому посланнику, что сей сюда сообщалъ, то и писано, чтобъ дѣло довести до объясненія; а между тѣмъ пиши ко мнѣ скорѣе свое мнѣніе, оно мнѣ нужно, чтобъ я могла установить бродящія мои мысли,—дней же двѣнадцать розницы не сдѣлаютъ никакой,—только скорѣе скажи, что думаешь, и хотя бы и Грейгъ пошелъ въ море, у насъ будутъ двѣнадцать кораблей, кромѣ датскихъ, а съ Грейгомъ всего двадцать семь военныхъ кораблей, кромѣ фрегатовъ; смотря на сіе, руки чешутся, но не безъ оглядки, правду сказать. Разбитіе шведской морской силы дало бы и туркамъ острастку, но однако не хочется и шведскаго короля оправдать, который разславляетъ, будто онъ вооружается, имѣя опасеніе, что мы готовимся на него напасть, и будто для того привели къ его границамъ калмыковъ и татаръ, что̀ сущая ложь, какъ самъ знаешь. У насъ препакостная холодная погода и пятыя сутки буря, что деревья ломаетъ.

Прощай, мой другъ, хлопотъ намъ обоимъ довольно; но Богъ милостивъ, Онъ знаетъ какъ выведетъ, дай Боже благополучно; будь здоровъ и счастливъ.

Начать намъ и потому никакъ не должно, что если онъ насъ задеретъ, то отъ шведской націи не будетъ имѣть, по ихъ конституціямъ, никакой помощи; а буде мы задеремъ, то они дать должны, и такъ полагаю, чтобъ ему дать свободное время дурить, денегъ истратить и хлѣба съѣсть.

Князь Потемкинъ—Екатеринѣ II.

Лагерь на Бугѣ между Чигаклей и Чортица.—Іюня 8-го ч.

Матушка, всемилостивѣйшая государыня, выѣхавъ изъ Елисаветы не очень здоровъ, отъ сильныхъ жаровъ въ дорогѣ захворалъ, чрезъ что пришелъ въ слабость, да и не имѣвъ при себѣ до сего моей канцеляріи, ни курьеровъ, замедлилъ нѣсколько присылкою писемъ.

Теперь, слава Богу, мнѣ гораздо лучше.

Непріятель день отъ дня усиливаетъ флотъ свой подъ Очаковомъ, наипаче гребными судами, которыя и поворотливѣе и многолюднѣе нашихъ, много меня заботятъ; я иду къ той сторонѣ, преодолѣвая всѣ трудности, которыя, по причинѣ многихъ переправъ, не мало меня удерживаютъ, а если бы обходить всѣ рѣчки и рвы, то-бы еще больше труда было, и въ водѣ недостатокъ послѣдовалъ бы. Партіи мои открываютъ (сообщеніе?) къ самому почти Очакову, но непріятель столь остороженъ, что отъ пушекъ не отдѣляется, однимъ словомъ, не тѣ турки и чортъ ихъ научилъ.

Графъ Петръ Александровичъ необходимо долженъ оказаться Бен-

Библиотека "Руниверс"

дерамъ, а безъ того всѣ силы устремлены будутъ ко мнѣ, и такъ уже довольно, притомъ, все что ни лучшее, то здѣсь. Я повторяю, что флотилія ихъ на лиманѣ сильна и тяготитъ меня много.

Неранчичу крестъ втораго класса владимірскаго пожаловать прошу, ибо онъ трудился много.

Журналъ Ефендію Феріери.

Объ отправленіи старшинъ для формированія казаковъ изъ ямщиковъ и мѣщанъ я приказалъ оставить.

Получилъ я договоръ съ императоромъ о препятствіи королю прусскому на Польшу устремляться. Сіе и безъ того могло быть. Будьте увѣрены, что они откроютъ, и тѣмъ рѣшатъ короля прусскаго на предпріятіе. Вѣнскій дворъ добивался сего не для чего инаго, какъ для того, чтобы сцѣпить насъ съ прусскимъ королемъ, а и безъ того хлопотъ много, нужно крайне помириться здѣсь, а то трудно будетъ ладить съ другими, и почти противъ всѣхъ. Сіе я говорю....[1]) какъ вѣрный вашъ подданный.

Что касается до Швеціи, то на что нашъ министръ церемонится? Я думаю нетокмо письменно подать, но и напечатать можно, что вы не намѣрены съ ними нарушать миръ, а что приготовляете къ защитамъ свои границы, видя ихъ ополченія.

Эскадра наша близко турецкой; ежели что будетъ, тотчасъ донесу.

Г. Александра Матвѣевича[2]) я уже предварительно поздравлялъ. Во всю жизнь, и пр.

P. S. Изъ Тавриды не имѣю извѣстія, послѣднее было отъ 31-го мая, и тогда еще было спокойно.

Императоръ поставилъ себя въ оборонительное положеніе—ничего не дѣлаетъ.

Іюня 8-го ч.

Всемилостивѣйшая государыня. При отправленіи сего курьера получилъ я, чрезъ бригадира Корсакова, съ лимана рапортъ, что нашъ флотъ былъ атакованъ шестьюдесятью турецкими судами. Всевышній даровалъ намъ побѣду: три большія судна ихъ взорвали, всѣ суда ихъ прогнаны съ большою конфузіею подъ крѣпостныя пушки; вѣтеръ намъ былъ противный, такъ что суда наши буксированы были запорожцами. Въ самомъ сраженіи капитанъ-паша стрѣлялъ по своимъ, чтобы ихъ остановить; но ничто не помогло. Адмиралъ Пауль Жонесъ, бригадиръ Алексіано и всѣ генерально офицеры и рядовые поступали мужественно. Съ нашей стороны вся

---

[1]) Слово, которое совершенно невозможно разобрать. Нѣсколько похоже на такъ.

[2]) Димитріева-Мамонова. Л.

Библиотека "Руниверс"

потеря состоитъ отъ разорванныхъ чугунныхъ собственныхъ пушекъ. Но принцъ Нассау поступалъ какъ герой и, по справедливости, сія побѣда ему принадлежитъ.

Естьли бы брандеры наши изъ Херсона поспѣли, то бы, конечно, дѣло было рѣшительное, ибо они (турки) всѣ въ безпорядкѣ стѣснились въ кучу подъ Очаковомъ. Всемилостивѣйшая государыня, за симъ донесу подробно о семъ происшествіи; сраженіе продолжалось четыре часа.

Изъ лагеря на Бугѣ.—Іюня 15-го ч.

Матушка, всемилостивѣйшая государыня, мысль ваша святая, чтобы шведовъ не задирать, а флотъ въ Средиземное море отправить, ибо, задравши, нація отдастъ королю и власть, и способы. Хорошо, если бы навѣрно можно было истребить флотъ ихъ; но они, примѣтя первое наше движеніе, отойдутъ къ портамъ укрѣпленнымъ, и такъ дѣло начнемъ напрасно и удержимъ флотъ свой, который единственною диверсіею для морскихъ силъ турецкихъ, ибо вы изволите знать, какое ужасное неравенство между нашими силами на Черномъ морѣ. Лучше стоять на дефензивѣ и увѣрять гласнѣе дворъ шведской, чтобы народъ узналъ, сколь ваше расположеніе есть вѣчно съ ними сохранять миръ, что сіе есть непреложное правило государства нашего; еслибы дошло какъ нибудь, что завелась у васъ прямо съ королемъ переписка, тутъ бы всему конецъ былъ; тогда бы въ откровенности можно было ему сказать: пусть онъ отъ Порты возьметъ сколько хочетъ, что для васъ это еще выгодно, да лишь бы сидѣлъ смирно. Въ друзья бы (?) сими обстоятельствами нужно пріобрѣсти короля прусскаго, а безъ того ей (Богу) много хлопотъ будетъ. Я крайне скорблю о постановленномъ условіи съ цесаремъ, пусть оно токмо на случай, который не существуетъ, и что отъ него зависитъ не привести сего въ дѣйство; однакожъ, по желанію австрійскому насъ сцѣпить со всѣми, дадутся другія стороны. Я бы думалъ намъ самимъ открыть ему.

О, колибы нашелся способъ намъ примириться здѣсь скорѣй, тогда бы путнымъ образомъ и стремительно можно было проучить шведскаго короля, но сіе долженствуетъ остаться весьма тайно.

Я уже о сію пору былъ бы подъ Очаковомъ, но дожди сильные и необычайные отняли у меня способъ переправиться въ томъ мѣстѣ, гдѣ была удобность. Бугъ, вылившись изъ береговъ, сдѣлался неприступенъ. Насилу нашли мѣсто, подавшись назадъ 35 верстъ. Какое затрудненіе было подымать мосты вверхъ, того описать нельзя, однакожъ все исправлено и завтра все будетъ за Бугомъ. Половина давно уже между Солонихи и Чичаклеи.

Въ числѣ остающагося флота въ Балтикѣ прикажите на фрега-

Библиотека "Руниверс"

тахъ прибавить, укрѣпленія ради, 18-ти фунтовыхъ пушекъ: они симъ сдѣлаются линейными. Тоже умножить на корабляхъ и фрегатахъ гаубицъ и единороговъ: ихъ чиненые заряды несравненно вреда больше сдѣлаютъ. 7-го іюня, въ одинъ мигъ три судна турецкія полетѣли, иныя на воздухъ, иныя въ воду, и ежели-бы капитанъ-паша постоялъ еще часъ, то бы много сгорѣло.

Матушка, всемилостивѣйшая государыня, все сіе дѣло произведено отъ флотиліи принца Нассау, и онъ неутомимъ и ревностенъ. Не оставьте его отличить, чрезъ сіе новернете головы у всѣхъ французовъ, да и справедливость требуетъ.

Пауль Жонесъ весьма намъ будетъ полезенъ, чрезъ него сдѣлано пріобрѣтеніе не малое для службы, онъ знающъ и въ сооруженіи судовъ, много совершенно доволенъ и я, конечно, ему подамъ всѣ выгоды, но не могу скрыть отъ васъ сколько принятіемъ его людей огорчилось: почти никто не хотѣлъ остаться. Англичане всѣ хотѣли оставить службу; тоже и наши многіе морскіе. Бригадиръ Алексіано,— командиръ былъ эскадры, которую я Пауль Жонесу поручилъ,—чуть было съума не сошелъ отъ печали; онъ и съ нимъ всѣ греки хотѣли оставить службу. Что мнѣ стоило хлопотъ это все устроить. Я послалъ дежурнаго бригадира, писалъ ко многимъ и ласками и угрозами насилу удержалъ.

Алексіано, человѣкъ доброй, но упрямой и прямой, такъ было озлился, что насилу уговорили. Сказалъ, что онъ сердитъ на меня, да и на васъ тутъ-же; это было по утру, а въ вечеръ пришелъ и объявилъ, что остается для того, что непріятель врагъ нашего закона, и греки всѣ остались по его примѣру. — Чтожъ сдѣлалось потомъ?—7-го іюня во всѣхъ такое было рвеніе, что другъ передъ другомъ рвались, и какъ, по причинѣ вѣтра противнаго, парусныя суда не могли тронуться съ мѣста, а въ дѣло вошла только флотилія принца Нассау, то всѣ, даже больные, пріѣхали на шлюбкахъ. Пауль Жонесъ на шлюбкѣ у Нассау былъ вмѣсто адъютанта, а Алексіано велъ запорожцевъ, которыми тянули суда на буксирѣ и все кричалъ, чтобъ цѣлили на капитанъ-пашу; онъ съ такою былъ холодностію, что всѣхъ удивилъ; довѣренность къ нему чрезвычайная.—Помилуйте, матушка, сдѣлайте съ нимъ милость, произведите его; ей, ей, онъ достоинъ; жаль будетъ его потерять, даже самъ Пауль Жонесъ объ немъ проситъ,

Въ разсужденіи морскихъ, нельзя-ли прибавить у нихъ одной степени, которой у нихъ нѣтъ—сдѣлать капитана-лейтенанта секундъ-маіорскаго чина. Чрезъ сіе прибавился бы способъ въ нынѣшнее время ко одобренію.

Библиотека "Руниверс"

Молодой графъ Дамасъ храбръ, усерденъ и трудолюбивъ; въ короткое время выучился уже по русски.

Простите, матушка всемилостивѣйшая государыня; по смерть, и проч.

Императрица—кн. Потемкину.

Іюня 16-го ч.

Другъ мой любезный, князь Григорій Александровичъ. Письма ваши отъ 8-го іюня, изъ лагеря на Бугѣ между Чичаклеей и Чартала, вчерашній день я получила; сожалѣю весьма, что, выѣхавши изъ Елисаветы, отъ сильныхъ жаровъ на дорогѣ ты занемогъ и пришелъ въ слабость и что симъ и иными препятствіями остановилось отправленіе писемъ къ намъ; мы же жили двѣ недѣли въ ожиданіи посреди пресильныхъ жаровъ, что̀ духоты, признаться должно, не уменьшало; радуюсь, что тебѣ есть гораздо лучше. Непріятели, усиливая день отъ дня подъ Очаковымъ наипаче гребными судами флотъ свой (хотя оныя поворотливѣе и многолюднѣе нашихъ), однако, заботя васъ много спекулятивно, въ самомъ дѣлѣ, подали случай къ преодолѣнію всѣхъ трудностей, что̀ усматриваю изъ письма вашего, писаннаго при самомъ отправленіи курьера, на которое ниже сего особенно отвѣтствовать буду.—Я надѣюсь, что трудности въ переходѣ за Бугѣ вы равномѣрно преодолѣете. Что турки осторожнѣе стали и отъ пушекъ не отходятъ, сіе не столь приписывать, можетъ статься, должно искусству, колико опасности. Петръ Александровичъ ко мнѣ пишетъ, что онъ на Бугѣ съ вами хотѣлъ съѣхаться. Имѣете-ли вы какія вѣсти—гдѣ визирь или та часть турецкой арміи, наряженная противу насъ? Неранчичу крестъ втораго класа владимірской посылаю.

По случаю Жернакъ-ефендія можно сказать, что гора мышь родила.

Здѣсь слухи о шведскомъ вооруженіи и намѣреніи шведскаго короля намъ объявить войну ежедневно и ежечасно умножаются; онъ въ Финляндію перевелъ и переводитъ полки; флотъ его уже изъ Карлскроны выѣхалъ и его самого ожидаютъ въ Финляндіи на сихъ дняхъ; графа Горда онъ изъ Берлина выписалъ, чтобъ командовать финляндской арміею противу насъ. Сему человѣку мы спасли животъ, ибо его покойная императрица Елисавета Петровна, имѣя плѣнникомъ, не выдала шведамъ, кои хотѣли его казнить, какъ казнили Горна и Брага въ 1756 году. Въ договорѣ или министерствомъ данномъ вѣнскому двору подтвердительномъ обнадеживаніи о цѣлости польскихъ посесій инаго ничего не включено, какъ то, что̀ уже въ трактатахъ включено было, что имъ и сказано было, но они неотступно просили и для этого, казалось, браниться было не за что.

Библиотека "Руниверс"

Іюня 18-го ч.

Датчане начали съ шведами говорить тономъ твердымъ; я весьма рада буду мириться, но сей миръ ничѣмъ не пойдетъ поспѣшнѣе, какъ успѣхами вашими, наипачежъ взятьемъ Очакова, котораго, дай Боже, услышать скорѣе.

Іюня 19-го ч.

Вчерашній день получено извѣстіе въ шведскомъ флотѣ, что онъ встрѣтился съ тремя стопушечными кораблями нашими, кои пошли впередъ къ Зунду, и шведы требовали, чтобъ контръ-адмиралъ фонъ Дезинъ имъ салютовалъ, на что послалъ въ отвѣтъ сказать, что по трактату между Россіею и Свейскою короною, 1743 года, 17-й артикулъ, положено другъ другу нигдѣ не салютовать; но понеже герцогъ Зюдерманландскій братъ королевскій и двоюродный братъ императрицы, то онъ его поздравилъ и выстрѣлилъ изъ 13-ти пушекъ, а шведы отвѣтствовали изъ 8-ми пушекъ, и потомъ наши пошли къ Зунду, а ихъ отъ Готланда на востокъ.

Теперь приступлю къ отвѣту на твои письма, писанныя при самомъ отправленіи курьера: наша публика здѣсь несказанно обрадована побѣдою, въ лиманѣ одержанною, съ которою тебя отъ всего сердца поздравляю; на три дня позабыли говорить о шведскомъ вооруженіи; я вѣсти, отъ тебя о семъ полученныя, скорѣе разослала повсюду. Теперь ожидаю отъ тебя подробности и съ радостію раздамъ награжденія по сему случаю и по всякому такому, гдѣ польза и одобреніе службы того требуютъ. Прости, мой другъ любезный, будь здоровъ и благополученъ, и да поможетъ и благословитъ тебя Господь Богъ.

Князь Потемкинъ—Екатеринѣ II.

Лагерь на маршѣ къ Солонихѣ.—Іюня 19-го ч.

Всемилостивѣйшая государыня. Всевышній даровалъ вашему императорскому величеству побѣду: капитанъ-паша гребною флотиліею разбитъ: шесть кораблей линейныхъ сожжено, два отдаетъ, будучи на мели, но не знаю можно-ли будетъ снять, тридцать судовъ разбиты, кои спаслись подъ пушки своей крѣпости. Между кораблями истребленъ капитанъ-пашинской и вице-адмиральской. Въ плѣнъ взято людей съ три тысячи, побито неменьше, нашъ уронъ малъ. Генералъ Суворовъ много вреда сдѣлалъ непріятелю батареями, на косѣ сдѣланными.

Принцъ Нассау неутомимъ ни въ усердіи, ни въ трудахъ—все сіе его дѣло. Бригадиръ Алексіано во всемъ споспѣшествовалъ. Капитанъ-

Библиотека "Руниверс"

паша прогнанъ со стыдомъ и укрывается въ Варну. Флагъ генералъ адмиральскаго корабля и вымпелъ въ нашихъ рукахъ, которые съ обстоятельною реляціею за симъ повергну освященнымъ стопамъ вашего императорскаго величества, а теперь повергаю себя и командовавшихъ, какъ и всѣхъ бывшихъ въ дѣйствіи; войско усердіемъ и храбростію заслуживаетъ высочайшее благоволеніе.

Вашего императорскаго величества вѣрнѣйшій подданный.

Лагерь на маршѣ къ Солонихѣ (безъ числа).

Матушка родная, всемилостивѣйшая государыня, поздравляю съ побѣдой знаменитой: капитанъ-паша, хотѣвшій насъ поглотить, пришедъ съ страшными силами, ушелъ съ трудомъ. Богъ видимо помогаетъ. Мы лодками разбили въ щепы ихъ флотъ и истребили лучшее, а осталась дрянь, съ которою онъ уходитъ въ Варну. Матушка, будьте щедры къ Нассау, сіе дѣло его трудовъ и усердія, и къ Алексіану, который его сотрудникомъ... [1]).

Воздайте всѣмъ трудившимся. Я, по Кинбурнскому дѣлу, имѣлъ столь великую довѣренность, что вы мнѣ ввѣрили нѣсколько егорьевскихъ крестовъ, изъ которыхъ я не сдѣлалъ злоупотребленія. Ежели я буду столь же счастливъ и теперь, то пришлите, матушка, 16 крестовъ, въ томъ числѣ 4 третьяго класса. Ежели дожидаться подробной реляціи, то сіе протянется, а моряковъ наградимъ, то въ послѣдствіи произведемъ еще больше пользы.

Принцу Нассау за первое дѣло я просилъ о второмъ крестѣ, но за сіе нужно щедро его наградить имѣніемъ, и тѣмъ привязать навсегда. Сколько онъ сдѣлалъ и сколько подвергался смерти [2])! Тоже и Алексіано.

Какъ я счастливъ, что сіе припало къ празднику, отъ котораго мое все истекло благополучіе. Я отъ радости внѣ себя, и мочи нѣтъ много хлопотъ: все должно понуждать. Сейчасъ ѣду къ первому корпусу. О естьли бы Богъ даровалъ повергнуть стопамъ вашимъ Очаковъ. Матушка родная, я по смерть вѣрнѣйшій и благодарнѣйшій подданный.

P. S. Вотъ, матушка, сколько было заботы, чтобы въ два мѣсяца построить то, чѣмъ теперь бьемъ непріятеля.

Не сказывая никому, но флотъ Архипелажской теперь остановить совсѣмъ можно, а вмѣсто того прислать въ самой скорости тысячи

---

[1]) Три слова, которыя разобрать невозможно.

[2]) Принцъ Карлъ-Генрихъ Нассау-Зигенъ, вице-адмиралъ, род. 1745, † 1805 г.; служилъ во Франціи, Испаніи и въ 1788 г. принятъ въ русскую службу. Л.

Библиотека "Руниверс"

двѣ хорошихъ матросовъ, еще и штурмановъ, съ прочими нужными (нижними?) чинами, также и офицеровъ. Богъ поможетъ—мы и отсюда управимся, а то въ Архипелагѣ, ежели они не выдутъ, да теперь и не съ чѣмъ, то флотъ тамо будетъ понапрасну. Прикажите на перемѣнныхъ обывательскихъ подводахъ прислать.

Безъ числа.

Матушка, всемилостивѣйшая государыня. Сколь велика милость Господня, того изъяснить довольно не можно, ибо если бы имъ удалось, то нечѣмъ бы держать ихъ было. Тутъ были сбиты самые прыткіе. Запорожцы показали великую услугу: естьли бы не они, то бы не могло ни одно наше судно двинуться. Я, получа подробное донесеніе, отправлю и буду просить для одобренія о награжденіи. Цѣлую ручки ваши.

P. S. Всѣ съ такою охотою были, что и больные выѣхали. Бригадиръ Рибасъ, отъ меня посланной, много показалъ услуги, и, будучи въ горячкѣ, былъ въ передовомъ сраженіи; онъ согласилъ раздоры, которые возникли по причинѣ пріѣзда Пауль Жонеса: никто почти не хотѣлъ оставаться въ службѣ.

Безъ числа.

Вы, матушка, всемилостивѣйшая государыня, всегда щедры были въ возданіяхъ. Какъ наши поколотили капитанъ-пашу при всѣхъ препятствіяхъ отъ вѣтра противнаго и какое рвеніе было во всѣхъ, и чѣмъ мы дрались противу сильнаго числа и людей столь знающихъ дѣйствовать гребными судами,—Богу слава!

Я представляю на аппробацію:

Принцу Нассау второй классъ егорьевской. Пауль Жонесу — анненскую, тоже и Мордвинову—за большія заботы и труды.

Алексіано, который здѣсь старшій бригадиръ, — контръ-адмираломъ, чего онъ весьма достоинъ.

Командирамъ батарей и судовъ, бывшихъ въ сраженіи: подполковникамъ и капитанъ-лейтенантамъ — шпаги золотыя, червонцевъ въ двѣсти каждую, съ надписью: за мужество, оказанное въ сраженіи 7-го іюня на лиманѣ Очаковскомъ.

Тоже бригадиру Корсакову и графу Дамадеражеръ [1]).

Запорожскаго Кошеваго Сидора Бѣлаго—полковникомъ.

Походнаго атамана подполковника и кавалера Исаева—полковникомъ.

Прочимъ, коимъ я могу сдѣлать произвожденіе, дадутся чины.

Рядовымъ и запорожцамъ—по рублю.

Бригадиру Рибасу третій классъ владимірскаго (ордена).

---

[1]) Графъ Рогеръ-Дамасъ—французской волонтеръ. Л.

Библиотека "Руниверс"

Императрица—кн. Потемкину.

Іюня 20-го ч.

Сего утра изъ Стокгольма пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что король свейской прислалъ къ Разумовскому сказать, чтобъ онъ выѣхалъ изъ Стокгольма, привязавшись къ нему за то, что онъ въ нотѣ, поданной для изъясненія о вооруженіи, написалъ: король и нація, выраженіе, которое во всѣхъ трактатахъ со всѣми державами однако употребляется, и королю шведскому казалось оскорбительно, изъ чего видно, что лишь искалъ слабой случай.

Пушкинъ, котораго я наряжаю командовать въ Финляндію, говоритъ, что генералъ-маіоровъ у него мало; я ему говорила, чтобъ съ Москвы, хотя изъ отставныхъ или неслужащихъ, досталъ, а буде можно, пришлите сюда кого отдѣлить можете; правду сказать, изъ Москвы скорѣе доѣдутъ. Съ графомъ Ангальтомъ мы почти въ ссорѣ: je ne sais quelle mouche le pique [1]), когда ѣхать пришло, тогда началъ требовать чинъ и команду, и буде не уймется, то завѣрное разстанемся, ибо закона себѣ предписать я, конечно, никому не дозволю.

Теперь Грейгъ раздѣлается напередъ со шведами, а тамъ отправится.

Іюня 24-го ч.

Другъ мой любезной, князь Григорій Александровичъ. Вчерашній день я получила твои письма отъ 15-го іюня; радуюсь, что твои мысли сходствуютъ съ моими по шведскимъ дѣламъ; Разумовскаго король выслалъ; видя сіе, хотя три стопушечные корабля уже и пошли къ Зунду, но флотъ Грейга, состоящій въ двѣнадцати, и здѣшняя эскадра въ пяти линейныхъ корабляхъ, будутъ крейсировать предъ Ревелемъ, дондеже рѣшится опасеніе, что́, надѣюсь, не замедлится, а буде Богъ тучу пронесетъ, либо въ нашу пользу будетъ рѣшительное, тогда конечно отправлю флотъ въ Архипелагъ, а между тѣмъ и Архангельгородская эскадра подойдетъ, и изъ тридцати кораблей будетъ что́ отправить; на сухомъ пути теперь собираемъ и все идетъ со всѣхъ сторонъ, и стараемся недостатокъ или некомплектъ комплектовать. Графу Валентину Платоновичу [2]) я дала команду въ Финляндію, великій князь ѣдетъ съ нимъ, Николай Ивановичъ Салтыковъ будетъ сидѣть до возвращенія президентомъ или вице-президентомъ въ военной коллегіи; Брюсъ и онъ, я написала, при мнѣ остаются.

Когда Нолькену сказали, чтобъ ѣхалъ, тогда спросилъ: его миссія останется-ли? я велѣла отвѣчать, что смотря на то, что́ съ миссіею

---

[1]) Не знаю, какая муха его укусила.

[2]) Мусину-Пушкину.

Библиотека "Руниверс"

нашею будетъ въ Стокгольмѣ; потомъ просилъ конвой; сей не данъ будетъ, дабы не сказали, что высланъ подъ карауломъ; онъ же ѣдетъ чрезъ Финляндію. Вездѣ запрещенъ первый выстрѣлъ и велѣно только поступать оборонительно. Мнѣ нельзя переписаться теперь самой съ королемъ; онъ же и въ нотѣ Разумовскаго привязался не къ дѣлу, но слова лихо и развратно толковалъ; изъ Берлина есть извѣстіе, будто король прусской хочетъ вступить въ медіяцію между нами и шведами; я отъ сего не прочь, лишь бы кондиціи были непостыдныя, а сохранить миръ настоящій либо на разоруженіи, что противу шведовъ мы согласиться можемъ, лишь бы съ обѣихъ сторонъ равное было. Для меня, конечно, выгодно, что денегъ взялъ у турокъ, ибо у нихъ меньше будетъ.

Дай Боже вамъ способы примириться скорѣе. Простой народъ у насъ короля шведскаго хочетъ бить кнутьями, и на него ужасно сердиты.

Слава Богу, что ты преодолѣлъ всѣ препятствія; каковы сильны у васъ дожди въ началѣ іюня, таковы у насъ были двѣ недѣли.

Іюня 25-го ч.

Сегодня мы пѣли молебенъ за дарованную отъ Бога намъ побѣду 7-го іюня; вышедши съ молебна, великій князь свой кирасирскій полкъ велъ здѣсь мимо, а какъ сей прошелъ чрезъ дворъ, я получила вѣсть отъ Нейштлотскаго исправника, что шведы подослали потихоньку къ заставѣ солдатъ, увезли къ себѣ таможеннаго надзирателя и осмотрщиковъ; я приказала, чтобъ исправникъ и губернаторъ свою должность наблюдали, у себя ловили воровъ, а на шведскихъ жаловались гдѣ надлежитъ. Изъ Даніи есть извѣстіе, что они шведамъ сказали, что они обязаны намъ дать помощь и дадутъ; естьли король прусскій предложитъ медіяцію, то пріиму.

Храброе дѣло на лиманѣ Очаковскомъ меня и всѣхъ много обрадовало, я награжденія съ симъ же курьеромъ посылаю, къ герою князю Нассау-Зигену, къ Пауль Жонесу, къ Алексіано, къ Мордвинову и ко всѣмъ отъ тебя представленнымъ, а тебѣ скажу, что ты мой другъ любезный и что я тебя много, много и очень много люблю и качества твои чту и надѣюсь отъ тебя видѣть величайшія услуги, будь лишь здоровъ и благополученъ. Что морскіе всѣ сбѣсились отъ Пауль Жонеса, о томъ жалѣю; дай Боже, чтобъ перестали бѣситься— онъ намъ нуженъ. Я приказала къ тебѣ послать нѣсколько крестовъ егорьевскихъ и владимірскихъ въ запасъ, кого разсудишь за благо отличить. Алексіано сдѣланъ контръ-адмираломъ по твоему представленію; а какъ у тебя ихъ теперь четыре, то если неравно нужно ихъ ввести подъ одну шапку, такъ тебѣ подписала я особой ре-

Библиотека "Руниверс"

скриптъ. Что буде нужно будетъ и усмотришь надобность, то тѣмъ самымъ дозволяю князю Нассау употребить и поднять мой вице-адмиральской флагъ, онъ же испанской генералъ-поручикъ. О капитанъ-лейтенантскихъ чинахъ посмотримъ. Для Рожеръ-де-Дамаса шпага пришлется. Прости, мой другъ крайній, Богъ съ тобою, я ни единую минуту праздную или безъ заботъ теперь не имѣю, однако я здорова . . . . . .

Еще прибавить тебѣ за нужное нахожу, что я гр. Ангальтомъ недовольна; когда пришло его нарядить въ Финляндію, тогда началъ требовать главной команды и генерала полнаго чинъ; я велѣла сказать, что тутъ будетъ случай оный чинъ заслужить; онъ отвѣтствовалъ, что шпагу не вынетъ безъ того чина и такъ онъ не вписанъ въ репортиціи; у насъ 23 человѣка военно-служащихъ его старѣе, да и по его старшинству въ саксонской и прусской службѣ наши много старѣе. Онъ говорилъ: „qu'il ira planter des choux" et j'ai repondu: bon voyage [1]). Мнѣ казалось, что я и такъ для него много дѣлала, а ему бы заслуживать,—и такъ, его поступокъ въ такое нужное время мнѣ весьма, весьма не нравился—оно глупо и неумѣстно. Я же его нашла, въ разные случаи, нечто торопливымъ и не такъ, какъ люблю людей видѣть.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поправка въ «Русской Старинѣ» 1876 г., т. XVI, стр. 210 напечатано: «Анна Никитична Протасова...» читай: «Анна Никитична Нарышкина...»

[1]) Что онъ поѣдетъ садить капусту, на что я отвѣтила: счастливый путь.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВНЫЕ ПОСОБНИКИ ПУГАЧЕВА.

Очерки и разсказы.

I.

Перфильевъ [1]).

Афанасій Перфильевъ былъ яицкій казакъ; семнадцати лѣтъ поступилъ на службу, а тридцати одного года, когда объявлено было о смерти императора Петра III-го, присягнулъ въ вѣрности императрицѣ Екатеринѣ II-й. Онъ всегда былъ на сторонѣ партіи враждававшей съ старшиною и потому участвовалъ во всѣхъ мятежахъ, случавшихся въ Яицкомъ городкѣ. Такъ, напримѣръ, когда мятежники, во главѣ съ Кирпичниковымъ, согласились въ домѣ Толкачева идти къ генералъ-маіору Траубенбергу и капитану Дурнову требовать себѣ удовлетворенія за обиду отъ старшинъ, а если по ихъ просьбѣ ничего не будетъ сдѣлано, то самимъ сдѣлать расправу, Перфильевъ былъ за одно съ ними, но однако въ происшедшей при этомъ случаѣ дракѣ не участвовалъ, а оставался въ домѣ Толкачева стеречь казаковъ, приверженцевъ старшинской партіи.

Послѣ же того, какъ на усмиреніе этого бунта шелъ въ Яицкій городокъ генералъ-маіоръ Фрейманъ, Перфильевъ съ другими бунтовщиками выѣхалъ противъ него на драку къ рѣкѣ Енбулатовкѣ; казаки хотѣли устранить на время столкновеніе и потому начали переговоры; посредникомъ былъ Перфильевъ; его послали въ станъ Фрей-

[1]) Разсказъ составленъ на основаніи подлинныхъ показаній Перфильева въ коммисіи, учрежденной въ Яицкомъ городкѣ. Показанія эти въ такой подробности, какъ въ настоящемъ разсказѣ, до сихъ поръ не были напечатаны.

Библиотека "Руниверс"

мана съ предложеніемъ пріостановить наступательныя дѣйствія и позволить имъ отправить депутацію въ Петербургъ къ императрицѣ. Фрейманъ на это не согласился и отвѣчалъ, что если яицкое войско выдастъ сорокъ человѣкъ, зачинщиковъ мятежа, то остальнымъ никакого вреда не будетъ сдѣлано.

Возвратился Перфильевъ и донесъ объ этомъ предложеніи Фреймана войсковымъ судьямъ; они же не рѣшились на выдачу своихъ и потому положили начать военныя дѣйствія. Перешли черезъ Енбулатовку и въ двухъ сраженіяхъ были разбиты, и потому, чувствуя невозможность устоять противъ войсковой команды, отступили назадъ въ Яицкій городокъ. Впрочемъ, здѣсь они не были въ безопасности и, боясь за свои сопротивленія старшинамъ наказанія, выѣхали всѣ изъ городка. Между этими бѣглецами былъ Перфильевъ; онъ пробрался на хутора въ Безъимянномъ Ярѣ, въ пятидесяти верстахъ отъ Яицка, и прожилъ тамъ довольно долгое время. Затѣмъ онъ скитался въ разныхъ мѣстахъ, такъ, напримѣръ, былъ на сѣнокосѣ у своихъ братьевъ, жилъ цѣлую зиму въ Яицкомъ городкѣ въ своемъ домѣ, но постоянно скрываясь отъ преслѣдованія, а съ наступленіемъ весны отправился въ хуторъ казака Ивана Герасимова, гдѣ и пробылъ все лѣто 1773 года.

Сюда къ нему доходили всѣ свѣдѣнія изъ Яицкаго городка о преслѣдованіяхъ и слѣдствіи надъ виновными. Когда же дѣло объ убійствѣ Траубенберга было окончено, а захваченные сотники были наказаны, то изъ городка пріѣхалъ на хуторъ Герасимова казакъ Савелій Плотниковъ и сообщилъ о постигшемъ войсковыхъ сотниковъ и казаковъ несчастіи: на все войско наложена не малая выть за пограбленное имѣніе у Траубенберга и старшинъ.

Объясняя, насколько все это было сдѣлано, по его мнѣнію, несправедливо, Плотниковъ просилъ Перфильева и Герасимова отъ имени казака Фофанова и всего войска, чтобы они съѣздили въ Петербургъ и попросили императрицу не взыскивать съ нихъ наложенной выти, а сотниковъ, уже наказанныхъ и сосланныхъ, возвратить по прежнему въ войско.

Когда Перфильевъ и Герасимовъ согласились исполнить это предложеніе, то Плотниковъ съѣздилъ въ Яицкій городокъ и привезъ имъ на дорогу отъ войска сто пятьдесятъ рублей денегъ, а потомъ и самъ присоединился къ этому посольству.

Въ началѣ осени 1773 года прибыли они въ Петербургъ и нашли тамъ яицкаго казака Петра Герасимова, который уже давно тамъ жилъ съ просьбою тоже отъ войска и, такимъ образомъ, скрывался отъ поисковъ военной коллегіи.

Библиотека "Руниверс"

Эти четыре казака, Перфильевъ, Иванъ и Петръ Герасимовы вмѣстѣ съ Плотниковымъ, сочинили челобитную для подачи императрицѣ Екатеринѣ II. Въ челобитной все было приведено, что только можно было придумать въ оправданіе своей войсковой стороны и по возможности все то было прикрыто, что обнаруживало ихъ собственную вину. Подали эту челобитную графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, который потомъ, спустя три дня, объявилъ имъ, что доложилъ объ ихъ просьбѣ ея величеству.

Дожидаясь резолюціи, казаки прожили въ Петербургѣ недѣли двѣ. Потомъ ихъ призвалъ къ себѣ Орловъ и заявилъ, что на Яикѣ совершилось несчастіе: одинъ разбойникъ, бѣглый донской казакъ Пугачевъ, назвавшись покойнымъ государемъ Петромъ III, собралъ себѣ небольшую шайку изъ яицкихъ казаковъ, а особенно тѣхъ, которые замѣшаны были въ дѣлѣ объ убійствѣ Траубенберга, и съ нею пошелъ по крѣпостямъ къ Оренбургу.

Сообщивъ объ этомъ, Орловъ приказывалъ имъ съѣздить туда и какъ можно скорѣе постараться уговорить яицкихъ казаковъ отстать отъ этого разбойника, а его самого выдать; если они успѣютъ это уладить, то Орловъ обѣщалъ тотчасъ же рѣшить въ ихъ пользу дѣло, по которому подали просьбу императрицѣ. Предложеніе это было принято казаками съ большою готовностью и двое изъ нихъ, Афанасій Перфильевъ и Петръ Герасимовъ, обѣщали употребить всѣ усилія, чтобы только исполнить въ точности повелѣніе императрицы. Спустя два дня, они были отправлены на Яикъ, а другіе два казака, Савелій Плотниковъ и Иванъ Герасимовъ, остались пока въ Петербургѣ.

Дорогою Перфильевъ съ Герасимовымъ много разсуждали о томъ, какъ бы это могло случиться, что простой человѣкъ могъ назваться государемъ. Герасимовъ нѣсколько разъ видывалъ покойнаго государя и потому, если это точно государь, то онъ его непремѣнно узнаетъ. Вспомнили они также о томъ, что, когда публиковались указы о смерти Петра III, въ народѣ носилась молва, что онъ живъ и неизвѣстно какимъ образомъ выкраденъ изъ подъ ареста, а похороненъ какой-то другой человѣкъ. „А если,—разсуждали они,—государь живъ, то, конечно, это онъ, такъ какъ ему надо же гдѣ нибудь явиться". Поэтому они между собою такъ условились: когда пріѣдутъ къ самозванцу и Герасимовъ узнаетъ въ немъ Петра III-го, то никакого злаго умысла противъ него не принимать, потому что „какъ-де можно намъ свои руки поднять на государей, ихъ главы помазанныя. Богъ знаетъ,—говорили они,—чью сторону держать: государя или государыни! они между собою какъ хотятъ, такъ пусть и дѣлятъ, а намъ нечего въ

Библиотека "Руниверс"

ихъ дѣла вступаться; неравно-де его сторона возьметъ, такъ мы тогда безъ всего пропадемъ, а лучше останемся у него служить".

Пріѣхали они въ Казань и вручили губернатору печатные указы о проявившемся самозванцѣ; отсюда направились черезъ Самару въ Яицкій городокъ. Но тутъ въ Самарѣ какой-то командиръ усумнился въ справедливости разсказовъ Перфильева и Герасимова, что они-де посланы отъ императрицы, а потому арестовалъ ихъ и отослалъ въ Симбирскъ. Тамъ, впрочемъ, они скоро оправдались и около Николина дня 1773 года пріѣхали въ Яицкій городокъ. Комендантъ этой крѣпости Симоновъ, получивъ отъ нихъ указы, отправленные казанскимъ губернаторомъ, и узнавъ о цѣли ихъ посылки изъ Петербурга, распорядился такимъ образомъ: Герасимова отправилъ на нижніе яицкіе форпосты, потому что тамъ уже казаки были возмущены Михаиломъ Толкачевымъ, а Перфильева, вмѣстѣ съ казакомъ Иваномъ Фофановымъ, который потомъ былъ судьею надъ яицкими казаками, и братьями Морошихиными, послалъ въ толпу Пугачева подъ Оренбургъ.

Перфильевъ дорогою по всѣмъ форпостамъ объявлялъ, что ѣдетъ служить государю; это было необходимо, чтобы отвести всякое подозрѣніе о своемъ намѣреніи, такъ и въ Петербургѣ совѣтовали ему сдѣлать. Затѣмъ, разговорившись съ Фофановымъ и Морошихиными, открылся имъ съ какою цѣлью онъ посланъ императрицею.

— Нѣтъ, не моги этого дѣлать! возразили тѣ. Мы тебя исколимъ, ежели хоть чуть станешь что нибудь предпринимать. Онъ, мы слышали, точный государь. Ко мнѣ же,—сказалъ Фофановъ,—и ко всему войску присылалъ указъ, гдѣ обѣщалъ жаловать насъ многими милостями. Я еще въ городкѣ догадался, что съ Герасимовымъ не даромъ изъ Петербурга пріѣхали, да хотѣлъ донести на тебя по пріѣздѣ въ Берду. Такъ слышь же, братъ, не смѣй этого дѣлать, а то не сдобровать тебѣ!

Перфильевъ сталъ ихъ умолять, чтобы на него не доносили и клялся, что будетъ съ ними служить вѣрно и ничего худаго не сдѣлаетъ государю.

По пріѣздѣ въ Берду, Перфильевъ явился къ своему старому другу, а теперь первому атаману самозванца, Андрею Овчинникову, и объявилъ, что, будучи въ Петербургѣ, прослышалъ, что здѣсь явился государь, а потому и бѣжалъ оттуда, желая къ нему поступить на службу.

— Да какъ же ты, не окончивши войсковаго дѣла, оттуда ушелъ-то? спросилъ Овчинниковъ.

Библиотека "Руниверс"

— Нечего ужъ тамъ поклоны терять. Я разсудилъ, что лучше у самого государя милости искать.

— И то правда! вотъ мы теперь и сами резолюціи дѣлаемъ. Пойдемъ, я тебя представлю государю.

Когда привели Перфильева къ самозванцу, то Овчинниковъ доложилъ ему откуда тотъ прибылъ и съ какою цѣлью.

— Зачѣмъ же ты былъ въ Петербургѣ? спросилъ Пугачевъ, обращаясь къ Перфильеву.

— Я, батюшка, для войсковой просьбы тамъ былъ, но не дождавшись резолюціи, прослыша, что ваше величество здѣсь явились, бѣжалъ къ вамъ и хочу служить вѣрою и правдою.

— Полно, братъ! правда-ли это? не шпіонствовать-ли ты пришелъ? Ужъ не подослали-ли тебя извести меня?

— Нѣтъ, ваше величество, я противъ васъ отнюдь никакого злаго намѣренія не имѣю.

— Ну, если это правда, такъ будь здѣсь и служи также вѣрно, какъ и всѣ ваши казаки служатъ; а если ты и подлинно съ злодѣйствомъ какимъ сюда присланъ, то я этого не боюсь и думаю, что сего никто со мною не сдѣлаетъ; въ Петербургѣ же нечего вамъ просить, мы и безъ просьбы съ ними раздѣлаемся. Ну, а какъ обо мнѣ говорятъ въ Петербургѣ? спросилъ Пугачевъ.

— Да Богъ знаетъ, батюшка! мы отъ большихъ господъ ничего не слыхали, а слышали въ кабакахъ-то отъ черни, да и то не явно, а потихоньку, что-де явился около Оренбурга императоръ Петръ III-й и беретъ города и крѣпости.

— Это правда! ты самъ видишь,—подтвердилъ самозванецъ,—сколько уже теперь взято крѣпостей; а будетъ время и къ нимъ въ Петербургъ заберемся, моихъ рукъ не минуетъ! Я знаю, что вся чернь меня вездѣ съ радостью пріиметъ, лишь только услышитъ о моемъ приходѣ.

Потомъ Пугачевъ подарилъ Перфильеву красный суконный кафтанъ, да денегъ тринадцать рублей и зачислилъ его въ команду Овчинникова.

Оставшись такимъ образомъ въ толпѣ Пугачева, Перфильевъ повсюду видѣлъ, что всѣ казаки, тутъ бывшіе, почитали Пугачева за настоящаго государя и даже многіе самовидцы покойнаго государя, какъ напримѣръ, старшина Витошковъ, утверждали, что онъ именно настоящій Петръ III-й. Мало по малу у Перфильева стали разсѣиваться сомнѣнія относительно самозванства Пугачева и онъ сталъ считать его за настоящаго государя. Однажды остался онъ наединѣ съ Овчинниковымъ и, разговаривая съ нимъ подружески, открылся ему,

Библиотека "Руниверс"

что былъ посланъ изъ Петербурга отъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова для уговора яицкихъ казаковъ, при чемъ передалъ также и мнѣніе графа, что появившійся не государь, а донской казакъ Пугачевъ.

— Нѣтъ, Аѳанасій! Выкинь ты все это изъ головы,—сказалъ Овчинниковъ,—онъ точно государь Петръ Третій, мы довольно о семъ увѣрены, а имъ вольно его называть какъ хотятъ; прямое-то его названіе они отъ народа скрываютъ, а на обѣщанія ихъ нечего надѣяться; довольно ужъ и такъ мы отъ нихъ потерпѣли, теперь скоро мы будемъ все въ своихъ рукахъ имѣть. А ты, братъ, смотри! если будешь какое зло на государя замышлять или ложное распространять, то на меня не пеняй: даромъ, что ты мнѣ пріятель, изъ своихъ рукъ тебя изрублю!

— Да я тебѣ это открылъ какъ другу и хотѣлъ только знать твои мысли, а посягнуть-то на царскую голову у меня и рука не поднимется.

— Ну, а всетаки нужно объ этомъ донести государю, чтобъ онъ напередъ не узналъ отъ кого нибудь и не счелъ бы за измѣну. Теперь я пойду къ нему и скажу, что ты самъ не посмѣлъ прежде объявить объ этомъ.

Потомъ Овчинниковъ ввелъ въ палатку самозванца Перфильева.

— Что, Перфильевъ, скажешь? спросилъ Пугачевъ.

— Да вотъ, батюшка, началъ тотъ, бросаясь въ ноги самозванцу, я не смѣлъ вамъ намнясь объявить, что я посланъ былъ съ злымъ противу вашего величества намѣреніемъ, но сохрани меня Богъ, я не думалъ этого сдѣлать!

— Ну вотъ, видишь, я объ этомъ догадывался. Теперь же молчи, ужъ я съ тѣми, которые тебя послали, расправлюсь. Поди и служи мнѣ вѣрно.

Спустя немного времени, Пугачевъ получилъ извѣстіе, что Михаилъ Толкачевъ овладѣлъ Яицкимъ городкомъ, а полковникъ Симоновъ атакованъ въ ретраншаментѣ; поэтому онъ послалъ туда изъ Берды Овчинникова съ партіею на помощь Толкачеву; но скоро и самъ туда же отправился, оставя въ Бердѣ начальникомъ Максима Шигаева. Шигаевъ неоднократно посылалъ Перфильева съ письмами къ самозванцу.

Предъ возвращеніемъ Пугачева въ Берду, самозванецъ собралъ въ Яицкомъ городкѣ казачій кругъ и велѣлъ читать предъ всѣми именной указъ, которымъ жаловалъ Яицкое войско рѣкою Яикомъ, съ вершины до устья и всѣми впадающими въ оную протоками, всѣми выгодами, вольностью, свинцомъ, порохомъ, крестомъ и бородою; тѣмъ

Библиотека "Руниверс"

же указомъ повелѣвалось казакамъ общимъ совѣтомъ выбрать войсковаго атамана и двухъ старшинъ съ тѣмъ, что если ими не будутъ довольны, то черезъ три года состоится новый выборъ. Послѣ чтенія указа, Пугачевъ передъ всѣмъ кругомъ сказалъ:

— Извольте, яицкое войско, выбирать себѣ атамана и старшинъ, по прежнему вашему обыкновенію, кого хотите,—отдаю на вашу волю.

— Довольны, батюшка, надежа государь, вашею царскою милостью! прокричали казаки.

Затѣмъ, посыпались въ кругу разныя похвалы самозванцу: „то-то отецъ!—восклицали одни,—посмотритка, отдаетъ на нашу волю выборъ атамана"; „да,—подтверждали другіе,—онъ старинный нашъ обычай по прежнему хочетъ завести!"

Потолковавъ промежъ себя, казаки объявили самозванцу, что желаютъ имѣть атаманомъ Каргина, а старшинами Перфильева и Фофанова.

— Ну, когда вамъ такъ угодно,—сказалъ Пугачевъ,—будь по вашему! Я воли съ васъ не снимаю.

— Благодарствуемъ,—крикнуло войско,—надежа государь, на твоей царской милости!

Послѣ отъѣзда самозванца въ Берду, казаки позвали выбранныхъ въ кругъ и, снявъ шапки, стали кланяться и просить:

— Пожалуй, господинъ атаманъ, и вы, господа старшины, пріймите на себя этотъ трудъ и послужите намъ, яицкому войску, вѣрою и правдою.

— Мы, яицкое войско, не имѣемъ большаго разума,—отвѣчали тѣ,—да и недостойны управлять вами.

Такія церемоніи бывали въ то время обычными даже и тогда, когда кто нибудь и самъ добивался подобной должности; выбранные согласились, наконецъ, управлять яицкими казаками.

Пугачевъ, уѣзжая изъ Яицкаго городка, далъ право войсковымъ судьямъ разбирать всякія между казаками судныя дѣла и виновныхъ за малыя преступленія наказывать, въ случаѣ же, обнаружатся преступленія важныя и въ особенности касающіяся намѣреній Пугачева, то таковыя дѣла препровождались на разсмотрѣніе къ нему самому. Основываясь на этомъ, атаманъ съ судьями весьма многихъ драли плетьми за маловажные проступки, казнили же смертью только тѣхъ, на которыхъ указывалъ Пугачевъ какъ на враговъ его личныхъ интересовъ.

Съ тѣхъ поръ Перфильевъ, живя постоянно въ Яицкомъ городкѣ, нѣсколько разъ подстрекалъ свою команду противъ военнаго отряда, находившагося въ ретраншаментѣ подъ предводительствомъ полковника Симонова. Когда же возвратился сюда и Петръ Герасимовъ

Библиотека "Руниверс"

изъ нижнихъ форпостовъ вмѣстѣ съ Толкачевымъ, то Перфильевъ спрашивалъ его:

— Узналъ ли ты государя-то?

— Кажется, что онъ точно,—отвѣчалъ Герасимовъ,—я его признаю; времени-то много прошло съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ, теперь онъ уже постарѣе и къ тому же въ бородѣ ходитъ.

Выѣзжалъ Перфильевъ на переговоры съ капитаномъ Крыловымъ, посланнымъ Симоновымъ.

— Что вамъ долго противиться батюшкѣ нашему государю Петру Ѳедоровичу? Пора образумиться и принести ему покорность! увѣщевалъ Перфильевъ.

— Перестань, Аѳанасій, злодѣйствовать-то,—отвѣчалъ Крыловъ. Ты, видно, совсѣмъ забылъ, съ какою цѣлью послала тебя императрица изъ Петербурга.

— Меня нечего учить, я знаю съ чѣмъ пріѣхалъ отъ государыни; но вѣдь мнѣ тамъ сказали, что это донской казакъ Пугачевъ,—пріѣхавъ же сюда, я нашелъ, что онъ подлинный государь, а потому, какъ же я могу противъ него такое злодѣйство предпринимать? А вы лучше признали бы свою вину и принесли бы покорность, то батюшка васъ и простилъ бы; ты же самъ вотъ здѣсь капитанъ, а у него будешь и генераломъ. Да что ужъ больше толковать, у него въ Бердѣ служитъ коллежскій ассесоръ изъ Симбирска, не ему ли не знать кому онъ служитъ—государю или нѣтъ? Затѣмъ, ты самъ посуди, когда государь съ государыней не согласны, такъ намъ нечего въ ихъ дѣла мѣшаться, а лучше держать сторону государя, потому что мы ему еще прежде присягали вѣрно служить.

Когда самозванецъ былъ разбитъ при Татищевой и генералъ Мансуровъ шелъ къ Яицкому городку, то Перфильевъ въ шайкѣ съ Овчинниковымъ выѣхалъ къ рѣкѣ Быковкѣ, намѣреваясь вступить съ нимъ въ сраженіе; а послѣ пораженія ихъ Мансуровымъ, оба направились къ мѣсту, называемому Вшивыя Чаганайки, а оттуда, переѣхавъ вплавь рѣку Чаганъ, прошли черезъ степь на рѣку Самару; затѣмъ, перерѣзавъ часть Московской дороги отъ Казани до Оренбурга, пробрались Башкиріею къ Магнитной крѣпости, гдѣ и нашли Пугачева.

Такъ какъ съ самозванцемъ войска было не очень много, то потому онъ прошелъ мимо Верхояицкой крѣпости, въ которой находился генералъ Деколонгъ съ большою командою. Затѣмъ взяты были слѣдующія крѣпости: Карагайская, Степная, Петропавловская и послѣ большаго сопротивленія Троицкая; при штурмѣ этой послѣдней съ Пугачевымъ было войска тысячъ до восьми, а въ крѣпости военной ко-

Библиотека "Руниверс"

манды простиралось до семи сотъ человѣкъ; но на другой день на Пугачева напалъ генералъ Деколонгъ и нанесъ ему громадное пораженіе, такъ что всѣ пушки были отбиты, возвращены всѣ плѣнные и захваченъ весь его обозъ. Изъ всего отряда Пугачева бѣжало въ Башкирію полторы тысячи человѣкъ. Тамъ къ нему пристали башкирцы въ числѣ 4,000. При рѣкѣ Лягушиной его догналъ полковникъ Михельсонъ; произошло кровопролитное сраженіе, изъ котораго съ Пугачевымъ ушло только 500 человѣкъ. Не смотря на всѣ эти неудачи, къ нему все-таки приставало чрезвычайно много башкирцевъ, изъ которыхъ одного Пугачевъ произвелъ въ генералы, другаго въ бригадиры, а десять человѣкъ въ полковники и нѣкоторымъ дарилъ кармазинные кафтаны. Во время приближенія къ Оссѣ, войско его доходило до 10,000 человѣкъ. Когда двинулись къ Казани, то всѣ яицкіе казаки стали звать самозванца въ Москву, на что тотъ отвѣчалъ:

— Еще время не пришло! надобно-де побывать на Дону, а оттуда уже пойдемъ въ Москву.

На пути въ Казань одинъ башкирецъ привезъ къ Пугачеву какого-то купца старика; росту онъ былъ средняго, лицомъ сухощавъ и рябоватъ, волосы темнорусые съ сѣдиною, говоря пришамкиваетъ, а лѣтъ ему около шестидесяти. Предъ всѣмъ войскомъ Пугачевъ заявилъ, что этотъ старикъ присланъ отъ великаго князя Павла Петровича къ нему съ письмомъ.

Перфильевъ дорогою изъ любопытства распрашивалъ этого старика:

— Откуда ты, старинушка, пріѣхалъ и зачѣмъ?

— Я пріѣхалъ,—отвѣчалъ тотъ,—отъ Павла Петровича къ государю Петру Ѳедоровичу съ письмомъ и освѣдомиться подлинно-ли это онъ? Меня же потому выбралъ Павелъ Петровичъ, что я часто видывалъ государя и онъ даже меня жаловалъ кафтаномъ и шпагою.

— Да гдѣ же теперь Павелъ Петровичъ? спросилъ Перфильевъ.

— Онъ теперь живетъ въ Царскомъ Селѣ, отъ Петербурга верстъ тридцать.

— Ну, что же ты, призналъ государя-то?

— Да, онъ дѣйствительный государь Петръ Ѳедоровичъ; мнѣ-то вотъ пора,—замѣтилъ старикъ,—и съ извѣстіемъ возвратиться, не знаю, что такъ долго держитъ государь.

Недѣли двѣ пробылъ этотъ старикъ въ лагерѣ Пугачева; только послѣ пораженія при Казани онъ былъ отпущенъ самозванцемъ, разглашавшимъ въ войскѣ, что онъ его обратно отсылаетъ къ своему наслѣднику Павлу Петровичу въ Петербургъ.

Во время пожара въ Казани, произведеннаго, по свидѣтельству

Библиотека "Руниверс"

очевидцевъ, яицкими казаками и башкирцами, Пугачевъ съ толпою, въ которой участвовалъ и Перфильевъ, разъѣзжалъ по городу и всѣхъ своихъ противниковъ кололъ и стрѣлялъ; но сколько при этомъ погибло—неизвѣстно. Дальнѣйшее движеніе Пугачева по переправѣ чрезъ Волгу было чрезвычайно быстро, такъ что у Перфильева остались въ памяти только два города Алатырь и Пенза, гдѣ ихъ встрѣчало населеніе съ великою честью; и здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пугачевъ вѣшалъ командировъ, а особенно такихъ, на которыхъ жители просили за обиды и притѣсненія. Подъ Саратовомъ хотя и было оказано сопротивленіе, но незначительное, такъ что городъ скоро былъ взятъ. На пути къ Царицыну Пугачевъ жаловалъ многихъ серебряными медалями и вызолоченными, которыя были сдѣланы войсковыми серебрянниками; получилъ подобную медаль и Перфильевъ, который вмѣстѣ съ прочими нашилъ ее на груди на небольшой ленточкѣ.

Послѣ безуспѣшной атаки Царицына, Пугачевъ прошелъ далѣе по правому берегу Волги и недалеко отъ Чернаго Яра былъ на голову разбитъ Михельсономъ, захватившимъ весь его обозъ и артиллерію, такъ что самъ Пугачевъ едва спасся съ нѣсколькими изъ своихъ приближенныхъ, переплывъ на лѣвый берегъ Волги; но отъ него отсталъ Перфильевъ съ яицкими казаками, которые рѣшились непремѣнно отыскать самозванца; когда ихъ старанія оказались напрасными, то они рѣшились отправиться въ Яицкій городъ, чтобы тамъ принести повинную; напрасно ихъ уговаривалъ Перфильевъ, говоря, что „тамъ насъ навѣрное переказнятъ или раскасуютъ въ солдаты", казаки его самого заставили слѣдовать за собою и на рѣкѣ Деркулу встрѣтили разъѣздную команду, которою и были приведены въ городокъ въ секретную коммисію.

Перфильевъ во все время пути отъ Магнитной крѣпости и до самаго конца злодѣйствъ Пугачева завѣдывалъ распросами „злоумышлявшихъ" противъ самозванца и доносилъ ему о производимыхъ имъ розыскахъ.

Примѣчаніе. Перфильевъ, по свидѣтельству современника, хорошо знавшаго Пугачева и его сподвижниковъ, «былъ самозлѣйшій злодѣй и извергъ, командовалъ всегда войсками Пугачева и казненъ вмѣстѣ, въ одинъ день, съ Пугачевымъ, 10-го января 1775 г.». См. Записки Рунича въ третьемъ изд. «Русской Старины» 1870 г. томъ II-й, стр. 170.

Библиотека "Руниверс"

II.

Твороговъ и Чумаковъ [1].

Яицкій казакъ Ѳедоръ Чумаковъ состоялъ у Пугачева начальникомъ всей артиллеріи и заправляющимъ раздачею хлѣба, а казакъ Елецкой станицы Иванъ Твороговъ былъ въ Пугачевской коллегіи судьею, полковникомъ при илецкихъ казакахъ, а потомъ исправлялъ должность главнаго писаря.

Чумакову было отъ роду 45 лѣтъ, а въ государственной службѣ пробылъ 30; Твороговъ имѣлъ 32 года и прослужилъ 8. Несмотря на то, что о смерти государя Петра III слышали, равно какъ и о томъ, что бѣглый донской казакъ Емельянъ Пугачевъ принялъ имя покойнаго императора, они, однакоже, въ 1773 году, пристали къ толпѣ самозванца. Чумаковъ это сдѣлалъ въ то время, когда Пугачевъ приблизился къ Яицкому городку и противъ него послана была команда въ сто человѣкъ съ цѣлью не пропускать его черезъ Чаганъ рѣку; тутъ-то Чумаковъ, при старшинахъ Витоптовѣ и Черторогoвѣ, былъ захваченъ. Твороговъ былъ взятъ Пугачевымъ при Илецкомъ городкѣ съ другими казаками этой станицы.

Чумаковъ призналъ Пугачева государемъ вслѣдствіе увѣреній казака Максима Шигаева, который весьма многихъ къ тому склонилъ, говоря:

— Онъ-де имѣетъ на себѣ примѣты царскія и подлинно-де какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Царицынѣ, изъ подъ караула спасся, а теперь насъ хочетъ во всей претензіи со старшинами удовольствовать и сдѣлать казаковъ первыми людьми въ государствѣ.

Они сопровождали самозванца по всему тракту до Оренбурга и хотя оставались болѣе въ лагерѣ его въ Бердѣ, но участвовали въ сраженіяхъ съ дѣлавшими вылазку изъ Оренбурга. Въ битвѣ подъ Татищевой они не были, но затѣмъ, послѣ разбитія Пугачева подъ Сакмарой, сопровождали его въ числѣ другихъ 20-ти человѣкъ на Вознесенскій заводъ; увлекши за собой заводскихъ крестьянъ, Пугачевъ двинулся къ другимъ заводамъ: Авзяно-Петровскому, заводу Бѣлорѣцкому и друг.; такимъ образомъ онъ достигъ Башкиріи, гдѣ толпа его еще болѣе увеличилась присоединеніемъ башкирцевъ. Магнитная крѣпость не устояла послѣ втораго приступа бунтовщиковъ,

---

[1]) Разсказъ составленъ на основаніи ихъ показаній въ отдѣльной секретной коммисіи въ Яицкомъ городкѣ 14-го сентября 1774 года. Чумаковъ былъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ, генералъ-квартирмейстеромъ и провіантмейстеромъ скопищъ Пугачева, а Твороговъ начальникомъ «дивизіи» и однимъ изъ главныхъ любимцевъ самозванца и его ближайшимъ совѣтникомъ.

Библиотека "Руниверс"

не имѣвшихъ ни одной пушки; она сдалась, но при этомъ Пугачевъ получилъ рану въ правую руку. Особенно важно было для Пугачева то, что въ это время къ нему присоединился Андрей Овчинниковъ съ толпою яицкихъ казаковъ. Въ Магнитной Пугачевъ взялъ пушки, повѣсилъ коменданта вмѣстѣ съ писаремъ и направилъ свой путь къ Троицкой, при чемъ нѣкоторыя изъ встрѣчавшихся ему крѣпостей были сожигаемы. Подъ Троицкой атака длилась цѣлый день; дорого стоила для Пугачева побѣда надъ гарнизономъ, поэтому онъ и старался отмстить за громадный уронъ въ своемъ войскѣ цѣлымъ рядомъ казней въ этой крѣпости; сколько тутъ погибло народа, Чумакову и Творогову было неизвѣстно, такъ какъ они въ крѣпость не входили, а оставались въ ставу. Не послужила однако эта побѣда въ прокъ Пугачеву: скоро явился въ это мѣсто генералъ Деколонгъ и нанесъ ему такое пораженіе, что тотъ съ одною только пушкой ушелъ; а затѣмъ, при слободѣ Лягушиной, настигъ его подполковникъ Михельсонъ и новымъ пораженіемъ разсѣялъ войска Пугачева; здѣсь у него была отбита и послѣдняя пушка. Наконецъ, приближаясь къ Красноуфимску, Пугачевъ опять собралъ громадную шайку людей, являвшихся къ нему не по принужденію, но по собственной волѣ.

Здѣсь-то, по словамъ Творогова и Чумакова, яицкіе казаки звали его въ Москву въ виду того, что, такъ какъ онъ царь, то пора-де вступить на престолъ и полно напрасно проливать человѣческую кровь.

— Нѣтъ, еще не время,—отвѣчалъ имъ Пугачевъ,—наше отъ насъ не уйдетъ.

Затѣмъ подступилъ онъ къ пригородку Оссѣ; взять же его было очень трудно, такъ какъ не было ни одной пушки; простояли тутъ мятежники цѣлый день, а наутро задумали сдѣлать жестокій приступъ; обошлось, однако, безъ приступа: начались переговоры; изъ крѣпости высланъ отставной гвардеецъ, который долго всматривался въ Пугачева, разглядывалъ его примѣты и потомъ, обратившись къ своимъ, сказалъ:

— Не сомнѣвайтесь, молодцы! Это природный вашъ государь Петръ Ѳедоровичъ, я его точно знаю.

Гарнизонъ, комендантъ и жители Оссы, недовѣрчиво до сихъ поръ относившіеся къ Пугачеву, послѣ такого заявленія, впустили въ городъ самозванца и тотчасъ принесли ему присягу въ вѣрности. Пробывши здѣсь нѣсколько часовъ и забравъ людей и пушки, они пошли къ Казани. Въ Оссѣ былъ взятъ какой-то офицеръ Минѣевъ, который обѣщалъ провести Пугачева къ Казани прямымъ путемъ, за что и былъ пожалованъ отъ самозванца чиномъ. Въ Казани хотя и было

Библиотека "Руниверс"

сопротивленіе, но всетаки ее взяли, кромѣ Кремля; въ Казани представлена была Пугачеву его жена Софья съ тремя дѣтьми.

— Вотъ, какое злодѣйство,—сказалъ при этомъ Пугачевъ,—сказываютъ, что это моя жена; это совершенно не правда! Она точно жена, но только друга моего Емельяна Пугачева, который замученъ за меня въ тюрьмѣ подъ розыскомъ; однакоже, помня мужа ея, Пугачева, къ себѣ одолженіе, я не оставлю ее.

Съ этихъ поръ ее вмѣстѣ съ дѣтьми и возили повсюду за нимъ. Пробывши въ Казани не болѣе четырехъ часовъ и услышавъ о приближенія подполковника Михельсона, Пугачевъ расположился на Арскомъ полѣ; здѣсь произошло первое побоище, послѣ котораго самозванецъ былъ отбитъ отъ Казани. На слѣдующій день было второе сраженіе, но нерѣшительное; а третье было уже окончательнымъ: пушки всѣ захвачены, толпы разсѣялись въ разныя стороны, оставались вѣрными пока башкирцы, но и тѣ, когда Пугачевъ сталъ переправляться чрезъ Волгу, поворотили назадъ.

Твороговъ и Чумаковъ сопровождали самозванца далѣе въ его походѣ черезъ Курмышъ, Алатырь, Пензу и Саратовъ. На первомъ ночлегѣ на пути изъ Саратова въ Царицынъ Пугачевъ велѣлъ написать „именной указъ“ въ донскія станицы, чтобы его тамъ встрѣчали; когда онъ былъ готовъ, то Твороговъ представилъ Пугачеву для подписи.

— Нѣтъ, мнѣ не должно сего чинить,—сказалъ онъ,—ибо если увидятъ мою руку и, вмѣсто меня, кто нибудь еще назовется, то легковѣрный народъ повѣритъ и будетъ какое ни есть злодѣйство.

Твороговъ разсказалъ объ этомъ секретарю самозванца Алексѣю Дубровскому; оба стали совѣщаться: какъ бы это могло статься, что и именнаго указа самъ не подписалъ: „конечно-де, онъ не умѣетъ грамотѣ и точно насъ обманываетъ, что онъ государь“. Затѣмъ они разсказали объ этомъ тихонько „полковнику“ Федулову, Чумакову и другимъ.

До самаго Царицына по всѣмъ городамъ и селеніямъ жители встрѣчали Пугачева съ хлѣбомъ и солью, и поздравляли съ восшествіемъ на престолъ, а около этого города пріѣхали къ нему калмыцкіе владѣльцы съ огромнымъ числомъ калмыковъ. Царицына всетаки взять не могли; бунтовщиковъ отбилъ храбрый комендантъ крѣпости Цыплетевъ. Войско Пугачева увеличилось присоединеніемъ 1,200 человѣкъ донскихъ казаковъ, которые сперва шли противъ толпы и потомъ добровольно ему передались; не долго, впрочемъ, они были ему вѣрными: переночевали въ стану всего одну только ночь; многіе изъ нихъ всматривались въ лицо самозванца, а потомъ, одинъ за другимъ,

Библиотека "Руниверс"

неизвѣстно по какой причинѣ, уѣхали изъ толпы. Яицкіе же казаки, бывшіе у Пугачева, крайне удивились такому поведенію донцовъ и стали между собою такъ разсуждать:

— Конечно, донскіе казаки узнали, что онъ не государь, а ихъ казакъ, какъ и слышно объ этомъ было, и ихъ обманываетъ.

Не смотря однако на такое недовѣріе, они, по данному указу отъ Пугачева, пошли на низъ Волги и, не доходя Чернаго Яра, неизвѣстно какою-то командою были разбиты и потеряли всю почти толпу людей и артиллерію; одни изъ оставшихся бѣжали къ займищамъ Волги, а другіе къ Черному Яру, вблизи котораго Пугачевъ переправился на луговую сторону съ женою Софьею, сыномъ Трошкою и нѣсколькими казаками. Потомъ Пугачевъ совѣтовалъ казакамъ идти въ Сибирь и тамъ набрать новую армію. Яицкіе же казаки, которыхъ было при этомъ полтораста человѣкъ, не соглашались и говорили „тамъ дѣлать намъ нечего и воевать-де полно".

— Такъ пойдемте,—сказалъ Пугачевъ,—на нижнюю Яицкую дистанцію, заберемъ тамъ всѣхъ людей и лошадей и приступимъ къ Гурьеву; а, его взявъ, на Каспійскомъ морѣ заберемъ суда и поплывемъ въ разныя орды, подымемъ ихъ и опять выйдемъ въ Россію.

На это казаки не согласились и настаивали на томъ, чтобы идти въ Узени, гдѣ можно пока скрыться. Пугачевъ послѣдовалъ ихъ совѣту. Когда же прибыли къ камышамъ на Узеняхъ, то послали нѣсколькихъ казаковъ искать живущихъ въ уединеніи стариковъ, съ цѣлью узнать, гдѣ можно достать хлѣба, а также поразвѣдать, что дѣлается въ Яицкомъ городкѣ. Казаки нашли двухъ старцевъ, которые имъ объявили слѣдующее:

— Въ Яицкомъ городкѣ казни никакой нѣтъ, а больше поступаютъ милостиво: многихъ, кто раскаивается, изъ тюрьмы освободили, но только такъ стали поступать очень недавно, а прежде было строго.

Казаки, не довѣряя такимъ разсказамъ старцевъ, послали въ городокъ навести справки, точно-ли прощаютъ всѣхъ кто самъ является? По возвращеніи же посланныхъ, стали толковать промежъ себя о милосердіи въ городкѣ и тутъ же составили заговоръ связать Пугачева и выдать правительству. Спустя немного времени, запасъ хлѣба опять истощился, почему Пугачевъ приказалъ осѣдлать для себя лошадь и намѣревался самъ ѣхать къ старикамъ. За нимъ послѣдовало казаковъ человѣкъ тридцать; тутъ были Чумаковъ, Твороговъ, Федуловъ и всѣ хорунжіе, не желавшіе упустить этого удобнаго случая къ аресту Пугачева. Проѣхавъ версты три, Чумаковъ обратился къ нему съ такимъ вопросомъ:

— Какъ, батюшка, дольше-то быть, куда намъ ѣхать?

Библиотека "Руниверс"

— О чемъ же ты спрашиваешь? Вѣдь у насъ же выдумано куда ѣхать — на форпосты и къ Гурьеву, а оттуда по морю и подымать орды.

— Нѣтъ, государь! теперь не прогнѣвайся,—возразилъ Чумаковъ,— полно намъ кровь человѣческую проливать! Пора прійдти въ раскаяніе; когда ты точно царь, такъ поѣдемъ съ нами въ Яицкій городокъ и тамъ насъ и себя оправь.

— Нѣтъ, на Яикъ я не поѣду,—рѣшительно заявилъ Пугачевъ; а лучше пойдемте назадъ, да станемъ пробираться въ Москву.

— Воля твоя, государь, тому не быть! Изволь-ка съ себя снять шашку и патронницу. Ужъ мы тебя не упустимъ, а повеземъ въ городокъ силою и тамъ за насъ отвѣчай. Полно ужъ, вѣдь много человѣческой крови мы и такъ пролили!

Видя, что всѣ казаки заодно съ Чумаковымъ, Пугачевъ помертвѣлъ отъ страха и когда дано было приказаніе казаку Ивану Бурнову снять саблю съ самозванца, то онъ самъ отдалъ ее въ руки „полковнику“ Ивану Федулову, говоря:

— Я казаку снять съ себя шашки не дамъ, сіе безчестно.

Арестовавши такимъ образомъ самозванца, они отправились назадъ къ прочимъ казакамъ; тутъ, переправившись чрезъ Узень, Пугачевъ замѣтилъ, что за нимъ не очень крѣпко присматриваютъ и потому, отозвавъ въ сторону отъ другихъ Творогова, показывая видъ, что желаетъ съ нимъ тихонько говорить, поскакалъ во весь махъ, чтобы поскорѣе скрыться; однако Твороговъ его догналъ и казаки спихнувъ Пугачева съ лошади, скрутили ему руки назадъ.

— Какъ вы можете вязать государя! закричалъ Пугачевъ; за меня еще Павелъ Петровичъ вступится!

Его развязали, но вмѣсто того посадили на самую дурную лошадь, чтобы онъ не могъ ускакать. Когда пріѣхали на мѣсто своей стоянки, то оставшіеся тамъ казаки выражали полную радость, что отважились связать Пугачева, и тотчасъ же всѣ уѣхали съ Узеней на рѣчку Болыкту, гдѣ остановились для обѣда. Пугачевъ совершенно свободный расхаживалъ по десяткамъ, гдѣ ѣли кашу, потомъ подошелъ къ казаку Маденову и сказалъ ему что-то на ухо.

— Господа казаки!—закричалъ Пугачевъ, схватя казачью саблю,— послужите вы мнѣ вѣрно, вяжите всѣхъ старшинъ! и съ саблею бросился на Чумакова съ намѣреніемъ его ударить.

Казаки, видя это, всѣ вскочили и, по приказанію обнажившихъ сабли Федулова и Чумакова, пришпилили Пугачева къ землѣ тупыми копейными древками въ плечи и заворотили ему веревкою назадъ руки. Маденова, бывшаго съ нимъ въ согласіи, кто копьями, а кто ружейными

Библиотека "Руниверс"

стволами тутъ же убили. Затѣмъ, тотчасъ отправились къ Яику и выѣхали на дорогу между Кожахаровскимъ и Бударинскимъ форпостами; отсюда послали казака Горлова на Кожахаровъ форпостъ увѣрить, чтобы не опасались, потому что они везутъ связаннаго Пугачева съ повинною въ Яицкій городокъ къ господину капитанъ-поручику Маврину, про котораго слышали какъ въ Узеняхъ, такъ и отъ своихъ шпіоновъ, что многихъ, кто самъ являлся, прощаетъ; слышали также, что и бѣжавшимъ отъ Емельки пощаду даетъ и даже раздаетъ хлѣбъ изъ казны. Эта-то причина болѣе и побудила выдать самозванца, авось либо за злодѣйство ихъ казнить не будутъ. Чумаковъ и Твороговъ, поручивъ Федулову и другимъ казакамъ доставить Пугачева въ Яицкій городокъ, сами поѣхали впередъ съ объявленіемъ о его захватѣ. При ихъ отъѣздѣ, Пугачевъ обратился уже ласково съ такими словами:

— Что вы вздумали себя и меня погубить напрасно? Вѣдь васъ не пощадятъ, если меня и выдадите, всѣхъ перевѣшаютъ! Богъ вамъ за это воздастъ, что меня думаете сгубить!

— Что ни говори, а тебя не отпустимъ, отвѣчалъ Чумаковъ.

Отъѣхавъ десять верстъ отъ того мѣста, гдѣ оставили Пугачева, т. е. отъ Карташевскаго Яру (въ 70-ти верстахъ отъ Яицкаго городка), Чумаковъ и Твороговъ повстрѣчали сотника Петра Харчева съ командою въ 50 человѣкъ, посланнаго для поисковъ злодѣя; имъ они и были препровождены въ отдѣльную секретную коммисію въ Яицкомъ городкѣ, — гдѣ и дали показаніе, почти дословно переданное въ нашемъ разсказѣ.

III.

Долгополовъ [1]).

Въ концѣ 1773 г. въ Ржевѣ-Володимірѣ пронеслась въ народѣ молва, что будто бы около Оренбурга проявился государь Петръ Федоровичъ; услыхалъ объ этомъ, а отъ кого именно—не помнитъ, и ржевскій купецъ Остафій Трифоновъ сынъ Долгополовъ; вѣры, однако же, всему этому не давалъ, такъ какъ самъ видалъ указы печатные, гдѣ прямо сказано было, что по вступленіи на престолъ всемилостивѣйшей государыни, государь Петръ III скончался; слыхалъ онъ также о смерти государя и отъ ржевскихъ купцовъ, бывшихъ какъ разъ въ то время въ Петербургѣ; извѣстно также было ему, что Петръ III погребенъ не въ московскомъ монастырѣ. Но, несмотря на все это,

[1]) Разсказъ составленъ на основаніи подлиннаго показанія Долгополова въ Московской тайной экспедиціи 12-го ноября 1774 года.

Библиотека "Руниверс"

слухъ въ народѣ держался все упорнѣе и упорнѣе, такъ что и самому Долгополову приходила мысль, что, можетъ быть, этотъ самозванецъ и прямой государь; а это для него могло быть весьма прибыльно: покойный государь взялъ у него въ Рамбовѣ (Ораніенбаумѣ) овса 500 четвертей на шестьсотъ семьдесятъ пять рублей, денегъ же ему за это не отдано. Принимали овесъ Нарышкинъ и Бресанъ. Когда же государь Петръ III умеръ, то такъ эти деньги Долгополова и пропали; просилъ однажды онъ Петра Евреинова, но тотъ ему наотрѣзъ отвѣчалъ: „У меня-де суммы нѣтъ, много-де вашей братіи ходитъ за деньгами-то по смерти государя!“ Потомъ его постигло другое несчастіе: барки съ товарами, плывшія изъ Ржева, потонули. Тогда-то онъ захотѣлъ поправить нѣсколько свои обстоятельства и попробовать — неудастся-ли ему получить денегъ за овесъ отъ назвавшагося Петромъ III.

На первой недѣлѣ поста 1774 года, захвативъ съ собою денегъ рублей съ двѣсти и сказавъ женѣ, что ѣдетъ въ ближайшіе города для закупки овса, Долгополовъ взялъ у воеводы билетъ и отправился въ Москву. Тутъ нашелъ онъ знакомаго купца, зятя тверскаго бургомистра, Ѳедора Волкова, и взялъ у него краски на триста-восемьдесятъ рублей въ долгъ, намѣреваясь свезти ее въ Казань и продать съ барышомъ. Спустя же немного времени, столкнулся онъ въ Москвѣ съ нижегородскими купцами; на вопросъ Долгополова, какое требованіе на краску теперь въ Казани? купцы отвѣчали:

— Кому тамъ ее покупать? развѣ ты не слыхалъ, что тамъ разбойникъ Пугачевъ ѣздя все разоряетъ, такъ что всякій радъ поскорѣе все продать! Накупивши тамъ всего за безцѣнокъ и привезши сюда, можно получить хорошій барышъ.

Тогда Долгополовъ всю свою краску продалъ тутъ же въ Москвѣ, получивъ убытку двадцать рублей, а самъ намѣревался отправиться въ Казань, думая, что если ему не удастся видѣть злодѣя и кое-что отъ него получить, то накупитъ разнаго товару и привезетъ въ Москву. Вырученныя отъ продажи краски деньги, а равно и съ нимъ бывшія, для бо́льшаго удобства размѣнялъ на имперіалы и полуимперіалы; всего у него было 500 рублей.

Безъ всякихъ остановокъ, Долгополовъ доѣхалъ до Казани, гдѣ провѣдалъ отъ жителей, что злодѣй стоитъ подъ Бердою. На слѣдующій же день, нанявъ „копейныхъ“ лошадей, онъ отправился въ Мензелинскъ; тамъ явился къ воеводѣ и показалъ ему свой билетъ изъ ржевской канцеляріи. На вопросъ же воеводы: „Куда же ты ѣдешь?“ Долгополовъ отвѣчалъ:

— Сынъ-де мой поѣхалъ на Ирбитскую ярмарку, да слуху объ немъ никакого нѣтъ и неизвѣстно, живъ-ли онъ, или, можетъ быть,

Библиотека "Руниверс"

попался въ руки злодѣя; вотъ потому-то я и самъ хочу пробраться на Ирбитъ и развѣдать о немъ".

Воевода не только оставилъ безъ вниманія, что билетъ Долгополова не былъ въ Казани занумерованъ, но даже выдалъ ему за двойные прогоны подорожную; да, кромѣ того, еще просилъ взять съ собою туда же и солдата съ рапортами. Хозяинъ, гдѣ останавливался Долгополовъ, не совѣтовалъ ему брать съ собою солдата, такъ какъ бунтовщики, если съ ними встрѣтятся, навѣрное обоихъ убьютъ, такъ какъ они особенно не любятъ солдатъ. Тогда Долгополовъ, не желая себя подвергать такой опасности, отправился обратно въ Казань, а оттуда направился опять на оренбургскую дорогу. Проѣхавъ село Мазино, Долгополовъ открылся своему возчику Гаврилѣ, который былъ кузнецъ и красилъ крашенину.

— Я не сына ищу,—сказалъ ему Долгополовъ,—а этого злодѣя (Гаврило самъ раньше ругивалъ Пугачева); мнѣ хочется его самого увидѣть и посмотрѣть—государь-ли онъ, такъ какъ я покойнаго государя зналъ крѣпко и онъ мнѣ, какъ былъ великимъ княземъ, остался долженъ за овесъ деньгами сотъ съ семь слишкомъ; когда я увижу, что онъ точно государь, то попрошу о деньгахъ, а если нѣтъ, то назовусь купцомъ, тогда меня ему вѣшать будетъ не за что.

Потомъ онъ пріѣхалъ въ одну татарскую деревню, а какъ называется—не помнитъ, и нанялъ себѣ одного татарина съ парою лошадей, на которыхъ и добрался до первой станціи. Далѣе онъ три дня ѣхалъ на копейныхъ лошадяхъ вмѣстѣ съ провожатымъ татариномъ. Тутъ имъ стали попадаться пѣшіе мужики русскіе, татарскіе и башкиры кучами, человѣкъ по десятку и больше. Они объявили Долгополову, что злодѣй разбитъ въ Бердѣ и они тоже были тамъ, да теперь идутъ по домамъ, а самъ Пугачевъ съ малымъ числомъ ушелъ въ горы. Узнавъ все это, Долгополовъ вернулся въ село Мазино, гдѣ и оставался съ недѣлю, а потомъ, по прошествіи еще двухъ недѣль, онъ провѣдалъ отъ проходившихъ башкиръ и татаръ, что Пугачевъ направился къ Уфѣ.

Тогда Долгополовъ обратился къ Гаврилѣ, чтобы тотъ нашелъ ему хорошаго провожатая; ему всетаки хотѣлось видѣть злодѣя, съ тою цѣлью, что если узнаетъ, что онъ не государь, то не удастся-ли ему склонить приближенныхъ Пугачева связать его и выдать государынѣ: за это самъ онъ могъ получить хорошее вознагражденіе. Гаврило нашелъ ему надежнаго татарина. Долгополовъ съ своимъ спутникомъ постоянно объявляли встрѣчавшимся имъ, что ѣдутъ къ государю; поэтому только ихъ нигдѣ и не обидѣли. На всемъ пути до деревни Янычъ они могли замѣтить изъ разговоровъ иновѣрцевъ, что

Библиотека "Руниверс"

тѣ къ злодѣю были весьма усердны. Въ это время они узнали, что Пугачевъ съ толпою идетъ къ Оссѣ. Въ селѣ Янычъ, къ Долгополову приступили татары, съ вопросомъ: „куда ѣдешь?“ на это онъ отвѣчалъ, что ѣдетъ къ Петру Ѳедоровичу искать прикащика, который съ товарами пропалъ безъ вѣсти. Когда же одинъ татаринъ, по имени Канзафаръ, увидѣлъ въ телѣгѣ Долгополова кису и началъ допрашивать куда онъ ѣдетъ, тогда онъ объявилъ всѣмъ тутъ бывшимъ татарамъ, что „я везу къ государю изъ Питера подарки—шляпу съ золотымъ позументомъ, сапоги красные казацкіе, строченные мишурою, перчатки замшевыя, шитыя шелкомъ, два простые камня и два восточные хрусталя“. Шляпу, сапоги и перчатки онъ купилъ еще въ Казани, а камни взяты изъ дома. Канзафаръ отправился вмѣстѣ съ Долгополовымъ; когда же, по прошествіи трехъ дней ихъ пути, Канзафаръ началъ сомнѣваться въ томъ, что Долгополовъ отъ себя везетъ Пугачеву подарки, и приставалъ къ Долгополову сказать, отъ кого онъ посланъ, тогда тотъ объявилъ, что отъ великаго князя Павла Петровича.

Наконецъ, Долгополовъ прибылъ въ Оссу, гдѣ и встрѣтился съ Пугачевымъ. Узнавъ о цѣли прибытія Долгополова, сынъ татарина Кинжина ускакалъ впередъ и увѣдомилъ злодѣя о томъ, что Павелъ Петровичъ прислалъ ему дорогіе подарки.

Долгополовъ, войдя въ палатку, увидѣлъ Пугачева на землѣ, на коврѣ и въ шелковомъ халатѣ. Остафій Трифоновъ поклонился ему.

— Что ты за человѣкъ, откуда ты пріѣхалъ и къ кому? спросилъ Пугачевъ.

— Я купецъ Ржево-Володиміра—пріѣхалъ къ вашему величеству изъ Питера съ подарками отъ великаго князя Павла Петровича.

Затѣмъ онъ вручилъ эти подарки, приговаривая, что „Павелъ Петровичъ приказалъ вашему величеству кланяться“.

— Ну, а все съ нимъ благополучно?

— Да, его высочество молодецъ хорошій,—отвѣчалъ Долгополовъ,— да къ тому онъ уже и обрученъ.

— Съ кѣмъ?

— Съ какой-то нѣмецкой принцессой.

— Какъ ее зовутъ?

— Натальей Алексѣевной. У меня есть и отъ нея къ вашему величеству подарокъ—два камня.

— Я, чаю, господа меня боятся?

— Какъ же вашего величества и не бояться-то? А я вотъ давно васъ знаю, еще въ Рамбовѣ ставилъ овесъ.

Библиотека "Руниверс"

— За него тебѣ и денегъ пока не заплатили? подхватилъ Емелька; помню, помню, теперь заплачу, мой другъ.

Тутъ Пугачевъ крикнулъ дежурнаго казака Якима Васильева и когда тотъ вбѣжалъ въ палатку, то онъ объявилъ ему:

— Сегодня мнѣ Богъ послалъ двѣ радости—Оссу взялъ и вонъ этотъ человѣкъ,—указавъ на Долгополова,—привезъ подарки отъ Павла Петровича; объяви объ этой послѣдней радости народу и пусть онъ затѣмъ расходится прочь, каждый къ своему мѣсту.

Васильевъ приказаніе исполнилъ въ точности.

— Ну, поди теперь, сказалъ Пугачевъ Долгополову, и будь здѣсь.

По приказу Пугачева новопріѣзжій находился постоянно при его коляскѣ; вечеромъ его позвали къ Пугачеву и они въ палаткѣ вдвоемъ ужинали, но ничего при этомъ не говорили; затѣмъ Долгополову приходилось больше всего проводить время у коляски вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Чумаковымъ.

При выходѣ изъ Оссы, Пугачевъ приказалъ повѣсить пятерыхъ и, обратясь къ Долгополову, сказалъ:

— Поди, посмотри какъ здѣсь вѣшаютъ господъ!

Тутъ-то и пришлось Остафію Трифонову въ первый разъ видѣть этихъ несчастныхъ.

Переправившись черезъ рѣку и пройдя нѣсколько верстъ, обѣдалъ Долгополовъ съ Пугачевымъ и Якимомъ Васильевымъ, но при этомъ ничего не говорили.

Потомъ, переночевавъ, стали собираться въ путь.

— А я,—сказалъ Долгополовъ,—батюшка, къ тебѣ и порохъ везъ, пудовъ съ 60, на суднѣ и оставилъ его подъ Нижнимъ.

— Да какъ же ты его провезъ?

— Въ бочкѣ, а сверху засыпалъ сахаромъ.

— Да гдѣ же ты его взялъ?

— Онъ тоже отъ Павла Петровича.

Долгополовъ, обманывая Пугачева, желалъ поскорѣе получить позволеніе возвратиться, такъ какъ его порядочно-таки покоробило, что тотъ вѣшалъ людей безъ жалости и сердца. Тотъ же страхъ былъ причиною того, что Долгополовъ уже не думалъ объ осуществленіи своего плана склонить казаковъ — или отстать отъ самозванца, или связать его.

— Отпусти-ка, батюшка, меня,—сказалъ на другой день Долгополовъ,—такъ я и порохъ пришлю тебѣ въ Казань, да и самого Павла Петровича тоже привезу.

— Подожди, я знаю когда тебя отпустить.

Тутъ простые казаки стали ему говорить:

Библиотека "Руниверс"

— Да что ты просишь у самого-то! Ты проси Афанасія Петровича Перфильева да Творогова, они тебя скорѣе выпросятъ, потому что онъ ихъ слушаетъ.

Послѣ этого, Долгополовъ, во время остановки около лѣса для корму лошадей, заговорилъ съ Перфильевымъ.

— Пожалуй, Афанасій Петровичъ, замолвь словечко государю-то, чтобъ онъ меня отпустилъ, вѣдь меня Павелъ Петровичъ дожидается.

— Полно, дѣдушка, пустое болтать-то! — сказалъ, усмѣхаючись, Перфильевъ; что ты насъ обманываешь? ты навѣрно посланъ отъ кого-нибудь другаго, но не отъ Павла Петровича. Скажи, старичекъ, правду! Я вотъ и про себя скажу, вѣдь присланъ былъ отъ самого князя Григорія Григорьевича Орлова, онъ далъ мнѣ полтораста рублевъ денегъ, чтобы только яицкихъ казаковъ уговорить связать государя и въ Питеръ привезти; но сохрани меня Богъ, ни за что этого не сдѣлаю; обо всемъ я прямо и государю сказывалъ.

Долгополовъ же клялся, что посланъ именно отъ Павла Петровича.

Объ отпускѣ обратно купца Остафія Трифонова Долгополова Перфильевъ дѣйствительно просилъ у Пугачева. Просилъ также за него и Твороговъ. Въ это же время часто доводилось Долгополову спать рядомъ съ Чумаковымъ; ведя бесѣду о разныхъ предметахъ, Чумаковъ иногда выпытывалъ Долгополова:

— Скажи, старинушка, ты знаешь, подлинно-ли это государь, или онъ такой, какъ называютъ — Пугачевъ?

— Пустое! онъ подлинно государь, я его и прежде видывалъ,—отвѣчалъ Долгополовъ.

Самъ же купецъ былъ убѣжденъ, что это Пугачевъ, только не могъ объявить Чумакову, такъ какъ тотъ былъ любимецъ злодѣя и потому могъ сейчасъ же передать ему мнѣніе Долгополова, а за это послѣднему могла угрожать мучительная казнь.

Долгополовъ сопровождалъ Пугачева до самой Казани; видѣлъ какъ ее грабили и жгли, и какъ наконецъ одержалъ побѣду надъ самозванцемъ Михельсонъ; впрочемъ, самъ-то онъ, какъ увѣрялъ потомъ на допросѣ, никакого злодѣйства правительственнымъ войскамъ не дѣлалъ, а только ѣздилъ позади злодѣйскаго обоза.

Послѣ бѣгства Пугачева изъ-подъ Казани, разъ какъ-то остановились въ одной деревушкѣ завтракать. Пугачевъ, набивши себѣ порядочно брюхо, завалился спать на дворѣ. Подошелъ къ нему Долгополовъ, сѣлъ на столбикъ, и сталъ, по своей доброй волѣ, обмахивать отъ вора мухъ; тутъ ему пришла мысль: вырвать изъ-за пояса Емельки ножъ и покончить съ нимъ; „но,—дальше размышлялъ онъ,—если зарѣзать безъ согласія казаковъ, то они меня самого изрубятъ въ

Библиотека "Руниверс"

куски!" испугавшись такого вознагражденія, онъ поскорѣе ушелъ прочь отъ всякаго соблазна.

На пути въ Казань приходилось Долгополову замѣшиваться между казаковъ; тутъ-то онъ часто слышалъ, какъ тѣ промежъ себя такъ разговаривали:

— Долго-ли намъ волочиться съ мѣста на мѣсто? Отъ домовъ своихъ удалились и съ каждымъ днемъ все больше и больше насъ убавляется—того убьютъ, другой потонетъ, а третьяго и казнятъ; этакъ насъ до того переведутъ, что на Яикѣ никого не останется.

— Да вотъ, государь сказывалъ,—отвѣчали другіе,—что государыня даетъ тридцать тысячъ тому, кто его живаго въ Питеръ привезетъ.

— Да, насулятъ-то много,—возражали нѣкоторые,—а не дадутъ ничего.

Спустя два дня по переходѣ черезъ Волгу, Пугачевъ, увидя Долгополова, сказалъ ему:

— „Ну, старикъ, убирайся! совсѣмъ я тебя отпущу!" а самъ пошелъ къ повозкѣ и досталъ оттуда денегъ, затѣмъ сѣлъ на траву и изъ подола рубашки отсчиталъ ему на дорогу пятьдесятъ рублей.

— Я, батюшка, своихъ деньжонокъ порядочно истрясъ, замѣтилъ Долгополовъ.

— Не погнѣвайся! Коли-бъ меня подъ Казанью не ограбили, то я-бъ тебѣ далъ побольше, а теперь нѣтъ.

Долгополовъ и за эти деньги поклонился Пугачеву въ ноги и поцѣловалъ у него руку; затѣмъ онъ былъ отвезенъ въ Чебоксары. Оттуда, нигдѣ на дорогѣ не останавливаясь, пробрался онъ домой. Не повидавъ во Ржевѣ никого кромѣ своей жены и переночевавъ дома только одну ночь, поѣхалъ въ Петербургъ; причины своего быстраго отъѣзда женѣ не сообщилъ, а просто сказалъ, что уѣзжаетъ дня на три за нуждою.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, ночевалъ одну ночь въ Ямской слободѣ, а рано утромъ пошелъ къ князю Григорію Григорьевичу Орлову и велѣлъ о себѣ доложить, что онъ имѣетъ необходимость видѣть его сіятельство и подать ему письмо. Проснулся князь, ему доложили о какомъ-то незнакомцѣ и его сіятельство приказалъ впустить его къ себѣ въ спальню.

— Ты что за человѣкъ? спросилъ Орловъ.

— Я, сударь, яицкой казакъ; при семъ Долгополовъ подалъ ему письмо, написанное имъ въ то время, когда былъ еще въ Чебоксарахъ.

Князь, прочитавъ это письмо, какъ будто бы отъ Перфильева [1]),

[1]) Въ письмѣ предлагалось выдать Пугачева.

Библиотека "Руниверс"

повезъ съ собою Долгополова въ Царское Село, гдѣ жила въ то время императрица.

На другой день Екатерина II отправила съ Долгополовымъ капитана Галахова, которому вручила два письма, и выданъ былъ паспортъ за рукою князя Орлова.

Пріѣхавъ въ Царицынъ 31-го августа, они не застали тамъ Пугачева и потому вернулись въ Саратовъ, такъ какъ извѣстно было въ то время, что Пугачевъ двинулся луговою стороною Волги отъ Царицына на сѣверъ. Но въ Саратовѣ Долгополовъ выпросилъ у Галахова 3,100 руб., которые онъ намѣренъ былъ отдать Перфильеву по условію и отправился съ однимъ донскимъ казакомъ отыскивать злодѣйскую толпу; найдя ее, онъ хотѣлъ подкупить приближенныхъ Пугачева, или же вообще казаковъ, которые, какъ ему было извѣстно, недовольны были въ то время Пугачевымъ и потому только боялись ему измѣнить, что опасались, что ихъ надуютъ и не дадутъ обѣщанныхъ тридцати тысячъ; теперь же, раздавая изъ имѣвшихся при немъ 3,100 рублей и обнадеживая, что остальная сумма скоро будетъ доставлена, Долгополовъ вполнѣ былъ увѣренъ въ хорошемъ исходѣ своего предпріятія, т. е., что казаки, польстясь на вознагражденіе, выдадутъ Пугачева и бунтъ совершенно прекратится. Особенно Перфильевъ могъ бы повѣрить письму Орлова, такъ какъ онъ и самъ-то былъ посланъ изъ Петербурга тоже съ цѣлью уговорить казаковъ отстать отъ самозванца.

Потомъ, однако, самъ Долгополовъ сознался, что весь этотъ планъ своихъ дѣйствій, а также и письмо отъ Перфильева и его сподвижниковъ, все это было придумано имъ самимъ въ виду того, что если бы ему удалось злодѣя поймать, то ожидалъ онъ себѣ большой награды и думалъ, что за него правительство заплатитъ тысячи двѣ долговъ. Въ шайкахъ Пугачева ни отъ кого и никакого порученія онъ не получалъ; назывался яицкимъ казакомъ у князя Орлова для того, чтобы больше повѣрили письму какъ будто бы отъ Перфильева; а у Пугачева называлъ себя посланникомъ Павла Петровича только въ виду того, что, подольстясь къ нему такими словами, хотѣлъ получить деньги за овесъ, которыхъ съ процентами доходило до полуторы тысячи рублей.

Долгополовъ, по его признанію, злаго умысла противъ государства и ея величества никакого не имѣлъ и дѣйствовалъ совершенно самостоятельно, т. е. никто его не посылалъ ни къ Пугачеву, ни отъ него.

На пути изъ Саратова къ Пугачеву, онъ узналъ отъ одного купца, что тотъ уже пойманъ и такъ какъ ему не удалось осуще-

Библиотека "Руниверс"

ствить своего плана, то онъ хотѣлъ скорѣйшимъ извѣщеніемъ императрицы о такомъ важномъ событіи заслужить ея расположеніе и получить прощеніе за весь обманъ; при этомъ думалъ, что взятыя у Галахова деньги пойдутъ на уплату его собственныхъ долговъ.

Въ Петербургѣ всей исторіи онъ не сообщалъ, потому что совершенно оробѣлъ отъ страха.

Примѣчаніе. «Ржевскій купецъ Долгополовъ—какъ выражено въ приговорѣ о казни Пугачева и его сообщниковъ,—разными лжесоставленными вымыслами приводилъ простыхъ и легкомысленныхъ людей въ вящее ослѣпленіе, такъ что и Казноферъ (онъ же Канзафаръ) Усаевъ (мещерятской сотникъ), утвердясь больше на его увѣреніяхъ, прилѣпился вторично къ злодѣю». Долгополовъ высѣченъ кнутомъ, поставлены на лицѣ его знаки и, по вырваніи у него ноздрей, сосланъ въ Сибирь, на каторгу, гдѣ повелѣно содержать его въ оковахъ.

Этотъ-же Остафій Трифоновъ Долгополовъ—герой записокъ сенатора Рунича, который отвелъ въ своихъ запискахъ много страницъ интереснѣйшему разсказу о похожденіяхъ этого смѣлаго проходимца, мнимаго посланца отъ великаго князя Павла Петровича къ самозванцу. См. третье изданіе «Русской Старины» 1870 г., томъ II, стр. 63—174.

IV.

Канзафаръ Усаевъ [1]).

Канзафаръ Усаевъ былъ сотникомъ изъ мещеряковъ Уфимскаго уѣзда деревни Бузовъ-Язовой; человѣкъ онъ былъ лѣтъ 37-ми, грамотный какъ по-татарски, такъ и по-русски. Въ ноябрѣ 1773 года Канзафаръ отправился въ гости въ мещеряцкую деревню Кудрянъ къ старшинѣ Язафару Кучукаеву; тутъ разнесся слухъ, что подъ Оренбургомъ появился государь Петръ Ѳедоровичъ и стоитъ теперь съ войскомъ въ Бердѣ. Поэтому Канзафаръ съ Янзафаромъ, взявъ съ собою четырехъ человѣкъ, отправились поразвѣдать о немъ. По пріѣздѣ въ Берду, они были представлены однимъ полковникомъ Пугачеву, который спросилъ:

— Что вы за люди и зачѣмъ пришли?

— Намъ слышно стало,—отвѣчали они,—что появился государь Петръ Ѳедоровичъ, а между тѣмъ у насъ есть публикованные манифесты о кончинѣ его на татарскомъ и русскомъ языкахъ.

— Не слушайте, это все неправда,—замѣтилъ Пугачевъ,—я живъ; вотъ смотрите и манифестъ то ихъ, гдѣ меня называютъ Емельяномъ Пугачевымъ.

---

[1]) Разсказъ составленъ на основаніи показанія его въ секретной коммисіи 22-го августа 1774 года.

Библиотека "Руниверс"

На вопросъ же ихъ, гдѣ онъ все это время былъ, Пугачевъ слѣдующее отвѣчалъ:

— Я долженъ былъ удалиться отъ большихъ бояръ по той причинѣ, что жилъ съ дочерью генерала Воронцова Елисаветою и какъ то разъ отлучился изъ Петербурга верстъ за тридцать; тогда и вознегодовали большіе бояры и хотѣли меня поймать, для чего послали войска, а между тѣмъ всѣ присягу приняли государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; я же ушелъ на лодкахъ съ 60-ю человѣками въ нѣмецкія земли; жилъ въ Цареградѣ полтора года, потомъ въ нѣмецкой землѣ три года, на Кубани одинъ годъ, въ Царицынѣ, Казани и на Яикѣ; во все это время я смотрѣлъ изъ народа, что тужатъ-ли обо мнѣ? а больше всего къ такому скитанію побудило меня желаніе видѣть въ разныхъ мѣстахъ положеніе и настроеніе простаго народа, а также какія обиды онъ терпитъ отъ начальства.

Въ это время пришелъ къ Пугачеву депутатъ отъ Калмыцкаго войска; онъ былъ присланъ отъ своихъ начальниковъ посмотрѣть самозванца и показать ему манифестъ о кончинѣ Петра III, а также знакъ, пожалованный отъ государыни.

— Не вѣрь ты всему этому, — замѣтилъ Пугачевъ, — я живъ, останься у меня служить, я за это тебя пожалую большимъ чиномъ и знакомъ. Ступай и приводи мнѣ побольше войскъ. При чемъ на дорогу ему подарилъ кармазиннаго сукна на кафтанъ.

Канзафаръ съ товарищами остался у Пугачева и былъ въ отрядѣ старшины башкирскаго войска, князя Асланова. Участвовалъ онъ также въ походѣ самозванца подъ Оренбургъ и за храбрость во время битвы съ высланными изъ крѣпости войсками пожалованъ былъ ему чинъ походнаго полковника. Затѣмъ съ наставленіемъ злодѣя и восемью человѣками онъ былъ посланъ въ Уфимскій уѣздъ для набору толпы и возмущенія народа посредствомъ увѣренія, что Пугачевъ истинный государь, а непокоряющихся дано ему было право казнить. Тамъ ему удалось набрать до 80-ти казаковъ, съ которыми и отправился къ Кунгуру черезъ Иргинскій заводъ директора Осокина; здѣсь взято было имъ двадцать пять человѣкъ да денегъ двѣсти рублей. Въ это самое время къ нему привели какого-то капитана изъ Очиденской крѣпости, о которомъ разсказывали, что онъ сопротивляется злодѣйской партіи; Канзафаръ, въ силу своихъ полномочій, приказалъ его повѣсить. По дорогѣ въ Кунгуръ онъ повстрѣчалъ одного крестьянина, отвозившаго изъ Екатеринбурга въ Кунгурскій уѣздъ по почтовымъ станціямъ прогонныя деньги 1,775 рублей 95 к.; вся эта сумма была ограблена Канзафаромъ и препровождена черезъ казаковъ подъ Уфу

Библиотека "Руниверс"

къ такъ называемому графу Чернышеву; но за этотъ поступокъ Канзафара Чернышевъ худо его отблагодарилъ; именно онъ приказалъ его сковать и привезти въ такомъ положеніи подъ Уфу, за то, что тотъ повѣсилъ капитана изъ Очиденской крѣпости, безъ его вѣдѣнія. Внезапное нападеніе на нихъ воинской команды подало поводъ къ освобожденію Канзафара, который прибѣжалъ къ Пугачеву и донесъ о всѣхъ притѣсненіяхъ отъ графа Чернышева. Потомъ онъ былъ отправленъ съ наставленіемъ о наборѣ толпы и указомъ подъ Екатеринбургъ для помощи Бѣлобородову; а по дорогѣ приказано было заѣхать подъ Уфу и явиться графу Чернышеву съ объявленіемъ о томъ, что уже видѣлся съ Пугачевымъ, который его простилъ за повѣшеніе капитана. Но въ то какъ разъ время, когда Канзафаръ былъ въ Уфѣ, туда пришелъ Михельсонъ; такъ называемый графъ Чернышевъ разбитъ; толпы самозванца были такимъ образомъ частью разбиты, а частью разсѣяны; между плѣнными былъ и Канзафаръ, который впрочемъ скоро отпущенъ домой по просьбѣ одного мещерякаго старшины, бывшаго въ командѣ Михельсона. Проходя разныя башкирскія и татарскія селенія, Канзафаръ достигъ татарской деревни Янычь, гдѣ остановился ночевать у татарина Мансура: сюда же пріѣхалъ на парѣ лошадей одинъ купецъ и требовалъ онъ хозяина лошадей.

— А что за человѣкъ? спросилъ Канзафаръ.

— Купецъ города Ржева-Володимірова Остафій Трифоновъ сынъ Долгополовъ.

— Куда же ты ѣдешь?

— А я ѣду искать Петра Ѳедоровича, потому что меня послалъ къ нему Павелъ Петровичъ съ подарками; не знаете-ли вы гдѣ государь теперь находится?

— Стоялъ онъ недавно подъ Оренбургомъ и тамъ былъ разбитъ вѣрными войсками подъ предводительствомъ князя Голицына, такъ что ушелъ съ пятью только человѣками; я же,—продолжалъ Канзафаръ,—былъ у него въ то время полковникомъ; а гдѣ теперь онъ находится—того не знаю.

Долгополовъ показывалъ ему и подарки будто бы отъ великаго князя Павла Петровича: сапоги желтые сафьянные, шитые золотомъ, перчатки, шляпу и два камня, которые, по его словамъ, стоили 600 рублей. Далѣе съ Долгополовымъ отправился и Канзафаръ: по дорогѣ набрали они человѣкъ пятнадцать, съ которыми искали Пугачева семнадцать дней и нашли его въ 40-ка верстахъ отъ Оссы. По пріѣздѣ сюда, Долгополовъ отдалъ подарки, а Пугачевъ, призвавъ всѣхъ своихъ старшинъ: Ильчикула, Итколова, Еламона, Гудгуда, Ишліень

Библиотека "Руниверс"

Ишмета, Рахманнула, Садыка, Бѣлобородова, яицкаго атамана Андрея Афанасьева и Ивана Творогова, показывалъ имъ подарки и выражалъ свое намѣреніе идти на Казань.

— Завтра же, — сказалъ Пугачевъ, — пошлю съ нарочнымъ къ Казанскому губернатору письма, чтобы встрѣчалъ меня съ хлѣбомъ и солью; а если губернаторъ будетъ противиться, то Казань выжгу и затѣмъ пойду въ Москву, пріиму Россійскій престолъ, васъ же всѣхъ распущу съ милостивыми указами въ свои жительства.

На другой день, дѣйствительно, онъ отправился къ Казани, а Канзафара, давъ ему свой манифестъ, указъ, 50 рублей денегъ и подорожную на шесть подводъ, послалъ подъ Уфу набирать толпу людей, а непослушныхъ вѣшать. Проѣзжая по башкирскимъ и татарскимъ селамъ, Канзафару удалось навербовать до 400 человѣкъ, изъ которыхъ каждому онъ вручалъ билетъ, гдѣ Пугачевъ именовался императорскимъ титуломъ. Но въ чувашской деревнѣ Ермула башкирскій старшина Кедерячь Муллакаевъ въ сопровожденіи 50-ти человѣкъ схватилъ Канзафара и представилъ въ Бугульму, а оттуда его прислали въ секретную коммисію. Здѣсь онъ показалъ, что о кончинѣ покойнаго государя онъ зналъ, объ измѣнникѣ Пугачевѣ онъ слышалъ; присталъ же къ нему вслѣдствіе увѣреній Пугачева, что онъ истинный государь; при этомъ ожидалъ отъ него получить награду, такъ какъ незадолго предъ этимъ Пугачевъ обѣщалъ ему выдавать по 400 рублей въ годъ.

V.

Софья Пугачева [1]).

Жена Пугачева, Софья Дмитріева, была привезена въ Казань въ началѣ самаго бунта; при ней находились ея дѣти: сынъ Трофимъ и двѣ дочери, Аграфена и Христина. Содержалась она въ Казани на частной квартирѣ, но подъ присмотромъ. Во время нападенія Пугачева на этотъ городъ, Софья съ дѣтьми была помѣщена въ секретной коммисіи, въ офицерской караульной палатѣ. Такъ какъ распространившійся пожаръ дошелъ до самаго зданія коммисіи, то капитанъ, ее оберегавшій, ушелъ со двора съ своимъ отрядомъ; услышавъ шумъ на дворѣ, Софья вышла съ ребятами и увидѣла, что внизу казаки освобождали заключенныхъ тутъ же колодниковъ. Вмѣстѣ съ послѣдними, погнали и ее на Арское поле мимо кузницъ. Тутъ одиннадцатилѣтній сынъ Пугачева Трофимъ вдругъ закричалъ матери:

---

[1]) Разсказъ основанъ на подлинномъ показаніи Софьи въ отдѣльной секретной коммисіи въ Яицкомъ городкѣ.

Библиотека "Руниверс"

— Матушка, смотри-тка, батюшка межъ казаковъ ѣздитъ!

— Экой собака, невѣрный супостатъ! вскрикнула Софья довольно громко, такъ что Пугачевъ, сидя вблизи на верховой лошади, въ желтомъ бешметѣ, могъ ее слышать; онъ потомъ оборотился къ ней и сказалъ казакамъ:

— Подержите вонъ этой бабѣ телѣгу и посадите ее съ ребятами!

Софья на эти слова поклонилась низко ему и поѣхала въ лагерь. Пріѣхавши туда, она вышла изъ телѣги и сѣла съ дѣтьми недалеко отъ палатки самозванца; отсюда она могла видѣть, что́ происходило въ палаткѣ, такъ какъ полы ея со всѣхъ сторонъ были приподняты; тамъ сидѣло пять женщинъ въ нѣмецкомъ нарядѣ, изъ которыхъ три были дѣвки, какъ узнала она потомъ. Какъ только Пугачевъ вошелъ въ палатку, то къ нему тотчасъ подскочили двѣ дѣвки, приняли у него шапку, сняли съ него саблю и раздѣли; затѣмъ онъ легъ на перины, а въ это время дѣвки приготовляли обѣдать; обѣдалъ онъ одинъ, а всѣ приближенные казаки стояли въ почтительномъ положеніи и безъ словъ „батюшка" и „ваше величество" ничего не отвѣчали на его вопросы; обращался же онъ къ дѣвкамъ обыкновенно такъ: „дѣвка, подай то", „дѣвка, одѣнь" и тѣ бросались одна передъ другою исполнять его приказанія. Подивилась, на все это глядя, Софья, до какого почтенія дошелъ ея мужъ.

Тотчасъ же послѣ обѣда двинулся Пугачевъ съ казаками впередъ, а за ними поѣхалъ обозъ и двѣ коляски, гдѣ сидѣли женщины и дѣвки, позади же ихъ ѣхала Софья съ дѣтьми на простой телѣгѣ; по сторонамъ отъ нихъ бѣжало черни великое множество. Остановились всѣ на другой сторонѣ Арскаго поля, откуда Пугачевъ отправился въ пылавшій отъ пожара городъ, а Софья въ это время завязала разговоръ съ одной изъ приближенныхъ къ ея мужу дѣвокъ; взята она была на какомъ-то заводѣ и зовутъ ее Авдотьей.

— Мы съ батюшкой-государемъ спимъ вмѣстѣ на одной постелѣ по двѣ попеременно, а онъ всегда у насъ спитъ въ середкахъ, замѣтила Авдотья съ веселымъ видомъ, какъ бы почитая это за необыкновенно высокую честь.

Тяжело было Софьи слушать такія рѣчи, но всетаки она выдержала себя и промолчала; не сказала также той дѣвкѣ что она, Софья, законная жена, видя изъ первой встрѣчи съ Пугачевымъ, что онъ совсѣмъ не желаетъ считать ее за таковую.

По возвращеніи Пугачева изъ города, на Арскомъ полѣ произошла баталія, а потомъ весь его лагерь двинулся къ какимъ-то мельницамъ, гдѣ и заночевали; Пугачевъ былъ въ шатрѣ съ дѣвками, а Софью помѣстили въ коляскѣ.

Библиотека "Руниверс"

На другой день опять происходила баталія и у Пугачева отбили одну дѣвку, боярскую дочь и двухъ женщинъ. Затѣмъ Пугачевъ бѣжалъ за Волгу, а за нимъ везли въ коляскѣ Софью съ дѣтьми. Проѣзжали многіе города, изъ которыхъ Софья помнитъ только одинъ Саратовъ; но на всемъ пути отъ Казани Пугачевъ съ нею ни о чемъ не говорилъ, а когда лагерь устраивали, то ставили обыкновенно двѣ палатки; изъ нихъ, въ одной помѣщалась Софія съ дѣтьми и тѣми дѣвками, которыя были не нужны ему, а въ другой онъ самъ съ двумя для него необходимыми. Всѣхъ дѣвокъ въ Саратовѣ было у него 8, двѣ взяты изъ Казани, а 6 захвачено по дорогѣ; всѣ онѣ, по выраженію Софьи, „были такія хорошія, точно написаны".

Признаться Пугачеву, что она его жена, Софья до самаго Саратова не рѣшалась, потому что „онъ сдѣлался такой собака, что какъ только на кого разсердится и ступай въ петлю".

Вблизи Саратова Пугачевъ вошелъ въ палатку Софьи, выслалъ всѣхъ тутъ бывшихъ дѣвокъ въ свою, а самъ съ такими рѣчами обратился къ ней.

— А что, Дмитріевна, какъ думаешь обо мнѣ?

— Да что тутъ думать-то? Буде не отопрешься, такъ я твоя жена, а это вонъ твои дѣти.

— Это-то правда. Я и не отпираюсь отъ васъ, только слушай, Дмитріевна, что̀ я тебѣ скажу: теперь ко мнѣ пристали донскіе казаки и хотятъ у меня служить, такъ я тебѣ приказываю, неравно между ними случатся знакомые, не называй меня Пугачевымъ, а говори, что я у васъ въ домѣ жилъ и знакомъ тебѣ и мужу твоему; при этомъ сказывай, что твоего мужа въ судѣ замучили до смерти за то, что онъ меня держалъ въ своемъ домѣ.

— Какъ же я стану это говорить? я право не знаю,—возразила Софья.

— Да ты-таки сказывай, что жена Пугачева, да не говори, что моя и не говори, что я Пугачевъ. Ты видишь, что называюсь теперь государемъ Петромъ Ѳедоровичемъ и всѣ меня за такого почитаютъ; такъ смотри же, Дмитріевна, исполняй то, что я тебѣ велю. А когда Богъ велитъ быть мнѣ въ Петербургѣ и меня тамъ примутъ, тогда тебя не оставлю. А буде не то, такъ не пеняй! изъ своихъ рукъ саблею голову снесу!

Такъ пригрозивъ, Пугачевъ вышелъ изъ палатки; съ тѣхъ поръ онъ обращался съ Софьею какъ съ хорошею знакомою и разсказывалъ казакамъ цѣлую исторію о томъ, какъ пострадалъ ея мужъ изъ-за него, какое они ему одолженіе оказали, пріютивъ въ то время, когда

Библиотека "Руниверс"

онъ находился въ страшной бѣдности; за все это онъ и не желаетъ оставить эту бабу съ ребятами его благодѣтеля.

А Софья, боясь, чтобъ „этотъ собака и впрямъ ее не изрубилъ, либо не повѣсилъ“, подтверждала всѣ эти разсказы.

Затѣмъ они поѣхали изъ Саратова въ Царицынъ и потомъ направились къ Черному Яру, гдѣ было съ военною командою сраженіе, на которомъ все, что у нихъ ни было, враги отбили, въ томъ числѣ и ея дочерей Аграфену и Христину. Сама же Софья переправилась черезъ Волгу съ Пугачевымъ и слѣдовала за нимъ по луговой сторонѣ до тѣхъ поръ, пока не была привезена въ Яицкій городокъ 15-го сентября 1774 года.

Примѣчаніе. Софья Пугачева и ея малолѣтнія дѣти, сынъ и двѣ дочери, были признаны невинными и «безъ наказанія» заключены въ одну изъ Финляндскихъ крѣпостей; здѣсь дочери Пугачева были еще живы въ 1827 году. Всѣ приведенные и слѣдующіе за ними разсказы есть простой, возможно близкій пересказъ подлинныхъ показаній сторонниковъ и близкихъ лицъ къ Пугачеву, данныхъ ими предъ тайными коммисіями, ихъ допрашивавшими. До сихъ поръ въ печати извѣстны только показанія самого Пугачева; показанія же его соумышленниковъ, нами приведенныя по копіи, снятой съ подлиннаго дѣла покойнымъ И. П. Шульгинымъ, или вовсе не были извѣстны, или приводимы были, какъ, напримѣръ показаніе Перфильева, въ самомъ краткомъ извлеченіи. Отсюда очевиденъ интересъ и значеніе этихъ разсказовъ въ общей массѣ матеріаловъ для исторіи Пугачевщины.

И. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

ИЗВѢСТІЕ О ПОИМКѢ ПУГАЧЕВА.

Милостивои государь мои Петръ Спиридоновичь. Наконецъ Пугачевъ проклятои в рукахъ моихъ обложенъ оковами въ Яицкомъ городке, везется отъ храбрыхъ моихъ сотрудниковъ Суворова и Голицына ко мне; ну, любезнои приятель, предодимъ души наши достоинои радости, подобно онои едвали мы вкушали в нашеи жизни! Я былъ и буду единообразно всегда вашего превосходительства, милостивои государь мои, самымъ вернейшимъ слугою графъ Петръ Панинъ.

Сентября 23-го дня 1774 года.
Пенза.

Примѣчаніе. Оберъ-шталмейстеръ, Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ, былъ прежде директоромъ кадетскаго корпуса. Записка написана небрежнымъ, спѣшнымъ почеркомъ, на клочкѣ дурной желтоватой бумаги.

Н. Губерти.

ПОРТРЕТЪ ПУГАЧЕВА.

Напечатавъ въ „Русской Старинѣ" 1870 года (изданіе третье, стр. 63—174) Записки сенатора Рунича о пугачевскомъ бунтѣ, мы приложили къ нимъ портретъ Пугачева, воспроизведя его по гравюрѣ, исполненной въ 1834 г. для сочиненія А. С. Пушкина. Нынѣ, помѣщая на страницахъ нашего изданія весьма важныя для исторіи событій 1773—1774 гг. очерки и разсказы по подлинному розыскному дѣлу о главнѣйшихъ пособникахъ и ближнихъ лицахъ Пугачева, мы нашли не лишнимъ передать черты этого злодѣя съ весьма интереснаго и доселѣ остававшагося неизданнымъ его портрета. Это живописный (писанъ муміей съ бѣлилами) портретъ высоты 16-ти, ширины 11-ти вершковъ, писанъ въ 1775 г., въ Москвѣ, съ натуры, по заказу маіора фонъ-Маттіаса, одного изъ офицеровъ, служившихъ въ отрядѣ Михельсона. Пугачевъ изображенъ въ бѣломъ нагольномъ тулупѣ, съ мѣховою оторочкою, подъ тулупомъ розовая пестрядинная рубаха съ бѣлыми точечками полосками. Волоса подстрижены по крестьянски, въ скобку; борода небольшая, такъ же какъ и волосы, темнокаштановая, лопатою. Правая рука поднята до пояса; на ней широкій поручень и два опущенныя звѣна отъ кандаловъ; лѣвая рука вытянута и надъ нею по стѣнѣ, къ которой прикованъ Пугачевъ, висятъ плоскія звѣнья цѣпи.

Библиотека "Руниверс"

Въ то время, какъ на портретѣ — приложенномъ при „Русской Старинѣ“ 1870 г.—Пугачевъ изображенъ изможденнымъ, слабымъ, съ полупотухшимъ взоромъ, и всею фигурою своею напоминаетъ жалкое орудіе ватаги разбойниковъ-казаковъ, какимъ и изобразилъ его Пушкинъ въ „Исторіи Пугачевскаго бунта“,—на портретѣ, исполненномъ по заказу Маттіаса и писанномъ, какъ гласитъ преданіе, съ натуры,— этотъ кровожадный злодѣй именно таковъ, какимъ онъ является въ разсказахъ Рунича и другихъ современниковъ, лично его знавшихъ: лицо Пугачева смуглое, худощавое, чрезвычайно энергичное и полно жизни; взглядъ черныхъ глазъ быстръ и выразителенъ. Этотъ портретъ принадлежитъ нынѣ Ревельскому историческому музею и въ 1870 г. былъ присланъ, по распоряженію бывшаго начальника Эстляндской губерніи М. Н. Галкина-Враскаго, въ „Историко-художественный русскій музей“, учрежденный въ С.-Петербургѣ, въ Соляномъ городкѣ, на время всероссійской мануфактурной выставки.

Точно воспроизведенный съ этого портрета снимокъ, уменьшенный въ форматъ изданія, нынѣ приложенъ здѣсь въ гравюрѣ Академика Л. А. Сѣрякова. Такимъ образомъ читатели „Русской Старины“ 1876 г. имѣютъ теперь оба портрета главнѣйшихъ дѣятелей на восточной окраинѣ Россіи 1774 года: злодѣя Пугачева и его славнаго побѣдителя Михельсона.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ЕМЕЛЬЯНЪ ПУГАЧЕВЪ.

Съ портрета, находящагося въ Ревельскомъ историческомъ музеѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ», ИЗД. 1876 Г. Т. XVI.

Дозволено цензурою. Спб., 29 мая 1876 г. Типографія Балашева. (Б. Сад., д. № 49—2.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ Т. П. ПАССЕКЪ.

ГЛАВА XXIV [1]).

Послѣдній праздникъ дружбы

1833.

Просторъ и воля, и оргія,
Вино струится—тайны нѣтъ,
И торжествуетъ симпатія...

Юношескій кругъ товарищей Вадима Пассека продолжалъ собираться то у него, то у Ника. Наружно какъ будто ничто не измѣнилось въ нихъ; но подчасъ голосъ сомнѣній начиналъ проникать въ ихъ прежнія вѣрованія. Они достигали до важнаго переворота. Рождалось отрицаніе прежнихъ убѣжденій, новыя еще не являлись съ прежнею силой. Вновь почерпнутыя религіозныя мысли и идеи сенъ-симонизма, не прояснившись, увеличивали безпорядокъ въ головѣ; хотѣлось достигнуть истины, все отнести къ одному знаменателю, и вывести изъ него profession de foi: какой-то страхъ сжималъ душу. Доля павшихъ убѣжденій показывала возможность паденія остальныхъ, а въ нихъ-то и бился пульсъ жизни. Прежде бывшія сомнѣнія подстрекали къ работѣ, настоящія мучили, заставляли бросать работу. Они проникали въ самыя веселыя минуты ихъ жизни, но это не мѣшало имъ временами увлекаться юношескими оргіями, и съ шумнымъ весельемъ оканчивать этотъ періодъ жизни.

---

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1876 г., томъ XV, стр. 805—852; томъ XVI, стр. 89—131; 309—350.

Библиотека "Руниверс"

Въ эту-то эпоху они бѣшено веселились, какъ будто чувствуя скорую перемѣну, какъ бы зная, что не возвратится больше этотъ праздникъ дружбы, и,—несмотря на возникавшія сомнѣнія,—были счастливы.

Въ послѣднихъ числахъ мая 1833 года, одинъ товарищескій вечеръ завершилъ этотъ отдѣлъ ихъ юности. Быть можетъ, онъ продлился бы еще нѣсколько времени, такъ они были молоды, но судьба взяла на себя его закончить, и закончила рукою тяжелой.

Изъ замѣтокъ, найденныхъ въ бумагахъ покойнаго моего мужа, я имѣю свѣдѣнія объ этомъ вечерѣ. Вотъ эти замѣтки.

«Разъ, въ послѣднихъ числахъ мая 1833 года, въ нижнемъ этажѣ большаго дома на Никитской, сильно бушевала молодежь. Оргія была въ полномъ разгарѣ, во всемъ блескѣ. Вино, какъ паяльная трубка, раздувало въ длинную струю пламени воображеніе. Идеи, анекдоты, лирическіе восторги, каррикатуры, крутились, вертѣлись въ быстромъ вальсѣ, неслись сумашедшимъ галопомъ. Всѣ стояли на демаркаціонной линіи, отдѣляющей трезваго человѣка отъ пьянаго; никто не переступалъ ее. Всѣ шумѣли, разговаривали, смѣялись, курили, пили, всѣ безотчетно отдавались настоящему, всѣ истинно веселились. Лучшій стенографъ не записалъ бы ни единаго слова.

Среди вакханаліи бываетъ торжественная минута устали и тишины; она умолкаетъ для того, чтобы бурей и ураганомъ явиться по ту сторону демаркаціонной линіи. Вотъ эта-та минута и настала.

Огромная чаша пылала блѣдно-лазоревымъ огнемъ, придавая юношамъ видъ заклинателей. Клико подливало силу въ жженку и кровь въ щеки молодыхъ людей. Шумная масса разбилась на части и расположилась на бивакахъ.

Вотъ высокій молодой человѣкъ, съ лицомъ послѣдняго могикана; онъ сѣлъ на маленькій столъ (Парки тотчасъ же подломили ножки жизни этого стола); стенторскій голосъ его, какъ Нилъ при втеченіи въ Средиземное море, далеко вдается въ общій гулъ, не потерявъ своей самобытности. Это упсальскій баронъ [1]), онъ живетъ въ двухъ шагахъ отъ природы, въ Преобра-

[1]) Николай Христофоровичъ Кетчеръ.

Библиотека "Руниверс"

женскомъ. Тамъ у него есть садъ и домикъ, у котораго дверь не имѣетъ замка.

Въ этомъ домѣ баронъ прячется и, вдругъ, какъ минотавръ или татары, набѣгаетъ на Москву неотразимый и нежданный, обираетъ книги и тетради и изчезаетъ. Онъ похожъ и на bon homme patience Жоржъ Санда, и на самаго Карла Санда, ежели хотите, а всего болѣе на террориста. Онъ какъ-то гильотинно умѣетъ двигать бровями. Баронъ началъ свою жизнь переводами Шиллера, и кончилъ переводомъ на жизнь одного изъ лицъ, которыя Шиллеръ такъ любилъ набрасывать, въ которыхъ нѣтъ ни одного эгоистическаго желанія, ни одной черной мысли, но которыхъ сердце бьется для всего человѣчества и для всего благороднаго, и которыя никогда не выйдутъ изъ своей односторонности, какъ exemples gratia Менцеля. Онъ съ четвероногой трибуны что-то повѣствуетъ, съ наивной мимикой обѣихъ рукъ, и, по очереди, одной ноги. Два неустрашимые человѣка подвергаютъ жизнь свою опасности, слушая барона въ атмосферѣ его декламаціи, безпрерывно разсѣкаемой рукою и ногою, и молніей зажженой сигары. У васъ, можетъ, слабы нервы—отвернитесь отъ этой картины.

Видите-ли у камина худощаваго молодаго человѣка [1]), бѣлокураго, нѣсколько блѣднаго, въ вицмундирной формѣ, съ неумолимой рѣчью — это магистръ математическаго отдѣленія, представитель матеріализма XVIII вѣка, столько же неподвижный на своемъ конькѣ, какъ и баронъ на своемъ. Онъ держитъ за пуговицу молодаго человѣка [2]) съ опухшими глазами и выразительнымъ лицомъ. Магистръ въ короткихъ словахъ продолжаетъ споръ, начавшійся у нихъ года за два о Бэконѣ и эмпиріи. Молодой человѣкъ, прикованный къ этому Кавказу, испещренному зодіаками, одно изъ тѣхъ эксцентрическихъ существованій, которыя были бы исполнены вѣры, если бы ихъ вѣкъ имѣлъ вѣрованія; неспокойный демонъ, обитающій въ ихъ душѣ, ломаетъ ихъ и сильно клеймитъ печатью оригинальности. Онъ больше образами, яркими сравненіями, отражалъ магистра.

— «Направленіе, которое начинаетъ проявляться,—говорилъ онъ, — вспять не пойдетъ, матеріализмъ сдѣлалъ свое и умеръ.

---

[1]) Савичъ.
[2]) Н. Сазоновъ.

Библиотека "Руниверс"

Вандомская колонна — его надгробный памятникъ. Германскія идеи, проникающія во Францію...»

Магистръ не слушалъ студента, даже закрывалъ глаза, чтобы и не видать его, и продолжалъ, со всѣмъ хладнокровіемъ математика, читающаго лекцію о мнимыхъ корняхъ, и со всею ясностію геометрическаго анализа, употребляя однѣ, закономъ опредѣленныя формы доказательства a contratio per inductionem a principio causo sufficicatis.

— «И такъ, принявъ это положеніе, слѣдуетъ вопросъ, которое состояніе наукъ выше, которое дало болѣе приложеній и принесло положительнѣе пользу? Разрѣшивъ его, мы естественно перейдемъ къ главному вопросу, отъ котораго зависитъ окончательное рѣшеніе всего спора...»

Съ тѣхъ поръ магистръ окончилъ нивеллированіе Каспійскаго моря; студентъ объѣхалъ полъ Европы, а споръ еще не кончился, и сами видите, остался только одинъ вопросъ.

Вотъ два молодыхъ человѣка обнявшись прогуливаются по комнатѣ. Одинъ[1]) съ длинными волосами и прелестнымъ лицомъ à la Schiller и прихрамывающій à la Bayron; другой[2]), съ прекрасными задумчивыми глазами, съ нѣсколько театральными манерами à la Мочаловъ и съ очками à la Каченовскій; это—Ritter aus Tambow, и кандидатъ этико-политическій, очерчивающій Россію. Ritter, юный страдалецъ, принесъ въ жизнь нѣжную, чувствительную душу, но не принесъ ни твердой воли, которая защищаетъ отъ грубыхъ рукъ толпы, ни твердаго тѣла. Болѣзненный, блѣдный—онъ похожъ на оранжерейное растеніе, воспитанное въ комнатахъ и забытое небрежнымъ садовникомъ на стужѣ московскихъ лѣтнихъ ночей. Онъ можетъ чище всѣхъ своихъ товарищей служить изящнымъ типомъ юноши. Съ какой любовью, съ какой симпатіей онъ пріютился къ нимъ дичкомъ. Его фантазія была направлена на ложную мысль бѣгства отъ земли. Резигнація составляла его поэзію. Такое направленіе развивается именно въ больномъ, слабомъ тѣлѣ, конечно ложное, но имѣющее свою безпредѣльно увлекательную сторону.

Кандидатъ этико-политическій жаждетъ общеполезной дѣятель-

---

[1]) Николай Михайловичъ Сатинъ.

[2]) Вадимъ Васильевичъ Пассекъ.

Библиотека "Руниверс"

ности и славы. Онъ готовъ на самопожертвованія безъ границъ, и грустно говоритъ юношѣ, что ему надобна каѳедра въ университетѣ и слава въ мірѣ. Юноша ему вѣритъ, сочувствуетъ и готовъ плакать. Вотъ они остановились передъ черпаломъ, полюбоваться пылающей жженкой.

Въ самомъ фокусѣ оргіи, т. е. у пылающей жженки, также интересная группа. Молодой человѣкъ [1]), въ сѣромъ халатѣ, на диванѣ, задумчиво мѣшаетъ горящее море, и задумчиво всматривается въ фантастическіе узоры огня, сливающіеся съ ложки. Противъ него за столомъ, безъ сюртука, безъ галстуха, съ обнаженною грудью, сложивши руки à la Napoléon, съ сигарою въ зубахъ, сидитъ худощавый юноша [2]), съ выразительнымъ, умнымъ взоромъ.

— «Помнишь-ли, — говоритъ молодой человѣкъ въ халатѣ, — какъ мы дѣтьми встрѣчали новый годъ тайкомъ, украдкой; какъ тогда мечтали о будущемъ: ну, вотъ, оно и пришло, и пустота въ груди не наполняется, и не принесло оно той жизни, которой требовала душа. На Воробьевыхъ горахъ она ничего не требовала и была довольна».

Они взглянули другъ на друга.

— «Пора окончить этотъ фазисъ жизни, шумъ начинаетъ надоѣдать; меня манитъ другая жизнь, жизнь болѣе поэтическая».

— «Пора, согласенъ и я; но забудемся еще сегодня, забудемся — прочь мрачныя мысли».

Юноша въ халатѣ напѣнилъ стаканъ и улыбаясь сказалъ:

— «За здоровье заходящаго солнца на Воробьевыхъ горахъ!»

— «Которое было восходящимъ солнцемъ нашей жизни», — добавилъ юноша безъ сюртука.

Оба замолчали, что-то хорошее пробѣжало по ихъ лицамъ.

Вдругъ юноша безъ сюртука вскочилъ на стулъ и звонкимъ голосомъ закричалъ:

— «Messieurs et milords! je demande la parole, je demande la cloture de vos discutions; une grande motion.... silence aux interrupteurs, monsieur le président, couvrez-vous».

И нахлобучилъ какую-то шапку на голову своему сосѣду. Нѣсколько головъ обратилось къ оратору.

---

[1]) Никъ.

[2]) Александръ.

Библиотека "Руниверс"

— Mylords et lords! le punsch cardinal, tel que le cardinal Mezzofanté, qui connait toutes les langues existantes, et qui n'ont jamais existées, n'a jamais goûté; le punsch cardinal est à vos ordres. Hommes illustres par vos lumières, vous connaissez que Schiller, decreté citoyen de la republique une et indivisible.... a dit, il me semble, en parlant des prisoniers, lors du siége d'Anony par les troupes du roi citoyen Louis Philippe....

Es ist verdüftet
Schöpfe es schnell
Nur wens glüet
Lebet das Quel.

Je propose donc de nous mettre à l'instant même dans la possibilité de vérifier les proverbes du citoyen Schiller, — à vos verres, citoyens!

Всѣ съ хохотомъ подходили къ столу. Ораторъ спокойно разливалъ въ стаканы пуншъ.

— «Магистръ, скажи пожалуйста, — кричалъ онъ, — не изобрѣлъ-ли Деви новыхъ металлическихъ стѣновъ для того, чтобы не жглись губы?»

— «Гумфри Деви умеръ», — отвѣчалъ магистръ, весь занятый своимъ споромъ.

— «И, я думаю, радъ отъ души, — продолжалъ ораторъ, что наконецъ химически разложился и на себѣ можетъ испытывать соединеніе и разложеніе».

— «Господа, господа, разойдитесь, баронъ идетъ со стаканомъ, а это страшнѣе, чѣмъ встрѣтиться съ локомотивомъ».

Въ самомъ дѣлѣ, благоразумные люди отодвигались. Ораторъ продолжалъ шумѣть, никто его не слушалъ... Стаканы еще разъ наполнились.

Демаркаціонная линія была пройдена. Господа хотѣли продолжать свои разговоры: суетное желаніе удалось одному юношѣ безъ сюртука, потому что онъ разомъ говорилъ со всѣми и обо всемъ. Баронъ чистилъ трубку кому-то въ шляпу и говорилъ *ты* магистру. На магистра жженка сдѣлала ужасное дѣйствіе, въ головѣ у него все завертѣлось и перекувырнулось, онъ не забывалъ свой споръ и продолжалъ, держа на этотъ разъ за пуговицу барона:

— «Слѣдовательно, ежели въ тотъ вѣкъ въ одно время деферен-

Библиотека "Руниверс"

ціальныя исчисленія изобрѣли Лейбница и Невтона...» Онъ, какъ бы самъ чувствуя нелѣпость, потеръ себѣ лобъ.

— «Да, да, именно, когда Коперникъ изобрѣлъ движеніе земли, а Уатъ паровыя машины и Сиръ Флуни—машины чинить перья», кричалъ ораторъ.

— «Помню, помню Флуни»,—повторилъ магистръ и хотѣлъ было произнесть еще какую-то букву, но не могъ ни повернуть языка, ни упросить это слово, чтобы оно вышло.

— «О чемъ споръ?» спрашивалъ тутъ же бывшій водевилистъ.

— «Магистръ,—шепталъ ему ораторъ,—доказываетъ, что Каратыгинъ гораздо лучше игралъ роль Отелло, нежели Мочаловъ»; а водевилистъ, бѣшенный поклонникъ Мочалова, бросился какъ лютый звѣрь на магистра и кричалъ ему на ухо:

— «У Мочалова есть душа, а у Каратыгина все поддѣлка, да просто взгляните на его лицо, какая натянутость, неестественность».

— «Правда, правда,—кричалъ ораторъ,—у живаго Каратыгина видъ не натуральный, то-ли дѣло статуи Торвальдсена, вотъ какія лица должны быть въ XIX вѣкѣ», и самъ водевилистъ захохоталъ.

Въ это время баронъ, желая подвинуться къ столу, выломилъ ручку у креселъ и ножку у стола; двѣ тарелки и стаканъ легли костьми при этомъ членовредительствѣ: «мертвіи сраму не имутъ». Баронъ не потерялся, началъ доказывать, что это не его вина, а вина непрочности мебели, для объясненія чего изломалъ еще кресло и этажерку и былъ очень доволенъ, что оправдался.

Подали сыру, единственный съѣстной припасъ, который важивался у Ника. Сыръ великая вещь на оргіи: отъ него дѣлается жажда. Въ одно мгновеніе ока, плачущее, рябое дитя Швейцаріи исчезло.

— «Прежде нежели мы совсѣмъ пьяны, вотъ вамъ предложеніе,—сказалъ Никъ: кто хочетъ на цѣлый день villegiare, подышать чистымъ воздухомъ, побыть не въ Москвѣ, а на волѣ хоть день?»

— «Превосходная мысль», подхватилъ Ritter.

— «Въ Архангельское,—прибавилъ студентъ,—у меня тамъ есть квартира».

Библиотека "Руниверс"

— «Все же это не имѣетъ основанія», сказалъ магистръ, услыхавши голосъ студента.

— «Въ Архангельское», повторили нѣсколько голосовъ.

— «Давай шампанскаго,—кричалъ ораторъ, у котораго вино, казалось, испаряется съ словами.—Надобно выпить за здоровье прекрасной мысли и прекраснаго опредѣленія ея».

Пробки хлопали, шампанское лилось вонъ изъ бутылокъ и исчезало. Дымъ табачный сгущался.

Кто-то запѣлъ:

Ah! vers une rive
Où sans peine on vive
Qui m'aime me suive!
Voyageons gaiment.
Ivre de champagne
Je bas la campagne
Et vois de Cocagne
Le pays charmant.

Всѣ подхватили:

Terre cherie
Sois ma patrie
Quand je ris
Du sort inconstant.

— «За здоровье друзей!» провозгласилъ ораторъ, пуская отчаянной параболой по воздуху пробку и въ одно мгновеніе выпитые стаканы разсыпались черепками по полу. Все вскочило, перемѣшалось, сбилось, зашумѣло вдвое. Кто цѣлуется, кто вздыхаетъ, кто подымаетъ съ полу кусочекъ сыру. Всѣмъ кажется чрезвычайно весело. Баронъ уродуетъ въ своихъ объятіяхъ всѣхъ встрѣчающихся и подмѣщается къ этико-политическому кандидату, который сидитъ у раскрытаго окна, рыдаетъ и, какъ донъ Карлосъ и Юлій Цесарь, приговариваетъ: «24 года и ничего не совершилъ для человѣчества, для вѣчности!» Въ отчаяніи, сильной рукою онъ ударилъ по стоящему передъ нимъ стакану и раздробилъ его. Стекла врѣзались въ руку, кровь полилась. Баронъ какъ бы протрезвился, схватилъ руку кандидата, сталъ вынимать стекла, мочить водою и завязывать платкомъ.

— «Что рука, — говорилъ кандидатъ, заливаясь слезами, — прахъ, тлѣнъ! духъ, вотъ — жизнь! хочешь выброшусь за окно?»

— «Лучше выйдемъ въ дверь и влѣземъ въ окно», предлагаетъ баронъ.

Библиотека "Руниверс"

Магистръ сердится, что заперта дверь, пробуя отворить зеркало въ каминѣ, а дверь—съ противоположной стороны. Магистръ правъ, надобно освѣжиться, выйдемъ на воздухъ, голова кружится. Видно и я выпилъ лишнее.

Bon!
La farina dondaine
Gai!
La farina dondé.

На другой день рано утромъ, т. е. часа три послѣ того, какъ ораторъ съ магистромъ вышли на чистый воздухъ, la bande joyeuse уже хлопотала и распоряжалась объ отъѣздѣ. Ораторъ всталъ раньше прочихъ, будилъ всѣхъ и каждаго. Спальня представляла удивительное зрѣлище. Длинный турецкій диванъ былъ заваленъ людьми, многіе уснули въ той позѣ, въ какой допили послѣднюю каплю. Баронъ, завернувшись въ непромокаемую шинель, съ сигарою во рту, грозно и величественно видѣлъ что-то во снѣ. Сонъ его былъ безпокоенъ и время отъ времени онъ пихалъ ногою въ голову водевилиста, который, на другой день, удивлялся странному сну: ему казалось, что онъ былъ въ театрѣ и что какъ только выходитъ Мочаловъ, сводъ Петра и Павла падаетъ ему на голову. Ritter прижался къ уголку, скатавши въ шарикъ тоненькое тѣло свое; въ томъ родѣ, какъ спятъ комнатныя собачки. Юноша въ халатѣ, который былъ дома, замѣтьте, положилъ себѣ подъ голову латинскій лексиконъ и покойно лежалъ, накрывшись ковромъ со стола.

Солнце свѣтило ясно, день готовился чудесный, голова была свѣжа: «благородное шампанское не оставляетъ горькихъ упрековъ на утро», говорили они потомъ. Всѣ необходимыя распоряженія были тотчасъ взяты. Послали за виномъ, послали за лошадьми, послали за паштетомъ и за сигарами. Двѣ коляски находились въ наличности. Никъ, студентъ, водевилистъ etc. отправились впередъ. Ораторъ съ Ritter'омъ послѣ. Они выѣхали часовъ въ 9 изъ Москвы. Великолѣпно свѣтило солнце, природа на каждой точкѣ дышала жизнью и нѣгою; на душѣ не было заботъ. Юноши мечтали, поэтизировали всю дорогу; душа Ritter'a, немного эллегическая, испарялась въ заунывныхъ звукахъ и дѣтскихъ фантазіяхъ. Они были какъ-то на мѣстѣ съ летавшими бабочками, съ зеленѣвшей травой, между которою подымались

Библиотека "Руниверс"

звѣздочки Иванова цвѣтка и фонарики цикорія. Ritter'у было 18 лѣтъ. Часа черезъ два коляска остановилась передъ прекраснымъ домомъ князя Юсупова. Я до сихъ поръ люблю Архангельское. Посмотрите какъ милъ этотъ маленькій клочекъ земли отъ Москвы-рѣки до дороги. Здѣсь человѣкъ встрѣтился съ природой подъ другимъ условіемъ нежели обыкновенно. Онъ отъ нея потребовалъ одного удовольствія, одной красоты и забылъ пользу; онъ потребовалъ отъ нея одной перемѣны декораціи, для того чтобы отпечатать духъ свой, придать естественной красотѣ красоту художественную, очеловѣчить ее на ея пространныхъ страницахъ: словомъ, изъ лѣса сдѣлать паркъ, изъ рощицы — садъ. Еще больше, гордый аристократъ собралъ тутъ растенія со всѣхъ частей свѣта и заставилъ ихъ утѣшать себя на сѣверѣ; собралъ изящнѣйшія произведенія живописи и ваянія и поставилъ ихъ рядомъ съ природою, какъ вопросъ: кто изъ нихъ лучше? Но здѣсь уже самая природа не соперничаетъ съ ними, измѣнилась, расчистилась въ арену для духа человѣческаго, который, какъ прежніе германскіе императоры, признаетъ только тѣ власти неприкосновенными, которыя уничтожались въ немъ, и имъ уже возстановлены какъ вассалы.

Бывали-ли вы въ Архангельскомъ? ежели нѣтъ — поѣзжайте, а то оно, пожалуй, превратится или въ фильятурную фабрику, или не знаю во что, но превратится изъ прекраснаго цвѣтка въ огородное растеніе.

Они тотчасъ отыскали Ника съ товарищами и отправились сначала въ домъ.

Террористъ Давидъ привѣтствовалъ ихъ атлетическими формами, которыя онъ думалъ возродить въ республикѣ единой и нераздѣльной 93-го года, вмѣстѣ съ спартанскими нравами, о привитіи которыхъ хлопоталъ Сенъ-Жюстъ; а за ними открылся длинный рядъ изящныхъ произведеній.

Глаза разбѣжались, изящные образы окружали со всѣхъ сторонъ. Уныніе смѣнялось смѣхомъ, Святое семейство — Нидерландской таверной, дѣва радости—Вернитовскимъ видомъ моря. Пышный Гвидо Рени,—князь Юсуповъ въ живописи,—роскошно бросаетъ и краски, и формы, и украшенія, чтобы прикрыть, подъ часъ, бѣдность мысли, и суровые фанъ-Дейка портреты, глубоко оживленные внутреннимъ огнемъ, съ заклейменой думой на челѣ,

Библиотека "Руниверс"

и дивная группа Амура и Психеи Кановы,—все это вмѣстѣ оставило имъ воспоминаніе смутное, въ которомъ едва вырѣзываются отдѣльныя картины, оставшіяся, Богъ знаетъ почему, также въ памяти. Помнился, напримѣръ, портретъ молодаго князя: князь верхомъ, въ татарскомъ платьѣ; помнился портретъ дочери m-me Lebrun. Она стыдливо закрываетъ полуребячью грудь и смотритъ тѣмъ розовымъ взглядомъ дѣвушки, для которой уже немного поцѣлуй, который уже волнуетъ ея душу, чистую какъ капля росы на розовомъ листкѣ, и огненную какъ золотое аи. Не разъ, быть можетъ, старый князь останавливался передъ ней, желая отодрать ее отъ полотна, возстановить разстянутыя въ одну плоскость формы, согрѣть ихъ, оживить и прижать къ своему сердцу татарина.

Имъ некогда было разбирать все отдѣльно, да я увѣренъ, что это и невозможно: всякую галлерею надобно изучить въ одиночествѣ и притомъ разматриваніе ея распространить на много и много дней. Довольные восторженностью, чистотою, въ какое ихъ привело созерцаніе изящнаго, они высыпали въ садъ, мимо мощныхъ воиновъ изъ желтаго мрамора, мимо гладіаторовъ, въ тѣнь аллей. День былъ южно-палящій жаромъ, все ликовало, жужжа летали пчелы тонко перетянутыя, молча и съ величайшей граціей танцовали по воздуху пестрыя бабочки съ широкими рукавами, какъ барышни. Солнце faisait les honneurs de la maison, отогрѣвало сырую землю, эмалью покрывало листики цвѣтковъ, радостью наполняло все живущее и копошащееся въ травѣ, на воздухѣ, закуривало сигары и гордо не дозволяло себѣ смотрѣть въ глаза. Имъ все нравилось, даже на этотъ разъ романтизмъ ихъ не возмущался противъ подстриженныхъ деревьевъ, которыя важно и чопорно, какъ официанты прошлаго вѣка, въ парикѣ и французскихъ перчаткахъ, стояли по обѣимъ сторонамъ дороги. Бѣлые мраморные бюсты выглядывали изъ-подъ нихъ.

Испеченные солнцемъ и утомленные ходьбой, молодые люди отправились въ комнаты студента. Небольшая зала, въ которой былъ приготовленъ обѣдъ, примыкала къ оранжереѣ, одна стеклянная дверь отдѣляла ихъ отъ нее; они отворили дверь, ихъ обдало благоуханіемъ юга. Дыханіе дѣтей пламенной природы располагало къ нѣгѣ и къ чувственно-огненнымъ страстямъ, къ

Библиотека "Руниверс"

dolce far niente. Зачѣмъ изъ вѣнчикомъ этихъ цвѣтковъ не вышли вѣчно юныя гуріи восточнаго рая! Зачѣмъ не принесли холоднаго шербета, зачѣмъ стройныя одалиски не вѣяли пестрыми опахалами, опуская длинныя рѣсницы своихъ черныхъ глазъ и бросая свѣжіе, розовые листки въ вино. «Зачѣмъ этотъ глупый нарядъ запада,—простора, нѣги, и еще цвѣтовъ благоухающихъ, съ яркими вѣнчиками», — говорили юноши.

Вино, принесенное со льда, на минуту прохладило ихъ, но отлившая отъ сердца и головы кровь возвратилась зажженнымъ спиртомъ, страсти расколыхались; имъ было непомѣстительно въ горницѣ—они вышли опять въ садъ и отправились въ бесѣдку на гору, у ногъ которой — Москва рѣка.

Рѣка тихо струилась узенькой ленточкой, довольная своимъ аристократическимъ именемъ; поля, лѣса, синяя даль,—природа именно этою далью, этою безграничностью приводитъ въ восторгъ, въ ея наружности отпечатлѣнъ тотъ характеръ безконечности, который заключенъ въ душѣ нашей, и они переплетаются встрѣтившись; но молодые люди не долго поэтизировали, вскорѣ разговоръ превратился въ шалость, въ хохотъ. Нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ рѣдко могутъ восхищаться природой или изящнымъ произведеніемъ: благоговѣйный восторгъ рѣдко посѣщаетъ разомъ цѣлое общество, и ежели хоть одинъ сказалъ холодное слово, остроту, кристальная мечта разсыпалась, фальшивая нота разнесется громче прочихъ и роняетъ дѣйствіе всей піесы. Продурачившись до поздняго вечера, всѣ поѣхали домой. Пріѣхали къ Нику часу во второмъ ночи и расположились отдыхать. Было полнолуніе, мѣсячный свѣтъ ясно свѣтилъ въ окна; днемъ душа молча впивала изящное, теперь, когда водворилась тишина и, вмѣсто яркаго свѣта дня, разлился кроткій полу-свѣтъ мѣсячной ночи, она начала испарять свои чувства, какъ ночныя фіоли свое благоуханіе.

— «Никъ, пойдемъ гулять, хочется еще ощущеній, движеній, хочется чтобы не было потолка».

И они отправились. Длинныя полосы луннаго свѣта стлались по улицамъ, ярко смѣняемыя густою тѣнью. Городъ уже уснулъ или еще не просыпался; такъ тихо было, что шаги, далеко слышные, вызывали глухой лай собакъ.

Они вышли на Арбатскую площадь; величественнѣе и колос-

Библиотека "Руниверс"

сальнѣе обыкновеннаго казались зданія. Они шли, шли и остановились на Каменномъ мосту. Святой Кремль въ своемъ византійскомъ нарядѣ, окруженный башнями, стѣнами, думалъ царскую думу о прошлыхъ и новыхъ вѣкахъ; часовой, поставленный Годуновымъ, въ бѣлой одеждѣ, какъ рында, въ золотой шапкѣ, какъ князь, сторожитъ покой Кремля, неподвижный и высокій; а рѣка шумѣла и неслась изъ-подъ арки и всасывала въ себя мѣсяцъ и сносила его свѣтъ на середину и играла имъ, и пускала длинной полосою плыть въ вороненой рамкѣ.

Вода не останавливалась ни на мгновеніе, шумѣла, разбивалась о камень, пѣнилась и утекала; волна, сейчасъ блеснувшая какъ рыбка, терялась въ толпѣ другихъ, исчезала какъ волна, но неслась, какъ рѣка, въ даль, въ море.

Они стояли молча,— о чемъ тутъ было говорить,—и не думали, и не молились,—а высоко было сочувствіе ихъ въ ту минуту съ Творцомъ, съ природою, съ человѣчествомъ... Предтеча солнца, Гесперъ заблисталъ словно алмазъ на рукѣ Творца, отворяющаго врата утра, и красная полоса, какъ брошенная на землю порфира, сказала о приближеніи царственнаго свѣтила. Алый отливъ пробѣжалъ по бѣлымъ стѣнамъ Кремля и заигралъ огнями на крестахъ, главахъ и окнахъ. Разсвѣтало. Съ одной стороны спало темное Замоскворѣчье, покрытое подымающимся утреннимъ туманомъ, съ другой стороны спала часть города, облитая тѣмъ же мѣсяцемъ. Обѣ не знали о началѣ дня, а Кремль его уже встрѣтилъ, ему уже радовался, и ночь съ днемъ встрѣтились на рѣкѣ, серебро и золото перемѣшалось на волнахъ. Чудное, удивительное зрѣлище, и оно повторяется каждый день, и люди занятые, «пекущіеся о мнозѣ», не ходятъ смотрѣть на него. Барабанъ и дудка возвѣщали земнымъ языкомъ «зорю». Они отправились къ Нику, въ садъ, физически и морально утомленные.

Этотъ длинный праздникъ, эта особая блеснувшая волна жизни, не могутъ исчезнуть въ толпѣ дней, ночей, недѣль, мѣсяцевъ, лѣтъ, которые, какъ дюженныя волны, бѣгутъ, шумятъ, имѣютъ смыслъ въ совокупности, но не врѣзываются въ память. Эта шумная оргія, эта прелестная прогулка внѣ города и въ городѣ на мѣстѣ,—они на границѣ учебныхъ лѣтъ, это прощанье съ ними— и потому въ нихъ собралось все хорошее и дурное того времени, идеализированное, проникнутое поэзіей. Прогулка на Каменный

Библиотека "Руниверс"

мостъ окончила прогулку на Воробьевы горы. Мѣсяцъ мечтаній, односторонней жизни, закатывался, солнце жизни выступало съ своею огненною, всепоглощающею любовью, но и черныя тучи поднимались грозно и мрачно»..... [1]).

На другой день послѣ описаннаго вечера, проснувшись рано утромъ, я встревожилась, узнавши, что Вадимъ еще не возвращался,—и пошла въ комнату къ матушкѣ.

Матушка старалась успокоить меня; она говорила, что эти товарищескія сходки почти всегда продолжаются до утра.

Я расплакалась.

Въ десятомъ часу утра пришелъ Вадимъ. Внѣ себя отъ радости, я бросилась къ нему на шею, но, вглядѣвшись въ него, обомлѣла. На немъ не было лица. Онъ былъ страшно блѣденъ, правая рука его была обвязана окровавленнымъ платкомъ.

— Что съ тобой, Вадимъ? спросила я дрожащимъ голосомъ.

— «Чего ты встревожилась,—отвѣчалъ онъ тихо, улыбаясь. Ночь не спалъ, усталъ, руку обрѣзалъ объ разбитый стаканъ. Вотъ и все».

— Покажи, что̀ съ рукой?

— «Послѣ, дай отдохну,—бездѣлица».

Матушка позвала Вадима въ свою комнату. Черезъ нѣсколько минутъ туда явилась я и ахнула отъ ужаса: рука Вадима была изрѣзана, а около большаго пальца виднѣлась продолговатая, глубокая рана.

Матушка, съ большимъ присутствіемъ духа, обмыла ему руку холодной водой, обвязала полотнянымъ бинтомъ, намоченнымъ свинцовой водой.

Увидя мой испугъ, Вадимъ, какъ-то болѣзненно улыбаясь, сказалъ:

— «Что за ребячество, Таня».

Онъ видимо страдалъ; рука ў него долго болѣла. Широкій шрамъ около большаго пальца остался навсегда, какъ памятникъ послѣдняго праздника дружбы.

Когда мы пришли въ нашу комнату, Вадимъ легъ на диванъ, закурилъ сигару и сталъ разсказывать мнѣ какую сума-

---

[1]) Писано въ февралѣ 1838 г.

Библиотека "Руниверс"

шедшую ночь они провели, какъ онъ измученъ, и грустно добавилъ, что этотъ вечеръ оставилъ чувство чего-то неудовлетвореннаго.

Послѣ обѣда Вадимъ уснулъ и проспалъ до вечера. Вечеръ наступалъ прекрасный; только что прошелъ сильный дождь; воздухъ былъ свѣжъ, на чистомъ небѣ всходилъ полный мѣсяцъ.

Вадимъ позвалъ меня пройтиться. Мы дошли до Прѣсненскихъ прудовъ; тамъ насъ встрѣтила тишина и ни одной живой души, только мѣсяцъ смотрѣлся въ неподвижныя воды пруда, пронизывая золотистыми лучами майскую зелень кустарниковъ и деревьевъ, ярко отбрасывая тѣни на усыпанныя желтымъ пескомъ дорожки, да мѣстами дождевыя капли сверкали въ цвѣтахъ и въ травѣ.

Садясь на зеленую скамейку подъ распустившійся кустъ бѣлой сирени, мы нечаянно тронули цвѣты—насъ окатило душистымъ дождемъ.

— «Нѣтъ, — говорилъ Вадимъ, — нѣтъ, наши товарищескія сходки не удовлетворяютъ больше души. Безотчетная тоска прокрадывается въ самый разгаръ ихъ. Душа рвется къ иному, высшему. Прошедшей ночью мы завершили этотъ отдѣлъ жизни. Заря новаго занимается для насъ»...

Не смотря на шумныя оргіи, гражданская экзальтація, развитые научные и художественные интересы, спасали молодыхъ людей этого кружка отъ грязныхъ увлеченій и возбуждали къ полезной дѣятельности.

Дѣтскій либерализмъ и застольная революція, въ этотъ періодъ времени, стали терять для нихъ свою чарующую силу. Всѣ искали чего-то. Попавшіяся имъ въ руки проповѣди и брошюры сенъ-симонистовъ раскинули передъ ними цѣлый міръ новыхъ идей и новыхъ отношеній. Въ первомъ броженіи умовъ не было возможности опредѣлить различія направленій, которыя, подъ вліяніемъ новыхъ ученій, приняли молодые люди этого круга. Въ послѣдствіи же они ярко выразились. Одни, въ томъ числѣ и Вадимъ, бросились на изученіе Россіи и ея исторіи; другіе отдались нѣмецкой философіи; въ основу жизни иныхъ легъ сенъ-симонизмъ,—но, не взирая на различіе сферъ дѣятельности, всѣ они дѣйствовали въ одномъ духѣ, стремились работать для про-

Библиотека "Руниверс"

свѣщенія и счастія близкихъ на столько, на сколько условія того времени и способности каждаго это допускали.

ГЛАВА XXV.

Qual cuor tradisti!

1833—1834.

Въ 1833 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, Александръ выдержалъ экзаменъ на кандидата. Онъ писалъ намъ въ деревню, что это событіе было возвѣщено на актѣ, при звукахъ трубъ и литавръ и торжественномъ собраніи знаменитостей Москвы, въ тридцать градусовъ жара; но что онъ лично при торжествѣ не присутствовалъ, потому что ему, вмѣсто ожидаемой имъ золотой медали за сочиненіе, дали серебряную. Профессоръ Перевощиковъ, задававшій тему, въ сочиненіи Александра нашелъ слишкомъ много философіи и слишкомъ мало формулъ. Золотую медаль получилъ студентъ, который, говорили тогда, выписалъ свою диссертацію изъ астрономіи Біо и растянулъ на листахъ формулы.

Тема сочиненія была: «историческое развитіе Коперниковой системы»; тутъ можно было развернуться. Александръ взялъ Птоломееву Альмагесту, Коперника и астрономію Бальи. Ему ярко представилась послѣдовательность развитія астрономіи, отъ безсвязныхъ, отдѣльныхъ замѣчаній египтянъ до ея высокаго состоянія, въ которомъ она является въ рукахъ Ньютона, и показалъ какъ отдѣльныя свѣдѣнія и наблюденія, являясь изъ разныхъ началъ, умножаясь, соединились въ Альмагестѣ, — этомъ первомъ опытѣ какъ науки,—и образовали изъ нея систематическій сборникъ. Потомъ, еще не касаясь Коперника, онъ представилъ общее направленіе мысли въ его великомъ вѣкѣ; высшія требованія на науку, нежели во времена Птоломея; несостоятельность астрономіи относительно этихъ требованій, и геніальное провидѣніе Коперника. Но чтобы дать понятіе какъ уничтожилось древнее воззрѣніе, и какъ дало начало истинному геніальное слово Коперника, и оцѣнить величіе его дѣла, недостаточно было только указать на него, но надобно было прослѣдить самое это развитіе, то Александръ, доведя исторію астрономіи до теоріи тяготѣнія, изложилъ всю важность Коперника-

Библиотека "Руниверс"

вой системы, показалъ необходимость Коперника именно въ ту эпоху, въ которую онъ жилъ; затѣмъ, показавши требованія XVI вѣка на науку, — старался раскрыть насколько имъ отвѣтила астрономія Ньютономъ и, наконецъ, Лапласомъ, и доказать, что наука развивается по законамъ въ уровень съ человѣчествомъ, и по однимъ и тѣмъ же законамъ, какъ и мышленіе.

Когда окончился экзаменъ,—разсказывалъ намъ Александръ,— всѣ студенты одного съ нимъ курса собрались въ небольшую кучку и ждали не выйдетъ-ли кто изъ совѣта, чтобы узнать свою участь, «быть или не быть». Не смотря на то, что Александръ казался веселымъ, на душѣ у него было тревожно. Онъ слышалъ, что Павловъ, у котораго Александръ ревностно занимался, поставилъ ему 2 за то, что онъ разъ возмутилъ противъ него аудиторію и раза два уговорилъ студентовъ нейдти къ нему на лекцію потому, что Павловъ, дѣлая выговоръ какому-то студенту, сказалъ: «столъ и солдатъ у двери столько же меня понимаютъ, какъ и амфитеатръ». Изъ этого вышло дѣло; его разбиралъ Дмитрій Павловичъ Голохвастовъ. Онъ вызвалъ къ себѣ вмѣстѣ Павлова и Александра. Павловъ не могъ ему этого простить. На вопросъ изъ динамики онъ дурно отвѣчалъ, поэтому предполагалъ, что и Перевощиковъ, вѣрно, больше двухъ не поставитъ. Остальное шло превосходно.

Когда вышелъ къ студентамъ Гейманъ, всѣ бросились къ нему. «Поздравляю васъ—вы кандидатъ,» сказалъ онъ Сашѣ. «Еще кто? кто?»—«такой-то и такой-то.» Сашѣ разомъ сдѣлалось и весело и грустно.

— «Когда я,—вспоминалъ онъ,—по чугунной лѣстницѣ университета сходилъ кандидатомъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ изъ школы на бѣлый Божій свѣтъ, тогда иначе взглянулъ на все. Чувство воли, самобытности, совершеннолѣтія никогда не бываетъ сильнѣе какъ въ минуту окончанія публичнаго воспитанія. Испанскіе сапоги, шнуровавшіе душу, лопаются и фантазія гуляетъ какъ хочетъ. Нѣтъ болѣе ни правилъ, ни направленія извнѣ. Это медовый мѣсяцъ совершеннолѣтія».

Съ глубокимъ чувствомъ собственнаго достоинства и достоинства кандидатской степени, Саша явился домой, и посвятилъ Нептуну мокрое платье, въ которомъ плавалъ три года по схоластическому болоту на ловлю идей, то-есть, говоря презрѣнной

Библиотека "Руниверс"

прозой, подарилъ первогодичнымъ студентамъ толстыя тетради лекцій, выучившія его стенографіи и разучившія писать удобочитаемо.

Теперь уже ничто не мѣшало Александру упиваться любовью къ своему ландышу и любоваться имъ. Любовь его была искренна, какъ и всѣ чувства юности. Онъ не дѣлалъ себѣ анализа, пока страсть брала верхъ надъ всѣмъ, предложилъ *** объявить семейству, что онъ проситъ ея руки, и, какъ только позволятъ обстоятельства, на ней женится.

— «Если я объявлю о твоемъ предложеніи моему семейству— это тебя свяжетъ, отвѣчала она; — я вѣрю твоему благородству и — твоей любви... если же измѣнишься... да нѣтъ, это невозможно... сердце, какъ твое, измѣнять не можетъ».

И онъ былъ увѣренъ въ неизмѣнности своихъ чувствъ. Когда же, сверхъ чаянія, сталъ охладѣвать, то не могъ устоять и не воспользоваться свободой, предоставленной ему этой благородной дѣвушкой.

Спустя нѣсколько лѣтъ, анализируя это, уже угаснувшее, чувство, онъ, какъ бы въ оправданіе передъ самимъ собою, говорилъ:

— «Любовь моя была односторонна и отчасти натянута, но тогда я этого не замѣчалъ. Чиста была эта любовь моя, какъ майское ясное небо; свѣтлой рѣчкой катилась она по зеленому полю надежды, только иногда волновалась воспоминаніемъ о молодомъ человѣкѣ, бывшемъ женихѣ, и тѣмъ, что онъ скоро былъ забытъ. Я отыскивалъ въ своей душѣ давно заброшенныя страницы сентиментальности, принаряжалъ ими душу свою, — отчасти это чувствовалъ, и къ сентиментальности прибавлялъ всѣ мои либеральныя мечтанія. Я говорилъ ей, и говорилъ отъ души, что за осуществленіе моихъ политическихъ идей пожертвую моей любовью, пожертвую ею, и вполнѣ вѣрилъ въ истинность и неизмѣнность этихъ словъ, такъ какъ и чувствъ моихъ».

Въ пламенныхъ словахъ онъ писалъ о ней къ Нику.

Александръ точно чары набрасывалъ на Ника, и не только въ ихъ юности, но и во всю послѣдующую жизнь. Въ какое бы положеніе судьба ни ставила Александра, Никъ, какъ бы невольно, стремился стать точно въ такое же. Подъ вліяніемъ картины любви Александра, онъ сталъ искать существо, которому могъ бы также отдать первую любовь свою. Искать было неда-

Библиотека "Руниверс"

леко. Въ домѣ ихъ жила милая, молодая дѣвушка. Никъ почти не замѣчалъ ее, — читая письма Александра, онъ ее замѣтилъ, робко полюбилъ, и въ страстныхъ выраженіяхъ говорилъ о ней своему другу. Судьба этой дѣвушки—созданія глубоко чувствовавшаго, поэтическаго,—разыгралась самымъ плачевнымъ образомъ. Никъ не былъ виной ея несчастія. Напротивъ, онъ, до конца ея разбитой, кратковременной жизни, сохранилъ къ ней чувство дружбы, и озарялъ ея печально догоравшую жизнь своимъ сочувствіемъ.

Пока Александръ готовился къ экзамену и держалъ его, я съ Вадимомъ и съ пятнадцатилѣтнимъ братомъ его Помпеемъ Пассекомъ отправилась въ Васильевское.

Мы пріѣхали туда около сумерекъ и помѣстились въ домѣ Ивана Алексѣевича Яковлева. Прелесть мѣста, глубокая тишина, воздухъ полей, возбудили въ насъ чувство безотчетнаго счастья. Отъ голубой ленты рѣки до луговъ, осыпанныхъ цвѣтами мая, все какъ бы улыбалось намъ, все манило насъ къ себѣ. Поручивши пріѣхавшей съ нами горничной разобрать и размѣстить наши небольшіе пожитки и книги, сами поспѣшили въ рощу и къ рѣкѣ. Тотъ же широкій камень лежалъ на берегу близь воды; таже лодка слегка колыхалась, привязанная въ тростникѣ. Ею владѣлъ писарь Епифанычъ, и, плавая въ ней, ловилъ рыбу. Солнце тихо закатывалось. Все алѣло. Жизнь раннихъ лѣтъ обступала меня. Я смотрѣла на все съ тѣмъ чувствомъ нѣжности и умиленія, съ которымъ смотримъ на портретъ милаго намъ младенца, напоминающій его ясный взглядъ и его голубую улыбку.

Когда Вадимъ и Помпей вывели изъ тростника лодку и придвинули къ берегу, въ нее мгновенно перемахнула Зюльма, собака польской породы, подаренная Вадиму моимъ братомъ, и сѣла на лавочку; за Зюльмой легко перепрыгнула въ лодку я и помѣстилась рядомъ съ нею; за нами Вадимъ съ Помпеемъ; они взяли весла, весла шумно разрѣзали воду и лодка поплыла. Берега, лѣсъ, вечерняя заря опрокинулись въ рѣкѣ. Отъ времени до времени, въ голубомъ пространствѣ проносились надъ нами, въ одиночку, бѣлыя чайки...

И громко пѣлъ во тьмѣ вѣтвей
Печаль и счастье соловей.

Библиотека "Руниверс"

Въ водѣ, въ воздухѣ, въ растеніяхъ чувствовался трепетъ жизни. Въ самой тишинѣ, окружавшей насъ, струилась жизнь.

Мы возвратились домой когда наступилъ вечеръ и принесли большіе букеты ландышей и бѣлыхъ ночныхъ фіалокъ, еще мокрые отъ росы. Фіалки тотчасъ розлили по комнатѣ свой упоительный запахъ. Въ столовой, на большомъ липовомъ столѣ, насъ ожидалъ чай. Мы раскрыли окно, въ него стала пробираться роса, и изъ-за рва послышались голоса перепеловъ, перекликавшихся во ржи. Въ комнатѣ, гдѣ, бывало, ворчалъ капризный старикъ, раздался веселый разговоръ и молодой, вольный смѣхъ.....

Мы прожили въ Васильевскомъ до августа, не замѣчая жизни, мы жили и—только. Природа, прошедшее, настоящее, все какъ бы сосредоточилось въ одной живой точкѣ и билось однимъ пульсомъ жизни съ нами.

Вадимъ въ деревнѣ писалъ свои «Путевыя записки»; я переводила романъ Карра «Sous les tilleiles»; иногда онъ читалъ мнѣ вслухъ.

Августъ наступилъ незамѣтно. Въ Васильевскомъ мы получили письмо отъ дяди моего Александра Ивановича Кучина изъ Чертовой. Онъ приглашалъ насъ къ себѣ. Мы приняли приглашеніе и въ первыхъ числахъ мѣсяца отправились къ нему съ присланной за нами въ коляскѣ старушкой Натальей Ивановной.

Дядя, по кончинѣ своей жены, — разсказывала намъ въ дорогѣ наша спутница,—сталъ вести жизнь самую уединенную; даже по зимамъ пересталъ переселяться въ Тулу, какъ бывало прежде. Въ отъѣзжія поля съ сосѣдями уже не ѣздитъ, а охотится, иногда, одинъ съ своими псарями и собаками; бо́льшею же частью сидитъ дома, занимается хозяйствомъ, садомъ и оранжереей, да забавляется съ двумя дѣтьми-воспитанниками.—При этомъ старушка намекнула, что мать этихъ дѣтей не чужда дядѣ.

— «Да вы не извольте тревожиться»,—добавила она, обращаясь ко мнѣ,—дяденька ей забываться не позволяетъ; у него «знай сверчокъ свой шестокъ». Кушанье ей идетъ со стола, чаю пей вволю; разнощикъ заѣдетъ, выбирай любаго ситца на платье, любой платокъ на шею, а мѣсто свое помни. Боже упаси! вѣдь знаете дядиньку — баринъ настоящій. Вы, чай, помните Дуньку Галкину—она и есть. Лицо конопатое, некрасивая, да простая

Библиотека "Руниверс"

такая, не то чтобы она ему понравилась, и нравиться-то нечему— мало-ли у насъ дѣвокъ лучше ея, полна дѣвичья пялишницъ,— ну, такъ у этой, что ни годъ, то сынъ, вылитый баринъ, по дѣтямъ и мать хороша. Двое старшихъ померли—красавцы были, ужъ какъ онъ по нихъ убивался!—остались двое меньшихъ. Онъ было ихъ въ воспитательный домъ отослалъ, а какъ старшихъ Господь прибралъ, то и приказалъ взять обратно. Утѣшается ими, а баловать не балуетъ. Дѣти больше на моихъ рукахъ ростутъ: она ничего не смыслитъ. Не сладко мнѣ все это, говоря по-правдѣ,—добавила Наталья Ивановна, глубоко вздохнувши,— грѣха много, противъ закона Божія; лучше бы женился на ровнѣ, еще какія невѣсты-то знатныя шли за него! и теперь молодецъ изъ себя, ну, такъ слышать не хочетъ. Ничего не подѣлаешь— его барская воля».

— Я помню Дуняшу,—сказала я,—она дѣвушка добрая, но не далекая, жила въ загонѣ. Какъ она держитъ себя теперь?

— «Какъ? отвѣтила Наталья Ивановна, тономъ, въ которомъ слышалось пренебреженіе,—никакъ. Гдѣ ей, дурѣ, держать себя. Встанетъ утромъ, растрепанная, растегнутая, сядетъ въ дѣвичьей на лавкѣ за самоваръ, и пьетъ чай до пота лица, крѣпкій какъ пиво, да все въ накладку. Потомъ нарядится въ пестрое платье, накинетъ на плечи купавинскій платокъ, подвернетъ подъ него руки и пойдетъ ходить по двору, либо по дворовымъ, а то въ садъ отправится. Сталъ-было баринъ ее грамотѣ учить—въ толкъ не взяла, такъ научилъ какіе-то стихи разсказывать, да на гитарѣ брянчать, по ней таковское дѣло. Работать не умѣетъ, въ хозяйствѣ толку не знаетъ. Дѣло ея было извѣстное: чистить, мыть, да полы подтирать. По Дунькѣ и роднымъ ея пошла честь и милость: отцу ея дяденька вашъ пожаловалъ лѣсу на новую избу; матери новую плахту и кичку хорошую. Отъ барщины отрѣшилъ. Дядя проштрафился — просила, помиловалъ. А вѣдь знаете, у дядиньки расправа коротка, по военному, позабудь шутить, по одной половицѣ ходи, на другую посматривай».

— А какъ прислуга на нее смотритъ?

— «Извѣстно какъ—ненавидитъ».

— Почитаетъ-ли она васъ, Наталья Ивановна?

— «Не забывается. Да вѣдь меня и дяденька-то, дай Богъ

Библиотека "Руниверс"

ему много лѣтъ здравствовать, уважаетъ. Помнитъ, что выкормила, вынянчила его, и добро его сберегаю».

Такимъ образомъ, разговаривая да разсуждая въ дорогѣ, мы знакомились съ новымъ бытомъ дяди. Въ полдень останавливались кормить лошадей; съ вечера приставали у знакомыхъ другаго нашего спутника, Петра Семеновича, на ночлегъ. На третій день, на закатѣ солнца, передъ нами засвѣтился между вербами прудъ сторожевой, поля сжатаго хлѣба, по которымъ, кое-гдѣ, синѣлъ забытый серпомъ василекъ. Вскорѣ показался плетень нижняго сада, баня, бѣлый, съ красными полосами, флагъ на бельведерѣ дома, знакъ присутствія въ немъ господина, наконецъ, и самъ дядя на крыльцѣ, въ бѣлой артиллерійской фуражкѣ, съ краснымъ околышкомъ. Онъ стоялъ одинъ. Завидя насъ еще издали, снялъ фуражку и замахалъ ею, въ знакъ привѣта.

Когда мы вошли въ залу, дядя благодарилъ насъ, что его навѣстили, и, показавши на рядъ парадныхъ комнатъ, радушно сказалъ:

— «Вся эта половина въ вашемъ распоряженіи, прошу быть какъ дома и ничѣмъ не стѣсняться, позвольте и мнѣ вести мой обычный образъ жизни».

Домъ дяди былъ деревянный, большой, какіе бывали у большей части помѣщиковъ того времени. Широкій корридоръ раздѣлялъ его на двѣ половины, на парадную и домашнюю. Къ одной стѣнѣ корридора придѣланы были шкапы, гдѣ хранились платья, дорогая парадная посуда, ненужныя вещи, старыя газеты. Парадная половина состояла изъ обширной залы, гостиной, спальной и небольшаго кабинета, отворявшагося въ цвѣточную оранжерею. Стѣны этого кабинетика были обтянуты въ складку шелковой матеріей лимоннаго цвѣта, таковой же матеріи драпировка затѣняла окно, у котораго стоялъ маленькій письменный столикъ. Диванъ и кресла были обиты пунцовымъ казимиромъ. Вся эта половина дома окнами обращена была въ садъ. Въ гостиной между двухъ оконъ находилась стеклянная дверь, отворявшаяся на широкій балконъ съ колоннами и широкими ступенями, убранными цвѣтами. Песчаная дорожка отдѣляла балконъ отъ длинной грядки лиловыхъ ночныхъ фіолей, душистаго горошка и росписныхъ турецкихъ гвоздикъ, окаймлявшихъ зеленый лужокъ.

Дядя расположился въ половинѣ домашней, обращенной окнами

Библиотека "Руниверс"

во дворъ; на немъ виднѣлись: голубятня, скворечница, конура цѣпной собаки и качели. Половина эта состояла изъ передней, столовой, довольно просторнаго кабинета дяди, въ которомъ онъ проводилъ бо̀льшую часть времени, маленькой спальной и галлерейки, ведущей въ обширную дѣвичью, съ дубовыми лавками и громадной лежанкою. У оконъ помѣщалось нѣсколько пялецъ. Корридоръ, начинавшійся отъ столовой, оканчивался комнатой, которую я занимала, бывши дѣвочкой. Я навѣстила ее. Тѣже диваны огибали стѣны, тѣже книги лежали въ шкапу; я ихъ пересмотрѣла и перенесла въ спальную «Дѣтей аббатства»; прибавился въ бывшей моей комнатѣ только садокъ съ канарейками, прикрѣпленный надъ дверью.

Къ обѣду пріѣхалъ сосѣдъ, пріятель дяди, Никоноръ Ивановичъ Чалищевъ. Въ два часа, старый буфетчикъ Антонычъ, съ салфеткой, перекинутой черезъ руку, безстрастнымъ голосомъ провозгласилъ «кушать готово»—и всѣ двинулись къ столу. За стуломъ каждаго сѣвшаго за столъ сталъ слуга, держа лѣвой рукой у груди чистую тарелку, и немедленно замѣнялъ ею ту, съ которой было все съѣдено, затѣмъ снова вооружался чистой тарелкой. Обѣдъ дяди почти всегда состоялъ изъ пяти, шести блюдъ, превосходно изготовленныхъ поваромъ, учившимся стряпать въ англійскомъ клубѣ. Между жаркимъ и пирожнымъ подали шампанское. Когда пили за наше здоровье, поздравляя съ бракомъ, раздались выстрѣлы изъ пушекъ. У дяди вблизи дома стояло шесть пушекъ.

Послѣ обѣда въ гостиной подали кофе и десертъ изъ фруктовъ, между которыми стояли тарелки съ горохомъ и бобами. Дядя хвалился передъ сосѣдомъ ананасами, дынями и разными сортами яблоковъ и сливъ. Разрѣзая, объяснялъ достоинство, вкусъ и ароматъ каждаго.

Садоводство было любимый предметъ занятій дяди. Поселившись на житье въ Чертовой, онъ по своему плану разбилъ около дома сады, обнесъ ихъ высокимъ плетнемъ, провелъ около нихъ широкую липовую аллею, и самъ образовалъ садовниковъ. Кромѣ дорогихъ фруктовыхъ деревьевъ, въ саду было пропасть цвѣтовъ, и такое множество розановъ, что когда они осыпа̀лись, то листочки ихъ, разносимые вѣтромъ, точно розовымъ ковромъ устилали землю около кустовъ. Садъ былъ образцовый и давалъ хорошій доходъ.

Библиотека "Руниверс"

Мирно потекли наши дни въ Чертовой. Какая-то нѣга, лѣнь охватила насъ, отталкивала отъ дѣла, даже отъ серьезныхъ интересовъ, до того, что мы цѣлые дни только гуляли, ѣли, отдыхали, наслаждались въ оранжереѣ запахомъ жасмина и гарденій, читали Радклифъ, Жанлисъ, даже Дюкре-Дюмениля. Иногда послѣ обѣда, когда всѣ отдыхали, мы приходили въ комнату Натальи Ивановны. Старушка придвигала свои глубокія кресла къ маленькому столику, ставила тарелочку съ прозрачнымъ желе, графинъ воды со льдомъ, садилась въ кресло, и у насъ начинался разговоръ о бабушкахъ и пробабушкахъ, при которыхъ она служила съ дѣтскихъ лѣтъ, въ разныхъ должностяхъ. Иногда гадали на Мартынъ Задекѣ, или шли толки о снахъ.

Однообразная, неподвижная жизнь въ домѣ дяди была до того глубока, что втягивала каждаго, кто съ ней соприкасался. Самое время въ Чертовой какъ бы остановилось на одномъ моментѣ, и отмѣчало свое движеніе единственно измѣненіемъ чертъ лица ея жителей. Порой мы точно просыпались, чувствуя что-то похожее на упрекъ совѣсти—въ праздности и умственномъ застоѣ—но это скоро проходило. Вещи многими годами стояли на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ; многіе годы неслышными шагами ходила прислуга и подобострастно служила; неизмѣнно дядя держался практическаго хозяйства безъ нововведеній, безъ риска и большихъ затратъ, какъ и многіе хозяева того времени, не отказывая себѣ въ довольствѣ. Крестьяне у него не отягощались работами, но съ нихъ строго взыскивалось исполненіе барщины. Равномѣрно строго взыскивалось исполненіе возложенныхъ обязанностей, какъ съ дворовыхъ людей, такъ и съ комнатной прислуги. Дворовыхъ и комнатныхъ насчитывалось въ Чертовой болѣе ста пятидесяти человѣкъ, состоявшихъ при различныхъ хозяйственныхъ должностяхъ.

При взрослой прислугѣ держались для посылокъ дѣвочки и мальчики-казачки, которые воспитывались щелчками и подзатыльниками. Кромѣ народа при дѣлѣ, до двадцати пяти человѣкъ состояло при барской забавѣ—псовой охотѣ. Со дня своего водворенія въ деревнѣ и до кончины, дядя ни на волосъ не измѣнилъ ни системы хозяйства, ни образа жизни: вставалъ въ шесть часовъ утра, пилъ чай одинъ и читалъ газеты; затѣмъ шелъ или ѣхалъ верхомъ осматривать работы. Возвратясь домой, завтракалъ,

Библиотека "Руниверс"

гулялъ, велись разговоры, въ два часа обѣдъ—и распространялась по дому тишина: всѣ ложились отдыхать. Вставши, развлекался десертомъ, соотвѣтственнымъ времени года, потомъ полдникъ, чай, ужинъ, отдавался прикащику приказъ по хозяйству, и въ девять часовъ весь домъ спалъ. Эта жизнь не мѣшала имъ быть здоровыми и нерѣдко доживать до глубокой старости [1]). Порядокъ такой, временами, разнообразился поѣздками въ городъ, охотой, картами, посѣщеніями сосѣдей, деревенскими празднествами, да баней по субботамъ.

Помѣщикамъ того времени, при крѣпостномъ правѣ, трудно было себѣ и представить возможность существовать иначе, да и большая часть принадлежавшихъ имъ людей считали ихъ власть надъ собой законною до того, что безъ протеста давали себя бить и ложились подъ розги; случалось, ихъ сѣкли безпощадно за косой взглядъ, за собаку,—и только развѣ, въ утѣшеніе себѣ, высѣченные иногда выругаютъ господъ за глаза. Вообще же, какъ господинъ, такъ и принадлежавшіе ему люди были увѣрены, что все, ни что сдѣлаетъ владѣлецъ—онъ знаетъ отлично за что и зачѣмъ. Конечно, такой порядокъ вещей могъ продолжаться и продолжался только до тѣхъ поръ, пока большинство тѣхъ и другихъ считали его законнымъ.

Спустя дня три-четыре по пріѣздѣ нашемъ въ Чертовую, сидѣли мы однимъ вечеромъ съ дядей въ его кабинетѣ, на турецкомъ диванѣ, огибавшемъ три внутреннія стѣны и разговаривая о томъ, о семъ, склонили рѣчь на литературу. При этомъ, дядя, какъ-то кстати, сказалъ, что одна изъ его горничныхъ дѣвушекъ имѣетъ большую наклонность къ поэзіи и музыкѣ, и, не зная грамотѣ, по слуху выучила нѣсколько балладъ Жуковскаго, да самоучкой играетъ недурно на гитарѣ и поетъ—и предложилъ намъ ее послушать. Мы изъявили желаніе.

— «Позвать Авдотью Васильевну», крикнулъ дядя казачку, постоянно дремавшему за дверью его кабинета. Спустя нѣсколько минутъ въ комнату вошла полная, бѣлокурая дѣвушка средняго роста, лѣтъ двадцати семи. Румяное лицо ея было осыпано вес-

---

[1]) Дядя скончался ста лѣтъ, отецъ его 110-ти—безъ страданій: дядя сидя на подвижныхъ креслахъ, насвистывая маршъ; дѣдъ — прилегши на кровать, сложивши пальцы на крестное знаменіе. Т. П.

Библиотека "Руниверс"

нушками, узкій лобъ показывалъ тѣсный умъ, маленькіе глаза смотрѣли простодушно. Она почтительно остановилась у двери, сложивши руки подъ большимъ платкомъ, покрывавшимъ ея полныя плеча. Я знала эту дѣвушку съ моего дѣтства, и въ прежнія времена часто сиживала съ нею на ступенькахъ задняго крыльца, смотрѣла какъ она усердно чистила толченымъ кирпичемъ тазы и самовары и вела съ нею нехитрый разговоръ. Я ее любила за простоту и загнатость. Всѣ домашніе иначе не называли ее, какъ «галка», а теперь она стала Авдотьей Васильевной.

— Садитесь, Дуняша, на диванъ, сказала я ей шепотомъ.

— «Какъ еще дяденька позволятъ, матушка Татьяна Петровна», отвѣчала она въ полголоса.

Дядя приказалъ ей сѣсть, спросивши напередъ нашего позволенія. Она притиснулась на краюшкѣ дивана и, по приказанію дяди, поломавшись и краснѣя немного, стала говорить, и очень недурно, балладу Жуковскаго «Людмилу». Въ комнатѣ все притихло—слышался только робкій голосъ Дуняши. Какъ бы въ помощь ей, для усиленія производимаго ею впечатлѣнія, когда она говорила:

Вотъ и мѣсяцъ величавый
Всталъ надъ тихою дубравой,
То изъ облака блеснетъ,
То за облако зайдетъ.....

полный мѣсяцъ, перебѣгая изъ облака въ облако, отъ времени до времени заглядывалъ въ открытое окно кабинета.

Переставши говорить балладу, Дуняша взяла гитару, постоянно лежавшую на диванѣ, и, наклоняясь надъ нею, съ затрудненіемъ перебирая лады и струны, наладила пѣсню и запѣла:

Гусаръ, на саблю опираясь,
Въ глубокой горести стоялъ...

Дядя просвѣтлѣлъ, пріободрился и принялся ей подтягивать, входя въ роль гусара, отъѣзжающаго на войну. Затѣмъ самъ взялъ гитару, заигралъ плясовую, дѣти пустились припрыгивать, какая то душевная теплота распространилась между всѣми и вызвала на лицѣ дяди выраженіе признательности къ намъ,—что не чуждаемся близкихъ его сердцу, и не затрудняемъ его привычной жизни.

И за что же бы иначе?

Библиотека "Руниверс"

Отправивши на покой веселую компанію, дядя еще долго продержалъ насъ въ кабинетѣ, насвистывалъ марши, разсказывалъ о сраженіяхъ, въ которыхъ участвовалъ, объ Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ [1]). Между прочимъ разсказалъ одно странное событіе, случившееся съ Алексѣемъ Петровичемъ въ его молодости, слышанное имъ отъ него самого. Если бы это разсказалъ не дядя, извѣстный своей правдивостію, я бы не повѣрила.

Какъ необъяснимую странность, вписываю этотъ разсказъ въ мои воспоминанія.

«Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, будучи только что произведенъ въ офицеры, взялъ отпускъ и поѣхалъ въ деревню къ матери. Это было зимою. Ночью, недоѣзжая нѣсколькихъ верстъ до своего имѣнія, онъ былъ застигнутъ такой сильной мятелью, что принужденъ былъ остановиться въ небольшой деревушкѣ. Въ крайней избѣ свѣтилъ огонекъ, они къ ней подъѣхали и постучались въ окно, просясь переночевать. Спустя нѣсколько минутъ, имъ отворили ворота, и путники въѣхали въ крытый дворъ. Хозяинъ ввелъ ихъ въ избу. Изба была просторна и чиста. Передъ широкими, новыми лавками стоялъ липовый столъ; въ правомъ углу передъ образами, въ посеребренныхъ вѣнцахъ, теплилась лампадка,—на столѣ горѣла сальная свѣча въ желѣзномъ подсвѣчникѣ. Наружность хозяина поразила Алексѣя Петровича. Передъ нимъ стоялъ высокій, бодрый старикъ съ окладистой бородой и величавымъ видомъ. Въ голубыхъ глазахъ его свѣтился умъ, и была какая-то влекущая сила. Деньщикъ внесъ самоваръ, погребецъ съ чаемъ и ромъ; Алексѣй Петровичъ, раскутавшись, расположился на лавкѣ, и когда самоваръ былъ готовъ, пригласилъ хозяина напиться вмѣстѣ чаю. Разговаривая съ хозяиномъ, Ермоловъ дивился его здравому уму и чарующему взгляду. Когда разговоръ коснулся таинственныхъ явленій, Алексѣй Петровичъ сказалъ, что ничему такому не вѣритъ, и что все можно объяснить просто; тогда хозяинъ предложилъ ему показать одно явленіе, которое онъ едва-ли объяснитъ себѣ. Алексѣй Петровичъ согласился. Старикъ принесъ ведро воды, вылилъ ее въ котелокъ, зажегъ по его краямъ три восковыя свѣчки, проговорилъ надъ водой

[1]) А. П. Ермоловъ весьма любилъ и уважалъ моего дядю, А. П. Кучина; это видно, между прочимъ, изъ писемъ къ нему Ермолова, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ». Т. П.

Библиотека "Руниверс"

какія-то слова, и велѣлъ Ермолову смотрѣть въ воду, думая о томъ, что̀ желаетъ видѣть, самъ же сталъ спрашивать, что̀ ему представляется. Вода мутится,—отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ,— точно облака ходятъ по ней; теперь вижу нашъ деревенскій домъ, комнату матери, мать лежитъ на кровати, на столикѣ горитъ свѣча, передъ матерью стоитъ горничная, повидимому, принимаетъ приказъ; горничная вышла, мать снимаетъ съ руки кольцо, кладетъ на столикъ.

— «Хотите, чтобы это кольцо было у васъ?» спросилъ старикъ.

— «Хочу».

Старикъ опустилъ руку въ котелъ, вода закипѣла — смутилась. Алексѣй Петровичъ почувствовалъ легкую дурноту. Старикъ подалъ ему золотое кольцо, на которомъ было вырѣзано имя его отца, годъ и число брака.

На другой день Ермоловъ былъ уже дома; онъ нашелъ мать нездоровой и огорченной потерею своего вѣнчальнаго кольца.

— «Вчера вечеромъ, — говорила она, — я велѣла подать себѣ воды вымыть руки, сняла кольцо и положила на столикъ, какъ почувствовала дурноту, и позабыла о немъ. Когда хватились, его уже не было, и нигдѣ не могли найдти».

Спустя нѣсколько часовъ, Алексѣй Петровичъ отдалъ кольцо матери, говоря, что нашелъ его въ спальной; о случившемся же никогда ей не сказывалъ».

Находясь въ прекрасномъ расположеніи духа, дядя разговорился, удержалъ насъ въ кабинетѣ долѣе опредѣленнаго для сна часа, разсказывая какъ подъ Аустерлицемъ онъ съ своей батареей отстаивалъ отступленіе нашихъ войскъ, и послѣднимъ палъ отъ ранъ, былъ замертво поднятъ мародерами, и едва спасли ему жизнь; но что раны и теперь даютъ себя знать, особенно пуля въ ногѣ, и что лучше всѣхъ лекарствъ ему помогаетъ баня и березовые вѣники.

Мы пробыли у дяди до конца сентября. Передъ нашимъ отъѣздомъ онъ подарилъ Вадиму дорогую верховую лошадь, по имени Персикъ, богатое двуствольное ружье и молодаго башмачника; мнѣ тысячу рублей серебромъ и двухъ дѣвушекъ, предложивши взять на выборъ изо всѣй дворни. Всѣ дворовыя и горничныя дѣвушки были собраны въ мою комнату, иныхъ сопровождали матери съ умоляющими взорами и заплаканными гла-

Библиотека "Руниверс"

зами. Я всѣхъ ласкала, старалась успокоить родныхъ; однѣ были веселы и просили, чтобы я взяла ихъ себѣ; другія робко говорили: «воля ваша, матушка Татьяна Петровна, мы васъ знаемъ, у васъ обиды не будетъ, да со своими разстаться не хочется».

Дурная страница открывается въ моихъ воспоминаніяхъ, но и ее надобно внести въ нихъ. Въ этомъ сознаніи наказаніе и отрадное чувство примиренія съ собою черезъ покаяніе. Больше всѣхъ дѣвушекъ мнѣ понравилась единственная дочь у матери-вдовы, я указала на нее. Мать упала мнѣ въ ноги, дѣвушка рыдала. Я ихъ утѣшала, ласкала, дарила, обѣщала, что ей у меня будетъ жить лучше чѣмъ въ деревнѣ — и дѣвушку удержала, и это не казалось мнѣ безчеловѣчнымъ! Такъ крѣпостное право, забираясь въ сердца, портило чистѣйшія понятія, давая возможность удовлетворять прихоти.

Въ послѣдствіи я эту дѣвушку возвратила матери, но слезы, пролитыя ими при разлукѣ, легли мнѣ на душу.—«Что ты, дура, плачешь, утѣшали избранную домашніе. Благодари Бога, да молись за молодую барыню—Москву посмотришь».

Было за что молиться обо мнѣ.

Вторая дѣвушка сама упросила меня взять ее.

На другой день нашего пріѣзда въ Москву, проходя гостиной, я увидала на полу раскрытое письмо, узнала почеркъ Александра и подняла его. Невольно взглянувши на написанное, я прочитала: «Ангелъ мой, вчера пріѣхали Вадимъ и Таня, будемъ осторожны» и проч. Я была поражена, не стала читать дальше начала, и отдала письмо Вадиму, чтобы онъ распорядился имъ какъ найдетъ удобнѣе. Отчужденіе Александра огорчило насъ. Почему это? за что?—а разгадка была не далеко: Александръ начиналъ сознавать непрочность своихъ чувствъ, и, помня нашъ разговоръ,—стѣснялся.

Пока увлеченіе брало верхъ надъ всѣмъ, онъ не дѣлалъ себѣ анализа и не сомнѣвался въ своей вѣрности; когда же сверхъ чаянія замѣтилъ, что чего то недостаетъ ему, то сталъ искать пополненія въ товарищахъ; это вызвало въ ней огорченіе, упреки, какъ онъ послѣ разсказывалъ, а въ немъ на нѣсколько градусовъ упадокъ чувства, затѣмъ—охлажденіе.

Спустя много лѣтъ, Александръ, вспоминая объ этой любви, говорилъ, что она мила ему какъ память прогулки среди цвѣ-

Библиотека "Руниверс"

товъ и пѣсень, какъ прекрасное сновидѣніе, изчезнувшее какъ сонъ. Для него это былъ сонъ, для нея — жизнь. «Когда же ландыши зимуютъ», продолжалъ онъ, сравнивая любовь эту съ весенними цвѣтами. И точно, любовь эта отцвѣла для него также скоротечно, какъ отцвѣтаютъ ландыши, и даже скорѣе; но для него цвѣты весны замѣнялись цвѣтами лѣта и даже осени. А для нея чѣмъ замѣнились цвѣты весны? чѣмъ она жила въ то время, какъ онъ жилъ и сердцемъ и дѣятельностію? для нея съ его любовью, съ вѣрой въ него, отцвѣло все!

Съ разбитой жизнію она тихо догорала, отдавшись одной религіи, а онъ говорилъ: «мнѣ было бы грустно, моя Гаэтана, если ты не съ той же ясной улыбкой вспоминаешь о нашей встрѣчѣ. Неужели что нибудь горькое примѣшивается къ памяти обо мнѣ? мнѣ было бы это очень больно!»

Когда она узнала, что онъ женатъ, ни жалобы, ни упрека не сорвалось съ ея устъ, только смертная блѣдность распространилась по лицу (это было при мнѣ): все горе, все страданье, безмолвно замкнулось въ ея груди и—навсегда. Съ этой минуты она и имени его не произносила, какъ будто его и не существовало никогда. Въ послѣдствіи ей много представлялось хорошихъ партій—она всѣмъ отказала. Она осталась вѣрна воспоминанію, а можетъ, и чувству.....

Qual cuor tradisti!

Слова эти Александръ могъ бы умѣстнѣе сказать, вспоминая о ней, нежели какъ онъ сказалъ ихъ, разорвавши кратковременное увлеченіе, которое онъ называлъ искусомъ, къ одной замужней блондинкѣ.

— «Прежде нежели,—говорилъ онъ спустя много лѣтъ,—я понялъ мои отношенія къ ***, меня ожидалъ искусъ, который не прошелъ такой свѣтлой полоской, какъ встрѣча съ Гаэтаной, и стоилъ мнѣ много печали и внутренней борьбы».

Гаэтанѣ встрѣча съ нимъ не прошла свѣтлою полоской. Чего она стоила ей—онъ и умеръ не зная.....

Зимой мы поѣхали погостить къ отцу въ Тверь. Однажды, посѣтивъ балъ въ благородномъ собраніи, въ толпѣ я замѣтила человѣка невысокаго роста, съ игривыми чертами лица, выражавшими дѣтское простосердечіе и яркій юморъ. Небольшіе глаза его, смотрѣвшіе наблюдательно, какъ бы улыбались шутливо; надъ

Библиотека "Руниверс"

высокимъ лбомъ былъ высоко приподнятъ вверхъ цѣлый лѣсъ волосъ съ просѣдью. Движенія его были торопливы и робки.

— Кто это такой? спросила я одну даму, указывая на него.

— «Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ,—отвѣчала она,—директоръ гимназіи, писатель».

— Авторъ «Послѣдняго Новика?»—поспѣшно прервала я ее. Это нашъ первоклассный романистъ! Что за прелесть его «Новикъ»! Если вы знакомы съ нимъ, сдѣлайте одолженіе, представьте ему насъ.

Спустя нѣсколько минутъ, Лажечниковъ уже сидѣлъ между мною и Вадимомъ, и у насъ шелъ такой оживленный разговоръ, что мы не замѣчали какъ мимо насъ мелькали танцующія пары, и не слышали какъ гремѣлъ оркестръ музыки.

Съ перваго дня нашего знакомства съ Иваномъ Ивановичемъ, мы такъ сблизились, что въ продолженіе почти трехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ нами въ Твери, рѣдкій день съ нимъ не видались. Въ этотъ-то періодъ времени Иванъ Ивановичъ писалъ свой романъ «Ледяной домъ» и постоянно читалъ намъ изъ него отрывки въ рукописи, входя такъ глубоко въ роли героевъ и въ событія, что чувства, мысли ихъ отражались въ чертахъ его лица, въ его голосѣ, и картины оживали. Лажечникова чрезвычайно забавляли наши разсказы о странностяхъ, оригинальныхъ капризахъ и выходкахъ Ивана Алексѣевича Яковлева. Его уединенный образъ жизни, три польскія собачки, постоянно находившіяся при немъ и, съ того времени какъ Александръ поступилъ въ университетъ, а я вышла за мужъ, замѣнившія насъ; его поношенный халатъ на мерлушкахъ, красная шапочка съ лиловой кисточкой, мѣшанье въ печи дровъ, все это такъ понравилось Лажечникову, что онъ принарядилъ этими странностями своего добродушнаго чудака совѣтника и при насъ же вмѣстилъ въ свой «Ледяной домъ».

Къ небольшому числу посѣщавшихъ насъ знакомыхъ, сдѣланному нами въ Твери, довольно часто присоединялся офицеръ стоявшаго тамъ кавалерійскаго полка князь Козловскій. Онъ любилъ литературу и писалъ порядочные стихи. Но никто такъ искренно и глубоко не привязался къ намъ, какъ Лажечниковъ. Почувствовавши къ кому-нибудь симпатію, онъ отдавался весь, пылко, искренно, какъ юноша. Онъ и былъ юноша,

Библиотека "Руниверс"

несмотря на свои сорокъ лѣтъ. По живости чувствъ и впечатлительности—казался ровесникомъ Вадима.

Онъ былъ юноша, изъ числа той фаланги юношей, которые названы Александромъ героическими дѣтьми, выросшими на мрачной поэзіи Жанъ-Жака, къ которымъ онъ причисляетъ всѣхъ дѣтей революціи и которые въ нашъ настоящій дѣловой вѣкъ встрѣчаются такъ рѣдко, такъ рѣдко, какъ южная птица у полюсовъ. Быть молодымъ еще не значитъ быть юнымъ. Можно встрѣтить старика лѣтъ двадцати и юношу лѣтъ въ пятьдесятъ. Для одного юность—эпоха, для другаго—цѣлая жизнь. Въ юности есть нѣчто долженствующее проводить до гроба, но, конечно, не все. Юношескія грезы смѣшны и жалки въ человѣкѣ старомъ. До гроба должна сохраниться юношеская энергія, безпрерывно обновляющая, развивающая, почти не имѣющая способности старѣться, она по преимуществу—душа живая. Такова натура реальная,—сказано въ «Капризахъ и раздумьи». Таковъ былъ Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ.

Онъ женился на первой женѣ своей, будучи еще очень молодымъ, находясь адъютантомъ при генералѣ, не помню какомъ. Онъ увезъ ее изъ дѣвичей, изъ за пялецъ, какъ-то черезъ окно. Это была женщина разсудительная, хладнокровная, которая любила и берегла его, какъ нянька ребенка; но постояннымъ наблюденіемъ и замѣчаніями стѣсняла до того, что онъ робѣлъ передъ нею, былъ покоренъ, и, выкинувши какую-нибудь неосторожную штуку или нарушивши программу порядка образа жизни, терялся и таился, какъ напроказившее дитя. Мы нерѣдко проводили у нихъ цѣлые дни, еще чаще онъ проводилъ у насъ во флигелѣ вечера, засиживаясь далеко за полночь. Вдали отъ сдерживающаго взора жены, онъ весь отдавался многостороннимъ интересамъ разговора; такъ свѣжо, сердечно хохоталъ, иногда, бездѣлицѣ, что заражалъ своей жизненностію все его окружавшее, и самый воздухъ, казалось, проникался молодой жизнью его души.

Иногда, слишкомъ поздно засидѣвшись, онъ вдругъ схватывался, какъ бы опомнясь отъ угара, улыбался улыбкой виноватаго, предчувствующаго наказаніе, и торопливо начиналъ сбираться домой, часто говоря: «бѣда, какъ это всегда съ вами заговоришься, Вадимъ Васильевичъ» и, точно теперь вижу, какъ онъ, уже закутавшись въ шубу, лукаво выглядывая изъ за мѣ-

Библиотека "Руниверс"

ховаго воротника, поднятаго выше ушей, иногда добавлялъ: «вы точно свѣтлая звѣздочка взошли на нашемъ тверскомъ горизонтѣ, такъ и тянетъ любоваться вами; не закатывайтесь отъ насъ подольше».

Вадимъ первому Лажечникову читалъ нѣкоторыя мѣста изъ своихъ «Путевыхъ записокъ», дѣлалъ поправки по его замѣчаніямъ, и былъ благословленъ имъ на путь серьезнаго историческаго труда, на который призывали Вадима богатыя умственныя способности и наклонность, и по которому ему не привелось идти,—онъ едва ступилъ на этотъ путь, какъ и былъ сорванъ съ него безвременной кончиною. Видно, свыше было не суждено.

Въ ноябрѣ 1834 года мы были въ Харьковѣ. «Путевыя записки» Вадима только что вышли изъ печати; по этому поводу мы получили отъ Лажечникова слѣдующее письмо:

Тверь.—26-го ноября 1834 года.

«Знаю, что добрый, милый Вадимъ Васильевичъ не причтетъ мое молчаніе къ забвенію: сойдясь разъ душою съ человѣкомъ, не могу его разлюбить. Къ такому человѣку хотѣлось бы писать въ часы, когда грудь не отягчена заботой ежедневной прозы, мысли не сжались отъ формальныхъ бумагъ и приличій свѣта, сердце проситъ бесѣды съ другимъ сердцемъ. Улучая такія минуты, пишу къ вамъ.

Читалъ я ваши Записки и сколько въ нихъ поэзіи, души юной, кипящей любовью къ родинѣ и благу человѣчества! много въ нихъ и свѣжихъ, зоркихъ наблюденій, свѣтлыхъ идей! видно только, что все это высыпано въ безпорядкѣ изъ груди, которая не могла долѣе носить ихъ въ себѣ, что это эскизъ великолѣпнаго зданія,—части, отрывки прекрасные, но нѣтъ цѣлаго. Между тѣмъ, любуешься и подмѣчаешь пылъ творчества; оно обѣщаетъ истиннаго художника.

Плюньте на судъ Брамбеуса и его шайки [1]), нападающей на все прекрасное, старающейся вырвать или истоптать цвѣтъ, обѣщающій плѣнять насъ. Я напередъ скажу: буду гордиться, если баронъ побранитъ мой «Ледяной домъ». Пишите смѣло, не давайте вашимъ твореніямъ, какъ говорятъ французы: plus de consistance, сплачивайте ихъ въ нѣчто великое цѣлое. Болѣе всего—не спѣшите издавать. Я самъ боюсь за «Ледяной домъ», который, сверхъ того, что пишется за деньги,—и это ужъ отрѣзываетъ крылья у вдохновенія,—будетъ скороспѣлка. Знаю, что идея хороша, но врядъ-ли исполненіе ей будетъ соотвѣтствовать.

Пришлите мнѣ переводъ Татьяны Петровны (повѣсти Фоа), постараюсь продать книгопродавцамъ.

---

[1]) Сколько помню, у Брамбеуса сказано было, что важно—какъ Вадимъ писалъ «Путевыя записки», сидя въ своемъ кабинетѣ, что это—разсужденія, а не путевыя записки и пр. въ этомъ родѣ. Т. П.

Библиотека "Руниверс"

Какъ жаль, что васъ здѣсь нѣтъ!... хотѣлъ бы бесѣды вашей, чистой, первородной,—въ ней черпалъ бы я новое вдохновенье и силы жить въ свѣтѣ...

Люблю васъ, знаю, что и вы меня любите; продолжайте меня любить по прежнему; пишите ко мнѣ, когда можно, обо всемъ, что около васъ дѣлается, о вашей природѣ, но болѣе всего о себѣ: въ васъ обоихъ прекрасный храмъ ея, не оскверненный ни однимъ изъ тѣхъ позлащеныхъ идоловъ, которые большой свѣтъ называетъ умѣньемъ жить, и которые мы называемъ порокамп.

Да будетъ надъ вами благословеніе Аполлона! да хранитъ самъ Богъ васъ, моихъ милыхъ друзей, которыхъ люблю воображать парою горлицъ, среди украинскихъ черемухъ. Воркуйте намъ про свое родимое гнѣздо, про тайны вашей души и про небо, подъ которымъ вы любите летать неразлучно! не забывайте и про тверскія рощи, которыя посѣщали мимолетными гостями. Зачѣмъ мы не могли подрѣзать вамъ обоимъ крылышки?

Дуняша обнимаетъ отъ души Татьяну Петровну; я цѣлую ея ручки, навѣрно закапанныя чернилами, и не менѣе того прекрасныя. Вашъ всей душой И Лажечниковъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

БѢГЛЫЕ ОЧЕРКИ.

If there's a hole in a'your coats,
I rede ye tent it,
A chiel's amang you takin notes,
An faith he'll print it.

Burns.

Это отдѣленіе моихъ Воспоминаній заключаетъ въ себѣ, какъ изображеніе физіономій представляемыхъ личностей — одни легкія очертанія контуровъ en taille douce, а какъ изображенія событій—одни лишь выдающіяся подробности, мало кому, а, быть можетъ, и никому, кромѣ меня, не извѣстныя. Тѣмъ не менѣе, я счелъ небезполезнымъ собрать ихъ и помѣстить въ числѣ другихъ моихъ Записокъ. Кому не извѣстно, что очень часто важныя событія возникаютъ отъ ничтожныхъ, безслѣдно проходящихъ обстоятельствъ и случайностей. Если эти кажущіяся мелочи не будутъ въ свое время замѣчены и записаны, то они будутъ потеряны для потомства и составляемыя въ послѣдствіи исторіи должны ограничиваться одними значительными событіями, первоначальныя причины которыхъ остаются неизвѣстными и даже необъяснимыми, какъ дѣло слѣпаго случая, тогда какъ онъ ни въ чемъ (а особенно въ исторіи человѣчества) не можетъ имѣть мѣста. Въ ней существуетъ естественная, роковая связь между фактами, непрерывная филіація послѣдствій отъ причинъ.

Библиотека "Руниверс"

I.

Герцогъ Уеллинтонъ, маркизъ де-Дуро, князь Витторія [1]).

Для сужденія объ истинномъ, практическомъ, такъ сказать, достоинствѣ и событій и человѣческихъ дѣяній, вѣрнѣйшимъ указаніемъ кажется намъ то, которое заключается въ извѣстной поговоркѣ: „конецъ дѣло вѣнчаетъ.“ Еще римскій баснописецъ Федръ сказалъ: „одно лишь полезное можетъ составлять истинную славу“. Если эти указанія примѣнить къ главнѣйшимъ историческимъ событіямъ и историческимъ дѣятелямъ нашего столѣтія, то первенствующимъ полководцемъ этой эпохи должно признать не Наполеона I, такъ грустно окончившаго свой кровавый комето-подобный циклъ,—а того, кто постоянно побѣждалъ его арміи въ Испаніи и окончательно рѣшилъ судьбу великаго завоевателя на равнинахъ Ватерлоо. Человѣчество много обязано тому, кто положилъ конецъ такому губительному феномену, какимъ было поприще Наполеона. По исчисленію Фламмаріона, основанному на несомнѣнныхъ данныхъ, отъ войнъ первой французской имперіи погибло: французовъ 2,600,000, людей другихъ народностей 3,500,000, итого шесть милліоновъ сто тысячъ человѣкъ и все это по иниціативѣ одного человѣка, на пользу его личныхъ властолюбивыхъ интересовъ. А отъ такой страшной убыли, въ краткій періодъ 15-ти лѣтъ, для потомства не осталось другихъ слѣдовъ, кромѣ могилъ.

Подробное жизнеописаніе лорда Уеллинтона—дѣло исторіи. Поприще его составляютъ два фазиса: военный и гражданскій. Театромъ первыхъ его подвиговъ была восточная Индія, гдѣ имъ упрочено и значительно расширено владычество Великобританіи; затѣмъ онъ воевалъ въ Испаніи, въ пользу законнаго короля, тронъ котораго Наполеонъ предназначалъ брату своему Іосифу Бонапарте, и, наконецъ, въ кампанію 1815 года, когда герцогъ былъ генералисимусомъ армій союзныхъ державъ. Послѣ этого, Уеллинтонъ былъ разновременно

---

[1]) Уеллинтонъ — такъ выговаривается, слѣдовательно, такъ должна и писаться по русски эта фамилія, которую обыкновенно пишутъ Веллингтонъ.

Сэръ Артуру Кауле Уельслей (Cowley Wellesley) за военные подвиги даны слѣдующіе титулы, въ такомъ хронологическомъ порядкѣ: Артуръ Кауле баронъ Дуро (Douro) Уельсле, вице-графъ (Viscount) Уеллинтонъ Талавера, (Talavera), маркизъ Виміеира (Vimieira, 1809);—маркизъ Уельсле 1812;—князь Сіудадъ Родриго (Ciudad Rodrigo), князь Витторія (Vittoria) 1813—герцогъ Уеллинтонъ, маркизъ Дуро, 1814—герцогъ Ватерлоо 1815.

О. П.

Библиотека "Руниверс"

первымъ министромъ, главой кабинета партіи торисовъ (консерваторовъ), къ которой всегда принадлежалъ и изъ которой составленъ также и теперешній кабинетъ, предводительствуемый Д'Израэли. До своей кончины герцогъ оставался главнокомандующимъ англійскими арміями, каковое званіе объемлетъ въ себѣ и санъ военнаго министра.

Въ отечествѣ его называли неиначе какъ просто герцогомъ (the Duke), а къ этому названію, по его энергіи и въ военной и въ политической дѣятельности, прибавили прилагательное желѣзнаго (the iron Duke). Въ подтвержденіе этого прилагательнаго приводили много примѣровъ. Вотъ два изъ нихъ.

Въ одинъ изъ періодовъ его министерства, вслѣдствіе внесеннаго имъ въ парламентъ какого то непопулярнаго билля, недовольная чернь выбила камнями нѣсколько оконъ въ его дворцѣ въ Лондонѣ. Герцогъ велѣлъ, не вставляя новыхъ стеколъ, затворить окна герметически ставнями снаружи. Они такъ и оставались во всю его жизнь, на вѣчное воспоминаніе о случившемся и въ упрекъ неразумной толпѣ. Отъ значительной части лондонскаго населенія нѣсколько разъ подаваемы были адресы объ отмѣнѣ этого распоряженія, но желѣзный герцогъ остался неумолимымъ.

Онъ былъ отъявленный противникъ эманципаціи ирландскихъ католиковъ и, по его вліянію, возобновляемый О'Коннелемъ въ каждое засѣданіе парламента билль объ этой эманципаціи нѣсколько разъ былъ отвергаемъ. Но въ этомъ случаѣ желѣзо герцога столкнулось съ закаленною сталью. О'Коннель побѣдилъ непобѣдимаго. Билль наконецъ былъ принятъ; католики уравнены въ политическихъ правахъ съ членами господствующей въ Англіи церкви, вслѣдствіе чего герцогъ оставилъ министерство.

Въ самомъ началѣ царствованія императора Николая, Уеллинтонъ посѣтилъ Петербургъ въ первый разъ. Онъ былъ принятъ съ большими почестями. Его помѣстили въ такъ называемомъ Шепелевскомъ дворцѣ. По званію россійскаго фельдмаршала, былъ у него внутренній караулъ и у входа двое часовыхъ.

Первое его представленіе государю ознаменовалось истинно-британскою эксцентричностью. Герцогъ явился въ генеральскомъ россійскомъ мундирѣ, томъ самомъ, который былъ нѣкогда на императорѣ Александрѣ I и который подаренъ былъ императоромъ ему, герцогу, на память. Императоръ былъ высокаго роста и пропорціонально тучный; герцогъ-же былъ замѣчательно малъ ростомъ и худой какъ щепка. Онъ оставилъ мундиръ непередѣланнымъ по своей фигурѣ и можно себѣ представить, какъ этотъ нарядъ сидѣлъ на немъ; онъ въ немъ вы-

Библиотека "Руниверс"

глядѣлъ какъ мальчикъ, сынъ бѣдныхъ родителей, который донашиваетъ отцовскій сюртукъ. Фалды мундира были до того длинны, что, волочась по полу, представляли нѣчто въ родѣ шлейфа. Притомъ же онъ былъ въ бѣломъ галстукѣ. Въ ожиданіи выхода государя, Уеллинтонъ объяснилъ великому князю Михаилу Павловичу происхожденіе мундира. Михаилъ Павловичъ замѣтилъ ему, что бѣлый галстукъ не идетъ къ формѣ и предлагалъ тутъ-же замѣнить его чернымъ, который для этого и былъ уже вытребованъ отъ царскаго камердинера; но герцогъ не согласился и сказалъ: „laissons le blanc, c'est plus propre".

Каждое утро знаменитый гость долго прогуливался по Адмиралтейскому бульвару, въ узкомъ, длинномъ черномъ плащѣ безъ рукавовъ, герметически застегнутомъ, и въ круглой шляпѣ. Несмотря на такое инкогнито, петербургская публика узнавала его; въ этихъ прогулкахъ сопровождала лорда толпа любопытныхъ, онъ же не обращалъ на нее вниманія.

Для солдатъ, мѣнявшихся у него въ караулѣ, герцогъ велѣлъ на свой счетъ прибавлять къ ихъ обѣду супъ, по жареному рябчику или тетеркѣ и по бутылкѣ французскаго вина на человѣка; для офицера былъ особый обѣдъ. Солдатамъ, сверхъ того, выдавалось по рублю ассигнаціями.

Уеллинтонъ имѣлъ не малую дозу чувства собственнаго достоинства, спѣси, если хотите. Но надо замѣтить, что это чувство у англичанъ существенно различно отъ того тщеславія, той смѣшной заносчивости, которою, напримѣръ, всегда отличались французы. У англичанъ совсѣмъ иное; у нихъ это чувство натуральное, безсознательное, въ немъ нѣтъ ничего напускнаго. Это не самоличная, а коллективная, народная гордость, сознаніе достоинства своей „Old England," въ родѣ того, что̀ сознавалъ древній римлянинъ, когда на чужой сторонѣ произносилъ: „civis romanus sum".

Желѣзный дюкъ былъ такой „civis britannicus" по преимуществу: онъ не стѣснялся никакими формами, смягчающими рѣзкость сужденій, высказывалъ что̀ мыслилъ, безъ всякихъ ораторскихъ оговорокъ.

Однажды императоръ Николай, въ честь знаменитаго гостя, устроилъ въ манежѣ большой разводъ, гдѣ парадировали отдѣлы Преображенскаго и другихъ полковъ. Государь самъ изволилъ командовать. Послѣ маршей, контрмаршей и дефилады, государь спросилъ Уеллинтона, какъ онъ, командовавшій въ столькихъ побѣдоносныхъ сраженіяхъ, находитъ ученіе и выправку его войскъ? Лордъ отвѣчалъ:

— „Да, В. В., мнѣ случалось совершить счастливо нѣсколько кампаній; но что до технической части ученій и эволюцій, въ этомъ,

Библиотека "Руниверс"

признаюсь, я плохой знатокъ; это всегда было дѣломъ моихъ подчиненныхъ".

Лѣтъ чрезъ 15 или болѣе послѣ бытности герцога въ Петербургѣ, одинъ изъ членовъ Августѣйшей русской фамиліи былъ въ Лондонѣ. Тамъ, въ честь его, торговою англо-россійскою компаніей данъ былъ большой обѣдъ, на которомъ, въ числѣ министровъ, былъ и лордъ-герцогъ. Послѣ тоста въ честь августѣйшаго гостя, президентъ обѣда предложилъ тостъ за здравіе „присутствующаго здѣсь фельдмаршала россійской арміи" и указалъ на Уеллинтона. Тотъ отвѣчалъ:

— „Благодарю почтеннаго президента: онъ мнѣ напомнилъ, что имѣю честь носить это высокое званіе; оно мнѣ было пожаловано императоромъ Александромъ въ самый день Ватерлооскаго сраженія. Другіе монархи послѣдовали его примѣру, и я состою фельдмаршаломъ армій всѣхъ союзныхъ державъ. Я съ глубокою признательностью припоминаю благосклонность, которую всегда оказывалъ мнѣ покойный государь. И отъ нынѣ царствующаго всероссійскаго императора я получилъ доказательства благорасположенія, какихъ угодно ему было меня удостоить, и которыя я призналъ умѣстнымъ принять".

Лордъ Уеллинтонъ оставался въ Петербургѣ довольно долго, нѣсколько недѣль, и былъ постоянно предметомъ привѣтливости со стороны высочайшихъ особъ, уваженія и сочувствія со стороны столичной публики, видѣвшей въ немъ сподвижника Александра I-го.

Теперь, съ высоты воспоминаній о подвигахъ и доблестяхъ великаго полководца, сдѣлаемъ salto mortale на скромный уровень обыденной практической жизни. Не всѣмъ, быть можетъ, извѣстно, что имъ-же совершена благодѣтельная реформа въ существенной части мужскаго туалета. Знаменитому герцогу мы обязаны фасономъ необходимыхъ, которые теперь носимъ,—эманципаціей отъ прежней неудобной формы, когда сапоги надѣвались поверхъ узкихъ панталонъ. Около 1815 года лордъ Уеллинтонъ, отступая на этотъ разъ отъ своихъ консерваторскихъ принциповъ, первый надѣлъ значительно расширенные панталоны сверхъ сапогъ и отъ его примѣра пошла всеобщая мода. Въ первые годы по нововведеніи, теперешніе брюки назывались даже уеллинтонами. Онъ также создалъ моду длинныхъ плащей безъ рукавовъ, называемыхъ воротниками (cols).

II.

Генералъ Гальбергъ.

Не одна Англія производитъ оригиналовъ: вотъ бѣглый очеркъ одного изъ нихъ, оставшагося въ моихъ петербургскихъ воспоминаніяхъ.

Библиотека "Руниверс"

Баварскій генералъ Гальбергъ, дѣятельно, во время оно, участвовалъ въ коалиціонной войнѣ, положившей конецъ завоеваніямъ Наполеона. Онъ даже получилъ отъ императора Александра I орденъ св. Анны 2-й ст. съ бриллiантами, за особое отличіе. Въ 40-хъ годахъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и я въ первые же дни съ нимъ познакомился, и, какъ казалось, понравился ему; мы видывались каждый день; онъ былъ уже не молодъ, а я тогда еще не старъ.

Гальбергъ носилъ бороду и своеобразный костюмъ чернаго сукна, всегда герметически застегнутый. Это было нѣчто въ родѣ польской чамарки 1862—1863 годовъ, на ней множество разнокалиберныхъ орденовъ всѣхъ происхожденій, а между ними сквозь длинную, но рѣдкую бороду, эфектно просвѣчивала огромная „Анна" стараго формата. Въ такомъ видѣ онъ представлялся государю. Николай Павловичъ, обласкавши маститаго сподвижника коалиціи, спросилъ его, зачѣмъ онъ носитъ бороду?

— „Затѣмъ, В. В., чтобы не бриться", былъ отвѣтъ.

У него были два конька, двѣ маніи: страсть къ вояжамъ и страсть къ орденамъ, даже, быть можетъ, послѣдняя была двигателемъ первой. Такъ, напримѣръ, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Алжира, направляясь чрезъ сѣверную столицу въ Персію, въ Тегеранъ. Я замѣтилъ, что главною цѣлью этого неблизкаго путешествія было то, чтобы получить отъ шаха орденъ Льва и Солнца. Онъ достигъ цѣли и, по возвращеніи изъ Тегерана, звѣзда этого ордена красовалась на его чамаркѣ.

За исключеніемъ смѣшныхъ сторонъ, Гальбергъ былъ человѣкъ замѣчательно умный и я очень любилъ бесѣдовать съ нимъ; онъ такъ много путешествовалъ и такъ много наблюдалъ, что былъ неисчерпаемъ въ занимательныхъ разсказахъ. Все это было приправлено тонкими замѣчаніями въ ультра-либеральномъ духѣ, неподдѣльнымъ юморомъ и всегда оригинальнымъ взглядомъ.

Семейства моего тогда не было въ Петербургѣ и, оставшись одинъ въ домѣ, я не заводилъ у себя кухни. Въ то время на углу Вознесенскаго проспекта и Адмиралтейской площади извѣстный швейцарецъ Брангеръ (котораго всѣ называли Беранже) основалъ общій столъ, гдѣ за полтора рубля былъ очень порядочный обѣдъ, на который обыкновенно собиралось болѣе ста человѣкъ гостей. Я почти каждый день обѣдалъ тамъ съ Гальбергомъ; для насъ всегда заложены были два стула рядомъ. Мой старикъ за столомъ говорилъ во всеуслышаніе, не стѣсняясь нисколько, и его юмористическія выходки оживляли бесѣду и забавляли всѣхъ. Разъ, къ концу обѣда, я ему сказалъ: „Сегодня во французскомъ театрѣ даютъ пьесу Виктора Гюго; я имѣю

Библиотека "Руниверс"

уже билетъ; вѣроятно и вы, генералъ, захотите видѣть „la Comédienne de Venise“, такъ поѣдемъ отсюда вмѣстѣ.“ Я не ожидалъ строгаго выговора, который получилъ за мое предложеніе.

— „За кого вы меня принимаете? сказалъ сердито мой чудакъ,—хотите чтобы я, въ мои лѣта, пошелъ смотрѣть людей, которые представляютъ изъ себя какихъ-то вымышленныхъ лицъ, которые говорятъ, чего не думаютъ и не чувствуютъ, и еще за это плати имъ деньги! Мнѣ и дѣйствительность надоѣла, то стану-ли я сидѣть три часа на одномъ мѣстѣ, чтобы видѣть представленіе, и часто неудачное, мнимой дѣйствительности? Нѣтъ, слуга покорный, предоставляю это вамъ, молодымъ людямъ. Вы же сами, помните, опредѣлили истинное значеніе комическихъ спектаклей. Вы говорили: въ прежнія времена цари и вельможи держали для своей забавы домашнихъ шутовъ. Это учрежденіе дорого стоило. Въ наше время ассоціяцій, оно усовершенствовалось. Забавники составили изъ себя цѣлыя группы или труппы, и теперь смѣшатъ уже не одну, а тысячи личностей, за очень умѣренную плату“.

Трудно было отвѣчать на такіе аргументы, да мнѣ не хотѣлось спорить, хотя старикъ ошибался, думая, что побилъ меня собственнымъ моимъ оружіемъ. Онъ вѣрно воспроизвелъ сказанное однажды мною, но не прибавилъ, что слова мои относились отнюдь не ко всѣмъ драматическимъ представленіямъ, не къ хорошей комедіи, а только къ пошлому гаерству французскихъ Folies-Vaudevilles, Pochades, Parodies, и т. п.

За кофе, Гальбергъ мнѣ сказалъ:

— „Сегодня, вашимъ предложеніемъ ѣхать смотрѣть живыхъ куколъ, вы мнѣ помѣшали прочитать кому слѣдуетъ одинъ урокъ. Приходите завтра обѣдать, будете свидѣтелемъ маленькой экзекуціи“.

— Что такое, кого думаете казнить? спросилъ я.

— „А вотъ что: съ первыхъ же дней моего пребыванія въ Петербургѣ, я замѣтилъ, что за мною слѣдятъ два мушара. Какая роскошь! довольно было-бы одного для неудачной попытки поймать стараго воробья на мякинѣ. Они неотступны отъ меня, какъ тѣни, я встрѣчаю ихъ повсюду, даже въ церкви. За обѣдомъ, здѣсь, они садятся напротивъ меня и хотя не представлялись мнѣ для знакомства, безпрестанно обращаются ко мнѣ съ рѣчами, болѣе или менѣе вызывающими. Сначала это меня забавляло, но уже наскучило, и я хочу покончить съ ними“.

Я сказалъ, что онъ, можетъ быть, ошибается, что наши застольные визави, кажется, порядочные люди.

— „Ахъ, какіе вы, — возразилъ генералъ; вѣдь всѣ шулера и

Библиотека "Руниверс"

шпіоны — люди пріятные и имѣютъ формы порядочныхъ, иначе ни тѣ, ни другіе никого бы не поймали. А вотъ увидите, какъ на нихъ подѣйствуетъ то, что имѣю сказать. Примѣчайте хорошенько, но не думайте, что я ошибаюсь, въ этомъ у меня большой навыкъ, не даромъ я, какъ вѣчный жидъ, скитаюсь 20 лѣтъ по всему свѣту".

На другой день эти господа были на своемъ посту, напротивъ насъ. Тотчасъ послѣ супу, мой неугомонный другъ спросилъ лафиту и, наливши мнѣ рюмку, обратился ко мнѣ съ слѣдующею рѣчью, говоря такъ громко, чтобы весь табль-д'отъ его слышалъ:

— „Я перебывалъ во всѣхъ европейскихъ столицахъ и въ нѣкоторыхъ по нѣскольку разъ; вездѣ, съ начала моего пребыванія, я, какъ новопріѣхавшій неизвѣстный туристъ, былъ предметомъ наблюденія со стороны тайной полиціи: это въ порядкѣ вещей. Но вездѣ она была на столько умна, что вскорѣ затѣмъ оставляла меня въ покоѣ, смекнувъ, что со мною трудъ ея былъ бы непроизводителенъ. Только въ Петербургѣ эти господа не теряютъ надежды, что охота за мною можетъ повести къ какому нибудь результату. Два сыщика, съ самаго моего пріѣзда, неотступно, по очереди, слѣдятъ за мною, навязываются съ своимъ знакомствомъ, надоѣдаютъ вызывающими разговорами. Не знаю, всѣ-ли они здѣсь такіе, но что до моихъ субъектовъ, то мало сказать объ нихъ, что они неискусны,—они положительно глупы. Если они получаютъ сколько нибудь изъ fonds secrets, то получаютъ даромъ; еслиже состоятъ еще только кандидатами, на испытаніи, то мнѣ ихъ жаль: люди молодые, на томъ поприщѣ, на которомъ упражняются, они далеко не пойдутъ. Лучше бы избрали себѣ другое ремесло, напримѣръ, сапожное или колбасное: въ немъ, быть можетъ, сдѣлали бы блестящую карьеру. Сначала они меня забавляли своею трогательною наивностью, но наконецъ надоѣли и я покорнѣйше просилъ бы ихъ отстать отъ меня".

Во время этой настоящей, какъ Гальбергъ ее назвалъ, экзекуціи, наши визави въ самомъ дѣлѣ страшно конфузились, тѣмъ болѣе, что, замѣтя это, всѣ сотрапезники обратили на нихъ взоры, улыбались и перешептывались. Они же мѣнялись въ лицѣ и потѣли тѣмъ обильнѣе, что іюльскій день былъ очень жаркій. Генералъ былъ правъ. Я въ послѣдствіи узналъ положительно, что это были фискалы. Не знаю, воспользовались-ли они совѣтомъ о выборѣ другаго ремесла, но рѣчь генерала произвела свое дѣйствіе въ томъ отношеніи, что они отстали отъ него.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ посѣщенія Петербурга, Гальбергъ, жившій въ своемъ помѣстьи гдѣ-то въ Баваріи, напечаталъ въ разныхъ газетахъ оригинальный вызовъ. Ему понадобилась чтица для

Библиотека "Руниверс"

нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ книгъ и газетъ. Чтица, не старѣе 35-ти лѣтъ, должна была быть незамужняя, обладать пріятнымъ органомъ голоса и пріятною наружностью, не кривая, не косая, не хромая и не горбатая, разговорчивая, но не сплетница. Съ своей стороны, генералъ обѣщаетъ вѣжливое и почтительное обхожденіе, двѣ комнаты въ домѣ для квартиры, прекрасный столъ, 600 гульденовъ жалованья и подарки, если будетъ доволенъ. Не знаю, нашелъ ли Гальбергъ особу, соединяющую всѣ эти условія: одно изъ нихъ—воздержаніе отъ сплетничества—показалось мнѣ довольно тяжелымъ.

III.

Живописецъ Орловскій.

Умершій въ 1830 г. въ Петербургѣ, весьма популярный въ то время живописецъ Александръ Орловскій, былъ уроженецъ Царства Польскаго; онъ началъ свое поприще съ военной службы въ рядахъ французской арміи, въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ [1]), во время первыхъ кампаній Наполеона. Я познакомился съ нимъ въ 20-хъ годахъ въ Петербургѣ, когда онъ былъ уже академикомъ (членомъ академіи художествъ) и придворнымъ живописцемъ великаго князя цесаревича Константина Павловича, почему и занималъ прекрасную квартиру въ Мраморномъ дворцѣ. Должность его состояла въ исполненіи требованій августѣйшаго патрона, заказывавшаго ему разные рисунки и картины по предметамъ, относившимся до образованія и преобразованій обмундировки русской арміи и до современныхъ событій, въ которыхъ она со славою участвовала. Отъ такихъ занятій оставалось художнику много свободнаго времени и онъ употреблялъ его на работы по любимому имъ преимущественно жанру, въ которомъ прославился: это народныя сцены русскихъ солдатъ и простолюдиновъ, гдѣ главную роль играютъ крестьянскія, ямскія, казацкія, черкесскія лошади. Въ этомъ жанрѣ Орловскій достигъ возможнаго совершенства. Литографированные его рисунки всѣмъ извѣстны, но это незначительная часть его произведеній: несравненно бо́льшая, нераспубликованная, находится въ частныхъ рукахъ; таковы, изъ извѣстныхъ мнѣ, цѣлыя коллекціи покойныхъ статсъ-секретаря Карнѣева, Гескета, Жельветра. Бывая у знакомыхъ и друзей, гдѣ всегда были приготовлены для этого разноцвѣтные карандаши, чернила и перья, Орловскій, всякій разъ, почерпнувъ сюжетъ изъ разгово-

---

[1]) Это обстоятельство имѣло вліяніе на развитіе его таланта и объясняетъ его пристрастіе къ сценамъ, гдѣ лошадь играетъ главную роль. О. П.

Библиотека "Руниверс"

ровъ о новостяхъ дня, или изъ завязавшихся дружескихъ словопреній, импровизовалъ относящійся къ нимъ рисунокъ, изображая чаще всего комическую сторону происшествія или спора, съ юмористическою надписью, объясняющею смыслъ картинки, и, такимъ образомъ, составлялись эти коллекціи. Въ одной изъ такихъ бесѣдъ рѣчь зашла о польскихъ фамиліяхъ и гербахъ и вспомнили объ одномъ изъ моихъ предковъ, который прожилъ сто слишкомъ лѣтъ и былъ женатъ три раза. Орловскій схватилъ перо и, всматриваясь въ мою физіономію, нарисовалъ чернилами воображаемый имъ идеалъ престарѣлаго воина, въ панцырѣ, съ страшными усами, старческое лицо котораго имѣло далекое сходство съ моимъ. Тутъ же помѣстилъ онъ и гербъ нашъ „Гляубѣичъ". Я тщательно храню эту фантазію знаменитаго художника. Орловскій очень дорожилъ своимъ гербомъ, называемымъ „Орля"; онъ представляетъ въ красномъ полѣ чернаго орла съ отсѣченною головой; вмѣсто ея, въ нѣкоторомъ возвышеніи надъ шеею, звѣзда. Какъ символъ своей фамиліи и герба, онъ всегда держалъ у себя въ квартирѣ живаго царскаго орла (Falco Chryzaëtos, Lin. Aquila imperialis, Tem.); для него вмѣсто клѣтки отведена была цѣлая длинная галлерея.

Въ произведеніяхъ „быстраго", какъ его назвалъ Пушкинъ, карандаша Орловскаго, знатоки и даже незнатоки оцѣняютъ преимущественно одно отличительное, неподражаемое достоинство: въ изображеніяхъ лошадей схвачено имъ движеніе; такъ и видишь, что лошадь идетъ, везетъ съ напряженіемъ тяжело нагруженный возъ, скачетъ въ почтовой тройкѣ, вихремъ несется въ джигитовкѣ. Всѣмъ рисующимъ извѣстны условія, требуемыя для представленія такихъ положеній лошади, но никто, какъ Орловскій, не осуществлялъ ихъ съ такою живою правдой.

Онъ вполнѣ отдавалъ себѣ справедливость и его самолюбіе, при сознаніи громаднаго таланта, было довольно на этомъ пунктѣ щекотливо. Вотъ примѣръ. Онъ рѣдко работалъ въ серьезномъ родѣ, но однажды предпринялъ большую картину: переходъ чрезъ Альпы россійскихъ войскъ, подъ командою Суворова, въ италіянскую кампанію. Онъ предполагалъ поднести эту картину императору Николаю, чрезъ начальника главнаго штаба (потомъ министра императорскаго двора), князя Петра Волконскаго. Орловскій работалъ нѣсколько мѣсяцевъ con amore надъ тщательною отдѣлкою своего произведенія, а по его окончаніи и самъ художникъ и всѣ видѣвшіе его „Переходъ чрезъ Альпы" признавали его заслуживающимъ занять одно изъ почетныхъ мѣстъ въ царской галлереѣ. И что же, когда князь Волконскій

Библиотека "Руниверс"

сталъ разсматривать картину, то въ обмундировкѣ солдатъ того времени, къ которому относилось изображеніе, замѣтилъ важный недостатокъ: на мундирахъ было одной пуговицей болѣе, чѣмъ тогдашнею формой было узаконено. Онъ отказалъ въ поднесеніи картины государю и еще сдѣлалъ строгій выговоръ художнику. Послѣдній взялъ ножъ и изрѣзалъ прекрасное произведеніе, стоившее ему немалаго труда.

Орловскій былъ высокаго роста, плотнаго, атлетическаго сложенія, обладалъ необыкновенною мускулярной силой, хвасталъ и щеголялъ этимъ, однакожъ умеръ не старымъ, имѣя лѣтъ около 50. Онъ имѣлъ особенное пристрастіе къ азіятскимъ костюмамъ; живши лѣтомъ на дачѣ, постоянно одѣвался черкесомъ. Одно изъ серьезныхъ его произведеній есть литографированный собственный его, очень похожій портретъ. И на немъ онъ изобразилъ себя въ буркѣ и какой то татарской или черкесской шапкѣ.

Орловскій былъ женатъ два раза. Въ первомъ изъ этихъ фазисовъ его брачной жизни случился съ нимъ необыкновенный, почти невѣроятный казусъ.

Первая его жена была красавица англичанка. Молодые супруги обожали другъ друга, но для полнаго ихъ счастья не доставало дѣтей. Прошло нѣсколько лѣтъ и страстныя ихъ желанія не исполнялись; это особенно огорчало мужа. Вдругъ, въ концѣ четвертаго года супружества, жена сообщаетъ мужу радостную вѣсть, что онъ вскорѣ сдѣлается отцомъ. Орловскій въ восхищеніи. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ принимаются всевозможныя мѣры, чтобы уберечь Орловскую отъ несчастныхъ случайностей; беременность развивается правильно, врачъ Петербургскаго почтамта, докторъ Шибель, и одна изъ лучшихъ акушерокъ посѣщаютъ каждый день будущую мать и всячески берегутъ ее. Наконецъ, въ узаконенный природою срокъ, когда отлучавшійся по дѣлу Орловскій возвратился домой, жена, съ гордостью молодой матери, показываетъ ему, родившагося чрезвычайно счастливо въ его отсутствіе, прекраснаго, здороваго мальчика. Восторгамъ родителей конца не было. Мать хотѣла сама кормить свое дитя, но докторъ рѣшительно запретилъ и привелъ выбранную имъ кормилицу. Мальчикъ положилъ счастливое начало: въ слѣдующій годъ явилась дѣвочка, а за нею, въ надлежащій срокъ, еще мальчикъ, и такъ семейство Орловскаго состояло изъ жены и троихъ дѣтей. Отецъ принужденъ былъ часто отлучаться изъ дому по дѣламъ своей профессіи, и всѣ дѣти родились въ такое время, когда его не было дома; ни разу не удалось ему быть при родахъ жены. Это его немного огорчало, но онъ утѣшался тѣмъ, что всегда заставалъ родильницу въ

Библиотека "Руниверс"

наилучшемъ состояніи здоровья, за что щедро награждалъ доктора и акушерку. Докторъ не позволялъ Орловской кормить и для каждаго ребенка всякій разъ нанимаема была кормилица.

Такъ прошло болѣе трехъ лѣтъ; нашъ художникъ былъ счастливѣйшій изъ отцовъ семейства, какъ вдругъ разразился громъ. Горничная жены Орловскаго разсорилась съ госпожей и однажды, когда ея не было дома, пришла сказать хозяину, что всѣ трое малютокъ не его и не его жены дѣти: г-жа Орловская не рожала ни разу, а дѣтей докторъ Шибель, по соглашенію съ акушеркой, поставлялъ изъ воспитательнаго дома. Этимъ объяснялось, почему всѣ они родились, когда мнимаго отца не было дома. Въ подтвержденіе своего показанія, горничная-предательница принесла цѣлую коллекцію кушаковъ съ ватными подушечками, представляющими постепенное развитіе мнимой беременности.

Можно себѣ вообразить грустное разочарованіе художника. Другой на его мѣстѣ, можетъ быть, простилъ бы бѣдную женщину за этотъ „обманъ въ пользу любви", но Орловскій былъ очень вспыльчиваго характера и очень самолюбивый,—ему страшно стыдно было, что такъ легко дался въ обманъ. Онъ выгналъ жену и потомъ развелся съ ней, дѣтей возвратилъ въ воспитательный домъ, по его настоянію докторъ и акушерка отданы были подъ судъ и наказаны. Это въ свое время надѣлало много скандалу. По слѣдствію оказалось, что добрый Шибель все это сдѣлалъ совершенно безкорыстно, изъ дружбы къ Орловскимъ, по неотступнымъ просьбамъ жены, хотѣвшей упрочить за собою любовь мужа, видѣть его въ семейномъ быту вполнѣ довольнымъ и счастливымъ.

Вторымъ бракомъ Орловскій женился на француженкѣ, вдовѣ Денебекъ, и отъ нея имѣлъ двоихъ, уже собственныхъ, дѣтей, сына и дочь. Въ 1830 году онъ умеръ. Оставленное имъ наслѣдство состояло изъ нѣкотораго количества дорогихъ вещей, болѣе или менѣе цѣнныхъ картинъ, собранія старинныхъ оружій и древнихъ рыцарскихъ доспѣховъ, а, главное, изъ многочисленной коллекціи древнихъ италіянскихъ фаэнцовъ. Орловскій дорого цѣнилъ эту послѣднюю коллекцію, утверждая, что живопись на фаэнцахъ есть первые опыты великаго Рафаэля. Денегъ осталось 10,000 руб., въ ломбардныхъ билетахъ. Я все это знаю потому, что вдова Орловская, по смерти мужа, заняла квартиру въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, по одной лѣстницѣ съ моей квартирой, и по той же лѣстницѣ жилъ назначенный, по волѣ покойнаго, душеприкащикомъ и опекуномъ надъ дѣтьми, мой и покойнаго пріятель г. Гаспаръ Жельветръ. Вдова

Библиотека "Руниверс"

была женщина пожилая, больная, полуумная, почти слѣпая и не выходила изъ квартиры. Опекунъ дѣятельно занялся участью и ея и дѣтей; благодаря ему, они получили хорошее воспитаніе. Онъ выгодно продалъ коллекціи и собралъ для наслѣдниковъ порядочный капиталецъ.

Кстати разскажу слѣдующій случай:

Въ числѣ вещей, оставшихся послѣ Орловскаго, были прекрасные брегетовскіе часы, заплаченные 2,000 франковъ. Орловская тщательно берегла ихъ. Вставши въ одно утро, она не нашла ихъ на обыкновенномъ мѣстѣ и нигдѣ въ квартирѣ: часы пропали. Вдова обратилась за помощью къ своему покровителю. Такъ какъ никто у ней не бывалъ, то никого нельзя было подозрѣвать, кромѣ кухарки, единственной прислуги въ домѣ. Жельветръ допрашивалъ ее, но она не признавалась, и онъ отдалъ ее въ полицію. Тамъ ее продержали два или три дня и потомъ отпустили по недостатку доказательствъ и по ея запирательству. Женщина эта, католичка, въ числѣ другихъ бѣдныхъ, покровительствуемыхъ приходскими священниками доминиканскаго монастыря въ Петербургѣ, была рекомендована извѣстнымъ своими добрыми дѣлами отцомъ Л.

Многіе католики вѣрятъ, что для отысканія всякой пропажи лучшимъ средствомъ есть молитва къ св. Антонію Падуанскому; Жельветръ увѣрялъ, что онъ много разъ испыталъ дѣйствительность этого средства. Онъ прибѣгнулъ къ нему и въ настоящемъ случаѣ, а между тѣмъ обратился къ отцу Л., прося допросить рекомендованную имъ женщину. Увѣщеваемая священникомъ, она созналась въ кражѣ; на вопросъ же, куда дѣвались часы, отвѣчала, что ихъ отобралъ отъ ней частный приставъ и, оставивъ у себя, отпустилъ ее. Отецъ Л., по разнымъ, встрѣчавшимся съ его прихожанами дѣламъ, былъ извѣстенъ высшимъ петербургскимъ властямъ съ найлучшей стороны, пользовался ихъ довѣріемъ и уваженіемъ. Онъ отправился въ часть и безъ церемоній попросилъ возвратить украденную вещь. Приставъ сначала обидѣлся и отвѣчалъ свысока, но священникъ, не обращая на это вниманія, сказалъ, что если часы не будутъ тотчасъ отданы, то онъ поѣдетъ прямо къ военному генералъ-губернатору и разскажетъ о случаѣ. Поставленный въ такую дилемму, приставъ отозвался, что, быть можетъ, воровка, когда онъ ее допрашивалъ, засунула часы куда нибудь и просилъ дать ему время поискать въ квартирѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ вынесъ изъ другой комнаты часы, увѣряя, что нашелъ ихъ подъ кипою бумагъ, куда они воровкой были спрятаны. Такимъ образомъ, Падуанскій чудотворецъ совершилъ новое и непослѣднее чудо, высвободивъ дорогую вещь изъ та-

Библиотека "Руниверс"

кихъ „загребистыхъ лапъ," какими обладала петербургская полиція того времени [1]).

Ломбардные билеты въ 10,000 р. Орловская всегда носила на груди въ кожаномъ мѣшечкѣ. Незадолго до своей кончины, она, изъ своей обширной квартиры въ 4-мъ этажѣ дома Жербина, отдала въ наймы комнату, со столомъ и чаемъ, какому-то г. Z., прибывшему изъ провинціи. Жельветръ былъ недоволенъ этой сдѣлкой, заключенною слабоумною женщиною. Жилецъ и нахлѣбникъ Орловской, по своей наружности и пріемамъ, показался ему неблагонадежнымъ; но дѣлать было нечего. Вскорѣ старуха вполнѣ довѣрилась жильцу; онъ дѣлалъ для нея покупки и завѣдывалъ хозяйствомъ. Въ одинъ вечеръ они вдвоемъ пили чай; кухарка слышала какъ о чемъ-то громко спорили. Вдругъ съ Орловской сдѣлался припадокъ, она лишилась чувствъ, ее уложили въ постель и дали знать Жельветру, а онъ позвалъ и меня. Послали за докторомъ; припадокъ былъ тѣмъ, что называютъ нервическимъ ударомъ, то есть холодною апоплексіей (apoplexia frigida, ap. serosa). Врачъ дѣлалъ все, что въ подобныхъ случаяхъ дѣлается, но не подавалъ никакой надежды. Призванный затѣмъ священникъ, тотъ самый отецъ Л., о которомъ было говорено, провелъ у больной всю ночь, но не могъ причастить ее: она не приходила въ сознаніе, только страшно хрипѣла и къ разсвѣту скончалась.

На груди покойной не оказалось мѣшечка съ ломбардными билетами, который ее никогда не покидалъ. Подозрѣніе, естественно, падало на Z. Онъ въ послѣдній вечеръ ея жизни оставался съ ней наединѣ, и слышанный кухаркой споръ усиливалъ подозрѣніе. Спрошенный тутъ же—не знаетъ ли куда дѣвался мѣшокъ, Z. отозвался невѣдѣніемъ. По ходатайству Жельветра, назначено было слѣдствіе. Мы всѣ, присутствовавшіе при кончинѣ Орловской, давали подъ присягой показанія; кухарка въ своемъ добавила, что у Орловской, когда она садилась за чай, мѣшокъ былъ, по обыкновенію, на груди. Однакожъ, слѣдствіе, какъ и всѣ другія того времени слѣдствія, гдѣ дѣло было о деньгахъ, не довело ни до какого результата.

Изъ дѣтей Орловскаго — дочь вышла замужъ за царскосельскаго уѣзднаго судью Богушевскаго, сынъ служилъ въ пѣхотномъ Австрійскаго императора полку; о дальнѣйшей его карьерѣ ничего не знаю.

---

[1]) Прежнее состояніе этого учрежденія въ Петербургѣ всѣмъ хорошо извѣстно. Оно было обратилось въ пословицу и изобилуетъ курьезными анекдотами, къ которымъ я могъ бы прибавить не мало изъ собственнаго опыта, проживши въ столицѣ пятьдесятъ лѣтъ. Только въ послѣднія десять лѣтъ положеніе это совсѣмъ измѣнилось. О. П.

Библиотека "Руниверс"

IV.

Іосифъ Олешкевичъ.

Олешкевичъ, портретный живописецъ, членъ академіи художествъ (академикъ), и въ артистическомъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, составлялъ прямую противоположность съ своимъ современникомъ Орловскимъ. Онъ былъ сынъ бѣднаго дворянина Минской губерніи; на коштѣ гр. А. Ходкевича учился въ Виленскомъ университетѣ, затѣмъ въ Парижѣ и Римѣ.

Художественная его дѣятельность хотя и доставляла ему въ Петербургѣ средства къ жизни, но была найменѣе замѣчательною стороною его характеристики. Портреты его отличались совершеннымъ сходствомъ и онъ имѣлъ всегда множество заказовъ.

Не это было настоящее призваніе, существенный кругъ дѣятельности Олешкевича.

Въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I, франкъ-масонскій орденъ былъ очень распространенъ въ Россіи, особенно въ столицахъ. Въ Петербургѣ почти вся знать и всѣ принадлежавшіе къ такъ называемому обществу были посвящены въ масонство. Это была не только мода, но настоятельная потребность, какъ бы необходимый дипломъ для тѣхъ, которые претендовали на званіе порядочныхъ людей. Въ другомъ мѣстѣ я описалъ, какъ масонство усердно развивалось и какъ серьезно практиковалось, преимущественно въ Петербургѣ [1]).

Олешкевичъ занималъ выдающееся, чтобы не сказать первое, мѣсто въ тамошнемъ масонствѣ. Когда я пріѣхалъ въ столицу, въ іюлѣ 1822 года, то засталъ его уже начальникомъ (Maitre en chaire) ложи Бѣлаго орла. Онъ это званіе наслѣдовалъ послѣ сенатора графа Адама Ржевускаго. Но этимъ не ограничивалось вліяніе скромнаго художника. Онъ имѣлъ самую высшую степень въ орденѣ и всѣ петербургскія ложи признавали его ложу первенствующею въ ихъ группѣ, ибо необходимо знать, что, не смотря на общія всѣмъ главныя основы учрежденія, характеръ и относительное достоинство каждой ложи зависѣли во многихъ отношеніяхъ отъ направленія, какое дѣйствіямъ ея давалъ начальникъ. Когда Іосифъ Ивановичъ посѣщалъ другія ложи, то его тамъ принимали съ особенною торжественностью и почестями (семи звѣздъ и желѣзнаго крова). Если въ другихъ ложахъ встрѣчались не-

---

[1]) См. мои «Воспоминанія», «Русская Старина» 1874 года, томъ XI, стр. 466 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

доумѣнія на счетъ примѣненія законовъ ордена или вопросы по подробностямъ ритуала (обрядовъ), то отправлялась депутація къ Олешкевичу и его рѣшенія принимались за окончательныя.

Такой авторитетъ, такая власть въ дѣлѣ, живо интересовавшемъ первенствующее населеніе столицы, сосредоточенная въ его личности, создала для скромнаго труженика высокое положеніе. Не говоря уже о среднихъ классахъ, петербургская знать, почти вся состоявшая изъ адептовъ, искала его дружбы. Отношенія къ нему лицъ, даже высоко поставленныхъ, были такія, какъ учениковъ къ наставнику-другу. Кромѣ того, его почти энциклопедическая ученость, а главное, рѣдкія качества души, рѣдкія христіанскія добродѣтели, особенно смиреніе, не допускавшее въ немъ и тѣни гордости отъ такихъ успѣховъ, пріобрѣтали для него любовь и уваженіе у всѣхъ знавшихъ его.

Олешкевичъ, по истинѣ, былъ очень замѣчательная личность. Его благотворительность не слушалась никакого расчета; онъ всегда былъ безъ гроша, раздавая все бѣднымъ, вѣчно осаждавшимъ его квартиру (въ домѣ бывшемъ Кавелина, на углу Вознесенскаго и Екатерингофскаго проспектовъ). Жилъ Олешкевичъ одинъ; вся его прислуга состояла изъ старухи кухарки. Весь городъ зналъ эту Ѳеклу, она вѣчно ворчала, а въ кулинарномъ искусствѣ была ниже посредственности. Но для ея барина это было не существенно, онъ не ѣлъ ничего мяснаго, съ Ѳеклой же не разставался болѣе потому, что она любила кошекъ и хорошо за ними ухаживала.

Кошки—были страстью Олешкевича. Штатныхъ было у него двѣнадцать и не мало сверхштатныхъ; ему подкидывали новорожденныхъ котятъ, онъ ихъ принималъ и воспитывалъ. Когда же пріемыши достигали положеннаго возраста, то раздавалъ ихъ по будкамъ, которыя въ то время составляли въ Петербургѣ полицейскіе посты. Будочникамъ Олешкевичъ давалъ приданаго: за кошку 10, за кота 5 рублей, потомъ обходилъ эти посты самъ, или посылалъ Ѳеклу навѣдываться о житьѣ-бытьѣ своихъ питомцевъ. Такимъ образомъ завелась у будочниковъ мода имѣть кошекъ; жители Петербурга замѣчали ихъ почти у каждой алебарды, но мало кому было извѣстно происхожденіе этого обычая. Изъ кадровыхъ, каждая кошка имѣла имя и отчество какой-нибудь дамы или мущины изъ близкихъ друзей хозяина; поэтому знакомые художника дорожили этой честью.

Олешкевичъ былъ глубокій мистикъ и согласно съ этимъ давалъ направленіе своей ложѣ. Въ его время въ Петербургѣ мистицизмъ былъ въ большомъ ходу. Всѣ нѣмецкія и французскія сочиненія въ этомъ духѣ были прекрасно переведены на русскій языкъ, главнѣйше извѣстнымъ Лабзинымъ, подписывавшимся буквами У. М. (ученикъ му-

Библиотека "Руниверс"

дрости). Петербургскій мистическій кружокъ, какъ и группы „Свободныхъ каменьщиковъ", съ покорностью признавалъ превосходство Олешкевича, который въ своихъ изысканіяхъ далеко превзошелъ и туземныхъ и иностранныхъ адептовъ. Его доктрина имѣла нѣчто общее съ ученіемъ Сенъ-Мартена, но она была его собственная. Онъ пошелъ гораздо далѣе французскаго иллюмината, особенно въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, напримѣръ, въ теоріяхъ о призваніи человѣка-духа (l'homme-esprit), о значеніи страданій (des pâtiments), и другихъ. Я не могу яснѣе говорить объ этомъ предметѣ, скажу однакожъ, что изъ его теорій происходили у Олешкевича и воздержаніе отъ мясной пищи, и пристрастіе къ кошкамъ, и строго соблюдаемое браминовское правило (впрочемъ, не на метемпсихозѣ основанное) не убивать никакой жизни. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ имѣлъ странныя убѣжденія. Доказывалъ, что если не мучить и не убивать животныхъ, то и они не станутъ причинять никакого вреда человѣку. На этомъ основаніи утверждалъ, что клопы и блохи, которые во множествѣ у него водились, не кусаютъ его, потому что онъ ихъ не истребляетъ. Говорилъ также, что въ Турціи, гдѣ не охотятся на волковъ, они не трогаютъ ни овецъ и никакихъ другихъ домашнихъ животныхъ... (?).

Еще никто не думалъ учреждать обществъ покровительства животныхъ, а уже Олешкевичъ и словомъ и дѣломъ распространялъ основныя правила этихъ ассоціацій. Когда ѣхалъ на извощикѣ, то не позволялъ гнать шибко, не давалъ стегать лошадь. Въ этихъ случаяхъ, во всю дорогу мужичку-ванькѣ онъ читалъ проповѣдь о томъ, какъ онъ долженъ беречь свою лошадь и ласково съ ней обращаться. „Вѣдь она кормитъ тебя,—говорилъ,—а ты ее бьешь; она идетъ такимъ шагомъ, какъ ей слѣдуетъ идти, а ты заставляешь ее бѣжать и запыхаться, — зачѣмъ? Не хорошо, братъ, не хорошо. Вѣдь и лошадь Божье созданіе и Богъ не на то даетъ намъ животныхъ, чтобы мы ихъ мучили". Такъ иногда до слезъ растрогивалъ русскаго мужика или чухонца изъ окрестностей Петербурга. Извощики, стоявшіе близь его квартиры, всѣ уже были имъ нашколены, и никто изъ нихъ, когда возилъ его, не смѣлъ употреблять кнута.

Олешкевичъ мало писалъ; я знаю только одно его сочиненіе на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „l'Automne du monde de l'humanité" (Осень человѣчества), гдѣ онъ доказывалъ, что времена приходятъ къ концу, что человѣчество прожило весну и лѣто, что наступила для него осень, а вслѣдъ за ней ждетъ насъ послѣдній уже, зимній сезонъ. Для него мы, если не хотимъ погибнуть, должны заготовлять топливо и, по примѣру нѣкоторыхъ предусмотрительныхъ животныхъ, запасы провизій. Все это, разумѣется, въ иносказательномъ

Библиотека "Руниверс"

смыслѣ. Онъ потому мало писалъ, что не довѣрялъ дѣйствительности писаннаго, а вѣрилъ только въ силу живаго слова, и даръ этотъ постоянно употреблялъ въ дѣло. Съ нимъ не было другаго разговора, какъ только о важныхъ вопросахъ религіи и морали. Онъ выѣзжалъ каждый вечеръ, бывалъ въ самыхъ разнообразныхъ обществахъ и вездѣ, ничѣмъ не стѣсняясь, высказывалъ свои мысли, свои глубокія теоріи, но умѣлъ придавать имъ такія популярныя формы, что онѣ были для всѣхъ понятны и на столько занимательны, что даже легкомысленныя свѣтскія женщины слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ, можно сказать—съ наслажденіемъ. Въ домахъ знати и среднихъ и даже низшихъ классовъ, онъ былъ самымъ пріятнымъ гостемъ, не смотря на то, что тотчасъ, какъ бы по признанному праву, овладѣвалъ бесѣдой и весь вечеръ почти одинъ говорилъ. Рѣчи его, подкрѣпляемыя живыми примѣрами и анекдотами, были такъ убѣдительны, что никто не покушался спорить или возражать на нихъ.

Многіе молодые люди, слышавшіе его, вылечились отъ своего безвѣрія, которое было въ то время господствующей модой. Я познакомилъ съ Олешкевичемъ Мицкевича и великій поэтъ, побесѣдовавъ съ новымъ пріятелемъ, излечился также—не отъ безвѣрія, а отъ религіознаго индиферентизма, которымъ страдалъ. Въ парижскихъ изданіяхъ его произведеній есть прекрасное стихотвореніе въ честь Олешкевича.

Его любовь къ ближнему, милосердіе и доброта доходили иногда до эксцентричности почти невѣроятной; извѣстны были, напримѣръ, слѣдующіе случаи. Онъ имѣлъ часы Нортона, очень дорогіе, а для него неоцѣнимые, потому что были подарены на память лучшимъ его другомъ, тогдашнимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ графомъ Милорадовичемъ. Часы эти лежали всегда на столѣ, гдѣ было много книгъ и эскизовъ. Когда по утрамъ Олешкевичъ работалъ, окончательно отдѣлывая портреты, къ нему приходили бесѣдовать знакомые. Разъ былъ только одинъ молодой человѣкъ дурнаго поведенія, сынъ одного изъ пріятелей художника. Послѣдній работалъ; они разговаривали. Молодой собесѣдникъ сидѣлъ у стола и игралъ съ часами, потомъ, не долго думая, положилъ ихъ себѣ, какъ ему казалось, незамѣтно въ карманъ, простился и ушелъ. Олешкевичъ, видѣвшій все, только глубоко вздохнулъ, но не остановилъ воришку. Однакожъ Ѳекла, выпустивъ гостя, пришла посмотрѣть который часъ, не найдя часовъ, догадалась и, когда вслѣдъ за этимъ четверо насъ, близкихъ знакомыхъ, пришли навѣстить Олешкевича, она, по секрету отъ барина, разсказала намъ о случившемся. Тотчасъ двое, не входя въ комнаты, отправились на квартиру къ молодому К. и застали его дома; онъ не успѣлъ еще продать украденое. Постращавъ его порядкомъ и обѣ-

Библиотека "Руниверс"

щавъ тайну, они отобрали часы и принесли ихъ собственнику, чему онъ очень обрадовался. Когда мы выговаривали ему непростительную снисходительность къ мошеннику, онъ сказалъ: „Эхъ, господа, не будьте такъ строги, какъ знать, не былъ ли онъ вынужденъ крайностью?"

Другой случай еще болѣе характеристиченъ. Олешкевичъ пилъ кофе въ одной кондитерской на Гороховой. Въ комнатѣ не было никого. Туда же входитъ незнакомый, обращается къ Олешкевичу и проситъ размѣнять 25-ти рублевую ассигнацію, которой однакожъ не показываетъ. Олешкевичъ достаетъ мелкія ассигнаціи и начинаетъ считать, какъ вдругъ незнакомый выхватываетъ у него изъ рукъ пятирублевую бумажку и убѣгаетъ. Нашъ филантропъ за нимъ; догналъ дерзкаго мошенника и остановивъ трепещущаго отъ страха, такъ какъ это было у самой будки, говоритъ: „М. г., вы конечно рѣшились на вашъ поступокъ изъ послѣдней крайности, вамъ деньги необходимо нужны; такъ возьмите еще вотъ эти десять рублей; на этотъ разъ не могу дать болѣе". Эту невѣроятную сцену видѣлъ и слышалъ въ открытое окно близь-лежащаго дома одинъ нашъ общій знакомый. Когда мы упрекали Олешкевича, что онъ такимъ образомъ поощряетъ негодяевъ, то опять услышали его любимое: „не судите, да не будете судимы", а потомъ онъ прибавилъ: „вы полагаете, что я поощряю дурныхъ людей,—ошибаетесь. Я увѣренъ, что то, какъ я обошелся и съ К. и съ незнакомымъ, лучше послужитъ къ ихъ исправленію, чѣмъ подѣйствовалъ бы позоръ и наказаніе". И въ самомъ дѣлѣ, не былъ ли онъ правъ въ этомъ?

Закрытіе въ августѣ 1822 года массонскихъ ложъ сильно огорчило Олешкевича. Предводимая имъ ложа была той ареной, гдѣ онъ пространно развивалъ свои особенныя ученія, мало, или даже ничего не имѣвшія общаго съ масонствомъ, и обращалъ на пользу братій громадный запасъ своихъ свѣдѣній и плодовъ своихъ размышленій. Въ кружкахъ, въ которые тогда собирались масоны, чтобы поговорить и посѣтовать о прошедшемъ, понятно, что Іосифъ Ивановичъ былъ главнымъ лицомъ. Впрочемъ эти собранія никогда не принимали характеръ или даже формы запрещенныхъ ложъ.

И по масонству, и по тѣмъ наукамъ, которымъ я страстно предавался [1]), я коротко сблизился съ Іосифомъ Ивановичемъ и былъ его частымъ собесѣдникомъ.

Разъ я его встрѣтилъ, въ числѣ гуляющихъ, на Невскомъ проспектѣ. „Куда идешь?" онъ спросилъ. „Куда люди идутъ, и я туда

---

[1]) Смотри «Русскую Старину» 1874 года, томъ XI, стр. 475.

Библиотека "Руниверс"

плетусь".—„Напрасно,—сказалъ Олешкевичъ,—такъ шаги твои будутъ потеряны. Если хочешь узнать людей, то иди прямо противъ нихъ". Эта фраза, сказанная мимоходомъ, застряла у меня въ памяти. Олешкевичъ ничего не говорилъ на вѣтеръ.

Іосифъ Ивановичъ имѣлъ иногда дивныя предчувствія будущихъ событій. Такъ, за нѣсколько дней до катастрофы, онъ предсказалъ извѣстное наводненіе 7-го ноября 1824 года. Не помню по какому случаю онъ говорилъ: „Нева прекрасная рѣка, но ей довѣрять слишкомъ не надо; если она скоро не замерзнетъ, то надѣлаетъ бѣды". Въ день наводненія, всѣ слышавшіе эти слова—припомнили ихъ. За нѣсколько дней до 14-го декабря 1825 года, на одномъ вечерѣ, гдѣ и я былъ, онъ, задумавшись, какъ бы въ забытіи сказалъ: „Въ Петербургѣ чувствуется плетора (избытокъ крови).... да, да плетора; будетъ упущено крови немного, но и этого будетъ довольно; больной выздоровѣетъ". Этихъ словъ никто не понималъ, только событія 14-го числа объяснили ихъ.

Разъ, одинъ только разъ, Олешкевичъ вышелъ изъ своего характера снисходительной кротости; это было по слѣдующему случаю. Праздничные балаганы для народныхъ спектаклей въ масляннице и пасху, строющіеся теперь на Царицыномъ лугу, строились въ 20-хъ годахъ на площади Большаго театра. Проходя мимо ихъ, Олешкевичъ въ одномъ изъ балагановъ услышалъ странные, но слишкомъ его сердцу близкіе голоса. Какой-то пріѣзжій итальянецъ завелъ у себя хоръ изъ кошекъ. Штукъ двадцать или болѣе этихъ животныхъ, съ подобранными по діапазону голосами, составляли нѣчто въ родѣ фортепьяно: хвосты четвероногихъ музыкантовъ подложены были подъ клавиши, а въ нихъ вдѣланы булавки. Когда маэстро игралъ на этихъ клавишахъ, то кошки, уколотыя, издавали одна за другой жалобное міау и изъ этихъ звуковъ составлялся нѣкоторый гармоническій ансамбль. Олешкевичъ, съ ужасомъ выслушавъ концертъ, поспѣшилъ къ графу Милорадовичу съ жалобою на такое варварство и кошачій импрессаріо въ тотъ же день былъ выгнанъ изъ столицы, а его труппа выпущена на свободу.

Олешкевичъ былъ женатъ, но жена не жила съ нимъ, хотя супруги были очень между собою дружны. Олешкевичева осталась въ домѣ одной знатной дамы, у которой была компаніонкой; это было условлено при заключеніи брака. Іосифъ Ивановичъ говорилъ мнѣ, что онъ женился только для того, чтобы изъ невольницы, какою есть каждая дѣвица, сдѣлать свободную женщину. Другой цѣли бракъ этотъ не имѣлъ, мужъ и жена остались друзьями и только друзьями. У него былъ его кисти портретъ жены; она не была красива.

Библиотека "Руниверс"

Въ половинѣ 1830 г. Олешкевичъ, имѣя болѣе 50-ти лѣтъ, тяжко заболѣлъ. Это былъ припадокъ подагры, но она усложнилась другою опасною болѣзнью, кажется, воспаленіемъ печени. Доктора сразу потеряли надежду спасти жизнь, но онъ хворалъ безъ малаго мѣсяцъ. Такъ какъ, лежа безъ движенія, онъ требовалъ постоянно за собой ухода, для чего одной Ѳеклы было недостаточно, то мы, восемь человѣкъ ближайшихъ пріятелей больнаго, учредили изъ себя денное и ночное при немъ дежурство, очередуясь по двое въ опредѣленные часы.

Тутъ мы только узнали какою сочувственною популярностью, какою любовью пользовался Олешкевичъ у петербургской публики всѣхъ сословій, особенно высшаго. Въ теченіе дня и вечера двери не запирались; почти вся знать перебывала у его скромной постели за перегородкой. Число посѣтителей болѣе чѣмъ на половину составляли элегантныя дамы и дѣвицы, привозившія больному фрукты, варенья, сиропы, конфекты. Онѣ просиживали по цѣлымъ часамъ, ухаживая за нимъ какъ бы сестры милосердія и, зная его слабость, превозмогали свое отвращеніе при видѣ оберегаемыхъ имъ тварей изъ разряда carabici, сотнями безбоязненно разгуливавшихъ по перегородкѣ и которыхъ никто не смѣлъ потревожить. Другія группы посѣтителей чередовались на черной лѣстницѣ: это были бѣдные, призрѣваемые Олешкевичемъ; они съ безпокойствомъ навѣдывались у Ѳеклы о положеніи дорогаго больнаго.

Іосифъ Ивановичъ хорошо зналъ это положеніе и съ спокойствіемъ чистой совѣсти ждалъ всеобщаго „конца всякой плоти" (finis universae carnis). Съ приближеніемъ этого конца, его ясный умъ, казалось, еще болѣе прояснялся. Не смотря на страданія, онъ много говорилъ и рѣчи его были въ высшей степени назидательны. Исполнивъ всѣ требованія религіи, онъ тихо скончался въ мое дежурство. До послѣдней минуты оставался въ полномъ сознаніи; красивое, умное его лицо сохранило и по смерти выраженіе доброты, которой отличалась вся жизнь.

Предъ самой смертью онъ распорядился всѣмъ оставляемымъ: картины и вещи раздарилъ разнымъ лицамъ, деньги (ихъ было немного), раздѣлилъ на двѣ половины, одну самъ вручилъ своей Ѳеклѣ, другую назначилъ для Коломенскихъ бѣдныхъ, по веденному имъ списку. Кошекъ распредѣлилъ поимянно между пріятелей. Мнѣ, какъ тоже любителю, досталась его бурая фаворитка, Юлія Осиповна. Она дожила у меня до глубокой старости и вдругъ пропала; вѣрно, какъ кошки обыкновенно дѣлаютъ, пошла умирать куда-нибудь подальше отъ дома. Животныя эти были очень привязаны къ своему хозяину, поняли, что его не стало, и наполнили домъ жалобными воплями.

Библиотека "Руниверс"

Похороны Олешкевича представляли необыкновенное зрѣлище. За убогимъ чернымъ гробомъ, который несли на Смоленское кладбище, чередуясь, друзья покойнаго, а въ ихъ числѣ многіе экъ-масоны, тянулась нескончаемая вереница всякихъ экипажей; наиболѣе было пышныхъ, принадлежащихъ знатнымъ господамъ и дамамъ, а тѣ и другія бо́льшую часть дороги шли пѣшкомъ. Пѣшеходовъ было такъ много, что, при переходѣ на ту сторону Невы, они занимали почти весь бывшій Исаакіевскій мостъ. Но самую трогательную часть печальнаго кортежа составляла толпа нищихъ, горько оплакивавшихъ своего благодѣтеля и друга. Кто зналъ покойнаго, могъ безъ грѣшной увѣренности позволить себѣ думать, что слезами этими орошается прямой его путь къ вѣчному блаженству. О. А. Пржецлавскій.

Сельско-хозяйственные расчеты русскаго помѣщика въ концѣ XVIII столѣтія.

Наша сельско-хозяйственная старина, объусловленная существованіемъ крѣпостнаго права, представляетъ не мало интереса и въ бытовомъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію, однако, встрѣчаются весьма рѣдко такіе матеріалы, по которымъ можно было бы судить о собственныхъ взглядахъ нашихъ помѣщиковъ на способы для улучшенія ихъ хозяйства. Вотъ почему считаю полезнымъ сообщить въ распоряженіе редакціи „Русской Старины" относящіеся къ 1797—1798 г. расчеты и соображенія моего двоюроднаго дѣда, ярославскаго помѣщика Николая Степановича Карновича (род. 1751, † 1812 г.) Изъ этихъ расчетовъ видны, между прочимъ: доходность помѣщичьихъ имѣній въ средней полосѣ Россіи въ концѣ прошлаго столѣтія, а также цѣнность сельскихъ произведеній и разные распорядки по господскому хозяйству. Замѣтки эти имѣютъ тѣмъ болѣе значенія для нашей сельско-хозяйственной старины, что онѣ были написаны помѣщикомъ, который, въ свое время, былъ извѣстенъ въ Ярославской губерніи какъ одинъ изъ лучшихъ сельскихъ хозяевъ, и который, оставивъ въ молодости военную службу въ гвардіи, постоянно и непосредственно управлялъ своимъ имѣніемъ. Центромъ вотчины Н. С. Карновича было село Холмъ-Агаревъ, находящееся въ 35 верстахъ отъ Ярославля. Правописаніе печатаемой записки примѣнено къ нынѣшней орфографіи. Е. К.

Теперешній доходъ.

Деньгами	6,500 руб.	
Ржи 400 четвер. по 5 руб. . . .	2,000 „	остается отъ года на 1 мѣсяцъ.

Библиотека "Руниверс"

Овса 400 четв. по 2 р. 50 к. . .	1,000 руб.	нынѣшній годъ даже и не стало.
Ячменя 100 четв. по 3 р. . . .	300 „	на ругу, на ребятъ исходитъ весь.
Пшеницы 50 четв. по 7 р. . . .	350 „	остается отъ года 32 четверти, итого на 224 руб.
Масла 50 пудовъ по 6 р. 50 к. .	325 „	остается отъ года 20 пуд., итого на 130 р.
Льну 100 пудовъ по 6 р. . . .	600 „	продажи ни оному, ни холстамъ нѣтъ.
Итого .	11,075 рублей.	
Да отъ пшеницы и масла . . .	354 рубля.	
Всего .	11,429 рублей.	

Господскихъ полей 3 во владѣніи мужиковъ, которые навозомъ довольствуются съ коннаго двора, скотнаго и отъ дворовыхъ. Скота же у меня, на 80 десятинъ, господскаго 20 скотинъ, да у дворовыхъ 42 скотины,—всего 62 скотины, а по настоящему должно имѣть на каждую десятину по 3 скотины рогатаго, кромѣ лошадей, у меня же лошадей 52, всего со скотомъ 116 животинъ, что и дѣлаетъ по $1^1/_2$ животины на десятину. Изъ того числа 7 лошадей зиму держатся въ Ярославлѣ, разгонныя; разгонныя всегда въ ѣздѣ, то нельзя положить болѣе какъ по 1 животинѣ достанется на десятину. Оттого теперь господскія поля весьма обезсилены и годъ отъ году въ бо́льшій упадокъ приходятъ. Держать же, по теперешнему положенію, болѣе скота отяготительно крестьянамъ, ибо на ихъ корму.

Всякая плотничная работа и пилка теперь у меня наемная, или я самъ плачу или мужики. Прошлый 1797 годъ за плотничную работу сошло съ міру 459 р. 50 к., а и нынѣшній годъ заплачено уже изъ оброку за пилку 155 р.; это всякій годъ необходимо, либо все обвалится и сгніетъ.

Въ нынѣшнемъ сентябрьскомъ расходѣ изошло болѣе 100 р., коихъ бы при издѣльныхъ мужикахъ не было, и всѣ потребности покупаемыя были бы исправлены.

Сходитъ съ тягла оброку:

Деньгами	16	руб.	25	коп.
Ржи 1 четверть	5	„	—	„
Овса 1 четверть.	2	„	50	„
Ячменя 1 четверикъ	—	„	35	„
Пшеницы 1 четверикъ	—	„	75	„

Библиотека "Руниверс"

Масла 5 фунтовъ	—	руб.	75	коп.
Льну 10 фунтовъ	1	„	50	„
На барановъ, холста и проч. по . . .	1	„	—	„
На плотниковъ, пилку, жалованье по .	2	„	—	„
Половина подводы дешевой по	—	„	80	„
Яроваго корму на	1	„	25	„
Полкурицы и 50 яицъ.	—	„	40	„
Итого . . .	32	руб.	55	коп.

Съ 400 тяголъ, и все въ цѣну полагая, сходитъ 13,020 руб., а доходу 11,075 руб.; въ немъ нѣтъ барановъ, холста, плотниковъ, пилки, яроваго корму, полкурицы, яицъ, жалованья: выборному, старостѣ, земскому, сотскому, лѣсникамъ и мѣровщикамъ.

Примѣрное положеніе о издѣльѣ 100 тяголъ все умѣренно и среднею пропорціею полагается, какъ посѣвъ, работа, урожай, цѣны и доходъ.

Взять у мужиковъ обратно 3 господскія поля, въ нихъ по 80 десятинъ казенныхъ. У мужиковъ же для пашни земли слишкомъ довольно, о количествѣ оной можно видѣть изъ книги и моего росписанія, сколько на тягло достается.

Посѣвъ:

На поле, на 80 десятинъ, высѣвается ржи 120 четвертей. Противъ онаго на второе поле сѣется яроваго хлѣба противъ 120 четвертей, пшеницы 20 четвертей противъ 20 же ржи; льну 10 четвертей противъ 15 ржи, ячменю 30 четвертей противъ 20 ржи, овса 130 четвертей противъ 65 ржи. Яроваго разнаго хлѣба 190 четвертей.

Все это 100 тяголъ издѣльныхъ легко обработать могутъ и притомъ съ помощію дворовыхъ накосить стоговъ 40 сѣна. А чтобы вся оная работа удобнѣе, скорѣе и лучше могла быть сдѣлана и отъ погоды не потерпѣть остановки, выговорить у оброчныхъ помочные дни.

Навозъ возить 1 день, слать рожь 2 дня, яровой хлѣбъ 2 дня, всего 5 дней. Лугъ господскій косить по теперешнему всѣмъ поголовно, и оброчнымъ и издѣльнымъ. Покосы же, коихъ у меня прибыло и прибыть можетъ, одни издѣльные и дворовые исправить должны и могутъ.

Съ 1-го октября до весны половину издѣльныхъ мужиковъ можно на промыслы отпускать, не бравъ съ нихъ за оное ничего, оставшаяся же половина обработаетъ ленъ и кончитъ молотьбу, равно какъ и всякое издѣлье и постройку исправитъ. Отпущать же погодно, годъ одна половина, на другой другая.

Дровъ положить на оброчныхъ по 1 сажени на тягло. Они не будутъ давать яроваго корму и ржаной соломы, у нихъ будетъ больше

Библиотека "Руниверс"

навозу и они, лучше удобря, лучше и обработаютъ свою землю, лучше и хлѣбъ у нихъ родиться будетъ. За симъ отъ меня строго будетъ приказано смотрѣть и самъ не упущу наблюдать. Теперь же они ѣздятъ пахать господское поле и не столько прибытку получается, сколько время теряется. Оно и такъ худо родитъ, а со временемъ придется отступиться отъ него, или гораздо скота пріумножить для удобренія онаго.

Съ издѣльныхъ брать по барану съ тягла, а съ бабы по 2 р. 50 к. называемыхъ холстинныхъ. Подводъ безъ крайности никогда не требовать, хотя эту повинность издѣльные бы должны нести. Наблюдать, чтобъ издѣльные, когда случится постройка, никогда наймомъ не отправляли, а сами, не такъ, какъ теперь у меня все деньгами исправляютъ, что многимъ весьма отяготительно.

На каждую десятину надобно имѣть рогатаго скота по 3 скотины, на 80 десятинъ 240 коровъ. Изъ того числа умѣренно положить 100 коровъ дойныхъ, а прочіе телята, подтелки, быки и малую часть овецъ, ибо ихъ не выгодно держать. Если положить 10 коровъ для кухни и расходу, то съ 90 коровъ должно получить масла по 30 фунтовъ, да берутъ вездѣ за творогъ и молоко со скотниковъ по 1 рублю съ коровы. Корму же для 240 скотинъ своего никогда ставить не будетъ, а ежегодно покупать на 100 руб., равно и для подстилки соломы рублей на 100 прикупать надобно. Чѣмъ болѣе подстилки, тѣмъ болѣе навозу, чѣмъ болѣе удобренія, тѣмъ больше урожаю, въ сложности же и одно зерно счетъ дѣлаетъ не малый.

По 30 фунтовъ масла съ коровы дѣлаетъ съ 90 коровъ 67 пуд. 20 фунтовъ; положивъ масло по 6 руб. 50 коп. сдѣлаетъ за оное 438 руб. 75 коп., а если дѣлать чухонское масло и продавать въ Москвѣ и Ярославлѣ, то еще больше отъ онаго доходу. Хотя по 50 копѣекъ съ коровы за творогъ и молоко дѣлаетъ 45 руб., но на 200 р. корму и соломы купить есть изъ чего. Рогатый скотъ всегда платитъ хорошо за свое содержаніе.

Телятины, баранины покупаться ни здѣсь, ни въ городѣ не будетъ. Для солонины говядина тоже своя, и кожи же денегъ стоятъ. Птицъ дворовыхъ тоже будетъ довольно, есть чѣмъ кормить, равно и свиней.

Въ скотники опредѣлить надобно шесть семей дворовыхъ. Для доенія же коровъ наряжать ежедневно всѣхъ дворовыхъ бабъ и дѣвокъ. Лѣтомъ скотниковъ можно употреблять всюду, а зимою никуда не трогать.

Чтобы имѣть по дому моему приличное количество птицъ, надобно опредѣлить двѣ семьи дворовыхъ для хожденія за ними, и чтобы все было въ порядкѣ и порядочно.

Библиотека "Руниверс"

Дворовые, которыхъ содержаніе мнѣ весьма дорого, и они лишь въ тягость, употребятся съ пользою.

Коль скоро издѣлье будетъ, то Ивашевскую вѣтряную мельницу возьму для себя, поправлю, поправлю ее и передѣлаю во всемъ, сдѣлаю о три постава и маслянный заводъ. Устрою вѣтряную мельницу. Все это не маловажный доходъ приноситъ будетъ.

При семъ прилагается примѣрное положеніе урожаю хлѣба и съ оцѣнкою. Все, что 100 сдѣлаютъ, оцѣнено въ сравненіи съ теперешнимъ доходомъ:

Посѣвъ.	Урожай.	За выключкой сѣмя.			Цѣна.	
				Р. К.	Р.	К.
Ржи 120 четвертей	сама пята	480 четв.	по	5 —	2,400	—
Овса 130 „	самъ четвертъ	390 „	„	2 50	975	—
Льну 10 „	самъ четвертъ	30 „	„	20 —	600	—
Льну должно выйти		150 пуд.	„	6 —	900	—
Пшеницы 20 четверт.	сама пята	80 четв.	„	7 —	560	—
Ячменю 80 „	самъ пятъ	120 „	„	3 —	360	—
Отъ масла, за покупомъ корму и соломы, денегъ. . . .					283	75
				Итого на . . .	6,078	75

Кромѣ денежныхъ доходовъ и замѣны денежной траты, о чемъ выше упомянуто, 100 тяголъ на издѣльѣ дѣлаютъ болѣе доходу нежели противъ теперешняго оброка. Прочія же 300 тяголъ охотно дадутъ по 35 рублей съ тягла, что сдѣлаетъ 10,500 рублей чистаго денежнаго дохода.

Теперь у меня тяголъ 450, а я все полагаю 400, это послужитъ имъ всѣмъ въ облеченіе.

Если же рожь родится сама восьма, пшеница также сама восьма, ленъ самъ пятъ, овесъ самъ пятъ или самъ шестъ, ячмень самъ шестъ или самъ семъ, то и доходу будетъ болѣе, да и цѣны большею частію бываютъ дороже мною поставленныхъ.

Оброкъ, какой бы ни былъ, его прибыть никогда не можетъ, издѣлья же приносятъ иной годъ въ полтора болѣе доходу обыкновеннаго, а иногда и вдвое.

Сѣмяна же у меня всегда будутъ самыя лучшія: льняное сѣмя псковское; овесъ—часть англійскаго и многоплоднаго. Рожь же на сѣмяна брать буду ту, что, когда вѣютъ, падаетъ у самыхъ ногъ, это лучшее зерно, равно и пшеницу и ячмень.

Лошадей же уменьшится и ежегодно будетъ продаваться сѣно, который доходъ я полагаю рублей до тысячи на годъ.

Сообщ. Е. П. Карновичъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ концѣ помѣщены указатели: личный, географическій, предметный, составленные чрезвычайно тщательно, хотя, разумѣется, нѣкоторыя опечатки должны были проскользнуть. Нельзя не привѣтствовать обычая сопровождать изданія указателями, который въ послѣднее время снова начинаетъ водворяться у насъ. Г. Лейбовичу мы въ особенности благодарны за указатель предметный, который встрѣчается рѣже другихъ, но потребности въ которомъ ощутительны при всякихъ культурно-историческихъ трудахъ. Ознакомленію съ настоящимъ состояніемъ вопроса о лѣтописяхъ авторъ посвятилъ обстоятельное предисловіе. Въ заключеніе мы можемъ сказать, что трудъ г. Лейбовича явленіе рѣдкое и свидѣтельствуетъ о большомъ трудолюбіи и высокой любви къ дѣлу, качествахъ, которыя обѣщаютъ намъ много подобныхъ трудовъ. Пожелаемъ, чтобы первый выпускъ не былъ бы послѣднимъ и чтобы всѣ занимающіеся русской исторіею, и въ особенности начинающіе заниматься запаслись этимъ трудомъ. Конечно, ни для одной серьезной работы нельзя будетъ ограничиться только «Сводной лѣтописью»: большая часть работъ потребуетъ справки съ другими изданіями, а иныя и съ рукописями. Вообще для работъ чисто-филологическихъ, палеографическихъ и т. п. не только изданія текста, но даже fac-simile не замѣнятъ собой рукописи. Сэръ Джъ изъ лучшихъ шексперистовъ Голуэль (Hallywell), издавая фотографическій снимокъ съ перваго изданія Шекспира (1623), говоритъ въ концѣ предисловія: «нельзя, конечно, и предполагать, чтобы какое бы то ни было fac-simile старопечатной книги (можно еще съ большей справедливостью прибавить: и рукописи) могло во всѣхъ случаяхъ точныхъ изслѣдованій избавить отъ необходимости обращаться къ сохранившимся экземплярамъ старопечатной книги». Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, что изучающіе древнюю русскую исторію должны начинать съ изданія г. Лейбовича, а занимающіеся должны постоянно имѣть его подъ руками. Этимъ они сохранятъ много времени. **Н. Б. Р.**

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Т. XV. Спб. 1875. 655. Ц. 3 р.

Въ настоящемъ томѣ этого изданія, занимающаго почетное мѣсто въ нашей исторической литературѣ, помѣщены: 1) Переписка Екатерины II съ вел. княземъ Павломъ Петровичемъ и вел. кн. Маріею Ѳедоровною за 1783—90 гг., веденная во время переѣздокъ императрицы и вел. князя по Россіи и Финляндіи, имѣющая семейный характеръ, но касающаяся и современныхъ событій (стр. 1—175). Она извлечена изъ дворцоваго архива г. Павловска. Часть переписки вел. кн. Павла Петровича и императрицы Екатерины II съ нимъ и вел. княг. Маріею Ѳедоровною за время 1783—90 гг. была помѣщена уже въ «Русской Старинѣ» 1873—74 гг., гдѣ также находится и продолженіе ея, съ 1791—96 гг. Другая же часть этой переписки, также извлеченная изъ Павловскаго архива и заключающая въ себѣ письма Екатерины II къ вел. кн. Павлу Петровичу и вел. кн. Маріи Ѳедоровнѣ во время путешествія императрицы по Россіи въ 1780 г. и ихъ заграничнаго путешествія (1781—82), напечатана въ «Сборникѣ рус. ист. общ.», т. IX. 2) Донесенія прусскаго королевскаго посланника при рус. дворѣ, барона Густава фонъ-Мардефельда, служатъ дополненіемъ донесеній, извлеченныхъ изъ Дрезденскаго архива (Сборн. т. III и V), такъ какъ они относятся къ тому же періоду. Они сообщаютъ извѣстія о послѣднихъ годахъ царствованія Петра Великаго, времени Екатерины I и Петра II и избраніи на престолъ Анны Ивановны. 3) Бумаги князя Н. П. Репнина (414—605), заимствованныя изъ фамильнаго архива Репниныхъ, составляютъ продолженіе его переписки за время его посольства въ Турцію, помѣщенной въ V и VI том. Сборника (съ ноября 1774 г.). Въ настоящемъ томѣ она обнимаетъ время съ 4-го октября 1775 г. до конца года. Такимъ образомъ изданіе бумагъ князя Репнина, подобно архиву князя Воронцова, обѣщаетъ быть весьма важнымъ вкладомъ въ нашей исторической литературѣ. 4) Письма Екатерины II къ вице-канцлеру графу И. А. Остерману—касаются отношеній къ Швеціи въ 70—80 годахъ XVIII вѣка и выражаютъ взглядъ Екатерины II на французскую революцію, о которой она отзывается крайне враждебно («не христіанская конституція, но антихристова») и заявляетъ, что сношенія съ Франціею возможны только подъ условіемъ освобожденія королевской фамиліи, а иначе слѣдуетъ вмѣстѣ съ союзниками постановить дипломатическій и торговый разрывъ съ Франціею и удалить всѣхъ французовъ, присягнувшихъ собранію, «понеже сіе дѣло есть дѣло всѣхъ королей, съ которыми тогда уже поссорились, когда по всей вселенной разослали литераторовъ для взбунтованія народовъ» (608—613). Далѣе помѣщены замѣтки Екатерины II, относящіяся къ русской исторіи, въ которыхъ обнаруживается стремленіе ея объяснить явленія древней русской жизни событіями изъ исторіи древнихъ народовъ, при чемъ она находитъ вездѣ славянское начало (614—617). 5) Неизданныя письма Вольтера къ кн. Д. А. Голицыну, бывшему посланникомъ въ Парижѣ, пять писемъ кн. Д. А. Голицына, въ которыхъ князь трактуетъ о необходимости освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ.

В. И.

Библиотека "Руниверс"

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1876 г.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, гравированными на мѣди и на деревѣ, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Главная контора «Русской Старины» въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42.

Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ, при книжномъ магазинѣ **И. Г. Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣева.

☛ **Редакція отвѣчаетъ** вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала **городскимъ** подписчикамъ главной конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію «Русской Старины» въ Спб., Надеждинская, д. № 42, съ сообщеніемъ вполнѣ точнаго адреса.

Статьи, которыя помѣщаются въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“, относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII и XIX-го вѣковъ. — III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—VI. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты; эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и XIX-го вв.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старины“.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII-го и XVIII-го вв.—Стихи и пѣсни духовные и раскольничьи.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—VIII. Библіографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческихъ книгъ.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить третье изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 года,
цѣна **ВОСЕМЬ** рублей безъ переплета и **11** руб. въ хорош. переплетѣ, съ пересылкой.

Библиотека "Руниверс"

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ седьмой. **АВГУСТЪ.** **1876 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Приглашеніе къ пожертвованіямъ въ пользу южныхъ славянъ борющихся за свою независимость. Отъ С.-Петербургскаго славянскаго комитета. . . I—IV

II. Екатерина II и кн. Потемкинъ: подлинная переписка, 1788 г. 571

III. Кн. Платонъ Александровичъ Зубовъ. Біографическій очеркъ, 1768—1822 гг. Гл I 591

IV. Главные пособники Емельяна Пугачева. Очерки и разсказы по подлинному о нихъ дѣлу. 1773—1774 гг. 607

V. Записки Ивана Степановича Жирковича. 1795 — 1848 гг. Сообщ. С. Д. Карповъ. Гл. XV—XVI 627

VI. Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ, глава XXVI, 1834—1835 гг 649

VII. Война Россіи съ Турціей въ 1853—1854: планы и предначертанія о войнѣ; донесенія и записки военачальниковъ, возстаніе южныхъ славянъ и проч. 671

VIII. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1) Кириллъ Флоринскій, епископъ Сѣвскій, 1768—1771 гг. Сообщ. Ив. Д. Павловскій. (709). 2) Лейбъ-медикъ Я. В. Виллие. Сообщ. В. С. Сахаровъ. (712). 3) Лола Монтесъ и высылка ея изъ Варшавы въ 1844 г. Сообщ. Z. (718). 4) Медицина въ Дербентѣ, въ 1842 г. Сообщ. П. (724). 5) Ридигеръ и Паскевичъ, 1854 г. Сообщ. А. Роспоповъ. (726).

IX. Библіографическій листокъ новыхъ русск. историч. книгъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Къ этой книгѣ прилагается: Указатель личныхъ именъ, находящихся въ XVI томѣ «Русской Старины» изд. 1876 г.

Продолжается подписка на «Русскую Старину» 1876 г.
Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

Находится въ продажѣ и можно получить **третье изданіе** „Русской Старины“ **1870** г. (первый годъ). Цѣна за 12 книгъ, въ трехъ томахъ, съ портретами и снимками **8** руб. съ пересылкой.

(Осталось немного экземпляровъ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49—2).
1876.

Библиотека "Руниверс"

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами, составилъ Ѳ. Мартенсъ, томъ III. Трактаты съ Австріею 1808—1815 г. Спб. 1876, 549 стр. и XIII.

О первыхъ томахъ этого почтеннаго труда, составляемаго, по порученію министерства иностранныхъ дѣлъ, профессоромъ С.-Петербургскаго университета г. Мартенсомъ, мы уже говорили. Въ третій томъ этого изданія вошелъ весь актъ вѣнскаго конгресса со всѣми приложеніями и много трактатовъ предшествовавшихъ конгрессу, хотя уже напечатанныхъ въ другихъ дипломатическихъ иностранныхъ сборникахъ, но въ измѣненномъ видѣ, а здѣсь появляющихся вполнѣ и со всѣми секретными статьями. Мы видимъ также изъ документовъ русскаго сборника, что дружескія, хотя и тайныя, сношенія Россіи съ Австріею не прекращались и во время войны 1812 г., когда Австрія принуждена была соединиться съ Наполеономъ противъ насъ. Эти и подобные имъ документы придаютъ особенное значеніе нынѣ вышедшему тому «Собраніе трактатовъ», составленному и изданному также отчетливо, какъ и первые два тома, на русскомъ и французскомъ языкахъ, такъ что переводъ трактатовъ помѣщается на одной страницѣ съ оригиналомъ (texte en regard). Всего въ сборникѣ помѣщено 38 документовъ (отъ 61 по 98 №№). Мы удивляемся только, почему, при составленіи предисловія къ этому сборнику, г. Мартенсъ не счелъ нужнымъ обратиться къ весьма капитальному труду о той же эпохѣ нашего извѣстнаго ученаго и писателя А. Н. Попова. Z.

Сочиненія Н. Д. Иванишева, изданныя иждивеніемъ университета св. Владиміра, подъ ред. проф. Романовича-Славатинскаго и библіотекаря Царевскаго. Кіевъ. 1876. V+451. Съ портретомъ. Ц. 2 р. 50 к.

Сочиненія Иванишева, изданныя въ этомъ собраніи, раздѣлены на два отдѣла: въ первый изъ нихъ вошли изслѣдованія по исторіи славянскихъ законодательствъ; во второй—изслѣдованія по исторіи юго-западнаго края. Къ первымъ принадлежатъ статьи: 1) О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германскою вирою; 2) Разсужденіе объ идеѣ личности въ древнемъ правѣ богемскомъ и скандинавскомъ; 3) Древнее право чеховъ. Ко вторымъ относятся: 1) Жизнь князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни; 2) Свѣдѣнія о Ковельскомъ имѣніи, принадлежавшемъ кн. Курбскому; 3) О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи; 4) Свѣдѣнія о началѣ уніи, извлеченныя изъ актовъ Кіевскаго центральнаго архива; 5) Содержаніе постановленій дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ въ юго-западной Россіи; 6) Отвѣтъ Кіевской коммисіи для разбора древнихъ актовъ на обвиненія нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ по поводу выхода въ свѣтъ II-й части Архива юго-западной Россіи.

Богатство свѣдѣній, сообщаемыхъ авторомъ въ каждой статьѣ, сравнительное изученіе разсматриваемыхъ вопросовъ, наконецъ, постоянное критическое отношеніе къ нимъ—дѣлаютъ и теперь труды автора полезными и цѣнными. Изданіе имѣетъ благотворительную цѣль, а именно, на сборъ съ него предполагается учредить стипендію въ память Н. Д. Иванишева. Искренно желаемъ, чтобы почаще издавались у насъ подобные сборники трудовъ нашихъ подвижниковъ науки, которые нерѣдко забываются, будучи разсѣяны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Такъ, напримѣръ, давно слѣдовало-бы кому либо изъ издателей принять за полное изданіе сочиненій П. Н. Кудрявцева, подобно тому, какъ это было сдѣлано съ сочиненіями Ешевскаго. Ихъ тоже набралось-бы на нѣсколько томовъ и они навѣрное нашли-бы многихъ читателей.

В. И.

Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Соч. А. Н. Пыпина. Спб. 1876 г., два тома въ 8-ю д. Цѣна за оба тома 4 р., въ хорошемъ переплетѣ 4 руб. 50 коп.

Обширный трудъ г. Пыпина, напечатанный первоначально въ «Вѣстникѣ Европы» 1874 г., тщательно пересмотрѣнъ и значительно имъ дополненъ на основаніи матеріаловъ, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» 1876 г, а также вновь собранныхъ г. Пыпинымъ. Предполагая возвратиться къ обзору этого сочиненія, мы замѣтимъ здѣсь, что, по богатству матеріаловъ собранныхъ въ немъ къ біографіи и для оцѣнки литературной дѣятельности и нравственной личности замѣчательнѣйшаго писателя-критика 1830 — 1840 гг., — сочиненіе г. Пыпина займетъ весьма видное мѣсто въ отдѣлѣ, увы далеко не обширномъ, трудовъ посвященныхъ серьезному, всестороннему изслѣдованію дѣятельности наиболѣе яркихъ представителей въ исторіи русской литературы новѣйшаго періода. Интересный матеріалъ, собранный г. Пыпинымъ, тщательно приведенный имъ въ порядокъ, въ возможной степени обработанный и комментированный, значительно приближаетъ къ осуществленію той цѣли, какую предназначилъ себѣ почтенный біографъ, именно «воспроизвести личность В. Г. Бѣлинскаго въ послѣдовательномъ развитіи его характера и взглядовъ подъ многоразличными вліяніями общественной среды и подъ властью тѣхъ идеаловъ, проповѣдь которыхъ наполнила

Библиотека "Руниверс"

ПРИГЛАШЕНІЕ О ПОСОБІЯХЪ ЮЖНЫМЪ СЛАВЯНАМЪ.

Отъ С.-Петербургскаго отдѣла славянскаго благотворительнаго комитета.

Уже скоро годъ, какъ въ горахъ Герцеговины и Босніи, полувооруженные и часто совсѣмъ голодные отряды возставшихъ съ отчаянія христіанъ богатырски сопротивляются всѣмъ усиліямъ турецкаго регулярнаго войска покорить ихъ. Скоро годъ, какъ покинувшія родину ихъ семейства, питаясь, между прочимъ, и тѣмъ, что доставляется имъ изъ Россіи, только что не умираютъ съ голоду, а многіе уже и умерли, такъ какъ приношеній на всѣхъ не хватало! Между тѣмъ, вернуться домой, упросивъ своихъ возставшихъ отцовъ, мужей или братьевъ довѣриться обѣщаяніямъ турокъ — значило бы добровольно пойти на вѣрную смерть. Тѣ, которые позволили себя обольстить и вернулись,—всѣ попали на висѣлицу, подъ топоръ или на колъ. Митрополитъ сербскій уже повѣдалъ русскому народу о томъ, какъ звѣрски обращаются турки съ подневольными имъ христіанами. Но по послѣднимъ достовѣрнымъ извѣстіямъ, ихъ звѣрство дошло до степени, еще болѣе неимовѣрной! Турки озлоблены тѣмъ, что возстаніе не прекращается, а, напротивъ, заносится изъ области въ область, и не хотятъ или не умѣютъ понять, что оно и не можетъ прекратиться, пока они остаются все тѣми же вѣроломными ненавистниками христіанъ. Неспособные совладать съ христіанами въ честномъ открытомъ бою, они вторгаются въ мирныя христіанскія села, выжигаютъ до тла и жилища, и воздѣланныя христіанскимъ трудомъ поля, продаютъ христіанскихъ дочерей и женъ въ гаремы развратныхъ магометанъ, а стариковъ и дѣтей ввергаютъ въ огонь или распарываютъ имъ животъ. Такъ поступаютъ они теперь въ Болгаріи,

Библиотека "Руниверс"

куда не могла не залетѣть искра отъ возстанія въ Герцеговинѣ и Босніи, и тѣмъ самымъ вынуждаютъ возстать тамъ уже всѣхъ и каждаго. Шайки переселившихся къ туркамъ черкесовъ и не менѣе дикая турецкая вольница, носящая названіе баши-бузуковъ, бросились съ огнемъ и мечомъ по сотнямъ болгарскихъ селъ,—и отъ нихъ остались теперь только груды пепла и обезображенныхъ, безъ погребенія разлагающихся труповъ. До шестидесяти тысячъ мирныхъ жителей въ короткое время преданы самымъ ужаснѣйшимъ видамъ смерти и кровь ихъ понапрасну вопіетъ къ турецкому правосудію, ни мало не смущающемуся заступничествомъ за христіанъ долготерпѣливой Европы. Ужасающій видъ этихъ труповъ и этихъ развалинъ вызываетъ невольное бѣгство въ уцѣлѣвшемъ населеніи, оставшемся, въ полномъ смыслѣ слова, безъ крова и безъ куска хлѣба. Русскіе люди не мало уже послали своимъ бездомнымъ единовѣрцамъ-единоплеменникамъ изъ Герцеговины и Босніи, но да не устаетъ ихъ дающая рука, да распахнется ихъ сердце и для припавшихъ къ нему Болгаръ. Въ былое, далекое время, Болгарія, раньше насъ огласившаяся христіанскою проповѣдью славянскихъ первоучителей, питала насъ хлѣбомъ духовнымъ, доставляя намъ произведенія своей христіанской письменности. Мы едва ли расплатились съ нею за это просвѣтительное вліяніе тѣми приношеніями, какія, со времени постигшаго ее магометанскаго ига, привыкли мы посылать въ ея обѣднѣвшіе храмы, а затѣмъ и въ ея убогія школы. Не должно забывать и о томъ, что и самимъ намъ въ былое время пришлось выносить продолжительное иго невѣрныхъ. Но татары въ XIII, XIV и XV вѣкахъ не доходили до того, до чего въ наше время, на глазахъ у просвѣщенной Европы, доходятъ турки. Западъ въ ту пору не поспѣшилъ на выручку нашей Руси, искупительно для него принявшей на себя одну всѣ удары азіятской орды. О крестовыхъ походахъ не думали болѣе и тогда, когда новые варвары, турки, поработили православныхъ славянъ и, водворившись въ столицѣ царя Константина, замѣнили на храмѣ Святой Софіи нашъ христіанскій крестъ магометанскою луной. Земля русская только что раздѣлывалась въ то время съ татарами. Съ тѣхъ поръ какъ ей удалось, наконецъ, сломить ихъ ярмо, взоры порабощенныхъ турецкихъ славянъ съ упованіемъ устремились къ ней. И, по мѣрѣ того, какъ все крѣпла и крѣпла Россія, она все болѣе и болѣе сознавала за собою обязанность заступаться за христіанъ на востокѣ, никогда не встрѣчая въ этомъ усердной поддержки на Западѣ, который, напротивъ, постоянно подозрѣвалъ тутъ съ ея стороны какія-то своекорыстныя цѣли. За эти-то ложныя подозрѣнія намъ и пришлось, наконецъ, поплатиться мученическимъ вѣнцомъ Севастополя.

Библиотека "Руниверс"

Но въ настоящее время и тѣ, кто особенно усердно защищалъ всегда турокъ какъ невинныхъ, будто-бы, жертвъ нашихъ придирокъ и нашихъ клеветъ, — и сами англичане, наконецъ, повѣствуютъ открыто въ своей свободной печати о неслыханномъ варварствѣ турокъ и невыносимомъ положеніи христіанъ...

Общество для помощи послѣднимъ образовалось въ Англіи съ самаго почти начала возстанія. Но на это нельзя полагаться. Люди, способные щедро жертвовать съ этою цѣлью, все еще составляютъ на Западѣ только исключеніе. Между тѣмъ какъ они въ своей благородной ревности собираютъ свои лепты для христіанъ,—и съ бо̀льшею щедростью и съ бо̀льшей поспѣшностью доставляются съ той же стороны, хотя и негласно, пособія ихъ угнетателямъ.

При видѣ гоненій, разразившихся, наконецъ, и надъ Болгаріей и напомнившихъ времена древнихъ христіанскихъ мучениковъ, и сербскій князь Миланъ и черногорскій князь Николай не были въ состояніи долѣе сдерживать свое сердце и выступили съ войсками на помощь своимъ гонимымъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ. Мы, русскіе, не можемъ не признать предпринятой ими войны законною, не можемъ не молить Бога о дарованіи имъ побѣды. Въ свое время великій князь Московскій Иванъ Васильевичъ III точно также выступилъ противъ державшей насъ въ неволѣ Золотой орды, а архіепископъ ростовскій Вассіанъ прямо внушалъ ему, что клятва вѣрности, когда-то данная ханамъ его предками, не должна его связывать. „Когда клятва, — говорилъ архипастырь,—по нуждѣ бываетъ, то намъ повелѣно разрѣшать отъ нея и прощать, и мы прощаемъ, и разрѣшаемъ, и благословляемъ тебя,—не какъ на царя, но какъ на разбойника, и хищника, и богоборца". Съ тѣми же самыми разрѣшительными словами въ правѣ обратиться и сербскій митрополитъ къ князю своему Милану, до сихъ поръ признававшему верховную власть султана. Въ то время какъ Англія доставляетъ послѣднему и оружіе, и деньги, мы ли не отзовемся сочувственно на освободительную войну нашихъ братьевъ?

Люди русскіе, да не устаетъ ваша помогающая рука! Бѣдный, уже давшій свою трудовую копѣйку, по опыту зная, что̀ значитъ нужда, пусть ее дастъ опять и опять; одна копѣйка не разоритъ, а изъ мірскихъ копѣекъ собираются тысячи, даже десятки и сотни тысячъ рублей. Богачъ, уже давшій и давшій щедро, пускай дастъ еще и еще отъ своего неизсякающаго избытка. Богачъ, еще ничего не давшій, потому что дать много жаль, а дать мало совѣстно, пусть не совѣстится дать хоть бездѣлицу, но пусть только дастъ! Люди темные, не знающіе толкомъ этихъ болгаръ, какъ не знали герцеговин-

Библиотека "Руниверс"

цевъ и босняковъ, но слышавшіе о христіанахъ, томящихся въ Турціи, пусть даютъ Христа ради свою „милостыню спасенную". Люди образованные, но, при всемъ томъ, еще мало знакомые со славянами вообще и турецкими въ частности, пусть поскорѣе пополнятъ въ запасѣ своихъ познаній этотъ позорный пробѣлъ! Пора, наконецъ, не дозволять себя обольщать европейскими баснями о славянахъ, которые, будто-бы, до того отупѣли, что даже немного и чувствуютъ, когда ихъ кидаютъ въ огонь или сажаютъ на колъ! Пора, доучившись, хоть поздно, вразумить и другихъ, что славянское дѣло—святое и разумное дѣло, на которое стоитъ жертвовать. Люди, горячо вѣрующіе въ Бога, пусть даютъ ради Его святыхъ словъ, что всѣ одинаково Его дѣти и между собою братья. Люди, безпрестанно толкующіе о человѣчествѣ, его преуспѣяніи, о благихъ плодахъ образованности, пусть поймутъ, наконецъ, что все это лишь слова, если можно равнодушно сносить то, что дѣлается теперь на Востокѣ. Если Западъ фарисейски суетъ на видъ эти выспреннія слова и, въ тоже время, на дѣлѣ, пропитанный себялюбіемъ, преспокойно ихъ попираетъ ногами, то пусть же ихъ снова подымемъ мы;—младшіе въ европейской семьѣ пусть спасутъ ея образованность отъ позора и поруганія. Люди русскіе, не теряйте времени! Проникнитесь всѣ однимъ чувствомъ, одною мыслію, жертвуйте кто сколько можетъ и хочетъ, только жертвуйте всѣ и каждый.

Приношенія какъ деньгами, такъ и вещами, корпіею и т. п., принимаются каждодневно отъ 11-ти до 5-ти часовъ въ С.-Петербургѣ, у Чернышева моста, въ домѣ, гдѣ 6-я гимназія, въ помѣщеніи Географическаго Общества.

Библиотека "Руниверс"

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II и КН. ПОТЕМКИНЪ

Подлинная переписка.

(Изъ сборника профессора Николаевской Акад. Ген. Штаба П. С. Лебедева).

1788 г. [1]).

Іюня 26-го ч.

Другъ мой любезный. Сего утра я получила чрезъ графа Апраксина твои письма, коими меня увѣдомляешь, что Всевышній даровалъ намъ побѣду, что флотъ капитана-паши гребною флотиліею разбитъ; шесть кораблей линейныхъ сожжены; два посажены на мель, а тридцать судовъ разбитыхъ спаслись подъ своею крѣпостью; что капитанъ-пашинской и вице-адмиральскіе корабли истреблены и болѣе трехъ тысячъ въ плѣнъ намъ попали и что батареи генерала Суворова много вреда сдѣлали непріятелю; сему я весьма обрадовалась, великая милость Божія, что дозволилъ чудесно гребными судами побѣдить военные корабли. Ты получишь рескриптъ, въ которомъ написаны награжденія. Нассау даю три тысячи душъ, Алексіано шестьсотъ и кресты посланы. Тебя, моего друга, благодарю за твои труды и попеченія и да поможетъ тебѣ самъ Богъ; съ нетерпѣніемъ будемъ ждать подробности всего сего и прошу всѣмъ сказать отъ меня величайшее спасибо.

Отселѣ получишь незабавныя вѣсти: шведы атаковали Нейшлотъ,— въ которомъ двѣ роты егерей,—и война не объявлена. Cela s'appelle agir en forban [2]). Мы со всѣхъ сторонъ войска собираемъ; на другой день праздниковъ поѣду въ городъ и тамо буду жить, чтобъ людей обод-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 33—58; 239—262; 441—478.

[2]) Это называется дѣйствовать по-разбойничьи.

Библиотека "Руниверс"

рить, хотя и духъ не упалъ, однако всѣ войска идутъ. Rira bien qui rira le dernier; la justice, la raison et la verité sont de notre coté [1]).

Сейчасъ подписала къ Грейгу приказаніе шведской флотъ искать и стараться его атаковать и разбить, естьли Богъ поможетъ. Я-бъ желала, другъ мой, чтобъ тебѣ дать могла отселѣ скорѣе добрыя вѣсти, я знаю, что ты ими бы былъ обрадованъ, какъ сама я. А съ вашей побѣдою васъ отъ всего сердца поздравляю. Даруй тебѣ Боже Очаковъ взять безъ потери всякой и будь здоровъ. Отселѣ теперь и думать нельзя, чтобъ единаго матроса тронуть; нельзя-ли тебѣ плѣнныхъ грековъ употребить, а, какъ здѣсь пооглядимся, тогда, что̀ можно будетъ, то пришлемъ, но на сей сторонѣ все въ дѣло употреблено. Прощай, мой другъ; Богъ да поможетъ намъ.

С.-Петербургъ.—Іюля 3-го ч.

Другъ мой сердечной и любезной, князь Григорій Александровичъ. Во ожиданіи твоего курьера съ подробнымъ извѣстіемъ объ одержанной побѣдѣ на лиманѣ Очаковскомъ 17-го (7-го) іюня, я къ тебѣ отправляю сего курьера, чтобъ тебя увѣдомить о здѣшнихъ непріятныхъ происшествіяхъ; по двухдневной стрѣльбѣ на Нейшлотъ, шведы пошли грабить Нейшлотскій уѣздъ; я у тебя спрашиваю, что тутъ грабить можно? Потомъ шведской секретарь требовалъ у вице-канцлера часъ и, пришедъ къ нему, подалъ ноту, подписанную имъ по королевскому повелѣнію, въ которой, по многимъ оскорбительнымъ мнѣ самой и государству рѣчамъ, его величество предлагаетъ мнѣ мирныя кондиціи; копія сей сумашедшей ноты къ тебѣ послана будетъ съ симъ же курьеромъ; въ отвѣтъ я приказала выслать подателя оной. Сказываютъ, шведы и финны равно недовольны королевскимъ поведеніемъ противу насъ: онъ сказывалъ и увѣрялъ всѣхъ, что идетъ дѣйствовать оборонительно, а вмѣсто того началъ наступательно; сегодня пришла вѣсть, что онъ отъ Аберфорса вошелъ въ Финляндію 15 верстъ (и) идетъ къ Фридрихсгаму.

Полки наши, сколько можно было, пошли; Пушкинъ поѣхалъ, а Михельсонъ давно тамъ и взялъ позицію отъ Вильманстранда къ Выборгу. Фридрихсгамъ можетъ держаться нѣсколько недѣль, какъ сказываютъ. Грейгъ съ флотомъ, чаю, сегодня или завтра, съѣдется; дай Боже удачу, о семъ прошу Всесильнаго Бога, которой ни въ какомъ случаѣ меня и государство не оставлялъ.

Король шведскій себѣ сковалъ латы, кирасу, брассары [2]) и квис-

---

[1]) Хорошо смѣется тотъ, кто смѣется послѣднимъ; правда, вѣрность и истина на сторонѣ нашей.

[2]) Наручники.

Библиотека "Руниверс"

сары[1]) и шишакъ съ преужасными перьями. Выѣхавши изъ Стокгольма, говорилъ дамамъ, что онъ надѣется имъ дать завтракъ въ Петергофѣ, а садясь на галеры, сказалъ, qu'il s'embarque dans un pas scabreux[2]). Своимъ войскамъ въ Финляндіи и шведамъ велѣлъ сказать, что онъ намѣренъ превосходить дѣлами и помрачить Густава Адольфа и окончить предпріятія Карла XII. Послѣднее сбыться можетъ, понеже сей началъ разореніе Швеціи; также увѣрялъ онъ шведовъ, что онъ меня принудитъ сложить корону.

Сего вѣроломнаго государя поступки похожи на сумасшествіе; съ симъ курьеромъ получишь манифестъ мой объявленія войны; оскорбленія наши многочисленны; мы отроду не слыхали жалобы отъ него, и теперь не вѣдаю за что разозлился; теперь Богъ будетъ между нами судьею; буде намъ Богъ поможетъ, то его намѣреніе есть уѣхать въ Римъ, принять римской законъ и жить, какъ жила королева Христина.

Здѣсь жары преужасные и духота, я переѣхала жить въ городъ; у насъ въ народѣ великая злоба противу шведскаго короля сдѣлалась и нѣтъ рода брани, которою его не бранили большіе и малые; солдаты идутъ съ жадностью, говорятъ: вѣроломца за усы приведемъ; другіе говорятъ, что войну окончатъ въ три недѣли, просятъ идти безъ отдыха, чтобъ скорѣе дойти до шведовъ; однимъ словомъ, диспозиція духа—у насъ и въ его войскѣ—въ мою пользу. Трудно сіе время для меня, это правда, но что дѣлать—надѣюсь въ короткое время получить великое умноженіе, понеже отовсюду ведутъ людей и вещей. Прощай, мой любезной, что́ дѣлаетъ Очаковская осада? Будь здоровъ и благополученъ.

При семъ слѣдуетъ манифестъ и копія съ сумасшедшей ноты[3]).

Іюля 10-го ч.

Другъ мой любезный, князь Григорій Александровичъ. Думали мы въ началѣ весны вѣсти получать отъ васъ; потомъ платили мы вамъ отселѣ, за ваши хорошія вѣсти,—дурными; но сего дня получите добрую новизну. Вчерашній день Грейгъ прислалъ ко мнѣ своего адъютанта съ извѣстіемъ, что онъ, 6-го іюля, имѣлъ сраженіе съ шведскимъ флотомъ, которое продолжалось отъ 5-ти часовъ вечера до 11-ти часовъ; развела ихъ ночь. Вице-адмиральской корабль и на немъ вице-адмиралъ шведской взятъ „Ростиславомъ" и шведской флотъ побѣжалъ отъ нашихъ къ Свеаборгу въ ночную темноту; нашъ флотъ потерялъ корабль „Владиславъ", которой попался между четырехъ непріятель-

---

[1]) Наножники—вѣрнѣе, наляжники.

[2]) Дѣлаетъ сомнительный шагъ, т. е. начинаетъ сомнительное предпріятіе.

[3]) Ни того, ни другой въ дѣлахъ нѣтъ. Л.

Библиотека "Руниверс"

скихъ, и, по сильной оборонѣ, ими взятъ. Сіе дѣло, хотя по себѣ не рѣшительно, но слѣдствія для шведовъ можетъ имѣть худыя, буде Богъ намъ поможетъ; слухъ уже есть, будто за Кюмень убираются, но еще не вѣрно.

Три баталіона пѣхотной гвардіи и три эскадрона конной пошли сію ночь за рѣку къ Красной мызѣ и тутъ станутъ въ лагерѣ, подъ командою преміеръ-маіора Татищева; люди всѣ идутъ съ радостію, и король шведской и шведы столь ненавидимы, какъ безсовѣстное его коварство и вѣроломство того достойно. Представь себѣ, что онъ, чтобъ обмануть свой сенатъ, составилъ письма отъ Нолькена и отъ меня, кои Нолькенъ не писалъ, а я еще меньше, и нѣтъ лжи, которую онъ бы обо мнѣ не разсѣевалъ; да сверхъ того онъ самъ себѣ противорѣчитъ во многомъ; при прошедшемъ сеймѣ онъ говорилъ, что дивится упорности сейма, тогда когда тотъ сеймъ никакой державою не подкрѣпляемъ, и во истину я, со времени его самовластія, не истратила тамо ни единой копѣйки. Подобному вѣроломству и въ исторіи примѣру мало.

Я отъ великихъ жаровъ не очень здорова. Прощай, мой другъ, Богъ съ тобою.

Кондиціи [1]) хороши, кои сюда прислалъ, я подозрѣваю не съ ума ли сошелъ.

С.-Петербургъ.—Іюля 13-го ч.

Другъ мой любезный, князь Григорій Александровичъ. Письма твои отъ 1-го іюля и отъ 6-го того же мѣсяца я вчерась и третьяго дня получила чрезъ подполковниковъ Боровскаго и Глазова, коихъ обоихъ я пожаловала въ полковники.

Іюля 14-го ч.

Четыре сраженія на лиманѣ—мы пѣли два молебна и Бога благодарили за великое его милосердіе. Заботитъ теперь меня Войновичъ; дай Боже, чтобъ онъ дѣло свое успѣшно исправлялъ. Здѣсь безпокойствія, кажется, будто видъ къ лучшему получили; морская баталія совершенно выиграна, шведской вице-адмиралъ съ кораблемъ своимъ, закрывая брата королевскаго, взятъ въ плѣнъ; я надѣюсь, что шведскія дурачества хвалы не найдутъ нигдѣ. Наши начали щелкать посты шведскіе, и три уже опрокинуты, и пушку у нихъ отняли и человѣкъ сто шведовъ на мѣстѣ осталось. Сказываютъ, будто финское войско не идетъ впередъ, и много еще говорятъ, но время окажетъ—правду-ли. Нессельродъ поѣдетъ скоро въ Берлинъ. Двоякости фельдмаршала Румянцова непростительны; при первомъ удобномъ случаѣ посо-

[1]) Шведскаго короля—условія о мирѣ.

Библиотека "Руниверс"

вѣтую ему сидѣть дома. Произвожденіе по твоимъ запискамъ я сегодня сдѣлала. И число ротъ, и людей въ оныхъ уставлено по твоему проекту. О флотѣ и донынѣ говоримъ, что пойдетъ въ Архипелагъ. Пошли самъ отъ себя въ Химару, а послу говорено будетъ по твоему желанію о прокормленіи и о прочемъ. Касательно гребной флотиліи я произвожденія и награжденія сдѣлала по твоему представленію, а теперь думаю къ Нассау послать шпагу съ надписью богатую, а прочія шпаги и медали съ надписями дѣлаютъ. Къ тебѣ же, моему другу, какъ строителю флота, приказала, сдѣлавъ, послать большое золотое блюдо съ надписью, и на немъ шпагу богатую съ лаврами и надписью: „Главнокомандующему Екатеринославскою сухопутной и морской побѣдоносной силою". Теперь прошу тебя унимать свой храброй духъ и впредь не стать на батарею, гдѣ тебя и всѣхъ съ тобою находящихся могли убить одной картечью. Къ чему бы это, развѣ еще у меня хлопотъ мало: уморя себя, уморишь и меня.—Сдѣлай милость, впредь удержись отъ подобной потѣхи. Каменской еще не пріѣхалъ. Дай Боже тебѣ успѣхъ на Очаковъ и чтобъ ты какъ возможно менѣе потерялъ людей. Что ты ослабѣлъ—о томъ отъ сердца жалѣю.

Прощай, мой другъ, Бога прошу, чтобъ подкрѣпилъ твои силы душевныя и тѣлесныя и далъ бы тебѣ побѣду и преодолѣніе на сухомъ пути и на морѣ. При семъ посылаю къ тебѣ, что́ взято на шведскомъ кораблѣ и съ шведскимъ вице-адмираломъ гр. Вахтмейстеромъ; онъ самъ говоритъ, что еще три корабля спускали флагъ, но нашимъ за дымомъ не видно было; еслибъ вице-адмиралъ не закрылъ брата королевскаго, то сей бы взятъ былъ.

О сдѣланьи изъ карабинернаго драгунскаго полка или какъ лучше придумаешь,—къ тебѣ особо писано будетъ.

Іюля 17-го ч.

Вчерашній вечеръ, другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ, пріѣхалъ Каменской съ флагами и знаменами и привезъ твои письма. Трофеи сегодня церемоніею пошли въ соборъ Петропавловской, и хотя у насъ духъ отнюдь неунылъ, однако сіе послужитъ къ народному ободренію. Желѣзо, которое требуешь въ Херсонъ, къ тебѣ доставлено будетъ. Оберъ-кригсъ-коммисару Львову и генералъ-адъютанту Рокасовскому владимірскіе кресты даны будутъ. Касательно Рандова, хотя онъ и сущій разбойникъ и пойманъ былъ въ зажиганіи города Лондона и ты ему ввѣрять ничего не можешь, однако отпустить его къ тебѣ велю; я изъ смирительнаго дома Арнаутскаго маіора нынѣ послала противу шведа. Дай Боже, чтобъ ты взялъ Очаковъ безо всякой потери людей, мнѣ сіе стращаетъ, а наши сѣверныя дѣла теперь взяли оборотъ нѣсколько поуспокоительнѣе, ибо король шведской,

Библиотека "Руниверс"

кромѣ дурачествъ, мало что дѣлаетъ. Повсюду и даже англійской штатской [1]) министръ признаетъ, что королевское поведеніе есть le comble de l'extravagance [2]). Его взятой вице-адмиралъ (Вахтмейстеръ) величайшій вертопрахъ, а онъ у него изъ лучшихъ людей. Король, высадя войска въ Финляндіи, потерялъ лучшее время, да и донынѣ ничего не дѣлаютъ, и гдѣ съ нашими сходятся, тутъ вездѣ бѣгаютъ шведы. Нейшлотъ иногда атакованъ, а иногда нѣтъ. Предъ Фридрихсгамъ привели двѣ пушки: одну 18-ти и одну 24-ти ф. и изъ нихъ издалека стрѣляли нѣсколько разъ и паки перестали. У насъ теперь въ Финляндіи 20 баталіоновъ пѣхоты, казаковъ 800, два полка кирасиръ; я думаю, что съ рода въ Финляндіи столько не было. Усердіе и охота народная противу сего новаго непріятеля велика; не могутъ дождаться драки. Рекрутъ ведутъ и посылаютъ отовсюду; мое одно село, Рыбачья слобода, прислало добровольныхъ охотниковъ 65, а всего ихъ 1,300 душъ. Царское Село возитъ подвижной магазейнъ. Сія народная диспозиція кажется такова, какъ желать можно: войски роздыха не хотѣли. Тобольскому полку мужики давали по семи сотъ лошадей на станціи. Здѣшній городъ далъ 700 не очень хорошихъ рекрутъ добровольною подпискою; какъ услышали сіе на Москвѣ, то пошли подписки и Петръ Борисовичъ (гр. Шереметевъ? † 30-го ноября 1788 г.) первый подписалъ 500 человѣкъ. Островъ Эзель прислалъ—ты скажешь: куда конь съ копытомъ, туда ракъ съ клешней, — дворянство и жители, что сами вооружатся противу шведовъ, въ оборонѣ и недопущеніи врага общаго, а просятъ только двѣсти ружей и нѣсколько пороха. Двадцать каноньеры (канонерскія лодки) Архаровъ строитъ и онѣ въ августѣ готовы будутъ; однимъ словомъ, кажется паче послѣ морской баталіи, что аспекты наши гораздо обратились къ лучшему, и надѣюсь, что скажешь, что я довольно проворно поворотилась. Есть еще маленькая штучка, которую изготовляю на сѣверѣ королю шведскому, о которой еще говорить не смѣю, но, быть можетъ, что она дѣйствительнѣе будетъ многаго иного.

Здѣсь жары такъ велики были, что на термометрѣ на солнцѣ было 39½,—въ Португаліи болѣе 44-хъ не помнятъ; въ сей духотѣ, въ городѣ сидя, я терпѣла духоту еще по шведскимъ дѣламъ. Petersbourg a l'air dans cé moment d'une place d'armes et moi meme je suis comme au quartier general [3]); въ день баталіи морской 6-го іюля духъ пороха здѣсь въ городѣ слышенъ былъ, ainsi mon Ami j'ai senti

[1]) Государственный.

[2]) Верхъ безразсудства.

[3]) Петербургъ въ эту минуту имѣетъ видъ укрѣпленнаго города и я какъ въ главной квартирѣ.

Библиотека "Руниверс"

la poudre [1]). Вахтмейстеръ, шведской плѣненной вице-адмиралъ, сказывалъ нашимъ, что они флотъ нашъ пренебрегали и, побивъ его, хотѣли идти прямо на Кронштадтъ, оный сжечь и, между тѣмъ, армейской ихъ флотъ долженъ былъ идти къ Красной горкѣ и сюда къ Галерной гавани, но сіе несообразимо, ибо сей армейской флотъ у Гельзингера войска высадилъ шведскіе, а на финновъ они не очень надежны. Нѣсколько пикетовъ шведскихъ Михельсонъ пощелкалъ и они бѣгутъ верстъ по десяти неостанавливаясь.

Радуюсь, что Войновичъ со флотомъ севастопольскимъ здоровъ; я думаю, что капитанъ-паша боялся, чтобъ не сдѣлали вы какое предпріятіе позади его и для того поѣхалъ назадъ. Adieu mon cher Ami, portés vous bien [2]); будь здоровъ, счастливъ и благополученъ; я теперь маленько поотдохнула, понеже кажется, что дѣла здѣшнія берутъ оборотъ къ лучшему, а съ вашей стороны мы весьма спокойны. Спѣшу къ тебѣ сіе письмо отправить, понеже вижу изъ твоихъ писемъ, что безпокоишься тогда, какъ мы уже поспокойнѣе.

Іюля 19-го ч.

Слушай, мой другъ, князь Григорій Александровичъ, у меня къ августу поспѣютъ канонъеры, авось-либо Богъ дастъ, что на нихъ и на галеры посадить, то есть, военныхъ людей поболѣе; всего бы нужнѣе былъ кто ни (на) есть притравленной; у васъ егорьевскихъ кавалеровъ безъ счета, нельзя-ли вамъ кого ни (на) есть къ намъ удѣлить, кто бы завелъ духъ въ нихъ. Въ послѣднемъ морскомъ сраженіи съ шведами, капитаны четыре заслужили висѣлицу, хотя прочіе и храбро поступали; первыхъ теперь судятъ, но на галеры выбрать не-изъ кого, развѣ съ неба кто ко времени упадетъ.

Къ намъ грянулъ, какъ снѣгъ на голову, гр. А. Гр. Орловъ; Богъ вѣсть ради чего трудился, но признаться должно, что отъ него духота неумалилась, онъ же какъ козьи рога [3]). Сегодня вѣтеръ съ сѣвера и такъ думаю, что Грейгъ пошелъ паки искать шведовъ. Дай Боже, чтобъ онъ ихъ крѣпко побилъ. Изъ Финляндіи сегоднишнія вѣсти гласятъ, что Нейшлотъ не шведовъ боится, но шведы Нейшлота, и что шведы дѣлаютъ повсюду несообразимое, и наши думаютъ, что сей новой непріятель едва-ли искусенъ.

Сюда пріѣхалъ посланникъ испанской Галвеси, которой былъ въ

---

[1]) Такимъ образомъ, мой другъ, я нюхала порохъ.

[2]) Прощай, мой дорогой другъ, будь здоровъ.

[3]) О его пребываніи въ это время въ Петербургѣ и объ отношеніяхъ къ нему двора см. въ Запискахъ Гарновскаго «Русская Старина,» 1876 г., томъ XVI, стр. 28, 30.

Библиотека "Руниверс"

Берлинѣ; онъ старичекъ добренькой; онъ сказывалъ, между прочимъ, что при отъѣздѣ его оттудова, тамо говорили публично, что онъ увидитъ здѣсь въ близости сумашедшія предпріятія короля шведскаго.

Іюля 28-го ч.

Твое письмо отъ 18-го іюля, другъ мой, князь Григорій Александровичъ, я получила черезъ флагъ-капитана Сенявина, котораго, буде разсудишь, что его производить должно другимъ необидно, то объяви ему чинъ моимъ имянемъ; а какъ ты о немъ не упоминаешь, то я его и не произвела, оставляя сіе на твое благоусмотрѣніе.

Дѣйствіе флота севастопольскаго меня много обрадовало: почти невѣроятно, съ какою малою силою Богъ помогаетъ бить сильныя турецкія вооруженія!

Скажи, чѣмъ мнѣ обрадовать Войновича? кресты третьяго класса къ тебѣ посланы, не удѣлишь-ли ему одинъ, либо шпагу? Помоги тебѣ самъ Творецъ во взятіи Очакова; паче всего старайся сберечь людей, лучше имѣть терпѣнья поболѣе.

Касательно нашихъ хлопотъ со шведами я тебѣ скажу, что 22-го числа они приходили на Фридрихсгамъ съ нарочитою силою и окружили его отъ моря и сухаго пути и упражнялись въ дѣланьѣ батарей до 24-го, а того числа ночью кинулись поспѣшно паки въ суда и съ противнымъ вѣтромъ пошли въ море, а на сухомъ пути побѣжали къ Аберфорсу и были таковы. Наши не знали чему приписать таковой побѣгъ, но фридрихсгамской исправникъ, вышедъ изъ шведскаго плѣна, да еще ленсманъ одинъ, рѣшили задачу, какъ изъ приложенной копіи съ рапорта выборгскаго губернатора усмотришь [1]); тутъ видна рука Божія, наказующая вѣроломство. Гусарской полкъ вербуется, но казацкихъ старшинъ, тобою обѣщанныхъ, донынѣ еще здѣсь нѣтъ; прошу прислать, для формированія изъ ямщиковъ казаковъ. Грейгъ паки поѣхалъ искать шведовъ, и, кажется, дѣла наши пошли нарочито. Король прусской объявилъ, что въ дурацкихъ поступкахъ шведа участія брать не будетъ; Датчане готовятся къ войнѣ. Трехъ-дечные корабли съ архангельской эскадрою возвратятся. Нессельродъ немедленно поѣдетъ.

Къ фельдмаршалу Румянцову я писать велѣла, что онъ ничего не дѣлаетъ. Я конечно надѣюсь, что Богъ намъ поможетъ, и теперь гораздо спокойнѣе уже. Теперь, мой другъ, ты просилъ меня о увѣдомленіи почаще; суди теперь самъ какова я была, не имѣя отъ тебя недѣли по три увѣдомленія, однако я къ тебѣ пишу и писала почти всякую недѣлю. Богъ съ тобою, будь здоровъ, и благополученъ, и счастливъ, и веселъ, и доволенъ, и спокоенъ. Adieu mon Ami.

---

[1]) Копіи этой въ нашемъ сборникѣ не имѣется. Ред.

Библиотека "Руниверс"

Іюля 31-го ч.

Другъ мой любезный, князь Григорій Александровичъ. Зная, что тебѣ нужны офицеры морскіе, отправляю къ тебѣ обратно Сенявина, о которомъ я къ тебѣ писала въ предыдущемъ письмѣ.

Дурости короля шведскаго неописанны, лжи и клеветы его безконечны; нынѣ пришла вѣсть изъ Даніи, что онъ прислалъ сказать въ Швецію, будто онъ у насъ взялъ Нейшлотъ, что́ сущая ложь; онъ дважды приходилъ къ Фридрихсгаму и столько же разъ паки отъ него отошелъ, а послѣ послѣдняго раза Армфелдъ, его любимецъ, прислалъ письмо съ трубачомъ къ князю Лобанову, чтобъ установить картель для размѣна плѣнныхъ, въ коемъ даетъ выразумѣть, что чрезъ сіе они хотятъ открыть договоры о мирѣ, а на другой день тотъ же Армфелдъ писалъ, но безъ подписи, письмо къ генералъ-поручику Гицелю, гдѣ уже о мирѣ говоритъ яснѣе; изъ чего заключаю, что если чрезъ мѣсяцъ послѣ поданной ноты шведскимъ секретаремъ, въ которой гордыя и полубѣшеныя кондиціи вписаны были, на коихъ требовали да или нѣтъ, нынѣ начали брать иной тонъ, то знатно, что имъ или худо отъ голода или бунта, или приходятъ къ нимъ вѣсти отовсюду непріятныя, либо хотятъ удержать тѣми переговорами или слухомъ объ оныхъ Датчанъ, чтобъ не рѣшились въ нашу пользу; и какъ всѣ предпріятія его величества шведскаго основаны, повидимому, на лжи, клеветѣ и каверзахъ, то я рѣшилась не спѣшить отвѣтомъ, чтобъ яснѣе видѣть, что̀ откроется по обстоятельствамъ. Всѣ же переговоры твердые съ вѣроломцемъ постановить трудно, а когда Финляндія откажется отъ его подданства, да шведы соберутъ сеймъ, тогда можно будетъ фуфлыгѣ-богатырю подстричь крылья, чтобъ впредь леталъ пониже.

Я, мой другъ, здорова и желаю тоже и отъ тебя услышать; прощай, дай Боже тебѣ всякое, всякое, всякое благополучіе и счастье.

Слухъ носится, будто Грейгъ еще шведской корабль 64-хъ пушечный сжегъ и 600 плѣнныхъ взялъ, но отъ него еще не имѣю о семъ вѣсти, а только вѣдаю, что онъ 29-го іюля былъ въ виду Ревеля [1]).

По написаніи сего, присланъ ко мнѣ отъ финскихъ войскъ депутатъ маіоръ Егергортъ съ меморіаломъ на шведскомъ языкѣ, что они участія не имѣютъ въ неправильно начатой королемъ войнѣ противу народнаго права и ихъ законовъ, и много еще отъ нихъ сло-

---

[1]) Часто упоминаемый здѣсь адмиралъ Грейгъ — Самуилъ Карловичъ — род. 1736, † 15 окт. 1788 г., оплаканный Екатериной II, которая цѣнила его мужество и дарованія. См. «Дневникъ Храповицкаго», изд. 1874 г., стр. 175 и проч. **Ред.**

Библиотека "Руниверс"

весныхъ предложеній. Мой отвѣтъ будетъ, по моимъ мыслямъ, въ такой силѣ, что естьли они изберутъ способы тѣ, кои ихъ могутъ сдѣлать отъ шведовъ свободными, тогда обязуюсь ихъ оставить въ совершенномъ покоѣ, а перевѣдаюсь со шведами. Что далѣе будетъ— къ тебѣ напишу. Датчане 15-го іюля признали казусъ федерисъ и немедленно хотѣли начать дѣйствіе водою и сухимъ путемъ. Грейгъ заподлинно сжегъ корабль 64-хъ пушечной. Шведской флотъ отъ него между каменьями прячется; плѣнные сказываютъ, что въ Свеаборгѣ лишь на недѣлю провіанта, а подвозимой — Грейгъ старается перенять и одно судно уже взялъ.

Кн. Потемкинъ—Императрицѣ.

Августа 6-го ч.

...27-го дня (іюля) показался непріятель къ лѣвому флангу арміи въ 50-ти конныхъ, кои открывали путь предъ своею пѣхотою, пробиравшеюся лощинами. Турки атаковали содержащихъ тамъ пикетъ Бугскихъ казаковъ; генералъ-аншефъ Суворовъ, на лѣвомъ флангѣ командовавшій, подкрѣпилъ оныхъ двумя баталіонами гренадеръ. Тутъ произошло весьма кровопролитное сраженіе. Число турковъ умножилось до трехъ тысячъ. Неудобность мѣстъ, наполненныхъ рвами, способствовала непріятелю держаться, но при ударѣ въ штыки былъ оный совершенно опрокинутъ и прогнанъ въ ретраншаменты. Въ семъ сраженіи гренадеры поступали съ жаромъ и неустрашимостью, которымъ рѣдко найти можно примѣръ. Но при истребленіи превосходнаго числа непріятелей, отчаянно дравшихся, состоитъ и нашъ уронъ въ убитыхъ трехъ подпорутчикахъ: Глушковѣ, Толоконниковѣ, Ловейнѣ, въ прапорщикѣ Какуринѣ, въ 138-ми гренадерахъ и 12-ти казакахъ. Ранены генералъ-аншефъ Суворовъ легко въ шею, секундъ-маіоръ Минѣевъ, 3 капитана, 2 подпорутчика, гренадеръ 200, казаковъ 4.

Императрица—кн. Потемкину.

Августа 14-го ч.

Послушай, мой другъ сердечный, князь Григорій Александровичъ, не безпокоитъ меня нынѣ шведская война, ибо финскія войска бунтуютъ и не хотятъ идти на насъ наступательно; да, кажется, что и шведы также не точную охоту оказываютъ исполнять произвольныя хотѣнія фуфлыги-богатыря; но безпокоитъ меня твоя ногтоѣда, о которой ты меня извѣщаешь своимъ письмомъ отъ 6-го августа, послѣ

Библиотека "Руниверс"

трехнедѣльнаго молчанія; мнѣ кажется, что ты раненъ, а оное скрываешь отъ меня. Синельниковъ, конечно, былъ близокъ возлѣ тебя, когда онъ рану получилъ. Не тѣмъ ли ядромъ и тебя зацѣпило за пальцы? Я же вижу, что ваше теперешнее состояніе подъ Очаковомъ весьма заботливо и труднѣе нежели себѣ представляли, и такъ всѣ безпокойства ваши мнѣ теперь чувствительнѣе, нежели дурацкая шведская война, въ которой смѣха достойныя нынѣ происхожденія, и, по видимому, кончится собраніемъ сейма въ Финляндіи и Швеціи, и тогда станемъ со штатами трактовать о мирѣ, и естьли сіе скоро сдѣлается, какъ почти нѣтъ сомнѣнія, тогда станемъ флотъ наряжать въ Средиземное море, можетъ быть, еще сей осенью; дай Боже только, чтобъ ты нынѣ, какъ и прежде, управляться могъ съ капитанъ-пашинскимъ, паки пришедшимъ флотомъ; но, ради самого Бога, тебя прошу: при экинокціи прикажи нашимъ кораблямъ войти въ портъ, пусть буря бьетъ турокъ, наши были бы цѣлы. Весьма жаль, что Александръ Васильевичъ Суворовъ столько потерялъ людей и что самъ раненъ.

Пожалуй повадься писать чаще, а то до мира не доживу: я нынѣ два дни лежала въ постелѣ d'une colique bileuse [1]), и съ довольнымъ жаромъ; сегодня первой день какъ встала. Отпиши ко мнѣ, что и чѣмъ мнѣ наградить жену и дѣтей Синельникова.

Прощай, другъ мой любезной, будь здоровъ и счастливъ, колико только возможно.

Августа 29-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ.

При отправленіи къ тебѣ двадцать одной шпаги, хотя отъ васъ двѣ недѣли ни строки не имѣю, но пишу къ вамъ, чтобъ вамъ сказать вѣсти дурацкой нашей войны съ фуфлыгою-богатыремъ. Изъ Гогфорскаго своего лагеря, въ 25-ти верстахъ отъ Фридрихсгама, заведши туда войска на высокую гору между двухъ устій рѣки Кюмени, оставилъ команду брату своему, принцу Карлу, самъ ускакалъ въ Луизу [2]), оттудова, иные говорятъ—въ Або, другіе—въ Вазу, а третьи—въ Стокгольмъ, хотя туда и не очень свободно ѣхать, понеже наши суда разъѣзжаютъ у Гангуда; а я думаю, что онъ гдѣ нибудь сидитъ въ Финляндіи еще, ибо онъ распустилъ слухъ, что Грейгъ дозволилъ двумъ яхтамъ проѣхать въ Стокгольмъ, что сущая есть ложь. Финны же, приглася шведскія войска и самого принца Карла, прислали просить амнистіи; на сіе имъ сказано, чтобъ вышли изъ нашихъ границъ напередъ, прежде нежели отъ нихъ

[1]) Отъ желчной колики.

[2]) Левизу.

Библиотека "Руниверс"

принять можно предложеніе; между тѣмъ шведской флотъ запертъ въ Свеаборгѣ, откуда носа показать не смѣетъ. Датчане объявили 9-го августа шведамъ войну, и дѣйствовать намѣрены съ сухаго пути сорока тысячами, а въ морѣ—двѣнадцатью линейными кораблями, а фуфлыга все завезъ въ Финляндію, а въ Сканіи все безъ войскъ, внутри же Швеціи роптаніе часъ отъ часу умножается; что̀ съ Разумовскимъ случилось, усмотришь изъ посланныхъ къ тебѣ бумагъ.

Прощай, Богъ съ тобою, будь здоровъ и пиши, ради Бога, почаще, что у васъ дѣлается на морѣ и на сухомъ пути.

Финны и шведы требуютъ сейма, однако фуфлыга кутитъ между ними, и на нихъ не много положиться должно; Нейшлотъ освобожденъ и вся наша граница, исключая Гогфорса. Съ завтрешнимъ праздникомъ тебя поздравляю.

Грейгъ судно за судномъ беретъ съ запасами для шведскаго флота, они же въ запасахъ скудны.

Августа 31-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ. Письмо твое отъ 22-го августа я сегодня получила; жалѣю весьма, что ты столь много обезпокоенъ Очаковской осадою; терпѣніемъ все преодолѣвается; лучше тише, но здорово, нежели скоро, но подвергаться опасности либо потерѣ многолюдной; какова крѣпка земля тамо, изъ того заключить уже можно, что волами пашутъ. Я нимало не сомнѣваюсь, что ты ничего не пропускаешь, что дѣлать возможное. Жаль и послѣдняго человѣка, которой теряется и при удачномъ отраженіи вылазки, но что дѣлать, естьли инако нельзя; непріятные два случая, кои случились съ бомбардою, взорванною отъ собственнаго огня во время дѣйствія; второй, сгорѣніе магазейна снарядовъ для флотиліи въ Кинбурнѣ, я усмотрѣла съ ужасомъ, и какой вредъ вящій еще случиться могъ естьли-бъ не десница Божія сохранила бочки съ порохомъ, числомъ до тысячи штукъ, кои остались цѣлы! Я изъ Риги имѣла извѣстія въ іюлѣ, что пушки изъ Англіи, выключая малое число для Днѣпровскаго флота, всѣ изъ Риги везутъ чрезъ Витебскъ къ вамъ, и шведамъ не попалось изъ сихъ транспортовъ ничего.

Шведской флотъ блокированъ въ Свеаборгѣ донынѣ; армейской ихъ флотъ одна наша эскадра, также у Гангуда, стоя въ шкерахъ, держитъ, и шведы, кромѣ Гогфорскаго поста, теперь изъ всей Финляндіи вышли. Король же самъ сидитъ, либо въ Гельзинфорсѣ, либо гдѣ нивѣсть въ углу въ Финляндіи, и кутитъ между своими, кои его хотя и не слушаютъ въ томъ, чтобъ наступательно дѣйствовать противу насъ, но онъ имъ внушаетъ разныя прихоти и нелѣпости; я имъ велѣла сказать, что ничего слушать не могу, пока не выйдутъ сами,

Библиотека "Руниверс"

либо не выгнаны будутъ изъ Гогфорса; ваши мысли ко времени и кстати употреблю.

Что непріятель тянется, по словамъ гр. Румянцова, къ тебѣ, сіе мнѣ весьма не мило слышать: онъ бы могъ въ томъ ему сдѣлать препятствіе; что цесарцы разбиты, о семъ и мы слышали.

Старшины казацкіе для набору казаковъ еще не бывали; здѣшніе неохотно, казалось, хотѣли приняться за наборъ казаковъ; говорили, что они, казаки, вездѣ готовы служить и что въ томъ нужды нѣтъ, понеже ихъ повсюду станетъ. Я думаю, что думаютъ, когда здѣсь будутъ казаки, тогда Донскихъ менѣе уважать будемъ; видя сіе я остановила сіе дѣло, пока пришлешь старшинъ; а теперь формировать я велѣла гусарской полкъ да Эстляндской егерской корпусъ, понеже Лифляндской—въ арміи, а намъ люди нужны, и они замѣнятъ полки, кои безъ того сюда бы повернуть надлежало; я нынѣ, какъ видишь, бойкой воинъ стала, ты надо мною смѣйся, буде хочешь, однако что́ добро—прошу одобрить, parcequ'il faut encourager le merite naissant [1]).

Прощай, мой другъ любезной, будь здоровъ, благополученъ и счастливъ.

Отпиши, каковъ Кутузовъ и какъ онъ раненъ? и отъ меня прикажи навѣдываться.

Другъ мой любезный, князь Григорій Александровичъ. При семъ къ тебѣ посылаю письмо, полученное мною отъ императора вчерашній день, понеже любопытно. [2]). Прощай, Богъ съ тобою, будь здоровъ и благополученъ.

Сентября 18-го ч.

Любезный другъ мой, князь Григорій Александровичъ. Чтобы отвѣтствовать на ваши письма отъ 1-го сентября доброю отселѣ вѣстью, я, со дня на день, ожидала изъ Финляндіи увѣдомленія, что шведы Гогфорсъ оставили, что наконецъ и сбылось, и теперь уже въ нашей Финляндіи ни единова шведа нѣтъ, а флотъ ихъ блокированъ нашимъ въ Свеаборгѣ. Великій князь сегодня оттуда возвратился; гвардія также уже назадъ идетъ и два кирасирскіе полка; шведы и финны у короля требовали сейма, сенатъ также; но онъ имъ всѣмъ отказалъ, уѣхалъ въ Далекарлію, чтобы тамо мужиковъ взбунтовать и вести ихъ въ Стокгольмъ, взять банкъ и объявить себя самодержавнымъ, но и въ томъ едвали успѣетъ, ибо слышно, что и тѣ ему объявили,

---

[1]) Потому что надобно ободрять рождающіяся достоинства.

[2]) Письма нѣтъ въ сборникѣ.

Библиотека "Руниверс"

что они ни противъ своихъ, ни чужихъ державъ драться не хотятъ; теперь, чаю, скоро сеймъ шведской и финской самъ собою соберется, и когда о семъ намъ объявятъ и готовность къ миру, тогда станемъ трактовать; между тѣмъ король шведской писалъ ко всѣмъ державамъ, прося ихъ, чтобъ его съ нами помирили, но какой быть можетъ миръ тутъ, гдѣ всей Европы интересы замѣшаны будутъ? Онъ сіе нарочно сдѣлалъ, чтобы больше замѣшать дѣло, а заподлинно онъ мира не хочетъ, какъ всѣ сказываютъ, а думаетъ протянуть, авось-либо что ни есть для него оборотится къ лучшему.

Продолженіе осады Очаковской усматриваю изъ вашихъ писемъ, также, что турки упорно сидятъ и не сдаются. Слава Богу, что Войновичъ высидѣлъ екинокцію въ гавани.

Письма гр. Петра Александровича Румянцова всегда одинакія, то-есть съ двоеточіемъ; напрасно онъ не имѣлъ съ тобою свиданія и не слѣдовалъ твоему совѣту; я писала къ нему, чтобъ онъ сберегъ хотя отъ Бендеръ нашу границу. Жаль и весьма жаль Корсакова. Въ Финляндіи умеръ, также своею смертью, Семенъ Уваровъ. Ради Бога, рекомендуй хорошаго полковника въ мой любимый лейбъ-гренадерскій полкъ. Гренадеры по немъ плакали какъ ребята.

Пошли, пожалуй, отъ меня навѣдываться, каковъ генералъ-маіоръ Кутузовъ? я весьма жалѣю о его ранѣ. Пожалуй, ради меня, будь здоровъ; божусь тебѣ, мои заботы нынѣ почти выше силъ моихъ, наипаче іюль мѣсяцъ былъ таковъ, что я думала, что занемогу; теперь немного получше.

Касательно рекрутскаго набора, думаю, что теперь очень трудно оный исправить по твоей запискѣ. Сія операція есть изъ тѣхъ, кои во время мира предпринимать надлежитъ, а то людей, кои теперь нужны, не соберешь; вздумай самъ, каково дворянамъ будетъ—всѣхъ наголо почитать въ службѣ записанными, а теперь они наполнены усердіемъ и Богъ вѣсть что́ дать сбирались.

Драгунской полкъ будемъ формировать; гусарской также; старшины казацкіе пріѣхали и вступятъ въ дѣло; на гребныхъ судахъ теперь до весны въ притравленномъ нужды нѣтъ, и такъ, дай Винтеру (?) время выздоровѣть, я же писала, своей рукою, къ Мальтійскому гроссмейстеру, прося его самого, чтобы выбралъ и прислалъ мордашекъ; посмотримъ, что-то будетъ, а онъ мнѣ всякія ласки казалъ.

Теперь привезли ко мнѣ твои письма отъ 11-го сентября; я весьма терпѣливо смотрю на осаду Очаковскую и вѣдаю, что ты дѣлаешь всевозможное.

Письма Мавроенія и присланныя къ тебѣ и сюда отъ фельдмаршала Румянцова, кромѣ вранья, ничего не содержатъ; о Хотинѣ еще

Библиотека "Руниверс"

ничего не знаю, хотя вчерась отъ гр. Петра Александровича (Румянцева) имѣла письма.

Прошу тебя себя сберечь отъ ядеръ и картечъ; я напишу Еропкину, чтобъ Вахтмейстера послалъ въ Калугу.

Дай Боже тебѣ успѣха надъ турецкимъ флотомъ. Архангелогородская эскадра пришла въ Копенгагенъ и думаю, что она съ датчанами и съ фонъ-Дезинымъ предъ Карлскроною находится. Прощай, мой другъ.

Сентября 30-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ. Со днемъ вашихъ имянинъ симъ васъ поздравляю и вамъ всякое благо отъ всего сердца желаю. Письма ваши отъ 11-го и 19-го сего мѣсяца я получила и на оныя впредь отвѣтствовать буду; отселѣ новѣйшее есть, что король шведской отъ королей англинскаго, прусскаго, французскаго, датскаго и республики голландской просилъ примиренія, говоря каждой сторонѣ, что ей въ руки ввергается; самъ же поѣхалъ въ Далекарлію мужиковъ вооружать противъ дворянства, которое проситъ сейма, въ чемъ онъ имъ отказалъ; датчане съ стороны Норвегіи вошли въ Швецію.

Прощай, Богъ съ тобою; посылаю къ тебѣ красной камень, прошу дать знать о полученіи онаго, такожде получено-ли у васъ блюдо золотое и шпага съ алмазами и съ надписью?

Октября 10-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Генералъ-маіора Берхмана я приказала опредѣлить въ мой полкъ, на мѣсто умершаго Уварова. Ты, въ письмахъ твоихъ, говоришь еще о вооруженіи фрегатовъ, а у насъ снѣгъ выпалъ четвертый уже день, наравнѣ съ набережными перилами, да морозы пяти-градусные, а какъ съ семью градусами рѣка мерзнетъ, то я уже послала повелѣніе, чтобъ флотъ вошелъ въ порты.

Все же адмиралъ Грейгъ при смерти, былъ боленъ горячкою, а безъ него не думаю, чтобъ что быть могло очень знаменитое на нынѣшнее время. Доднесь шведской флотъ, какъ парусной, такъ и гребной, запертъ въ Свеаборгѣ и въ шкерахъ, самъ же король ѣздилъ въ Далекарлію и тамъ изъ мужиковъ набралъ два полка, на что мужики согласились съ уговоромъ, чтобъ оныхъ изъ Далекарліи не выводить. Оттуда король теперь, сказываютъ, на обратномъ пути. Онъ писалъ ко всѣмъ дворамъ, чтобъ ему доставили миръ, всякому двору обѣщалъ нераздѣльно миротворчество.

Весьма жаль, что визирь бьетъ и гонитъ цесарцевъ: они съ турками воевать, повидимому, не умѣютъ.

Библиотека "Руниверс"

За добрый аттестатъ pour les mérites non pas naissants mais innés[1]) я тебя отъ всего сердца благодарю.

Что шпага и блюдо до тебя дошли, усматриваю изъ письма твоего отъ 29-го сентября. О вѣрности же твоей и привязанности ко мнѣ ни мало не сомнѣваюсь.

Гр. Румянцовъ, по письмамъ его, въ сорока верстахъ былъ отъ Рябой Могилы, когда Хотинъ сдавался.

Мои мысли суть, чтобъ Кобургъ шелъ въ Валахію, гдѣ онъ и Темешворскому Банату сдѣлаетъ тѣмъ самымъ помощь, а фельдмаршалъ Румянцовъ тогда въ Молдавіи будетъ имѣть свободныя руки расположиться, какъ дѣламъ полезнѣе, сносясь съ тобою; о семъ походѣ принца Кобургскаго вы-бъ Линье (принцу де-Линь) писать велѣли, а здѣсь послу также говорено будетъ.

Что адмиралтействомъ построенные фрегаты дурны, о томъ сожалительно; но при томъ вспомнить надлежитъ правила адмирала Колинса; который говаривалъ, что судно безъ крайности разломать не должно, а поправить можно, и что на всѣхъ верфяхъ всегда много есть охотниковъ къ ломкѣ судовъ, понеже при ломкѣ много барышей ломателямъ, а флоту ущербъ (однимъ судномъ меньше).

Что больныхъ много, о томъ очень жалѣю.

Дай Боже, чтобъ твои крейсеры уцѣлѣли.

Ради Бога, помогите совѣтами цесарцамъ, вѣдь Линье (Де-Линь) напишетъ, что вы ему говорить будете. Желаю тебѣ всякаго благаго успѣха.

Цесарь принялъ предложеніе короля шведскаго съ пренебреженіемъ и, сколько извѣстно, оставилъ безъ отвѣта. Шведская нація понынѣ еще весьма слабо оказывается и упражняется въ тихомъ роптаніи.

Константину не быть на сѣверѣ; естьли быть не можетъ на полуднѣ, то остаться ему гдѣ нынѣ; Константинъ со шведами не единаго закона, не единаго языка; все же тамо три брата, да и сынъ; сей съ матерью намъ бы былъ всего полезнѣе, а Константина никакъ туда не дамъ, да и въ томъ нѣтъ ни малѣйшей возможности[2]).

Липецкіе заводы приказано возобновить. Драгунской, гусарской и

---

[1]) Достоинства нерождающіяся, а врожденныя.

[2]) Рѣчь идетъ о великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ (род. въ 1779, † 1831 г.). Его, вѣроятно, кн. Потемкинъ предлагалъ возвести на шведскій престолъ, но императрица Екатерина прочила Константину Павловичу другую корону: «Константинъ мальчикъ хорошъ,—отозвалась о немъ его августѣйшая бабка 9-го октября 1789 г.:—онъ чрезъ 30 лѣтъ изъ Севастополя проѣдетъ въ Царьградъ. Мы теперь рога (Турціи) ломаемъ, а тогда уже будутъ сломлены, и для него легче». См. «Дневникъ Храповицкаго», стр. 312, 46, 84, 89, 247.

Библиотека "Руниверс"

казачій полки формируютъ, какъ ты представилъ. Прощай, мой другъ любезный, будь здоровъ, счастливъ и благополученъ.

Октября 13-го ч.

Другъ мой любезный, князь Григорій Александровичъ. Хотя всячески ищемъ ладить съ прусскимъ дворомъ, но, по его подвигамъ, можешь судить объ его намѣреніяхъ: онъ теперь ищетъ приводить датчанъ въ недѣйствіе и отвлекаетъ ихъ отъ нашего союза, а Польшѣ декларацією запрещаетъ съ нами заключить союзъ и какой ни есть трактатъ. Сей диктаторскій тонъ, который удалось ему взять съ Голландіи, ему понравился и сіи поступки весьма схожи съ поведеніемъ шведскаго короля.

Дурныя вѣсти до меня дошли о здоровьѣ адмирала Грейга: онъ очень боленъ горячкой съ желчью, уже тому двѣ недѣли, и очень слабъ.

Прощай, мой другъ; мнѣ весьма жаль, что не имѣю для тебя лучшихъ вѣстей. Будь здоровъ и благополученъ. Буде бы по взятіи Очакова тебѣ удалось заводить о мирѣ переговоры, то бы было добро.

Октября 19-го ч.

Другъ мой сердечный, князь Григорій Александровичъ. Пока ты упражненъ предъ Очаковымъ, у насъ вотъ что̀ происходитъ: король прусскій сдѣлалъ двѣ декларацiи, одну въ Польшу, противу нашего союза съ поляками (который до того еще, видя, что отъ того можетъ загорѣться огонь, я до удобнаго времени остановить приказала); другую датскому двору, грозя оному послать въ Голштинію тридцать тысячъ войскъ, буде датской дворъ войдетъ, помогая намъ, въ Швецію.

Датчане, однако, дѣйствительно уже вступили и взяли въ полонъ шведскаго генералъ-порутчика съ 800 человѣками и десять пушекъ; но отвѣтъ, какой датчане дали прусскому королю, еще не извѣстенъ.

Сію датскому двору отъ прусскаго короля сдѣланную декларацію прусской посланникъ здѣсь прислалъ къ вице-канцлеру, съ выписью изъ королевскихъ писемъ, которая не лучшаго же слога: то-есть, что день ото дня болѣе открывается намѣреніе и взятой ими планъ, не только намъ всячески вредить, но и задирать въ нынѣшнее, и безъ того для насъ тяжелое, время. Дѣло голландское имъ удалось, теперь тотъ же диктаторскій тонъ берутъ съ датчанами, и тако до насъ добираются; я всячески избѣгаю, чтобъ имъ не давать повода къ сему привязаться; однако, безъ примѣчанія да не будетъ, что не дождавъ отъ насъ отвѣта на ихъ предложенныя медіяціи, которыя король шведской шести дворамъ вручилъ, они уже датчанамъ сдѣлали подобное объявленіе, въ его единую пользу, а намъ во вредъ, несмотря на то, что первымъ качествомъ посредника быть должно безпристрастіе; но тутъ явно и ясно противное моему союзнику, за то, что онъ мнѣ даетъ помощь, гро-

Библиотека "Руниверс"

зятъ нападеніемъ, я же обязана его оборонять, или, по крайней мѣрѣ, помогать толико же, какъ онъ мнѣ помогаетъ. По сей матеріи я заготовила письмо къ графу Нессельроду, съ котораго здѣсь копію прилагаю, я оное нарочно пошлю просто на почту; пусть оное раскроютъ и читаютъ, авось-либо постыдятся или на время, хотя мало, позадумаются, а бо́льшаго дѣйствія отъ онаго не ожидаю; но думаю, на случай открытія со стороны короля прусскаго вредныхъ противу Россіи и ея союзника намѣреній: 1) армію фельдмаршала гр. Румянцова обратить, какъ въ твоемъ большомъ планѣ предвидѣно было, противу короля прусскаго, укомплектовавъ въ ней полки мушкатерскіе по новому осьмиротному военному штату. 2) Для закрытія границъ и для умноженія войскъ на дѣйствія, имѣть до тридцати тысячъ корпусъ, расположенный въ Лифляндіи и Бѣлоруссіи, къ составленію котораго назначаю здѣсь новоформируемый Эстляндской егерской корпусъ и полкъ пѣхотный, въ Ригѣ находящійся, да имѣющіеся здѣсь и въ Бѣлоруссіи четыре кавалерійскіе полка. Въ дополненіе къ тому нужно еще изъ арміи шесть полковъ и одинъ драгунской, да тысячу Донскихъ или Уральскихъ казаковъ; о семъ дополненіи оставляю на твое усмотрѣніе назначить, изъ которыхъ частей сіи полки назначить удобнѣе; наипаче же стараться надлежитъ, дабы они къ веснѣ сюда, то-есть въ Бѣлоруссію и Лифляндію, прибыть могли.

Армія въ Финляндіи останется какъ есть; гвардію я комплектую.

О семъ, пожалуй, напиши ко мнѣ подробнѣе и скорѣе, чтобъ не проронить мнѣ чего нужнаго, а пуще всего, по взятіи Очакова, старайся заводить мирные договоры; пока забудь, что Булгаковъ въ семибашенномъ донынѣ сидитъ.

Вчерашній день я еще получила худую вѣсть, что адмиралъ Грейгъ, по трехъ-недѣльной болѣзни, отъ горячки съ желчью, въ ревельской гавани, на сто пушечномъ кораблѣ Ростиславѣ, ко всеобщему сожалѣнію, скончался; я посылала къ нему Рожерсона за двѣ недѣли, когда я услышала, что онъ столь опасно занемогъ, но ничто его спасти не могло отъ воли Божіей.

Спиридовъ съ шестью кораблями уже возвратился въ Кронштадтъ, и всѣ прочіе уже идутъ на зимовье. Я смертью адмирала столь чувствительно тронута, что сказать не могу, и сія потеря для имперіи, на сей случай, есть несчастіе, ибо не имѣемъ во флотѣ, кто могъ бы съ таковымъ же искусствомъ и репутаціею его мѣсто заступить.

Прощай, мой другъ любезной, дай Боже тебѣ здоровья, счастья и благополучія; ждемъ отъ тебя вѣстей, дай Боже добрыхъ.

P. S. Въ корпуса, которые я полагаю собрать въ Лифляндіи и Бѣлоруссіи, прошу дать совѣтъ, кого изъ полныхъ генераловъ, ге-

Библиотека "Руниверс"

нералъ-порутчиковъ и генералъ-маіоровъ опредѣлить и каковъ на то будетъ князь Юрій Владиміровичъ Долгоруковъ, увольняя его отъ ѣзды въ цесарскую армію, куда другаго, несмотря на чины, опредѣлить всегда можно, а сіе дѣло нужнѣе.

Ноября 7-го ч.

Другъ мой любезный, князь Григорій Александровичъ. Письма твои, отъ 17-го октября, до моихъ рукъ доставлены, изъ которыхъ усматриваю съ удовольствіемъ, что все благополучно у васъ; планъ осады открылъ мнѣ всю трудность, которую имѣешь; умали Богъ упорность гарнизона Очаковскаго. Я удивляюсь, какъ капитанъ-паша можетъ держаться въ морѣ въ бурливую и позднюю осень; я думаю, что онъ опасается возвратиться въ Стамбулъ, и чтобъ визирь его не лишилъ мѣста или жизни.

Сожалительно, что принцъ Нассау не могъ сжечь суда, кои вычинились въ Очаковѣ. Пауль Жонесъ имѣлъ, какъ самъ знаешь, предпріимчивую репутацію донынѣ. Естьли его сюда возвратишь, то сыщемъ ему мѣсто.

Я для Селимъ-Гирея приказала сдѣлать, по твоему представленію, владимірскіе знаки; первой-ли требуешь или второй классъ, не вѣдаю, а какъ онъ еще не генеральскаго чина, то думаю, что и второй классъ для него бы довольно; опасаюсь, что не приметъ, такъ какъ и Шагинъ (—Гирей) тогда не принялъ же; они къ знакамъ, думаю, что не привязываютъ такую мысль, какъ у насъ люди имѣютъ.

Сенявину твоему дай крестъ георгіевской изъ тѣхъ, кои у тебя остались не розданы. Отпиши ко мнѣ, живъ-ли подполковникъ князь Лобановъ и каковъ генералъ Кутузовъ?

Доброй аттестатъ, который даешь Александру Николаевичу (Самойлову), знатно, что онъ заслужилъ, бывъ вездѣ въ опасности. Каковы твои ноги, отпиши ко мнѣ.

Графъ Румянцовъ сюда писалъ, что онъ отрядилъ графа Салтыкова и что сей двѣ недѣли не шелъ; а непріятеля фельдмаршалъ считаетъ имѣть противу себя хана татарскаго, тысячъ въ шестнадцать; но сей счетъ, чаю, весьма слишкомъ.

Что ты отрядилъ къ охраненію границъ 5 полковъ, сіе хвалю весьма.

Ты увидишь, какой странный договоръ о перемиріи король прусской принудилъ датчанъ учинить, а, лучше сказать, датчане ненужно оробѣли отъ угрозъ прусскихъ.

Я о томъ никакъ не сомнѣваюсь, что пишешь ко мнѣ, что лига формирована противу меня. Имъ сказано, такъ какъ пишешь, что я не прочь отъ мира, лишь бы союзники были включены, но они, то-

Библиотека "Руниверс"

есть лига, тѣмъ еще не довольны, они требовали, чтобъ я съ Польшею союза не заключала, говоря, что сей противенъ ихъ интересамъ; я и на сіе согласилась, велѣла отставить сей проектъ о союзѣ съ Польшею; теперь требуютъ, чтобъ я войска вывела изъ Польши; на сіе, правду сказать, согласиться мудрено; они хотятъ меня лишить союзовъ, дѣйствуютъ въ пользу шведовъ и турковъ; предписываютъ мнѣ законы; грозятъ, буде не исполню, и, сверхъ того, жалуются еще на меня и каверзы всякія устраиваютъ мнѣ во вредъ и въ поношеніе. Изъ всего, что они дѣлаютъ въ пользу шведскаго короля, выигрышъ оборотится въ пользу французовъ; а дѣлаетъ сіе Elliot, англійской министръ.

Вы вспомните, мой другъ, что предложеніе о трактатѣ прусской король дѣлалъ въ самое то время, когда онъ узналъ, что императоръ признаетъ казусъ федерисъ; сіе предложеніе съ тѣмъ и дѣлано было, чтобъ остановить помощь, ожидаемую отъ той стороны. Съ Англіею я никакъ не разорвала трактата; они не захотѣли его возобновить по истеченіи, а вмѣсто того они заключили съ французами и съ ними признали нейтральныя правила, а намъ въ томъ отказали.

Стеченіе обстоятельствъ прошу не поставить мнѣ въ вину; во истину я направляю весь свой смыслъ къ лучшему обороту, но на неудачу я никогда не пеняю, потому что ежедневно бываютъ удачи и неудачи; естьли я чего недосмотрю, то сіе простительно, понеже я человѣкъ, а безъ грѣха лишь единъ Богъ.

Естьли ты возьмешь покой, то о томъ весьма жалѣть буду и приму сіе за смертельный ударъ, тѣмъ паче, что прежде того меня оставишь посреди интригъ, за что, думаю, отъ меня спасиба не ожидаешь; но я надѣюсь, что когда все кончится благополучно, то, любя меня, что и сія мысль исчезнетъ и будешь, какъ и былъ, вѣрнѣйшій.

Что цесарскія дѣла не такъ идутъ, какъ бы желательно было, сіе прошлаго года знать не можно было. Прощай, дай Богъ тебѣ счастья, здоровья и всякое добро.

Какія дурачества дѣлаетъ княгиня Дашкова въ своей ссорѣ съ оберъ-шенкомъ Нарышкинымъ, ты себѣ представить не можешь; и ежедневно выходитъ новая комедія между ними, и всѣ надъ ними смѣются.

Ничего на свѣтѣ такъ не хочу, какъ чтобъ ты могъ по взятіи Очакова и по окончаніи зимнихъ распоряженій, въ теченіе зимы, пріѣхать на часъ сюда, чтобъ, во-первыхъ, имѣть удовольствіе тебя видѣть по столь долгой разлукѣ, а во-вторыхъ, чтобъ съ тобою о многомъ изустно переговорить. Прощай! Богъ съ тобою.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

КНЯЗЬ ПЛАТОНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЗУБОВЪ

1767—1822.

I.

Характеристика лицъ, стоявшихъ у кормила правленія или имѣвшихъ вліяніе на ходъ внутренней и внѣшней политики въ царствованіе Екатерины II, служитъ существеннымъ дополненіемъ исторіи ея царствованія, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, жизнеописанія великой государыни.

Братья Орловы, такъ усердно содѣйствовавшіе ея восшествію на престолъ, дальнѣйшими своими заслугами, оказанными на службѣ отечеству, до нѣкоторой степени оправдали милости и щедроты, которыми преждевременно были осыпаны Екатериною. Алексѣй Орловъ—разгромомъ турецкаго флота при Чесмѣ, одновременно съ пораженіемъ султанскихъ войскъ Румянцевымъ на поляхъ Ларги и Кагула, пошатнувъ могущество Оттоманской имперіи, доказалъ Европѣ, что для Турціи миновали вѣка Магометовъ и Солимановъ, что владычество ея на сушѣ и на моряхъ—кончено. Григорій Орловъ, не обладая воинскими дарованіями брата, превосходилъ его личными качествами—добротою сердца, здравымъ, чисто-русскимъ, складомъ ума и любовью къ отечеству; онъ занялъ видную страницу въ отечественной исторіи подвигами геройскаго самоотверженія во время чумы въ Москвѣ 1771 года и пора его вліянія на дѣла и въ совѣтахъ Екатерины составляетъ блестящій періодъ ея царствованія.

Померкла звѣзда Орловыхъ; ее затмила заря счастья Потемкина. Присоединеніе къ державѣ Екатерины II Тавриды, Новороссійскаго края и сѣчи Запорожской; созданіе флота и съ нимъ вмѣстѣ упро-

Библиотека "Руниверс"

ченіе владычества Россіи на водахъ Чернаго моря: таковы права Потемкина на память потомства. 1788 годъ, въ которомъ сила и значеніе князя Таврическаго достигли своего апогея, положилъ какъ бы пограничную черту, отдѣлявшую блестящіе годы царствованія Екатерины отъ послѣдующихъ, къ которымъ это прозвище не примѣнимо: „Солнце Россіи" — какъ назвалъ Екатерину въ своей рѣчи Георгій Конисскій— видимо клонилось къ закату, отблескъ котораго началъ отражаться на всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Вліяніе безпощаднаго времени стало тяготѣть надъ Екатериною, съ кончиною же Потемкина — пусто стало въ рядахъ совѣтниковъ государыни... Духъ новаго времени требовалъ отъ престарѣлой императрицы уступокъ, преобразованій, коренныхъ измѣненій въ правительственномъ строѣ, для которыхъ требовались новые люди. Надобность была настоятельная, но людей не обрѣталось. „Какъ можно Потемкина мнѣ замѣнить?"—говорила Екатерина послѣ смерти князя Таврическаго: „все будетъ не то... Да и всѣ теперь какъ улитки станутъ высовывать головы". — Все это ниже вашего величества,—возразилъ ей на это Храповицкій.—„Такъ, да я стара"— отозвалась императрица.

Въ толпѣ представителей новаго поколѣнія, старческій взглядъ Екатерины, еще при жизни Потемкина, отличилъ Платона Зубова, которому могила Потемкина послужила ступенью къ наивысшимъ степенямъ отличій. Взглядъ императрицы на новаго любимца, снисходительный до ослѣпленія, отличался ошибочностью старческаго зрѣнія: маловажныя достоинства Зубова казались императрицѣ громадными; въ его услужливости, самонадѣянности — она видѣла заслуги и подвиги; темныхъ сторонъ характера и недостатковъ новаго сына случая она не замѣчала, желая, чтобы весь дворъ и вся Россія взирали на Зубова ея слабыми, одряхлѣвшими глазами, почитали пигмея за исполина, признавали свѣтлостью довольно темную личность. Предшественникъ Платона Зубова, графъ Дмитріевъ-Мамоновъ, сознавая свое ничтожество, преклонялся предъ Потемкинымъ, не домогался первенства надъ нимъ и, взысканный милостями императрицы, не хотѣлъ или не умѣлъ путемъ лукавства и утонченнаго лицемѣрія шествовать къ дальнѣйшимъ почестямъ. Въ самой его неблагодарности Екатеринѣ было несравненно болѣе прямодушія, нежели въ привязанности къ императрицѣ — Платона Зубова. Графъ Дмитріевъ-Мамоновъ — любимой женщинѣ пожертвовалъ значеніемъ своимъ при дворѣ; Зубовъ—не затруднился пожертвовать своему честолюбію—Потемкинымъ, поколебавъ къ нему довѣріе императрицы, похитивъ вмѣстѣ съ ея благосклонностью всѣ болѣе или менѣе заслуженныя имъ

Библиотека "Руниверс"

почести. Первенствуя въ совѣтѣ императрицы, имѣя вліяніе на всѣ отрасли государственнаго управленія, Зубовъ въ послѣднія семь лѣтъ царствованія Екатерины былъ повсемѣстно признанною бездарностью. Въ теченіи семи лѣтъ онъ достигъ той вершины могущества, на которую Потемкинъ, при всей своей удачливости, при всей благосклонности счастья, восходилъ почти двадцать лѣтъ; ордена, чины, титулы и всѣ прочія отличія, пожалованныя Зубову Екатериною, были заслужены Суворовымъ сорока-двухлѣтнею службою, составившею славу Россіи. Слѣпое счастіе осыпало Зубова тѣми самыми наградами, за которыми истинные герои вѣка Екатерины ходили въ дальнѣйшія, чужія страны; ему же всѣ эти отличія доставались тѣмъ легче и скорѣе, чѣмъ ближе ко двору, чѣмъ безотлучнѣе онъ пребывалъ въ столицѣ. Позолотивъ струны лиры Державина, Зубовъ былъ имъ воспѣтъ не менѣе восторженно, какъ незадолго предъ тѣмъ Потемкинъ; портреты красавца, въ воинскихъ доспѣхахъ, украсили стѣны дворцовыхъ чертоговъ на ряду съ великими полководцами, и Платонъ Александровичъ Зубовъ—по удачному выраженію Массона въ его Запискахъ о Россіи—„почиталъ себя великимъ потому только, что стоялъ во весь ростъ въ то время, когда все ползало у его ногъ“.

II.

Фамилія Зубовыхъ принадлежитъ къ числу старинныхъ, но не древнихъ дворянскихъ фамилій: родоначальникъ ея жилъ во второй половинѣ XV вѣка. Многочисленное семейство Александра Николаевича Зубова составляло десятое колѣно потомства боярина временъ Василія Темнаго и Іоанна III. Эту отрасль въ исходѣ XVIII вѣка составляли:

Александръ Николаевичъ Зубовъ, род. 6-го августа 1727 г., † 20-го февраля 1795 г.; въ супружествѣ имѣлъ Елисавету Васильевну Воронову, род. 1742 г., † 29-го декабря 1813 г. У нихъ:

Николай, род. 24-го апрѣля 1763 г., † 9-го августа 1805 г.; жена его, Наталья Александровна Суворова-Рымникская, род. 1-го августа 1775 г., † 30-го марта 1844 г.

Димитрій, род. 17-го мая 1764 г., † 14-го февраля 1836 г. жена его, княжна Прасковья Александровна Вяземская, род. 27-го сентября 1772 г., † 18-го ноября 1835 г.

Платонъ, род. 15-го ноября 1767 г., † 7-го апрѣля 1822 г.; жена его, Текла Игнатьевна Валентиновичъ († 25-го октября 1873 г., вдовою графа Андрея Петровича Шувалова).

Валеріанъ, род. 28-го ноября 1771 г., † 21-го іюня 1804 г.

Библиотека "Руниверс"

Ольга, род. 1766 г., † 1-го марта 1849 г., въ замужствѣ за д. с. с. Александромъ Александровичемъ Жеребцовымъ.

Екатерина, † 1781 г.

Анна—въ замужствѣ за ген.-м. Осипомъ Ивановичемъ Хорватомъ (годы ея рожденія и кончины намъ неизвѣстны).

Александръ Николаевичъ Зубовъ, по словамъ Гельбига, былъ вицегубернаторомъ въ провинціи и, въ то же время, управлялъ сосѣднимъ помѣстьемъ генералъ-аншефа Николая Ивановича Салтыкова. Самъ онъ имѣлъ значительное состояніе, приносившее двадцать тысячъ годоваго дохода. До внезапнаго возвышенія Платона Зубова, отецъ его былъ коллежскимъ или статскимъ совѣтникомъ, но 22-го сентября 1789 г. опредѣленъ оберъ-прокуроромъ въ первый департаментъ сената. Гельбигъ называетъ его человѣкомъ умнымъ, но злымъ и недобросовѣстнымъ. Державинъ отзывается объ А. Н. Зубовѣ, какъ о взяточникѣ, что̀ подтверждаетъ и гр. Ѳ. В. Ростопчинъ въ своихъ письмахъ къ кн. С. Р. Воронцову. Массонъ разсказываетъ, что Александръ Николаевичъ Зубовъ, будучи сенаторомъ, скупалъ или вынуждалъ уступать ему старыя тяжебныя дѣла, затѣмъ, давая имъ ходъ, рѣшалъ таковыя въ свою собственную пользу. Образованіе, которое далъ А. Н. Зубовъ своимъ дѣтямъ, было поверхностно; воспитанія же имъ не далъ онъ никакого. Покровительство могучаго вельможи, Н. И. Салтыкова, открыло молодымъ людямъ путь къ блестящей карьерѣ. Николай Александровичъ, перейдя изъ гвардіи въ армію, обратилъ на себя вниманіе Суворова; Валеріанъ и Платонъ начали службу въ конной гвардіи. Платонъ понравился Н. И. Салтыкову своею скромностью, почтительностью, уединеннымъ образомъ жизни, которую онъ велъ, занимаясь чтеніемъ и музыкою.

Лѣтомъ 1786 года, дальній родственникъ Потемкина, графъ А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ, выдвинутый благоволеніемъ Екатерины, явился при дворѣ блюстителемъ интересовъ могучаго баловня счастія. Искренно преданный своему покровителю, гр. Дмитріевъ-Мамоновъ всегда подавалъ голосъ въ пользу князя Таврическаго, заставляя молчать явный ропотъ и тайную клевету; никому не оказывалъ протекціи; холодностью и высокомѣріемъ отдалялъ всякое въ себѣ искательство льстецовъ и приспѣшниковъ. Неизвѣстно, находился-ли въ ихъ толпѣ Платонъ Зубовъ, но, на основаніи свидѣтельствъ современниковъ, графъ Дмитріевъ-Мамоновъ и на него, какъ на всѣхъ прочихъ, ему подобныхъ, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Въ трехлѣтній періодъ значенія Дмитріева-Мамонова, Платонъ Зубовъ находился подъ особеннымъ покровительствомъ милостивца своего, гр.

Библиотека "Руниверс"

Николая Ивановича Салтыкова и приближенныхъ къ императрицѣ: статсъ-дамы Анны Никитичны Нарышкиной, камеръ-фрейлины Анны Степановны Протасовой и камеръ-юнгферы Марьи Савишны Перекусихиной. Интригамъ ихъ помогъ самъ гр. Дмитріевъ-Мамоновъ своею любовью къ княжнѣ Дарьѣ Ѳедоровнѣ Щербатовой. Паденіе графа послѣдовало 18-го іюня 1789 года. Подъ этимъ числомъ А. В. Храповицкій занесъ въ свой дневникъ слѣдующее:

— «Зотовъ сказалъ мнѣ, что паренька отпускаютъ и онъ женится на кн. Дарьѣ Ѳедоровнѣ Щербатовой. Послѣ обѣда и во весь вечеръ была одна только Анна Никитична Нарышкина» [1]).

Дальнѣйшія выдержки изъ дневника служатъ дополненіемъ извѣстнаго уже читателямъ „Русской Старины" разсказа Гарновскаго о внезапномъ возвышеніи Платона Зубова и о первомъ полугодіи его новаго при дворѣ положенія, которымъ онъ былъ обязанъ, кромѣ помянутыхъ четырехъ особъ — какъ увидимъ — также и Захару Зотову.

— «19-го іюня. Захаръ подозрѣваетъ караульнаго секундъ-ротмистра Пл. Ал. Зубова и что дѣло идетъ черезъ Анну Никитичну, которая и сегодня была съ 3-хъ часовъ послѣ обѣда. Ввечеру гуляли въ саду.

— 20-го. Сама со мною начать изволила: «слышалъ-ли здѣшнюю исторію?»— Слышалъ. — «Не бывъ въ короткой связи и примѣчая, что мѣсяцевъ 8 отъ всѣхъ отдалялся, стали подозрѣвать, какъ завелъ свою карету. Да, придворная непокойна. C'était toujours une oppression de poitrine (постоянно говорилъ о стѣсненіи въ груди); самъ на сихъ дняхъ проговорился, что совѣсть мучитъ. C'est son amour, c'est sa duplicité qui l'étouffait (его душили его любовь и двуличіе); но когда не могъ себя преодолѣть, зачѣмъ не сказалъ откровенно? Годъ, какъ влюбленъ. Буде бы сказалъ зимой, то полгода-бы прежде сдѣлалось то, что третьяго дня. Нельзя вообразить сколько я терпѣла».—Всѣмъ на диво В. В. изволили сіе кончить.—«Богъ съ ними! Пусть будутъ счастливы. Я простила ихъ и дозволила жениться! Ils devaient être en extase, mais, au contraire, ils pleurent (должны были-бы быть въ восторгѣ, а они, напротивъ, плачутъ). Тутъ еще замѣшивается и ревность. Онъ больше недѣли безпрестанно за мною примѣчаетъ, на кого гляжу, съ кѣмъ говорю? Cela est étrange (это странно). Сперва, ты помнишь, имѣлъ до всего охоту et une grande facilité (и великую способность), а теперь мѣшается въ рѣчахъ, все ему скучно и все болитъ грудь. Мнѣ князь (Потемкинъ) зимой еще говорилъ: «Матушка, плюнь на него» и намекалъ на княжну Щербатову, но я сама виновата: я сама его передъ княземъ оправдать старалась» [1]).

— Приказано мнѣ заготовить указъ о пожалованіи ему деревень, купленныхъ у князя Репнина и Чебышева, 2,250 душъ. Подозрѣваютъ тутъ Рибопьера. Предъ вечернимъ выходомъ сама Е. В-во изволила обручить графа и княжну; они, стоя на колѣнахъ, просили прощенія, и прощены.

— 21-го. Сама мнѣ сказывать изволила о обрученіи. Продолжали рѣчь о его duplicité (двуличіи):—«Всѣ его бранятъ. Представь себѣ, что бы ты сдѣлалъ? On ne saurait repondre du premier moment (нельзя отвѣчать за первую минуту). Нѣтъ, я уже давно себя къ тому приготовила».

---

[1]) Дневникъ А. В. Храповицкаго, изданіе 1874 г, стр. 290 и 291.

Библиотека "Руниверс"

— Зубовъ сидѣлъ, черезъ верхъ проведенный, послѣ обѣда съ Анной Никитичной, а ввечеру — одинъ до 11-ти часовъ.

— 22-го іюня. Указы о деревняхъ и о 100 т. положилъ на столъ. — Зубовъ за малымъ столомъ и началъ по вечерамъ ходить черезъ верхъ.

— 23-го. Подписали указы о деревняхъ и 100 т. изъ кабинета. Я носилъ. Онъ (гр. Дмитріевъ-Мамоновъ) признателенъ, не находитъ словъ къ изъясненію благодарности, говорилъ сквозь слезы. Сама мнѣ сказывать изволила:—«онъ пришелъ въ понедѣльникъ (18-го іюня), сталъ жаловаться на холодность мою и начиналъ браниться. Я отвѣчала, что самъ онъ знаетъ, каково мнѣ съ сентября мѣсяца и сколько я терпѣла. Просилъ совѣта, что дѣлать? Совѣтовъ моихъ давно не слушаешь, а какъ отойти — подумаю. Потомъ послала къ нему записку pour une retraite brillante: il m'est venue l'idée du mariage avec la fille du Comte de Bruce (о блестящей отставкѣ: мнѣ пришла мысль женить его на дочери графа Брюса). Анна Никитишна здѣсь; Брюсъ будетъ дежурный, я дозволила ему привесть дочь; ей 13 лѣтъ, mais elle est déjà formée, je sais celà (но она уже сформирована, я это знаю). Вдругъ отвѣчаетъ дрожащей рукой, что онъ съ годъ какъ влюбленъ въ Щербатову, и полгода какъ далъ слово жениться. Jujez du moment (посуди: какова минута). Послала за Анной Никитишной. Онъ пришелъ. Дозволила, досадуя, зачѣмъ ранѣе не рѣшился. Il m'aurait epargné bien des désagrements (избавилъ бы меня отъ многихъ огорченій); но Анна Никитишна его разругала. Онъ заведенъ. Права-ли я?»—Потребовали перстни и изъ кабинета 10 т. рублей.

— 24-го. Сказывали, что вчера послѣ обѣда приходилъ со слезами благодарить. Свадьбу хотѣли сдѣлать въ понедѣльникъ, чтобъ не много людей было. «Нѣтъ, въ воскресенье, il est pressé; ainsi d'aujourd'hui en huit (онъ спѣшитъ; и такъ отъ сего дня черезъ недѣлю)». Десять тысячъ я положилъ за подушку на диванѣ. Отданы Зубову и перстень съ портретомъ, а другой въ 1,000 р. онъ подарилъ Захару.

— 1-го іюля. Въ 9-мъ часу вечера невѣсту нарядили и благословили образомъ, послѣ чего въ церковь пошли одни званые.

— 2-го. Сказывать изволила, что Мамоновъ вчера былъ ввечеру безъ Анны Никитишны и не зналъ, что говорилъ. Когда они поѣдутъ? Зайцовъ сказывалъ, что сегодня въ ночь. По возвратѣ съ вечерняго гулянья въ 10-мъ часу, оставалась Анна Никитишна. Мамоновъ приходилъ прощаться и въ полночь въ путь отправился.

— 3-го. Изволила мнѣ отдать записку для заготовленія указовъ, чтобы Бобарыкина совсѣмъ перевесть въ конную гвардію, сына Фитингофа въ камеръ-юнкеры, Платона Александровича Зубова—въ полковники и флигель-адъютанты. Указы подалъ.

— 4-го. Указы поутру подписаны.

— 5-го. Платонъ Александровичъ подарилъ Аннѣ Никитишнѣ часы въ 2 т.

— 12-го. По каталогу отмѣчено купить всякаго рода французскихъ книгъ на 4 т. Видно, для Зубова.

— 22-го августа. Взятъ у меня пакетъ съ непграннною комедіею, въ которой княгиня Дашкова очень явно представлена. Я пьесы не читалъ, но вѣдаю по отзывамъ автора. Сей пакетъ отданъ Платону Александровичу Зубову.

— 21-го сентября. Изъясненіе о Сухаревѣ, что-бъ вывесть его изъ сената: «на его мѣсто есть у меня умный человѣкъ».—22-го. Приказано Сухарева опре-

Библиотека "Руниверс"

дѣлить въ коммисію о строеніи городовъ, а на его мѣсто (оберъ-прокуроромъ перваго департамента сената) Александра Николаевича Зубова.

— 25-го. Подполковникъ Николай Александровичъ Зубовъ пріѣхалъ курьеромъ, съ побѣдой надъ визеремъ, 11-го сентября на рѣкѣ Рымникѣ одержанной Суворовымъ и принцемъ Кобургъ. Веселы. Изъясненіе о пожалованіи присланнаго въ полковники.

— 3-го октября. Пожалованы: Суворовъ графомъ Рымникскимъ, Платонъ Александровичъ Зубовъ въ корнеты кавалергардовъ и въ генералъ-маіоры.

— 31-го. Подписанъ указъ о пожалованіи Димитрія Александровича Зубова въ камеръ-юнкеры.

— 11-го ноября. Изволила сказывать, что Димитрій Александровичъ Зубовъ помолвленъ вчера на княжнѣ Парасковьѣ Александровнѣ Вяземской, которая взята тогда же во фрейлины. Она лучше старшей qui est un sapajou (тамартышка).

— 15-го. Поздравилъ со взятіемъ Бендеръ, сдавшихся безъ штурма 4-го ноября. Съ симъ извѣстіемъ пріѣхалъ вчера ввечеру Валеріанъ Александровичъ Зубовъ; сегодня онъ пожалованъ въ полковники и флигель-адъютанты, 10 т., табакерка съ вензелемъ 2 т.; перстень 8 т. [1]).

Разсказъ Массона о повышеніи Платона Зубова хотя отчасти и противорѣчитъ дневнику Храповицкаго, но, повидимому, довольно вѣрно передаетъ начало его карьеры и отношеніе къ нему двора.

— „Платонъ Зубовъ — молодой поручикъ конной гвардіи, былъ покровительствуемъ Н. Салтыковымъ, которому онъ приходился немного съ родни; адъютантомъ его былъ тогда другъ мой, доставившій мнѣ часть этихъ мемуаровъ. Въ этомъ званіи онъ часто бывалъ бокъ-о-бокъ съ Зубовымъ и даже домогался этого преимущества за столомъ. Зубовъ очень хорошо говорилъ по французски: ему было дано нѣкоторое образованіе, обнаруживалъ умъ развитой и блестящій, немного говорилъ о словесности и занимался музыкою. Роста онъ былъ средняго, но гибокъ, мускулистъ и строенъ; у него былъ высокій, умный лобъ, прекрасные глаза и на его лицѣ еще не было выраженія натянутости, холодности и тщеславія, каковымъ оно явилось послѣ того. Когда, весною 1789 года, императрица отправлялась въ Царское Село, онъ вымолилъ у своего покровителя (Н. И. Салтыкова) милость быть назначеннымъ командиромъ сопровождавшаго ее отряда и, получивъ желаемое, обѣдалъ съ Екатериною. Едва прибылъ дворъ, какъ послѣдовалъ разрывъ съ Мамоновымъ: его женили и выслали. Зубовъ былъ единственнымъ молодымъ офицеромъ на виду (для занятія должности флигель-адъютанта) и, кажется, что преимуществомъ, ему оказаннымъ, онъ былъ обязанъ болѣе этому счастливому обстоятельству, нежели обдуманному выбору Екатерины. Пользуясь

---

[1]) См. Дневникъ Храповицкаго, изд. 1874 г., стр. 290, 292 — 295, 297, 312, 325 и друг.

Библиотека "Руниверс"

отсутствіемъ Потемкина, Николай Салтыковъ, бывшій тогда въ большой силѣ, ввелъ молодаго Зубова и тѣмъ охотнѣе служилъ ему, что надѣялся найдти въ немъ свою опору противъ надменнаго Потемкина, котораго былъ единственнымъ совмѣстникомъ при дворѣ. Зубовъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ императрицы, получилъ въ подарокъ 100 т. рублей и поселился во дворцѣ во флигель-адъютантскихъ покояхъ.

„Вечеромъ, послѣ игры, Зубовъ сопровождалъ императрицу. На другой день старые генералы, прежніе министры, наполняли прихожія новаго кумира и все пресмыкалось передъ нимъ. Таковъ былъ геній, угаданный прозорливымъ окомъ Екатерины; ему были расточены сокровища; низость и раболѣпная угодливость придворныхъ была ни съ чѣмъ несравнима". Тотъ же авторъ говоритъ въ примѣчаніи: „Однажды, забавляясь охотою, Зубовъ со своею свитою остановился на дорогѣ, ведущей изъ Петербурга въ Царское Село. Вельможи, ѣхавшіе ко двору, курьеры, почта, всѣ кареты и крестьянскія телѣги были остановлены: никто не смѣлъ проѣхать до тѣхъ поръ, покуда молодой человѣкъ ни заблагоразсудилъ оставить дорогу; а остановился онъ на ней болѣе часу, чтобы выжидать зайца".

Вѣсть объ увольненіи графа Дмитріева-Мамонова князь Потемкинъ получилъ изъ первыхъ рукъ: ему писала о томъ сама императрица. Изъ слѣдующаго отвѣта князя видно, что онъ раздѣлялъ ея негодованіе, но не предвидѣлъ, чтобы паденіе графа открывало путь новому любимцу счастія къ быстрымъ отличіямъ, повышеніямъ, наконецъ— къ низложенію самого Таврическаго.

— „Матушка родная! Vous me nommez votre ami intime, c'est vrai dans toute l'étendue du terme (Вы называете меня вашимъ задушевнымъ другомъ и это истинно въ полномъ смыслѣ слова): будь увѣрена, что тебѣ преданъ нелицемѣрно. Страннымъ всѣмъ происшествіямъ я не дивлюсь, знавъ его (т. е. Мамонова) лучше другихъ, хотя и мало съ нимъ бывалъ: mais par ma coutume d'apprécier les choses, je ne me suis jamais trompé en lui: c'est un mélange d'indolence et d'egoïsme. Par ce dernier il était Narcisse à outrance. Ne pensant qu'à lui, il exigeait tout sans payer d'aucun retour; étant paresseux, il oubliait même les bienséances; n'importe que la chose n'ait aucun prix, mais sitôt qu'elle lui plût, selon lui elle doit avoir tout le prix du monde. Voilà les droits de la princesse Sczerbatoff (но, по обычаю моему оцѣнивать вещи, я никогда не ошибался въ немъ: это смѣсь безпечности съ эгоизмомъ. Послѣднимъ качествомъ это былъ Нарцисъ до крайней степени. Думая только о себѣ самомъ, онъ требовалъ всего, ничѣмъ не отплачивая; будучи лѣнивъ, онъ забывалъ самыя приличія; ни

Библиотека "Руниверс"

мало не заботясь о томъ, стоитъ-ли вещь какой цѣны, но коль скоро она ему понравилась, то, по его мнѣнію, она должна быть неоцѣненнѣйшею въ мірѣ. Таковы права княжны Щербатовой). Можно-ли такъ глупо и столь странно себя оказать всему свѣту? Какъ вещи открываются, тогда лучше слѣды видны; амуришка этотъ давній; я слышалъ прошлаго году, что онъ изъ-за стола присылывалъ ей фрукты; тотчасъ смѣтилъ, но, не имѣвъ точныхъ уликъ, не могъ утверждать предъ тобою, матушка. Однако-жъ намекнулъ; мнѣ жаль было тебя, кормилица, видѣть, а паче были несносны его грубость и притворныя болѣзни. Будьте увѣрены, что онъ наскучитъ съ своею дульцинеею: и такъ уже тяжело ему было платить за нее долгъ тридцать тысячъ, а онъ деньги очень жалуетъ. Ихъ шайка была наполнена фальши и сколько плели они разныхъ притворствъ скрывать интригу! Ты, матушка, не мстительна, то я и совѣтую безъ гнѣва отправить друга и ментора хотя въ Швейцарію министромъ, pourquoi le retenir ici avec sa femme qui est une execrable intrigante! Vous avez très bien fait de l'expédier à Moscou, mais ne croyez pas, матушка, aux conjectures que vous faites: il n'y a rien du tout, pourquoi vous lui faites tant d'honneur? (зачѣмъ удерживать его здѣсь съ его женою, гнусною интриганкою. Вы очень хорошо сдѣлали отправивъ его въ Москву, но не вѣрьте, матушка, вашимъ предположеніямъ: нѣтъ ничего, зачѣмъ же дѣлать ему такъ много чести?)

„Я ему писалъ письмо коротенькое, но довольно сильное.

. . „Дай тебѣ Богъ здоровья и спокойствія, которое столь нужно, а паче чтобы имѣть свѣжую голову для развязки столь многихъ хлопотъ."

Занятый войною съ турками, готовясь приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, Потемкинъ, вполнѣ увѣренный въ своей силѣ, не обратилъ особаго вниманія на перемѣну, происшедшую при дворѣ. Ведя съ императрицею дѣятельную переписку о дѣлахъ государственныхъ [1]), онъ далекъ былъ отъ мысли, чтобы мальчикъ Зубовъ когда-нибудь могъ угрожать его могуществу. Между тѣмъ, почти въ каждомъ своемъ письмѣ (съ іюля 1789 г.) Екатерина, съ особеннымъ чувствомъ благосклонности писала къ князю Таврическому о братьяхъ Зубовыхъ вообще, о Платонѣ — въ особенности. Изъ писемъ императрицы видна ея заботливость снискать Зубовымъ расположеніе Потемкина. Это посредничество можетъ служить мѣриломъ степени могущества, на которой тогда находился князь Таврическій.

---

[1]) См. этотъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи Россіи XVIII-го в. въ «Русской Старинѣ» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 33—58; 239—262; 441—478; 571—590; томъ XVII и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

Должно замѣтить, что почти всѣ письма Екатерины II къ кн. Потемкину были посвящены дѣламъ государственной важности и, при всемъ томъ, почти въ каждомъ изъ нихъ императрица удѣляла нѣсколько строкъ „милымъ дѣтямъ", такъ называла она Зубовыхъ, хваля князю Потемкину ихъ прямодушіе, чистосердечіе, благородство... Руководимый Н. И. Салтыковымъ, Платонъ Зубовъ покорствовалъ ему, какъ послушный ребенокъ; оба брата своею ребячливостью заслужили благосклонность государыни, а, между тѣмъ, въ ихъ умѣ созрѣвали планы на будущее до того хитросплетенные, что имъ позавидовалъ бы и самый опытный придворный искатель фортуны. „Милые дѣти" росли, или вѣрнѣе сказать, возвышались со сказочной быстротою.

За ихъ успѣхами зорко слѣдилъ преданный князю Таврическому М. Гарновскій; но и изъ его Записокъ мы видѣли, что возвышеніе Зубовыхъ не внушало ему серьезныхъ опасеній за перевѣсъ ихъ надъ могущественнымъ Потемкинымъ. По ихъ недавнему ничтожеству, Зубовы, въ сравненіи съ прежними врагами и завистниками князя Таврическаго, были какъ черви передъ змѣями; но для мощнаго, коренастаго дуба опасны не змѣи, а черви: такъ и Зубовы подточили счастіе Потемкина.

Упоенный недавними успѣхами борьбы своей съ турками, увѣнчанный лаврами, князь Таврическій, въ угоду императрицѣ, сдѣлавъ причастными своимъ ратнымъ подвигамъ братьевъ Зубовыхъ, Николая и Валеріана, пожаловалъ, по ходатайству государыни, и ничему не причастнаго Платона въ корнеты Кавалергардскаго корпуса и вообще, въ исходѣ 1789 и въ началѣ 1790 года, находился къ Зубовымъ въ самыхъ добрыхъ отношеніяхъ. Изъ всѣхъ трехъ братьевъ, дѣйствительно служилъ одинъ только Николай; „интересному ребенку" Валеріану служба при Потемкинѣ открывала не особенно тернистый путь къ повышеніямъ; Платонъ благодушествовалъ въ совершенной праздности, удѣляя досужія отъ нея минуты наглядному знакомству съ государственными дѣлами. Во главѣ дипломатической части находился тогда сильный тріумвиратъ: А. А. Безбородко, гр. А. Р. Воронцовъ и П. В. Завадовскій. Ни одинъ изъ нихъ, конечно, не желалъ посвящать юношу Зубова въ таинства науки международныхъ сношеній, тѣмъ болѣе, что и способности его не обѣщали въ немъ искуснаго дипломата. Мнѣнія свои П. А. Зубовъ высказывалъ императрицѣ; она снисходительно ихъ выслушивала, но, до времени, не соглашалась съ ними, будучи несравненно дальновиднѣе юнаго „государственнаго мужа", всегда самаго плохаго дипломата, даже и тогда, когда онъ достигъ той высоты могущества, съ которой и его голосъ могъ имѣть вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ. Воен-

Библиотека "Руниверс"

ныя силы находились тогда въ рукахъ Потемкина: произвольно располагать ими не дозволяла себѣ и сама императрица. Новичокъ въ дипломатикѣ, совершенный невѣжда въ военномъ искусствѣ, П. А. Зубовъ, въ виду могучихъ противниковъ своимъ честолюбивымъ замысламъ, могъ только присматриваться къ ходу государственныхъ дѣлъ, и то исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда Екатерина II удостоивала его сообщеніемъ свѣдѣній о текущихъ политическихъ событіяхъ и собственныхъ своихъ воззрѣній на дальнѣйшія перемѣны въ дѣлахъ государственныхъ. Зданіе своего могущества Зубовъ строилъ подъ наблюденіемъ своего милостивца—Н. И. Салтыкова, по плану, начертанному этимъ опытнымъ царедворцемъ. Прочнѣйшимъ основаніемъ счастія Зубова служило неограниченное къ нему расположеніе шестидесятилѣтней императрицы, которую глубоко трогала нѣжнѣйшая внимательность и расторопная угодливость и заботливость юноши — предупредить ея малѣйшее желаніе. Постоянныя, восторженныя похвалы, расточаемыя Потемкину новымъ любимцемъ счастья, приносили сему послѣднему громадную пользу въ томъ отношеніи, что онѣ, въ глазахъ императрицы, казались несомнѣнными признаками простосердечія пылкаго юноши и искренней восторженности, чуждой зависти. Эта система дѣйствій, предначертанная Зубову Н. И. Салтыковымъ, хотя очень простая, не отличавшаяся новизною пріемовъ, обѣщала однако же въ близкомъ будущемъ несомнѣнный успѣхъ искателю счастія.

Пріемная и самая прихожая П. А. Зубова, какъ мы уже говорили, съ первыхъ дней его возвышенія наполнились поклонниками и приспѣшниками, угадывавшими въ молодомъ человѣкѣ будущаго сильнаго царедворца. Въ этой толпѣ добровольныхъ челядинцевъ явился и Г. Р. Державинъ, въ чемъ онъ самъ простодушно сознается въ своихъ запискахъ [1]).

Державинъ прибылъ изъ Тамбова въ Петербургъ, въ іюнѣ 1789 г., похлопотать о своемъ освобожденіи изъ-подъ суда и о пріисканіи должности. 1-го августа онъ былъ милостиво принятъ императрицею, которая, избавивъ его отъ суда, повелѣла производить ему жалованье впредь до опредѣленія къ мѣсту [2]); но несмотря на обѣщаніе государыни, авторъ „Фелицы“, по неимѣнію покровителей, оставался „какъ бы забвеннымъ“.

— „Въ такомъ случаѣ (говоритъ Державинъ въ своихъ Запискахъ) не оставалось ему ничего другаго дѣлать, какъ искать входу къ лю-

[1]) «Сочиненія Державина» изд. Я. К. Грота. Томъ I, стр. 270 и томъ VI. «Записки Державина» отд. VI, стр. 610—612.

[2]) См. «Записки А. В. Храповицкаго»—1-го августа 1789 г.

Библиотека "Руниверс"

бимцу государыни и чрезъ него искать себѣ покровительства. Въ то время, по отставкѣ Мамонова, вступилъ на его мѣсто молодой конной гвардіи офицеръ, Платонъ Александровичъ Зубовъ, который никакъ съ нимъ не былъ знакомъ; ибо, когда онъ служилъ въ гвардіи, тогда еще сей дитя фортуны былъ малолѣтенъ и бѣгалъ со своимъ семействомъ туда и сюда, отъ Пугачева укрываясь [1]). Но, что дѣлать? надобно было сыскивать случай съ нимъ познакомиться. Какъ трудно доступить до фаворита, сколько ни заходилъ къ нему въ комнаты— всегда придворные лакеи, бывшіе у него на дежурствѣ, отказывали, сказывая, что или почиваетъ, или ушелъ прогуливаться, или у императрицы. Такимъ образомъ, ходя нѣсколько разъ, не могъ удостоиться ни одного раза застать его у себя."

„Не осталось другаго средства, какъ прибѣгнуть къ своему таланту. Вслѣдствіе чего написалъ онъ оду „Изображеніе Фелицы" [2]), и къ 22-му числу сентября, т. е. ко дню коронованія императрицы, передалъ черезъ Эмина [3]), который въ Олонецкой губерніи былъ при немъ экзекуторомъ и былъ какъ-то Зубову знакомъ. Государыня, прочтя оную, приказала любимцу своему, на другой день, пригласить автора къ нему ужинать и всегда принимать его въ свою бесѣду. Это было въ 1789 г. Съ тѣхъ поръ онъ сему царедворцу сталъ знакомъ; но, кромѣ ласковаго обращенія, никакой отъ него помощи себѣ не видалъ. Однако и одинъ входъ къ фавориту дѣлалъ уже въ публикѣ ему много уваженія, а сверхъ того, и императрица приказала приглашать его въ эрмитажъ и (на) прочія домашнія игры, какъ-то на святки, когда они наступали, и на прочія собранія".

Тотъ же „талантъ" открылъ Державину доступъ въ домъ князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, въ которомъ поэта принимали хорошо до времени сватовства Димитрія Александровича Зубова на княжнѣ Прасковьѣ Александровнѣ. Когда Державинъ пріѣхалъ поздравить семейство князя съ этимъ радостнымъ событіемъ—„то княгиня, принявъ холодно, показала ему спину". Какъ бы то ни было, но путь и въ пріемную, и въ столовую П. А. Зубова былъ открытъ піитѣ-Державину.

---

[1]) Замѣчательно, что одинъ изъ крѣпостныхъ людей А. Н. Зубова, крестьянинъ деревни Тюрнеку (Симбирскаго уѣзда) Николай Голововъ, бѣжалъ въ одну изъ шаекъ Пугачева и принималъ участіе въ ея злодѣйствахъ («Соч. Державина» томъ V, стр. 68—69).

[2]) «Соч. Державина» томъ I, стр. 270—299.

[3]) Николай Ѳедоровичъ Эминъ († 1814 г.) сынъ извѣстнаго въ свое время поэта и романиста Ѳедора Александровича Эмина, дарованіями и трудолюбіемъ неуступавшаго Тредьяковскому.

Библиотека "Руниверс"

Въ исходѣ 1789 и въ началѣ 1790 года Потемкинъ, медля военными дѣйствіями, предался нѣгѣ и, избравъ главною своею квартирою Яссы, утопалъ въ удовольствіяхъ, окруженный цѣлымъ гаремомъ красавицъ и легіономъ прихлебателей[1]); велъ переписку съ Прасковьей Александровной Потемкиной; задавалъ праздники дамамъ, проживавшимъ при главной квартирѣ, и т. д. Валеріанъ Александровичъ Зубовъ, находившійся при князѣ, имѣлъ возможность доставлять въ Петербургъ, къ брату своему, самыя достовѣрныя сообщенія объ образѣ жизни свѣтлѣйшаго, которыя, какъ бы неумышленно, въ домашней бесѣдѣ, доводились до свѣдѣнія императрицы и едва-ли были ей пріятны...

Должно замѣтить, что удаленіе Валеріана Зубова изъ Петербурга было слѣдствіемъ раздора, возникшаго между нимъ и Платономъ. Екатерина II благоволила обоимъ братьямъ одинаково; но Платонъ не могъ терпѣть совмѣстничества въ полученіи наградъ даже и съ братомъ. Одинъ только родитель Зубовыхъ, Александръ Николаевичъ, въ своей должности оберъ-прокурора перваго департамента сената, безпрепятственно пользовался всѣми выгодами, которыя только могъ и умѣлъ извлекать, незаконными путями, изъ своего положенія. Въ мартѣ 1790 года онъ ходатайствовалъ о возведеніи въ княжеское достоинство дяди своего Трегубова, выведя его родъ отъ князей Кабардинскихъ[2]). Это ходатайство о родственникѣ, можетъ быть, и не совсѣмъ справедливое въ юридическомъ смыслѣ, было, по крайней мѣрѣ, безвредно. Несравненно возмутительнѣе было дѣло А. Н. Зубова съ отставнымъ провіантскаго штата маіоромъ Бехтѣевымъ, у котораго онъ хищническимъ образомъ захватилъ имѣніе въ 600 душъ, выгнавъ помѣщика съ семействомъ изъ его собственнаго дома. У Бехтѣева въ Владимірскомъ уѣздѣ, въ сосѣдствѣ съ деревнями Зубова, находилось имѣніе въ 600 душъ, которыя ихъ владѣльцемъ были заложены въ опекунскомъ совѣтѣ за 40,000 руб. Бехтѣевъ просрочилъ— и А. Н. Зубовъ безъ всякой отъ Бехтѣева довѣренности взнесъ за него деньги и выкупилъ имѣніе; гражданская палата, по предъявленіи закладной, укрѣпила имѣнье за А. Н. Зубовымъ, какъ за взносчикомъ денегъ. Намѣстническое правленіе, выгнавъ Бехтѣева изъ дому, утвердило Зубова въ правахъ владѣльца чужимъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ[3]).

Этотъ эпизодъ изъ служебной дѣятельности А. Н. Зубова, искус-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1875 г. томъ XIII, стр. 163—171, и т. XIV, стр. 225—240.

[2]) «Дневникъ Храповицкаго», изд. 1874 г., марта 2-го 1790 г.

[3]) «Соч. Державина», томъ VI; «Записки», стр. 614—617.

Библиотека "Руниверс"

наго „дѣльца“ стараго времени, достаточно свидѣтельствуетъ о степени его силы и о тѣхъ хищеніяхъ, которыя позволялъ себѣ родитель Платона Александровича, подъ его защитою, вполнѣ увѣренный въ совершенной безнаказанности. Ограбленный Бехтѣевъ, убѣжденный въ томъ, что жалоба его не достигнетъ до государыни, выжидалъ время, чтобы прибѣгнуть къ покровительству Потемкина и это, какъ увидимъ, ему удалось; но подобныя попытки удавались немногимъ: въ большинствѣ случаевъ лица, ограбленныя А. Н. Зубовымъ, молчали, чтобы, вмѣсто одной бѣды, не накликать на себя другой, худшей. Мщеніе временщика было страшнѣе гнѣва самой императрицы.

1790 годъ былъ тяжелымъ годомъ для Екатерины II. Кромѣ войны съ Турціей и со Швеціей, государыня была сильно озабочена французскою революціею, день ото дня принимавшею обширнѣйшіе размѣры. Она угадывала, что революція—не пугачевщина; что это борьба духа времени съ отжившими порядками средневѣковаго деспотизма, протестъ цѣлаго народа на деспотическій произволъ королевской власти и на злоупотребленія монархіи. Опасенія, чтобы мятежный духъ не проникъ въ Россію—путемъ сношеній заграничныхъ масоновъ и иллюминатовъ съ русскими—побудили императрицу принимать строгія и, сказать по справедливости, недостойныя ея мѣры къ предупрежденію зла, болѣе воображаемаго, нежели дѣйствительнаго. Жертвами старческой подозрительности Екатерины II были: въ 1790 году А. Н. Радищевъ, въ 1793 г.—Н. И. Новиковъ и Я. Б. Княжнинъ; за „мартинистами“ зорко слѣдили кн. Прозоровскій и Архаровъ—лица, какъ бы явившіяся на свѣтъ Божій изъ заброшенныхъ застѣнковъ Преображенскаго приказа, или изъ приказа „недоимочнаго“ временъ Анны Іоанновны; они, вмѣстѣ съ заплечнымъ мастеромъ Шешковскимъ, были блюстителями спокойствія невозмутимой Россіи... Для полноты перечня правительственныхъ мѣропріятій въ 1790 г. противъ призрака революціи, назовемъ и перелюстрацію, которою такъ исправно занимался московскій почтъ-директоръ Пестель [1]).

Платонъ Зубовъ является въ кругу лицъ, приближенныхъ къ императрицѣ, одновременно съ первымъ взрывомъ французской революціи (Бастилія была взята 4-го іюля ст. стиля 1789 года). Бурныя событія въ Парижѣ бывали, конечно, частымъ предметомъ разговоровъ императрицы съ приближенными вообще, съ Зубовымъ въ особенности. Ему, лучше нежели кому другому, были извѣстны предполагаемыя мѣропріятія для преслѣдованія „мартинистовъ“ и прочихъ мнимыхъ

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1873 г. томъ VII, стр. 75—84 и изд. 1874 г. томъ IX, стр. 57—72; 258—276; 465—472.

Библиотека "Руниверс"

злоумышленниковъ на спокойствіе Россіи. Если бы сердцу Зубова доступны были чувства любви къ отечеству и великодушная ревность о доброй славѣ императрицы, онъ могъ бы быть предъ нею ходатаемъ за тѣхъ, на которыхъ рушился гнѣвъ Екатерины II; могъ бы заботиться объ облегченіи ихъ участи. Когда императрица назначила князя Александра Александровича Прозоровскаго главнокомандующимъ въ Москву (въ декабрѣ 1790 г.), Потемкинъ, какъ извѣстно, писалъ государынѣ: „Ваше величество выдвинули изъ вашего арсенала самую старую пушку, которая будетъ непремѣнно стрѣлять въ вашу цѣль, потому что своей собственной не имѣетъ. Только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью въ потомствѣ имя вашего величества". Къ несчастью, въ Зубовѣ не было тѣхъ чувствъ, которыми былъ одаренъ Потемкинъ, и есть многія основанія полагать, что Платонъ Александровичъ не только не отклонялъ императрицу отъ мѣръ излишней строгости, но даже самъ предлагалъ ихъ, желая этимъ выказать свое усердіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нагонять страхъ на общественныхъ и литературныхъ дѣятелей, сочувствовавшихъ не ужасамъ революціи, но проявленіямъ духа новаго времени. Радищевъ, Новиковъ, Княжнинъ были ничуть не вольнодумнѣе Фонъ-Визина; но покровителемъ послѣдняго былъ Потемкинъ,—участникомъ въ гоненіяхъ трехъ первыхъ писателей былъ Зубовъ. Гордый, надменный князь Таврическій не любилъ олигарховъ, но сочувствовалъ русскому простому народу, и, для XVIII вѣка, могъ назваться — добрымъ помѣщикомъ. Когда Потемкину было всемилостивѣйше пожаловано нѣсколько деревень въ недавно присоединенномъ къ Россіи западномъ краѣ, то первымъ его распоряженіемъ было уничтоженіе висѣлицъ, къ которымъ прежніе польскіе паны, по феодальному помѣщичьему праву, присуждали своихъ холопьевъ. Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ, въ 1795 г. вознагражденный помѣстьями въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ, обращалъ мелкопомѣстную или безземельную шляхту въ своихъ крѣпостныхъ и никогда въ отношеніи ихъ не отличался мягкосердіемъ.....

Лѣтомъ 1790 года шведскій флотъ явился вблизи Кронштадта канонада 29-го мая была слышна въ Петербургѣ и, при вѣтрѣ съ моря, жители столицы ощущали запахъ пороховаго дыма... Письмами своими императрица размѣнивалась съ Потемкинымъ совершенно при одинаковыхъ условіяхъ обстановки: письма писались при грохотѣ орудій. При всѣхъ своихъ заботахъ, увѣдомляя князя Таврическаго о военныхъ дѣйствіяхъ, императрица въ каждомъ своемъ письмѣ удѣляла нѣсколько строкъ, чтобы упомянуть о Зубовыхъ.

Обложеніе Измаила началось 21-го ноября 1790 года отрядомъ генералъ-маіора Михаила Илларіоновича Кутузова; 2-го декабря при-

Библиотека "Руниверс"

былъ Суворовъ, а одиннадцатаго числа того же мѣсяца Измаилъ „палъ предъ трономъ ея императорскаго величества". Вѣстникомъ о взятіи неприступной твердыни Потемкинъ послалъ въ Петербургъ Валеріана Зубова. Желаніе угодить этимъ императрицѣ побудило Потемкина подѣлиться торжествомъ русскаго оружія съ братомъ тайнаго своего ненавистника. Можетъ быть, давая это лестное порученіе Валеріану Зубову, князь Таврическій хотѣлъ доказать, что оба брата ни мало не опасны его могуществу.... но уже тогда князь Таврическій рѣшился ѣхать въ Петербургъ—вырвать зубъ — какъ выражался не только приближеннымъ, но и предъ Валеріаномъ Зубовымъ, передъ отправленіемъ его съ реляціею о взятіи Измаила. Изъ писемъ императрицы Потемкинъ видѣлъ, какъ высоко поставленъ новый временщикъ въ мнѣніи Екатерины II; такъ наприм. въ письмѣ отъ 22-го января 1791 года, вновь расточая самые лестные отзывы о Платонѣ Зубовѣ, государыня писала:

«....Корнетъ твой кавалергардскій непремѣнно продолжаетъ свое похвальное и примѣрное и разумное поведеніе; я чрезвычайно довольна честностью, добросердечіемъ и нелицемѣрною его привязанностью ко мнѣ; онъ весьма благодаренъ за ласки твои къ нему и ты его найдешь достойнымъ оныхъ».

Въ слѣдующемъ письмѣ Екатерина II, знавшая о намѣреніи князя Потемкина прибыть въ Петербургъ, какъ-бы предписывала ему программу дѣйствій и обхожденія съ новыми сынами счастья, къ ней приближенными:

«... Желаю, чтобы ты веселился своими успѣхами и былъ пріятенъ и любезенъ въ своемъ обхожденіи; сію задачу тебѣ выполнить не трудно, понеже когда природный твой умъ находитъ свободное сопряженіе съ твоимъ добрымъ сердцемъ. Vos sentiments à mon égard me sont connus, et comme je suis persuadée qu'ils font partie de votre existence, je suis persuadée aussi qu'ils ne sauraient changer; je ne vous en ai encore jamais connu d'autres. (Мнѣ извѣстны чувствованія ваши въ отношеніи меня, а такъ какъ я увѣрена, что они составляютъ часть вашего бытія, то увѣрена также, что они не могутъ измѣниться; иныхъ чувствованій въ васъ я никогда не знала).

28-го февраля 1791 года, князь Потемкинъ прибылъ въ Петербургъ и пріемъ, оказанный ему императрицею, въ первое время, разсѣялъ тревожныя опасенія Таврическаго о значеніи Платона Зубова; но опасенія эти разсѣялись не надолго. П. П.

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВНЫЕ ПОСОБНИКИ ПУГАЧЕВА.

Очерки и разсказы.

VI [1]).

Пьяновъ [2]).

Денисъ Пьяновъ, 50 лѣтъ отъ роду, былъ казакомъ яицкаго войска и принадлежалъ къ расколу; при вступленіи въ службу, 20-ти лѣтъ, былъ у присяги, а потому хорошо зналъ, за какія провинности велѣно дѣлать наказаніе; въ 1772 же году отставленъ отъ службы. Во время бунта яицкихъ казаковъ былъ противъ старшинъ, но при убійствѣ генерала фонъ-Траубенберга, по болѣзни, не присутствовалъ; вслѣдствіе этого, при расправѣ по поводу этого убійства, онъ не былъ наказанъ.

Въ ноябрѣ 22-го числа 1772 г., пріѣхалъ къ нему въ Яицкій городокъ, изъ села Мечетнаго на Иргизѣ, знакомый мужикъ, раскольникъ Семенъ Филиповъ, для продажи хлѣба, а съ нимъ какой-то неизвѣстный купецъ, называвшійся Емельяномъ Ивановымъ; прожили они въ городкѣ семь дней. Въ то время пронеслась молва, что въ Царицынѣ появился какой-то царь; Пьяновъ спрашивалъ поэтому своихъ гостей, не слышали-ли они чего-нибудь объ этомъ?

— Да, это правда,—отвѣчалъ Ивановъ,—онъ подлинно царь Петръ Ѳедоровичъ и хотя его въ Царицынѣ поймали, однако онъ ушелъ, а вмѣсто его замучили другаго.

— Да какъ же это можетъ статься? возразилъ Пьяновъ,—вѣдь Петръ Ѳедоровичъ умеръ?

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 479—508.

[2]) Свѣдѣнія объ его участіи въ пугачевщинѣ изложены здѣсь на основаніи показанія 10-го мая 1774 года въ секретной коммисіи.

Библиотека "Руниверс"

— Неправда,—прибавилъ Ивановъ,—онъ также спасся въ Петербургѣ отъ смерти, какъ и въ Царицынѣ.

Пьяновъ, сомнѣваясь въ достовѣрности сообщеній Иванова, на этомъ прекратилъ разговоръ.

— А вотъ, какъ вамъ, яицкимъ казакамъ, не стыдно,—продолжалъ Ивановъ,—что вы терпите такія притѣсненія въ вашихъ привиллегіяхъ.

— Что же дѣлать! Такъ, видно, тому и быть! отвѣчалъ Пьяновъ.

— Не лучше-ли вамъ выйти съ Яику въ Турецкую область, на Лабу рѣку,—сказалъ Ивановъ; а на выходъ я дамъ вамъ и денегъ, на каждую семью по двѣнадцати рублей; на границѣ же у меня оставлено до 200,000 рублей, да на 70,000 товару; вотъ на эти-то деньги. если яицкое войско согласно бѣжать, и будетъ оно содержаться.

— Да гдѣ же ты эти деньги взялъ? спросилъ Пьяновъ, да что ты, братъ, за человѣкъ?

— Я заграничный купецъ. Вотъ если вы теперь прійдете за границу, такъ васъ всѣхъ съ радостью турецкій паша встрѣтитъ и если войско будетъ нуждаться въ деньгахъ, то сейчасъ дастъ хотя пять милліоновъ рублей.

Пьяновъ, боясь, чтобы въ такомъ родѣ дальнѣйшій разговоръ не довелъ до какой-либо бѣды, постарался скорѣе его прекратить.

Во время недѣльнаго пребыванія Емельяна Иванова (какъ назывался Пугачевъ) у Пьянова, онъ часто ходилъ на базаръ и на бывшіе при немъ деньги купилъ для себя пестряди на рубаху, которую и сшила сноха Пьянова. Потомъ, накупивъ рыбы нѣсколько сазановъ, Емельянъ на одной лошади, а Семенъ Филиповъ на двухъ отправились обратно на Иргизъ. Чрезъ нѣсколько времени пріѣхали на Яикъ съ Иргиза старики и сказывали, что Емельку велѣно ловить, по за что̀ — имъ навѣрно неизвѣстно; а скоро потомъ прислано повелѣніе изъ Малыковки взять Пьянова подъ караулъ за то, что Емелька Ивановъ вышеозначенныя слова въ его домѣ произносилъ и тотъ не донесъ объ этомъ; однако Пьянову удалось скрыться, а взяли подъ караулъ одну его жену Аграфену. Съ этихъ поръ Пьяновъ шатался по разнымъ мѣстностямъ, а пропитаніе доставалъ у старцевъ раскольниковъ; пробрался онъ вверхъ по Яику въ Ташлу и жилъ у казака яицкаго Антипьева, а потомъ былъ на Кинделѣ, въ Илецкихъ хуторахъ и нѣсколько мѣсяцевъ жилъ въ ямѣ на Общемъ Сыртѣ. Передъ Рождествомъ пошелъ онъ было тихонько на Яикъ, чтобъ войти въ свой домъ и взять хлѣба; тутъ домашніе ему объявили, что Емелька Ивановъ назвался царемъ Петромъ Ѳедоровичемъ и прошелъ мимо Яицкаго городка съ командою подъ Оренбургъ; бо̀льшая часть яицкихъ казаковъ признала его государемъ и пристала къ нему, но пол-

Библиотека "Руниверс"

ковникъ Симоновъ, сдѣлавъ себѣ укрѣпленіе, засѣлъ въ немъ. Пьяновъ выслушалъ все это, и такъ какъ былъ уже отставнымъ, то разсудилъ, что лучше не приставать ни къ той, ни къ другой сторонѣ. Въ это время возвратился съ низовьевъ Яика яицкій казакъ Михаилъ Толкачевъ съ большою толпою передавшихся на сторону Пугачева и началъ приступъ къ укрѣпленію Симонова, но не имѣлъ никакого успѣха и понесъ большой уронъ. Узналъ Пугачевъ, что Пьяновъ находится въ Яицкомъ городкѣ и послалъ за нимъ Овчинникова.

— Ступай,—сказалъ тотъ Пьянову,—скорѣе къ государю, а если этого не сдѣлаешь, то онъ тебя повѣситъ!

Это было 6-го января, а 7-го числа, когда Пугачевъ прибылъ въ Яикъ для подорванія подкопомъ укрѣпленія Симонова, Пьяновъ явился къ нему.

— Ну что, узнаешь-ли ты меня? спросилъ Пугачевъ.

— Какъ не узнать! вѣдь дѣло-то недавно было.

— Смотри же, я не Емельянъ Ивановъ, а государь вашъ Петръ Ѳедоровичъ; я хлѣбъ и соль твою помню и тебя не забуду.

Пьяновъ, видя, что всѣ окружающіе казаки признаютъ его за государя, и самъ этому повѣрилъ; отъ Пугачева же онъ, не смотря на его обѣщанія, никогда ничего не получалъ, за исключеніемъ того, что на свадьбѣ ему подарено было 5 рублей. Самозванецъ не опредѣлилъ Пьянова ни въ какую должность, по случаю его преклонныхъ лѣтъ. Когда совершалась женитьба Пугачева на дочери яицкаго казака Кузнецова Устиньѣ, Пьяновъ участвовалъ въ свадебномъ поѣздѣ и сидѣлъ съ Пугачевымъ за обѣдомъ, гдѣ присутствовали и всѣ главные сообщники; тысяцкимъ у Пугачева былъ Михаилъ Толкачевъ, а дружкою Петръ Бизяковъ. Послѣ отъѣзда Пугачева въ Берду, самими близкими людьми къ Устиньѣ были Толкачевъ съ женою, тесть и своячина; около нея былъ также и Пьяновъ, который и питался отъ Устиньинаго стола, при чемъ ни разу не удостоился чести сидѣть съ нею за обѣдомъ. При войскахъ на Яикѣ былъ атаманъ Корга, человѣкъ очень жестокій, перевѣшавшій весьма много народу. Послѣ разбитія Пугачева, Пьяновъ, страшась, что его схватятъ, ушелъ въ степь, а въ то время, какъ пришелъ въ Яицкій городокъ за хлѣбомъ, былъ пойманъ командою Мансурова и присланъ въ Оренбургъ. Самъ Пьяновъ явиться къ правительственнымъ войскамъ не хотѣлъ, потому что не довѣрялъ слухамъ, какъ будто бы вышелъ отъ императрицы указъ, которымъ всѣ повинившіеся добровольно прощаются; никакихъ злодѣйствъ по приказу Пугачева не дѣлалъ, а

Библиотека "Руниверс"

единственно, въ чемъ считаетъ себя виновнымъ—участвовалъ въ его толпѣ.

VII.

Игуменъ Филаретъ [1]).

Пугачевъ, живя еще на Дону, способствовалъ бѣгству за Донъ своего зятя; а потому, боясь преслѣдованія закона, строго каравшаго за всякаго рода помощь убѣгающимъ въ степи, по совѣту донскаго казака Луганской станицы Андрея Кузнецова, рѣшился бѣжать изъ своей станицы. Но куда? Вмѣсто того, чтобы явиться, по совѣту Кузнецова, на Яикъ съ цѣлью уговора тамошнихъ казаковъ къ побѣгу, онъ отправился въ Слободскую Украинскую губернію, въ Изюмскій полкъ, и остановился тамъ у одного раскольника крестьянина, по прозванію Коровка; къ нему Пугачевъ обратился за совѣтомъ: какимъ бы болѣе удобнымъ способомъ можно пробраться въ Польшу? Коровка утверждалъ, что самое лучшее пройти въ раскольническій монастырь на Вѣткѣ, а для сопровожденія его туда онъ дастъ своего сына Антона, часто пописывавшаго фальшивые паспорты. Пугачевъ сперва не соглашался на такой маршрутъ, а хотѣлъ пробраться на поселенія въ Бендеры; но узнавъ близь границы, что въ Бендеры не пропускаютъ съ писанными паспортами, а только съ печатными (Антонъ написалъ себѣ и Пугачеву паспорты), они повернули на Вѣтку, куда доступъ былъ легче. Пробывъ немного время на Вѣткѣ у раскольниковъ, Пугачевъ явился на Добрянскомъ форпостѣ, имѣя при себѣ нѣсколько денегъ, заработанныхъ имъ на сѣнокосѣ. Назвался онъ здѣсь польскимъ выходцемъ, утаивъ свое настоящее имя, чтобы его не задержали, и долженъ былъ просидѣть нѣсколько недѣль въ карантинѣ; во время этого отсиживанія, для своего прокормленія, онъ нанимался на разныя работы; работалъ однажды онъ у добрянскаго купца раскольника Кожевникова; у него же, вмѣстѣ съ Пугачевымъ, былъ и другой бѣглецъ, солдатъ, объявившій себя тоже выходцемъ изъ Польши; этотъ солдатъ какъ-то разъ проговорился Кожевникову, что Пугачевъ очень похожъ на покойнаго государя Петра III. Кожевниковъ постарался завести дружественный разговоръ съ Пугачевымъ, въ которомъ послѣдній и открылъ свое настоящее имя, отчего онъ бѣжалъ съ Дону, а также и то, какою цѣлью онъ задался—убѣжать на Кубань.

---

[1]) Составлено на основаніи показанія Пугачева, письма къ Филарету, показанія Попова въ ноябрѣ 1774 г. и показанія самого Филарета въ тайной коммисіи, 8-го февраля 1774 г.

Библиотека "Руниверс"

— Слушай, другъ мой,—сказалъ Кожевниковъ,—если ты хотѣлъ бѣжать за Кубань, то на это рѣшиться одному невозможно; хочешь-ли ты начать лучшее намѣреніе: здѣсь есть люди, которые находятъ въ тебѣ подобіе съ государемъ Петромъ III; прійми на себя это званіе и поди на Яикъ; я точно знаю, что яицкіе казаки теперь притѣснены; объявись тамъ подъ симъ высокимъ названіемъ государя и подговаривай ихъ бѣжать съ собой; а вотъ сей солдатъ скажется гвардейцемъ и будетъ всѣхъ увѣрять, что ты подлинно государь и что онъ тебя знаетъ, а простой народъ всему этому повѣритъ; обѣщай яицкимъ казакамъ награжденіе по 12 рублей на человѣка. Деньги же, если нужно будетъ, я тебѣ свои дамъ, да и другіе помогутъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы вы насъ, раскольниковъ, взяли съ собою, ибо намъ, старовѣрамъ, жить здѣсь стало трудно и гоненіе намъ дѣлаютъ непрестанное!

Тоже совѣтовалъ Пугачеву и другой добрянскій купецъ, Крыловъ. Потомъ, какъ Кожевниковъ, такъ и Крыловъ, уговаривали его отправиться на Иргизъ въ Мечетную слободу къ игумену раскольничьяго монастыря Филарету, который-де ему поможетъ, а также, зная всѣ обстоятельства яицкихъ казаковъ, посовѣтуетъ какъ лучше дѣйствовать; а за Филаретомъ пойдутъ всѣ тамошніе раскольники, заручившись расположеніемъ которыхъ легче можно дѣйствовать на Яикѣ.

Пугачевъ, не имѣя ничего лучшаго впереди, рѣшился, какъ ни опасенъ такой путь, дѣйствовать по совѣтамъ Кожевникова и Крылова. На возвратномъ пути изъ Добрянки, онъ, вмѣстѣ съ помянутымъ солдатомъ, зашелъ къ своему знакомому крестьянину Изюмскаго полка Коровкѣ, а потомъ отправился далѣе къ устью Медвѣдицы въ казачьи хутора Андрея Кузнецова; когда Пугачевъ объявилъ послѣднему, что идетъ селиться на Иргизъ, то Кузнецовъ сказалъ:

— Нынче и на Иргизѣ стало великое гоненіе старовѣрцамъ, такъ не лучше-ли пробраться вамъ въ какое-либо другое мѣсто? Слышно здѣсь, что яицкое войско бунтуетъ; вотъ вамъ подговорить бы его бѣжать вмѣстѣ на Кубань!

— А какъ же,—спросилъ Пугачевъ,—пробраться-то на Яикъ?

— Ступай ты, братъ, въ Мечетную слободу и явись тамъ у игумена раскольничьяго монастыря Филарета, онъ мнѣ по расколу крайне знакомъ.

При этомъ Кузнецовъ далъ Пугачеву 74 рубля, чтобы тотъ передалъ ихъ брату, проживавшему на Иргизѣ.

По прибытіи на Иргизъ, солдатъ, сопровождавшій Пугачева, отсталъ и нанялся въ рекруты, а Емельянъ Ивановъ явился къ игумену Филарету, сказалъ свое имя и открылъ ему совѣты Кожевни-

Библиотека "Руниверс"

кова и Крылова. Филаретъ съ радостью выслушалъ намѣренія Пугачева и при этомъ вполнѣ обнадежилъ, что яицкое войско его приметъ, а также прибавилъ, что и самъ онъ, отецъ-игуменъ, будетъ этому способствовать всѣми силами.

Передъ отъѣздомъ въ Яицкій городокъ, Пугачевъ получилъ отъ игумна наставленіе, какимъ образомъ лучше подговорить казаковъ, а также совѣтъ пріѣхать прямо къ казаку Денису Пьянову и первому ему объявить, якобы Пугачевъ былъ подлинный государь Петръ III, и что онъ присланъ отъ игумна Филарета. Пугачевъ, заручившись такими указаніями, отправился на Яикъ съ крестьяниномъ Малыковской волости, Семеномъ Филиповымъ, какъ бы съ цѣлью купить рыбы, но дорогою разсказалъ своему спутнику о своемъ намѣреніи. За подговоръ яицкихъ казаковъ бѣжать на Кубань Пугачевъ былъ арестованъ Малыковскимъ управителемъ, который, видя, что тотъ на Яикѣ назвался купцомъ, а въ паспортѣ изъ Добрянки названъ выходцемъ изъ Польши, высѣкъ его, при этомъ узналъ его настоящее имя и послалъ для суда въ Симбирскъ. Поручено было его везти двумъ Малыковскимъ крестьянамъ, изъ которыхъ одного звали Василіемъ Шмоткинымъ. Пугачевъ, назвавшійся своимъ спутникамъ „заграничнымъ Емельяномъ Ивановымъ", заклепанъ былъ въ ручные и ножные кандалы. Когда они прибыли, въ декабрѣ 1772 года, въ село Тарсы, лежащее на пути изъ Малыковки въ Симбирскъ, то къ нимъ присоединили еще одну бѣглую бабу, для которой нужно было подыскать подводчика; тогда-же, въ селѣ Тарсы былъ крестьянинъ, слагающій персты по раскольническому обыкновенію, но не раскольникъ, Василій Ивановъ сынъ Поповъ; ему надо было ѣхать нарочно въ Симбирскъ для полученія плакатнаго паспорта, поэтому онъ отпросился у своего старосты Афанасія Яковлева отправиться туда. Староста ему сказалъ:

— Чѣмъ тебѣ ѣхать въ Симбирскъ порожнякомъ, такъ наймись лучше везти туда колодницу.

Поповъ на это согласился за три рубля съ полтиною. Но только что всѣ они вмѣстѣ отъѣхали отъ Тарсы верстъ тринадцать и прибыли въ село Широкій Буеракъ, ихъ нагналъ посланный отъ малыковскихъ управительскихъ дѣлъ разсыльщикъ Тихонъ Петровъ сынъ Носовъ и объявилъ управительскій приказъ воротить ту женку, которую Поповъ взялся везти. Такимъ образомъ Попову приходилось ѣхать самому за паспортомъ; тогда его сталъ просить караульщикъ Пугачева, товарищъ Шмоткина, чтобы онъ взялся доставить злодѣя въ Симбирскъ, такъ какъ ему все равно нужно было ѣхать туда, при чемъ сулилъ вознагражденія три рубля. Поповъ согласился, взялъ означен-

Библиотека "Руниверс"

ныя деньги и далъ росписку въ пріемѣ. Затѣмъ продолжали путь дней десять, такъ какъ, хотя разстояніе отъ Тарсъ до Симбирска не было больше 180 верстъ, но въ это самое время была великая вьюга и мятелица; изъ-за нея въ Сызрани простояли два дня, да въ экономическомъ селѣ Панчинѣ одни сутки. Дорогой Пугачевъ разсказывалъ Попову, что онъ донской казакъ и, будучи за-границею, имѣлъ въ Цареградѣ свои лавки и наторговалъ много денегъ, „но спасибо-де въ Малыковкѣ очистили меня всего".

— Да кто же тебя обобралъ,—спрашивалъ Поповъ,—и что у тебя было-то?

— На мнѣ былъ черезъ съ серебряными деньгами и рубашка стеганная дорожная, въ которой рублей до сорока было зашито; все это снялъ съ меня малыковскій повытчикъ Петръ Алексѣевъ. Богъ съ нимъ! Дай Господи жить ему съ моими деньгами!

Прибывъ въ Сызрань, остановились на постояломъ дворѣ на базарѣ, возлѣ каменной церкви. Пугачевъ, входя въ избу, жаловался, что ознобилъ ногу и просилъ снять съ него сапоги; когда присутствовавшіе стали его разувать, то изъ одного сапога выпало пять бумажекъ, заверченныхъ на подобіе патроновъ, величиною въ палецъ; въ нихъ были все червонные; черезъ нѣсколько времени, Пугачевъ, прося купить вина на двадцать пять копѣекъ, развязалъ одинъ патронецъ, вынулъ оттуда одинъ червонный въ два рубля съ полтиной. Видя эти деньги, Поповъ его спросилъ:

— Какъ же ты, Емельянъ Ивановичъ, сказалъ мнѣ, что будто бы тебя въ Малыковкѣ всего обобрали, ну, а эти деньги гдѣ же ты взялъ?

— Это мнѣ сунулъ кумъ въ Малыковкѣ въ то время, когда меня въ сани сажали.

За виномъ сходилъ Шмоткинъ и когда принесъ, то Пугачевъ выпилъ одну чарку, а остальное отдалъ своимъ спутникамъ, которые, распивъ его, всѣ вмѣстѣ обѣдали. Послѣ обѣда Пугачевъ при всѣхъ сказывалъ, что на Иргизѣ у старца Филарета осталось его денегъ четыреста семьдесятъ пять рублей [1]).

— Ежели былъ бы какой писецъ,—сказалъ Пугачевъ,—такъ я бы попросилъ написать къ нему письмо о тѣхъ деньгахъ, а то, уже нечего таиться, самъ грамотѣ я не знаю.

---

[1]) Изъ допроса Пугачева въ Симбирскѣ видно, что ему были сдѣланы слѣдующія пожертвованія «для приведенія адскаго намѣренія назваться именемъ государя»: отъ крестьянина Коровки 370 руб., отъ донскаго казака Луганской станицы Долотина 42 руб. и отъ Кузнецова 74 рубля. По словамъ Кузнецова, больше помочь Пугачеву деньгами могъ раскольникъ донской казакъ Вершининъ.

Библиотека "Руниверс"

— Ну, да за чѣмъ же дѣло стало,—замѣтилъ Поповъ,—изволь, я тебѣ напишу.

— Пожалуй, другъ мой, напиши.

Поповъ досталъ у хозяина чернильницу и бумагу; писалъ онъ со словъ Пугачева. Содержаніе этого письма было таково, чтобы игуменъ Филаретъ или самъ привезъ къ нему оставленныя у него деньги или прислалъ бы съ Поповымъ. Этими деньгами Пугачевъ намѣренъ былъ избавиться отъ тюрьмы; онъ очень просилъ Попова, чтобы тотъ непремѣнно отдалъ это письмо Филарету, прибавляя, что „я-де тебя награжу за труды тридцатью рублями", а потомъ приказалъ Попову писать, что будто онъ занялъ у него тридцать два рубля, говоря: „два-то рубля я прибавляю для того, чтобъ отецъ Филаретъ тѣмъ болѣе увѣрился, что я тебѣ прямо долженъ и потому отдалъ бы деньги".

По написаніи этого письма, Пугачевъ взялъ его себѣ и показалъ при этомъ какое-то колебаніе.

— Богъ его знаетъ,—говорилъ онъ,—не стоитъ посылать! Нѣтъ, подожду еще, подумаю.

Поповъ обращался съ нимъ чрезвычайно снисходительно, и думая, что получитъ отъ старца обѣщанныя деньги, кормилъ его въ продолженіи всей дороги на свой счетъ. Проѣхавъ отъ Сызрани верстъ двадцать, въ помѣщичьемъ селѣ Симіоновкѣ, спутникъ Попова, Василій Шмоткинъ, показывая ему изъ своей руки девять червонныхъ, говорилъ ему тайно отъ другихъ:

— Знаешь ли что, вѣдь нашъ Емельянъ хочетъ отъ насъ уйти, и вотъ и мнѣ далъ эти золотые, такъ какъ ты думаешь, Василій Ивановичъ, не прижать ли мнѣ ихъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Поповъ,—этого не дѣлай! Пропадай онъ съ ними, отдай ему назадъ! Что намъ его еще обирать; да смотри, братъ, теперь держи ухо-то востро! Не давай ему возжей въ руки. Благо, ты сказалъ, я и самъ не сойду теперь съ саней и не выпущу изъ рукъ рогатины.

Послѣ этого они стали его приковывать другими желѣзами къ санямъ. Однако о попыткѣ Пугачева бѣжать они никому не сообщили.

На второмъ отъ Сызрани ночлегѣ, Пугачевъ сталъ негодовать на свое положеніе, говоря:

— У меня все теперь имѣніе пропадаетъ. Вѣдь въ Стародубѣ и Цареградѣ есть много моихъ денегъ; если бы кто меня теперь увезъ, такъ бы того человѣка я Богъ знаетъ какъ обогатилъ. Что, Василій Ивановичъ, обращался онъ къ Попову, не согласишься-ли ты на это? Сдѣлай милость! Ежели Богъ насъ принесетъ по добру по здорову въ Стародубъ, то я тебя невѣсть какъ награжу.

Библиотека "Руниверс"

— Нѣтъ, Емельянъ Ивановичъ,—отвѣчалъ Поповъ,—не надо мнѣ твоихъ милліонъ-милліоновъ! Воля твоя, мнѣ своя голова дороже всякаго богатства; вотъ ежели позволишь мнѣ взять у отца Филарета твои деньги, такъ, пожалуй, я привезу къ тебѣ, это ничего не стоитъ.

— Ну, такъ воля твоя! если не хочешь,—сказалъ Пугачевъ,—со мною уѣхать, такъ по крайней мѣрѣ выходи ты мнѣ у старца деньги и привези ко мнѣ поскорѣе.

Объ этомъ разговорѣ Поповъ тоже никому не разсказывалъ. По пріѣздѣ въ Симбирскъ, Пугачевъ былъ представленъ тотчасъ въ канцелярію, а такъ какъ въ это время присутствія не было, то принялъ его дневальный сержантъ Соколовъ; онъ посадилъ Пугачева съ другими колодниками, въ прихожей, гдѣ стояла въ бочкахъ денежная казна, а сопровождавшимъ его приказалъ приходить на слѣдующее утро за роспискою. На разсвѣтѣ Поповъ и Шмоткинъ явились въ канцелярію, но тамъ никого изъ приказныхъ не нашли; поэтому Шмоткинъ, часто привозившій и раньше колодниковъ въ Симбирскъ, отправился на квартиру сержанта для полученія росписки, а Поповъ остался въ канцеляріи дожидаться его возвращенія. Между тѣмъ, Пугачевъ, сидя на бочкѣ, подозвалъ Попова къ себѣ, и отдавая ему въ руки раньше написанное письмо къ Филарету, просилъ его, говоря такъ, чтобы слышали бывшіе тутъ люди:

— Сотвори милость, Василій Ивановичъ, отвези, пожалуй, ты это письмо къ отцу Филарету, да привези сюда ко мнѣ денегъ, ради Бога, какъ можно скорѣе.

— Пожалуй, ежели отдадутъ мнѣ тамъ деньги,—отвѣчалъ тоже громко Поповъ,—такъ я заразъ привезу.

— Сдѣлай милость, не замѣшкайся,—просилъ Пугачевъ, отвѣшивая ему поклоны.

Такъ какъ Шмоткинъ послѣ этого скоро возвратился съ роспискою, а Попову съ сыномъ паспорта не соглашались дать, потому что долженъ былъ присутствовать и сынъ, то они тотъ же часъ и выѣхали домой. Въ день Богоявленія прибыли они въ село Тарсы; на другой день Поповъ ходилъ къ экономическому земскому Петру Ильичу и разсказывалъ, что колодникъ Емельянъ Ивановъ просилъ его взять у старца Филарета оставленныя имъ деньги и привезти къ нему въ Симбирскъ, за что обѣщалъ ему подарить тридцать два рубля.

— Вотъ, посмотри, пожалуй, Петръ Ильичъ,—сказалъ Поповъ, подавая земскому письмо къ Филарету; я самъ написалъ со словъ его письмо къ игумену, но мнѣ нельзя его объявить, да и не повѣрятъ, потому что оно писано моею рукою; такъ пожалуй, сдѣлай милость, напиши ты своею рукою къ Филарету, да постращай его хорошенько,

Библиотека "Руниверс"

авось-либо онъ и отдастъ, а я ежели получу, то не забуду твоихъ трудовъ.

— Изволь, для чего не написать,—сказалъ земской, прочтя письмо, продиктованное Пугачевымъ Попову,—поди теперь домой, я уже знаю какъ написать; не бойсь, отдастъ, коли есть подлинно у него деньги.

Вотъ письмо, сочиненное земскимъ къ Филарету отъ имени Пугачева.

— „Горняго Іерусалима жителю, подражателю ангельскихъ безплотныхъ силъ ревнителю, широкаго и пространнаго пути уклонителю, ходящему по словеси Господни узкимъ путемъ, смиренному великому игумену Мечетныя обители Филарету желаю о Христѣ и съ братіею радоваться.

„О семъ вашему смиренію покорно доношу, имѣется у васъ подъ охраненіемъ въ положеніи собственныхъ моихъ денегъ четыреста семьдесятъ рублевъ, которыя деньги я, рабъ вашъ, за несчастіемъ моимъ, паче за захваченіемъ меня и скорымъ въ Симбирскую городовую канцелярію отвозомъ, я нижайшій отъ васъ ничего не получилъ, кои и остались у васъ и нынѣ благодарю ваше смиреніе, что вы оныя хранили; точію прошу ихъ переслать ко мнѣ въ Симбирскъ съ надежною оказіею, съ симъ письмоподателемъ Василіемъ Ивановичемъ, о которомъ вашему смиренію о несомнѣніи объявить точно имѣю, что онъ, будучи въ Симбирскѣ, удостоился быть усерднѣйшимъ слугою и во время своего бытія до меня нижайшаго здѣсь чинилъ всякія благодѣянія и, въ случаѣ моей нужнѣйшей надобности одолжилъ меня собственными своими деньгами тридцатью двумя рублями, коими здѣсь я и пользуюсь. Вы же, государь батюшка, меня нижайшаго совсѣмъ оставляете безъ помощи; можно бы вамъ обо мнѣ быть извѣстнымъ, вѣдь я давно стражду, а вы и тутъ-то меня ничѣмъ не снабдеваете; какъ васъ, батюшка, не побуждаетъ сердечная жалость! а нынѣ я вижу отъ людей себѣ хоть малую помощь, а вамъ бы есть изъ чего и думаю, что еще и останется, но нѣтъ попеченія вамъ! Мнѣ крайняя нужда пришла и въ бѣдности содержусь, а еслибы не оное постигло, то я и такъ исправился бы; теперь же содержусь въ Симбирскѣ, да кромѣ того получилъ извѣстіе, что изъ Симбирска и въ Казань обѣщали вывесть, гдѣ бы и смерть вкусилъ; да уже вашими отеческими молитвами и стараніемъ нѣкоторыхъ людей возвращенъ и содержусь все въ Симбирскѣ, но подъ неволею въ домѣ ассесора Федора Григорьевича, коему я и посулилъ, для моего освобожденія, также черезъ людей и воеводѣ, и секретарю, и въ прочія мѣста триста рублевъ, то и обѣщаютъ освободить и надобно въ томъ имъ не солгать и оное отдать, но нечѣмъ, ибо я совсѣмъ бѣденъ; имѣлъ я на ваше смиреніе

Библиотека "Руниверс"

большую надежду, анъ погибло мое упованіе всуе; однако же нынѣ надѣюсь, хоть мало, что вы съ подателемъ сего оныя пришлете; а ежели отъ вашего смиренія оныхъ я въ присылкѣ сюда скоро не увижу, то вамъ не на пользу и я, по нестерпѣливости своей, послать къ вамъ перепрошу отсюда нѣсколько команды и васъ разорятъ до основанія; мнѣ жаль васъ, чтобы вамъ ничего въ томъ поврежденія не послѣдовало, а тѣмъ еще жалостнѣе, что тутъ иной и безвинно пропадетъ; да быть не знаю какъ, вы сами себѣ разсудите, батюшка, вѣдь мнѣ горько терпѣть; еще бы я на волѣ былъ и тутъ жалко своего добра, чтобы не потерять. Ваше смиреніе! люди и со стороны награждаютъ нищихъ, подая милостыню, и изъ темницы исключаютъ, предвидя себѣ нѣкоторую пользу, а вы знаете, что мзда съ вами есть; а ежели, батюшка, означенныя мои деньги вы ко мнѣ съ подателемъ сего письма пришлете, то уповаю я быть, черезъ просьбу свою и стараніе добрыхъ людей, свободенъ скоро; а по освобожденіи обязую себя какъ ваше смиреніе, такъ и всю вашу обитель наградить полнымъ числомъ, а особливо, что прежде обѣщалъ, полторы тысячи; истинно вамъ не солгу, право теперь мнѣ нужда; вы и сами знаете, что у меня деньги были, да обобрали въ Малыковкѣ и поясъ съ ними съ меня сняли, а также и кафтанъ. Да, пожалуйста, отецъ государь, постарайся обо мнѣ какъ можно. Итакъ, остаюсь въ Симбирскѣ писавъ то. Нижайшій рабъ вашъ Емельянъ Ивановъ, декабрь 1772 года".

На другой день, передъ обѣдомъ, пришелъ въ домъ Попова земской и принесъ съ собою письмо; прочтя его, земской сказалъ:

— Поѣзжай, не бойсь, къ Филарету; какъ ему по этому письму не отдать! а не то, тури его самого отвезти къ Пугачеву; вѣдь видишь, большая ему въ нихъ нужда.

Поповъ поблагодарилъ земскаго за трудъ тѣмъ, что напоилъ виномъ, и, въ случаѣ удачи его ходатайства, обѣщалъ дать денегъ. Потомъ Поповъ отправился къ своимъ сельскимъ попамъ Алексѣю Семенову и Петру Иванову, да къ сотнику Ивану Вавилову и къ подъячему приказной избы Трофиму Герасимову посовѣтоваться на счетъ того, ѣхать-ли ему къ игумну или нѣтъ? Они же, прочитавши письмо, сказали:

— Для чего же не ѣхать? Съѣзди, авось-либо онъ тебѣ тѣ деньги и отдастъ.

Тогда уже онъ окончательно рѣшился отправиться на другой день въ скитъ Филарета, отстоящій отъ Тарсъ верстахъ въ семидесяти. За десять верстъ до Мечетной слободы, Поповъ встрѣтилъ Филарета съ незнакомыми ему старцами и когда онъ увидѣлъ, что они своротили въ селѣ Березовомъ къ крестьянину Федору Кулагину, то и самъ

Библиотека "Руниверс"

туда направился. Войдя въ избу, онъ подалъ игумну письмо при хозяинѣ и другихъ старцахъ и ждалъ отвѣта.

Филаретъ, прочтя про себя и отдавая назадъ, сказалъ:

— Нѣтъ, братецъ, пустое! нѣтъ у меня никакихъ его денегъ; напрасно онъ на меня клеплетъ; моихъ денегъ—такъ есть на немъ рублей со сто; онъ у меня взялъ, какъ поѣхалъ на Яикъ, да и тѣ, видно, теперь пропадутъ.

— Какъ же, батюшка, неужели онъ съ хаяру какого это написалъ? съ большимъ удивленіемъ возразилъ Поповъ. Какъ же бы ему написать-то, коли бы ихъ у васъ не было?

— Ну да, вольно ему врать-то! Вѣдь мы ему проводчики, такъ, пожалуй, еще и не то напишетъ, такъ что же ему и вѣрить? Нѣтъ у меня его денегъ ни полушки.

— Да что же это, я принималъ трудъ-то понапрасну?

— А что же, я что-ли виноватъ? Дѣлай съ нимъ, что хочешь, а я тутъ сторона.

Получа отъ Филарета такой рѣшительный и неожиданный отвѣтъ, Поповъ возвратился въ село Тарсы и объявилъ о неудачѣ своимъ односельчанамъ, съ которыми раньше совѣтовался, о напрасномъ трудѣ.

— Поэтому видно,—сказали они,—что онъ тебя обманулъ: какъ бы старецъ заґаилъ такія деньги, еслибы они у него были.

Бросилъ это письмо Поповъ, негодуя на неудачу своей попытки.

Вотъ дальнѣйшая судьба Попова. Съ весны 1773 г. по Троицынъ день 1774 г., онъ пробылъ на промыслахъ въ Астрахани; а когда пріѣхалъ домой, то пришелъ къ нему подъячій Трофимъ Герасимовъ и сказалъ, что въ Малыковкѣ находится „секретный", гвардіи поручикъ Державинъ, который приказалъ его, Попова, тотчасъ прислать, какъ возвратится домой, потому что онъ возилъ въ Симбирскъ Емельяна Иванова; „такъ смотри же,—прибавилъ подъячій,—явись ты самъ къ нему, вѣдь ты знаешь, что этотъ самый Емельянъ Ивановъ называетъ себя государемъ Петромъ Третьимъ, да и невѣсть сколько надѣлалъ бѣдъ". Поповъ, хотя и слышалъ въ Астрахани указы о самозванцѣ, но его тамъ называли Пугачевымъ, а потому и не могъ представить, чтобы „могло отъ такого скареда столь велико зло произойти". Скоро онъ явился къ Державину и сказалъ, что возилъ Емельяна Иванова въ Симбирскъ, а также и письмо отъ него къ Филарету. Державинъ, „стращая его мученіемъ", приказалъ тотчасъ же представить это письмо. Когда же его допрашивали, кто это письмо писалъ? то Поповъ сначала показалъ, что самъ Пугачевъ; ему сообщили, что тотъ безграмотенъ, и тогда только онъ признался, что писалъ то письмо земской Удаловъ. Въ тотъ же день Державинъ отправилъ Попова

Библиотека "Руниверс"

въ Саратовъ въ Саратовскую опекунскую контору и при этомъ приказывалъ развѣдывать по сю сторону Волги, не будетъ-ли тутъ какихъ злодѣйскихъ скопищъ и увѣдомилъ бы его, а если здѣсь ничего не развѣдаетъ, то ѣхалъ бы на Узень для того же самаго. Поэтому онъ, подавши означенный пакетъ, переѣхалъ черезъ Волгу въ Покровскую слободу; тутъ онъ услышалъ, что три казака подговариваютъ мѣстныхъ жителей къ участію въ злодѣйской толпѣ, которая шла тогда къ Казани; донесъ коменданту Ивану Константинову, который отправилъ вмѣстѣ съ нимъ казака Афанасія Уфимцева арестовать ихъ; это имъ вполнѣ удалось, такъ какъ три вышеупомянутые казака, не подозрѣвая ничего враждебнаго, сидѣли въ кабакѣ съ своими соумышленниками. Но такъ какъ эти казаки не признались предъ комендантомъ въ подговорѣ, то онъ ихъ посадилъ въ каменную тюрьму, а самого Попова подъ караулъ, въ острогъ. По пріѣздѣ же Державина въ Саратовъ, дѣло о Поповѣ не могло разбираться, такъ какъ Пугачевъ былъ уже очень близко отъ этого города. Когда вступилъ Пугачевъ въ Саратовъ, то выпустилъ изъ тюремъ всѣхъ колодниковъ, въ числѣ которыхъ и Попова; хотя онъ былъ очень боленъ отъ продолжительнаго ареста безъ вины, но всетаки и его погнали въ злодѣйскій станъ; выбившись изъ силъ, онъ упалъ замертво вблизи кузницъ, гдѣ и пролежалъ цѣлую ночь въ безпамятствѣ. На другой день подъѣхали къ нему два казака и, когда онъ проснулся, приневолили идти въ злодѣйскій станъ; на дорогѣ попались ему тѣ три казака, которыхъ Поповъ арестовалъ раньше, въ Покровской слободѣ; они бросились на него съ остервененіемъ, нанесли ему нѣсколько ранъ въ голову, отчего тотъ безъ чувствъ упалъ на землю, и думая, что лишили его жизни, ушли далѣе. Лежалъ Поповъ тутъ два дня и опамятовался только на третій, когда вошелъ въ городъ полковникъ Михельсонъ: его солдаты захватили полуживаго Попова, отвели въ острогъ и опять заковали; просидѣлъ онъ здѣсь цѣлыхъ три мѣсяца безъ всякой заботы объ его здоровьѣ, такъ что, по обширности ранъ, завелись въ нихъ черви; нашлась, впрочемъ, какая-то благодѣтельница, которая спасла его жизнь: повытаскала изъ ранъ червей, намазала раны нефтью и два раза присыпала ихъ купоросомъ. Спустя три мѣсяца, маіоръ Мансуровъ отправилъ его сперва въ Симбирскъ, а потомъ въ Казань въ секретную коммисію.

Между тѣмъ въ октябрѣ 1773 года, игуменъ Филаретъ, предъ которымъ столь неудачно ходатайствовалъ о деньгахъ Пугачева злополучный Поповъ, былъ посланъ отъ всѣхъ четырехъ скитовъ въ Казань для испрошенія, чтобы съ этихъ скитовъ въ послѣдній рекрутскій наборъ не требовали рекрутъ, такъ какъ годныхъ къ этому

Библиотека "Руниверс"

людей совсѣмъ не было. При немъ былъ билетъ отъ управительскихъ дѣлъ Малыковской волости и просительное письмо отъ смотрителя Ивана Васильева къ подполковнику Ивану Леонтьевичу Мильковичу; да кромѣ того приказано было игумну Филарету написать въ Казани два мѣстныхъ большихъ образа. Въ Казани онъ не засталъ Мильковича; ему сказали, что тотъ отправился въ Рыбную слободу, отстоящую отъ Казани на шестьдесятъ верстъ. По пріѣздѣ туда, игуменъ поднесъ подполковнику разныхъ харчей, какъ-то: икры, рыбы и прочаго, а потомъ вручилъ ему просительное свое письмо. На это Мильковичъ, въ свою очередь, написалъ письмо къ казанскому прокурору. Отправился Филаретъ обратно въ Казань къ прокурору, но тотъ ему такую резолюцію далъ: „поѣзжай ты въ Симбирскъ и испроси въ канцеляріи, чтобы она выправилась о лѣтахъ, подлинно-ли въ тѣхъ скитахъ годныхъ въ рекруты людей нѣтъ". Затѣмъ прокуроръ приказалъ секретарю Балахонцеву все это написать въ отвѣтъ подполковнику Мильковичу. Взявши этотъ отвѣтъ, Филаретъ отправился на квартиру въ домъ къ своему знакомому крестьянину, раскольнику Василію Федорову сыну Щелокову; самого-то его не было дома, такъ какъ онъ взялъ подрядъ въ Петербургъ, а засталъ Филаретъ только одну его хозяйку Феклу Ивановну, тоже раскольницу. Происходило все это въ первыхъ числахъ ноября мѣсяца 1773 года. А такъ какъ Филарету надо было еще заказать иконы, то онъ и розыскивалъ мастера; нашелся какой-то раскольникъ цеховой Козьма Ивановъ, который подрядился написать одинъ образъ Покрова Богородицы, а другой „Отецъ, Сынъ и св. Духъ" за тридцать рублей. Ожидая образовъ, Филаретъ долженъ былъ прожить въ Казани до 20-го января 1774 года; въ продолженіи всѣхъ праздниковъ онъ никакого знакомства ни съ кѣмъ не заводилъ, а только хаживалъ къ нѣкоторымъ раскольникамъ: Ивану Васильеву, разслабленному Никифору Кузьмину, по прозванію Дружинину, Дмитрію Иванову и друг. Между тѣмъ онъ постоянно понуждалъ иконописца, чтобы тотъ скорѣе окончилъ образа, чтобы ему, старцу, можно было ихъ взять.

Въ бытность его въ Казани одному сообщнику Пугачева была присуждена смертная казнь; Филаретъ ходилъ на это смотрѣть и слышалъ въ народной толпѣ—„а кто именно говорилъ, то хоть жилы вытяни изъ меня, то не могу сказать, потому что не знаю", — что корпусъ генералъ-маіора Кара весь разбитъ злодѣйскою партіею Пугачева, а самъ онъ отправился на Москву; да кромѣ того Филаретъ тамъ же слышалъ, что пришли въ Казань семь армейскихъ полковъ и одинъ гусарскій, а вблизи Бугульмы имѣются злодѣйскіе разъѣзды, башкирцы и татары, и что тѣ пришедшіе полки вы-

Библиотека "Руниверс"

сланы изъ Казани для охраненія Бугульмы; разсказывали тутъ же, что возвратился изъ злодѣйской толпы сержантъ, который былъ захваченъ въ злодѣйскую толпу въ то время, какъ посланъ былъ въ Бугульму съ двадцатью пудами пороха и пятью человѣками команды; все это было на дорогѣ злодѣями ограблено, спасся только одинъ сержантъ и, пріѣхавъ къ Бибикову, заявилъ, что хотя и былъ въ стану Пугачева, но видѣть его не допустили, „а государь-ли онъ, или кто другой, о томъ никто не знаетъ".

Послѣ окончанія казни, Филаретъ возвратился въ домъ Щелоковой, гдѣ цѣлый день, по его показанію, проплакалъ изъ сожалѣнія, какъ христіанинъ, о томъ, что отъ междоусобія происходятъ такія несчастія; между тѣмъ онъ все чаще сталъ ходить къ живописцу и торопить его поскорѣе окончить иконы; только 20-го числа января онъ въ состояніи былъ выѣхать въ Сызрань, а не въ Симбирскъ, потому что поистратился деньгами и просьбы о рекрутчинѣ производить было нечѣмъ. По пріѣздѣ въ Сызрань, онъ пошелъ на рынокъ; здѣсь какіе-то два казака отвели его за пустыя лавки и стали у него выспрашивать:

— Откуда пріѣхалъ, что́ въ Казани дѣлается, что́ слышно о Бугульмѣ?

Филаретъ пересказалъ имъ все слышанное во время казни.

Въ послѣдствіи въ секретной коммисіи Филаретъ далъ еще слѣдующее показаніе:

— Пугачева я считаю злодѣемъ и бѣглымъ съ Дону казакомъ, во 1-хъ, потому, что манифестами такъ объ немъ публиковано, во 2-хъ, когда онъ злодѣй выѣхалъ изъ Польши и явился въ Малыковкѣ, а потомъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Введеній скитъ, то я его спросилъ, что́ за человѣкъ и имѣетъ-ли онъ паспортъ? Въ отвѣтъ на это онъ назвался выходцемъ изъ Польши и объявилъ, что, какъ раскольникъ, намѣренъ поселиться въ здѣшнемъ скитѣ; почему онъ и переночевалъ двѣ ночи, а затѣмъ отправился съ пріѣхавшими съ Яику за хлѣбомъ какими-то казаками на Яикъ, а пробывъ тамъ съ недѣлю, возвратился въ Малыковку съ рыбой. Тогда и получено было съ Яику сообщеніе объ немъ съ прописаніемъ его бездѣльствъ и велѣно его ловить; скоро его и словили на постояломъ дворѣ и представили къ управительскимъ дѣламъ, при доношеніи. Въ 3-хъ, когда Пугачевъ изъ Казани бѣжалъ и спустя недѣль десять прибылъ опять въ Мечетную слободу ночною порою, то я съ жителями прилагалъ стараніе поймать его; товарища его взяли возлѣ рѣки Иргизу, у самаго Пахомьева скита, а самъ Пугачевъ, какъ видно, въ лодкѣ за Иргизъ переѣхалъ; а по причинѣ ночной тогда поры, а также мно-

Библиотека "Руниверс"

жества на той сторонѣ кустовъ, какъ ни старались, все-таки отыскать его не могли.

VIII.

Дружининъ [1]).

Парфенъ Петровъ сынъ Дружининъ, сорока восьми лѣтъ отъ роду, былъ купцомъ пригорода Алата, Казанской губерніи; проживалъ въ этомъ пригородѣ своимъ домомъ, имѣя семью: жену Домну, сыновей Филимона 19-ти лѣтъ, Максима 6-ти лѣтъ и дочь Мавру 9-ти лѣтъ. Въ 1772 году, по выбору Алатовскаго купечества, былъ онъ назначенъ цѣловальникомъ при продажѣ казенной соли въ ясачномъ селѣ Стрѣтенскомъ, тоже Казанской губерніи; послѣ продажи соли, деньги внесъ въ Казанскій магистратъ, но при этомъ оказался на немъ начетъ за семь тысячъ пудовъ соли—двѣсти двадцать рублей; убыль же эта произошла не отъ его корыстолюбія, а просто по причинѣ утечки и усушки соли. Въ 1773 году, въ январѣ мѣсяцѣ, слѣдствіе по этому дѣлу производилось сперва въ Казанскомъ магистратѣ, при чемъ Дружининъ содержался подъ карауломъ больше пяти недѣль, а потомъ самое дѣло отослано было въ Казанскую губернскую канцелярію; въ это время Дружининъ содержался въ острогѣ съ половины Великаго поста до Петрова; тогда-то онъ встрѣтился въ острогѣ съ Пугачевымъ и совершилъ съ нимъ побѣгъ слѣдующимъ образомъ:

Познакомился Дружининъ съ бѣглымъ донскимъ казакомъ Емелькою Пугачевымъ, ѣлъ съ нимъ вмѣстѣ кашу, а также и спалъ; когда же Дружининъ любопытствовалъ, за что Пугачевъ сидитъ, то тотъ отвѣтилъ, что содержится „въ крестѣ и бородѣ.“ Передъ Петровымъ постомъ какъ-то наказывали изъ того же острога колодника Новоселова за смертоубійство, а потомъ привели обратно въ острогъ.

— Что, Емелька,—сказалъ Дружининъ,—вѣдь того и смотри насъ съ тобою также вотъ выведутъ, да и ну сѣчь!

— А что иначе подѣлаешь? отвѣчалъ Пугачевъ; не бѣжать ли намъ отсюда?

— Да какъ же бѣжать-то и куда?

— А вотъ какъ: когда насъ изъ острога погонятъ для работы на Арское поле и если караулъ-то будетъ не великъ, то сѣвъ на судно, а теперь еще и вода полая, да и были таковы!

— Ну, а куда же намъ бѣжать-то?

— Прямехонько выѣдемъ на Иргизъ, отвѣчалъ Пугачевъ.

Спустя немного времени, къ Дружинину пришелъ его старшій сынъ Филимонъ для подачи на пропитаніе ему денегъ. Дружининъ и объ-

[1]) На основаніи его показанія въ тайной экспедиціи 25-го марта 1776 года.

Библиотека "Руниверс"

явилъ ему тайно отъ караульныхъ о своемъ намѣреніи бѣжать и приказывалъ ему купить для этого лодку; сынъ отказывался было это дѣлать, но когда Дружининъ сталъ его клясть „страшною клятвою,“ тогда онъ согласился. На другой день опять пришелъ Филимонъ въ острогъ и сказалъ отцу, что лодка готова; узналъ тотчасъ же и Емелька, но удобнаго случая къ побѣгу въ скорости не оказалось, а потому и намѣреніе ихъ такъ и не исполнилось.

Спустя немного времени, Пугачевъ опять сталъ совѣтовать Дружинину:

— Побѣжимъ, братъ, сухимъ путемъ; да только вотъ что, пѣшимъ быть-то никакъ нельзя.

— Конечно, надо купить лошадь.

— А деньги-то гдѣ?

— Я лошадь-то куплю, только какъ уйти и куда мы дѣнемся?

— Мало ли мѣста,—замѣтилъ Пугачевъ,—на Иргизъ, на Яикъ, а то такъ на Донъ! ужъ объ этомъ не пекись, найдемъ дорогу! лишь бы вотъ отсюда какъ нибудь выбраться.

Когда пришелъ къ Дружинину его сынъ Филимонъ съ пищею, то отецъ ему опять объявилъ о своемъ намѣреніи бѣжать, для чего приказывалъ купить лошадь. Какъ и прежде, сынъ хотѣлъ было уговорить отца не дѣлать этого въ виду болѣе жестокаго наказанія, если попадется, но родительская власть опять разразилась клятвами, угрожая совсѣмъ его проклясть, если будетъ тотъ препятствовать этому дѣлу. Долженъ былъ покориться Филимонъ родительской волѣ, пошелъ и купилъ лошадь да телѣгу; а на слѣдующій день извѣстилъ объ этомъ отца. На часахъ въ острогѣ въ то время стоялъ солдатъ изъ малороссовъ Григорій Алексѣевъ.

— Что служивый,—подсмѣиваясь сказалъ ему Пугачевъ,—служить ли ты хочешь или на волю бѣжать?

— Я бы давно уже бѣжалъ,—отвѣчалъ Алексѣевъ,—да не знаю куда бѣжать-то; видишь ли, сталъ отъ своей стороны очень далеко

— Бѣжимъ со мною,—сказалъ Пугачевъ,—да вонъ съ этимъ человѣкомъ, и указалъ на Дружинина.

— Пожалуй! я готовъ, куда хотите.

Дружининъ, слыша, что и солдатъ согласенъ на побѣгъ, сообщилъ Пугачеву, что лошадь съ телѣгою готова; надо было только найти поудобнѣе мѣсто, гдѣ все это могло быть наготовѣ.

— У меня есть знакомый попъ,—сказалъ Дружининъ,—такъ мы утромъ выпросимся у офицера для нужды къ нему и тамъ посидимъ маленько, а сыну прикажу, чтобы онъ дожидался насъ у церкви, которая напротивъ попова двора.

Библиотека "Руниверс"

На четвертый день Петрова поста 1773 года, они хотѣли привести свой замыселъ въ осуществленіе. Когда все было готово и Филимонъ обѣщалъ выѣхать къ церкви, Пугачевъ и Дружининъ отправились къ дежурному офицеру просить объ отпускѣ; офицеръ ихъ тотчасъ отпустилъ за карауломъ Алексѣева и еще другаго солдата. Когда же они всѣ пришли къ попу, то не застали его дома и, не дожидаясь его прихода, возвратились назадъ.

— Что же вы такъ скоро пришли? спросилъ офицеръ.

— Да попа не застали дома.

Часа черезъ три опять отпросились они у офицера къ попу; на этотъ разъ попъ былъ дома. Дружининъ, поздоровавшись съ попомъ и вынувъ нѣсколько денегъ изъ кармана, послалъ его купить вина, пива и меду; возвратился попъ и стали они распивать все это, особенно старались напоить незнакомаго имъ солдата, который не зналъ объ ихъ умыслѣ. Когда все выпили, то Дружининъ опять послалъ за виномъ. Скоро возвратился попъ съ цѣлымъ штофомъ и опять стали они угощать солдата, такъ что тотъ совсѣмъ опьянѣлъ. Затѣмъ, простясь съ хозяиномъ, вышли они всѣ четверо со двора. Попъ совершенно не зналъ о намѣреніи Дружинина и Пугачева, а потому, проводивши ихъ до воротъ, вошелъ сейчасъ въ домъ. Отошедши нѣсколько шаговъ отъ воротъ, увидѣли они кибитку съ сыномъ Дружинина. Чтобы другой солдатъ не догадался, Дружининъ закричалъ сыну:

— Эй, ямщикъ! что возмешь отвезти въ Кремль?

Филимонъ подъѣхалъ, а Дружининъ и Пугачевъ посадили сперва пьянаго солдата въ телѣгу, а потомъ уже сѣли сами и, закрывъ кибитку рогожею, поѣхали изъ города по большой Казанской дорогѣ.

— Что, братъ, такъ долго ѣдемъ? спрашивалъ пьяный солдатъ у Пугачева послѣ того, какъ они отъѣхали отъ Казани восемь верстъ.

— А вотъ видишь,—сказалъ Емелька,—кривою дорогою везутъ. Отъѣхавъ же еще полъ версты, Дружининъ, взявъ этого солдата въ охапку, высадилъ изъ кибитки. Остался солдатъ изумленный и непонимавшій, какъ это онъ очутился въ чистомъ полѣ; а тѣ, между тѣмъ, ударили по лошади и поѣхали по большой дорогѣ; ночью достигли они татарской деревни Чирши, въ которой была Дружинина жена съ малолѣтними дѣтьми, сыномъ и дочерью. Захвативъ съ собою семью, Дружининъ, отъѣхавъ немного отъ деревни, свернулъ въ лѣсъ, гдѣ они и пробыли до слѣдующей ночи, а потомъ направились къ Алатову, чтобы взять тамъ въ его домѣ святые образа; но въ домѣ его стоялъ уже караулъ. Поэтому ночью проѣхали черезъ пригородъ, такъ что никто ихъ не видалъ, и у Куровскаго перевоза переѣхали они черезъ Вятку; затѣмъ направились на Керженки, а

Библиотека "Руниверс"

оттуда на Котловку, гдѣ переѣхали Каму и прибыли въ село Сарсасъ. Въ это село Емелька одинъ отправился, говоря, что здѣсь живетъ ему хорошо знакомый человѣкъ; и, дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ Пугачевъ обратно къ Дружинину съ какимъ-то незнакомцемъ на телѣгѣ. Отъѣхавъ отъ Сарсасъ верстъ пятнадцать, остановились они ночевать. Когда Пугачевъ замѣтилъ, что спутники его заснули, то воспользовался такимъ удобнымъ случаемъ и ушелъ сперва самъ, а спустя нѣсколько времени исчезъ и его товарищъ, пріѣхавшій къ Дружинину изъ Сарсасъ. Дружининъ съ семействомъ и Алексѣевъ поѣхали на Иргизъ; миновавъ разныя чувашскія деревни, а также Яицкую степь, добрались до какой-то малорусской черкасской слободы, гдѣ Алексѣевъ отыскалъ писаря Михаила Иванова Тонкошкура и признался, что бѣжалъ изъ казанской тюрьмы вмѣстѣ съ Дружининымъ.

— Такъ оставайся у насъ,—сказалъ ему Тонкошкуръ,—мы тебя укроемъ, потому что ты нашъ братъ; а вотъ онъ—русскій, его держать нельзя.

Алексѣевъ воспользовался такимъ предложеніемъ и здѣсь остался, а Дружининъ слѣдовалъ дальше мимо Красносамарской крѣпости къ Иргизу, а потомъ по сызраньской дорогѣ къ рѣкѣ Камелику; сюда онъ прибылъ только передъ праздникомъ Покрова Богородицы. Очень скоро потомъ встрѣтилъ Дружининъ какого-то рыбака, которому чистосердечно признался въ своемъ побѣгѣ изъ казанской тюрьмы; тотъ предложилъ ему остаться жить вмѣстѣ съ нимъ въ землянкѣ на берегу Камелика и заниматься рыболовствомъ; тутъ Дружининъ прожилъ съ осени 1773 г. до весны 1774 г. Мѣстность эта была весьма близко отъ Яика, всего на разстояніи ста верстъ, а потому сюда скоро доходили всѣ слухи о томъ, что тамъ творится; такъ, зимою 1774 г. Дружининъ узналъ, что Емелька назвался государемъ, сталъ брать Яицкія крѣпости и чинить всякія злодѣйства. Весною, послѣ праздника Пасхи, на Фоминой, Дружининъ разстался съ рыбакомъ, потому что его женѣ наскучило здѣсь жить, да и рыбакъ задумалъ перебраться въ другое мѣсто. Переправившись на нагорную сторону, всѣ они шли пѣшкомъ къ Свіягѣ; вначалѣ покупали пищу на собственныя средства, а потомъ стали просить по деревнямъ милостыню. Недходя до Алатова пятнадцати верстъ, онъ остановился въ лѣсу, вырылъ себѣ землянку и тутъ прожилъ вмѣстѣ съ семьей до послѣдней недѣли Рождественскаго мясоѣда; питались они тѣмъ, что отбивали скотъ, принадлежавшій жителямъ Алата, а по ночамъ самъ Дружининъ нѣсколько разъ ходилъ въ пригородъ къ свояченицѣ Аннѣ Степановой, которая ему давала хлѣбъ. Но на послѣдней не-

Библиотека "Руниверс"

дѣлѣ Рождественскаго поста, когда Дружининъ съ сыномъ Филимономъ хотѣлъ пробраться въ Алатъ за своими обычными получками, то тутъ ихъ жители поймали и привели въ земскую избу къ старостѣ Петру Иванову. Здѣсь ему сдѣлали допросъ: гдѣ находится жена и дѣти? а когда имъ была указана мѣстность землянки, то всѣхъ оттуда взяли и отослали къ Казанскому губернатору, который самъ ихъ допрашивалъ, затѣмъ отправилъ въ Казанскую секретную коммисію, гдѣ опять сдѣлали имъ допросъ. Но этимъ дѣло не кончилось, послали ихъ потомъ въ Московскую тайную экспедицію.

Въ допросѣ Дружининъ показалъ, что Емелька не открывалъ ему никакихъ злыхъ намѣреній и что самъ онъ, Дружининъ, совсѣмъ не участвовалъ въ злодѣйской толпѣ, равно какъ и никогда никакихъ насилій не дѣлалъ, за исключеніемъ кражи скота у алатовскихъ жителей, но къ этому его принудилъ голодъ, который испытывала его семья.

Въ резолюціи по этому дѣлу, отъ 9-го марта 1775 г., князя Волконскаго и князя Вяземскаго, утвержденной императрицей, значится слѣдующее:

— Такъ какъ извѣстнымъ оказалось, что Дружининъ не былъ соучастникомъ злодѣя въ его замыслахъ, а только бѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ, то за послѣднее и достоинъ наказанія; „но и сей побѣгъ больше къ винѣ приписать по правосудію должно слабому за нимъ, яко колодникомъ, отъ караула смотрѣнію; сего ради и что за сей учиненный имъ побѣгъ довольно, какъ изъ дѣла видно, самимъ собою наказанъ, яко то, что странствовалъ въ пустыхъ, самыхъ необитаемыхъ мѣстахъ и будучи отлученнымъ, какъ отъ своихъ согражданъ, такъ и лишенъ былъ своего дома безъ малаго три года, что самое замѣнить ему въ наказаніе; изъ тайной же экспедиціи для взысканія на немъ казенныхъ солянаго сбора денегъ двухсотъ двадцати рублей отослать его въ Казанскую губернскую канцелярію съ такимъ повелѣніемъ, что если имъ оныя деньги будутъ заплачены въ казну, то изъ-подъ караула его освободить и отпустить въ его домъ съ паспортомъ; касательно же сына, который купилъ лошадь и былъ возчикомъ, почему доставилъ и злодѣю вмѣстѣ съ своимъ отцомъ способъ къ побѣгу, то какъ сіе отъ него произошло единственно отъ должнаго сыновняго повиновенія, купно и отъ страха, то, въ разсужденіи сего, а паче изъ единаго Ея И. В-ва милосердія, отъ осужденія его избавить“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА

1789 — 1848.

Приступая къ продолженію печатанія Записокъ И. С. Жиркевича [1]), считаемъ необходимымъ напомнить читателямъ «Русской Старины» перечень содержанія одиннадцати предыдущихъ главъ Записокъ И. С. Жиркевича: шляхетный корпусъ въ 1795 г.; выпускъ изъ корпуса; начало службы—битва подъ Аустерлицемъ (1805 г.); пребываніе въ Краковѣ и Брестъ-Литовскѣ; главнокомандующій Михельсонъ; Аракчеевъ; Эйлеръ; походъ 1807 г.; пребываніе прусскаго короля съ супругою въ Петербургѣ; кампанія 1809 г.; Барклай-де-Толли; А. П. Ермоловъ; отечественная война 1812 г.; партизанъ Фигнеръ; Тарутино; кн. М. И. Голенищевъ-Кутузовъ; истребленіе французской арміи; переходъ русскихъ войскъ чрезъ границу и начало европейской войны 1813 — 1815 гг.; вступленіе русскихъ войскъ въ Германію; кн. П. Х. Витгенштейнъ; смерть кн. Кутузова-Смоленскаго; сраженіе при Бауценѣ; В. Г. Костенецкій; графъ Остерманъ-Толстой; битва подъ Лейпцигомъ; вступленіе въ предѣлы Франціи; вступленіе союзныхъ войскъ въ Парижъ 19-го марта 1814 г.; пребываніе въ Парижѣ; парадный спектакль 20-го марта; черты парижскихъ нравовъ; въѣздъ въ Парижъ графа д'Артуа и Людовика XVIII; молебствіе; панихида по Людовикѣ XVI и парадъ на площади Согласія; снятіе статуи Наполеона съ вандомской колонны; возвращеніе въ Россію; бытъ гвардейскихъ офицеровъ въ 1815 г.; пребываніе въ Орлѣ; графъ С. М. Каменскій и его домашній театръ съ крѣпостною труппою; начало военныхъ поселеній (1818—1819); семейство графа Чернышева; примѣрный бытъ доброй помѣщичьей семьи.

Современникъ великой эпохи, представитель военнаго сословія 1805 — 1824 гг., И. С. Жиркевичъ въ своей автобіографіи является, чистѣйшимъ типомъ честнаго, ретиваго служаки — всегда храбраго, покорнаго и терпѣливаго на полѣ битвы, непреклоннаго и вѣрнаго правиламъ чести при исполненіи общественныхъ и служебныхъ обязанностей. Злоупотребленія въ

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., томъ IX, стр. 207—244; томъ X, стр. 633—666; томъ XI, стр. 411—450; изданіе 1875 г., томъ XIII, стр. 554—580.

Библиотека "Руниверс"

военномъ хозяйствѣ, казнокрадство, которому въ былыя времена были такъ съ руки обветшалые бюрократическіе пріемы тогдашнихъ учрежденій—вотъ то зло, на которое нападалъ Жиркевичъ съ той поры, какъ перемѣнилъ родъ службы и изъ полевой-военной перешелъ въ военно-гражданскую. Борьба, въ большинствѣ случаевъ, была неравная, и тѣмъ болѣе чести памяти автора «Записокъ», никогда не придерживавшагося пословицы: «съ волками жить—по волчьи выть»; противъ волковъ хищниковъ онъ былъ всегда вѣрнымъ «волкодавомъ», который стерегъ порученное ему добро. Къ сожалѣнію, воззрѣнія И. С. Жиркевича на обязанности вѣрнаго слуги государства были не современны; они опережали вѣкъ и потому....

Остальное досказываетъ самъ авторъ «Записокъ», продолженіе которыхъ мы представляемъ тѣмъ охотнѣе, что Записки Жиркевича хотя, повидимому, и преисполнены чисто личныхъ подробностей, тѣмъ не менѣе отличаются живымъ интересомъ: они весьма рельефно воспроизводятъ русское военно-служилое общество за полвѣка до нашего времени. Читая эти Записки, мы видимъ, во всѣхъ подробностяхъ, бытъ военнаго сословія въ мирное время, военное хозяйство, порядокъ пріема и сдачи управляемыхъ частей, порядокъ самаго управленія, отношенія начальства къ подчиненнымъ и обратно, наконецъ, переходя съ авторомъ Записокъ изъ полевой службы въ департаментскую—знакомимся со всѣмъ строемъ тогдашней военно-административной машины.

1819-й годъ, съ котораго мы возобновляемъ продолженіе Записокъ Жиркевича, застаетъ Ивана Степановича командиромъ артиллерійской роты въ 10-й бригадѣ, по прибытіи ея къ мѣсту расположенія въ селѣ Недѣльномъ, Калужской губерніи. **Ред.**

XII.

Служба въ полевой артиллеріи.—Сдача роты.—Торги.

1819—1821.

Новые мои начальники были: дивизіонный—генералъ-маіоръ Мерлинъ, а бригадный—полковникъ Магденко. Первый квартировалъ въ Вереѣ, а послѣдній въ Алексинѣ. Я поспѣшилъ явиться къ послѣднему и онъ меня принялъ довольно холодно, но съ вѣжливостью; Мерлинъ-же вскорѣ самъ прибылъ въ Недѣльное, инспектировать мою роту. Онъ мнѣ показался въ первыя минуты суровымъ и взыскательнымъ, но часа черезъ два все перемѣнилось. Онъ совершенно подружился со мной и въ разговорѣ далъ мнѣ понять, что онъ непремѣнно будетъ просить кн. Яшвиля дать мнѣ роту съ орудіями, и не болѣе какъ чрезъ мѣсяцъ, Магденку произвели въ генералы, въ пѣхоту, и бригаду получилъ подполковникъ Воловичъ, съ которымъ я уже былъ знакомъ въ Галиціи въ 1809 году, а мнѣ дали роту, квартировавшую въ Тарусѣ. На мое мѣсто назначили капитана Пожидаева.

Библиотека "Руниверс"

Въ это время мать жены моей раздѣлила свое небольшое имѣніе между своими дѣтьми и моей женѣ досталось до 20-ти душъ крестьянъ, и, съ этимъ вмѣстѣ, я получилъ предложеніе продать свою часть свояку, мужу старшей сестры жены, за 9 тыс. руб. ассигн., на что мы охотно согласились; это пришлось какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ имѣя въ виду сдачу роты, хотя уже довольно устроенной, но все еще не вполнѣ, слѣдовательно, я предполагалъ доплату, довольно еще чувствительную. Съ Поля (предмѣстника по командѣ прежнею ротою) я еще ровно ничего не получилъ, а между тѣмъ въ ротѣ были уничтожены подъемныя лошади, за которыхъ я взялъ положенныя казной деньги, по 15 руб. за каждую, тогда какъ моимъ предмѣстникомъ, Полемъ, онѣ оцѣнены были по 100 руб. каждая. Я рѣшился просить прямо кн. Яшвиля обратить его вниманіе на справедливость моей претензіи и при этомъ случаѣ добровольно предоставлялъ Полю уступку той цѣны за подъемныхъ лошадей, которая превышала уплаченную мною въ казну, хотя лошади уже вполнѣ принадлежали мнѣ, а не Полю. Кн. Яшвиль и Мерлинъ умѣли оцѣнить мое предложеніе. Выполнивъ это, я просилъ дать мнѣ отпускъ на 28 дней. Мерлинъ согласился, но настоялъ, чтобы я до отъѣзда принялъ роту отъ Воловича.

Пригласивъ всѣхъ офицеровъ прежней своей роты, я вмѣстѣ съ ними сдѣлалъ ближайшее соображеніе, что̀ придется мнѣ заплатить Пожидаеву при сдачѣ роты, оцѣняя всѣ недостающія и неисправныя вещи по самымъ возвышеннымъ цѣнамъ, и мы насчитали до 3,500 руб. ассигн. Избѣгая затрудненій, я прямо рѣшился пожертвовать этимъ капиталомъ. Пріѣхавши въ Тарусу, къ Воловичу, для пріема его роты, я просилъ его самого указать мнѣ неисправности и оцѣнить, какъ онъ заблагоразсудитъ. Воловичъ счелъ 900 руб. асс.—я улыбнулся, но, не сказавъ ни слова, выдалъ квитанцію. Капитаномъ въ новой ввѣренной мнѣ ротѣ былъ совоспитанникъ мой по корпусу Кованько, которому я обрадовался, какъ кладу, и просилъ его взять на себя обремонтировку роты лошадьми, на что̀, сверхъ отпущенной казной суммы, выдалъ ему, изъ собственныхъ, 4 тыч. руб., такъ что на каждую лошадь я додалъ 350 руб. Устроившись такимъ образомъ, поѣхалъ въ Смоленскъ повидаться съ своими родными

Библиотека "Руниверс"

и тамъ, вмѣсто 28-ми дней, съ дозволенія Мерлина, пробылъ около 2-хъ мѣсяцевъ.

На обратномъ пути пришлось мнѣ проѣзжать отъ Недѣльнаго верстахъ въ 10-ти, куда выѣхали, на встрѣчу ко мнѣ, всѣ офицеры прежней моей роты и привезли мнѣ вѣсть, что они безпокоятся за меня и не знаютъ какъ я раздѣлаюсь съ Пожидаевымъ, описывая его самымъ корыстолюбивымъ, мнительнымъ, упорнымъ и совершенно несговорчивымъ человѣкомъ.

Взглянувъ на новую роту, я отправился сдавать старую. Пожидаевъ явился ко мнѣ, какъ къ старшему, во всей формѣ, и на спросъ мой, осмотрѣлся ли онъ въ ротѣ? отвѣчалъ: «да что осматриваться. Люди всѣ на лицо, а хозяйство, я не знаю какъ выразиться передъ вами, его какъ будто и не существуетъ!»

— Все-таки, однакожъ, я полагаю,—возразилъ я,—можно будетъ намъ сойдтись и какъ нибудь расчитаться, и на сколько вы полагаете можетъ, приблизительно, простираться начетъ на мнѣ?

— Я еще не дѣлалъ этого соображенія,—сказалъ Пожидаевъ; а завтра, если угодно, представлю вамъ вѣдомость.

Я согласился. По утру Пожидаевъ опять пришелъ ко мнѣ и на вопросъ мой: «что-же причитается?» со вздохомъ и жалостной миной отвѣчалъ:

— Ей Богу, Иванъ Степановичъ, я боюсь, чтобы не испугать васъ. Я не успѣлъ оцѣнить еще половины, а выходитъ уже 8 тыс. руб.!

— Больше и не считайте, — сказалъ я, — это будетъ лишнее! Прежде васъ я уже сдѣлалъ соображенія и полагалъ съ излишкомъ удовлетворить васъ 3,500 руб. асс. Угодно получить эту сумму, она готова—а болѣе я не дамъ, да и дать не могу!..

— Нѣтъ, Иванъ Степановичъ, воля ваша, это не деньги, я на нихъ не только что ничего не выстрою, но даже первое время и не извернусь, а, если угодно, менѣе 10 т. руб. я и не думаю взять за роту.

— Не тверды вы, Василій Петровичъ,—отвѣчалъ я,—какъ замѣчаю, въ математекѣ: 10 т. не составляетъ половины къ 8 т., а придача къ ротѣ—не приданое!

И не ожидая дальнѣйшаго объясненія, уѣхалъ.....

Вслѣдъ за этимъ началась обыкновенная исторія—нескончаемая переписка. Воловичъ прислалъ мнѣ вѣдомость, съ описаніемъ

Библиотека "Руниверс"

недостатковъ и неисправностей, открытыхъ Пожидаевымъ, и спрашивалъ меня, не буду ли я согласенъ, чтобы, для разрѣшенія спора нашего, были назначены посредники, въ которые онъ предложилъ капитановъ: Бонетима и Калино, бывшихъ еще долго послѣ меня кадетами въ корпусѣ. Я охотно согласился на это предложеніе и поѣхалъ опять въ Недѣльное, гдѣ съѣхался почти въ одно время съ посредниками. Могу увѣрить, что ничего не могло быть любопытнѣе этого разбирательства. Я не выходилъ къ ротѣ, а положился совершенно и безъ аппеляціи на совѣсть посредниковъ. Они оба, по нѣсколько разъ, съ удивленіемъ входили ко мнѣ, показывая что̀ бракуетъ Пожидаевъ, я сейчасъ же бралъ сторону пріемщика и соглашался на его бракъ. Когда все разобрали, приступили къ оцѣнкѣ—и тамъ я взялъ сторону Пожидаева,—подвели итогъ, вышло нѣсколькими рублями болѣе предложенной мною суммы. Я не поморщась согласился, но Пожидаевъ—куда!.. и руками и ногами упирается, кричитъ, что его обсчитали и менѣе 8 т. руб. никакъ не можетъ взять! Видя такое корыстолюбивое упорство и недобросовѣстность, посредники и я собрались ѣхать обратно; является Пожидаевъ съ уступкой, проситъ только 5 т. р.; я поклонился, посредники расхохотались и мы разъѣхались по домамъ.

Нѣсколько времени спустя, мнѣ прислали предписаніе, чтобы я немедленно пополнилъ недостатки и неисправности, показанные по вѣдомости Пожидаевымъ. Въ отвѣтъ я представилъ, что немедленно исполню и предложилъ на исправленіе поврежденнаго полную казенную цѣну, а за недостающее—въ 5 разъ и въ итогѣ приходилось съ чѣмъ-то 800 р. асс. Это озадачило и Пожидаева и начальство, но по справедливости не было возможности требовать съ меня болѣе.

Въ первыхъ числахъ августа пріѣхалъ въ лагерь Мерлинъ и, послѣ общаго нашего представленія, онъ попросилъ меня у себя остаться, имѣя кое-что передать мнѣ. Послѣ ухода командировъ, онъ съ лаской обратился ко мнѣ, прося, чтобы я окончилъ счеты съ Пожидаевымъ, иначе ему будетъ много хлопотъ отъ Яшвиля, и рѣшусь ли я дать 2 т. руб., то онъ тогда берется убѣдить его принять эту сумму.—Нѣтъ, отвѣчалъ я, лучше призовите Пожидаева и спросите его, зачѣмъ онъ упрямится?—

Библиотека "Руниверс"

Мерлинъ согласился, пришелъ Пожидаевъ и тотъ грозно спросилъ его:—Что же вы объ ротѣ? все торгуетесь, какъ жидъ?

— Я, ваше пр-ство, не думаю торговаться, но согласитесь сами, что за 800 руб. невозможно поправить роту.

— Я вамъ давалъ не 800 р. а 3,500 р., и теперь даю эту сумму, согласны вы или нѣтъ?

— Я съ моей стороны согласенъ! съ радостью вскричалъ Пожидаевъ и бросился цѣловать меня.

Мерлинъ приказалъ подать бутылку шампанскаго; налили бокалы, чокнулись и сдача роты была наконецъ окончена.

XIII.

Гадальщица на кофе.

1821—1822.

Весной 1821 года, войскамъ приказано было готовиться къ походу и роты велѣно было комплектовать на военную ногу. Отпустили на покупку лошадей по 175 руб. на каждую. У меня, въ это время, своихъ денегъ не случилось и это обстоятельство меня крѣпко безпокоило и разстраивало, такъ что я принужденъ былъ своихъ собственныхъ лошадей обратить въ ремонтъ, но и тутъ не извернулся; а между тѣмъ, чтобы хоть что-нибудь выиграть на фуражѣ, поспѣшилъ показать полную покупку лошадей на лицо. Чрезъ 2 мѣсяца послѣдовало новое распоряженіе: обратить роты опять на мирное положеніе, но съ тѣмъ, чтобы изъ ротъ продать худшихъ лошадей, а деньги, отпущенныя по военному времени, внести въ казну, въ полномъ количествѣ. Въ приказѣ своемъ кн. Яшвиль, обращаясь къ ротнымъ командирамъ, высказываетъ свое убѣжденіе, что дѣйствіемъ этимъ заслужимъ личную благодарность отъ правительства. Все это меня сильно разстроило, а тутъ и Мерлинъ слетѣлъ съ своего мѣста и вмѣсто него былъ назначенъ изъ гвардіи ген.-м. Ховенъ.

Въ 1822 году, въ Тулѣ, я условился съ нѣкоторыми знакомыми съѣхаться въ февралѣ въ Москвѣ и для этого испросилъ дозволеніе отправиться туда, подъ предлогомъ полученія годоваго ремонта изъ Московскаго депо. Въ Тарусѣ я подружился съ однимъ помѣщикомъ, Петромъ Ильичомъ Веселовскимъ, а у него въ домѣ—съ Петромъ Александровичемъ Нащокинымъ,

Библиотека "Руниверс"

служившимъ въ гвардіи, но выключеннымъ изъ службы, за картежную игру. По пріѣздѣ моемъ въ Москву, первый выѣздъ мой былъ въ Англійскій клубъ, гдѣ я нашелъ человѣкъ 5 артиллеристовъ, подобно мнѣ, пріѣхавшихъ въ Москву за ремонтомъ. Они меня привѣтствовали: «что, за ремонтомъ? Такъ посиди маленько: мы были сегодня у Засядки (начальникъ Московскаго депо) и въ депо гроша нѣтъ!»

— Хорошо, господа, что сказали мнѣ,—возразилъ я,—повременю маленько, а то невесело прокатиться въ такую даль, какъ Красныя ворота, да еще даромъ!

Поговоривши немного съ ними, я разстался, найдя себѣ партію въ вистъ.

На другой день, по утру, я поѣхалъ къ Веселовскому, жившему у Прѣсненскихъ Прудовъ, расчитывая провести съ нимъ утро; засталъ его еще за чаепитіемъ, въ халатѣ; встрѣтилъ онъ меня съ распростертыми объятіями. Вскорѣ подъѣхалъ къ нему и Нащокинъ, привѣтливо поздоровавшійся со мной, разспросилъ когда, зачѣмъ и на долго ли пожаловалъ въ Бѣлокаменную? Удовлетворивъ своему любопытству, онъ обратился къ хозяину:

— Ну, что, Петръ Ильичъ, ѣдемъ къ колдуньѣ?

— Послушайте, Иванъ Степановичъ, Нащокинъ отыскалъ какую-то вѣдьму, здѣсь въ Москвѣ, и непремѣнно хочетъ тащить меня къ ней! Поѣдемте съ нами, посмотримъ что̀ изъ этого будетъ.

— Извольте, сказалъ я, но не думаю, чтобы вышло изъ этого что нибудь путнаго.

Веселовскій сѣлъ въ мою карету, а Нащокинъ, какъ вожакъ, пустился впередъ, на дрожкахъ.

Въ одномъ изъ самыхъ грязныхъ и темныхъ переулковъ, гдѣ-то около Грузинъ, остановились мы подлѣ небольшаго деревяннаго дома, съ мезониномъ, выкрашеннымъ въ дикій цвѣтъ, съ зелеными ставнями; вышли изъ экипажей и, чрезъ дворъ, поднявшись на маленькое крыльцо, взошли въ домъ. Въ первой комнатѣ, довольно нечистой и убранной весьма бѣдно, увидали беременную женщину, повязанную бумажнымъ платкомъ, а возлѣ нея какого-то мущину, въ очкахъ и въ коричневомъ сюртукѣ; она гадала что-то на картахъ какимъ-то двумъ личностямъ, похожимъ на лакеевъ. Увидя насъ, гадающая женщина встала и

Библиотека "Руниверс"

пригласила идти далѣе. Мы вошли въ другую комнату, болѣе опрятную и съ весьма порядочной мебелью.

— Ну, матушка,—началъ Нащокинъ,—вотъ я къ тебѣ въ другой разъ въ гости пріѣзжаю. Слава Богу, что засталъ тебя, а то этакая даль!..

— Милости просимъ, батюшка, милости просимъ! Гостямъ рады, а если лишній разъ и проѣдешься, не взыщи! Кому нужно, тому не должно быть недужно. Что угодно милости вашей?

— А угодно намъ, сударыня, что-бы ты намъ погадала, всю-бы правду поразсказала и всѣ наши тайны пооткрывала, шутя сказалъ Нащокинъ.

— Вамъ, гг.,—отвѣчала ворожея,—какъ вижу, въ этомъ большой надобности нѣтъ, а пожаловали ко мнѣ, чтобы посмѣяться надъ нами, гадальщицами, что-же—извольте! Намъ не первый разъ гадать господамъ, всѣ оставались довольны. На чемъ прикажете гадать? На картахъ или на кофе?

— На чемъ вѣрнѣе, на томъ и лучше,—отвѣчалъ нашъ путеводитель.

Ворожея вышла изъ комнаты и скоро возвратилась, неся чашку съ кофейной гущею. Поставила на столъ, зажгла трехъкопѣечную восковую свѣчку, два раза капнула въ гущу, потушила опять свѣчу и подала Нащокину чашку съ гущей, прося, чтобы онъ дунулъ въ нее разъ, но какъ можно сильнѣе. Окончивши всю эту процедуру, она усѣлась возлѣ него, и, глядя пристально въ чашку, начала молоть какую-то чепуху, какъ обыкновенно, въ подобныхъ случаяхъ, русскія бабы болтаютъ, гадая на картахъ. Мы съ Веселовскимъ, сидя напротивъ ихъ, молча слушали и улыбались, не понимая ни слова. Вдругъ я замѣтилъ, что при одной для меня непонятной фразѣ—Нащокинъ вздрогнулъ, весь подался впередъ и лицо его приняло тревожное выраженіе. Охватившее его безпокойство обоими нами было тотчасъ замѣчено и мы съ удивленіемъ на него посмотрѣли; но онъ, не обращая на насъ никакого вниманія, весь отдался безсвязной болтовнѣ колдуньи. Окончилось гаданье, ворожея вышла изъ комнаты, чтобы перемѣнить чашку со свѣжей гущей. Нащокинъ обратился къ намъ, по французски: «поняли-ли мы, что она ему говорила?» На отрицательный нашъ отвѣтъ, онъ продолжалъ: «она мнѣ сказала, или, лучше сказать, намекнула, о та-

Библиотека "Руниверс"

ихъ вещахъ, которыя у меня только на душѣ, и о которыхъ никто и помыслу не имѣетъ».

Настала очередь Веселовскаго; тотъ во все время, пока продолжалось гаданье, улыбался и повторялъ: «какая ахинея», но будучи съ нимъ коротко знакомъ и зная хорошо почти всѣ обстоятельства его жизни,—правда, многаго изъ того, что наговаривала ему баба, я не понялъ,—но за то многое уразумѣлъ и догадался, и подъ конецъ самъ Веселовскій, не выдержавъ, вскричалъ: «Чортъ, а не баба! Гдѣ ты, дьяволъ, все это видишь!» Когда дошла до меня очередь, я, крайне заинтересованный, подсѣлъ къ ней и приготовился слушать со вниманіемъ. Не могу теперь вполнѣ припомнить своеобразный тонъ ея рѣчи, ни порядка изложенія, но вотъ, между прочимъ, что она мнѣ наговорила:

— «Вы женаты (Веселовскому и Нащокину она этого не сказала, не смотря на то, что на видъ они были гораздо солиднѣе меня). У васъ жена блондинка, небольшаго роста. — Зовутъ ее или Анна, или Александра, или Авдотья, только имя ея начинается съ буквы А.—Вы женаты или 7 лѣтъ, или 7 мѣсяцевъ, или 7 дней—(указывая на чашку) вотъ число 7».

Я посмотрѣлъ въ чашку и сказалъ: «не вижу».

— «И не увидите,—сказала она,—это не по вашему, а по нашему! Жена ваша больна. Да! она нездорова. Но не пугайтесь. Болѣзнь ея не опасная, пройдетъ современемъ. Вы считаете болѣзнь серьезною, а это просто ничего—одинъ испугъ, съ котораго и началась вся болѣзнь. (Жена моя, послѣ того какъ провалилась, чрезъ ледъ, на Днѣпрѣ, продолжала харкать кровью). Видите, она еще не родила, но непремѣнно родитъ и у васъ будетъ 5 человѣкъ дѣтей (сбылось въ точности). Вы сюда пріѣхали за какимъ-то интересомъ и сомнѣваетесь успѣете-ли въ этомъ (слѣдуетъ вспомнить вчерашній разговоръ о ремонтѣ). Да! Успѣете, непремѣнно успѣете! Вотъ какой-то пакетъ, какія-то деньги. Да, непремѣнно успѣете, не отчаявайтесь! Когда вы уѣзжали изъ дому, у васъ случилась пропажа (точно). Вы подозрѣвали человѣка или дѣвку, не знаю, но только какого-то слугу, и оставили это безъ розыска (вѣрно). Этотъ слуга при васъ куда-то выбылъ (точно), но теперь хозяюшка ваша безъ васъ опять приняла этого слугу и приласкала (это

Библиотека "Руниверс"

оказалось точь въ точь); этотъ слуга дѣйствительно сдѣлалъ покражу (я въ послѣдствіи этого обстоятельства не повѣрялъ, но чрезъ годъ, когда случилась у меня другая кража и таже самая дѣвушка, будучи поймана съ поличнымъ, созналась, что первая кража была ею тоже совершена!) Ну! какой-же вы добрый! Да, какой-же вы за то и горячка! Съ вами нужно быть очень осторожнымъ! Вы по службѣ далеко пойдете. Васъ будетъ самъ государь знать, говорить съ вами будетъ, долго говорить будетъ. Высоко пойдете, да горячка ваша много вреда вамъ надѣлаетъ. Вскорости вы встрѣтитесь съ человѣкомъ, на котораго крѣпко надѣетесь. Да! этотъ человѣкъ «рыжій» (Ховенъ) много, много вамъ зла надѣлаетъ. Послѣ вы все это поправите, но сначала будетъ вамъ очень тяжело. Вы въ городъ, сюда, пріѣхали на тройкѣ сѣрыхъ лошадей (точно), а сегодня вы будете въ гостяхъ у одного пріятеля вашего. О! да какой-же онъ чудакъ! Какъ онъ странно говоритъ! А жизнь-то его, жизнь-то его какая! Все, что было у него, прожилъ и промоталъ на женщинъ! (кто зналъ князя Хилкова, тотъ согласится, что это его живой портретъ). Вы ѣдете по улицѣ—домъ на право, желтый, вы подъѣзжаете направо, а къ крыльцу становитесь лѣвымъ бокомъ...» и т. д. продолжая болтать еще съ 1/4 часа, но самые пустяки, которые я теперь уже совершенно забылъ.

Кончивши нашу ворожбу, мы заплатили ей по 5 р. съ брата и вышли. Нащокинъ поѣхалъ домой, видимо разстроенный, а Веселовскій просилъ меня подвести его, въ моей каретѣ, въ Англійскій клубъ. Когда мы ѣхали по Садовой улицѣ, Веселовскій вдругъ дернулъ шнурокъ, протянутый къ кучеру. «Что вы?» спросилъ я.— «Заѣдемте, пожалуйста, къ кн. Хилкову, вѣрно его нѣтъ дома, а мы между тѣмъ сдѣлаемъ ему визитъ».—«Хорошо, сказалъ я, но гдѣ-же онъ живетъ?» Веселовскій указалъ домъ, мы остановились и лакей побѣжалъ справиться дома-ли князь и принимаетъ-ли. Тутъ я припомнилъ слова колдуньи: домъ былъ желтый и стоялъ на правой сторонѣ улицы. Человѣкъ вернулся, объявилъ, что «дома и принимаетъ», и мы, повернувъ въ ворота, подъѣхали къ крыльцу лѣвымъ бокомъ! Я расхохотался, равно какъ и Веселовскій, и когда мы выходили изъ кареты, то я сказалъ ему: «Какова колдунья! Вспомните, какъ она живо и мѣтко изобразила

Библиотека "Руниверс"

Хилкова! Нѣтъ! воля ваша, я васъ до клуба довезу, но въ клубъ теперь не зайду, а поѣду прямо къ Засядкѣ. Посмотрите, если не получу сегодня ремонтную сумму».

Хохоча отъ души, мы вошли къ князю. Тутъ пробыли съ 1/2 часа, заѣхали въ клубъ, гдѣ я выпустилъ моего спутника, а потомъ, заѣхавши домой, надѣлъ шарфъ и велѣлъ везти себя за Красныя ворота, къ генералу Засядко.

Отъ Прѣсненскихъ Прудовъ до Красныхъ воротъ—будетъ не менѣе 7-ми верстъ. Подъѣзжая къ дому, я отправилъ человѣка узнать, принимаетъ-ли генералъ? Человѣкъ возвратился съ отвѣтомъ «дома нѣтъ».—Ахъ, проклятая вѣдьма,—громко проговорилъ я,—нечего дѣлать, ворочайся назадъ, ступай въ клубъ,—и пока я продолжалъ мысленно ругать ворожею, а карета поворачивала, вдругъ выбѣгаетъ другой лакей изъ дома генерала и, остановивъ экипажъ, проситъ меня, отъ имени своего господина, взойти къ нему. Вхожу изъ передней въ первую комнату. Засядко (котораго прежде никогда не видывалъ), въ халатѣ, въ половину выбритый, а другая половина лица намыленная, у дверей кабинета, адресуясь ко мнѣ, спрашиваетъ:

— Посудите сами, что невѣжливѣе: заставлять дожидаться, или принимать въ такомъ неприличномъ костюмѣ?

Разумѣется, я принялъ вопросъ какъ слѣдуетъ, благодарилъ за оказанное имъ вниманіе и просилъ извиненія, что обезпокоилъ его.

— Нѣтъ! меня простите,—отвѣчалъ онъ,—что я васъ такъ принимаю! Но виноватъ, грѣшный человѣкъ, давно желаю съ вами познакомиться, почтеннѣйшій Иванъ Степановичъ, и еще разъ прошу простить меня за невѣжливость.

Усадивъ меня, онъ продолжалъ: «Вѣрно въ Москву пожаловали за ремонтомъ? Ахъ, бѣда какая! Право не знаю и совѣстно мнѣ, но не могу пособить. Денегъ у насъ въ Москвѣ, въ депо, ни гроша; болѣе 10-ти ротныхъ начальниковъ перебывали у меня и никому и ничего не далъ, принужденъ былъ всѣмъ отказывать!

— Что-же дѣлать, в. п-во, на нѣтъ—и суда нѣтъ, сказалъ я; да и сумма небольшая: больше предлогъ пріѣзда въ Москву, нежели надобность въ ней.

Въ это время доложилъ лакей: подполковникъ Саблинъ.

Библиотека "Руниверс"

— А вотъ и нашъ казначей,—подхватилъ Засядко,—онъ оправдаетъ меня передъ вами! Ну что, Николай Ѳедоровичъ, много-ли у насъ денегъ?

— Да если всѣ суммы собрать,—отвѣчалъ Саблинъ,—по всѣмъ статьямъ, едва, едва наберется 1,500 руб., а ремонтной всего 2 рубля.

— А много-ли вамъ слѣдуетъ ремонту? спросилъ меня Засядко.

— Всего 1,100 р.

— Ну, такъ мы уладимъ дѣло! Пожалуйста, любезный Николай Ѳедоровичъ, поѣзжай въ депо, возьми всѣ деньги, какія есть, и привези ихъ сюда съ книгою. Перечисленіе мы сдѣлаемъ завтра, заднимъ числомъ, а я буду въ барышахъ: почтенный гость просидитъ со мною часокъ, въ ожиданіи.

Я получилъ деньги и, такимъ образомъ, второе предсказаніе ворожеи сбылось въ одинъ и тотъ же день. Но этимъ еще не кончилось. Возвратясь домой и отобѣдавъ, я получилъ съ почты письмо отъ жены, въ которомъ она, между прочимъ, пишетъ, что дѣвка, которую мы предъ этимъ мѣсяца за два отпустили на волю, и потомъ за шалость прогнали отъ себя, на другой день моего отъѣзда вернулась и, валяясь въ ногахъ, просила взять ее опять къ себѣ. Жена дозволила ей пріютиться въ рабочей избѣ, а въ комнаты не пустила и спрашивала моего совѣта — пустить ли ее въ комнаты или нѣтъ? Когда дѣвка эта еще служила въ комнатахъ, бригадный командиръ Воловичъ привезъ мнѣ однажды денегъ до 4 т. руб., которые я не считая принялъ и положилъ въ шкатулку. По уходѣ его, я сосчиталъ и не оказалось 100 р. Совѣстясь сказать о семъ Воловичу и не желая поклепать на кого-нибудь изъ прислуги, я не сдѣлалъ никакого разслѣдованія, но имѣя подозрѣніе на эту дѣвку, такъ какъ она одна входила въ мой кабинетъ, когда я провожалъ Воловича, то и отправилъ ее отъ себя...

Эти три случая были причиной, что я такъ подробно все здѣсь описалъ, и признаюсь откровенно, не имѣя никакихъ предразсудковъ, я и понынѣ (1843 г.) удивляюсь такому стеченію обстоятельствъ, оправдавшихъ на дѣлѣ всѣ слова ворожеи. Не только сіи три незначительные случая, но вся послѣдующая моя жизнь

Библиотека "Руниверс"

подтвердила слова гаданья и не одинъ разъ приходилось мнѣ вспомнить московскую колдунью.....

. . . . . .

Хотя преемнику моему (по командованію артиллерійскою ротою) Козлову я и остался должнымъ нѣкоторую сумму, прося его взять въ счетъ экипажи и крѣпостныхъ людей, но онъ не согласился, предпочитая взять вексель, выдалъ мнѣ квитанцію и я въ сентябрѣ 1824 г. отправился въ Петербургъ на новое служеніе.

XIV.

Служба въ артиллерійскомъ департаментѣ. — Дѣло о лафетахъ. — Злоупотребленія. — Продажа казеннаго чугуна.

1824.

Въ 1824 году, оставя строевую службу, поступилъ я въ артиллерійскій департаментъ, куда и прибылъ въ сентябрѣ, именно въ такое время, когда великій князь Михаилъ Павловичъ поручилъ полковнику Жуковскому произвести подробную ревизію дѣлъ онаго по всѣмъ отдѣленіямъ. Составъ департамента былъ слѣдующій: вице-директоръ ген.-м. Гогель; начальники отдѣленій: 1-го — Разсаловичъ, 2-го — дѣйствительн. стат. совѣт. В*, 3-го — Г*, 4-го — Петровъ, 5-го — Фатьяновъ и 6-го — Трохимовскій; правитель дѣлъ — П*. Для испытанія, поручена была мнѣ повѣрка счетовъ, по нѣсколькимъ книгамъ, находившимся для обревизованія по 1-му отдѣленію. Едва я успѣлъ сдѣлать небольшое число черновыхъ замѣчаній по онымъ, какъ умеръ Разсаловичъ и мнѣ приказано вступить въ управленіе 1-мъ отдѣленіемъ.

Первое знакомство мое съ дѣлами этого отдѣленія ужаснуло меня совершенно. Едва ли возможно представить себѣ тотъ хаосъ, который былъ допущенъ во всѣхъ департаментскихъ распоряженіяхъ. Достаточно, чтобы вполнѣ обнаружить оный, сказать, что, съ 1821 г., когда правительство, для соображеній, потребовало приблизительныя свѣдѣнія о количествѣ лафетовъ, состоящихъ подъ орудіями въ крѣпостяхъ и требующихъ исправленій и ремонта—завязалась переписка объ общемъ числѣ крѣпостей и укрѣпленій, снабженныхъ орудіями, и когда, послѣ 2-хъ лѣтнихъ справокъ и выписокъ, въ совмѣстномъ докладѣ департаментовъ артиллерійскаго и инженернаго, представили государю, чрезъ начальника штаба

Библиотека "Руниверс"

кн. Волконскаго, докладъ по сему предмету, то въ немъ пропущено было около двадцати крѣпостей и укрѣпленій, въ томъ числѣ половина имѣющихъ свои положенные штаты.

Ревизія, производившаяся полковникомъ Жуковскимъ, уже около 4-хъ мѣсяцевъ, продолжалась еще только по 1-му отдѣленію и в. к. Михаилъ Павловичъ безпрестанно требовалъ ускоренія оной и подробнаго къ себѣ представленія, что̀ открыто; въ первыхъ же дняхъ управленія моего отдѣленіемъ, Жуковскій не окончательно еще представилъ около 300 листовъ замѣчаній своихъ о важнѣйшихъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, болѣе нежели по 300 предметамъ, имъ открытыхъ.

Генералъ Гогель, человѣкъ, прослывшій ученымъ, показавшійся мнѣ сначала характера благороднаго и справедливымъ, по обстоятельствамъ увлеченъ былъ къ допущенію безпорядковъ и къ прикрытію даже зла. За все оказанное мною ему уваженіе и преданность, онъ заплатилъ мнѣ самой злѣйшею неблагодарностью. Великій князь передалъ Гогелю представленные Жуковскимъ замѣчанія, требуя на нихъ объясненій, а тотъ, не взирая на недавнее мое поступленіе въ департаментъ, возложилъ этотъ трудъ лично на меня. Отправляя безостановочно теченіе настоящихъ дѣлъ, я долженъ былъ, въ одно и тоже время, давать и объясненія, дѣлая выборки болѣе чѣмъ изъ 1,000 дѣлъ, чтобы какъ нибудь найти слѣды и средства къ оправданію департамента, прибѣгая нерѣдко ко всевозможнымъ софизмамъ для опроверженія выводовъ Жуковскаго.

Здѣсь-то я, въ первый разъ, увидѣлъ явное и усильственное прикрытіе и даже потворство злоупотребленіямъ окружныхъ и нѣкоторыхъ артиллерійскихъ начальниковъ крѣпостей. Первое мѣсто между таковыми занимали полковники: Ш—нъ, начальникъ финляндскаго округа, Д—ль начальникъ бобруйскаго крѣпостнаго штата и затѣмъ шли начальники кіевскаго округа и начальники штатовъ ближайшихъ крѣпостей къ Петербургу.

Первыя тетради моихъ возраженій на замѣчанія Жуковскаго пріобрѣли мнѣ благосклонность и вниманіе Гогеля, и на нѣсколько вопросовъ обо мнѣ великаго князя, онъ всегда отзывался обо мнѣ, какъ о чиновникѣ отличныхъ дарованій и правилъ. Къ моему несчастію, это обратило на меня благосклонное вниманіе его высочества. Упомянутые выше чиновники вообще пользовались покро-

Библиотека "Руниверс"

вительствомъ тогдашняго правителя канцеляріи фельдцейхмейстера — П—на, который первый замѣтилъ Гогелю, что хвалить меня предъ великимъ княземъ значило унижать прежнихъ членовъ департамента, въ числѣ которыхъ былъ и зять Перрена—Фатьяновъ, и тѣмъ остановилъ все направленіе прежняго ко мнѣ благорасположенія Гогеля.

Изъ числа первыхъ знакомцевъ, пріобрѣтенныхъ мной департаментскою службою, былъ оберъ-секретарь Ш—нъ, братъ полковника, пріѣхавшій ко мнѣ отыскивать послѣднему покровительство и товарищество. Но я скромно отозвался, что себѣ никакихъ правъ и средствъ лично не присвоиваю нигдѣ, уклоняясь отъ прямыхъ придирокъ, и просилъ написать брату откровенно, что со мной приведется дѣйствовать другими совершенно путями, чѣмъ шло прежде. Не прошло недѣли, какъ я получилъ по почтѣ письмо отъ полковника Ш—на, гдѣ со всею подробностью и весьма неосторожно излагалъ онъ мнѣ исповѣдь о своихъ домогательствахъ, о томъ какъ дѣлился по департаменту и предавалъ мнѣ себя совершенно на жертву. Но какъ человѣкъ, обремененный семействомъ и малолѣтними дѣтьми, онъ не видѣлъ другихъ средствъ избѣгнуть заслуженнаго наказанія, какъ предать судьбу свою и дѣтей своихъ въ благородныя руки.

Письмо это, на другой день полученія, я показалъ сыну В....., столоначальнику 5-го отдѣленія, который страшно испугался этого сознанія, компрометирующаго весь департаментъ, и въ особенности его отца, какъ главнаго лица, дѣйствовавшаго по всѣмъ распоряженіямъ департамента, ибо В*** по этой части служилъ болѣе 30-ти лѣтъ и былъ, такъ сказать, главной пружиной всѣхъ операцій и ходячей справкой по департаменту.

Вообще всѣ отпускаемыя суммы для крѣпостей по департаменту дѣлились всегда почти на 4 равныя части; изъ нихъ: 2 шли въ распоряженіе Ш—на, одна — пополамъ С* и Д*, а остальная уже дробилась на прочія крѣпости.

Въ общемъ распорядкѣ о дѣлахъ по департаменту, было положено ежедневно, отъ каждаго отдѣленія, подавать его высочеству меморіи о главнѣйшихъ предметахъ, составляющихъ текущую переписку. Великій князь, предупрежденный противъ полковника Ш* генераломъ Закревскимъ, генералъ-губернаторомъ Финляндіи, замѣнившимъ на этомъ посту Штейнгеля, еще до всту-

Библиотека "Руниверс"

пленія моего въ управленіе отдѣленіемъ изволилъ сдѣлать разныя замѣчанія на меморіяхъ, относящихся до Ш—на, требуя по нимъ подробныхъ объясненій. Разумѣется, что мнѣ пришлось окончательно собирать и доносить объ оказавшемся. Въ числѣ многихъ статей, замѣчательнѣйшими оказались: продажа по Финляндскимъ крѣпостямъ чугуна, отъ негодныхъ орудій и снарядовъ, и постройка около Гельсингфорса и Шварцгольма сараевъ, для сохраненія пороха и снарядовъ.

По первой статьѣ, по видимой уклончивости Ш—на указать лицъ, покупавшихъ этотъ чугунъ, и количество онаго, я не нашелъ другаго способа дознать справедливости, какъ обратиться съ просьбою къ генералъ-губернатору: узнать о томъ отъ фабрикантовъ и заводчиковъ чугунныхъ, справившись по ихъ фактурнымъ книгамъ. Не взирая на усиленное мое домогательство и множество запросовъ, присутствіе департамента не торопилось очень исполнять оные, но, продержавъ мѣсяца два или три, возвращало ко мнѣ для передѣлки или добавки и, такимъ образомъ, дѣло это при мнѣ не было еще окончено. Носились частные слухи, доходившіе до меня, что Ш—нъ имѣлъ два собственныхъ купеческихъ судна въ морѣ, на которыхъ какъ орудія, такъ и снаряды, перевозилъ въ шведскіе предѣлы и тамъ сбывалъ, и я имѣю право не сомнѣваться въ этомъ. По второй статьѣ, два сарая, строившіеся по одному и тому же плану, на разстояніи не болѣе 100 верстъ одинъ отъ другаго, оба на берегахъ того-же залива, но одинъ $^1/_5$ частью длиннѣе, обошлись казнѣ—одинъ болѣе 40,000 руб., а другой менѣе 8,000 руб.! Первый строился по незаконнымъ контрактамъ, подъ распоряженіемъ самого Ш—на, а другой тогда-же построенъ, но подъ наблюденіемъ адъютанта великаго князя, полковника Гардера,—и это обстоятельство, въ мое время, осталось тоже неразрѣшеннымъ.

Съ самаго начала управленія моего отдѣленіемъ, я былъ допущенъ въ общее присутствіе департамента, для совмѣстныхъ съ другими членами занятій по докладамъ и къ подпискѣ журналовъ, но послѣ меня уже туда не допускали, подъ тѣмъ предлогомъ, что я не пользуюсь настоящимъ званіемъ начальника отдѣленія, а только исправляю должность таковаго и дабы дать мнѣ еще болѣе почувствовать это, когда я просилъ генералъ-маіора Гогеля войти съ представленіемъ о выдачѣ мнѣ, на общихъ прави-

Библиотека "Руниверс"

лахъ, жалованья по должности начальника отдѣленія, онъ хотя и изъявилъ на то свое согласіе, но представленіе къ военному министру, помимо великаго князя, было такъ устроено, что военный министръ Татищевъ отказалъ мнѣ, подъ тѣмъ косвеннымъ предлогомъ, что «общія» правила изданы только для гражданскихъ чиновниковъ, а къ военнымъ ихъ примѣнять не слѣдуетъ. Въ этой исторіи болѣе всего дѣйствовали Горевъ и Фатьяновъ, подъ руководствомъ Перрена.

Въ это время Перренъ продавалъ свое имѣніе въ казну, которое департаментомъ признано было очень выгоднымъ купить для Сестрорѣцкаго оружейнаго завода, по недальнему отъ завода расположенію. Имѣніе это находилось въ Старой Финляндіи, слѣдовательно, на особыхъ правахъ того края. Въ одно воскресенье, когда я былъ, въ числѣ прочихъ, во дворцѣ великаго князя Михаила Павловича, Перренъ подошелъ ко мнѣ, говоря, что имѣетъ до меня крайнюю нужду, ибо его высочество имѣетъ ко мнѣ такое довѣріе, что не изволитъ давать своего согласія на покупку имѣнія, пока я не осмотрю его всего и пока я не удостовѣрю въ справедливости его оцѣнки—въ 350,000 р.; что цѣна сія самая умѣренная по числу душъ, но что нѣсколько изъ оныхъ находятся въ безвѣстной отлучкѣ и что именно объ этомъ обстоятельствѣ онъ хотѣлъ переговорить со мной. На другой день, войдя въ канцелярію фельдцейхмейстера, нашелъ я у Перрена Горева. Увидѣвъ меня, оба сконфузились и первый, съ видимымъ замѣшательствомъ, началъ мнѣ объяснять, что онъ не знаетъ какая причина побуждаетъ Гогеля возражать на полученное обо мнѣ предписаніе, что меня нельзя командировать, а представляетъ вмѣсто меня, по сему дѣлу, Горева, и что, вѣроятно, его высочество будетъ этимъ весьма недоволенъ. Я попросилъ у Перрена извиненія за то, что его потревожилъ и добавилъ, что кого найдетъ начальство полезнѣе послать, такъ пусть и дѣлаетъ, а я, собственно, за это нисколько не въ претензіи. Въ канцеляріи-же у Гогеля, правитель дѣлъ Павловъ показалъ мнѣ рапортъ его къ великому князю, гдѣ, распространяясь о существовавшихъ до меня безпорядкахъ по 1-му отдѣленію, свидѣтельствуетъ ревность мою и дѣятельность, коими устраивается уже видимый порядокъ въ дѣлахъ, то онъ полагалъ бы не только затруднительнымъ, но даже вреднымъ для службы, если хотя на

Библиотека "Руниверс"

короткое время отлучусь отъ департамента, а рекомендуетъ для этого порученія —Горева. На это представленіе, по докладѣ Перрена, великій князь выразился: «послать, на мѣсто Жиркевича, кого хотятъ, только не Горева и не Воронина»...

Кстати здѣсь придется сказать нѣсколько словъ о характерахъ и нравственности судьбою поставленныхъ мнѣ по департаменту начальника и сотоварищей.

XV.

Сослуживцы въ артиллерійскомъ департаментѣ.

1824 — 1826.

Г...ль, съ обширными познаніями въ математикѣ и артиллерійской практикѣ, еще въ чинѣ полковника пріобрѣлъ извѣстность какъ ученый и благомыслящій чиновникъ, а потому, при образованіи артиллерійскаго департамента изъ экспедиціи, назначенъ былъ въ оный вице-директоромъ, хотя уже въ одно и тоже время занималъ должности директора Пажескаго корпуса и предсѣдателя военно-ученаго комитета. Скрытнаго характера, безъ малѣйшаго притязательства для себя лично, на все смотрѣлъ и судилъ съ совершеннымъ равнодушіемъ. Въ продолженіе моей съ нимъ службы, я не замѣтилъ въ немъ ни малѣйшей наклонности къ злоупотребленіямъ, но уже разъ если зло было допущено кѣмъ либо изъ его подчиненныхъ, съ умысломъ или безъ умысла,—то не было софизмовъ, которыхъ-бы онъ ни употребилъ къ оправданію или поддержкѣ своего подчиненнаго. Причину такого потворства и равнодушія я нахожу въ томъ, что, прослужа въ департаментѣ около 20-ти лѣтъ, находился подъ вліяніемъ интригановъ и весьма дурныхъ людей, какъ начальниковъ отдѣленій Т*, В* и отчасти П—на, пользовавшихся большимъ довѣріемъ бывшаго инспектора артиллеріи барона Меллера-Закомельскаго. За это время онъ, такъ сказать, «отерпѣлся» и желалъ только покоя; но чтобы самъ лично въ томъ-бы участвовалъ, я никогда не вѣрилъ и не вѣрю, не взирая даже на одинъ случай, который бы могъ мнѣ дать самое превратное понятіе объ его нравственности, если-бы я не имѣлъ доказательствъ въ противномъ.

Когда я рѣшился просить Г...ля о ходатайствѣ за меня, на счетъ уравненія жалованьемъ по окладу начальника отдѣленія, я

Библиотека "Руниверс"

сталъ его въ саду Пажескаго корпуса, гдѣ я и объяснилъ ему мою просьбу. Онъ, выслушавъ меня съ добродушіемъ и благосклонностью, отвѣтилъ, буквально, этими словами: «Весьма справедливо. Жаль, что вы мнѣ прежде ничего объ этомъ не сказали». Потомъ улыбаясь продолжалъ: «я замѣчаю, что вы казенныя деньги очень любите, но только не для себя, а для казны. Это, право, не хорошо! Неужели вы думаете, если вы этихъ денегъ не будете брать для себя, то онѣ останутся въ казнѣ? Пустое! Другіе ихъ возьмутъ! Этотъ порядокъ не нами уже устроенъ!»

В.....нъ, вышедшій изъ кантонистовъ и съ самыхъ молодыхъ лѣтъ начавъ службу въ артиллерійской экспедиціи, прослужилъ тутъ около 50-ти лѣтъ. Соединяя съ необыкновенной дѣятельностью опытность и тонкое познаніе всѣхъ канцелярскихъ формъ, узаконеній и распоряженій, о дѣлахъ судилъ положительно. При прямыхъ указаніяхъ и требованіяхъ высшаго начальства дѣйствовалъ осторожно и осмотрительно и, таковые случаи всегда старался и умѣлъ выказывать во всей силѣ. Но, во всякомъ другомъ случаѣ, распоряжался по личнымъ своимъ расчетамъ или къ выгодѣ тѣхъ лицъ, которыя, по связямъ своимъ, могли доставить ему пользу. Но тогда все облекалъ формами, съ такою тонкостью, что хотя и былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и пружиною дѣйствія, оставался въ сторонѣ, и если, паче чаянія, казусъ открывался, то къ нему нельзя было прямо отнесть проистекшаго зла. Въ одномъ, въ чемъ можно было его обвинить, говоря офиціальнымъ языкомъ, это что ему было 70 лѣтъ отъ роду!

Г...въ, ученикъ и бывшій писарь Воронина, просто — канцелярская к....., готовый рѣшительно на всѣ продѣлки за деньги и по видамъ. Къ нему прямо обращались съ предложеніями кто имѣлъ какое нибудь дѣло по департаменту.

Петровъ, честный и благородный человѣкъ, но примѣрно упрямый въ своихъ только распоряженіяхъ, ничего не видалъ и ничего знать не хотѣлъ, кромѣ дѣлъ своего отдѣленія, а по другимъ все подписывалъ, не читая. У себя же иногда грѣшилъ, но безъ всякихъ корыстныхъ видовъ, а единственно по упрямству и капризамъ своимъ (ему было поручено, вмѣсто меня, произвести освидѣтельствованіе имѣнія Перрена, оцѣненное въ

Библиотека "Руниверс"

350,000 руб., поступившее въ 1824 г. въ казну, и ни разу не давшее даже 7,000 руб. асс. дохода!).

Фатьяновъ, зять Перрена,—большой краснобай, обладавшій большимъ даромъ слова, но еще бо̀льшею лѣностью. О каждомъ предметѣ умѣлъ вести рѣчь по нѣсколько часовъ и не сказать ничего. Спеціальность же его состояла въ томъ, что огромные счеты и расчеты по контрактамъ, весьма часто основанные лишь на однѣхъ фикціяхъ—обдѣлывалъ прочно, гладко, безъ малѣйшей задоринки, въ самое короткое время. Перренъ умѣлъ имъ дѣйствовать на другихъ.

Трохимовскій—честный и благороднѣйшей души человѣкъ, но подверженный губительной страсти запоя. Велъ дѣла въ своемъ отдѣленіи такъ, что если напьется замертво и уснетъ, то уже нѣтъ средствъ, по его отдѣленію, спустить ни одной бумаги, которыя съ умысломъ раскидывалъ такъ, чтобы никто не могъ добиться толку. Проснувшись, хотя еще пьяный, находилъ тотчасъ что̀ спрашивали и сочинялъ, что нужно было, экспромптомъ, безошибочно. Отрезвившись, соблюдалъ приличіе и скроменъ былъ какъ красная дѣвица. Во хмѣлю, былъ циникъ въ самомъ большемъ размѣрѣ и выкидывалъ часто весьма дерзкіе и неприличные фарсы, иногда довольно остроумные. Такъ, напримѣръ, при себѣ, въ департаментской типографіи, велѣлъ отпечатать ярлыкъ съ надписью «Депо дураковъ» и прибилъ оный на дверяхъ присутствія военно-ученаго комитета. Когда Гореву дали владимірскій крестъ, то Т—й пришелъ къ нему въ отдѣленіе, выпросилъ у него этотъ крестъ на время, отыскалъ чернаго щенка, тайно притащилъ его въ присутствіе, надѣлъ на него крестъ и посадилъ на стулъ Горева.

Въ одно у̀тро, одѣвшись въ мундиръ съ орденами, при шпагѣ, въ шляпѣ, Т—й, безъ исподняго платья, прошелъ нѣсколько разъ по главной аллеѣ Лѣтняго сада и отправился далѣе по мосту, чрезъ Неву, чуть-чуть не попавшись въ такомъ одѣяніи государю Александру Павловичу, ѣхавшему съ Каменнаго острова, но, къ счастію, былъ остановленъ и спрятанъ полицейскимъ чиновникомъ. Выше сказано было какъ онъ любилъ распоряжаться бумагами въ своемъ отдѣленіи, но пьяная страсть кидала его иногда и на чужія дѣла въ томъ же родѣ. Одинъ разъ случилось, что онъ собралъ множество чертежей, табелей, положеній,

Библиотека "Руниверс"

плановъ и другихъ бумагъ, присовокупивъ къ нимъ, на большомъ листѣ бумаги, рисунокъ, весьма нескромный и совершенно неприличный, пьянаго своего изображенія; распорядился всю сію разнородность, подобранную по всѣмъ отдѣленіямъ, переплесть въ типографіи въ хорошій корешокъ и таковой сборникъ положилъ на столъ, въ общемъ присутствіи. Обстоятельство это оставалось нѣсколько лѣтъ сокрытымъ, какъ одинъ весьма важный случай, чрезъ меня, указалъ на эту шутовскую продѣлку. При вторичномъ моемъ вступленіи на службу въ департаментъ, разсматривая вѣдомости о крѣпостныхъ лафетахъ, я доложилъ директору, что въ Свеаборгѣ положено содержать, по новому штату крѣпости, не 2,000 орудій, какъ прежде, а только 510. Изъ этого завязался между мной и директоромъ споръ, ибо тотъ утверждалъ прежнее число. Когда я сказалъ ему, что, за время моего прежняго служенія въ департаментѣ, я видѣлъ самъ подлинный планъ, за подписомъ генералъ-инспектора инженеровъ великаго князя Николая Павловича, гдѣ въ подробности изъяснено новое назначеніе орудій и надписано о Высочайшемъ сего утвержденіи, директоръ, озабоченный такимъ непростительнымъ промахомъ департамента, не переставалъ все-таки сомнѣваться, на томъ основаніи, что подлинный планъ, составляя государственный секретъ, не могъ бы пересылаться такъ легко и храниться въ артиллерійскомъ—когда долженъ непремѣнно находиться въ инженерномъ департаментѣ. Когда я сталъ утвердительно повторять мое показаніе, онъ приказалъ мнѣ отыскать этотъ планъ и, никому не сказывая, показать ему. Я бросился въ чертежную и по описямъ нашелъ планъ, но на лицо его не оказалось. Пошла суматоха и розыски. Къ счастію, пришло мнѣ въ голову, что я планъ видѣлъ когда-то въ рукахъ Трохимовскаго, обратился къ нему, едва успѣвшему отрезвиться. (Не только въ этомъ видѣ, но даже и въ пьяномъ, онъ мнѣ оказывалъ явное уваженіе). Онъ сознался, что, точно, планъ былъ въ его рукахъ, но что, къ сожалѣнію, съ лѣтами память его начала слабѣть и такъ какъ дѣло это давнишнее, то онъ рѣшительно не припомнитъ, куда онъ его дѣвалъ. Напавъ на слѣдъ, я машинально пошелъ въ общее присутствіе и раскрылъ переплетенный фоліантъ, съ надписью: «Чертежи крѣпостныхъ лафетовъ, на подвижныхъ платформахъ», и, конечно, тотчасъ нашелъ планъ, съ приложеніемъ и прочихъ

Библиотека "Руниверс"

рисунковъ. Порядокъ—истинно прекрасный въ высшемъ присутственномъ мѣстѣ! Ежедневно разсылаютъ десятками выговоры и замѣчанія другимъ мѣстамъ и лицамъ, чинами выше самого предсѣдателя, а тутъ, подъ самымъ носомъ, Богъ знаетъ что̀ творится!

Начальникомъ чертежной былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Сенъ-Жоржъ, эмигрантъ. Ежедневно являлся въ свое отдѣленіе въ 8 часовъ утра, сидѣлъ, не вставая съ своего мѣста, до 3-хъ часовъ пополудни и во все время едва ли, бывало, скажетъ два, три слова. Кроткій и хорошій человѣкъ. Рисовалъ превосходно. Прослужилъ на этомъ мѣстѣ болѣе 40 лѣтъ, умеръ, не оставивъ семьѣ куска хлѣба.

И. С. Жиркевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ Т. П. ПАССЕКЪ.

ГЛАВА XXVI [1]).

Разлука и симпатія.

Ихъ кругъ разрозненный
Становится тѣснѣй.....

1834—1835.

Весной мой мужъ Вадимъ получилъ письмо отъ графа А. Н. Панина, которымъ онъ вызывалъ его для занятія въ Харьковскомъ университетѣ кафедры. Мы стали понемногу сбираться въ этотъ дальній путь.

Въ концѣ іюня было арестовано нѣсколько молодыхъ людей, по поводу пирушки, на которой пѣлись не дозволительныя пѣсни. Изъ товарищей Вадима на этомъ праздникѣ не было никого, даже никто и знакомъ не былъ съ присутствовавшими тамъ, только нѣкоторые знали поэта Соколовскаго, въ томъ числѣ и Н. М. Сатинъ. Въ бумагахъ Соколовскаго нашлась записка Сатина, въ бумагахъ Сатина письмо Ника—и оба были арестованы. Саша, огорченный, встревоженный, домогался повидаться съ Никомъ, и видѣлся. Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ и братъ его сенаторъ сердились на Александра за арестъ Ника. У насъ всѣ находились въ томительномъ предчувствіи бѣды.

Занятая сборами къ отъѣзду и изданіемъ «Путевыхъ Запи-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 805—852; томъ XVI, стр. 89—131; 309—350; 511—544.

Библиотека "Руниверс"

сокъ» Вадима, я относилась къ этимъ событіямъ спокойнѣе всѣхъ окружавшихъ меня.

Въ это же время въ Москвѣ начались страшные пожары. Въ одно утро матушка подозвала меня къ окну и тревожнымъ голосомъ сказала:

— «Посмотри-ка, Таня, какой ужасъ!»

Я взглянула въ окно и обомлѣла. Вдали стояла огненная стѣна и разгоралась все шире и шире. Съ замирающимъ сердцемъ мы слѣдили за разстилавшимся пламенемъ и клубами сѣраго дыма, обнимавшими полъ неба. Отъ времени до времени, сквозь дымъ, сіяли, до-бѣла раскалившись, вновь загоравшіяся строенія.

Это горѣло Лефортово—и выгорѣло до тла.

Такъ начался рядъ зажигательствъ, продолжавшихся нѣсколько мѣсяцевъ. Полиція и жители отыскивали виновныхъ и не могли найти. Составилась коммисія для розыска поджигателей. Начался разборъ захваченныхъ людей. Однихъ отпускали, подозрительныхъ допрашивали, судили и ничего не открыли. Два человѣка были наказаны, но и тѣ оказались невинными. По распоряженію начальства, они были награждены за каждый ударъ по 200 р. и паспортомъ съ свидѣтельствомъ ихъ невинности, не смотря на наложенное на нихъ клеймо преступниковъ.

Изъ денегъ, полученныхъ нами въ подарокъ отъ родныхъ, мы употребили часть на напечатаніе сочиненія Вадима, часть на покупку книгъ, посуды фарфоровой и хрустальной, чая, сахара и восковыхъ свѣчей, не разсудивши, что все это можно было купить и въ Харьковѣ, не обременяя себя перевозкой. Остальныя деньги отложили на путевыя издержки и на первое время въ Харьковѣ.

Дней за пять до нашего отъѣзда, Александръ просилъ меня придти къ нимъ отобѣдать, да кстати проститься съ Иваномъ Алексѣевичемъ. Онъ видимо былъ очень разстроенъ.

Послѣ обѣда Саша позвалъ меня въ свою комнату, и, взявши за руку, нетвердымъ голосомъ сказалъ, что онъ охладѣлъ къ ***, не знаетъ какъ ему быть, и спрашивалъ моего совѣта...

Я была поражена. Какой совѣтъ могла подать ему? одинъ—поступить человѣчески. Въ любви его—была ея жизнь. Онъ это зналъ.

Библиотека "Руниверс"

Мы долго говорили. Я плакала о ней. Прощаясь, Саша обнялъ меня и зарыдалъ судорожно—какъ ребенокъ.

Мы ничего не рѣшили; судьба рѣшила такими мѣрами, которыя ни мнѣ, ни ему даже и въ голову не приходили.

На другой день, 19-го іюля, день гулянья и скачка на Ходынскомъ полѣ. Народъ, точно полипы всѣхъ видовъ, выползалъ изъ своихъ клѣточекъ на Ходынку. Отправился туда и Саша, потому что существующему человѣку надобно же быть гдѣ-нибудь. Занимала-ли его скачка—можетъ судить всякій. Онъ стоялъ одиноко и смотрѣлъ на толпу, сѣвшую какъ туча саранчи на поле,—на кареты, которыя двигались между саранчи, какъ майскіе жуки, и былъ очень грустенъ. Встрѣчавшіеся знакомые толковали о скакунахъ и уходили. Онъ молилъ Бога ни съ кѣмъ ни встрѣтиться, отворачивался, и вдругъ увидалъ въ каретѣ Марью Степановну и Наташу. Онѣ звали его. Когда онъ подошелъ, Наташа съ участіемъ сказала ему въ полголоса: «что вашъ другъ?» Саша былъ радъ, что его видимое разстройство духа она отнесла къ безпокойству о Никѣ—и сочувственно взглянулъ на нее. Ему показалось въ ея взорѣ что-то примиряющее. Онъ зналъ Наташу съ ея поступленія въ домъ княгини, звалъ кузиной, но близокъ не былъ никогда; напротивъ, больше удалялся, находилъ ее безжизненной, холодной, а теперь, вдругъ показалось ему, что онъ ея истинный другъ.

— «Я прежде судилъ о ней,—говаривалъ въ послѣдствіи Александръ,—не понимая ея; огромное разстояніе дѣлило меня, студента-карбонара, отъ нея, религіозной, а между тѣмъ мы шли безсознательно къ одному и тому же міру, только съ разныхъ сторонъ. Религія чувствомъ поднимаетъ до созерцанія тѣхъ истинъ, до которыхъ разумъ доходитъ труднымъ путемъ,—сверхъ того, она кладетъ печать божественности на чело, и не допускаетъ короткости. Наташа мало знала свѣтъ и высшей цѣлью жизни ставила стѣны монастыря, чтобы, какъ стихъ псалма, какъ аккордъ ораторіи, горячей молитвой вознестись на небо».

— «Я не могъ вполнѣ оцѣнить ее прежде,—говорилъ онъ намъ иногда,—увлеченный, разсѣянный страстями, друзьями, науками, планами, оргіями, влюбленный. Въ этотъ же день, душа, взволнованная несчастіемъ, взглянула другимъ взглядомъ—взглядомъ магнетизма».

Библиотека "Руниверс"

Скачка кончилась. Они шли пѣшкомъ къ кладбищу. Первое, что открылось, былъ позлащенный шпицъ высокой колокольни приходской церкви Николая. Переполненная душа Саши вылилась чернымъ словомъ.

— «И эта колокольня ничего не говоритъ больше вашему сердцу? посмотрите, куда она указываетъ, — сказала Наташа, — тамъ утѣшатся всѣ скорби!»

— «Тамъ, — отвѣчалъ Саша, — а здѣсь имѣть душу, полную силъ, желаній добра, и быть не въ состояніи что нибудь выполнить!»

— «Развѣ въ этомъ *Его* вина. Отъ этого душа его не менѣе передъ Богомъ. Кто живетъ въ Богѣ, того оковать нельзя, сказалъ великій страдалецъ, снесшій голову на плаху — апостолъ Павелъ».

Въ другое время Саша улыбнулся бы, а тутъ онъ не улыбнулся, однако возразилъ:

— «Вы все ссылаетесь на тотъ свѣтъ, а здѣсь мой другъ за любовь къ людямъ гибнетъ неоцѣненный, неузнанный. Апостолъ Павелъ снесъ голову на плаху тогда, когда обратилъ цѣлыя страны въ вѣру Христа».

— «Неужели вы это говорите о рукоплесканіяхъ? Сей часъ мы видѣли какъ ихъ расточаютъ лошадямъ. Одни поденщики требуютъ награды».

Александру показалось, что ему сдѣлалось совѣстно, когда онъ вымѣрилъ разстояніе ея воззрѣнія отъ своего.

Они вошли на ниву Божію. Человѣку бываетъ всегда не по себѣ при видѣ крестовъ, холодныхъ памятниковъ. Въ церкви стоялъ покойникъ. «Для него нѣтъ больше ни страданій, ни тайны, тѣло не дѣлитъ его отъ Бога»,—сказала Наташа На Сашу покойникъ сдѣлалъ тяжелое впечатлѣніе, онъ опустилъ глаза и содрогнулся, думая какъ и у него рука живая, теплая, когда нибудь скрестится съ другой рукой на груди, и онъ уже не почувствуетъ этого. На паперти стояли нищія старухи въ лохмотьяхъ, усердно молились Богу и клали земные поклоны. «Посмотрите,— сказалъ Саша, улыбаясь раздражительно,—вотъ настоящая вѣра: эти старушки дожили до 70-ти лѣтъ, и не теряютъ надежды, что ихъ молитвы услышатся».

— «И вамъ смѣшно это довѣріе къ Богу? Все отрадное для

Библиотека "Руниверс"

простаго народа—въ молитвѣ, ею онъ отрывается отъ гнетущей жизни, сама молитва ему наградой, а вы смѣетесь! Вѣроятно, отъ того это, что вы одиноки теперь. Ахъ, если бы я могла хоть сколько нибудь замѣнить вамъ его! но какая разница онъ и я».

— «Гдѣ же эта холодность,—думалъ Саша,—она не приближалась ко мнѣ, пока считала себя ненужною, а теперь, видя меня страдающимъ,—протянула мнѣ руку. Она поняла какъ это мнѣ необходимо, и облегчила своимъ участіемъ мое горе».

— «Молитесь-ли вы когда Богу?» спросила Наташа.

— «Не умѣю», отвѣчалъ Александръ.

— «Молитесь, и ему будетъ легче, и ваша душа успокоится, и я буду молиться утромъ и вечеромъ».

— «Одинъ найду-ли молитву въ груди? Я завидую вамъ, жалокъ, малъ кажусь я самъ себѣ, а давно-ли съ самодовольствомъ студента блисталъ я.....»

На этомъ словѣ рѣчь его была прервана Марьей Степановной; она сказала, что время ѣхать домой.

Въ ночь на 20-е іюля Саша былъ арестованъ. Проходя передней, онъ успѣлъ шепнуть комнатному мальчику, чтобы онъ бѣжалъ къ намъ и сказалъ объ этомъ. Оторопѣвшій мальчикъ бросился къ намъ со всѣхъ ногъ, перебудилъ и перепугалъ у насъ весь домъ. Слыша шумъ и движеніе, у насъ вообразили, что забрались воры, поднялась тревога; когда же узнали въ чемъ дѣло, встревожились еще больше.

Разсвѣтало. Спать никто не ложился. Въ нашей комнатѣ затопили печь, и мы сожгли всѣ письма Саши и Ника къ Вадиму, и Саши ко мнѣ, писанныя съ его восьмилѣтняго возраста и до моего замужства. Писемъ Сашиныхъ ко мнѣ сгорѣло болѣе двухъ сотъ—содержанія самаго невиннаго. Это дѣла «изъ дальнихъ лѣтъ, изъ жизни ранней».

25-го іюля, день моего рожденія, мы были съ Вадимомъ на дорогѣ въ Харьковъ. По пути заѣзжали на нѣсколько дней въ Чертовую къ дядѣ.

По дорогѣ у насъ отрѣзали, привязанные позади коляски, ящики съ фарфоромъ, чаемъ и сахаромъ. Восковыя свѣчи, прикрѣпленныя къ передку, уцѣлѣли. Такимъ образомъ мы явились въ Харьковъ съ однѣми восковыми свѣчами, и остановились въ гостинницѣ противъ площади. Вадимъ, отдохнувши, переодѣлся и

Библиотека "Руниверс"

отправился къ графу Панину. Графъ съ глубокимъ прискорбіемъ сообщилъ ему, что изъ Москвы получена бумага, въ которой сказано, чтобы не допускать Вадима Пассека до чтенія лекцій, вслѣдствіе его близкихъ отношеній съ арестованными молодыми людьми, а если уже читаетъ, то учредить строгій надзоръ. Вадимъ возвратился смущенный. Боясь огорчить меня, онъ сказалъ, что опредѣленіе его въ университетъ можетъ состояться только тогда, когда пріѣдутъ изъ-за границы молодые профессора, которыхъ уже ожидали, и что онъ намѣренъ пока выправить свою диссертацію на магистра и защитить ее.

И вотъ мы, забравшись въ Харьковъ, издержавши бо̀льшую часть своихъ денегъ, остались при однѣхъ восковыхъ свѣчахъ. Намъ не оставалось ничего больше какъ ѣхать въ деревню.

Потуживши, да потѣшившись изъ оконъ, какъ перекупки съ лотками сливъ и крыжовника лаятся другъ съ другомъ и дерутся лотками — выѣхали въ село Спасское, отстоящее отъ Харькова, сколько помнится, верстахъ въ шестидесяти.

Село Спасское, Пассековка тожъ, стоитъ при небольшой рѣчкѣ, впадающей въ Донецъ. Въ полуверстѣ отъ села, на берегу Донца, находилась въ то время барская усадьба, состоявшая изъ надворныхъ строеній и стараго прадѣдовскаго дома, длиннаго, низенькаго, крытаго очеретомъ, — выстроеннаго покоемъ, раздѣленнаго широкими сѣнями на двѣ равныя половины. Снаружи и внутри домъ былъ обмазанъ глиной и выбѣленъ мѣломъ. Въ иныхъ комнатахъ полы были покороблены; окна такъ низки, что изъ нихъ легко было вылѣзать въ столѣтній садъ, окружавшій домъ съ трехъ сторонъ. Сквозь вѣтви длинной липовой аллеи, изъ дома виднѣлся Донецъ, а въ густотѣ листьевъ ворковали горлицы. Къ стекламъ нѣкоторыхъ оконъ прижимались дикоразросшіеся кустарники; когда мы окна раскрывали — вѣтки врывались въ нихъ и трепетно склонялись на подоконники. Въ этихъ кустахъ шуршили мелкія пташки, весной запѣли соловьи.

По той сторонѣ Донца, на которой была усадьба, стлались поля пшеницы, проса, и разсыпались серебристымъ пескомъ степи.

Молодость полна вѣры и надежды. Оставшись одни, совсѣмъ одни, вдали всего намъ близкаго, не зная чѣмъ рѣшится наша судьба—мы не упали духомъ, весело прикатили въ деревню, и къ

Библиотека "Руниверс"

вечеру совсѣмъ устроились на половинѣ, обращенной къ Донцу. Раскрыли всѣ окна, въ нихъ повѣяло запахомъ степей и вступила тихая украинская ночь, горя безчисленными звѣздами на яхонтовомъ небѣ.....

Чтобы пополнять мои востоминанія и помочь своей памяти, я часто прибѣгаю къ моему дневнику и ко множеству бумагъ, оставшихся послѣ моего мужа. Между моимъ дневникомъ попадаются замѣтки и записки, набросанныя нѣкоторыми изъ друзей моего мужа, относящіяся къ періоду времени, о которомъ говорится въ моихъ воспоминаніяхъ, и такъ какъ онѣ пополняютъ ихъ, то я приведу изъ нихъ выписки.

....Часовъ въ 8—нахожу я въ одномъ изъ этихъ рукописныхъ отрывковъ,—навѣстилъ меня нѣкогда бывшій мой законоучитель—отецъ Василій; онъ уже не одинъ разъ былъ у меня, и бесѣда его всякій разъ оставляла въ моей душѣ свѣтлый слѣдъ. Я обнялъ почтеннаго пастыря. Когда онъ давалъ мнѣ уроки, я не умѣлъ вполнѣ оцѣнить этого человѣка, съ его восторженной, чистой душою. Что-то безпредѣльно торжественное было въ бесѣдѣ нашей; плавнымъ, величественнымъ maestaso окончилась она: благословенія пастыря, объятія друга напутствовали меня, слезы души любящей заключили ее. Въ эти минуты я былъ достоенъ принять высокія впечатлѣнія. Возбужденная душа раскрывалась всему святому. Взоръ мой покоился на двери, въ которую вышелъ священникъ.

....Дверь снова растворилась. Видали-ли вы на образахъ явленіе Дѣвы Маріи, въ какой-нибудь бѣдной кельѣ, изнеможенному старцу-монаху, во всемъ блескѣ просвѣтленнаго образа человѣческаго, въ которомъ отъ плоти едва осталось очертаніе, а духъ божественности просвѣчиваетъ въ своей безтѣлесности? видали-ль взоръ любви и кротости, обращенный на поверженнаго въ прахъ угодника? и его взоръ, свѣтящійся восторгомъ и благоговѣйнымъ трепетомъ? Я былъ тотъ, которому явилась Дѣва... молча протянула она мнѣ руку, я быстро схватилъ ее...

....Не такъ-ли умираетъ человѣкъ? посланникъ Божій, свѣтлый, улыбающійся, подойдетъ къ страдальцу, протянетъ руку, и тѣло мертво, а душа родилась въ царство духа и свободы. Какъ ясно стало въ душѣ моей, когда я держалъ ея руку; казалось, не о чемъ было и говорить, а когда стали говорить, говорили такъ, ничтож-

Библиотека "Руниверс"

ныя вещи. Разлука укрѣпила нашу симпатію, дала возможность придти въ себя, въ сознаніе, превратиться въ сущность жизни, въ самую жизнь. Только тогда пало нѣсколько сильныхъ словъ, которыя носятъ въ зародышѣ міръ чувствованій, мыслей, дѣлъ. — «Братъ,—сказала она прощаясь,—въ дальнемъ краѣ, помни, что твоя память о ней ей такъ необходима, какъ жизнь».

.....Мы простились. Время опустило мечъ свой....

.....Я остался съ (моимъ сторожемъ) Терентьичемъ. Ветеранъ мой часто разсказывалъ мнѣ о своихъ походахъ и жизни за границей: «тамъ вѣдь,—говорилъ онъ,—не то, что у насъ: города такъ застроены, что никакого пространства нѣтъ (увѣряю васъ, что не выдумываю) и дома всѣ на одинъ ладъ; если номеръ дома забылъ, то и проищешь дня два». Въ лингвистикѣ онъ тоже былъ силенъ. Есть о чемъ поговорить съ бывалымъ человѣкомъ, нечего сказать.

....Иногда въ праздничные дни Терентьичъ подгуляетъ; онъ отъ отъ этого ничего не терялъ, напротивъ, пріобрѣталъ сильный запахъ сивухи, и тутъ-то мой ветеранъ былъ удивительно геніаленъ. Во всѣ праздничные дни Терентьичъ получалъ порцію, да не пьетъ ее, а въ стклянку,—сами разсудите, стоитъ-ли изъ-за полустакана ротъ марать. Набравши пять, шесть порцій, онъ ихъ употреблялъ въ прикуску съ чернымъ хлѣбомъ. Такъ принятыя пять порцій отвѣтствуютъ 55-ти. Послѣ этого déjeuner sans fourchette, усачъ принимался за трубку. Чубукъ въ полъ-вершка, трубка величиной съ горшокъ для гречневой каши, а табакъ онъ покупалъ листьями имбирку, т. е. венгерскій, фунтъ пять копѣекъ, и самъ крошилъ. Вино и табакъ возбуждали въ немъ лиризмъ, и онъ затягивалъ свою любимую пѣсню:

Сватался за дѣвушку Саратовскій купецъ,
Говорилъ житья, бытья двѣнадцать кораблевъ,
Думаю, подумаю, не выйду за него.....

....Между прочими достоинствами моего воина, надобно упомянуть о патентѣ на рядъ крестовъ и медалей, висѣвшихъ на его молодецкой груди. Этотъ патентъ, не такъ какъ мой, на титулярнаго совѣтника, не на телячьей кожѣ былъ выпечатанъ, а на его собственной, прекрупнымъ цицеро сабельныхъ ударовъ, а знаки препинанія были поставлены свинцовыми точками.

Библиотека "Руниверс"

1835 годъ.

Potento romanorum hic nos relegavit.

Надпись, сдѣланная римлянами на камняхъ въ базиликѣ.

. . . . . .

И колокольчикъ, даръ Валдая,
Гудитъ уныло подъ дугой.

....10-го апрѣля, въ 8 часовъ утра, явился ко мнѣ дежурный офицеръ и объявилъ, что черезъ часъ я долженъ отправиться въ путь. Онъ меня засталъ въ сильномъ раздумьи и въ сильномъ волненіи, но ни того, ни другаго я описать не могу. Въ душѣ было что-то торжественное,—правда, грустное, очень грустное,—но не отчаянное, напротивъ, грусть была проникнута сильной вѣрой въ будущее. Чувства, колыхавшіеся, какъ волны морскія, въ моемъ сердцѣ, были не по груди человѣческой, казалось, онѣ разобьютъ ее. Я, по словамъ офицера, какъ по лѣстницѣ, началъ опускаться на землю, и былъ радъ этому, мнѣ становилось тягостно въ этомъ состояніи, такъ физически неестественно человѣку дышать на высокой горѣ, несмотря на то, что тамъ воздухъ составленъ въ 10 разъ чище изъ своихъ 29 долей жизни и 71 доли смерти, нежели въ низменныхъ мѣстахъ. Вчера вечеромъ я мало и смутно чувствовалъ, но когда я легъ часа въ два на постель и потушилъ свѣчу, явилась бездна чувствъ и мыслей. Не знаю, какъ съ другими, а со мною всегда первое впечатлѣніе слабѣе, нежели отчетъ въ этомъ впечатлѣніи. Погодя немного, всякое ощущеніе является ярче. У меня сердце, какъ болонскій камень, покуда лежитъ на солнцѣ, не свѣтитъ, солнце сѣло, ночь пришла—горитъ камень.

....Предъ отъѣздомъ, я зашелъ проститься съ сосѣдомъ; я никогда не былъ прежде съ нимъ въ короткихъ отношеніяхъ, но тутъ мнѣ и съ нимъ разстаться было жаль: съ нимъ можно было вспомнить былую жизнь, а вскорѣ меня окружатъ чужіе люди, съ которыми у меня ничего общаго нѣтъ. Потомъ я взялъ лоскутокъ бумаги и написалъ Natalie: «За нѣсколько часовъ до отъѣзда, я еще пишу, и пишу къ тебѣ; къ тебѣ будетъ послѣдній звукъ отъѣзжающаго; вчерашнее посѣщеніе растопило каменное направленіе, въ которомъ я хотѣлъ ѣхать. Нѣтъ, я не камень—мнѣ было грустно ночью, очень грустно! Natalie, Natalie, я много

Библиотека "Руниверс"

теряю въ Москвѣ, все что у меня есть, и когда увидимся? гдѣ? все темно, но ярко воспоминаніе твоей дружбы. Не забуду никогда своей прелестной кузины».

....Терентьичъ проводилъ меня за ворота. Я обнялъ его; у старика навернулись слезы. Я обнялъ его еще — отъ души. «Неси, братъ, простую душу твою туда, гдѣ въ одну шеренгу поставятъ и тебя и фельдмаршала Сакена; мало тебѣ было дано, мало съ тебя и спросится на инспекторскомъ смотру того свѣта. Инвалидный домъ тамъ свѣтелъ, обширенъ и тепелъ, мѣста и про тебя будетъ, а о тѣлесныхъ наказаніяхъ и думать нечего, ты тѣла туда съ собой не возьмешь...»

—Дежурный сѣлъ со мной на извощика, и мы поѣхали къ генералъ-губернатору. На лѣстницѣ встрѣтился съ Лахтинымъ, ему назначено было ѣхать завтра. Онъ хлопоталъ объ отсрочкѣ, и былъ очень сконфуженъ. Въ комнатѣ наверху я нашелъ моихъ родныхъ. Жалѣя ихъ, я скрылъ какъ тяжело было мнѣ.

—У подъѣзда стояла дорожная коляска и мой человѣкъ суетился около чемодана, подпоясанный по дорожному. Одинъ я не собирался, а ѣхалъ. Наконецъ, я въ коляскѣ, за заставой—не было силъ еще разъ выглянуть на Москву, да и Богъ съ ней... Колокольчику отвязали язычекъ — мы ѣдемъ. Вдругъ провожатый, спокойно курившій трубку, привсталъ на козлахъ, снялъ фуражку и сталъ креститься, говоря моему камердинеру: «креститесь, почемъ знать, увидимъ-ли Кремль и Ивана Великаго». Фу! я бросилъ извощику четвертакъ, чтобы онъ поскорѣе ѣхалъ, и ямщикъ поскакалъ вѣтеръ-буря! На другой день я съ любопытствомъ смотрѣлъ на губернскій городъ. Воспитанный во всѣхъ предразсудкахъ столицы, я былъ увѣренъ, что за сто верстъ отъ Москвы и отъ Петербурга Варварійскія степи, Несторово Лукоморье, и—крайне удивился, что губернскій городъ похожъ на дальній кварталъ Москвы.

...Вскорѣ очутились мы на берегахъ Оки. Она была въ разливѣ; день былъ ясный, поверхность рѣки стлалась свѣтло и гладко, на нѣсколько верстъ. Куря сигару, я стоялъ облокотясь на жердочку перилъ, и смотрѣлъ какъ московскій берегъ отодвигался все далѣе и далѣе; глубь, вода, пространство отдѣляли меня болѣе и болѣе, а тотъ берегъ—чуждый, изъ темносиней полосы превращался въ поля и деревни, становился все ближе и ближе, а

Библиотека "Руниверс"

между тѣмъ у меня на московскомъ берегу—все. Ярче разлуки я никогда не чувствовалъ. Тихое, покойное движеніе по водѣ наводило само собою грусть. Слезы навернулись на глазахъ и канули въ голубую рѣку, вздохъ вырвался и исчезъ въ голубомъ небѣ. «Дай-ка фляжку съ ромомъ», сказалъ я человѣку, проглотилъ два-три глотка и продолжалъ курить сигару; признаться, тяжелое дѣло спрягаться страдательно, какъ отлагательные глаголы латинской грамматики. Вдали отъ станціи стоялъ этапъ.

—Въ Чебоксарахъ я вымѣрилъ всю даль отъ Москвы. Тутъ толпы чувашей и татаръ напоминали близость Азіи. На Волгѣ я чуть не утонулъ. Рѣка была въ разливѣ, переправа верстъ двадцать. Цѣлая станція. Татаринъ поднялъ парусъ и при сильномъ вѣтрѣ не могъ сладить съ досчаникомъ, наѣхалъ на бревно, вода полилась изъ пробитаго мѣста, и минуты двѣ-три я не видѣлъ ни малѣйшей возможности спастись,—верстъ пять отъ одного берега, верстъ десять отъ другаго,—татаринъ сталъ читать молитвы, мой человѣкъ плакалъ. Въ первую минуту я испугался, но не надолго. Вдругъ вѣра въ будущность и какая-то непреложная вѣра побѣдили страхъ, и я спокойно ожидалъ развязки. Купеческая барка шла не далеко отъ насъ, мы всѣ стали просить помощи; «есть намъ когда возиться съ вами», отвѣчали съ барки, и она проплыла. Потомъ мужикъ въ коломягѣ подъѣхалъ, между тѣмъ паромъ всталъ на мель и мы были почти спасены. Мужикъ придумывалъ, какъ исправить паромъ. Его исправили и мы поѣхали. Несмотря на сильную бурю съ проливнымъ дождемъ, мы доѣхали до Казани, гдѣ первымъ дѣйствіемъ моимъ, какъ только сталъ на берегъ, было отправить провожатаго за сивухой. Больше двухъ часовъ стоялъ я въ водѣ вершка на три, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, и передрогъ какъ собака.

....Холодный утренній вѣтеръ дулъ со стороны Уральскаго хребта. Разсвѣтало. Я крѣпко спалъ въ коляскѣ, какъ вдругъ меня разбудилъ шумъ и звукъ цѣпей. Открываю глаза,—многочисленная партія арестантовъ, полуобритыхъ, окружала коляску. Башкирецъ съ сплюснутой рожей, съ крошечными щелками вмѣсто глазъ, нагайкой погонялъ отсталыхъ. Дѣти, женщины, сѣдые старики на телѣгахъ, и рѣзкій вѣтеръ, и утро раннее—я отвернулся; на дорогѣ стоялъ столбъ, на столбѣ медвѣдь, на медвѣдѣ евангеліе и крестъ...

Библиотека "Руниверс"

Вскорѣ быстрая Кама, которая пѣнясь несла льдины, была уже за мною, и я очутился черезъ день въ Перми.

....Въ Перми я пробылъ около мѣсяца, все это время было употреблено на приведеніе себя въ какой-нибудь уровень съ окружающимъ, на опредѣленіе своихъ отношеній съ обстоятельствами и лицами, наконецъ, на какое-то глупое бездѣйствіе.

Я началъ разглядывать пустоту жизни, въ которую попалъ. Никогда не выѣзжая изъ Москвы, да и въ самой Москвѣ не видавъ жизни чиновниковъ, я теперь съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ міръ, для меня новый. Губернаторъ былъ настолько великодушенъ, c'est le terme, что не далъ мнѣ почувствовать тяжесть моего положенія. Онъ поручилъ мнѣ дѣла статистическаго комитета и оставилъ въ покоѣ. Пермь для меня была ad lectorum, настоящій текстъ—въ Вяткѣ. Не думая, не гадая, я уѣхалъ изъ Перми, дней черезъ двадцать. Коляска моя была сломана, я выхлопоталъ право остаться еще на два дни въ Перми, и, черезъ пять съ половиною сутокъ, вялая волна Вятки подвигала мой досчаникъ къ крутому берегу, на которомъ красовалось желтое, длинное, неуклюжее зданіе губернскаго правленія. Опять fatum! А я грустно подвигался къ Вяткѣ, душа предчувствовала много ударовъ, паденій, грязи, мелочей, пыли — это было въ 1835 г. 20-го мая вечеромъ. . . . . .

. . . . . .

Прочитавши этотъ отрывокъ, возвратимтесь въ Москву, „въ Украйну, въ село Спасское, гдѣ мы совершенно основались съ Вадимомъ и принялись за свои занятія. Вадимъ кончилъ свою диссертацію; въ ожиданіи кафедры былъ причисленъ къ статистическому комитету, собиралъ свѣдѣнія о Харьковской губерніи—такъ какъ ему было поручено составить ея описаніе въ отношеніи статистическомъ; вмѣстѣ съ этимъ изучалъ природу Украйны, нравы и обычаи ея жителей—и готовился къ составленію «Очерковъ Россіи».

Въ Москвѣ, по отбытіи Саши, домъ Ивана Алексѣевича затворился для всѣхъ, кромѣ близкихъ родныхъ. На другой день скачки на Ходынкѣ, пришелъ въ домъ Яковлевыхъ товарищъ Саши — Николай Ивановичъ Астраковъ. (Онъ познакомился и сблизился съ его кругомъ черезъ Н. М. Сатина, которому давалъ

Библиотека "Руниверс"

уроки математики). Спрашиваетъ: «дома-ли Александръ Ивановичъ?»

— «Дома нѣтъ-съ», отвѣчаетъ человѣкъ.

«Гдѣ же онъ?»

— «Куда-то вышли».

«Когда?»

— «Сегодня-съ».

«Да ты правду-ли говоришь?»

— «Сущую правду-съ».

Вечеромъ Астраковъ пошелъ снова туда же, и получилъ тотъ же отвѣтъ. Въ послѣдствіи узнали, что Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ запретилъ говорить правду кому бы то ни было.

Что же въ это время дѣлалъ Саша въ своемъ невольномъ уединеніи? Подъ вліяніемъ религіознаго настроенія Наташи, съ которой онъ еще разъ видѣлся, Саша сталъ изучать Четіи-минеи, и перелагалъ на литературный языкъ житія нѣкоторыхъ святыхъ, которыя посвящалъ своей двоюродной сестрѣ Натальѣ Александровнѣ Захарьиной.

Я читала нѣкоторыя изъ нихъ. Описанный имъ «Мартилогъ святой Ѳеодоры», находящійся въ житіи святыхъ за сентябрь, такъ ярко остался у меня въ памяти, что отрывки изъ него я тогда же, въ 1840-хъ гг., вписала въ мои замѣтки.

Мартилогъ святой Ѳеодоры.

Это было въ то время, когда Александрія, уже христіанская, придавала чистой религіи свои неоплатоническіе оттѣнки и мистическую теургію Прокла и Аполлонія.

Храмъ Сераписа, этотъ Кельнскій соборъ міра языческаго, съ своими сводами, галлереями, портиками, безчисленными колонадами, мраморными стѣнами, покрытыми золотомъ, давно былъ разрушенъ, и колоссальная статуя Сераписа, на челѣ которой останавливался лучъ солнечный, не смѣя миновать его, была разбита и превращена въ пепелъ.

Въ это время, изъ воротъ Александріи вышелъ юноша въ простой одеждѣ, ни на что не обращая вниманія. Сильныя страсти боролись на его лицѣ. Онъ былъ блѣденъ, слезы тихо катились по лицу нѣжному, какъ у дѣвы, осѣненному кудрями. Въ темныхъ глазахъ виднѣлась грусть, и что-то восторженно-религіозное.

Библиотека "Руниверс"

— «Я не гражданинъ твой больше», говорилъ онъ, прощаясь съ Александріей.

Обратясь къ востоку, онъ упалъ на колѣни съ молитвой и слезами раскаянія. Сильна и пламенна молитва кающагося, и не для грѣшниковъ-ли создана молитва? Праведному—гимнъ!

Вечеромъ на другой день, юноша приходитъ въ пустынныя мѣста, къ оградѣ монастыря, стучится и проситъ доложить о себѣ игумену. Юноша отрѣшился отъ міра земнаго, онъ слышитъ голосъ Спасителя, призывающій его въ обитель любви и надежды, туда, гдѣ поютъ Бога чистые ангелы, гдѣ душа праведника его видитъ, гдѣ между ними парятъ архангелы. Юноша, сидя на камнѣ у воротъ монастырскихъ, склонивъ на руки голову, прождалъ отвѣта до утра. Привратникъ ночью входитъ въ бѣдную келью игумена. Игуменъ, при свѣтѣ лампадки, въ восторгѣ читаетъ свитокъ Августина. Привратникъ прерываетъ его чтеніе, говоря, что у воротъ стоитъ юноша, который проситъ принять его въ монастырь и ждетъ отвѣта.

Игуменъ былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ лицомъ, выражавшимъ душу страстную. За строгими чертами виднѣлось возвышенное, теплое сердце. Онъ взросъ сиротою. Узы родства, привязывающія множествомъ цѣпей къ домашней жизни и маленькому кружку дѣйствій,—ему были неизвѣстны. Онъ искалъ симпатіи и не находилъ. Христіанство открыло ему новый міръ. Сильная вѣра наполнила пустоту его души; дѣятельность христіанъ открывала возможность для развитія его идеи; безпредѣльное вѣрованіе и чистое, святое самоотверженіе — поразили его. Это было время великой борьбы аріанизма. Рвеніе христіанскаго ученія было самое обширное. Весь міръ участвовалъ въ спорахъ, гонцы спѣшили во всѣ стороны передавать ученіе Августина. Эта дѣятельность съ колоссальной цѣлью пересоздать общество человѣческое, опираемое на божественное основаніе Евангелія, волновала его юную душу, — онъ увидѣлъ, что нашелъ свое призваніе, поклялся сдѣлать изъ души своей храмъ Христу, то-есть храмъ человѣчеству, участвовать въ апостольскомъ посланіи христіанъ, и сдержалъ его. Съ негодованіемъ и ужасомъ онъ увидалъ въ Византіи, что христіанство тамъ ограничивается одними преніями безъ вѣры. Пороки Византіи ужаснули его, онъ оставилъ ее и удалился въ пустыню Ѳиваидскую, чтобы забыть

Библиотека "Руниверс"

все, кромѣ Христа. Онъ роздалъ свое богатство и вступилъ въ Октодекадскій монастырь. Братья избрали его игумномъ. Онъ былъ строгъ и поучалъ примѣромъ.

Этотъ-то игуменъ приказалъ сторожу лечь спать и до утра не давать отвѣта пришельцу, для испытанія его смиренія.

Оставшись одинъ, игуменъ думалъ о юношѣ, и горячо желалъ, чтобы онъ оставался вѣренъ избранному имъ пути. «Тогда онъ сдѣлается другомъ моимъ», говорилъ самъ съ собою игуменъ. Но прежде приготовилъ юношѣ рядъ испытаній въ трудѣ и униженіи. Юноша выдержалъ искусъ. Старецъ радовался, найдя въ немъ человѣка, который вполнѣ понималъ его, и открывалъ ему всю жизнь и всѣ надежды свои, ходя съ нимъ по платановой аллеѣ среди пальмъ, алоевъ, лимоновъ, магнолій.

— «Высь земная падаетъ, высь небесная созидается,—говорилъ игуменъ юношѣ; что за торжественный день былъ для міра, когда онъ огласился въ первый разъ евангеліемъ! міръ истерзанный войною—услышалъ слово мира, міръ попранный—слово свободы: міръ ненависти—слово любви; міръ невѣрія—слово вѣры! Всѣмъ говорило евангеліе. Исчезли племена и состоянія. Всѣхъ оно манило въ лоно Божіе, всѣхъ въ объятія братства».

Юноша слушалъ его съ умиленіемъ и благодарностью.

Старецъ продолжалъ:

— «Римъ потрясенъ силою евангелія, и — кто же потрясъ его? эти гонимые, униженные, скитающіеся въ то время, какъ о силу его раздроблялись народы земли. Отчего же это? оттого, что голосъ ихъ былъ голосъ истины, голосъ Бога и человѣчества».

Когда игуменъ съ ужасомъ и презрѣніемъ выразился о женщинахъ, Ѳеодоръ огорчился и подумалъ: «а Сирахъ называетъ женщину добродѣтельную—солнцемъ, восходящимъ на небѣ Господнемъ. Дѣва рождаетъ Христа. А кто остался при крестѣ, и кто распялъ его? о! ты одинъ справедливъ, сынъ Божій!»

За нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, въ Александріи былъ богатый гражданинъ, женатый на прелестной египтянкѣ, которую страстно любилъ, и она страстно любила его, какъ вдругъ пріѣзжаетъ въ Александрію греческій вельможа и съ нимъ юноша-сынъ, красавецъ, съ изящнымъ образованіемъ и нравами языческаго міра—жаждущаго чувствъ.

Египтянка влюбилась въ него и измѣнила мужу. Увлеченіе

Библиотека "Руниверс"

ея было кратковременное; въ ней пробудилось раскаяніе — оно терзало ее. Она сдѣлалась грустна, не могла смотрѣть на обманутаго мужа и скрылась потихоньку.

Мужъ тщетно искалъ ее, — о ней не было вѣсти; пышный домъ опустѣлъ, тоска снѣдала несчастнаго. Онъ не зналъ объ измѣнѣ и не понималъ причины бѣгства жены.

Разъ снится ему сонъ—будто ангелъ съ улыбкой летитъ къ нему съ неба, остановилъ надъ нимъ полетъ свой, качается на своихъ дивныхъ крыльяхъ, и говоритъ ему: «у храма Петра» и летитъ въ высоту. Онъ одѣлся и пошелъ къ храму св. Петра. Раннею зарею онъ былъ на его ступеняхъ, подъ колоннадами и осматривалъ каждаго человѣка. Люди различныхъ сословій проходили мимо, толпы двигались по площади, никто не обратилъ на него вниманія. Онъ увидалъ, что къ храму подъѣхалъ на ослѣ монахъ и былъ какъ бы пораженъ при видѣ сидѣвшаго. Дрожащимъ голосомъ онъ сказалъ ему: «добрый день, господинъ»; сидѣвшій не обратилъ на него вниманія, и онъ второй разъ потерялъ жену. Когда солнце закатилось—онъ тихо побрелъ домой.

Сбиралась гроза. Θеодоръ, взволнованный встрѣчей, садясь на осла, своротилъ въ монастырь Энатъ, находившійся близь Александріи, и вошелъ въ церковь. Шла вечерня. Близь углубленія, гдѣ стоялъ Θеодоръ, стояла прелестная молодая женщина, и, не спуская глазъ, смотрѣла на молящагося юношу—онъ казался ей архангеломъ.

По окончаніи моленія, Θеодоръ просилъ позволенія переночевать въ монастырѣ. Игуменъ повелъ его въ свою келью, тамъ онъ увидалъ женщину, стоявшую близь него въ церкви. Это была дочь игумна. Когда Θеодоръ остался одинъ въ кельѣ, къ нему вошла старуха и пригласила его идти за собою. Во дворѣ старуха исчезла. Нѣжная рука повела его въ темнотѣ дальше, по небольшому переулку. Отворилась дверь, и, при свѣтѣ лампы, онъ узнаетъ дочь игумна, едва прикрытую легкой одеждой. Она стоитъ съ потупленнымъ взоромъ, по лицу ея катятся слезы. Она говоритъ ему о любви своей и проситъ любви. Θеодоръ тихо, спокойно напоминаетъ ей долгъ ея. Она умоляетъ, она ревнуетъ, она молитъ о минутѣ наслажденія. Онъ тихъ и спокоенъ. Внѣ себя, она бросаетъ на полъ лампу, душистое масло льется по ковру, свѣтильня вспыхиваетъ и дымится. Рука судорожно обвивается

Библиотека "Руниверс"

вокругъ Ѳеодора, и горящія уста коснулись устъ его. Онъ тщетно хочетъ вырваться изъ ея объятій,—«нѣтъ, нѣтъ, ты мой», говоритъ она.

Ясно было утро, когда Ѳеодоръ подъѣзжалъ къ Октодекадскому монастырю, везя елей для храма. На лицѣ его виднѣлось спокойствіе, молитва была во взорѣ и на устахъ. Привратникъ ему отворилъ ворота и онъ въѣхалъ на безмолвный, покрытый травою дворъ.

Разъ позвалъ его къ себѣ игуменъ и показалъ поясъ, присланный ему изъ того монастыря, гдѣ ночевалъ Ѳеодоръ, и спросилъ его: «твой-ли это поясъ?»—«Мой», отвѣчалъ Ѳеодоръ.—«Гдѣ ты потерялъ его?» — «Не помню, отвѣчалъ Ѳеодоръ, я хватился его, возвращаясь изъ Александріи домой».—«Это поясъ женскій, прибавилъ игуменъ, разсматривая его,—я такъ и зналъ, что это клевета, Богъ не дастъ такой души порочному». Ѳеодоръ рыдалъ.

Черезъ нѣсколько времени, явились энатскіе монахи. Они принесли младенца и бросили его посреди двора, говоря:

— «Братія! ваше дѣло вскормить чадо вашей порочной жизни» — и назвали Ѳеодора. Никто не вѣрилъ. Игуменъ ждалъ, что юный другъ его оправдается, но Ѳеодоръ, склонивъ колѣно, сказалъ:

— «Прости меня, отецъ святой, я обманулъ тебя».

Горько пораженъ былъ игуменъ.

Ѳеодора прогнали изъ монастыря, осыпая побоями и ругательствами. Люди, встрѣчавшіеся Ѳеодору, ругались надъ нимъ. Ему грозила бѣдность, голодъ. Никто, никто не подавалъ ему милостыню. На послѣднія деньги онъ покупалъ младенцу молока, а самъ питался раковинами.

Такъ описываетъ его жизнь Мартилогъ.

По кончинѣ Ѳеодора, грустно сидѣлъ подлѣ его гроба игуменъ и александріецъ, ждавшій жену у храма св. Петра. Входитъ энатскій игуменъ, съ монахомъ, котораго посылалъ обвинять Ѳеодора. Игуменъ Октодекадскаго монастыря открываетъ лицо усопшаго, и спрашиваетъ собрата своего: «это-ли Ѳеодоръ?»—«Онъ самый,—отвѣчаетъ тотъ,—обезчестившій у насъ дѣвицу». Игуменъ съ горькой улыбкой снялъ покровъ съ груди усопшей, и увидали, что это — женщина.

Библиотека "Руниверс"

— «Это жена его», сказалъ игуменъ, указывая на александрійца, и, заливаясь слезами, склонилъ къ ней голову.

Товарищескій кругъ Вадима распадался. Одни уѣхали на службу въ дальніе города Россіи; человѣка два осталось въ Москвѣ. Никъ уѣхалъ въ Пензенское имѣніе къ отцу, Сатинъ въ Симбирскъ, Александръ весной—въ Вятку. Въ это же время Зонненбергъ собирался на Ирбитскую ярмарку; Иванъ Алексѣевичъ предложилъ ему проводить Сашу до Вятки,—это ему было по пути,—водворить его на новомъ мѣстѣ жительства, какъ нѣкогда водворилъ въ университетѣ, монтировать его домъ, и прожить съ нимъ, пока тотъ осмотрится и привыкнетъ. Устроиться комфортабельно было не трудно: съ Александромъ была отпущена значительная сумма денегъ, кромѣ того, множество книгъ, платья, разныхъ вещей, даже ящикъ съ лучшими винами и холодные пастеты. Все это отдано было подъ сохраненіе Петра Ѳедоровича, того самаго, который охранялъ самого Сашу, въ продолженіе его университетскаго курса, сидя въ университетскихъ сѣняхъ, пока онъ слушалъ лекціи, и на козлахъ съ кучеромъ, когда возвращался съ лекцій домой.

Саша часто переписывался съ родителями, а еще чаще съ Наташей.

Монтируя домъ Саши, какъ выражался обыкновенно Иванъ Алексѣевичъ, Зонненбергъ накупилъ множество ненужныхъ вещей, между тѣмъ, для поддержанія блеска дома, вмѣсто одной необходимой лошади, купилъ трехъ. Кромѣ блеска, онъ сильно расчитывалъ на эту тройку лично для себя, надѣясь, что она придастъ ему много вѣса въ глазахъ жившихъ противъ нихъ барышень,—Зонненбергъ былъ страшный волокита и пріятно увѣренъ, что ни одна женщина не устоитъ противъ него.

Въ саду, принадлежавшемъ къ дому, занимаемому Сашей съ Зонненбергомъ, находился еще домъ, у котораго ставни были заперты. Въ одно утро ставни растворились и они узнали, что домъ этотъ занялъ пріѣзжій чиновникъ, старый и больной, съ молодой, образованной женою, интересной блондинкой, и съ дѣтьми.

Саша съ ними познакомился, увлекся молодой женщиной, и съ мѣсяцъ продолжался запой любви. Потомъ на него стали находить минуты тоски, онъ искалъ разсѣянія. Въ письмахъ къ

Библиотека "Руниверс"

Наташѣ, среди словъ дружбы, проявлялась досада на себя. Ея писемъ онъ ждалъ какъ отрады. Любовь къ блондинкѣ откипала.

— «Эта любовь,—говорилъ намъ Саша въ послѣдствіи, разсказывая о жизни своей въ Вяткѣ,—уяснила мнѣ мои чувства къ Наташѣ. Образъ отсутствующей вступилъ въ борьбу съ настоящей, и она стала ревновать,—стала искать вокругъ себя, кто ея соперница. Нѣсколько времени думала на живую, молоденькую нѣмку, которую я любилъ какъ прелестное дитя, и съ ней отдыхалъ. Положеніе мое усложнялось; я малодушно ждалъ перемѣны отъ времени и обстоятельствъ, страдалъ, страданія мои были такъ жгучи, такъ ядовиты, душа порой падала съ своего рая, оскорбленная, обиженная, мнѣ хотѣлось передать стонъ свой и нѣмую боль разлуки, и мысль свою,—для этого надобенъ былъ человѣкъ-другъ. Господи! какъ я искалъ такого человѣка. Есть люди, у которыхъ мысль такъ сильна, что они въ своей внутренней жизни находятъ удовлетвореніе, мнѣ же природа не дала столько созерцательности. Я привыкъ къ людямъ, я любилъ ихъ».

Долго не находилъ въ Вяткѣ Александръ симпатичнаго себѣ человѣка, какъ, 23-го ноября 1835 г., на одномъ вечерѣ, встрѣтился съ только что прибывшимъ въ Вятку Александромъ Лаврентіевичемъ Витбергомъ. Саша снова услыхалъ, давно отвыкнувшимъ ухомъ, святыя слова: изящное, поэзія; понялъ геніальнаго человѣка, полюбилъ его и они сблизились. Несмотря на то, что Витбергъ былъ много старше Саши—художникъ былъ радъ найти человѣка, съ которымъ могъ говорить объ искусствѣ. Такъ какъ семейство Витберга еще не пріѣзжало, то онъ и поселился въ одномъ домѣ съ Сашей. Зонненберга уже не было и они вдвоемъ устроили какую-то артистическую жизнь; что-то строгое, монастырское, парило въ ихъ квартирѣ. Цѣлые дни они проводили въ оживленныхъ, нескончаемыхъ бесѣдахъ, часто вечерами засиживались до глубокой ночи, повѣряя другъ другу думы свои; въ Витбергѣ было высокое, религіозное образованіе.

— «Она,—говорилъ потомъ Саша, вспоминая о Наташѣ,—едва указала мнѣ Бога и я сталъ вѣровать. Пламенная же душа артиста переходила границы и терялась въ темномъ, но величественномъ мистицизмѣ, и я нашелъ въ мистицизмѣ больше жизни и поэзіи нежели въ философіи. Благословляю то время!»

Когда пріѣхало семейство Витберга, артистъ долженъ былъ низой-

Библиотека "Руниверс"

ти съ поднебесія и хлопотать о нуждахъ будничной жизни. Бесѣды его съ Александромъ сдѣлались рѣже и короче.

— «Странно,—замѣчалъ Саша,—что нѣтъ перехода между новымъ поколѣніемъ и старымъ. Объ искусствахъ, о наукахъ мы никогда не спорили другъ съ другомъ, понимали другъ друга, тутъ былъ артистъ; но какъ скоро доходило до жизни — оврагъ насъ дѣлилъ, и я съ прискорбіемъ пряталъ свою тайну въ душу свою, боясь его полезнаго, опытнаго мнѣнія».

Тысяча разъ вертѣлось у Саши на языкѣ высказать Витбергу о томъ, что наполняло и что тяготило его; но страшная мысль, что услышитъ въ отвѣтъ: «а думали-ли вы о препятствіяхъ, и вполнѣ-ли убѣдились, что это не мечта?» зажимала ротъ. А онъ бы, можетъ, и не сказалъ этого никогда, вся вина его была зачѣмъ онъ могъ предполагать, что тотъ это скажетъ. Онъ молчалъ, жалѣя разрушить ихъ дружбу — и находилъ, что, съ одной стороны, одиночество его продолжается.

Около этого времени Саша познакомился съ семействомъ одного аптекаря. Аптекарь звалъ его много разъ. Въ одинъ вечеръ, не зная что дѣлать, онъ отправился къ нему. Его встрѣтилъ самый теплый пріемъ. Черезъ часъ онъ былъ пріятель, черезъ два—короткій знакомый. Саша любилъ всегда нѣмцевъ, любилъ ихъ некрасивую радость, ихъ простодушный разговоръ. Аптекарь былъ цѣликомъ изъ комедіи Коцебу. Его разсказы о Греціи, о Египтѣ, вѣчный разговоръ объ экономіи—чрезвычайно напоминали насмѣшки надъ нѣмецкой расчетливостью и страсть къ политикѣ, къ чалмѣ, съ удивительными именами Али-паши, Ипсиланти, Мехметъ-Али. Давно уже дѣла Греціи были сданы въ архивъ, а нѣмцы все еще продолжали говорить объ Инсарѣ, Хіосѣ, Боцарисѣ. За то, что Саша удовлетворялъ его вопросы, онъ впадалъ въ удивленіе къ его талантамъ, и часто говорилъ: «Est ist doch schändlich, der freiherr so wiel studirt, und sind noch so jung». «Нѣмецъ—это вещь технологическая», говорилъ Саша, «нѣмка — или кухарка, или существо идеальное». Жена аптекаря не была кухарка—блѣдная, болѣзненная, она напоминала чистѣйшее германское племя, какое только живетъ въ Остзейскихъ провинціяхъ. Внутреннее сознаніе неизлечимой болѣзни развивало въ ней, какъ и вообще въ каждомъ человѣкѣ неизлечимо больномъ, — особую меланхолію. Александръ заставалъ ее

Библиотека "Руниверс"

всегда молчащую и нерѣдко со слезами на глазахъ. Мужъ не понималъ ее. У нихъ жила молодая дѣвушка, пріѣхавшая изъ Ревеля въ эту даль, въ эту глушь, изъ пламенной дружбы къ Луизѣ. Такое пожертвованіе было чистый героизмъ. Семейство это прибыло въ Вятку незадолго до пріѣзда Александра, и съ восхищеніемъ слушало нѣмецкій языкъ на чужой сторонѣ.

Сашѣ у нихъ было пріятно. Онъ началъ ходить къ нимъ иногда. Молодая дѣвушка, прелестная собой, огненная, живая, наивная какъ дитя, не знала свѣта, не знала людей, и съ ребяческимъ удивленіемъ смотрѣла на нихъ, живя безотчетно, какъ ласточка въ небѣ, какъ роза на вѣткѣ.

Саша, глядя на нее, думалъ, что общество, въ которое она попадетъ, обидитъ, убьетъ ея нѣжную душу,—ему стало жаль ее, и онъ сблизился съ нею. Они сблизились шутя. Она откровенно радовалась его приходу, и едва узнала его, какъ отгадала священную мистерію его души, и указала на нее полуребяческимъ перстомъ. Она больше поняла—нежели могла высказать. И вотъ, для Саши открылось море симпатіи и дружбы. Онъ подалъ руку Полинѣ, такъ звали эту дѣвушку, разсказалъ ей свою повѣсть, и назвалъ другомъ, сестрою.

Возможность этого мудрено понять тому человѣку, котораго обстоятельства не отдалили отъ всего роднаго, не забрасывали въ чужой край, къ чужимъ людямъ, мудрено понять и всю отраду симпатіи, весь отдыхъ отъ страданія, который содержится въ глубокомъ, сердечномъ участіи. Кто испыталъ,—тотъ знаетъ, тотъ пойметъ.

Дѣвушка эта принесла съ собою изъ своей Германіи пламенную мечтательную душу, взлелѣянную нѣжнымъ, эстетическимъ воспитаніемъ.

— «Какъ мило развертывался этотъ цвѣтокъ передъ моими глазами,—вспоминалъ о ней Саша. Мнѣ становилось грустно безъ нея. Я любилъ смотрѣть на ея огненные глаза, на ея темныя кудри, любилъ смотрѣть на ея шалости. Я разсказывалъ ей нашу встрѣчу, разлуку, переводилъ ей письма. Она еще никогда не встрѣчала эти бурныя бытія, эти schwankende Gestalten, и робко повѣряла мнѣ свою мысль — мысль съ улыбкой и слезой, и я берегъ эту мысль, напоминавшую мнѣ ее. Она все больше привыкала ко мнѣ, все больше и больше дѣлалась мнѣ сестрой.

Библиотека "Руниверс"

Сначала я боялся испугать ее пространнымъ, безграничнымъ міромъ фантазіи; я переводилъ его на ея языкъ и онъ легко на немъ выражался; къ языку порядочныхъ людей я никакъ бы его не приладилъ. Ежели вы не понимаете почему я, отданный на вѣкъ одной, вдругъ такъ сдвинулъ мое существованіе съ этой дѣвушкой, я не берусь объяснять».

И такъ, Maestro, при своемъ обширномъ умѣ, по мнѣнію Саши, не могъ понять, а эта дѣвушка поняла, и поняла потому, что смотрѣла просто глазами природы.

Часто утомленный, недовольный собою, Александръ приходилъ къ ней и отводилъ душу свою; она его, грустнаго, развлекала пѣснями Шиллера, пѣла ему «Das Mädchen aus der Fremde» и баркароллу изъ «Фенеллы», и молитву изъ «Фра-Діявола», и много разъ вылечивала его: волненіе души утихало и онъ спокойнѣе приходилъ домой. Въ другія минуты прибѣгалъ дѣлиться съ ней счастьемъ, разсказать мечты свои, и она ее—незнаемую—любила.

Когда Саша оставилъ Вятку, то не разъ обращалъ къ ней печальные взоры.

А она? Она молила ему счастья съ другой и плакала, плакала долго.

Несмотря на симпатическія отношенія Александра къ Полинѣ, задушевныя бесѣды его съ Витбергомъ не только что не охладѣвали, напротивъ, становились все жарче и задушевнѣе и, наконецъ, отразились на религіозныхъ убѣжденіяхъ Саши. Строгая догматическая рѣчь художника увлекала и покоряла своему вліянію молодаго человѣка. Какъ сильно было это вліяніе, можно лучше всего видѣть изъ переписки знаменитаго художника съ его молодымъ другомъ, когда тотъ оставилъ Вятку. Письма эти любопытны не богатствомъ и разнообразіемъ содержанія, но какъ непреложное свидѣтельство нравственной силы Витберга.

Эти письма относятся ко многимъ подробностямъ жизни Витберга, и могутъ служить значительнымъ историческимъ документомъ къ жизни и нравственному облику великаго художника.

Въ исходѣ 1837 года Саша былъ переведенъ изъ Вятки во Владиміръ, на службу въ канцелярію Владимірскаго губернатора Куруты—превосходнаго человѣка.

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

ВОЙНЫ РОССІИ СЪ ТУРЦІЕЙ

1828—1829 и 1853—1854.

«Еслибъ я былъ русскимъ министромъ, я бы перевернулъ весь міръ, чтобъ завладѣть Константинополемъ».

Фуадъ-Паша.

Въ настоящее время, когда на Балканскомъ полуостровѣ должна наконецъ рѣшиться многовѣковая борьба славянства съ туречиной, нельзя не припомнить наше историческое прошлое и перенестись мыслью къ тѣмъ временамъ, когда русскія войска побѣдоносно сражались съ поклонниками пророка.

Въ Европѣ каждый подвигъ оружія, каждая даже не знаменитая кампанія находитъ своего описателя; между тѣмъ, въ Россіи славныя войны съ турками едва только вкратцѣ извѣстны соотечественникамъ и, по справедливому выраженію одного изъ нашихъ военныхъ писателей, „для многихъ составляютъ одно баснословное преданіе, столь же не близко имъ знакомое, какъ и походы крестоносцевъ“ [1]).

Представляемъ нѣкоторые матеріалы по столкновеніямъ Россіи съ Турціею, обставляя ихъ, для общей между собою связи, необходимыми замѣчаніями.

Ред.

---

[1]) Н. Ушаковъ: «Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіятской Турціи въ 1828 и 1829 годахъ» (2 части). Спб. 1836.

По смерти Н. Ушакова Записки его о кампаніи 1853—1855 гг. напечатаны въ сборникѣ «Девятнадцатый вѣкъ» подъ заглавіемъ: «Записки очевидца о войнѣ Россіи противу Турціи и западныхъ державъ (1853—1855)».

Библиотека "Руниверс"

1828.

Война Россіи съ Турціею 1828 года началась для насъ при самыхъ благопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ. Съ Франціею Карла X, Россія была соединена самой искренней дружбой; французскій посолъ сопровождалъ императора Николая на Дунай и въ послѣдствіи былъ даже очевидцемъ паденія Варны. Австрія, истощенная все еще наполеоновскими войнами, не располагала средствами, необходимыми для вооруженнаго вмѣшательства въ восточныя дѣла; Метернихъ довольствовался только дипломатическимъ давленіемъ ради спасенія европейскаго политическаго равновѣсія. Германской имперіи, располагающей 1.500,000 ружьями Маузера, въ то время, къ счастью, еще не существовало, а Пруссію дипломаты считали тогда, какъ бы только изъ вѣжливости, великой державой. Англія не могла вступиться съ оружіемъ въ рукахъ за Турцію. Связанный въ своей политикѣ лондонскимъ договоромъ (6-го іюля 1827 г.), Сенъ-Джемскій кабинетъ долженъ былъ дѣйствовать, даже противъ своей воли, въ видахъ Россіи. Дѣйствительно, немыслимо было Великобританіи принять сторону Порты въ войнѣ, которая имѣла существенною цѣлью освобожденіе Греціи, для достиженія коей былъ заключенъ союзъ съ Россіею противъ Турціи, который привелъ къ сраженію подъ Навариномъ; соединенный англійскій, французскій и русскій флоты сокрушили въ этомъ дѣлѣ турецкія морскія силы.—И такъ, европейскіе кабинеты остались безучастными свидѣтелями единоборства Россіи съ Турціею, поручая только Блистательную Порту великодушію императора Николая. Къ тому же, отсутствіе въ то время парусного флота дѣлало вообще немыслимымъ предпріятія въ родѣ Крымской экспедиціи, предпринятой четверть столѣтія спустя просвѣщеннымъ западомъ, для спасенія распадающейся имперіи Османовъ.

Съ переходомъ, 6-го мая 1828 г., русскихъ войскъ черезъ Прутъ Россія наконецъ снова вступила на путь національной политики великой Екатерины, забытой среди безплодной для имперіи четвертьвѣковой борьбы съ призракомъ французской революціи. Рядъ блистательныхъ успѣховъ ознаменовалъ собою въ короткое время кампанію, предпринятую императоромъ Николаемъ. Русскіе, въ присутствіи государя, совершили открытой силой переправу черезъ Дунай, казавшуюся невозможною, и въ шесть недѣль времени овладѣли шестью турецкими крѣпостями. Вѣра въ непобѣдимость русскаго оружія предшествовала всюду появленію нашихъ войскъ, которыя готовы были нанести смертельный ударъ поклонникамъ пророка.

Одинъ изъ нашихъ государственныхъ дѣятелей настоящаго вре-

Библиотека "Руниверс"

мени, константинопольскій посолъ генералъ-адъютантъ Игнатьевъ, нѣкогда въ слѣдующемъ мѣткомъ очеркѣ характеризовалъ тогдашнее столкновеніе Россіи съ Портой [1]):

„Нельзя не сознаться, что никогда не угрожала еще Портѣ Оттоманской такая неминуемая гибель, никогда мысль объ изгнаніи турокъ изъ Европы не была такъ близка къ ея осуществленію, никогда русскимъ не было такъ легко взять Константинополь, какъ въ послѣднюю борьбу Турецкой имперіи съ Россіею.

„Между тѣмъ какъ войска отдѣльнаго Кавказскаго корпуса громили турокъ въ Азіи, многочисленная главная наша армія заняла, въ 1828 году, Молдавію и Валахію, перешла Дунай и овладѣла приморскою частью Булгаріи. На слѣдующій 1829 годъ, армія наша, имѣя во главѣ своей такихъ предводителей, каковы были графъ Дибичъ и Толь, перешагнула хребетъ Балканскій, овладѣла внутренними областями Турціи, утвердилась на берегахъ Чернаго и Мраморнаго морей, вошла въ связь съ своими флотами, была уже въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Константинополя [2]) и—остановилась!"

„Великодушіе Государя Императора дозволило существованіе Турецкой имперіи въ Европѣ.

Столь мѣткая оцѣнка высоко рыцарскихъ чувствъ, одушевлявшихъ императора Николая даже въ моментъ самаго рѣшительнаго успѣха русскаго оружія, вполнѣ подтверждается еще и слѣдующими собственными словами государя, въ письмѣ къ графу Дибичу, отъ 1/13 сентября 1829 года:

„Mais, cher ami, maintenant plus que jamais tout à Dieu et soyons plus calmes, plus modestes, plus généreux et plus conséquent que jamais. Voilà les triomphes que moi je cherche, que Dieu m'en préserve d'en cherher d'autres et je suis sûr que Vous me comprenez".

Дѣйствительно, если бы въ восточномъ вопросѣ русская политика

---

[1]) «Военный Журналъ» 1852 г. Статья штабъ-ротмистра Н. П. Игнатьева: «Взглядъ на постепенныя измѣненія въ образѣ дѣйствій русскихъ войскъ противъ турокъ».

[2]) Пополнимъ этотъ очеркъ слѣдующей выдержкой изъ письма императора Николая графу Дибичу отъ 12/24 сентября 1829 г.: «Votre position est digne du comandant en chef d'une armée russe aux portes de Constantinople. Militairement elle est fabuleuse et l'esprit à peine peut se l'imaginer: la droite appuyée à la flotte partie de Cronstadt, la gauche à celle de Savastopol, un ministre de Prusse arrivant à Votre quartier général portant les supplications du sultan et un certificat de ruine signé par les ambassadeurs de France et d'Angleterre. Après cela il ne restait a dire: Великъ Богъ Россійскій et спасибо, Забалканскій».

Библиотека "Руниверс"

на столько угрожала бы спокойствію Европы и цѣлости Оттоманской имперіи, какъ это представляется обыкновенно фантазіи европейскихъ публицистовъ, а Турція, напротивъ того, не находила бы въ русскихъ государяхъ великодушіе и высокое безкорыстіе, отсутствующія въ современныхъ намъ войнахъ [1]),—то, конечно, судьба Блистательной Порты сложилась бы иначе. Можетъ быть, съ береговъ Босфора давно уже исчезло бы знамя пророка и на храмѣ св. Софіи снова сіялъ бы православный крестъ.

Но обратимся къ статьѣ Н. П. Игнатьева:

„Главнымъ препятствіемъ для русскихъ въ продолженіе войны 1828 и 1829 годовъ—говоритъ авторъ,—были не дѣйствія турецкихъ войскъ, и въ особенности регулярныхъ, а климатическія и физическія свойства края, затрудненія, встрѣчаемыя для продовольствія (преимущественно кавалеріи), и лишенія всякаго рода.

„Въ Турціи, повторяемъ, не страшенъ непріятель, а гибельны климатъ, недостатокъ въ продовольствіи, болѣзни, уносящія, въ продолженіе каждой кампаніи, десятки тысячъ людей.

„Продовольствовать малочисленныя войска и дѣйствовать ими, особенно въ Турціи, всегда будетъ легче, нежели при многочисленности арміи. Ибо на мѣстныя средства края, для содержанія значительныхъ массъ, расчитывать нельзя, а подвозъ запасовъ моремъ очень затруднителенъ. Не при огромности силъ своихъ, не при движеніи войскъ большими массами къ стратегическимъ пунктамъ страны, подобно какъ въ европейской войнѣ, русскіе одерживали побѣды. Успѣхи были несравненно блистательнѣе, когда силы наши, подобно войскамъ Суворова и Паскевича, состояли изъ незначительныхъ отрядовъ, гдѣ храбрость, дисциплина, подвижность и способность войскъ переносить всевозможныя лишенія замѣняли числительность.

„Русскому отряду, какъ бы онъ слабъ ни былъ, не могутъ быть страшны въ открытомъ бою полчища турецкія. Одна рѣшительная побѣда надъ турками, соединенная съ быстрымъ преслѣдованіемъ, еще болѣе, чѣмъ во всякой другой войнѣ, опредѣляетъ успѣхъ цѣлой кампаніи; претерпѣнная неудача сильно дѣйствуетъ на турокъ, ими овладѣваетъ паническій страхъ при каждомъ столкновеніи съ побѣдителями“.

Справедливость высказаннаго здѣсь взгляда вполнѣ подтверждается матеріалами, относящимися до интересной эпохи 1828 г., которые мы представимъ въ одной изъ ближайшихъ книгъ „Русской Старины“. Нынѣ же останавливаемъ вниманіе читателей на матеріалахъ, относя-

[1]) Стоитъ припомнить образъ дѣйствія Пруссіи въ франко-германскую кампанію 1870—1871 гг. **Ред.**

Библиотека "Руниверс"

щихся къ послѣдней по времени борьбѣ (1853—1855) Россіи съ имперіей османлисовъ. Ред.

1853 г.

Предположенія императора Николая относительно морской экспедиціи въ Босфоръ и Царьградъ [1]).

Могущій быть въ скоромъ времени разрывъ съ Турціей приводитъ меня къ слѣдующимъ соображеніямъ:

1) Какую цѣль назначить нашимъ военнымъ дѣйствіямъ?

2) Какими способами вѣроятнѣе можемъ мы достичь нашей цѣли?

На первый вопросъ отвѣчаю: чѣмъ разительнѣе, неожиданнѣе и рѣшительнѣе нанесемъ ударъ, тѣмъ скорѣе положимъ конецъ борьбѣ. Но всякая медленность, нерѣшимость дастъ туркамъ время опомниться, приготовиться къ оборонѣ и, вѣроятно, французы успѣютъ вмѣшаться въ дѣло или флотомъ или даже войсками, а всего вѣроятнѣе—присылкой офицеровъ, въ какихъ турки нуждаются. И такъ, быстрыя приготовленія, возможная тайна и рѣшительность въ дѣйствіяхъ необходимы для успѣха.

На второй вопросъ, думаю, что сильная экспедиція, съ помощью флота, прямо въ Босфоръ и Царьградъ, можетъ все рѣшить весьма скоро.

Ежели флотъ въ состояніи поднять въ одинъ разъ 16,000 человѣкъ съ 32-мя полевыми орудіями, съ необходимымъ числомъ лошадей, при двухъ сотняхъ казаковъ, то сего достаточно, чтобъ, при неожиданномъ появленіи, не только овладѣть Босфоромъ, но и самымъ Царьградомъ. Буде число войскъ можетъ быть еще болѣе усилено, — тѣмъ болѣе условій къ удачѣ.

Исполненіе сего должно быть слѣдующее: 13-я и 14-я дивизіи не медля укомплектовываютъ свои первые три баталіона изъ четвертыхъ, перечисливъ въ оные всѣхъ больныхъ и слабыхъ. 13-я артиллерійская бригада, съ однимъ упряжнымъ ящикомъ на орудіе, слѣдуетъ въ Севастополь. Здѣсь 13-я дивизія, въ составѣ 12-ти баталіоновъ при 32-хъ орудіяхъ, садится на флотъ. Такъ какъ артиллерія беретъ лошадей только на одинъ ящикъ, то остальные ящики нагружаются одни, безъ лошадей, которыя къ нимъ доставлены быть могутъ позднѣе. Въ то же время 14-я дивизія, въ 12-ти же

---

[1]) Объ этихъ предположеніяхъ императора Николая было вкратцѣ упомянуто въ «Замѣткахъ о событіяхъ 1853—1854 гг.» см. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XIV, стр. 380—382.

Библиотека "Руниверс"

баталіонномъ составѣ при 32-хъ орудіяхъ, съ однимъ же запряженнымъ ящикомъ, 5-й стрѣлковый баталіонъ и 2 сотни донскихъ казаковъ собираются въ Одессѣ и, ежели будетъ возможнымъ поднять и ихъ, то равномѣрно садятся на присланную за ними эскадру.

Въ такомъ случаѣ оба десанта должны садиться въ одинъ же день въ Севастополѣ и въ Одессѣ, и потомъ идти на соединеніе къ Босфору.

Ежели турецкій флотъ вышелъ бы въ Черное море, то прежде слѣдовать будетъ съ нимъ сразиться, и, ежели удастся его разбить, тогда уже входить въ Босфоръ.

Но буде флотъ не выйдетъ, тогда приступить прямо къ прорыву въ Босфоръ, или высадкой въ тылъ батареямъ, или прямой атакой мимо батарей, на самый Царьградъ.

Первое полагаю удобнѣйшимъ, второе отважнѣе, но зависѣть будетъ отъ такихъ обстоятельствъ, которыхъ впередъ предвидѣть трудно. Кажется, что оно не невозможно. Тогда, ставъ передъ городомъ, надо будетъ требовать сдачи безусловной; въ противномъ случаѣ—сейчасъ приступить къ бомбардированію, сдѣлавъ въ то же время высадку на удобнѣйшій пунктъ, въ которомъ наскоро укрѣпиться, и занявъ, буде можно, водопроводы.

Ежели турецкія войска оставятъ городъ и будутъ собираться близь онаго, тогда, поставя городъ подъ огнемъ флота, десантный отрядъ долженъ будетъ атаковать турецкую армію и, разбивъ, ограничиться симъ, ибо составъ отряда препятствуетъ преслѣдовать и дальнимъ переходамъ, и потому далеко удаляться отъ флота—должно крайне избѣгать. Впрочемъ, и мудрено полагать, что, послѣ потери города, армія турецкая попыталась бы держаться въ полѣ, вѣроятнѣе правительство будетъ просить примиренія или, въ противномъ случаѣ, будетъ стягивать свои силы у Галлиполи или Экоса, въ ожиданіи помощи отъ французовъ. Тогда должно занять Дарданеллы.

Здѣсь рождается другой вопросъ: можемъ ли мы оставаться въ Царьградѣ, при появленія европейскаго враждебнаго флота у Дарданеллъ, и въ особенности ежели на флотѣ семъ прибудутъ и десантныя войска? Конечно, предупредить сіе явленіе можно и должно быстрымъ занятіемъ Дарданеллъ.

Библиотека "Руниверс"

Двѣ записки императора Николая относительно морской экспедиціи противъ Варны и Бургасъ.

I.

Изъ краткаго предварительнаго донесенія князя Меншикова заключить слѣдуетъ, что предполагавшееся, въ случаѣ разрыва съ Турціей, морское предпріятіе на Царьградъ или весьма трудно, или даже невозможно [1]).

Затѣмъ надо обратиться къ другой мысли, т. е. моремъ же овладѣть Варной и потомъ укрѣпленіями залива Бургасъ.

Полагать можно, что оба предпріятія не представятъ особыхъ затрудненій, ибо, сколько извѣстно, укрѣпленія сихъ мѣстъ остались въ прежнемъ видѣ, и ежели не будутъ усилены гарнизоны войсками, нарочно присланными, неожиданное наше появленіе можетъ имѣть желаемый успѣхъ.

Но, вмѣстѣ съ симъ, необходимо двинуть сухопутно остальныя войска немедля, чрезъ княжества, къ переправѣ черезъ Дунай, вѣроятно, ниже Силистріи, въ чемъ у насъ въ штабу должны быть подробныя свѣдѣнія. Флотилія наша на Дунаѣ должна подняться по оному къ избранному мѣсту, что удобнѣе прежняго, посредствомъ буксировки пароходами.

Оставя 10-ю дивизію съ ея артиллеріею и 2-мя казачьими полками для защиты Валахіи, прочимъ войскамъ, т. е. 11-й, 12-й и 15-й дивизій, съ 4-ю и 5-ю легкими кавалерійскими, 4-мя казачьими полками, Донской батареею и съ обозами десантныхъ войскъ, слѣдовать прямо къ мѣсту переправы.

По совершеніи переправы, направиться прямо на Козлуджи чрезъ Базарджикъ. Десантный отрядъ, оставивъ необходимый гарнизонъ въ Варнѣ, примѣрно 3 баталіона, долженъ присоединиться къ сухопутному отряду.

Здѣсь рѣшится, турки будутъ ли имѣть, по всегдашнему обыкновенію, армію подъ Шумлой, или нѣтъ. Ежели у нихъ армія собрана будетъ тутъ и не бѣжитъ сраженія, слѣдовать будетъ съ ними сразиться и дальнѣйшій ходъ дѣйствій зависѣть будетъ отъ успѣха, и, въ случаѣ разбитія турецкой армія, куда она отступитъ. Ежели запрется въ Шумлѣ, будетъ крайне опасно слѣдовать далѣе, оставя ее у насъ на правомъ флангѣ, откуда она, при дальнѣйшемъ нашемъ дви-

---

[1]) Въ «Русской Старинѣ» въ статьѣ «Замѣтки о событіяхъ 1853—1854 гг.» было вкратцѣ упомянуто объ этомъ мнѣніи князя Меншикова, выраженномъ имъ въ запискѣ отъ 12-го марта 1853 г. **Ред.**

Библиотека "Руниверс"

женіи, будетъ постоянно угрожать нашимъ сообщеніямъ, уже и безъ того довольно затруднительнымъ.

Но ежели, послѣ разбитія, турецкая армія не обратится къ Шумлѣ, но укроется за горы, тогда должно будетъ продолжать движеніе впередъ, проходя Балканы. Съ достиженіемъ Варны и потомъ далѣе Бургасскаго залива, всѣ сообщенія наши должны быть основаны съ сими главными точками, дѣлающимися мѣстами всѣхъ нашихъ продовольственныхъ и снарядныхъ складовъ.

Обязанность флота, во все время, съ занятія Варны и Бургаса, должна состоять въ томъ, чтобы не выпускать турецкій флотъ въ Черное море, или въ уничтоженіи его и въ прикрытіи доставки морскихъ подвозовъ къ арміи. На этотъ предметъ флотъ нашъ достаточно силенъ.

Достигнувъ Бургасъ, сухопутный корпусъ нашъ усиливается частію войскъ, перевезенныхъ въ Бургасъ; но часть ихъ должно оставить въ гарнизонахъ укрѣпленій сего залива, на что должно будетъ отчислить не менѣе какъ баталіоновъ 8 или 6. Слѣдовательно, останется всегда въ сухопутной арміи 67 баталіоновъ.

Принявъ въ соображеніе убыль, которой ожидать должно какъ отъ болѣзней и устали, такъ и убитыхъ и раненыхъ, полагать можно, что къ приходу въ Бургасъ будетъ подъ ружьемъ въ пѣхотѣ около 34,000, а съ кавалеріею и артиллеріею не болѣе 45,000 человѣкъ.

Съ этимъ числомъ войскъ слѣдовать далѣе къ Царьграду было бы неосторожно; это явно доказываетъ, что, отказываясь отъ намѣренія атаки съ моря на Царьградъ, другой образъ войны необходимо требуетъ назначенія еще одного корпуса.

Тогда одинъ корпусъ занимать будетъ княжества и прикрывать правый флангъ арміи къ сторонѣ Силистріи или Шумлы, а два корпуса обращены быть могутъ для дѣйствій за Балканы.

Для сего назначаю я 3-й корпусъ, который привесть теперь же въ военное положеніе съ его резервами, дабы не позже 15-го мая могъ тронуться съ своихъ квартиръ.

Для занятія гарнизона въ Кіевѣ и Бобруйскѣ, послать изъ 6-го корпуса одну дивизію.

Резервная дивизія 3-го корпуса, по сформированіи, должна слѣдовать въ Кіевъ и расположиться въ сей и въ Волынской губерніяхъ.

II.

Дознанная невозможность предполагавшейся, на случай разрыва съ Портой, морской экспедиціи, прямо на Босфоръ и Царьградъ, невольно приводитъ къ необходимости сообразить иной способъ дѣйствій.

Библиотека "Руниверс"

Желательно, однако, сохранить вновь избираемому характеръ первоначально предполагавшагося, т. е. неожиданность.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ отношеніи средства, изготовлявшіяся для первой экспедиціи, даютъ возможность примѣнить ихъ ко всякой высадкѣ на избранномъ мѣстѣ,—изъ нихъ удобнѣйшее Бургасскій заливъ: высадку здѣсь и овладѣніе окружающими крѣпостцами не трудно исполнить,—и потому они должны быть предпочтены другимъ соображеніямъ. Остается опредѣлить способъ исполненія. Предоставляю всѣ подробности, всѣ случайности, усмотрѣнію на мѣстѣ командующимъ: адмиралу и генералу.

Предполагая на первый десантъ 22 баталіона, 48 орудій и 200 казаковъ, съ этимъ числомъ войскъ можно надѣяться овладѣть заливомъ и крѣпостцами и укрѣпиться въ избранномъ мѣстѣ, гдѣ выжидать остальныхъ войскъ, перевозочныхъ способовъ, и въ особенности продовольствія и необходимой кавалеріи. Выборъ укрѣпленнаго мѣста долженъ быть таковъ, чтобы въ немъ съ благонадежностію выдержать можно было и атаку турокъ. Вѣроятно, она послѣдуетъ тогда, когда собранныя войска при Царьградѣ, въ страхѣ ожидаемаго туда нападенія, направлены будутъ на Бургасъ. Ожидать можно, что на это туркамъ нужно будетъ дней 10, и притомъ полагать должно, что отправлена будетъ только часть войскъ, другая же останется для защиты Босфора и столицы. И такъ, надѣяться можно, что нападеніе турокъ будетъ съ успѣхомъ отражено и наведетъ первый страхъ на нихъ.

Между тѣмъ, часть флота, не нужная для наблюденія за Босфоромъ, должна, немедля послѣ первой высадки, идти за остальными войсками и проч. въ Одессу. Предполагая на обратный переходъ въ Одессу, посадку новыхъ войскъ и опять переходъ въ Бургасъ—12 дней, десантный отрядъ получитъ вновь не менѣе 6-ти баталіоновъ, 16-ти орудій и, вѣроятно, около четырехъ эскадроновъ или четырехъ сотенъ казаковъ. И такъ, въ десантѣ будетъ тогда уже 28 баталіоновъ, 64 орудія и 600 кавалеріи. Повторивъ же въ теченіи мѣсяца еще двѣ таковыя перевозки, въ десантномъ отрядѣ будетъ: 38 баталіоновъ, 96 орудій и можетъ быть одна бригада кавалеріи съ одной конной батареей или три казачьи полка. Силы уже весьма значительныя.

Въ то же время 4-й корпусъ долженъ вступить въ княжества и, за оставленіемъ нужныхъ гарнизоновъ въ Молдавіи, слѣдовать въ Валахію, гдѣ расположиться возможно удобно. Флотилія наша и мостъ въ одно время должны будутъ подниматься по Дунаю до Гирсова, или далѣе, ежели удобнѣе будетъ. Вѣроятно, появленіе наше въ княжествахъ и флотиліи съ мостомъ на Дунаѣ заставитъ турокъ ожидать переправы

Библиотека "Руниверс"

и принудитъ ихъ собрать армію или близь Силистріи или у Видина и отвлечетъ ихъ вниманіе отъ угрожаемаго дѣйствительно мѣста.

Окончательная перевозка десанта и занятіе княжествъ могутъ быть довершены, вѣроятно, въ одно время, т. е. къ концу іюня мѣсяца.

Если французы и англичане вступятся за турокъ и флоты ихъ не войдутъ въ Черное море, тогда представятся къ началу іюля два способа дѣйствій:

1) Слѣдовать на Царьградъ всѣмъ высаженнымъ корпусомъ, за исключеніемъ нужнаго гарнизона для избраннаго пункта складовъ, какъ базисъ военныхъ дѣйствій. Но для сего необходимо имѣть достаточно перевозочныхъ средствъ, чтобы поднять провіанта, по крайней мѣрѣ, на 20 дней, что сомнительно.

2) Второй способъ состоялъ бы въ томъ, ежели высадка въ Бургасѣ привлечетъ бо́льшую часть турецкихъ силъ туда, и Царьградъ оголится войскомъ, въ такомъ случаѣ неожиданно посадить десантъ на флотъ и идти къ Босфору, овладѣть имъ и явиться предъ Царьградомъ. Полагаю, что это было бы возможно, но все зависитъ отъ вѣрности расчета и положительныхъ свѣдѣній.

Если же французскій или англійскій флоты вошли бы въ Черное море, явно съ враждебнымъ намѣреніемъ, тогда не только дѣйствія моремъ на Царьградъ совершенно невозможны, но даже положеніе нашего десанта въ Бургасѣ будетъ весьма опасно, лишась свободнаго сообщенія. Останется только возложить на 4-й корпусъ: оставя дивизію въ Валахіи, переправиться чрезъ Дунай и открыть сообщенія съ десантомъ, которому придется уже идти къ нему на встрѣчу чрезъ Праводы, между Варною и Шумлою, на соединеніе: все это трудно и подвержено мѣстнымъ случайностямъ.

Потому все зависѣть будетъ отъ того, будутъ ли французы и англичане зрителями или участниками въ войнѣ.

Наконецъ, можно еще начать занятіемъ княжествъ 4-мъ корпусомъ, не предпринимая ничего моремъ, но поднимая флотилію и мостъ по Дунаю. Морскую же экспедицію начать, убѣдясь, что ни англичане, ни французы въ дѣло военной рукой не вмѣшиваются и не ранѣе чѣмъ когда княжества по Дунай заняты будутъ и не получится вѣрныхъ свѣдѣній, есть ли гдѣ либо на Дунаѣ турецкая армія и занятіе княжествъ не привлекло ли туда все ихъ вниманіе, какъ бывало въ прежнія войны.

Библиотека "Руниверс"

Всеподданнѣйшая записка князя Варшавскаго о турецкихъ дѣлахъ.

24-го марта 1853 года [1]).

В. И. В. изволили сказать мнѣ, что князь Меншиковъ находитъ десантъ и занятіе Босфора затруднительнымъ.

Жаль, ибо мысль была великая. Такимъ образомъ, не только война была бы сразу окончена, но можно бы сдѣлать завоеванія въ Европейской Турціи.

В. В. полагать изволите: послать флотъ съ двумя дивизіями, съ тѣмъ, чтобы взять Варну и Бургасъ, и между тѣмъ четыре дивизіи 4-го и 5-го корпусовъ отправить сухопутно.

Вы изволите расчитывать, что, отправляя 4 дивизіи, необходимо будетъ оставить: одну дивизію въ княжествахъ, другую дивизію (даже болѣе) противъ Силистріи и Шумлы,—затѣмъ останутся двѣ дивизіи. съ которыми нельзя идти далеко, хотя бы Варна (и даже Бургасъ) и были взяты.

Если бы флотъ не могъ взять Варны, то противъ нея надобно оставить еще дивизію.

Къ тому слѣдуетъ принять въ расчетъ неизбѣжную въ Турціи потерю людей отъ болѣзней, отчего баталіоны будутъ не болѣе, какъ въ 500 человѣкъ.

Затѣмъ останется такъ мало, что необходимо послать не только 4-й и 5-й, но и 3-й корпусъ.

Съ 3-мъ корпусомъ можно уже идти за Балканы и перейдутъ пять или шесть дивизій, если Варна между тѣмъ взята (если же не взята, то только 4 или 5 дивизій), а шестая можетъ присоединиться въ послѣдствіи, по занятіи флотомъ Бургаса.

Съ пятью или шестью дивизіями пѣхоты можно, конечно, много сдѣлать въ Турціи. Положимъ, что взята Варна и Бургасъ, даже взятъ и Адріанополь. Но Адріанополь взять нынѣ не легко.—Въ 1829 году занять его было легче: по случаю уничтоженія янычаръ, все военное населеніе Турціи было противъ султана. Тогда достаточно было только показать, что мы покровительствуемъ янычарамъ, для того, чтобы города отворяли намъ ворота. Нынѣ же мы не знаемъ какъ народъ расположенъ къ султану.

Но если бы Адріанополь и Кирклисе (гдѣ въ обоихъ до 100,000 жителей и до 30,000 вооруженныхъ) стали защищаться, то наши

---

[1]) Записка эта была написана княземъ Паскевичемъ во время пребыванія его въ Петербургѣ весною 1853 года.—Весьма краткія выдержки изъ нея были напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г. томъ XIV, стр. 381 и друг., въ статьѣ: «Замѣтки о событіяхъ 1853—1854 гг.» **Ред.**

Библиотека "Руниверс"

5 дивизій будутъ здѣсь достаточно заняты, особенно имѣя на правомъ флангѣ войска пашей въ Босніи и Далмаціи.

Положимъ однако, что если паши будутъ заняты Австріею и мы можемъ взять Адріанополь и Кирклисе. Въ нихъ надобно оставить гарнизоны, въ Бургасѣ также; слѣдовательно, у насъ останутся 3½ или четыре дивизіи. На разстояніи 220 и 200 верстъ до Константинополя убыль должна быть. Затѣмъ: въ трехъ или четырехъ дивизіяхъ нельзя предполагать болѣе 30,000, а съ кавалеріею и артиллеріею до 45,000.

И такъ, начиная кампанію даже и съ тремя корпусами, въ которыхъ должно полагать 120,000, но пройдя отъ Днѣстра до Константинополя 800 верстъ,—необходимо для удержанія края оставить двѣ трети войскъ и къ Константинополю можно подойти только съ 45,000 или 50,000, которыя только что достаточны для того, чтобы взять Константинополь.

Все это изложено въ томъ предположеніи, что мы господствуемъ въ Черномъ морѣ, ибо армія не можетъ идти за Балканы безъ флота, который бы снабжалъ ее военными и продовольственными запасами.

Занявъ, однако, Царьградъ и все пространство отъ нашихъ границъ, можно считать, что, по крайней мѣрѣ на время, 3 корпуса будутъ почти отдѣлены отъ имперіи, ибо войска наши не могутъ быть выведены скоро изъ Турціи; пройдетъ навѣрно два, можетъ быть, три, четыре года, пока можно будетъ ихъ хотя отчасти замѣнить формированіемъ туземныхъ христіанскихъ племенъ и включеніемъ ихъ въ наши ряды.

Отдѣливъ же 3 корпуса, будемъ ли мы имѣть достаточно войскъ въ случаѣ европейской войны?

Необходимо будетъ замѣнить сей недостатокъ новыми войсками.

Что же будетъ стоить намъ: содержаніе тамъ трехъ корпусовъ, формированіе войскъ изъ христіанскихъ племенъ въ Турціи и вмѣстѣ образованіе новыхъ войскъ на западной границѣ?

Если же смотрѣть на турецкія дѣла съ другой точки зрѣнія, то можно бы: за неисполненіе турецкимъ правительствомъ заключенныхъ трактатовъ, прежде всего занять княжества и объявить, что они до тѣхъ поръ не будутъ очищены, пока Турція не выполнитъ своихъ обязательствъ [1]).

---

[1]) Замѣчательно, что мнѣніе князя Варшавскаго отразилось въ Высочайшемъ манифестѣ, данномъ при вступленіи русскихъ войскъ въ княжества 14-го іюня 1853 года (въ Петергофѣ). «.....Истощивъ всѣ убѣжденія и съ ними всѣ мѣры миролюбиваго удовлетворенія справедливыхъ нашихъ требованій, признали мы необходимымъ двинуть войска наши въ Придунайскія княжества,

Библиотека "Руниверс"

Занятіе княжествъ не потребуетъ болѣе двухъ, трехъ дивизій. Княжества могутъ ихъ содержать; по крайней мѣрѣ, фуражъ намъ ничего не будетъ стоить.

Въ княжествахъ, по слухамъ, мы найдемъ до 10,000 регулярнаго войска. Его слѣдуетъ увеличить до 20,000. Между тѣмъ, можно воспользоваться оставшимся вліяніемъ нашимъ на христіанскія племена въ Турціи, на болгаръ и даже сербовъ. Вопросъ о святыхъ мѣстахъ для нихъ дѣло священное. Они сами будутъ переходить къ намъ за Дунай. Имъ недостаетъ оружія и пороху; дать имъ то и другое, сдѣлавъ предварительно запасъ до 30,000 ружей въ Измаилѣ.

Регулярныя войска княжествъ будутъ служить зерномъ христіанскаго ополченія въ Турціи и тогда, по мѣрѣ формированія побаталіонно, прикомандировывать ихъ къ нашимъ полкамъ, употребляя ихъ болѣе въ стрѣлки. Подобнымъ образомъ можно поступать и въ отношеніи конницы. Въ случаѣ военныхъ дѣйствій, они сначала не будутъ стойки, но потомъ пріучатся. Такъ поступали Веллингтонъ въ Португаліи, Михельсонъ въ 1807 году въ Сербіи. Въ турецкую войну 1829 г. было 5 полковъ конницы и 1 баталіонъ персидской пѣхоты. Они служили очень хорошо; только надо дать имъ хорошее содержаніе.

При занятіи нами княжествъ и при вооруженіи христіанъ, Турціи остается: или согласиться на исполненіе всѣхъ условій трактатовъ, или собрать свою армію и рѣшиться на сраженіе. Тѣмъ лучше. Турки сильны въ крѣпостяхъ: въ полѣ мы должны ихъ разбить и однимъ ударомъ разсѣять ихъ армію. Тогда все пространство очистится и даже съ небольшими силами можно зайти далеко.

Конечно, между тѣмъ наша Черноморская торговля потерпитъ.

Но торговля, во всякомъ случаѣ, какъ скоро война, должна терпѣть.

Кто знаетъ, можетъ быть, съ занятіемъ Молдавіи и Валахіи только какъ залогъ, какъ ручательство исполненія трактатовъ, торговля не-

---

дабы доказать Портѣ, къ чему можетъ вести ея упорство. Но и теперь не намѣрены мы начинать войны; занятіемъ княжествъ мы хотимъ имѣть въ рукахъ нашихъ такой залогъ, который бы во всякомъ случаѣ ручался намъ въ возстановленіи нашихъ правъ».

Въ циркулярной депешѣ графа Нессельроде къ представителямъ Россіи при иностранныхъ державахъ, встрѣчаются тѣ же выраженія: «.....Впрочемъ, мы нисколько не намѣрены держать эту позицію (т. е. княжества) долѣе, нежели сколько того потребуетъ наша честь или безопасность. Она будетъ только временная; она будетъ намъ служить единственно залогомъ, доколѣ министры султана не послѣдуютъ лучшимъ внушеніямъ».

Ред.

Библиотека "Руниверс"

премѣнно потерпитъ, но, можетъ быть, менѣе, чѣмъ въ случаѣ большой войны.

Иностранныя державы принуждены будутъ найти сіе условное занятіе княжествъ справедливымъ возмездіемъ за неисполненіе турками трактатовъ.

Изложивъ такимъ образомъ, въ короткихъ словахъ, мысли мои, я бы могъ войти въ бо̀льшія подробности, если бъ мнѣ предложены были вопросы, ибо нѣтъ края, который бы я зналъ, въ военномъ отношеніи, какъ Европейскую Турцію, проведя тамъ пять или шесть лѣтъ, съ 1806 по 1811 годъ.

Мысли князя Варшавскаго о пользѣ учрежденія христіанскихъ ополченій изъ болгаръ, сербовъ и обитателей Дунайскихъ княжествъ.

(Дополненіе къ всеподданнѣйшей запискѣ отъ 24-го марта 1853 года).

Сколько извѣстно, въ Молдавіи существуетъ уже до 10,000 регулярнаго войска.

Первымъ долгомъ нашимъ должно быть увеличить сіе число до 20,000 и болѣе, по возможности избѣгая однако излишнихъ расходовъ и обращая формированіе и содержаніе сихъ войскъ на счетъ княжествъ.

Если бы правленіе княжествъ не имѣло на то денегъ, то можно произвести расходъ самимъ, на ихъ счетъ, или дать имъ въ займы; словомъ, чтобы на княжествахъ лежалъ по сему случаю долгъ, который будетъ взысканъ въ свое время.

Войска сіи, по сформированіи ихъ побатальонно, можно распредѣлять по нашимъ полкамъ.

Но часть ихъ, особенно изъ охотниковъ, должна служить зерномъ христіанскаго ополченія въ Турціи. Христіанскія племена, тамъ обитающія, по единовѣрію, сохранили еще къ намъ привязанность.

Не знаю, до какой степени мы можемъ теперь имѣть на нихъ вліяніе; но оно уничтожиться не можетъ, пока въ мусульманахъ не уничтожится презрѣніе къ христіанину. По всей вѣроятности и не смотря на то, что съ окончаніемъ каждой войны отдавали ихъ опять на жертву турокъ, которые не оставляли, конечно, безнаказаннымъ расположенія къ намъ христіанскихъ подданныхъ, не смотря на то, болгары и сербы будутъ къ намъ переходить.

Не знаю также, имѣемъ ли мы своихъ агентовъ въ Булгаріи, которые бы поддерживали ихъ привязанность къ намъ. Если имѣемъ,

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ лучше; тогда можно ожидать, что какъ скоро они узнаютъ, что мы ихъ ласково принимаемъ, то будутъ являться толпами.

Если же нѣтъ тамъ нашихъ агентовъ, то и тогда можно ожидать, что они, при малѣйшемъ поощреніи съ нашей стороны, будутъ приходить, не толпами, но по одиночкѣ.

Христіане въ Турціи большею частію племена воинственныя и хотя болгары и сербы остаются спокойными, подъ владычествомъ турокъ, но это потому только, что по деревнямъ турецкое правленіе мало даетъ себя чувствовать. Жители деревни, разъ заплативъ подать, не терпятъ угнетенія, до перваго, однако, личнаго столкновенія христіанина съ туркомъ.

Воинственный духъ болгара или серба пробуждается при оскорбленіи со стороны надменнаго мусульманина, не скрывающаго презрѣнія своего къ христіанамъ.

Поэтому, нѣтъ деревни, можетъ быть, нѣтъ семейства, гдѣ бы не было недовольныхъ или просто воинственныхъ, храбрыхъ людей, которые готовы будутъ, не изъ преданности къ намъ,—которая, можетъ быть, угасла уже,—но изъ мести или любви къ войнѣ, принять нашу сторону и идти съ нами или безъ насъ, не всегда за насъ, но лишь бы противъ турокъ.

Симъ расположеніемъ ихъ мы должны воспользоваться.

Орудіемъ для привлеченія на нашу сторону будутъ служить тѣ болгары или сербы, которыхъ мы, по всей вѣроятности, найдемъ въ рядахъ молдавскихъ и валахскихъ войскъ. Изъ нихъ можно будетъ сформировать отдѣльный баталіонъ или роту, къ которымъ причислять всѣхъ выходцевъ изъ Турціи.

Въ баталіоны или роты сіи дать лучшихъ нашихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ и обучать ихъ нашей тактикѣ.

Равнымъ образомъ и въ молдавскія и валахскія войска, какъ бы ни были они обучены, необходимо также будетъ дать нѣсколькихъ офицеровъ и пріучить ихъ къ пѣхотному и, въ особенности, стрѣлковому строю.

Новопришедшихъ снабжать всѣмъ, чего у нихъ недостаетъ: ружьями, порохомъ и деньгами.

Первыхъ являющихся принимать особенно ласково и, давъ денегъ, внушать имъ, чтобы они вразумили также и своихъ соотечественниковъ, оставшихся въ турецкихъ предѣлахъ.

Для снабженія ихъ оружіемъ, необходимо предварительно учредить въ Измаилѣ и другомъ какомъ-либо пунктѣ запасъ въ 30,000 ружей и пороху.

Библиотека "Руниверс"

Сформированныя такимъ образомъ роты прикомандировывать къ нашимъ полкамъ, употребляя ихъ болѣе въ стрѣлки.

Они храбро и хорошо стрѣляютъ. Имъ недостаетъ стойкости, потому что не было у нихъ регулярнаго устройства и обученія. Нельзя сомнѣваться, однако, чтобы изъ нихъ не вышли хорошіе солдаты.

Во всякомъ случаѣ, они могутъ быть весьма полезны, даже и первое время, особенно противъ турецкихъ войскъ, если употребятъ ихъ вмѣстѣ съ нашими войсками. Самая ничтожная помощь нашей пѣхоты дастъ имъ возможность, при неудачѣ, собраться на наши войска и тогда они уже не отступаютъ.

Такъ было въ Сербіи въ 1807 году, когда они, при помощи одного только баталіона Олонецкаго пѣхотнаго полка, четырехъ орудій и одного полка казаковъ, были уже въ состояніи выиграть нѣсколько сраженій и очистить свой край. [1])

То же правило можно принять и въ отношеніи ихъ конницы, т. е. прикомандировывать ихъ, по частямъ, къ нашимъ полкамъ.

Когда такимъ образомъ увеличимъ мы ополченіе мѣстныхъ племенъ до 30,000, мы будемъ имѣть такое орудіе, которое заставитъ

---

[1]) Здѣсь не лишнее припомнить вкратцѣ этотъ давно забытый эпизодъ турецкой кампаніи 1807 года.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1807 года въ Малую Валахію былъ отправленъ генералъ-маіоръ Исаевъ съ отрядомъ, состоящимъ изъ баталіона Олонецкаго пѣхотнаго и одного казачьяго полка, двухъ орудій пѣшей и двухъ Донской артиллеріи, Арнаутовъ и Пандуровъ, всего 1,500 человѣкъ. 27-го апрѣля генералъ Исаевъ занялъ Краіову, имѣя повелѣніе войти въ связь съ Чернымъ Георгіемъ *) и подкрѣплять его, отвлекая тѣмъ силы верховнаго визиря отъ низовьевъ Дуная. 18-го мая Исаевъ совершилъ переправу черезъ Дунай у острова Ольмара и соединился съ Сербами, чтобы атаковать видинскаго Муллу-пашу, стоявшаго съ 5,000 человѣкъ въ укрѣпленномъ лагерѣ при Малайницѣ, на р. Штубикѣ. 19-го мая здѣсь произошло дѣло; турки были разбиты и обращены въ бѣгство, при чемъ лишились 4 орудій и 13 знаменъ. Мулла-паша былъ раненъ и заперся въ Видинѣ.

3-го іюля генералъ Михельсонъ доносилъ слѣдующее императору Александру: «Послѣ дѣла при Малайницѣ, сербы увѣрились изъ опыта, что не количество сволочи, но храбрость образованнаго воинства и доброе предводительство начальника побѣждаютъ непріятеля». Когда въ послѣдствіи Георгій Черный встрѣчался съ русскими, онъ всегда спрашивалъ: «Нѣтъ-ли здѣсь моихъ братьевъ?» такъ онъ называлъ Олонецкій полкъ, и находя солдатъ и офицеровъ этого полка, цѣловалъ и привѣтствовалъ ихъ.

---

*) Сербы, предводительствуемые Георгіемъ Петровичемъ, прозваннымъ Чернымъ, уже два года вели народную войну съ турками. При вступленіи Михельсона въ княжества, Сербы единодушно присягнули: «Сражаться за одну съ русскими вѣру, честный крестъ и православнаго россійскаго краля» (Подлинныя слова присяги). Ред.

Библиотека "Руниверс"

понять, что Европейской Турціи изъ 8-ми или 9-ти милліоновъ жителей, до двухъ третей христіанъ, которые, при дѣятельной поддержкѣ съ нашей стороны, едва ли не могутъ быть опасными вообще для мусульманскихъ владѣній въ Европѣ.

И такъ предлагаемая мѣра, когда бы то угодно было В. И. В., могла бы содѣлаться началомъ распаденія Турецкой имперіи.

Она, какъ изъ вышеизложеннаго видно, имѣетъ тѣ выгоды, что: во 1-хъ, требуетъ менѣе расходовъ; во 2-хъ, потребуетъ также менѣе войскъ и не подвергаетъ ихъ убыли отъ климата и болѣзней, какъ было въ предшествовавшихъ войнахъ; въ 3-хъ, достигаетъ цѣли безъ объявленія войны и, слѣдовательно, даетъ возможность иностраннымъ державамъ видѣть въ томъ только простое возмездіе за неисполненіе Турціею трактатовъ; въ 4-хъ, можетъ наименѣе, сравнительно, повредить нашей торговлѣ, и, въ 5-хъ, даетъ намъ на будущее время такое орудіе, которое, въ случаѣ нужды, безъ войны, можетъ повести въ три, четыре года къ вѣрному завоеванію Европейской Турціи.

Предположеніе императора Николая Павловича относительно военныхъ дѣйствій на случай разрыва съ Турціею въ 1853 г. [1]).

Желая всегда избѣгать войны съ Турціею, по гибельнымъ ея послѣдствіямъ для войскъ, призываемыхъ къ дѣйствію въ тамошнемъ краѣ, отъ климатическихъ условій, и сверхъ того по неопредѣлительности цѣли дѣйствій, ежели избѣгнуть хотимъ конечнаго ниспроверженія Турецкой имперіи,—полагаю раздѣлить военныя дѣйствія на нѣсколько эпохъ или раздѣловъ.

1-я эпоха.

Ежели послѣдняя, нынѣ исполняющаяся попытка согласить принять наши условія не будетъ имѣть успѣха, я намѣренъ ввести войска въ Дунайскія княжества, для занятія ихъ безъ объявленія войны, но высказавъ, что займу княжества въ залогъ, доколь Турція не удовлетворитъ меня въ отвергнутыхъ ею моихъ требованіяхъ.

Занятіе княжествъ исполнить 4-му пѣхотному корпусу, съ частію 15-й дивизіи и 5-й легкой. При семъ избѣгать, елико можно, военныхъ дѣйствій противъ турокъ, развѣ они, перейдя на лѣвый берегъ

---

[1]) Составленіе этой записки относится къ маю мѣсяцу 1853 года, т. е. ко времени, предшествовавшему занятію Придунайскихъ княжествъ. Ред.

Библиотека "Руниверс"

Дуная, не отступятъ передъ нашими войсками или сами начнутъ нападеніе. Полагаю, что занятіе княжествъ должно быть исполнено съ возможной быстротой легкимъ авангардомъ конницы, за которымъ слѣдовать пѣхотѣ въ возможной близости, а за симъ авангардомъ, никакъ не медля, слѣдовать и всему корпусу, двумя или тремя параллельными колоннами. Кажется, что 15-й дивизіи далѣе Галаца вести не должно, по той причинѣ, что въ Бабадагѣ могутъ собраться турецкія войска и, ежели узнаютъ, что наша граница оголена отъ войскъ, могутъ дѣлать дерзкіе набѣги въ собственный нашъ край; тогда извѣстность сильнаго отряда на нижней части Дуная и флотиліи нашей и заготовляемый (въ Измаилѣ) мостъ—будутъ держать турокъ въ недоумѣніи, не намѣрены-ли мы возобновить переправу черезъ Дунай по примѣру 1828 года.

Занятіемъ княжествъ оканчивается первая эпоха.

Въ это время флотъ остается при берегахъ нашихъ, кромѣ легкихъ крейсеровъ, которые наблюдать будутъ за движеніемъ турецкаго или иностраннаго флотовъ, но не вдаваясь съ ними въ дѣло.

Въ этомъ положеніи, держа войска въ здоровыхъ мѣстахъ въ лагеряхъ, имѣя по Дунаю только наблюдательные казачьи посты и въ избранномъ мѣстѣ резервъ или авангардъ,—будемъ мы ждать, какое впечатлѣніе занятіе сіе произведетъ на турокъ.

2-я эпоха.

Ежели и это не подѣйствуетъ на турокъ, тогда наступитъ время къ усиленію понудительныхъ мѣръ. Желательно, чтобы австрійцы приняли въ нихъ участіе, занявъ Герцеговину и Сербію; переходить же Дунай я и тогда не намѣренъ. Полагаю только въ то время объявить блокаду Босфора. Можетъ быть, и велю крейсерамъ брать турецкія суда въ Черномъ морѣ. Въ это время я полагаю объявить туркамъ, что, ежели не согласятся на наши предложенія, я объявлю независимость княжествъ и Сербіи.

3-я эпоха.

Ежели и угроза не подѣйствуетъ, тогда наступитъ время угрозу исполнить и признаніемъ независимости княжествъ положитъ начало разрушенія Оттоманской имперіи. Одинъ Всемогущій Богъ опредѣлить можетъ, что́ за симъ послѣдуетъ. Но приступать къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ я и тогда не намѣренъ.

Библиотека "Руниверс"

Всеподданнѣйшее письмо князя Паскевича.

Варшава.—2-го (14-го) іюля 1853 г.

Всемилостивѣйшій государь!

.....Письмо В. И. В. отъ 21-го іюня (3-го іюля) имѣлъ счастіе получить. Всемилостивѣйшее довѣріе ваше, которое и изъ сего письма я имѣю счастіе видѣть, заставляетъ меня постоянно думать о настоящихъ дѣлахъ нашихъ съ Турціею. Осмѣливаюсь представить записку, въ которой изложены мысли мои на этотъ счетъ[1]). Мнѣ кажется, что если бы, не смотря на занятіе княжествъ, турки, подстрекаемые другими, продолжали упорствовать или сами насъ атаковали и тѣмъ заставили бы насъ объявить войну, то что̀ въ такомъ случаѣ дѣлать? Всѣ прежнія войны наши въ Турціи доказываютъ, что наши неудачи и потери происходили не отъ одного непріятеля, но отъ недостатка всѣхъ родовъ въ голодномъ краѣ и отъ болѣзней, частію отъ того происходящихъ. Чтобы отвратить это, дѣломъ первой важности было бы закупить теперь же въ Одессѣ хлѣба и сдѣлать неприкосновенный магазинъ до перехода за Балканы. Перевезти его, если можно, моремъ, а если непріятельскіе флоты не допустятъ, то изъ Одессы въ Измаилъ и до Гирсова, а оттуда до Варны съ небольшимъ сто верстъ. Въ запискѣ я вхожу въ нѣкоторыя по сему предмету подробности. На счетъ же размѣщенія войскъ при начатіи военныхъ дѣйствій, я думаю, что лучше не занимать Малой Валахіи, а держаться на Дунаѣ отъ Гирсова до Букареста, такъ что только квадратъ съ небольшимъ въ сто верстъ, отъ Гирсова на Варну, Шумлу, Рущукъ и Силистрію, будетъ мѣстомъ первыхъ нашихъ дѣйствій.

Но Богъ дастъ Турціи образумиться и все кончится къ чести и славѣ Россіи.

У насъ все спокойно и благополучно.

Всеподданнѣйшая записка князя Паскевича.

11-го сентября 1853 г.[2]).

В. И. В., милостиво сообщая мнѣ о ходѣ турецкихъ дѣлъ, въ послѣднемъ всемилостивѣйшемъ письмѣ соизволили отозваться, какъ о войскахъ князя Горчакова, такъ и о томъ числѣ войскъ, которое князь Воронцовъ считаетъ возможнымъ выставить на азіятской границѣ.

---

[1]) Всеподданнѣйшая записка князя Варшавскаго отъ 2-го (14-го) іюля 1853 г. была напечатана въ «Русской Старинѣ» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 171—174.

[2]) По поводу предположенія фельдмаршала Паскевича вооружить христіанъ, подвластныхъ Оттоманской Портѣ, для организаціи всеобщаго возстанія, гене-

Библиотека "Руниверс"

Упомянувъ во всеподданнѣйшемъ отвѣтѣ, что буду имѣть счастіе представить мысли мои по сему предмету въ Варшавѣ, осмѣливаюсь доложить слѣдующее:

Въ настоящемъ положеніи дѣлъ, все зависитъ отъ рѣшенія двухъ вопросовъ:

Во 1-хъ, какъ будутъ поступать четыре европейскія державы? Предоставятъ-ли онѣ Турціи самой окончить недоразумѣнія ея съ Россіею, такъ какъ она не приняла вѣнскихъ предложеній, ихъ уполномоченными составленныхъ? или будутъ поддерживать Турцію, несмотря на ея упорство, и пошлютъ флоты свои въ константинопольскія воды?

Во 2-хъ, благоугодно-ли будетъ В. И. В., продолжая занимать Придунайскія княжества, оставаться въ семъ положеніи, пока турки не выполнятъ вашихъ требованій, или начать войну наступательную;— или, наконецъ, турки, безсильные противъ возбужденнаго фанатизма своихъ полчищъ, вынуждены будутъ сами начать военныя дѣйствія? чего, впрочемъ, ожидать мудрено.

Въ первомъ случаѣ, т. е., когда Европа не будетъ вмѣшиваться въ турецкія дѣла, когда, по крайней мѣрѣ, ни Франція, ни Англія не вышлютъ своихъ флотовъ и, слѣдственно, Черное море будетъ для насъ свободно, — въ семъ случаѣ ничего лучше, какъ обратиться къ первоначальному предположенію В. И. В., т. е., къ десанту въ Босфоръ. Тогда турецкія войска, собранныя въ Шумлѣ и на Дунаѣ, принуждены будутъ спѣшить на защиту Константинополя, а войска князя Горчакова въ состояніи будутъ идти впередъ. Полагаю, что у него будетъ приготовлено то, что составляетъ первую необходимость въ войнѣ въ Турціи, т. е. продовольствіе на три или четыре мѣсяца и перевозоч-

---

ралъ Ушаковъ говоритъ въ «Запискахъ очевидца»: «Эта мысль вполнѣ принадлежала князю Варшавскому, который подалъ объ этомъ императору Николаю пространную записку, одобренную его величествомъ. Мысль эта была, однако же, не новая, а заимствована у адмирала Чичагова, который, будучи въ 1811 г. главнокомандующимъ молдавскою арміею, предлагалъ подобный проектъ, какъ лучшее средство овладѣть Константинополемъ, съ бывшими подъ его начальствомъ малочисленными войсками, и заставить Порту скорѣе ратификовать мирныя условія, вынужденныя у великаго визиря знаменитою побѣдою надъ нимъ Кутузова, подъ Рущукомъ. Исполненіе этого плана дѣйствительно принесло бы намъ много пользы; но, къ сожалѣнію, изъ страха къ австрійцамъ, мы робко принялись за это дѣло и оставили его безъ послѣдствій».

На этотъ разсказъ Ушакова слѣдуетъ только замѣтить, что князь Варшавскій вовсе не признавалъ свои предложенія новыми, а, напротивъ того, самъ говоритъ въ приводимыхъ нами Запискахъ, что мысль вооружить христіанскія племена—мысль не новая. «Она естественно представлялась въ каждую турецкую войну, какъ средство наносить непріятелю вредъ», и была уже отчасти, хотя и не удачно, примѣнена въ Екатерининскія турецкія войны. Ред.

Библиотека "Руниверс"

ные способы. Безъ сомнѣнія, при свободномъ плаваніи по Черному морю, наша флотилія и каботажныя суда могутъ перевозить запасы во всѣ прибрежные пункты. Десантъ, въ такомъ случаѣ, не можетъ представлять той опасности, какой бы онъ неминуемо подвергся, если бы Черное море не было свободно; если бы флотъ нашъ рисковалъ быть разбитымъ сильнѣйшимъ соединеннымъ непріятельскимъ флотомъ; если бы онъ былъ запертъ или принужденъ принять сраженіе въ позиціи невыгодной; еслибъ онъ, даже высадивъ десантъ, принужденъ былъ уйти, а десантъ, не успѣвъ занять крѣпкой позиціи, могъ быть потерянъ. Все это могло, по всей вѣроятности, случиться весною, ибо, по расчету, флоты французскій и англійскій могли придти въ Константинополь почти въ одно время съ нашими кораблями.

Во второмъ случаѣ, т. е. когда бы европейскія державы, продолжая вмѣшиваться въ дѣла Турціи, прислали бы свои флоты, которые, въ соединеніи, были бы сильнѣе нашего черноморскаго флота, тогда десантъ былъ бы невозможенъ, оставалось бы дѣйствовать только на сухомъ пути.

При этомъ будутъ важны два обстоятельства: 1-е, доставка продовольствія всѣхъ родовъ и запасовъ, и 2-е, увеличеніе собственныхъ силъ вооруженіемъ христіанскихъ племенъ Турціи.

1) Театромъ нашихъ первоначальныхъ военныхъ дѣйствій будетъ, безъ сомнѣнія, квадратъ: отъ Гирсова на Варну, отъ Варны до Шумлы, отъ Шумлы до Рущука и Силистріи.

Край сей, отъ Дуная до Балкана, кромѣ зеленаго корма для лошадей и воловъ,—и то въ удобное для того время,—не представляетъ никакихъ способовъ къ продовольствію; притомъ, по примѣру всѣхъ прежнихъ войнъ, предполагать должно, что турки будутъ стараться угнать жителей изъ всей Булгаріи. Посему необходимо, не расчитывая ни на какіе запасы въ голодномъ краю, имѣть трехъ и четырехъ-мѣсячный запасъ продовольствія на полное число войскъ, равно и запасъ снарядовъ, полагая на каждое полевое орудіе по 500, а на осадное по 800 выстрѣловъ.

В. И. В. уже повелѣть соизволили, независимо отъ текущаго продовольствія, приготовляемаго княземъ Горчаковымъ на мѣстѣ, скупить еще до 100,000 четвертей хлѣба.

Запасъ сей, какъ предполагалось, долженъ бы составлять магазинъ неприкосновенный до начатія военныхъ дѣйствій за Балканами и сложенъ въ Измаилѣ [1]), перевезя хлѣбъ моремъ изъ Одессы, а оттуда,

[1]) Я выбралъ Измаилъ, потому что пунктъ сей соединяетъ выгоды какъ для морской, такъ и для сухопутной войны. Впрочемъ, если море свободно, то запасы будутъ доставляемы прямо изъ Одессы. Прим. кн. Варшавскаго.

Библиотека "Руниверс"

по мѣрѣ движенія нашихъ войскъ впередъ, магазинъ долженъ быть перевозимъ моремъ далѣе по частямъ, посредствомъ каботажныхъ судовъ, которыя могутъ ходить вдоль береговъ, хотя бы флотъ непріятельскій былъ бы въ Черномъ морѣ. Во всякомъ случаѣ, первымъ пунктомъ можетъ быть Кюстенджи, потомъ Мангалія, Каверна, Варна и т. д.

Изъ береговыхъ пунктовъ, войска могутъ перевозить провіантъ даже на своихъ лошадяхъ. Если же, сверхъ чаянія, признается невозможнымъ перевозить провіантъ каботажными судами изъ Измаила далѣе и море было бы сильно занято непріятельскимъ флотомъ, препятствующимъ ходу даже береговыхъ судовъ (что трудно, однако, предположить), то въ такомъ случаѣ наша дунайская флотилія должна будетъ поднять магазейнъ изъ Измаила въ Гирсово или въ тотъ пунктъ, гдѣ устроена будетъ переправа на Дунаѣ. Здѣсь, слѣдственно, будетъ укрѣпленіе, а оттуда перевозка можетъ производиться на повозкахъ подвижнаго магазина, собранныхъ въ княжествахъ. По обилію лошадей и воловъ въ Молдавіи и Валахіи, въ этомъ затрудненіе встрѣтиться не можетъ.

Впрочемъ, считаю нужнымъ возвратиться къ тому, что перевозка каботажными судами всегда должна быть возможна. Хотя бы море и было занято непріятельскимъ флотомъ, но корабли близко къ берегу ни сами подходить, ни препятствовать береговымъ судамъ не могутъ. Притомъ въ первую дурную погоду, флотъ уходитъ въ открытое море и пока соберется, малыя суда могутъ около берега переходить изъ одного пункта въ другой.

Наконецъ, если бы нѣкоторыя изъ нихъ пропали или были взяты, то, на короткомъ разстояніи, остальныя придутъ на мѣсто и привезутъ хлѣбъ.

При движеніи арміи, запасъ—на судахъ или повозкахъ, изъ Измаила или Гирсова, — долженъ быть перевозимъ впередъ, въ прибрежные пункты, о коихъ выше упомянуто.

2) Устроивъ такимъ образомъ запасы всѣхъ родовъ и перевозку оныхъ, надлежитъ въ тоже время озаботиться приготовленіемъ другаго важнаго средства къ успѣху, т. е. вооруженія христіанскихъ племенъ Турціи.

Въ прежнихъ запискахъ изложены были подробно мѣры, для того необходимыя. Онѣ основаны были на сохранившемся, вѣроятно, вліяніи нашемъ, по сходству языка и вѣры, на сіи племена. Къ тому нынѣ присовокупить должно, что чѣмъ сильнѣе возбужденъ будетъ фанатизмъ мусульманъ, тѣмъ легче побудить и христіанъ къ вооруженію, хотя бы для собственнаго ихъ сохраненія.

Библиотека "Руниверс"

Первымъ зерномъ сихъ ополченій должны служить войска княжествъ, число которыхъ, по слухамъ, простирается до 10,000 челов. Не мудрено, вѣроятно, будетъ увеличить оное, изъ старыхъ служивыхъ, изъ охотниковъ, до 20,000.

Выбравъ затѣмъ изъ нихъ болгаръ, сербовъ и грековъ, составить изъ нихъ отдѣльныя роты или команды и распустить за Дунаемъ прокламаціи, приглашая всѣхъ христіанъ, въ ихъ невѣрномъ, при ожесточеніи турокъ, положеніи и при опасности, угрожающей христіанству, присоединиться къ составившимся уже ополченіямъ болгаръ, или сербовъ, или грековъ, объявивъ при томъ, что каждому явившемуся воину дано будетъ оружіе, порохъ, провіантъ и деньги, платимыя помѣсячно.

Нельзя, кажется, сомнѣваться, что мѣры сіи, особенно не жалѣя денегъ, будутъ дѣйствительны и можно надѣяться, что, подвигаясь впередъ, тогда какъ наша армія будетъ необходимо отъ болѣзней уменьшаться, — составится новая армія въ 30, 40 тысячъ, а можетъ, и болѣе, изъ людей отчаянныхъ, хорошихъ стрѣлковъ, знающихъ мѣстность и тамошній образъ войны, что̀ можетъ быть важною помощью, при умѣніи употребить сіи ополченія.

Между тѣмъ, если бы В. И. В. благоугодно было повелѣть двинуть войска князя Горчакова за Дунай, то первоначальнымъ театромъ войны будетъ, какъ выше сказано, пространство отъ Измаила до Букареста, до Варны и Шумлы.

Сколько мнѣ извѣстно, войска князя Горчакова расположены такъ, что у него правый флангъ на границѣ Малой Валахіи, 7 баталіоновъ; въ Букарестѣ 24 баталіона; между Букарестомъ и Слободзеею, противъ Силистріи 10 баталіоновъ; у самой Силистріи 10 баталіоновъ; на лѣвомъ флангѣ два баталіона въ Галацѣ и Браиловѣ и 5 баталіоновъ къ Измаилу.

При наступательной войнѣ, какъ мнѣ кажется, нельзя разбрасывать войскъ; довольно, если успѣемъ тогда охранить часть Большой Валахіи.

Лучшимъ пунктомъ для переправы Дуная я почитаю Гирсово: онъ довольно далеко входитъ въ Булгарію и близокъ къ морю. Его должно укрѣпить и здѣсь устроить склады нашихъ запасовъ [1]). Цѣлью нашихъ

---

[1]) Гирсовъ расположенъ на самомъ благопріятномъ мѣстѣ для переправы черезъ Дунай, и представляетъ собою естественное предмостное укрѣпленіе, какъ бы самою природою возведенное противъ турокъ. Городъ, заключавшій въ себѣ въ 1828 году 4,000 жителей, имѣлъ начертаніе неправильнаго четыреугольника, сомкнутаго съ трехъ сторонъ скалистыми высотами, спускающимися круто къ окружающей мѣстности и отлого къ городу; четвертая сторона замы-

Библиотека "Руниверс"

движеній должна быть Варна. Отъ Гирсова до Кюстенджи около 60 верстъ. Кюстенджи взять необходимо, какъ первый этапъ и пунктъ для магазиновъ. Въ 1828 году крѣпостца эта взята въ три дня. Отъ Гирсова до Варны съ небольшимъ 100 или 120 верстъ; на дорогѣ можно избрать одинъ изъ малыхъ прибрежныхъ портовъ, какъ этапъ и магазинъ, и укрѣпить его.

Движеніе къ Варнѣ должно быть по возможности быстрое, съ осадною артиллеріею, дабы не ждать ея, и съ большимъ количествомъ снарядовъ и прочихъ артиллерійскихъ запасовъ. По приходѣ къ Варнѣ, необходимо на другой же день открыть траншеи, а на третій и четвертый день начать стрѣльбу. По опыту извѣстно, что ничто такъ не страшитъ непріятеля, какъ скорое открытіе работъ и безостановочное движеніе ихъ впередъ, по правиламъ инженернаго искусства [1]).

Для охраненія тыла и сообщеній, нужно будетъ оставить гарнизонъ въ Гирсовѣ и наблюдательные отряды: одинъ довольно сильный въ Валахіи, не вдалекѣ отъ Дуная, для наблюденія за гарнизонами Силистріи и Рущука.—Ежели бы отрядъ сей замѣтилъ обоюдное движеніе непріятеля изъ своихъ крѣпостей, для нападенія общими силами, въ такомъ случаѣ ему должно будетъ идти на встрѣчу ближайшему и, разбивъ его, подобно тому какъ сдѣлалъ Милорадовичъ въ 1807 году подъ Обилештами, — броситься на другаго. Другой отрядъ, для охраненія дороги отъ Гирсова до Кюстенджи [2]), третій у Базарджика.—Подходя къ Варнѣ, отдѣлить сильный отрядъ къ Коз-

---

калась Дунаемъ. Тамъ, гдѣ эти высоты примыкаютъ къ верховой части рѣки отвѣснымъ обрывомъ, высотою около 80 фут., издавна возвышался укрѣпленный замокъ, которымъ русскія войска овладѣли въ 1809 году. Они укрѣпили городъ полевыми укрѣпленіями, навели судовой мостъ и отошли по немъ въ концѣ того же года обратно черезъ Дунай; въ слѣдующемъ году они снова совершили переправу въ этомъ же мѣстѣ. Это обстоятельство обратило на себя вниманіе турокъ, которые въ 1822 году преобразили Гирсовъ въ крѣпость, нѣсколько усиливъ только искусственно оборонительныя свойства позиціи. (Графъ Мольтке: «Русско-турецкая кампанія въ Европейской Турціи 1828 и 1829 гг.»).

Тѣмъ не менѣе въ кампанію 1828 г. Гирсовъ не устоялъ и послѣ шестидневной осады сдался генералъ-лейтенанту князю Мадатову. Здѣсь были найдены 100 орудій, 11 знаменъ и 3,500 пудовъ пороху.

Въ 1854 г., послѣ переправы русскихъ войскъ черезъ Дунай, Гирсовъ былъ занятъ, 16-го марта, безъ выстрѣла сорока казаками изъ отряда полковника Зурова. Гарнизонъ бѣжалъ, оставивъ въ крѣпости 4 орудія и различные военные припасы.

[1]) Любопытно сравнить эти смѣлыя наставленія князя Варшавскаго съ тѣмъ нерѣшительнымъ образомъ дѣйствій, котораго придерживался, въ послѣдствіи, фельдмаршалъ подъ Силистріею въ 1854 году и заставившимъ насъ снять осаду и отступить за Прутъ. **Ред.**

[2]) Т. е. впереди Траянова вала. Примѣч. **кн. Варшавскаго.**

Библиотека "Руниверс"

луджи, съ главными же силами начать осаду Варны самымъ дѣятельнымъ образомъ. Если бы наши войска встрѣчены были турецкою арміею, то стараться съ нею сразиться и если удастся ее разбить, то воспользоваться успѣхомъ; если же она уйдетъ, не слѣдовать за нею слишкомъ далеко, но постоянно имѣть цѣлью Варну. Если бы турки захотѣли помѣшать осадѣ Варны, по примѣру Омеръ-Вріоне въ 1828 году, то броситься на нихъ прежде нежели они успѣютъ окопаться, и, разбивъ ихъ, опять возратиться къ Варнѣ. На подобные случаи при осадѣ Варны, нужно будетъ укрѣпиться такимъ образомъ, чтобы, оставивъ при ней равносильную гарнизону часть, или даже меньшую, держать его въ повиновеніи, какъ дѣлалъ Наполеонъ при осадѣ Мантуи и мнѣ удалось въ Аббасъ-Абадѣ. Если бы встрѣтилась надобность бросить временно осаду, то, оставивъ работы, идти на непріятеля, стараться его разбить и опять возвратиться къ осадѣ Варны. Конечно, безъ помощи флота взятіе Варны будетъ труднѣе; но съ осадною артиллеріею ее взять возможно.

Говорятъ, что турки къ веснѣ укрѣпятъ свои крѣпости и усилятся войсками; конечно, укрѣпленія къ веснѣ они нѣсколько поправятъ, но едва ли будутъ сильнѣе. Турецкая армія все еще не вышла изъ младенчества; регулярныхъ у нихъ войскъ тысячъ до 60-ти[1]), прочая же— милиція, которая хотя бы и прибавилась въ числѣ, но ни войска, ни милиція не сдѣлаются лучшими.

Турки, какъ извѣстно, сильны въ крѣпостяхъ; но въ полѣ они устоять противъ нашихъ войскъ не могутъ. Надо умѣть маневрировать такъ, чтобы выманить ихъ изъ крѣпости и разбить.

По взятіи Варны, имѣя запасы, перевозочныя средства и вспомогательныя силы изъ христіанскихъ ополченій, которыя будутъ имѣть за себя почти всю страну,—обстоятельства укажутъ какъ дѣйствовать далѣе въ Европейской Турціи. Я очень полагаюсь на ополченія турецкихъ христіанъ.

Что касается до азіятской нашей границы, то осмѣливаюсь доложить слѣдующее:

Князь Воронцовъ представляетъ, что, въ случаѣ войны съ Турціею, онъ съ азіятской стороны не можетъ вывести въ поле болѣе четырехъ баталіоновъ и проситъ прислать ему 16 баталіоновъ.

Прочія войска Кавказскаго корпуса всѣ размѣщены.

Не разсуждая о причинѣ малаго числа войскъ свободныхъ, ибо князю Воронцову, какъ намѣстнику, ближе извѣстны мѣстныя обстоя-

---

[1]) Размѣщенныхъ отъ Варны, Шумлы до Силистріи.

Примѣч. кн. Варшавскаго.

Библиотека "Руниверс"

тельства, — скажу только мысль мою о томъ, нельзя-ли будетъ выставить болѣе войскъ въ поле, уменьшивъ ихъ тамъ, гдѣ возможно.

Если предположить, что война начнется и Черное море не въ нашихъ рукахъ и входъ въ него для непріятельскихъ флотовъ не запертъ, то прибрежныя наши укрѣпленія будутъ первою жертвою, ибо: не говорю всего флота, но даже двухъ непріятельскихъ кораблей достаточно для того, чтобы, одно за другимъ, были взяты наши малыя береговыя укрѣпленія, если въ одно время они будутъ атакованы флотомъ и горцами съ берега [1]).

Если это справедливо, то, мнѣ кажется, нѣтъ надобности содержать безсильные гарнизоны во всѣхъ занимаемыхъ нынѣ малыхъ пунктахъ; не полезнѣе ли будетъ избрать нѣкоторые изъ нихъ, важнѣйшіе и хорошо укрѣпленные, и въ нихъ содержать достаточные гарнизоны. Затѣмъ, малые пункты нынѣ же упразднить, а гарнизоны вывести. Кромѣ усиленія нашего отряда на границѣ, мы спасемъ, можетъ быть, до 2,000 человѣкъ и до 100 и болѣе орудій, которыя достались бы непріятелю. Скажутъ, что упраздненіе сіе произведетъ дурное вліяніе; но оно будетъ еще хуже, когда укрѣпленія будутъ взяты съ плѣнными и съ орудіями.

Равномѣрно, въ мусульманскихъ провинціяхъ, въ Дагестанѣ и Владикавказѣ, почему не уменьшить отряды, ибо взять одну тысячу человѣкъ изъ пяти тысячнаго и болѣе отряда, при оборонительномъ положеніи, не трудно.

А такъ какъ сихъ отрядовъ весьма много, то, вѣроятно, такимъ образомъ можно собрать: изъ черноморскихъ укрѣпленій два баталіона, изъ отрядовъ до шести баталіоновъ, всего будетъ 8 баталіоновъ, а съ четырьмя, свободными нынѣ, двѣнадцать баталіоновъ.

Если же признано будетъ необходимымъ послать войска къ князю Воронцову, то съ 28-ю баталіонами, при осадной артиллеріи, конечно, можно будетъ уже не только отразить нападеніе, но и, дѣйствуя наступательно, устрашить турковъ, тѣмъ болѣе, что крѣпости ихъ находятся, какъ слышно, въ слабомъ положеніи.

Войска сіи можно бы размѣстить слѣдующимъ образомъ: 3 или 4 баталіона, съ мингрельскою милиціею,—около Поти; 2 баталіона, съ гарнизономъ Ахалцыха,—въ Ахалцыхѣ; гарнизонъ Ахалкалакъ самъ себя оборонить можетъ; 2 баталіона, для усиленія гарнизона, — въ Эривани, съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ составить отрядъ противъ Баязета.

Расчетъ сей сдѣланъ въ томъ предположеніи, что ни въ одномъ

[1]) См. въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г., т. XIII, стр. 637—638, выдержки изъ переписки кн. Воронцова съ императоромъ Николаемъ. **Ред.**

Библиотека "Руниверс"

изъ сихъ пунктовъ не будетъ особо сильныхъ скопищъ; но если гдѣ либо турки собрались въ силахъ, то, имѣя достаточно войскъ, ничто не препятствуетъ увеличить и нашъ отрядъ въ томъ пунктѣ, по крайней мѣрѣ, на время сборища непріятеля.

Съ остальными 20-ю баталіонами, или главнымъ отрядомъ, подойти къ Карсу и занять позицію, чѣмъ, безъ сомнѣнія, уничтожатся всѣ предпріятія турокъ со стороны Батума и Ардагана, ибо можно предположить, что они бросятся защищать Карсъ; во всякомъ же случаѣ, они не въ состояніи будутъ прорваться.

Главнымъ отрядомъ можно бы сдѣлать маневръ, подобный тому, какой сдѣланъ былъ въ 1829 году. Онъ былъ раздѣленъ на двѣ части: одна послана къ Ардагану, другая къ Ахалцыху. Можно сдѣлать тоже противъ Карса и Ардагана. Если не удастся взять сначала крѣпости, то можно разбить войска, которыя, вѣроятно, придутъ на помощь крѣпостямъ. При томъ, нынѣ самыя укрѣпленія и число орудій въ оныхъ должно быть слабѣе, чѣмъ было въ 1828 и 1829 годахъ.

Предполагаю, что кавалеріи и артиллеріи у насъ будетъ достаточно.

Не раздѣляю мысли, чтобы турки мечтали о возможности нанести намъ большой вредъ съ азіятской стороны, не пойму даже на чемъ бы могло быть основано сіе мнѣніе.

Разбирая ихъ силы въ той сторонѣ, найдемъ, что народы, населяющіе южное прибрежье Чернаго моря, правда, весьма бойки; но эти народы горные и, слѣдовательно, наравнѣ съ другими горцами, они сильны у себя дома и въ горахъ будутъ драться; но чтобы они могли спуститься на плоскости и имѣть надъ нами поверхность—этого я не допускаю.

Турецкая конница, курды, были всегда биты нашими мусульманами и линейцами.

Разумѣется, надо маневрировать, не пускать противъ нихъ прямо нашей кавалеріи, а дѣйствовать сначала артиллеріею и потомъ пустить конницу,—это всегда удастся.

Что же касается до ихъ регулярныхъ войскъ, то они и въ Европѣ не страшны, а въ Азіи еще менѣе [1]).

---

[1]) Здѣсь не лишнее вкратцѣ припомнить кампанію, совершенную княземъ Варшавскимъ въ 1828 и 1829 годахъ въ Азіатской Турціи, которою Россія можетъ навсегда справедливо гордиться; въ войнѣ этой графъ Паскевичъ-Эриванскій безспорно выказалъ дарованія полководца и съ средствами весьма ограниченными, въ самое короткое время, достигъ громадныхъ успѣховъ. Вотъ что говоритъ о походахъ князя Варшавскаго Н. П. Игнатьевъ въ статьѣ, о

Библиотека "Руниверс"

Всеподданнѣйшая записка князя Паскевича.

24-го сентября 1853 г. [1]).

Нѣсколько кораблей французскихъ и англійскихъ прошли Дарданеллы подъ предлогомъ защиты султана

Мы протестовали противъ нарушенія трактатовъ 1841 года; но Франція и Англія, вѣроятно, будутъ отвѣчать, что начали не онѣ и что занятіе княжествъ было первымъ ихъ нарушеніемъ.

Не знаю какъ долго продлятся дипломатическіе переговоры; но какъ поступать далѣе?

Наше положеніе слишкомъ хорошо, чтобы спѣшить выйти изъ него, начавъ военныя дѣйствія первымъ, и тѣмъ поставить противъ себя, кромѣ Турціи, еще сильнѣйшія державы западной Европы. Время за насъ—и мы имѣемъ въ рукахъ, оставаясь въ княжествахъ, еще дру-

---

которой мы выше упомянули («Взглядъ на постепенныя измѣненія въ образѣ дѣйствій русскихъ войскъ противъ турокъ»): «Обѣ кампаніи въ Азіи, 1828 и 1829 годовъ, продолжались каждая съ небольшимъ 4 мѣсяца. Въ 1828 году, русскіе взяли шесть крѣпостей, завоевали 3 пашалыка, отбили болѣе 300 пушекъ, взяли до 8,000 плѣнныхъ и множество знаменъ. Въ теченіе кампаніи 1829 года, войска русскія прошли (отъ русской границы до Трапезонта) 600 верстъ, уничтожили многочисленную непріятельскую армію въ сраженіяхъ при Миледюзе и Каинли, овладѣли нѣсколькими укрѣпленными лагерями, четырьмя крѣпостями, покорили 3 пашалыка, отбили у непріятеля 260 пушекъ, множество знаменъ и 2,000 плѣнныхъ. Все это исполнено съ войсками, не превосходившими сначала 12,000; въ послѣдствіи, они были усилены до 18,000».

«Потери войскъ въ Азіи были, въ сравненіи съ потерею арміи нашей, дѣйствовавшей въ Европейской Турціи, ничтожны. Не взирая на нѣсколько кровопролитныхъ штурмовъ, на чуму, свирѣпствовавшую въ рядахъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, общая потеря его, убитыми, умершими и ранеными, не превосходила въ обѣ кампаніи, 1828—1829 годовъ, 7,100 человѣкъ».

Согласно примѣчанію, цифры, приведенныя въ этомъ краткомъ обзорѣ заимствованы авторомъ изъ «Исторіи военныхъ дѣйствій въ Азіятской Турціи въ 1828—1829 годахъ» генерала Ушакова.

За совершенные имъ въ Азіятской Турціи подвиги признательный монархъ наградилъ Паскевича алмазными знаками ордена св. Андрея Первозваннаго, св. Георгія первой степени и фельдмаршальскимъ чиномъ. Ред.

[1]) Записка эта была представлена Государю при слѣдующемъ всеподданнѣйшемъ письмѣ:

«На случай, если В. И. В. благоугодно было повелѣть открыть наступательныя военныя дѣйствія въ Европейской Турціи, я имѣлъ счастіе изложить мои предположенія во всеподданнѣйшей запискѣ 11-го сего сентября. Но какъ нынѣ обстоятельства измѣнились, то съ перемѣною дѣла осмѣливаюсь представить при семъ мысли свои по сему случаю. Г.-ф. кн. Варшавскій.»

«Варшава 24-го сентября 1853 г.».

Библиотека "Руниверс"

гіе сильнѣйшіе способы, безъ военныхъ дѣйствій, угрожать Турецкой имперіи.

По сему не разъ имѣлъ я счастіе слышать, что В. И. В. не изволите начать войны, развѣ будете вынуждены къ тому.

Но если бы непріятель самъ началъ войну? Какимъ образомъ тогда дѣйствовать?

Турки могутъ начать войну: съ европейской стороны, съ азіятской границы, и на морѣ,—въ такомъ случаѣ, разумѣется, поддержанные флотами англійскимъ и французскимъ.

I.

Когда бы турки вздумали атаковать насъ въ Европѣ и перешли Дунай,—чего въ большихъ силахъ ожидать нельзя,—то мнѣ кажется, что, отбивъ ихъ и стараясь разбить, пожалуй, на голову, слѣдуетъ еще подумать: не будетъ-ли полезнѣе держаться всетаки въ положеніи оборонительномъ, не допуская ихъ переходить на нашу сторону, прогоняя ихъ каждый разъ, но самимъ не заходить далѣе.

По опыту и по настоящему положенію дѣлъ, мы можемъ быть увѣрены, что какъ бы мы ни зашли далеко, хотя бы взяли Варну, перешли Балканы и дошли до Адріанополя,—во всякомъ случаѣ державы европейскія (развѣ бы на Западѣ была война), Европа не допуститъ воспользоваться нашими завоеваніями. Мы будемъ только навѣрное терять людей отъ болѣзней, понесемъ большіе расходы и рискуемъ иногда быть разбиты; а пользы и пріобрѣтеній съ сей стороны, даже въ случаѣ успѣха, ожидать не можемъ.

Спросятъ: что мы выиграемъ, оставаясь въ оборонительномъ положеніи?

Выиграемъ очень много: мы не поссоримся съ Европою, не остановимъ торговли, не помѣшаемъ дипломатическимъ сношеніямъ, которыя въ результатѣ могутъ быть намъ выгодны.

Такое положеніе дѣлъ будетъ, конечно, новое и странное: двѣ державы въ войнѣ, а союзники, поддерживая разныя стороны, остаются въ мирѣ съ противной стороною.

Но почему же не такъ? Никто нынѣ въ Европѣ войны не хочетъ, а наше положеніе дѣлается, между тѣмъ, день отъ дня лучше. До сихъ поръ военныя приготовленія большихъ издержекъ намъ еще не стоили: содержаніе войскъ 4-го и 5-го корпусовъ въ княжествахъ обходится не дороже, какъ въ Россіи; разница будетъ только между цѣнами содержанія той дивизіи, которая изъ Севастополя посылается въ Грузію, и военное ея положеніе.

Что же касается до турковъ, то ни для одной державы нѣтъ вы-

Библиотека "Руниверс"

годы объяснять имъ сіе небывалое положеніе дѣлъ, ибо ни одна держава войны не желаетъ, даже Англія, вѣроятно, скоро должна стараться о мирѣ.

У насъ есть, какъ упомянуто, болѣе страшное для Турецкой имперіи оружіе, успѣху котораго ни одно государство въ Европѣ воспрепятствовать не можетъ: это вліяніе наше на христіанскія племена въ Турціи. Вліяніе сіе, въ случаѣ войны, мы имѣемъ безспорное право употребить въ свою пользу.

Мѣру сію нельзя, мнѣ кажется, смѣшивать съ средствами революціонными: мы не возмущаемъ подданныхъ противъ своего государя; но если христіане, подданные султана, захотятъ свергнуть съ себя иго мусульманъ, когда мы съ ними въ войнѣ, то нельзя, безъ несправедливости, отказать имъ въ помощи; ибо христіанинъ въ Турціи не есть только подданный султана,—онъ по закону безотвѣтная жертва фанатизма или прихоти каждаго визиря, паши и даже какого-нибудь аяна, т. е. городничаго. Всему свѣту извѣстно, что жизнь, честь и достояніе христіанина и его семейства въ Турціи ежеминутно подвергаются опасности и что правительство тамъ безсильно даже и на защиту христіанъ. Ихъ надежда всегда была одна: Бѣлый царь, и только развѣ козни и происки Запада успѣли, можетъ быть, ослабить нѣсколько ихъ влеченіе къ православному и единовѣрному имъ государю. Съ войною вліяніе сіе должно пробудиться.

Мысль воспользоваться симъ вліяніемъ и вооружить христіанъ — мысль не новая. Она естественно представлялась въ каждую турецкую войну, какъ средство наносить непріятелю вредъ, ибо естественно также въ войнѣ искать и употреблять всѣ возможныя средства наносить непріятелю вредъ, для достиженія цѣли войны, т. е. мира.

Еще въ кампаніи 1773 и 1774 годовъ, графа Румянцева, въ послѣдствіи въ 1788—1791 годахъ, князя Потемкина, формировали христіанскія ополченія, подъ названіемъ арнаутовъ. Въ 1806 году, князь Ипсиланти, бывшій причиною войны, также дѣлалъ попытки вооруженій христіанъ; обѣщалъ выставить до 20,000 пѣшихъ и конныхъ, издержалъ большія суммы и не выставилъ болѣе 5,000 человѣкъ; а въ сраженіи мы никогда не видали и 2,000 человѣкъ. Всѣ сіи попытки не приносили намъ однако пользы. Онѣ основаны были на вліяніи нашемъ на христіанъ и на жестокомъ ихъ положеніи въ Турціи. Основаніе было вѣрно, но не доставало корня, зерна, изъ котораго могли разростаться ополченія христіанъ; не доставало учителей и кадръ, которые бы дали прочное и правильное основаніе отчаянной, но нестройной толпѣ и, наконецъ, недоставало умѣнія употребить ихъ въ дѣло.

Библиотека "Руниверс"

Нынѣ неудобства сіи могутъ быть устранены. Войска Молдавіи и Валахіи, до 10,000 человѣкъ, должны служить зерномъ христіанскихъ ополченій нашихъ въ Турціи. Какимъ образомъ увеличить сіи ополченія и какъ это сдѣлать—я имѣлъ уже счастіе изложить мысли мои въ прежней моей запискѣ.

Я остаюсь убѣжденнымъ, что, сформировавъ мало по малу 40 и 50,000 человѣкъ изъ туземныхъ христіанъ, намъ одного или двухъ корпусовъ достаточно будетъ противъ Турціи на европейской сторонѣ,—хотя бы ее и поддерживали европейскія державы.

Христіанскія ополченія я почитаю страшными для Турціи. Они могутъ дать намъ средство къ завоеваніямъ въ Турціи и поколебать существованіе имперіи въ самомъ ея основаніи. Не въ одной Европѣ, но и въ Азіятской Турціи, христіане составляютъ большинство населенія. Въ 1829 году, за 400 верстъ отъ границы, за Бейбуртомъ, я нашелъ уже племена греческія. Цѣлыя деревни приходили просить оружія, чего не было въ Арменіи. Далѣе, до самаго берега противъ Константинополя, на разстояніи 900 верстъ, продолжается греческое населеніе вездѣ по деревнямъ и только въ городахъ живутъ турки и оттуда господствуютъ надъ христіанами.

Устройство ополченій произведетъ необходимое волненіе во всѣхъ христіанскихъ подданныхъ султана, которыхъ можно считать до 8-ми милліоновъ. Не всѣ, конечно, къ намъ пристанутъ, но будутъ, по крайней мѣрѣ, не противъ насъ.

Предпочитаю я сіе средство всѣмъ другимъ потому, что оно, во 1-хъ, сохранитъ наши собственныя войска, которыя намъ могутъ быть нужны на западной границѣ, а въ Турціи гибнуть отъ болѣзней; во 2-хъ, оно сохранитъ также и издержки, ибо содержаніе туземныхъ войскъ не можетъ обходиться такъ дорого, какъ посылка нашихъ корпусовъ въ Турцію; а посылка туда войскъ можетъ потребовать общее передвиженіе другихъ корпусовъ къ западнымъ границамъ и ихъ усиленіе по военному положенію.

II.

Другое дѣло на азіятской границѣ съ Турціею. Имѣвъ счастіе доложить В. И. В. мысли мои, на счетъ возможности увеличить отрядъ войскъ Кавказскаго корпуса, для дѣйствій противъ Турціи,—я убѣжденъ, что съ 16-ю баталіонами въ Азіи можно дѣйствовать не только оборонительно, но и наступательно.

Съ той стороны вмѣшательство другихъ державъ невозможно; остаются однѣ силы Турціи, съ которыми управиться не трудно.

Племена, населяющія прибрежье Чернаго моря, отъ Поти до Си-

Библиотека "Руниверс"

нопа, конечно, храбры и воинственны; но они сходны съ кавказскими горцами, т. е. хорошо дерутся у себя въ горахъ, дома, но на равнину они спускаются только для грабежа; въ большихъ же силахъ, на плоскихъ мѣстахъ, они не опасны и всякій разъ, при встрѣчѣ съ нашими войсками, бывали разбиты. Слѣдовательно, нельзя ожидать, чтобы они могли имѣть противу насъ большой успѣхъ.

Имѣя осадную артиллерію подъ рукою, немного надо времени, чтобы взять Карсъ и Ардаганъ, чѣмъ уничтожатся всѣ покушенія горныхъ племенъ со стороны Чернаго моря.

Если мы будемъ въ силахъ, то въ тоже время или позднѣе, но необходимо взять Баязетъ, какъ пунктъ, черезъ который проходятъ всѣ главнѣйшія сообщенія и почти единственный торговый путь изъ Турціи въ Персію. Не только товары турецкіе, но и вся торговля Англіи съ сѣверною и среднею Персіею идетъ на Баязетъ, ибо правѣе живутъ разбойничьи племена Курдовъ и Ездовъ, черезъ земли которыхъ свободный путь для торговли невозможенъ.

Такимъ образомъ нетрудное взятіе Баязета будетъ чувствительно не для одной Турціи, но и для Англіи, для которой прерванъ будетъ единственный торговый путь, идущій нынѣ на Трапезонтъ, Арзерумъ и Баязетъ. Но, въ нынѣшнемъ году, походъ уже не будетъ возможенъ, ибо въ ноябрѣ тамъ въ горахъ выпадаетъ снѣгъ и дороги дѣлаются непроходимыми.

Во всякомъ случаѣ, дѣйствія въ Азіятской Турціи вовсе не будутъ зависѣть отъ дѣйствій съ европейской стороны, а могутъ составлять отдѣльную войну, хотя бы на Дунаѣ и не было военныхъ дѣйствій.

Въ Азіи можетъ быть война наступательная, а здѣсь оборонительная. Если же турки, перейдя Дунай, испытаютъ неудачу, то, послѣ подобнаго урона, не скоро опять осмѣлятся показаться съ нашей стороны.

III.

Что же касается до атаки на морѣ, то, съ переходомъ черезъ Дарданеллы четырехъ кораблей французскихъ и англійскихъ, можно рѣшительно сказать, что если бы мы вывели свой флотъ для военныхъ дѣйствій на морѣ, то, конечно, французскіе и англійскіе корабли соединятся съ турецкими противъ насъ.

Будемъ ли мы достаточно сильны противъ трехъ соединенныхъ флотовъ?—Не найдемся ли мы также въ необходимости держаться въ оборонительномъ положеніи, наблюдая за непріятельскими флотами, но не начиная военныхъ дѣйствій? Между тѣмъ, малыя суда и каботажныя флотиліи должны, пользуясь обстоятельствами, постоянно перевозить войска и запасы въ тѣ пункты, куда потребуется.

Библиотека "Руниверс"

Всеподданнѣйшее донесеніе князя Горчакова.

27-го сентября 1853 г.

Всеподданнѣйше докладываю Вашему Императорскому Величеству, ...22-го сентября я произвелъ осмотръ войскъ, собранныхъ при Желавѣ. Церемоніальный маршъ былъ вообще хорошъ [1]); люди бодры и веселы; всѣ баталіоны имѣли по тридцати рядовъ во взводахъ, не считая штуцерныхъ, а одинъ полкъ (Украинскій егерскій) по тридцати одному, не считая штуцерныхъ. Артиллерія въ хорошемъ состояніи; кавалерія въ отличномъ.... 22-го сентября я смотрѣлъ стрѣльбу въ цѣль и нашелъ ее посредственною; сдѣлавъ поэтому строгое подтвержденіе, я даю полкамъ еще по 5 патроновъ и провѣрю еще разъ стрѣльбу.

24-го сентября я произвелъ маневръ со всѣми войсками и обозами, которые, по правиламъ полевой службы, находились частію при своихъ колоннахъ, частію въ вагенбургѣ. Дѣйствія вообще были правильны; лошади въ обозахъ въ довольно хорошихъ тѣлахъ. На слѣдующій день, я распустилъ войска по квартирамъ.

Лихорадочное время здѣсь продолжается и болѣзненность въ войскахъ увеличивается; число больныхъ доходитъ до 5,000; смертность понынѣ умѣренная. Холеры нигдѣ не показалось, кромѣ Яссъ, гдѣ она началась съ 16-го сентября; всего между жителями было съ 16-го по 21-е число: заболѣвшихъ 41, умершихъ 11. Въ баталіонѣ, тамъ стоящемъ, понынѣ холерныхъ случаевъ не было.

Письмо императора Николая Павловича князю Воронцову.

6-го октября 1853 г.

Любезнѣйшій князь Михаилъ Семеновичъ! Съ великою радостью узналъ я о благополучномъ прибытіи на Кавказъ 13-й дивизіи; надо благодарить Бога, что трудная сія доставка,—по числу войскъ, времени года и особому неудобству мѣста высадки,—исполнена быть могла столь же благополучно, какъ и неимовѣрно скоро. Теперь, кажется, могу я надѣяться, что не только тебѣ даны достаточные способы оборонять край отъ вторженія турокъ, но даже—къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Не зная покуда ни назначенія, ни раздѣленія войскъ, ни даже въ общихъ чертахъ какія распоряженія тобою сдѣланы для за-

---

[1]) Для характеристики тактическихъ воззрѣній, господствовавшихъ въ то время въ русской главной квартирѣ, весьма любопытенъ этотъ отзывъ князя Горчакова о церемоніальномъ маршѣ—и это за нѣсколько дней до объявленія Турціею войны. **Ред.**

Библиотека "Руниверс"

щиты края съ новыми данными тебѣ силами, нетерпѣливо жду твоихъ донесеній и настоятельно прошу меня скорѣе о семъ извѣстить.

Тебѣ уже должно быть извѣстно чрезъ князя Меншикова, что турки, въ ихъ сумашествіи, объявили намъ войну, требуя отъ князя Горчакова, чтобъ не медля очистилъ Придунайскія княжества. Отвѣтъ простъ и коротокъ — пусть насъ выгоняютъ. По слухамъ, они на сіе не отважатся, но будто намѣрены напасть на тебя; и тутъ милости просимъ, будетъ чѣмъ принять и препроводить съ подобающею честію [1]).

Не зная какъ ты распредѣлилъ войска, полагаю, съ своей стороны, что ты не пренебрегъ составить отрядъ для прикрытія устья Ріона, дабы всякая попытка отъ стороны Батума, гдѣ, какъ слышно, у турокъ большія силы, могла встрѣтить должный отпоръ и тѣмъ уничтожить всякую попытку возмутить Абхазію.

Думаю, что это необходимо, признавъ эту сторону нашей границы за слабѣйшую, ибо ни Николаевскій редутъ, ни Поти, не суть преграды предпріимчивому непріятелю. Засимъ, выждавъ первыя нападенія турокъ, желаю я, чтобы ты непремѣнно перешелъ въ наступленіе, направясь на Карсъ, и овладѣлъ онымъ, равно какъ и Ардаганомъ. Можно надѣяться, что, ежели турки осмѣлятся встрѣтить тебя въ полѣ, ты ихъ разобьешь; засимъ, покореніе Карса и Ардагана, кажется, не можетъ быть труднѣе, чѣмъ было въ 1829 году...

Овладѣніемъ Карсомъ и Ардаганомъ полагалъ бы ограничить наше наступленіе, выждавъ какое впечатлѣніе произведетъ въ Царьградѣ и не образумитъ ли турокъ.

Вотъ тебѣ мои мысли и желанія; прочее въ рукахъ Божіихъ. Надѣюсь на тебя, на геройскія войска и что ожиданія мои исполнятся.

Николай [2]).

---

[1]) 26-го сентября (6-го октября) 1853 г. Омеръ-паша написалъ князю Горчакову нижеслѣдующее письмо на французскомъ языкѣ:

... «La Sublime Porte, pour dernière expression de ses sentiments pacifiques, propose à V. Exc., par mon intermédiaire l'évacuation des deux Principautés et offre pour Votre décission un terme de 15 jours à dater de la réception de cette lettre. Si dans ce délai, une reponse négative me parvenait de la part de V. Exc. le commencement des hostilités en serait la conséquence naturelle».

Князь Горчаковъ получилъ письмо Омеръ-паши 27-го сентября (9-го октября), въ Букарестѣ, въ 3 часа пополуночи, и отвѣчалъ турецкому главнокомандующему 28-го сентября (10-го октября) слѣдующимъ образомъ:

... «Sans entrer dans l'examen de cette communication, je crois devoir prévenir V. Exc. que je n'ai aucun pouvoir de S. M. l'Empereur mon Maitre pour traiter de la paix, de la guerre ou de l'évacuation des Principautés par les troupes confiées à mon commandement».

[2]) Къ сожалѣнію, въ кампанію 1853 года, князь Воронцовъ, по болѣзненному состоянію и преклоннымъ лѣтамъ, не могъ болѣе предводительствовать нашими войсками на Кавказѣ. Въ январѣ 1854 года ему было Высочайше разрѣшено временное отсутствіе изъ Кавказа, для поправленія здоровья. **Ред.**

Библиотека "Руниверс"

Предположенія императора Николая Павловича о военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ на 1854 годъ [1]).

Кампанія 1854 года можетъ открыться при разныхъ условіяхъ; она можетъ быть:

1) Оборонительною противъ однихъ турокъ въ Европѣ и наступательною въ Азіи.

2) Оборонительною противъ турокъ въ союзѣ съ Франціею и Англіею и наступательною въ Азіи.

3) Наступательною и въ Европѣ, и въ Азіи противъ однихъ турокъ, и, наконецъ, 4) наступательною и въ Европѣ и въ Азіи, не смотря на союзъ турокъ съ Франціею и Англіею.

Неувѣренность или сомнѣніе, что̀ предпримутъ Англія и Франція при открытіи кампаніи, требуетъ съ нашей стороны такихъ соображеній, которыя бы, обезпечивъ собственныя наши границы отъ непріятельскихъ предпріятій, давали, однако, намъ возможность наносить наибольшій вредъ Турціи, не тратя безъ необходимости русскую кровь.

И такъ, слѣдуетъ мѣры наши раздѣлить на два отдѣла:

1) Обезпеченіе собственныхъ границъ.

2) Дѣйствія противъ враговъ наступательно.

Нападенія на наши границы сухопутно предвидѣть нельзя; ожидать можно только морскихъ дѣйствій или высадокъ.

Въ Балтикѣ требуется особаго соображенія и потому здѣсь объ этомъ говорить не стану.

Въ Черномъ морѣ нападенія на границы наши могутъ быть: на Одессу, на Крымъ, или на береговые форты по берегу Кавказа.

Изъ трехъ случаевъ, послѣдній самый для насъ невыгодный и, ежели флоты французскій и англійскій войдутъ въ Черное море, врядъ ли возможно будетъ продолжать занимать берегъ, развѣ Анапу, Новороссійскъ, Геленджикъ, Сухумъ-Кале; прочіе форты, вѣроятно, надо будетъ покинуть, сколько бы ни желательно было избѣгнуть сей необходимости.

Атака на Крымъ равномѣрно возможна только при содѣйствіи французовъ и англичанъ, и появленіе ихъ войскъ въ Царьградѣ потребуетъ уже предохранительныхъ мѣръ противъ покушенія [2]).

---

[1]) Записка эта была написана императоромъ Николаемъ въ началѣ ноября 1853 года. Ред.

[2]) Изъ этихъ словъ видно, въ какой степени императоръ Николай Павловичъ вѣрно оцѣнивалъ обстоятельства и уже заранѣе предвидѣлъ опасность, которая грозила Крыму отъ англо-французскаго союза. Объ этомъ на страницахъ «Русской Старины» (см. въ изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 639—642) помѣщены были

Библиотека "Руниверс"

Атака на Одессу, изъ трехъ случаевъ, наименѣе опасна, ибо, кромѣ цѣли бомбардировки беззащитнаго города, другихъ послѣдствій имѣть не можетъ, не представляя удобствъ къ высадкѣ, ежели вблизи отрядъ нѣкоторой силы.

Переправа черезъ Дунай вблизи Измаила или Рени также невѣроятна по трудности самой переправы и, во всякомъ случаѣ, удобно можетъ быть отбита.

И такъ, кажется, на первый случай симъ отвѣтствовано. Приступаю ко второму.

Оставаясь при принятомъ уже планѣ оборонительной войны въ Европѣ, двухъ назначенныхъ корпусовъ съ восемью казачьими полками достаточно, чтобъ не только оборонять Молдавію и Большую Валахію, но и Малую Валахію; а какъ турки уже заняли переправу у Калафата, то нужно будетъ сперва изгнать ихъ оттуда и остановиться до обстоятельствъ, о которыхъ ниже упомяну.

Въ то же время, ежели Господь благословитъ оружіе наше, желательно, чтобы Кавказскій корпусъ наступалъ и овладѣлъ Карсомъ, Баязетомъ и Ардаганомъ, что исполниться должно въ теченіе зимы или ранней весны.

Ежели перемѣны не будетъ въ упорствѣ турокъ въ теченіи сего времени, тогда наступаетъ второй періодъ дѣйствій и уже тогда мы приступимъ къ переправѣ черезъ Дунай (примѣрно, въ мартѣ 1854 года).

Начавъ съ сильной демонстраціи у Сатунова, войсками, въ Бессарабіи расположенными, и въ то же время въ виду переправы у Гирсова, войсками 3-го корпуса, настоящую переправу исполнимъ выше Видина 4-мъ корпусомъ.—Есть надежда, что предпріятіе сіе удасться можетъ и вслѣдъ за тѣмъ надо будетъ обложить и приступить къ осадѣ Видина.

Расположеніе сербовъ къ намъ даетъ мнѣ надежду, что наше появленіе въ семъ краѣ ихъ побудитъ приняться за оружіе и стать рядомъ съ нами, чѣмъ можно дѣйствія наши облегчить.

Какъ бы турецкая армія сильна ни была, но попытки наши, съ

уже подробныя указанія въ статьѣ: «Замѣтки о событіяхъ 1853 — 1854 гг.» Если въ Восточную войну успѣхъ не увѣнчалъ нашихъ усилій и трудовъ, то въ ряду прочихъ причинъ необходимо указать и ту, что въ эту трудную годину не нашлось въ арміи исполнителей для предначертаній государя. Поэтому, опасеніямъ, высказаннымъ императоромъ 21-го іюля 1854 г. князю Варшавскому, суждено было, къ сожалѣнію, осуществиться въ дѣйствительности:.. «Сохраненіе Крыма, обезпеченіе Севастополя и флота—теперь для насъ первѣйшая важность; ежели будемъ такъ несчастливы, что лишимся ихъ, надолго Россія ощущать будетъ этотъ тяжкій ударъ». **Ред.**

Библиотека "Руниверс"

начала кампаніи, къ переправѣ на двухъ точкахъ, должны держать ихъ въ недоумѣніи, въ чемъ именно состоитъ настоящее намѣреніе наше, и не дастъ имъ во-время собрать всѣ главныя ихъ силы на верховья Дуная. Но ежели они не вдались въ обманъ и стянули главныя свои силы къ Видину, тогда наши фальшивыя атаки обратятся въ настоящія и войска у Сатунова и Гирсова овладѣютъ переправами и занять должны край до Траянова вала, блокируя Исакчу, Тульчу и Кюстенджи, ежели крѣпости сіи возстановлены и того потребуютъ.

Полагая, что обѣ сіи переправы будутъ исполнены 15-ю и 9-ю дивизіями, будетъ за Дунаемъ здѣсь 34 баталіона и, вѣроятно, одна кавалерійская дивизія съ двумя казачьими полками.

Въ то же время останутся въ окрестностяхъ Букареста 7-я и 8-я дивизіи съ одною кавалерійскою бригадою и двумя казачьими полками, для защиты края, до дальнѣйшаго развитія обстоятельствъ.

Симъ кончается второй періодъ дѣйствій.

Третій періодъ будетъ осада Видина, дѣйствія противъ турецкой арміи, ежели она пойдетъ на помощь Видину, или противъ войскъ въ Бабадагской области. У Видина надо идти къ нимъ на встрѣчу и стараться ихъ разбить, напустивъ сербовъ имъ въ лѣвый флангъ и въ тылъ. У Траянова вала ежели не сильны, отступить къ Гирсову и тогда, вѣроятно, уже у Видина не будутъ они сильны и осада безпрепятственно произведется.

Вѣроятно, за сербами поднимутся и болгары и тѣмъ положеніе турокъ еще болѣе затруднится.

Взятіемъ Видина (вѣроятно, въ августѣ) кончится третій періодъ.

Во всѣ эти три періода на флотѣ можетъ лежать обязанность не только способствовать защитѣ береговъ нашихъ, но наносить возможный вредъ туркамъ, препятствуя свободному сообщенію съ ихъ портами; все это возможно будетъ лишь тогда, когда англійскаго и французскаго флотовъ въ Черномъ морѣ не будетъ, по крайней мѣрѣ, въ превосходныхъ силахъ.

Эскадрѣ на Абхазскихъ берегахъ въ особенности слѣдуетъ усугубить надзоръ за недопускомъ турецкихъ судовъ изъ Батума и Анатоліи.

Флотилія на Дунаѣ состоять должна въ распоряженіи князя Горчакова; ея содѣйствіе будетъ весьма полезно, какъ для воспрепятствованія переправамъ турокъ отъ Гирсова внизъ по Дунаю, такъ и для способствованія переправѣ нашихъ войскъ и прикрытія мостовъ, когда дѣйствія наши дойдутъ до сей эпохи.

Библиотека "Руниверс"

Ежели потеря Видина, Карса, Баязета и Ардагана не поколеблетъ упорство турокъ, тогда наступитъ четвертый періодъ.

Полагаю, что ему предшествовать должно воззваніе къ единоплеменникамъ и единовѣрнымъ народамъ къ возстанію, объявленіемъ, что мы идемъ впередъ для избавленія ихъ отъ турецкаго ига. Вѣроятно, сіе послѣдуетъ чрезъ годъ, т. е. въ ноябрѣ 1854 года, въ ту эпоху года, гдѣ уже военнымъ дѣйствіямъ въ тѣхъ краяхъ природа препятствуетъ.

Разрѣшенное формированіе волонтерныхъ ротъ будетъ тогда служить основаніемъ или корнемъ новыхъ ополченій въ Сербіи и Булгаріи, на что употребится зима.

Слѣдуетъ здѣсь рѣшить: какъ арміи нашей зимовать?

Полагаю, что 4-й корпусъ, занимая Видинъ, можетъ расположиться вокругъ его по сербскимъ селеніямъ, или, частію, въ Малой Валахіи. Войска въ Большой Валахіи останутся въ ней. Тѣ же, которыя переправились чрезъ Дунай у Сатунова и Гирсова, могутъ занять собственно Бабадагъ и окрестности и мостовое укрѣпленіе въ Гирсовѣ.

Въ этомъ положеніи проведемъ зиму съ 1854 на 1855 годъ.

Въ Азіи желательно завладѣть Кабулетомъ и Батумомъ, не подаваясь далѣе впередъ, но дѣлая частные набѣги, дабы держать турокъ въ тревогѣ и предоставляя персіянамъ вести наступательную войну для ихъ пользъ.

Начало 1855 года укажетъ намъ, какую надежду возлагать можемъ на собственные способы христіанскаго населенія Турціи и останутся-ли тогда Англія и Франція намъ враждебными. Мы не иначе должны двинуться впередъ, какъ ежели народное возстаніе на независимость приметъ самый обширный и общій размѣръ: безъ сего общаго содѣйствія намъ не слѣдуетъ трогаться впередъ; борьба должна быть между христіанами и турокъ: мы же—какъ бы оставаться въ резервѣ.

Быть можетъ, что для развлеченія турецкихъ силъ приступить можно будетъ къ осадѣ Силистріи, но мудрено сіе теперь же предугадать.

Кстати, по поводу матеріаловъ къ исторіи послѣдней войны Россіи съ Турціей, исправимъ погрѣшность, вкравшуюся въ одно изъ писемъ кн. М. Д. Горчакова къ военному министру отъ 5-го іюля 1855 г.: въ «Русской Старинѣ» изд. 1876 г., томъ XVI, на стр. 163-й, строка 2–4 сверху, въ корректурѣ перепутаны слова, почему вышелъ другой смыслъ; напечатано: «Между тѣмъ, настоящимъ разоруженіемъ Австріи Россія обязана удержанію за нами этого пункта....». Слѣдуетъ читать: «Между тѣмъ, удержанію за нами этого пункта (Севастополя), Россія обязана настоящимъ разоруженіемъ Австріи...».

Библиотека "Руниверс"

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Кириллъ Флоринскій,

епископъ сѣвскій.

Епископъ сѣвскій Кириллъ Флоринскій, личность котораго превосходно охарактеризована Добрынинымъ въ его Запискахъ („Русская Старина" изд. 1871 г.), во время своей службы въ епархіи издалъ довольно много распоряженій. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Въ Сѣвской епархіи въ XVIII в. находилось много раскольниковъ. Добрынинъ въ своихъ Запискахъ разсказываетъ о весьма характерныхъ устныхъ поученіяхъ, обращенныхъ Флоринскимъ къ раскольникамъ; но, кромѣ проповѣди, епископъ сѣвскій боролся съ расколомъ и слѣдующими распоряженіями. Вотъ его указъ по епархіи: „Понеже воспитаніе въ младенчествѣ такъ сильно, что чему кто измлада навыкнетъ, то и въ старости помнитъ; для того, когда священники застарѣлыхъ въ злобѣ, слѣпотѣ и въ самомъ послѣднемъ мужичьемъ невѣжествѣ упрямыхъ раскольниковъ ко свѣту и истинѣ обратить будутъ не въ состояніи, — по крайней мѣрѣ незлобивыхъ и невинныхъ младенцевъ отъ рова погибели отвращать должно. Посему по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ учить какъ закону, сколько можно, и молитвамъ: Отче нашъ, Символу вѣры, такъ и то твердить непрестанно, сколь есть душеспасительно и душеполезно держаться соединенія церкви Божіей, какъ Ноева ковчега, и сколь неизбѣжной погибели подвержены отступающіе отъ оной" [1]).

Побуждая священнослужителей епархіи къ исполненію ихъ обязанностей, Кириллъ увѣщевалъ ихъ:

— „Пасти ввѣренное стадо Христово со всякимъ вниманіемъ и стра-

---

[1]) Арх. Орловск. дух. консисторіи.

Библиотека "Руниверс"

хомъ Господнимъ, не какими либо корыстьми и скверноприбытчествомъ временнымъ и пагубнымъ плѣняться, но на будущее, за вѣрный и не порочный трудъ, мздовоздаяніе вѣчное взирая, помня то, что великій архіерей, прешедый небеса, потребуетъ отвѣта у пастырей о приставничествѣ и небреженіемъ ихъ погибшую душу взыщетъ отъ рукъ ихъ".

— „Всякъ священникъ, какъ свѣтильникъ на свѣщницѣ поставленный, долженъ свѣтить всѣмъ, особливо сущимъ въ его паствѣ, добрымъ примѣромъ [1]) и держать себя такъ, какъ апостолъ Павелъ даетъ тому наставленіе въ первомъ посланіи, глава III отъ 2 до 4 стиха, и въ IV главѣ того же посланія, которое всѣмъ паствы нашей пастырямъ совѣтую и завѣщаю для памятованія прочитывать чаще".

— „Понеже тайна покаянія въ томъ намѣреніи отъ матери нашей церкви установлена, чтобы не деньги въ карманъ, но души сыновъ церкви собирать въ царствіе небесное: для того, пріемшіи пастыри церковные власть должны блюсти опасно, чтобы, при отправленіи сей тайны, не запнуться сѣтьми скверноприбыточества богомерзкаго и симоніи. Отъ сего мы, пастырски васъ оберегая, взятки скверныя при святой исповѣди, яко пагубныя и пасущимъ и пасомымъ, формально запрещаемъ, подъ неупускнымъ и строгимъ преступниковъ истязаніи".

— „Когда нищій или неимущій умретъ такъ, что ничего и ни откуда на погребеніе свое не оставитъ, да поспособствуютъ къ погребенію таковыхъ первые священники, не только должнымъ при погребеніи отпѣвомъ безплатно, но и гробомъ и прочимъ къ тому нужнымъ, хотя изъ церковныхъ денегъ купленнымъ нищему да услужатъ, а буде церковныхъ не прилучится, то—да не пожалѣютъ своихъ".

— „За прочія всѣ, отправляемыя при церкви должности,—крещенія, свадьбы, молебны и проч., ни подъ какимъ видомъ никому не чинить домогательствъ, а быть довольну тѣмъ, что кто по совѣсти и по силѣ своей дать можетъ".

Епископъ Кириллъ вскорѣ по вступленіи своемъ на сѣвскую кафедру, вслѣдствіе допущеннаго нѣкоторыми священнослужителями соблазна, нашелъ необходимымъ предписать всѣмъ священнослужителямъ епархіи, съ отобраніемъ собственноручныхъ ихъ подписокъ, „чтобы они въ церковь входили въ штанахъ и сапогахъ чистыхъ неотмѣнно и подъ опасеніемъ за неисполненіе неупустительнаго штрафа" (указъ Сѣвской духовной консисторіи отъ 21-го марта 1768 г.).—Существуютъ

[1]) Впрочемъ, жизнь и дѣятельность самого наставителя никакъ не могла служить добрымъ примѣромъ, идя въ разрѣзъ съ первичными требованіями нравственности. Объ этомъ множество фактовъ въ Запискахъ Добрынина.

И. П.

Библиотека "Руниверс"

еще и другія распоряженія Кирилла относительно внѣшняго благоприличія духовенства. „Въ бытность свою при обозрѣніи епархіи, въ 1770 г., въ городѣ Орлѣ, его преосвященство изволилъ усмотрѣть, что онаго града священнослужители ходятъ какъ въ церковь, такъ и въ городѣ по базару, не благочинно, т. е. не такъ, какъ они при производствѣ своемъ въ чины обязалися, — въ чистомъ одѣяніи, въ рясахъ съ широкими рукавами, — но въ однихъ только подрясникахъ, что священному чину весьма неприлично и предосудительно". Вслѣдствіе этого, Кириллъ тогда же приказалъ мѣстному духовному правленію наблюдать на-крѣпко, „чтобы священнослужители отнынѣ ходили въ церковь и въ городѣ въ рясахъ", въ томъ отъ нихъ, по обычаю, отобраны были собственноручныя подписки. Между тѣмъ, посѣтивъ въ слѣдующемъ году Орелъ, владыка сѣвскій узналъ, что городскіе священнослужители не исполняютъ его приказа и ходятъ безъ рясъ. Это обстоятельство вызвало не предложеніе духовному правленію, а формальный указъ, отъ 15-го сентября 1771 года, которымъ повелѣвалось „обовязать подписками въ духовныхъ правленіяхъ всѣхъ градскихъ и уѣздныхъ священнослужителей епархіи, чтобы они какъ въ деревняхъ, такъ и въ случаѣ надобности въ городѣ, по базару ходили въ подобающемъ священному чину одѣяніи, а не въ однихъ полукафтаньяхъ; а ежели кто изъ нихъ и по подпискѣ явится въ таковомъ, то таковыхъ на первый разъ брать въ духовныя правленія и держать на цѣпи чрезъ сутки, а за второй — взыскивать штрафу на богадѣльню съ каждаго по одному рублю непремѣнно, и сколько когда собрано будетъ, въ консисторіи рапортовать".

Въ Сѣвской епархіи, какъ и вездѣ на Руси, существовало не мало обычаевъ, которые поддерживались духовенствомъ и которые, между тѣмъ, частью воспитывали въ простонародьѣ суевѣрія, частью не согласовались съ каноническими церковными постановленіями, унижая предметы христіанскаго чествованія. Къ числу таковыхъ обычаевъ принадлежали — кропленіе святою водою лошадей и ставленіе иконъ въ кадушки съ рожью, овсомъ, гречихой и проч. Противъ этихъ обычаевъ Кириллъ далъ слѣдующій указъ: „1. Всѣхъ священниковъ, подъ лишеніемъ мѣстъ, обовязать подписками, чтобы они святою водою, постановленною для людей, въ знакъ кропленія на нихъ крови Христовой (?), лошадей никогда не кропили, а не только на Флора и Лавра.—2. Подъ штрафомъ лишенія мѣстъ, обовязать всѣхъ священниковъ, чтобы они никогда въ кадушку, наполненную рожью или другимъ хлѣбомъ, иконъ не ставили; ибо сіе есть одно суевѣріе мужиковъ, да проклятый интересъ поповъ".

Преосвященный Кириллъ Флоринскій—уроженецъ мѣстечка Бары-

Библиотека "Руниверс"

шовки, Переяславскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Въ томъ же мѣстечкѣ родился преосвященный Анастасій Братановскій. Кромѣ этихъ архіереевъ, Переяславскій уѣздъ далъ еще слѣдующихъ:

Арсеній Берло, епископъ переяславскій, родился въ с. Панфилахъ.

Софроній Кришталевскій, епископъ иркутскій, родился въ мѣст. Березани.

Христофоръ Сулима, епископъ слободоукраинскій, род. въ Переяславлѣ.

Анатолій Максимовичъ, архіепископъ симбирскій, род. въ с. Усовкѣ.

Меѳодій Пишнячевскій, архіепископъ псковскій, род. въ с. Остролучьѣ. Сообщ. Ив. Д. Павловскій.

Локощинскій погостъ.

ЯКОВЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ВИЛЛІЕ.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 194—200, помѣщено преданіе, сохранившееся въ семействѣ Е. Е. фонъ-Смиттена, о происхожденіи знаменитаго президента медико-хирургической академіи и лейбъ-медика императоровъ Александра I и Николая I—баронета Я. В. Вилліе. Хотя мы помѣстили разсказъ, сообщенный г. фонъ-Розенбергомъ, единственно какъ преданіе и тогда же противопоставили ему примѣчаніе профессора Я. А. Чистовича опровергающаго, на основаніи офиціальныхъ данныхъ, главнѣйшія данныя этого разсказа, тѣмъ не менѣе съ большимъ удовольствіемъ даемъ нынѣ мѣсто замѣткѣ біографа Вилліе г. В. С. Сахарова; дѣлаемъ это тѣмъ охотнѣе, что въ предлагаемой статьѣ читатель найдетъ нѣсколько интересныхъ фактовъ изъ жизни Вилліе; а эта жизнь едвали кому такъ хорошо извѣстна, какъ достопочтенному В. С. Сахарову: Василій Сергѣевичъ—одинъ и послѣдній изъ оставшихся въ живыхъ душеприкащиковъ баронета Вилліе, при немъ онъ провелъ около двадцати лѣтъ въ должности дѣлопроизводителя и секретаря. Въ медицинскомъ мірѣ В. С. Сахаровъ пользуется заслуженнымъ уваженіемъ; въ половинѣ текущаго августа минетъ пятидесятилѣтіе службы этого ближайшаго друга и сотрудника Я. В. Вилліе. Ред.

Преданіе, сообщенное г. фонъ-Розенбергомъ со словъ его 75-ти лѣтней матери, безспорно очень занимательно, но, увы, въ немъ, по отношенію къ лейбъ-медику императора Александра I-го баронету Якову Васильевичу Вилліе (Sir James Wylie Baronet), нѣтъ правды, а, напротивъ того, не мало несообразностей и противурѣчій.

По словамъ дѣда г. фонъ-Розенберга, „найденышъ" родился въ 1760 году, воспитывался щедротами императрицы Екатерины II, сначала въ Россіи въ какомъ-то казенномъ заведеніи, а потомъ отправленъ былъ государыней, для изученіи медицины, въ Шотландію, гдѣ и дали ему фамилію Вилліе.

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ настоящій Я. В. Вилліе родился 13-го ноября 1768 года въ Кинкардинѣ, близь м. Дунди; отецъ его былъ тамъ арендаторомъ и судостроителемъ; дѣтство свое провелъ онъ въ своемъ семействѣ, и послѣ предварительной школьной подготовки, поступилъ было въ навигаціонное училище въ Дунди, готовясь быть морякомъ, но потомъ перешелъ, въ 1787 году, въ Эдинбургскій университетъ, гдѣ окончилъ курсъ наукъ въ 1790 году, со степенью доктора медицины. Такимъ образомъ, Вилліе, со дня рожденія до самаго выхода изъ Эдинбургскаго университета, безотлучно находился на своей родинѣ, въ Шотландіи.

Настоящій Вилліе, по пріѣздѣ въ Россію, въ концѣ 1790 г., ни слова не говорилъ по русски, да и до смерти своей порядочно не зналъ русскаго языка: онъ умѣлъ говорить и читать по русски, но писалъ на русскомъ языкѣ плохо и съ большимъ трудомъ.

Найденышъ же, съ двухъ-лѣтняго возраста до самаго отправленія его въ Шотландію, для изученія медицины, постоянно проживавшій въ Россіи, да еще въ казенномъ заведеніи, не могъ не знать русскаго языка, а тѣмъ менѣе не могъ забыть его, будучи уже 26-ти лѣтъ отъ роду при поступленіи въ Эдинбургскій университетъ, такъ какъ онъ (признавая его за настоящаго Вилліе) долженъ былъ находиться въ университетѣ съ 1787 по 1790 годъ.

Мальчикъ, котораго Евстафій Евстафіевичъ фонъ-Смиттенъ нашелъ гдѣ-то въ придорожной канавѣ, былъ около двухъ-лѣтняго возраста и отъ него не могли узнать, откуда онъ и кто его родители. Стало быть, нельзя было и узнать отъ него крещенъ онъ, или нѣтъ. По этому, безъ всякаго сомнѣнія, при поступленіи его на воспитаніе въ казенное заведеніе, его окрестили, а при крещеніи нарекли ему какое-либо имя и, какъ обыкновенно, дали отчество и фамилію. Вѣдь не могъ же онъ жить и воспитываться въ казенномъ заведеніи безъ имени и фамиліи. Сверхъ того, крайне нелѣпо было бы думать, что молодаго человѣка, котораго съ самаго дѣтства приняла подъ свое покровительство императрица, отправили на ея же счетъ въ Шотландію, для изученія медицины, безъ имени и фамиліи, а слѣдовательно, безъ всякихъ документовъ о его личности, требуемыхъ для поступленія въ университетъ, такъ что онъ, по необходимости, долженъ былъ хлопотать, чтобъ кто нибудь далъ ему имя и фамилію. Въ противномъ же случаѣ, т. е. при легализаціи личности найденыша, когда онъ имѣлъ уже имя и фамилію и надлежащіе о себѣ документы, съ обезпеченіемъ на счетъ своего содержанія, къ чему было бы ему, ни съ того, ни съ сего, принять новое имя и фамилію и сдѣлаться англійскимъ подданнымъ? Трудно повѣрить, чтобъ найденышъ фонъ-Смиттена, едва

Библиотека "Руниверс"

вступивъ въ предѣлы Великобританія, рѣшился на самый гнусный поступокъ: забывъ благодѣянія императрицы, щедротами которой онъ вскормленъ и воспитанъ, и которая, отправленіемъ его въ Шотландію, доставляетъ ему новое средство къ высшему на ея же счетъ образованію,—онъ, безъ всякой причины, отрекается отъ Россіи, которая для него во всякомъ случаѣ настоящая родина, вступаетъ въ подданство Англіи и усыновляется какимъ-то дотолѣ вовсе ему неизвѣстнымъ обывателемъ Кинкардина въ Шотландіи. Матеріальныхъ выгодъ тутъ не могло быть, такъ какъ этотъ благодѣтель его и самъ имѣлъ очень посредственное состояніе, при многочисленномъ семействѣ. И потомъ, какое противорѣчіе въ фонъ-Смиттеновскомъ семейномъ преданіи! Найденышъ, оказавшійся столь неблагодарнымъ къ своей покровительницѣ, по окончаніи курса въ Эдинбургскомъ университетѣ, спѣшитъ, какъ ни въ чемъ не бывало, возвратиться въ Россію, расчитывая вновь на благодѣянія императрицы.

Настоящій Вилліе пріѣхалъ въ Россію, полагаясь только на свои познанія и добрую волю дѣятельно трудиться на избранномъ имъ врачебномъ поприщѣ. Родившись англичаниномъ, онъ оставался англійскимъ подданнымъ, но горячо любилъ Россію, второе свое отечество. и служилъ ему вѣрою и правдою.

Баронетъ Вилліе знакомъ былъ съ Барклаемъ-де-Толли еще по Петербургу, а въ 1812 году, находясь при 1-й арміи, онъ, по обязанностямъ службы, былъ въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ нимъ. Непонятно поэтому, какъ же адъютантъ его,—какъ гласитъ преданіе, сообщенное г. Розенбергомъ,—не зналъ Вилліе и въ первый разъ услыхалъ его фамилію въ домѣ своего отца, послѣ того, когда онъ сдѣлалъ ему удачную операцію.

Наконецъ, если всего вышесказаннаго покажется г. фонъ-Розенбергу недостаточнымъ для того, чтобы поколебать его вѣру въ семейное преданіе о происхожденіи Вилліе, какъ не убѣдили его и доказательства Я. А. Чистовича, то, надѣюсь, всякое по этому предмету сомнѣніе въ немъ рушится юридическимъ „alibi“. Въ то время, когда Е. Е. фонъ-Смиттенъ ѣздилъ за сыномъ своимъ въ Рязань; въ то время когда онъ обѣдалъ у Барклая-де-Толли въ Петербургѣ, въ домѣ на Исаакіевской площади; въ то время, когда докторъ Вилліе-найденышъ дѣлалъ операцію Густаву фонъ-Смиттену; въ то время, наконецъ, когда происходила сцена между операторомъ и отцомъ раненаго,—настоящій Вилліе, въ званіи главнаго по арміи медицинскаго инспектора, находился далеко отъ Петербурга, состоя при главной квартирѣ дѣйствующей арміи, съ которою и неотступно слѣдовалъ, послѣ Бородинской битвы, отъ Москвы до самаго Нѣмана и далѣе. Замѣчу кстати, что

Библиотека "Руниверс"

Вилліе, съ открытія кампаніи 1812 года до самаго вступленія нашихъ войскъ въ Парижъ, въ 1814 году, находился безъотлучно при арміи, то состоя при императорѣ, то при главнокомандующихъ.

Если фонъ-Смиттеновское семейное преданіе о баронетѣ Вилліе можно объяснить какимъ-нибудь недоразумѣніемъ, особенно при давности самаго событія, то другое преданіе, о которомъ я намѣренъ далѣе говорить, ничѣмъ оправдать нельзя. Преданіе это идетъ отъ лица, внушающаго, повидимому, полное довѣріе. Это современникъ Вилліе, котораго онъ лично зналъ и о которомъ, во всякомъ случаѣ, могъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія, какъ офиціальныя, такъ и частныя; это извѣстный въ свое время литераторъ, авторъ грамматики, издатель газеты, сочинитель романовъ и повѣстей, словомъ—Н. И. Гречъ. А между тѣмъ какую колоссальную нелѣпость смастерилъ онъ о немъ въ своихъ Запискахъ, напечатанныхъ въ № 5-мъ „Русскаго Архива" за 1873 годъ. Наговоривъ въ этихъ Запискахъ всякаго вздора о графѣ Кутайсовѣ, который будто бы въ полномъ парадномъ мундирѣ, съ андреевской лентой черезъ плечо, брилъ императора Павла I-го, Гречъ не могъ не задѣть и Вилліе, который также былъ приближеннымъ лицомъ къ государю и находился въ дружескихъ отношеніяхъ къ графу Ивану Павловичу. Ради краснаго словца, обозвавъ прежде всего Я. В. Вилліе „шотландскимъ гусемъ", Гречъ, благо расходилась рука, вотъ что настрочилъ о немъ:

«Джемсъ Вилліе прибылъ въ Россію въ званіи подлекаря и опредѣлился въ Семеновскій полкъ баталіоннымъ врачомъ. Онъ успѣлъ оказать важную услугу шефу полка в. к. Александру Павловичу, который обѣщалъ ему свое покровительство, но не могъ ничего въ то время ему сдѣлать. Вдругъ Кутайсовъ заболѣлъ нарывомъ въ горлѣ. Его лечили первые придворные медики, но не смѣли сдѣлать операціи надрѣзомъ нарыва и ждали дѣйствія природы, а боли между тѣмъ усиливались. По ночамъ дежурили у него полковые лекаря. Вилліе явился, въ свою очередь, и, за ужиномъ порядочно выпивъ даровой мадеры, сѣлъ въ кресло у постели и заснулъ. Среди ночи сильное хрипѣніе разбудило его. Онъ подошелъ къ больному и видитъ, что тотъ задыхается; не думая долго, Вилліе вынулъ ланцетъ и царапъ по нарыву. Гной брызнулъ изъ раны; больной мгновенно почувствовалъ облегченіе и пришелъ въ себя. Можно себѣ вообразить радость Павла: Вилліе немедленно пошелъ въ гору, былъ принятъ ко двору и сдѣлался любимцемъ Александра. Предвидя ожидающую его фортуну, онъ выучился латинскому языку и по секрету прошелъ курсъ медицины и хирургіи...»!!

Таково измышленіе Греча, а вотъ дѣйствительность:

Вилліе прибылъ въ Россію не подлекаремъ, а по окончаніи полнаго курса въ Эдинбургскомъ университетѣ, съ дипломомъ на степень доктора медицины, отъ Эбердинскаго университета. Въ Семеновскомъ полку вовсе не служилъ, а, по выдержаніи установленнаго

Библиотека "Руниверс"

экзамена въ медицинской коллегіи, опредѣленъ 9-го декабря 1790 г. старшимъ врачомъ въ Елецкій пѣхотный полкъ, съ которымъ участвовалъ въ походахъ и сраженіяхъ въ продолженіе польской кампаніи 1793 и 1794 гг. Искуснымъ пользованіемъ больныхъ и раненыхъ, особенно удачнымъ производствомъ весьма важныхъ хирургическихъ операцій, Вилліе пріобрѣлъ въ арміи общую извѣстность. Благодаря такой репутаціи и зная лично Вилліе, князь Борисъ Владиміровичъ Голицынъ пригласилъ его къ себѣ домашнимъ врачомъ и онъ, въ ноябрѣ 1795 г., вышелъ въ отставку и поселился у князя въ Москвѣ, гдѣ съ успѣхомъ занимался частною практикою въ продолженіе трехъ лѣтъ. Ко двору же онъ поступилъ по слѣдующему случаю.

Въ 1798 г. Вилліе пріѣхалъ съ княземъ Голицынымъ въ Петербургъ и остановился въ домѣ гр. Строганова у Полицейскаго моста. Въ это время датскій посланникъ графъ Бломъ былъ тяжко боленъ и на совѣщаніи врачей, состоявшемъ изъ лейбъ-медиковъ: Рожерсона, Бека и Блока, и лейбъ-хирурга Леблона, вслѣдствіе задержанія мочи у больнаго и невозможности ввести катетеръ, рѣшено было вскрыть мочевой пузырь посредствомъ троакара. Лейбъ-медикъ Рожерсонъ, знавшій лично своего земляка Вилліе, предложилъ послать за нимъ, сказавши, что, быть можетъ, этотъ молодой военный хирургъ преодолѣетъ препятствіе, съ которымъ они справиться не могутъ. Графъ Бломъ жилъ у Пѣвческаго моста, и потому Вилліе, въ посланной за нимъ каретѣ, скоро пріѣхалъ къ нему; но попытки его ввести катетеръ также оказались безъуспѣшными. Тогда пришла ему счастливая мысль, которую онъ немедленно и привелъ въ исполненіе. Онъ велѣлъ ювелиру, отрѣзавъ кончикъ серебрянаго катетера, притупить края его и ввести въ него толстую проволоку, ограненную на концѣ въ видѣ троакара. Съ этимъ импровизированнымъ инструментомъ онъ возвратился къ графу Блому, ввелъ катетеръ до встрѣтившагося препятствія и проложилъ чрезъ него входъ троакарной проволокой, а по выпущеніи мочи, ввелъ эластическій катетеръ; затѣмъ излеченіе съуженія и фистулъ не представляло большаго труда.

По выздоровленіи графа Блома, императоръ Павелъ приказалъ своему лейбъ-медику Беку представить ему Вилліе. Когда этотъ врачъ явился во дворецъ, то государь императоръ, по выходѣ изъ кабинета, подошелъ прямо къ нему и въ самыхъ лестныхъ и милостивыхъ выраженіяхъ благодарилъ за излеченіе его искренняго друга, у котораго онъ, съ августѣйшей супругой своей, путешествуя подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ, останавливался въ Парижѣ, гдѣ графъ Бломъ былъ тогда посланникомъ. Потомъ его величество спросилъ Вилліе, гдѣ онъ служилъ? и наконецъ сказалъ: „Я скоро отправляюсь въ

Библиотека "Руниверс"

вояжъ; надѣюсь, что вы не откажитесь мнѣ сопутствовать". Это было уже знакомъ монаршей милости относительно опредѣленія ко двору, и Вилліе, указомъ, придворной конторѣ даннымъ 25-го февраля 1798 г., опредѣленъ придворнымъ операторомъ, съ производствомъ въ надворные совѣтники, въ каковомъ званіи и сопровождалъ императора, во время путешествія его величества въ Москву и Казань.

Спустя года полтора послѣ опредѣленія Вилліе ко двору, онъ спасъ жизнь любимцу императора графу Ивану Павловичу Кутайсову. Лѣтомъ 1799 года, во время пребыванія государя въ Петергофѣ, графъ Кутайсовъ жилъ въ Ропшѣ и заболѣлъ жабою, вслѣдствіе которой образовался нарывъ, лежавшій очень глубоко, такъ что больному угрожала неминуемая смерть отъ задушенія. Вилліе, посланный къ больному государемъ, смѣлою хирургическою операціею предотвратилъ неизбѣжный смертельный исходъ болѣзни. Во время болѣзни графа Кутайсова, ни днемъ, ни ночью не дежурили у него полковые лекаря, а находился при немъ и лечилъ его одинъ Вилліе. О болѣзни графа Ивана Павловича Вилліе нѣсколько разъ въ день посылалъ бюллетени въ Петергофъ, а въ день, назначенный имъ для операціи, императоръ не сѣлъ въ опредѣленный часъ за столъ и все время, въ ожиданіи извѣстія отъ Вилліе, прохаживался въ верхнемъ саду, по большой аллеѣ противъ дворца. Когда посланный Яковомъ Васильевичемъ Вилліе истопникъ Воробьевъ подалъ государю записку о благополучномъ совершеніи операціи графу Кутайсову, его величество весьма тому обрадовался, приказалъ подавать обѣдать, а Воробьева тутъ же произвелъ въ камеръ-лакеи. За излеченіе графа Кутайсова Вилліе пожалованъ въ лейбъ-хирурги, съ назначеніемъ въ тоже время докторомъ наслѣдника цесаревича Александра Павловича.

И такъ, не вслѣдствіе излеченія графа Кутайсова — Вилліе принятъ былъ ко двору,— какъ присочинилъ это Гречъ,— а бывши уже при дворѣ оказалъ онъ столь важную услугу графу Ивану Павловичу. Что касается до выходки Греча, будто Вилліе только въ это время, т. е. когда уже пожалованъ былъ лейбъ-хирургомъ и назначенъ докторомъ наслѣдника цесаревича, сталъ учиться латинскому языку и по секрету прошелъ курсъ медицины и хирургіи, то это видимая безсмыслица. Въ изученіи латинскаго языка Вилліе не могъ нуждаться, потому что онъ зналъ его и зналъ хорошо. Онъ обязанъ былъ знать латинскій языкъ уже при поступленіи въ университетъ, гдѣ нѣкоторые предметы преподавались на этомъ языкѣ. Что онъ зналъ латинскій языкъ до поступленія ко двору, доказывается написанною имъ на латинскомъ языкѣ въ 1794 г., во время службы его въ Елецкомъ пѣхотномъ полку, диссертаціею: de usu

Библиотека "Руниверс"

arsenici in febribus intermittentibus (объ употребленіи мышьяка въ перемежающихся лихорадкахъ). Диссертація эта, собственноручно написанная Вилліе и утвержденная подписью полковаго командира генерала Феньшау и штабъ-офицеровъ полка, хранится нынѣ въ числѣ автографовъ въ Музеѣ Императорской медико-хирургической академіи.

Слѣдующій случай, разсказанный мнѣ самимъ Яковомъ Васильевичемъ Вилліе, показываетъ какъ хорошо онъ зналъ латинскій языкъ при самомъ поступленіи ко двору. Однажды рано утромъ императоръ Павелъ, во время прогулки въ Гатчинскомъ саду, съ Гораціемъ въ рукахъ, подозвалъ къ себѣ Вилліе, который въ это время былъ тоже въ саду, и спрашивалъ у него объясненія на нѣкоторыя строфы изъ XXVIII оды Горація „Archytas et Viator". Объясненіями его государь остался очень доволенъ и благодарилъ его за нихъ. Могъ-ли человѣкъ, только что начавшій учиться латинскому языку, хорошо понимать и объяснять Горація?

До поступленія ко двору Вилліе семь лѣтъ уже, съ 1790 по 1798 годъ, занимался медицинской практикой, а по Гречу онъ только съ 1799 года сталъ по секрету учиться медицинѣ и хирургіи!

Сообщ. **В. С. Сахаровъ.**

Лола Монтесъ.

1818—1861.

I.

Помѣщая ниже разсказъ очевидца о высылкѣ извѣстной авантюристки Лолы Монтесъ изъ Варшавы, считаемъ не лишнимъ привести о ней біографическія свѣдѣнія:

Лола Монтесъ, или какъ ее звали настоящимъ именемъ: Марія Долоресъ Поррисъ-и-Монтесъ, принадлежитъ къ числу любопытныхъ и оригинальныхъ личностей послѣдняго времени. О ея молодости и даже времени рожденія свѣдѣнія очень темны и сбивчивы, такъ какъ она сама старалась скрыть и то, и другое. По ея словамъ, она родилась въ 1824 г., въ Лимерикѣ (въ Ирландіи), но гораздо достовѣрнѣе отнести рожденіе ея къ 1818 г., въ Севильѣ. Отецъ ея былъ испанскій офицеръ, мать креолка, вышедшая вторично за англійскаго офицера, увезшаго ее въ Англію. Тамъ, маленькая Лола воспитывалась въ Батѣ, въ частномъ пансіонѣ, и рано вышла замужъ за офицера остъ-индской арміи, Джемса, который отправился съ нею въ Индію. Тамъ, скромная жизнь въ гарнизонѣ не удовлетворяла стремленіямъ молодой женщины къ блеску и роскоши и она тайно уѣхала въ Европу, бросивъ мужа. На кораблѣ въ нее влюбился капитанъ Ленноксъ, адъютантъ лорда Эльфинстона, но страсть его скоро потухла, вѣроятно, отъ болѣе короткаго знакомства съ нравомъ и характеромъ авантюристки. Вернувшись въ Англію, она жила въ крайней бѣдности и задумала вернуться въ Испанію для поправленія дѣлъ. Въ Мадритѣ она жила открыто въ короткихъ отношеніяхъ съ нѣсколькими лордами, потомъ спустилась до самыхъ низкихъ степеней позорной жизни. Отправившись оттуда въ Брюссель,

Библиотека "Руниверс"

она нѣкоторое время пользовалась любовью одного изъ членовъ королевскаго семейства, потомъ судьба забросила ее въ Варшаву, гдѣ она пѣла по улицамъ и трактирамъ.

Въ 1840 году Лола Монтесъ появилась въ Парижѣ на сценѣ театра Porte-Saint-Martin. Здѣсь она близко сошлась съ русскимъ писателемъ, Б...шкинымъ, сообщившимъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» любопытныя свѣдѣнія о ней. Ея оригинальная красота и еще болѣе оригинальныя манеры понравились парижанамъ, но эксцентричная особа вздумала однажды протанцовать безъ трико—и ее попросили оставить Парижъ. Отправившись въ Берлинъ, она безъ успѣха дебютировала тамъ на королевскомъ театрѣ и должна была уѣхать и изъ этого города вслѣдствіе слѣдующаго приключенія: на большихъ маневрахъ, данныхъ въ честь прибытія русскаго императора, въ присутствіи короля прусскаго, Лола присутствовала, верхомъ, въ числѣ зрительницъ. Пушечные выстрѣлы испугали ея лошадь, бросившуюся въ свиту государя. Жандармъ началъ осыпать ударами лошадь и ругательствами ни въ чемъ неповинную амазонку. Она не выдержала и отдѣлала его, въ свою очередь, хлыстомъ такъ, что возникло было дѣло. На другой же день, судебный приставъ явился къ ней съ повѣсткой — явиться къ допросу на слѣдствіе. Лола вырвала изъ рукъ его бумагу и, изорвавъ въ клочки, швырнула въ лицо служителю закона. За это хотѣли ее арестовать, но, опасаясь скандала, выслали изъ столицы. Она отправилась опять въ Варшаву.

Къ этому времени относится интересный эпизодъ высылки Лолы Монтесъ изъ Варшавы, разсказываемый г. А. Роспоповымъ, которому поручено было ее сопровождать до границы.

II.

«Лолу Монтесъ,—такъ разсказываетъ г. Роспоповъ,—можно было вполнѣ назвать красавицею, идеаломъ совершенства: глаза голубые, густыя черныя рѣсницы, бровь тонкою дугою, волосъ черный съ отливомъ легкой синевы, коса тяжелая, густая, стройный станъ, граціозна, притомъ весела, симпатична, увлекательна и наивна какъ дитя.

Пріѣхавши въ Варшаву, по рекомендаціи обратилась она къ банкиру Штенкелеру, который съ дирекціею театра сдѣлалъ условіе на 12 представленій: Лола должна была танцовать андалузку, во время антрактовъ; нѣсколько разъ она являлась на сцену своевременно, публика всегда ею была восхищена, но какъ-то случилось, что опоздала; директоръ театра потерялъ терпѣніе, самъ отправился за ней въ Римскую гостинницу, засталъ ее въ одномъ бѣльѣ; она передъ зеркаломъ продѣлывала на; подбѣжавши къ директору, спросила: «что вамъ угодно?» и, не дождавшись отвѣта, закричала: «какъ вы осмѣлились войти къ дѣвицѣ (въ паспортѣ она была названа дѣвицею) безъ доклада, прошу выйти и не смѣть безъ доклада входить».

Потомъ Лола Монтесъ явилась на сцену, протанцовала андалузку, публика была въ восторгѣ, а директоръ шепнулъ своимъ подручнымъ во время танца шикать и свистать, но Лола не обратила на это вниманія и кончила танецъ. Занавѣсъ опустилась, оркестръ продолжалъ играть, а шиканье и свистки все продолжались; вдругъ Лола Монтесъ выпрыгнула изъ-за занавѣса и подбѣжала къ суфлеру, оркестръ замолчалъ; чистымъ, яснымъ и громкимъ голосомъ по французски она закричала: «господа и госпожи, этому гнусному афронту я обязана вотъ этому господину», указывая на ложу директора. Публика вышла

Библиотека "Руниверс"

изъ себя, крича: бисъ, бисъ, браво, Лола, браво!! а директоръ до половины высовывался изъ ложи, чтобъ замѣтить крикуновъ.

Въ то время кн. Паскевичъ былъ въ Скерневицахъ на охотѣ; начальство же, остававшееся въ Варшавѣ, порѣшило: поставить къ дверямъ квартиры Лолы Монтесъ полицейскаго солдата.

По возвращеніи изъ Скерневицъ, его свѣтлость приказалъ Лолу Монтесъ выслать съ жандармскимъ офицеромъ за границу, а меня князь, потребовавъ къ себѣ, спросилъ: «ты слыхалъ какъ напроказничала Лола Монтесъ? ты былъ въ то время въ театрѣ?» Я отвѣтилъ, что былъ; потомъ князь спросилъ: «правда ли, что были свистки и публика кричала: бисъ, бисъ, браво, Лола?» Я подтвердилъ, что дѣйствительно такъ было; князь нахмурившись сказалъ: «не было никакой надобности директору самому ѣздить къ ней, могъ послать кого нибудь»; потомъ продолжалъ: «ты отвези ее за границу, въ Познань, только помни, она испанка, у каждой изъ нихъ за подвязкою кинжалъ».

10-го ноября 1844 года, прислана была ко мнѣ придворная карета. Я отправился къ Штенкелеру, чтобъ вмѣстѣ пойти къ Лолѣ Монтесъ и объявить ей, что, по приказанію князя намѣстника, она должна ѣхать со мною. Когда ей это было объявлено, она подбоченясь спросила «куда ѣхать?» Штенкелеръ отвѣтилъ: за границу; она начала плакать, повторяя: «за границу не поѣду, а поѣду въ Петербургъ». Штенкелеръ и я ласково стали ее уговаривать, она все плакала и, распустивши свои прекрасные волосы, ими играла; потомъ, подойдя ко мнѣ, спросила: «кто вы такой?» Я отвѣтилъ: маіоръ,—на что она сказала: «только» и съ ироніей продолжала: «въ Варшавѣ такъ много генералъ-маіоровъ, зачѣмъ же князь не прислалъ ко мнѣ генералъ-маіора», причемъ захохотала, взяла кастаніеты и начала выдѣлывать пируэты и па, потомъ обратилась ко мнѣ и сказала: «ѣду, но только пообѣдаю и отдохну».

Едва въ 4 часа по полудни мы тронулись съ мѣста. При проѣздѣ черезъ городъ, въ карету къ намъ набросали много конфектъ; у заставы ожидала толпа молодежи. Лола привѣтливо кланялась, подавая нѣкоторымъ руку; многіе просили позволить имъ проводить ее до первой станціи, но я не дозволилъ.

На почтовой станціи Олтаржево, въ пассажирской комнатѣ очень было холодно, я распорядился подать самоваръ, самъ приготовилъ чай; она съ удовольствіемъ это приняла; когда лошади были запряжены, я попросилъ ее одѣваться; она, погрозивши мнѣ пальцемъ, взяла подушку, легла на диванъ и накрыла голову шалью; я, видя, что она упрямится, серіезно сказалъ ей: ежели она со мною не поѣдетъ, то я возвращусь въ Варшаву, а ее прикажу жандарму отвезти за границу.

Это на нее подѣйствовало, она соскочила съ дивана, но въ тотъ моментъ входитъ въ комнату камердинеръ ея, Лоренсъ, съ окровавленнымъ лицомъ и съ разбитымъ носомъ: онъ, неся сундукъ, поскользнулся и упалъ. Лола, увидѣвши его, начала бить въ ладоши, хохотать и кричать: Фигаро, Фигаро! потомъ подала мнѣ руку и протяжнымъ голосомъ пропѣла: allons, allons, plus vite [1]); какъ видно, Лолою Монтесъ владѣли всѣ крайности.

Морозъ былъ около 12-ти градусовъ, Лола была очень легко одѣта, все на шелку, даже теплыхъ ботинокъ не имѣла; я предложилъ ей мѣховой дорожный мѣшокъ на ноги и свою шубу, чѣмъ чрезвычайно она была довольна, а для себя бралъ шубу у смотрителей отъ станціи до станціи.

---

[1]) Ѣдемъ, ѣдемъ, только поскорѣе.

Библиотека "Руниверс"

Въ г. Ловичѣ въ то время былъ жандармскій офицеръ, женатый на испанкѣ изъ Барцелоны, и имѣлъ взрослыхъ дочерей; у нихъ мы остановились, подъ предлогомъ нездоровья, на нѣсколько дней; Лола была въ восторгѣ, что встрѣтилась со своими.

Въ мѣстечкѣ Колмъ остановились на ночлегъ; я распорядился чаемъ, уложилъ Лолу спать, а самъ пошелъ къ этапному начальнику маіору Денисьеву; бывши у него, мною одолѣло какое-то тревожное чувство, я немедленно поспѣшилъ въ гостинницу, гдѣ мы остановились; входя въ комнату, я почувствовалъ сильный угаръ, сейчасъ бросился къ хозяйкѣ, чтобъ она пошла посмотрѣть не угорѣла ли Лола; хозяйка, войдя къ ней, громко начала звать прислугу; я вошелъ вмѣстѣ и мы вынесли Лолу Монтесъ на половину хозяйки, почти безъ признаковъ жизни; я былъ въ отчаяніи, поспѣшилъ къ маіору Денисьеву, съ нимъ вмѣстѣ побѣжалъ за докторомъ; привезли двухъ, одного мѣстнаго, а другаго проѣзжающаго изъ-за границы—оба съ особеннымъ усердіемъ начали приводить ее въ чувство; надежды къ спасенію почти не было, но когда сдѣлали теплую ванну, оказались признаки жизни, потомъ изъ ноги открыли кровь. По мнѣнію докторовъ, достаточно было еще полчаса, чтобъ Лола на вѣкъ уснула: угарный газъ сильное произвелъ давленіе на мозгъ. Въ гостинницѣ помѣщеніе было весьма неудобное; жена маіора Денисьева предложила перенести Лолу Монтесъ къ нимъ на квартиру. Хотя опасность уже миновалась, но всетаки Лола въ безпамятствѣ пробыла восемь часовъ, стоная и тяжело дыша; доктора находились при ней и употребляли всѣ средства къ облегченію ея страданій. Когда получила полное сознаніе, она жаловалась на тошноту, сильную головную боль и на біеніе сердца. На другой день, въ 11 часовъ утра, Лола попросила меня войти къ ней; взявши мою руку, положила на голову и сказала: «очень болитъ»; мнѣ такъ стало ее жаль, что у меня слезы навернулись на глазахъ; потомъ просила, чтобъ я обѣими руками взялъ ее за голову и сжалъ.

Позвавши Лоренса, приказала ему подать сакъ-вояжъ, вынула семь полуимперіаловъ, по три дала докторамъ, а одинъ фельдшеру; я же еще отъ себя поблагодарилъ докторовъ.

Лола Монтесъ такъ была слаба, что нѣсколько дней не вставала съ постели, читала молитвенникъ, перебирала четки и, какъ дитя, играла въ куклы съ дочерьми маіора Денисьева.—Лоренсъ все время постоянно былъ пьянъ.

Въ продолженіе десяти дней Лола Монтесъ едва на столько поправилась, что мы могли отправиться далѣе. Въ Познань пріѣхали въ четыре часа по полудни; она просила меня пойти съ нею купить теплую шубку, потомъ пригласила меня вмѣстѣ съ нею отобѣдать и выпить шампанскаго: je bois au mauvais passé et au bien heureux avenir! [1]).

Прощаясь со мною, Лола Монтесъ взяла меня за руку, надѣла на палецъ цѣнное кольцо, и поцѣловала мою руку; замѣтя, что я сконфузился, сказала: «Vous avez adouci mon chagrin, vous m'avez sauvé la vie; acceptez ce présent en signe de ma réconnaissance» [2]).

Грустно мнѣ было съ нею прощаться; она взяла мой адресъ и, черезъ два

---

[1]) За дурное прошедшее и за весьма счастливое будущее.

[2]) Вы облегчили мое горе, вы спасли мою жизнь, примите этотъ подарокъ, въ знакъ моей благодарности.

Библиотека "Руниверс"

или три года, прислала изъ Мюнхена при письмѣ свой портретъ, съ тѣмъ, чтобъ я непремѣнно пріѣхалъ взглянуть на замокъ ея Лансфельдъ.

Черезъ нѣкоторое время Лола Монтесъ явилась въ С.-Петербургѣ, но была выслана за границу въ сопровожденіи жандармскаго офицера.

По возвращеніи, когда я явился съ докладомъ къ кн. Паскевичу, то князь грозно меня спросилъ: «какъ же ты такъ распорядился, что въ угарную комнату помѣстилъ Лолу Монтесъ? хорошо, что счастливо кончилось, а, сохрани Богъ, умерла бы, срамъ бы былъ, а все обрушилось бы на меня».

Когда я разсказалъ всѣ подробности этого несчастнаго случая, князь сказалъ: «хорошо, что ты успѣлъ распорядиться, а могла бы быть бѣда,—ну, спасибо».

III.

Не смотря на неудачу въ Варшавѣ, Лола попробовала пробраться даже въ Петербургъ. Но здѣсь пребываніе ея ограничилось только нѣсколькими часами. Пріѣхавъ вечеромъ, она на другой же день была выслана изъ столицы до границы съ жандармомъ.

Во Франціи она снова явилась и на этотъ разъ подъ покровительствомъ Франца Листа. Пресса, знавшая ея подвиги, приняла ее съ восторгомъ, журналисты доставили ей дебютъ въ Парижской оперѣ, но публика освистала ее и неукротимая авантюристка, снявъ съ ноги башмакъ, бросила имъ въ партеръ. Чрезъ нѣсколько времени, въ игорномъ домѣ изъ-за нея возникла дуэль, кончившаяся смертью ея любовника, журналиста Дюжарье. Умирая, онъ завѣщалъ ей 20,000 франковъ. Лола уѣхала въ Лондонъ, откуда отправилась въ Мюнхенъ въ сопровожденіи авантюриста Папона, напечатавшаго ея Записки (въ Женевѣ, въ 1849 г.) и замѣшаннаго въ уголовные процесы. Въ столицѣ Баваріи она задумала привлечь въ свои сѣти самого короля. Устроена была встрѣча, будто бы случайная, у одного камергера. Король Людовикъ пожелалъ, чтобы авантюристка протанцовала передъ нимъ фанданго и вскорѣ же до того увлекся ею, что черезъ пять дней она была офиціально введена ко двору. Король представилъ ее въ качествѣ «своего лучшаго друга». 14-го августа 1847 года королевскимъ указомъ дано ей право гражданства въ Баваріи, потомъ титулъ баронессы Розенталь и графини Ландсфельдъ, вмѣстѣ съ пенсіономъ отъ государства въ 20,000 флориновъ и великолѣпнымъ дворцомъ въ Мюнхенѣ. Наконецъ, Людовикъ потребовалъ, чтобы всѣ члены его семейства приняли благосклонно авантюристку, а королева получила предписаніе вручить ей ленту высшей степени ордена Терезіи. Тогда глава кабинета Абель вышелъ въ отставку со всѣми министрами, представивъ королю посланіе въ угрожающемъ тонѣ. Новопожалованная графиня сама избрала новый кабинетъ, но онъ, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, сталъ на сторону враговъ авантюристки. Она не смѣла показаться въ публикѣ, гдѣ ее встрѣчали свистками и криками, и только во дворцѣ ея не было отбою отъ услужливыхъ придворныхъ. Къ стыду аристократіи и даже искусства и литературы—къ ногамъ прекрасной Лолы приносили свои поклоненія принцы, вельможи, писатели, артисты. Но гроза разразилась вскорѣ. Авантюристка приняла подъ свое покровительство студенческій союзъ, называвшійся «Аллеманія» и состоявшій изъ молодежи, видѣвшей въ ней защитницу либеральныхъ идей. Но этихъ «Аллемановъ» остальные студенты приняли, въ началѣ февраля 1848 года, на лекціяхъ самымъ недружелюбнымъ образомъ; принуждены были закрыть лекціи. Профессора и министръ просвѣщенія Валлерштейнъ напрасно уговаривали студентовъ прекратить вражду.

Библиотека "Руниверс"

Въ тоже время Лола не побоялась показаться на улицахъ Мюнхена, пѣшкомъ, безъ свиты, была узнана и подверглась сильнымъ оскорбленіямъ. Это происходило близь дворца, гдѣ былъ праздникъ. Король самъ узналъ о случившемся, вышелъ на улицу и избавилъ графиню отъ толпы. 10-го февраля 1848 г. появился указъ, закрывавшій Мюнхенскій университетъ на годъ. Эта мѣра довершила озлобленіе народа. Къ студентамъ присоединились рабочіе и граждане, возмущеніе превратилось въ революцію и весь мюнхенскій муниципалитетъ потребовалъ удаленія фаворитки. Она отказалась уѣхать. Но верхняя палата, испуганная народными угрозами, вытребовала у короля приказъ о ея удаленіи. Она принуждена была повиноваться. Чернь бросилась на дворецъ ея и разграбила его. Не теряя надежды, Лола явилась въ тотъ же день снова въ Мюнхенъ, переодѣтою, но ее не допустили къ королю. Около мѣсяца прожила она въ окрестностяхъ Мюнхена, все ожидая, что ее попросятъ вернуться; въ замѣнъ этого она получила извѣстіе объ отреченіи короля отъ престола (20-го марта 1848 г.) и о томъ, что ее лишили права мюнхенскаго гражданства. Тогда она уѣхала въ Италію съ Папономъ и докторомъ Бидельсомъ.

Оттуда она направилась въ Бернъ, гдѣ интрига ея съ однимъ чиновникомъ посольства сдѣлалась всѣмъ извѣстна. Затѣмъ, въ Лондонѣ явилась актрисою на Ковентгарденскомъ театрѣ, въ піесѣ, нарочно для нея написанной: «Лола Монтесъ или графиня на часъ». Потомъ она вышла замужъ за Гида, поручика гвардіи королевы Викторіи, получавшаго до 16,000 фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода. Семейство Гида обвинило Лолу въ двоемужствѣ, такъ какъ Джемсъ еще былъ живъ въ Индіи. Началось слѣдствіе. Лола внесла тысячу фунтовъ стерлинговъ залога, чтобы не лишиться свободы, но потомъ раздумала и бѣжала въ Испанію со вторымъ мужемъ, отъ котораго имѣла двухъ дѣтей. Въ 1852 году первый мужъ ея умеръ дѣйствительно, но въ тоже время она разошлась и со вторымъ, и тотъ, въ 1853 году, утонулъ случайно въ Лиссабонской гавани. Лола еще разъ побывала въ Лондонѣ, опять явилась на сценѣ, потомъ отправилась въ Новый Орлеанъ. Канадіецъ Джонсъ началъ возить ее по разнымъ городамъ новаго свѣта, гдѣ она играла на сценѣ. Въ 1853 году, въ Санъ-Франциско, она вышла въ третій разъ замужъ за редактора газеты «The San-Francisco-whig».

Вернувшись въ Европу, она, въ 1855 году, поѣхала въ Австралію и въ Мельборнѣ явилась на сценѣ театра «Викторія». Редакторъ газеты «Ballarat Times» Сикемпъ напалъ на нее въ своемъ листкѣ; она отдѣлала его по своему и публика приняла ея сторону, но, ангажированная на театръ Кросби, она поссорилась съ его директоромъ и, позволивъ себѣ обычныя дерзости, была въ свою очередь избита женою директора. Это заставило ее покинуть Австралію и вернуться въ Парижъ, гдѣ прошелъ слухъ о ея четвертомъ замужствѣ съ артистомъ Моклеркомъ. Газета «Le Pays» напечатала часть ея Записокъ, составленныхъ, конечно, не ею. Болѣе вѣрныя свѣдѣнія объ авантюристкѣ заключаются въ конференціяхъ, которыя она читала въ Лондонѣ о самой себѣ. Въ 1858 году явились въ «Figaro» отрывки этихъ конференцій.

Авантюристка кончила свою жизнь, полную такихъ странныхъ похожденій, въ Нью-Іоркѣ, въ 1861 году, компаньонкою одной англичанки. Виновница баварской революціи умерла въ параличѣ, съ христіанскимъ смиреніемъ и полнымъ раскаяніемъ—какъ увѣряютъ, по крайней мѣрѣ, католическіе журналы.

Z.

Библиотека "Руниверс"

Медицина въ Дербентѣ, въ 1842 г.

Старшему доктору Дербентскаго военнаго госпиталя господину медико-хирургу и кавалеру Минякову, лекаря Харкевича рапортъ.

1842 года, ноября 17-го дня, за № 806-мъ, изъ г. Кубы, областной врачъ Трейеръ сдѣлалъ мнѣ честь препроводить предписаніе слѣдующаго содержанія:

1) что онъ замѣтилъ безпорядокъ при обревизованіи у меня бумагъ, и что не ведутся исправно реэстры поступающимъ и исходящимъ бумагамъ;

2) не представляются въ свое время срочныя свѣдѣнія и копіи съ выдаваемыхъ свидѣтельствъ;

3) не имѣется при запискѣ штатныхъ суммъ документовъ, касающихся прихода и расхода;

4) что медикаменты хранятся не въ должномъ порядкѣ и отчасти въ разшибенныхъ банкахъ;

5) что ключъ отъ инструментовъ утерянъ и потому ихъ высокоблагородіе не могли удостовѣриться объ ихъ исправности, и, наконецъ,

6) предписываетъ лекарю Соколову принять отъ меня должность на строжайшемъ законномъ основаніи!

На всѣ эти рескрипты, данные мнѣ, вѣроятно, въ благодарность за безкорыстную и вѣрную службу, я поставляю за необходимость отдать отчетъ вашему превосходительству.

ОТЧЕТЪ.

Пунктъ 1-й. Безпорядокъ бумагъ заключается въ слѣдующемъ:

1) Въ теченіи 11-ти лѣтъ, то-есть со времени существованія дербентскихъ врачей, не было ни одного входящаго журнала, исключая 1839 г.,

и 2) Исходящіе же журналы, за исключеніемъ 1838 г., состоятъ на лицо.

Осмѣливаюсь спросить: имѣлъ-ли я право нарушить ихъ феодальную древность моими европейскими нововведеніями?...

Пунктъ 2-й. О высылкѣ копій изъ свидѣтельствъ я не получилъ отъ моего предмѣстника никакого наставленія и самъ, правду сказать, этого не зналъ.

Пунктъ 3-й. О фальши въ расходахъ. Г. Трейеръ во время ревизіи вѣроятно не досмотрѣлъ, что подъ каждою статьею выдачи денегъ: бабкѣ, фельдшерамъ и тому подобнымъ личностямъ, есть подписи ихъ рукъ о полученіи слѣдующей имъ суммы. Больше этого документа, я не знаю какіе имъ нужны?.. Что же касается на счетъ документовъ о расходахъ прежнихъ врачей, то они такіе же точно, какъ и мои.

Библиотека "Руниверс"

Пунктъ 4-й, гдѣ г. Трейеръ негодуетъ на содержаніе медикаментовъ. Я честь имѣю донести вашему превосходительству, что Дербентская градская аптека была сдана мнѣ лекаремъ Грабовскимъ въ мѣшкѣ, приличной прочности; она состояла и понынѣ состоитъ изъ нѣсколькихъ пакетовъ сгнившихъ травъ и кореньевъ и изъ очень умѣреннаго количества разшибенныхъ банокъ, съ много-различными цѣлебными веществами. Проникнутый непритворнымъ уваженіемъ къ растительному и минеральному царствамъ, я съ отеческимъ попеченіемъ принялъ все обѣими руками, положилъ въ лучшую амбразуру моего дома и въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ наблюдалъ за этимъ скарбомъ съ рыцарскимъ благородствомъ!.. Расходовъ изъ него никакихъ не было, не смотря на то, что я ежеминутно пылалъ желаніемъ уврачевать кого-нибудь изъ правовѣрныхъ жителей Дербента этою изящною латинскою кухнею!.. Починять всѣ разшибенныя банки я бы могъ — если бы учился гончарному искусству, превращать сгнившій бузинный цвѣтъ или алтейный корень въ свѣжій и цвѣтущій,—чего непремѣнно желаетъ г. Трейеръ,—я готовъ, если только онъ соблаговолитъ дать мнѣ предписаніе, чтобы я обратился въ бузинное дерево или въ кукушкины слёзки!...

Пунктъ 5-й, касающійся потери ключа, то это правда! Онъ мною потерянъ, но инструменты всѣ исправны и на лицо.

Пунктъ 6-й, повелѣвающій г-ну Соколову принять должность на строжайшемъ законномъ основаніи, вынуждаетъ меня на вопросъ: что такое они подразумѣваютъ подъ именемъ законнаго основанія?.. По моему, законное основаніе есть то, что сдѣлано по предписанію начальства и исполнено по несомнѣнному документу!.. Я такъ и сдѣлалъ! Я принялъ должность по предписанію вашему, по документу, утвержденному четырьмя врачами, а слѣдовательно—законно!.. Положимъ, что этотъ документъ фальшивитъ во многихъ номерахъ, но и въ этомъ я невиноватъ, а виноваты мои предмѣстники!.. Я что взялъ — то и отдамъ!

Прошу ваше превосходительство дать предписаніе Соколову принять дѣла такъ, какъ четыре врача принимали и сдавали ихъ другъ другу; если же онъ не захочетъ этого сдѣлать, то я полагаю поступить съ нимъ безъ церемоніи, по обычаю древнихъ, то есть: весь архивъ, аптеку, книги и кострюли завернуть въ какую нибудь тряпку, запечатать въ присутствіи депутатовъ, и съ почтеніемъ положить подъ столъ уѣзднаго управленія, доколѣ не прибудетъ самъ областной врачъ г. Трейеръ.

Что же касается до сдачи живыхъ существъ, какъ то: одной пары фельдшеровъ, то я, не имѣя ни малѣйшей возможности до ревизіи со-

Библиотека "Руниверс"

держать ихъ въ пакетахъ узаконенной формы, нахожусь лишь въ необходимости доложить, что они состоятъ на лицо и оба живы. Кромѣ того,—что́, конечно, дѣлаетъ честь ихъ непосредственнымъ познаніямъ,—они исправны, трезвы, грамотѣ ни по латынѣ, ни по русски не знаютъ, имѣютъ строгій и ученый видъ, а особливо когда бываютъ осѣнены остроконечными бараньими шапками и вооружены оспопрививательными ланцетами. Лекарь Харкевичъ.

1842 года декабря 21-го дня.

Дербентъ. № 42. Сообщ. П—й.

Помѣта: «Получено 22-го декабря 1842 г.»

Ридигеръ и Паскевичъ.

1854 г.

1854 года, объявлено было въ «Варшавскомъ Курьерѣ», въ № 156, что намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ, князь Паскевичъ, увѣдомилъ гр. Ридигера, исправлявшаго должность намѣстника, что 28-го мая, при блокадѣ крѣпости Силистріи, онъ получилъ въ бокъ сильную контузію.

Будучи въ то время военнымъ начальникомъ Радомской губерніи, я вошелъ къ Ридигеру съ просьбою разрѣшить отслужить благодарственное молебствіе, «въ присутствіи всѣхъ воинскихъ чиновъ, находившихся въ Радомѣ, за спасеніе жизни высокоповелительнаго, и дабы Господь Богъ продлилъ дни жизни любимаго и чтимаго начальника».

На это я получилъ увѣдомленіе канцеляріи намѣстника, отъ 16-го (28-го) іюня, за № 4,982, что «исправляющій должность намѣстника графъ Ридигеръ похваляетъ чувства, которыми внушено мое намѣреніе; но что его сіятельство не можетъ дать разрѣшенія на мое ходатайство, такъ какъ это было-бы противно высочайшей волѣ, воспрещающей всякія со стороны подчиненныхъ изъявленія начальникамъ благодарности, поднесеніемъ подарковъ или иными какими бы то ни было торжественными дѣйствіями».

По прошествіи довольно продолжительнаго времени, гр. Ридигеръ потребовалъ меня въ Варшаву. При представленіи, въ числѣ прочихъ, графъ сказалъ мнѣ: «а вы останьтесь». Когда всѣ откланялись, графъ подошелъ ко мнѣ съ гнѣвнымъ видомъ и грозя пальцемъ закричалъ:

—«Какъ вы осмѣлились входить съ представленіемъ о молебствіи и употребить несоотвѣтственное выраженіе «высокоповелительный»? вы интриганъ, вы человѣкъ опасный, я васъ здѣсь всѣхъ проучу, а на васъ за дерзкій вашъ поступокъ надѣну лямку!!»

Эта гроза меня такъ ошеломила, что я едва могъ устоять на ногахъ и не помню самъ, какъ, поднявши руки вверхъ, сталъ креститься, произнося:

—«Вотъ истинное наказаніе Божіе, что за преданность любимому начальнику я долженъ пострадать».

Графъ, замѣтя мое отчаяніе и слыша сказанное мною, подошелъ, взялъ меня за плечо, и что-то хотѣлъ сказать, но въ то время доложили, что курьеромъ пріѣхалъ полковникъ графъ Опперманъ, который, въ ту-же минуту, являясь, доложилъ, что намѣстникъ кн. Паскевичъ сего дня возвращается въ Варшаву. На лицѣ гр. Ридигера обнаружилось изумленіе, онъ весь побагровѣлъ и сказалъ: «зачѣмъ онъ сюда ѣдетъ, ему тутъ нечего дѣлать», и вмѣстѣ съ Опперманомъ пошелъ въ кабинетъ, я же, растерянный и огорченный, отправился на квартиру, слегъ въ постель и за желаніе отслужить молебенъ за кн. Паскевича поплатился нервическою горячкою. Сообщ. А. Роспоповъ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ
ВЪ XVI ТОМѢ
„РУССКОЙ СТАРИНЫ“
1876 г.

(МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ, АВГУСТЪ).

А.

Абель, глава баварс. кабинета 1848 г., 722.
Августинъ, 662.
Авдотья, дѣвушка, 506.
Аграфена, дочь Пугачева, 1774 г., 505—508.
Аграфена, жена казака Пьянова, 608.
Адлербергъ, гр. Владим. Ѳедор., ген.-адъют. мин—ръ двора, 296.
Аванчевская, фрейлина 1789 г., 421.
Акимовъ, капит.-лейтен. 1795 г., 178.
Александра Павловна, вел. княж., въ замуж. палатина Венгерская, р. 1783 г. † 1801 г., 416.
Александра Ѳедоровна, императ. 274, 285.
Александръ I, императ., походъ 1807 г., 60—72; ссылка Сперанскаго 1812 г., 74—88; указъ 1824 г. о возвращеніи изъ Сибири В. В. Пассекъ, 124; пріѣздъ въ Курскъ 155; указъ 1801 г., 194; упом. 386, 646, 686, 712—717.
Александръ Невскій, вел. кн., 281, 306.
Алексіано, контръ-адм. 1788 г., 469—477; 571.
Алексѣевъ, Григорій, солдатъ, 1773 г., 623—625.
Алексѣевъ, Петръ, малыковскій повытчикъ 1772 г., 613.
Алексѣй Михайловичъ, царь, р. 1629 † 1676 г., 277, 304, 306.
Али-паша, 688.
Алмфельдъ, полкв. 1788 г., 455.
Алопеусы, братья, 1795 г., 177.
Альбрехтъ, 144.
Амбодикъ, докторъ, 1787 г., 3.
Ангальтъ, принцъ, 1788 г., 6; 429.
Ангальтъ, гр., 1788 г., 5, 17; 239; 433; 476; 478.
Ангулемская, герцогиня, 1807 г., 62.
Ангулемскій, герцогъ † 1844 г., 61.
Анджейковичъ, Екат. Ѳаддѣевна, см. гр. **Венигсенъ**.
Анджейковичъ, Ѳаддей Романов., дворянинъ Гродненской губ., 390.
Андреевскій, архангельск. губернаторъ, 1812 г., 77.
Андреевъ, курьеръ, 1788 г., 6.
Аничкова, г-жа А. С., см. **Матвѣева**.
Анна Іоанновна, императрица, 604.

Библиотека "Руниверс"

Анна Степановна, свояченица Дружинина, 1773 г., 625.
Аносовъ, поруч. 1843 г., 366.
Антипьевъ, казакъ яицкій 1772 г.. 608.
Антоній Падуанскій, св., 557.
Антоній, варшавскій еписк., уніатъ, 299.
Антоновичъ, попечитель Кіевск. учебн. округа. 328—342.
Антонычъ, буфетчикъ, 533.
Анфантенъ, 327.
Апраксинъ, гр., капит. поручикъ гвардіи, † 1789 г., 21; 414; 422.
Апраксинъ, гр. Степ. Степ., ген. отъ кавал., р. 1757 † 1827 г., 19; 178; 422; 571.
Апрѣлевъ, плацъ-адъют. 1796 г., 179.
Аракчеевъ, гр. Алексѣй Андр., ген. отъ кавал., воен. мин—ръ, р. 1769 † 1834 г., 75, 76, 155, 179; 627.
Аргамакова, Настасья Ермиловна, см. **Матвѣева**.
Аргамаковъ, Михаилъ, 200.
Аргутинскій-Долгорукій, кн., 1843 г., 367; 375.
Армфельдъ, шведъ, любимецъ короля, 1788 г., 579.
Армфельдъ, шведъ, 1812 г., 76.
Арсеньевъ, поруч. 1787 г, 253.
Арсланъ-Гирей, 1782 г., 35.
Артемьевъ, конногвардейской секретарь, 1788 г., 212.
д'Артуа, гр., внукъ Людовика XV, 627.
Архаровъ, Никл. Петр., ген.-директоръ полиціи, р. 1742 † 1814 г., 182—185; 214; 576; 604.
Асенкова, Александра Егор., актриса, † 1850 г.. 397.
Асенкова, Варвара Николаевна, знаменитая артистка, † 1841 г., 397.
Аслановъ, кн., старшина башкирскаго войска, 1773 г., 503.
Ассофекръ, акушеръ, 1788 г., 460.
Астраковъ, Никл. Ив., 660.
Афанасьевъ, Андрей, яицкій атаманъ, 1773 г., 505.
Ахверды-Магома, 1840 г., 355; 357.
Ахмедъ-ханъ, правитель Аваріи 1840 г., 358; 365.

Б.

Бабановъ, штб.-капит., 1843 г., 351; 371.
Байковъ, офиц. 1790 г., 429; 430.
Байронъ, поэтъ, 114; 514.
Балахонцевъ, секрет. 1773 г., 620.
Балашовъ, Алсд. Дм., министръ полиціи 1812 г., 76—85.
Валлей, 1789 г., 413.
Валменъ, 1784 г., 52.
Валугьянскій, чиновн. 1812 г., 74; 86.
Вальи, офиц. 1789 г., 414; 416.
Вальи, ученый, 526.
Варатовъ, кн. Е. А., 123.
Барклай-де-Толли, Елена, рожд. фонъ-Смиттенъ, 196.
Барклай-де-Толли, кн. Мих. Богдан., преміеръ-маіоръ, впослѣдствіи ген.-фельдмаршалъ, р. 1761 † 1818 г., 196—198; 627; 714.
Варрьеръ, Ф. (F. Barrière) издатель «Записокъ» Массона о Россіи, 386.
Варышниковъ, Н. П. Сообщ.: «Домашній памятникъ Н. Г. Левшина», 60—72.
Ваташовъ, купецъ 1788 г., 212.
Ватырь-Гирей, 1782 г., 35.
Ватюшковъ, Конст. Никл., писатель, р. 1788 † 1854 г. Посланіе его къ А. И. Тургеневу 1816 г., 201; 202.
Вауеръ, 1782 г., 35; 40; 254.
Вахтуринъ, уланскій офиц., поэтъ, 335—342.
Вахтѣевъ, отставн. маіоръ, 1790 г., 603; 604.
Безбородко, гр. Алсд. Андрв., государств. канцл. р. 1747 † 1799 г., 4—32; 210—238, 239; 242; 401—438; 461; 600.
Безбородко, гр. Илья Андр. † 1816 г., 19; 45, 47, 56; 239.
Беіеръ, камердинеръ 1788 г., 14.
Беклешовъ, 1790 г., 426.
Бекъ, лб. медикъ 1798 г., 433; 716.
Бекъ, чиновн. 1812 г., 74; 86.
Бельгардъ, маіоръ, нынѣ ген.-лейтен. и членъ комитета о раненыхъ, 356; 362; 364.
Бенигсенъ, гр. Екатер. Ѳадѣевна, рожд. Анджейковичъ, 390; 391.
Бенигсенъ, гр. Леонт. Леонт. (von Ben-

Библиотека "Руниверс"

ningsen) ген.—отъ кавалеріи, р. 1745 † 1826 г., 67; 387—394.
Бенкендорфъ, гр. Алсд. Христофор. ген.-адъютантъ, шефъ корпуса жандармовъ, р. 1783 † 1844 г., 11; 154; 268; 424—430.
Бенкендорфъ, гр. Анна—Юліана, рожд. барон.: Шиллингъ фонъ-Канштадтъ, 222.
Беранже, см. **Брангеръ**.
Бергъ, капитанъ 1788 г., 24.
Бергъ, Ник. Вас., записки его объ осадѣ Севастополя, 170.
Бердорфъ, адмиралтейскій штабъ-лекарь 1812 г., 84.
Берингъ, вахмистръ 1789 г., 411.
Берлинскій. Статья его: «Фельдмаршалъ Паскевичъ въ Крымскую войну», 161.
Берло, Арсеній, еписк. переяслв., 712.
Бернардскій, граверъ, 300.
Берхманъ, ген.-маіоръ, 1788 г., 585.
Бестужевъ-Рюминъ, гр. Алексѣй, государст. канцлеръ 1746 г., 174; 175.
Бетховенъ, композиторъ, 136, 143, 145.
Бецкій, Ив. Ив., дс. тн. сов. и камергеръ, р. 1704 † 1795 г., 429.
Бибиковъ, 1773 г., 621.
Бибиковъ, камеръ-юнкеръ 1787 г., 239; 421.
Бибиковъ, директоръ театра 1788 г., 12.
Бибиковъ, Дм. Гавр., Кіевскій воен. губернат. 1844 г., 286—290.
Виделькъ, докт. 1848 г., 722.
Вязиковъ, Петръ, 1772 г., 609.
Билеръ—старшій, 1789 г., 405.
Билеръ, 1789 г., 238; 405.
Біо, астрономъ, 526.
Блокъ, лб. медикъ 1798 г., 433; 716.
Блудова, графиня, 1834 г., 267.
Бломъ, гр., датскій послан. 1798 г., 716.
Боборыкинъ, 1788 г., 14; 402; 596.
Богдановичъ, М. И. Составит. «Исторіи царствованія Александра I», 388.
Богдановъ, 1788 г., 19.
Боготиховъ, сержантъ 1787 г., 253.
Богушевскій, царскосельскій уѣздный судья, 558.
Воде, баронъ, вице-президентъ Московс. дворцов. конторы, 273, 279.
Волговской, Дм. Никл., сержантъ 1796 г., 178.
Бонапарте, Іосифъ, братъ Наполеона I, 546.
Бонапарте, Матильда, см. **Демидова**.
Боне, граверъ, 1766 г., 204.
Бонетимъ, капит. 1821 г., 631.
Борисякъ, заслуж. проф. Харьков. унив., 193.
Боровской, полковн. 1788 г., 27; 574.
Борщовъ, артил. капралъ 1787 г., 253.
Боуверъ (Боуръ) 1789 г., 234, 235.
Брагъ, шведъ, † 1756 г., 472.
Брамбеусъ см. **Сенковскій**.
Брангеръ, швейцарецъ, хозяинъ ресторана, 550.
Браницкая, гр. Александра Васил., рожд. Энгельгардтъ, 28; 40; 239; 463—466.
Браницкій, гр. гетманъ 1788 г., 450—460.
Бресанъ, 1773 г., 495.
Бригманъ, артил. ген.-маіоръ 1789 г. 418.
Бродъ, 145.
Бросе, академикъ, 1838 г., 280.
Брюловъ, Карлъ Павл., проф. академ. † 1852 г., 280.
Брюсъ, гр. Яковъ Александр., ген.-аншефъ, † 1791 г., 1—29; 212—233; 399—424, 461, 464, 476; 596.
Брянчаниновъ, архимандр., 283.
Будбергъ, 1790 г., 424.
Будбергъ, бар., арміи капит. 1795 г., 178.
Булгаковъ, секундъ-маіоръ, † 1787 г., 251, 252.
Булгаковъ, Як. Ив., дс. тн. сов., посланникъ въ Константинополѣ, р. 1743 † 1809 г., 34, 43, 45; 242, 243; 433; 456—458; 588.
Булгари, графъ, 344, 345.
Булгари, графиня, 344, 345.
Бурновъ, Ив., казакъ 1773 г., 493.
Быковъ, Никл. Ѳедосѣев., поруч., 1807 г., 67.
Бѣлаго, Сидоръ, полковн., запорожскій кошевой 1788 г., 475.
Бѣлинскій, Виссаріонъ Григ., р. 1810 † 1848 г., 350.
Бѣлобородовъ, 1774 г., 504; 505.
Бѣлосельская-Бѣлозерская, кн., статсъ-дама, ея собраніе древностей, 270.

Библиотека "Руниверс"

Бѣлявскій, ген.-маіоръ, 1845 г., 378.
Бэконъ, 513.

В.

Вавиловъ, Ив., сотникъ 1772 г., 617.
Вадковской, подполкв. семеновскій, † 1783 г., 52.
Вадковской, 1787 г., 3, 7.
Ваксель, охотникъ-стрѣлокъ, 1830 г., 100, 101.
Валентиновичъ, Текла Игнат. см. кн. **Зубова**.
Валлерштейнъ, баварской мн-ръ просвѣщ. 1848 г., 722.
Валуевъ, Пт. Степ. 1787 г., 239.
Вальверъ, Джемсъ (James Walker), граверъ и членъ спб. академіи худож., 204—206.
Вараденъ, кавалеръ, 1789 г., 417.
Варламовъ, Василій, 1812 г., 79—84.
Василій III Васильевичъ Темный, вел. кн., р. 1415 † 1462 г., 593.
Василій, архіеписк. новгородск. 280.
Василій, о. законоучитель, 655.
Васильевъ, Ив., 1772 г., 620.
Васильевъ, Якимъ, казакъ 1774 г., 498.
Васильевъ, живописецъ, 1833 г., 150—154; 300, 301.
Васильчиковъ, секундъ-маіоръ 1790 г., 430.
Васильчиковъ, А., издалъ: «Liste alphabétique de portraits russes» изд. 1875 г., 204—206.
Вахтмейстеръ, гр., шведскій вице-адмир., 1788 г., 575—585.
Веберъ, К. М., композиторъ, 141.
фонъ-Ведель, баронъ, 344.
Ведель, барон. Анна Родіоновна, см. гр. **Чернышева**.
Ведель, баронесса Марія Родіоновна, см. гр. **Панина**.
фонъ-Ведель, баронесса, Настасья Богдан., рожд. Пассекъ, 344.
Вейкартъ, 1788 г., 5; 239.
Веклеръ, мозаичныя работы его 1833 г., 147.
Веллингтонъ, см. **Уеллинтонъ**.
Вельтманъ, А. Ѳ., помощн. директора московск. оружейной палаты, 1846 г., 281.
Вельяминовъ, Пт. Лукичъ, 1789 г., 417, 421.
Вердеревскій, генер. 1807 г., 70.
Верженовъ, 1787 г., 242.
Верстовскій, 143.
Вершининъ, донской казакъ-старовѣръ, 1772 г., 613.
Веселитскій, 1782 г., 33—36.
Веселитскій, полковн. 1843 г., 366.
Веселовскій, Петръ Ильичъ, помѣщикъ 1821 г., 632—636.
Викторовъ, генер., † 1845 г., 380.
Вилимсонъ, преміеръ-маіоръ 1787 г., 252.
Вилліе, (Sir James Wylie Baronet) баронетъ, Яковъ Вас., лейбъ-медикъ и д. тн. сов., р. 1768 г., 196—200; 712—218.
Вильгельмъ III, король прус. 1807 г., 61.
Вильгренъ, поруч. 1840 г., 356.
Винтеръ, офиц. 1789 г., 414, 584.
Виртембергскій, принцъ, 1782 г., 36—56; 247; 424; 433.
Висковатовъ, А. В. Разсказы кн. П. М. Волконскаго 1845 г., 176—190.
Висковатовъ, К. А. Сообщ. «Разсказы свѣтл. кн. П. М. Волконскаго, 176—190.
Витбергъ, Алсд. Лавр., акад. р. 1787 † 1855 г., 667—670.
Витгенштейнъ, кн. Петръ Христіан., фельдм., р. 1768 † 1843 г., 627.
Витоптовъ, старшина, 1774 г., 489.
Витошковъ, войсковой старшина, 1773 г., 483.
Виттъ, 1788 г., 459.
Витвордъ, англ. чрезвычайн. министръ, 1788 г., 233.
Віельгорскій, гр., романсы его, 145.
Владиміръ-Мономахъ, вел. кн. 1125 г., 265, 266; 306.
Власьевъ, думный дьякъ, 304.
Водо, О. Т., 341.
Воиновичъ, 1787 г., 245; 443; 574—578; 584.
Волковъ, Ѳедоръ, купецъ 1774 г., 495.
Волковъ, 1789 г., 237.
Волковъ, А. А., ген.-поручикъ 1788 г, 17; 407.
Волконская, кн. Елисавета Петр., рожд. Макулова, 176.
Волконскій, кн. Дм. Петр., ген.-лейт. † 1853 г., 176, 177.

Библиотека "Руниверс"

Волконскій, кн. Мих. Петр. † 1796 г., 176; 626.
Волконскій, кн. Никл. Серг., ген. отъ-инфантеріи, р. 1753 † 1821 г., 177.
Волконскій, кн. Петръ Мих., мин-ръ двора и фельдмарш. р. 1776†1852 г., 122; 160; 284—295; 176—190; 554; 555; 640.
Воловичъ, подполкв. 1819 г., 628, 629; 638.
Волоцкой, А. А., 1843 г., 371.
Волховской, 1788 г., 23; 440.
Волхонская, княж. Варвара Александровна, 92—100.
Вольскій, ученикъ акварелистъ, 1834 г., 267.
Вольтеръ, Франсуа-Мари-Аруэ, франц. писатель, р. 1694 † 1778 г., 298.
Воробьевъ, истопн., 1799 г., 717.
Вороннинъ, чл. артил. деп. 1824 г., 641; 644; 645.
Воронова, Елисав. Васил., см. **Зубова**.
Воронцова, граф. Екат. Ром. см. **Дашкова**.
Воронцова, Елисавета, 1773 г., 503.
Воронцовъ, генер. 1773 г., 503.
Воронцовъ, гр. Алексд. Роман., госуд. канцлеръ, р. 1741 † 1805 г., 7—30; 210—225; 600.
Воронцовъ, кн. Мих. Семен., ген.-адъют., кавказ. намѣстникъ, р. 1781 † 1856 г., 325; 374—381; 695; 696; 704.
Воронцовъ, кн. Семенъ Роман., посолъ при лондонскомъ дворѣ, р. 1744 † 1832 г., 215—259; 422; 594.
Вревскій, бар. Пав. Алсд., ген.-адъют., † 1855 г., 163, 166.
Вульфъ, капит. † 1807 г., 69.
Вяземская, княжна, 1788 г., 15.
Вяземская, княж. Прасковья Александр. см. **Зубова**.
Вяземскій, кн. Алсд. Алексв., ген.-прокуроръ, р. 1727 † 1793 г., 212, 227, 228, 245, 394; 404—421, 602, 626.
Вяземскій, кн. П. А., 404.
Вязмитиновъ, генер., главнокомандующій въ Петербургѣ 1812 г., 86, 87.

Г.

Гаврила, кузнецъ 1774 г., 496.
Гавриленковъ, 1788 г., 14.
Гаевскій, генер., 1807 г., 70.
Галаховъ, капит. 1774 г., 501; 502.
Галвеси, испанс. посланникъ, 1788 г., 577.
Галкина, Авдотья Васил., 530—544.
Галкинъ-Врасскій, М. Н., бывш. начальн. Эстляндской губерніи, 510.
Гальбергъ, баварскій генер., 549—553.
Ганнибалъ, 1783 г., 40.
Гантвигъ, Карлъ Егоров. ген.-поручикъ, 1788 г., 10, 17; 213; 418.
Гарбауръ, докторъ 1812 г., 77.
Гардеръ, полкв, 1824 г., 642.
де-ла Гардъ, 1807 г., 61.
Гарновскій, Михаилъ, артил. полковн. Записки его, 1787—1790 гг., 1—32; 207—238; 399—440; упом. 595; 600.
Гвидо Рени, живопис., 520.
Гедеонъ, митроп. кіевскій, 1685 г., 289.
Гедиминъ, Литовскій князь, 1320 г., 288.
Гезель, 1789 г., 423.
Гейманъ, 1833 г., 527.
Гейнрихъ, принцъ прусскій 1795 г., 177.
Гельбигъ, нѣмецкій историкъ, 594.
Гендриковъ, гр. 121.
Гензельтъ, композиторъ, 137, 145.
Геннади, Г. Н. Сообщ. о портретѣ Екатерины II въ старости, 204, 205.
Георгій Черный, сербс. кн. 1807 г., 686.
Герасимовъ, Ив., казакъ 1773 г. 480, 481.
Герасимовъ, Петръ, казакъ 1773 г., 481—485.
Герасимовъ, Трофимъ, подъячій 1772 г., 617; 618.
Герасимовъ, учен. москов. архитектурн. училища, 274.
Гермесъ, пермскій губернат. 1812 г., 79, 81, 87.
Герцбергъ, прусскій министръ. 1787 г., 246.
Г....нъ, Алсд. Ив., писатель, 89—130; 309—350; 515—541; 649—670.
Герценъ, Егоръ Ив., 109—114; 336, 339.
Герштенцвейгъ, Даниил Алсд., генералъ, † 1848 г. Замѣтка о его смерти, 203.
Гескетъ, 553.

Библиотека "Руниверс"

Гессенъ-Филипсталъскій, принцъ, 262; 405.
Гете, нѣмец. писатель, 132.
Гибнеръ, писатель, 1788 г., 210.
Гидъ, поруч. гвардіи королевы Викторіи, † 1853 г., 723.
Гильу, 144, 145.
Гицель, ген.-поручикъ, 1788 г., 579.
Глаголевскій, Степанъ, см. **Серафимъ**.
Главовъ, Пав. Михайл. полковн. 1788 г., 27-31; 45; 574.
Глеза, мичманъ 1788 г., 459; 463.
Глинка, Людмила Ив. см. **Шестакова**.
Глинка, Мих. Ив., композиторъ, р. 1804 † 1857 г., 143. Акростихъ ему, 1850 г., 204.
Глинская, Елена, литвянка, вторая супруга вел. кн. Василія Ивановича, 383.
Глушковъ, подпоруч. † 1788 г., 580.
Глѣбовъ, подполковн. 1788 г., 224.
Гоблицъ, правитель канцел., 1788 г., 233.
Гоголь, ген.-маіоръ, вице-дир. арт. деп., 1824 г., 639—645.
Годлевскій, К., 1845 г., 325.
Годуновъ, Борисъ Ѳедоровичъ, царь, † 1605 г., 308; 523.
Гокъ, англ. адмир., 1788 г., 450.
Голенищевъ - Кутузовъ - Смоленскій, кн. Мих. Иларіонов., ген.-маіоръ, впослѣдствіи фельдмарш., р. 1745 † 1813 г., 196; 583—605; 627.
Голиковъ, Ив. Ив., писатель, 174.
Голицына, княж., 1789 г., 424.
Голицынъ, кн., 1773 г., 504; 509.
Голицынъ, кн. Алсд. Мих., фельдмарш. † 1783 г. 51.
Голицынъ, кн. Бор. Вадм., 716.
Голицынъ, кн. Дм. Вас., московскій ген.-губернат., 1831 г., 105; 264, 265.
Голицынъ, кн. Нікл. Алексв., 1783 г., 37; 41.
Голицынъ, кн. С. Н., 1816 г. 202.
Головатовъ, Николай, крестьян., 1772 г., 602.
Головинъ, начальн. Кавказс. корпуса, 321; 358—374.
Головинъ, гр. Алсд. Гавр., д. тн. сов., чрезвычайный и полномочный посолъ, † 1760 г., 174, 175.
Головкинъ, гр. Гавріилъ, государ. канцлеръ, † 1734 г., 174.
Головкинъ, гр. Ив. Алексд., д. ст. сов., 176.
Головкинъ, гр. Мих. Гавр., вице-канцлеръ, † 1755 г., 174.
Головкинъ, гр. Петръ Алексд., ст. сов., 176.
Головцынъ, Егоръ Андр., губернаторъ Архангельс. губ., 1766 г., 394.
Голофѣевъ, ген.-лейт., 1840 г., 354, 355.
Голохвастовъ, Дм. Павл., 527.
Голохвастовъ, Нікл. Павл., 109, 110; 336; 339.
Голубцовъ, сержантъ, 1787 г., 253.
Гордъ, гр. шведъ, 1788 г., 472.
Горевъ, чл. арт. деп. 1824 г., 643—646.
Горикъ, капит. 1843 г., 370.
Горловъ, казакъ 1773 г., 494.
Горнъ, шведъ, † 1756 г., 472.
Горскій, ученикъ, 267.
Горчаковъ, кн. Андрей Ив., фл.-адъют. 1796 г., 181; 182; 448.
Горчаковъ, кн. Мих. Дм., главнокомандующій русской арміей, 1855 г., 161—170; 687—704.
Готгардъ, 1807 г., 72.
Фонъ-Гофтъ, 1788 г., 450; 452.
Граббе, ген.-адъют., 1839 г., 351—361.
Грабовскій, лек. 1842 г., 724.
Грачевъ, фабрикантъ серебр. издѣлій, 305.
Гревсъ, 1787 г., 239.
Грейгъ, Самуилъ Карловичъ, адмир., начальн. флота, р. 1736 † 1788 г., 9—32; 39; 213; 225; 246; 250; 443; 467; 468; 476; 572—588.
Гречъ, Нікл. Ив., писат. и журнал., р. 1787 † 1867, 715; 717.
Гржегоржевскій, Исидоръ Алсд., ген.-маіоръ, † 1871 г. Состав. очеркъ дѣйствій генер. Клюки-фонъ-Клугенау на Кавказѣ, 1836—1850 гг., 351—382.
Грибовскій, 1788 г., 4.
Гроссъ, 144.
Гротгусъ, баронесса, 1807 г., 71.
Гротъ, Як. Карл. академ. ред. изданія: «Сочиненія Державина», 601.
Грузинскій-Соловьевъ, 389—394.

Библиотека "Руниверс"

Губерти, Н. Сообщ. письмо гр. П. И. Панина о поимкѣ Пугачева, 509.
Гудгудъ, башкир. старшина 1773 г., 504.
Гудовичъ, М. В. 1787 г., 3.
Гудонъ, художн.-скульпторъ, 298.
Гульдъ, садовникъ 1790 г., 425; 438.
Гуммель, композиторъ, 137, 144, 145.
Гурко, ген.-лейтен., 1843 г., 368—375.
Густавъ III, король шведскій, р. 1746 † 1792 г., 16—32; 213—138; 415—436; 454—476, 572—590.
Густавъ IV Адольфъ, король шведскій, р. 1778 † 1837 г., 573.
Гюго, Викторъ, франц. писатель, 108, 550.

Д.

Давыдовъ, 1788 г., 17.
Давыдовъ, кн. 1789 г., 412.
Даражеръ, гр. см. гр. **Рожеръ-де-Дамасъ**.
Даниловъ, Родіонъ, рядовой, 1787 г. 253.
Даниловъ, художникъ, 159.
Дантъ, писатель, 347.
Дашкова, кн. Екатерина Роман., рожд. гр. Воронцова, р. 1743 † 1810 г., 590; 596.
Дашковъ, П. Я. Сообщ. посланіе К. Н. Батюшкова, 202.
Деви, Гумфри, 516.
Дево (De Vaulx), 1788 г., 456.
фонъ-Дезинъ, контръ-адмир., 1788 г., 472; 585.
фанъ-Дейкъ, портретистъ, 520.
Деколонгъ, генер. 1773 г., 486—490.
Демидова, Екат. Алексѣевна, рожд. **Жеребцова**, 210.
Демидова, Матильда, рожд. Бонапарте, 294.
Демидовъ, Анатолій Никол., 292—294.
Демидовъ, Петръ Григ., 1788 г., 210.
Денебенъ см. **Орловская**.
Денисовъ, 1789 г., 237; 404.
Денисовъ, проф. † 1831 г., 105.
Денисьевъ, маіръ 1844 г., 720, 721.
Державинъ, Гавр. Роман:, писатель, поэтъ, гвардіи поруч. 1774 г., потомъ тн. св. мин-ръ юстиціи; 1743 † 1846 г., 593—603; 618—619.
Джевадъ-Ханъ, 1840 г., 355.
Джемалъ-Эддинъ, 366.
Джонсъ, Павелъ (Paul Jones), шотландецъ, контръ-адмиралъ и кавалеръ, р. 1747 † 1792 г., 7, 11, 15; 234; 414; 449—477; 589.
Джемсъ, оф. ост-индской арміи, 718; 722.
Джонсъ, Канадіецъ 1853 г., 723.
Дибичъ-Забалканскій, графъ Ив. Ив., фельдм., р. 1785 † 1831, 673.
Дистелъ, англ. капитанъ 1787 г., 256.
Дитмаръ, Доротея, см. **Манштейнъ**.
Дмитріевъ-Мамоновъ, гр. Алсд. Матв. ген.-адъют. Екатерины II, р. 1758 † 1803 г., 4—32; 207—238; 36—58; 258; 262; 288; 399—468; 595—602.
Дмитріевъ, Ив. Ив., капит. 1796 г., писатель, 183, 184.
Добрынинъ, Гавр. Ив., р. 1752 † 1824 г., Записки его, 709.
Долгополовъ, Остафій Трифоновъ, ржевскій купецъ пособникъ Пугачева 1773 г., 494—504.
Долгорукій, кн. В. В., 1836 г., 274.
Долгоруковъ, кн. Юрій Владим., ген.-поруч., 1787 г., 123; 255; 443; 454; 589.
Долгоруковъ, кн., гвард. офиц. 1788 г., 25.
Долгоруковы, князья, 1788 г., 213.
Долгоруковъ, кн. Вас. Вас. 1789 г., 423; 425; 449.
Долотинъ, донск. каз. Луганской станицы, 1772 г., 613.
Дохтуровъ, Дм. Серг., ген.-отъ-инфант., † 1816 г., 68, 70.
Драшковскій, курьеръ, 1788 г., 229; 235; 437.
Дружинина, Домна, жена алатовскаго купца, 1773 г., 622—625.
Дружинина, Мавра, дочь алатовскаго купца 1773 г., 622; 626.
Дружининъ, Максимъ 1773 г., 622—626.
Дружининъ, Никиф. Кузьм. раскольн. 1773 г., 620.
Дружининъ, Парфенъ Петр. алатовскій купецъ, пособникъ Пугачева, 1773 г. 622—626.
Дружининъ, Филимонъ 1773 г., 622—626.
Дубровскій, Алексѣй, секретарь Пугачева, 1773 г., 491.

Библиотека "Руниверс"

Дурново, капит. 1773 г., 479.
Душинкевичъ, 1788 г., 229, 233; 429.
Дьяконовъ, бригадиръ, 1788 г., 7.
Дюваль, 1790 г., 428.
Дювиллій, (de Veilly) портретистъ, 204.
Дюжарье, журналистъ, 1849 г., 722.
Дюкре-Дюменилъ, писат., 534.
Дюкъ, 1789 г., 423.
Дю-Пюже, (Du-Pujet), швейцар., библіотекарь импер. Маріи Ѳеодоровны, 387.

Е.

Евгеній, принцъ, 318.
Евдокимовъ, маіоръ 1842 г., 362; 371.
Евреиновъ, Петръ, 1773 г., 495.
Егергорнъ, шведскій маіоръ, 1788 г., 208; 214, 579.
Ежевскій, Ив. Прохор., 191.
Екатерина II, импер. въ Зап. Гарновскаго 1787—1790 гг.: 1—32; 209—238; 399—440. Переписка съ Кн. Потемкинымъ 1782—1788 гг., 33—58; 239—262; 441—478; 571—590. Портретъ ее въ старости, 204, 205. Ук. 1766 г. объ отысканіи морскихъ раковъ, 394 — 396. Пугачевскій бунтъ, 479—508; 607—626. Возвышеніе Зубова, 591—606. Упом.: 384, 609, 626, 672, 712--714.
Екатерина Павловна, вел. кн., въ первомъ супруж. принцесса Ольденбургская, во второмъ королева Виртембергская, р. 1788 † 1818 г., 11; 460—464.
Екель, 1783 г., 39.
Елагинъ, капит., 1796 г., 179.
Еламонъ, старшина, 1773 г., 504.
Елимъ-паша, 1782 г., 34.
Елисавета Алексѣевна, вел. кн. (Луиза-Марія-Августа) р. 1779 † 1826 г., пріѣздъ въ Москву, 187; упом.: 196.
Елисавета Петровна, импер.: Рескрипты 1746 г. 174—176;—упом.: 278; 473.
Елфинстонъ, 1783 г., 48.
Епифанычъ, писарь 1833 г., 529.
Ермоловъ, Алсд. Петр., флиг.-адъют., любимецъ Екатерины II, 406; 627.
Ермоловъ, Алексѣй Петр., ген. отъ артил. р. 1777 † 1861 г., 537; 538.
Еропкинъ, Пт. Дмит., 1789 г.. 422; 585.
Ерыжешковъ, хорунжій, 1787 г., 253.
Ефимовичъ, полковн. 1783 г.. 39.
Ефремъ, архимандр. Деревеницкаго монастыря 1833 г.. 149.

Ж.

Жанлисъ, г-жа, французс. писательница, 129; 534.
Жанъ-Жакъ, 542.
Жельветръ, Гаспаръ, 553—558.
Жербинъ, домовладѣлецъ, 556, 558.
Жеребцова, Екат. Алексѣевна, см. **Демидова**.
Жеребцова, Ольга Алексдр., рожд. Зубова, р. 1766 † 1849 г., 594.
Жеребцовъ, Алсд. Алсдр., д. с. сов. 1789 г., 594.
Жернавъ-Ефендій, 1788 г., 472.
Жиркевичъ, Ив. Степ., отств. ген.-маіоръ, р. 1789 † 1848 г. Записки его 1819—1824 г., 627—648.
Жонесъ, Пауль, контръ-адмиралъ, 1788 г. см. **Джонсъ**.
Жоржъ-Сандъ, писат—ца, 513.
Жуковскій, Вас. Андр., писат., р. 1783 † 1852 г., 535; 536.
Жуковскій, полкв. 1824 г., 639; 640.
Журавлевъ, чиновн. 1812 г., 74, 86.

З.

Заборовскій, 1788 г., 6, 10, 11, 405, 446, 449.
Завадовской, гр. Пт. Васил., ст.-секрет. Екатерины II, р. 1738 † 1812 г., 3—32, 41; 211—230; 422; 600.
Загоскина, Екат. Дмитр. рожд. **Мертваго**, 95—104; 339.
Загоскинъ, Мих. Никол., писатель, 102—126.
Загоскинъ, Никол. Никол., инженеръ-полковн., 1830 г., 94—108.
Загоскинъ, директ. московс. оружейной палаты, 1846 г., 281.
Задека, Мартынъ, 534.
Зайцевъ, маіоръ 1843 г., 366.
Зайцовъ, 1789 г., 596.

Библиотека "Руниверс"

Заковичъ, 1783 г., 42.
Закревскій, Н., авторъ сочин.: «Описаніе Кіева», 289.
Закревскій, генер.-губернат. Финляндіи, 1824 г., 461.
Зассъ, Алсд. Павл., флиг.-адъют. 1796 г., 185.
Зассъ, унт.-офиц. 1796 г., 185.
Засядво, начальн. московск. депо 1821 г., 633; 637; 638.
Затвепилинъ, сотникъ 1787, 253.
Захарьина, Нат. Алсд., 90; 126—128; 650—667.
Зертисъ-Эффендій, 1788 г., 466.
Зиновьевъ, новгородск. исправн. 1812 г., 87.
Злобинъ, именитый Вольскій гражданинъ, 1812 г., 78.
Знобищевъ, унт.-офиц. 1843 г., 370.
Золотухинъ, сержантъ, 1788 г., 447.
Зоменеръ, докторъ 1807 г., 71.
Зонненбергъ, Карлъ Ив., 666, 667.
Зоричъ, ген.-маіоръ, 1783 г., 39, 42; 446; 462.
Зотова, Марѳа Ив., супруга новгородск. вице-губернатора, 149.
Зотовъ, новгородской вице-губернаторъ, 1833 г., 149.
Зотовъ, Захаръ Конст., камердинеръ имп. Екатерины II, 220, 236; 400—439; 595; 596.
Зубова, Анна Алексдр., см. **Хорватъ**.
Зубова, Екат. Алсдр. † 1781 г., 594.
Зубова, Елисав. Васил., рожд. Воронова, р. 1742 † 1813 г., 593.
Зубова, Наталья Алксд., рожд. Суворова-Рымникская, р. 1775 † 1844 г., 593.
Зубова, Ольга Алексд., см. **Жеребцова**.
Зубова, Прасковья Алексдр., рожд. княж. Вяземская, р. 1772 † 1835 г., 593; 602.
Зубова, кн. Текла Игнатьевна, рожд. Валентиновичъ, † 1873 г., 593.
Зубовъ, Алсд. Никол., об.-прокуроръ, р. 1727 † 1795 г., 404; 422—428; 592; 593.
Зубовъ, гр., Валеріанъ Алсдр., полковн. фл.-адъют., впослѣдствіи ген.-аншефъ, р. 1771 † 1804 г., 424; 593—606.
Зубовъ, гр., Дмитрій Алсдр., ген.-маіоръ, р. 1764 † 1836 г., 593—602.
Зубовъ, гр. Николай Алексдр., об.-шталмейстеръ, р. 1763 † 1805 г., 206; 593—600.
Зубовъ, кн. Платонъ Алексдр., флиг.-адъют., любим. Екатерины II, потомъ генералъ-фельдцейхмейст. род. 1767 † 1822 г., портретъ его 1; возвыш. его, 1789—1790 гг., 206; 301; 401—438; 592—606.
Зубовы, 441; 600; 605; 606.
Зуровъ, полкв. 1854 г., 694.

И.

Ибрагимъ-ханъ, 1784 г., 55.
Ивановъ, Дмит. раскольн. 1773 г.. 620.
Ивановъ, Емельянъ, см. **Пугачевъ**.
Ивановъ, Козьма, раскольн., цеховой, 1773 г., 620.
Ивановъ, Петръ, сельскій попъ 1772 г., 617.
Ивановъ, Петръ, староста 1773 г., 626.
Ивановъ, капралъ 1787 г., 253.
Игельстромъ, гр. Осипъ Андр., 1788 г., 11, 12; 48; 424; 429; 438.
Игнатьевъ, ген. адъют. посолъ въ Константинополѣ, 673—698.
д'Израели, первый министръ Англіи, 547.
Ильчикулъ, башкир. старш. 1773 г., 504.
Ипсиланти, 688.
Иринархъ, инокъ, 290.
Исаевъ, подполкв. 1787 г., 253; 475.
Исаевъ, есаулъ 1787 г., 253.
Исаевъ, ген.-маіоръ 1807 г., 686.
Итколовъ, башк. старшина 1773 г., 504.
Ишліенъ, башк. старшина 1773 г.. 504.
Ишметъ, башк. старшина 1773 г., 505.

І.

Іевлевъ, гвардіи поруч., 1788 г., 447.
Іоаннъ III Васильевичъ, вел. кн., 306; 593.
Іоаннъ IV Грозный, царь, р. 1530 † 1584 г., 159; 278; 306. 317.
Іоаннъ V Алексѣевичъ, царь, р. 1666 † 1696 г., 289, 304.
Іоница, 1789 г., 423.
Іосифъ, имп. австрійскій, † 1790 г., 18, 27; 215—236; 240—256; Письмо его къ

Библиотека "Руниверс"

имп. Екатеринѣ II, 1783 г., 37, 38, 41; 57; 39, 45—52; 424, 425—470; 583; 590,
Іосифъ, патріархъ московскій, 384,

К.

Кабановъ, 78.
Кавелинъ, домовладѣлецъ, 560.
Казариновъ, отставной секундъ-маіоръ, 1788 г., 210, 217, 218, 417, 421.
Кази-мулла, 1831 г., 370.
Кайдаковъ, 389 — 394.
Какуринъ, прапорщ. † 1788 г., 580.
Калипо, капит. 1821 г., 631.
Каменскій, гр. Мих. Ѳедот., ген.-фельдмарш., р. 1738 † 1809 г., 28, 29, 257, 437, 575.
Каменскій, гр. Серг. Мих., ген.-отъ-инфант., р. 1772 † 1834 г., 627.
Камери, 1788 г., 7.
Канабихъ, ген.-маіоръ 1796 г., 185, 186.
Канзафаръ, Усаевъ, мещерянскій сотникъ, пособн. Пугачева, 1774 г., 497—505.
Канова, скульпторъ, 521.
Кантеміръ, кн. Дм. Конст., 122, 344.
Кантеміръ, кн. Конст. Антіохов., 344.
Кантеміръ, кн. Софья Богдан., рожд. Пассекъ, 344.
Капцевичъ, плацъ-маіоръ, 1796 г., 179.
Капцевичъ, ген.-губернат. Западной Сибири, 1824 г., 124.
Кара, ген.-маіоръ, 1773 г., 620.
Карадыкинъ, 1790 г., 425.
Карамзинъ, Никл. Мих., исторіографъ, р. 1766 † 1826 г., 305.
Карамышевъ, 1790 г., 439.
Каратыгинъ, Вас. Андр., трагич. актеръ, 517.
Каргинъ, 1773 г., 485.
Карелли, 137.
Каривна, А. Н., 90.
донъ-Карлосъ, 518.
Карлъ X, франц. кор., 671.
Карлъ XII, король шведскій, 172, 318, 573.
Карлъ, принцъ шведскій, братъ короля Густава III, 1788 г., 581.
Карновичъ, Е. П. Сообщ. «Русскій помѣщикъ въ XVIII стол.» 566—570.
Карновичъ, Никол. Степ., ярославскій помѣщикъ р. 1751 † 1812 г., 566—570.
Карнѣевъ, статсъ-секретарь, 553.
Карръ, писатель, 530.
Кастера, живописецъ, 204.
Каунитцъ, 1788 г., 456.
Каченовскій, Мих. Трофим., проф. московс. университета, издат. «Вѣстника Европы», р. 1775 † 1842 г., 326, 514.
Кашкинъ, Евг. Петр., ген.-аншефъ, ген.-губернат. тульскій и калужскій, род. 1738 † 1796 г., 254.
Келленъ, докторъ 1790 г., 429.
Кенихъ, скульпторъ, 1790 г., 428, 439, 456.
Кетчеръ, Никол. Христоф., 327, 340, 512.
Кибитъ-Магома, 1841 г., 359.
Кингсбергъ, адмир., 1788 г., 446—456.
Кинжинъ, татаринъ, 1774 г., 497.
Кирпичниковъ, 1773 г., 479.
Кирѣева, Александра Вас., 123.
Киселевъ, живописецъ, 274.
Кифа, монахъ Юрьевскаго монастыря, 1833 г., 154.
Кишенскій, Никол. Ѳед., ген.-маіоръ, 1801 г., 193.
Кишенскій, Ѳ. Н. Сообщ. Указъ имп. Павла о казни дизертира, 1801 г., 193, 194.
Кіага-бей, 1782 г., 34.
Клюки-фонъ-Клугенау, Францъ Карл., ген.-лейт., род. 1791 † 1851 г., дѣйствія его на Кавказѣ 1839—1850 г., 322—325: 351—382.
Клюшниковъ, прапорщ., 1787 г., 253.
Кноррингъ, 1789 г., 404.
Княжнинъ, Як. Борис., писат. р. 1742 † 1791 г., 604, 605.
Кобенцель, гр. Людвигъ, австрійскій посланникъ въ Россіи, р. 1753 † 1809 г., 37, 53, 210, 456.
Кобургскій, принцъ, 1788 г., 19, 586, 597.
Ковалевскій, полковн., 1844 г., 324.
Кованько, капит., 1721 г., 629.
Кожевниковъ, добрянскій купецъ, пособн. Пугачева, 1772 г., 610—612.
Козловскій, унт.-офиц. 1843 г., 371.
Козловскій, кн., офиц., 541.
Козловъ, об.-критсъ-коммисаръ 1788 г., 4, 12.
Козловъ, 1790 г., 439.

Библиотека "Руниверс"

Козловъ, частный приставъ нижегородс. полиціи 1812 г., 79.
Козловъ, команд. артил. роты, 1824 г., 639.
Козлянновъ, морской офиц., 1789 г., 410, 436.
Коковцовъ, капитанъ 1788 г., 28.
Колинсъ, адмир., 1788 г., 586.
Кологривовъ, ген.-лейтен., 1807 г., 65, 71.
Колонтаевъ, капит. 1787 г., 253.
Кольрейфъ, сынъ нѣмецк. пастора, 328.
Кольхенъ, 1787 г., 239.
Колюбакинъ, подполкв. 1790 г., 426.
Комаровскій, адъют. Измайл. полка, 1796 г., 183.
Конисскій, 1789 г., 592.
Константиновъ, Ив., комендантъ, 1774 г., 619.
Константиновъ, О. И., авторъ историческаго очерка: «Штурмъ Малахова кургана 1855 г.», 398.
Константинъ Николаевичъ, в. к., 298.
Константинъ Павловичъ, вел. кн. р. 1779 † 1831 г., 4, 65, 66; 180—190; 386, 586.
Коперникъ, астрономъ, 517, 526.
Корга, яицкій войсковой атаманъ, 1772 г., 609.
Кормартенъ, лордъ 1787 г., 259, 444.
Корниловичъ, 76.
Коровка, крестьянинъ-раскольникъ, 1772 г., пособн. Пугачева, 610—613.
Коровка, Антонъ, сынъ крестьянинъ-раскольника 1772 г., 610.
Корсаковъ, бригадиръ † 1788 г., 469, 475, 584.
Корсаковъ, инженеръ-полковн., † 1789 г., 47, 48, 257.
Корфъ, гр. Модестъ Андр., членъ госуд. совѣта, р. 1800 † 1876 г., 73, 75.
Косовичъ, маіоръ 1843 г., 366.
Костенецкій, В. Г., ген.-маіоръ 1813 г., 627.
Костенецкій, 1832 г., 328.
Костроминъ, купецъ 1812 г., 78.
Кохъ, 1787 г., 239.
Коцебу, Августъ, нѣмецк. писатель, р. 1761 † 1819 г., 108, 386, 387, 668.
Кочубей, камеръ-юнкеръ, 1787 г., 8, 239.
Красной, есаулъ 1787 г., 253.
Красовскій, И. Н. Воспоминанія его о войнѣ 1853—1856 гг., 166, 168.
Крейцъ, министръ шведскаго короля, 1783 г., 44.
Кречетниковъ, 1788 г., 456.
Кридноръ, полковн. 1807 г., 68.
Крузе, Алсд. Иван., адмиралъ, р. 1727 † 1799 г., 413, 428, 432.
Крупениковъ, артил. капит., 1787 г., 253.
Крыловъ, добрянскій купецъ 1772 г., пособникъ Пугачева, 611, 612.
Крыловъ, Андрей, капит. 1773 г., 486.
Крыловъ, Ив. Андр., баснопис., р. 1768 † 1844 г., 285.
Крузе, докт., 1790 г., 433.
Крюковъ, есаулъ 1787 г., 253.
Кузнецова, Устинья, дочь яицкаго казака 1772 г., жена Пугачева, 609.
Кузнецовъ, Андрей, донской казакъ 1772 г., 610—613.
Кулагинъ, Федоръ, крестьянинъ 1772 г., 617.
Куликовской, ген.-адъют., 1788 г., 31.
Кришталевскій, Софроній, еписк. иркутс., 712.
Курута, владм. губернат. 1837 г., 670.
Кутайсовъ, гр. Ив. Павл. об.-шталмс., † 1834 г., 715—717.
Кутейниковъ, есаулъ 1787 г., 253.
Кутузовъ, подполковн. 1788 г., 25.
Кутузовъ, камеръ-пажъ 1789 г., 410.
Кучина, Татьяна Петр. см. **Пассекъ**.
Кучинъ, Алксд. Ив., 92, 530, 534, 539.
Кучинъ, Петръ Ив., кашинскій помѣщикъ, 90.
Кучумаевъ, Язафаръ, башк. старшина 1774 г., 502.
Кушелевъ, Григ. Григ., адмир. 1796 г., 183.
Кюстинъ, 1787 г., 243.

Л.

Лабзинъ, Алсд. Ѳад., вице-президентъ Академіи Худож., 560.
Лабрестъ, 1789 г., 411.
Лаврентій, 1789 г., 423.
Ладыженскій, ротмистръ, 1791 г., 177.

Библиотека "Руниверс"

Лажечниковъ, И. И. писат., 344; 541—545.
Лазаревъ, 1790 г., 435.
Лампи, проф. живописи, 1790 г., 206.
Лангеръ, Эстляндс. гражд. губернат., 122.
Ланской, Алсд. Дмитр., ген.-адъют., любимецъ Екатерины II, † 1784 г., 239.
Ланской, офиц., 1788 г.. 215.
Лансфельдъ, графиня, см. **Лола-Монтесъ**.
Лапласъ, франц. ученый, 527.
Лахтина, г-жа, 341.
Лахтинъ, 327.
Лашкаревъ, 1789 г., 237.
Лебедевъ, П. С. проф. Николаевской академіи генеральнаго штаба, † 1875 г. Сборникъ писемъ имп. Екатерины II къ Потемкину, 33—58; 239—262; 441—478; 571—590.
Леблонъ, лб.-хирургъ 1798 г-, 716.
Лебрехтъ, 1787 г., 444.
Левашовъ, гр. Вас. Ив., ген.-маіоръ, 1788 г., 28, 31; 43; 179; 183—187; 239.
Левенгауптъ, гр. Карлъ-Эмиль, шведскій главнокоманд. Подметное воззваніе, 1708 г., 172. 173.
Левшинъ, Алсд. Павл., прапорщ., † 1812 г., 70, 71.
Левшинъ, Алексѣй Ираклiев., чл. госуд. совѣта. Сообщ. «Записки Михаила Гарновскаго», 1787—1790 гг. 1—32; 207—238; 399—440.
Левшинъ, Никл. Гавр., р. 1788 † 1845 г., 59.
Левшинъ, Никл. Павл., † 1807 г., 67, 71.
Левшинъ, Пт. Никл. Сообщ. «Записки отца своего», 59—72.
Левъ Премудрый или VI, греческ. импер., 886 г., 271.
Лейбницъ, 517.
Лейхтенбергскій, герцогъ, 75.
Ленноксъ, капит. корабля, 718.
Леоновъ, 1788 г., 11, 18.
Леонтьевъ, Никл. Никл., адъют. конной гвардіи 1796 г., 183.
Леопольдъ, братъ имп. австр. Іосифа II, 428.
Лефортъ, Францъ Яковл., ген.-адмиралъ, любимецъ Петра Великаго, 7.
Лжедимитрій, самозванецъ, 301.
Либерихъ, надв. сов., 1788 г., 6.
Ливенъ, Христоф. Андр., ген.-адъют., 1795 г., 178, 190; 426.
Лидерсъ, генер. 1844 г., 324, 375.
Лидерсъ, генер., 1855 г., 169; 203. 703.
де-Линь, принцъ, Карлъ-Іоаннъ, р. 1735 † 1814 г., 234, 239; 255, 258; 442, 457; 586.
Липранди, ген.-лейтен., 1855 г., 163—171.
Лисицынъ, сержантъ, 1787 г., 253.
Лисовскій, партизанъ 1609 г., 383.
Листъ, композиторъ, 134—146, 722.
Лихачевъ, Вас. Ив., штб.-капит., 1796 г., 183, 184.
Лихачевъ, Як. Ив., поруч. семен. пол. 1796 г., 184.
Лобановъ, кн., ген.-маіоръ 1789 г., 421; 579; 589.
Лобановъ-Ростовскій, кн. Алексѣй Борисов., ст. секрет. Сообщ. замѣтку: «Манштейны» 173 — 174; — рескрипты импер. Елисаветы 1746 г. 174—176; 303.
Ловейнъ, подпоруч., † 1788 г., 580.
Лола-Монтесъ, авантюристка, р. 1818 † 1861 г., 718—723.
Ломбардъ, 1788 г., 454.
Лоренсъ, камерд. Лолы-Монтесъ, 720, 721.
Лонгиновъ, Мих. Никл., 1.
Луиза, королева прусская, супруга Фридриха-Вильгельма III, р. 1776 † 1810 г., 64.
Луиза, жена аптекаря, 669.
Луиза Ивановна, 330—341.
Львовъ, об. кригсъ-комисаръ, 1788 г., 575.
Людвигъ, принцъ прусскій 1795 г.. 177.
Людовикъ XIV, франц. король, 241.
Людовикъ XVI, король франц., 262, 627.
Людовикъ XVIII, король франц., 62, 627.
Людовикъ, кор. баварс., 1848 г., 722.

М.

Мавринъ, капит.-поруч., 1773 г. 494.
Мавринъ, 1788 г., 19, 425, 428.
Мавроеній, 1788 г., 584.
Магденко, бригадный полковн. 1819 г., 628.

Библиотека "Руниверс"

Магницкій, Мих. Леонт., дс. стат. сов., статсъ-секрет., р. 1788 † 1844 г., 74, 77, 88.
Маденовъ, казакъ 1773 г., 493.
Майковъ, художн., 301.
Максимовичъ, 343.
Максимовичъ, Антоній, архіеписк. симб., 712.
Макулова, Елисавета Петр. см. кн. **Волконская**.
Малиновскій, 1788 г., 9, 16; 223.
Малиновскій, начальн. архива минист. иностр. дѣлъ, 1834 г., 266; 278.
Мальборумъ, 318.
Мамвинъ, секундъ-маіоръ, 1787 г., 251.
Мансура, татаринъ, 1774 г., 504.
Мансуровъ, генер., 1773 г., 486; 609; 619.
Мансуровъ, Никл. Павл., директ. Деп. Общихъ Дѣлъ, 302.
Манштейнъ, бригадиръ, Эрнестъ-Севастіанъ, 173.
Манштейнъ, Доротея, рожд. Дитмаръ, 174.
Манштейнъ, ген.-лейт. Эрнстъ Іоганнъ, составит. «Записокъ о Россіи, 174.
Марина, служанка, 337.
Марія-Доллоресъ-Поррисъ-и-Монтесъ, см. **Лола-Монтесъ**.
Марія Николаевна, великая княгиня † 1876 г., 75.
Марія Степановна, 651, 652.
Марія Ѳеодоровна, импер., упом. 4, 7, 24; 45—54; 181—188; 209—233; 246; 408—463; ея трудовъ: портретъ Екатерины II, камея 1789 г., 204; 716.
Марковскій, ген.-маіоръ, 1807 г., 71.
Марковъ, коронный повѣренный 1766 г., 395.
Марковъ, 1784 г., 54.
Марковъ, А. Т., проф. академіи, 286; 297.
Марковъ, Ѳедоръ, подполковн., 1787 г., 252.
Маршнеръ, 389—391,
Массонъ де-Вламонъ, (de Blamont), младшій, маіоръ, секретарь вел. кн. Александра Павловича, р. 1762 † 1807 г., 384—387; 593—597.
Массонъ де-Шанвилльe, (de Chanvilliers) старшій, Ив. Яковл., инспекторъ классовъ кадетскаго корпуса, 384—387; 593—597.
Массотъ, докт. 1790 г., 433.
Матвѣева, А. С. рожд. Аничкова, 200.
Матвѣева, гр. Екат. Андр., 200.
Матвѣева, гр. Марья Андр. см. **Румянцева**.
Матвѣева, гр. Настасья Ермиловна, вдова Аргамакова, 200.
Матвѣева, Наталья Андр., см. кн. **Мещерская**.
Матвѣевъ, гр. Андрей Артамонов., 200.
Матвѣевъ, гр. Ѳедоръ Андр., 200.
Матвѣевъ, частный приставъ пермской полиціи, 1812 г., 87.
Матвѣй, протопопъ, 1812 г., 78.
Маттіасъ, маіоръ, 1775 г., 509; 510.
Маузеръ, 672.
Мауреръ, композиторъ, 144, 145.
Мейсъ, бельгійскій живопис., 204.
Мекленбургъ-Стрѣлицкія принцессы, 1795 г., 177.
Меллеръ-Закомельскій, бар., инспект. арт., 1823 г., 644.
Мельхиседекъ, архимандр. Симонова монастыря, 282.
Менкобъ, 1787 г., 247.
Менцель, 513.
Меншиковъ, кн. Алсд. Серг., адм., главнокомандующій войсками въ Крыму, р. 1787 г. † 1869 г., 162; 667; 681.
Мерлинъ, дивизіон. ген.-маіоръ, 1819 г., 628—632.
Мертваго, Екат. Дмитр. см. **Загоскина**.
Мертваго, Варвара Марковна, рожден. **Полторацкая**, 94—127; 336—339.
Мессингъ, 1788 г., 27; 239.
Меттернихъ, кн., герцогъ **Партелла**, австр. государств. канцлеръ, род. 1773 † 1859 г., 74, 672.
Мехметъ-Али, 688.
Мещерская, княгиня, 1790 г., 440.
Мещерская, кнж. Марія Вас, см. **Самарина**.
Мещерская, кн. Наталья Андр., рожд. Матвѣева, 200.
Мещерскій, кн. Вас. Ив., 200.
Миллеръ, 1787 г., 255, 257.
Миллеръ, студентъ, 1832 г., 114.

Библиотека "Руниверс"

Милорадовичъ, гвардіи офиц. 1789 г., 410.
Милорадовичъ, гр. Мих. Андр., спб. воен. губернат. † 1825 г., 562, 564.
Мильковичъ, Ив. Леонт., подполковн., 1773 г., 620.
Милютинъ, Дм. Алсв., монографія его объ экспедиціи подъ Ахульго 1839 г., 353.
Минѣевъ, об.-аудиторъ, 1787 г., 253.
Минѣевъ, секундъ-маіоръ 1788 г., 490; 580.
Миняковъ, старш. докт. Дербент. воен. госпит., 1842 г., 723.
Михаилъ Николаевичъ, вел. кн., 285.
Михаилъ Павловичъ, вел. кн., 548, 639—644.
Михаилъ Ѳедоровичъ, царь, р. 1596 † 1645 г., 264—277; 304; 306.
Михельсонъ, Ив. Ив., ген.-поручикъ, потомъ ген. отъ инф., р. 1740 † 1807 г., 11 — 31; 176; 214 — 237; 301; 402—412; 446; 487—510; 572—577; 619; 627; 683; 686.
Мицкевичъ, Адамъ, поэтъ, 562.
Мишинъ, унт.-офиц. 1801 г., 193.
Мишковъ, см. **Мишинъ**.
Могилянскій, Арсеній, митроп. Кіевскій 1757 г., 289.
Моисей, епископъ новгородс., 1812 г., 78.
Моллеръ, 1789 г., 237.
Молчанова, см. **Попова**.
Мольтке, гр. прус. генералъ, 694.
Монлерикъ, артистъ 1855 г., 723.
Монморенъ, гр., французск. министръ 1787 г., 258.
Мордвиновъ, 1788 г., 475; 477.
Морошкины, братья, 1773 г., 482.
Мосальскій, ст. сов., 1812 г., 77, 78.
Моцартъ, композиторъ, 136—142.
Мочаловъ, трагич. актеръ, 514—518.
Муллакаевъ, Кедерячь, башкирскій старшина 1774 г, 505.
Муловскій, † 1789 г., 410.
Мулла-паша, 686.
Мунцель, секундъ-маіоръ, 1787 г., 251.
Муравьевъ-Апостолъ, Ив. Матв., тн. сов., полномочный мин—ръ въ Гамбургѣ, дипломатъ и писатель, р. 1769 † 1851 г., 386.
Муравьевъ-Апостолъ, Мих. Никит., р. 1757 † 1807 г., 386.
Муравьевъ, гр. Мих. Никл., ген. отъ инфант., ген.-губернат. въ Сѣверо-Западной Россіи, р. 1796 † 1866 г., 301, 302.
Муравьевъ, Никол. Назарьев., новгород. вице-губернат., впослѣдствіи тн. сов. и статсъ-секретарь, 87.
Мурзакевичъ, Н. Н. Сообщ. «Подметное воззваніе Левенгаупта, 1708 г.», 172—173.
Муромцевъ, гранильщикъ, 1790 г., 439.
Мусинъ-Пушкинъ, гр. Валентинъ Платоновичъ, фельдмаршалъ, р. 1735 † 1804 г., 4—32; 188; 209—224; 227; 402—424; 464; 476; 572.

Н.

Надеждинъ, Никл. Ив., проф. московск. унив., издат. «Телескопа» и «Молвы» 326.
Наполеонъ I, импер. французовъ, 60—72; 74; 294; 546—553; 627, 695.
Наполеонъ III, имп. французовъ, 300.
Нарышкина, Анна Никитична, статсъ-дама императ. Екатерины II, 210; 218; 400—410; 595; 596.
Нарышкина, Марина Осиповна, 1788 г. 4, 12.
Нарышкинъ, 1773 г., 495.
Нарышкинъ, об.-шенкъ, 1788 г., 590.
Нарышкинъ, Алсд. Алсд., 1787 г., 4.
Нарышкинъ, Алексѣй Алексев., 1789 г., 422.
Нарышкинъ, Алексѣй Вас., 1788 г., 210.
Нарышкинъ, Левъ Алсд., 1789 г., род. 1733 † 1799 г., 234, 237.
Нарышкинъ, Левъ Алексв., 1789 г., 422.
Нассау, кн., 1786 г., 56.
Нассау-Зигенъ, принцъ, Карлъ-Генрихъ-Николай-Оттонъ, вице-адмир., р. 1745 † 1805 г., 19; 234 - 261. 404—437; 444—456; 470—478; 571; 575; 589.
Наталья Алексѣевна, вел. кн., первая супруга Павла Петровича, рожд. принцесса Гессенъ-Дармштадская, 1776, † г. 497.
Наталья Ивановна, экономка А. И. Кучина, 530—534.
Наташа, воспит. кнг. Хованской, невѣста, потомъ жена А. И. Гер..на, см. **Захарьина**, Натл. Александр.

Библиотека "Руниверс"

Наумовъ, 1788 г., 10; 213.
Нащокинъ, Пт. Алсд., 1821 г., 632—636.
Невтонъ, 517.
Невѣровъ, унт.-офиц. изъ дворянъ, 1843 г., 370.
Нейдгардтъ, ген.-адъют., команд. отдѣльнаго кавказск. корпуса, 1843 г., 321—324; 364—375.
Нейманъ, проф. русскаго права, 73.
Нелединская - Мелецкая, Аграфена Юрьевна, см. кн. **Оболенская**.
Нелединская-Мелецкая, Марія Серг., рожд. Тиличеева, 201.
Нелединская-Мелецкая, Софья Юрьевна, см. **Самарина**.
Нелединская-Мелецкая, рожд. княгиня Хованская, 201.
Нелединскій-Мелецкій, Серг. Юрьев., † 1871 г., 201.
Нелединскій-Мелецкій, Юрій Алексд., д. тн. сов., ст.-секрет. импер. Павла, писатель, р. 1752 † 1829 г., 201.
Нелединскій, тн. сов., 1787 г., 239.
Нелюбовъ, ротмистръ, 1787 г., 253.
Неранчичъ, Дав. Гавр., генер.-маіоръ, флиг.-адъют., 1788 г., 447; 462—472.
Нессельроде, гр., 1788 г., 215, 222, 225.
Нессельроде, гр. Карлъ Вас. (Карлъ-Робертъ), госуд. канцл., р. 1780 † 1862 г., 683.
Нессельроде, гр., Максимиліанъ-Юлій-Вильгельмъ, д. тн. сов., россійскій посланникъ въ Берлинѣ, р. 1724 † 1810 г., 177; 574—578; 588.
Несторъ, лѣтописецъ, 292, 308.
Николай I, имп. Посѣщеніе Новгорода 154; возобновленіе царскихъ теремовъ въ Кремлѣ 273, 274; осмотръ моск. оруж. палаты, 275, 276; пребываніе въ Кіевѣ, 287—290; посѣщеніе Уеллинтона и Гальберга, 547—550. Планы и предначертанія, письма къ Дибичу, Паскевичу и Воронцову о войнѣ Россіи съ Турціей 1828 г. и 1853—54 гг., 671—708; Упом. 150, 159, 197, 267, 269, 278—325, 364—481, 554; 647; 712; 719.
Николай Николаевичъ, вел. кн., гусарскій полкъ его имени въ сраженіи при Черной, 1855 г., 163; упом. 285.
Никонъ, московск. патріархъ 1652 г., 304.
Никъ, (псевдонимъ) 1830 г., 89—125; 309—343; 511—528; 649—666.
Новиковъ, Степанъ, рядовой 1787 г. 253.
Новиковъ, Нкл. Ив., глава москв. мартинистовъ, † 1816 г., 604; 605.
Невоселовъ, колодникъ, 1773 г., 622.
Новосильцевъ, 102.
Нолькенъ, шведск. министръ, 1788 г., 457—476; 574.
Нортонъ, 562.
Носовъ, Тихонъ Петровъ, разсыльный, 1772 г., 612.
Ньютонъ, англ. математикъ, 526; 527.

О.

Оболенская, кн. Аграфена Юрьевна, рожд. Нелединская-Мелецкая, 201.
Оболенскій, кн. А. П., 201.
Оболенскій, 328, 341, 342.
Обольяниновъ, Петръ Хрисанфов., ген.-прокуроръ, † 1841 г., 104, 107.
Обруцкая, г-жа, 121.
Обрѣсковъ, Мих. Алексв., сенаторъ, 123; 178; 190.
Овчинниковъ, Андрей, 1773 г., 482—490; 609.
Овчинниковъ, фабрикантъ серебр. издѣлій, 305.
Огинскій, гетманъ, 1788 г., 453.
Огонь-Дагановскій, офиц., † 1807 г. 69.
Одинцовъ, капит., 1790 г., 432; 433.
Ожогинъ, Яковъ, хорунжій 1787 г., 253.
О'Коннель, 547.
Овсенстіернъ, 1788 г., 465.
Оленина, Анна Алексѣевна, 267, 268, 285.
Оленина, Елизавет. Марковна, † 1838 г. 272—285.
Оленинъ, Алексѣй Нікл., президентъ Академіи Художествъ, † 1843 г., 147—160; 263—302; 306, 307.
Оленины, 99.
Олешневичева, 564.
Олешневичъ, Іосифъ Иванов., портретн. живопис., массонъ † 1830 г., 559—566.
Олсуфьевъ, маіоръ измайлов. полка † 1783 г., 43, 45.
Олсуфьевъ, Нікл. Дмитр., адъют. вел. кн. Константина Павловича, † 1817 г. 66.

Библиотека "Руниверс"

Омеръ-Паша, турец. главнокоманд., 1853 г., 704.
Оппермaнъ, гр., полкв., 1854 г., 726.
Оранская, принцесса, 1787 г., 241.
Оранскій, принцъ, 1787 г., 242; 456.
Орбеліани, кн. маіоръ. Управленіе Аваріею, 365.
Орлова-Чесменская, гр. А. А., † 1848 г., 152—159; 292.
Орловская, 556.
Орловскій, Алексд., живописецъ, † 1830 г., 553—559.
Орловъ-Чесменскій, гр. Алексѣй Григор., ген.-аншефъ, р. 1737 † 1808 г., 28, 30; 207—212; 247, 250; 447; 481; 483; 591.
Орловъ, об.-гофмарш., 1787 г., 4.
Орловъ, полковн., 1787 г., 253.
Орловъ, гр. Владм. Григор., ген.-поруч. и директ. Акад. Наукъ, р. 1743 † 1831 г., 442, 443.
Орловъ, кн., Григор. Григор., ген.-фельдцейхмейстеръ, р. 1734 † 11783 г., 499—501; 591.
Орловы, графы, 442; 447; 591.
Осокинъ, директ. Иргинскаго завода, 1773 г., 503.
Остерманъ, гр., вице-канцлеръ 1789 г., 419.
Остерманъ-Толстой, гр. Алсд. Ив., ген. отъ инф., ген.-адъют., 627.
Офросимова, Екат. Алсдр., 114.

П.

Павелъ I, импер. Возшествіе на престолъ и коронація, 179—189; указъ 1801 г. 193, 194; проѣздъ черезъ Гатчину 1798 г., 195, 196; высылка Массона изъ Россіи 384—387. Упом: 4—31; 177—192; 209—236; 246; 410—504; 583, 586; 715—718.
Павелъ - нетлѣнный, бывшій сибирск. епископъ, 292.
Павловскій, Ив. Д. Сообщ. замѣтку о Кириллѣ Флоринскомъ, 709—712.
Павловъ, Мих. Григ., проф. московск. университета, 326; 527.
Павловъ, Н. Ф., 342.
Павловъ, правит. дѣлъ 1824 г., 643.
Поздѣевъ, 1788 г., 11.
Паленъ, гр. Петръ Алсв., ген.-губернат., р. 1745 † 1826 г., 191.
Паленъ, баронъ, морск. офиц. 1790 г., 428; 432.
Палладій, архимандр., впослѣдствіи намѣстникъ Невской лавры, 153—155.
Панина, графиня, см. **Тутолмина**.
Панина, гр. Марія Родіоновна, рожд. барон. фонъ-**Веделъ**, 344.
Панинъ, 1787 г., 442.
Панинъ, гр. Алсд. Никит., попечитель Харьковс. университета, 1835 г., 123; 329, 331, 649, 654.
Панинъ, гр. Петръ Ив., ген.-аншефъ, р. 1720 † 1789 г., 344; 509.
Папонъ, авантюристъ, 1849 г., 722, 723.
Парфеній, владимір. епископъ, 156.
Паскевичъ, кн. Варшавскій, Ив. Ѳед., фельдмарш., † 1856 г.: сраженіе при Черной, 161; война Россіи съ Турціей 1853—54 гг., 674—702. Упом. 398; 719—721; 726.
Пасковъ, дворянинъ, см, **Пассекъ**, Вас. Богд.
Пассекъ, Богданъ, 344.
Пассекъ, Богданъ Васил., 319, 322, 325.
Пассекъ, Вас. Богд., слободско-украинскій подполков., 121, 344.
Пассекъ, Никл. Богдан., 344,
Пассекъ, Петръ Богд., бѣлорус. ген.-губернаторъ, 39, 90; 121—123; 344.
Пассекъ, Петръ Петр., 90.
Пассекъ, Ѳедоръ Богдан., 344.
Пассекъ, Вадимъ Васил., писатель, 89—131; 309—350; 511—544, 649—666.
Пассекъ, Васил. Васил., 121—123; 344.
Пассекъ, Діомидъ Васил., ген.-маіоръ, р. 1807 † 1845 г., 112, 118; 309—344; 351—379.
Пассекъ, Евгеній Васил., р. 1802 † 1842 г., 118—125; 334—344.
Пассекъ, Леонидъ Васил., 118, 123; 343.
Пассекъ, Помпей Вас., 529.
Пассекъ, Екатерина Ив., 113, 131, 314—341; 524, 650.
Пассекъ, Настасья Богдан., см. баронесса фонъ-**Веделъ**.
Пассекъ, Настасья Ѳедор. см. кн. **Шаховская**.

Библиотека "Руниверс"

Пассекъ, Ольга Васил., 314.
Пассекъ, Людмила Вас., 310.
Пассекъ, Софья Богдан., см. **княгиня Кантеміръ**.
Пассекъ, Татьяна Петровна, рожд. Кучина, род. 1810 г. Ея «Воспоминанія», 1830—1836 гг., 89—131; 309—350; 511—544; 649—670.
Пассекъ, семейство, 113—131: 333—336.
Паха-Вика, вдова Ахмедъ-хана, 365.
Пахомовъ, капит., 1787 г., 252.
Пашковъ, гвард. офиц., 1790 г., 427.
Пелисье, генер. 1855 г., 167, 169.
Перевощиковъ, проф., 1833 г., 526, 527.
Перекусихина, Марья Савишна, камеръ-юнгфера имп. Екатерины II, 595.
Перовскій, гр. Вас. Алексв., ген.-адъютантъ, 321.
Перренъ, правит. канцел. генер.-фельдцейхмейстера, 1824 г., 641, 645.
Перфильевъ, Аѳанасій Петр., яицкій казакъ, главный пособникъ Пугачева, † 1775 г., 479—508.
Пестель, Ив., московс. почтъ директоръ 1790 г. 604.
Петровичъ, подполк. 1788 г., 28; 429.
Петровъ, чиновн. артиллер. деп. 639, 645.
Петръ Великій, импер. 35; 158, подметное воззваніе Левенгаупта 1708 г., 172; 264—297; 318, 319.
Петръ III, имп. Перенесеніе тѣла изъ Невскаго монастыря въ Петропавловскую церковь 1797 г., 185. Пугачевскій бунтъ, 479—508; 607—626.
Петръ Ильичъ, экономическій земской, 1772 г., 615.
Петръ Могила, Кіевскій митрополитъ, 1632 г., 288, 289.
Петръ, св., митропол. Кіевскій 288.
Пещуровъ, об.-прокуроръ 7-го деп. Сената, 344.
Пикъ, балетмейстеръ, 1790 г., 440.
Пиллаге, проф., 1788 г., 6.
Пиль, 1787 г., 259.
Питтъ, 1787 г., 245.
Платовъ, полкв. 1788 г., 459, 463.
Платонъ, митроп. московс., 1787 г., 240.
Плещеевъ, Серг. Ив., полкв. 1788 г., 2.
Плотниковъ, Савелій, казакъ, 1773 г., 480, 481.
Повалишинъ, команд. эскадры, 1790 г. 437.
Погодинъ, Мих. Петр., академ., р. 1800 † 1875 г., 281; 326; 342; 343.
Пожалостинъ, Ив. Петр., акад., граверъ на мѣди. Его трудовъ: портретъ князя Платона Зубова, гравир. на мѣди, 206; 301.
Пожидаевъ, Вас. Петр., капит. 1819 г., 628—632.
Поливановъ, 1788 г., 19.
Поликарповъ, Борисъ, протоіерей, 76.
Полторацкая, Варвара Марковна, см. **Мертваго**.
Полторацкіе, 99.
Полтьева, Марія Богдан., рожд. **Пассекъ**, 344.
Поль, команд. роты 1819 г., 629.
Померанцевъ, ученикъ, 267.
Попова, рожд. Молчанова, 202.
Поповъ, А. Н., 388.
Поповъ, Василій Ивановъ, 1772 г., 610—620.
Поповъ, Васил. Степ., правитель канцеляріи князя Потемкина-Таврическаго. Письма къ нему Мих. Гарновскаго 1787—1790 г., 1—32; 207—238; 400—440; 451—454.
Поповъ, 201.
Посъ, шведс. генер., 1788 г., 454.
Потемкина, Прасковья Александровна, 603.
Потемкинъ-Таврическій, кн. Григор. Алсдр., ген.-фельдмарш., р. 1738 † 1791 г. Въ зап. Гарновскаго 1787—1790 гг., 1—32; 207—238; 399—440; письма къ нему имп. Екатерины II 1782—1788 гг., 33—58; 239—262; 441—478; 571—590. Упом. 301; 700.
Потемкинъ, Мих. Серг., ген.-поруч. и дѣйств. каммергеръ, † 1791 г., 11, 14, 36, 45, 207—237.
Потемкинъ, гр. Пав. Серг., ген.-аншефъ, кавказ. ген. губернат., писатель р. 1743 † 1796 г., 41, 42, 441.
Потемкинъ, полковн. 1807 г., 68, 69.

Библиотека "Руниверс"

Потоцкій, гр. Феликсъ Францов. (Феликсъ-Станиславъ) воевода чермно-русскій, потомъ россійс. ген.-отъ-инфантеріи † 1805 г., 453, 454.
Пржецлавскій, О. А. Сообщ. «Бѣглые очерки: Уеллинтонъ, Гальбергъ, живописецъ Орловскій и массонъ Олешкевичъ». 545—566.
Прибытковъ, коронный повѣренный 1766 г., 395.
Пристанской, Климъ, 1787 г., 253.
Прозоровскій, кн. Алсд. Алсд., главнокоманд. въ Москвѣ 1790 г., 604; 605.
Протасова, Анна Степ., впослѣд. графиня, р. 1745 † 1826 г., камеръ-фрейлина, 8, 433, 595.
Птоломей, 526.
Пугановъ, поруч. 1787 г., 253.
Пугачевъ, Емельянъ Ивановъ, самозванецъ, бѣглый донской казакъ, † 1775 г., 479—510; 602; 607—626.
Пузинъ, 1790 г., 425.
Пулавской, 1788 г., 460.
Пулло, генер, начальникъ чеченцовъ, 1838 г., 354.
Пушкина, Анна Львовна, 202.
Пушкинъ, Алсд. Серг., поэтъ, р. 1799 † 1837 г., 143; 305; 509, 510; 554.
Пущинъ, 1787 г., 443.
Пыпинъ, А. Н., писат. и ученый, 328.
Пьяновъ, Денисъ, казакъ яицкаго войска 1772 г., 607—612.

Р.

Рагозинъ, Ив., 127, 128, 130.
Радзивилъ, 1788 г., 451.
Радивановъ, корнетъ 1787 г., 253.
Радищевъ, Алсдръ Никл., писат., род. 1749 † 1802 г., 604; 605.
Радклифъ, 534.
Разсалоичъ, чиновн. арт. департ. 1824 г. 639.
Разумовскій, гр. Андрей Кирил., посланникъ въ Швеціи, 1788 г., род. 1751 † 1823 г., 16; 454—477; 582.
Рамазановъ, курьеръ, 1812 г., 77.
Ранцовъ, 1788 г., 575.
Растиньякъ, гр., 1807 г., 61.
Расторгуевъ, 123.
Ратъ, совѣтн. посольства, 1789 г., 235.
Ратьковъ, поручикъ, 1796 г., 180.
Раутенфельдъ, 1789 г., 409—418.
Рафаилъ, митропол., 292.
Рафаэль, геніальн. живописецъ, 556.
Рахманиновъ, домовладѣлецъ, 334.
Рахманкулъ, башк. старшина 1773 г., 505.
Рахмановъ, Никл. Мих., дежурный генералъ 1789 г., 235.
Рачинской, офиц., 1788 г., 233.
Реадъ, Никл. Андр., ген.-адъют., командовавш. кавказск. корпусомъ, † 1855 г., 163—170.
Ребиндеръ, шталмейстеръ, 1788 г., 46; 215, 239.
фонъ-Реденъ (von Rheden), 391.
Резановъ, купецъ, 1812 г., 81.
Рейнегсъ, 1788 г., 5.
Рекуновъ, Несторъ, казакъ, 1787 г., 253.
Рекъ, ген.-маіоръ, 1787 г., 245—256.
Ремезовъ, камердинеръ, 1788 г., 14.
Ремплеръ, Луиза, см. **Штейнманъ**.
Ренъ, 1789 г., 404.
Репнинской, Серг. Яковл., адъют. 1795 г., 178, 179.
Репнинъ, кн. Никол. Вас., фельдмарш., р. 1734 † 1801 г., 36; 50—56; 178, 188, 245, 250, 258, 595.
Репнины, князья, 304.
Ржевской, сенат., 1789 г., 422.
Ржевускій, гр. Адамъ, 559.
Рибасъ, бригад., 1788 г, 475.
Рибопьеръ, Ив. Степ., 1788 г., 12—30; 212—236; 401—409; 463; 595.
Рибопьеръ, Осипъ Степ., 1788 г., 7.
Ридигеръ гр., Ѳед. Вас., ген.-адъютантъ, † 1856 г., 726.
Ризетти, 1790 г., 440.
Римскій-Корсаковъ, Алсд. Мих., ген.-маіоръ 1797 г., 177, 187.
Рихтеръ, сержантъ, 1787 г., 253.
Робертій, комендантъ Балтійскаго порта, 1790 г., 426.
Рогозинской, прапорщ., курьеръ 1788 года, 21.
Родіоновъ, капралъ, 1787 г., 253.
Рожерсонъ, лейбъ-медикъ, 1788 г., 26; 51, 217; 588; 716.

Библиотека "Руниверс"

Рожеръ-де-Дамасъ, гр., франц. волонтеръ 1788 г., 451, 472, 475, 478.
фонъ-Розенбергъ, Елисав. Евстаф., рожд. фонъ-Смиттенъ, 198.
фонъ-Розенбергъ, Оскаръ, полковн. Сообщ. разсказъ «Найденышъ», 194—198; 199, 200; 712, 714.
Розенталь, баронесса, см. **Лола-Монтесъ**.
Розенъ, баронъ, 1843 г., 374.
Рокасовскій, ген.-адъют., 1788 г., 575.
Ромадановскій-Ладыженскій, см. **Ладыженскій**.
Роспоповъ, А. Сообщ. Замѣтки: «Лола-Монтесъ», 718—723; «Ридигеръ и Паскевичъ», 726.
Ростопчина, гр. Евдокія Петр., рожд. Сушкова, писательница, † 1858 г., 103, 104.
Ростопчинъ, офиц., 1789 г., 414.
Ростопчинъ, гр. Ѳедр. Васил., об.-камергеръ, московс. главнокоманд., род. 1765 † 1826 г., 183, 594.
Ротари, портретистъ, 204.
Рубанъ, И. Н., ст. сов. 1787 г., 2.
Рубцовъ, Архипъ, хорунжій 1787 г., 253.
Румянцева, гр. Марья Андр., рожд. гр. Матвѣева, † 1788 г., 463.
Румянцовъ-Задунайскій, графъ Петръ Алсд., фельдмарш. р. 1725 † 1796 г., 7—17; 213—228; 40—58; 247; 408; 446—472; 574—591; 700.
Руничъ, Пав. Степ., сенат., род. 1747 † 1825 г., Ссылка на записки его о Пугачевскомъ бунтѣ, 488, 502—510.
Русановъ, секретарь военной коллегіи 1788 г., 10, 233, 402, 404, 424.
Руссо, Жанъ-Жакъ, писатель, 115.
Рылѣевъ, Н. И., с.-петерб. оберъ-полицеймейстеръ, 1787 г., 3.
Рышковъ, полковн., 191.
Рюльеръ (Claude-Charlemagne de Rulhière), секретарь французс. посольства при импер. Петрѣ III, р. 1735 † 1791 г., 386.
Рябининъ, Д. Д. Сообщ. Замѣтку о Массонѣ, авторѣ «Секретныхъ записокъ о Россіи», 384—387.

С.

Саблинъ, Никл. Ѳед., подполкв. 1822 г., 637, 638.
Сабурова, Соломонія Юрьевна, супруга вел. кн. Василія Ивановича, въ постриженіи инокиня Софія, † 1542 г. 383, 384.
Сабуровъ, ссылка на статью его «Антверпенъ», 343.
Савенко, докторъ, 291.
Савичъ, Алексѣй Никол., студентъ, впослѣдствіи проф. высш. матем. и астрономіи, акад. 115, 116; 327—343; 513.
Садыкъ, башкир. старшина 1773 г., 505.
Савиковъ, фабрикантъ серебр. издѣлій, 305.
Сазоновъ, Н. 327; 513.
Саженъ, капит.-лейт. 1788 г., 14; 467.
Саженъ (Остенъ-Сакенъ), гр. Фабіанъ Вильгельм., князь и фельдм., р. 1752 † 1837 г., 658.
Салтыковъ, гр. Ив. Петр., ген.-аншефъ 1790 г., 245; 424; 437; 438.
Салтыковъ, кн. Никл. Ив., воспитатель вел. кн. Александра и Константина Павловичей, впослѣдствіи фельдмаршалъ, р. 1736 † 1816 г., 12—26; 177; 209, 213, 227, 239; 401—437; 466; 476; 589, 594—601.
Самарина, Марія Васил., рожд. княж. Мещерская, 200.
Самарина, Софья Юрьевна, рожд. Нелединская-Мелецкая, 201.
Самаринъ, Ник. Ѳед. Сообщ. Замѣтку къ «Родословной книгѣ», 200, 201.
Самаринъ, Ѳедоръ Вас., 201.
Самборскій, протопопъ, 1788 г., 13; 416.
Самойловъ, гр. Алсд. Никл., ген.-прокуроръ, † 1812 г., 589.
Самочерновъ, коммисіонеръ, 1812 г., 78.
Санъ-Донато, князь, см. **Демидовъ**.
Сатинъ, Никл. Мих., 114; 327—343; 514; 649. 660. 666.
Сафоновъ, пермской прокуроръ, 1788 г., 215.
Сахаровъ, В. С. 199. Сообщ. «Разсказы о Як. Вас. Виллiе», 712—718.
Святой, (?) ген.-кригсъ-коммисаръ, 1783 г., 41, 45, 46.

Библиотека "Руниверс"

Святославъ Игоревичъ, вел. кн., 271; 281; 297.
Сегюръ, гр., франц. послан. въ Россіи 1787 г., 55; 243—262; 414; 444.
Селимъ-Гирей, крымскій ханъ въ XVII стол., 589.
Семеновскій, Пав., 423.
Семеновъ, Алексѣй, сельскій попъ 1772 г., 617.
Семенъ, московс. книгопродавецъ, 264, 265.
Сеньковскій, (Брамбеусъ) О. И., писатель, 543.
Сенъ-Жоржъ, чиновникъ артил. департ., 1824 г., 648.
Сенъ-Жюстъ, 520.
Сенъ-Мартенъ, ученіе его, 561.
Сентъ-При, гр. Людовикъ Францовичъ, 1807 г., 69.
Сентъ-При, (Saint-Priest) гр. Эммануилъ Францовичъ, полковн.,впослѣдствіи ген.-адъютантъ, † 1814 г., 61—69.
Сенъ-Симонъ, ученіе его, 327; 328; 525.
Сенявинъ, флагъ-капит. 1788 г., 32; 578, 579, 589.
Серапіонъ, архіепископъ Суздальскій и Тарусскій, 384.
Серафимъ, (Степанъ Глаголевской), петербург. митрополитъ, 149—155; 299.
де-Серра-Кепріоли, герцогъ 1788 г., 15.
Сибургъ, (de Sibourg), швейцарецъ, учитель, 387.
Сивемпъ, ред. газеты въ Австраліи, 1855 г., 723.
Сивяковъ, А. С. секрет. дворянскаго собранія 1833 г., 149.
Силановъ, поруч., 1840 г., 356.
Симборскій, полковн., 1840 г., 357.
Симолинъ, Ив. Матв., полномочный мн-ръ въ Парижѣ 1788 г., 463.
Симоновъ, комендантъ Яицкой крѣп., 1774 г., 482—486; 609.
Синельниковъ, офиц., 1788 г., 581.
Сиръ Флуни, 517.
Скавронская, гр. Екат. Васил., 1788 г. 7; 239.
Скарлеттъ, генер. англ. кавалеріи 1855 г., 164.
Скопинъ-Шуйскій, 304.
Скородумовъ, граверъ, 1792 г. 204.
Слизовъ, 1790 г., 432.
фонъ-Смиттенъ, эстляндскій дворянинъ, 196.
фонъ-Смиттенъ, Густавъ, адъют. 1812 г., 196—198. 714.
фонъ-Смиттенъ, Евсгафій Евстаф., поруч. 1798 † 1818 г., 194—198. 712—715.
фонъ-Смиттенъ, Елена, см. **Варклай-де Толли**.
фонъ-Смиттенъ, Елисав. Евстаф., см. **фонъ-Розенбергъ**.
Смогоржевскій, уніатскій митрополитъ 1783 г., 39.
Смоланъ, Елиз. Петр., рожд. Яковлева, 336.
Смоланъ, Карлъ Карл., докторъ, 93.
Смуровъ, купецъ, 285.
Снегиревъ, 307, 308.
Соймоновъ, 1787 г., 4; 420; 421.
Соколовскій, поэтъ, 649.
Соколовъ, дневальный серж. 1772 г., 615.
Соколовъ, докторъ 1838 г., 157.
Соллогубъ, гр. Наталья Львовна, 1788 г., 4; 236.
Соколовъ, лекарь 1842 г., 724, 725.
Солнцевъ, Ѳедр. Григ., художникъ-профессоръ; его жизнь и художественно-археологическіе труды, 147—160; 263—302; большая золотая медаль, поднесенная ему Импер. Археолог. Обществомъ, 303—308; 397.
Соломка, 124.
Соммеріо, 1783 г., 51.
Софія, инокиня, см. **Сабурова**.
Софья Алексѣевна, царевна-правительница, р. 1657 † 1704 г., 273.
Софья Дмитріева, жена Емельяна Пугачева, 1774 г., 491—506.
Сперанскій, Кузьма Мих. казанскій прокуроръ 1812 г., 79, 80.
Сперанскій, гр. Мих. Мих., государств. секрет., членъ государств. совѣта, р. 1772 † 1839 г., ссылка его въ 1812 г. 73—88, 193, 194.
Спиридовъ, 1788 г., 410; 588.
Спичинскій, гвард. прапорщ., 1789 г., 421.

Библиотека "Руниверс"

Спѣсивцовъ, Андрей, корнетъ, 1787 г., 253.
Спѣсивцовъ, Григорій, корнетъ, 1787 г., 253.
Станиславъ-Августъ, король польскій, 1787 г., 239.
Станкевичъ, 327, 350.
Старовъ, 1790 г., 440.
Стасовъ, архитекторъ, 1833 г., 153.
Стасовъ, В. В. Сообщ. письма къ нему А. Н. Сѣрова, 1842 г., 132—146.
Стевенсъ, Елисавета, вдова полковн. англ. службы, 1812 г., 79—87.
Стевенсъ, Францъ, 1812 г., 84, 85.
Стедингъ, 1789 г., 418.
Столыпинъ, Аркад. Алексв., сенаторъ, 78.
Столыпинъ, ротмистръ 1855 г., 170.
Стояновскій, Н. И. Членъ Госуд. Совѣта. Сообщ. А. Н. Оленина, 271.
Стрекаловъ, С. Ф. тн. сов. гофмаршалъ, 1787 г., 239; 418.
Строгановъ, гр. С. Г., ген.-адъют., попечит. московск. учебнаго округа 1846 г., 281, 293; 326.
Строгановъ, гр. 716.
Строевъ, П. М., членъ археографической комм. 1846 г., † 1876 г., 281; 307, 308.
Суворова-Рымникская, Натал. Алсдр., см. **Зубова.**
Суворовъ-Рымникскій, гр. Алсд. Васил., генералиссимусъ, р. 1729 † 1800 г., 182; 244—262; 398; 448; 462—473; 509; 571—597; 674.
Судіенковъ, Осипъ Степ., 1787 г., 2.
Сулима, Христофоръ, еписк. слабодоукраинск., 712.
Сумароковъ, Пт. Спиридонов., об.-шталмейстеръ, 1774 г., 509.
Сунгуровъ, 327, 328, 349.
Сусманъ, 144.
Сутерландъ, банкиръ, 1788 г., 216.
Сухаревъ, об.-прокуроръ, 1789 г., 597.
Сыстренцевичъ-Богушъ, митрополит. католическихъ церквей западной Россіи, 1783 г., 49.
Сычовъ, преміеръ-маіоръ 1787 г., 253.
Сѣверная, гр., см. имп. Марія Ѳедоровна.
Сѣверный, гр., см. имп. Павелъ I.
Сѣровъ, Алсд. Никл., р. 1820 † 1871 г., письма его къ В. В. Стасову, 1842 г., 132—146.
Сѣряковъ, Лаврентій Аксенов., акад., граверъ на деревѣ, 300: гравиров. имъ портретъ Пугачева, 510.
Сюдерманландскій, герцогъ, гравиров. 1788 г., 214; 430; 437; 473.
Сюфренъ, 1788 г, 233.

Т.

Талейранъ, франц. министръ иностранныхъ дѣлъ, 74.
Талызинъ, Петръ Алсдр., капит. 1796 г., 180.
Тальбергъ, композиторъ, 137, 146.
Татищевъ, преміеръ-маіоръ, 1788 г., 448, 574.
Татищевъ, воен. мн-ръ, 1824 г, 643.
Таубе, 1783 г., 44.
Ташина, Анна Богд., рожд. **Пасекъ**, 344.
Ташина, Варвара, 344.
Ташовъ-Хаджи, 1840 г., 355.
Твороговъ, Ив., казакъ Елецкой станицы, главный пособникъ Пугачева, 1774 г., 489—505.
Текеллій, генер., 1787 г., 257; 444.
Теплова, г-жа, 343.
Терской, офиц., 1789 г., 414.
Терентьичъ, сторожъ, 656, 658.
фонъ-Тизенгаузенъ, баронесса, Елисавета Ив., 194.
Тизенгаузенъ, гр. Пав. Ив., поручикъ, 1796 г., 182.
Тиличеева, Марія Серг., см. **Нелединская Мелецкая.**
Тимоѳей, епископъ, викарій новгородск., 1833 г., 149, 156, 159.
Титовъ, художн., 301.
Тихонравовъ, К. Н. Сообщ. грамоту 1650 г., о мощахъ инокини Софіи, в. княгини Соломоніи, 383, 384.
Тишнячевскій, Меѳодій, архіепископъ псковс., 712.
Толбухинъ, адъют. лб.-гв. Преображенскаго полка, 1796 г., 183.
Толкачевъ, Михаилъ, яицкій казакъ 1773 г., 479—486; 609.
Тонкошкуръ, Мих. Ив., писарь, 1773 г., 625.

Библиотека "Руниверс"

Толоконниковъ, подпоруч., † 1788 г., 580.
Толстой, гр. Петръ Алсдр., ген.-лейтен., впослѣдствіи ген.-отъ-инфант. и членъ госуд. сов., 79, 84.
Толь, 1790 г., 426, 673.
Томара, подполкв. 1783 г., 48.
Томичъ, маіоръ 1790 г., 32; 434.
Тонъ, К. А., профес., архитекторъ, 278.
Торвальдсенъ, скульпторъ, 517.
Тотлебенъ, ген.-адъют. 1855 г., 61.
фонъ-Траубенбергъ, генералъ-маіоръ 1773 г., 479; 481; 607.
Тревененъ, капит. 1-го ранга, 1789 г., 419, 436.
Трегубовъ, 1790 г., 603.
Тредьяковскій, Васил. Кирилл., стихотв. † 1796 г., 602.
Трейеръ, областной врачъ 1842 г., 723—725.
Трофимовскій, П. Сообщ. Замѣтку о смерти Герштенцвейга отца 203.
Трофимъ, сынъ Пугачева, 1773 г., 492; 505—508.
Трохимовскій, чиновн. арт. деп. 1824 г., 639, 646, 647.
Трощинскій, 202.
Туляковъ, 1789 г., 423.
Тумашевскій, коллежскій регистраторъ, 1812 г., 76.
Тунцельманъ, полкв., комендантъ Кинбурнской крѣпости, 1787 г., 245, 253.
Тургеневъ, Алсд. Ив., писатель, 201.
Турчаниновъ, Петръ Иван., 1789 г., 4; 237; 415, 418; 437; 452—454.
Турченковъ, Ефимъ, казакъ 1787 г., 253.
Тутолмина, рожден. графиня Панина, 344.
Тутолминъ, 1783 г., 39.
Тырсвой, 1789 г., 420.

У.

Уатъ, изобрѣтат. паровыхъ машинъ, 517.
Уварова, графиня, 1834 г., 267.
Уваровъ, полковн., 1788 г., 12, 221.
Уваровъ, Семенъ, † 1788 г., 584; 585.
Уваровъ, гр. Серг. Семен., дс. тн. сов., мин—ръ народн. просвѣщенія, 326.
Удаловъ, земской 1772 г., 618.
Уеллингтонъ, герцогъ, маркизъ де Дуро, князь Витторія, генералиссимусъ армій союзныхъ державъ 1812 г., военный мин—ръ, 546—549; 683.
Уландъ, нѣмецк. писатель, 391.
Ульская, Екат. Валерьяновна, 104, 107.
Урусова, княж. Ольга Дм., 205.
Уфимцевъ, Афанасій, казакъ 1774 г., 619.
Ушаковъ, директ. московск. Оружейной Палаты, 275.
Ушаковъ, Н., ген. отъ инфант., 1855 г., 168; 671, 690. 698.

Ф.

Фабри, австр. полковн., 1788 г, 459.
Фалькенштейнъ, гр., см. Іосифъ II.
Фатали-ханъ, 1788 г., 451.
Фатьяновъ, чиновн. артил. деп., 1824 г., 639—646.
Федръ, баснописъ., 546.
Федуловъ, казакъ, пособникъ Пугачева, 1773—1775 гг., 491—494.
Фезе, ген.-лейтен. 1838 г., 352; 360.
Фен-мулла, 1840 г., 355.
Фенишъ, полковн. 1790 г., 432.
Фенъшау, ген. 1799 г., 718.
Ферзенъ, гр. 1788 г., 454,
Фигнеръ, партизанъ, 1812 г., 627.
Филаретъ, москов. патріархъ, 304.
Филаретъ, игуменъ раскольничьяго монастыря 1772 г., 610—621.
Филаретъ, митропол. Кіевскій и Галицкій, 1842 г., 286—290.
Филаретъ, митропол. москов., 106; 156, 157; 264, 282, 283.
Филиповъ, Семенъ, крестьянинъ-раскольникъ, 1772 г., 607; 608; 612.
Филисовъ, 1782 г., 33.
Фильдъ, композиторъ, 137.
Фитингофъ, камеръ-юнкеръ 1789 г., 596.
Фишбахъ, ген.-лейт., 1853 г., 703.
Фламмаріонъ, 546.
Флоринскій, Кириллъ, еписк. Сѣвскій, † 1795 г., 709—712.
Фонъ-Визинъ, Денисъ Ив., писат., р. 1744 † 1792 г., 605.
Фонъ-Визинъ, Серг. Павл., 94.
Форстена, полковн., 1842 г., 362.

Библиотека "Руниверс"

Фотій, архимандр., настоятель новгород. Юрьева монастыря † 1838 г., 150—159; 283.
Фофановъ, Ив., казакъ 1773 г., 480—485.
Фраверъ, 1789 г., 234; 444.
Фрейманъ, ген.-маіоръ, 1773 г., 479; 480.
Фрейтагъ, ген.-маіоръ, 1843 г., 351; 371—380.
Фридрихъ Великій, король прусскій, 1795 г., 177.
Фридрихъ-Вильгельмъ III, король прусскій, 1807 г., 64; 177.
Фуадъ-Паша, 671.
Фурье, 327, 328.

Х.

Хаджи-мурадъ, аварскій уроженецъ, прапорщ. 1840 г., 357—365.
Харкевичъ, лекарь 1842 г., 723—725.
Харламовъ, Анкудинъ, 1787 г., 253.
Харчевъ, Петръ, сотникъ 1773 г., 494.
Хастатовъ, ген.-адъют. 1787 г.. 253.
Хилковъ, кн. 1807 г., 61, 636, 637.
Хлѣбниковъ, фабрикантъ, серебр. издѣлій, 305.
Хованская, княжна, см. **Нелединская-Мелецкая**.
Хованская, кн. Марія Алексв., рожд. Яковлева, 90—127.
Ховенъ, гвард. ген.-маіоръ 1821 г., 632, 636.
Ходкевичъ, А., графъ, 559.
Хорватъ, Анна Алексдр., рожд. Зубова, 594.
Хорватъ, Осипъ Ив., ген.-маіоръ 1789 г., 594.
Храповицкій, Алсд. Вас., тайн.-сов., статсъ-секрет. Екатерины II. † 1801 г., 1; 224, 225, 239; 402—420; 579; 592—603.
Христина, королева шведская, 573.
Христина, дочь Емельяна Пугачева, 1774 г., 505—508.

Ц.

Цейлеръ, колл. совѣтн. 1812 г., 74, 86.
Цимисхій, греческій импер., 271.
Цыгоровъ, 1788 г., 224.
Цыдульской, поруч. 1787 г., 253.

Ч.

Чаевскій, унт.-офиц. изъ дворянъ 1843 г., 370.
Чалищевъ, Никаноръ Ив., 533.
Чебышевъ, 1789 г., 595.
Чемезовъ, граверъ, 1762 г., портретъ Екатерины II, 204.
Черкесовъ, сотн. 1787 г., 253.
Черновъ, камердинеръ 1788 г., 14.
Чернышева, гр. Анна Родіоновна, рожд. баронесса фонъ-**Ведель**, 122; 344.
Чернышевъ, гр. Ив. Григ., ген.-фельд. марш. по флоту, р. 1726 † 1797 г., 1, 2, 225; 239; 409; 433; 452; 464; 504.
Чернышевъ, гр., военный министръ, 364: 368; 627.
Чертковъ, тн. сов., 1787 г., 239.
Чертковъ, 281.
Чертороговъ, башк. старшина 1774 г., 489.
Чистовичъ, Я. А., проф. Сообщ. замѣтки о Я. В. Виллiе, 198, 199; 712, 714.
Чичаговъ, Вас. Яков. адмиралъ и командиръ эскадры, р. 1726 † 1809 г., 233; 238; 410; 430—436; 467.
Чулковъ, спб. об.-полиціймейст., 1796 г., 182, 183.
Чумаковъ, Ѳед., яицкій казакъ, пособникъ Пугачева, 1774 г., 489—499.

Ш.

Шаберъ, 1790 г., 429.
Шагановъ, маіоръ 1843 г., 351; 370.
Шагинъ-Гирей, 1783 г., 45, 50, 55; 589.
Шамиль, имамъ кавказскій, 321—324; 351—382.
Шаховская, кн. Настасья Ѳедоровна, рожд. **Пассекъ**, 345.
Шаховскіе, князья, 344.
Шахъ-Мансуръ, 1787 г., 243.
Шварцъ, генералъ, 321.
Швензонъ, полкв., начальн. крѣпостей финляндск. округа 1824 г., 640—642.
Шевыревъ, Степ. Петр., проф., 281, 326.
Шекспиръ, писатель, 132, 138, 140.
Шеллингъ, 1830 г., 89—103.
Шереметевъ, гр. Петръ Борисов., ген.-аншефъ, об.-камергеръ, р. 1713 † 1788 г., 576.
Шестакова, Людмила Ив., рожд. Глинка. Сообщ. акростихъ М. И. Глинкѣ 1850 г., 204.
Шеферъ, 1783 г., 44.
Шешковскій, Степ. Ив., начальн. тайной канцеляріи, 1790 г., 604.
Шибель, докторъ, 555, 556.
Шигаевъ, Максимъ, 1773 г., 484; 489.
Шигона, Иванъ, бояринъ, 383.
Шиллеръ, писатель, 345; 513—516; 670.
Шиллингъ-фонъ-Канштадтъ, баронесса, Анна-Юліана, см. **Бенкендорфъ**.
Шипулинскій надв. сов., 1812 г., 76, 77.
Шишковъ, Алсд. Семен., адмир., госуд. секретарь 1812 г., мин-ръ народн. просвѣщенія, р. 1754 † 1841 г., 75.
Шкурина, Марья Вас., 1789 г., 404, 421.
Шлейснеръ, А. О. Сообщ. «Разсказъ изъ временъ Павла I», 191—193.
Шмидтъ, англ. мореход. 1790 г., 437.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1876 года.

ТОМЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ, АВГУСТЪ.

Записки и Воспоминанія.

стр.

I. Записки **Михаила Гарновскаго:** императрица Екатерина II-я и ея дворъ въ 1787—1790 гг. (окончаніе). Сообщ. А. И. Левшинъ. . . . . 1, 207 и 399

II. Домашній памятникъ **Н. Г. Левшина:** его записки и воспоминанія. 1807 г. (окончаніе). Сообщ. Н. П. Барышниковъ 59

III. Записки Ивана Степановича **Жиркевича**, 1795—1848 гг. Сообщ. В. И. Жиркевичъ и С. Д. Карповъ. Главы XII—XV. 627

IV. Моя жизнь и художественно-археологическіе труды. Разсказъ профессора **Ѳ. Г. Солнцева**, 1801—1876 гг. Главы V—VI, 1833—1876 гг. (окончаніе). . 147 и 263

V. Воспоминанія **Татьяны Петровны Пассекъ**, 1810—1842 гг. Главы XVIII—XXVI. . . 89, 309, 511 и 649

Историческіе и біографическіе очерки.

I. Главные пособники Емельяна Пугачева, очерки и разсказы по подлинному о нихъ дѣлу. 1773 — 1774 гг. Состав. И. П. . . . . 479 и 607

(Извѣстіе о поимкѣ Пугачева. Сообщ. Н. Губерти. (Стр. 509).
2) О портретѣ Пугачева (стр. 509).

Библиотека "Руниверс"

стр.

II. Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ. Историко-біографическій очеркъ, 1767—1822 гг. Главы I—II. . 591
(Замѣтка о его портретѣ (см. стр. 206).

III. Ссылка М. М. Сперанскаго въ 1812 г., историческій очеркъ по вновь открытымъ матеріаламъ 73

IV. Массонъ и его «Секретные записки о Россіи», 1800—1802 гг. Сообщ. Д. Д. Рябининъ 384

V. Бенигсенъ и его записки о Россіи 387

VI. Бѣглые очерки и разсказы: 1) Герцогъ Уеллинтонъ въ Петербургѣ въ 1826 г.; 2) Гальбергъ; 3) Живописецъ Орловскій; 4) Художникъ и массонъ Олешкевичъ. Сообщ. О. А. Пржецлавскій. . 545, 549, 553 и 559.

VII. Очеркъ военныхъ дѣйствій и событій на Кавказѣ, 1818—1850 гг., по біографіи Ф. К. Клюки-фонъ-Клугенау, написанной И. Гржегоржевскимъ, составилъ И. И. Ореусъ. Главы XV—XVI (окончаніе) . . . 351

Указы, переписка, замѣтки и разсказы.

До Петра Великаго.

I. Великая княгиня Соломонія (†1542): обрѣтеніе ея мощей. Сообщ. К. Н. Тихонравовъ 383

Царствованіе Петра I.

I. Подметное воззваніе шведскаго военоначальника графа Карла Левенгаупта при вторженіи въ Россію въ 1708 г. Сообщ. Н. Н. Мурзакевичъ 172

Царствованіе Елисаветы Петровны.

I. Генералъ Манштейнъ и его отецъ. Замѣтка. Сообщ. кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій 173

II. Графъ Александръ Головкинъ, полномочный посолъ при Берлинскомъ дворѣ, 1746 г. Сообщ. кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій 174

Царствованіе Екатерины II.

I. Императрица Екатерина II и князь Потемкинъ-Таврическій: подлинная ихъ переписка, 1782—1788 гг. 33, 329, 441 и 571

Библиотека "Руниверс"

стр.

II. Поиски морскихъ раковъ въ Бѣломъ морѣ и Ледовитомъ океанѣ, 1766 г. (съ рисунками) 394
III. Кириллъ Флоринскій, епископъ Сѣвскій, 1768 и 1771 гг. Сообщ. И. Д. Павловскій 709
IV. Замѣтка о портретѣ Екатерины II въ старости. Сообщ. Г. Н. Геннади 204

Царствованіе Павла.

I. Разсказы свѣтлѣйшаго князя П. М. Волконскаго, записанные съ его словъ А. В. Висковатовымъ, въ январѣ 1845 г. Сообщ. К. А. Висковатовъ 176
II. Рышковъ, разсказъ изъ временъ императора Павла. Сообщ. А. О. Шлейснеръ 191
III. Указъ императора Павла о казни дезертира унтеръ-офицера Мишкова, 14-го февраля 1801 г. Сообщ. Ѳ. Н. Кишенскій 193
IV. Русскій помѣщикъ и его сельско-хозяйственные разсчеты, 1797—1798 гг. Сообщ. Е. П. Карновичъ. 566

Царствованіе Александра I.

I. Яковъ Васильевичъ Вилліе, баронетъ, лейбъ-медикъ. Преданіе о его происхожденіи. Сообщ. О. фонъ-Розенбергъ съ примѣчаніемъ профессора Я. А. Чистовича 194
II. Разсказы изъ жизни Я. В. Вилліе. Сообщ. В. С. Сахаровъ. 712

Царствованія Николая I и Александра II.

I. Война Россіи съ Турціей и ея союзниками, 1853—1855 гг.:
1. Планы и предначертанія императора Николая Павловича; мнѣнія и записки князя Паскевича 671
2. Кн. М. Д. Горчаковъ и бой на рѣкѣ Черной, въ Крыму, 4-го августа 1855 г. 161
3. Пароходъ „Владиміръ“ при штурмѣ Севастополя, 27-го августа 1855 г. 398
4. Ридигеръ и Паскевичъ, 1854 г. Сообщ. А. Роспоповъ. 726

Библиотека "Руниверс"

СТР.

Русскій писатель XIX вѣка.

I. Константинъ Николаевичъ Батюшковъ. Посланіе къ А. И. Тургеневу, 1816 г. Сообщ. П. Я. Дашковъ 201

Артисты и художники.

I. Михаилъ Ивановичъ Глинка.
Акростихъ ему, составл. N. N. Сообщ. Л. И. Шестакова 204
II. Александръ Николаевичъ Сѣровъ, 1820—1871 гг.:
Письма, очерки и замѣтки его о музыкѣ, 1842 г. Сообщ. съ примѣчаніями В. В. Стасовъ . . . . . , . 132
III. Профессоръ Ѳедоръ Григорьевичъ Солнцевъ, 1801—1876 гг.:
1. Его жизнь и художественная дѣятельность (см. выше).
2. Поднесеніе 20-го мая 1876 г. Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ Обществомъ профессору Ѳ. Г. Солнцеву большой золотой медали за пятидесятилѣтнюю художественно-археологическую дѣятельность 303
IV. Александра Егоровна и Варвара Николаевна Асенковы.
Біографическая о нихъ замѣтка. 397

Замѣтки.

I. Замѣтки къ „Русской Родословной книгѣ“: 1) гр. Матвѣевы и 2) Нелединскіе-Мелецкіе. Сообщ. Н. Ѳ. Самаринъ. 200
II. Самоубійство Герштенцвейга-отца, 1848 г. Сообщ. И. Трофимовскій 203
III. Рапортъ Дербентскаго доктора, 1842 г. Сообщ. Пржецлавскій 724
IV. Лола Монтесъ и высылка ее изъ Варшавы въ 1844 г. Сообщ. А. Роспоповъ и Z. 718

Поправки и опечатки 398

Библиотека "Руниверс"

Приглашенія о пожертвованіяхъ въ пользу южныхъ Славянъ. борющихся съ Турціей за свою независимость:

I. Отъ «Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ».

II. Отъ Московскаго Славянскаго Комитета.

III. Отъ Петербургскаго Славянскаго Комитета.

Указатель личныхъ именъ находящихся въ XVI томѣ «Русской Старины» изд. 1876 г.

Портреты.

I. Представители державной власти въ Россіи, 1682—1855 гг. Рисунокъ составилъ профессоръ А. Шарлемань, рисовалъ на деревѣ К. О. Брожъ, гравировалъ академикъ Л. А. Сѣряковъ.

(См. заглавный рисунокъ).

II. Портретъ князя Платона Александровича Зубова. Гравировалъ на мѣди академикъ И. П. Пожалостинъ. Гравюра отпечатана въ Парижѣ.

(См. объ этомъ портретѣ, стр. 206).

III. Портретъ Емельяна Пугачева, съ живописнаго портрета, писаннаго въ 1774 г. съ натуры и нынѣ принадлежащаго Ревельскому историческому музею. Рисовалъ на деревѣ К. О. Брожъ, гравировалъ академикъ Л. А. Сѣряковъ.

(См. объ этомъ портретѣ стр. 509).

IV. Четыре рисунка къ перепискѣ о поискѣ морскихъ раковъ въ 1766 г.

(См. на стр. 396).

Библиотека "Руниверс"

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Исторія русской словесности древней и новой, соч. **А. Галахова**, вторая половина II-го тома, 1875. Спб. (На оберткѣ 5-й кн. «Русской Старины» 1876 г.).
2. Микула Селяниновичъ, представитель земли, поэма въ VII пѣсняхъ, соч. **А. В. Тимофѣева**, X, 440 и 300 стр., 2 ч., 1876. Спб. (Тамъ-же).
3. Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей. Спб., II и 296 стр. (Тамъ-же).
4. Половодье, картины провинціальной жизни **В. А. Инсарскаго**. Спб. 1876, XI и 493 стр. (Тамъ-же).
5. Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Т. XVI. 1875. XXX+XXI+584. Ц. 3 р. (На оберткѣ 6-й кн. «Русской Старины» 1876 г.).
6. Исторія Тверскаго княжества. **В. С. Борзаковскаго**, Спб. 1876 г., 269 стр. и 152 примѣчанія. (Тамъ-же).
7. Сводная лѣтопись, составленная по всѣмъ изданнымъ спискамъ лѣтописи **Л. И. Лейбовичемъ**. Выпускъ I. Повѣсть временныхъ лѣтъ. Спб. 1876. (На оберткѣ 7-й кн. «Русской Старины», изд. 1876 г.).
8. Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Т. XV. Спб. 1875. 655. Ц. 3 р. (Тамъ-же).
9. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами, составилъ **Ѳ. Мартенсъ**, томъ III. Трактаты съ Австріею, 1808—1815 г. Спб. 1876, 549 стр. и XIII. (На оберткѣ 8-й кн. «Русской Старины» 1876 г.).
10. Сочиненія Н. Д. Иванишева, изданныя иждивеніемъ университета св. Владиміра, подъ ред. проф. **Романовича-Славатинскаго** и библіотекаря **Царевскаго**. Кіевъ. 1876. V+451. Съ портретомъ. Ц. 2 р. 50 к. (Тамъ-же).
11. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Соч. **А. Н. Пыпина**. Спб. 1876 г., два тома въ 8-ю д. Цѣна за оба тома 4 р., въ хорошемъ переплетѣ 4 р. 50 к. (Тамъ-же).
12. Панъ Тадеушъ, поэма Мицкевича, переводъ **Н. В. Верга**. Варшава, 1875 г. въ 8-ю д. (Тамъ-же).
12. Ежегодникъ Владимірскаго губернскаго статистическаго комитета, подъ ред. **К. Н. Тихонравова**. Т. I, выпускъ 1-й, X, 310 и 26 стр.

Библиотека "Руниверс"

его литературную дѣятельность и дала, наконецъ, этой дѣятельности широкое общественное значеніе».

Р.

Панъ Тадеушъ, поэма Мицкевича, переводъ Н. В. Берга. Варшава. 1875 г. въ 8-ю д.

«Панъ Тадеушъ» считается однимъ изъ капитальныхъ произведеній Мицкевича. Оно какъ нельзя болѣе живо и поэтично воспроизводитъ бытъ, нравы, понятія и самую мѣстность Литвы въ началѣ нашего столѣтія. Все это миновало такъ безвозвратно и такъ безслѣдно, что теперь даже трудно себѣ въ воображеніи представить это прошедшее. Въ этомъ главнѣйше заключалась и трудность перевода. Характеры и лицъ, и самыхъ событій, составляя исключительность мѣста и времени, не имѣютъ въ настоящемъ ничего себѣ подобнаго, такъ что въ переводѣ они могли-бы показаться чѣмъ-то фантастическимъ, если-бы переводчику не посчастливилось сохранить въ цѣломъ тотъ традиціонный характеръ, который свидѣтельствуетъ о дѣйствительности такого прошедшаго. Но то, что содѣлывало переводъ очень труднымъ, по счастливомъ разрѣшеніи задачи, составляетъ теперь главное его достоинство. Самая завязка и развязка любовныхъ усложненій разсказа обусловливается тѣми-же особенностями, какъ и всѣ подробности. Такимъ образомъ, поэма Мицкевича въ наше время, кромѣ высокаго поэтическаго достоинства, имѣетъ прелесть совершенной оригинальности. Что касается перевода г. Берга, то о немъ мало было-бы сказать, что онъ удаченъ. Переводчикъ такъ глубоко проникнулся подлинникомъ, что во многихъ мѣстахъ достигъ его творческой высоты. Въ разсказѣ «Пана Тадеуша», на ряду съ главнымъ предметомъ, есть много эпизодовъ, гдѣ Мицкевичъ даетъ полную волю своему генію, дозволяя ему залетать въ область фантазіи. Это наиболѣе замѣчательныя мѣста поэмы, имѣющія обще-поэтическій интересъ. Такія мѣста г. Бергъ старался передать съ особенною вѣрностью и вполнѣ въ этомъ успѣлъ: въ нихъ преимущественно проявляется собственный его замѣчательный поэтическій даръ. О цѣломъ этого прекраснаго труда можно безъ преувеличенія сказать, что, на сколько это возможно, онъ замѣняетъ оригиналъ. Къ настоящему случаю вовсе не идетъ италіянская поговорка «traduttore — traditore». «Панъ Тадеушъ» г. Берга не предаетъ первообраза, а, напротивъ, даетъ объ немъ вѣрное, ясное понятіе, не роняя ни одной красоты. Переводъ этотъ есть драгоцѣнное пріобрѣтеніе для русской литературы, тѣмъ болѣе, что всѣ до сихъ поръ передаваемыя на русскомъ языкѣ творенія Мицкевича (Гражина, Валленродъ, Крымскіе сонеты, и т. д.) въ трудахъ другихъ переводчиковъ далеко не на столько удовлетворительны.

О. П.

Ежегодникъ Владимірскаго губернскаго статистическаго комитета, подъ ред. К. Н. Тихонравова. Т. I, выпускъ 1-й, X, 310 и 26 стр.

Секретарь статистическаго Владимірскаго комитета, составитель этого сборника, извѣстенъ своими трудами по части русской исторіи, археологіи и статистики. Въ предисловіи къ своему новому труду онъ обозрѣваетъ все, что сдѣлала мѣстная провинціальная печать со времени учрежденія губернскихъ статистическихъ комитетовъ и выхода первой «Памятной книжки Владимірской губерніи» въ 1862 г. Съ 1863 года вышло десять выпусковъ «Трудовъ Владимірскаго комитета», подъ редакціей того же К. Н. Тихонравова. Въ нихъ помѣщено много интересныхъ статей, по исторіи, этнографіи, археологіи, статистики, торговлѣ, промышленности, біографическія замѣтки, старинные акты и проч., но не было собственно современныхъ таблицъ по статистикѣ: о числѣ жителей по сословіямъ, вѣроисповѣданіямъ, число родившихся, умершихъ и т. п. Поэтому рѣшено было издавать ежегодно таблицы въ 4-ю долю листа для удобнѣйшаго размѣщенія таблицъ, печатая относящійся къ нимъ текстъ въ два столбца. Нельзя не сказать, однакоже, что форматъ этотъ весьма неудобенъ для чтенія, и что гораздо удобнѣе было издать «Ежегодникъ» въ обыкновенномъ форматѣ, приложивъ въ немъ таблицы величиною хоть въ листъ. Составленъ первый выпускъ этого труда— разнообразно. Въ матеріалахъ для статистики помѣщено обозрѣніе «Губернскихъ Вѣдомостей» отъ выхода перваго нумера ихъ въ 1838 году по 1874 годъ; изслѣдованіе объ охотѣ во Владимірскомъ уѣздѣ; сельская литографія въ слободѣ Мстерѣ; по этнографіи помѣщено описаніе нравовъ и обычаевъ крестьянъ въ Меленковскомъ и Муромскомъ уѣздахъ; по исторіи и археологіи: суздальская живопись, суздальскій соборный храмъ XVII вѣка, деревянная церковь той же эпохи близь Мурома и разныя украшенія въ храмахъ, дворцахъ и крестьянскомъ быту (двѣ послѣднія статьи— съ рисунками). Кромѣ того, приложено нѣсколько любопытныхъ старинныхъ актовъ, отчетъ губернскаго статистическаго комитета за 1874 г. и протоколъ годичнаго собранія этого же комитета. Нельзя не пожелать, чтобы всѣ наши губернскіе города издавали подобные «Ежегодники». Это бы, конечно, быстро подвинуло изученіе нашего отечества.

Z.

Библиотека "Руниверс"

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1876 г.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, гравированными на мѣди и на деревѣ, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины“ на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго двора, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова**, д. № 46. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева и **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☛ Гг. **Иногородные**, имѣютъ прислать свои требованія, адресуя такъ: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина“**.

Статьи, которыя помѣщаются въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“, относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII и XIX-го вѣковъ. — III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—VI. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты; эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и XIX-го вв.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старины“.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII-го и XVIII-го вв. — Стихи и пѣсни духовные и сектанскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—VIII. Библіографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческихъ книгъ.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить третье изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 года,

цѣна **ВОСЕМЬ** рублей безъ переплета и **11** руб. въ хорош. переплетѣ, съ пересылкой.

Библиотека "Руниверс"